ВЕРНЫЙ УЧЕНИК
И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ
ДЖ. Р. Р. ТОЛКИЕНА

Гай Гэвриел
КЕЙ

Львы Аль-Рассана Тигана

ДВА МИРА,
ДВЕ
ЛЕГЕНДЫ

ЭКСМО

Гай Гэвриел
КЕЙ

Львы Аль-Рассана Тигана

Гай Гэвриел

КЕЙ

Львы Аль-Рассана

Тигана

Гай Гэвриел
КЕЙ

Guy Gavriel

KAY

The Lions of Al-Rassan

Tigana

В. Секачев
ЭКСМО
МОСКВА
2005

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гай Гэвриел

КЕЙ

Львы Аль-Рассана

Тигана

В. Секачев
ЭКСМО
МОСКВА
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 33

Guy Gavriel KAY
THE LIONS OF AL-RASSAN
Copyright © 1995 by Guy Gavriel Kay
TIGANA
Copyright © 1990 by Guy Gavriel Kay

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Кей Г. Г.
К 33 Львы Аль-Рассана. Тигана: Фантастические романы / Пер. с англ. Н. Ибрагимовой. — М.: В. Секачев, Изд-во Эксмо, 2005. — 1120 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-88923-115-4 (В. Секачев)
ISBN 5-699-14151-0 (Эксмо)

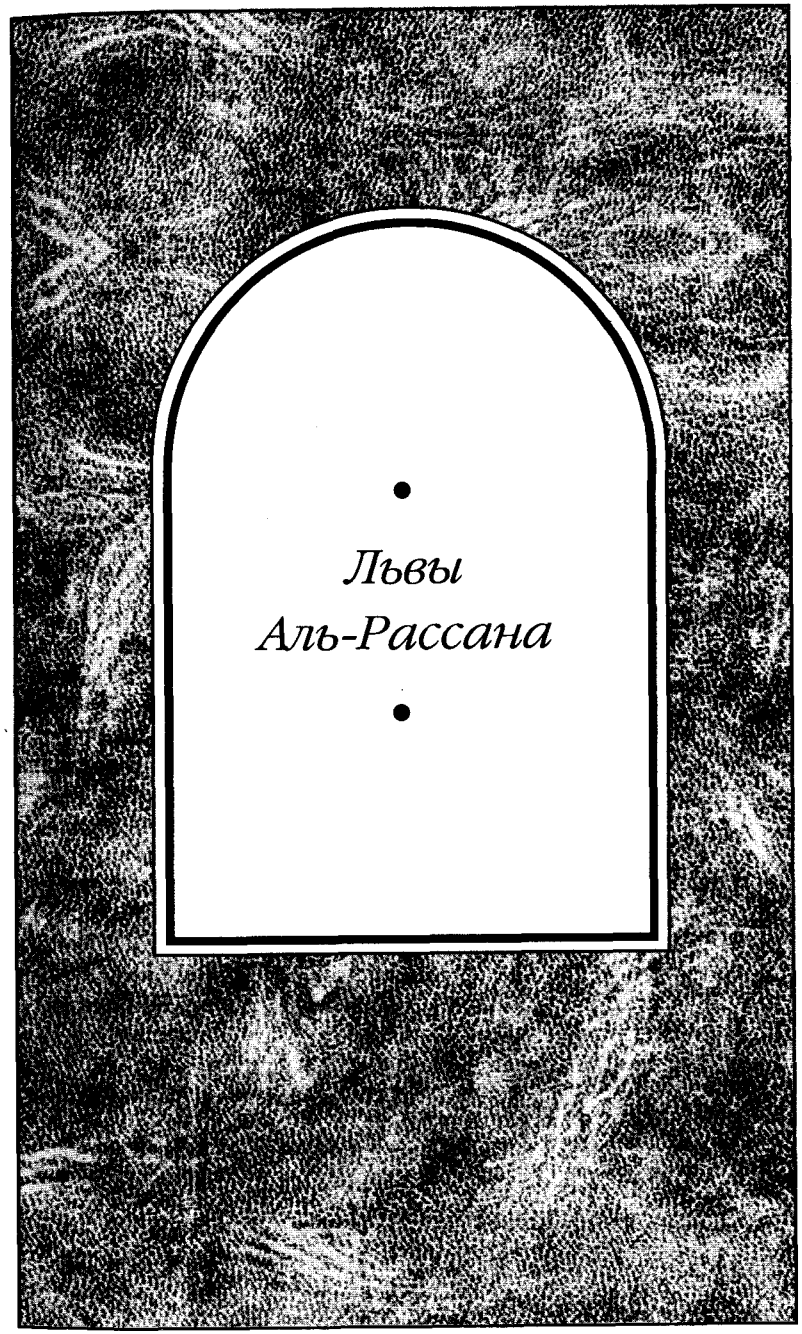
Гай Гэвриел Кей — один из самых верных учеников и последователей Дж. Р. Р. Толкиена.

Дебютировав эпопеей «Гобелены Фьонавара», принесшей ему мировую известность, Кей приобрел репутацию мастера фэнтези, которую он регулярно подтверждает своими книгами. В этот том вошли два великолепных романа Г. Г. Кея — «Львы Аль-Рассана» и «Тигана».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 5-88923-115-4
ISBN 5-699-14151-0

© Перевод. Н. Ибрагимова, 2005
© Издание на русском языке. ЧП В. Секачев, 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005



Во мне навеки этот вечер.
Ростки восхода северной луны,
Маня его неясным отраженьем,
О нем напоминают вновь и вновь.
Он навсегда во мне — мое второе «я»,
Мой путь к себе. Я сам —
Восход луны на юге.

Пол Кли.
«Тунисские дневники»

Основные персонажи:

В Аль-Рассане

(Все перечисленные ниже — ашариты, поклоняющиеся звездам Ашара, кроме отдельно отмеченных лиц)

Верховный правитель Альмалик Картадский (Лев Аль-Рассана).
Альмалик, его старший сын и наследник.
Хазем, его второй сын.
Забира, его любимая наложница.
Аммар ибн Хайран из Альджейса, его главный советник, воспитатель наследника правителя.
Эмир Бадир Рагозский.
Мазур бен Аврен, его визирь, из киндатов.
Тариф ибн Хассан, разбойник.
Идар, Абир — его сыновья.
Хусари ибн Муса из Фезаны, торговец шелком.
Джеана бет Исхак, лекарь из Фезаны, из киндатов.
Исхак бен Йонаннон, ее отец.
Элиана бет Данил, ее мать.
Велас, их слуга.

В трех королевствах Эспераньи

(Все перечисленные ниже — джадиты, поклоняющиеся богу-солнцу Джаду).

Король Эспераньи — Санчо Толстый, ныне покойный.
Король Вальедо — Раймундо, старший сын Санчо, ныне покойный.

В королевстве Вальедо (столица — Эстерен)

Король Рамиро, сын Санчо Толстого.
Королева Инес, дочь короля Фериереса.
Граф Гонзалес де Рада, министр Вальедо.
Гарсия де Рада, его брат.
Родриго Бельмонте (Капитан), воин и владелец ранчо, бывший министр Вальедо.
Миранда Бельмонте д'Альведа, его жена.
Фернан, Диего — его сыновья.
Иберо, клирик, учитель сыновей Родриго Бельмонте.
Лаин Нунес.
Мартин, Лудус солдаты отряда сэра Родриго.
Альвар де Пеллино.

В королевстве Халонья

Король Бермудо, брат Санчо Толстого.
Королева Фруэла, его жена.
Граф Нино ди Каррера, фаворит короля (и королевы).

В королевстве Руэнда

Король Санчес, младший сын Санчо Толстого, брат Рамиро Вальедского.
Королева Беарте, его жена.

В пустыне Маджрити

(За южным проливом; место обитания племен маджритийцев)

Язир ибн Кариф из племени зухритов, вождь маджритийцев.
Галиб, его брат, главнокомандующий племенами.

В странах Востока

Жиро де Шерваль, верховный клирик Джада в Фериересе.
Реццони бен Корли, киндат, лекарь и учитель из города Соренико в Батиаре.

Пролог

День только что перевалил за полдень, и скоро должен был прозвучать третий призыв на молитву, когда Аммар ибн Хайран миновал Врата Колоколов и вошел во дворец Аль-Фонтана в городе Силвенес, чтобы убить последнего из халифов Аль-Рассана.

Он прошел во Двор Львов и остановился перед теми из двойных дверей, которые вели в сады. Двери охраняли евнухи. Он знал их по именам. С ними все было улажено. Один из них слегка кивнул ему, другой отвел глаза. Он предпочитал второго. Они открыли тяжелые створки, и он вошел. Услышал, как двери за ним захлопнулись.

В это жаркое время дня в садах было пусто. Все те, кто еще оставался в увядающем великолепии Аль-Фонтаны, прятались в прохладе внутренних помещений. Они потягивали прохладные, сладкие вина или изящными, длинными зирианскими ложками вкушали шербеты, охлаждаемые в глубоких подвалах на снегу, доставленному с гор. Роскошь иной эпохи, предназначавшаяся совсем не тем мужчинам и женщинам, которые обитали здесь сейчас.

Погруженный в эти мысли, ибн Хайран бесшумно шагал через Апельсиновый Сад, потом миновал подковообразную арку, прошел в Миндальный Сад и, оставив позади следующую арку, вышел в Кипарисовый Сад, где стояло лишь одно высокое, прекрасное дерево, отражающееся в трех прудах. Каждый сад был меньше предыдущего, каждый ранил сердце своей красотой. Как сказал некогда поэт, дворец Аль-Фонтана был построен для того, чтобы ранить сердца.

В конце своего долгого пути Ибн Хайран подошел к Саду Желания, самому маленькому из всех и прекрасному, как драгоценный камень. И там, на парапете фонтана, в тихом одиночестве сидел Музафар в белых одеждах, как было заранее договорено.

Ибн Хайран поклонился еще под аркой, по глубоко укоренившейся привычке. Слепой старик не мог видеть его поклона. Через мгновение он двинулся вперед, медленно ступая, по тропинке, ведущей к фонтану.

— Аммар? — спросил Музафар, услышав его шаги. — Мне сказали, что ты придешь сюда. Это ты? Ты пришел, чтобы увести меня отсюда? Это ты, Аммар?

Так много можно было на это ответить.

— Это я, — сказал ибн Хайран, приближаясь. Он вынул из ножен кинжал. Голова старика внезапно дернулась вверх, так как он узнал этот звук. — Действительно, я пришел, чтобы освободить тебя из этого царства призраков и эха.

С этими словами он плавным движением всадил клинок по рукоять в сердце старика. Музафар не издал ни звука. Все было сделано быстро и уверенно. Ибн Хайран мог рассказать ваджи в их храмах, если когда-нибудь дойдет до этого, что обеспечил старику легкую смерть.

Он положил тело на парапет фонтана, расположив руки и ноги под белыми одеждами таким образом, чтобы мертвый старик выглядел как можно достойнее. Сполоснул клинок в фонтане, и хрустальные струи на несколько секунд стали красными. Согласно учению его народа, уходящему на многие сотни лет в глубину восточных пустынь, где зародилась вера ашаритов, убийство помазанника божьего — халифа — являлось преступлением, которое невозможно искупить. Он посмотрел на лежащего Музафара, на округлое, морщинистое лицо, нерешительное даже после смерти.

«Он не был истинным помазанником, — сказал Альмалик тогда, в Картаде. — Это все знают».

Только в этом году было четыре марионеточных халифа: один здесь, в Силвенесе, до Музафара, один в Тудеске, и еще тот несчастный ребенок в Салосе. Такому состоянию дел следовало положить конец. Те трое уже были мертвы. Музафар стал последним.

Всего лишь последним. Некогда в Аль-Рассане водились львы, львы стояли на пьедесталах в этом дворце, построенном для того, чтобы заставить людей падать на колени на мрамор и алебастр перед ослепительным доказательством славы, которую невозможно осознать.

Музафар действительно никогда не был помазан должным образом, как справедливо заметил Альмалик Картадский. Но пока двадцатилетний Аммар ибн Хайран стоял в Саду Желания у дворца Аль-Фонтана в Силвенесе и смывал со своего клинка алую кровь, ему в голову пришла мысль: что бы он ни совершил в жизни за те дни и ночи, которые Ашар и бог соблаговолят отмерить ему под круговращением их священных звезд, отныне

он навсегда станет человеком, который зарезал последнего халифа Аль-Рассана.

— Тебе лучше будет с богом, среди звезд. Теперь наступает время волков, — сказал он мертвому старику у фонтана, вытер и вложил в ножны свой кинжал и пошел обратно через идеально прекрасные пустые сады к дверям, где ждали подкупленные евнухи, чтобы выпустить его. По дороге он слышал, как одна глупая птица пела в белом, обжигающем полуденном свете, потом услышал, как зазвонили колокола, призывая всех добрых людей на святую молитву.

Часть I

Глава 1

— Всегда помни, что их родина — пустыня.

Еще до того как Джеана начала сама практиковать, когда отец еще мог разговаривать с ней и учить ее, он не раз повторял ей эти слова. Он говорил о правящих ашаритах, которые соглашались терпеть их народ рядом с собой, чтобы они трудились, не покладая рук, — как все племена киндатов, разбросанные по земле, — в надежде создать для себя уголок относительной безопасности и покоя.

— Но ведь в нашей истории тоже была пустыня, не так ли? — однажды спросила она, и ее ответный вопрос прозвучал вызовом. Ее всегда было нелегко учить, и ему, и любому другому.

— Мы прошли через нее, — ответил тогда Исхак своим красиво модулированным голосом. — Мы лишь на время остановились там по дороге. И никогда не были народом дюн. А они — народ дюн. Даже здесь, в Аль-Рассане, среди садов, воды и деревьев, звезднорожденные вечно не уверены в постоянстве подобных вещей. В душе они остаются такими же, какими были тогда, когда впервые приняли учение Ашара среди песков. Когда сомневаешься в том, как понять одного из них, вспомни об этом, и, возможно, тебе станет ясен твой путь.

В те дни, несмотря на всю строптивость Джеаны, слова отца были для нее подобны Священному Писанию. Однажды, когда она в третий раз за утро, во время утомительного занятия по приготовлению порошков и растворов, начала жаловаться, Исхак мягко предупредил ее, что жизнь врача часто бывает скучной, но не всегда, и могут настать времена, когда она будет с грустью вспоминать о тихой, рутинной работе.

Ей пришлось вызвать в своей памяти оба эти наставления, перед тем как погрузиться в сон в конце того дня, который еще долго будут вспоминать в Фезане с проклятиями как День Крепостного Рва и зажигать черные поминальные свечи.

То был день, который лекарю Джеане бет Исхак запомнится на всю жизнь по иным причинам, чем ее согражданам из этого гордого города, известного своей непокорностью: она в тот день потеряла свой флакон для мочи и еще — навсегда потеряла свое сердце.

Флакон не был пустяком, ибо являлся частью семейной истории.

Тот день начался на еженедельном базаре у Картадских ворот. Сразу после восхода солнца Джеана заняла свое место в палатке у фонтана, которая прежде принадлежала ее отцу, и успела увидеть, как последние крестьяне из сел входили в город со своими мулами, нагруженными продуктами. В белых полотняных одеждах под бело-зеленым навесом лекаря, она сидела, скрестив ноги, на подушке, готовая все утро принимать пациентов. Велас, как всегда, находился в глубине палатки и готовился отмерять и раздавать назначаемые ею лекарства, а также оберегать ее от любых трудностей, с которыми может столкнуться молодая женщина в сутолоке базара. Тем не менее неприятности ей вряд ли грозили: Джеану уже хорошо здесь знали.

Ее утро у Картадских ворот проходило в основном за приемом крестьян из загорода, но попадались и городские слуги, ремесленники, женщины, пришедшие на базар за покупками, и часто даже некоторые знатные люди, слишком экономные, чтобы заплатить за вызов лекаря на дом, или слишком гордые, чтобы их лечил дома лекарь-киндат. Такие пациенты никогда не являлись лично. Они посылали служанку с порцией мочи для диагноза и иногда со свитком, составленным писарем, где перечислялись симптомы и жалобы.

Собственный флакон Джеаны для мочи, который принадлежал прежде ее отцу, стоял на видном месте, на столе под навесом. Это был фирменный знак, вывеска семьи. Великолепный экземпляр искусства стеклодува, с выгравированными изображениями двух лун, которым поклоняются киндаты.

В каком-то смысле этот предмет был слишком красивым для повседневного использования, учитывая ту приземленную функцию, которую он выполнял. Флакон изготовил ремесленник в Лонзе шесть лет назад по заказу короля Альмалика Картадского после того, как благодаря указаниям Исхака, которые он давал из-за ширмы, отгораживающей роженицу, тяжелые роды закончились благополучным появлением на свет третьего сына Альмалика.

Когда подошел срок рождения четвертого сына, роды оказа-

лись еще более тяжелыми, но они также, в конце концов, закончились благополучно, и прославленный лекарь-киндат Исхак из Фезаны получил другой, сомнительный дар от властителя Картады. В своем роде более щедрый дар, но сознание этого факта не могло заглушить горечь Джеаны и по сей день, четыре года спустя. И эта горечь останется навсегда, в этом она была уверена.

Она назначила лекарство от бессонницы, и еще одно, от боли в желудке. Некоторые заглянули к ней, чтобы купить составленное ее отцом лекарство от головной боли. У него был несложный состав, но секрет его тщательно охранялся, как, впрочем, и состав всех микстур, придуманных лекарями: гвоздика, мирра и алоэ. Мать Джеаны целую неделю проводила за изготовлением снадобий в комнатах для приема больных в передней части их дома.

Утро закончилось. Велас бесшумно и непрерывно наполнял глиняные горшочки и кувшинчики в задней части палатки, а Джеана делала назначения. Флакон мочи, прозрачной на дне, но жидкой и бледной сверху, свидетельствовал о воспалении в груди. Джеана предписала фенхель и велела женщине прийти на следующей неделе с еще одной порцией на анализ.

Сэр Реццони из Сореники, насмешливый человек, учил, что суть успеха практикующего врача заключается в умении заставить пациентов прийти еще раз. Умершие возвращаются редко, отмечал он. Джеана вспомнила, что рассмеялась тогда; она часто смеялась в те дни, когда училась в далекой Батиаре, до рождения четвертого сына правителя Картады.

Велас принимал плату чаще всего в мелкой монете, иногда в другом виде. Одна женщина из ближней деревни, страдающая целым набором хронических недугов, каждую неделю приносила дюжину коричневых яиц.

На базаре было необычайно многолюдно. Поднимая ненадолго взгляд и расправляя ноющие плечи, Джеана с удовлетворением видела перед собой внушительную очередь пациентов. В первые месяцы после того как Джеана сменила отца в этой палатке на еженедельном приеме и в приемной их дома, пациенты не спешили с визитами. Теперь дела у нее шли не хуже, чем прежде у Исхака.

Шум в это утро стоял необычайно сильный. Должно быть, существовала какая-то причина такой возбужденной суеты, но Джеана не могла понять, какая именно. И только увидев троих светловолосых, бородатых наемников, бесцеремонно прокладывающих себе путь сквозь базарную толпу, она вспомнила. Се-

годня ваджи освящают новое крыло замка, и молодой принц Картады, старший сын Альмалика, носящий его имя, находится здесь и устраивает прием для самых знатных людей покоренной Фезаны. Даже в городе, печально известном своими мятежами, социальный статус имел значение; те, кто получил заветное приглашение на церемонию, уже многие недели чистили перышки.

Джеана почти никогда не обращала внимания на подобные вещи, как и на все другие нюансы дипломатии и войны. У ее народа существовала пословица: «Куда бы ни дул ветер, дождь прольется на киндатов». И пословица эта довольно точно отражала ее чувства.

После сокрушительного падения Халифата в Силвенесе, пятнадцать лет назад, эхо которого разнеслось по всему миру, Аль-Рассан постоянно менял союзников, порою несколько раз в год, так как мелкие правители возносились на свои престолы и падали с них с ошеломляющей регулярностью. Столь же неясным было положение и на севере, за ничейной землей, где джадиты — правители Вальедо, Руэнды и Халоньи — двое уцелевших сыновей и брат Санчо Толстого — плели интриги и воевали друг против друга. Джеана давно уже решила, что будет пустой тратой времени пытаться уследить за тем, кто из бывших рабов сел на трон или какой правитель отравил своего брата.

На базарной площади становилось все жарче, по мере того как солнце поднималось вверх на голубом небе. Не стоило удивляться: середина лета всегда была жаркой в Фезане. Джеана промокнула лоб платком из муслина и заставила себя сосредоточиться на делах. Медицине ее обучали, медицину она любила, медицина была ее убежищем от хаоса, связующим звеном между ней и отцом, отныне и до конца жизни.

Первым в очереди стоял кожевник, которого она не знала. Вместо флакона он держал в руках щербатый глиняный кувшин. Он положил рядом с ней на стойку грязную монету и виновато сморщил лицо, протягивая ей кувшин.

— Извините, — прошептал он едва слышным в шуме голосом. — Больше у нас ничего подходящего нет. Это моча моего сына. Ему восемь лет. Он нездоров.

Велас из-за ее спины незаметно взял монету; сэр Реццони учил, что для лекаря считается дурным тоном прикасаться к вознаграждению. Для этого существуют слуги, ядовито добавлял он. Он был не только ее первым учителем, но и первым любовником, когда она жила и училась вдали от дома, в Батиаре. Он переспал почти со всеми своими ученицами, а также, по слухам,

с некоторыми из учеников. У него были жена и три юные дочери, которые его обожали. Сложный, блестящий, сердитый мужчина, сэр Реццони. Но к ней он был по-своему добр из уважения к Исхаку.

Джеана ободряюще улыбнулась кожевнику.

— Не имеет значения, в каком сосуде ты принес мочу. Не извиняйся.

Судя по цвету его кожи, он был джадитом с севера, который жил здесь потому, что в Аль-Рассане имелось больше работы для искусных ремесленников. Вполне возможно, он был новообращенным. Ашариты не требовали перехода в их веру, но бремя налогов на киндатов и джадитов служило большим стимулом, чтобы уверовать в видения Ашара Мудрого в пустыне.

Она перелила образец мочи из щербатого кувшина в роскошный флакон отца, дар благодарного владыки, чей наследник сегодня прибыл сюда, чтобы отпраздновать событие, которое еще больше утверждало власть Картады над гордой Фезаной. В то загруженное работой утро у Джеаны оставалось мало времени для размышлений об иронии событий, но эти мысли всплывали сами собой: так был устроен ее мозг.

Когда жидкость оказалась во флаконе, она увидела, что моча сына кожевника имеет явственный розовый оттенок. Она покачала флакон на свету: цвет был слишком близок к красному и внушал опасения. У ребенка жар, а что еще — судить трудно.

— Велас, — тихо сказала Джеана, — смешай полынную водку с четвертью мяты. И каплю сердечной настойки для вкуса. — Она услышала, как слуга отошел в глубину палатки, чтобы приготовить лекарство.

У кожевника она спросила:

— Твой сын горячий на ощупь?

Тот с тревогой закивал головой.

— И сухой. Он очень сухой, доктор. Ему трудно глотать пищу.

— У него горячка. Дай ему лекарство, которое мы приготовим. Половину, когда придешь домой, а половину — на закате. Тебе понятно? — отрывисто проговорила она. Мужчина кивнул. Этот вопрос был необходим: некоторые посетители, особенно джадиты из сельской местности на севере, не имели представления о долях. Для таких Велас готовил два отдельных пузырька.

— Дай ему горячего супа, но только сегодня, понемногу за один раз, и сок яблок, если сможешь. Заставь его выпить все это, даже если ему не хочется. Возможно, позже его стошнит: пусть это тебя не пугает, если только в рвоте не появится кровь. Если

кровь появится, немедленно пошли за мной. Если нет, продолжай давать ему суп и сок до наступления ночи. Если твой сын сухой и горячий, они ему необходимы, понял? — Мужчина снова закивал, сосредоточенно хмуря лоб. — Перед тем как уйдешь, расскажи Веласу, как добраться до твоего дома. Завтра утром я приду посмотреть на больного.

Кожевник явно испытывал облегчение, но затем снова заколебался:

— Доктор, простите меня. У нас нет денег на оплату вашего посещения.

Джеана поморщилась. Возможно, он не новообращенный и придавлен грузом налогов, но не отказался от своего поклонения богу-солнцу, Джаду. Но кто она такая, чтобы рассуждать о свободе совести? Почти треть ее собственных заработков уходила на уплату налога киндатов, а она не причисляла себя к религиозным людям. Не многие лекари были религиозными. Другое дело — гордость. Киндаты были странниками, так они называли себя в честь двух лун, блуждающих по ночному небу среди звезд, и, с точки зрения Джеаны, они не для того забрались так далеко за столько тысячелетий, чтобы закончить свою долгую историю здесь, в Аль-Рассане. Если этот джадит испытывал те же чувства к своему богу, она могла его понять.

— Мы уладим вопрос с оплатой, когда подойдет время. На данный момент вопрос в том, нужно ли сделать ребенку кровопускание, а отсюда, с базарной площади, мне это сделать трудновато.

Она услышала смех из очереди у палатки. Но проигнорировала его и заговорила помягче. Лекари-киндаты имели репутацию самых дорогих на полуострове. «И вполне заслуженно, — подумала Джеана. — Мы единственные, кто хоть что-то знает. Но с моей стороны нехорошо упрекать людей за тревогу об оплате».

— Не бойся, — улыбнулась она кожевнику. — Я не ограблю тебя и твоего мальчика до нитки.

На этот раз рассмеялись все. Ее отец всегда говорил, что половина успеха лекаря в том, чтобы заставить пациента в него поверить. Джеана обнаружила, что здесь смех определенного рода помогает. Он внушает чувство уверенности.

— Узнай положение обеих лун и Высших Звезд в час его рождения. Если я буду пускать ему кровь, то мне нужно высчитать подходящее время.

— Моя жена знает, — прошептал мужчина. — Спасибо. Спасибо, доктор.

— До завтра, — быстро сказала она.

Из глубины палатки появился Велас с лекарством, вручил его кожевнику и забрал ее флакон, чтобы вылить в ведро рядом со стойкой. Кожевник остановился возле него, нервным шепотом объясняя, как их завтра найти.

— Кто следующий? — спросила Джеана, снова поднимая взгляд.

Теперь на базаре появилось очень много наемников правителя Альмалика. Русые гиганты с севера, из далекого Карша или Валески, или еще более грозные воины племен мувардийцев, доставленные через пролив из песков Маджрити, с закрытой нижней половиной лица и непроницаемыми черными глазами, в которых ясно читалось лишь презрение.

Почти наверняка это была намеренная демонстрация силы Картады. Вероятно, по всему городу ходили воины, получившие приказ оставаться на виду. Она запоздало вспомнила, что слышала, будто принц приехал два дня назад с официальным визитом в сопровождении пятисот воинов. Слишком много солдат для официального визита. С пятьюстами хорошими воинами можно захватить небольшой город или совершить крупный набег через тагру — ничейную землю.

Здесь нуждались в солдатах. Нынешний правитель Фезаны, опирающийся на постоянную армию, был марионеткой Альмалика. Войска наемников находились в городе под предлогом охраны от набегов со стороны государств джадитов или разбойников, бесчинствующих в селах. На деле же их присутствие было единственным фактором, удерживающим город от нового мятежа. А теперь, после пристройки нового крыла к замку, этих вояк станет еще больше.

После падения Халифата, и еще семь лет назад, Фезана была вольным городом. Свобода стала воспоминанием, а гнев — реальностью: до них докатилась вторая волна экспансии Картады. Осада продолжалась полгода, потом однажды ночью, перед наступлением зимы, кто-то открыл Салосские ворота и впустил армию в город, что и положило конец осаде. Горожане так и не узнали, кто этот предатель. Джеана помнила, как пряталась вместе с матерью в самой дальней из внутренних комнат дома в квартале киндатов, прислушиваясь к воплям и крикам битвы и потрескиванию огня. Ее отец находился по другую сторону стен,

его наняли картадцы за год до этого в качестве лекаря армии Альмалика. Такова жизнь врача. Снова ирония.

Трупы людей, облепленные мухами, висели на стенах над этими воротами и над пятью другими много недель после взятия города, их запах заглушал аромат фруктов и овощей на прилавках, словно запах чумы.

Фезана стала частью быстро растущего государства Картада. Как до нее стали Лонза, Альджейс и даже Силвенес, с его печальными руинами разграбленного дворца Аль-Фонтана. А потом и Серия, и Арденьо. Теперь даже гордой Рагозе на берегах озера Серрана грозила опасность, как и Элвире и Тудеске, находящимся на юге и юго-западе. В раздробленном Аль-Рассане, где правили мелкие властители, придворные поэты называли Альмалика Картадского Львом.

Из всех покоренных городов именно Фезана бунтовала наиболее яростно: трижды за семь лет. Каждый раз наемники Альмалика возвращались, и русые, и те, что с закутанными лицами, и каждый раз мухи и стервятники пировали на трупах, распятых на городских стенах.

Но в последнее время появилась и другая насмешка судьбы, более тонкая. Свирепый Лев Картады был вынужден признать появление не менее опасных зверей. Пускай джадиты с севера не очень многочисленны и разобщены, но они прекрасно видят открывшиеся возможности. Уже два года Фезана платила дань королю Рамиро Вальедскому. Альмалик вынужден был согласиться с этим, так как хотел избежать риска войны с самым могучим из королей-джадитов, пока сам он наводит порядок в городах своего раздробленного царства и сражается с бандами разбойников, совершающими набеги на южные холмы, и с эмиром Бадиром Рагозским, достаточно состоятельным, чтобы самому обзавестись наемниками.

Пусть Рамиро Вальедский правит обществом неотесанных пастухов и примитивных крестьян, но это также общество, организованное для войны, и Всадников Джада опасно недооценивать. Только военной мощи халифов Аль-Рассана, правивших в Силвенесе триста лет подряд, хватало на то, чтобы покорить большую часть полуострова и удерживать джадитов на севере, а для этого необходимо было совершать один рейд за другим через высокие плато тагры, и не каждый рейд заканчивался успешно.

«Если бы три короля джадитов перестали враждовать друг с другом, брат против брата и оба против дяди, — думала Джеа-

на, — на Льва-завоевателя из Картады, а заодно и на всех мелких правителей Аль-Рассана можно было бы быстро надеть намордник и оскопить их».

Что совсем не обязательно принесло бы пользу.

Снова ирония, с привкусом горечи. Кажется, ей следует надеяться на то, что самый ненавистный ей человек уцелеет. Пусть все ветры несут дождь на головы киндатов, но здесь, среди ашаритов Аль-Рассана, они нашли покой и пристанище. После многих веков странствий по земле, подобно странствиям их лун по небу, это имело очень большое значение. Они платят огромные налоги, связаны бесчисленными ограничениями, но тем не менее могут жить свободно, сколачивать состояния, поклоняться кому хотят, и самому богу, и его сестрам. А некоторые киндаты поднялись очень высоко при дворах мелких правителей.

Но ни один киндат не занимал высокой должности среди детей Джада на этом полуострове. Ее соплеменников вообще почти не осталось на севере. История — а у них была долгая история — учила киндатов, что джадиты могут терпеть их и даже приглашать к себе во времена мира и процветания, но, когда небеса темнеют, когда поднимается грозовой ветер, киндаты снова становятся странниками. Их высылают, или насильно обращают в свою веру, или они погибают в тех землях, где властвует бог-солнце.

Дважды в год отряды всадников с севера приезжали за данью «париас». Фезана дорого платила за то, что находится слишком близко от земель тагры.

Теперь поэты называют триста лет существования Халифата Золотым Веком. Джеана слышала эти песни и стихи. В те исчезнувшие дни, как бы ни раздражала людей абсолютная власть или роскошное великолепие двора в Силвенесе и как бы ваджи в своих храмах ни оплакивали разврат и отход от веры, во время сезона набегов по древним дорогам шли на север огромные армии Аль-Рассана, а потом возвращались с награбленной добычей и рабами.

Сейчас объединенные армии больше не шли на север, в ничейную землю, и если в этих пустынных степях и появятся вскоре многочисленные войска, то более вероятно, они будут состоять из всадников Джада, бога-солнца. Джеана почти убедила себя в том, что даже те последние, бессильные халифы во времена ее детства были символами золотых времен.

Она покачала головой и отвела взгляд от наемников. Следующим в очереди стоял рабочий из каменоломни. Она догадалась о его профессии по слою белой, как мел, пыли на руках и одежде мужчины. И еще она неожиданно распознала признаки подагры по его впалым щекам и по неуклюжей, скособоченной фигуре еще до того, как взглянула на густую, молочного цвета мочу, которую он ей протягивал. Странно, что у него подагра. В каменоломнях обычно страдали от болезней горла и легких. С искренним любопытством она перевела взгляд с флакона на пациента.

Джеана никогда прежде не лечила этого рабочего из каменоломни. Как, собственно говоря, и сына кожевника.

Объемистый кошелек упал перед ней на стол.

— Простите за вторжение, доктор, — произнес чей-то голос. — Могу ли я просить уделить мне часть вашего драгоценного времени? — Легкомысленные интонации и речь придворного странно звучали на базарной площади. Джеана подняла глаза и осознала, что несколько минут назад слышала смех именно этого человека.

За его спиной восходило солнце, поэтому первое его изображение было окружено ореолом света и казалось размытым: гладко выбритое лицо, по современной придворной моде, каштановые волосы. Ей не удалось как следует рассмотреть его глаза. От него пахло духами, при нем был меч. Жителям Фезаны запрещено носить мечи даже в стенах собственного города.

С другой стороны, она — свободная женщина, занимается своим законным делом в принадлежащем ей месте, и благодаря дарам Альмалика ее отцу ей нет нужды хватать кошелек, даже такой толстый, как этот.

В раздражении она нарушила правила приличия: взяла кошелек и бросила обратно незнакомцу.

— Если вам нужна помощь лекаря, то я здесь именно для этого. Но, как вы, вероятно, заметили, перед вами стоят другие люди. Когда подойдет ваша очередь, я буду рада вам помочь, если смогу. — Если бы Джеана была менее раздражена, ее могла бы позабавить официальность собственных выражений. Она все еще не могла разглядеть его как следует. Рабочий из каменоломни испуганно отступил в сторону.

— Я сильно опасаюсь, что на это у меня нет времени, — тихо ответил картадец. — Мне придется увести вас от здешних пациентов, и поэтому я предлагаю вам кошелек в качестве компенсации.

— Увести меня? — возмутилась Джеана и вскочила на ноги. Раздражение уступило место гневу. Она заметила, что несколь-

ко мувардийцев направляются к ее палатке. Джеана чувствовала, что Велас стоит прямо у нее за спиной. Ей надо быть осторожной: ради нее он мог схватиться с кем угодно.

Придворный примирительно улыбнулся и быстро поднял руку в перчатке.

— Проводить вас, — следовало мне сказать. Умоляю вас о прощении. Я чуть не забыл, что нахожусь в Фезане, где подобные любезности имеют большое значение. — Казалось, его забавляет происходящее, и это еще больше ее рассердило.

Теперь, когда Джеана встала, она ясно видела его. У него были синие глаза, как у нее самой, столь же необычные среди ашаритов, как и среди киндатов. Волосы густые, вьющиеся на жаре. Он был очень дорого одет, на нескольких пальцах рук в перчатках сверкали кольца, а единственная серьга с жемчужиной, несомненно, стоила больше, чем земное имущество всех стоящих перед палаткой в очереди. Его пояс и рукоять меча также украшали драгоценные камни; даже в кожу его туфель было вшито несколько камней. «Щеголь, — подумала Джеана, — жеманный придворный щеголь из Картады».

Однако меч был настоящий, не символический, а взгляд его глаз, в которые она сейчас смотрела, был пугающе откровенным.

И мать, и отец учили Джеану проявлять уважение, когда оно было оправданным и заслуженным, и только в этом случае.

— Подобные «любезности», как вы предпочитаете называть простую учтивость, должны иметь в Картаде не меньшее значение, чем здесь, — ровным голосом ответила Джеана. Она убрала с глаз прядь волос тыльной стороной ладони. — Я принимаю на базаре до звона полуденных колоколов. Если вы действительно нуждаетесь в визите врача на дом, я сверюсь с назначенными на вторую половину дня визитами и посмотрю, когда я свободна.

Он вежливо покачал головой. Двое воинов-мувардийцев подошли к ним.

— Я уже сказал, что у нас нет на это времени. — Казалось, его что-то по-прежнему забавляет. — Возможно, мне следует добавить, что я нахожусь здесь не по причине собственной болезни, как ни приятно было бы любому мужчине отдать себя вашим заботам. — В очереди раздался тихий смех.

Джеане не было смешно. С подобными вещами она умела справляться и уже собиралась ответить, но картадец продолжил без паузы:

— Я только что из дома вашего пациента. Хусари ибн Муса

болен. Он умоляет вас прийти к нему сегодня утром, до начала церемонии освящения в замке, чтобы ему не пришлось упустить возможность быть представленным принцу.

— О! — произнесла Джеана.

Ибн Муса постоянно страдал от камней в почках. Он был пациентом ее отца и одним из первых признал ее преемницей Исхака. Он был богат, мягок, как шелк, которым торговал, и питал слишком большое пристрастие к вкусной еде в ущерб своему здоровью. Еще он был добрым, на удивление простым в общении, умным, и его покровительство в начале ее карьеры сыграло огромную роль. Джеана любила его и беспокоилась о нем.

Учитывая его богатство, торговец шелками наверняка попал в список горожан, получивших почетное приглашение на встречу с принцем Картады. Положение отчасти прояснилось. Но не целиком.

— Почему он послал вас? Я знаю большинство его слуг.

— Но он не посылал меня, — с непринужденным изяществом возразил мужчина. — Я сам вызвался пойти. Он предупредил меня о вашем еженедельном приеме на базаре. Вы бы покинули эту палатку по просьбе слуги? Даже слуги, который вам знаком?

Джеана вынуждена была покачать головой.

— Только если бы речь шла о родах или о несчастном случае.

Картадец улыбнулся, сверкнув белыми зубами на фоне загорелого лица.

— Ибн Муса не собирается в данный момент рожать, хвала Ашару и священным звездам. С ним также не случилось никакого несчастья. Подобные его болезни вы лечили и прежде, насколько я понимаю. Он клянется, что больше никто в Фезане не знает, как облегчить его страдания. А сегодня, разумеется, день... исключительный. Может быть, вы согласитесь нарушить в этот единственный раз свой распорядок и позволите мне иметь честь проводить вас к нему?

Если бы он снова предложил ей кошелек, она бы отказалась. Если бы он не выглядел спокойным и очень серьезным, ожидая ответа, она бы отказалась. Если бы любой другой, а не Хусари ибн Муса просил ее прийти...

Позднее, оглядываясь назад, Джеана остро осознавала, что самый пустяковый жест в тот момент мог бы все изменить. Она могла бы запросто ответить этому вежливому, лощеному кар-

тадцу, что зайдет к ибн Мусе позднее, во второй половине дня. В таком случае — эта мысль все время возвращалась к ней — ее жизнь сложилась бы совсем иначе.

Лучше или хуже? Ни один мужчина, ни одна женщина не могли бы ответить на это. Да, ветры дуют и приносят дождь, но иногда также уносят прочь низкие, мрачные облака и позволяют увидеть с возвышенности великолепие восхода или заката или создают те светлые, холодные, ясные ночи, когда голубая и белая луны плывут, словно царицы, по небу, усыпанному сверкающими звездами.

Джеана велела Веласу закрыть и запереть палатку и следовать за ней. Она попросила всех, кто стоял в очереди, назвать свои имена Веласу и обещала принять их бесплатно у себя дома или на следующей неделе на базаре. Потом взяла свой флакон для мочи и позволила незнакомцу увести себя к дому ибн Мусы.

Незнакомец.

Этим незнакомцем был Аммар ибн Хайран из Альджейса. Поэт, дипломат, воин. Человек, который убил последнего халифа Аль-Рассана. Она узнала его имя, когда они пришли в дом ее пациента. Это стало первым большим потрясением того дня. Но не последним. Она потом никак не могла решить, пошла бы она с ним, если бы знала?

Если бы не пошла, ее жизнь была бы другой. Меньше ветров, меньше дождей. Возможно, она лишилась бы того прозрения, которое даруется людям, стоящим на продуваемых ветрами горных вершинах мира.

Управляющий ибн Мусы поспешно впустил ее, а затем елейным голосом приветствовал ее провожатого, назвав по имени. Он чуть не касался лбом пола, склоняясь в поклоне, и рассыпал благодарственные фразы, словно лепестки роз. Картадец ухитрился тихим голосом вставить в этот поток свои извинения за то, что не представился ей, и потом отвесил Джеане придворный поклон. Не в обычаях картадцев было кланяться неверным кинтадам. И ваджи даже утверждали, что ашаритам это запрещено под страхом публичного бичевания.

Маловероятно, чтобы усыпанный драгоценностями мужчина, кланяющийся ей, в ближайшее время рисковал быть подвергнутым бичеванию. Джеана поняла, кто он такой, как только услышала его имя. В зависимости от точки зрения Аммар ибн Хайран был одним из самых прославленных или самых печально известных людей на полуострове.

Говорили, и пели в песнях, будто он, едва достигнув возраста мужчины, в одиночку взобрался по стенам Аль-Фонтаны в Силвенесе, уничтожил десяток стражей, с боем проложил себе дорогу в Сад Кипарисов, убил халифа, потом снова в одиночку с боем выбрался из дворца, устилая свой путь мертвыми телами. В благодарность за эту услугу вновь провозглашенный правитель Картады немедленно наградил ибн Хайрана богатыми дарами и в течение последующих лет одаривал все большей властью, в том числе недавно сделал его официальным воспитателем и советником принца.

Этот статус давал совсем другую власть. Слишком много власти, как шепотом говорили некоторые. Ходили слухи, что Альмалик Картадский импульсивный, хитрый и ревнивый человек и что, по правде говоря, он не особенно любит своего старшего сына. Принц тоже не питал горячей привязанности к отцу. Это создавало неустойчивое положение. В последний год слухи, ходившие о легкомысленном, блестящем Аммаре ибн Хайране — а о нем всегда ходили слухи, — несколько изменились.

Только ни один из этих слухов не мог даже приблизительно объяснить, почему такой человек вызвался лично привести лекаря к торговцу шелком из Фезаны, чтобы этот торговец смог присутствовать на придворном приеме. На сей счет Джеана получила нечто вроде прозрачного намека в виде насмешливого выражения на лице ибн Хайрана, но этот намек был не слишком понятным.

В любом случае она выбросила из головы подобные мысли, в том числе о смущающем ее присутствии стоящего рядом мужчины, когда вошла в спальню и увидела своего давнишнего пациента. Ей хватило одного взгляда на него.

Хусари ибн Муса лежал в постели, откинувшись на множество подушечек. Раб энергично махал над ним опахалом, стараясь создать в комнате прохладу и облегчить страдания больного. Ибн Мусу нельзя было назвать мужественным человеком. Он был бледен, на его щеках блестели слезы, он всхлипывал от боли и от предчувствия боли еще худшей.

Отец учил ее, что не только храбрые и решительные заслуживают сочувствия врача. Страдание приходит и становится реальным, как бы конституция и природа человека на него ни реагировали. Один взгляд на своего страдающего пациента заставил Джеану быстро сосредоточиться и погасил ее собственное возбуждение.

Быстро подойдя к постели, Джеана заговорила самым решительным тоном:

— Хусари ибн Муса, вы сегодня никуда не поедете. Вы уже знаете эти симптомы не хуже, чем я. Вы что думали? Что вскочите с постели, сядете верхом на мула и отправитесь на прием?

Тучный мужчина на кровати жалобно застонал при одной мысли о таком напряжении сил и потянулся к ее руке. Они знали друг друга давно; она позволила ему сделать это.

— Но, Джеана, я должен поехать! Это событие года в Фезане. Как я могу не присутствовать? Что я могу поделать?

— Вы можете послать свои самые искренние сожаления и сообщить, что ваш лекарь приказал вам оставаться в постели. Если хотите по каким-то странным причинам сообщить подробности, пусть ваш управляющий объяснит, что сегодня днем или к вечеру у вас выйдет камень, и это связано с нестерпимой болью, которую может облегчить лишь лечение, лишающее вас возможности стоять прямо и разговаривать членораздельно. Если в преддверии подобного состояния вы все же намерены отправиться во дворец, я могу лишь предположить, что ваш рассудок уже поврежден страданиями. Если хотите стать первым человеком, который рухнет и умрет в новом крыле замка, то вы поедете туда, вопреки моим настояниям.

Она часто прибегала к такому тону, когда лечила его. По правде говоря, она разговаривала так же и со многими другими пациентами. Мужчины, даже самые сильные, хотели слышать голос своей матери в голосе лекаря-женщины, отдающей им распоряжения. Исхак добивался послушания больных серьезным поведением и воздействием своего звучного, красивого голоса. Джеана — женщина, к тому же еще молодая — вынуждена была выработать собственные методы.

Ибн Муса обратил отчаянный взгляд к картадскому придворному.

— Вы видите? — жалобно произнес он. — Что мне делать с таким лекарем?

Ей снова показалось, что Аммар ибн Хайран забавляется. Джеана обнаружила, что раздражение помогает ей справиться с возникшим ранее ощущением робости перед ним. Она по-прежнему понятия не имела, что смешного он находит во всем происходящем, разве что подобное поведение было просто его привычной позой и манерой циничного придворного. Возможно, ему наскучила обычная придворная рутина: божественные сестры свидетели, самой Джеане она бы наскучила.

— Полагаю, вы могли бы проконсультироваться с другим

лекарем, — проронил ибн Хайран, задумчиво поглаживая подбородок. — Но я догадываюсь, основываясь на слишком коротком собственном опыте, что эта восхитительная молодая женщина точно знает, что делает. — Он одарил ее еще одной сверкающей улыбкой. — Вы должны рассказать мне, где вы учились, когда у нас будет больше свободного времени.

Джеане не нравилось, если к ней относились, как к женщине, когда она выступала в роли врача.

— Рассказывать почти нечего, — коротко ответила она. — Два года за границей, в университете Сореники, в Батиаре, у сэра Реццони. А потом у моего отца, здесь.

— У вашего отца? — вежливо переспросил он.

— У Исхака бен Йонаннона, — сказала Джеана и была очень довольна при виде его реакции, которую он не смог скрыть. От придворного Альмалика Картадского следовало ожидать реакции на имя Исхака. То, что случилось, не было тайной.

— А! — тихо произнес Аммар ибн Хайран, поднимая брови. Он несколько мгновений смотрел на нее. — Теперь я вижу сходство. У вас глаза и рот отца. Мне следовало догадаться раньше. Вы должны были получить здесь еще лучший курс обучения, чем в Соренике.

— Рада, что соответствую вашим стандартам, — сухо ответила Джеана. Он снова улыбнулся, не смутившись, явно наслаждаясь ее попытками дать ему отпор. Джеана увидела, что у стоящего за его спиной управляющего рот открылся от ее наглости. Разумеется, они все трепетали перед этим картадцем. Наверное, Джеане тоже следовало трепетать перед ним. По правде говоря, он внушал ей трепет. Но об этом никто не должен догадаться.

— Господин ибн Хайран соблаговолил потратить на меня немало своего драгоценного времени, — слабо пробормотал Хусари с кровати. — Он явился сегодня утром по предварительной договоренности, чтобы посмотреть и купить шелка, и застал меня... сами видите, в каком состоянии. Когда он узнал о моих опасениях, что из-за приступа болезни я не смогу явиться сегодня на прием, он стал настаивать на необходимости моего присутствия... — в голосе Хусари сквозь боль явственно слышалась гордость, — и предложил мне попытаться привести сюда моего упрямого лекаря.

— А теперь я здесь и упрямо требую, чтобы все, находящиеся в этой комнате, кроме раба и вашего управляющего, соблаговолили нас покинуть. — Джеана повернулась к картадцу. — Я уверена, что один из помощников ибн Мусы сумеет помочь вам в выборе шелка.

— Несомненно, — спокойно согласился тот. — Насколько я понимаю, вы считаете, что вашему пациенту не следует являться к принцу сегодня днем?

— Он может там умереть, — напрямик заявила Джеана. Это было маловероятно, но вполне возможно, а иногда необходимо повергнуть людей в шок, чтобы они выполняли указания врача.

Картадец не был шокирован. Казалось, его снова забавляли какие-то тайные мысли. Джеана услышала за дверью шум. Это явился Велас с ее лекарствами.

Аммар ибн Хайран тоже его услышал.

— Вам надо заняться делом. Я ухожу, повинуясь приказу. Поскольку я не страдаю никаким заболеванием, которое позволило бы мне поручить себя вашим заботам на целый день, то боюсь, мне нужно присутствовать на этом приеме в замке. — Он повернулся к лежащему в постели больному: — Нет нужды посылать гонца, ибн Муса. Я передам ваши сожаления лично вместе с докладом о вашем состоянии. Поверьте мне, никаких обид не будет. Никто, и менее всего принц Альмалик, не хотел бы, чтобы вы умерли на камнях нового дворцового крыла. — Он поклонился ибн Мусе, а потом второй раз — Джеане, к явному неудовольствию управляющего, и ушел.

Последовало недолгое молчание. Молва на базаре или в храме, внезапно вспомнила Джеана, гласила, что высокородные женщины Картады, а также некоторые мужчины, по слухам, наносили друг другу серьезные увечья, соревнуясь за право находиться в обществе Аммара ибн Хайрана. Погибло два человека или три?

Джеана прикусила губу. Потрясла головой, словно для того чтобы развеять наваждение. Она сама себя удивляла. Что за досужая, бездарная сплетня, зачем она ее вспомнила, она никогда в жизни не обращала внимания на подобные слухи. Через минуту Велас поспешно вошел в комнату, и она с благодарностью принялась за работу, за свое дело. Успокаивать боль, продлевать жизнь, давать надежду на облегчение там, где ничего другого не оставалось.

* * *

Сто тридцать девять жителей Фезаны собрались в тот день, после полудня, в только что построенном крыле замка. Вскоре после этих событий в Аль-Рассане этот день стали называть Днем Крепостного Рва.

Планировка только что законченной части замка Фезаны была весьма необычной и оригинальной. Большая общая спальня для новых воинов-мувардийцев примыкала к столь же просторной трапезной, где они должны были питаться, и к соседнему храму для молитв. Печально известный Аммар ибн Хайран, который сопровождал гостей по этим помещениям, был слишком вежлив, чтобы упомянуть о причинах появления такого количества новых воинов в Фезане, но ни от кого из собравшихся знатных граждан не ускользнуло значение этих просторных помещений.

Ибн Хайран, который давал неоспоримо остроумные и безупречно учтивые пояснения, был также слишком воспитан, чтобы привлекать внимание, особенно во время праздника, к признакам продолжающихся в городе волнений и стычек. Тем не менее некоторые из гостей замка обменивались осторожными косыми взглядами. Показанное им было явно рассчитано на то, чтобы их запугать.

И даже на нечто большее.

Странные особенности планировки нового крыла стали совершенно очевидны, когда они, разодетая толпа преуспевающих горожан, прошли в тот конец трапезной, где начинался длинный коридор. Узкий тоннель, как объяснил ибн Хайран, построенный в целях обороны, вел во двор замка, где ваджи должны были совершить освящение и где их ждал принц Альмалик, наследник славного государства Картада.

Аристократия и наиболее преуспевающие купцы Фезаны по одному уходили по темному коридору в сопровождении воина-мувардийца. В конце его каждый из них, по очереди, мог увидеть сияющий солнечный свет. Они останавливались на мгновение, щурясь, почти ослепленные, на пороге света, а герольд выкликал названные ими имена приятно звучным голосом.

Когда они выходили, моргая, на ослепительный солнечный свет и шли вперед, чтобы склониться перед смутно различимой фигурой человека в белых одеждах, сидящего на подушке посередине двора, каждого гостя молниеносным взмахом меча обезглавливал один из двух воинов-мувардийцев, стоящих по обеим сторонам арки тоннеля.

Мувардийцы, которым не впервые случалось проделывать такое, получали удовольствие от своих трудов, возможно, большее, чем следовало. Разумеется, никакие ваджи не ждали во дворе замка; это крыло замка было удостоено иного освящения.

Один за другим в течение этого добела раскаленного, безоб-

лачного летнего дня представители элиты фезанского общества прошли по этому темному, прохладному тоннелю, а потом, ослепленные солнечным светом, вышли на белоснежный двор после звонкого провозглашения герольдом своих имен и были убиты. Мувардийцев тщательно отобрали. Никаких промахов. Никто не вскрикнул.

Падающие тела быстро подхватывали другие воины их племени и оттаскивали в дальний конец двора, где стояла круглая башня на берегу нового крепостного рва, который вырыли, отведя в сторону русло протекающей поблизости реки Таварес. Тела мертвых сбрасывали в воду из нижнего окна башни. Отрубленные головы небрежно бросали в кровавую груду неподалеку от того места, где сидел принц Картады, ожидающий якобы появления самых выдающихся жителей самого строптивого из городов, которым он когда-нибудь будет править, если проживет достаточно долго.

По правде говоря, принц, отношения которого с отцом были действительно не вполне теплыми, не был проинформирован об этом главном, давно спланированном пункте повестки дня. Своими действиями в тот день король Альмалик Картадский преследовал несколько целей. Принц, правда, спросил, где же ваджи. Никто не смог ответить ему на этот вопрос. После того как первый гость появился и был обезглавлен, а его отрубленная голова откатилась довольно далеко от рухнувшего тела, принц перестал задавать вопросы.

Где-то посреди этого почти молчаливого, убийственного послеполуденного действа под ослепительным солнцем, когда стервятники начали слетаться ко рву в больших количествах и кружиться над водой, некоторые воины, находившиеся в залитом кровью дворе замка, заметили, что у принца начал как-то странно, некрасиво дергаться левый глаз. Для мувардийцев это был достойный презрения признак слабости. Однако принц остался сидеть на подушке. И не шевельнулся, не заговорил, пока все не кончилось. Он смотрел, как погибают сто тридцать девять человек, склоняющихся перед ним в придворном поклоне.

Он так никогда и не избавился от нервного тика. От стресса или восторга тик возвращался и стал надежным сигналом для тех, кто хорошо знал принца, что тот испытывает сильные чувства, как бы он ни старался скрыть этот факт. Тик также стал неизбежным напоминанием — потому что весь Аль-Рассан вскоре узнал о залитом кровью летнем послеполуденном приеме в Фезане.

Полуостров знал много жестоких деяний со времен нашествия ашаритов и до них, но это было особенным, незабываемым. День Крепостного Рва. Одно из наследий Альмалика Первого, Льва Картады. Часть наследства его сына.

Бойня продолжалась еще некоторое время, после того как пятый удар колоколов снова позвал верующих на молитву. К этому времени количество птиц над рекой и рвом подсказало жителям, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Несколько любопытных детей вышли за городские стены и прошли немного на север, чтобы посмотреть, что привлекло такое множество птиц. Они принесли известие в город. В воде плавают обезглавленные тела. Вскоре после этого в домах и на улицах Фезаны зазвучали вопли.

Такие отвлекающие звуки не проникали, конечно, за стены замка, а птиц не было видно из красивой, украшенной арками трапезной. После того как последний гость ушел из нее по тоннелю, Аммар ибн Хайран, человек, который убил последнего халифа Аль-Рассана, в одиночестве прошел по коридору и вышел во двор. Солнце к этому моменту уже находилось на западе, и свет, к которому он шел по длинному, прохладному, темному коридору, стал добрым, приветливым, почти достойным того, чтобы его воспели в стихах.

Глава 2

После того как в самом начале похода на юг Альвару удалось выбраться из почти катастрофического положения, он стал считать это путешествие самым веселым временем в своей жизни. И неудивительно: он много лет лелеял мечты о нем, а реальность не всегда разрушает юношеские мечты. По крайней мере, не сразу.

Будь он по характеру менее рассудительным, он мог бы даже дать больший простор той фантазии, которая ненадолго посетила его, когда они свернули лагерь после утренней молитвы на пятое утро, к югу от реки Дюрик: ему показалось, что он уже умер и попал, по милости Джада, в рай для воинов, и ему позволено скакать за капитаном Родриго Бельмонте по летним равнинам и степям вечно.

Река осталась далеко позади, так же, как стены Карказии. Они миновали огороженные деревянным частоколом крепости Баизу и Лобар, маленькие, едва оперившиеся форпосты в пус-

тоте. Отряд теперь ехал по диким высокогорным пустошам ничейной земли, пыль вздымалась позади, а солнце нещадно жгло их — пятьдесят всадников Джада, отправившихся к сказочным городам ашаритов по приказу короля Вальедо.

А юный Альвар де Пеллино был одним из этих пятидесяти, отобранный после неполного года службы в коннице Эстерена, чтобы сопровождать великого Родриго — самого Капитана — в походе за данью в Аль-Рассан. Воистину, бывают на свете чудеса, и даруются они без объяснений, если только это не ответ бога, скрывающегося за солнцем, на молитвы его матери во время ее паломничества на остров Святой Васки.

Поскольку это было, по крайней мере, возможно, теперь каждое утро, на рассвете, Альвар обращал свое лицо на восток и благодарил Джада от всего сердца, и снова клялся на стали меча, врученного ему отцом, оправдать доверие бога. И Капитана, разумеется.

В армии короля Рамиро было немало молодых всадников. Наездники со всего Вальедо, многие в роскошных латах и на великолепных конях, происхождение некоторых из них уходило корнями в прошлое, к Древним Людям, которые правили всем полуостровом и называли его Эспераньей. Это именно они, Древние Люди, первыми познали истины бога-солнца и построили прямые дороги. И сейчас почти каждый из юных всадников охотно согласился бы выдержать недельный пост, отказаться от женщин и вина, даже совершить убийство ради возможности учиться у Капитана, находиться под пристальным наблюдением холодных серых глаз Родриго Бельмонте целых три недели. Стать членом его отряда, пусть даже только в этом единственном походе.

Видите ли, человек имеет право мечтать. Три недели могут стать лишь началом, а потом события будут развиваться, мир раскроется, словно очищенный и разделенный на дольки апельсин. Молодой всадник мог лежать ночью на попоне и смотреть вверх на яркие звезды, которым поклоняются последователи Ашара. Мог воображать, как прорубается сквозь ряды неверных, чтобы спасти самого Капитана от опасности и гибели, как его замечает сам Родриго в разгар сражения, а потом, после победы, он пьет неразбавленное вино рядом с Капитаном и его уважают и дружески приветствуют остальные воины отряда.

Юноша имеет право мечтать, не так ли?

Для Альвара проблема заключалась в том, что такие радостные картины постепенно, под влиянием почти полной ночной

тишины или длинных, тяжелых дневных переездов под солнцем бога, уступали место ярким, мучительным воспоминаниям о том, что случилось в то утро, когда они выступили в поход из Эстерена. Особенно воспоминаниям о той минуте, когда юный Альвар де Пеллино, гордость и радость своих родителей и трех сестер, выбрал совершенно неудачное место, чтобы расстегнуть штаны и помочиться, перед тем как отряд сядет на коней.

Это ведь был абсолютно разумный поступок перед дорогой.

Они собрались на рассвете в недавно пристроенном к дворцу в Эстерене дворе. Альвар, у которого голова кружилась от волнения и одновременно от усилий не подавать виду, пытался казаться как можно более равнодушным. Он не был по характеру застенчивым или робким юношей, даже сейчас, в самый момент отъезда, в глубине души боялся, мучимый дурным предчувствием, что если его кто-нибудь заметит, — например, Лаин Нунес, старый боевой товарищ Капитана, — то объявит присутствие здесь Альвара явной ошибкой, и его оставят в городе. Разумеется, у него не останется другого выхода, как только убить себя, если подобное произойдет.

В закрытом пространстве двора собрались пятьдесят человек со своими лошадьми и нагруженными вьючными мулами, поэтому не выделяться в этой сутолоке было нетрудно. Во дворе царила прохлада; это могло обмануть чужого на полуострове человека, например, наемника из Ферриереса или Валески. Но Альвар знал, что позднее станет очень жарко. Летом всегда жарко. Было шумно, люди сновали туда-сюда с досками, инструментами, катили тачки с кирпичами: король Рамиро расширял свой дворец.

Альвар в двадцатый раз проверил седло и седельные сумки, он старательно избегал встречаться с кем-либо глазами. Он пытался казаться старше своих лет, создать впечатление, будто на него навевает скуку столь обычный поход, как этот. Но у него хватало ума усомниться, что он может кого-нибудь провести.

Неожиданно во дворе появился граф Гонзалес де Рада, одетый в красно-черные одежды — даже на рассвете среди лошадей, — и Альвар почувствовал, как его лихорадочное возбуждение возросло еще больше. Он никогда прежде не видел коменданта Вальедо так близко. В отряде Родриго внезапно на мгновение воцарилась тишина, а когда суета сборов возобновилась, ее качество слегка изменилось. Альвар почувствовал, как в нем шевельнулось неизбежное любопытство, и попытался сурово его подавить.

Он видел, как переглянулись Капитан и Лаин Нунес, заметив появление графа. Родриго отошел немного в сторону от остальных и стал ждать человека, который сменил его на посту министра после коронации короля Рамиро. Адъютанты графа по его приказу остановились, и Гонзалес де Рада приблизился к Капитану один. Он широко улыбался. А Капитан, как заметил Альвар, нет. Стоящий за спиной Родриго Лаин Нунес вдруг отвернулся и демонстративно сплюнул в пыль двора.

Тут Альвар решил, что было бы неприлично наблюдать за ними и дальше, пусть даже краем глаза, как все остальные, делавшие вид, что занимаются своими конями и поклажей. Он твердо сказал себе, что всаднику Джада нет никакого дела до слов и дел больших людей. Альвар благоразумно повернулся спиной к намечающейся встрече и пошел в угол двора, чтобы заняться собственным неотложным делом в укромном месте, за фургоном с сеном.

Почему граф Гонзалес де Рада и сэр Родриго Бельмонте предпочли через минуту отойти вместе в тень этого же самого фургона, для Альвара де Пеллино навсегда осталось самой таинственной загадкой в созданном Джадом мире.

Эти два человека, как было известно во всех трех королевствах джадитов Эсперанъи, не питали любви друг к другу. Даже самые молодые воины, только что вступившие в армию короля, слышали кое-что из придворных сплетен. Историю о том, как Родриго Бельмонте потребовал на коронации короля Рамиро, чтобы новый король поклялся в непричастности к смерти своего брата, и только после этого согласился принести клятву верности, знал каждый из них. Она была частью легенды о Капитане.

Возможно, это даже правда, цинично шепнул Альвар своим собутыльникам в ту ночь в солдатской таверне. Он уже прославился подобными замечаниями. Хорошо, что он умел драться. Отец не раз предупреждал его еще дома, на ферме, что острый язык в армии Вальедо может стать скорее помехой, чем достоинством.

Какие бы остроумные замечания ни отпускали молодые солдаты, правда заключалась в том, что хотя Родриго Бельмонте и дал клятву верности и король Рамиро принял его в число своих людей, но назначил новый король своим министром Гонзалеса де Раду, а эту должность Родриго занимал при покойном короле Раймундо. Следовательно, именно граф Гонзалес формально отвечал, среди прочего, за отбор молодых людей из всего Вальедо на службу в армию короля.

Почти все молодые всадники придерживались мнения, что если хочешь пройти настоящее обучение, то надо делать все возможное, чтобы отправиться в поход с Капитаном. А если хочешь войти в число элитных солдат полуострова и всего мира, то отдашь деньги, землю, сестер, собственное юное тело любому, кто сможет устроить тебя в отряд Родриго.

Только далеко не любой мог пристроить тебя туда, даже за такую цену. Капитан сам делал свой выбор, часто весьма неожиданный, и его единственным советчиком был старый Лаин Нунес. Лаин явно не интересовался теми наслаждениями, которые могли подарить юные мальчики, а что касается Капитана... ну, сама подобная мысль была почти святотатством, и, кроме того, Миранда Бельмонте д'Альведа была самой прекрасной женщиной на свете. Так утверждали все молодые люди в Эстерене, хотя почти никто из них ее никогда не видел.

Альвар де Пеллино в то утро стоял и мочился на колесо фургона в боковом дворе у дворца в Эстерене и случайно услышал вещи, для его ушей не предназначенные. Он был одним из тех, кто никогда не встречался с женой Капитана, да и вообще ни с кем не встречался по-настоящему. Прошло меньше года с того времени, как он покинул ферму на северо-западе. Он все еще не мог поверить, что его возьмут в поход в это утро.

Он услышал шаги и голоса, приближающиеся к дальнему от него краю фургона; это его не слишком встревожило. Возможно, некоторым обязательно нужно было остаться в одиночестве, чтобы опорожнить мочевой пузырь или кишечник; такие долго в армии не задерживались. Но только он успел подумать об этом, как мышцы в промежности Альвара сжал спазм, такой сильный, что совершенно перекрыл струйку жидкости. Он задохнулся, узнав недовольный голос Капитана, а потом понял, что голос второго человека, звучащий, словно медленно текущий мед, принадлежит графу Гонзалесу.

Решение следовало принимать быстро, и Альвар де Пеллино принял, как потом оказалось, неверное решение. Охваченный паникой и неразумным стремлением остаться незамеченным, Альвар чуть не навредил своему здоровью тем, что задержал остатки жидкости и затаился. Он страстно надеялся, что эти двое пришли сюда только для того, чтобы обменяться колкими шуточками.

— Я мог бы устроить так, что твоих сыновей убьют, а ранчо сожгут, — сказал Гонзалес де Рада довольно приветливым тоном, — если ты доставишь мне хлопоты.

Альвар решил, что самым разумным будет на время перестать дышать.

— Попробуй, — резко ответил капитан. — Мальчикам будет полезно потренироваться в отражении нападения, пусть и неумелого. Но, прежде чем ты уйдешь, объясни мне, почему хлопоты доставлю тебе я, а не твой мерзкий братец.

— Если де Рада хочет совершать набеги на Аль-Рассан, какое тебе до этого дело, Бельмонте?

— Вот как! Хорошо. Если дело обстоит так, то зачем просить меня закрыть глаза и притвориться, будто я его не вижу?

— Я только пытаюсь уберечь тебя от неловкого...

— Не надо считать всех остальных дураками, де Рада. Я собираю дань с Фезаны для короля. Единственное, чем обоснована законность уплаты этой дани, — это то, что Рамиро официально гарантировал безопасность городу и окружающим его селам. Не только от разбойников, от своего брата в Руэнде или от других мелких правителей Аль-Рассана, но и от шутов из собственной страны. Если твоему брату хочется играть в налетчика ради собственного удовольствия, то лучше ему не заниматься этим у меня на глазах. Если я замечу его поблизости от Фезаны, то разделаюсь с ним от имени короля. Ты сделаешь ему одолжение, если доведешь это до его сведения. — Теперь в голосе Капитана уже не было ни недовольства, ни иронии, ничего, кроме железа.

Воцарилось молчание. Альвар слышал, как Лаин Нунес резким голосом отдает приказы возле коней. Голос его звучал сердито. Это случалось часто. Несмотря на все усилия, Альвар испытывал настоятельную необходимость вздохнуть и постарался проделать это как можно тише.

— Не испытываешь ли ты некоторой озабоченности, — произнес Гонзалес де Рада обманчиво серьезным, почти мягким тоном, — уезжая в земли неверных после того, как так грубо разговаривал с министром Вальедо, и покидая свою бедную жену на ранчо одну, с детьми и слугами?

— Отвечу одним словом — нет, — сказал Капитан. — Во-первых, ты слишком ценишь собственную жизнь, чтобы стать моим настоящим врагом. Я не буду говорить недомолвками: если я узнаю, что кто-нибудь из твоих подчиненных замечен неподалеку от моего ранчо, то я знаю, как действовать, и буду действовать. Надеюсь, ты меня понимаешь. Я хочу сказать, что убью тебя. Во-вторых, возможно, у меня есть свои соображения по поводу восшествия на трон нашего короля, но я считаю его человеком справедливым. Как ты думаешь, что сделает Рамиро, когда гонец в точности передаст ему этот наш разговор?

В голосе Гонзалеса де Рады зазвучала насмешка.

— Ты поставишь свое слово против моего перед королем?

— Думай, приятель, — нетерпеливо ответил Капитан. Альвар уже знал этот тон. — Ему и не надо мне верить. Но когда до него дойдут твои угрозы, — и при свидетелях, я тебе это обещаю, — как должен будет поступить король, если что-то случится с моей семьей?

Снова воцарилось молчание. Когда де Рада снова заговорил, из его голоса исчезла насмешка:

— Ты ему действительно расскажешь об этом? Неразумно. Ты не оставляешь мне выхода, Бельмонте.

— А ты мне. Подумай об альтернативе, прошу тебя. Сыграй роль старшего, мудрого брата. Скажи этому забияке, мужчине-ребенку Гарсии, что нельзя позволить его играми компрометировать законы и дипломатию короля. Неужели это такая уж невыполнимая обязанность для министра Вальедо?

На этот раз молчание длилось дольше. Потом де Рада осторожно произнес:

— Сделаю все, что смогу, чтобы он не попадался на твоем пути.

— А я сделаю все возможное, чтобы заставить его пожалеть, если он попадется. Если он не проявит уважения к словам своего старшего брата. — Голос Родриго не выражал ни торжества, ни снисхождения.

— Теперь ты не станешь докладывать королю о нашем разговоре?

— Мне надо это обдумать. К счастью, у меня действительно есть свидетель, на тот случай, если он мне понадобится. — И после этих слов Капитан произнес, слегка повысив голос: — Альвар, заканчивай свое дело, ради бога, ты так долго этим занимаешься, что мог уже затопить весь двор. Иди сюда и позволь мне представить тебя министру.

Альвар почувствовал, что его сердце внезапно оказалось значительно выше, чем ему положено быть, и обнаружил, что пересох, как пески пустыни. Он дрожащими пальцами застегнул пуговицы на штанах и растерянно вышел из-за фургона. Красный от смущения и страха, он увидел, что лицо графа Гонзалеса стало не менее красным, а в его глубоко посаженных карих глазах прочел ярость.

Голос Родриго звучал невозмутимо, словно он не замечал их чувств.

— Господин граф, примите поклон от члена моего отряда в этой поездке, сына Пеллино де Дамона. Альвар, поклонись министру.

Сбитый с толку, потрясенный до глубины души, Альвар повиновался приказу. В ответ на его поклон Гонзалес де Рада коротко кивнул. Выражение лица графа было холодным, как зима на севере, когда дуют ветра. Он сказал:

— Кажется, я знаком с твоим отцом. Он командовал крепостью на юго-западе при короле Санчо, не так ли?

— Караулом Мараньи, это правда, господин. Большая честь для меня, что вы были так добры и вспомнили его. — Альвар удивился тому, что голос слушается его настолько, что он может произнести эти слова. Он не поднимал глаз.

— А где твой отец сейчас?

Невинный вопрос, вежливый вопрос, но Альвар, после услышанного с противоположной стороны фургона, уловил в нем слабый намек на опасность. Тем не менее у него не было выбора. Этот вопрос задал министр Вальедо.

— Ему позволили выйти в отставку, господин, после полученного во время набега ашаритов ранения. Теперь он держит ферму на севере.

Гонзалес де Рада долгое мгновение молчал. Наконец он прочистил горло и сказал:

— Если мне не изменяет память, твой отец славился своим благоразумием.

— И верностью своим командирам на службе, — быстро вставил Капитан, пока Альвар не успел ничего на это ответить. — Альвар, тебе лучше сесть на коня, не то Лаин сдерет с тебя шкуру за то, что ты нас задерживаешь.

Благодарный Альвар поспешно поклонился обоим мужчинам и поспешил в противоположный конец двора, где ждали кони и солдаты, живущие в гораздо более простом мире, чем тот, с которым он нечаянно соприкоснулся возле фургона.

В конце утра того же дня сэр Родриго Бельмонте покинул свое место в голове колонны и кивком подозвал к себе Альвара.

Сердце Альвара сильно билось в предчувствии катастрофы, когда они с Капитаном отъехали немного в сторону от фланга походной колонны. Они двигались по Варгаским Холмам, одной из самых красивых местностей Вальедо.

— Лаин родился в деревне за той западной грядой, — непри-

нужденным тоном заметил Капитан. — Так он, по крайней мере, говорит. А я ему говорю, что это ложь. Он вылупился из яйца на болоте таким же лысым при рождении, как сегодня.

Альвар слишком нервничал, чтобы рассмеяться. Ему удалось лишь вымученно улыбнуться. Он впервые остался наедине с сэром Родриго. Опороченный Капитаном Лаин Нунес ехал впереди и снова хриплым голосом отдавал приказы. Скоро предстоял полуденный привал.

Капитан продолжал тем же мягким тоном:

— Я слышал, что некогда в Аль-Рассане жил один человек, который боялся покинуть пиршественный стол халифа, чтобы помочиться. Он так долго терпел, что у него лопнул пузырь и он умер, еще до того как подали десерт.

— Я могу в это поверить, — с жаром ответил Альвар.

— Что тебе понадобилось там, за фургоном? — спросил Капитан. Его тон еле заметно изменился.

Альвар только об этом и думал, с тех пор как всадники оставили за спиной стены Эстерена. Он удрученно ответил:

— Мне следовало прочистить горло или кашлянуть.

Родриго Бельмонте кивнул:

— Свистнуть, запеть, плюнуть на колесо. Что угодно, чтобы дать нам знать о твоем присутствии. Почему ты этого не сделал?

Хорошего, умного ответа не подвернулось, поэтому Альвар сказал правду:

— Я боялся. Я все еще не мог поверить, что вы возьмете меня в этот поход. Мне не хотелось быть замеченным.

Капитан снова кивнул. Он смотрел мимо Альвара на уходящие вдаль холмы и густой сосновый лес на западе. Потом перевел пронизывающий взгляд ясных серых глаз на Альвара.

— Ладно. Урок первый. Я не допускаю ошибок, отбирая людей в свой отряд, даже на время короткого похода. Если тебя выбрали, значит, на то была причина. Понятно?

Альвар энергично кивнул. Набрал воздуха и выпустил его. Не успел он ничего ответить, как Капитан продолжил:

— Урок второй. Скажи, как ты думаешь, почему я заставил тебя выйти из-за фургона? Я ведь нажил тебе врага — второго по могуществу человека в Вальедо. Не слишком благородно с моей стороны. Зачем я это сделал?

Альвар отвел взгляд от Капитана и некоторое время ехал, усиленно соображая. Он не знал этого, но на лице юноши появилось то выражение, которое обычно вызывало тревогу у его близких. Собственные мысли иногда заводили его в неожидан-

ные, опасные места. И на этот раз именно так и произошло. Он взглянул на сэра Родриго и снова отвел глаза, проявляя не свойственную ему осторожность.

— Скажи мне! — резко приказал Капитан.

Альвару вдруг захотелось очутиться снова на ферме, сеять пшеницу вместе с отцом и его работниками, ждать, когда придет одна из сестер с пивом, сыром и хлебом и с домашними сплетнями. Он с трудом глотнул. Возможно, он очень скоро снова окажется там. Но сына Пеллино де Дамона никогда еще не называли трусом, как, впрочем, и человеком, который слишком застенчив в своих высказываниях.

— Вы обо мне не думали, — произнес он самым твердым голосом, на который был способен. Нет никакого смысла говорить это, если твой голос дрожит, словно у испуганного ребенка. — Вы вытащили меня, чтобы поставить заслон между графом Гонзалесом и своей семьей. Сам я не много значу, но моего отца знали, и теперь министр знает, что я — свидетель того, что произошло сегодня утром. Я — защита для вашей жены и сыновей.

Он закрыл глаза. А когда открыл их, то увидел, что Родриго Бельмонте улыбается ему. Каким-то чудом Капитан вовсе не выглядел сердитым.

— Как я уже сказал, была причина, по которой тебя отобрали для участия в этом походе. Я не имею ничего против умных людей, Альвар. В определенных пределах, имей в виду. Возможно, ты даже прав. Возможно, я действовал из чисто эгоистических побуждений. Когда раздаются угрозы моей семье, это допустимо. Я действительно создал тебе потенциального врага. Даже в какой-то степени рискнул твоей жизнью. Не очень благородно для командира поступать так с человеком, находящимся под его началом, правда?

Это было еще одно испытание, и Альвар это понимал. Отец не раз твердил, что лучше бы ему думать немного меньше, а говорить гораздо меньше. Но это же сам Родриго Бельмонте, Капитан задает вопросы, которые требуют осмысленного ответа. Альвар полагал, что он мог бы увильнуть. Возможно, от него ждали именно этого. Но вот они едут по направлению к Аль-Рассану через поросшие соснами холмы Варгаса, которых он никогда прежде не видел, и его взяли в этот поход по какой-то причине. Капитан только что так и сказал. Его не собираются отсылать назад. Казалось, с каждым мгновением к Альвару возвращается его прежний характер.

— Был ли это благородный поступок? — спросил Альвар де Пеллино. — Не очень, если хотите знать мое мнение, господин. Конечно, на войне капитан может делать со своими людьми что угодно, но если речь идет о личной вражде, не знаю, правильно ли это.

На секунду ему показалось, что он зашел слишком далеко. Затем сэр Родриго снова улыбнулся; в его серых глазах читалось искреннее веселье. Капитан погладил усы затянутой в перчатку рукой.

— Могу себе представить, что ты не раз огорчал отца своей откровенностью, мой мальчик.

Альвар улыбнулся в ответ:

— Он действительно иногда предостерегал меня.

— Предостерегал?

Альвар кивнул:

— Ну, откровенно говоря, я не знаю, что еще он...

Альвар не был мелким мужчиной, и жизнь на северной ферме была совсем не легкой, и еще меньше располагала к слабости служба в течение года в королевской армии в Эстерене. Он был сильным и быстрым, и хорошим наездником. И тем не менее он так и не заметил кулака, который, подобно молоту, ударил его в лицо, отчего он вылетел из седла и упал на траву, словно маленький ребенок.

Альвар быстро сел, выплевывая кровь. Дотронулся ослабевшей рукой до челюсти, и ему показалось, что она сломана. Это произошло: предостережение отца только что сбылось. Его идиотская привычка говорить все, что думает, только что заставила его упустить тот счастливый случай, ради которого любой молодой солдат отдал бы жизнь. Родриго Бельмонте открыл перед ним дверь, а Альвар, по собственной глупости, споткнулся на пороге и упал навзничь. Правильнее сказать, на локоть и задницу.

Прижав к лицу ладонь, Альвар смотрел снизу вверх на Капитана. Отряд остановился неподалеку и во все глаза уставился на них.

— Мне приходилось поступать так же со своими сыновьями, раз или два, — произнес Родриго. Как ни странно, у него был по-прежнему веселый вид. — И, несомненно, придется поступать так же еще несколько лет. Теперь урок третий, Альвар де Пеллино. Иногда неправильно прятаться, как ты сделал у фургона. Иногда так же неправильно высказывать свои идеи раньше, чем они созреют. Подожди еще немного, чтобы обрес-

ти уверенность в себе. У тебя будет время, чтобы подумать об этом, пока мы в пути. И когда станешь обдумывать все это, прикинь, не переводит ли несанкционированный набег на Аль-Рассан банды дружков Гарсии де Рада, играющих в разбойников, это дело из разряда личной вражды в нечто иное. Я — офицер на службе короля Вальедо, и пока ты состоишь в этом отряде, ты тоже находишься на службе короля. Министр пытался угрозами заставить меня забыть о своем долге перед королем. Разве это личное дело, мой юный философ?

— Клянусь божественной задницей, Родриго! — раздался хорошо знакомый голос из головы колонны. — Чем этот малыш Пеллино заслужил такое?

Сэр Родриго обернулся и посмотрел на Лаина Нунеса, рысью приближавшегося к ним.

— Он назвал меня эгоистичным и несправедливым по отношению к моим людям. Обвинил в том, что я использую их в личных интересах.

— Всего-то? — Лаин сплюнул на траву. — Его отец в наше время говорил мне кое-что похуже.

— Неужели? — Капитан казался удивленным. — Де Рада недавно заявлял, что папаша Пеллино славился своей сдержанностью.

— Чушь собачья, — смачно ответил Лаин. — Разве можно верить тому, что говорит де Рада? Пеллино де Дамон имел свое мнение обо всем и обо всех под солнцем господа. Чуть не свел меня с ума этот парень. Мне пришлось с этим мириться, пока я не выхлопотал ему повышение по службе и не послал командовать крепостью на ничейной земле. Никогда не испытывал в жизни такого счастья, как тогда, когда увидел его зад в седле, удаляющийся прочь от меня.

Альвар таращился на них обоих. У него отвисла бы челюсть, если бы так сильно не болела. Он был слишком ошеломлен даже для того, чтобы подняться с земли. Его тихий, терпеливый отец столько раз мягко предостерегал его от излишней откровенности.

— Вижу, — сказал сэр Родриго, улыбаясь стоящему рядом с ним ветерану, — что ты несешь чушь не хуже любого де Рады.

— А это, скажу я тебе, уже смертельное оскорбление, — хрипло ответил Лаин Нунес, и на его покрытом шрамами, обветренном лице появилось выражение яростного возмущения.

Родриго громко расхохотался.

— Ты любил отца этого парня как брата. Ты мне долгие годы твердил об этом. Ты сам выбрал его сына в этот поход. Станешь отрицать?

— Я буду отрицать все, что понадобится, — упрямо ответил его заместитель. — Но если парень Пеллино уже довел тебя до этого удара, то я, возможно, совершил ужасную ошибку. — Они оба посмотрели вниз на Альвара, медленно качая головами.

— Возможно, ты и прав, — наконец произнес Капитан. Он не выглядел особенно озабоченным. — Очень скоро мы это проверим. Вставай, парень, — прибавил он. — Приложи что-нибудь холодное к этой стороне лица, иначе тебе на некоторое время станет трудно высказывать свое мнение о чем бы то ни было.

Лаин Нунес уже развернулся, чтобы ускакать. Теперь Капитан сделал то же самое. Альвар поднялся.

— Капитан, — позвал он с трудом.

Сэр Родриго оглянулся через плечо. Серые глаза смотрели теперь с любопытством. Альвар понимал, что снова рискует. Ну и пусть. Как ни поразительно, но, кажется, его отец тоже имел это обыкновение. Ему понадобится какое-то время, чтобы справиться с подобным. И, по-видимому, все же не паломничество матери к Васке привело его в этот отряд.

— Обстоятельства не позволили мне закончить последнюю мысль. Я только хотел сказать, что был бы горд умереть, защищая вашу жену и сыновей.

Губы Капитана дрогнули. Он снова смеялся.

— Гораздо вероятнее, ты умрешь, защищая свою жизнь от них. Давай, Альвар, я серьезно говорил насчет того, чтобы приложить что-нибудь холодное к челюсти. Если не снять эту опухоль, ты перепугаешь женщин в Фезане, и у тебя не будет никаких шансов. А пока не забудь подумать, прежде чем заговоришь в следующий раз.

— Но я уже подумал...

Капитан предостерегающе поднял руку. Альвар осекся. Родриго поскакал назад к отряду, и через несколько минут Альвар подвел своего коня за повод туда, где они остановились на привал. Как ни странно, несмотря на ноющую челюсть, боль в которой почти не облегчила смоченная в воде ткань, он вовсе не чувствовал себя плохо.

И он действительно уже подумал. Он ничего не мог с этим поделать. Он решил, что капитан прав насчет того, что возможность налета Гарсии де Рада переводит подобный случай из раз-

ряда личной вражды в разряд проблем королевской службы. Альвар гордился тем, что всегда готов был признать остроумный довод противника в споре.

Все это произошло много дней назад. Распухшая, хоть и не сломанная челюсть помогала Альвару выполнить трудную задачу — оставить при себе свои быстро мелькающие мысли.

Сбор париас, дани, два раза в году в Фезане теперь стал чем-то вроде рутины, скорее дипломатическим предприятием, чем военным. Королю Рамиро было важнее отправить туда лидера ранга сэра Родриго, чем послать армию. Все знали, что Рамиро может послать армию. Дань будет выплачена, пусть и не так быстро. И еще следовало исполнить некое подобие танца, перед тем как отправиться обратно с золотом Аль-Рассана. Все это Альвар узнал во время дежурства, когда ехал впереди колонны вместе с Лудусом или Мартином, самыми опытными дозорными.

Они научили его и многому другому. Пусть это и обыкновенная экспедиция, но Капитан не терпел беспечности, и особенно на ничейной земле или в самом Аль-Рассане. Они ехали на юг не для того, чтобы дать сражение, но у них был свой образ, они должны были внушить всем, что никто не смеет вступать в битву с Всадниками Вальедо, и особенно с теми, которыми командует Родриго Бельмонте.

Лудус научил Альвара, как по полету птиц угадать местонахождение ручья или озера на продуваемом ветрами плато. Мартин показал, как по узору облаков предсказывать погоду: эти приметы сильно отличались здесь, на юге, от примет, которые Альвар знал на далеком севере, у моря. А сам Капитан посоветовал ему укоротить стремена. Сэр Родриго тогда обратился прямо к Альвару, впервые после того сокрушительного удара в первое утро похода.

— Несколько дней ты будешь чувствовать себя неловко, — сказал он, — но не больше. Все мои солдаты научились отправляться в бой с такими стременами. Все они умеют это делать. Во время схватки может наступить момент, когда тебе понадобится встать в седле или спрыгнуть с коня. Тебе будет легче проделать это с высокими стременами. Это может спасти тебе жизнь.

К тому времени они уже ехали по ничейной земле, приближаясь к двум небольшим крепостям, которые построил король Рамиро, когда начал предъявлять права на париас от Фезаны. Гарнизоны этих крепостей бурно обрадовались встрече с земля-

ками, пусть даже они провели в каждой лишь одну ночь, чтобы оставить письма, сплетни и припасы.

Здесь, в Лобаре и Баэсе, жизнь протекала в тревожной изоляции, как понял Альвар. Равновесие на полуострове могло нарушиться с падением халифата в Аль-Рассане, но это был развивающийся процесс, несвершившаяся реальность, и в том, что вальедцы разместили свои гарнизоны, пусть даже небольшие, на землях тагры, заключался немалый элемент провокации. Горстка солдат жила среди бескрайней пустоты, в опасной близости от мечей и стрел ашаритов.

Король Рамиро пытался сначала, два года назад, поощрять поселения вокруг крепостей. Он не мог принудить людей ехать туда, в такую даль, но гарантировал переселенцам обычную военную помощь и освобождение от налогов на десять лет — не пустяк, учитывая затраты на постоянно растущую армию. Всего пятнадцать-двадцать семей, оставив свои явно безнадежные дела на севере, оказались достаточно храбрыми, или безрассудными, или отчаянными, чтобы попытаться устроить свою жизнь здесь, на пороге Аль-Рассана.

Возможно, положение год от года менялось, но память об армиях ашаритов, с громом несущихся на север по этим высокогорным равнинам, была еще свежа. И все, кто видел дальше собственного носа, понимали, что король слишком погряз во вражде со своим братом и дядей в Руэнде и Халонье и что безрассудно с его стороны содержать два сомнительных гарнизона в тагре и те семьи, которые сгрудились вокруг них.

Равновесие, возможно, и нарушалось, но все еще оставалось равновесием, и игнорировать его было гибельно. Вспоминая по дороге на юг прищуренные глаза и опасливые лица мужчин и женщин, которых он видел на полях возле этих крепостей, Альвар решил, что фермеру приходится бороться с худшими вещами, чем тощая почва и ранние заморозки на севере, у границы с Руэндой. Даже сами поля здесь выглядели жалкими и хрупкими, всего лишь царапинами на широких просторах пустошей.

Кажется, Капитан смотрел на это иначе. Сэр Родриго непременно спешивался и разговаривал с каждым фермером, которого они встречали. Альвар однажды оказался достаточно близко, чтобы услышать: они говорили об урожаях и сезонах дождей здесь, на землях тагры.

— Не мы истинные воины Вальедо, а эти люди, — сказал Капитан своим солдатам, вскакивая на коня после одной из та-

ких бесед. — Любой из тех, кто выступил вместе со мной в этот поход, совершит ошибку, забыв об этом.

При этих словах его лицо было необычайно мрачным, словно он вызывал их на спор. Альвар вообще не склонен был что-либо отвечать. Он в задумчивости поскреб свой пострадавший подбородок, на котором пробивались первые ростки светлой бородки, и промолчал.

Плоский высокогорный ландшафт плато не изменился, на нем не было никаких пограничных знаков, но к вечеру следующего дня старый Лаин Нунес громко произнес, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Мы уже в Аль-Рассане.

Три дня спустя, ближе к закату, дозорные заметили вдали реку Таварес, а вскоре после этого Альвар впервые увидел башни и стены Фезаны, стоящие на северной излучине реки. В лучах заходящего солнца они имели цвет меда.

Лудус первым заметил нечто странное. Поразительное количество стервятников кружилось и парило над рекой у северной стены города. Альвар никогда не видел ничего подобного. Их там были тысячи.

— Так бывает на поле боя, — тихо произнес Мартин. — Я имею в виду, когда битва закончилась.

Лаин Нунес прищурился, чтобы лучше видеть, и через мгновение повернулся и вопросительно посмотрел на Капитана. Сэр Родриго не слез с коня, поэтому никто из них не сделал этого. Он долго смотрел на далекую Фезану.

— В реке плавают мертвецы, — наконец произнес он. — Мы сегодня заночуем здесь. Я не хочу подходить ближе или вступать в город, пока мы не узнаем, что случилось.

— Хотите, я возьму двоих или троих солдат и попытаюсь выяснить? — спросил Мартин.

Капитан покачал головой.

— Не думаю, что в этом есть необходимость. Сегодня ночью мы разведем хороший костер. Удвой число дозорных, Лаин, но я хочу, чтобы ашариты знали, что я здесь.

Некоторое время спустя, после вечерней трапезы и молитвы на закате о благополучном путешествии бога в ночи, они собрались вокруг костра. Мартин играл на гитаре, а Лудус и Бараньо пели под сверкающими звездами.

Вскоре после того как на востоке взошла почти полная белая луна, три человека открыто въехали в их лагерь.

Они слезли со своих мулов, дозорные отвели их в круг света от костра, и тогда музыка и пение прекратились, а Родриго Бельмонте и его всадники узнали, что произошло в Фезане в тот день.

Глава 3

В конце дня из спальни Хусари ибн Мусы они услышали вопли на улицах. Послали раба узнать, в чем дело. Тот вернулся с пепельно-серым лицом и принес страшную новость.

Ему не поверили. Лишь после того как друг ибн Мусы, тоже купец, но менее процветающий, что, по-видимому, спасло ему жизнь, прислал своего слугу с тем же известием, прятаться от реальности стало невозможно. Все, кто отправился в замок этим утром, погибли. Обезглавленные тела плыли по крепостному рву и вниз по течению реки, становясь добычей парящих кругами птиц. Очевидно, деятельный правитель Картады решил, что только таким образом можно полностью покончить с угрозой восстания в Фезане. За вторую половину дня практически все влиятельные фигуры, еще остававшиеся в городе, были уничтожены.

Пациент Джеаны, торговец шелком — любитель роскоши, который, как в это ни трудно поверить, должен был оказаться среди трупов во рву, лежал в постели, закрыв глаза рукой, дрожащий и обессиленный после выхода почечного камня. Стараясь, хоть и не слишком успешно, справиться с собственными бурлящими чувствами, Джеана пристально наблюдала за ним. Как всегда, ее убежищем стала профессия. Тихим голосом, радуясь тому, что он ей пока повинуется, она велела Веласу приготовить еще снотворного. Но ибн Муса ее удивил.

— Пожалуйста, больше не надо, Джеана. — Он опустил руку и открыл глаза. Голос его звучал слабо, но четко. — Я должен быть в состоянии ясно мыслить. За мной могут прийти. Тебе лучше покинуть этот дом.

Джеана об этом не подумала. Он был прав, разумеется. Нет никаких причин, из-за которых кровожадные наемники Альмалика позволили бы случайной болезни уберечь от них голову Хусари. А что касается лекаря — женщины-киндата, которая так некстати не пустила его во дворец...

Джеана пожала плечами. «Куда бы ни дул ветер, дождь

прольется на киндатов». Она встретилась взглядом с Хусари. И увидела на его лице пугающее выражение, нарастающий ужас. Джеана подумала о том, как выглядит она сама, усталая и измученная после почти целого дня в этой жаркой и душной комнате, а теперь еще надо пережить то, о чем они узнали. Эту резню.

— Не имеет значения, останусь я или уйду, — ответила она, снова удивившись спокойствию собственного голоса. — Ибн Хайран знает, кто я, помните? Это он привел меня сюда.

Странно, но в глубине души ей все еще не хотелось верить, что именно Аммар ибн Хайран организовал и осуществил это массовое убийство невинных людей. Она не могла бы объяснить, почему это имеет для нее значение: он — убийца, об этом знает весь Аль-Рассан. Имеет ли значение, что убийца умен и остроумен? Что он знал, кто ее отец, и хорошо отозвался о нем?

У нее за спиной Велас тихо и деликатно кашлянул, что означало: ему надо сказать ей нечто срочное. Обычно так он выражал свое несогласие с ее мнением. Не оглядываясь на него, Джеана произнесла:

— Я знаю. Ты считаешь, что нам надо уйти.

Седой слуга, который до нее служил ее отцу, произнес своим, как всегда, приглушенным голосом:

— Я считаю, что почтенный ибн Муса дает мудрый совет, доктор. Мурвадийцы могут узнать от ибн Хайрана, кто ты, но у них нет особых причин тебя преследовать. Но если они придут за господином ибн Мусой и найдут нас здесь, твое присутствие их спровоцирует. Господин ибн Муса скажет тебе то же самое, я уверен. Они — из племен пустыни, госпожа. Они нецивилизованные люди.

Теперь Джеана резко обернулась, понимая, что срывает свой гнев и страх на самом верном друге, и не в первый раз.

— Так ты предлагаешь мне бросить пациента? — резко спросила она. — Это я должна сделать? Какой цивилизованный поступок с нашей стороны.

— Мне уже лучше, Джеана.

Она снова повернулась к Хусари. Тот с трудом сел на постели.

— Ты сделала все, что можно требовать от лекаря. Ты спасла мне жизнь, хоть и не так, как мы ожидали. — Поразительно, он даже лукаво улыбнулся. Но глаза его не улыбались!

Голос его теперь звучал тверже и более резко, чем когда-либо прежде. Джеана подумала, не пострадал ли рассудок торговца после навалившегося на него ужаса: возможно, такая перемена

в поведении была реакцией на потрясение. Отец смог бы это определить и сказать ей.

«Отец, — подумала она, — больше никогда мне ничего не скажет».

Весьма вероятно, что мурвадийцы придут за Хусари, что они действительно заберут и ее, если найдут здесь. Племена из Маджрита не знакомы с цивилизацией. Аммару ибн Хайрану хорошо известно, кто она такая. Альмалик Картадский отдал приказ устроить эту резню. Альмалик Картадский точно так же сделал с ее отцом то, что сделал. Четыре года назад.

В жизни любого человека бывают такие моменты, когда все сдвигается, меняется, когда разветвляющиеся дороги ясно видны, когда человек делает выбор.

Джеана бет Исхак снова повернулась к своему пациенту.

— Я не оставлю вас здесь одного ждать их прихода.

Хусари снова улыбнулся.

— Что ты сможешь сделать, дорогая? Предложить воинам снотворное, когда они придут?

— У меня есть для них кое-что похуже, — загадочно ответила Джеана, но его слова заставили ее задуматься. — А чего хотите вы? — спросила она. — Я слишком спешу, простите. Может быть, они уже насытились. И никто не придет.

Он решительно покачал головой. Снова она отметила перемену в его поведении. Она знала ибн Мусу очень давно, но никогда не видела его таким.

— Полагаю, это возможно. Меня это мало волнует. Я не намерен ждать, чтобы выяснить. Я собираюсь выполнить свой долг. В любом случае мне придется покинуть Фезану.

Джеана заморгала:

— А в чем именно состоит ваш долг?

— Уничтожить Картаду, — ответил пухлый, ленивый сибарит, торговец шелком Хусари ибн Муса.

Джеана во все глаза смотрела на него. И это тот самый человек, который любил хорошо прожаренное мясо, чтобы не видеть крови во время еды. Его голос звучал так же спокойно и равнодушно, как тогда, когда он при ней обсуждал со своим торговым представителем страховку партии шелка перед отправкой его за море.

Джеана снова услышала робкое покашливание Веласа. Она обернулась.

— В таком случае, — сказал Велас так же тихо, как прежде, но теперь он тревожно хмурился, — мы ничем не можем по-

мочь. Несомненно, будет лучше, если мы уйдем отсюда, чтобы господин ибн Муса мог начать готовиться к путешествию.

— Согласен, — сказал Хусари. — Я вызову провожатых и...

— А я не согласна, — резко возразила Джеана. — Во-первых, у вас может начаться лихорадка, после того как вышли камни, и мне необходимо проследить за этим. Во-вторых, вы не сможете покинуть город до наступления темноты, и уж, конечно, не пройдете ни в какие ворота.

Хусари сплел свои пухлые пальцы. Теперь он смотрел прямо в глаза Джеаны.

— Что ты предлагаешь?

Джеане это казалось очевидным.

— Чтобы вы спрятались у нас, в квартале киндатов, до наступления темноты. Я пойду первой, договорюсь, чтобы вас впустили. И вернусь за вами на закате. Думаю, вам надо как-то замаскироваться. На ваше усмотрение. После темноты мы сможем уйти из Фезаны известным мне путем.

Велас, от изумления потерявший свою сдержанность, издал сдавленный звук.

— Мы? — осторожно переспросил Муса.

— Я тоже собираюсь исполнить свой долг, — медленно произнесла Джеана. — Покинуть Фезану придется и мне.

— А! — произнес человек на кровати. Несколько тревожных мгновений он смотрел на нее, как-то неожиданно перестав быть пациентом. Он уже перестал быть тем человеком, которого она так давно знала.

— Это из-за твоего отца?

Джеана кивнула. Нет смысла хитрить. Ибн Хайран всегда отличался умом.

— Давно пора, — сказала она.

Предстояло очень многое сделать. Джеана поняла, быстро шагая по бурлящим улицам вместе с Веласом, что лишь упоминание об отце заставило Хусари принять ее план. И неудивительно, если посмотреть на этот вопрос под определенным углом. Если ашариты что-то и понимали, после многих веков взаимного убийства у себя дома, далеко на востоке, и здесь, в Аль-Рассане, так это неистребимую силу кровной мести, как бы долго она ни откладывалась.

Каким бы абсурдом это ни казалось — женщина из народа киндатов заявила о своем намерении отомстить самому могуще-

ственному правителю из всех после падения Халифата, — она говорила на том языке, который понятен даже миролюбивому, безобидному купцу-ашариту.

И потом, этот купец уже не был таким миролюбивым.

Велас, пользуясь древним правом давнего слуги, без умолку высказывал ей возражения и предостережения. Как всегда, его голос звучал гораздо менее почтительно, чем в присутствии посторонних. Она помнила, что он так же вел себя с ее отцом, в те ночи, когда Исхак готовился бежать из дома на вызов к больному, не защитившись как следует одеждой от дождя и ветра, или бросив недоеденный ужин, или когда слишком много работал, читал допоздна при свечах.

Она собиралась сделать нечто большее, чем поздно лечь спать, и испуганная озабоченность в голосе Веласа могла подорвать ее решимость, если она позволит ему продолжать. Кроме того, дома ее ждало еще более труднопреодолимое сопротивление.

— Это не имеет к нам никакого отношения, — настойчиво говорил Велас, шагая рядом с ней, а не сзади, что было совершенно нехарактерно для него и свидетельствовало о его крайнем возбуждении. — Кроме того, если они найдут способ свалить вину на киндатов, чему я нисколько не удивлюсь...

— Хватит, Велас. Пожалуйста. Мы больше, чем просто киндаты. Мы люди, которые живут в Фезане, и прожили здесь много лет. Это наш дом. Мы платим налоги, мы платим нашу долю грязной дани Вальедо, мы прячемся от опасности за этими стенами и мы страдаем вместе с другими, если рука Картады — или любая другая рука — слишком сильно бьет по этому городу. То, что произошло сегодня, имеет к нам отношение.

— Мы пострадаем вне зависимости от того, что они делают друг с другом, Джеана. — Он был так же упрям, как и она, и после долгих лет жизни с Исхаком так же искусен в спорах. — Ашариты убили ашаритов. Почему мы должны из-за этого превращать свою жизнь в хаос? Подумай о тех, кто тебя любит. Подумай...

Снова ей пришлось прервать его. Теперь он говорил совсем как ее мать.

— Не преувеличивай, — сказала она, хотя он вовсе не преувеличивал. — Я — лекарь. Я собираюсь поискать работу за пределами города. Обогатить свои знания. Сделать себе имя. Мой отец поступал так многие годы, несколько раз участвовал в походах халифа, подписывал контракты с различными правителя-

ми после падения Силвенеса. Вот как он оказался в Картаде. Ты это знаешь. Ты был вместе с ним.

— И я знаю, что там произошло, — резко ответил Велас.

Джеана остановилась посреди улицы как вкопанная. Кто-то, кто бежал следом за ними, чуть не налетел на нее. Это была женщина, как увидела Джеана, лицо ее было белым, как маска во время весеннего карнавала. Но это было ее настоящее лицо, а маской его сделал ужас.

Велас тоже был вынужден остановиться. Он смотрел на нее сердито и испуганно. Маленький человечек, немолодой, ему уже почти шестьдесят. Он долго служил ее родителям, до того как Джеана родилась. Раб из Валески, купленный молодым на базаре в Лонзе, через десять лет он получил свободу, как принято у киндатов.

Тогда он мог уехать куда угодно. Он свободно говорил на пяти языках, прожив несколько лет вместе с Исхаком в Батиаре и Фериересе и при дворах халифов в самом Силвенесе. Из него вышел идеальный помощник лекаря, он знал больше, чем многие доктора. Скромный, обладающий острым умом Велас мог бы сделать карьеру где угодно на полуострове или за восточными горами. В те дни в Аль-Фонтане при халифах служили и руководили в основном бывшие рабы с севера, и немногие из них были так умны и разбирались в нюансах дипломатии так же хорошо, как Велас после десяти лет, проведенных в обществе Исхака бен Йонаннона.

Подобный вариант, по-видимому, даже не рассматривался. Возможно, ему недоставало честолюбия, возможно, он просто был доволен своим положением. Он принял веру киндатов сразу же после освобождения. Добровольно принял на свои плечи тяжелый груз их истории. После этого он молился белой и голубой лунам — двум сестрам бога, — вместо того чтобы воскрешать в памяти образ Джада из своего детства в Валеске, или звезд Ашара, нарисованных на куполе храма в Аль-Рассане.

Он оставался вместе с Исхаком, Элианой и их маленькой дочкой с того дня и до нынешнего, и если кто-то в мире, не считая родителей, любил ее по-настоящему, то это был Велас, и Джеана это знала.

От этого только тяжелее было смотреть в его встревоженные глаза и понимать, что она не может ясно объяснить, почему тропа ее жизни сделала такой резкий поворот после известия о резне. Почему ей стало так понятно, что она теперь должна делать. Очевидно, но невозможно объяснить. Она могла представить

себе, что сказал бы сэр Рецюни из Сореники в ответ на подобное заявление. Она также словно услышала слова своего отца: «Очевидное неумение мыслить ясно, — пробормотал бы Исхак. — Начни с самого начала, Джеана. Потрать столько времени, сколько тебе нужно».

У нее не было такого количества времени. Ей надо сегодня ночью провести Хусари ибн Мусу в квартал киндатов, а до этого ей предстоит еще более трудная задача.

Она сказала:

— Велас, я знаю, что произошло с моим отцом в Картаде. Я не собираюсь это обсуждать. И не могу все объяснить. Если бы могла, объяснила бы. Ты это знаешь. Могу лишь сказать: мирясь с тем, что сделал Альмалик, в какой-то момент начинаешь чувствовать себя его соучастницей. Ответственной за его поступки. Если я останусь здесь и просто утром открою свою приемную, а потом на следующий день, и на следующий, словно ничего не произошло, то именно так я буду себя чувствовать.

Велас обладал определенным качеством, одним из тех, которыми измеряется человек: он понимал, когда сказано последнее слово.

Остаток пути они проделали молча.

У тяжелых, ничем не украшенных железных ворот, ведущих в отгороженный квартал Фезаны, где жили киндаты, Джеана с облегчением вздохнула. Она знала обоих сторожей, охраняющих их. Один когда-то был ее любовником, а второй — другом с детства.

Она обратилась к ним со всей прямотой, которую могла себе позволить. Времени оставалось слишком мало.

— Шимон, Бакир, мне нужна ваша помощь, — заявила она, прежде чем они успели отпереть ворота.

— Мы тебе поможем, — проворчал Шимон, — но входи быстрее. Ты знаешь, что там происходит?

— Я знаю, что уже произошло, вот почему вы мне нужны.

Бакир застонал, распахивая створку ворот.

— Джеана, что ты опять натворила?

Это был крупный, широкоплечий человек, без сомнения, красивый. Они наскучили друг другу через несколько недель после начала их связи. К счастью, они расстались достаточно быстро и сохранили взаимную приязнь. Теперь он уже обзавелся семьей, у него было двое детей. Джеана оба раза принимала роды.

— Ничего такого, чего могла бы избежать и не нарушить свою врачебную клятву Галинуса.

— Плевать на Галинуса! — резко сказал Шимон. — Там убивают людей.

— Поэтому вы должны мне помочь, — быстро сказала Джеана. — У меня в городе есть пациент, которым я должна заняться сегодня ночью. Думаю, мне небезопасно находиться за воротами нашего квартала...

— Это уж точно! — перебил Бакир.

— Прекрасно. Я хочу, чтобы вы позволили мне провести его сюда через некоторое время. Я положу его в постель у себя дома и буду его лечить.

Они переглянулись.

Бакир пожал плечами.

— Это все?

Шимон все еще испытывал подозрения.

— Он ашарит?

— Нет, он конь. Конечно, он ашарит, идиот. Иначе зачем бы я просила разрешения у самых тупых людей в нашем квартале? — Она надеялась, что это оскорбление отвлечет их и покончит с вопросами. Хорошо еще, что Велас у нее за спиной молчал.

— Когда ты его приведешь?

— Я сейчас же отправлюсь за ним. Мне сначала надо попросить разрешения у матери. Поэтому я пошла вперед.

Темные глаза Бакира еще больше прищурились.

— Ты действуешь по всем правилам, да? Это совсем на тебя не похоже, Джеана.

— Не будь большим глупцом, чем необходимо, Бакир. Ты думаешь, что я собираюсь играть в игры, после того что произошло сегодня днем?

Они снова переглянулись.

— Думаю, что нет, — ворчливо произнес Шимон. — Хорошо, твой пациент может войти в квартал. Но ты больше из него не выйдешь. Его может привести Велас, хоть я и не стал бы приказывать ему это сделать.

— Нет, все в порядке, — быстро возразил Велас. — Я схожу.

Джоанна это предвидела. Тут все было в порядке. Она повернулась к Веласу.

— Тогда иди сейчас же, — прошептала она. — Если моя мать станет возражать, — а я уверена, что не станет, — мы поместим его в один из постоялых дворов для приезжих. Иди быстрее.

Она снова повернулась к двум охранникам и улыбнулась им своей лучшей улыбкой.

— Спасибо вам обоим. Я этого не забуду.

— Лучше бы забыла, — ответил Шимон с добродетельным видом. — Ты же знаешь, что это нарушение правил.

Он слишком важничал. Конечно, это нарушение, но не слишком серьезное. Ашариты часто тайком приходили в их квартал, по делу или в поисках развлечений. Единственной уловкой — и не слишком трудной — было скрыть это от ваджи за стенами квартала и от старших священников внутри него. Но Джеана считала, что сейчас неподходящее время вступать в спор с Шимоном.

Кроме того, чем дольше они будут беседовать, тем больше вероятность, что он спросит, кто ее пациент. А если он спросит, ей придется сказать. Он мог знать, что Хусари ибн Муса один из тех, кто должен был явиться сегодня в замок. Если Шимон и Бакир узнают, что этого человека могут искать мувардийцы, то Хусари ни за что на свете не позволят войти в квартал киндатов.

Джеана знала, что подвергает опасности свой народ. Она была достаточно молодой, чтобы решить, что риск оправдан. Последняя резня киндатов в Аль-Рассане случилась далеко на юге, в Тудеске и Элвире, за много лет до ее рождения.

Ее мать, как Джеана и ожидала, не стала возражать. Жена и мать лекарей, Элиана бет Данил уже давно приспособила свой дом к нуждам пациентов. То, что подобное нарушение распорядка случилось в один из самых ужасных дней, каких Фезана давно не знала, не могло ее смутить. Тем более что Джеана сообщила матери, кто этот пациент. Элиана все равно узнает его, когда он придет. Хусари несколько раз приглашал Исхака на обед, и не раз торговец шелком незаметно приходил в квартал, чтобы почтить своим присутствием их собственную трапезу, невзирая на всех ваджи и священников. Город Фезана не отличался особой набожностью.

«Вероятно, это только усиливало радость фанатиков-мувардийцев, когда они убивали невинных людей», — подумала Джеана. Она стояла на площадке лестницы, подняв одну руку, чтобы постучать в дверь, а в другой держала свечу.

Впервые за этот долгий день она заколебалась, подумав о том, что собирается сделать. Увидела, как задрожало пламя свечи. В дальнем конце коридора находилось высокое окно, выхо-

дящее на внутренний двор. Лучи заходящего солнца косо падали на пол, напоминая ей о том, какое большое значение имеет время. Она сказала матери, что поздней ночью уйдет, и приготовилась отразить бурю, которая так и не разразилась.

— Сейчас не так уж неразумно уехать из этого города, — спокойно ответила Элиана после секундного размышления. Она задумчиво посмотрела на свою единственную дочь. — Ты найдешь себе работу в другом месте. Твой отец всегда говорил, что лекарю полезно приобрести опыт в разных местах. — Мать помолчала, потом добавила без улыбки: — Может быть, ты вернешься с мужем.

Джеана поморщилась. Это был старый разговор. Ей уже почти тридцать лет, и лучший возраст для замужества остался позади. Она уже почти смирилась с этим, а Элиана нет.

— С вами все будет в порядке? — спросила Джеана, игнорируя ее последние слова.

— Не понимаю, почему бы нет, — резко ответила мать. Затем ее напряженное лицо несколько смягчила улыбка, которая сделала ее красивой. Она сама вышла замуж в возрасте двадцати лет за самого блестящего мужчину из блестящей общины кандатов в Силвенесе, в последние дни процветания Халифата. — Что мне, по-твоему, делать, Джеана? Упасть на колени и хватать тебя за руки, умоляя остаться и утешить мою старость?

— Ты не старая, — быстро возразила дочь.

— Конечно, старая. И конечно, я не стану тебя удерживать. Если ты к этому времени не завела детишек в доме по соседству, то я могу винить лишь нас с отцом за то, чему мы тебя не научили.

— Думать о себе?

— Среди прочих вещей. — Снова промелькнула неожиданная улыбка. — Боюсь, что ты скорее умеешь думать обо всех других людях. Я соберу кое-какие вещи для тебя и прикажу приготовить место для Хусари за столом. Ему можно есть все или чего-то нельзя?

Джеана покачала головой. Иногда она ловила себя на желании, чтобы мать изредка давала волю своим чувствам, иначе в конце концов может разразиться буря. Но в большинстве случаев она была благодарна Элиане за ее железное самообладание, которое мать проявляла с того ужасного дня в Картаде, четыре года назад. Джеана могла догадаться о цене этой сдержанности. Могла измерить ее внутри себя. Они не так уж сильно отличались, мать и дочь. Джеана ненавидела слезы; она считала их признаком поражения.

— А теперь иди наверх, — сказала Элиана.

И она пошла наверх. Обычно так и бывало. Разговор с матерью редко проходил болезненно, но всегда казалось, что не все необходимое сказано. Однако сегодня не время было думать о подобных вещах. Ей предстояло нечто гораздо более трудное.

Она знала, что если будет колебаться слишком долго, то ее решимость уехать может растаять на этом самом трудном пороге дня, всех ее дней. Джеана дважды постучала, как обычно, и вошла в темный кабинет отца с закрытыми ставнями.

Пламя ее свечи отразилось на кожаных с золотом переплетах книг, свитках, инструментах и картах неба, предметах искусства, подарках и сувенирах, собранных за целую жизнь путешествий и работы. Свеча в ее руке теперь не дрожала, и свет от нее упал на письменный стол, на простое деревянное кресло в северном стиле, на подушки на полу, на еще одно глубокое кресло и на седобородого человека в темно-синих одеждах, сидящего неподвижно спиной к двери, к своей дочери и к свету.

Джеана смотрела на него, на его неподвижную, прямую, как копье, спину. Отметила, как отмечала каждый день, что он даже не повернул головы, чтобы показать, что заметил ее приход. С таким же успехом она могла вообще не входить в комнату со своей свечой и с тем, что собиралась ему сказать. Так происходило всегда, но сегодняшний день был особенным. Она пришла попрощаться, и при виде отца в мозгу Джеаны сверкнул длинный меч воспоминания, острый, сверкающий, ужасный, как те кинжалы, которыми, наверное, пользовались мувардийцы.

Четыре года назад четвертый сын правителя Картады Альмалика запутался в пуповине в материнской утробе. Такие младенцы почти всегда погибали, и их матери тоже. Лекарям хорошо были известны подобные признаки, и они могли предупредить о грозящей опасности. Это случалось довольно часто; никого не обвинили бы. Роды — одно из самых опасных событий в мире. Лекари не умеют творить чудеса.

Но певица Забира из Картады была фавориткой самого могущественного из правителей Аль-Рассана, а Исхак из Фезаны был отважным и талантливым человеком. Сверившись с картой небес и послав сообщить Альмалику о том, что его попытка может дать лишь самую слабую надежду, Исхак сделал единственную вошедшую в анналы операцию и извлек ребенка через разрез в животе матери, сохранив одновременно и ее жизнь.

Ни сам Галинус, источник всех медицинских знаний, ни Узбет аль-Маурус, ни Авенал Сорийский, живущий на родных

землях ашаритов на востоке, — ни один из них и ни один из пришедших позже, не добились успеха в подобных операциях, хотя первые трое записали всю процедуру и каждый из них пытался ее повторить.

Нет, именно Исхак бен Йоннанон из киндатов первым добился рождения живого ребенка таким способом, во дворце Картады в Аль-Рассане, во время второго десятилетия после падения Халифата. А потом он залечил рану матери и выхаживал Забиру, пока она однажды утром не поднялась с постели, очень бледная, но прекрасная, как всегда, взяла свою четырехструнную лютню и заняла свое привычное место в зале приемов Альмалика, в его садах и в спальне.

В благодарность за этот мужественный поступок и за искусство, невиданное прежде, Альмалик Картадский одарил Исхака таким количеством золота и прочих благ, которое обеспечило его самого, его жену и дочь до конца их дней.

Потом он приказал вырвать у лекаря глаза и вырезать его язык у самого корня во искупление греха — лицезрения обнаженной ашаритской женщины, и чтобы ни один мужчина не смог услышать описание молочно-белого великолепия Забиры из уст лекаря-киндата, который посмел коснуться ее своим холодным взором и своим скальпелем.

В своем роде это был милосердный поступок. Общеизвестно, что обычно джадита или киндата, которые посмели коснуться похотливым взором обнаженной фигуры ашаритской женщины, невесты или наложницы другого мужчины, привязывали к двум лошадям и разрывали надвое. А эта женщина принадлежала властителю, преемнику халифов, Льву Аль-Рассана, перед которым в страхе бежали более слабые правители.

Ваджи, ухватившись за представившуюся возможность, в храме и на базарной площади начали требовать казни Исхака, как только история этих родов вышла за пределы дворца. Но Альмалик был искренне благодарен лекарю-киндату. Он всегда недолюбливал ваджи и их требования, и он был — по крайней мере, по собственным меркам — человеком щедрым.

Исхак остался жить, слепой и немой, погруженный в себя так глубоко, что его жена и единственная дочь не могли до него дотянуться. Ни в те первые дни, ни после его невозможно было заставить ни на что реагировать.

Они привезли его из Картады домой, в давно уже выбранный город Фезану. Им с лихвой хватало средств на жизнь; по любым меркам они были богаты. В Силвенесе, в Картаде, в своей

частной практике здесь Исхак добился громадных успехов, и не меньших в деловых предприятиях, посылая на восток с торговцами-киндатами кожу и пряности. Последние дары Альмалика всего лишь закрепили его благосостояние. Можно сказать, что луны благословили их огромным богатством.

Джеана бет Исхак, дитя этого богатства, вошла в комнату своего отца, поставила свечу на стол и открыла ставни восточного окна. Она также распахнула окно, чтобы впустить в комнату вместе с мягким светом легкое дуновение вечернего ветра. Потом села на деревянный стул у стола, как делала это обычно.

Книга, которую она читала Исхаку — трактат Меровиуса о катаракте, — лежала открытой у ее локтя. Каждый вечер, в конце дневных трудов, она приходила в эту комнату и рассказывала отцу о пациентах, которых принимала, а потом читала вслух из той книги, которую изучала сама. Иногда приходили письма от коллег и друзей из других городов, из других стран. Сэр Реццони писал несколько раз в год из Сореники в Батиаре или из других мест, где он преподавал или работал. Джеана их тоже читала отцу.

Он никогда не отвечал. Он даже никогда не поворачивал к ней головы. Так было с той самой ночи, когда его искалечили. Она рассказывала ему о своем рабочем дне, читала письма, читала вслух книги. Целовала его в лоб, потом спускалась вниз к ужину. На это он тоже никогда не реагировал.

Велас относил еду в комнату Исхака. Отец никогда не покидал этой комнаты. Джеана знала, что, если его не заставят силой, он ее никогда не покинет. Когда-то его голос был низким и красивым, глаза ясными и голубыми, как река под солнцем, светлыми дверьми в серьезные глубины разума. Изящество своего ума и мастерство рук он без малейших колебаний дарил всем, кто просил или нуждался в них. Он был гордым без тщеславия, мудрым без пошлого остроумия, мужественным без бравады. Он стал пустой оболочкой, шелухой, слепым и немым отсутствием среди всех этих предметов в комнате без света.

«В каком-то смысле, — думала Джеана, глядя на отца и готовясь попрощаться, — отомстить, пусть и с опозданием, Альмалику Картадскому — это самый логичный из моих поступков».

Она заговорила:

— Сегодня базарный день. Ничего особенно сложного. Я как раз собиралась осмотреть рабочего каменоломни, у которого, кажется, была подагра, — если ты можешь в это поверить, — как меня вызвали к пациенту. Я бы не пошла, конечно, но это ока-

зался Хусари ибн Муса — у него опять выходил камень, уже третий в этом году.

Фигура в глубоком кресле не шевелилась. Красивый седобородый профиль казался профилем скульптуры, а не человека.

— Пока я лечила его, — продолжала Джеана, — мы узнали нечто ужасное. Если ты прислушаешься, то сможешь услышать крики на улицах за стенами квартала. — Она часто прибегала к этому приему, пытаясь заставить его пользоваться слухом, пытаясь вытащить его из этой комнаты.

Никакого движения, никакого знака, что он знает о ее присутствии. Почти сердито Джеана сказала:

— По-видимому, Альмалик Картадский послал своего старшего сына и господина Аммара ибн Хайрана, для того чтобы сегодня освятить новое крыло замка. И они просто убили всех, кто был приглашен. Вот почему мы слышим шум на улицах. Сто сорок человек, отец. Альмалик отрубил им головы и выбросил тела в ров.

И тут, совершенно неожиданно, это произошло. Возможно, сыграл шутку свет, косыми лучами падавший сквозь тень, но ей показалось, что отец повернул голову в ее сторону, совсем чуть-чуть. «Кажется, я никогда раньше не произносила в его присутствии имя Альмалика», — внезапно подумала Джеана.

Она быстро продолжала:

— Хусари должен был оказаться в их числе, отец. Вот почему он сегодня утром хотел побыстрее вызвать меня. Он надеялся, что сможет явиться в замок. Теперь он — единственный, кто не был убит. И возможно, мувардийцы придут за ним. В город сегодня прибыло пятьсот новых воинов. Поэтому я распорядилась привести его сюда. Велас сейчас его доставит, замаскированного. Я спросила у мамы разрешения, — прибавила Джеана.

На этот раз никакой ошибки. Исхак заметно повернул голову к ней, словно помимо воли притянутый услышанным. Джеана почувствовала, что готова расплакаться. Она проглотила слюну, борясь со слезами.

— Хусари выглядит... другим, отец. Я его таким не знаю. Он спокоен, почти холоден. Он в гневе, отец. Он собирается сегодня ночью покинуть город. Ты знаешь, зачем? — Она рискнула задать вопрос и ждала, пока не увидела слабое, вопросительное движение его головы, а потом ответила: — Он сказал, что собирается уничтожить Картаду. — Она вытерла предательскую слезу. Четыре года она произносила в этой комнате монологи, а теперь, когда она собирается уйти, отец наконец-то показал, что заметил ее присутствие.

— Я решила уйти вместе с ним, — сказала Джеана.

Она наблюдала. Никакого движения, никакого знака. Но потом медленно его голова снова отвернулась в сторону, и она опять смотрела на профиль, который видела все эти годы. Она снова с трудом глотнула. Это тоже был ответ, в своем роде.

— Я не думаю, что останусь с ним, я даже не знаю, куда он собрался и каковы его планы. Но почему-то после сегодняшнего дня я просто не могу делать вид, будто ничего не произошло. Если Хусари мог решить бороться с Альмаликом, я тоже могу.

Вот. Она сказала это. Это произнесено. И произнеся это, Джеана обнаружила, что больше ничего не может добавить к сказанному. Она в конце концов заплакала и теперь вытирала слезы.

Джеана закрыла глаза, чувства захлестнули ее. До этого момента можно было делать вид, что она собирается предпринять не больше того, что много раз предпринимал ее отец: уехать из Фезаны, работать по контрактам и набираться опыта по всему миру. Если лекарь хотел заработать себе репутацию, так и полагалось поступать. Объявить месть правителю означало вступить на совершенно иной путь. И к тому же она женщина. Ее профессия могла обеспечить ей определенную степень безопасности и уважения, но Джеана раньше уже жила и училась за границей. Она знала разницу между путешествиями по миру Исхака и его дочери. Она четко сознавала, что может никогда не вернуться в эту комнату.

— Во-и Ве-а-ха о-бой.

Джеана широко распахнула глаза. То, что она увидела, ее ошеломило. Исхак повернулся в кресле и смотрел на нее. Его лицо исказилось от усилий, пустые глазницы уставились на то место, где она сидела, как ему было известно. Она резко поднесла ладони ко рту.

— Что? Папа, я не...

— Во-и Ве-ах-а!

Непонятные звуки были полны боли и нетерпения.

Джеана вскочила со стула и упала на колени на ковер у ног отца. Схватила его руку и впервые за четыре года почувствовала сильное ответное пожатие. Он крепко сжал ее пальцы.

— Прости меня, прости. Еще раз, я не понимаю! — Ее трясло, сердце ее разрывалось. Он пытался говорить членораздельно, все его тело корчилось от усилий и отчаяния.

— Ве-ах! Ве-ах! — Он отчаянно сжимал ее руки, заставляя понять, словно само напряжение могло сделать трагически изуродованные слова понятными.

— Он говорит вам, чтобы вы взяли с собой слугу, Веласа, Джеана. При данных обстоятельствах это мудрое предложение.

Джеана вскочила, словно ее ужалили, и обернулась к окну. Потом застыла на месте. Вся кровь отхлынула от ее лица.

На широком подоконнике, согнув колени и обхватив их руками, сидел боком и спокойно смотрел на них Аммар ибн Хайран. И конечно, если он здесь, они погибли, потому что он привел с собой...

— Я один, Джеана. Я не люблю мувардийцев.

Она старалась взять себя в руки.

— Не любите? Просто позволяете им совершать вместо вас убийства? Какое отношение имеет к этому любовь? Как вы сюда попали? Где... — Она осеклась, как раз вовремя.

Кажется, это не имело значения.

— Как раз в этот момент Хусари ибн Муса, должно быть, приближается к воротам квартала киндатов. Он переодет в костюм ваджи, если вы в состоянии это себе представить. Эксцентричный маскарад, я бы сказал. Хорошо, что с ним Велас, не то его никогда бы не впустили сюда. — Аммар улыбнулся, но в его глазах было странное выражение. — У вас нет оснований мне верить, но я не имею никакого отношения к тому, что произошло сегодня днем. И принц тоже.

— Ха! — отозвалась Джеана. Это было самое остроумное, на что она была в данный момент способна.

Он снова улыбнулся. На этот раз она узнала выражение его лица, таким оно было утром.

— Полагаю, я получил должный отпор. Должен ли я теперь выпасть из окна?

И именно в этот момент произошло самое неожиданное для Джеаны событие этого ужасающего дня. Она услышала сдавленный, задыхающийся звук за своей спиной и в ужасе обернулась.

И через мгновение поняла, что слышит смех отца.

Аммар ибн Хайран аккуратно спрыгнул с подоконника и мягко приземлился на ковер на полу. Прошел мимо Джеаны и остановился перед тяжелым креслом ее отца.

— Исхак, — мягко произнес он.

— Аммар, — ответил ее отец почти четко.

Убийца последнего халифа Аль-Рассана опустился перед ним на колени.

— Я надеялся, что вы вспомните мой голос, — сказал он. — Вы примете мои извинения, Исхак? Я уже давно должен был прийти сюда, и, уж конечно, не таким путем, испугав вашу дочь и без разрешения вашей жены.

Исхак протянул руку вместо ответа, и ибн Хайран взял ее. Он был без перчаток и колец на пальцах. Джеана испытывала такое изумление, что не могла даже сформулировать свои мысли.

— Мува-аи? Ч-о-о слу-у?

Голос ибн Хайрана звучал серьезно.

— Альмалик — коварный человек, я думаю, вам это известно. Очевидно, он хотел утихомирить Фезану. А также внушить кое-что принцу. — Он помолчал. — И мне тоже.

Джеана обрела голос:

— И вы действительно не знали об этом?

— Какой мне смысл вас обманывать? — отчетливо проговорил ибн Хайран, не глядя на нее.

Джеана вспыхнула, она поняла, что это правда. Какое ему дело до того, что она думает? Но в этом случае возникает еще один очевидный вопрос, а она не слишком настроена выслушивать отповеди от человека, проникшего в их дом через окно.

— Зачем же тогда вы здесь?

На этот раз он оглянулся.

— По двум причинам. Вы можете угадать одну из них. — Краем глаза Джеана заметила, как ее отец медленно кивнул головой.

— Простите меня. Я сейчас не расположена играть в отгадки, — она постаралась произнести это язвительным тоном.

Лицо ибн Хайрана оставалось невозмутимым.

— Это не игра, Джеана. Я здесь для того, чтобы Хусари ибн Мусу сегодня вечером не убили мувардийцы и чтобы женщина-лекарь, возможно, более отважная, чем умная, которая помогает ему убежать, также пережила эту ночь.

Джеане внезапно стало холодно.

— Значит, они придут за ним?

— Разумеется, придут. Список приглашенных гостей известен, а некоторые мувардийцы умеют читать. Им приказали казнить всех людей из списка. Вы думаете, они откажутся от удовольствия убить даже одного, рискуя вызвать гнев Альмалика в случае неудачи?

— Они пойдут в дом ибн Мусы?

— Если уже не пришли туда. Вот почему я опередил их. Хусари уже ушел вместе с Веласом. Слуг и рабов отослали в их

спальни, за исключением управляющего, которому, очевидно, доверяли. Ошибка. Я спросил у него, где его хозяин, и он сказал мне, что тот только что ушел, переодетый в платье ваджи, вместе со слугой лекаря.

Если раньше ей было холодно, то теперь она превратилась в лед.

— Значит, он скажет то же самое мувардийцам?

— Вряд ли, — ответил Аммар ибн Хайран.

Последовало молчание. Это совсем не было похоже на игру.

— Вы его убили, — сказала Джеана.

— Неверный слуга, — произнес ибн Хайран, качая головой. — Грустная примета времени, в котором мы живем.

— Почему, Аммар? — вопрос Исхака на этот раз прозвучал поразительно четко, но это могло означать многое.

На этот раз ибн Хайран заколебался, прежде чем ответить. Джеана, пристально наблюдавшая за ним, снова заметила на его лице странное выражение.

Он сказал, подбирая слова:

— Я уже получил в этом мире известность за то, что в юности совершил для Альмалика Картадского. Я могу с этим жить. Правильно или неправильно я поступил, но я это сделал. Мне... не хочется брать на себя ответственность за эту непристойную резню, а он явно намеревается свалить ее на меня. У Альмалика свои причины для этого. Я даже могу их понять. Но в данный момент моей жизни предпочитаю не идти ему навстречу. Я также обнаружил, что Хусари ибн Муса — умный и скромный человек, и я восхищен профессионализмом и силой духа вашей дочери. Скажем так: мне доставляет удовольствие хоть раз оказаться на стороне добродетели.

Исхак качал головой.

— Еще, Аммар, — произнес он, звуки давались ему с трудом, он слегка растягивал их.

Снова ибн Хайран заколебался.

— В том, что делает человек, всегда есть что-то еще, бен Йоханнон. Вы мне позволите не говорить все до конца? Я и сам собираюсь покинуть Фезану сегодня ночью, собственным способом и в другом направлении. Со временем мои мотивы могут стать более понятными.

Он повернулся к Джеане, и она увидела при свете свечи и при свете из окна, что его глаза все еще другие, холодные. Но он уже сказал достаточно; теперь ей казалось, что она знает, в чем дело.

— Поскольку управляющий... ничего не скажет, — продолжал он, — маловероятно, что мувардийцы придут сюда, но если придут, они никого не должны здесь найти. Я бы посоветовал вам пренебречь едой и уйти, как только станет темно.

Джеана, мрачная и подавленная, сумела лишь кивнуть. С каждым промелькнувшим мгновением она все больше ощущала опасность и чуждость того мира, в который предпочла вступить. Утренний базар, приемная, весь привычный распорядок ее жизни уже казался далеким и быстро исчезал вдали.

— У меня есть еще один совет, если позволите. Я не знаю, что намеревается теперь делать ибн Муса, но вам обоим лучше бы отправиться на время на север, в Вальедо.

— Вы хотите послать женщину-киндата к джадитам? — резко спросила Джеана.

Он пожал плечами.

— Вы жили среди них во время учебы за границей, как и ваш отец в свое время.

— То была Батиара. И Фериерес.

Он нарочито скривился.

— Опять я получил сокрушительный отпор. Мне и правда придется выпрыгнуть в окно, если вы будете продолжать в том же духе. — Выражение его лица снова изменилось. — Положение на полуострове меняется, Джеана. Оно может начать меняться очень быстро. Стоит помнить, что, при условии уплаты париас, Вальедо гарантировал Фезане безопасность. Не знаю, применимо ли это к внутреннему... правлению Картады, но об этом можно поспорить, если ибн Муса захочет это сделать. Это может стать предлогом. Что касается вас, то я бы, несомненно, избегал Руэнды и Халоньи, если бы был киндатом, но король Рамиро Вальедский — человек умный.

— А его солдаты?

— Некоторые из них — да.

— Как это утешает!

Она услышала, что ее отец неодобрительно фыркнул у нее за спиной.

Глядя прямо ей в глаза, ибн Хайран сказал:

— Джеана, вы не можете искать утешения, если покинете эти стены. Вы должны понять это, прежде чем уйдете. Если нет определенного плана и выбранного направления, тогда служба лекаря под защитой Вальедо — неплохой выход...

— Почему вы полагаете, что у меня нет плана? — Любопытно, как быстро ему удается ее разозлить.

— Простите, — он помолчал. — Куда?

Она не ответила бы Аммару ибн Хайрану, по многим причинам, но вынуждена была ответить отцу. Он не сказал ей ни единого слова за четыре года до этого дня.

— В Рагозу, — тихо проговорила она.

Она и не думала об этом, до того как ибн Хайран начал свою речь, но, как только прозвучало название города, Джеане показалось, что она с самого начала собиралась именно туда, на восток, к берегам озера Серрана, к реке и горам.

— А! — задумчиво произнес ибн Хайран. И потер свой гладко выбритый подбородок. — Эмир Бадир — не такой уж плохой выбор.

— И Мазур бен Аврен.

Она произнесла это слишком решительно. Он усмехнулся.

— Князь киндатов. Разумеется. Здесь я бы проявил осторожность, Джеана.

— Почему? Вы его знаете?

— Мы уже много лет посылаем друг другу письма и стихи. Книги для библиотеки. Бен Аврен очень хитрый человек.

— И что с того? Разве это так плохо для главного советника эмира Рагозы?

Он покачал головой.

— Сегодня вы задаете этот вопрос не тому человеку. Просто будьте осторожны, если доберетесь туда. Запомните, что я вам сказал. — Он на мгновение замолчал, обернулся к окну. — И если вы хотите попасть хоть куда-нибудь, не говоря уже обо мне, то мы должны закончить нашу встречу. Кажется, я слышу внизу голоса. Будем надеяться, что это Хусари и Велас.

Теперь она тоже услышала звуки за окном и узнала оба голоса.

— Я уйду той же дорогой, какой пришел, сэр Исхак, с вашего позволения. — Ибн Хайран прошел мимо Джеаны и снова взял за руку ее отца. — Но у меня есть к вам личный вопрос. Уже четыре года мне не дает покоя одна вещь.

Джеана замерла. Ее отец медленно поднял лицо к ибн Хайрану.

— Скажите, если захотите ответить, когда вы принимали последнего ребенка Альмалика таким способом, вы понимали, чем рискуете?

В наступившей тишине Джеана слышала внизу, во дворе, спокойный голос матери, которая приглашала Мусу в дом, слов-

но он был всего лишь обычным гостем, явившимся к ужину в этот вечер.

Она увидела, как ее отец кивнул головой, и из его изуродованного рта вырвался звук, словно он освободился от долгого бремени. Джеана внезапно снова почувствовала, что вот-вот расплачется.

— И вы бы сделали это снова? — спросил ибн Хайран почти мягко.

На этот раз — никакой паузы. Еще один утвердительный кивок.

— Почему? — спросил Аммар ибн Хайран, и Джеана видела, что ему действительно хочется понять.

Рот Исхака открылся и закрылся, словно пробуя слово на вкус.

— Га-и-ух, — наконец выговорил он, потом в отчаянии покачал головой.

— Я не понимаю, — сказал ибн Хайран.

— Гаа-и-ух, — снова произнес Исхак, Джеана увидела, как он положил руку на сердце, и поняла.

— Клятва Галинуса, — сказала она. Говорить было тяжело. — Клятва лекаря. Сохранить жизнь, если ее можно сохранить.

Исхак один раз кивнул, потом откинулся назад в кресле, словно обессиленный попыткой общения после столь долгого перерыва. Аммар ибн Хайран все еще держал его за руку. Теперь он отпустил ее.

— Мне необходимо время, чтобы подумать, больше времени, чем у нас есть, прежде чем я осмелюсь ответить на это, — мрачно произнес он. — Если мои звезды и ваши луны позволят, буду иметь честь снова встретиться с вами, сэр Исхак. Можно вам написать?

Исхак кивнул головой. Через несколько мгновений Аммар снова повернулся к Джеане.

— Кажется, я уже говорил, что пришел по двум причинам, — прошептал он. — Или вы забыли? — В самом деле, она забыла. Он это понял и снова улыбнулся. — Одна из них — предупредить об опасности, а другая — кое-что вам принести.

Он прошел мимо нее обратно к окну. Вскочил на подоконник, протянул руку вниз, под карниз. Не спускаясь на пол, обернулся и протянул Джеане какой-то изящный предмет.

— Ох! — воскликнула она. — Не может быть!

Конечно, это был флакон для мочи. Флакон ее отца.

— Вы действительно покинули дом ибн Мусы в спешке, — мягко произнес ибн Хайран, — и Велас с Хусари тоже. Я подумал, что вам может пригодиться этот флакон и вы воспользуетесь им лучше, чем мурвадийцы, когда явятся туда.

Джеана прикусила губу. Если бы они его нашли...

Она шагнула вперед и взяла из его руки флакон. Их пальцы соприкоснулись.

— Спасибо, — сказала она.

И замерла неподвижно, потрясенная, когда он нагнулся и поцеловал ее в губы. Аромат его духов на мгновение окутал ее. Рука Аммара легонько коснулась ее волос.

— Вознаграждение посыльному, — легкомысленно произнес он и снова отступил назад. — Рагоза — это хорошая идея. Но все же назовите ибн Мусе Вальедо, возможно, ему будет лучше у короля Рамиро.

Джеана чувствовала, что краска, выступившая на ее щеках, начинает бледнеть. Затем, вполне предсказуемо, ее охватило чувство, напоминающее гнев. Отец и мать, Велас, сэр Реццони — все, кто хорошо ее знал, — всегда предостерегали ее от излишних эмоций и уговаривали не идти на поводу у своей гордости.

Она шагнула вперед и, привстав на цыпочки, в свою очередь поцеловала Аммара ибн Хайрана. И услышала, как он ахнул от удивления. Так-то лучше: прежде он вел себя слишком уж непринужденно.

— Вознаграждение лекарю, — мило произнесла она, отступая назад. — Мы обычно берем больше, чем посыльные.

— Я все же выпаду из окна, — произнес он, но лишь через несколько секунд.

— Не надо. До земли далеко. Вы этого не сказали, но совершенно очевидно, что в Картаде вы собираетесь осуществить собственный план мести. Выпасть из окна было бы неудачным началом. — Она с удовольствием увидела, что к этому он тоже не был готов.

После новой паузы он сказал:

— Смею надеяться, что мы встретимся снова.

— Это было бы интересно, — хладнокровно ответила Джеана, хотя ее сердце билось слишком быстро. Он улыбнулся. Через несколько секунд она уже смотрела, как он спустился по неровной стене во двор, прошел под аркой и вышел за ворота, не оглянувшись.

Джеана было решила, что выиграла этот последний раунд,

но улыбка, которой он ее одарил, перед тем как спуститься со стены, поубавила ей уверенности.

— Осо-ож-о, Джеа-а, осо-ож-о, — произнес отец у нее за спиной, вторя ее собственным мыслям.

Снова испугавшись многих вещей, Джеана вернулась к его креслу и опустилась перед ним на колени. Положила на них голову. И через мгновение почувствовала, как его руки начали гладить ее волосы. Этого так давно не случалось.

Так они сидели, когда Велас пришел за ней, уже собрав вещи в дорогу для них обоих. Разумеется, он самостоятельно принял решение по этому вопросу.

Некоторое время спустя после ухода Джеаны, Веласа и Хусари ибн Мусы, торговца шелком, который, как это ни поразительно, объявил себя борцом против Льва Картады, из кабинета лекаря Исхака бен Йонаннона можно было услышать странные звуки.

Его жена Элиана стояла в коридоре у закрытой двери и слушала, как ее муж, четыре долгих года хранивший гробовое молчание, тренируется, выговаривая буквы алфавита. Потом он начал сражаться с простыми словами, как ребенок, пробуя, что он может произнести, а что нет. К этому времени на улице совсем стемнело. Их дочь, их единственный ребенок, находилась где-то вне надежных стен цивилизации, там, куда почти никогда не ходили женщины, на просторах опасного мира. Элиана держала в руке высокую горящую свечу, и при ее свете посторонний наблюдатель мог бы увидеть глубокое страдание на ее все еще прекрасном лице.

Она долго стояла так, потом постучала и вошла в комнату. Ставни были по-прежнему открыты, а окно распахнуто, как их оставила Джеана. В конце дня смерти, когда горестные звуки еще раздавались за воротами квартала, звезды, как обычно, безмятежно сияли в темнеющем небе. Скоро взойдут луны, сначала белая, потом голубая, и ночной ветерок, как всегда, принесет прохладу и облегчение опаленной летом земле, на которой люди дышат и ходят. И разговаривают.

— Эиа-а? — произнес ее муж, и Элиане бет Данил эта попытка произнести ее имя показалась музыкой.

— Ты разговариваешь, как болотная лягушка, — сказала она и подошла к его креслу.

В колеблющемся свете она увидела его улыбку.

— Где ты был? — спросила она. — Мой дорогой. Ты был так нужен мне.

— Эиа-а, — снова попытался он и встал. Его глаза были черными впадинами. Теперь они всегда будут такими.

Он развел руки в стороны, и она вошла в пространство, которое они создали для нее в этом мире, опустила голову ему на грудь и позволила себе почти непредставимую роскошь — отдаться горю.

Примерно в то же время их дочь находилась у самых стен города и вела переговоры со здешними проститутками о покупке трех мулов.

Джеана знала несколько тайных лазеек, позволяющих незаметно покинуть город. Некоторые из них были слишком тесными для человека комплекции Хусари, но было еще одно место в самом квартале, в его северо-западном конце, где дерево скрывало низкий проход сквозь камень городской стены. С превеликим трудом, но Хусари все же сумел протиснуться в него с помощью Веласа.

Когда они вышли наружу и остановились на поросшем травой берегу у реки, женский голос — причем очень знакомый — весело произнес в темноте:

— Добро пожаловать, странники. Позвольте мне проводить вас в Сады Наслаждений, какие лишь Ашар предлагает мертвым.

— Киндатам он не предлагает ничего подобного, — ответила Джеана. — Сегодня ты почти могла бы соблазнить меня, Джасинто.

— Джеана? Лекарь? — Женщина, надушенная и увешанная безвкусными украшениями, подошла поближе. — Прости меня! Я тебя не узнала. Кто вызвал тебя сегодня?

— Собственно говоря, никто. Сегодня мне нужна ваша помощь. Возможно, за мной охотятся ваджи, и еще мувардийцы.

— Чума их всех побери! — воскликнула женщина по имени Джасинто. — Разве им мало сегодня крови? — Теперь глаза Джеаны уже привыкли к темноте, и она могла различить перед собой стройную фигурку, одетую в тончайшие, ничего не скрывающие одежды. — Что вам нужно? — спросила Джасинто. Джеана знала, что ей четырнадцать лет.

— Три мула и твое молчание.

— Вы их получите. Пойдем, я отведу вас к Нунайе.

Этого она ожидала. Если кто-то и управлял этим сообществом женщин и мальчиков у стен города, то это была Нунайа.

Нунайа не любила терять зря ни времени, ни слов. Мужчины, которые торопились, это знали или быстро узнавали. Клиент, пришедший к ней с визитом, через очень короткое время оказывался снова в стенах Фезаны, удовлетворив некоторые из своих потребностей и облегчив кошелек.

Покупка мулов оказалась несложным предприятием. Уже несколько лет Джеана — единственная женщина-лекарь в Фезане — была доверенным врачом городских блудниц. Сначала в их квартале у восточной стены, а потом здесь, на севере, после того как ваджи выставили их за городские ворота в один из пригородов у реки.

Это событие стало результатом одной из тех спорадических вспышек праведного гнева, которые возникали в отношениях между городом и теми, кто торгует плотской любовью. Женщины были уверены, что вернутся обратно в город в течение года и, возможно, снова окажутся за его стенами через год-другой.

Однако, учитывая то, что женщины и мальчики, которых можно купить, теперь находились в основном за пределами города, неудивительно, что появились тайные выходы из него. Ни один город, вне стен которого живет часть его обитателей — законных или незаконных, — невозможно огородить полностью.

Джеана к этому времени знала довольно много блудниц и не один раз выскальзывала из города, чтобы провести с ними веселый вечер за едой и питьем. Из почтения к Джеане, которая принимала у них роды и лечила их от болезней или ран, в такие часы они не привечали клиентов. Джеане общество этих женщин и умудренных жизнью печальных мальчиков нравилось больше, чем общество почти всех ее знакомых из города, как в самом квартале киндатов, так и вне его. Иногда она задавала себе вопрос, как это характеризует ее лично.

Жизнь в этом мире убогих хижин возле рва и реки протекала далеко не безмятежно, и часто Джеану срочно вызывали для лечения ножевой раны, которую одна из женщин нанесла другой. Но хотя здесь были представлены все три религии, ей было ясно, что когда возникали ссоры, они не имели никакого отношения к почитанию солнца, лун или звезд. И ваджи, которые выдворили изгнанниц сюда, были их общими врагами. Джеана знала, что эти люди ее не предадут.

Нунайа продала им трех мулов без единого вопросительного взгляда сильно подведенных глаз с тяжелыми веками. В этом

месте не задавали нескромных вопросов. У каждого были свои тайны и своя боль.

Джеана села на одного из мулов, Велас и Хусари взяли остальных. Женщине полагалось сидеть в седле боком, но Джеана всегда считала это глупым и неудобным. Врачам позволялось быть эксцентричными. Она ехала верхом по-мужски.

Стояло лето, река текла медленно и лениво. Переправляясь через нее и крепко натянув поводья, Джеана вдруг почувствовала, как в них врезался тяжелый, плавающий в воде предмет. Она содрогнулась, понимая, что это такое. Мул резко отпрянул в сторону, и она чуть не упала, пытаясь с ним справиться.

Беглецы выбрались из воды и двинулись на север, к деревьям. Джеана один раз оглянулась. Позади горели фонари в сторожевых башнях вдоль стен, в замке и в высоких домах Фезаны, свечи, зажженные мужчинами и женщинами, укрывшимися за этими стенами от опасностей темноты.

По крепостному рву и по реке плыли обезглавленные тела. Сто тридцать девять тел.

Сто сороковой человек сейчас ехал рядом с ней, испытывая сильные мучения, но не издал ни одного жалобного звука.

— Посмотрите вперед, — тихо сказал Велас. Вокруг них царила темнота под звездами.

Джеана посмотрела туда, куда он указывал, и увидела красный свет костра вдалеке. У нее екнуло сердце. Наверное, открытый огонь костра на лугах мог означать множество разных вещей, но Джеана не могла определить, каких именно. Сейчас она находилась в чуждом мире, на этой открытой взорам равнине, ночью, вместе с пожилым слугой и толстым купцом. Все, что она знала и в чем разбиралась, осталось позади. Даже убогое предместье у стен города вдруг показалось безопасным, надежным местом.

— Мне кажется, я знаю, что это за свет, — через мгновение сказал Хусари. Голос его звучал спокойно, его неизменно уверенные манеры продолжали удивлять. — Собственно говоря, я в этом уверен, — продолжал он. — Поехали туда.

В данный момент Джеана слишком устала, чтобы думать о чем-то или возражать. Она благополучно вывела их из города и достала мулов, и теперь была рада подчиниться его мнению. У нее промелькнула мысль, что это приключение, это совместное осуществление мести может закончиться гораздо быстрее, чем они полагали. Она пустила своего мула следом за мулом Хусари в сторону костра, горящего на равнине.

Вот так и случилось, что они втроем, вскоре после того как взошла белая луна, подъехали прямо к лагерю Родриго Бельмонте и пятидесяти солдат, которых он привел с собой для сбора летнего париас. И Джеана поняла, что эти очень долгие день и ночь еще не закончились.

Глава 4

Мелкие фермеры из Орвильи, двенадцать человек, приехали в город все вместе, со своими нагруженными мулами, и покинули Фезану все вместе, когда в полдень базар закончился. Один-два из них хотели остаться и поглазеть на солдат, с вызывающим видом бродящих по городу, но это означало бы необходимость потом возвращаться обратно в деревню одним, без защиты. В неспокойной местности, неподалеку от ничейной земли, в такое тревожное время удовольствие пошататься по городу — или, для некоторых, посетить одно интересное предместье за северными стенами города — не могло перевесить насущную необходимость обеспечить себе безопасность в составе большой группы.

Задолго до вечерней молитвы они все благополучно вернулись в Орвилью с товарами, которые приобрели на рынке в обмен на продукты, произведенные за неделю. И поэтому никто из них не знал о том, что произошло в тот день в Фезане. Они узнают обо всем позже, но к тому времени это потеряет для них значение. Им придется разбираться со своей собственной бедой.

Разбойники с севера — даже невежественные крестьяне узнали всадников-джадитов — налетели на Орвилью как раз в тот момент, когда голубая луна присоединилась к белой на летнем небе. Расчет был слишком точным, чтобы списать его на совпадение, хотя с какой целью выбрали именно этот момент, никто после не мог себе представить. Возможно, то была причуда судьбы. Но в том, что произошло, когда всадники — по крайней мере пятьдесят человек — прорвались сквозь деревянный забор, окружавший деревенские дома и сараи, или перепрыгнули через него, не было ничего необычного. В Орвилье жило примерно двадцать семей. У них имелось несколько старых мечей и несколько ржавеющих копий. Довольно много мулов. Один бык. Три лошади. Арам ибн Дунаш, дом которого стоял у водяной

мельницы на ручье, владел луком, принадлежавшим когда-то его отцу.

Он погиб первым, пытаясь трясущимися руками выпустить стрелу в летящего на него с воплями всадника. Пика всадника пронзила грудь Арама и пригвоздила его к стене собственного жилища. Его жена неосторожно закричала в доме. Услышав ее крик, всадник соскочил с коня и вошел в крохотный домик. Пригибаясь в низком дверном проеме, он уже расстегивал ремень.

Быстро загорелись дома и общинный сарай. В нем хранилась солома, и к середине лета она хорошо высохла. Языки пламени с ревом взметнулись над постройкой. Наверное, огонь было видно в самой Фезане.

Зири ибн Арам, который любил летом спать на крыше сарая, спрыгнул вниз как раз вовремя. Сарай находился на противоположном конце деревни от мельницы и ручья. Ему повезло, он не видел, как погиб отец. Как не видел и того всадника, который вошел в его дом, где находились его беременная мать и сестры. Зири было четырнадцать лет. Он попытался бы убить этого человека голыми руками. И, конечно, погиб бы. Сейчас же он неуклюже приземлился у ног смеющегося джадита, который, держа меч плашмя, сгонял в кучу всех тех, кто не погиб в первые мгновения нападения. Их было не очень много, как понял Зири, в отчаянии вертя головой и пытаясь разглядеть своих родных среди дыма. Человек двадцать осталось в живых из всей деревни, где обитало вдвое больше людей. Трудно было определить точно среди языков пламени. Орвилью пожирал огненный ад.

Налетчикам этот рейд не принес никакой выгоды. Как и следовало ожидать, ни за одного жителя деревни нельзя было взять выкуп, даже за деревенского ваджи. Короткое сражение оказалось смехотворным. Вооруженные жалким оружием фермеры почти не оказали сопротивления, и на них нельзя было потренироваться в ведении боя. Конечно, там были женщины, но нет никакой необходимости скакать так далеко по летней жаре, чтобы найти для развлечения крестьянку. Только когда один из всадников предложил распять уцелевших мужчин — женщин, разумеется, предстояло увести с собой на север, — появилась запоздалая перспектива поразвлечься. Это все же Аль-Рассан. Полуголые оборванцы, сбившиеся в кучу, словно коровы или овцы, были неверными. Этот налет можно было даже считать деянием, угодным богу.

— Он прав! — воскликнул другой всадник. — Распнем убийц на их собственных столбах, а потом распнем их женщин иным способом! — Раздался смех.

Довольно быстро и даже эффективно среди этого огненного хаоса налетчики начали ставить деревянные столбы с перекладинами. Теперь ночь обещала некоторое развлечение. Гвоздей у них оказалось предостаточно. Они предназначались для того, чтобы подковать лошадей, захваченных во время налета, но могли также сгодиться и для прибивания людей к дереву.

Разбойники только успели выбрать первого из крестьян для распятия — мальчика с застывшим лицом, который, несомненно, вырос бы и начал убивать невинных мужчин и женщин к северу от земель тагры, — когда раздался чей-то запоздалый предостерегающий вопль.

Мужчины верхом на конях вихрем неслись к месту казни, огибая пожары. У них были мечи, и они пустили их в ход. К этому моменту большинство налетчиков спешилось, многие отложили свое оружие, чтобы приготовить столбы для распятия ашаритов. Они стали легкой добычей. Такой же легкой, какой только что были для них жители деревни.

Однако налетчики оказались хорошо воспитанными людьми, а не вшивыми бродягами-разбойниками. Они знали, как делаются подобные вещи даже в Аль-Рассане. Одно дело — крестьяне по обеим сторонам от ничейной земли, а другое — люди со средствами и положением в обществе. По всему холму Орвильи джадиты начали поднимать руки вверх — сдаваться, и раздались хорошо известные возгласы:

— Выкуп! Выкуп!

Те, кто был убит первой волной новых всадников, наверное, умерли в изумлении, не веря собственным глазам. Этого никак не должно было случиться. Если перед тем как расстаться с жизнью, они поняли, кто напал на них, это изумление должно было удвоиться, но никто не может знать этого наверняка о мертвых.

Альвар по-настоящему не задумывался над этим, но он, безусловно, и представить себе не мог, что первый человек, убитый им в Аль-Рассане, будет жителем Вальедо. В тот момент его противник даже не сидел верхом на коне. Это показалось Альвару в какой-то мере неправильным, но Лаин Нунес дал им точные указания: убивайте их, пока не услышите приказ остановиться. Каждый был законной добычей, кроме коренастого черноволосого

мужчины, который ими командует. Его следует оставить Капитану.

Капитан пребывал в отвратительном настроении. Он пребывал в нем с того момента, когда три всадника из Фезаны явились в их лагерь и рассказали свою историю. Толстый купец — он назвал себя Абенмуза — рассказал им, что приказал сделать в тот день в Фезане правитель Картады. Не зная, как реагировать на услышанное, Альвар бросил взгляд на своих командиров. Если Лаин Нунес остался внешне равнодушным к этой кровавой истории, словно бы он ожидал подобных деяний здесь, в Аль-Рассане, то выражение лица сэра Родриго свидетельствовало совсем о другом. Но он ничего не сказал, когда купец закончил, только спросил у женщины-лекаря — ее звали Джеаной, — случалось ли ей когда-либо работать в военном отряде.

— Не случалось, — спокойно ответила она, — но я бы подумала о такой возможности в другое время. Сейчас же мне надо идти своей дорогой. Я рада оставить Хусари ибн Мусу — очевидно, так правильно произносилось его имя, — в вашем отряде, чтобы он мог заняться своими делами, а может быть, и вашими. А я, с вашего позволения, утром уеду.

Этот неспешный ответ, элегантно сформулированный, чуть было не разбил сердце Альвара. Он уже и так наполовину влюбился, не успела она даже заговорить. Женщина-лекарь показалась ему очень красивой. Ее волосы — та их часть, которую он мог видеть под синей накидкой, окутывавшей ее голову и плечи — имели темно-каштановый оттенок. Глаза были огромными, неожиданно синими при свете костра. Такой голос, как у нее, Альвар хотел бы слышать на смертном одре или всю оставшуюся жизнь. Она была поразительно спокойной и держалась с достоинством, даже здесь, в темноте, в обществе пятидесяти всадников с севера. Альвар знал, что в ее глазах он выглядит ребенком; восхищенно уставившись на нее, он действительно чувствовал себя зеленым юнцом.

Они так и не узнали, что ответил бы ей Капитан, или даже намеревался ли он всерьез предложить ей присоединиться к ним, потому что в этот момент Мартин внезапно крикнул:

— Огонь! На западе!

— А что там находится? — спросил капитан у троих жителей Фезаны, и все посмотрели в том направлении. Там уже вздымались языки пламени, причем не очень далеко от них.

Ответила женщина-лекарь, а не купец:

— Деревня. Орвилья. У меня там есть пациенты.

— Тогда вперед, — сказал Капитан, и выражение его лица стало еще более мрачным. — Теперь у вас там будет еще больше пациентов. Оставьте мула. Поедете вместе с Лаином — тем, что постарше. Альвар, возьми к себе ее слугу. Лудус, Мауро, охраняйте лагерь и купца. Вперед! Этот трусливый слизняк Гарсия де Рада все-таки явился.

По крайней мере половина налетчиков-джадитов погибла в считаные секунды до того, как Джеана, укрывшаяся вместе с Веласом у стены одного из горящих домов, услышала, как тот человек, которого другие называли Капитаном, внятно произнес:

— Хватит. Соберите остальных.

Капитан. Джеана, конечно, знала, кто он. Все на полуострове знали, кого называли одним этим словом, как титулом.

Его слова быстро передали друг другу остальные всадники, в том числе и тот пожилой, который привез ее сюда. Резня прекратилась.

Прошло некоторое время, пока бандитов согнали к центру деревни — открытой площадке, поросшей травой. Некоторые из людей Родриго Бельмонте наполняли ведра из ручья, пытаясь потушить пожары, вместе с горсткой деревенских жителей. Но они старались зря; даже неопытной Джеане было ясно, что все их усилия тщетны.

— Доктор! О хвала божественным звездам! Пойдемте быстрее, пожалуйста!

Джеана обернулась и узнала свою пациентку — ту женщину, которая каждую неделю приносила ей на базар яйца.

— Абираб! Что случилось?

— Моя сестра! Ее ужасно искалечили. Один из этих людей. Она истекает кровью, и она беременна. А ее муж погиб. О, что нам делать, доктор?

Лицо женщины было черным от сажи и дыма и искажено горем. Глаза покраснели от слез. Джеана, на мгновение оцепеневшая от этой жестокой, кошмарной реальности, быстро помолилась про себя Галинусу — единственному, кому она действительно поклонялась, — и сказала:

— Отведи меня к ней. Сделаем, что сможем.

Зири ибн Арам, стоящий в дальнем конце круга, все еще не знал, что случилось с его отцом и матерью. Он видел, как его тетка подошла к женщине, которая приехала вместе с новыми

воинами. Он уже собирался пойти за ними, но что-то удержало его на месте. Несколькими минутами раньше он готовился умереть, прибитый гвоздями к балке, взятой из сарая. Он произнес слова, которые отдавали его душу звездам Ашара. Но кажется, звезды еще не были готовы принять подобный дар.

Он смотрел, как темноволосый командир вновь прибывших снял перчатку и пригладил усы, глядя вниз со своего черного коня на вожака тех, кто уничтожил деревню Зири. Стоящий на земле человек был приземистым и смуглым. На взгляд Зири, было совсем не похоже, что он боится приближающейся смерти.

— Ты сам вырыл себе могилу, — произнес он с потрясающей наглостью, обращаясь к человеку на коне. — Знаешь, кого убили твои головорезы? — Голос его был слишком высоким для мужчины, почти пронзительным. — Знаешь, что произойдет, когда я доложу об этом в Эстерене?

Широкоплечий, темноволосый человек на черном коне ничего не ответил. Человек постарше, стоящий рядом с ним, очень высокий и худой, с седеющими волосами, резко произнес:

— Ты так уверен, что вернешься обратно, де Рада?

Коренастый даже не взглянул на него. Однако через секунду первый всадник, командир, очень тихо сказал:

— Отвечай ему, Гарсия. Он задал тебе вопрос. — Это имя он произнес так, словно отчитывал ребенка, но голос его был холодным.

Зири в первый раз заметил, как на лице человека по имени Гарсия промелькнуло сомнение. Но всего лишь на долю секунды.

— Ты же не круглый дурак, Бельмонте. Не надо играть со мной в эти игры.

— Игры? — В голосе всадника зазвучал тяжелый гнев. Он резко взмахнул рукой, обводя всю горящую Орвилью. Ничего нельзя спасти. Совсем ничего. Зири начал оглядываться в поисках отца. Его охватил смертельный ужас.

— Разве я стал бы играть в игры посреди всего этого? — резко спросил человек на коне. — Осторожно, Гарсия. Не оскорбляй меня. Сегодня не надо. Я сказал твоему брату, что произойдет, если ты приблизишься к Фезане. Полагаю, он предупредил тебя. Я должен предполагать, что он тебя предупредил.

Стоящий перед ним человек молчал.

— Какое это имеет значение? — спросил седой. И сплюнул на землю. — Это же падаль. И даже еще хуже.

— Я тебя запомню! — рявкнул черноволосый, теперь поворачиваясь к говорившему. И сжал кулаки. — У меня хорошая память.

— Однако ты позабыл предостережение твоего брата? — Это снова заговорил командир, тот, кого звали Бельмонте. Его голос опять звучал спокойно, угрожающе спокойно. — Или ты предпочел забыть о нем, скажем так? Гарсия де Рада, что ты делал мальчиком в своих семейных владениях — не моя забота. К сожалению, то, что ты сотворил здесь в качестве человека, считающегося взрослым, — забота моя. Эта деревня находится под защитой короля Вальедо, на службе у которого я состою. Дань, за которой я сюда приехал, отчасти платили и те люди, которых ты сегодня убил. Ты нарушил обещания короля Рамиро и выставил его лжецом в глазах всего света. — Он выдержал паузу, чтобы его слова дошли до слушателей. — Учитывая этот факт, что я должен с тобой сделать?

Человек, которому задали этот вопрос, явно не ожидал его. Но за словом в карман не полез.

— «Учитывая этот факт», — насмешливо повторил он тем же тоном. — Тебе следовало стать судейским, а не солдатом, Бельмонте. Судьей на твоих восточных пастбищах, чтобы выносить приговоры за кражу овец. Разве мы сейчас в твоем зале суда?

— Да, — ответил Бельмонте. — Теперь ты начинаешь понимать. Именно так и обстоит дело. Мы ждем твоего ответа. Что я должен с тобой сделать? Отдать этим людям, чтобы они тебя распяли? Ашариты тоже прибивают людей гвоздями к крестам. Мы научились этому от них. Ты это знаешь? Сомневаюсь, что нам будет сложно найти плотников.

— Пустые угрозы, — ответил Гарсия де Рада.

Джеана, которая шагала назад к кучке людей, стоящих посреди горящей деревни, держа за руки двух маленьких девочек, с черной яростью в сердце, увидела лишь стремительное движение правой руки Родриго Бельмонте. Услышала хлопок, словно от удара хлыста, потом крик человека.

Тут она поняла, что это и был удар хлыста, и увидела черную полоску крови на щеке Гарсии де Рада. «Теперь у него на всю жизнь останется шрам», — подумала Джеана. Еще ей захотелось, чтобы сегодняшняя ночь стала концом его жизни. Никогда прежде она не ощущала такой ярости: всепоглощающей, внушающей ужас. Джеана чувствовала, что могла бы сама убить его. Приходилось глубоко дышать, стараясь сохранить остатки самообладания.

Когда ее отца изувечили в Картаде, сначала до Джеаны и ее

матери дошел слух об этом, потом пришло сообщение, а потом они жили с этим знанием два дня, перед тем как им разрешили увидеть содеянное и забрать отца домой. То, что она увидела в лачуге у реки, причиняло такие же страдания, как соль на свежей ране. Джеане хотелось кричать. Что может сделать медицина, все ее образование, ее клятва, столкнувшись с подобным зверством?

Гнев сделал ее безрассудной. Ведя двух девочек, она подошла прямо к стоящим друг против друга Родриго Бельмонте и вожаку налетчиков-джадитов, человеку, которого он назвал Гарсией и только что ударил кнутом.

— Кто из них это сделал? — спросила она у детей нарочито звучным голосом, чтобы все слышали.

Вокруг них внезапно воцарилось молчание. Юноша лет четырнадцати-пятнадцати стал поспешно пробираться к ним. Девочки говорили ей, что их старший брат, возможно, жив. Сестра их матери, Абираб, которая вечно просила у Джеаны на базаре всякие мази и настойки от боли в ногах, судорог или бессонницы, осталась в хижине, пытаясь совершить невозможное: сделать не таким ужасным вид изувеченной, мертвой женщины и мертвого младенца, выпавшего из ее чрева.

Юноша подбежал к ним и опустился на колени возле сестер. Одна из них сломалась и зарыдала у него на плече. Вторая, постарше, стояла очень прямо с серьезным и напряженным лицом, оглядывая бандитов.

— На нем была красная рубашка, — явственно произнесла она, — и красные сапоги.

— Вон тот, — произнес человек по имени Лаин Нунес через несколько мгновений и указал рукой. — Приведи его сюда, Альвар.

Младший воин из отряда, тот, у которого были удивительно высокие стремена, спрыгнул с коня. Он вытолкнул из рядов уцелевших налетчиков одного из них. Джеана все еще была поглощена своей яростью и не слишком удивилась тому, что все они ради нее прервали то, чем занимались.

Не ради нее. Она посмотрела на мальчика, стоящего на коленях и обнимающего рыдающую сестру.

— Тебя зовут Зири?

Он кивнул, глядя на нее снизу вверх. Его темные глаза казались огромными на белом лице.

— Мне жаль, но я вынуждена сообщить тебе: твои отец и мать погибли. Сегодня ночью нет легкого способа это сказать.

— Здесь убито очень много людей, доктор. Почему вы нас прерываете? — Это произнес у нее за спиной Бельмонте, и по-своему этот вопрос был справедливым.

Но гнев Джеаны не отпускал ее. Этот человек — джадит, и тот ужасный поступок тоже совершил джадит.

— Вы хотите, чтобы я рассказала об этом в присутствии детей? — Она даже не оглянулась в его сторону.

— После сегодняшней ночи здесь не осталось детей.

Она поняла, что это правда. И поэтому Джеана указала на человека в красной рубашке и сказала, хотя потом пожалела об этом:

— Этот человек изнасиловал их мать, которая вот-вот должна была родить еще одного ребенка. Потом он вонзил в нее свой меч, вспорол живот и оставил ее истекать кровью. Когда я пришла, ребенок уже выпал из раны. У него почти отсечена голова. Мечом. Еще до рождения. — Когда она произносила эти слова, ее затошнило.

— Понятно. — В голосе Родриго Бельмонте прозвучала усталость, которая заставила ее обернуться и взглянуть на него. Но она ничего не смогла прочесть на его лице.

Он еще секунду молча сидел на коне, потом сказал:

— Дай мальчику твой меч, Альвар. Этого мы не можем допустить. Только не в деревне, которую вальедцы обязаны защищать.

«А где бы вы это могли допустить?» — хотелось спросить Джеане, но она промолчала. Ей вдруг стало страшно.

— Этот человек — мой родственник, — резко произнес Гарсия де Рада, прижимая клочок грязной ткани к кровоточащей щеке. — Его зовут Паразор де Рада. Родственник министра, Бельмонте. Ты помнишь, кто...

— Замолчи, или я убью тебя!

Родриго Бельмонте в первый раз повысил голос, и не только Гарсия де Рада содрогнулся, услышав его. Джеана снова взглянула в лицо человеку, которого называли Капитаном, а потом отвела глаза. Ее ярость утихла, остались лишь горе и приступы тошноты.

Молодой солдат, Альвар, послушно подошел к мальчику, который все еще стоял на коленях рядом с ней, обнимая уже обеих сестер. Альвар протянул ему меч рукоятью вперед. Мальчик Зири посмотрел мимо Джеаны на Родриго Бельмонте, возвышающегося над ним на черном коне.

— Я даю тебе это право. Говорю это тебе при свидетелях.

Мальчик медленно встал и медленно взял меч. Юноша по имени Альвар был так же бледен, как Зири. И Джеана поняла, что сегодня ночью он впервые ощутил вкус битвы. На лезвии меча осталась кровь.

— Подумай, что ты делаешь, Бельмонте! — внезапно хрипло крикнул человек в красной рубашке и сапогах. — Такие вещи случаются во время войны, во время набега. Не делай вид, будто твои собственные люди...

— Войны? — В голосе Родриго звучала ярость. — Какой войны? Кто с кем воюет? Кто приказал совершить этот набег? Скажи мне!

Несколько долгих мгновений человек молчал.

— Мой родственник, Гарсия, — в конце концов, ответил он.

— Его должность при дворе? Его полномочия? Причины?

Отчета не последовало. Вокруг раздавались треск и шипение пожаров, и от пылающих домов исходил мрачный, жуткий свет, затмевающий звезды и даже луны. Теперь Джеана слышала рыдания, пронзительные звуки горя, доносящиеся из теней по краям пламени.

— Да простит тебя Джад и найдет для твоей души место в Его свете, — произнес Родриго Бельмонте, глядя на человека в красной рубашке. Его голос теперь звучал совсем по-другому.

Зири в последний раз поднял на него глаза, услышав это, и, очевидно, увидел то, что ему было необходимо. Он повернулся, шагнул вперед, держа в руках непривычный меч.

«Он никогда в жизни не держал оружия», — подумала Джеана. Ей хотелось закрыть глаза, но что-то не позволяло ей это сделать. Человек в красной рубашке не пытался убежать. В то время она приняла это за мужество, но позже решила, что он, наверное, был слишком изумлен происходящим, чтобы реагировать. Такого просто не могло произойти с благородными господами, играющими в свои игры в сельской местности. Зири ибн Арам сделал два твердых шага вперед и вонзил одолженный ему клинок — неловко, но решительно — прямо в сердце человека, убившего его отца и мать. Тот страшно вскрикнул, когда лезвие вошло в него.

Джеана слишком поздно вспомнила о девочках. Ей следовало заставить их отвернуться, зажать уши. Они обе смотрели. Теперь они уже не плакали. Она опустилась на колени и прижала их к себе.

«Это я виновата в его смерти», — подумала Джеана. Теперь, когда ярость перестала двигать ею, это была ужасающая мысль.

Внезапно она осознала, что находится здесь, за стенами Фезаны, чтобы стать причиной еще одной смерти.

— Теперь я их уведу, доктор.

Она подняла взгляд и увидела рядом с собой этого мальчика, Зири. Он уже вернул меч Альвару. Его глаза ничего не выражали. Поможет ли ему то, что он отомстил, потом, позднее? Джеана в этом сомневалась.

Она отпустила девочек и смотрела, как брат уводит их прочь. Она не знала, куда они направляются среди всех пожарищ. И сомневалась, что он сам это знает. Она осталась стоять на коленях, глядя на Гарсию де Рада.

— Мой родственник был свиньей, — хладнокровно произнес тот, отворачиваясь от убитого и глядя снизу вверх на Родриго Бельмонте. — То, что он сделал, — отвратительно. Хорошо, что мы от него избавились, и то же самое я скажу, когда мы вернемся домой.

Лаин Нунес рассмеялся изумленным, отрывистым смехом. Джеана сама с трудом верила собственным ушам. В глубине души она вынуждена была признать, что у этого человека есть определенное мужество. И все равно он — чудовище. Чудовище из сказок, которым матери пугают детей, чтобы те слушались. Но сюда, в Орвилью, это чудовище все же явилось наяву, и дети погибли. Одного из них зарубили мечом еще до того, как он пришел в этот мир.

Она снова оглянулась через плечо и увидела, что Родриго Бельмонте улыбается странной улыбкой, глядя на де Раду. Никого на свете не успокоило бы выражение его лица.

— Ты знаешь, — сказал он, и его голос снова звучал спокойно, почти непринужденно, — я всегда думал, что это ты отравил короля Раймундо.

Джеана увидела изумление и тревогу на изборожденном морщинами лице Лаина Нунеса. Он резко повернулся к Родриго. Этого он явно не ожидал. Он подъехал ближе к Капитану. Посмотрев на Гарсию де Рада, Джеана увидела, как тот открыл рот и снова закрыл его. Он явно усиленно размышлял, но она не заметила в нем никакого страха даже сейчас. Кровь сочилась из раны на его лице.

— Ты бы не посмел произнести подобное в Эстерене, — наконец сказал он.

Его голос звучал теперь мягче. В рядах джадитов снова возникло напряжение. Последнего короля Вальедо звали Раймундо, это Джеане было известно. Он был самым старшим из трех

братьев, сыновей Санчо Толстого. Вокруг смерти Раймундо ходили разные слухи, и в них упоминалось имя Родриго Бельмонте, что-то насчет коронации нынешнего короля Вальедо. «Аммар ибн Хайран мог бы рассказать ей об этом, — внезапно подумала Джеана и покачала головой. — Какая странная мысль».

— Может быть, и нет, — ответил Родриго по-прежнему мягко. — Но мы не в Эстерене.

— И ты считаешь себя вправе бросать ложные обвинения кому угодно?

— Не кому угодно. Только тебе. Вызови меня на дуэль. — На лице Капитана все еще держалась эта странная улыбка.

— Вызову, когда вернемся домой. Поверь.

— Не верю. Сразись со мной сейчас или признайся, что убил своего короля.

Краем глаза Джеана видела, как стоящий рядом с Капитаном Лаин Нунес сделал рукой странный, беспомощный жест. Капитан не обратил на него внимания. Его настроение как-то изменилось, и Джеана впервые почувствовала, что боится его. Этот вопрос — смерть короля Раймундо — был, по-видимому, его больным местом. Она увидела, что Велас тихо подошел и встал рядом с ней, словно хотел защитить.

— И не подумаю. Только не здесь. Но повтори это при дворе, и посмотришь, что я сделаю, Бельмонте.

— Родриго! — услышала Джеана хриплый голос Лаина Нунеса. — Прекрати, во имя Джада! Убей его, если хочешь, но прекрати сейчас же.

— Но именно в этом и заключается проблема, — ответил Капитан из Вальедо тем же напряженным голосом. — Мне кажется, я не могу.

Джеана, стараясь понять происходящее сквозь бурю собственных эмоций, не была уверена, что он имеет в виду: не может убить или не может прекратить этот разговор? У нее мелькнуло ощущение, что, возможно, он имеет в виду и то, и другое.

Еще один дом обрушился с грохотом. Огонь уже охватил все, до чего смог дотянуться. Больше не осталось дерева, которое могло загореться. Орвилья к утру превратится в пепел и угли, а уцелевшим придется заняться мертвыми и жить дальше.

— Забирай своих людей и уходи, — сказал Родриго Бельмонте человеку, который все это сделал.

— Верни наших коней и оружие, и мы тотчас же отправимся на север, — быстро ответил Гарсия де Рада.

Джеана оглянулась и увидела, что холодная улыбка Родриго

исчезла. Теперь он выглядел усталым, словно недавняя перепалка лишила его сил.

— Вы пообещали за себя выкуп, помнишь? — спросил он. — При свидетелях. Полный размер выкупа будет установлен герольдами двора. Ваши кони и оружие пойдут в счет первой выплаты. Вас отпускают под обещание заплатить остальное.

— Ты хочешь, чтобы мы шли в Вальедо пешком?

— Я хочу, чтобы ты умер, — сухо ответил Родриго. — Но не стану убивать соотечественника. Скажи спасибо и отправляйся в путь. Сегодня в Фезане ночует пятьсот наемников-мувардийцев, между прочим. Они уже заметили огонь пожаров. Промедление может оказаться опасным.

«Он собирается их отпустить. Привилегия ранга и власти. Так устроен мир. Смерть и увечья крестьян можно возместить лошадьми и золотом для спасителей...» Внезапно перед мысленным взором Джеаны ясно возникла картинка: она плавно поднимается с бурой, опаленной травы, подходит к юному солдату Альвару и хватает его меч. Она почти ощутила тяжесть оружия в своих руках. С потусторонней ясностью она видела, как подходит к Гарсии де Рада — он уже стоял вполоборота к ней. В своем видении она услышала крик Веласа «Джеана!» в тот момент, когда убила де Раду мечом джадитов, держа оружие обеими руками. Солдатский клинок вошел между ребрами; она услышала крик черноволосого человека и увидела хлынувшую кровь, и эта кровь лилась, пока он падал на землю.

Она никогда не думала, что ее могут посещать подобные видения и тем более что она может ощущать такую настоятельную необходимость сделать это. Она — лекарь, она дала клятву Галинуса сохранять жизнь. Ту же клятву давал ее отец, и эта клятва заставила его помочь сохранить жизнь новорожденному, хотя он понимал, что это может стоить ему собственной жизни. Так он сказал сегодня ибн Хайрану. Трудно поверить, что это было сегодня.

Прежде всего она — лекарь, это ее священный остров, ее святилище. Она уже стала причиной гибели одного человека сегодня ночью. Достаточно. Более чем достаточно. Она встала и шагнула к Гарсии де Рада. Видела, как он смотрел на нее, отмечая накинутое на голову и плечи покрывало, как носят киндаты. Она читала в его глазах презрение и насмешку. Это не имело значения. Она дала клятву, много лет назад.

Джеана сказала:

— Промойте рану в реке. Потом прикройте ее чистой тка-

нью. Делайте это каждый день. Шрам останется, но заражения можно избежать. Если сможете, поскорее найдите лекаря, который смажет ее мазью, так будет лучше для вас.

Она даже представить себе не могла, что ей будет так трудно выговорить эти слова. На краю открытого пространства, в тени развалин, она увидела свою пациентку, Абираб, с двумя девочками, которые жались к ней. Их брат, Зири, вышел немного вперед и смотрел на нее. Под его пристальным взглядом собственные слова показались Джеане самым подлым предательством.

Она повернулась и, не оглядываясь, никого не ожидая, зашагала прочь из деревни, между горящими домами, через пролом в ограде. Ее лицо и сердце опалил огонь пожаров, и не было никакой надежды остудить жар ее боли.

Она знала, что Велас идет следом. Но не ожидала так быстро услышать стук копыт догоняющего ее коня.

— До лагеря идти слишком далеко, — произнес чей-то голос. На этот раз этот голос принадлежал не Лаину Нунесу. Она подняла глаза на Родриго Бельмонте, придержавшего коня рядом с ней. — Мне кажется, каждый из нас только что совершил поступок, идущий вразрез с нашими желаниями, — продолжал он. — Поедем вместе?

Сначала он подавлял ее своей известностью, потом внушал страх, но недолго, потом вызвал гнев, возможно, несправедливый. Теперь она просто устала и была рада возможности поехать верхом. Он нагнулся и поднял ее в седло без малейших усилий, хотя ее нельзя было назвать миниатюрной женщиной. Она расправила юбки и нижнюю тунику и перекинула ногу через круп коня позади него. Обняла его руками за талию. Он не носил доспехи. Ночь стала тихой, пожары остались позади, и Джеана могла слышать биение его сердца.

Они какое-то время ехали в молчании, и Джеана позволила тишине и темноте слиться с ритмичным топотом конских копыт и вновь обрела хоть какое-то душевное равновесие.

«Для меня это день встреч со знаменитыми мужчинами», — внезапно подумала она.

Это было бы забавным, если бы в этот день не произошло столько трагедий. Но осознание подобного факта было неизбежным. Человек, за спиной которого она сидела, был известен уже двадцать лет — со времени последних дней Халифата, — как Бич Аль-Рассана. Ваджи до сих пор предавали его имя проклятию в храмах, во время вечерней молитвы. Интересно, знает ли он об этом, гордится ли этим?

— Вспыльчивость — моя беда, — тихо сказал он, нарушив молчание. Он говорил по-ашаритски почти без акцента. — Мне не следовало бить его хлыстом.

— Не понимаю, почему не следовало, — ответила Джеана.

Он покачал головой.

— Таких людей либо убивают, либо оставляют в покое.

— Тогда вам следовало убить его.

— Вероятно. Я мог бы, во время первого столкновения, когда мы появились, но не после того, как он и его люди сдались и пообещали выкуп.

— Ах да! — сказала Джеана, сознавая, что в ее голосе звучит горечь. — Кодекс воинов. Не хотите вернуться назад и взглянуть на ту мать с младенцем?

— Я видел подобные вещи, доктор. Поверьте мне. — Она ему верила. Вероятно, он и сам проделывал нечто подобное.

— Я случайно знаком с вашим отцом, — сказал Родриго Бельмонте после еще одной паузы. Джеана оцепенела. — Исхак из киндатов. Я очень сожалел, узнав о его судьбе.

— Откуда... откуда вы знаете, кто мой отец? Откуда вы знаете, кто я такая? — заикаясь, спросила она.

Он рассмеялся. И ответил, к ее изумлению, теперь уже на языке киндатов, довольно бегло:

— Догадаться было не так уж сложно. Сколько в Фезане синеглазых женщин-лекарей из киндатов? К тому же у вас отцовские глаза.

— У моего отца нет глаз, — с горечью возразила Джеана. — Вам это известно, если вы слышали о его беде. Откуда вы знаете наш язык?

— Солдаты обычно понемногу говорят на многих языках.

— Не так хорошо, и не на языке киндатов. Откуда вы его знаете?

— Когда-то я влюбился, очень давно. Собственно говоря, это лучший способ выучить язык.

Джеану снова охватил гнев.

— А когда вы выучили язык ашаритов? — спросила она.

Он снова легко перешел на этот язык.

— Я некоторое время жил в Аль-Рассане. Когда отец отправил принца Раймундо в ссылку за множество прегрешений, в основном воображаемых, он провел год в Силвенесе и Фезане, а я отправился на юг вместе с ним.

— Вы жили в Фезане?

— Какое-то время. Почему вас это так удивляет?

Она промолчала. В самом деле, это не было так уж необычно. Многие десятилетия, если не столетия, семейная вражда правителей-джадитов Эсперанъи с их родственниками часто вынуждала знатных людей и их свиту искать убежища и наслаждений в Аль-Рассане. А во времена Халифата немало знатных ашаритов также считали разумным уехать подальше от длинной руки Силвенеса и пожить среди всадников севера.

— Не знаю, — наконец-то ответила она на его вопрос. — Наверное, потому, что должна была вас запомнить.

— Семнадцать лет назад? Вы тогда были совсем ребенком. Мне кажется, я вас один раз видел, если только у вас нет сестры, на базаре, в палатке вашего отца. У вас нет причин меня помнить. Мне было примерно столько же лет, сколько теперь юному Альвару. И опыта у меня было примерно столько же.

Упоминание о юном воине кое о чем ей напомнило.

— Альвар? Тот, кто взял к себе в седло Веласа? Когда вы собираетесь объяснить ему шутку со стременами, которую вы с ним сыграли?

Последовало короткое молчание, пока до него дошло. Потом Родриго громко рассмеялся.

— Вы заметили? Какая умная! Но откуда вам известно, что это шутка?

— Догадаться было не так уж сложно, — ответила она, намеренно повторяя его фразу. — Он скачет, задрав колени почти до талии. Так же разыгрывают рекрутов-новичков в Батиаре. Хотите искалечить парня?

— Конечно, нет. Но он немного более самоуверен, чем вы думаете. Не мешает его чуточку приструнить. Я намеревался позволить ему опустить ноги, перед тем как мы завтра войдем в город. Если хотите, можете сегодня стать его спасительницей. Он и так уже очарован вами, вы заметили?

Она не заметила. Джеана никогда не придавала слишком большого значения подобным вещам.

Родриго Бельмонте резко сменил тему разговора:

— Вы упомянули о Батиаре? Вы там учились? У сэра Реццони в Соренике?

Она снова была сбита с толку.

— А потом полгода в университете в Падрино. Вы знаете там всех врачей?

— Большинство хороших врачей знаю, — сухо ответил он. — Это часть моей профессии. Подумайте, доктор. У нас на севере очень не хватает обученных лекарей. Мы умеем убивать, но мало знаем о лечении. В начале вечера я задал вам серьезный вопрос, а вовсе не праздный.

— Как только я приехала? Вы не могли знать, хороший я лекарь или нет.

— Дочь Исхака из Фезаны? Неужели я не столь образован, чтобы позволить себе высказать предположение?

— Уверена, что прославленный Капитан Вальедо может позволить себе все, что угодно, — колко ответила Джеана. Она чувствовала себя в невыгодном положении: этот человек слишком много знал. Он был чересчур умен; воины-джадиты должны быть совсем не такими.

— Не все, что угодно, — ответил он преувеличенно грустным тоном. — Моя дорогая жена — вы не знакомы с моей дорогой женой?

— Конечно, нет, — огрызнулась Джеана. «Он играет со мной».

— Моя дорогая жена наложила строгие ограничения на мое поведение вдали от дома. — Его тон делал значение этих слов слишком ясным, хотя подобное предположение — насколько она знала северян — было весьма маловероятным.

— Как это тяжело для солдата. Наверное, она очень грозная женщина.

— Так и есть, — с чувством подтвердил Родриго Бельмонте.

Но что-то — какой-то нюанс, новый оттенок значения — возникло в ночи, пусть даже окрашенное шуткой. Джеана внезапно осознала, что они сейчас одни в темноте, его люди и Велас остались далеко позади, а до лагеря еще далеко. Она сидит вплотную к нему, ее бедра прижаты к его бедрам, а ее руки крепко обнимают его за талию. Она с трудом подавила желание отпустить его и сменить позу.

— Извините, — после короткого молчания сказал он. — Сегодня ночью шутить не стоило, и теперь я вас смутил.

Джеана ничего не ответила. Кажется, независимо от того, говорит она или молчит, этот человек читает ее мысли, будто ярко освещенный свиток.

Ей пришла в голову одна мысль.

— Скажите, — твердо произнесла она, игнорируя его замечание, — если вы некоторое время жили здесь, почему вам тогда в лагере понадобилось спрашивать, что горит? Орвилья находится на одном и том же месте уже пятьдесят лет, даже больше.

Она не могла видеть его лица, конечно, но почему-то знала, что он улыбается.

— Хорошо, — в конце концов ответил он. — Очень хорошо,

доктор. Я теперь буду еще больше огорчен, если вы откажетесь от моего предложения.

— Я уже отказалась, помните? — Она не позволит увести себя в сторону. — Почему вам понадобилось спрашивать, что горит?

— Мне не нужно было спрашивать. Но я захотел спросить. Чтобы посмотреть, кто ответит. Задав вопрос, можно узнать не только ответ, но и многое другое.

Она задумалась над его словами.

— И что же вы узнали?

— Что вы соображаете быстрее, чем ваш друг-купец.

— Не надо недооценивать ибн Мусу, — быстро возразила Джеана. — Он меня сегодня несколько раз удивил, а я знаю его уже очень давно.

— Что же мне с ним делать? — спросил Родриго Бельмонте.

Вопрос задан всерьез, поняла Джеана. Она некоторое время ехала молча, размышляя. Теперь обе луны поднялись высоко и отстояли друг от друга примерно на тридцать градусов. Угол путешествия, по карте ее рождения. Впереди она уже видела огонь костра в лагере, где ждал Хусари вместе с двумя солдатами, оставленными в дозоре.

— Вы поняли, что его должны были убить сегодня днем вместе с остальными в замке?

— Об этом я догадался. Почему он уцелел?

— Я его не пустила. У него выходил камень из почки.

Родриго рассмеялся.

— Готов побиться об заклад, что ваш подопечный впервые благодарен за это камню. — И уже другим тоном прибавил: — Прекрасно. Значит, он приговорен Альмаликом к смерти. Что же я должен делать?

— Возьмите его с собой на север, — произнесла она наконец, пытаясь обдумать этот вариант. — Мне кажется, ему этого хочется. Если король Рамиро когда-нибудь собирается захватить Фезану...

— Погодите! Остановитесь, женщина! Что вы такое говорите?

— Очевидные вещи, по-моему, — нетерпеливо ответила она. — В один прекрасный день ваш король задумается, почему он всего лишь собирает дань, а не правит этим городом.

Родриго Бельмонте снова смеялся и тряс головой.

— Знаете, не все очевидные мысли нужно произносить вслух.

— Вы мне задали вопрос, — любезно возразила она. — Я приняла его всерьез. Если у Рамиро появятся подобные мысли —

какими бы смутными и мимолетными они ни были, — то ему будет полезно иметь рядом с собой единственного человека, уцелевшего после сегодняшней резни.

— Особенно если король позаботится о том, чтобы все знали, что этот человек приехал к нему сразу же после подобной резни и попросил его вмешаться. — Голос Родриго звучал задумчиво, он не стал отвечать на ее сарказм.

Внезапно Джеана почувствовала, что устала от разговора. Этот день начался на рассвете, на базаре, самым обычным образом. А теперь она здесь, в темноте, после резни в городе и нападения на Орвилью, обсуждает политику полуострова с Родриго Бельмонте, Бичом Аль-Рассана. Это уже небольшой перебор. Утром она собиралась отправиться своей дорогой, а утро уже близко.

— Полагаю, вы правы. Я лекарь, а не дипломат, знаете ли, — уклончиво пробормотала она. Как хорошо сейчас было бы уснуть.

— Иногда между ними очень мало разницы, — ответил он. Его слова вызвали у нее раздражение, достаточно сильное, чтобы она снова забыла о сне, в основном потому, что сэр Реццони не раз говорил ей в точности то же самое.

— Куда вы поедете? — небрежно спросил он.

— В Рагозу, — ответила она, не успев вспомнить, что планировала никому об этом не говорить.

— Почему? — настаивал он.

Кажется, он считает, будто имеет право получить ответ. Наверное, это из-за укоренившейся привычки командовать людьми, решила Джеана.

— Потому что мне говорили, что тамошние придворные и воины удивительно искусны в любовных делах, — тихо ответила она, подпустив хрипотцы в голос. Для верности она разжала руки, спустила их с его талии на бедра и на мгновение оставила их там, а потом снова обхватила его за талию.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Но она сидела очень близко, и как он ни старался скрыть свою реакцию, она почувствовала, что у него быстрее забилось сердце. И в то же мгновение подумала о том, что она играет в самую безрассудную игру и дразнит очень опасного мужчину.

— Удручающе знакомый прием, — жалобно произнес Родриго Бельмонте. — Женщина ставит меня на место. Вы уверены, что никогда не встречались с моей женой?

Через несколько секунд, против своей воли и вопреки всем

разумным ожиданиям, Джеана расхохоталась. А потом, возможно, именно потому, что она смеялась искренне, она снова вспомнила то, что видела в той маленькой лачуге в Орвилье, а потом она вспомнила, что ее отец сегодня произнес первые слова за четыре года, а она покинула его и мать, может быть, навсегда.

Джеана терпеть не могла плакать. «Смех и слезы, — говаривал Исхак, — ближайшие родственники». Это не было наблюдением лекаря. Об этом ему сказала его мать, а той сказала ее мать. Народ киндатов выживал на протяжении тысячи лет; они накопили эту народную мудрость и носили ее с собой, подобно дорожному багажу, сильно поношенному, но который всегда под рукой.

Поэтому Джеана боролась со слезами, сидя верхом на черном коне Родриго Бельмонте, пока они ехали на восток под лунами, предсказывающими ей путешествие, на фоне летних звезд. Человек, с которым она ехала, хранил молчание, и она была ему за это благодарна, пока они не достигли лагеря и не увидели, что там уже побывали мувардийцы.

Для Альвара большая часть огромного напряжения этой ночи проистекала от ощущения, что он безнадежно отстает от событий. Он всегда считал себя умным. Собственно говоря, он знал, что умен. Проблема заключалась в том, что события, происходящие сегодня ночью в Аль-Рассане, так далеко выходили за рамки его опыта, что его ума оказалось недостаточно для понимания того, как справиться с происходящим.

Он достаточно знал и понял, что, получив свою долю выкупа, обещанного за Гарсию де Рада и его уцелевших людей, он станет богаче, чем мог вообразить на первом году службы у короля Эстерена. Уже сейчас, до начала дальнейших переговоров о выкупе, Лаин Нунес выделил ему нового коня и доспехи. И то, и другое было лучше его собственных.

Вот так солдаты продвигаются наверх в этом мире, если продвигаются, при помощи разбоя и военных выкупов. Только он никак не ожидал обогатиться за счет своих же вальедцев.

— Это случается сплошь и рядом, — ворчливо сказал Лаин Нунес, когда они делили добычу в деревне. — Напомни мне рассказать тебе о том времени, когда мы с Родриго служили наемниками у ашаритов из Салоса, в низовьях реки. Мы не раз совершали для них набеги на Руэнду.

— Но не на Вальедо, — возразил Альвар, все еще обеспокоенный.

— Тогда это было одно целое, помнишь? Король Санчо еще сидел на троне объединенной Эсперанъи. Три провинции одной страны, парень. Не разделенные, как сейчас.

Альвар думал об этом на обратном пути в лагерь. Он вел внутреннюю борьбу со столькими трудностями, в том числе со своим первым убийством, что у него даже не было возможности порадоваться военной добыче. Но все же заметил, что Лаин Нунес выделил существенную долю отобранного оружия и коней уцелевшим крестьянам. Этого он не ожидал.

Вернувшись в лагерь, где их уже поджидали Капитан и женщина-лекарь, Альвар увидел сундуки, мешки и бочки и понял, что это налоги из Фезаны, доставленные ночью сюда, на равнину, мувардийцами — воинами с закутанными лицами.

— Где купец? — резко спросил Лаин Нунес, спрыгнув в коня. — Они приходили за ним? — И Альвар внезапно вспомнил, что пухлый ашарит в тот день должен был умереть в фезанском замке.

Капитан медленно покачал головой.

— Купца больше нет, — сказал он.

— Да сгниют их души! — яростно выругался Лаин Нунес. — Клянусь пальцами Джада, я ненавижу мувардийцев!

— Вместо купца, — миролюбиво продолжал Капитан, — мы, кажется, получили нового бойца, товарища Мартина и Лудуса. Только нам придется заставить его немного сбросить вес, прежде чем от него будет какая-то польза, имей в виду.

Лаин Нунес коротко хохотнул, когда поодаль от костра поднялась внушительная фигура, втиснутая — не без труда — в одежду всадника-джадита. Невероятно, но Хусари ибн Муса выглядел совершенно спокойным.

— Я сегодня уже побывал ваджи, — хладнокровно произнес он на сносном эсперанском. — Это всего лишь небольшая натяжка, я полагаю.

— Не согласен, — пробормотал Капитан. — Глядя на одежду Рамона, надетую на вас, я бы назвал это большой натяжкой. — Послышался смех. Купец улыбнулся и весело похлопал себя по животу.

Альвар неуверенно присоединился к веселью и тут увидел лекаря, Джеану, которая сидела на попоне у костра, обхватив руками согнутые колени. Она смотрела в огонь.

— Сколько собак пустыни побывало здесь? — спросил Лаин Нунес.

— Мартин говорит, всего десять. Вот поэтому они не отправились в Орвилью.

— Он им сказал, что мы взяли это на себя?

— Да. Им явно приказали отдать нам золото, в надежде, что мы быстро уедем.

Лаин Нунес снял шляпу и провел ладонью по редеющим седым волосам.

— И что, мы так и сделаем?

— Я думаю, да, — ответил Капитан. — Не могу себе представить, что нам здесь делать. Сейчас в Фезане нечего искать, кроме неприятностей.

— И неприятности направляются домой.

— Они идут пешком.

— Но, в конце концов, они туда попадут.

Родриго поморщился.

— Чего бы ты хотел от меня?

Его заместитель пожал плечами, потом осторожно сплюнул в траву.

— Значит, мы отправимся в путь на рассвете? — спросил он, не отвечая на вопрос.

Капитан пристально смотрел на него еще несколько секунд, открыл рот, словно хотел что-то сказать, но лишь покачал головой.

— Мувардийцы будут следить за нами. Мы уедем, но без особой спешки. Можем потратить какое-то время на свертывание лагеря. Ты можешь взять дюжину людей и утром съездить в Орвилью. Проведешь там день за работой и догонишь нас позднее. Среди прочих дел там ждут погребения мужчины и женщины.

Альвар спешился и подошел к костру, около которого сидела лекарь.

— Я... я могу вам чем-то помочь?

Она казалась очень усталой, но одарила его быстрой улыбкой.

— Нет, спасибо. — Она заколебалась. — Ты впервые в Аль-Рассане?

Альвар кивнул. И присел рядом с ней на корточки.

— Я надеялся завтра увидеть Фезану, — сказал он. Он жалел, что плохо владеет языком ашаритов, но старался. — Мне говорили, что этот город полон чудес.

— Не совсем так, — небрежно проговорила она. — Рагоза, Картада... Силвенес, конечно. То, что от него осталось. Это крупные города. Серия очень красива. А в Фезане нет ничего чудесного. Она всегда была слишком близко от земель тагры и не могла позволить себе показной роскоши. Ты не увидишь ее завтра?

— Мы уезжаем утром. — Альвара снова охватило неприятное ощущение, будто он изо всех сил пытается удержаться на плаву, а вода смыкается над его головой. — Капитан только что сообщил нам об этом. Не знаю, почему. Думаю, это из-за того, что приходили мувардийцы.

— Конечно. Оглянись вокруг. Здесь золото дани. Они не хотят открывать завтра ворота и очень не хотят присутствия солдат-джадитов в городе. После того, что произошло сегодня.

— Значит, мы просто развернемся и...

— Боюсь, именно так, парень. — Это произнес Капитан. — На этот раз тебе не удастся вкусить удовольствий развратного Аль-Рассана. — Альвар почувствовал, что краснеет.

— Ну, в этом году большинство женщин находится вне стен города, — заметила серьезным тоном Джеана. Она смотрела на сэра Родриго, а не на Альвара.

Капитан выругался.

— Не говорите об этом моим парням! Альвар, ты обязан хранить тайну. Я не хочу, чтобы кто-нибудь переправился через реку. Любой солдат, который уйдет из лагеря, отправится домой пешком.

— Слушаюсь, — поспешно ответил Альвар.

— Кстати, я вспомнил, — обратился к нему Капитан, искоса взглянув на доктора, — можешь теперь опустить стремена. На обратном пути.

При этих словах Альвар, впервые за долгое время, почувствовал себя почти прежним. Он ждал этого момента с тех пор, как отряд выехал из Вальедо.

— Это обязательно, Капитан? — спросил он с невинным выражением лица. — Я только начал к ним привыкать. И думал даже попробовать подтянуть их еще выше, если вы позволите.

Капитан снова посмотрел на доктора. И прочистил горло.

— Ну нет, Альвар. Это не... я не думаю...

— Я подумал, что если подниму колени достаточно высоко, действительно высоко, то смогу класть на них подбородок во время езды, и это поможет мне сохранить силы в долгом походе. Это кажется вам разумным, Капитан?

Альвар де Пеллино был вознагражден за не свойственное ему молчание и выжидательную политику. Он увидел, как ле-

карь медленно улыбнулась ему, потом вопросительно подняла брови и посмотрела на Капитана.

Однако Родриго Бельмонте был не из тех, кого можно надолго смутить подобными вещами. Он несколько секунд смотрел на Альвара, потом тоже расплылся в улыбке.

— Твой отец? — спросил он.

Альвар кивнул.

— Он действительно предупредил меня кое о чем, с чем я могу столкнуться в солдатской жизни.

— И ты предпочел все равно выполнить это указание насчет стремян? И ничего не сказал?

— Ведь это был ваш совет, Капитан. А я хотел остаться в вашем отряде.

Доктор явно забавлялась. Сэр Родриго нахмурил брови.

— Ради Джада, парень, ты что же — хотел мне угодить?

— Да, командир, — радостно ответил Альвар.

Женщина, которую, как Альвар уже решил, он будет любить вечно, запрокинула назад голову и громко расхохоталась. Через мгновение Капитан, которому он хотел бы служить всю жизнь, присоединился к ней.

Альвар решил, что эта ночь была не такой уж кошмарной.

— Видите, какие у меня умные солдаты? — сказал Родриго доктору, когда они перестали смеяться. — Вы совершенно уверены, что не передумаете и не присоединитесь к нам?

— Вы меня искушаете, — ответила та, по-прежнему с улыбкой. — Мне и в самом деле нравятся умные люди. — Выражение ее лица изменилось. — Но Эсперанья — не место для киндатов, сэр Родриго. Вы знаете это не хуже меня.

— Для нас нет никакой разницы, — сказал Капитан. — Если вы умеете зашить рубленую рану и вылечить рези в мочевом пузыре, вас с радостью примут в моем отряде.

— Я умею и то, и другое, но ваш отряд, какие бы умные солдаты в нем ни служили, еще не весь мир. — Теперь в ее глазах больше не было веселья. — Помните, что сказала о нас ваша королева Васка, когда Эсперанья занимала весь полуостров, до того как пришли ашариты и оттеснили вас на север?

— Это было больше трехсот лет назад, доктор.

— Я знаю. Помните?

— Помню, конечно, но...

— А ты помнишь? — Она повернулась к Альвару. Теперь она уже сердилась. Он молча покачал головой.

— Она сказала, что киндаты — это животные, на которых надо охотиться и сжигать их, чтобы стереть с лица земли.

Альвар не мог придумать, что ответить.

— Джеана, — сказал Капитан, — я могу лишь повторить: это было триста лет назад. Она уже давно умерла, исчезла.

— Не исчезла! И вы смеете это утверждать? Где она? — Джеана сердито смотрела на Альвара, будто это он был каким-то образом во всем виноват. — Где находится место упокоения королевы Васки?

Альвар с трудом глотнул.

— На острове, — прошептал он. — На острове Васки.

— Который стал усыпальницей! Местом паломничества, куда приезжают джадиты из всех трех ваших королевств и стран по ту сторону гор, ползут на коленях, чтобы вымолить чудо у духа той женщины, которая произнесла эти слова. Готова биться об заклад, что у половины вашего столь умного отряда найдутся родственники, которые совершили такое путешествие, чтобы умолять благословенную Васку о заступничестве.

Альвар не ответил ни слова. И Капитан на этот раз тоже.

— И вы меня убеждаете, — с горечью продолжала Джеана из народа киндатов, — что, пока я хорошо справляюсь со своими обязанностями, не имеет значения, какую веру я исповедую на земле Эсперанъи?

Сэр Родриго долго не отвечал. Альвар увидел, что купец, ибн Муса, подошел к ним. Он стоял по другую сторону от костра и слушал. Альвар слышал шум лагеря и видел людей, готовящихся ко сну. Было уже очень поздно.

В конце концов Капитан пробормотал:

— Мы живем в падшем и несовершенном мире, Джеана бет Исхак. Я — человек, который часто убивает, зарабатывая себе на жизнь. Не возьму на себя смелость дать вам ответ. Но у меня есть вопрос. Как вы думаете, что произойдет с киндатами в Аль-Рассане, если придут мувардийцы?

— Мувардийцы уже здесь. Они были сегодня в Фезане. И в этом лагере ночью.

— Наемники, Джеана. Возможно, их тысяч пять на весь полуостров.

Теперь настала ее очередь промолчать. Торговец шелком подошел ближе. Альвар видел, как Джеана взглянула на него, потом снова на Капитана.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

Теперь Родриго присел на корточки рядом с Альваром и сорвал несколько стебельков травы, прежде чем ответить.

— Некоторое время назад вы очень откровенно говорили о том, что когда-нибудь мы придем на юг, чтобы захватить Фезану. Как вы думаете, что сделает Альмалик Картадский и другие правители, если увидят, что мы наступаем через земли тагры и осаждаем города ашаритов?

И опять доктор ничего не ответила. Она задумчиво хмурила брови.

— Первыми будут ваджи, — тихо произнес Хусари ибн Муса. — Начнут они, не правители.

Родриго кивнул в знак согласия.

— Полагаю, так и будет.

— Что они начнут? — спросил Альвар.

— Призывать племена из Маджрита, — ответил Капитан. Он мрачно смотрел на Джеану. — Что произойдет с киндатами, если правители городов Аль-Рассана будут побеждены? Если Язир и Галиб переправятся через пролив на север с двадцатью тысячами воинов? Захотят ли воины пустыни сразиться с нами, а потом тихо уйти домой?

Она долго не отвечала, неподвижно сидела в задумчивости, и мужчины вокруг нее тоже молчали, ожидая ответа. За ее спиной, на западе, Альвар видел низко на небе белую луну, словно отдыхающую над бесконечной равниной. Для него это было странное мгновение; потом, оглядываясь назад, он мог сказать, что повзрослел той долгой ночью у Фезаны, что тогда распахнулись двери и окна несложной жизни и скрытая сложность вещей впервые открылась ему. Не ответы, разумеется, всего лишь представление о трудности вопросов.

— Значит, существует выбор? — спросила лекарь Джеана, нарушив молчание. — Всадники с закутанными лицами или всадники Джада? Это уготовано для нас судьбой?

— Нам не суждено снова увидеть расцвет Халифата, — тихо проговорил Хусари ибн Муса, тень на фоне неба. — Дни Рахмана Золотого и его сыновей или даже ибн Заира среди фонтанов Аль-Фонтаны миновали.

Альвар де Пеллино не мог бы объяснить, почему его это так сильно опечалило. Он провел свое детство, играя в победителя злых ашаритов, мечтая о разграблении Силвенеса, страшась сабель и коротких луков Аль-Рассана. Рашид ибн Заир, последний из великих халифов, прошелся по провинциям Эсперанъи огнем и мечом, совершая набег за набегом, когда отец Альвара

был ребенком, а потом солдатом. Но здесь, под лунами и поздними звездами, печальный, тихий голос торговца шелком вызвал ощущение невообразимой потери.

— Сможет ли Альмалик в Картаде стать достаточно сильным? — Доктор смотрела на купца, и даже Альвар, который ничего не знал о подоплеке этого вопроса, видел, как трудно ей было задать его.

Ибн Муса покачал головой.

— Ему не позволят. — Он показал в сторону сундуков с золотом и мулов, которые привезли дань в лагерь. — Даже со своими наемниками, которым он едва в состоянии платить, он не может избежать уплаты париас. По правде говоря, он не лев. Всего лишь самый сильный из мелких правителей. И он уже нуждается в поддержке мувардийцев, чтобы оставаться таким.

— Значит, то, что вы намереваетесь сделать, что я надеюсь сделать... — это просто ускорит конец Аль-Рассана?

Хусари ибн Муса присел рядом с ними. И мягко улыбнулся.

— Ашар учил, что деяния людей похожи на следы в пустыне. Ты это знаешь.

Она попыталась ответить на его улыбку, но ей это не удалось.

— А киндаты говорят, что ничему под лунами не суждено уцелеть. Что мы, называющие себя странниками, являемся символом жизни всего человечества. — Она секунду помедлила и повернулась к Капитану. — А вы? — спросила она.

И Родриго Бельмонте мягко ответил:

— Даже солнце заходит, моя госпожа. — А потом прибавил: — Вы поедете с нами?

Со странной, неожиданной грустью Альвар увидел, как Джеана медленно покачала головой. Он видел, что несколько прядей ее каштановых волос выбилось из-под накинутой столы. Ему хотелось поправить их как можно нежнее.

— Я даже не могу объяснить вам, почему, — сказала она, — но мне кажется важным поехать на восток. Я бы хотела посетить двор эмира Бадира и поговорить с Мазуром бен Авреном, и погулять под арками дворца Рагозы. Прежде чем эти арки обрушатся, как арки Силвенеса.

— И поэтому вы покинули Фезану? — спросил сэр Родриго.

Она снова покачала головой.

— Если это так, то я ничего об этом не знаю. Я здесь потому, что дала клятву, себе и никому другому, когда узнала, что сотворил сегодня Альмалик. — Выражение ее лица изменилось. —

И я побьюсь об заклад со своим старым другом Хусари, что расправлюсь с Альмаликом Картадским раньше, чем он.

— Если только кто-нибудь не сделает это раньше нас обоих, — мрачно проронил ибн Муса.

— Кто? — спросил сэр Родриго. Вопрос солдата вывел их из настроения, навеянного печалью и светом звезд. Но купец только покачал головой и ничего не ответил.

— Я должна поспать, — сказала Джеана, — хотя бы для того, чтобы дать передохнуть Веласу. — Она махнула рукой, и Альвар увидел старого слугу, который устало стоял на почтительном расстоянии, там, где свет костра сливался с темнотой.

Вокруг них лагерь затих, так как солдаты уже улеглись. Джеана посмотрела на Родриго.

— Вы говорили, что утром пошлете людей хоронить погибших в Орвилье. Я поеду с ними и сделаю, что смогу, для живых, а потом мы с Веласом отправимся своим путем.

Альвар увидел, как Велас сделал знак Джеане, а потом заметил, где слуга устроил для нее ложе. Она пошла к нему. Альвар несколько секунд спустя неловко поклонился ей вслед и пошел в другую сторону, туда, где обычно спал рядом с Мартином и Лудусом, разведчиками. Они уже уснули, завернувшись в свои одеяла.

Он развернул попону и лег. Сон не шел к нему. Слишком много мыслей толпилось в голове юноши. Он вспомнил гордость в голосе матери в тот день, когда она рассказывала подробности о своем первом паломничестве к Святой Васке, чтобы попросить заступничества для своего сына, который покидал дом и вступал на стезю воина. Он вспомнил ее рассказ о том, как мать одолела последнюю часть пути на четвереньках по камням, чтобы поцеловать ноги статуи королевы на ее могиле.

«Животные, на которых следует охотиться и сжигать, чтобы стереть их с лица земли».

Сегодня ночью он впервые убил человека. Хороший удар мечом с коня, разрубивший ключицу бегущего. Это движение он тренировал так много раз, с друзьями или в одиночку, еще ребенком, под присмотром отца, потом его муштровали сержанты короля, грязно ругаясь, на арене для турниров в Эстерене. Точно такое движение, никакой разницы. И тот человек упал на летнюю землю, и жизнь вытекла из него вместе с кровью.

«Деяния человека подобны следам в пустыне».

Сегодня ночью он добыл себе великолепного скакуна и доспехи, намного лучшие, чем его собственные, и получит еще

больше. Начало благосостояния, чести солдата, возможно, постоянное членство в отряде Родриго Бельмонте. Он заслужил смех и одобрение человека, который мог действительно стать его Капитаном.

«Ничему под лунами не суждено уцелеть».

Он сидел у костра на темной равнине и слушал речи ашарита и женщины-киндата, чья красота и опыт превосходили весь его опыт и опыт самого сэра Родриго. Они говорили в присутствии Альвара о прошлом и о будущем полуострова.

Этой ночью Альвар де Пеллино принял решение, и оно далось ему легче, чем он мог себе представить. Он лежал под звездами и стал теперь более проницательным человеком, чем был еще этим утром, и он знал, что ему будет позволено это сделать. Только после этого, словно это решение было ключом к двери сна, мысли Альвара замедлили свое вращение и позволили ему отдохнуть. Он видел сны: ему снились Силвенес, где он никогда не был, и Аль-Фонтана в славные дни Халифата, которые закончились еще до его рождения.

Альвар видел себя бродящим по величественному дворцу; видел башни и купола из полированного золота, мраморные колонны и арки, сверкающие на солнце. Он видел сады с цветочными клумбами и плещущими фонтанами, со статуями в тени, слышал далекую, потустороннюю музыку, слышал шелест на ветру высоких зеленых деревьев, дающих укрытие от солнца. Пахло лимонами и миндалем, и еще ускользающими восточными духами, названия которых он не знал.

Однако он был там один. Какими бы тропами он ни шел, мимо воды, деревьев и прохладных каменных аркад, они оказывались совершенно пустынными. Проходя по комнатам с высокими потолками, с разноцветными подушками на выложенных мозаикой полах, он видел шелковые панно на стенах и резьбу из алебастра и дерева олив. Видел золотые и серебряные шкатулки, украшенные драгоценными камнями, и хрустальные бокалы темно-красного вина, некоторые полные, некоторые почти пустые, словно их только что поставили на стол. Но ни одной живой души, никаких голосов. Только этот намек на аромат духов в воздухе, когда он переходил из комнаты в комнату, и музыка — впереди него и позади, дразнящая своей чистотой, — говорили о присутствии других мужчин и женщин в Аль-Фонтане Силвенеса. Но Альвар их так и не увидел. Ни во сне, ни в жизни.

«Даже солнце заходит».

Часть II

Глава 5

— Начались неприятности, — сообщил Диего. Он пробегал мимо конюшни и заглянул в открытый загон. Шел тихий дождь.

— В чем дело? — спросила его мать, быстро оглянулась через плечо и встала.

— Не знаю. Много людей.

— Где Фернан?

— Отправился им навстречу, взял с собой еще несколько человек. Я ему уже сказал. — Сообщив то, что необходимо, Диего повернулся, чтобы уйти.

— Постой! — крикнула ему вслед мать. — Где твой отец?

Лицо Диего помрачнело.

— Откуда мне знать? Наверное, направляется в Эстерен, если еще не там. Должно быть, они уже получили дань.

Его мать почувствовала себя глупо и поэтому впала в раздражение.

— Не надо говорить со мной таким тоном, Диего. Ты ведь иногда действительно знаешь.

— Когда знаю, я тебе говорю, — ответил он. — Мне надо бежать, мама. Я нужен Фернану. Он велел запереть ворота и вывести всех на стены.

Улыбнувшись быстрой, убийственной улыбкой, от которой мать стала почти беспомощной — улыбкой отца, — Диего убежал.

«Теперь мне отдают приказы собственные сыновья», — подумала Миранда Бельмонте д'Альведа. Еще одна перемена в жизни, еще одна примета течения времени. Как странно, она не чувствовала себя такой уж старой. Миранда оглянулась на испуганного конюха, который помогал ей управляться с кобылой.

— Заканчивай здесь. Ты слышал, что он сказал. Передай Дарио, чтобы вывел всех на стену. И женщин тоже. Возьмите все оружие, какое сможете найти. Разожгите огонь на кухне, если нас будут атаковать, нам понадобится кипящая вода. — Старый

конюх тревожно закивал и ушел, торопясь изо всех сил, насколько позволяла больная нога.

Миранда провела тыльной стороной испачканной ладони по лбу, оставив на нем полоску грязи. Она снова повернулась к рожающей кобыле в стойле и что-то ей зашептала. Рождение жеребенка на ранчо Вальедо было событием, которое нельзя отменить. Это был краеугольный камень их состояния и их жизни, и даже всего их общества. Их недаром называли Всадниками Джада. Через мгновение женщина, которая слыла первой красавицей Вальедо, снова стояла на коленях на соломе, положив ладони на живот кобылы, и помогала появиться на свет очередному жеребцу породы Бельмонте.

Однако она была рассеянна и встревожена. И неудивительно. Диего редко ошибался в своих прогнозах, и почти никогда не ошибался, если его предсказания касались грозящей дому беды. С течением лет они в этом убедились.

Когда он был еще маленьким ребенком и начались эти предвидения, даже ему самому было сложно отличить их от ночных кошмаров или детских страхов.

Однажды он проснулся с криком среди ночи, он кричал, что его отцу грозит ужасная опасность, что его подстерегает засада. Родриго в тот год сражался в Руэнде, на этой злосчастной войне между братьями, и никто на ранчо той долгой ночью так и не уснул. Они смотрели на дрожащего мальчика с невидящими глазами и ждали, какие еще видения его посетят. Перед самым рассветом лицо Диего прояснилось.

— Я ошибся, — сказал он, глядя на мать. — Они еще не дерутся. С ним все в порядке. Наверное, это был сон. Извини. — И тут же крепко уснул.

Такие случаи больше не повторялись. Когда Диего сообщал об увиденном, они принимали его слова за абсолютную истину. Годы жизни вместе с мальчиком, к которому прикоснулся бог, прогонят любой скептицизм. Они не имели понятия, как появлялись его видения, и никогда не говорили о них вне семьи или за пределами ранчо. Ни родители, ни брат не испытывали ничего похожего. Что это было? Дар или бремя? Миранда по сей день так и не решила.

О таких людях ходили легенды. Иберо, семейный священник, отправлявший службы в новой часовне, которую построил Родриго еще до того, как переделал и расширил дом на ранчо, слышал о них. «Идущие сквозь время» — так он называл обладающих подобным даром. Он говорил, что Диего благословил Джад, но родители мальчика знали, что в другое время и в дру-

гих местах таких ясновидцев сжигали или распинали живыми на крестах как колдунов.

Миранда пыталась сосредоточиться на кобыле, но некоторое время ее слова утешения состояли из красочных, многократно повторяемых проклятий в адрес отсутствующего мужа. Она понятия не имела, что он натворил на этот раз, чем навлек беду на ранчо, и это в то время, когда его отряд стоит в Эстерене, а лучшие солдаты отправились с ним на юг, в Аль-Рассан.

«Мальчики способны справиться с неприятностями», — весело писал он в последнем письме, после пересказа своего прощального разговора с графом де Рада. Ни слова о том, чтобы послать ей солдат в качестве подкрепления. Конечно! Миранда, которую в первые годы после свадьбы учил Иберо, гордилась тем, что умеет читать без посторонней помощи. Еще она умела ругаться как солдат. И ругалась, читая письмо, к смущению гонца. Она ругалась и сейчас, но более сдержанно, чтобы не потревожить кобылу.

Ее мальчики все еще были мальчиками, а их жизнерадостный, беззаботный отец и его люди находились далеко.

По милости Джада вскоре родился здоровый жеребенок. Миранда подождала, чтобы посмотреть, примет ли его кобыла, а затем вышла из стойла, схватила старое копье, прислоненное в углу конюшни, и поспешно шагнула под дождь, чтобы присоединиться к женщинам и полудюжине работников ранчо на стенах, за деревянной баррикадой.

Как выяснилось, там были только женщины, священник Иберо и старый хромой конюх Ребеньо. Фернан уже увел с собой работников ранчо за ограду. Чтобы устроить засаду, как неуверенно объяснила одна из служанок. Миранда, поскольку поблизости не было драгоценных лошадей, позволила себе разразиться потоком совершенно разнузданной ругани. Потом снова вытерла лоб и поднялась по мокрым ступенькам к верхней дорожке вдоль западной стены, чтобы наблюдать и ждать. Кто-то дал ей шляпу, чтобы дождь не заливал глаза.

Через некоторое время она решила, что копье сейчас не самое подходящее оружие, и сменила его на лук и полный колчан стрел, который достали из одного из шести укрытий для сторожей, расположенных вдоль стены. В этих укрытиях никого не было. Все солдаты находились в Эстерене или с Родриго.

«Мальчики справятся с неприятностями», — написал он. Весело.

Она представила себе, как именно в этот момент возвращается ее муж, выезжает из-за деревьев на широкое, покрытое травой пространство перед стенами. Представила себе, как выстрелит в него, когда он подъедет ближе.

* * *

Местность вокруг ранчо Бельмонте была ровной и открытой во всех направлениях, кроме западного и юго-западного, где отец Родриго, а до него дед оставили нетронутой рощу из дубов и кедра. Родриго тоже не тронул деревья, правда, по другой причине.

Этот лес и озеро в середине него считались священными, но юный Фернан Бельмонте много лет назад узнал от отца, когда впервые научился скакать на настоящем коне, что этот лес годится также для целей обороны.

— Подумай, — помнил он слова отца. — Если бы ты захотел напасть на наше ранчо незамеченным, с какой стороны ты бы к нему приближался?

Фернан оглядел открытые со всех сторон луга.

— Чтобы подобраться близко, надо пройти через лес, — ответил он. Это был очевидный ответ.

— Значит, мы можем быть почти уверены, что любое нападение произойдет отсюда, потому что в противном случае, если наши дозорные не спят, мы сможем вовремя заметить приближение любого человека, не так ли?

— Или если Диего что-нибудь увидит, — прибавил Фернан, — даже если они придут через лес.

— Это правда, — коротко подтвердил отец, хотя и без особой радости.

В те давние дни его отец и мать все еще старались примириться с тем, что умеет видеть и делать Диего. У Фернана таких проблем не существовало, но он, конечно, знал Диего лучше всех.

Прошло несколько лет, и вот они лежат под теплым утренним дождем, он, двое друзей и шесть работников ранчо, в канавах по обеим сторонам от естественного выхода из леса. Эти канавы, конечно, не были естественными. Солдаты Родриго выкопали их на поросшей травой равнине, чтобы создать место, где можно лежать и незаметно наблюдать за всеми, кто появится из рощи.

Фернан разместил четверых других парней с луками на полпути между строениями ранчо и южными пастбищами, где этим утром находились кобылы с жеребятами. С ними было двое гон-

цов, чтобы прислать сообщение, если кто-то появится с юга. Последний всадник в одиночестве расположился к востоку от ранчо, на всякий случай.

Диего, только что прискакавший во весь опор, задыхаясь, сообщил, что передал распоряжения матери, которая будет находиться на стене вместе с другими женщинами. Она знает, что делать. Они готовы, насколько это в их силах. Фернан поднял воротник и спрятал лицо от дождя под широкими полями шляпы. И стал ждать.

Существовало две возможности. Если кто-то приближается к ранчо Бельмонте с дурными намерениями, их целью может быть хозяйство ранчо и люди за стенами, или, что более вероятно, они явились сюда за конями. «Или за тем и за другим», — поправил себя Фернан. Но это означало бы наличие большого числа людей, и в этом случае им действительно могут грозить неприятности. Но он так не думал. И не слишком волновался. Ему было тринадцать лет.

— Я их поймал, — тихо произнес его брат. — Они только что въехали под деревья. Я знаю, кто это.

— Де Рада? — хладнокровно спросил Фернан. — Младший?

Диего кивнул. Они оба прочли последнее письмо отца.

Фернан выругался.

— Это значит, мы не можем его убить.

— Не понимаю, почему, — безразличным голосом заметил Диего.

— Кровожадный ребенок, — усмехнулся Фернан.

Совершенно такая же улыбка на таком же лице появилась в ответ сквозь тихо падающий дождь. Фернан был на пятнадцать минут старше. Он любил напоминать Диего об этом. Только Диего было трудно дразнить. Его почти ничем нельзя было пронять.

— Человек двадцать, — сказал он. — Они сейчас на лесной тропе.

— Конечно, — ответил Фернан. — Для этого тропа и существует.

* * *

Гарсия де Рада где-то потерял шляпу, а во время перехода на север один его сапог лопнул у каблука. Он промок до костей, пока ехал сквозь рощу к западу от ранчо Бельмонте. Заросшая тропа вилась между деревьями; достаточно широкая, чтобы прошли кони.

Несмотря на неудобства, он был в восторге, его охватила

пронзительная, неудержимая радость, которая затмила тяготы долгого пути. Его покойный, не оплаканный никем родственник Паразор был свиньей и шутом и слишком часто торопился высказать свое мнение по разным вопросам. Это мнение сплошь и рядом не совпадало с мнением Гарсии. Тем не менее, по дороге на север из Аль-Рассана, Гарсия испытывал благодарность к своему погибшему родичу. Смерть Паразора от руки вшивого крестьянского мальчишки-ашарита в деревне возле Фезаны стала тем событием, которое отдаст Миранду Бельмонте д'Альведа в руки Гарсии. И не только в его руки.

После того как Родриго Бельмонте безрассудно приказал крестьянскому мальчишке казнить одного из членов знатной семьи де Рада вопреки всем кодексам поведения благородных людей в трех джадитских королевствах Эсперанъи, он подставил себя и свою семью. Такое оскорбление можно было смыть только кровью.

Король не сможет и не захочет ничего сделать, Гарсия был в этом уверен, если представители семьи де Рада осуществят справедливую месть за содеянное Родриго. Меру этого справедливого мщения было легко подсчитать: кони взамен их собственных, отобранных коней и одна женщина, взятая другим способом в отместку за казнь родственника де Рада, после того как тот пообещал выкуп. Это было совершенно справедливо. Собственно говоря, в истории Эсперанъи случались гораздо худшие вещи.

Гарсия обдумал свои действия еще во время пешего перехода на север, спотыкаясь в темноте, после набега на Орвилью. Кровь сочилась из его рассеченной щеки, и он заставлял себя шагать, представляя себе обнаженное тело Миранды Бельмонте, извивающееся под ним. Ее детей заставят смотреть на поругание матери. Гарсия живо представлял себе подобные сцены.

Двадцать четыре его солдата уцелело после Орвильи, они вооружены дюжиной ножей и другим мелким оружием. В конце следующего дня они захватили в другой деревне шесть мулов и еще клячу с разбитой спиной у крестьянина, который имел неосторожность поселиться в отдалении от остальных. Гарсия взял себе лошадь, какой бы жалкой она ни была. Он оставил крестьянина-ашарита, его жену и дочь спутникам. Его мысли были уже далеко на севере и на востоке, за границей Вальедо, на землях между истоком реки Дюрик и подножием гор Халоньи.

Там простирались богатые, обширные луга, по которым столетиями носились стада диких коней Эсперанъи, пока не при-

шли первые владельцы ранчо и не начали их укрощать, разводить и приучать к седлу. Среди таких владельцев ранчо самыми известными своей самоуверенностью, хотя и далеко не самыми богатыми, были Бельмонте. Гарсия точно знал, куда он направляется. Он также узнал от своего брата, что войска Капитана этим летом расквартированы в Эсперанье, далеко от ранчо.

Бельмонте мог не слишком опасаться, оставляя свой дом без охраны. Ашариты не совершали набегов на север вот уже двадцать пять лет, после последнего недолгого расцвета Халифата. Армия короля Бермудо из Халоньи была отброшена за горы вальедцами три года назад и до сих пор зализывала раны. И никаким разбойникам, какими бы отчаянными и безрассудными они ни были, не могло прийти в голову вызвать гнев прославленного Капитана Вальедо.

Ранчо абсолютно ничего не угрожало за его деревянным частоколом, пусть даже его охраняли мальчики, у которых еще не сломался голос, и горстка слуг, которых сочли слишком старыми или немощными для участия в боевом отряде. С другой стороны, Родриго Бельмонте не следовало приказывать убить родственника де Рада. Ему не следовало бить хлыстом брата министра. Такие вещи меняют положение дел.

Когда Гарсия и его люди наконец добрались до Лобара, первой из крепостей на землях тагры, он потребовал и получил коней и оружие, хотя их дали оскорбительно неохотно. Вспотевший командир гарнизона выдвинул какой-то нелепый предлог, дескать, он сам остается без достаточного количества оружия и лошадей для выполнения своих обязанностей и для собственной безопасности, но Гарсия не стал его слушать. Министр Вальедо, беззаботно пообещал он, пришлет мечи и лучших коней, чем те жалкие животные, которых им дали. У него не было настроения спорить с солдатом из пограничной крепости.

— На это может уйти много времени, — упрямо пробормотал командир. — До Эстерена так далеко.

— Действительно, может, — холодно ответил Гарсия. — И что с того?

Командир прикусил губу и больше не возражал. Что он мог сказать? Он имел дело с де Рада, братом министра королевства.

Гарнизонный лекарь, уродливый мужлан с хриплым голосом и отвратительным нарывом на шее, осмотрел рану де Рады и тихо присвистнул.

— Хлыст? — спросил он. — Вам повезло, господин мой, или кто-то очень искусный хотел лишь оставить вам отметину. Рана

чистая и далеко от глаза. Кто это сделал? — Гарсия лишь злобно посмотрел на него и ничего не ответил. Нет смысла отвечать некоторым людям.

Этот человек выдал ему мазь с гадким запахом, которая жгла, будто оса, но через несколько дней опухоль на лице Гарсии действительно спала. Именно тогда, когда Гарсия в первый раз посмотрел на себя в зеркало, он решил, что достойная месть требует смерти детей Бельмонте. После того как их заставят полюбоваться на его забавы с их матерью.

Сладкое предвкушение мести погнало его дальше, из крепости в тагре, после одного лишь дня отдыха. Он послал четырех человек на север, в Эстерен, чтобы доложить обо всем брату и подать официальную жалобу королю. Это было важно. Если он хочет получить официальную санкцию на то, что задумал сделать, то следует подать жалобу на Родриго. Гарсия собирался обставить все как надо.

Через два дня после того, как четыре гонца отделились от основной группы, он вспомнил, что забыл распорядиться, чтобы они послали оружие и коней гарнизону в Лобаре. Он даже подумал, не отправить ли еще двух людей на север, но вспомнил дерзость командира крепости и решил не суетиться. Еще успеет отдать такое распоряжение, когда он сам вернется в Эстерен. Этим избалованным солдатам будет полезно на время испытать нехватку оружия и коней. Возможно, у кого-нибудь из них тоже порвется сапог.

Прошло десять дней. В лесу на землях ранчо Бельмонте шел дождь. Чулок Гарсии промок насквозь из-за трещины в сапоге, так же, как его волосы и колючая щетина на подбородке. Он начал отращивать бороду после Орвильи. Ему придется носить ее всю оставшуюся жизнь, как он уже успел понять, если не хочет выглядеть заклейменным вором. Бельмонте намеренно сделал это, Гарсия был в этом уверен.

Насколько он помнил, Миранда Бельмонте очень красива; все женщины д'Альведа красивы. Родриго, этот пошлый наемник, женился гораздо удачнее, чем заслуживал. Гарсия собирался поступить с ним именно так, как он заслужил.

Предвкушение заставило быстрее забиться сердце Гарсии. Теперь уже скоро. Это ранчо охраняют мальчишки и конюхи. Родриго Бельмонте — всего лишь выскочка-солдат, которого поставили на должное место после восшествия на престол короля Рамиро. Он уже потерял должность министра, уступив ее брату Гарсии. Это только начало. Теперь он узнает цену вражды

с де Рада. Он узнает, что бывает, когда оставляешь клеймо на лице Гарсии де Рада, словно это обычный разбойник. Гарсия потрогал щеку. Он продолжал наносить мазь, как ему было велено. Запах крайне неприятный, но опухоль спала, и рана была чистой.

Во всем лесу деревья росли очень близко друг к другу, но до странности ровная тропа легко петляла между ними и местами была настолько широкой, что три всадника могли ехать в ряд. Они миновали озерцо справа. День был серым, дождь мягко сыпал сквозь листья, капли создавали рябь на спокойной поверхности воды. Неизвестно, почему говорили, что это священное место. Некоторые из его людей, проезжая мимо, сделали священный знак солнечного диска.

Когда первый конь упал и остался лежать на земле со сломанной ногой, страшно крича, это выглядело несчастным случаем. После еще двух подобных инцидентов, во время одного из которых всадник вывихнул плечо, они уже не были так в этом уверены.

Тропа поворачивала к северу, сквозь промокшие, капающие деревья, а потом, еще дальше, снова сворачивала на восток. Гарсии показалось, что в бледно-серой дали виднеется опушка леса.

Он почувствовал, что падает, не покидая седла.

Он успел метнуть изумленный взгляд вверх и увидеть крупы двух коней, которые секунду назад шагали по обеим сторонам от него. Потом его конь рухнул на дно ямы, скрытой в центре тропы, и Гарсия де Рада заметался, пытаясь увернуться от бьющих копыт изувеченного, перепуганного коня. Один из его людей, быстрее других соображавший, упал на землю, перегнулся через край ямы и протянул руку. Гарсия схватился за нее и вылез из ямы.

Они несколько мгновений смотрели вниз на бьющего копытами коня, потом лучник выпустил две стрелы, и копыта замерли.

— Это не естественная тропа, — сказал лучник через секунду.

— Какой ты умный, — ответил Гарсия. Он прошел мимо него, увязая сапогами в грязи.

Еще две лошади стали жертвами проволоки-ловушки, а один сброшенный ими всадник раскроил себе череп. Еще один жеребец провалился в яму до того, как солдаты достигли восточного конца леса. Тем не менее они туда добрались, а во время рейдов такого сорта следует ожидать некоторого количества жертв.

Перед ними лежал открытый луг. Посередине они видели деревянную стену, которая окружала постройки ранчо. Она была высокой, но недостаточно высокой, как заметил Гарсия. Хороший наездник, стоя на спине коня, мог перепрыгнуть через нее. То же мог сделать и пеший солдат, если его подсадит второй. Только соответствующий гарнизон мог бы оборонять ранчо от атаки умелых людей. Когда они остановились на опушке, дождь прекратился. Гарсия улыбнулся, наслаждаясь этим мгновением.

— Как насчет того, чтобы принять это за знамение божье? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

Он в упор посмотрел на всадника, стоящего рядом с ним. Через несколько секунд тот понял его взгляд и спешился. Гарсия вскочил на коня.

— Скачем прямо к ранчо, — приказал он. — Кто первым переберется через стену, получит право выбирать женщин. Потом доберемся до их коней. Они должны нам нечто большее, чем конское мясо.

А затем, подобно своим грозным героическим предкам, Гарсия де Рада выхватил взятый взаймы меч, высоко поднял его над головой, пришпорил коня из Лобара и пустил его в галоп. За его спиной раздался боевой клич, и его люди вырвались из леса в серый послеполуденный сумрак.

Шестеро умерли от первого залпа стрел, а четыре от второго. До самого Гарсии стрелы не долетели, но к тому времени, когда он проскакал полпути до стены ранчо, с ним осталось лишь пять всадников, а пятеро пеших отчаянно бежали по мокрому, открытому лугу.

Такое отрезвляющее развитие событий заставило его усомниться, стоит ли так опрометчиво мчаться галопом по направлению к стенам ранчо, далеко обогнав остальных. Гарсия придержал коня, а затем, увидев, как в грудь одного из бегущих людей вонзилась стрела, натянул поводья и остановился, слишком ошеломленный, чтобы вслух выразить ярость, бушующую в его душе.

Теперь справа от него появились шесть всадников. Они скакали быстро. Он снова оглянулся и увидел, как еще несколько человек поднялись, словно призраки, из двух углублений, которые он не заметил на плоской равнине. Эти люди, вооруженные луками и мечами, не спеша зашагали к нему. На стене ранчо он увидел около дюжины людей, также вооруженных.

Самое время вложить меч в ножны. Четверо оставшихся в живых всадников поспешно проделали то же самое. Уцелевшие пешие подбежали, спотыкаясь, один держался за раненое плечо.

Лучники из окопов окружили их, и тут подъехали шестеро всадников. Гарсия с отвращением понял, что почти все они всего лишь мальчишки. Это вызвало у него проблеск надежды.

— Слезай с коня, — приказал хорошо сложенный темноволосый мальчик.

— Только после того как ты мне ответишь, почему вы только что убили гостей без всякого повода, — постарался выиграть время Гарсия, в его голосе звучал суровый укор. — Что это за манеры?

Мальчик, к которому он обращался, замигал, словно от удивления. Потом коротко кивнул. Три лучника убили коня под Гарсией. Выдернув ноги из стремян, де Рада спрыгнул как раз вовремя, чтобы не быть придавленным падающим животным. Он упал на одно колено в мокрую траву.

— Мне не нравится, когда приходится убивать коней, — хладнокровно произнес мальчик. — Но я не припомню, когда в последний раз гости приезжали к нам без предупреждения, скача во весь опор с обнаженными мечами. — Он помолчал, потом скупо улыбнулся. Улыбка была странно знакомой. — Что это за манеры?

Гарсия де Рада ничего не мог придумать в ответ. Он оглянулся. Над ними одержали верх дети и конюхи, причем без всякого боя.

Мальчик, который явно был вожаком, взглянул на всадников Гарсии. С неподобающей поспешностью они бросили свое оружие и спрыгнули с коней.

— Пошли, — сказал второй мальчик.

Гарсия взглянул на него, потом быстро перевел взгляд на первого. Одно и то же лицо, как две капли воды. И теперь он понял, где видел эту улыбку раньше.

— Вы сыновья Бельмонте? — спросил он, пытаясь справиться с голосом.

— Я бы на твоем месте не задавал вопросов, — сказал второй мальчик. — Я бы потратил время на подготовку ответов. Моя мать захочет поговорить с тобой.

Конечно, это и был ответ на его вопрос, но Гарсия решил, что неразумно указывать им на это. Кто-то мечом показал путь вперед, и Гарсия зашагал к ранчо. Подойдя ближе, он понял, что люди на стене, держащие луки и копья, были женщинами. Одна из них, одетая в мужской камзол и штаны, с грязными пятнами на щеках и на лбу, прошла по стене и остановилась над

ними, глядя вниз. У нее были длинные каштановые волосы под кожаной шляпой. Она держала натянутый лук со стрелой.

— Фернан, скажи мне, пожалуйста, кто этот жалкий тип. — Ее голос резко прозвучал в серой тишине.

— Да, мама. Я полагаю, что это сэр Гарсия де Рада. Брат министра. — Это произнес первый мальчик, вожак.

— Неужели? — холодно переспросила женщина. — Если он действительно человек знатный, я соглашусь с ним поговорить. — И она посмотрела прямо на Гарсию.

Это была та женщина, которую он все время представлял себе обнаженной, распростертой на земле под ним, с тех пор, как его отряд покинул Орвилью. Он стоял в мокрой траве, смотрел на нее снизу вверх, и вода просачивалась в его порванный сапог. Он с трудом глотнул. Она была действительно очень красива даже в мужской одежде и заляпанная грязью. Но в данный момент это волновало его меньше всего.

— Сэр Гарсия, объясните свое поведение, — приказала она ему. — В нескольких словах и понятно.

Ее самомнение раздражало, язвило, как свежая рана. Гарсия де Рада, однако, всегда быстро соображал, и еще он не был трусом. Ситуация сложилась плохая, но не хуже, чем в Орвилье, и теперь он находится в Вальедо, среди цивилизованных людей.

— Я обижен на вашего мужа, — ровным голосом ответил он. — В Аль-Рассане он отнял коней, принадлежащих моим людям и мне. Мы приехали, чтобы поквитаться.

— Что вы делали в Аль-Рассане? — спросила она. Этого он не ожидал.

Он прочистил горло.

— Совершал налет. На неверных.

— Если вы встретили Родриго, значит, вы были возле Фезаны.

Откуда женщине знать подобные вещи?

— Где-то неподалеку, — согласился Гарсия. Он несколько забеспокоился.

— В таком случае, Родриго действовал в качестве королевского офицера, отвечающего за безопасность этой территории в обмен на уплату дани. На каком основании вы собирались украсть наших коней?

На мгновение Гарсия потерял дар речи.

— Далее, если вас взяли в плен и отпустили без коней, то вы должны были пообещать ему выкуп, назначенный герольдами при дворе. Не так ли?

Он бы с удовольствием отрицал это, но смог лишь кивнуть головой.

— Значит, вы нарушили данную вами клятву, явившись сюда, разве не так? — Голос женщины звучал ровно, взгляд был непримиримым.

Это становилось смешным. Гарсия потерял терпение.

— Твой муж приказал убить моего родственника уже после того, как мы сдались и пообещали уплатить выкуп!

— Вот как. Значит, дело не только в конях и оружии. — Женщина на стене мрачно усмехнулась. — Разве это не право короля — решать, превысил ли его офицер свои полномочия, сэр Гарсия? — Ее официальный тон при данных обстоятельствах звучал как насмешка. С ним никогда в жизни так не разговаривала ни одна женщина.

— Человек, который убил одного из де Рада, должен за это ответить, — проговорил он самым ледяным тоном, злобно глядя на нее снизу вверх.

— Понимаю, — невозмутимо произнесла женщина. — Значит, вы явились сюда, чтобы заставить его за это ответить. Каким образом?

Он заколебался.

— Кони, — наконец ответил он.

— Только кони? — И внезапно он понял, куда ведет этот допрос. — Тогда почему вы ехали к этим стенам, сэр Гарсия? Кони пасутся к югу от нас, их легко увидеть.

— Мне надоело отвечать на вопросы, — сказал Гарсия де Рада со всем достоинством, на которое был способен. — Я уже сдался, и мои люди тоже. Я согласен, чтобы королевские герольды в Эстерене определили справедливую сумму выкупа.

— Вы уже договорились об этом в Аль-Рассане с Родриго, и все же вы здесь, с обнаженными мечами и дурными намерениями. К сожалению, я не могу поверить вашему слову. И надоело вам или нет, вы ответите на мой вопрос. Зачем вы направлялись к этим стенам, молодой человек?

Это было намеренное оскорбление. Униженный, кипя от ярости, Гарсия де Рада посмотрел снизу вверх на женщину на стене и ответил:

— Твой муж должен узнать, что за некоторые поступки надо платить определенную цену.

Среди мальчиков и работников ранчо раздался ропот. Потом воцарилось молчание. Женщина лишь кивнула головой, словно именно это она и ожидала услышать.

— И эту плату получить должны были вы? — спокойно спросила она.

Гарсия ничего не ответил.

— Могу ли я высказать дальнейшее предположение? Эту цену должны были заплатить я и мои сыновья?

У стены воцарилась тишина. Над их головой облака начали рассеиваться, поднялся ветер.

— Его необходимо было проучить, — мрачно ответил Гарсия де Рада.

И тогда она пустила в него стрелу. Плавно подняла мужской лук, натянула и отпустила тетиву одним движением, очень грациозно. Стрела вонзилась ему в горло.

— Его необходимо было проучить, — задумчиво произнесла Миранда Бельмонте д'Альведа, глядя вниз со стены на убитого ею человека.

— Остальные могут уйти, — прибавила она через несколько мгновений. — Шагайте. Вам не причинят вреда. Можете доложить в Эстерене, что я казнила клятвопреступника и обыкновенного разбойника, который угрожал женщине Вальедо и ее детям. Я отвечу непосредственно перед королем, если он пожелает. Скажите это в Эстерене. Диего, Фернан, соберите их коней и оружие. Некоторые кони на вид вполне сносны.

— Я не думаю, что отец пожелал бы, чтобы ты убила этого человека, — неуверенно рискнул высказаться Фернан.

— Молчи. Когда мне понадобится мнение моих детей, я его спрошу, — ледяным тоном ответила мать. — А твой отец может считать, что ему повезло, если я не выпущу такую же стрелу в него, когда он рискнет вернуться. Теперь делайте то, что я вам сказала.

— Да, мама, — в один голос ответили оба ее сына.

Когда мальчики и работники ранчо поспешили выполнить ее указания, а уцелевшие спутники Гарсии де Рада, спотыкаясь, зашагали на запад, послеполуденное солнце прорвалось сквозь облака, и зеленая трава, мокрая от дождя, засверкала под его лучами.

Глава 6

Эстерен попал в катастрофическое положение из-за каменотесов, плотников, каменщиков и чернорабочих. Улицы стали почти непроходимыми, а для лошадей особенно. По дворцу и на площади перед ним разносилось эхо стука молотков, визга пил

и резцов, громких проклятий и раздраженных окриков. Сложные, опасные на вид приспособления раскачивались над головой или перемещались взад и вперед. Говорили, что уже пять рабочих погибли этим летом. И даже не слишком наблюдательные люди заметили, что по крайней мере половина распорядителей работ — это ашариты, за большие деньги выписанные на север из Аль-Рассана для этого предприятия.

Король Рамиро расширял свою столицу и свой дворец.

Было время, и, собственно, не очень давно, когда временные короли Эспераньи — единой страны или раздробленной, как сейчас, — правили, что называется, с колес. Города были всего лишь поселками; дворцы можно было назвать дворцами только в насмешку. Кони, мулы и тяжелые телеги на лучше всего сохранившихся древних дорогах служили неотъемлемыми атрибутами монархии, так как королевский двор перемещался из города в город, из замка в замок круглый год. Во-первых, королям постоянно приходилось гасить вспышки мятежей или поспешно отражать хищнические набеги Аль-Рассана. Во-вторых, скудные ресурсы в нищих королевствах джадитов в славные годы Халифата Силвенеса не позволяли монархам прокормить себя и свою свиту в столицах, им приходилось возлагать бремя своего присутствия на разные города.

За двадцать лет многое изменилось. Было очевидно, что многое продолжает меняться здесь, в Вальедо, самом богатом и плодородном из трех королевств, выкроенных из Эспераньи Санчо Толстым для своих сыновей. Нынешняя строительная лихорадка в королевском городе была лишь частью перемен, питаемых получаемой данью и, что не менее важно, отсутствием набегов с юга. Казалось, король Рамиро пытается внедрить совершенно новый взгляд на монархию. Прежде всего в этот последний год он дал понять, что ожидает от всех крупных вельмож и священнослужителей появления в Эстерене дважды в год на ассизах — судебных разбирательствах, где должна определяться политика и приниматься законы. По мере роста городских стен стало ясно, что Эстерен будет не просто наиболее часто используемой резиденцией королевского двора.

А эти ассизы — иностранное слово, очевидно, валесское — всех страшно раздражали. Без постоянной армии Рамиро вряд ли смог бы заставить вельмож из поместий являться на них. Но армия существовала, хорошо оплаченная и хорошо обученная, и в это лето почти все важные фигуры в Вальедо предпочли проявить благоразумие и явиться в Эстерен.

Помимо всего прочего, человека могло подвигнуть на путешествие любопытство. В такой же мере, как обещание вина и еды при дворе и продажных женщин в становящемся все более цивилизованным Эстерене. Приходилось платить за это свою цену — терпеть шум, пыль и символическую публичную покорность воле Рамиро. Учитывая бурное и, как правило, краткое правление королей Эспераньи, имелись основания полагать, что амбиции самого непростого из сыновей Санчо не будут слишком долго тревожить этот мир.

В то же время все соглашались, что он устраивает очень неплохие развлечения. В этот день Рамиро и его двор, а также приехавшие из сельской местности вельможи охотились в королевском лесу к юго-западу от Эстерена, неподалеку от Варгасских гор. Завтра они все должны были присутствовать на ассизах в суде Рамиро. А сегодня скакали по летним полям и лесам, убивая ради развлечения оленей и кабанов.

Можно утверждать, что знать Эспераньи ни от чего, за исключением настоящей войны, не получала такого удовольствия, как от доброй охоты в погожий денек. Нельзя также не заметить, что король, несмотря на все его новомодные, вызывающие беспокойство идеи, был одним из лучших наездников в этой блестящей компании.

«В конце концов, он сын Санчо, — шептали друг другу люди, стоя на утреннем солнце. — Это очевидно, не так ли?»

Когда король Рамиро соскочил с коня и первым вонзил копье в самого крупного кабана, едва тот выскочил из кустов, куда его загнали, даже самые независимо настроенные и недовольные сельские помещики одобрительно застучали мечами и копьями.

Покончив с вепрем, король Вальедо поднял взгляд и оглядел всех собравшихся. И улыбнулся, забрызганный кровью.

— Раз уж мы все здесь собрались, — сказал он, — есть одно небольшое дело, которое мы можем рассмотреть сейчас, а не завтра, в суде.

Его придворные и помещики замолчали, искоса поглядывая друг на друга. Как это похоже на Рамиро — идти вот таким окольным путем. Он даже не может оставить охоту просто охотой. Оглядываясь вокруг, некоторые с опозданием поняли, что эта поляна тщательно выбрана, что это не первое попавшееся место, где настигли дикого зверя. Здесь могли разместиться все, и даже имелось упавшее дерево, к которому теперь шагал король, снимая испачканные кровью кожаные перчатки. Он небрежно присел на него, будто это был трон. Загонщики начали оттаскивать

кабана в сторону, оставляя размазанный кровавый след на примятой траве.

— Прошу подойти ко мне графа Гонзалеса де Рада и сэра Родриго Бельмонте. — Произнося эти слова, король Рамиро прибег к официальному языку верховного суда, а не к языку охоты в поле, и этим изменил настроение и атмосферу утра.

Оба названных спешились. Никто из них ни малейшей переменой в лице не выдал, предвидел ли он такое развитие событий или для него оно стало таким же сюрпризом, как для остальных.

— У нас есть все необходимые свидетели, — тихим голосом продолжал король, — и мне очень неприятно подвергать таких людей, как вы, судебному разбирательству во дворце. Мне показалось удобным разобраться с этим делом здесь. Есть возражения? Если да, я готов их выслушать.

Пока он говорил, два судебных чиновника подошли к стволу дерева, на котором сидел король. Они принесли сумки, достали из них пергаменты и свитки и разложили их возле короля.

— Никаких возражений, мой повелитель, — сказал граф Гонзалес де Рада. Его плавный, красивый голос заполнил поляну. По ней двигались слуги, разливая вино из фляг в бокалы, сделанные, по-видимому, из настоящего серебра. Охотники снова переглянулись. Что бы там о нем ни говорили, Рамиро проявлял щедрость, подобающую хозяину королевской крови. Некоторые спешились и отдали поводья грумам. Другие предпочли остаться в седле и выпили свое вино прямо на коне.

— Я не мог бы не согласиться с предложением короля, после того как столько королевских слуг провели такую огромную подготовку, — сказал Родриго Бельмонте. В его голосе звучала насмешка, но это случалось часто, поэтому ничего не значило.

— Обвинения весьма тяжкие, — сказал король Вальедо, не обращая внимания на тон Родриго. Теперь на лице Рамиро, высокого, широкоплечего, преждевременно поседевшего, появилось выражение, подобающее монарху перед лицом смертельной вражды между двумя самыми значительными людьми его королевства. Веселое, бесшабашное настроение утра исчезло. Собравшаяся аристократия, постепенно примирившаяся с происходящим, была заинтригована. Такой, возможно, грозящий кому-то гибелью конфликт был лучшим в мире развлечением.

На открытом пространстве перед поваленным деревом, где сидел король, стояли рядом Бельмонте и де Рада. Бывший министр королевства и его преемник после воцарения Рамиро.

Оба они держались на почтительном расстоянии друг от друга. Никто из них не снизошел до того, чтобы взглянуть на противника. Учитывая то, что было известно о событиях в начале этого лета, вероятность кровопролития была велика, какие бы усилия ни приложил король, чтобы его избежать.

Большинство присутствующих, особенно те, кто явился из сельской местности, надеялись, что королю Рамиро не удастся его попытка уладить все мирным путем. Вот если решить спор поединком, тогда это собрание запомнилось бы надолго. «Возможно, — с надеждой думали некоторые, — именно поэтому разбирательство и устроено вне городских стен».

— Едва ли нужно говорить, что сэр Родриго отвечает по закону за действия жены и детей, поскольку они не имеют правового статуса и правоспособности, — торжественно произнес король. — В то же время из клятвенного заявления сэра Родриго ясно, что министр был официально предупрежден здесь, в Эстерене, о том, что его брату не будет позволено наносить ущерб тем землям, которые платят нам дань. Делая это предупреждение, — прибавил король, — сэр Родриго поступил правильно, как подобает нашему офицеру.

Большинство владельцев ранчо и баронов, собравшихся на лесной поляне, сочли эту речь чересчур сложной для себя с юридической точки зрения. «Почему бы, — думали они, — Рамиро просто не дать им сразиться здесь, под солнцем Джада, на открытом месте, как подобает мужчинам, вместо того чтобы произносить эти пыльные, сухие словеса?»

Но такая приятная возможность становилась с каждой минутой все менее вероятной. На это указывали самодовольные лица трех священнослужителей в желтых одеждах, которые подошли и встали за спиной короля. Говорили, что Рамиро не поддерживает тесные отношения со служителями Джада, однако эти трое выглядели вполне довольными.

«Вот что бывает, — подумали многие вельможи Вальедо, — когда король слишком занят собой, когда он начинает что-то менять. Даже этот новый тронный зал во дворце, где колонны из мрамора с прожилками: разве он не похож больше на зал развратного двора в Аль-Рассане, чем на зал воина-джадита? Что происходит в Вальедо? Вопрос становится все более острым...»

— Рассмотрев показания обеих сторон и представленные письменные свидетельства, в том числе и показания ашаритского торговца шелком Хусари ибн Мусы из Фезаны, мы вынесли следующее решение.

Выражение лица короля соответствовало его суровым словам. Ясно было, что, если Бельмонте и де Рада продолжат свою кровную вражду, Вальедо, возможно, будет расколот на сторонников того и другого, и перемены, задуманные Рамиро, провалятся с треском.

— Мы решили, что Гарсия де Рада — да упокоится его душа в свете Джада — нарушил и наши законы, и свои обязательства, предприняв нападение на деревню Орвилья неподалеку от Фезаны. Сэр Родриго поступил совершенно правильно, помешав этому нападению. Это был его долг, учитывая то, что нам платят дань за охрану этих земель. Мы также считаем, что приказ казнить Паразора де Раду был разумной, хоть и печальной необходимостью, поскольку возникла потребность продемонстрировать нашу власть и справедливость в Фезане. Все это не вменяется в вину сэру Родриго и не заслуживает порицания.

Граф Гонзалес беспокойно шевельнулся, но снова замер под пристальным взглядом короля. Свет лился на поляну между деревьями, покрывая ее полосами света и тени.

— В то же время, — продолжал король Рамиро, — сэр Родриго не имел права наносить рану Гарсии де Рада, после того как принял его капитуляцию. Такой поступок не подобает облеченному властью человеку. — Король заколебался и слегка поерзал на стволе дерева. Родриго Бельмонте смотрел прямо на него, в ожидании. Рамиро встретился с ним взглядом. — Далее, — произнес он голосом тихим, но очень четким, — то публичное обвинение, которое он, как мне доложили, сделал относительно смерти моего незабвенного брата, короля Раймундо, является наветом, недостойным дворянина и офицера короля.

При этих словах многие на лесной поляне затаили дыхание. Этот опасный вопрос затрагивал сам факт пребывания Рамиро на троне. Слишком внезапная смерть его брата так никогда и не получила удовлетворительного объяснения.

Сэр Родриго после этого высказывания не шевельнулся и не произнес ни слова. В косых солнечных лучах выражение его лица оставалось непроницаемым, только сосредоточенная морщинка прорезала лоб. Рамиро взял со ствола рядом с собой лист пергамента.

— Теперь остается рассмотреть нападение на женщин и детей на ранчо Бельмонте, а потом убийство человека, который уже вложил меч в ножны. — Король Рамиро несколько мгновений смотрел на пергамент, потом снова поднял взгляд. — Гарсия де Рада официально сдался в Орвилье и согласился с условиями выкупа, который предстояло назначить. После этой клятвы он обязан был вернуться прямо в Эстерен и ждать решения королевских герольдов. Вместо этого он безрассудно обобрал наших защитников на землях тагры, чтобы лично атаковать ранчо Бельмонте. За это, — произнес король Вальедо, теперь медленно и тщательно выговаривая слова, — я бы приказал публично казнить его.

Между деревьев пронесся быстро нарастающий ропот протеста. Это было нечто новое, поразительная демонстрация королевской власти.

Рамиро невозмутимо продолжал:

— Донна Миранда Бельмонте д'Альведа — хрупкая женщина, оставшаяся без мужской охраны, во время нападения вооруженных солдат опасалась за жизнь своих малолетних детей. — Король поднял со ствола дерева еще один документ и взглянул на него. — Мы принимаем на веру показания священника Иберо, который свидетельствует, что Гарсия особо подчеркнул в разговоре с донной Мирандой собственные намерения обрушить свою месть на нее самое и на ее сыновей, а не только увести коней, принадлежащих ранчо Бельмонте.

— Этот человек — слуга Бельмонте! — резко произнес министр. Его красивый голос повиновался ему чуть хуже, чем прежде.

Король посмотрел на него, и присутствующие, заметившие этот взгляд, внезапно вспомнили, что Рамиро действительно воин, когда он того пожелает. Мужчины задумчиво поднесли к губам бокалы и выпили.

— Вам не давали слова, граф Гонзалес. Мы хотим подчеркнуть, что ни один из уцелевших людей вашего брата не опроверг этих показаний. Собственно говоря, они их подтвердили. Мы также отмечаем, что, по всем показаниям, нападение было совершено на само ранчо, а не на пастбище, где паслись кони. Мы в состоянии сделать выводы, особенно если они подкреплены клятвой слуги господа. Учитывая то, что ваш брат уже нарушил свое слово, напав на ранчо, мы считаем, что донна Миранда, испуганная, беззащитная женщина, не заслуживает порицания за то, что убила его и защитила детей и собственность своего супруга.

— Этим вы опозорите нас, — горько ответил министр.

Когда Рамиро Вальедский гневался, его лицо бледнело. Сейчас оно тоже побледнело. Он встал. Он был выше почти всех

мужчин на поляне. Лежавшие рядом с ним бумаги разлетелись, и один из священников поспешно стал их собирать.

— Это твой брат тебя опозорил, — ледяным голосом произнес король, — отказавшись повиноваться твоим собственным приказам и нашим. Мы всего лишь исходим из его поступков. Послушай, Гонзалес, — никакого титула, осознали слушатели, и бокалы с вином снова опустились по всей поляне, — кровной мести не будет. Мы запрещаем. В присутствии знатных граждан Вальедо мы выносим следующий вердикт: граф Гонзалес де Рада, наш министр, собственной жизнью отвечает за жизнь и безопасность семьи сэра Родриго Бельмонте в течение ближайших двух лет. Если в течение этого времени любого из них настигнет смерть или им будет причинен серьезный ущерб, все равно кем, ты будешь казнен.

Снова поднялся ропот и на этот раз не стих. Ничего подобного раньше не слышали здесь.

— Почему в течение двух лет?

Это заговорил Родриго. Капитан подал голос впервые с начала разбирательства. Лучи солнца падали уже под другим углом, и его лицо находилось в тени. После его вопроса воцарилось молчание, а взгляд короля обратился к Бельмонте.

— Потому что ты не сможешь их защищать, — ровным голосом ответил Рамиро, все еще стоя. — Офицеры короля несут ответственность как за свое оружие, так и за свои слова. Ты дважды подвел нас. То, что ты сделал с сэром Гарсией, и то, что ты ему сказал, стало непосредственной причиной его гибели и привело к тяжелым последствиям для королевства. Родриго Бельмонте, ты приговариваешься к высылке из Вальедо сроком на два года. В конце этого срока ты можешь предстать перед нами, и мы примем дальнейшее решение.

— Я полагаю, он уедет один? — Это быстро среагировал граф Гонзалес. — Без своего отряда?

Все слушатели понимали, как это важно. Отряд Родриго Бельмонте насчитывал сто пятьдесят лучших бойцов на полуострове.

Родриго громко рассмеялся, и звук его смеха шокировал всех. На поляне повисло напряженное молчание.

— Попробуйте не позволить им следовать за мной, — сказал он.

Король Рамиро качал головой.

— Я этого не сделаю. Твои люди принадлежат тебе, и они ни в чем не виноваты. Они могут уехать или остаться, как пожелают. Я только попрошу тебя об одном одолжении, Родриго.

— Отправляя меня в ссылку? — Вопрос прозвучал резко. Лицо Родриго оставалось по-прежнему в тени.

— Даже так. — Интересно, как спокоен был король. Несколько человек одновременно пришли к одному и тому же выводу: Рамиро предвидел почти каждый поворот этого разговора. — Не думаю, что ты сможешь всерьез поссориться с нами, сэр Родриго. Забирай свой отряд, если хочешь. Мы только просим, чтобы твои воины не участвовали в военных действиях против нас.

Снова повисло молчание, каждый старался обдумать последствия. Все видели, что Родриго Бельмонте уставился вниз, на лесную подстилку, задумчиво нахмурив лоб. Король смотрел на него и ждал.

Когда Родриго поднял глаза, его лицо прояснилось. Он поднял правую руку над головой и сложил пальцы в солнечный круг — знак бога.

— Клянусь святым Джадом, — официально произнес он, — что никогда не поведу свой отряд воевать на земле Вальедо.

Это было почти то, о чем просил король. Почти, но не совсем, и Рамиро это знал.

— А если ты встретишь армию Вальедо за пределами наших границ? — спросил он.

— Я не могу дать такую клятву, — тихо ответил Родриго. — Это было бы нечестно. Ведь я буду вынужден поступить на службу к кому-то другому, чтобы прокормить себя и своих людей. Мой государь, — прибавил он, глядя королю прямо в глаза, — я уезжаю не по собственному выбору.

Последовало долгое молчание.

— Не поступай на службу к Картаде, — наконец произнес король очень тихо.

Родриго стоял неподвижно, явно размышляя.

— В самом деле, мой повелитель? Вы собираетесь выступить так скоро? В течение двух лет? — негромко спросил он.

— Может быть, — ответил Рамиро.

Окружающие старались осмыслить происходящее, но эти двое, казалось, вели свою беседу.

Родриго медленно кивнул.

— Наверное, мне будет жаль оказаться в другом месте, если это случится. — Он помолчал. — Я не стану служить Альмалику Картадскому. Мне не нравится то, что он устроил в Фезане. Я не буду служить ему ни там, ни в другом месте.

Фезана.

При упоминании этого города несколько человек закивали

головами, глядя на своего высокого, гордого короля. Они начали улавливать смысл того, о чем идет речь, словно лучи солнечного света упали на поляну. Рамиро не был священником или судейским, в конце концов, и в будущем их может ждать кое-что поинтересней охоты.

— Я принимаю твою клятву, — спокойно произнес король Вальедо. — Мы никогда не подозревали тебя в недостатке чести, сэр Родриго. И не видим оснований сомневаться сейчас.

— Ну, за это я вам благодарен, — ответил Капитан. Невозможно было определить по его голосу, издевается ли он. Он шагнул вперед и теперь стоял на свету. — У меня тоже есть просьба.

— Какая?

— Я хочу, чтобы граф Гонзалес поклялся перед богом охранять мою семью и владения, как свои собственные, пока я буду отсутствовать. Этого мне достаточно. Я не требую, чтобы он отвечал своей жизнью. Мир — опасное место, а грядущие времена могут сделать его еще более опасным. Если с одним из Бельмонте случится беда, Вальедо не может позволить себе потерять еще и министра. Я удовлетворюсь данной им клятвой, если король не возражает.

Он смотрел на министра, произнося эти слова. Видно было, что де Раду они застали врасплох.

— Почему? — тихо спросил он; очень личный вопрос при большом скоплении людей. В первый раз они стояли лицом к лицу.

— Кажется, я только что объяснил, — ответил Родриго. — Это не так сложно. У Вальедо враги со всех сторон. Если на кон будет поставлена твоя жизнь, кто-нибудь может нанести удар по королевству через мою семью. Я бы не хотел, чтобы король приговорил тебя к смерти в этом случае. Думаю, это сделало бы их положение более, а не менее рискованным. Чтобы доверять твоему слову, де Рада, мне необязательно тебя любить.

— Несмотря на брата?

Капитан пожал плечами.

— Его теперь судит Джад.

Это не было ответом, но это был ответ. После непродолжительного молчания, во время которого хорошо было слышно пение птиц на деревьях, министр поднял правую руку, повторяя жест Родриго.

— Перед Джадом и перед моим повелителем, королем Вальедо, и перед всеми собравшимися здесь даю клятву, что буду относиться к семье Родриго Бельмонте, как к своей собственной,

отныне и до его возвращения из ссылки. Клянусь своей честью и честью моих предков. — Его звучный голос заполнил лесную поляну.

Оба снова повернулись к королю. Он стоял, выпрямившись во весь рост, и без улыбки смотрел на них.

— Я не привык, чтобы мои указы отменялись спорящими сторонами, — пробормотал он.

— Только вы можете это сделать, — ответил Родриго. — Мы просто предлагаем вариант, и во власти короля принять или отвергнуть его.

И теперь все увидели, как Рамиро улыбнулся человеку, которого только что отправил в ссылку.

— Да будет так, — сказал он. — Мы принимаем ваши клятвы.

Оба поклонились. Родриго выпрямился и произнес:

— Тогда, с вашего позволения, мой государь, я начну немедленно готовиться к отъезду, как бы мне ни хотелось продолжить с вами охоту.

— Одну минуту, — возразил король. — Куда ты все же отправишься? — В его голосе впервые промелькнула тень сомнения.

Улыбка Родриго Бельмонте, озаренная солнечным светом, была широкой и без сомнения искренней.

— Не имею ни малейшего представления, — ответил он. — Хотя по пути туда, куда я поеду, мне сперва придется заехать домой и поговорить с той самой хрупкой и испуганной женщиной. — Его улыбка померкла. — А вы все молитесь за меня, — сказал Капитан из Вальедо.

С этими словами он повернулся, взял у конюха поводья своего коня, вскочил в седло и уехал в одиночестве с поляны по той же лесной дороге, по которой они недавно прискакали.

* * *

Инес, королева Вальедо, сжимала в руке изрядно потертый солнечный диск и благочестиво слушала с закрытыми глазами, как ее любимый священник читает вслух из книги Сыновей Джада — то был отрывок о конце света, — когда явился посыльный от ее мужа и доложил, что король сейчас ее навестит.

Извиняющимся тоном она велела своему религиозному наставнику прервать чтение. Тот уже привык к подобным вещам. Он сделал отметку и отложил книгу в сторону. Вздохнул, бросил укоризненный взгляд на королеву и с поклоном удалился из

комнаты через внутреннюю дверь. Все знали, что король Рамиро не слишком одобряет религиозное рвение, и все усилия королевы в течение многих лет не смогли изменить этого неприятного обстоятельства.

Все дело в том, как давно уже решила Инес, что он слишком долго прожил среди неверных. Все три строптивых, честолюбивых сына короля Санчо провели некоторое время в ссылке среди ашаритов, но только Рамиро вернулся обратно, приобщившись к обычаям Аль-Рассана, и демонстрировал подозрительную мягкость в вопросах веры. По иронии судьбы — а может быть, и нет, — отец устроил ему брак с благочестивой юной дочерью короля Фериереса, чьи владения находились за горами, на востоке.

Инес, которая с детства мечтала попасть в число Дочерей Джада в одном из крупных монастырей, согласилась на этот брак лишь по совету своих духовных наставников, в том числе верховных священников Фериереса. Они сказали ей, что это замечательная возможность послужить одновременно богу и своей стране. Молодой человек, за которого она выйдет замуж, весьма вероятно, когда-нибудь станет правителем по крайней мере части Эсперанъи, и Инес может использовать свое положение для укрепления веры в этой неспокойной стране.

Священники оказались пророками, и Рамиро был назначен правителем высокогорной Халоньи в соответствии с завещанием отца о разделе страны на три части. А потом приобрел еще большую власть: после загадочной смерти брата Раймундо ее муж быстро двинулся на запад и предъявил права на престол Вальедо. Он не смог удержать оба королевства — во всяком случае, пока, — так как его дядя Бермудо быстро поднял мятеж в Халонье и захватил трон, но Вальедо, как всем известно, гораздо более крупный приз.

Только священники не сказали ей, поскольку и сами не знали, что молодой человек, за которого она выходит замуж, отличается острым умом, честолюбием, большой изобретательностью в плотских утехах и таким прагматизмом в подходе к непоколебимым доктринам святой веры, словно он сам — неверный.

Словно в ответ на эти тревожные мысли, король появился у нее на пороге. Его волосы и одежда были влажными, что еще раз свидетельствовало в пользу ее последней мысли: какой уважающий себя мужчина купается так часто, как король Рамиро? Даже ашариты в своих далеких восточных землях этого не делали. Роскошные ритуалы купания были характерны только для

сибаритских дворов Аль-Рассана, обитатели которых не соблюдали аскетических ограничений собственной веры. «Слишком долго он пробыл при дворах правителей юга, — снова подумала королева Инес, — и к тому же в таком возрасте, когда был еще молод и внушаем». Она искоса взглянула на супруга, не желая поощрять его более откровенным восхищением. Невозможно отрицать: на пороге ее комнаты стоял очень красивый мужчина. Высокий, хорошо сложенный, с квадратным подбородком. Пусть его волосы рано поседели, но усы оставались черными как смоль, и он не выказывал никаких признаков утраты способностей или остроты ума в военных и политических делах.

И в делах более интимных тоже.

Коротким жестом, хоть и весьма учтивым, король отпустил ее служанок и рабов, а также двух стражников у дверей. Рамиро подождал, пока все они выйдут, потом прошел по новому ковру и остановился перед низким креслом Инес. Он улыбался. Она хорошо знала эту улыбку.

— Иди сюда, жена, — сказал он. — События этого утра навеяли мне любовное томление.

Инес не желала смотреть ему в глаза. Она уже знала, что почти все навевает ему любовное томление. Сжимая свой солнечный диск, как маленький щит, она пробормотала:

— Я уверена, что вы убили славного кабана. Но разве одна из наложниц не может удовлетворить аппетит моего повелителя, прежде чем он потревожит меня?

Рамиро рассмеялся.

— Сегодня — нет. Сегодня у меня возникло желание любоваться телом спутницы моей жизни и прикасаться к ней, врученной мне нашим господом богом. Давай, Инес, позабавимся, а потом я расскажу тебе, что произошло в лесу.

— Расскажи сейчас.

Проблема заключалась в том, как вынуждена была она слишком часто признаваться своим личным духовникам, что Рамиро трудно было отказать. Они настаивали, чтобы она использовала его страсть к ней как средство привить ему любовь к истинной вере, но, к бесконечному сожалению королевы, эффект от таких противостояний был скорее обратным: благодаря природному пылу или мастерству в любви — вероятно, полученному от куртизанок Аль-Рассана, — Рамиро с большой ловкостью разрушал ее самые благие намерения.

Даже сейчас, в разгар жаркого летнего дня, под стук плотников и гам снаружи, когда суровые слова о конце света еще

звучали у нее в ушах, королева Инес обнаружила, что дыхание ее слегка участилось, потому что в присутствии мужа в ее воображении возникли определенные образы. И это несмотря на то, что прошло почти двадцать лет и она хорошо знала о его порочных наклонностях и отсутствии благочестия. И Рамиро читал эти чувства в ней так же легко, как священники читали самые святые книги Джада. Сейчас он не спеша протянул руку и взял из ее пальцев диск бога.

— Держи меня так же крепко, — прошептал он, откладывая диск в сторону и поднимая жену на ноги сильными руками. — Люби меня так, как любишь бога. — Потом он обнял ее и притянул к себе. Это заставило ее убедиться в том, что у короля Вальедо совсем ничего не надето под белым шелковым халатом. И когда он пригнул ее голову к плечу, чтобы поцеловать, на Инес снова нахлынули все необузданные, пугающие ощущения, как бывало всегда в подобных случаях.

«Мне придется искупить этот грех», — сказала она себе, когда их губы встретились.

Он начал разматывать ткань, держащую локоны ее рыжих волос. Позднее она попросит совета и поддержки у святых наставников. Ее руки сами по себе, отяжелевшие, словно к ним привязали гири, заскользили вверх по его халату и ощутили под ним его твердое тело. Рамиро отстранился, потом снова жадно нагнулся к ней и прикусил уголок губ.

«Мои духовники, несомненно, выскажут мудрые, утешительные мысли», — сказала себе королева. Теперь ее пальцы сплелись у него на затылке. Она дернула его за волосы, и отнюдь не нежно. Король рассмеялся. От него пахло какими-то восточными пряностями. Это тоже внушало тревогу. Это несправедливо. Ей потребуется очень большая помощь, чтобы снова вернуться в чистое царство духа. Но в этот момент, когда супруг легко поднял ее на руки и отнес на широкое ложе, которое он поставил в ее новых комнатах, королеву Вальедо гораздо больше волновали, к ее великому смущению, все более настойчивые желания плоти.

В какое-то мгновение она громко прокричала его имя, а в другое мгновение, наполненная обычной смесью желания и стыда, она оказалась сидящей верхом на его великолепном теле, зная, что такой способ сочетания является еще одним наследием развратного Аль-Рассана. Но королева не в силах была сдержаться и не стонать от наслаждения, которое он ей дарил. «Наслаждение мирское, — сказала она себе с некоторым отчаянием, двигаясь на нем вверх и вниз, пока его пальцы дразнили и ласкали ее груди. — Мирское, только мирское. Царство господне совсем другое. Оно вечное, святое, золотое, возвышенное, сияющее, не связанное со смертными телами...»

— Ох! — произнесла королева Вальедо, словно испытывая огромное изумление, и замерла.

Второй крик, который вырвался у нее через мгновение, был, в своем роде, признанием.

— Расскажи мне, что там произошло, — попросила она через некоторое время.

Он любил лежать, непристойно сплетясь с ней телом, после совокупления. По крайней мере, в этом она могла ему отказать. Инес накинула одежду и заставила его тоже прикрыться, перед тем как вызвала одну из служанок и велела принести прохладительные напитки. Удовлетворенный Рамиро насмешливо улыбнулся и повиновался.

Служанка принесла для него пиво и грушевую настойку для королевы, а потом удалилась. Сейчас Рамиро лениво раскинулся на кушетке, а Инес сидела рядом на скамье с вышивкой в руках. Она вышивала новый кармашек для своего солнечного диска, чтобы подвесить его к поясу.

— Все прошло на удивление хорошо, — сказал Рамиро, поворачиваясь на бок и подпирая голову одной рукой. Он смотрел на нее с таким откровенным восхищением, что на ее щеках снова вспыхнул яркий румянец. — Между прочим, спасибо. Мне больше всего нравится, когда ты оставляешь волосы распущенными.

Она сделал это не намеренно. Просчет. Она совершала грех, гордясь своими волосами, и в качестве наказания почти всегда носила их стянутыми в тугой узел на затылке. Инес смущенно убрала с глаз прядку волос. Она понимала, что если начнет убирать их сейчас, то он над ней посмеется.

— Сегодняшнее утро, — твердо произнесла она. — Мы говорили о сегодняшнем утре.

Он усмехнулся. Отпил из своего кубка. Шум за окнами и под лестницей не утихал. Кроме всего прочего, он расширял дворцовые бани, по образцу Аль-Рассана строил холодный и горячий бассейны и массажную комнату. Это возмутительно.

— Они оба приняли мое решение, — сказал он. — Поднялся небольшой шум, когда я сказал, что сам казнил бы Гарсию, но

никто не высказался против. Граф Гонзалес теперь связан клятвой защищать семью Бельмонте в течение двух лет. Никакой кровной мести. Он поклялся при всех.

— Ты объявил, что он умрет, если они погибнут? — Рамиро обсуждал с нею этот момент несколько дней назад. По всей справедливости она должна признать, что он всегда охотно откровенничал с ней. Они даже обсуждали много лет назад его переезд в Вальедо из Халоньи. Он довольно много времени проводил в ее комнатах, делясь с ней своими мыслями. Несомненно, гораздо чаще, чем отец Инес делился с ее матерью. «Собственно говоря, — внезапно поняла Инес, глядя на мужчину на кушетке, — если бы он не был таким безбожником в самых важных вопросах, я могла бы считать своего мужа образцом среди мужчин».

Должно быть, выражение ее лица смягчилось. Он снова насмешливо взглянул на нее.

— Я хотел сказать тебе раньше. Мне нравится смотреть на твои груди снизу, — заявил он. — Они выглядят уже не как груши, а как дыни, ты это знаешь?

— Я не обращала внимания, — запальчиво ответила она. — Разве нужно это обсуждать? Должен ли министр умереть, если умрет кто-нибудь из Бельмонте?

Рамиро покачал головой.

— Я заявил об этом, и граф бы согласился, по-моему, но тут Родриго попросил меня отменить эту санкцию. Сказал, если Гонзалес поклянется защищать их, то ему этого достаточно. Интересно... не могла ли ему надоесть жена, как тебе кажется? Они уже давно женаты.

— Не так давно, как мы, — ответила Инес. — И если ты думаешь, что она ему надоела, то ты большой глупец. Просто дело в том, что сэр Родриго Бельмонте — человек набожный, он верит в могущество бога и готов довериться воле Джада и публичной клятве Гонзалеса. Меня это совсем не удивляет.

Рамиро несколько секунд не отвечал.

— Собственно говоря, он сказал, что не хочет, чтобы наши враги, причинив вред семье Родриго, могли заставить меня казнить министра. Я об этом не подумал.

Инес тоже не подумала. Но она уже много лет вела такие разговоры.

— Он сказал это просто потому, что ты не стал бы его слушать, если бы он выдвинул причину, связанную с верой.

— Вероятно, — согласился Рамиро слишком уж миролюби-

во. Он весело посмотрел на нее. — Я все же думаю, что ему могла надоесть жена. Он попросил нас молиться за него, потому что ему придется поехать домой.

— Видишь? — быстро сказала Инес. — Он верит в силу молитвы.

Король расхохотался, чем испортил ей торжество.

Снаружи продолжал доноситься грохот и стук работ. Замок Эстерена превращали в настоящий дворец, построенный слишком явно по образцу дворцов юга. В каком-то смысле это наносило оскорбление богу. Но королеве нравились планы по расширению жилых помещений.

— Еще разок, госпожа моя? — спросил жену король Вальедо.

Она прикусила губу.

— Если ты после пойдешь со мной в часовню.

— Договорились, — ответил он и встал с кушетки.

— И будешь произносить вслух молитвы вместе со мной, — быстро прибавила она.

— Договорились. — Он подошел и встал над ее скамьей, но потом опустился перед ней на колени, протянул руку и прикоснулся к ее волосам.

— И не будешь отпускать шуточек по поводу литургии.

— Договорились. Договорились, Инес.

Для летнего дня эта сделка казалась выгодной. Она отложила свое шитье. И даже подарила ему улыбку. Труд на благо Джада здесь, в Эсперанье, оказался долгим и неожиданно тяжелым. Он вел ее по таким путям, которых она никак не могла предвидеть у себя дома, в Фериересе, двадцать лет тому назад, когда девочкой мечтала по ночам не о мужчине, а о боге. Она соскользнула со скамьи к своему мужу, на покрытый новым ковром пол. Ей этот ковер тоже нравился. Он прибыл из Серии, с самого севера Аль-Рассана.

* * *

Учитывая все обстоятельства, решение Родриго Бельмонте выехать вчера вечером, чтобы попасть домой на рассвете, опередив свой отряд, который прибыл вместе с ним из Эстерена, было несколько опрометчивым.

Он был одним из самых великих воинов на полуострове. Здешние места не представляли большей опасности, чем любая другая открытая местность в редко населенном Вальедо, а значит, в действительности были весьма опасными.

Обе блуждающие луны, которые народ киндатов называл сестрами бога, висели в небе, и обе были почти полными. Вдалеке, за немногочисленными ранчо и предгорьями, виднелись смутные очертания гор Халоньи. При ярком свете и сверкающем ясном небе Родриго можно было легко заметить издалека, пока он ехал в одиночестве по лугам, где еще носились дикие стада вальедских коней.

Конечно, это означало, что он тоже мог издали заметить приближение опасности, а его черный жеребец был способен уйти от любого другого коня на этой равнине. Если кто-нибудь имел бы глупость напасть на него после того, как понял, кто он такой.

Следовательно, такой нападающий должен был отличаться дерзостью, граничащей с безумием, а Капитан должен был глубоко погрузиться в ночные размышления, чтобы попасть в засаду так близко от дома.

Нападавшие выждали, пока его конь не оказался посередине речки, образующей западную границу ранчо Бельмонте. Он уже фактически находился на собственной земле.

В конце лета река обмелела и не доставала черному коню даже до холки в самом глубоком месте. Он шагал по дну, а не плыл. Но когда лучники поднялись из осоки у кромки воды, словно призраки мертвых, Родриго понял, что кто-то это учел. Каким бы быстрым ни был его конь, вода замедлит его движения в течение нескольких первых секунд. Стрелкам из лука этого будет достаточно.

Первые же слова нападавших подтвердили его догадку.

— Мы выстрелим в коня, сэр Родриго. Не пытайтесь убежать.

Он не хотел, чтобы они убили коня.

Родриго огляделся. Десяток мужчин, все с лицами, завязанными платками, и в низко надвинутых шляпах. Их коней он не видел. Вероятно, они спрятаны ниже по течению.

— Слезайте с коня. В воду. — Тот же человек заговорил снова, голос его заглушал платок.

— Если вам известно мое имя, то вам также известно, что вы обречены, продолжая это безумие, — тихо сказал Родриго. Он еще не слез с коня, но и не позволял ему двигаться.

— Ваш конь погибнет, если вы останетесь в седле. Слезайте.

Он повиновался, нарочно спрыгнув вперед, на более мелкое место. Вода доходила ему до талии.

— Бросьте свой меч на берег.

Он заколебался.

— Мы не станем стрелять в вас, сэр Родриго. Мы убьем вашего коня. Бросайте меч.

— За мной следуют около ста пятидесяти человек, — ровным голосом предупредил Родриго, но снял перевязь с мечом.

— Они отстали от вас на полночи.

Кажется, говоривший был очень хорошо информирован. Родриго бросил меч и пояс на траву, подальше от реки. Он заметил то место, куда упал меч, но кто-то уже поднял его, так что это не имело значения.

— Теперь идите к нам. Оставьте коня там, где он стоит. Кто-нибудь его заберет.

— Он неохотно подчиняется чужим рукам, — предупредил Родриго.

— Это наши трудности, — ответил говоривший с ним. — Мы привыкли иметь дело с лошадьми. Идите сюда.

Родриго выбрался из воды сквозь речные водоросли. Его повели дальше на восток, по его собственной земле, что было особенно оскорбительно. Однако здесь, на самой границе поместья, и среди ночи никого не было. Его заставили пройти несколько сотен шагов, постоянно держа под прицелом, правда, не его, а коня. Кто-то здесь действовал мудро.

Они подошли к какой-то пастушьей хижине. Как все хижины, она была маленькой, пустой, всего лишь примитивное укрытие для пастухов от дождя или снега, который иногда выпадал зимой.

Кто-то зажег факел. Его втолкнули внутрь. Шестеро вошли вслед за ним, пряча лица, не произнося ни слова. Говорил только предводитель. Они отобрали оба его ножа: тот, что за поясом, и тот, что в сапоге. Связали ему руки спереди, а потом вбили колышек в утоптанный земляной пол хижины; заставили его лечь на землю, завели связанные руки за голову и привязали их к колышку. Стянули с него сапоги и таким же образом связали его щиколотки. Вбили еще один колышек и обмотали веревку, стягивающую ноги, вокруг него. Он не мог двигаться с высоко поднятыми над головой руками и связанными ногами, пригвожденный к земле.

— Как вы думаете, что произойдет, — спросил Родриго, нарушив молчание, — когда мой отряд завтра прибудет на ранчо и узнает, что я не появился?

Вожак, который стоял в дверях и смотрел на действия своих подчиненных, лишь покачал головой. Потом сделал знак ос-

тальным. Длинный факел воткнули в землю, и они ушли, оставив его в хижине связанным, словно жертвенное животное.

Он услышал удаляющиеся шаги, потом приближающийся топот коней, потом удаляющийся стук копыт. Беспомощно пришпиленный к собственной земле, Родриго Бельмонте несколько мгновений лежал молча, прислушиваясь к удаляющемуся топоту всадников. А потом, столь же беспомощно, но уже по другой причине, он не смог удержаться и начал смеяться. Трудно было переводить дыхание с так высоко поднятыми руками; он кашлял и задыхался, из его глаз лились слезы.

— Да сожжет тебя бог, Родриго! — воскликнула его жена, врываясь в хижину. — Как ты узнал?

Он продолжал хохотать. Не мог остановиться. Как ни удивительно, Миранда держала в одной руке стрелу. Она была одета, как обычно на ранчо, в черную, похожую на мужскую одежду. Пока он заливался смехом, она в ярости смотрела на него. Потом подошла ближе и уколола его стрелой в бедро.

— Ай! — воскликнул Капитан Вальедо. Он опустил взгляд и увидел кровь, льющуюся сквозь дыру в штанах.

— Ненавижу, когда ты надо мной смеешься, — сказала она. — Так как ты узнал? Скажи мне, или я еще раз пущу тебе кровь.

— Не сомневаюсь, — ответил Родриго, пытаясь взять себя в руки. Он не виделся с ней почти полгода. Она выглядела до обидного прекрасно. И еще было очевидно, что она в большой ярости. Он сосредоточился, ради собственной безопасности, на ее вопросе.

— Мальчики прекрасно справились, собственно говоря. Всего несколько промахов. Коррадо услышал других лошадей, когда мы подъехали к реке. Я не услышал, они оставили коней достаточно далеко, но боевого коня можно научить предупреждать всадника.

— Что еще?

— Два человека позволили своим теням упасть на воду. При свете двух лун нужно быть осторожным.

— Что-нибудь еще? — Ее голос звучал все холоднее.

Он поразмыслил и решил, что двух замечаний достаточно. Он все еще оставался связанным, а она все еще держала в руках стрелу. Остальное могло подождать.

— Больше ничего, Миранда. Я же сказал, они очень неплохо справились.

Она снова вонзила в него стрелу, глубоко, во вторую ногу.

— Свет Джада! — ахнул он. — Миранда, пожалуйста...

— Говори правду. Что еще?

Он вздохнул.

— Я узнал ржание коня Фернана, когда его привели сюда. Они слишком хорошо знали, где находится в моем сапоге нож. Они были слишком деликатны, когда связывали меня. И вся эта засада слишком точно устроена вдоль реки, чтобы быть импровизацией. Должно быть, Диего увидел меня и знал, какой дорогой я поеду. Может быть, хватит, Миранда? Можно мне теперь встать? Можно поцеловать тебя?

— Да, нет и, возможно, потом, — ответила его жена. — Ты имеешь представление о том, как я сердита, Родриго?

Связанный, истекающий кровью на земле, Родриго Бельмонте смог ответить вполне честно:

— Некоторое представление имею.

Наверное, выражение его лица ее позабавило, потому что на лице жены впервые появилось подобие улыбки.

Но она быстро ее стерла.

— К нам нагрянули вооруженные люди, беспечный ты негодяй. Ты оставил меня с детьми и работниками, от которых уже тридцать лет назад не было никакой пользы.

— Это несправедливо, — возразил он. — Мне очень жаль, что ты испугалась. Ты это знаешь. Я не думал, что даже Гарсия де Рада совершит подобную глупость — нападет на ранчо, и я действительно считал тебя и мальчиков способными справиться с любой ситуацией. Я тебе об этом говорил.

— Я тебе об этом говорил, — передразнила она его. — Какой ты заботливый.

— Если мальчики собираются пойти по моим стопам, — ровным голосом произнес он, — им придется научиться справляться с подобными делами, Миранда. Ты это знаешь. На них будет стоять клеймо моих сыновей с той минуты, как оба поступят в отряд — мой или другой. Их будут доставать, будут ставить им трудные задачи. Я ничего не могу с этим поделать, могу лишь помочь им научиться достойно решать такие задачи. Если только ты не хочешь, чтобы они оба дали обеты и пошли в священники.

— На нас напали двадцать четыре всадника, Родриго. Что, если бы Диего их не заметил?

Капитан ничего не ответил. Правда заключалась в том, что ему снились кошмары с тех самых пор, как до него в Эстерен дошли слухи об этом налете. Он не хотел этого говорить, но, наверное, на его лице отразилось больше, чем он предполагал, по-

тому что Миранда внезапно отбросила стрелу в сторону и опустилась на колени рядом с ним.

— Вижу, — тихо произнесла она. — Ты тоже испугался. Хорошо. Наполовину ошибка, наполовину испытание для мальчиков. С этим я могу жить.

— Не уверен, что я могу, — через секунду сказал он. — Если бы что-нибудь случилось...

— Поэтому я его и убила. Я знаю, ты бы так не поступил. Знаю, что это было не слишком благородно, но человек, который мог сделать то, что сделал он... Он бы не остановился, Родриго. Он бы вернулся снова. Лучше, чтобы я убила его, чем тебе пришлось бы его убить, но уже после того, как он что-нибудь сотворил с нами.

Капитан кивнул головой. Это было нелегко, оставаясь связанным. Она не собиралась его освобождать.

— Мне жаль, что тебе пришлось убить человека.

Миранда пожала плечами.

— Учитывая, кто он такой, это было легче, чем я представляла себе. Мальчикам тоже пришлось убивать людей.

— В том мире, в котором им предстоит жить, когда они вырастут, это должно было случиться.

— Я бы предпочла, чтобы это произошло не так рано, Родриго.

Он ничего не ответил. Она немного отодвинулась, глядя на него, но все еще не делала никаких попыток развязать его путы.

— Король назвал тебя хрупкой женщиной.

Она улыбнулась в ответ.

— Ты не стал его разубеждать?

— Попытался. Я попросил их помолиться за меня, потому что мне придется заехать домой и рассказать тебе, что произошло.

— Мы слышали. Ты прислал гонца, наверное, для того, чтобы у меня было время остыть.

Он скривил губы.

— Кажется, это не сработало. Развяжи меня, Миранда. У меня все затекло, а из ног идет кровь.

Она не шевельнулась.

— Двухлетняя ссылка? Могло быть и хуже, полагаю. Куда ты отправишься?

— Разве так обсуждают подобные вопросы?

— Сойдет и так. Куда ты поедешь, Родриго?

Он вздохнул.

— Точно не в Халонью, и в Руэнде мне пока не найти радушного приема. Я мог бы увести свой отряд с полуострова в

Фериерес или Батиару, но не стану этого делать. Здесь могут начаться события, и я не хочу уезжать слишком далеко. Значит, на юг. Снова в Аль-Рассан.

— Куда? — Она сосредоточилась. Ему показалось, что у него под копчиком лежит камень.

— Думаю, в Рагозу. Королю Бадиру мы пригодимся. Он зажат в тисках между Картадой, Халоньей и бандитами, совершающими набеги с юга. Там можно заработать.

— Не в Рагозу ли отправилась эта женщина, твой лекарь?

Он заморгал.

— Умница. Она не мой лекарь, но — да, именно туда она и отправилась. Я все еще хочу попытаться заполучить ее лекарем в отряд.

— Не сомневаюсь. Она очень хорошенькая, так ты говорил?

— Я ничего похожего не говорил. Разве я полный идиот?

— Да. Так это правда?

— Что?

— Она красивая?

Родриго еще раз осторожно вздохнул, ему приходилось нелегко.

— Миранда, я женат на самой красивой женщине из всех мне известных. И не могу беспристрастно судить об этих качествах у остальных. Она достаточно привлекательна. Синие глаза, это редкость у киндатов.

— Понятно. Ты их заметил?

— Миранда...

— Ты заметил. — Выражение ее лица было обманчиво мягким. Он научился не доверять этому выражению. Камень под его спиной, как это ни невероятно, казалось, увеличился в размерах.

— Меня учили замечать все, Миранда. В мужчинах и в женщинах. Если бы я был лучше обучен пятнадцать лет назад, я бы заметил, что ты — жестокая и безжалостная женщина.

— Возможно, — миролюбиво согласилась она. — Теперь уже поздно. Скажи, что я всегда говорю, когда ты уезжаешь из дома?

— О, Джад! Не начинай все сначала. Я знаю, что ты всегда...

— Скажи это. Иначе я опять найду стрелу. Я дала себе слово застрелить тебя из лука в тот день, когда убила Гарсию де Рада. Два булавочных укола не в счет.

— Нет, в счет, — возразил он. — И это не булавочные уколы. — Он замолчал, увидев выражение ее лица, потом тихо произнес: — Я знаю, что ты мне говоришь. Что, если я пересплю с

другой женщиной, ты либо переспишь с другим мужчиной, либо убьешь меня.

Она улыбалась, словно поощряя ребенка, который хвалится своей памятью.

— Хорошо. И так как я не хочу спать с другим мужчиной...

Родриго вздохнул.

— Ты меня убьешь, Миранда, я знаю. Позволь мне встать, пожалуйста.

Казалось, она обдумывает его просьбу, что было уже шагом вперед.

— Нет, — в конце концов ответила она. — Пока нет. Ты мне нравишься в таком положении.

— Что это значит? — спросил он, встревожившись.

Она подползла на коленях со своего места поближе к нему. Окинула его сверху оценивающим взглядом, потом хладнокровно разорвала на нем рубашку. Он широко раскрыл глаза. Ее руки занялись застежками и завязками его штанов. Ему стало трудно дышать.

— Миранда, — сказал он, — у меня под спиной лежит камень.

— Этого мы не можем допустить, правда? — прошептала она с преувеличенным сочувствием. Но все же просунула руку под него и достала смехотворно маленький камешек.

— Развяжи меня, любовь моя. Нам будет лучше, если я буду свободен.

— Ничего подобного, — ответила его радость, его мука, его жена, с ярким блеском в глазах. — Нам будет очень хорошо и так.

Она покончила с его одеждой и начала снимать свою.

— Видишь, что я имею в виду? — сказала она, с улыбкой глядя сверху на его восставшую плоть. Произнося эти слова, она стянула через голову свою черную тунику. Под ней ничего не было. Ее маленькие груди при свете факела выглядели гладкими и тугими.

— Видишь? — снова спросила она. Конечно, он видел.

В конце концов он закрыл глаза, но прежде прошло некоторое время, в течение которого она совершила множество движений, приведя его в такое состояние, когда он уже не мог следить за течением времени и вообще уже ни за чем.

К тому времени факел уже догорел, это он запомнил. Смотреть было невозможно. Только чувствовать. Губы и пальцы. Зубы, в самых неожиданных местах. Тесное, совершенное убежище ее тела, после столь долгого перерыва.

— Отпустить тебя? — выдохнула она ему в самое ухо.

— Ни за что, — ответил Родриго, не открывая глаз.

Еще позже заходящая белая луна послала косой луч сквозь широкую щель в досках стены, и он осветил их. Он лежал под Мирандой, ее голова покоилась на его груди, темные волосы рассыпались, окутав их обоих. Он ощущал ее мерное дыхание, впитывал ощущение ее кожи и ее запах, опьяняющий, как неразбавленное вино.

— Ладно, — пробормотала она, словно продолжая диалог. — Наверное, нам нужен хороший лекарь.

— Мне уж точно, — с чувством сказал он.

Это заставило ее рассмеяться. Но в какой-то момент, хотя трудно было заметить перемену, смех перешел в слезы. Он чувствовал, как хлынули они ему на грудь.

— Два года — большой срок, — сказала Миранда. — Родриго, я была к тебе несправедлива?

— Я не собираюсь провести два года без тебя, — ответил он. — Так или иначе.

Она ничего не ответила. Слезы капали в молчании. Он поколебался, но в конце концов опустил руки — он освободил их от пут в первые же секунды после того, как его связали, — и обнял ее.

— О, чтоб ты сгорел, Родриго, — прошептала она, когда поняла, что он сделал, но на этот раз в ее голосе не было суровости. Через мгновение она прошептала, имея в виду самое грустное на свете — уходящее время. — Они такие юные.

Он погладил ее волосы, спускаясь по ним все ниже вдоль спины.

— Я знаю, — нежно прошептал он. — Знаю, любовь моя.

Он сам убил первого человека в двенадцать лет. Но не сказал ей об этом. Сейчас не время.

* * *

— Они все еще в хижине? — спросил Фернан.

— Угу, — ответил Диего.

— Что они там делают, как ты думаешь?

— Не сейчас, — поспешно вмешался священник Иберо. — Это нескромный вопрос!

— Я все равно не мог бы на него ответить, — со смехом сказал Диего. — Иберо, между прочим, у тебя по-настоящему воинственный вид.

Несколько секунд лицо давно знакомого им священника отражало неуверенность, потом на нем появилось выражение опас-

ливого удовольствия. Он действительно сильно изменился: его лицо под черной шляпой было запачкано грязью, он был одет как разбойник, а в новые сапоги для верховой езды подложил стельки, чтобы казаться выше.

Фернан заставил Иберо несколько дней тренироваться говорить низким голосом и ходить в этих сапогах, чтобы привыкнуть к такой речи и к движению. Их священник и наставник был, как ни странно, предводителем банды, которая захватила Родриго. Мальчики держались вне поля зрения, ниже по реке, вместе с конями. Другими разбойниками были работники ранчо, переодетые, как и Иберо, им приказали не говорить ни слова. Они уже вернулись домой. А эти трое, два мальчика и священник, сидели на темной траве под двумя лунами и звездами летней ночи.

— Ты и на самом деле считаешь, что мы его провели? — спросил священник.

— Кого? Папу? Не говори глупости, — ответил Фернан, насмешливо взглянув на него.

— Он обо всем догадался на основании, по крайней мере, полудюжины разных мелочей, которые мы упустили, — радостно сказал Диего. Мальчики улыбнулись друг другу.

У священника вытянулось лицо.

— Он узнал нас? Тогда какой смысл был в этом обмане?

— Он нам расскажет об этих мелочах. В следующий раз будем умнее, — объяснил Фернан.

— Кроме того, — сказа Диего, — мама очень хотела вонзить в него стрелу.

— А! — вспомнил священник. — Правильно. Я забыл. — Он уже давно жил в этой семье.

Они решили вернуться на ранчо. Невозможно угадать, как долго Родриго и Миранда пробудут в этой хижине. По дороге домой Фернан, как и следовало ожидать, запел. У него был ужасный голос, и обычно его тут же останавливали, но в ту ночь никто не жаловался. Темные просторы выглядели более сносно и даже приветливо под двумя лунами. Они могли видеть горы в отдалении и широкие равнины на севере, и на юге, и убегающие на запад у них за спиной, а после, немного погодя, они увидели свет факелов, оставленных на ограде вокруг ранчо, чтобы они все вернулись домой в этой ночи.

Часть III

Глава 7

— Ну, и где же он? — спросил Альмалик Картадский, Лев Аль-Рассана.

Правитель гневался. Признаки гнева ясно видели все собравшиеся в обширной сводчатой палате. Стоящие под подковообразными арками из переплетений красного и янтарного камня люди тревожно переглянулись. Придворные и художники, приближенные к правителю, известному своими переменами настроения, быстро научились истолковывать такие перемены. Они смотрели, как их повелитель выхватил из корзины, которую держал раб, апельсин и сам начал быстро чистить его своими большими, ловкими руками. Эти же руки держали меч, который зарубил Ишлика ибн Раала в этой самой палате всего около трех месяцев назад, и кровь поэта забрызгала мозаичные плитки, мраморные колонны и одежду оказавшихся рядом в тот день людей.

Молодой, приобретающий популярность поэт из Тудески совершил ошибку: вставил в свои стихи две строчки из произведения другого поэта, а потом отрицал, что сделал это намеренно. Однако Альмалик Картадский знал поэзию и гордился этим. В Аль-Рассане после падения Халифата выдающийся поэт мог завоевать правителю столь необходимую ему репутацию просвещенного человека.

И в течение пятнадцати лет главным советником Альмалика, которого позднее официально провозгласили наставником и воспитателем его старшего сына и наследника, был поклонник многих искусств Аммар ибн Хайран. Он и написал, к большому несчастью Ишлика ибн Раала, те самые две украденные строчки. И это о нем спрашивал спустя три месяца повелитель в тот рискованный момент.

— Где он? — снова спросил Альмалик.

Собравшиеся во дворце в то утро придворные, человек тридцать, обнаружили много интересного для себя в геометриче-

ских узорах потолка и мозаичных полов. Никто не смотрел прямо на правителя и на того человека, к которому он обращался. Только одна женщина, сидящая среди ярких подушек рядом с возвышением правителя, сохраняла невозмутимое выражение лица и тихо перебирала струны лютни.

Приземистый, седовласый каид — командующий войском Картады, почти сорок лет жизни проведший в войнах при халифах и после их падения, остался стоять на коленях, устремив взгляд на ковер перед возвышением.

Кстати сказать, ковер был великолепен, сотканный и выкрашенный мастерами Сорийи несколько веков назад и спасенный Альмаликом из ограбленной Аль-Фонтаны в Силвенесе за пятнадцать лет до этих событий. Это напоминание о сказочной роскоши халифов здесь, в Картаде, было, разумеется, намеренным.

Несмотря на все усилия скрыть этот факт, коленопреклоненный воин явно испытывал страх. Поэт-плагиатор не был единственным человеком, убитым повелителем в зале приемов, он был всего лишь последним. Перед тем как Альмалик стал правителем города, а затем и страны, он был военачальником, и он не позволял своим людям забывать об этом. Клинок, висящий в ножнах возле возвышения, служил не только украшением.

Не поднимая головы, стоящий на коленях каид пробормотал:

— Его нет в Фезане, мой повелитель. Никто не видел его после... наведения порядка в городе.

— Ты мне это уже говорил, — произнес Альмалик Картадский почти шепотом. Это было плохим знаком, одним из худших. Теперь никто из придворных, выстроившихся рядом с возвышением и между колоннами, не смел даже взглянуть на остальных. — Я спрашиваю о другом, ибн Руала. Я спросил у верховного каида всех моих войск, где находится в данный момент один очень известный человек. А не о том, где его нет. Разве я в последнее время стал непонятно выражаться?

— Нет, повелитель! Вовсе нет. Это моя вина. Я послал свою личную стражу и лучших мувардийцев во все концы страны. Мы с пристрастием допросили всех, кто мог знать о местонахождении ибн Хайрана. Некоторые из этих людей умерли, так старательно их допрашивали. Но никто не знает, никто не знает. Аммар ибн Хайран исчез... с лица земли.

Воцарилось молчание.

— Что за пошлая, избитая фраза, — произнес Лев Аль-Рассана.

Утреннее солнце заглянуло в зал через высокие окна, посылая лучи мимо верхних галерей, сквозь пляшущие пылинки. Все видели, что женщина на подушках улыбнулась в ответ на замечание правителя и что Альмалик заметил ее улыбку и остался доволен. После этого один-два придворных позволили себе сделать более глубокий вдох. Пара из них рискнула также одобрительно улыбнуться и кивнуть головой.

— Простите меня, мой повелитель, — пробормотал каид, не поднимая головы. — Я всего лишь старый солдат. Верный, простой воин, а не мастер произносить медовые фразы. Я лишь могу рассказать о той правде, которую узнал, и в самых простых словах.

— Скажи, — спросил повелитель, запуская зубы в дольку апельсина, — принца Альмалика подвергали допросу с пристрастием, о котором ты упоминал?

Седая голова каида опустилась к самому полу. Все увидели, как задрожали его руки. Женщина на подушках подняла взгляд к возвышению, лицо ее было серьезным. Пальцы замерли на струнах лютни, затем возобновили движение, хотя и не с таким прилежанием, как прежде.

В этом зале не было ни одного человека, который бы не знал, что если принц Альмалик уже не наследник правителя, то жизнь двух маленьких сыновей этой женщины станет очень опасной. Поскольку Хазем ибн Альмалик, второй сын правителя, впал в крайнюю религиозность и покрыл себя позором, то не оставалось никого между старшим из этих мальчиков и троном.

— Мы просили... помощи у принца, — заикаясь, пробормотал каид в ковер. — Конечно, с ним обращались крайне почтительно, и он... он рассказал нам все, что смог. Он выразил горячую надежду, что господина Аммара ибн Хайрана скоро найдут и вернут и что он снова будет с нами. Как был... среди нас прежде.

Невразумительный лепет каида разительно не соответствовал его высокому рангу. Он был не просто рядовым воином, он был командующим войском Картады. Никто из присутствующих, тем не менее, не воображал, что сам он смог бы держаться с большим апломбом в данных обстоятельствах. Только не при таком стечении обстоятельств. И не при ответе на данный вопрос. Те, кто улыбнулся, тут же вознесли молитву своим счастливым звездам, чтобы проявленное ими легкомыслие осталось незамеченным.

Только четверо мувардийцев, двое у входа и двое позади возвышения, казались невозмутимыми под своими повязками и следили за всем и за всеми непроницаемым взглядом. Они презирали всех и не пытались этого скрыть.

Правитель впился зубами в следующую дольку апельсина.

— Мне следовало призвать принца, — задумчиво произнес он. — Но я уверен, что он ничего не знает. Ибн Хайран не стал бы посвящать в свои планы такого глупца. Кстати, его глаз все еще дергается, будто у прокаженного?

Снова наступило молчание. Очевидно, каид ибн Руала лелеял напрасную надежду, что на этот вопрос ответит кто-нибудь другой. Так как молчание затянулось, генерал, затылок которого был единственным видимым правителю с возвышения местом, так низко он склонился, ответил:

— Ваш благородный сын по-прежнему страдает этим недугом, увы, мой повелитель. Мы молимся за него.

Альмалик сделал кислое лицо. Он бросил оставшуюся часть апельсина рядом с подушками и изящно протянул руку. Раб быстро и грациозно подлетел к возвышению с полотенцем из муслина и вытер сок с пальцев и губ повелителя.

— У него смехотворный вид, — сказал Альмалик, когда раб отошел. — Будто у прокаженного, — повторил он. — Он внушает мне отвращение своей слабостью.

Теперь женщина даже не делала вид, что играет на лютне. Она внимательно наблюдала за правителем.

— Встань, ибн Руала, — внезапно приказал Альмалик. — Ты начинаешь мне надоедать. Оставь нас.

С неприличной поспешностью старый генерал вскочил. Лицо его было красным от того, что он так долго простоял с опущенной головой. Он четырежды поклонился и начал поспешно пятиться, продолжая кланяться, к двери.

— Постой, — рассеянно приказал Альмалик. Ибн Руала замер в полупоклоне, словно гротескная статуя. — Ты наводил справки в Рагозе?

— Конечно, мой повелитель. Как только мы начали поиски летом. Мы прежде всего подумали об эмире Бадире из Рагозы.

— А на юге? В Арбастро?

— Это была наша вторая мысль, мой повелитель! Вы знаете, как трудно получить информацию у тех, кто живет на землях, находящихся под угрозой этого проклятого разбойника Тарифа ибн Хасана. Но мы проявили усердие и настойчивость. Никто не видел ибн Хайрана в тех местах и ничего о нем не слышал.

Снова воцарилось молчание. Женщина на подушках у возвышения держала в руках свою лютню, но не играла. В зале было очень тихо. Даже рябь не пробегала по разноцветной воде в огромной алебастровой чаше, стоящей в центральном проходе. Лишь пылинки плясали в косых лучах солнца.

— Усердие и настойчивость, — задумчиво повторил правитель. Он покачал головой, словно был огорчен. — У тебя тридцать дней, чтобы найти его, ибн Руала, или я прикажу тебя кастрировать, вспороть тебе живот и надеть твою гнусную голову на пику посреди базарной площади.

Все разом ахнули, но, похоже, этого ожидали как неизбежного финала только что разыгранной сцены.

— Тридцать дней. Тридцать. Да. Благодарю вас, мой повелитель. Благодарю вас, — ответил каид. Этот ответ звучал абсурдно, бессмысленно, но никто не смог бы придумать никакого другого ответа.

Как всегда молча, двое мувардийцев распахнули дверные створки, и генерал вышел, пятясь назад и продолжая кланяться. Двери захлопнулись. Их стук эхом разнесся в тишине.

— Прочти ту поэму, Сефари. Мы хотим еще раз послушать эти стихи. — Альмалик взял следующий апельсин у подскочившего раба и начал рассеянно его чистить.

Человек, к которому он обратился, был незначительным поэтом, уже не молодым, больше уважаемым за свою декламацию и напевный голос, чем за то, что написал сам. Он неуверенно вышел вперед с того места, где стоял, полускрытый за одной из пятидесяти шести колонн зала. В такой момент не особенно желательно привлекать к себе внимание. Кроме того, «та поэма», как все уже знали, была последним посланием правителю от того печально известного и прославленного человека, которого каид столь безуспешно разыскивал по всему Аль-Рассану. При данных обстоятельствах Сефари ибн Дюнаш с гораздо большей радостью оказался бы в другом месте.

К счастью, он был трезв, что не часто случалось с ибн Дюнашем. Конечно, алкоголь для ашаритов находился под запретом, но также под запретом были женщины джадитов и киндатов, мальчики, танцы, нерелигиозная музыка и многие восхитительные блюда. Сефари ибн Дюнаш теперь уже не плясал. И надеялся, что это послужит ему оправданием перед ваджи за все остальное, если кто-нибудь из них станет укорять его в прегрешениях.

Но в данный момент он боялся не ваджи. В Картаде Альма-

лика следовало больше опасаться карающей руки мирской власти. Эта рука мирской власти сейчас спокойно лежала на коленях правителя, который ждал чтения Сефари. Стихи не были льстивыми, а повелитель пребывал в дурном настроении. Эти предзнаменования даже отдаленно не напоминали благоприятные. Поэт нервно откашлялся и приготовился начать.

По какой-то причине раб с корзинкой апельсинов выбрал именно этот момент, чтобы снова подойти к возвышению. Он остановился прямо между Сефари и правителем, а потом опустился на колени перед Альмаликом. Сефари ничего не мог видеть, но остальные присутствующие теперь заметили то, что раб, по-видимому, увидел первым: королю внезапно стало очень плохо.

Женщина, Забира, быстро отложила свой инструмент и встала. Сделала шаг к возвышению и замерла неподвижно. В то же мгновение правитель Картады неловко сполз на бок среди подушек и лежал, облокотившись на одну руку. Вторая его рука судорожно вцепилась в грудь в области сердца. Глаза его были широко раскрыты и смотрели в никуда. Раб, стоявший к нему ближе всех, казался парализованным и застыл прямо перед Альмаликом. Он уже отложил в сторону свою корзинку с апельсинами и теперь не шевелился. Правитель открыл рот, но не издал ни звука.

Собственно говоря, это были хорошо известные признаки отравления фиджаной: от нее перехватывает горло как раз перед тем, как яд достигает сердца. Поэтому никто из свидетелей, кроме раба, стоящего на коленях прямо перед ним, так и не узнал, понял ли умирающий правитель Картады, перед тем как потерял сознание и жизнь и ушел к Ашару среди звезд, что у раба, который все утро подавал ему апельсины, были удивительно синие, ясные глаза.

Внезапно рука правителя подломилась, и Альмалик, широко открыв рот, беззвучно рухнул на россыпь ярких подушек. Тут кто-то вскрикнул, и этот крик эхом отразился среди колонн. Зазвенели голоса перепуганных людей.

— Ашар и бог проявили милосердие, — сказал раб, поднимаясь и поворачиваясь лицом к придворным и потрясенному поэту, стоящему перед возвышением. — Мне очень не хотелось еще раз слушать эту поэму. — Он прижал руку к груди, словно извиняясь. — Я написал ее в большой спешке, видите ли, и в ней есть неудачные выражения.

— Аммар ибн Хайран! — заикаясь, пробормотал Сефари без особой необходимости.

Недавний раб хладнокровно разматывал свой шафрановый тюрбан. Он сделал кожу смуглой, но больше никак не замаскировался: никто не обращает пристального внимания на рабов.

— Я очень надеюсь, что он меня узнал, — произнес ибн Хайран задумчивым тоном. — Думаю, узнал. — И бросил ткань тюрбана на подушки. Он выглядел абсолютно спокойным, стоя возле возвышения, на котором распростерся с открытым ртом умерший неприглядной смертью самый могущественный правитель Аль-Рассана.

В этот момент все придворные, как один, посмотрели на стоящих у дверей мувардийцев, единственных в зале людей с оружием. Люди с закутанными лицами проявили необъяснимую безучастность к тому, что произошло. Ибн Хайран заметил направление взглядов.

— Наемники, — мрачно произнес он, — это наемники.

Он не прибавил, хоть и мог бы, что воины из племени пустыни не отвели бы и секунды времени в своих молитвах этому только что умершему развращенному мирянину, который был хуже неверного. С точки зрения мувардийцев, все правители Аль-Рассана заслуживали примерно одинаковой судьбы. Если бы они все убили друг друга, звездные видения Ашара могли бы воплотиться на этой земле.

Тут один из людей с закутанными лицами вышел вперед, к возвышению. Он прошел мимо Забиры, которая продолжала стоять неподвижно, прижав ладони ко рту.

— Не совсем, — тихо ответил он, но его слова были услышаны, и их запомнили.

Затем он поднялся на возвышение и спустил ткань с нижней части лица, и тогда все собравшиеся в зале увидели, что это в действительности наследник престола Картады, Альмалик ибн Альмалик, тот самый, с нервно подергивающимся веком, который, по словам отца, похож на прокаженного.

В тот момент он был больше похож на воина пустыни. И в тот же самый момент он стал правителем Картады.

Теперь трое остальных мувардийцев обнажили мечи, не двигаясь со своего места у двери. Можно было ожидать, что придворные вскрикнут, но страх и потрясение лишают людей дара речи. Единственным звуком в зале приемов какое-то мгновение оставалось дыхание перепуганных людей.

— Стражники по ту сторону двери — мои люди, и по эту

сторону тоже, — мягко произнес юный Альмалик. На этот раз его веко не дергалось и не опускалось, как все заметили.

Он посмотрел вниз, на поверженное тело отца. И быстрым, решительным толчком ноги столкнул мертвого правителя с возвышения. Тело скатилось к ногам Забиры. Сын непринужденно уселся среди оставшихся на возвышении подушек.

Аммар ибн Хайран опустился перед ним на колени.

— Да явят святой Ашар и бог среди звезд свою милость, — произнес он, — и даруют тебе долгую жизнь, о великий правитель. Будь великодушен в своем величии к твоим верным слугам. Пусть твое царствование будет увенчано вечной славой во имя Ашара.

И он встал на колени и поклонился четыре раза.

За его спиной поэт Сефари внезапно пришел в себя. Он рухнул на мозаичный пол, словно ему подрубили колени, и последовал его примеру. А после все присутствующие в зале приемов склонились в поклонах перед новым правителем Картады, словно были благодарны за подсказку и наконец-то поняли, что надо делать.

Все видели, что единственная женщина в зале, прекрасная Забира, сделала то же самое: она коснулась лбом пола рядом с телом своего мертвого возлюбленного, кланяясь его сыну, как всегда, грациозная и соблазнительная.

Было также замечено, что Аммар ибн Хайран, которого разыскивали по всему Аль-Рассану, не дожидаясь разрешения правителя, поднялся с колен и встал.

Попавшие в этом зале в плен к обнаженным мечам мувардийцев удрученно спрашивали себя, с опозданием, как могли они не узнать его раньше. Ибн Хайран не похож ни на кого благодаря своим невероятно синим глазам. Никто не двигается так, как он. Ничья дерзость не может сравниться с его дерзостью. Когда он снял тюрбан, его знаменитая серьга засверкала — насмешливо, как подумали многие, что вполне простительно. Теперь стало ясно, что он уже давно находился в Картаде. Может быть, в этом самом зале. Многие в зале приемов начали поспешно припоминать свои непочтительные замечания в адрес опального фаворита, которые они, возможно, позволили себе во время его предположительного отсутствия.

Ибн Хайран улыбнулся и оглядел их. Его улыбку все хорошо помнили, и сейчас она принесла так же мало облегчения, как это бывало всегда.

— День Крепостного Рва, — произнес он, ни к кому в от-

дельности не обращаясь, — был ошибкой со многих точек зрения. Всегда плохо не оставлять человеку выбора.

Для поэта Сефари это было совершенно непонятное замечание, но среди колонн и под арками стояли люди более мудрые. Замечание ибн Хайрана потом припомнят и будут обсуждать. Каждый из придворных поспешит первым объяснить его значение.

«На ибн Хайрана, — будут шептаться они в банях и во дворах или в городских тавернах джадитов, — хотели свалить вину за казни в Фезане. Он обладал слишком большой властью в глазах правителя. И это должно было его обуздать. Никто после этого не мог бы ему доверять». И все будут понимающе кивать головой за шербетом или запретным вином.

Эта загадочная фраза стала причиной всех разговоров в последующие дни; по крайней мере, так казалось.

Однако старая истина гласит, что события, великие или малые, не всегда развиваются по сценарию даже самых хитроумных людей.

Новый повелитель Картады за спиной ибн Хайрана закончил раскладывать подушки так, как ему нравилось, и теперь произнес тихо, но очень ясно:

— Мы готовы принять от всех уверения в преданности. Ни одному мужчине нет необходимости бояться нас, пока он хранит нам верность. — Многие отметили, что о женщинах не было сказано ни слова.

Правитель продолжал говорить, и ибн Хайран повернулся к нему лицом.

— В начале нашего царствования мы хотим сделать некоторые заявления. Первое: все официальные траурные обряды будут соблюдаться в течение семи дней, чтобы почтить нашего трагически погибшего правителя и отца.

Мужчины при картадском дворе — большие мастера улавливать малейшие нюансы информации. Никто не заметил ни намека на удивление на лице или в позе ибн Хайрана, который только что убил правителя.

«Он это тоже запланировал, — решили они. — Принц для этого недостаточно умен».

Как оказалось, они ошиблись.

Многим людям в будущем предстояло ошибаться в отношении Альмалика ибн Альмалика. Первый и самый выдающийся из них стоял сейчас прямо перед юным правителем и слушал,

как новый повелитель, его ученик и воспитанник, произносит тем же тихим, ясным голосом:

— Вторым заявлением, к нашему прискорбию, будет приказ о ссылке нашего слуги, прежде пользующегося нашим доверием и горячей любовью, Аммара ибн Хайрана.

Ни одного знака, движения, малейшего указания на замешательство у названного человека. Только поднятая бровь — характерный жест, который мог означать так много, — и затем спокойно заданный вопрос:

— За что, мой повелитель?

В устах того, кто только что убил правителя, когда еще теплое тело лежит неподалеку, этот вопрос казался поразительно самонадеянным. Учитывая то, что убийство, без сомнения, было совершено с согласия и при участии юного принца, он был также опасным. Альмалик Второй Картадский посмотрел в сторону и увидел меч своего отца рядом с возвышением. Он протянул руку, почти рассеянно, и взялся за его рукоять. Все видели, что у него снова начало подергиваться веко.

— За преступления против морали, — ответил, наконец, молодой правитель. И покраснел.

В наступившем гробовом молчании раздался смех ибн Хайрана. Смех этот эхом отразился от колонн и арок и взлетел к высокому сводчатому потолку. В веселье Аммара, однако, ощущалось напряжение, и чуткое ухо могло его уловить. Это не было оговорено заранее, возникла всеобщая уверенность. И здесь кроется очень большая тонкость, поняли самые сообразительные. Новому правителю необходимо быстро оставить между собой и цареубийством как можно большее расстояние. Если бы он назвал причиной ссылки убийство, это расстояние было бы потеряно, так как присутствие принца в замаскированном виде в этом зале уже само говорит о том, как осуществлялось убийство его отца.

— Вот как! — сказал ибн Хайран в наступившей тишине, когда замерло эхо смеха. — Опять прегрешения против морали. Только это? — Он сделал паузу, улыбнулся. Потом откровенно заявил: — Я опасался, что вы заговорите о смерти правителя. Эту ужасную ложь кто-нибудь, возможно, уже сейчас разносит по городу. Я испытываю облегчение. Могу я поэтому жить в надежде, что мой повелитель когда-нибудь запечатлеет на моем недостойном лбу поцелуй прощения?

Король покраснел еще сильнее. Поэт Сефари внезапно вспомнил, что их новый правитель еще совсем молодой чело-

век. И Аммар ибн Хайран был его ближайшим советчиком и другом, и что много лет ходили некие слухи... Он решил, что теперь лучше понимает положение дел. «Поцелуй прощения повелителя». Подумать только!

— Такие вещи решает время, звезды и воля Ашара, — ответил юный правитель решительным голосом, тоном официального благочестия. — Мы... высоко ценили тебя и благодарны тебе за прошлую службу. Нам было не так-то легко решиться на это... наказание.

Он помолчал, голос его изменился.

— Тем не менее оно необходимо. У тебя есть время до первой звезды, чтобы покинуть Картаду, и еще семь ночей, чтобы покинуть наши земли. В противном случае любой, кто тебя увидит, волен отнять у тебя жизнь и, поступив так, будет действовать от имени правителя. — Слова звучали резко и точно, отнюдь не слова молодого человека, который нервничает и не уверен в своих силах.

— За мной будут охотиться? Опять! — воскликнул Аммар ибн Хайран, и в его голосе снова прозвучала горькая насмешка. — Ну, правда, мне так надоело носить шафрановый тюрбан.

Тик правителя действительно вызывало сильное раздражение.

— Лучше тебе уйти, — сурово произнес юный Альмалик. — То, что мы сейчас собираемся сказать, предназначено для ушей наших верных подданных. Мы будем молиться, чтобы Ашар наставил тебя на путь добродетели и просвещения.

Никаких колебаний, как отметили его верные подданные в зале. Даже перед лицом насмешки и того, что можно было считать угрозой со стороны самого умного человека в государстве, юный правитель не дрогнул. Даже более того, как поняли они сейчас. Легким взмахом руки король подозвал двух мувардийцев, стоявших у дверей в дальнем конце зала.

Они подошли с обнаженными мечами и остановились по обеим сторонам от ибн Хайрана. Он всего лишь бросил на них быстрый, насмешливый взгляд.

— Мне следовало остаться поэтом, — сказал он, печально покачав головой. — Такие дела выше моего понимания. Прощайте, мой повелитель. Я буду вести печальную, мрачную, тихую жизнь, погруженный в размышления, и ждать, когда меня призовут пред ваши светлые очи.

Он снова отвесил безукоризненный поклон, потом поднялся. Мгновение постоял, словно собирался добавить что-то еще.

Молодой повелитель смотрел на него в ожидании, веко его дергалось. Но Аммар ибн Хайран лишь улыбнулся еще раз и покачал головой. Он покинул зал, пройдя между стройными колоннами по мозаичным плитам, миновал последнюю арку и вышел за дверь. Ни один человек не поверил его последним словам.

Что думала одна женщина, наблюдая все происходящее со своего места, рядом с телом покойного правителя, ее возлюбленного, отца ее детей, никто не знал. Лицо убитого повелителя уже посерело — известное следствие отравления фиджаной. Его рот все еще был открыт в последнем, беззвучном крике. Корзина с апельсинами осталась там, где ее поставил ибн Хайран, прямо перед возвышением.

* * *

Он понимал: это был один из тех просчетов, который человек помоложе никогда бы себе не простил. Но он уже не был молодым, и его насмешливая улыбка была почти искренней и почти целиком адресована самому себе.

Но здесь в игре участвовали и другие элементы, и постепенно, пока Аммар ибн Хайран ехал на восток из Картады в конце этого дня, он почувствовал, как его сардоническая бесстрастность ускользает. К тому времени, когда он добрался до своего загородного поместья, до которого было полдня неспешной езды от городских стен, спутник мог бы увидеть на его лице мрачное выражение. Но у него не было спутника. Двое слуг следовали на некотором расстоянии позади на мулах, нагруженных различными вещами — в основном одеждой, украшениями и манускриптами. Они, разумеется, не были посвящены в его мысли и не могли видеть выражения его лица. Ибн Хайран был скрытным человеком.

Когда он добрался до дома, еще оставалось вполне достаточно времени до первой звезды. Было бы ниже его достоинства поспешно покидать Картаду наутро после указа Альмалика, но равным образом было бы демонстративным и вызывающим задерживаться до наступления сумерек: в городе нашлись бы люди, готовые убить его, а потом заявить, что они видели первую звезду до реального ее появления. Он не испытывал недостатка во врагах.

Когда он въехал в поместье, два конюха подбежали, чтобы взять у него коня. Слуги появились у входа, другие суетились

внутри, зажигая фонари и свечи, готовили комнаты для хозяина. Он не был здесь с весны. Никто не знал, где он.

Его управляющий умер. Он узнал об этом от принца некоторое время назад: бедняга стал одним из тех, кто подвергался допросу с пристрастием, как упоминал каид этим утром.

«Им следовало быть умнее, — подумал он. — А может быть, они и так знали: никто, даже мувардийцы, не могли всерьез подумать, что он рассказал управляющему своим загородным домом, где скрывается. Но ибн Руале необходимы были мертвые тела как доказательство усердных поисков». Аммару ибн Хайрану пришло в голову, что по иронии судьбы каид, вероятно, обязан ему жизнью после смерти правителя. Еще один возможный источник иронии. Но сегодня ему никак не удавалось вернуть свое обычное настроение.

Это не стало полной неожиданностью — ссылка и то, что принц выступил против него. На то имелись причины. Но ему было бы приятнее, если бы это он спланировал и воплотил в жизнь подобный поворот судьбы, как планировал все остальные, но какими бы ни были его чувства, правда заключалась в том, что новый правитель не собирался становиться марионеткой Аммара ибн Хайрана или чьей-нибудь другой. «Наверное, это хорошо, — подумал он, спешившись во дворе. — Это комплимент моему воспитанию — то, что меня изгнал из страны человек, которого я только посадил на трон».

Это также должно было бы стать для него развлечением. Проблема в том, наконец-то признал он, оглядывая передний двор дома, который любил больше остальных, что ему еще какое-то время будет немного трудно развлекаться и веселиться. Воспоминания и вызванные ими ассоциации сейчас еще слишком свежи.

Пятнадцать лет назад он убил последнего халифа Аль-Рассана ради человека, которого убил сегодня.

Кажется, джарайниды, живущие далеко к востоку от границ его родины, верили, что человеческая жизнь — это бесконечно повторяющийся цикл одних и тех же действий и поступков. Такая философия не была ему близка, но он сознавал, что после сегодняшнего утра его собственную жизнь можно по справедливости считать иллюстрацией их веры. Ему не слишком понравилась мысль о том, что он служит наглядным примером чему бы то ни было. Подобная роль лишена вдохновения, а он прежде всего считал себя поэтом.

Хотя и это тоже было, в лучшем случае, лишь половиной

правды. Он вошел в низкий, длинный дом, построенный им на то щедрое содержание, которое всегда давал ему Альмалик. «Нельзя лишать человека выбора», — осторожно произнес он сегодня утром в зале приемов, чтобы убедиться, что самые умные из собравшихся начнут излагать случившееся так, как ему хотелось бы.

Были и другие варианты. Почти всегда были варианты. В День Крепостного Рва Альмалик действительно нанес серьезный, заслуживающий глубокого порицания удар по независимости своего сына и гордости ибн Хайрана. Принца сделали беспомощным свидетелем резни, всего лишь символом бдительности его отца, а Аммара...

Аммара ибн Хайрана, который ради честолюбивого правителя Картады пятнадцать лет назад пошел на убийство человека, называемого халифом из рода самого святого Ашара, и с тех пор носил клеймо этого поступка, снова представили всему полуострову и всему миру как жестокого, кровавого инициатора грязной резни.

То, что он увидел во дворе замка Фезаны в палящую летнюю жару, вызвало у него тошноту, а ведь на службе у Картады он видел смерть во многих обличиях и сам отдавал приказы убивать. Но ему были отвратительны излишества, а масштабы смерти в том дворе были ужасающими.

Но главную роль, конечно, сыграла гордость. Прежде всего — гордость. Ему было отвратительно то, что сделали с жителями Фезаны, но не менее отвратительно то, что сделали с его собственным именем, с его обликом и местом в этом мире. Он понимал, что служит правителю, какими бы высокими ни были дарованные ему звания. Правители имеют право наказывать своих слуг; они могут лишить их земных благ, убить, отправить в ссылку. Но не могут взять человека, — если этот человек Аммар ибн Хайран, — и представить его всему Аль-Рассану и миру за горами и морями в качестве автора этого... уродства.

Разве у него не было выбора?

Конечно, был, если бы он очень захотел его найти. Он мог покинуть мир власть имущих и его чудовищные деяния. Мог даже покинуть эту любимую, урезанную землю Аль-Рассана и ее надутых, мелких правителей. Мог отправиться прямо из Фезаны через горы в Фериерес или в любой из крупных городов Батиары. Там есть культурные, богатые государства, где поэта-ашарита с радостью приняли бы при дворе, как еще одно сверкающее украшение. Он мог до конца своих дней жить в роскоши среди самых цивилизованных джадитов.

Он мог бы даже уехать еще дальше на восток, доплыть на корабле до самой Сорийи, посетить каменные надгробья своих предков, которых никогда не видел; возможно, даже заново обрести веру у Скалы Ашара, пожить отшельником под звездами бога в пустыне, закончить жизнь вдали от Аль-Рассана.

Разумеется, у него был выбор.

Всему этому он предпочел месть. Замаскировался и вернулся в Картаду. Объявился принцу, а затем подкупил управляющего дворцом, чтобы тот включил его в свиту в качестве раба. Самая крупная одноразовая взятка за всю его жизнь. И он убил сегодня правителя при помощи яда фиджаны, пропитав им муслиновую ткань.

Значит, уже дважды. Дважды за пятнадцать лет он убил самого могущественного властелина на этой земле. Халифа и верховного правителя.

«Все меньше остается вероятности, — с грустью решил ибн Хайран, входя в дом, — что меня будут помнить благодаря моим стихам».

— Вас ждут, господин мой, — сообщил ему помощник управляющего у входа. Ибн Хайран сел на низкую скамью возле двери, и тот опустился на колени, чтобы помочь ему снять сапоги и надеть вместо них тапочки, украшенные самоцветами.

— Ты впустил в дом посетителя в мое отсутствие?

Этот человек теперь стал управляющим, приняв на себя груз новых обязанностей в страшное время. Он опустил глаза.

— Возможно, я совершил ошибку, мой господин. Но она так убеждала меня, что вы обязательно примете ее.

— Она?

Но он уже понял, кто это. Его на короткое мгновение снова охватило насмешливое удивление, которое затем сменилось другим чувством.

— Куда ты ее проводил?

— Она ждет вас на террасе. Надеюсь, я поступил правильно, господин мой?

Аммар встал, и управляющий тоже.

— Всегда веди женщину только туда. Прикажи приготовить ужин на двоих и подготовь комнату для гостей. Мы с тобой поговорим позже; нужно еще многое сделать. Я на время уеду из Картады, это приказ верховного правителя.

— Да, господин, — бесстрастно ответил управляющий.

Аммар двинулся было во внутренние покои, потом остановился.

— Нового правителя. Прежний правитель умер, — прибавил он. — Сегодня утром.

— Увы, — произнес управляющий без каких-либо признаков удивления.

«Надежный человек», — решил ибн Хайран. Он бросил перчатки на мраморный столик и прошел по коридорам к широкой террасе, которую построил на западной стороне, где находились его собственные комнаты. Он всегда предпочитал закат восходу. Отсюда открывался вид на красные холмы и голубую излучину реки на юге. Картада оставалась невидимой, скрытой холмами.

Женщина, его гостья, стояла к нему спиной, любуясь пейзажем. Она стояла босиком на прохладных плитах.

— Архитектор не хотел строить ее для меня, — сказал он, подходя и останавливаясь у нее за спиной. — Открытые пространства устраивают внутри дома, твердил он мне.

Она взглянула на него. По дороге сюда она закрыла лицо, но сейчас накидка была поднята. Ее черные, подведенные глаза секунду смотрели прямо на него, потом она отвернулась.

— Действительно, чувствуешь себя открытой всем взорам, — тихо произнесла она.

— Но посмотрите, где мы находимся, от кого мне прятаться здесь, вдали от города? — спросил я у архитектора и у самого себя.

— И что вы ответили самому себе? — поинтересовалась она, глядя на террасы, спускающиеся к реке, и на заходящее солнце. — А вашему архитектору? — Она была необычайно хороша в профиль. Он помнил тот день, когда впервые увидел ее.

— Только не от этого, — ответил он, обводя рукой землю, простирающуюся перед ними. «Она умна, ему полезно помнить об этом». — Признаюсь, я удивлен, Забира. Я редко удивляюсь, но этого я не ожидал.

Первая дама при дворе правителя Альмалика, наложница, которая была матерью двух его младших сыновей, в сущности — правительница Картады в последние восемь лет снова оглянулась на него и улыбнулась, показав ровные, белые зубы.

— Правда? — спросила она. — В день, когда вы убили правителя и ваш собственный ученик отправил вас в ссылку, простой визит дамы вас тревожит? Не знаю, возможно, мне следует чувствовать себя польщенной.

Ее голос был прелестным, в нем таилась музыка. Он всегда был таким. Она разбивала сердца и исцеляла их, когда пела. От

нее пахло миррой и розами. Ее глаза и ногти были тщательно накрашены. «Интересно, — подумал он, — как давно она здесь. Мне следовало спросить у управляющего».

— Нет ничего простого ни в даме, ни в этом визите, — пробормотал он. — Хотите чего-нибудь выпить?

Появился слуга с подносом, на котором стоял гранатовый сок и шербет в высоких бокалах. Он взял напитки и предложил ей бокал.

— Я не оскорблю вас, если также предложу чашу вина? К северу от нас разбит виноградник джадитов, и у меня с ними договор.

— Вы меня ничуть не оскорбите, — ответила Забира с чувством.

Аммар улыбнулся. Эта самая прославленная красавица Аль-Рассана, все еще молодая, хотя, возможно, после событий этого утра выглядела уже не так молодо. А ибн Хайран — всего лишь один из тысячи поэтов, которые прославляли ее все эти годы. Однако он был первым, этого не отнять. Он встретил ее вместе с Альмаликом. Присутствовал, когда это началось.

Женщина, которую увидали мы у Фонтанных Врат

В час, когда на город спускалась ночь,
Точно вор, похитивший весь свет дневной,
Ашара звездными жемчугами
Водопад волос своих наряжала.
Как красоту их описать?
Разве что имя ее назвать.

Святотатство, конечно, но Аль-Рассан после падения Халифата — и задолго до этого — был не самым набожным из ашаритских государств.

Ей было семнадцать лет в тот вечер, когда верховный правитель и господин ибн Хайран, его ближайший друг и советчик, возвращались верхом в Картаду после целого дня охоты в западных лесах и увидели девушку, набирающую воду из фонтана в последних лучах осеннего дня. Восемь лет тому назад.

— В самом деле, Аммар, чему тут удивляться? — спросила теперь та самая женщина, бесконечно умудренная опытом, рассматривая его поверх края бокала. Ибн Хайран сделал знак слу-

ге, и тот удалился за вином. — Как вы думаете, что меня может теперь ждать в Картаде?

Осторожно, так как он сознавал, что его поступок сегодня утром перевернул ее мир вверх дном и поставил ее жизнь под угрозу, он произнес:

— Он — сын своего отца, Забира, и почти одного с вами возраста.

Она сделала кислое лицо.

— Вы слышали, что он сказал мне сегодня утром.

«Не совсем», — пробормотал принц. Все это слышали. Забира была всегда осторожна, но едва ли составляло тайну, что, поскольку Хазем, второй сын Альмалика, безнадежно связался с самыми фанатичными из ваджи, ее старшенький стал единственным реальным соперником принца Альмалика — при условии, что его отец проживет достаточно долго и мальчик достигнет совершеннолетия. Но Альмалик не дожил. Аммар вдруг подумал о том, где сейчас мальчики.

— Я слышал, что он сказал. Несмотря на это, Альмалик ибн Альмалик по своей природе не защищен от соблазна, — ответил Аммар, все еще проявляя осторожность. Он по-своему сейчас высказал возмутительное предположение, но ни в коей мере не беспрецедентное. Сыновья становились наследниками своих отцов-правителей во всех отношениях.

Она искоса взглянула на него.

— От мужского соблазна или женского? Может быть, вы сумеете просветить меня на этот счет? — ласково спросила она. Потом продолжила прежде, чем он смог ответить: — Я его знаю. Я долго наблюдала за ним, Аммар. Он устоит против всех чар, какими я еще обладаю. Он слишком напуган. Для него я буду носительницей тени его отца, где бы ни была, в постели или при дворе, и он не готов смириться с этим. — Она снова отпила из бокала и посмотрела вдаль, на сверкающую излучину реки и краснеющие холмы. — Он захочет убить моих сыновей.

Собственно говоря, Аммар думал так же.

Он решил, что лучше при данных обстоятельствах не спрашивать, где находятся мальчики, хотя на будущее это было бы полезно знать. Слуга вернулся с двумя чистыми бокалами, водой и вином в красивом графине. За долгие годы Аммар истратил целое состояние на стекло. Его тоже придется бросить.

Слуга поставил поднос и удалился. Ибн Хайран смешал воду и вино для них обоих. Они выпили молча. Вино было очень хорошим.

Образы двух мальчиков, казалось, висят в воздухе, в сгущающихся сумерках. Внезапно, неизвестно почему, он подумал об Исхаке из Фезаны, лекаре-киндате, который принимал у Забиры роды обоих этих мальчиков и лишился глаз и языка после рождения второго из них. Лекарь смотрел глазами неверного на запретную красоту женщины, жизнь которой спас. Эта женщина сейчас стояла здесь, ее аромат опьянял и отвлекал, ее белая кожа была безупречной. Интересно, знает ли она, что случилось с Исхаком бен Йонанноном, сказал ли ей об этом Альмалик? Эта мысль привела к другой, столь же неожиданной.

— Вы действительно любили правителя, правда? — спросил он после паузы с не свойственным ему смущением. Он чувствовал, что не совсем контролирует эту ситуацию. Убийство человека делает тебя уязвимым для определенных вещей; он почти забыл этот урок за пятнадцать лет. Как же должен вести себя человек с возлюбленной того, кого он убил?

— Вы знаете, что любила, — спокойно ответила она. — Это не трудный вопрос, даже не настоящий, Аммар. — Она повернулась и впервые встала лицом к нему. — Трудная правда заключается в том, что вы тоже его любили.

А вот этого он не ожидал.

Он быстро покачал головой.

— Нет. Я уважал его, я восхищался его силой, мне нравились его тонкий ум, его прозорливость, его изобретательность. В отношении сына я тоже питал надежды. В каком-то смысле до сих пор питаю.

— В противном случае ваши уроки пропали даром?

— В противном случае мои уроки пропали даром.

— Так и есть, — откровенно сказала Забира. — Вы скоро в этом убедитесь. И хотя я слышала, как вы отрицали любовь, но боюсь, что не верю этому.

Она поставила пустой бокал и задумчиво посмотрела на Аммара. Она стояла почти вплотную к нему.

— Скажите мне еще одну вещь, — попросила она, и тембр ее голоса изменился. — Вы предположили, что новый правитель не защищен от соблазна. А вы, Аммар?

Вероятно, поразить его было труднее всех в Аль-Рассане, но это, после фраз, которыми они только что обменялись, было полной неожиданностью. Восторг, бурный и быстрый, вскипел в нем и так же быстро угас. Он убил ее возлюбленного в это утро. Отца ее детей. Надежду на будущее.

— Меня обвиняли во многом, но в этом — никогда, — ответил он, пытаясь выиграть время.

Но она не позволила ему это сделать.

— Вот и хорошо, — сказала Забира из Картады и, привстав на цыпочки, поцеловала его в губы, медленно и очень умело.

«То же самое сделала со мной другая женщина, не так давно», — подумал ибн Хайран, прежде чем всякие подобные ассоциации улетучились. Женщина на террасе шагнула назад, но только для начала: шелковые рукава упали к плечам, обнажив белую кожу рук, пока она распускала свои черные волосы.

Он смотрел, как зачарованный, слова и мысли разбегались в полном беспорядке. Он смотрел, как ее руки спустились к жемчужным пуговкам верхней туники. Она расстегнула две из них и замерла. Это туника не была верхней. Под ней ничего не оказалось. В необыкновенно ясном, мягком свете он увидел выпуклость ее белых грушевидных грудей.

У него вдруг пересохло во рту. Ибн Хайран сам слышал, какой у него хриплый голос, когда произнес:

— Мои комнаты здесь, рядом.

— Хорошо, — снова сказала она. — Проводи меня.

Тут ему все же пришло в голову, что она, возможно, пришла сюда, чтобы убить его.

Но он не собирался ничего предпринимать. Его действительно никогда не обвиняли в устойчивости к соблазну. Он подхватил ее на руки; она была тонкокостной и стройной, почти совсем ничего не весила. Ее аромат окутал его, и голова у него на мгновение закружилась. Он почувствовал ее губы у мочки уха. Пальцы обхватили его шею. Кровь громко стучала у него в ушах, пока ибн Хайран нес ее к двери в свою спальню. «Может быть, так действует возможность близкой смерти? — подумал он, и то была его первая и последняя ясная мысль на ближайшее время. — Неужели именно это так меня возбуждает?»

Его кровать в большой комнате, увешанной сорийскими коврами, была низкой, усеянной подушками всех размеров и форм, выбор которых для любовных игр определили их цвет и ткань. Алые квадраты из шелка свисали с медных колец на стене над кроватью и были вделаны в резные деревянные спинки. Аммар предпочитал свободу движений во время любовных игр, скольжение и переплетение тел, но среди его гостей в этой спальне были и те, кто получал самое острое наслаждение иным способом, а за долгие годы он завоевал репутацию хозяина, идущего навстречу всем желаниям своих гостей.

Но даже несмотря на это, даже обладая почти двадцатилетним опытом утонченных любовных игр, ибн Хайран очень быстро понял — хотя и не слишком этому удивился, — что женщина, так хорошо обученная, как Забира, знает кое-что такое, чего не знает он. И даже, как оказалось, в том, что касается его склонностей и реакций.

Немного позже он лежал обнаженный среди подушек и чувствовал, как ее пальцы дразнят и ощупывают его, вздрагивал от укусов и ощущал, как его плоть становится все более твердой в сгущающихся сумерках комнаты, когда ее губы снова прильнули к его уху, и она стала нашептывать нечто шокирующее своим знаменитым, красивым голосом. Потом он широко раскрыл глаза в темноте, когда она стала проделывать именно то, что за миг до этого описывала.

Все обученные любовницы и кастраты двора Альмалика приехали из-за морей, из своих стран на востоке, где подобное искусство было частью придворной жизни за сотни лет до того, как Ашар совершил свое аскетическое бдение в пустыне. «Возможно, — мелькнула у Аммара смутная мысль, — путешествие в Сорийю даст ему больше, чем он себе представлял». И у него вырвался тихий смех.

Забира спустилась еще ниже, ее надушенная кожа скользила по его коже, ее ногти своими прикосновениями создавали контрапункт. Ибн Хайран услышал беспомощный вздох удовольствия и понял, что, как это ни невероятно, этот звук вырвался у него самого. Тогда он попытался подняться, повернуться, принять участие, переливать любовь от одного к другому, но почувствовал, как ее руки, деликатно настойчивые, толкнули его на спину. Он сдался, закрыл глаза, позволил ей начать. Ее голос вскрикивал от восторга или шептал комментарии, чтобы служить ему, как он служил стольким другим в этой комнате.

Это продолжалось, с поразительным разнообразием и изобретательностью, довольно долго. Солнце село. Комната уже погрузилась в темноту — они не остановились, чтобы зажечь свечи, — когда к нему начало возвращаться сознание: так пловец поднимается из зеленых глубин моря. И медленно, чувствуя себя почти одурманенным страстью, ибн Хайран начал кое-что понимать.

Она в это время лежала рядом с ним, перевернув его на бок. Одна ее нога обхватила его тело, она держала его плоть в себе, и ее движения были движением морского прибоя, его настойчивым, неуклонным подъемом и падением. Он прошелся по соску

языком, пробуя на вкус свою новую мысль. Не останавливая своего ритмичного движения, — которое интуитивно совпадало с его собственным, глубинным ритмом, — она погладила его голову и отстранила ее.

— Забира, — прошептал он, его голос звучал отдаленно и глухо.

— Тише, — пробормотала она, снова прикасаясь языком к его уху. — О, тише. Позволь мне заставить тебя позабыть обо всем.

— Забира, — снова попытался заговорить он.

Тогда она сменила позу гибким и плавным движением и теперь очутилась сверху, двигаясь с еще большим пылом, его плоть все еще находилась внутри нее, во влажных ножнах. Ее рот опустился, накрыл его губы. Ее дыхание пахло мятой, ее поцелуи были похожи на пронизывающий огонь. Она заставила его замолчать, ее язык трепетал, как крылья колибри. Ногти ее вонзились ему в бок и прошлись сверху вниз. Он охнул.

И отвернулся.

Потом с усилием поднял руки и схватил ее за плечи; мягко, но так, чтобы она не смогла снова вывернуться. В темноте он попытался разглядеть ее глаза, но смог различить лишь тень ее лица в форме сердечка и занавес ее черных волос.

— Забира, — сказал он, испытывая совершенно неожиданную боль, — тебе не нужно себя наказывать и сдерживать горе. Ты можешь предаться скорби. Это дозволено.

Она замерла, пораженная, словно ее ударили по лицу. Ее тело дугой выгнулось назад, и это было первое неконтролируемое движение за весь вечер. На долгое мгновение она замерла так, застывшая, неподвижная, а потом, испытывая искреннее горе и одновременно облегчение, Аммар услышал, что у нее вырвался хриплый, неестественный звук, словно что-то надорвалось в горле или в сердце Забиры.

Он медленно спустил ее вниз, пока она не вытянулась вдоль его тела, но не так, как во время их прежних соприкосновений. И во тьме этой комнаты, прославленной свидетельницы сплетений узоров страсти, Аммар ибн Хайран обнимал женщину, возлюбленную человека, которого он убил, и как мог утешал ее. Он дарил ей учтивость и пространство своего молчания, и она наконец позволила себе заплакать, оплакивая глубину своей потери, любовь, исчезнувшую в одно мгновение в этом горьком мире.

«Горький, насмешливый мир», — думал он, все еще пробираясь наверх сквозь эти ароматные, обволакивающие зеленые

воды. А затем, словно он действительно прорвался на поверхность сознания, ибн Хайран очутился лицом к лицу с истиной и признал ее: Забира сказала правду там, на террасе, когда садилось солнце.

Он сегодня убил жестокого, подозрительного, умного, бесконечно честолюбивого человека. Человека, которого любил.

Когда Лев соизволит сойти к водопою,
Чтобы жажду свою утолить, — взгляни!
Взгляни, Аль-Рассана прочие твари помельче
Рассеялись, как осенние жухлые листья,
Как весенние семена на ветру,
Как тучи расходятся, чтобы земле воссияла
Сквозь просвет первая звезда Бога.

Львы умирают. Любовники умирают или их убивают. Мужчины и женщины в своей гордости и безумии совершают милосердные и чудовищные поступки, а звезды Ашара смотрят вниз, и им все равно или не все равно.

Они так и не вышли из его комнаты в ту ночь. Аммар снова приказал принести подносы с холодным мясом и сыром, с фигами и гранатами из собственных садов. Они поели при свечах, сидя на кровати, скрестив ноги, в молчании. Потом они убрали подносы и задули свечи, и опять улеглись вместе, но не совершали движений страсти.

Они проснулись перед рассветом. В сером свете, который постепенно заполнял комнату, она рассказала ему, не дожидаясь его расспросов, что в конце лета обоих ее сыновей, по древнему обычаю, тайно послали в качестве приемных детей к эмиру Рагозы — Бадиру.

Рагоза. Она сама приняла это решение, тихо сказала она, сразу же после того, как доставили в Картаду поэму ибн Хайрана, в которой он критиковал и высмеивал правителя. Она всегда старалась опережать события, а поэма прозрачно намекала на грядущие перемены.

— Куда ты поедешь? — спросила она у него. К тому времени утренний свет уже проник в комнату. Они слышали снаружи пение птиц, а в доме шаги деловитых слуг. Она сидела, снова скрестив ноги, завернутая в легкое одеяло, как в пастушескую накидку, на ее лице остались полосы краски после ночных слез, спутанные волосы падали в беспорядке.

— Если честно, у меня еще не было времени подумать об этом. Мне только вчера утром приказали отправляться в ссыл-

ку, помнишь? А потом, когда я приехал домой, меня ждала весьма требовательная гостья.

Она слабо улыбнулась, но не шевельнулась, ждала, ее темные, покрасневшие глаза не отрывались от его лица.

Он действительно не думал об этом. Еще вчера утром он ожидал триумфального возвращения домой, в Картаду, чтобы руководить политикой и первыми шагами нового правителя государства. Человек может строить планы, но не может спланировать все. Он даже не позволял себе в течение только что минувшей ночи думать об Альмалике ибн Альмалике, принце — теперь правителе, — который так решительно восстал против него. Для этого будет время потом. Должно быть.

А пока что на всем полуострове и за его пределами полно мест, кроме Картады. Он мог поехать почти в любое из них, заняться многими вещами. Он это понял вчера, по дороге сюда. Он был поэтом, солдатом, придворным, дипломатом.

Он посмотрел на женщину на своей кровати и прочел вопрос, который она изо всех сил старалась не задавать. В конце концов он улыбнулся, наслаждаясь всей той иронией, которая распускалась, словно лепестки цветка на свету, и он принял то бремя, которое породило не убийство, а разрешение получить утешение там, где его не ожидали и не считали его допустимым. Она была матерью. Он это знал, конечно, но никогда не задумывался о том, что это могло для нее означать.

— Куда я поеду? В Рагозу, наверное, — ответил он почти небрежно и был потрясен сиянием ее улыбки, сверкающей, как льющееся в комнату утреннее солнце.

Глава 8

Слоновая кость и толпы людей — вот основные впечатления, которые сложились у Альвара за три месяца пребывания в Рагозе.

Он родился и вырос на ферме далеко на севере. Еще год назад Эстерен в Вальедо подавлял его своими размерами. Теперь он понял, что Эстерен — деревня. Рагоза эмира Бадира была одним из крупнейших городов Аль-Рассана.

Он никогда прежде не бывал в городе, где живет и занимается своими делами так много людей, и все же среди толкотни и хаоса, вихря движений, кипения звуков постоянно ощущалась утонченность: то из какой-то арки доносились звуки струнного

инструмента, то слышался плеск фонтана, почти невидимого за цветущей стеной деревьев. Правдой оказалось то, о чем ему говорили: Звезднорожденные Аль-Рассана обитали в совершенно ином мире, чем Всадники Джада.

Половина всех предметов во дворце или в тех благородных домах, где он побывал, была сделана из резной и полированной слоновой кости, которую привозили морем с востока. Даже ручки ножей, которыми пользовались за столом. Ручки на дворцовых дверях. Несмотря на медленный упадок Аль-Рассана после падения Силвенеса, Рагоза оставалась явно богатым городом. В каком-то смысле, именно благодаря падению халифов.

Альвар добился, чтобы ему это объяснили. Кроме прославленных мастеров — резчиков по слоновой кости, — здесь жили поэты и певцы, кожевники, резчики по дереву, каменотесы, стеклодувы, строители — мастера самых разнообразных ремесел, — которые никогда бы не рискнули отправиться на восток, через Серранский хребет, в те дни, когда Силвенес был центром западного мира. Теперь, после падения Халифата, каждый из правителей городов получил свою долю ремесленников и художников, которые прославляли и воспевали его достоинства. Они все были теперь львами, если верить сладкоречивым поэтам Аль-Рассана.

Но им, разумеется, не верили. Поэты — это поэты, им надо зарабатывать на жизнь. Правители — это правители, теперь их целый десяток. Некоторые осели на развалинах своих стен, некоторые погрязли в страхе или скупости, а некоторые — очень немногие — стали наследниками прежнего Силвенеса. Альвару казалось, хотя он имел довольно скудный опыт, что эмира Бадира в Рагозе следует причислить к последним.

Среди окружающих его незнакомых вещей: неизвестных пьянящих запахов, доносящихся из дверей домов, дворов и харчевен; звона колоколов, призывающего верующих на молитву через отмеренные промежутки времени дня и ночи; буйства звуков и красок на базаре — Альвар радовался тому, что здесь, в Аль-Рассане, так же измеряли год промежутками от одного полнолуния белой луны до другого, как было и у него дома. По крайней мере, хоть это не изменилось. И он мог определить точно, сколько прожил здесь, в этом мире.

С другой стороны, когда он останавливался, чтобы оглянуться назад, ему казалось, что прошло гораздо больше трех месяцев. Год, проведенный в Эстерене, казался призрачно далеким, а ферма осталась в почти невообразимом прошлом. «Инте-

ресно, — думал он, — что сказала бы его мать, если увидела бы его в небрежно подпоясанных, развевающихся одеждах ашаритов прошлым летом?» Собственно говоря, он и так это знал. Она бы снова отправилась прямиком на остров Васки, на коленях бы поползла, чтобы замолить его грехи.

Дело в том, что здесь, на юге, лето было жарким. Головной убор был просто необходим в раскаленный добела полдень, причем не такой обременительный, как шляпа из жесткой кожи; а светлые туники и штаны из хлопка были гораздо более удобными на городских улицах, чем те, что он носил, когда они приехали сюда. Его лицо покрылось загаром. Альвар понимал, что теперь и сам выглядит почти ашаритом. Он испытывал странное чувство, глядя в зеркало на свое отражение. А здесь зеркала висели повсюду: рагозцы были тщеславными людьми.

Тем временем наступила осень; теперь он накидывал поверх одежды легкий коричневый плащ. Его выбрала для него Джеана, когда погода начала меняться. Пробираясь сквозь толпу на еженедельном базаре — и теперь уже довольно ловко, — Альвар с трудом мог поверить, что так мало времени прошло с тех пор, как втроем они миновали горный перевал и впервые увидели синие воды озера и башни Рагозы.

В тот день Альвар с трудом скрывал свое благоговейное изумление, хотя, оглядываясь теперь с высоты приобретенного опыта, он подозревал, что его спутники просто проявили благородство и сделали вид, что ничего не замечают. Даже Фезана издали испугала его. Но Рагоза была, по сравнению с ней, гигантом. Теперь одна лишь Картада — ведь Силвенес халифов был разграблен и разрушен много лет назад — оставалась еще более великолепным городом. По сравнению с этим великолепием с высокими стенами и многочисленными башнями, Эстерен был просто деревушкой Орвилья, на которую однажды в летнюю ночь совершил налет Гарсия де Рада.

В ту ночь жизнь Альвара раздвоилась, как ветка дерева, его дорога утром повернула на восток, через Аль-Рассан, через Серранский хребет к этим стенам, вместе с Джеаной бет Исхак, а не на север, к дому, вместе с Капитаном.

И это был его собственный выбор, одобренный Родриго и принятый, пусть сначала неохотно, Джеаной. «Ей понадобится в дороге охрана, — заявил Альвар утром, после того памятного разговора у костра. — Солдат, — прибавил он, — а не просто

слуга, каким бы верным и отважным этот слуга ни был». Альвар предложил свои услуги с разрешения Капитана. Он устроит ее в Рагозе, а потом отправится домой.

Он не сказал им, что влюблен в нее. Они не позволили бы ему поехать, если бы знали, в этом он был уверен. Он также обрел печальную уверенность в том, что Джеана угадала правду еще в самом начале путешествия. Он не слишком хорошо умел скрывать свои чувства.

Он считал ее красивой, с ее черными волосами и неожиданно синими глазами. Он знал, что она умна, и более того: получила хорошее образование и работает уверенно и профессионально. Среди пожаров Орвильи он видел ее отвагу, ее гнев, когда она держала за руки двух маленьких девочек. Эта женщина никак не вписывалась в его жизнь. И еще она принадлежала к народу киндатов, странников, еретиков, позорящих бога, людей, которых священники проклинали не менее яростно, чем ашаритов. Альвар старался убедить себя, что это не имеет значения, но это было не так: от этого она казалась еще более загадочной, экзотичной, даже немного опасной.

Но в действительности опасной она не была. Только проницательной, практичной и откровенной. Она пустила его к себе в постель всего на одну ночь, вскоре после их приезда в Рагозу. Сделала это по-доброму, не обманывая и ничего не обещая. Почти наверняка она надеялась, что такая мимолетная физическая связь излечит его от юношеской влюбленности. Альвару, трезво оценивающему себя, это было совершенно ясно. Она не позволила ему питать каких-либо романтических иллюзий насчет значения этой проведенной вместе ночи. Она была добра к нему, Альвар это понимал. Хотя путешествие прошло без приключений, она была ему благодарна за его общество, считала его надежным и заслуживающим доверия, его энергия ее развлекала. Он постепенно понял, так как по-своему отличался наблюдательностью, что она тоже собирается предпринять нечто новое и странное и не совсем уверена в своем пути.

Он также понимал, что она его не любит, что, кроме физической страсти, ночной гармонии тел двух молодых людей, оказавшихся вдали от дома, в их соединении нет никакого иного смысла. Но, вместо того чтобы излечить его от любви, эта ночь в ее комнате скрепила его чувства, словно печатью из расплавленного воска.

В тех старых сказках, которые служанки рассказывали на кухне у очага после ужина на ферме, храбрые всадники Джада

влюблялись с первого взгляда и на всю жизнь в дев, которым грозила опасность. Так не должно было случиться в этом падшем, разобщенном мире, в котором они жили. Но с Альваром де Пеллино именно так и произошло.

Он не делал из этого большой проблемы. Он любит Джеану бет Исхак, лекаря из народа киндатов. Это было существующим фактом, как то место, где восходит божье солнце по утрам, или как надо правильно парировать удар мечом слева по своим коленям. Шагая по переполненным улицам Рагозы, Альвар чувствовал себя гораздо более взрослым, чем тогда, когда летом отправился на юг вместе с Родриго Бельмонте за данью.

Сейчас наступила осень. Ветер с севера, с озера Серрана, по утрам был холодным, а иногда, по ночам, резким и ледяным. Все солдаты носили плащи, а под ними два слоя одежды, когда заступали на дежурство после захода солнца. Не так давно, на рассвете, после ночи на северо-западной стене, Альвар увидел на мачтах и шпангоутах рыбацких лодок в гавани ободок бледного инея под лучами полной голубой луны.

На следующее утро листья дубов в восточных лесах загорелись багрянцем и золотом, ослепительно сверкая в первых лучах солнца. На западе Серранские горы, которые охраняли Рагозу от войск Картады, а до того — от Силвенеса, в дни Халифата, надели шапки снега на вершины. Снег держался до самой весны. Перевал, по которому он проехал с Джеаной и Веласом, был единственным открытым круглый год. Обо всем этом ему рассказали друзья в тавернах джадитов или харчевнях на базаре.

Теперь у него здесь появились друзья. Он не ожидал этого, но вскоре после их приезда стало очевидно, что он далеко не единственный воин-джадит в Рагозе. Наемники приезжали туда, где были деньги и работа, а в Рагозе имелось и то, и другое. Надолго ли — никто не знал, но в то лето и осень город на озере Серрана служил домом для самого пестрого сборища воинственных людей из Халоньи и Вальедо, и более дальних Фериереса, Батиары, Карша, Валески. Светловолосые, бородатые великаны-каршиты с далекого севера общались — и часто ссорились — с худыми, гладко выбритыми, вооруженными кинжалами людьми из опасных городов Батиары. Утром на базаре можно было услышать полдюжины разных языков. Ашаритский язык Альвара становился все более свободным, а ругаться он теперь умел на двух каршитских диалектах.

В тот день, когда они расстались, сэр Родриго отошел с Альваром немного в сторону и сказал, что ему нет особой нужды

спешить домой. Он позволил ему задержаться в Рагозе и велел посылать письма с отчетами с каждым купцом, едущим в сторону Вальедо.

Капитан войска Бадира призвал к себе Альвара на третий день после их приезда. Это было хорошо управляемое, очень дисциплинированное войско, несмотря на всю его пестроту. Альвара заметили, как только они въехали в ворота. Конь и доспехи, которые достались ему в Орвилье, были слишком хороши для него и не могли остаться незамеченными. Его строго допросили, назначили ему жалованье и приписали к отряду. Через несколько дней ему позволили покинуть казарму и жить вместе с Джеаной и Веласом в квартале киндатов, что его удивило. В Эстерене не могло произойти ничего подобного.

Разгадка заключалась в положении Джеаны. Ее сразу же взяли ко двору, назначив новым лекарем эмира и его пресловутого визиря-киндата Мазура бен Аврена. Ее официальная должность при дворе — в Рагозе, как и во всем остальном мире, — давала ей определенные льготы.

Однако это не помешало Альвару ввязаться в три драки, не по своей воле, после того, как он покинул казармы и поселился в их доме, — и двух недель не прошло. То же самое происходило повсюду: у солдат собственный кодекс, какие бы указы ни издавали при дворе, а молодым воинам, пользующимся особыми привилегиями, нужно быть готовыми подтвердить свое право на них.

Альвар дрался. Не на смерть, так как это было запрещено в городе, который нуждался в наемниках, но он ранил двоих и получил рану на внешней стороне правой руки, которая ненадолго обеспокоила Джеану. Стоило получить эту рану и оставшийся после нее шрам, ради того чтобы видеть ее тревогу. Альвар ожидал и ран, и шрамов; он ведь солдат, такие вещи неизбежны при выбранном им жизненном пути. Вдобавок к этому всем известно, что он находится в Рагозе в качестве представителя отряда Родриго Бельмонте, и он дрался с сознанием того, что защищает честь воинов Капитана и утверждает их превосходство над всеми другими воинами мира. Он нес это бремя в одиночку, с тревожным чувством ответственности.

До тех пор пока в конце того же лета сам сэр Родриго не приехал в Рагозу через перевал на своем черном коне со ста пятьюдесятью воинами и торговцем шелком. Знамена Бельмонте и Вальедо развевались на ветру, когда они подъехали к городским стенам по берегу озера.

Тогда все изменилось. И повсюду начались перемены.

— Клянусь святым господом! — в ужасе воскликнул Лаин Нунес, когда Альвар явился к нему в тот первый день. — Посмотрите-ка на него! Этот парень сменил веру! Что я скажу его несчастному отцу?

Капитан окинул насмешливым взглядом одежду Альвара и сказал только:

— Я получил три доклада. Кажется, ты хорошо справился. Расскажи подробнее, как тебя ранили и что ты в следующий раз сделаешь иначе.

Альвар расплылся в улыбке до ушей, его окатило теплой волной, словно он глотнул неразбавленного вина, и выполнил пожелание Капитана.

Теперь, какое-то время спустя, пробегая по базару ясным осенним утром под голубым небом, чтобы найти Джеану и сообщить ей большие сегодняшние новости, он знал, что его узнают, ему завидуют и даже слегка его опасаются.

Теперь уже никто не вызывал его на поединок. Прославленный сэр Родриго Вальедский, ссыльный, принял предложение эмира Бадира, заключил контракт на колоссальную сумму и получил деньги за год вперед, что было почти неслыханным делом.

Теперь люди Родриго стали воинами Рагозы, передовым отрядом войск, которые обязаны обеспечивать порядок в городе и его окрестностях, сдерживать растущие амбиции Халоньи и Картады и дерзкие набеги вожака разбойников ибн Хассана из его южной крепости Арбастро. Жизнь в Рагозе была сложной и многогранной.

В то утро жизнь казалась юному Альвару де Пеллино великолепной, а блестящая, просвещенная Рагоза эмира Бадира — самым цивилизованным городом в мире, и кто бы посмел это оспаривать?

Альвару приходилось бывать во дворце вместе с Джеаной и несколько раз с Родриго. Прямо через дворец протекал поток, дававший воду внутренним садам и дворикам. Его пустили — Альвар так и не понял, каким образом, — через самый большой пиршественный зал.

Во время своих пышных пиров эмир Бадир — себялюбивый сибарит и человек, несомненно, большой хитрости, — любил, чтобы еду сплавляли на подносах по течению этого ручья. Затем подносы поднимали из воды полуголые рабы и подавали кушанья гостям эмира, возлежащим на ложах на манер древних. Аль-

вар написал родителям письмо и рассказал об этом; но знал, что они ему не поверят.

Обычно он старался не бежать по улицам — это было слишком по-ребячески, слишком несолидно, — но известия этого утра были огромной важности, и ему хотелось самому сообщить их Джеане.

Огибая палатку с кожаными изделиями, он поскользнулся и схватился за опорный шест, чтобы удержаться на повороте. Шест закачался, навес опасно наклонился. Ремесленник, которого Альвар знал, привычно выругал его в ответ на брошенное через плечо извинение.

Джеана и Велас должны были находиться в своей палатке на базаре. Она продолжала практиковать так же, как ее отец и она сама в Фезане. Хотя Джеана получала приличное вознаграждение во дворце, она всегда принимала пациентов в палатке на базаре в базарное утро и у себя в приемной два раза в неделю во второй половине дня. Необходимо, чтобы лекаря знали за стенами дворца, объяснила она Альвару. Ее так учил отец. Лекарь так же легко может выйти из моды при дворе, как и войти в моду. Неразумно лишаться других пациентов.

Велас рассказал Альвару о том, что случилось с отцом Джеаны.

До приезда Родриго они с Альваром приобрели привычку иногда вместе ужинать по вечерам, когда Джеана уходила во дворец, а Альвар был свободен от дежурства или патрульной службы. В ту ночь, когда он услышал историю Исхака бен Йоханнона и младшего сына правителя Альмалика, Альвару в первый раз, но не в последний, приснился сон, что он убил правителя Картады и вернулся через перевал в горах в Рагозу, к Джеане с известием, что темные, немые страдания ее отца отомщены.

Новость этого утра положила конец этим снам.

Ее не оказалось в палатке. Велас в одиночестве раньше времени закрывал помещение, убирал лекарства и инструменты. Она, должно быть, только что ушла: перед палаткой все еще толпились пациенты. Они перешептывались в страхе и возбуждении.

— Велас! Где она? У меня новости! — сказал Альвар, тяжело дыша. Он бежал сюда всю дорогу от западных ворот.

Велас оглянулся на него через плечо, выражение его лица трудно было понять.

— Альвар, мы уже получили известие из дворца. Альмалик

умер. Забира из Картады находится здесь. Джеана ушла во дворец.

— Зачем? — резко спросил Альвар.

— Ее вызвал Мазур. Он хочет, чтобы она была рядом с ним сейчас, когда происходят такие события.

Это Альвар знал. И его это совсем не радовало.

* * *

Джеана испытывала здоровое наслаждение в тех крайне редких случаях, когда занималась любовью.

Она также обладала в равной степени здоровым чувством собственного достоинства. Широко известная истина о том, что Мазур бен Аврен, визирь Рагозы, был самым выдающимся членом общины киндатов в Аль-Рассане, самым прозорливым, самым хитроумным и самым щедрым, не противоречила тому так же широко известному факту, что он был самым жадным до женщин мужчиной из всех известных ей лично или понаслышке, если не считать правителей с их гаремами.

В каком-то смысле он тоже был правителем и мог бы иметь свой гарем. В Аль-Рассане бен Аврен считался принцем киндатов, и хотя он горячо открещивался от этого титула — что было предусмотрительно, учитывая недоброжелательное внимание к нему со стороны ваджи, — он имел право его носить.

Правитель или нет, но Джеана отказывалась спать с мужчиной, который явно считал, что имеет на это полное право.

Она постаралась дать ему это понять как можно яснее в тот первый вечер, когда он пригласил ее поужинать в его личных апартаментах во дворце. В комнате присутствовали два музыканта. Ей стало очевидно, что они должны остаться и после ужина и продолжать играть, пока визирь и его гостья будут развлекаться.

Но это не входило в намерения Джеаны.

Мазура бен Аврена ее сопротивление, казалось, всего лишь позабавило. Он удовольствовался тем, что после ужина пил с ней сладкое вино и ел маленькие пирожные, рассказывал байки о ее отце, которого хорошо знал, и подробно выпытывал ее мысли по поводу возможного развития событий в Фезане, в общине киндатов и в городе вообще. Прежде всего он был визирем Рагозы и ясно давал ей это понять.

Он также дал ей ясно понять, что считает ее сопротивление временным явлением и рассматривает его скорее как притворство. В тот год ему исполнилось пятьдесят семь лет, он был подтянутым и крепким, с шапкой седых волос на голове под мягкой синей киндатской шапочкой. У него была аккуратно подстриженная, надушенная борода, хорошо поставленный задумчивый голос, он без запинки мог переходить от бесед о поэзии к военной стратегии. И еще в его темно-карих глазах с тяжелыми веками безошибочно читался взгляд мужчины, который привык сам ублажать женщин и получать то же от них.

После этого случались такие дни и ночи, когда Джеана спрашивала себя, не является ли ее сопротивление проявлением гордыни. Большую часть времени она так не думала. Бен Аврен, как бы возбуждающе он на нее ни действовал и каким бы любезным с ней ни был, обращал свой оценивающий взор на слишком многих женщин. Фактически на всех женщин. Он, несомненно, не проводил ночи в целомудренном отчаянии в ожидании ее благосклонности. Приходилось лишь восхищаться его жадной всеядностью. Не многие мужчины его возраста могли похвалиться подобным аппетитом — не говоря уже о возможности насытить этот аппетит.

Его веселое изумление по поводу ее отказа не угасало; он также не прекращал своих остроумных, элегантных ухаживаний, и за его учтивостью всегда таилось приглашение. Ни малейшего намека на гнев или насилие. В конце концов он был одним из самых утонченных людей в Аль-Рассане. Нередко он интересовался ее отношением к тем или иным вещам, и это было лестно. Он отвечал очень осторожно и не слишком поспешно.

Со временем Джеана начала замечать в себе перемены, касавшиеся ее мнения по разным проблемам. Она обнаружила, что предвидит вопросы Мазура и заранее обдумывает ответы. Казалось, он всегда прислушивается к ней, что было большой редкостью в жизненном опыте Джеаны.

Все уже привыкли к тому, что визирь регулярно принимает нового придворного лекаря в зале приемов или в других местах. Все придворные и даже эмир Бадир, казалось, знали, что бен Аврен настойчиво добивается ее благосклонности. Очевидно, это их забавляло. То, что она была женщиной одной с ним веры, делало весь этот танец на виду у всех все более увлекательным по мере того, как лето сменялось осенью и мода на одежду при дворе менялась вместе со сменой листьев в садах и в лесах за стенами дворца.

Джеане не слишком нравилось забавлять кого бы то ни было, но она не могла отрицать, что ей приятно пребывание при

столь утонченном дворе, как этот. Она также не могла пожаловаться на недостаток уважения к себе как к профессионалу. Сначала имя отца гарантировало ей такое отношение, а потом его укрепили ее собственные неспешные и уверенные действия.

Потом прибыл Родриго Бельмонте со всем своим отрядом, высланный из Вальедо после известных ей событий. Кажется, День Крепостного Рва и сожжение Орвильи изменили не только ее собственную жизнь.

Снова все начало меняться. Альвар ушел жить в казармы вместе с остальными солдатами Родриго, а она осталась одна, с Веласом. С его уходом Джеана почувствовала одновременно облегчение и сожаление. Второе ее несколько удивило. Его чувства к ней были слишком очевидными и явно более глубокими, чем она надеялась: то была не просто мимолетная страсть юноши к первой возлюбленной.

В Альваре де Пеллино было нечто большее, и Джеана вынуждена была признаться, что во время настойчивой осады визиря, когда гордость не позволила ей лечь к нему в постель, она подумывала о том, чтобы снова найти убежище у своего воина-джадита. Но он не был ее воином и заслуживал большего с ее стороны. Пусть Альвар молод, но Джеана ясно видела, почему Родриго Бельмонте взял его с собой на юг, а потом позволил ему одному сопровождать ее в Рагозу. Но если бы она хотела семейной жизни, она могла бы уже наладить ее в Фезане, выбрав из множества мужчин-киндатов, а не связав свою судьбу с джадитом с севера.

Возможно, настанет такой день, когда она пожалеет о принятых решениях, и о непринятых тоже, и о дорогах, которые вывели ее далеко за пределы лучшего брачного возраста и оставили одну, но этот день еще не настал.

Их маленький дом и приемная после ухода Альвара стали казаться тихими и опустевшими. Она приобрела привычку обсуждать с ним события прошедшего дня. «Как это по-семейному», — не раз насмешливо думала она. Но правда заключалась в том, что очень часто те мысли, которые она позже излагала визирю, принадлежали Альвару и были высказаны поздно вечером, за бокалом вина.

Даже Велас, кажется, скучал по молодому джадиту; Джеана не ожидала, что между ними возникнет дружба. Распевая торжественные гимны солнечного бога, джадиты Эспераньи на протяжении долгих веков истребляли киндатов, а в чуть менее кровожадные времена заставляли их сменить веру или превращали

в рабов. При такой истории зарождение дружбы еще менее вероятно, чем торжество любви.

Но трудно было испытывать столь долгую, тяжелую обиду по отношению к Альвару де Пеллино. Или к Родриго Бельмонте, если на то пошло. Капитан все еще хотел заполучить ее в свой отряд в качестве лекаря. Он ясно дал это понять, как только появился в городе. Он сказал, что это одна из причин того, что он приехал именно сюда. Джеана в это не верила, но все же он это сказал, а она знала, как важно иметь в боевом отряде хорошего лекаря и как трудно его найти.

Она помнила ночную скачку вместе с ним через земли к северу от Фезаны и от реки, когда Орвилья горела у них за спиной, а мертвые тела остались лежать в траве. Она помнила слова, сказанные позже у лагерного костра. Он тоже их помнил, она видела это в его серых глазах. Родриго по-прежнему вел себя совсем не так, как Джеана ожидала.

Она дразнила его во время того ночного переезда под двумя лунами, позволив своим ладоням скользнуть вниз по его бедрам. Она была раздражена и нарочно провоцировала его. Теперь она бы не рискнула повторить подобное. Она даже не могла поверить, что тогда решилась на это. Альвар рассказал ей, что Капитан женат на самой красивой женщине Вальедо.

Родриго в ту ночь у Фезаны говорил о своей жене так, словно она была кошмарной бабой. У него странное чувство юмора. Альвар его боготворит. Весь отряд его боготворит. Это бросалось в глаза и говорило о многом.

После его приезда они редко беседовали, и только в присутствии посторонних. И как раз в присутствии многих людей, в том числе и визиря бен Аврена, Родриго снова заявил о своем намерении зачислить ее в свой отряд. Мазур наблюдал за ними. Визирь высоко поднял свои выразительные брови, но позднее, когда они остались наедине, не заговорил об этом. Джеана тоже.

В первые, мягкие осенние дни Родриго обычно уезжал из города со своим отрядом или частью его, отправляясь в давно назревшие мелкие походы против банд разбойников на северо-востоке. Потом он устроил демонстрацию силы в небольшом, но важном городе Фибас, лежащем у перевала, ведущего в Фериерес. Рагоза контролировала Фибас и получала с него налоги, но у короля Халоньи Бермудо явно были свои планы на этот город.

Он уже предъявил первые требования о дани, беря пример со своего племянника из Вальедо, который собирал париас с

Фезаны. Джадиты становились все смелее. Вспомнив тот разговор при лунах у костра, Джеана спросила однажды Мазура, как долго, по его мнению, продержатся повелители городов Аль-Рассана. На этот вопрос он не ответил.

Родриго ясно дал понять, что хочет взять Джеану лекарем в свой отряд на время тех первых походов. Она понимала, что он считает это испытанием для них обоих. В каком-то смысле решение не принадлежало ей самой. Она могла принять предложение или отказаться, но не сделала этого, хотела посмотреть, что произойдет. Эмир Бадир обещал своему новому командиру наемников, что обдумает этот вопрос, а потом поспешно увеличил обязанности Джеаны при дворе. Она понимала, что это дело рук Мазура. И не знала, сердиться ей или смеяться. По условиям своего контракта она вольна была уйти, если пожелает, но они решили сделать этот шаг сложным для нее. Родриго, который осенью то уезжал из города, то возвращался в него, выжидал.

В нескольких походах его сопровождал Хусари ибн Муса. Бывший пациент Джеаны стал почти неузнаваемым. Он уже не был тучным, рыхлым купцом, за один сезон сильно похудел. Он теперь выглядел моложе и жестче. Камни в почках, по словам Хусари, больше его не беспокоили. Он мог скакать верхом целый день и научился владеть мечом и луком. Теперь он носил широкополую кожаную шляпу джадитов даже в городе. Джеана насмешливо заметила, что они с Альваром, кажется, поменялись культурами. Когда эти двое впервые увидели друг друга, они рассмеялись, а потом задумались.

Джеана решила, что кожаная шляпа джадита стала для Хусари чем-то вроде эмблемы. Напоминанием. Он тоже дал клятву отомстить, и воспоминание об этом уменьшило ее удивление, вызванное переменами в нем. Он продолжал активно заниматься делами, как он рассказал ей однажды вечером, когда пришел на ужин в квартал киндатов, как когда-то приходил в дом ее отца. Его посредники трудились по всему Аль-Рассану, даже здесь, в Рагозе, прибавил он, пока слуга, нанятый Веласом, разливал им вино. Просто у него теперь другие, более важные заботы, сказал Хусари. После Дня Крепостного Рва. Она осторожно спросила, какие дела он ведет в Картаде, но на этот вопрос он не ответил.

«Интересно, — думала Джеана, лежа в ту ночь в постели, — все эти мужчины, которые мне доверяют, не хотят отвечать на некоторое вопросы. За исключением Альвара, пожалуй». Она была совершенно уверена, что он ответил бы на любой вопрос,

заданный ею. В этом мире темных интриг можно пожалеть о прямодушии. Но для этого у нее есть Велас. У нее всегда есть Велас. Она не заслужила такого благословения. Джеана вспомнила, что это отец заставил ее взять с собой Веласа, когда она покидала родной дом.

Наряду со всем этим три других придворных лекаря ненавидели ее от всей души. Этого следовало ожидать. Женщина, да еще из киндатов, и ей отдает предпочтение визирь? Прославленный капитан джадитов стремится заполучить ее в свой отряд? Ей еще повезло, что они ее не отравили, писала она в письме к сэру Рецони в Соренику. Она попросила его продолжать писать ее отцу. Сообщила ему, что есть основания надеяться на получение ответа. Она сама писала домой дважды в неделю. В ответ приходили письма, написанные аккуратным почерком матери, наклонной скорописью киндатов, но иногда написанные под диктовку отца. Кажется, небольшие приятные события все еще происходят в этом мире.

Им она, разумеется, не послала свою шутку насчет опасности быть отравленной. Родители есть родители, и они начали бы бояться за нее.

В то осеннее утро, когда гонец от Мазура принес ей вести из Картады и пригласил следовать за ним ко двору, эта шутка уже не казалась ей столь остроумной.

Очевидно, кого-то все же отравили.

Во дворце Рагозы, когда Джеана явилась туда и прошла во Дворик Ручьев, где эмир ждал только что прибывшую гостью, лишь об этом и шептались.

Альмалик Картадский, называвший себя Львом Аль-Рассана, умер, и госпожа Забира — теперь его вдова, и больше никто, — приехала этим утром без предупреждения в качестве просительницы к эмиру Бадиру. «Во время побега через горы ее сопровождал лишь один слуга», — прошептал кто-то.

На Джеану, которая проделала тот же путь всего с двумя спутниками, это не произвело впечатления. Но она никак не могла разобраться в своих чувствах по поводу более важной новости. Для этого ей еще понадобится немало времени. Пока что она смогла осознать лишь тот важный факт, что человек, которого она поклялась убить, каким-то образом принял смерть от руки Аммара ибн Хайрана — эта часть истории еще оставалась неясной, — а женщина, которая родила живого ребенка и сама вы-

жила только благодаря отцу Джеаны, скоро должна войти под арку в дальнем конце этого сада.

За рамками этих двух ясных фактов в ее душе царило смятение, смешанное с чем-то вроде боли. Она покинула Фезану с целью сдержать клятву, а провела последние месяцы в этом городе, получая удовольствие от работы при дворе и, если быть честной, от льстящих самолюбию знаков внимания со стороны необычайно образованного человека, а также от той настойчивой борьбы, которая велась за право пользоваться ее профессиональными услугами. Получала удовольствие от жизни. И совсем ничего не предпринимала в отношении Альмалика Картадского и того обещания, которое дала себе в День Крепостного Рва.

А сейчас уже слишком поздно. Теперь уже всегда будет слишком поздно.

Она стояла, по своему обыкновению, на самом берегу ручья, недалеко от Мазура, занимавшего свое место на островке, у правого плеча эмира. Сорванные ветром листья падали в воду и уплывали прочь. Как ни часто она бывала в этом саду при дневном свете и при свете факелов ночью, Джеана все еще способна была восхищаться его красотой. Цвели только поздние осенние цветы, но при свете солнца падающие листья и те, что еще цеплялись за ветки, сверкали яркими красками. Она понимала, какое сильное впечатление мог произвести этот сад на того, кто видел его впервые.

Дворик Ручьев был спроектирован и построен много лет назад. Тот самый поток, который пробегал через пиршественный зал, направили в этот сад и разделили на два русла, создав маленький островок среди цветов, деревьев и мраморных дорожек под резными арками. На этом островке, куда вели два мостика, сейчас сидел эмир Рагозы на скамье из слоновой кости, окруженный своими самыми важными придворными. Вдоль плавно изгибающейся дорожки, ведущей к одному из мостиков, выстроились под осенним солнцем остальные придворные Бадира в ожидании женщины, приехавшей из Картады.

На ветвях деревьев сидели птицы. Четыре музыканта играли на дальнем берегу ручья, который огибал островок сзади. В воде плавали золотые рыбки. На солнце было прохладно, но приятно.

Джеана увидела Родриго Бельмонте в противоположном конце сада, среди военных. Он вернулся из Фибаса за два дня до этого. Их взгляды встретились, и она почувствовала себя беззащитной перед его задумчивым взором. Он не имел права так пристально разглядывать ее после столь короткого знакомства. Она

внезапно вспомнила, как рассказала ему у того костра на фезанской равнине, что собирается сама разделаться с Альмаликом Картадским. Это напомнило ей о Хусари, который в ту ночь был там и высказал то же намерение. Сейчас его, наверное, одолевают такие же нелегкие мысли и чувства, что и ее.

«Если только кто-нибудь не совершит это раньше нас обоих», — сказал он той ночью. И кто-то это сделал.

Сейчас Хусари отсутствовал. Он не занимал никакой должности при дворе. Джеана надеялась, что позже ей представится случай поговорить с ним. Вспомнила о своем отце в Фезане и о том, что с ним сделал убитый правитель.

В дальнем конце сада, между колоннами кораллового цвета, появился герольд, одетый в зеленое с белым. Музыканты прекратили игру. Ненадолго воцарилось молчание, потом запела птица, прозвучала быстрая, дрожащая трель. Бронзовые двери распахнулись, и герольд провозгласил имя Забиры Картадской.

Она пошла под аркаду и подождала у колонн, пока герольд отойдет в сторону. Она прибыла без церемоний, всего с одним сопровождающим, своим слугой, который шел на два шага позади нее. Когда женщина приблизилась по дорожке, Джеана увидела, что рассказы о ее красоте ничуть не преувеличены.

Забира Картадская сама была, в каком-то смысле, целой церемонией. Изящная просительница была одета в пурпурную накидку с черной каймой поверх золотистой туники. На ее запястьях, шее и пальцах блестели драгоценности, а мягкую, черную как ночь шапочку на голове украшали рубины. Они сверкали в солнечном свете. Кажется, под охраной всего одного человека она ухитрилась пронести через горы настоящее сокровище. Следовательно, она безрассудна или находится в отчаянном положении. И еще она ослепительна. Джеана подумала, что если эта женщина задержится в Рагозе надолго, мода здесь изменится.

Забира двинулась вперед с непринужденной, заученной грацией, не выказывая никакого изумления, а потом опустилась на колени и склонилась перед Бадиром. Она явно была не из тех женщин, которым сад или двор, даже такой, как этот, мог внушить благоговение. «Она и глазом не повела в сторону ручья, бегущего через пиршественный зал», — подумала Джеана, но тут ее мысли потекли в совершенно ином направлении. Большинство придворных смотрели на Забиру с откровенным восхищением. Но эмир Бадир уже не смотрел на нее с того момента, как просительница ступила на землю перед выгнутым мос-

тиком, ведущим к острову. А визирь перестал смотреть на нее еще раньше.

Высокое облачко ненадолго закрыло солнце и изменило освещение. Воздух на мгновение стал холодным, напоминая о том, что уже стоит осень. В эту секунду новый лекарь Рагозы, проследив за взглядом прищуренных глаз эмира через голову коленопреклоненной женщины, почувствовала, что ей стало трудно дышать.

Внимание нового и самого выдающегося капитана наемников при дворе эмира Бадира также было теперь приковано не к Забире Картадской.

Родриго Бельмонте восхищался красотой и грацией женщин и их мужеством; он почти шестнадцать лет был женат на женщине, обладающей всеми этими достоинствами. Но и он теперь смотрел поверх Забиры на человека, приближающегося к мостику и к островку, отстав на установленные два шага, что позволило еще на мгновение продлить иллюзию.

Солнце вышло из-за облака, залив всех светом. Забира Картадская осталась на земле, воплощение красоты и грации среди опавших листьев. Но она уже не имела почти никакого значения.

Спутником женщины, единственным спутником, которого считали ее слугой, был Аммар ибн Хайран.

Горстка чрезвычайно проницательных людей в этом саду получила объяснение гибели правителя Альмалика. И для них, пусть эта женщина — самая прославленная красавица Аль-Рассана, умная и одаренная сама по себе и мать двух очень значительных сыновей, этот человек был тем, кем был, и он сделал то, что сделал, теперь уже дважды.

Он не был загримирован, в его правом ухе сверкала знаменитая жемчужина, и Родриго узнал его по этой серьге. Черная одежда слуги лишь подчеркивала его горделивую осанку. Он улыбался — не слишком почтительно, не совсем так, как положено слуге, — обводя взглядом двор эмира Бадира. Родриго заметил, как он кивнул одному поэту.

Ибн Хайран поклонился эмиру Рагозы. Когда он выпрямился, его взгляд ненадолго встретился со взглядом визиря, потом перешел к Джеане бет Исхак — и улыбка снова вернулась, — а потом он почувствовал, что один из наемников-джадитов смотрит на него в упор, повернулся к этому человеку и узнал его.

И вот так сэр Родриго Бельмонте, Капитан из Вальедо, и господин Аммар ибн Хайран из Альджейса стояли во Дворике Ручьев дворца в Рагозе ясным осенним утром и впервые смотрели друг на друга.

Джеана, охваченная смятением, видела, как мужчины обменялись первым взглядом. Она перевела взгляд с одного из них на другого и вздрогнула, сама не зная, почему.

Альвар де Пеллино как раз в этот момент входил в дверь в дальнем конце сводчатого прохода. Он получил доступ во дворец благодаря своим связям и с Капитаном, и с Джеаной, а еще благодаря поспешно придуманной лжи насчет послания для Родриго, и он тоже успел заметить этот обмен взглядами. И хотя Альвар не имел ни малейшего представления о том, кто этот человек в черных одеждах с серьгой в ухе, но зато умел распознать напряжение в Родриго, а в тот момент оно было заметным.

Прищурившись в ярком свете солнца, Альвар поискал и нашел глазами Джеану, и увидел, что она переводит взгляд с одного мужчины на другого. Альвар сделал то же самое, силясь понять, что здесь происходит. И тут он тоже вздрогнул, хотя было вовсе не холодно и солнце стояло высоко в небе.

Дома, на ферме, на самой окраине Вальедо, кухарки и служанки, большинство которых еще оставалось наполовину язычницами на этом дальнем, диком севере, обычно говорили, что такая дрожь означала только одно: посланник смерти только что проник в царство смертных из Финьяра, затерянного мира самого бога.

Непривычно встревоженный, в полной тишине, Альвар проскользнул сквозь толпу в саду и занял свое место среди наемников на ближнем берегу ручья перед островком.

Родриго и одетый в черное картадский слуга все еще не отрывали глаз друг от друга.

Теперь это заметили и остальные — было нечто странное в неподвижности обоих мужчин. Краем глаза Альвар увидел, как Мазур бен Аврен повернулся и посмотрел на Родриго, а потом снова на слугу.

Все еще пытаясь сориентироваться, Альвар искал на лицах этих двоих гнев, ненависть, уважение, иронию, оценивающее выражение. Но не увидел ни одного из этих чувств, и в то же время понемногу от каждого. За мгновение до того, как заговорил эмир Рагозы, он пришел к выводу, что видит нечто вроде узнавания. Не просто узнавания друг друга, хотя именно так должно было быть, а чего-то, чему труднее подобрать название. Он подумал, все еще под впечатлением ночных сказок, которые ему

рассказывали дома, что это могло быть нечто вроде предвидения.

И Альвару, уже взрослому мужчине, солдату, среди толпы людей, ясным утром внезапно стало страшно, как бывало в детстве ночью, после рассказов женщин, когда он лежал в постели и слушал вой северного ветра за окнами.

— Добро пожаловать в Рагозу, госпожа, — тихо произнес эмир Рагозы.

Если он и почувствовал это растущее напряжение, то не подал виду. В его голосе и манерах чувствовалось искреннее восхищение. Эмир Бадир был ценителем красоты во всех ее проявлениях и обличиях. Альвар, который сейчас боролся с внезапно накатившим на него мрачным настроением и которого защищал сам простой факт влюбленности в другую женщину, счел госпожу из Картады привлекательной, но чересчур злоупотребляющей украшениями. Тем не менее ее манеры были безупречны. Только после того, как эмир Бадир заговорил, она грациозно поднялась с дорожки и стояла перед островком правителя.

— Это визит матери? — продолжал Бадир. — Вы приехали, чтобы посмотреть, хорошо ли правитель заботится о ваших детях?

«Эмир понимает, что дело гораздо серьезнее», — подумал Альвар, потому что и сам многое узнал за три месяца. Это был гамбит, начало игры.

— И за этим тоже, повелитель, — ответила Забира Картадская, — хотя у меня нет сомнений относительно вашей заботы о малышах. Однако мой приезд вызван не только материнской любовью. — Ее голос звучал тихо, но ясно, словно у хорошо обученной певицы. — Я приехала, чтобы рассказать об убийстве. Об убийстве сыном своего отца и о последствиях этого убийства.

В саду снова воцарилась почти полная тишина; лишь одна птица продолжала петь над ее головой, ветерок шуршал листьями деревьев, плескалась вода, огибая остров.

И в этой тишине Забира сказала:

— Священное учение Ашара гласит, что убийца отца становится нечистым навечно. Пока он жив, его избегают, его казнят или изгоняют из общества людей, он проклят богом и звездами. Я спрашиваю у эмира Рагозы: может ли такой человек править в Картаде?

— А это так? — Эмир Бадир был сибаритом, склонным потакать своим слабостям, но никто никогда не сомневался в его уме.

— Да. Две недели назад Лев Картады был подло убит, а его

сын-убийца теперь завладел скипетром и называет себя Альмаликом Вторым, Львом Картады, Защитником Аль-Рассана. — По саду пронесся ропот, так как всех этих подробностей еще не знали. Забира преодолела горы быстрее гонцов. Забира выпрямилась и намеренно повысила голос: — Я приехала сюда, мой повелитель, чтобы умолять вас освободить народ моего любимого города от этого отцеубийцы и цареубийцы. Чтобы вы послали свои войска на запад, выполняя заветы святого Ашара, и уничтожили этого порочного человека.

Снова раздался ропот, подобный порыву ветра в листве.

— И кто же тогда будет править в славной Картаде? — На лице эмира Бадира нельзя было ничего прочесть.

Женщина впервые заколебалась.

— Городу грозит смертельная опасность. Мы узнали, что брат узурпатора — Хазем находится на юге, по ту сторону пролива. Он — фанатик и ищет помощи и поддержки у племен маджритийцев в пустыне. Он бросил открытый вызов отцу, и тот официально лишил его наследства много лет назад.

— Это нам известно, — мягко произнес Бадир. — Это знают все. Но кто тогда должен править в Картаде? — снова спросил он. К этому моменту даже Альвар понял, куда он клонит.

Этой женщине нельзя было отказать в мужестве.

— Вы здесь, в Рагозе, являетесь опекуном двух единственных законных детей короля Альмалика, — ответила она уже без всяких колебаний. — Я официально прошу вас взять этот город именем бога и посадить на трон правителя его сына, Абади ибн Альмалика. И оказывать ему всяческую поддержку и помощь, какую только возможно, до достижения им совершеннолетия.

Так это было произнесено. В открытую. Приглашение захватить Картаду и благовидный предлог для этого.

Джеана, слушавшая с пристальным вниманием, посмотрела поверх головы женщины в черно-красном одеянии и увидела, что Альвар ухитрился проникнуть сюда. Она снова повернулась к эмиру.

Но теперь заговорил визирь, и впервые его низкий голос звучал размеренно и серьезно:

— Я хотел бы знать, если можно, разделяет ли эти мысли и желания слуга, которого вы с собой привели?

Бросив быстрый взгляд на Забиру, Джеана поняла, что женщина не знает ответа на этот вопрос; что она разыграла собственную карту и теперь ждет, что будет дальше.

Она разыграла следующую, необходимую карту.

— Он не мой слуга, — сказала Забира. — Вы знаете, полагаю, кто этот человек. Он благородно согласился сопровождать меня сюда, женщину, у которой дома не осталось защитников и прибежища. Я не смею проявить самонадеянность и отвечать за Аммара ибн Хайрана, господин визирь и милостивый эмир. Никто из людей не посмел бы этого сделать.

— Тогда, может быть, человек, который предстал перед нами в фальшивом наряде слуги, будет настолько самонадеянным, что ответит сам? — Теперь в голосе эмира Бадира появилось некоторое напряжение. «И неудивительно, — подумала Джеана. — Эта женщина подняла ставки в игре чрезвычайно высоко».

Аммар ибн Хайран, которого она поцеловала тогда, в кабинете своего отца, обратил взгляд на эмира Рагозы. Он держался с уважением, но настоящей почтительности в нем не ощущалось. Впервые Джеана поняла, как трудно может быть с этим человеком, если он того пожелает. «И потом, — напомнила она себе еще раз, — он убил халифа, а теперь и другого правителя».

— Милостивейший повелитель, — произнес Аммар ибн Хайран, — я оказался в затруднительном положении. Только что я слышал слова открытой измены моему родному государству Картаде. Мне следовало бы ясно понимать, что делать, но я связан вдвойне.

— Почему? И почему вдвойне? — спросил эмир Бадир раздраженным голосом.

Ибн Хайран изящно пожал плечами. Он ждал. Словно этот вопрос был испытанием — не для него, а для собравшихся в этом саду придворных Рагозы.

Ответил Мазур, визирь:

— Ему следовало убить ее, но он не может напасть на женщину и не может обнажить оружие в вашем присутствии. — В голосе визиря тоже звучало раздражение. — Собственно говоря, ему даже не положено иметь при себе оружие в таком месте.

— Это правда, — мягко ответил ибн Хайран. — Ваши стражники проявили... учтивость. Возможно, чрезмерную.

— Вероятно, они не видели причин опасаться человека с вашей... репутацией, — мрачно пробормотал визирь.

«Удар кинжалом, в каком-то смысле», — подумала Джеана, стараясь успеть уследить за нюансами. Репутация ибн Хайрана отличалась многогранностью, а утренние известия представляли ее в новом измерении. В свете последних событий его никак нельзя было считать безобидным человеком. Особенно с точки зрения правителей.

Аммар улыбнулся, словно смакуя намек.

— Уже давно, — сказал он, на первый взгляд без всякой связи с предыдущим, — не имел я чести беседовать с достопочтенным визирем Рагозы. Что бы ни говорили наши ревнивые ваджи, он по-прежнему делает честь своему народу и великому эмиру, которому служит. По моему скромному мнению.

В этот момент упомянутый эмир, по-видимому, потерял терпение.

— Вам был задан вопрос, — резко произнес Бадир, и все присутствующие в саду внезапно осознали, что, какое бы самообладание и тонкий ум они здесь ни наблюдали, правит всеми только один человек. — Вы на него не ответили.

— Ах да, — откликнулся Аммар ибн Хайран. — Этот вопрос. — Он сложил перед собой ладони. «Интересно, — подумал Альвар де Пеллино, пристально наблюдавший за происходящим, — где находится спрятанное оружие? Если оно есть». Ибн Хайран продолжал: — Госпожа Забира, признаюсь, меня удивила. И не в первый раз, имейте в виду.

Альвар увидел, как женщина перевела взгляд на струящуюся воду.

— У меня возникло впечатление, совершенно искреннее, что она желала добраться сюда с моей помощью, чтобы повидать детей, — продолжал человек, переодетый ее слугой, — и потому, что в Картаде ее не ждет райская жизнь. Будучи прискорбно недальновидным, я не задумывался о дальнейшем.

— Это все игры, — возразил эмир Рагозы. — Возможно, у нас будет для них время позже, а может быть, и не будет. Вы — наименее недальновидный человек на всем полуострове.

— Ваше мнение — большая честь для меня, государь. Я недостоин его и могу лишь повторить, что не ожидал услышать того, что сейчас услышал. В данный момент я оказался в очень щекотливом положении. Вы должны это понимать. Я все еще нахожусь под присягой государства Картада. — Его синие глаза сверкнули. — Если я проявляю некоторую осторожность, то правитель, столь великий и мудрый, как Бадир из Рагозы, должен проявить снисхождение.

Тут Джеане впервые пришло в голову, что ибн Хайрана легко могут убить здесь сегодня. Воцарилось молчание. Эмир сердито посмотрел на него и нетерпеливо поерзал на своей скамье.

— Понимаю. Вас уже отправил в ссылку новый правитель Картады. Сразу же после того как вы совершили для него убийство. Какой необычайно умный молодой человек. — Это снова заговорил Мазур, и это не было вопросом.

Бадир бросил взгляд на своего визиря, потом снова посмотрел на ибн Хайрана. Выражение его лица изменилось.

«Конечно, — подумала Джеана. — Должно быть, именно в этом дело. Иначе почему советник и доверенное лицо принца находится здесь, вместе с Забирой, вместо того чтобы управлять сменой власти в Картаде?» Она почувствовала себя глупой, из-за того что сама не пришла к подобному выводу. Но не она одна. Джеана увидела, как стоящие в саду мужчины — и небольшая группа женщин — закивали головами.

— Увы, визирь в мудрости своей высказал грустную истину. Я в ссылке, это правда. В наказание за мои многочисленные грехи. — Голос ибн Хайрана был невозмутим. — По-видимому, есть надежда, что меня простят, после того как я очищусь от бесчисленных немыслимых прегрешений. — Он улыбнулся, а через мгновение, совершенно неожиданно, раздался одинокий мужской смех, который резко прозвучал в напряженной тишине сада.

Эмир, его визирь и Аммар ибн Хайран — все повернулись и уставились на Родриго Бельмонте, который продолжал смеяться.

— Эмиру Рагозы придется поостеречься, — сказал Родриго, его это явно очень забавляло, — а не то все ссыльные нашего полуострова устремятся к порогу его дворца.

Ибн Хайран, заметила Джеана, перестал улыбаться, глядя на Капитана.

Родриго снова рассмеялся, забавляясь.

— Да простят мне эти слова, но, возможно, солдат сможет разрешить возникшее здесь затруднение? — Он подождал, пока эмир кивнул головой, потом продолжил. — Господин ибн Хайран, кажется, попал в положение, сходное с моим. Он находится здесь в изгнании, но ему не предложили принести клятву верности, которая бы отменила обязательство, данное им Картаде. При отсутствии такого предложения он не может поддержать предложение госпожи Забиры, его даже нельзя попросить прокомментировать ее слова. Ему следовало бы убить ее кинжалом, спрятанным на внутренней стороне его левой руки. Сделайте ему предложение.

За этими словами последовало напряженное молчание. Теперь день казался даже слишком ярким, словно солнечный свет не соответствовал серьезности происходящего здесь, внизу.

— Мне стать наемником? — Ибн Хайран не сводил глаз с капитана джадитов, словно не замечая всех остальных находящихся на острове. И снова Джеана ощутила странный, потусторонний холод.

— Мы — люди скромные, не отрицаю. Но есть и те, кто стоит ниже нас. — Родриго продолжал веселиться или делал вид, что веселится.

Ибн Хайран не смеялся. Он осторожно произнес:

— Я не имел никакого отношения к Дню Крепостного Рва. — Джеана затаила дыхание.

— Разумеется, не имели, — сказал Родриго Бельмонте. — Поэтому и убили правителя.

— Поэтому мне пришлось убить правителя, — поправил его ибн Хайран, мрачная фигура в черных одеждах. Снова пронесся ропот и замер.

Теперь визирь в свою очередь впал в раздражение. Намеренно нарушая общее настроение, Мазур спросил:

— Следует ли нам предлагать место при дворе человеку, который убивает каждый раз, когда задета его гордость?

Джеана поняла, и ее это вдруг позабавило, что он уязвлен тем, что Родриго первым разгадал эту часть головоломки. «К вопросу об уязвленной гордости», — подумала она.

— Не каждый раз, — спокойно ответил ибн Хайран. — Только раз в жизни, и с сожалением, и ради великой цели.

— А! — насмешливо воскликнул визирь. — С сожалением! Ну, это же все меняет!

Впервые Джеана увидела, как ибн Хайран не смог скрыть свою реакцию. Она заметила, какими холодными стали его глаза до того, как он отвел взгляд от лица бен Аврена. Глубоко вздохнул, разжал руки и опустил их вдоль туловища. Еще она заметила, что он не надел колец. Ибн Хайран снова поднял глаза на визиря, но ничего не сказал, ждал. «Он очень похож на человека, — подумала Джеана, — который собирается с силами перед дальнейшими ударами».

Но ударов не последовало, ни словесных, ни других. Снова заговорил эмир, к нему вернулось самообладание.

— Если бы мы согласились с нашим другом из Вальедо, что вы могли бы нам предложить?

Забира Картадская, почти забытая всеми, повернулась и посмотрела на человека, который приехал сюда в качестве ее слуги. Ее черные, сильно подведенные глаза были непроницаемыми. Еще одно облачко закрыло солнце, потом уплыло прочь. Оно поглотило свет, а потом вернуло его обратно.

— Себя самого, — ответил Аммар ибн Хайран.

Все взгляды в этом прекрасном саду были прикованы к нему. Его высокомерие поражало, но этот человек уже более пят-

надцати лет был известен не только как дипломат и стратег, но и как боевой командир и самый искусный мастер меча в Аль-Рассане.

— Этого достаточно, — произнес эмир Бадир с заметным облегчением. — Мы предлагаем вам службу при нашем дворе и в наших войсках сроком на год. Вы дадите слово чести, что без нашего разрешения не примете других предложений и не предложите свои услуги другим в течение этого времени. Мы предоставим нашим советникам предложить и обсудить с вами условия. Вы согласны?

В ответ он улыбнулся той улыбкой, которую Джеана запомнила после встречи в кабинете отца.

— Согласен, — ответил ибн Хайран. — Оказывается, мне нравится, когда меня покупают. А условия будут легкими. — Улыбка его стала шире. — Точно такими же, какие вы предложили вашему другу из Вальедо.

— Сэр Родриго приехал сюда со ста пятьюдесятью всадниками! — возразил Мазур бен Аврен с негодованием человека, на котором лежит обязанность в трудные времена развязывать шнурок кошелька.

— Это не важно, — сказал ибн Хайран, равнодушно пожимая плечами. Родриго Бельмонте улыбался, как заметила Джеана. Другие командиры — нет. Ощутимо гневный ропот пронесся среди них.

Один человек шагнул вперед. Русоволосый гигант из Карша.

— Пускай они сразятся, — произнес он на ашаритском языке с сильным акцентом. — Он утверждает, что стоит столько же. Давайте убедимся в этом. Хорошим солдатам здесь платят намного меньше. Пусть Бельмонте и этот человек в доказательство сразятся на мечах.

Джеана увидела, как эта идея искрой вспыхнула и пронеслась по саду. Нечто новенькое, намек на опасность. Испытание. Эмир задумчиво смотрел на воина из Карша.

— Я против.

Джеана бет Исхак навсегда запомнила этот момент. Как три голоса прозвучали одновременно, словно в заученной гармонии, одни и те же слова в одно и то же мгновение.

— Мы не можем позволить себе рисковать такими людьми в пустых играх, — произнес визирь бен Аврен, заговоривший первым из троих.

Родриго Бельмонте и Аммар ибн Хайран, каждый из которых произнес те же слова, промолчали и снова посмотрели друг на друга. Родриго больше не улыбался.

Мазур тоже замолчал. Молчание затянулось. Даже капитан из Карша перевел взгляд с одного на другого и шагнул назад, что-то бормоча себе под нос.

— Я думаю, — проговорил наконец ибн Хайран так тихо, что Джеана подалась вперед, чтобы расслышать, — что если мы с этим человеком когда-нибудь скрестим мечи, то не ради чьего-то развлечения и не ради решения вопроса о годовом жалованьи. Простите меня, но я отклоняю это предложение.

У эмира Бадира был такой вид, словно он хочет что-то сказать, но, бросив взгляд на своего визиря, он промолчал.

— У меня есть другая идея, — так же тихо произнес Родриго. — Хоть я не испытываю никаких сомнений в том, что господин ибн Хайран стоит тех денег, которые повелитель Рагозы соблаговолит ему предложить, я могу понять, почему некоторые из наших собратьев желают увидеть его доблесть. Почту за честь сразиться бок о бок с ним, чтобы доставить удовольствие эмиру, против нашего друга из Карша и еще четырех любых воинов, которые пожелают присоединиться к нему на арене для турниров сегодня после обеда.

— Нет! — воскликнул Мазур.

— Решено, — произнес эмир Рагозы. Визирь с трудом сдержался. Эмир продолжал: — Мне доставит удовольствие подобное зрелище. И жителям моего города тоже. Пусть они рукоплещут доблестным мужам, которые защищают нашу свободу. А что касается контракта, я принимаю ваши условия, ибн Хайран. Одинаковое жалованье для обоих моих ссыльных капитанов. По правде говоря, это меня забавляет.

Эмир действительно выглядел довольным, словно разглядел тропинку сквозь густые заросли сегодняшних хитросплетений в этом саду.

— Господин ибн Хайран, пора уже начать отрабатывать ваше жалованье. Нам необходимо ваше присутствие сейчас же, чтобы решить определенные вопросы, возникшие здесь сегодня утром. А после обеда вы проведете бой ради нашего удовольствия. Потом мы попросим о дальнейших услугах. — Он улыбнулся в предвкушении. — Напишите стихи, чтобы прочесть их на пиру, который мы устроим вечером в честь госпожи Забиры и в вашу собственную честь. Я согласился на ваши условия, если говорить откровенно, потому что приобретаю еще и поэта.

Ибн Хайран смотрел на Родриго в начале его речи, но в конце вежливо, в упор, стал смотреть на эмира.

— Для меня честь служить вам в любом качестве, мой повелитель. Хотите задать какую-нибудь тему на вечер?

— Я хочу, если позволит милостивый повелитель, — вмешался в разговор Мазур бен Аврен, поглаживая указательным пальцем бороду. Он сделал паузу для большего эффекта. — Плач по убитому повелителю Картады.

Джеана не знала, что визирь умеет быть жестоким. Она внезапно вспомнила, что именно ибн Хайран в кабинете отца предупреждал ее быть осторожной с Мазуром. И, подумав об этом, она осознала, что он смотрит на нее. Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки, словно ее уличили в чем-то. Аммар снова повернулся к визирю с задумчивым лицом.

— Как вам будет угодно, — просто ответил он. — Это достойная тема.

Поэма, которую он прочитал им тем вечером, после небывалой схватки на арене у городских стен, разлетелась во все уголки полуострова, несмотря на плохие зимние дороги.

К весне она заставляла людей рыдать — часто против их воли — в десятке замков и городков, несмотря на тот факт, что Альмалика Картадского прежде боялись больше всех в Аль-Рассане. Старая истина: люди так же часто тоскуют по тому, что они ненавидели, как и по тому, что любили.

В тот вечер, когда впервые был прочитан этот плач, в пиршественном зале Рагозы, человеком, который до сих пор предпочитал называть себя прежде всего поэтом, уже было решено, что война против Картады была бы преждевременной, чего бы ни желала для своих сыновей возлюбленная покойного правителя. Разногласий почти не было. Надвигалась зима; не время для военных действий. Весна, несомненно, откроет им дорогу к мудрости, как только цветы распустятся в садах и за городом.

Охрана двух мальчиков Забиры стала еще более важным делом, чем прежде; все с этим тоже согласились. Принцы полезны, особенно юные. Не бывает лишних заложников королевской крови. Это тоже старая истина.

В самом конце этого небывало долгого дня — после совещания, после показательного боя, после пира, после стихов, тостов и последних бокалов вина в прекрасном зале, где струился ручей, — два человека не спали, беседовали друг с другом в личных апартаментах эмира Рагозы в присутствии одних лишь слуг и при горящих свечах.

— Мне очень не по себе, — сказал Мазур бен Аврен своему повелителю.

Бадир, откинувшись на спинку низкого кресла, — изящная вещь, в стиле джадитов, но сделанная из красного дерева Тудески, с ножками из слоновой кости в форме львиных лап — улыбнулся своему визирю и вытянул ноги на скамейку.

Эти двое знали друг друга уже очень давно. Бадир пошел на огромный риск в самом начале своего правления, назначив визирем киндата. Писания Ашара ясно гласили: ни один киндат или джадит не может обладать никакой властью над звезднорожденными. Ни один ашарит не может служить им. Если следовать закону пустыни, наказанием должна стать смерть под градом камней.

Разумеется, ни один из хоть что-то значащих людей в Аль-Рассане не придерживался закона пустыни. Ни во времена Халифата, ни после. Бокал вина в руке эмира был тому доказательством. Все равно визирь-киндат был очень рискованным шагом, ставкой на то, что ваджи будут жаловаться, как всегда, но больше ничего не смогут сделать. Существовала возможность, что этот ход мог стоить Бадиру только что завоеванной короны и самой жизни, если народ восстанет в праведном гневе. В уплату за этот риск Мазур бен Аврен, так называемый князь киндатов, сделал Рагозу не только независимым, но и вторым по могуществу государством в Аль-Рассане в неспокойные годы после падения Халифата. Он провел город и его правителя через опасные мели быстро меняющегося мира и сохранил Рагозе свободу, кредитоспособность и гордость.

Он и сам воевал в войсках в первые годы, во время походов на юг и на восток, с триумфом командовал ими в боях. Он ездил верхом на муле, а не на запретном коне: Мазур был достаточно умен, чтобы выказывать ваджи необходимое символическое почтение. Тем не менее простая истина заключалась в том, что Мазур бен Аврен был первым из киндатов за пять сотен лет, который командовал армией западного мира. Поэт, ученый, дипломат, юрист. И воин. Прежде всего остального, эти первые военные победы позволили выжить и ему, и Бадиру. Многое можно простить, если поход прошел удачно и войско вернулось домой с золотом.

Многое и прощали до сих пор. Бадир правил, бен Аврен был рядом с ним, и у них была общая мечта: сделать Рагозу не толь-

ко свободной, но и прекрасной. Городом мрамора, слоновой кости и садов, утонченно великолепным до мельчайших деталей. Если Картада на западе под властью Альмалика, которого ненавидели и боялись, унаследовала большую часть могущества халифов, то Рагоза на озере Серрана стала совсем другим символом, как некогда Силвенес в дни минувшего великолепия.

Теперь они уже были старыми партнерами, правитель и его визирь, прекрасно знали друг друга и не питали иллюзий. Каждый из них понимал, что конец может наступить в любой момент, с любой стороны. Луны прибывают и убывают. Звезды скрываются за облаками, или их может сжечь солнце.

Если Силвенес и Аль-Фонтана могли пасть, если этот город и этот дворец можно было разграбить и сжечь и оставить от него лишь пепел былой славы, развеянный по ветру, то любой город, любое королевство тоже можно уничтожить. Этот урок усвоили все, кто претендовал хоть на толику власти на полуострове, после смерти последнего халифа.

— Я знаю, что ты обеспокоен, — сказал Бадир, бросая взгляд на своего визиря. Он махнул рукой. — Во-первых, ты не притронулся к своему бокалу. Ты даже не заметил, какого я налил нам вина.

Мазур усмехнулся. Он поднял золотистое вино, посмотрел на него при свете свечей, потом пригубил с закрытыми глазами.

— Чудесно, — пробормотал он. — Виноградники Арденьо и, несомненно, поздний урожай. Когда его привезли?

— А ты как думаешь?

Визирь снова отпил вино с искренним удовольствием.

— Конечно. Сегодня утром. Не от этой женщины, как я полагаю.

— Сказали, что от нее.

— Разумеется, они так сказали. — Последовало молчание.

— Удивительную поэму мы слушали сегодня вечером, — снова заговорил эмир тихим голосом.

Бен Аврен кивнул.

— Я тоже так подумал.

Эмир Бадир несколько секунд смотрел на своего советника.

— У тебя получалось не хуже, в свое время.

Мазур покачал головой.

— Благодарю тебя, повелитель, но я знаю свои возможности. — Еще одна пауза. Мазур погладил аккуратно подстриженную бороду. — Он необыкновенный человек.

Эмир посмотрел прямо ему в глаза.

— Не слишком ли?

Бен Аврен пожал плечами.

— Сам по себе, возможно, и нет, но я не вполне уверен, что смогу контролировать события зимой, если они оба будут здесь.

Бадир кивнул, сделал глоток вина.

— Как себя чувствуют те пятеро после сегодняшнего дня?

— Мне сказали, что с ними все в порядке. Джеана бет Исхак сегодня вечером присматривает за ними. Я взял на себя смелость попросить ее об этом от вашего имени. У одного сломана рука. Другой не очень хорошо осознает, как его зовут и где он находится. — Визирь с сожалением покачал головой. — Рука сломана у солдата из Карша, который бросил вызов.

— Я видел. Нарочно?

Визирь пожал плечами.

— Не могу сказать.

— Я до сих пор не пойму, как это было сделано.

— Он тоже, — ответил бен Аврен.

Эмир улыбнулся, и через секунду визирь улыбнулся тоже. К этому моменту двое слуг закончили возиться со свечами и с очагом. Они стояли неподвижно, как статуи, у двери в комнату.

— Они сражались так, словно воевали вместе всю жизнь, — задумчиво произнес Бадир и поставил на стол свой бокал. Он взглянул на визиря. Мазур молча ответил ему взглядом. Через мгновение эмир произнес: — Ты думаешь о том, как лучше всего их использовать. О Картаде?

Визирь кивнул головой. Они долго смотрели друг другу в глаза. Словно вели диалог без слов. Мазур снова кивнул.

В пламени свечей выражение лица эмира было серьезным.

— Ты видел, как смотрели они друг на друга сегодня утром, в саду?

— Этого трудно было не заметить.

— Думаешь, вальедец — достойная пара ибн Хайрану?

Мазур снова поднял палец и погладил бороду.

— Они очень разные. Вы их видели, государь. Возможно, так и есть. Может быть... Если честно, то я не знаю, что об этом и думать. Но знаю, что здесь собирается слишком много сил, и не думаю, что это понравится ваджи, не говоря об остальных. Воины-джадиты из Вальедо, в придачу к воинам из-за гор сыновья этой женщины, женщина-врач из киндатов в придачу к канцлеру-киндату, а теперь еще самый известный светский человек в Аль-Рассане...

— Я считал таковым себя, — лукаво произнес эмир Бадир.

У Мазура дрогнули губы в улыбке.

— Простите меня, повелитель. Тогда два самых известных человека...

Лицо Бадира снова стало задумчивым. Он выпил уже много вина — без видимого эффекта.

— Забира сказала, что второй сын Альмалика отправился на другую сторону пролива. По ее словам, чтобы вести переговоры с лидерами мувардийцев.

— Да, Хазем ибн Альмалик. Я об этом знаю. Он уехал уже давно. Останавливался ненадолго в Тудеске у тамошних ваджи.

Бадир осмысливал это. Охват и глубина информированности бен Аврена были легендарными. Даже эмир не знал всех ее источников.

— И что ты об этом думаешь?

— Ничего хорошего, мой повелитель, по правде говоря.

— Мы послали наши дары в пустыню в этом году?

— Конечно, господин.

Бадир поднял свой стакан и сделал глоток. Потом его губы снова дрогнули в той же насмешливой улыбке.

— С того самого времени, когда мы начинали, мы не были уверены ни в чем хорошем, правда? Долгий путь мы прошли, друг мой.

— Он еще не завершен.

— Но конец уже близок? — Голос эмира звучал мягко.

Визирь мрачно покачал головой.

— Нет, если это будет зависеть от меня.

Бадир кивнул, расслабился в своем кресле, прихлебывая хорошее вино.

— Будет так, как угодно звездам. А пока что нам делать с этими... львами в городе в такое время года?

— Думаю, пошлем их подальше.

— Зимой? Куда?

— Есть у меня одна идея.

Эмир расхохотался.

— У тебя всегда есть идея.

Они улыбнулись друг другу. Эмир Бадир поднял свой бокал и молча отсалютовал визирю. Мазур встал и поклонился, поставив свой бокал с вином.

— Я вас покидаю, — сказал он. — Доброй ночи, мой повелитель. Пускай звезды и дух Ашара хранят вас до наступления рассвета.

— А твои луны пусть сделают для тебя светлее тьму, друг мой.

Визирь еще раз поклонился и вышел. Ближайший из слуг закрыл за ним дверь. Однако эмир Рагозы не сразу лег в постель. Он долго неподвижно сидел в своем кресле.

Он думал о том, как погибают правители, как приходит к ним слава, задерживается ненадолго, а потом уходит. «Как это доброе вино, — подумал он. — Подарок от Аммара ибн Хайрана, который убил собственного повелителя совсем недавно». Что оставляет после себя правитель? Что оставляет после себя любой человек? И его мысли вернулись по кругу к тем стихам, которые они услышали после ужина, непринужденно раскинувшись на ложах в пиршественном зале, через который струился усмиренный поток, тихим журчанием создающий фон для произнесенных слов.

Пусть этой ночью услышим мы голос печали.
Пусть лунам сегодня печаль дает имена.
Пусть голубой луне будет имя «Потеря»,
А белой имя — «Воспоминанье».
Пусть серые тучи закроют сияющий свет
Звезд в вышине и сомкнутся над тем водопоем,
Куда приходил он, чтоб жажду свою утолить,
Где собираются ныне прочие звери помельче
Без трепета — Лев никогда не придет...

Эмир Рагозы Бадир неторопливо вылил в бокал последние капли сладкого светлого вина и залпом выпил.

* * *

Не только эмир бодрствовал в этот миг во дворце Рагозы, несмотря на день и вечер, слишком насыщенные событиями даже для человека, привычного к подобным вещам.

Охваченный физической усталостью и внутренней тревогой, господин Аммар ибн Хайран в конце концов покинул элегантные комнаты, отведенные ему на эту ночь, и вышел на улицу, когда давно уже стемнело.

Ночные стражники у выхода из дворца знали его. Кажется, его уже все знают. Ничего необычного в этом не было. Такому человеку, как он, необходимо маскироваться, чтобы остаться неузнанным в Аль-Рассане. В волнении и тревоге стражники предложили ему факел и сопровождение. Он вежливо отказался и от того, и от другого. Для защиты он взял с собой меч, кото-

рый и показал им. И пошутил над самим собой; они с готовностью посмеялись. После схватки на арене едва ли стоило сомневаться в его способности защитить себя. Один из стражников, набравшись храбрости, так и сказал. Ибн Хайран дал ему серебряную монету, а потом с улыбкой протянул по монете двум другим. Они чуть не сбили друг друга с ног, бросившись открывать ему двери.

Он вышел из дворца. Поверх одежды он завернулся в плащ, отороченный мехом. На его пальцах снова были кольца. Больше нет смысла маскироваться под слугу. Это сослужило свою службу по дороге сюда, в постоялых дворах между Картадой и Рагозой. Они отправились в путешествие, имея при себе царские сокровища в виде драгоценных камней в двух сундуках, которые он позволил Забире взять с собой; Альмалик много лет осыпал щедрыми дарами любимую женщину. Поэтому было необходимо на пути сюда выглядеть беспечными и не слишком важными персонами. Теперь необходимость в этом отпала.

Аммар подумал о том, где сегодня проведет ночь Забира, потом отбросил эту мысль прочь как недостойную. Она очень скоро возьмет здесь кого-нибудь в плен — эмира, визиря, возможно, обоих, — но пока еще рано. Сегодня ночью она будет со своими сыновьями. С юными принцами. Фигурами на доске в новой, крупной игре. Так было решено на совещании перед схваткой на арене. Он начал понимать во время той короткой дискуссии, насколько хитер Мазур бен Аврен. Почему Бадир пошел на такой большой риск, чтобы удержать возле себя визиря-киндата. Конечно, он слышал о его репутации. Однажды у них состоялась официальная встреча. Обменивались письмами на протяжении многих лет, умными стихами. А теперь он по-настоящему познакомился с этим человеком. Еще один, иной вызов. Есть о чем поразмыслить. Воистину это был очень насыщенный день.

После наступления темноты в Рагозе похолодало, близился конец осени, дул ветер. Он приветствовал этот холод. Ему хотелось одиночества и звездного света, этого холодного ветра с озера. Ноги вели его туда, мимо закрытых ставнями лавок, потом мимо складов, и, миновав их, в одиночестве и тишине, он вышел на длинный причал у края воды. И там наконец остановился, глубоко вдыхая ночной воздух.

Звезды над его головой сияли очень ярко, и луны тоже. Он видел, что стены города уходят в воду, как две руки, почти соединяются и обнимают гавань. При лунном свете он видел од-

номачтовые рыбацкие баркасы, маленькие и большие прогулочные суда, подпрыгивающие вверх-вниз на темной, неспокойной воде озера. Слышал плеск волн и шум прибоя. Вода. Что там было насчет воды?

Он знал ответ.

Его народ явился из пустыни. Из края подвижных, непостоянных дюн, песчаных бурь и грубых, бесплодных, изрезанных ущельями гор. Из края, где вечно дул ветер, где его порывы ничто не могло сдержать и остановить. Где солнце убивало, а ночные звезды обещали жизнь, воздух для дыхания, ветерок, чтобы успокоить обжигающую лихорадку дня. Где вода была — чем? Мечтой, молитвой, благословением бога в самом чистом виде.

Сам он не помнил подобных мест, разве что эти воспоминания пришли в мир вместе с ним. Наследственная память племени, с которой рождались ашариты, которая их определяла. Аммуз и Сорийя, земли его родины, жили в его душе. Пустыни. Более обширные пески, чем даже пески Маджрити. Маджрити он тоже никогда не видел. Он родился в Алхаисе, здесь, в Аль-Рассане, в доме, где било три фонтана. И, несмотря на это, его тянуло к воде, когда ему было плохо, когда он нуждался в утешении. Вдали от пустыни, пустыня помещалась внутри него, как рана или тяжелый груз, как помещалась внутри всех них.

Белая луна стояла над головой, голубая только поднималась в виде полумесяца. Теперь, когда огни города остались за спиной, звезды над озером сияли ярко и холодно. Ясность, вот что они для него значили. Именно это необходимо ему сегодня ночью.

Он слушал, как волны бьются о пирс у него под ногами. Удар, пауза, еще удар. Волнообразный ритм мира. Мысли его разбегались. Подпрыгивали, словно лодки на воде, никак не сливались воедино. Физическое его состояние тоже было неважным, но это не имело значения. В основном усталость, несколько синяков, на одной из лодыжек пустяковая рана, которую он просто игнорировал.

Собственно говоря, схватка на турнирной арене после обеда не потребовала усилий. И это было одной из причин его тревоги.

Против них двоих сражалось пятеро, и капитан из Карша отобрал себе в напарники четверых самых лучших командиров Рагозы. В этих людях ясно чувствовались гнев, мрачная решимость, потребность доказать свою правоту, и не только по поводу жалованья. Все было задумано как представление, развлечение для двора и горожан, а не как схватка не на жизнь, а на

смерть. Но все равно их взгляды из-под шлемов были жесткими и холодными.

Это не должно было произойти так быстро, так напоминать танец или сон. Словно где-то играла музыка, едва слышная. Он сражался против этих пятерых бок о бок, а потом спина к спине с Родриго Бельмонте из Вальедо, которого никогда в жизни не встречал до этого, но все происходило так, как никогда раньше на поле боя или в других местах. У него возникло странное ощущение, будто он раздвоился. Он дрался так, будто имел два хорошо тренированных тела, управляемых одним мозгом. Они не разговаривали во время схватки. Никаких предупреждений, никакой тактики. Для этого схватка была чересчур короткой.

Стоя на пирсе над холодными, неспокойными водами озера Серрана, ибн Хайран покачал головой, вспоминая. Ему следовало испытывать восторг после такого триумфа, возможно — любопытство, заинтересованность. Но вместо этого он был глубоко встревожен. Не спокоен. Даже немного напуган, если быть честным перед самим собой.

Дул ветер. Он стоял к нему лицом, глядя на север через озеро. На дальнем берегу его лежала тагра, земли, на которых никто не жил, а дальше находились Халонья и Вальедо. Где всадники Джада поклонялись золотому солнцу, которого страшились ашариты в своих палящих пустынях. Джад. Ашар. Знамена, под которые собираются люди.

Он провел жизнь в одиночестве и в игре, и в бою. Никогда не искал отряда, которым мог бы командовать, общества подчиненных ему командиров и даже, говоря по правде, друга. Спутники, прихлебатели, приверженцы, любовницы — они всегда присутствовали в его жизни, но не подлинная дружба — если не считать человека, которого он недавно отравил в Картаде.

Ибн Хайран за долгие годы научился смотреть на мир как на место, где он движется сам по себе, водит людей в битву при необходимости; разрабатывает планы и стратегию для своего повелителя, если его попросят; создает свои стихи и песни, когда судьба оставляет ему для этого время; поочередно вступает в связь и порывает с женщинами — и с некоторыми из мужчин.

Ничего очень длительного, ничего слишком глубокого. Он так никогда и не женился. Никогда не хотел жениться, и его не заставляли. У его братьев есть дети. Их род продолжится.

Под нажимом он, вероятно, сказал бы, что это умонастроение, эта постоянная потребность сохранять дистанцию зародились в один летний день, когда он вошел во дворец Силвенеса

Аль-Фонтана и убил последнего халифа ради Альмалика Картадского.

Этот старый, слепой человек хвалил его юношеские стихи. Пригласил его погостить в Силвенесе. Пожилой человек, который никогда не хотел занять престол халифа. Все это знали. Как может слепой поэт править Аль-Рассаном? Музафар был всего лишь еще одной фигурой на доске, орудием для придворных сил в продажном, перепуганном Силвенесе. То были мрачные дни для Аль-Рассана, когда молодой ибн Хайран прошел мимо подкупленных евнухов в Сад Желания и пронес запрещенный клинок.

Нетрудно даже сейчас оправдать то, что он сделал, то, что приказал ему сделать Альмалик Картадский. Тот день в самом укромном саду Аль-Фонтаны поставил клеймо на ибн Хайране. В глазах других людей, в его собственных глазах. «Человек, который убил последнего халифа Аль-Рассана».

Тогда он был молод, полон ощущением собственной неуязвимости и ослепляющим предвкушением всех блестящих возможностей, которые обещает жизнь. Теперь он уже немолод. Даже холод и этот пронизывающий ветер с озера он чувствовал острее, чем пятнадцать лет назад. При этой мысли Аммар усмехнулся, в первый раз за сегодняшнюю ночь, и грустно покачал головой. Сентиментальные, недостойные мысли. Старик, закутанный в одеяло у очага? Так скоро и будет, очень скоро. Если он доживет. Узоры жизни. То, что дозволено.

«Давай, брат, — сказал сегодня Родриго Бельмонте из Вальедо, когда крутые парни с мечами начали окружать их. — Покажем им, как это делается?»

И они им показали.

«Брат». Золотой диск Джада на цепочке на его шее. Предводитель самого опасного отряда на полуострове. Сто пятьдесят Всадников Господа. Красивая жена, двое сыновей. Наследники, которых нужно учить, наверное, любимые. Набожный, преданный и смертельно опасный.

Теперь ибн Хайран знал это его последнее качество. Прежде лишь слышал рассказы. Ничего подобного он никогда не встречал за всю свою жизнь в боях. Пятеро против них двоих. Обученные, великолепные бойцы, лучшие наемники Рагозы. И вот в мгновение ока они были повержены, и все закончилось. Танец.

Он обычно помнил каждый отдельный момент, каждый выпад и парирующий удар еще долго после окончания боя. Так ра-

ботал его мозг: он разбивал крупное событие на более мелкие части. Но сегодняшний день уже расплывался. И отчасти поэтому он был сейчас так встревожен.

Он посмотрел потом на Бельмонте и увидел — с облегчением и тревогой одновременно — зеркальное отражение той же странности. Словно до этого нечто улетело от каждого из них и лишь сейчас возвращалось обратно. Вальедец выглядел сбитым с толку, одурманенным.

«По крайней мере, — подумал тогда Аммар, — не я один это чувствую».

К тому времени вокруг кипела буря восторга, оглушительная, неудержимая. Кричали и на стенах, и в ложе правителя у арены. Шляпы и шарфы, перчатки и кожаные фляги с вином взлетали в воздух и падали вокруг них. Все это доносилось до них словно издалека.

Он попытался быть иронично-насмешливым, как всегда.

— Может, теперь прикончим друг друга им на потеху и выясним все до конца? — бросил он.

Побежденным ими воинам помогали подняться — тем, кто мог подняться. У одного человека, того, из Карша, была перебита рука от удара мечом плашмя. Еще один не мог стоять; его унесли на носилках. Бледно-голубой женский шарф проплыл в солнечных лучах и упал на его тело. Аммар лишь смутно помнил, как бился с человеком со сломанной рукой. Это было в самом начале. Он не мог ясно вспомнить удар, последовательность ударов. Это было очень странно.

Родриго Бельмонте не рассмеялся в ответ на его попытку пошутить и не улыбнулся, стоя рядом с ним среди оглушительного, но далекого шума.

— Разве мы хотим выяснить все до конца? — спросил он.

Аммар покачал головой. Они стояли одни посреди вселенной. В ограниченном, тихом пространстве. Это было похоже на сон. Предметы одежды, цветы, новые фляги с вином летели теперь в осеннем воздухе. Столько шума.

— Пока нет, — ответил он. — Нет. Но этот момент может наступить. Хотим мы того или нет.

Родриго несколько секунд молчал, его серые глаза были спокойными под старым шлемом, украшенным фигурой орла. Со стороны ложи эмира приближался герольд в официальных одеждах, грациозный, преисполненный почтительности. Когда он уже почти подошел к ним вплотную, вальедец тихо сказал:

— Если он наступит, то наступит. Все определяет бог. Только я никогда не совершал ничего подобного, никогда в жизни. Или в бою плечом к плечу с другим человеком.

Звезда упала в темноту за холмами к западу от озера. Ибн Хайран услышал за спиной шаги. Они стихли, потом удалились. Один человек. Сторож. Опасности нет. Здесь, во всяком случае, не будет опасности.

Он очень устал, но его мозг не давал ему отдохнуть. Высоко стоящая в небе белая луна проложила сверкающую, дрожащую дорожку на воде, голубой полумесяц отбрасывал слабый след с востока. Они встречались там, где он стоял. Такова особенность воды ночью. Свет стекает по ней туда, где ты стоишь.

«Сегодня я отработал добрую порцию своего жалованья», — подумал он. Жалованье. Теперь он стал наемником на службе у эмира, который был бы счастлив увидеть Картаду в руинах. Который мог решить весной послать войско на восток, чтобы добиться этого. Аммар, благодаря контракту, стал бы одним из воинов этой армии, командиром. Он не привык к таким резким переходам с одной стороны на другую.

Он убил Альмалика. Он был его товарищем в течение двадцати лет. Медленное совместное восхождение, а потом быстрый взлет к власти. Люди меняются с годами. Власть течет, и кружится в водоворотах, и меняет их. Время и звезды вращаются, а люди меняются.

Человек, которого он убил, был единственным в мире, которого он мог бы назвать другом, хотя это слово не применяют к правителям. Он спел свой плач сегодня вечером. То была просьба Мазура бен Аврена, который хотел ранить его. Это хитрый ум. Но он уже слагал эти стихи во время путешествия на восток с Забирой. И прочел их сегодня вечером в пиршественном зале перед врагами Картады. В зале, через который течет ручей. Снова вода. Мечта Ашара среди песков пустыни. Этот банкетный зал слишком претенциозен, но все равно производит впечатление и сделан со вкусом. Ему мог бы понравиться Бадир Рагозский, сказал он себе, он мог бы уважать Мазура бен Аврена. Есть жизнь и вне Картады, полная перспектив и размаха.

«Где собираются ныне прочие звери помельче...»

Он покачал головой. Отвернулся от озера и пошел назад, оставив за спиной ветер и луны.

Из тени у стены склада она видела, как он двинулся прочь от воды и от вытянутых рук городских стен. Сначала она подошла почти к самому пирсу, потом отошла оттуда и стала ждать.

Когда он приблизился, она заметила — теперь ее глаза привыкли к лунному освещению — его странный, обращенный внутрь взгляд и почти решила не окликать его. Но не успела эта мысль сформироваться, как женщина поняла, что уже шагнула от стены на дорогу.

Он остановился. Его рука потянулась к мечу, но тут она увидела, что он ее узнал. Она ожидала какого-нибудь насмешливого замечания, шутки. Ее сердце часто забилось.

— Джеана бет Исхак. Что вы делаете вне дома ночью?

— Гуляю, — ответила она. — Точно так же, как вы.

— Не так же. Для женщины это небезопасно. Нет смысла совершать глупости.

Она ощутила обычный прилив гнева.

— Просто удивительно, как это я так долго прожила в Рагозе и уцелела без ваших наставлений.

Он промолчал. У него все еще был этот странный взгляд. «Интересно, что привело его к озеру?» — подумала Джеана. Но она пришла не для того, чтобы ссориться, хотя и не могла бы сказать, почему она пришла. Она проговорила примирительным тоном:

— Меня здесь знают. Нет никакой реальной опасности.

— В темноте? На берегу? — Он поднял брови. — Вас могли убить ради плаща или просто из-за вашей религии. Где ваш слуга?

— Велас? Спит, надеюсь. У него был долгий день и долгий вечер.

— А у вас?

— Тоже довольно долгий. Я пыталась исцелить раны, которые вы нанесли. Я иду из больницы. — «Что именно заставляет меня все время бросать ему вызов?» — спросила она себя.

Он посмотрел на нее. Ничего не выражающим взглядом, в упор. Жемчужина у него в ухе слабо поблескивала в лунном свете. Он сказал:

— Слишком холодно стоять здесь. Пойдем. — И снова зашагал обратно к центру города.

Она пошла рядом с ним. Ветер дул им в спину, проникал под ее накидку. Действительно холодно, и, несмотря на ее утверждение, Джеана обычно не выходила из дому так поздно. По правде говоря, в последний раз это случилось в ночь того дня, когда она встретила этого человека. В День Крепостного Рва. Она считала тогда, что это было его варварским деянием, это убийство невинных людей. Все в Аль-Рассане так думали.

— Я помню, что вы сказали в Фезане. Что это не ваших рук дело, — произнесла она.

— Вы мне не поверили.

— Нет, поверила.

Он бросил на нее взгляд. Они продолжали шагать.

Некоторое время назад, стоя в дверях своей больницы, она заметила, как он прошел мимо. Двое ее больных спали, один принял лекарство от боли в сломанной руке, а второй все еще находился в глубоком беспамятстве, на его виске вздулась опухоль величиной с яйцо страуса. Джеана оставила распоряжение будить его после каждого удара колокола. Сегодня чересчур глубокий сон был для него опасен.

Она стояла у открытой двери, дышала ночным воздухом, борясь с усталостью, когда мимо прошел ибн Хайран. Она закуталась в накидку и пошла за ним, не задумываясь, без какой-либо причины в оправдание, повинуясь лишь импульсу.

Они совершили нечто потрясающее сегодня, он и Бельмонте. Двое против пяти, и если бы она не знала, что это не так, могло бы показаться, что эти пятеро согласились, чтобы их уложили, настолько быстро, точно и элегантно это было сделано. Но она знала правду. Она лечила двоих из этих пяти сегодня вечером. Воин из Карша со сломанной рукой старался осознать, что произошло. Он чувствовал себя оскорбленным, униженным. Этот человек не привык проигрывать в схватках. По крайней мере, вот так.

Выйдя на улицу вслед за ибн Хайраном, Джеана понимала, ощущая неловкость, что были женщины другого сорта, которые поступали так же, особенно после сегодняшнего боя. Она почти ожидала увидеть некоторых из них, нарядных и надушенных, идущих следом за этим человеком. Преследующих героя дня, жаждущих прикоснуться к нему и ощутить прикосновение его славы, того сияния, которое окружает славу. К таким женщинам она не испытывала ничего, кроме презрения.

«То, что я пошла следом за ним, дело совсем иного рода», — говорила она себе. Она не была ни юной, ни ослепленной; на ней оставалась простая белая полотняная шапочка, которая не давала волосам падать на глаза во время работы; никаких украшений, заляпанные грязью сапожки. Она — лекарь, хладнокровный наблюдатель.

— Вы не были ранены сегодня днем? — спросила она, бросая на него взгляд искоса. — Мне показалось, что я видела, как меч задел вашу ногу.

У него на лице появилось выражение сухой насмешки, которое она хорошо помнила.

— Всего лишь царапина. Один из них задел меня своим клинком, когда падал. Очень мило с вашей стороны спросить об этом, доктор. Как ваши больные?

Она пожала плечами.

— Со сломанной рукой все будет в порядке. Кости легко встали на место. Тот батиарец, которого свалил сэр Родриго, перед сном все еще не мог вспомнить имя своей матери.

Ибн Хайран усмехнулся, сверкнув белыми зубами.

— Вот это серьезно. Если бы он не мог вспомнить имя отца, то я бы счел это нормальным для Батиары.

— Давайте шутите, — сказала она, не желая смеяться. — Ведь не вам его лечить. — Глупый ответ.

— Мне очень жаль, — тихо пробормотал он, полный сочувствия. — Я сильно прибавил вам работы сегодня?

Джеана поморщилась. Сама напросилась. С этим человеком необходимо следить за своими словами. Он обладает таким же острым умом, как Мазур. По крайней мере, таким же острым.

— Как поживает ваш отец? — спросил он, меняя тон. Она с удивлением взглянула на него, потом отвела взгляд. Пока они шли по темным улицам, она ясно вспомнила, как этот человек стоял на коленях перед бет Исхаком прошлым летом, сжимая его руки.

— Мои родители живут неплохо, спасибо. Отец... продиктовал несколько писем и прислал мне после той ночи в Фезане. Мне кажется, разговор с вами... ему помог.

— Для меня большая честь, что вы так думаете.

В его голосе не было иронии. Сегодня вечером она слышала его траурные стихи. Он убил человека, которого она сама поклялась уничтожить. Он сделал ее тщеславную, детскую клятву бессмысленной, да эта клятва и с самого начала не имела смысла. Джеана чуть было не стала горевать, слушая эти размеренные строчки. Печаль, скрытая за ударом меча.

Она сказала:

— Я сама намеревалась убить Альмалика. В отместку за отца. Поэтому и уехала из Фезаны. — Произнося эти слова, едва их выговорив, Джеана поняла, что именно поэтому она вышла сегодня в холодную ночь.

— Это меня не удивляет, — тихо откликнулся он после паузы. Великодушные слова. Он принимает ее всерьез. Женщину-кандата. Клятву, данную с детской горячностью. — Вы сердитесь, потому что я вас опередил?

Этого она тоже не ожидала. Некоторое время шла рядом с ним и молчала. Они свернули за угол.

— Мне немного стыдно, — призналась она. — Я ничего не делала все эти четыре года, потом приехала сюда и снова ничего не делала.

— Некоторые задачи требуют больше времени, чем другие. Так уж получилось, что мне было проще осуществить то, к чему мы с вами стремились.

Переодевшись слугой. Она услышала эту историю от Мазура перед самым пиршеством сегодня вечером. Яд на полотенце. Сын правителя полностью его поддержал, а потом отправил ибн Хайрана в ссылку. Это должно причинять боль.

Они еще раз свернули за угол. Два огонька сияли впереди в конце улицы, над входом в больницу. Еще одно воспоминание внезапно нахлынуло на нее вопреки ее воле. Та самая ночь в Фезане, та самая комната. Она сама рядом с этим человеком у окна, поднимается на цыпочки и целует его. Вызов.

«Должно быть, я тогда сошла с ума», — подумала Джеана. И остановилась у входа в больницу.

Аммар ибн Хайран спросил, словно он действительно мог следить за ходом ее мыслей:

— Между прочим, я был прав насчет визиря? — Снова в его голосе звучала насмешка, приводящая ее в ярость.

— Прав насчет чего? — Она пыталась выиграть время.

Он должен был заметить, куда ее усадили сегодня вечером, на пиру. Он должен был отметить факт самого ее присутствия там. Она от всего сердца надеялась, что он не видит ее румянца. Теперь она уже почти сожалела о том, что пошла за ним.

Он тихо рассмеялся.

— Понимаю, — сказал он. И прибавил мягко: — Вы собираетесь навестить своих больных или идете домой?

Она сердито взглянула на него. Снова ее охватил гнев. Как раз кстати.

— Что это должно означать? — холодно спросила она. В свете факелов она ясно видела теперь его лицо. Он смотрел на нее спокойно, но ей показалось, что в его глазах прячется смех. — Что означает это «понимаю»? — осведомилась она.

Последовало короткое молчание.

— Простите меня, — серьезно попросил он. — Я вас обидел?

— Да, своим тоном, — твердо ответила она.

— Тогда мне следует проучить обидчика от вашего имени.

Этот голос прозвучал у нее за спиной, знакомый голос. Она

резко обернулась, но успела увидеть, как взгляд ибн Хайрана поднялся выше ее головы и выражение его лица изменилось.

В дверях больницы стоял Родриго Бельмонте, освещенный пламенем свечи, в той же верхней тунике и куртке, в которых он был на пиру, с мечом у бедра.

— Меня вечно кто-нибудь учит, — посетовал ибн Хайран.

Родриго насмешливо фыркнул.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Но вам следует знать, если вы еще этого не знаете, что в Рагозе уже несколько месяцев только и говорят о безуспешном ухаживании Мазура бен Аврена за нашим доктором.

— Неужели? — вежливо спросил Аммар.

— Неужели? — повторила Джеана совсем другим тоном.

— Боюсь, это так, — ответил Родриго, глядя на нее. Теперь он тоже забавлялся, в его улыбке под пышными усами таилось лукавство. — Должен признаться, что выиграл на этом некоторую сумму денег.

— Вы держали на меня пари? — Джеана услышала, как взлетел вверх ее голос.

— Я совершенно уверен во всех членах моего отряда, — ответил Родриго.

— Но я не член вашего отряда!

— Я продолжаю жить надеждой, — ласково прошептал он.

Стоящий позади ибн Хайран громко расхохотался. Она резко повернулась к нему. Он быстро поднял руки, словно защищаясь. Джеана молчала, она потеряла дар речи. А потом почувствовала, что ее саму одолевает смех. И разразилась хохотом.

Она прислонилась к двери, вытирая глаза, переводя взгляд с одного на другого. Из глубины больницы двое ночных смотрителей с неодобрением смотрели на всех троих. Джеана, которой надо было через несколько минут давать этим смотрителям четкие указания, пыталась взять себя в руки.

— Она не может к нам присоединиться, — произнес Аммар ибн Хайран. — Он шагнул в дверной проем, чтобы уйти от резкого ветра. — Бен Аврен никогда не позволит ей покинуть город.

— К нам? — переспросил Родриго.

— Покинуть город? — одновременно с ним повторила Джеана.

Красивое, гладко выбритое лицо по очереди повернулось к обоим собеседникам. Но заговорил Аммар не сразу.

— Некоторые вещи очевидны, — сказал ибн Хайран, глядя на вальедца. — Эмир Бадир будет очень нервничать насчет того,

что мы оба проводим эту зиму в Рагозе и не приносим никакой пользы. Нас куда-нибудь пошлют. Вместе. Готов биться об заклад. А учитывая то, что вы сказали мне сейчас о вполне понятном интересе визиря к нашему замечательному доктору, он не позволит ей покинуть Фезану с двумя столь безответственными людьми.

— Я не безответственный! — возмущенно возразил Родриго Бельмонте.

— Позволю себе не согласиться, — хладнокровно произнес Аммар. — Джеана мне рассказала, что сегодня днем вы заставили наемника из Батиары — прекрасного человека, доблестного воина — забыть имя собственной матери! Я называю это глубоко безответственным поступком.

— Имя его матери? — воскликнул Родриго. — Не отца? Если бы это было имя отца...

— Вы бы могли понять. Уже знаю, — перебила его Джеана. — Господин ибн Хайран уже выдал мне эту неудачную шутку. Среди всего прочего, вы двое, по-видимому, склонны к одинаково детскому юмору.

— Среди всего прочего? Чего именно? Теперь я могу оскорбиться. — Выражение лица ибн Хайрана опровергало его слова. Он больше не выглядел усталым или несобранным, отметила Джеана. Как лекарь она была этим довольна. Она предпочла проигнорировать его вопрос.

— Оскорбление нанесено мне, помните? И вы еще не извинились. И вы тоже, — прибавила она, поворачиваясь к Бельмонте. — Держать пари на мое поведение! И как вы смеете полагать, что визирь Рагозы — или кто-то другой — диктует мне, куда и когда я могу ехать?

— Хорошо! — воскликнул Родриго. — Я долго ждал этих ваших слов! Зимняя кампания будет отличным испытанием для всех нас.

— Я не говорила...

— Разве вы не поедете? — спросил он. — Шутки в сторону, Джеана, мне очень нужен хороший лекарь, и я до сих пор помню то, что вы сказали насчет работы среди жителей Эсперанья. Вы дадите нам шанс доказать обратное?

Джеана тоже помнила. Она очень хорошо помнила ту ночь. «Даже солнце заходит, моя госпожа». Она отогнала эти мысли.

— Что? — ядовито спросила она. — Разве в этом году нет пилигримов, отправляющихся на остров благословенной королевы Васки?

— В моем отряде нет, — спокойно ответил Родриго.

Последовало молчание. «Он умеет осадить человека», — подумала она.

— Вы также можете поразмышлять о том, что кампания вне стен города даст вам передышку от ухаживаний бен Аврена, — произнес ибн Хайран чересчур небрежно.

Она повернулась и сердито посмотрела на него. Он снова поднял руки, защищаясь.

— Если, конечно, вам нужна эта передышка, — быстро прибавил он. — Бен Аврен — выдающийся человек. Поэт, визирь, истинный ученый. Принц киндатов. Ваша мать гордилась бы вами.

— Если бы я позволила ему уложить себя в постель? — любезным тоном поинтересовалась она.

— Ну, я не это имел в виду. Я думал о чем-то более официальном, конечно. О чем-то...

Он замолчал, увидев выражение ее глаз. Его руки в третий раз взлетели вверх, словно для того, чтобы отразить нападение. Кольца на пальцах сверкнули.

Джеана гневно смотрела на него, ее собственные пальцы сжались в кулаки. Проблема заключалась в том, что ей по-прежнему хотелось рассмеяться и поэтому трудно было продолжать сердиться.

— Вам грозят серьезные неприятности, если вы заболеете во время этой кампании, — мрачно сказала она. — Разве вас никогда не предупреждали, что нельзя оскорблять своего лекаря?

— Многие, и много раз, — грустно признался Аммар. — Боюсь, что я — человек безответственный.

— Я — ответственный! — весело воскликнул Родриго. — Спросите у кого угодно!

— Только потому, — бросила она через плечо, — что вы до смерти боитесь своей жены. Вы сами мне это сказали!

Ибн Хайран рассмеялся. Через секунду рассмеялся и Бельмонте, сильно покраснев. Джеана скрестила руки и хмуро смотрела на них, не желая улыбаться.

Но чувствовала она себя необычайно счастливой.

Прозвонили колокола храма, возвышавшегося над крышами к югу от них, весело и отчетливо в холодной ночи, чтобы разбудить верующих на молитву.

— Идите домой, — сказала Джеана обоим мужчинам, глядя в помещение больницы. — Мне надо проведать больных.

Они переглянулись.

— И оставить вас здесь одну? Одобрила бы это ваша мать? — спросил ибн Хайран.

— Мой отец одобрил бы, — резко ответила Джеана. — Это больница. А я — лекарь.

Это их отрезвило. Ибн Хайран поклонился, Бельмонте сделал то же самое. Они ушли вместе. Она смотрела им вслед, стоя в дверях, пока они не исчезли в ночи. Постояла там еще секунду, глядя в темноту, потом прошла внутрь.

Воин из Карша с раздробленной рукой еще спал. Именно это было ему необходимо. Она дала ему обезболивающее лекарство и микстуру отца, чтобы он отдохнул. Осторожно разбудила второго пострадавшего, поставив служителей по обеим сторонам от его ложа. Иногда, когда их будят, они бывают буйными. Это же бойцы. Батиарец узнал ее, это хорошо. Она дала им подержать факел и посмотрела ему в глаза: взгляд еще затуманен, но осмысленней, чем раньше, и он следил за ее пальцем, когда она водила им перед его лицом. Она подложила ладонь ему под голову и помогла выпить лекарство — клевер, мирра и алоэ — от той ужасной головной боли, которая должна его мучить.

Она сменила повязку на его голове, потом отошла в противоположный конец комнаты, пока служители помогали ему отлить жидкость в кувшин. Она перелила мочу во флакон отца и рассмотрела ее, поднеся к пламени свечи. Верхний слой, который говорил о голове, был теперь почти прозрачным. С этим воином будет все в порядке. Так она ему и сказала на его родном языке. Потом он снова уснул.

Она все же решила немного поспать в больнице. Ей постелили на одной из лежанок и отгородили ее ширмой. Джеана сняла сапожки и легла прямо в одежде. Она поступала так много раз. Врач должен научиться спать где угодно в те короткие промежутки свободного времени, которые ему выпадают.

Перед тем как Джеана уснула, ей в голову пришла одна мысль: кажется, она только что согласилась оставить городские удобства и двор эмира, чтобы отправиться в зимний поход — туда, куда готовится эта экспедиция. Она даже не спросила их об этом. Никто не устраивает походы зимой.

— Ты идиотка, — вслух пробормотала она и почувствовала, что улыбается в темноте.

Утром батиарец вспомнил имя своей матери, понял, где он находится, назвал день недели и имена своих командиров. Когда она спросила, несколько смущаясь, имя его отца, он залился пунцовым румянцем.

Разумеется, Джеана изо всех сил постаралась никак не реагировать на это. И тут же поклялась себе именем Галинуса, отца всех врачевателей, что скорее умрет, чем расскажет об этом Аммару ибн Хайрану или Родриго Бельмонте.

Эту клятву, по крайней мере, она сдержала.

Глава 9

Ветер дул с севера. Язир ощущал вкус соли в воздухе, хотя они находились в песках Маджрити и до моря надо было ехать верхом полдня. Было холодно.

За спиной хлопала ткань шатров — налетал ветер и теребил ее. Они забрались так далеко на север и встали лагерем, чтобы встретиться с гостем.

На побережье, невидимый за высокими, подвижными дюнами, лежал новый порт Абенивин, его стены служили укрытием от ветра. Язир ибн Кариф предпочел бы стать мертвым в царстве Ашара среди звезд, чем зимовать в городе. Он плотнее закутался в плащ. Поднял глаза на солнце. Солнце не представляло угрозы теперь, на грани зимы и так далеко на севере, оно выглядело бледным диском на небе с несущимися наперегонки облаками. Еще оставалось немного времени до того, как в третий раз призовут на молитву. Они могли продолжить этот разговор.

Однако какое-то время никто не произносил ни слова. Их гость явно был этим встревожен. Это хорошо, в целом; встревоженные люди, это Язир знал по опыту, скорее выдают себя.

Язир посмотрел на брата и увидел, что тот стянул вниз повязку, закрывающую нижнюю часть лица. Галиб давил панцири жуков и высасывал из них сок. Старая привычка. Из-за этого его зубы были покрыты пятнами. Их гость ранее отказался от предложенного блюда. Это, разумеется, было оскорблением, но Язир уже привык к манерам их собратьев, обитающих по ту сторону залива, в Аль-Рассане, и это его не слишком трогало. Галиб был более импульсивным человеком, и Язир видел, как брат борется с гневом. Гость, разумеется, об этом не подозревал. Ужасно продрогший и явно недовольный дурно пахнущим, колючим плащом из верблюжьей шерсти, который они ему подарили, он неловко сидел на одеяле для встреч перед Язиром и шмыгал носом. Он болен, так он им сказал. Он очень много говорил, их посетитель. Долгое путешествие в Абираб и затем вдоль побережья до места зимовки предводителей мувардийцев наградило его болезнью головы и груди, объяснил он. Он дрожал, словно девушка. Язир ясно видел презрение Галиба, но человек из-за пролива этого тоже не замечал, даже когда Галиб спустил повязку.

Язир уже давно понял — и пытался заставить понять брата, — что изнеженная жизнь в Аль-Рассане не только превратила тамошних мужчин в неверных, она сделала их почти женщинами. Собственно говоря, даже более жалкими, чем женщины. Ни одна из жен Язира не могла выглядеть так убого, как этот принц Хазем Картадский, у которого на этом слабом ветерке из носа текло, словно у ребенка.

И этот молодой человек, как ни прискорбно, исповедовал истинную веру. Один из истинных, преданных последователей Ашара в Аль-Рассане. Язир вынужден был все время напоминать себе об этом. Этот человек уже давно переписывался с ними. Теперь он сам приехал в Маджрити, проделав долгий путь в столь трудное время года, чтобы изложить свою просьбу двум вождям мувардийцев здесь, на одеяле, перед хлопающими шатрами в бескрайней пустыне.

«Возможно, он надеялся встретиться с ними в Абирабе или, в худшем случае, в Абенивине», — подумал Язир. Города и дома — это то, что знакомо изнеженным мужчинам Аль-Рассана. Постели с душистыми перинами, подушки, на которые можно прилечь. Цветы и деревья, и зеленая трава, и больше воды, чем любой человек мог бы использовать за всю свою жизнь. Запретное вино и обнаженные танцовщицы, и раскрашенные женщины джадитов. Наглые торговцы-киндаты, эксплуатирующие истинно верующих и поклоняющиеся своим женщинам-лунам, а не святым звездам Ашара. Мир, где в ответ на призыв колоколов на молитву люди небрежно кивают головой в сторону храма или даже этого не делают.

По ночам Язиру снился пожар. Огромный пожар, сжигающий Аль-Рассан и земли к северу от него, в королевствах Эспераньи, где поклонялись убийственному солнцу в насмешку над звезднорожденными детьми пустыни. Он мечтал об очищающем пламени, которое сожжет зеленую, соблазнительную землю дочерна и снова превратит ее в пески, зато очистит и подготовит к новому рождению. И тогда святые звезды смогут посылать вниз чистые лучи, а не отвращать свой лик в ужасе от того, что творят люди внизу, в сточных колодцах своих городов.

Тем не менее Язир ибн Кариф из племени зухритов был осторожным человеком. Еще до подлого убийства последнего халифа в Силвенесе ваджи добирались через пролив к ним с бра-

том, год за годом, умоляя, чтобы их племена хлынули на север через море и предали неверных огню.

Язир не любил корабли; и воду тоже не любил. У них с Галибом и так было полно дел, ведь приходилось держать под контролем племена пустыни. Он предпочитал некрупную игру в кости под прикрытием своей накидки — эта игра напоминала осторожную древнюю игру с настоящими костями, распространенную в пустыне, — и разрешил некоторым из своих воинов отправиться на север в качестве наемников. Но для того чтобы служить не ваджи, а тем самым правителям, против которых они выступали. Мелкие правители Аль-Рассана имели деньги и платили за хороших воинов. Деньги приносили пользу; на них можно было купить еду на севере и на востоке в трудное время года, нанять каменщиков и кораблестроителей — людей, как нехотя признавал Язир, без которых мувардийцам невозможно обойтись, если они не хотят исчезнуть, подобно текучим пескам.

Информация также оказывалась полезной. Его воины присылали домой все свое жалованье, а вместе с деньгами приходили известия о событиях в Аль-Рассане. Язир и Галиб знали о многом. Кое-что из этих сведений было понятным, кое-что — нет. Они узнали, что во дворцах правителей имеются дворы и даже общественные площади в городах, где воде позволено свободно течь из труб, выходящих изо рта скульптур в виде животных, а потом убегать прочь без всякой пользы. В это почти невозможно было поверить, но эта сказка слишком часто повторялась, чтобы быть ложью.

В одном сообщении даже говорилось — и это уже явно было сказкой, — что в Рагозе, где киндат-чародей околдовал слабого эмира, река протекает прямо сквозь дворец. Сообщалось, что водопад устроен даже в спальне у этого колдуна, и там этот злодей соблазняет беспомощных ашаритских женщин, срывает цветы их девственности и упивается своим торжеством над звезднорожденными.

Язир беспокойно пошевелился под своим плащом; мысль об этом наполнила его тяжким гневом. Галиб покончил с жуками, отодвинул от себя глиняное блюдо, снова натянул на лицо ткань и что-то тихо пробормотал.

— Простите? — Картадский принц подскочил от неожиданности, услышав это. И шмыгнул носом. — Мои уши. Простите. Я не расслышал. Что вы сказали?

Галиб посмотрел на Язира. Становилось все более очевидным, что ему хочется прикончить этого человека. Это можно понять, но, по мнению Язира, мысль была неудачной. Язир был старшим братом. Галиб в большинстве случаев ему подчинялся. Он предостерегающе прищурился. Разумеется, от гостя все это ускользнуло; от него все ускользало.

С другой стороны — вдруг напомнил себе Язир, — Ашар учил, что помощь истинно верующим является высшим проявлением набожности, самым значительным после гибели в священной войне, а этот человек — этот Хазем ибн Альмалик — стоял ближе к истинной вере, чем все предыдущие принцы Аль-Рассана с незапамятных времен. В конце концов, он уже здесь. Он приехал к ним. Это приходится учитывать. Если бы только он не был таким жалким, изнеженным подобием мужчины.

— Ничего, — проворчал Язир.

— Что? Я прошу...

— Мой брат ничего не сказал. Не надо так волноваться. — Он старался произнести это милостиво. Доброта не входила в число его прирожденных достоинств. И терпение тоже, хотя он долгие годы старался приучить себя к нему.

Его мир теперь отличался от тех времен, когда они с Галибом привели зухритов с запада и смели все остальные племена, залив красной кровью пески на своем пути. Это произошло более двадцати лет назад. Они еще были молоды. Халиф Силвенеса послал им дары. Потом следующий халиф, и следующий за ним, пока не убили последнего.

Почти все эти годы в песках лилась кровь. Племена пустыни никогда легко не покорялись власти. Двадцать лет — очень долгий срок для ее сохранения. Достаточно долгий, чтобы построить на побережье два города, оснащенных верфями и складами, и еще три поселения в глубине суши, с базарами, на которые стекалось золото с юга, а потом растекалось оттуда в длинных караванах. Они служили признаками постоянства на изменчивом лике пустыни. Началом чего-то большего.

Следующая ступень постоянства для мувардийцев, тем не менее, находилась за границей песков. Это становилось все более ясным Язиру по мере того, как сменяли друг друга времена года и звезды на небе.

Галиб наотрез отвергал саму мысль об отказе от привычной жизни в пустыне, но не идею о священной войне на той стороне пролива. Эта идея ему нравилась. Галиб умел убивать. Он не слишком подходил на роль вожака племени в мирное время и не умел строить то, что могло бы остаться после него его сы-

новьям и сыновьям его сыновей. Язир, который так много лет назад явился с запада с вереницей верблюдов и с мечом, с пятью тысячами воинов и ярким, четким образом Ашара в душе, старался стать именно таким человеком.

Аскет ибн Рашид, ваджи, который пришел к племенам зухритов на крайнем западе и принес учение Ашара с так называемой родной земли, которую никто из мувардийцев никогда не видел, одобрил бы это, Язир был в этом уверен.

Ваджи, худой и высокий, с неопрятной седой бородой и нечесаными волосами, с черными глазами, которые умели читать в душе собеседника, обосновался вместе с шестью учениками в нескольких шатрах среди самых диких народов пустыни. Язир и его брат, сыновья вождя зухритов, однажды пришли, чтобы посмеяться над этим новым, безобидным безумцем в его поселении, где он проповедовал видения другого безумца, в другой пустыне, в далекой земле под названием Сорийя.

Их жизнь изменилась. Жизнь Маджрити изменилась.

Истины Ашара уже некоторое время распространялись по пустыне, еще до того как Рашид прибыл на запад. Но ни одно из других племен не приняло эти истины и не стало их проповедовать так решительно, как зухриты, когда Язир и Галиб повели их на восток — они все закрывали лица по примеру ибн Рашида, — на священную, очистительную войну.

Язир провел почти половину жизни, стараясь заслужить одобрение своих ваджи, даже после того как ибн Рашид умер и лишь его гремящие кости и череп сопровождали Язира и Галиба в их странствиях. Он по-прежнему старался измерять свои поступки тем, как оценили бы их глаза ваджи. Трудно было превращаться из простого воина, сына пустыни и звезд, в вождя в скользком мире городов и денег, дипломатов и эмиссаров из-за пролива или с далекого востока. Очень трудно.

Теперь ему нужны были писари, люди, которые умели расшифровывать послания, приходящие из других земель. В черточках на пергаменте заключались гибель людей и осуществление или отрицание звездных видений Ашара. С этим трудно было смириться.

Язир часто завидовал брату, его ясному подходу ко всему. Галиб не изменился, не видел причин меняться. Он все еще оставался военачальником зухритов, прямым и неудержимым, как ветер. Взять, к примеру, сидящего перед ними человека. Для Галиба он был меньше чем человеком, он сопел носом и оскорбил их отказом от предложенной ими еды. Следовательно, его нужно было убить. Тогда, по крайней мере, можно было бы поразвлечься за его счет. Галиб знал множество способов убить человека. «Этого, — подумал Язир, — вероятно, кастрировали бы и отдали воинам — или даже женщинам». Галибу такое решение представлялось чем-то само собой разумеющимся.

Язир, сам сын жестокой пустыни, почти согласился с братом, но продолжал свою долгую борьбу за другой взгляд на вещи. Хазем ибн Альмалик был принцем из-за моря. Он мог бы править Картадой, если бы обстоятельства хотя бы слегка изменились. Он явился сюда просить Язира и Галиба изменить эти обстоятельства. Это означало бы, сказал он им, что на престоле одного из самых могущественных государств Аль-Рассана появится истинно верующий правитель. Он даже согласен наполовину закрыть лицо, как мувардийцы, сказал он.

Язир не знал, что такое престол, но понял, о чем его просят. Он был совершенно уверен, что его брат тоже понял, но у Галиба к этому другое отношение. Галибу вряд ли есть дело до того, кто правит Картадой в Аль-Рассане. Ему совершенно безразлично, наденет ли этот человек повязку на лицо, предписанную ибн Рашидом людям племени, чтобы отгородить себя от нечестивых. Ему просто хочется получить возможность снова начать войну во имя Ашара и бога. Война — это хорошо, священная война — самая лучшая вещь в мире.

Но иногда человек, стремящийся создать нацию из разобщенных племен, сделать ее ощутимой силой в мире, чем-то большим, чем струйки песка, должен стараться сдерживать свои желания или подняться выше их.

Язир, сидя на одеяле, на северном ветру, перед приходом зимы, чувствовал, как его внутренности разъедает неуверенность. Никто не предупредил его, что лидерство, такое лидерство, плохо сказывается на желудке.

Он начал лысеть много лет назад. Но его череп, обычно прикрытый, загорел так же сильно, как остальные части лица. Галиб, не имеющий других забот, кроме того, как заставить своих воинов убивать врагов, а не друг друга, сохранил длинную черную гриву. Он носил ее стянутой сзади, чтобы не лезла в глаза, и он продолжал носить на шее свой ремешок. Иногда ему задавали вопросы об этом ремешке. Галиб улыбался и уклонялся от ответа, что порождало различные домыслы. Язир знал, что это за ремешок. Он был далеко не брезгливый человек, но думать об этом не любил.

Он снова поднял глаза к заходящему солнцу. До молитвы

осталось совсем мало времени. Некоторых новостей их гость не знал. Путешествие сюда отняло у него много времени; другие выехали позже его, а приехали раньше. Язир еще не представлял, как этим воспользоваться.

— Как насчет джадитов? — спросил он, чтобы с чего-то начать.

Хазем ибн Альмалик при этих словах дернулся, словно зверь, попавший в силки. Он бросил на Язира изумленный, выдавший его взгляд. Это был первый конкретный вопрос, заданный ему братьями. Свистел ветер, гнал песок.

— Джадиты? — непонимающе переспросил он. Язир пришел к выводу, что он несколько туповат. Какая жалость.

— Джадиты, — повторил Язир, словно разговаривал с ребенком. Галиб быстро взглянул на него и отвел глаза, но ничего не сказал. — Насколько они сильны? Нам сказали, что Картада позволяет платить дань всадникам. Это запрещено Законами. Если такая дань выплачивается, на это должна быть причина. Что это за причина?

Хазем вытер мокрый нос. Он воспользовался правой рукой, что было возмутительно. Откашлялся.

— Эта дань — одна из причин моего приезда сюда. Конечно, это запрещено. Это святотатство, и не единственное. Наглые всадники не боятся слабых правителей Аль-Рассана. Даже мой отец унижается перед джадитами, хотя и называет себя Львом.

Он с горечью рассмеялся. Язир ничего не ответил, он слушал и наблюдал, прикрыв веки. Мимо проносился песок, хлопала ткань шатров в лагере. Лаяла собака.

Их посетитель продолжал тараторить:

— Джадиты выдвигают свои требования, и им дают все, чего они просят, несмотря на ясное указание Ашара. Они берут наше золото, они берут наших женщин, они со смехом ездят по нашим улицам, глядя свысока на истинно верующих, насмехаются над нашими слабыми правителями. Им невдомек, что опасность грозит им не со стороны безбожных правителей, а со стороны истинных наследников Ашара, чистых сынов пустыни. Разве вы не придете? Разве не очистите Аль-Рассан?

Галиб заворчал, оттянул вниз ткань и сплюнул.

— Зачем? — спросил он.

Язир удивился. Его брат обычно не интересовался поводом для войны. Внезапно у принца из-за моря прибавилось уверенности; он прямее сел на одеяле. Словно только и ждал их вопросов. Все, кто приплывал к ним из Аль-Рассана за эти годы, вад-

жи и эмиссары, были большими болтунами. Они не носили на лице повязок, возможно, этим объяснялась их разговорчивость. Поэты, певцы, герольды — слова в тех странах лились, как вода. Именно молчание их смущало. Сейчас было уже совершенно очевидно, что их гость не знает о смерти своего отца.

— Кто же еще? — спросил Хазем Картадский и преувеличенно широко развел руками, чуть не задев колено Язира. — Если не придете вы, будут править Всадники Джада. В наше время. И Аль-Рассан будет потерян для Ашара и звезд.

— Он уже потерян, — пробормотал Галиб, снова удивив Язира.

— Так отберите его снова! — быстро произнес Хазем ибн Альмалик. — Он готов встретить вас. Нас.

— Нас? — тихо спросил Язир.

Принц явно постарался сдержаться. Кажется, он испугался. Он сказал:

— Всех нас, кто оплакивает происходящее. Кто носит в душе тяжкий груз того, что джадиты, киндаты и фальшивые, падшие правители творят с землей, некогда могущественной по воле Ашара. — Он заколебался. — Там есть вода, сады и зеленая трава. Высокие злаки вырастают в полях, дождь падает весной, и спелые, сладкие плоды можно собирать с диких деревьев. Несомненно, ваши воины вам об этом рассказывали.

— Они нам многое рассказывали, — сурово ответил Язир, невольно задетый. Он мало верил подобным вещам. Реки, текущие через дворцы? Они считают его глупцом? Он не мог даже представить себе, какие фрукты могли бы расти без ухода, в дикой природе, чтобы любой жаждущий человек рвал их с деревьев. Такие вещи обещаны людям в раю, а не на земных песках.

— Вы послали воинов служить моему отцу, — пронзительным голосом произнес Хазем ибн Альмалик. — Почему вы не хотите повести их для служения Ашару?

Это было оскорбление. Людей подвергали бичеванию и за меньшее. Их связывали и оставляли живыми на солнце с содранной кожей.

— Твой отец убит, — быстро сказал Язир, пока Галиб не сделал чего-нибудь непоправимого. — В Картаде правит твой брат.

— Что? — Юноша вскочил, страх и изумление отразились на его бледном, неприкрытом лице.

Галиб потянулся к копью, лежащему рядом с ним. Одной рукой взмахнул им, почти небрежно, и древко ударило принца под колени. Раздался треск, поглощенный пустынными про-

странствами вокруг. Хазем ибн Альмалик взвыл и повалился на землю.

— Ты не должен вставать, пока не встанет мой брат, — мягко пояснил Галиб. — Это оскорбление. — Он говорил медленно, словно с умственно отсталым.

Он положил копье. Несколько воинов, которые сопровождали их сюда из лагеря, оглянулись, заметив движение. Теперь они опять отвернулись. Эта беседа навевала на них скуку; в последнее время почти все навевало скуку. Осень и зима — трудное время с точки зрения дисциплины.

Язир снова подумал, не отдать ли картадца брату и его воинам. Смерть принца стала бы развлечением, а людям это необходимо. Но он решил не делать этого. На карту поставлено нечто большее, чем казнь на потеху скучающим солдатам. У него было ощущение, что даже Галиб это понимает. Удар древком копья под колени — это для его брата исключительно мягкая реакция.

— Садись, — холодно приказал Язир. Стоны принца начинали действовать ему на нервы.

Забавно, как быстро эти звуки прекратились. Хазем ибн Альмалик с трудом сел. Вытер нос. Опять правой рукой. Некоторые люди понятия не имеют о хороших манерах. Но если они не верят в бога и видения Ашара, как от них ожидать приличного, вежливого поведения? Он напомнил себе еще раз, что этот человек принадлежит к истинно верующим.

— Пришло время молитвы, — сказал Язир картадскому принцу. — Мы вернемся в лагерь. После поедим. Потом ты мне расскажешь все, что знаешь о своем брате.

— Нет-нет. Нет! Я должен вернуться домой. И как можно быстрее. — Впервые этот человек проявил удивительную энергичность. — После смерти отца открывается возможность. Для меня, для всех нас, кто служит Ашару и богу. Я должен отправить письмо городским ваджи! Я должен...

— Пора идти на молитву, — повторил Язир и встал.

Галиб сделал то же самое с грацией воина. Принц с трудом поднялся. Они зашагали обратно. Хазем хромал, стараясь не отставать, и продолжал говорить.

— Это чудесно! — воскликнул он. — Мой проклятый отец мертв. Мой брат слаб, его советник — продажный безбожник, порочный человек, который убил последнего халифа! Мы легко захватим Картаду. Народ будет за нас! Я вернусь домой в Аль-Рассан и скажу им, что вы идете следом. Разве вы не понимаете, это Ашар послал нам дар со звезд!

Язир остановился. Он не любил, когда его отвлекали и мешали готовиться к молитве, а этот человек явно намеревался стать досадной помехой. Существовала также большая вероятность, что Галиб впадет в такое сильное раздражение, что прикончит принца на месте.

Язир сказал:

— Мы идем на молитву. Помолчи сейчас. Но пойми меня: мы никуда не ездим зимой. И ты не поедешь. Ты останешься с нами. На этот сезон ты — наш гость. Весной мы снова устроим совет. В течение зимы я не хочу, чтобы ты говорил, пока к тебе не обратится один из нас. — Он сделал паузу, потом продолжал, стараясь говорить мягко, успокаивающе. — Я говорю это ради твоей безопасности, понимаешь? Ты находишься там, где все не так, как ты привык.

У гостя отвисла челюсть. Он протянул руку — правую руку, увы, — и схватил Язира за рукав.

— Но я не могу остаться! — воскликнул он. — Я должен вернуться. До зимних штормов. Я должен...

Больше он ничего не сказал. Он посмотрел вниз, на его лице отразилось тупое изумление. Это было почти забавно. Галиб отрубил оскорбившую брата руку у запястья. Он уже прятал меч в ножны. Хазем ибн Альмалик, принц Картады, посмотрел на кровоточащий обрубок на месте своей правой руки, издал сдавленный звук горлом и потерял сознание.

Галиб без всякого выражения смотрел на него.

— Отрезать ему язык? — спросил он. — Он не переживет зиму со своими разговорами. Он не выживет, брат. Кто-нибудь его убьет.

Язир обдумал его предложение. Галиб почти наверняка прав. Он вздохнул и покачал головой.

— Нет, — с неохотой ответил он. — Нам действительно необходимо с ним поговорить. Этот человек нам еще может пригодиться.

— Человек? — Галиб приспустил повязку и сплюнул.

Язир пожал плечами и отвернулся.

— Пойдем. Пора на молитву.

Он повернулся и пошел дальше. У Галиба был такой вид, будто он хотел возразить. Язир очень ясно представил себе, как брат отрезает язык этому человеку. Перспектива заставить его молчать была заманчивой. Он вообразил, как Галиб стоит на коленях, достает нож, голова картадца покоится на его левом колене, язык вынут так далеко, как только возможно, лезвие...

Галиб делал это много раз. У него это хорошо получается. Язир чуть было не передумал. Но все же не передумал.

Он не оглядывался. Через несколько секунд он услышал, что его брат следует за ним. В большинстве случаев Галиб все еще следовал за ним. Язир махнул рукой, и три воина подняли картадца. Он может умереть от раны, но это маловероятно. В пустыне умели лечить такие раны. Хазем ибн Альмалик выживет. Он никогда не узнает, что его жизнь и его речь подарил ему Язир. Некоторым людям просто невозможно помочь, как ни старайся.

Язир присоединился к ваджи и соплеменникам в селении. Они его ждали. Колокол прозвонил, его звук на ветру показался тихим и хрупким. Они спустили повязки с лица и стали молиться на открытом пространстве единственному богу и его любимому слуге Ашару, их открытые лица были обращены туда, где находилась такая далекая Сорийя. Они молили о силе и милосердии, о чистоте души и бренного тела, о воплощении звездных видений Ашара и о ниспослании милости в конце жизни среди земных песков получить доступ в рай.

* * *

Его предупредили заранее, но этого оказалось недостаточно. Король Рамиро Вальедский сидел на троне под тройной аркой в заново отстроенном зале приемов. Он остро почувствовал беду, как только посетители вошли в зал.

Рамиро бросил быстрый взгляд на жену и отметил румянец на ее лице, который лишь подтвердил его опасения. Инес сегодня утром приложила большие усилия, чтобы приукрасить себя. Неудивительно; то были гости из Фериереса, с ее родины.

По другую сторону от нее, на шаг позади трона, стоял его министр, граф Гонзалес де Рада, и с обычным высокомерием смотрел на посетителей. Это неплохо, но Рамиро почти не сомневался, что де Рада не подозревает о том, какое значение могут иметь эти люди для Вальедо.

В этом тоже не было ничего удивительного. Гонсалес обладал острым умом и добивался своего прямыми путями, но его проницательность не выходила за рамки трех королевств Эсперaньи. Он мог делать прозорливые замечания насчет намерений брата короля Рамиро в Руэнде или его дяди в Халонье и предлагать меры по их сдерживанию, но священнослужители из стран за горами для него не представляли интереса, и поэтому он о них не задумывался.

Вот почему предупреждения оказалось недостаточно. Пять

служителей бога, один из них высокопоставленный, остановились здесь по приглашению королевы, по дороге к гробнице на острове Васки. Что это могло значить? Гонзалес едва ли задумывался об этом. И король тоже, о чем сейчас все больше сожалел.

Ничем не выдавая своих дурных предчувствий, Рамиро Вальедский вежливо смотрел на мужчину, идущего по ковровой дорожке к трону, в нескольких шагах впереди своих спутников. Некоторые люди одним своим присутствием заставляли насторожиться и почувствовать начало чего-то значительного. Этот был из таких людей.

Жиро де Шерваль, верховный клирик Фериереса, был таким высоким, что мог смотреть на любого из мужчин в этом зале свысока, в том числе и на короля. Его лицо было выбрито до гладкости кожи ребенка, седые волосы зачесаны ото лба назад, отчего он казался еще выше. Его глаза, даже на таком расстоянии от трона, были пронзительно голубыми под прямыми бровями, нос длинный и тонкий, рот широкий. У него была величественная осанка патриция, он держался как посол при дворе более мелкого правителя, а не как слуга господа перед монархом. В своих синих одеждах духовенства Фериереса с желтыми каймой и поясом, символизирующими солнце, Жиро де Шерваль, бесспорно, выглядел импозантным.

Король не заметил на этом аристократическом лице никакого почтения. Не нашел он его, бросив быстрый взгляд, и на лицах четырех менее значительных клириков, которые теперь остановились за спиной у Шерваля. Никакой враждебности или агрессивности, никаких подобных проявлений дурного тона, но священникам и не требуется быть враждебно настроенными, чтобы навлечь большую беду. А у Рамиро с опозданием возникло ощущение, что именно беда явилась под его арки и встала на только что разостланные ковры и на мозаики в это холодное и дождливое осеннее утро.

Знание того, что именно его жена попросила принять этих людей, не приносило облегчения.

Он плотнее закутался в одежды с меховым воротником. Краем глаза он увидел, как Гонзалес подал незаметный знак и слуги поспешили развести огонь. Его министр проявлял бесконечную заботу об удобствах короля в таких мелочах. К сожалению, здесь он упустил нечто крупное. С другой стороны, Рамиро тоже это упустил, и не в его привычках было укорять других за те промахи, которых не избежал он сам.

— Добро пожаловать в Вальедо, — спокойно произнес он,

когда высокий священник остановился на должном расстоянии от трона. — Во имя святого Джада.

Тут Жиро из Фериереса поклонился — не раньше, как отметил Рамиро. Поклон, однако, был подобающе глубоким и официальным. Потом Жиро выпрямился.

— Вы оказали нам честь, выше величество. — Голос верховного клирика был звучным и хорошо поставленным. Он говорил на безупречном эсперанском и даже с аристократическим пришептыванием. — Для нас большая честь получить приглашение от нашей дорогой Инес, вашей преданной королевы, и быть принятыми вашим королевским величеством. Только перспектива пожить с комфортом зимой здесь, при знаменитом дворе Эстерена, могла заставить нас пуститься в путь через горы в такое время года.

Значит, никаких экивоков. С первых же слов. Они остаются. Не совсем неожиданность, хотя они, возможно, все же намереваются ехать дальше, в Руэнду. Это было бы приятно. Рамиро видел, что Инес, сидящая рядом с ним, широко улыбается, элегантная и желанная. Она уже давно ожидала этого.

— Мы предложим вам такой комфорт, какой в наших силах, — сказал король, — хотя боюсь, нам не сравниться со славой Фериереса по части радостей плоти. — Он улыбнулся, давая понять, что шутит.

Верховный клирик покачал головой. На его лице появилось выражение укоризны. Уже.

— Мы ведем простую жизнь, государь, — тихо сказал он. — Мы вполне удовлетворимся любыми скромными помещениями и теми удобствами, которые вы сможете нам предоставить. Мы черпаем силы и получаем удовольствие от сознания присутствия господа в этой мощной твердыне Джада на западе.

Рамиро постарался ничем не выдать своих чувств. Он знал, что Инес уже выделила и роскошно обставила апартаменты из смежных комнат для клириков из Фериереса в новом крыле дворца, на тот случай, если они решат задержаться на более долгий срок. Там даже есть часовня, построенная по ее настоянию. Жиро де Шервалю не придется довольствоваться скромными помещениями во дворце. Король также знал о подробной переписке между королевой и священниками ее родины. Конечно, неприлично было бы показать, что ему это известно. Ему очень захотелось поступить вопреки приличиям.

— Мы уверены, что наша возлюбленная королева приложила все усилия, чтобы в точности выполнить ваши указания относительно удовлетворения ваших потребностей. В ваши комнаты

проведена горячая вода, каждый день, после обеда, к вашим услугам личный массажист. Та пища, которая вами указана. Фарленское вино, как вы просили.

Он радушно улыбался. Инес рядом с ним застыла. Жиро де Шерваль на секунду смешался, потом, по обычаю всех церковников, напустил на себя грустный вид. Ответить на это ему было нелегко. «Полезно, — подумал Рамиро, — осадить их сразу же, как коня, которого нужно объездить, пока не полились эти бесконечные гладкие, округлые фразы». Тем не менее он сомневался, что этого человека можно осадить. И через мгновение его сомнения подтвердились.

— Я весьма сожалею, что мои преклонные годы вызвали необходимость просить о некоторых одолжениях из сочувствия к ним у тех, кто оказал нам честь, пригласив нас погостить. Особенно в зимнее время. Ваше величество еще молоды, в самом расцвете дарованных господом сил. Те из нас, кто стоит в начале увядания, может лишь смотреть на вас, как на нашу надежную опору под святым солнцем Джада.

Этого он и ждал. Такого не усмиришь, как удавалось ему много лет усмирять здешних священников в желтых одеждах. Людей непостоянных, честолюбивых, но не имеющих лидера и не обладающих силой. Даже не глядя на них, он мог представить себе их самодовольные лица. Теперь у них появился защитник, и положение дел может вот-вот измениться. Ну, ему следовало знать, что так и будет. Ему следовало больше думать об этом. Некого винить, кроме себя, за то, что он согласился на просьбу Инес пригласить одного из верховных клириков с ее родины остановиться у них по пути на остров — ради ее душевного спокойствия.

Ему было известно имя де Шерваля, известно, что он — сильная фигура. Дальше этого король не задумывался. Его слабое место. Он не любил думать о клириках. Он смутно помнил тот день, когда она попросила у него разрешения пригласить этого человека. Он тогда чувствовал себя расслабленным и сонным после занятий любовью. «Его королева, — подумал Рамиро Вальедский, глядя прямо перед собой, — слишком хорошо его знает».

Он заставил себя еще раз улыбнуться высокому седовласому мужчине в роскошных, синих с золотом одеждах.

— Вряд ли вам понадобится наша поддержка здесь этой зимой. Разве что против холода и скуки. Мы сделаем все возможное, чтобы вам было удобно во время вашего недолгого пребывания у нас. — Он позволил себе тоном намекнуть на заверше-

ние аудиенции. Возможно, эту первую встречу, по крайней мере, удастся сделать короткой. Это даст ему время немного подумать.

Выражение лица де Шерваля стало мрачным, встревоженным.

— Видит бог, мы боимся не за себя и не за наши удобства, милостивый король. Мы приехали сюда по трудным дорогам, подгоняемые мыслями о Детях Джада, которые обитают не на землях Эсперанъи, под благосклонным правлением королей. Вот что, признаюсь, делает для меня тяжелой наступающую зиму.

Ну, напрасно он надеялся, первую встречу не удастся сделать короткой. И теперь беда ждала впереди, подобно лесу копий. Рамиро ничего не сказал. Еще оставалась возможность пока отодвинуть самое худшее. Ему действительно необходимо время, чтобы подумать.

— Что вы имеете в виду, святой отец? — Вопрос Инес был задан со всей серьезностью. Ее руки сжимали солнечный диск на коленях, лицо выражало тревожную озабоченность. Король Вальедо про себя выругался, но не позволил отразиться на своем лице даже тени истинных чувств.

— Как могу я не думать о наших истинных братьях по вере, которые вынуждены еще одну зиму страдать от жестоких мучений под игом неверных почитателей Ашара? — произнес Жиро де Шерваль. Произнес гладко, плавно, печально. Достаточно громко, чтобы его услышал весь двор.

«Вот оно, началось, — мрачно подумал Рамиро. — Явилось вместе с этим уверенным, опасным человеком из Фериереса. Де Шерваль приехал сюда для того, чтобы сказать именно эти слова. Сказать их сегодня утром, а потом повторять снова и снова, пока не заставит королей, и всадников, и фермеров с полей плясать под его дудку и погибать».

Несмотря на прежнее решение, Рамиро ощутил в себе вспышку гнева против министра. Гонсалесу следовало быть к этому готовым. Разве это не входит в его обязанности? Неужели только он, король, должен все планировать и быть готовым к любым важным событиям? Собственно говоря, он знал ответ на этот вопрос.

Некого винить, кроме себя. Король подумал о Родриго Бельмонте в далеком Аль-Рассане. Сосланном к неверным. При дворе даже не знают, куда он отправился. Капитан пообещал не нападать на Вальедо вместе с кем бы то ни было; пообещал только это, но не больше. Он был человеком Раймундо, его другом детства, а потом министром. Он не до конца доверял Рамиро, и Рамиро не доверял ему, если уж на то пошло. Смерть Раймундо.

Тени вокруг нее. Слишком сложная история. А Бельмонте — слишком гордый, слишком независимый человек. Но необходимый, крайне необходимый ему сейчас.

— Но что же мы можем сделать, святой отец? — спросила Инес, поднимая к груди сжатые руки. — Сердца наши преисполняются тяжелым чувством от ваших слов. — Ее золотой диск сиял в мягком свете, льющемся в новые окна. Снаружи пошел дождь, король слышал, как тяжелые капли стучат по стеклу.

Если бы Рамиро не знал свою королеву, он мог бы подумать, что это де Шерваль вложил эти слова в ее уста, так удачно они вели к началу его следующей речи. Королю захотелось зажмуриться, зажать уши. Захотелось немедленно оказаться подальше отсюда, скакать на коне под дождем. Прозвучали слова вполне предсказуемые, но от этого не менее звучные и требовательные.

— Мы можем сделать то, что могут сделать облеченные святой миссией Джада на земле, не больше и не меньше, достопочтенная королева. Проклятого Халифата ашаритов больше не существует, — изрек Жиро де Шерваль и замолчал в ожидании.

— Вот это свежая новость, — саркастическим тоном произнес Гонзалес де Рада, своим красивым голосом разрушив созданное настроение. — Пятнадцатилетней давности. — Он взглянул на короля. Рамиро стало ясно: граф наконец понял, куда целит гость, и пытается уклониться.

Разумеется, уже слишком поздно.

— Но есть и более свежие новости, как я понимаю, — невозмутимо ответил высокий клирик из Фериереса. — Злобный правитель Картады теперь тоже умер, его призвал на черный суд Джад, как призывает всех неверующих. Несомненно, этим нам ниспослан знак! Раз вожак этих шакалов погиб, настала пора действовать!

Он возвысил голос, плавно доведя его до первого крещендо. Рамиро уже слышал подобное, но не в исполнении такого мастера. Он ждал, охваченный чем-то вроде восторженного ужаса.

— Действовать? Сейчас? — Гонзалес даже не старался скрыть иронию. — Немного холодновато, не правда ли?

Еще одна неплохая попытка, и сами слова, и сухой тон, но Жиро де Шерваль отразил и ее:

— Огонь бога согревает тех, кто служит его воле! — Его взгляд, брошенный на министра, был укоризненным и непреклонным. Вряд ли Гонзалес де Рада стерпит подобное, это король знал на собственном опыте и подумал, не вмешаться ли ему прежде, чем произойдет нечто серьезное.

Но тут неожиданно священник улыбнулся, как мог бы улыбнуться любой. Его суровое лицо смягчилось, он понизил голос.

— Конечно, я не говорю о войне зимой. Надеюсь, я не настолько глуп. Я знаю, что такие дела требуют проведенного без спешки планирования, подходящего времени года. Это дело храбрых воинов, таких, как доблестные правители Эсперанъи и их легендарные всадники. Я лишь могу стараться, насколько это в моих слабых силах, содействовать разжиганию праведного огня и сообщить вам новости, которые, возможно, вдохновят вас.

Он ждал. Повисло молчание. Дождь барабанил в окна. В одном из очагов сдвинулось полено, затем упало с треском, рассыпая искры. Рамиро думал, что Инес задаст вопрос, которого от нее ждали, но она молчала. Он посмотрел на нее. Она опустила солнечный диск на колени и смотрела на священника, прикусив губу. Теперь выражение ее лица невозможно было понять. Король внутренне пожал плечами. Игра началась, и в нее придется доиграть до конца.

— Какие новости? — вежливо спросил он.

Улыбка Жиро де Шерваля стала ослепительной. Он сказал:

— Я так и думал. Вы еще не знаете. — Он помолчал, повысил голос. — Так услышьте известие, которое заставит возрадоваться сердца и вознести хвалу господу: король Фериереса и оба графа Валески, самые могучие правители Нижних земель Карша и большая часть знати Батиары объединились, чтобы начать войну.

— Что? Где? — на этот раз резкие слова сорвались с губ Гонзалеса.

Улыбка священника стала еще более торжествующей. Его голубые глаза сияли.

— В Сорийе, — прошептал он в полной тишине. — В Аммузе. На пустынных землях неверных, где запрещают Джада и проклинают его дарующее жизнь солнце. Армия господа уже собирается. Она перезимует на юге, у моря, в Батиаре, а весной сядет на корабли. Но уже состоялась первая битва этой священной войны. Мы узнали об этом, перед тем как приехать к вам.

— Где произошла эта битва? — Это снова спросил Гонзалес.

— В городе под названием Сореника. Вы его знаете?

— Знаю, — тихо ответил Рамиро. — Это город киндатов на юге Батиары, отданный им в собственность давным-давно, в благодарность за помощь, оказанную принцам Батиары в мирное и военное время. Какие армии ашаритов находились там, могу я узнать?

Улыбка Жиро померкла. Теперь его глаза стали холодными.

Он запоздало распознал возможного врага. «Осторожнее», — сказал себе Рамиро.

— Вы думаете, что так называемые звезднорожденные пустыни — единственные неверные, с которыми нам следует бороться? Разве вы не знаете об обрядах, которые киндаты выполняют в ночи двух полных лун?

— Большинство из них знаю, — хладнокровно ответил Рамиро Вальедский. Кажется, он все же не собирался быть осторожным. Его медленный, глубокий гнев начал пробуждаться. Он страшился этого гнева, но не настолько, чтобы противиться ему. Он чувствовал, что жена смотрит на него. А он в упор смотрел на священника из Фериереса. — Я подумывал о том, чтобы пригласить киндатов вернуться, видите ли. Нам необходима их промышленность и их знание Вальедо. Нам здесь необходимы всякие люди. Мне хотелось узнать как можно больше о верованиях киндатов, до того как я начну действовать дальше. Я ничего не слышал и не читал о том, что кровавые жертвоприношения входят в число обрядов их веры.

— Пригласить их вернуться? — Хорошо поставленный голос Жиро де Шерваля вышел из-под контроля. — В то самое время, когда все правители джадитского мира объединяются для того, чтобы очистить мир от ереси? — Он повернулся к Инес: — Вы нам ничего об этом не сообщали, госпожа. — Слова прозвучали как обвинение, мрачно и сурово.

У Рамиро лопнуло терпение. Это уже слишком.

Но не успел он заговорить, как его королева, его благочестивая, преданная королева из Фериереса ответила:

— А почему, святой отец, я должна сообщать вам о подобных вещах? — Ее тон был резким, царственным, поразительно холодным.

Жиро де Шерваль, совершенно к этому не готовый, невольно отступил назад. Инес продолжала:

— Почему планы моего дорогого повелителя и супруга насчет нашей собственной страны должны стать предметом обсуждения в нашей с вами переписке по поводу вашего паломничества? Мне кажется, вы переходите границы, святой отец. Я жду от вас извинений.

Рамиро был потрясен не меньше, чем человек, к которому были обращены эти слова. Он никогда не ожидал поддержки со стороны Инес против верховного клирика. Он даже не смел взглянуть на нее. Ему был очень хорошо знаком этот ледяной тон; чаще всего она использовала его против него самого, за тот или иной грех.

Жиро де Шерваль, щеки которого теперь покраснели, ответил:

— Конечно, я прошу прощения за то оскорбление, которое, по мнению королевы, ей нанесено. Но скажу вот что: не существует внутренних, личных дел ни в одном королевстве джадитов, когда речь идет о неверных, ашаритах или киндатах. Их судьбу должны решать служители господа.

— Так и жгите их сами, — мрачно произнес Рамиро Вальедский. — Или, если вы хотите, чтобы мужчины умирали, а женщины рисковали потерять все, что имеют, ради вашего дела, говорите немного потише, особенно в королевском дворце, где вы являетесь гостем.

— У меня вопрос, — внезапно сказала Инес. — Можно? — Она посмотрела на короля. Рамиро кивнул. Он все еще не мог поверить в то, что с ней произошло. Она спросила: — Кто затеял эту войну? Кто призвал армии?

— Служители Джада, разумеется, — ответил Жиро, все еще красный. Его непринужденная улыбка исчезла. — Под руководством тех из нас, кто живет в Фериересе, конечно.

— Конечно, — сказала Инес. — Тогда скажите мне, почему вы здесь, святой отец? Почему вы не в той могучей армии в Батиаре, которая готовится совершить долгое путешествие в дальние, опасные восточные земли?

Рамиро никогда еще не видел свою жену такой. Он снова посмотрел на нее с откровенным изумлением. Но его собственное изумление, как он видел, не шло ни в какое сравнение с изумлением священника.

— Есть неверные ближе к дому, — загадочно ответил Жиро.

— Конечно, — пробормотала Инес. Выражение ее лица было простодушным. — А Сорийя так далеко, путешествие морем так утомительно, и война в пустыне так опасна. Кажется, я начинаю понимать.

— Не думаю, что вы понимаете. Я думаю...

— Я устала, — произнесла королева и встала. — Простите меня. Женское недомогание. Возможно, мы продолжим этот разговор в другое время, ваше величество? — Она посмотрела на Рамиро.

Все еще не веря своим ушам, король поднялся.

— Конечно, госпожа моя, — ответил он. — Если вы себя плохо чувствуете... — Он протянул руку, она взяла ее. Он явственно почувствовал, как жена сжала его пальцы. — Граф Гонзалес, не будете ли вы так любезны проводить наших уважаемых гостей?

— Почту за великую честь, — произнес в ответ Гонзалес де Рада.

Он щелкнул пальцами. Восемь человек вышли вперед и с двух сторон окружили клириков из Фериереса. Рамиро вежливо кивнул головой и стал ждать. Жиро де Шервалю, с лица которого еще не сошла краска, ничего не оставалось, как поклониться. Рамиро повернулся, и Инес пришлось описать полукруг, держась за его руку, словно в танце — хотя она никогда не танцевала, — и они вышли через новые бронзовые двери позади трона.

Двери закрылись за ними. Они очутились в небольшом укромном помещении, изящно обставленном, с коврами и только что купленными гобеленами. На столе у одной из стен стояло вино. Рамиро быстро подошел к столу и наполнил бокал. Залпом выпил его, налил второй и тоже опустошил.

— Да падет проклятие Джада на этого невыносимого человека! Можно мне тоже немного вина? — попросила королева.

Король быстро обернулся. Слуги уже вышли. Они остались одни. Он не помнил, что когда-либо видел на лице Инес подобное выражение. Скрывая свое замешательство, он быстро налил ей вина, смешал с водой и поднес ей бокал.

Она взяла бокал, глядя на него.

— Прости меня, — сказала она. — Я навлекла это на нас, да?

— Неприятного гостя? — Ему удалось улыбнуться. Глядя на нее, он ощущал странное веселье. — Мы справлялись с такими и раньше.

— Но он — нечто большее, правда? — Он смотрел, как его королева отпила из бокала. Поморщилась, но сделала второй глоток. Неожиданно хорошее настроение улетучилось так же быстро, как нахлынуло.

— Да, — ответил он, — этот человек — нечто большее. То есть не он сам по себе, а те новости, которые он принес.

— Я знаю. Священная война. Все эти объединившиеся армии. Они захотят, чтобы мы поддержали их, да? В Аль-Рассане.

— Все мои воины этого захотят.

— Тебе не хочется идти на юг. — Это был не вопрос.

Раздался вежливый стук в дверь. Король ответил, и вошел Гонзалес де Рада. Он был очень бледен, с мрачным лицом. Рамиро вернулся к столу и налил себе еще один бокал. На этот раз разбавил вино водой. Сейчас не время расслабляться.

— Хочу ли я вести священную войну в Аль-Рассане? — Он

повторил вопрос Инес для министра. — Сказать правду? — Он покачал головой. — Не хочу. Я хочу отправиться на юг на собственных условиях и в удобное мне время. Хочу отнять Руэнду у моего беспомощного брата, Халонью у дяди Бермудо — да сгниют у него пальцы на руках и ногах, — отобрать Фезану у этих убийц-картадцев и только потом строить дальнейшие планы, или пусть мои сыновья их строят, когда я умру и больше не буду доставлять тебе неприятностей.

— Если армия правителей поплывет в Аммуз и Сорийю, — сказал Гонзалес, — нам будет трудно не выступить на юг весной. Каждый клирик в трех королевствах Эспераньи будет вопить со своего алтаря, что мы погубим собственные души, если не сделаем этого.

— Ты прав, — пробормотал Рамиро. — Налей себе вина. Это принесет облегчение твоей душе, которой грозит опасность.

— Это моя вина, — сказала Инес. — Я привела его сюда.

Король поставил бокал. Подошел к ней, взял у нее бокал и поставил на стол. Взял ее руки в свои. Она их не отняла. Все это было совершенно необычно.

— Он бы все равно приехал, дорогая. Он и другие. Если все вельможи к востоку от гор пляшут теперь под их дудку, почему нам должны позволить жить не под их ярмом? Можешь быть уверена, что в Халонью уже приехали такие же, как он, и направляются в Руэнду, если уже не прибыли туда. Они потребуют, чтобы мы трое встретились зимой. Этого надо ожидать. Они прикажут нам встретиться под угрозой отлучения от церкви или потери наших бессмертных обителей в божьем мире. И нам придется их послушаться. Мы встретимся, дядя Бермудо, брат Санчес и я, будем вместе сидеть за столом и охотиться. Они будут следить за каждым моим движением, а я буду так же следить за ними. Мы поклянемся заключить священное перемирие между нами. Клирики будут в восторге петь нам хвалу. И мы почти наверняка отправимся на войну против Аль-Рассана к началу весны.

— И что?

Она задавала прямые вопросы, его королева. Умная, удивительная и непосредственная.

Рамиро пожал плечами.

— Ни один трезвый человек не говорит с уверенностью о войне. Особенно о такой войне, когда на одной стороне сражаются три армии, которые ненавидят друг друга, а на другой — двадцать армий, которые друг друга боятся.

— И мувардийцы по ту сторону пролива, — тихо прибавил Гонзалес де Рада. — Не забудьте о них.

Рамиро закрыл глаза. Он продолжал слышать шум дождя. Фериерес, Валеска, Карш, города Батиары... все вместе, объединившиеся в священной войне. Вопреки самому себе, вопреки всем трезвым инстинктам он ощущал нечто неоспоримо трогательное в этом образе. Он почти воочию видел скопление знамен, всех этих могучих военачальников, собранных вместе. Как мог любой храбрый человек не желать оказаться там, не желать участвовать в подобном предприятии?

— Мир стал другим, непохожим на тот, в котором мы жили сегодня утром, — мрачно произнес Рамиро Вальедский. Он увидел, что все еще держит жену за руки, и она ему это позволяет. — Ты знаешь, что мне хотелось бы сейчас сделать? — неожиданно прибавил он, удивив самого себя.

Она подняла на него взгляд в ожидании. Он знал, о чем она думает. Ему всегда хотелось одного и того же, когда он так обращался к ней. Ну, она здесь не единственная, кто умеет преподносить сюрпризы. А это новое чувство было сильным.

— Мне хотелось бы помолиться, — сказал король Вальедо. — После того, что мы только что узнали, думаю, мне хотелось бы помолиться. Вы присоединитесь ко мне, оба?

Они вместе прошли в королевскую часовню, король, королева и их министр. Там находился придворный священник, который только что в великом унынии вернулся из зала для приемов. Как и следовало ожидать, он был несказанно изумлен появлением короля. И поспешно занял свое место у алтаря перед диском.

Каждый из них сделал знак символа божественного солнца, держа правую руку у сердца, а потом опустился на колени на каменный пол. Свет в королевской часовне был приглушенным. Там имелись окна, но старые, маленькие, и их заливал дождь.

Они молились в этом простом, лишенном украшений помещении единственному богу и дающему жизнь солнечному свету, обратив свои лица туда, где на стене, за алтарным камнем, висела эмблема солнца. Молились о силе и милосердии, о чистоте души и смертного тела, об исполнении светлых видений Джада и о ниспослании божественной милости — в конце своей жизни среди земных полей получить доступ в рай.

Часть IV

Глава 10

Нино ди Каррера, молодой, красивый и ловкий придворный короля Халоньи Бермудо и одновременно последний из часто меняющихся любовников требовательной супруги Бермудо, королевы Фруэлы, пребывал в состоянии тревожного недоумения.

Он не имел ни малейшего представления, что ему делать.

Замешательство его злило. Гнев подстегивало все возрастающее недоумение по поводу происходящего. Нино снял свой железный шлем и тряхнул гривой русых волос, являвшихся предметом зависти и желания большинства женщин при дворе Бермудо в Эскалау. Белые облачка пара вылетали из его рта и изо ртов двух других разведчиков и их коней в морозном воздухе раннего утра.

За спиной Нино, в этой долине, окруженной горами, остановился весь отряд. Его люди были хорошо вышколены. Коней они развернули головами наружу, а мулов с сундуками золота из Фибаса поставили в центр кольца. Шесть сундуков. Дань за год с этого города неверных в Аль-Рассане. Первая выплата париас Халонье. Обещание богатства, власти и еще гораздо большего в будущем. Конокрады из Вальедо — не единственные, кто в состоянии приструнить ашаритов, этих жалких псов. И ему, Нино ди Каррере, поручили собрать эти сокровища и привезти их в Эскалау до зимнего снега. Король многое обещал ему после возвращения; королева... королева уже наградила его в ночь перед отъездом.

«Мой золотой», — называла она его, лежа в постели после безумств любви. Сейчас этот эпитет как никогда подходит ему. Он везет золото, шесть сундуков золота, к вящей славе Джада и Халоньи — и графа Нино ди Карреры, который взмыл ввысь, словно золотистый ястреб. И кто знает, как высоко он еще может взлететь, до того как умрет и предстанет перед богом?

Но все это — это блестящее, великолепное будущее — зависело от того, сможет ли он благополучно доставить домой эти шесть сундуков и, что сейчас более важно, сможет ли заставить замолчать этот женский голос, который несется к ним вниз, в эту сверхъестественно гулкую горную долину. Лучше бы они в нее не въезжали.

— Нино, Нино, Нино! О дорогой мой! Это я, Фруэла, твоя королева! Приди ко мне, любимый!

Протяжный голос, высокий и ясный, звенел, как колокол, наполняя долину, снова и снова. Помимо всего прочего, Нино ди Каррера чувствовал, что заливается краской: проклятие всей его жизни, характерное для светлой кожи. Это — разумеется! — не голос королевы Фруэлы, но определенно голос женщины, свободно владеющей эсперанским языком, и голос этот полон страсти.

— Приди, Нино! Возьми меня. Возьми меня здесь, в горах! Сделай меня твоей!

Высказывание прилюдно подобной просьбы никак не могло пойти на пользу человеку, делающему карьеру при дворе короля Бермудо. Кем бы он ни был. Где бы то ни было. А здесь эти слова слышало множество людей. Они звенели со всех сторон, отражаясь бесконечным эхом. Кто-то развлекался за счет Нино ди Карреры. И кто-то за это заплатит.

Он старался не оглядываться на свой отряд, но женский голос, полный страсти, продолжал в подробностях развивать ту же тему, и Нино явственно услышал за своей спиной сдавленный смех.

— О мой неутомимый жеребец, я должна обладать тобой! Заставь меня покориться твоему любовному искусству, мой возлюбленный!

В этом месте звуки разносились необычайно гулко. Это неестественно, вот что! И слова не просто четко доносились отовсюду, они многократно отражались, так что полные желания звуки его имени и живо описанные предполагаемые действия звучали так, будто их пел хор в храме.

Двое дозорных с пепельно-бледными лицами избегали его взгляда. В них не чувствовалось никакого веселья. В любом случае, они бы не осмелились улыбнуться, но вести, которые они принесли, не способствовали легкомыслию. Женщина, завывающая от желания, — это оскорбление, даже смертельное оскорбление; совсем другое дело — вооруженные мужчины, ожидающие их в засаде впереди.

Если судить по внешности и юному возрасту, Нино ди Кар-

реру можно было бы заподозрить в безрассудстве, но он был осторожным командиром опытного отряда, а его дозорные, в особенности, были просто отличными воинами. Немногие отряды получили бы предупреждение заранее. Большинство командиров чувствовало бы себя в полной безопасности в присутствии почти сотни всадников. Нино слишком хорошо понимал, насколько важен этот поход за данью и для Халоньи, и для него самого. Он послал дозорных и вперед, и назад, и на оба фланга, но горы вынудили этих людей вернуться. Передовые дозорные заметили тщательно подготовленную засаду у северного выхода из долины.

— Нино! Я вся горю! О любовь моя, я прежде всего — женщина, а потом уже — королева!

Почти невозможно сосредоточиться, когда этот голос наполняет чашу долины. Но сейчас сосредоточиться было жизненно необходимо: тот, кто устроил эту ловушку, должен был точно знать, сколько людей у джадитов. А это означало, что они не имеют численного превосходства. И это грозило серьезными неприятностями. Люди в засаде не могут быть из Фибаса: это было бы абсурдным — отдать золото, а потом напасть на них, чтобы его отнять. И эмир Бадир из Рагозы, под властью которого находился маленький, богатый город Фибас, сам санкционировал выплату этой дани, хоть и неохотно. Зачем выпускать деньги из хорошо защищенных стен, а потом атаковать на открытой местности? Зачем соглашаться платить, если чувствуешь в себе достаточно сил для нападения?

Все это не имело смысла. И поэтому очевидно, что засада организована бандитами. Нино остался доволен тем, что все еще способен ясно соображать, — та женщина на горе теперь делилась подробностями, как снимает она одежду в предвкушении его появления — и все понял.

Но оставались еще проблемы. То, что происходило, все-таки было непостижимым. Почти невозможно представить себе банду грабителей, достаточно крупную и хорошо вооруженную, чтобы устроить засаду на пути сотни прекрасно обученных всадников Джада.

Тут Нино ди Каррере пришла в голову одна мысль. Он прищурился. Почесал подбородок. Если только....

— Я вся дрожу, я умираю от желания, умираю. О Нино, приди ко мне с коротким мечом на твоих чреслах!

С коротким мечом?

Один из разведчиков вдруг закашлялся и резко втянул голо-

ву. Теперь сзади, где стоял отряд, раздавались явственные звуки смеха.

Это решило дело. Этого было достаточно.

— Эдрик! Ко мне! Немедленно! — Ди Каррера отдал эту отрывистую команду, не оборачиваясь. И сейчас же услышал стук копыт за спиной.

— Да, командир? — Его коренастый, расторопный заместитель, необычно раскрасневшийся, возник рядом с ним.

— Заставь эту женщину замолчать. Возьми пять человек.

Эдрик постарался остаться невозмутимым.

— Конечно, командир. Немедленно.

— Приди, мой жеребец. Я унесу тебя на себе в рай!

Теперь настала очередь Эдрика закашляться, отворачивая красное лицо.

— Когда придешь в себя, — ледяным тоном произнес Нино, — займись делом. Возможно, тебе интересно будет узнать, что у выхода из долины нас ждет засада.

Это быстро отрезвило заместителя.

— Вы думаете, что эта женщина связана с...

— Откуда мне знать, милостивый Джад? — огрызнулся Нино. — Займитесь ею, кем бы она ни оказалась, и быстро возвращайтесь. Захватите ее с собой. Она нужна мне живой. А тем временем мы вернемся обратно на юг и обогнем эту долину, как бы далеко это ни увело нас от нашей дороги. Ненавижу это место! — Он произнес это с большим чувством, чем намеревался. — Не хочу вести отряд в узкое пространство, которое враги хорошо знают.

Эдрик кивнул и пришпорил коня. Воины услышали, как он выкрикивает имена тех, кто будет его сопровождать. Нино несколько секунд сидел неподвижно, изо всех сил пытаясь размышлять под лихорадочные вопли женщины, которые разносились по всей долине.

Несколько минут назад у него возникла важная мысль. Теперь она исчезла.

Но вернуться назад — правильное решение, он в этом уверен, как ему ни противно отступать перед ашаритским сбродом. Если эти бандиты имели наглость устроить ловушку, нет смысла попадать в нее, каким бы сильным ни был его отряд. Здесь надо проглотить свою гордость. Пока. Месть, как говорят, — это вино, которое нужно вкушать медленно.

Он услышал приближающийся топот копыт. Разведчики быстро посмотрели куда-то мимо него. Нино обернулся. Те двое,

которым он поручил прикрывать их с тыла, галопом подъехали к ним, резко натянули поводья и остановились.

— Командир! У нас в тылу находится вооруженный отряд! Они перекрыли южный конец долины!

— Мой неистовый, мой король! Возьми меня! Я вся горю!

— Что делает эта проклятая женщина?! — рявкнул Нино.

Он старался сдержаться. Ему необходимо подумать, проявить решительность, не сердиться, не отвлекаться. Он секунду тупо смотрел на разведчиков, потом повернулся назад, на север, и посмотрел в дальний конец долины. Темнота царила там, где горы сходились и образовывали длинную горловину, а солнечный свет исчезал. Засада впереди, и теперь пространство сзади тоже перекрыто. Стоит еще промедлить, и их возьмут в клещи. Если у врагов достаточно людей. Но откуда у них может быть много людей? Это какая-то ерунда!

— Сколько человек сзади? — бросил он через плечо второй паре разведчиков.

— Трудно сказать, командир. Первая группа — человек двадцать пять или около того. За ними, кажется, идут остальные.

— Пешие?

— Конечно, командир. Разбойники не могут...

— Если я захочу узнать твое мнение, я спрошу!

— Да, командир.

— Проси меня, о чем хочешь, о мой истинный повелитель! Я твоя рабыня. Я лежу, обнаженная, и жду твоих объятий! Приказывай, повелевай мною!

Выругавшись, Нино резко запустил пальцы в волосы. Они здесь заперты! Это невероятно. Как могло в этом месте оказаться столько бандитов? Он видел, что Эдрик со своими пятью воинами начал подниматься по восточному склону, к вопящей женщине. Они смогут только часть пути проделать верхом, потом им придется спешиться. Она все время будет видеть их приближение.

Он принял решение. Настала пора проявить решительность лидера.

— Эдрик! — взревел Нино. Тот повернул своего коня. — Вернись сюда!

Нино ждал, вместе с четырьмя встревоженными всадниками, возвращения своего заместителя. Эдрик осторожно выбирал дорогу во время спуска, потом галопом прискакал к ним.

— Забудь о ней! — хрипло приказал Нино. — Мы двинемся на север. Теперь позади нас тоже бандиты. Если разбойники на-

ходятся с обеих сторон, то мы двинемся вперед. Они должны были разделить силы поровну. Нет смысла теперь ехать назад. Я передумал. Я не отступлю перед ашаритскими бандитами.

Эдрик мрачно улыбнулся.

— В самом деле, командир. Мы дадим им урок, которого они никогда не забудут. — Он развернулся и поскакал к отряду, на ходу выкрикивая приказы.

Нино решительно нахлобучил шлем на голову. Эдрик молодец, в этом нет сомнений. Спокойная, уверенная манера заместителя служила поддержкой командиру. Его люди это видят и отвечают соответственно. У него прекрасный отряд, великолепные кони, и каждый из всадников гордится тем, что его выбрали для этого задания. Кем бы ни были эти стервятники-ашариты, у них будут основания пожалеть о своей сегодняшней самонадеянности.

За такой поступок, решил Нино, их необходимо сжечь. Прямо здесь, в долине. Пусть их вопли разносит эхо. Это будет предостережением. Следующие отряды, которые отправятся на юг за данью, скажут ему за это спасибо.

— Нино, мой сияющий, это твоя Фруэла! Я умираю от желания!

Эта женщина. Женщине придется подождать. Если она горит и умирает от желания, для нее тоже найдется огонь, очень скоро, рядом с теми, кто заставил ее участвовать в этом унизительном розыгрыше.

Вот так, сосредоточившись в гневе, Нино ди Каррера отбросил прочь растерянность и сомнения. Он выхватил меч. Его отряд уже выстроился в походную колонну позади него. Он оглянулся, увидел, как Эдрик коротко кивнул и поднял свой меч.

— Во славу Халоньи! — крикнул тогда Нино. — Вперед! Вперед, во имя святого Джада!

Они поскакали на север, очень быстро, но в тесном строю, мулы с золотом по-прежнему находились в центре отряда. Они пересекли долину, уже охваченные боевым пылом, с воинственными криками, в предвкушении схватки. Страха они не испытывали. Они знали, кто они и что могут сделать. Они пронеслись в ярком свете солнца по покрытой инеем траве и попали в тень там, где смыкались горы. Они с грохотом ворвались в темную расщелину, выкрикивая имя бога, сто отважных, хорошо обученных всадников Джада.

Идар ибн Тариф, который руководил сорока воинами на западной стороне горловины ущелья, без остановки сыпал проклятиями, проявляя удивительную изобретательность, с тех пор как разведчики джадитов были замечены на склонах над ними. В них стреляли и короткое время гнались за ними, но впустую.

Засаду обнаружили! Ловушка раскрыта. Долгая охота закончилась. Кто бы мог себе представить, что командир джадитов окажется настолько осторожным, что пошлет вперед дозор! У этого человека сотня всадников. Ему полагается быть самонадеянным, беспечным. Во имя пресветлого Ашара, почему он так осторожен?

В противоположном конце узкого, изгибающегося под острым углом каньона, у северного выезда из долины, его брат и отец все еще ждали, не подозревая о катастрофе, которая только что произошла, готовили лучников, чтобы дать залп из луков и выпустить пернатую смерть в ничего не подозревающих людей. Идар, с тоской в сердце, уже собирался проскользнуть через затененное пространство и рассказать им о дозорных, но тут зазвучал женский голос с восточных склонов Эмин ха'Назара — долины эха, где остановились эти вонючки, эти всадники с собачьими мордами.

На этой стороне ущелья, над долиной, высокий голос был ясно слышен. Идар знал эсперанский язык не слишком хорошо, но в достаточной степени, и он внезапно остановился. Изумляясь — и даже забавляясь, несмотря на постигшую их катастрофу, — он решил подождать развития событий.

Джадиты собирались повернуть назад. Это было понятно каждому, кто хоть в чем-то разбирался. Если они заметили засаду, то сделали бы все очевидные выводы. Они свиньи и неверующие, но умеют воевать. Они должны вернуться назад из Эмин ха'Назара и ехать более длинным, кружным путем на запад.

И не существовало другого места для ловушки между этим ущельем и землями тагры, которое позволило бы восьмидесяти плохо вооруженным людям — сборищу лучников, головорезов, нескольких всадников, его самого, его брата и печально известного отца — надеяться одолеть такое количество солдат. Ради золота стоило пойти на большой риск и ради славы тоже, но, по мнению Идара, ни то, ни другое не стоило неминуемой гибели. Он презирал джадитов, но был не настолько глуп, чтобы недооценивать их способности в бою. А его отец сделал свою долгую карьеру на том, что всегда ввязывался в бой только на местности, которую выбрал сам.

Значит, все кончено, упущен этот редкий шанс, появившийся так далеко на севере, в самом конце года. Ну, так уже бывало: это игра. Они подождут, пока джадиты уберутся из долины и отправятся на запад. Затем они сами двинутся на юг и начнут долгое путешествие домой. Если бы зимние дожди и распутица не были так близки, они могли бы не спешить и найти некоторое утешение в набегах на земли Рагозы на обратном пути.

«Но утешение, — мрачно подумал Идар, — им не светит, пока они не попадут к собственным каменным стенам». Ему хотелось выпить прямо сейчас, но отец это запрещает. Не по религиозным соображениям, конечно, а как командир во время рейда. Так он правит уже сорок лет. Идар восстал бы против притеснений старика, если бы не две вещи: он его любил и боялся больше, чем кого-либо из живых людей.

— Смотри! — прошептал один из лучников рядом с ним. — Во имя Ашара, смотри!

Идар посмотрел. И у него перехватило дыхание. Они приближались. Бог лишил джадитов разума или, возможно, это сделал женский голос. Кто знает, что заставляет людей совершать подобные поступки? Идар только знал, что он, его брат и отец и их люди скоро вступят в такое сражение, какого не знали уже много лет. Их засада раскрыта, а всадники все равно едут сюда.

Джадиты приближались к горловине ущелья, сотня всадников и шесть мулов в середине. Они двигались слишком быстро. Они ослепнут, Идар это знал, как только попадут в тень, туда, где крутые склоны закрывают солнце. Они совершают ужасную ошибку. Пора заставить их заплатить за нее.

Его стрела полетела первой. Он выпустил вторую, и третью, потом пустился бежать, скользя вниз по склону туда, где джадиты и их кони проваливались в вырытые заранее ямы, налетали друг на друга, перепутавшись руками, ногами и копытами, с воплями падали на острые копья, вбитые в холодную землю.

Как ни быстро бежал Идар, он видел, что отец его опередил.

Предложение Родриго сначала возмутило Джеану, потом рассмешило и, наконец, пробудило в ней изобретательность. В середине этого занятия она внезапно обнаружила, что изливать в громких криках, разносящихся по всей долине внизу, жгучую, неприкрытую страсть — занятие весьма возбуждающее. Двое мужчин рядом с ней чуть ли не бились в судорогах молчаливого восторга, пока она выдавала все более цветистые вариации на

тему своей безудержной физической страсти — в качестве королевы Фруэлы из Халоньи — к золотоволосому графу, который явился за данью в Фибас. Ей пришлось признать, что отчасти именно их беспомощный хохот и безграничное восхищение ее игрой пробуждали в ней все более буйный полет фантазии.

Они находились на восточном склоне высоких гор, окружающих чашу долины Эрмин ха'Назар, широко известной под названием Долины Множества Голосов. Известной всем, кроме джадитов, которые вступили в долину этим утром. Даже Родриго до нынешнего дня не знал о ней, но ибн Хайран не только знал, он предвидел, что здесь может быть устроена ловушка золоту Фибаса.

Долина Эрмин ха'Назар была знаменита не только своим эхом. Среди призрачных голосов, которые, по слухам, эхом разносились по долине ночами, были голоса людей, убитых здесь в битвах за многие сотни лет.

В первом из таких столкновений тоже участвовали джадиты, во время большой волны первого вторжения Халифата, когда граница между Ашаром и Джадом отодвинулась так далеко на север, как никогда раньше. Где и находилась до сих пор. Фактически, непосредственно к югу от реки Дюрик и гор, закрывающих Халонью.

Та давняя, яростная война — бесконечный парадокс! — положила начало многовековому расцвету Аль-Рассана. Блестящие халифы, сменяющие друг друга в растущем дворце Аль-Фонтана в Силвенесе, сами выбирали себе имена в соответствии со своими военными достижениями: Завоеватель, Разрушитель, Меч Звезднорожденных, Бич Неверных.

В этих прозвищах не было высокомерия, халифы действительно были такими. Эти властители и их войска после первого отчаянного, поразительно успешного прорыва на север через пролив из Маджрити, более трехсот лет назад с помощью меча и резца создали на полуострове великое государство. Они оттеснили жителей Эсперaньи на самый дальний север и дважды в год совершали на них набеги в поисках золота, зерна и рабов, а также ради чистого удовольствия и славы, во имя пресветлого Ашара.

Это время называли Золотым Веком.

Джеана полагала, что по тем меркам он и был золотым. Киндатам, вынужденным проявлять осторожность во все времена, расширяющийся мир халифов гарантировал некоторый покой и хрупкую безопасность. Они платили налог, налагаемый на ере-

тиков, так же, как джадиты, проживающие в Аль-Рассане; им разрешали поклоняться богу и его сестрам лишь за закрытыми дверями; их обязали носить только сине-белую одежду, как предписывали законы Ашара. Им было запрещено ездить на лошадях, вступать в интимные отношения с истинно верующими, строить крыши своих святилищ выше, чем храмы ашаритов в том же городе или поселке... Их со всех сторон ограничили правилами и законами, но жить было можно, а строгость соблюдения законов сильно колебалась в течение минувших столетий.

Золотой век. Который уже миновал. Луны убывали и прибывали. Пал Силвенес; появились мелкие правители, враждовавшие друг с другом. А теперь джадиты снова двигались на юг, на великолепных конях, которых они разводили на севере. Вальедо требовал дань от Фезаны. Руэнда претендовала на Салос и небольшие города вдоль побережья, и вот сейчас, под ними, в долине, находится первый отряд по сбору дани из Халоньи, которая пожелала участвовать в пиршестве. Он должен доставить золото Фибаса королю Бермудо, в его продуваемый сквозняками замок в Эскалау.

Если сможет.

На высоком склоне над долиной Джеана снова подала голос и крикнула по-эсперански, тоном, в котором, по ее мнению, отражалось неодолимое желание:

— Нино, мой золотой повелитель, тебя зовет Фруэла! Я вся горю от тоски по тебе!

Спрятавшись за кедрами и соснами, они увидели, как молодой командир джадитов снова взглянул вверх. Заколебался, потом нахлобучил на голову шлем.

— Вот и все, — тихо произнес Родриго. Он перестал смеяться. — Думаю, ты это сделала, Джеана.

— Он зовет назад солдат, которых послал сюда, — так же тихо сказал Аммар.

— Что именно я сделала? — спросила Джеана, на этот раз осторожным шепотом. Никто из них до сих пор не потрудился ничего ей объяснить. Они просто попросили ее подняться сюда и громкими криками изобразить, что она умирает от страсти. В тот момент ей это показалось забавным.

— Подтолкнула его, — прошептал Родриго, не отрывая взгляда от долины внизу. Всадники начали движение, перестраивались, поворачивали на север. — Нино ди Каррера тщеславен, но не глуп. Он выслал дозорных вперед и назад. Если бы у него было время спокойно подумать, он поступил бы мудро и повернул

назад. Ты отняла у него время и равновесие. Он не мог как следует думать из-за гнева и унижения.

— Он покойник, — равнодушно произнес Аммар ибн Хайран, тоже неотрывно следивший за тем, что происходит в долине. — Смотрите, что они делают.

Джеана увидела, как джадиты начали движение. Высоко среди деревьев ветер разносил их громкие голоса, угрожающие и возбужденные крики. Их тесный строй казался ей устрашающим. Громовой топот копыт долетал до того места, где она стояла. Нино ди Каррера повел свой отряд в тень, залегающую в конце долины, и там его всадники пропали из виду.

— Слишком быстро, — заметил Родриго.

— Чересчур. Там, где каньон делает поворот, наверняка должны быть ямы с копьями, — мрачно проронил Аммар.

— И стрелы, когда кони собьются в кучу.

— Конечно. Грязный трюк.

— Он срабатывает, — ответил Родриго.

Через секунду Джеана услышала крики.

Двое мужчин переглянулись. Они все подстроили именно ради такого поворота событий, это Джеана понимала. Только пока не знала, чего они добиваются. Но там умирали люди, она слышала их вопли.

— Первая часть сделана, — спокойно произнес Аммар. — Нам надо спускаться.

Она перевела взгляд с него на Родриго, который предложил ей выступить в роли Фруэлы.

— Вы не собираетесь мне ничего объяснять, не так ли?

— Позже, Джеана, обещаю, — сказал Родриго. — Сейчас уже нет времени. Нам самим надо готовить мечи, а потом, боюсь, придется поработать доктору.

— Вон уже появился Лаин, — сказал ибн Хайран, указывая в противоположный конец долины. Джеана увидела, как их люди скачут с юга по направлению к тени, в которой исчезли воины из Халоньи.

— Конечно, — ответил Родриго. Она уловила в его голосе нотки удовлетворения. — Он знает, как это делается. За кого ты нас принимаешь?

В ответ на это Аммар улыбнулся, его белые зубы сверкнули.

— Доблестные всадники Джада, — сказал он, — такие же, как те, которых сейчас убивают внизу.

— Не совсем, — ответил Родриго, не реагируя на насмешку. — Не совсем такие же. Вы в этом убедитесь. Пошли, Джеана.

Ты сможешь справиться со своей страстью настолько, чтобы спуститься отсюда?

Она бы стукнула его чем-нибудь, но к этому моменту вопли и ржание людей и лошадей у северного конца долины, в темноте, стали ужасающими, и она молча последовала за своими спутниками.

— Мы убиваем любого, кто выскочит из этой расщелины, — решительно приказал Лаин Нунес, перед тем как его люди поскакали вперед. — Пленных не брать. К обеим сторонам относиться как к врагам. У них слишком большой численный перевес.

Мрачное лицо старого воина, когда он отдавал приказ, испугало Альвара. Не секрет, что Лаин считал этот сложный, многослойный план глупым и невыполнимым. Но, поскольку Мазур бен Аврен в Рагозе, сэр Родриго и Аммар ибн Хайран — все старались превзойти друг друга в хитроумии, составляя этот план, то он приобрел столько нюансов, что понять его было почти невозможно. Альвар давно уже оставил попытки осмыслить происходящее.

Он понимал лишь самую суть: они позаботились о том, чтобы знаменитый вожак разбойников узнал о золоте Фибаса. Они хотели, чтобы он устроил охоту за париас. Эмир Бадир тянул время и не давал согласия на выплату золота Халонье почти до конца года, чтобы дать этому разбойнику время приступить к действию, если тот пожелает.

Потом однажды ночью прискакал одинокий гонец с юга, и на следующее утро Родриго с ибн Хайраном под холодным дождем, на грани зимы вывели из Рагозы пятьдесят вальедцев. Никаких знамен, отличительных знаков и даже их собственных коней: они ехали на неприметных лошадях из Рагозы. Подобно призракам, миновали они пригороды, направляясь на восток, и двадцать из них постоянно вели разведку вокруг, следя за передвижениями чужих отрядов.

Как и можно было предвидеть, именно Мартин заметил банду разбойников, направлявшуюся на север. Тут Капитан и ибн Хайран улыбнулись, а старый Лаин — нет. От этого места они осторожно следили за продвижением бандитского главаря до самой долины. У него было почти восемьдесят человек.

Отряд из Халоньи под предводительством графа Нино ди Карреры — это имя было Альвару неизвестно — уже находился в Фибасе, а восточнее и южнее города его поджидали разбойни-

ки. У ди Карреры была сотня людей, на превосходных конях, как гласили донесения.

Когда пришло сообщение об устроенной засаде, Аммар ибн Хайран снова улыбнулся. В тот день тоже шел дождь, вода стекала с полей шляп за воротники мундиров и плащей. Проселочные дороги и поля уже были покрыты толстым слоем зимней грязи, опасной для коней.

— Эмин ха'Назар? Старый лис, — сказал тогда ибн Хайран. — Он сделает это в долине. Правда, мне будет немного жаль, если нам придется его убить.

Альвар все еще не был уверен в своем отношении к Аммару ибн Хайрану.

Джеане он нравился, в этом юноша был совершенно уверен, что осложняло положение. Ее участие в походе само по себе было достаточным осложнением. Он беспокоился, что она скачет под холодным дождем и ночует в палатке на промерзшей или мокрой земле, но она ничего не говорила, не жаловалась, удивительно хорошо держалась в седле — обычно киндатам запрещалось ездить верхом, на лошадях. Он узнал, что она научилась этому в Батиаре. По-видимому, в Батиаре разрешались многие запрещенные вещи.

— Что это за долина? — спросил Родриго у ибн Хайрана. — Расскажи мне все, что знаешь о ней.

Они вдвоем отошли в сторону, в туман, и беседовали тихо, поэтому Альвар больше ничего не расслышал. Он случайно посмотрел на лицо Лаина Нунеса и по его выражению отчасти понял, почему Лаину так не нравится эта зимняя экспедиция. Альвар не был единственным человеком, которого последние события заставили почувствовать себя оттертым в сторону.

Тем не менее неодобрение Лаина, в конце концов, кажется, не имело оснований. При всей сложности плана и необходимости полной тайны передвижений все сошлось здесь, в этой странной, высокогорной, звенящей от эха долине. Сегодня даже светило солнце; воздух был прозрачным и очень холодным.

Альвар находился в составе первой маленькой группы, которая подбежала — кони были запрещены приказом ибн Хайрана, — чтобы заблокировать южный вход в долину, после того как прошел отряд из Халоньи. Они изображали из себя разбойников, это он понял, членов той самой банды, которая лежала в засаде в северном конце. И дозорные отряда должны были их заметить.

Они и заметили. Мартин давно уже засек двух разведчиков,

и они могли их убить, если бы хотели. Но они не хотели. По каким-то загадочным соображениям этого непонятного плана разведчики должны были их заметить, а потом поскакать обратно в долину и доложить командиру. Это было очень трудно понять. А Альвару еще труднее, потому что во время всех напряженных перемещений этого утра он вынужден был слушать голос Джеаны, несущийся с высокого склона, которая стонала от страсти к белокурому командиру отряда из Халоньи. Это ему совсем не нравилось, хотя большинство остальных находили подобную шутку убийственно смешной.

К тому времени, когда Лаин Нунес отдал приказ выступать — коней привели, как только двое разведчиков ускакали, — Альвар был готов кого-нибудь искалечить. У него мелькнула мысль, когда они галопом мчались на север под лучами зимнего солнца, что он собирается убивать джадитов ради выгоды ашаритов. Но он постарался выбросить ее из головы. В конце концов, он — наемник.

У Нино были хорошие доспехи. Одна стрела попала ему в грудь и отлетела в сторону, вторая задела незащищенную лодыжку, и показалась кровь. Потом его конь, скачущий слишком быстро, шагнул в пустоту и упал в яму.

Конь закричал, когда его пронзили колья на дне ямы. Крик лошади — ужасен. Нино ди Каррера, гибкий и быстрый, выпрыгнул из седла еще во время падения коня. Он ухватился за ближайшую стену ямы, вцепился в нее, удержался и подтянулся наверх. В этот момент его чуть не затоптал конь одного из его людей, отчаянно пытающегося обогнуть смертельную ловушку.

Он получил удар по ребрам и растянулся на мерзлой земле. Увидел надвигающегося следующего коня и, не обращая внимания на боль, откатился в сторону, уворачиваясь от мелькающих в воздухе копыт. Он хватал ртом воздух. Из его груди ударом вышибло весь воздух, в ушах звенело, но Нино обнаружил, что руки и ноги целы. Он задыхался, у него кружилась голова, но он все же мог двигаться. Он с трудом поднялся и понял, что его меч потерян в яме. Рядом с ним лежал мертвец со стрелой в горле. Нино схватил клинок этого солдата, не обращая внимания на боль в ребрах, и огляделся, высматривая, кого бы прикончить.

Недостатка в кандидатах не наблюдалось. Разбойники скатывались со склонов по обеим сторонам расщелины. По крайней мере тридцать воинов Нино — может быть, больше — были

повержены, убиты или искалечены в ловушке из копий и градом стрел. Но всадников еще оставалось большое количество, а им противостояли ашаритские бандиты, отбросы, собаки, собачий корм.

Схватившись рукой за бок, Нино взревел, бросая вызов. Его люди услышали и ответили радостными криками. Он оглянулся в поисках Эдрика. Увидел, как тот бьется с тремя разбойниками, которые старались оттеснить его коня в узкое место. На глазах у Нино один из бандитов нырнул под круп коня Эдрика и ударил клинком снизу вверх. Приятный способ вести бой — убивать коней снизу. Но это сработало. Жеребец Эдрика поднялся на дыбы, крича от боли, а человек с коротким мечом отскочил в сторону.

Нино увидел, что его заместитель начал сползать с седла. Он уже бежал к нему. Второй разбойник, ожидающий, когда Эдрик упадет, так и не узнал, кто его убил. Нино взмахнул мечом в слепой ярости и снес не защищенную шлемом голову с плеч. Она приземлилась в траву поодаль и покатилась, как мяч. Кровь, фонтаном хлынувшая из обезглавленного тела, обрызгала их всех.

Нино торжествующе взревел. Эдрик рывком вытащил ноги из стремян и свалился с изувеченного коня. Но тут же вскочил на ноги. Двое мужчин обменялись яростными взглядами, потом стали сражаться вместе, бок о бок, в этом темном ущелье, два воина святого Джада против бесчисленных неверных.

В действительности они дрались с бандитами, и снова и снова замахиваясь мечом и стараясь расчистить пространство для прорыва вперед, Нино вдруг вспомнил ту мысль, которая раньше пришла ему в голову и которую он потом потерял.

Его обдало холодом, даже среди тесного, потного хаоса битвы: те, кого видели его разведчики приближающимися с южного конца долины, не могли участвовать в этой засаде. Где был его разум? Никто, устроив такую смертоносную ловушку, не дробит потом свои силы.

Нино силился найти какой-то смысл в происходящем, но узкое пространство между крутыми склонами заставляло вести ближний бой врукопашную и пускать в ход кулаки, плечи и кинжалы не менее часто, чем мечи. Никакого шанса отступить и оценить обстановку. Теперь стрелы им не грозили. Бандиты, ведущие рукопашный бой с джадитами, не могли стрелять.

Мулы! Нино внезапно вспомнил о золоте. Если они его потеряют, все остальное лишится смысла. Он врезался закованным в металл предплечьем в лицо бандита и почувствовал, как

треснули кости от удара. Получив секундную передышку, он быстро огляделся и заметил кучку своих людей, окружавших золото. Два мула лежали на земле: эти трусы опять застрелили животных.

— Туда! — крикнул он Эдрику, показывая рукой. — Прорывайся в том направлении!

Эдрик кивнул и повернулся. Потом упал. Кто-то выдернул меч из-под его ребер.

На том месте, где мгновение назад стоял его заместитель, храбрый, ловкий, живой воин, Нино увидел привидение.

Человеку, который убил Эдрика, было по крайней мере лет шестьдесят. Но он был силен, как бык, массивный, с выпуклыми мускулами, широкоплечий, крутолобый, с огромной уродливой головой. С нее капала кровь. Его длинная, спутанная седая борода окрасилась этой кровью и слиплась от нее; кровь струилась с его лысой головы и пропитывала коричневую одежду и кожаные доспехи. Этот человек, глаза которого горели диким боевым огнем, приставил свой красный меч к груди Нино.

— Сдавайся или умрешь! — прорычал он на плохом эсперанском. — Если сдашься, обещаем отпустить за выкуп!

Нино бросил взгляд мимо разбойника. Увидел своих людей, все еще кольцом окружающих мулов. Многие погибли, но еще больше врагов лежало перед ними, и солдаты его отряда были лучшими в Халонье. Старик блефует, принимает Нино за труса и глупца.

— Да сгноит тебя Джад! — крикнул Нино так, что горло заболело. Он яростно рубанул по клинку старика и заставил залитую кровью фигуру отступить на шаг одной лишь силой своей ярости. Еще один разбойник бросился на Нино слева. Нино увернулся от слишком высокого удара мечом и обрушил свой меч вниз и поперек. Почувствовал, как клинок вошел в плоть. Нино захлестнула жаркая радость. Его жертва издала мокрый, хлюпающий звук и упала на промерзшую землю.

Седобородый разбойник замер на мгновение, выкрикнул какое-то имя, и Нино воспользовался его замешательством, чтобы броситься прямо на него и прорваться туда, где большая часть уцелевших солдат отчаянно защищала золото. Он ворвался в их ряды, его приветствовали радостными, яростными криками, и обернулся, скалясь, чтобы снова сражаться.

Сдаться? Этим? Чтобы король выкупил его у ашаритских бандитов, потеряв золото? Есть худшие вещи, чем смерть, гораздо худшие.

«Это не та война, которая мне снилась», — думал Альвар.

Он вспоминал ферму, детство, нетерпеливого мальчика, единственного солдатского сына, у постели которого ночью всегда лежал деревянный меч. Картины героизма и славы, возникающие в звездной темноте за окном, после того как задули свечи. Как давно это было.

Они ждали в бледном, холодном солнечном свете у северного конца долины.

Убивать каждого, кто выйдет, сказал Лаин Нунес. Только два человека вышли оттуда. Они боролись, вцепившись друг в друга, рычали и фыркали, как животные. Схватка вынесла их из ущелья, они упали и покатились по земле, пытаясь выцарапать друг другу глаза. Лудус и Мартин подъехали на конях и умело и точно уложили обоих стрелами. Теперь два тела лежали на покрытой инеем траве, все еще переплетенные.

Не было ничего хотя бы отдаленно героического или даже особенно опасного в том, что они делали. Даже ночной поход в горящую деревню Орвилья прошлым летом нес в себе больше напряжения, больше напоминал настоящую войну, чем это нервное ожидание, пока другие убивали друг друга вне поля их зрения, в темном пространстве к северу от них.

Альвар оглянулся через плечо и увидел, что к ним приближается Капитан вместе с Джеаной и ибн Хайраном. «Джеана выглядит встревоженной», — подумал он. — Оба воина казались спокойными, беспечными. Ни один даже не взглянул на двух мертвецов на траве. Они подъехали к Лаину Нунесу.

— Все идет хорошо? — спросил Родриго.

Лаин, как и следовало ожидать, сплюнул, перед тем как ответить.

— Они убивают друг друга для нас, если вы это имеете в виду.

Услышав его тон, Аммар ибн Хайран усмехнулся. Родриго в упор посмотрел на своего заместителя.

— Ты знаешь, для чего это делается. У нас уже были настоящие сражения, и еще будут. Мы пытаемся здесь кое-чего добиться.

Лаин открыл было рот для ответа, потом решительно закрыл его. Выражение лица Капитана не вдохновляло на возражения.

Родриго повернулся к Мартину:

— Пойди и посмотри, быстро. Мне нужно знать, сколько их там. Мы не хотим, чтобы победили солдаты из Халоньи, конечно. Если они выигрывают бой, нам все же придется вмешаться.

Альвар, напрасно пытающийся понять смысл происходящего, снова занервничал из-за своего невежества. Возможно, Лаин знает, что здесь творится, но больше никто. Неужели на войне всегда так? Разве обычно не знаешь, что твой враг находится перед тобой и твоя задача в том, чтобы оказаться храбрее и сильнее? Убивать, пока не убили тебя? У него возникло ощущение, что Лаин испытывает те же чувства.

— Он уже смотрел, — кисло ответил Лаин. — Я знаю, что делаю. Сейчас их поровну, примерно по тридцать человек с каждой стороны. Разбойники скоро сломаются.

— Тогда нам придется вмешаться.

Теперь заговорил ибн Хайран, глядя на Родриго:

— Солдаты Халоньи дерутся хорошо. Ты говорил, что так и будет. — Он бросил взгляд на Лаина. — У тебя появится возможность поучаствовать в бою, в конце концов.

Стоящая рядом Джеана все еще выглядела озабоченной. Трудно было соотнести выражение ее лица с теми полными пьяной страсти словами, которые Альвар только что слышал звучащими среди деревьев.

— Какие будут приказы, Капитан? — Лаин смотрел на Родриго. Он задал вопрос официальным тоном.

Впервые у Родриго Бельмонте сделался несчастный вид, словно он предпочел бы услышать другие новости о битве в ущелье. Однако он пожал плечами и обнажил меч.

— У нас небольшой выбор, хоть это будет не слишком красиво. Мы потеряем время, если ди Каррера вырвется на свободу или разбойники сломаются.

Затем он повысил голос, чтобы его могли слышать пятьдесят человек.

— Мы скачем в ущелье. Наша задача — встать на сторону бандитов. Ни один человек из Халоньи не должен покинуть ущелье. Никакого выкупа. Когда они увидят нас и узнают о нашем присутствии, у нас не останется другого выбора. Если хотя бы один из них доберется до Эскалау и сообщит о нашем появлении здесь, все наши усилия окажутся напрасными, и даже хуже. Если вам это поможет, вспомните, что они сделали у Кабриса во время Войны Трех Королей.

Это Альвар помнил. Все в Вальедо помнили. Недоумевающим ребенком он видел, как плакал отец, когда до фермы дошли вести об этом. Король Бермудо осадил город Кабрис, пообещал всеобщее прощение после сдачи города, а потом убил всех вальедских воинов, когда они выехали под знаменем переми-

рия. Не только ашариты отличаются варварскими наклонностями.

Все равно, не такую войну он себе представлял. Альвар снова посмотрел в сторону Джеаны. Она отвернулась. «В ужасе», — сначала подумал он, потом увидел, что она подала знак кому-то в задних рядах. Велас вышел вперед, невозмутимый и бодрый, как всегда, с лекарскими принадлежностями. Альвар почувствовал себя пристыженным: она реагировала не эмоционально, как женщина; она просто готовилась, как лекарь отряда, собирающегося идти в бой. Он, по крайней мере, не должен уступать ей в готовности. Никто не говорил, что жизнь солдата должна воплощать его детские мечты.

Альвар вынул свой меч, увидел, что другие сделали то же самое. Некоторые при этом осенили себя знаком солнечного диска, шепча слова солдатской молитвы: «Джад, пошли нам Свет, и пускай нас ожидает Свет». Лучники вложили стрелы в луки. Они ждали. Родриго оглянулся на них, одобрительно кивнул. Потом поднял и опустил руку. Они выехали из солнечного света в холодный сумрак ущелья, где люди убивали друг друга.

Нино ди Каррера знал, что он побеждает. В каждом бою наступает момент, когда можно почувствовать перемену ритма, и сейчас он ее почувствовал. Разбойникам было необходимо быстро взять над ними верх, воспользовавшись хаосом у ямы с копьями и шоком после залпа лучников. После того как его люди это пережили, пусть и с большим трудом, схватка превратилась в борьбу примерно равных сил и могла привести лишь к одному исходу. Ашариты сломаются и убегут, это лишь вопрос времени. Он был слегка удивлен, что это еще не произошло. Продолжая сражаться плечом к плечу со своими людьми в кольце вокруг золота, Нино уже начал продумывать свои дальнейшие действия.

Было бы приятно пуститься в погоню за этим сбродом, когда они побегут, чрезвычайно приятно было бы сжечь их живьем в отместку за гибель стольких воинов и чистокровных коней. И эту женщину тоже, если ее удастся разыскать на склонах гор. Такое сожжение очень утешило бы его солдат после всех бед нынешнего утра.

С другой стороны, вероятно, он вырвется из этого проклятого места всего с двадцатью воинами, а им еще очень долго ехать по враждебной местности с золотом, которое должно обеспечить будущее Халоньи. Он просто не может себе позволить по-

терять еще больше солдат. Им придется скакать быстро, понимал Нино; никакого отдыха, кроме абсолютно необходимого; и передвигаться не только днем, но и по ночам. На каждого из оставшихся в живых будет приходиться по крайней мере по два коня, и это позволит щадить хотя бы коней, если не всадников. Только так следует действовать, пока они не доберутся до земель тагры, где, как он надеялся, им не встретятся достаточно крупные отряды, которые посмели бы напасть на двадцать всадников. «Еще будет время отомстить, — подумал он, сражаясь. — Еще будет много лет, чтобы отомстить». Пусть Нино был молод, но он хорошо понимал значение этой первой выплаты дани. Почти с презрением он парировал удар разбойника и контрударом заставил его отшатнуться назад.

Все начинается здесь, с него и его маленького отряда. Люди из Халоньи будут возвращаться на юг снова и снова. Многовековой отлив закончился, начинается прилив, и его волны прокатятся через весь Аль-Рассан до южного пролива.

Но сначала надо покончить с этими бандитами в ущелье. «Они уже должны были сломаться», — снова подумал Нино. Он рубил и колол с мрачной решимостью; теперь ему стало просторнее, и даже в отдельные моменты можно было сделать несколько шагов вперед. Эти бандиты с юга оказались довольно храбрыми, но железо джадитов и мужество джадитов одержат победу.

Один из воинов рядом с ним со стоном упал. Нино резко развернулся и вонзил свой меч глубоко в живот человека, который только что убил его солдата. Бандит пронзительно закричал, его глаза вылезли из орбит. Нино нарочно повернул клинок, перед тем как вытащить его. Парень прижал руки к мокрым от крови, скользким кишкам, пытаясь не дать им вывалиться наружу.

Нино как раз смеялся над этими усилиями, когда пятьдесят новых всадников ворвались в ущелье.

Они были джадитами, это он понял с первого взгляда. Потом с изумлением увидел — и отчаянно пытался понять, — что они скачут на низкорослых, неприглядных конях Аль-Рассана. Потом он осознал, и ледяная чернота хлынула в его душу, что они явились не помочь ему, а убить.

Именно в это застывшее мгновение прозрения Нино узнал первого из этих всадников по фигуре орла на гребне его старомодного шлема.

Он знал эту эмблему. Каждый боец в Эсперанье знал этот

шлем и человека, который его носит. Мозг Нино сковало тяжестью, он не мог в это поверить. На него навалилось ощущение чудовищной несправедливости. Он поднял меч, когда всадник с орлом на шлеме налетел прямо на него. Нино сделал ложный выпад, потом нанес яростный укол, целясь в ребра этого человека. Его выпад был легко отбит, а затем, не успел еще Нино выпрямиться, как длинный сверкающий клинок нанес последний, сокрушительный удар, и Нино покинул этот мир живущих и провалился во тьму.

Идар, сражающийся рядом с отцом, пытался собрать все свое мужество и предложить отступление.

Никогда не бывало прежде, чтобы его отец так долго упорствовал и продолжал это явно неудавшееся нападение. Они создали себе имя, состояние, построили дворец в Арбастро благодаря тому, что знали, когда сражаться, а когда — как сейчас! — отступить, чтобы сразиться в следующий раз.

Идар, яростно работая мечом под натиском врага, думал, что всему виной рана брата. Абир умирал на твердой земле позади них, и отец потерял голову от горя. Один из их людей стоял на коленях рядом с Абиром и держал его голову, еще двое стояли рядом, чтобы защитить его, если кто-нибудь из проклятых джадитов вырвется из плотного круга.

Их отец являл собой дикое, устрашающее зрелище. Его атаки на кольцо врагов были отчаянными, он не думал об обстоятельствах и о необходимости, о том, что более половины их людей уже погибло. Теперь всего человек тридцать продолжали бой, почти столько же, сколько этих грязных всадников. Оружие и доспехи людей из его отряда были хуже, и они еще никогда не участвовали в такой яростной рукопашной схватке.

Западня почти удалась им, но этого оказалось мало. Пора было уходить, бежать на юг, примириться с тем, что их громадный риск чуть было не принес плоды, но все же оказался напрасным. Им еще предстоит ужасно долгий путь до дома в Арбастро, по трудным зимним тропам, по грязи и под дождем, и к тому же с раненым, который замедлит их передвижение. Давно пора выходить из боя, пока еще можно, пока хоть часть из них оставалась в живых.

Будто бы для того, чтобы подтвердить правоту его мыслей, Идару пришлось в ту же секунду быстро нагнуться и уйти в сторону, так как могучий джадит, вооруженный окованной железом булавой, шагнул вперед и с размаху обрушил удар, целясь ему в лицо. Джадит был с головы до щиколоток закован в доспехи, а на Идаре был кожаный шлем и легкая кольчуга-нагрудник. Как вообще они могут вести рукопашный бой?

Уходя от смертоносной булавы, Идар рубанул мечом по щиколотке джадита сзади. Он почувствовал, как его клинок пронзил сапог и плоть. Солдат закричал и упал на колено. Скажут, что это трусливый способ вести бой, Идар это знал. У них есть доспехи и железо. Люди из Арбастро несколько десятилетий приобретали опыт в тактике коварства и устройства ловушек. Когда вопрос стоит так: убить или умереть, никаких правил не существует; его отец с самого начала вдалбливал им это в голову.

Идар убил упавшего гиганта, нанеся удар в шею, туда, где шлем не совсем плотно прилегал к нагруднику. Он подумал, не взять ли его булаву, но решил, что она для него слишком тяжела, особенно если придется бежать.

А им действительно придется бежать, иначе они погибнут в этом ущелье. Он смотрел на все еще охваченного дикой яростью отца, который снова и снова наносил мечом удары по щиту одного из джадитов. Джадит отступил на шаг, потом еще на шаг, но его рука держала щит твердо и упруго. Идар увидел, как совсем рядом с отцом командир джадитов, тот, со светлыми волосами, уложил еще одного из их людей. Они все погибнут здесь.

Именно в это мгновение вторая волна джадитов налетела галопом из-за их спин, и стук копыт внезапным громом наполнил ущелье.

Идар в ужасе обернулся. «Слишком поздно», — подумал он, и перед его мысленным взором промелькнуло яркое видение белолицей, черноволосой девушки, пришедшей за ним. Ее длинные ногти тянулись к его алому сердцу. А потом, еще через мгновение, Идар осознал, что совсем ничего не понимает в том, что происходит здесь сегодня.

Вожак этой новой волны всадников пролетел сквозь ряды разбойников. Он проскакал прямо туда, где светловолосый человек размахивал своим тяжелым мечом. Пригнувшись в седле, он отбил удар, а потом натянул поводья, размахнулся, резко опустил свой длинный клинок и прикончил того джадита на месте.

Идар почувствовал, что его рот широко раскрылся. Он закрыл его. Он в отчаянии посмотрел на испачканную кровью фигуру отца, ставшую олицетворением ярости и горя, и увидел, что его глаза вдруг снова стали ясными и острыми, какими он их помнил.

— Нас использовали, — сказал ему отец тихо, среди оглушительного хаоса, топота новых коней и воплей умирающих людей. Он опустил свой меч. — У меня старческое слабоумие. Я слишком стар, мне нельзя доверять руководство людьми. Мне следовало умереть раньше этого дня.

И он вложил клинок в ножны и отступил назад с равнодушным видом, пока новые джадиты убивали прежних без жалости и без пощады, хотя люди, стоящие вокруг золота, бросали мечи и громко кричали о выкупе.

Никому не позволили сдаться в плен. Идар, который в свое время убил многих, молча смотрел с того места, куда они отошли с отцом, — рядом с умирающим братом.

Воины из Халоньи, которые приехали на юг за богатой золотой данью, а потом по глупости попали в западню и уцелели благодаря общему мужеству и дисциплине, в то утро погибли все до единого в этом сумрачном ущелье.

Затем стало тихо, раздавались лишь стоны раненых разбойников. Идар увидел, что некоторые из только что появившихся джадитов стреляли из луков в раненых коней и те затихали. Вопли животных раздавались так долго, что он почти перестал их замечать. Он наблюдал, как собирали уцелевших коней. То были великолепные жеребцы; ни одна лошадь Аль-Рассана не могла сравниться со скакунами, выращенными на ранчо Эсперaньи.

Идар, его отец и другие отложили в сторону оружие, повинуясь приказу: не было смысла сопротивляться. Их осталось не больше двадцати, все были измучены, а многие ранены, и куда бежать от пятидесяти всадников? На земле рядом с ними лежал Абир, голова которого теперь покоилась на попоне коня. Он прерывисто дышал от боли. Рана на его бедре была слишком глубокой, как видел Идар, и она продолжала кровоточить, несмотря на узел, завязанный выше. Идару приходилось прежде видеть подобные раны. Его брат умрет. Поэтому мозг Идара словно опустел, он не мог ни о чем думать. Он вдруг вспомнил, совершенно неожиданно, то видение, которое возникло перед ним, когда появились новые всадники: смерть в облике женщины, готовой вцепиться в его сердце когтями и отнять у него жизнь.

И все же это оказалась не его жизнь. Он опустился на колени и прикоснулся к щеке младшего брата. Он обнаружил, что не может говорить. Абир посмотрел на него. Поднял руку, и их пальцы соприкоснулись. В его глазах стоял страх, но он ничего не сказал. Идар с трудом глотнул. Он сжал руку Абира и поднялся на ноги. Отошел на несколько шагов и встал рядом с отцом. Залитая кровью голова старика была высоко поднята, а плечи расправлены, когда он смотрел снизу вверх на всадников.

Тариф ибн Хассан из Арбастро, взятый, наконец, в плен впервые за сорок лет.

Разбойник, который стал больше королем — и который всегда был больше львом, чем любой из тысяч претендентов на престол со времен падения Силвенеса. По этому поводу Идар тоже не испытывал никаких чувств. Их мир заканчивался в этом ущелье. Новая легенда об Эмин ха'Назаре в придачу к старым. На лице его отца совсем ничего не отражалось. Более тридцати лет множество халифов, а затем полдюжины мелких правителей Аль-Рассана клялись отрезать ему пальцы на руках и на ногах по одному перед тем, как ему будет позволено умереть.

Предводители этого отряда сидели верхом на конях и смотрели на них. Они казались невозмутимыми, словно не произошло ничего важного, достойного упоминания. Их мечи тоже были вложены в ножны. Один из них был ашаритом. Другой — джадитом, как все остальные солдаты. Джадит носил на голове старомодный шлем с бронзовым орлом на вершине. Идар не знал ни того, ни другого.

Его отец сказал, не дожидаясь, когда они заговорят:

— Вы — наемники из Рагозы. Это киндат Мазур все придумал. — В его голосе не было вопроса.

Двое мужчин переглянулись. Идару показалось, что он заметил легкую насмешку на их лицах. Он чувствовал себя слишком опустошенным, чтобы рассердиться на них за это. Его брат умирал. Тело Идара ломило, а сердце застыло в тишине, наступившей после воплей. Но именно в сердце гнездилась настоящая боль.

Заговорил ашарит. Голосом придворного.

— Определенная доля самоуважения требует, чтобы мы приняли на себя часть заслуг, но в главном вы правы: мы — из Рагозы.

— Вы устроили так, чтобы мы узнали о дани. Вы заманили нас на север. — Голос Тарифа звучал ровно. Идар моргнул.

— Это тоже правда.

— А женщина на склоне? — внезапно спросил Идар. — Она с вами? — Отец бросил на него взгляд.

— Она путешествует с нами, — ответил человек с гладко выбритым лицом. В ухе он носил жемчужину. — Наш лекарь. Она тоже из киндатов. Они очень коварны, правда?

Идар нахмурился.

— Это не ее выдумка.

Второй мужчина, джадит, заговорил.

— Нет, эта честь принадлежит нам. Я подумал, что было бы полезно отвлечь ди Карреру. До меня дошли слухи из Эскалау.

Идар наконец понял.

— Вы погнали их на нас! Они подумали, что вы из нашей компании, иначе они никогда не поскакали бы в ловушку. Они выслали шпионов, я их видел. Они знали, что мы здесь!

Джадит поднял руку в перчатке и потрогал свои усы.

— И это правда. Вы хорошо устроили засаду, но ди Каррера опытный воин — был. Им следовало вернуться назад и обойти долину. Мы дали им повод не делать этого. Предоставили шанс совершить ошибку.

— Мы должны были убить их для вас, не так ли? — в голосе отца Идара звучала горечь. — Приношу свои извинения за неудачу.

Ашарит улыбнулся и покачал головой.

— Едва ли это можно назвать неудачей. Они были хорошо обучены и лучше вооружены. Но вы почти добились своего, правда? Вы, должно быть, понимали с самого начала, что рискуете потерпеть неудачу.

Воцарилось молчание.

— Кто вы? — спросил отец Идара, пристально глядя на них обоих. — Кто вы — оба? — Подул ветер. В ущелье было очень холодно.

— Простите, — ответил бритый. И спрыгнул с коня. — Большая честь наконец-то познакомиться с вами. Имя Тарифа ибн Хассана известно всему полуострову столько времени, сколько я живу. Оно стало синонимом мужества и отваги. Меня зовут Аммар ибн Хайран, еще недавно я жил в Картаде, а теперь служу эмиру Рагозы.

И он поклонился.

Идар почувствовал, что у него снова открылся рот, и он с усилием закрыл его. Он во все глаза, не таясь, смотрел на этого человека. Это же... это же тот самый человек, который зарезал последнего халифа! И который совсем недавно убил Альмалика Картадского!

— Понятно, — спокойно произнес его отец. — Теперь кое-что прояснилось. — Его лицо стало задумчивым. — Знаете, в деревнях у Арбастро погибли из-за вас люди.

— Когда Альмалик меня разыскивал? Я об этом слышал.

Прошу меня простить, хотя вы должны понимать, что я в тот момент не контролировал действия правителя Картады.

— И поэтому убили его. Конечно. Могу я узнать, кто ваш товарищ, который командует этими людьми?

Второй мужчина уже снял свой шлем и сунул его под мышку. Его густые каштановые волосы растрепались. Он не слез с коня.

— Родриго Бельмонте Вальедский, — ответил он.

Идар почувствовал, будто твердая почва внезапно зашаталась у него под ногами, как во время землетрясения. Имя этого человека, этого Родриго, уже много лет проклинали в храмах ваджи. Бич Аль-Рассана, так его называли. А если это его люди...

— Теперь понятно еще больше, — мрачно произнес отец Идара. Несмотря на кровь, пятнами и полосами покрывшую голову и одежду Тарифа ибн Хассана, он держался с достоинством и самообладанием. — И одного из вас было бы достаточно, — пробормотал он. — Если мне суждено потерпеть поражение и быть убитым, то, по крайней мере, пусть потом, в грядущие годы, скажут, что для этого потребовались усилия двух лучших людей из двух стран.

— И ни один из них не может превзойти вас.

«Этот человек, ибн Хайран, умеет говорить», — подумал Идар. Потом вспомнил, что этот картадец еще и поэт, вдобавок ко всему прочему.

— Вас не собираются убивать, — прибавил Родриго Бельмонте. — Если вы не будете настаивать. — Идар смотрел на него, крепко сжав губы.

— Последнее маловероятно, — проворчал отец Идара. — Я стар и слаб, но еще не устал от жизни. А от загадок устал. Если вы не собираетесь нас убивать, скажите мне, чего вы хотите. — Он произнес эти слова почти повелительным тоном.

Идар никогда не поспевал за отцом, не мог сравняться с ним в силе и осознать ее; он давно уже оставил подобные попытки. Он шел следом за ним — с любовью, со страхом, часто с благоговением. Ни он, ни Абир никогда не говорили о том, что произойдет, если их отец умрет. Продолжением этой мысли была пустота. Белолицая, темноволосая женщина с когтями.

Двое наемников, стоящие перед ними, один пеший, второй на коне, долгое мгновение смотрели друг на друга. Кажется, они пришли к согласию.

— Мы хотим, чтобы вы взяли одного мула с золотом Фибаса и отправились домой, — сказал Родриго Бельмонте. — В обмен

на это, на ваши жизни и золото, вы позаботитесь о том, чтобы мир узнал, как вы устроили удачную засаду на отряд из Халоньи, всех перебили и увезли все золото в Арбастро.

Идар снова заморгал от напряжения. Он скрестил на груди руки и постарался сделать хитрое лицо. Через мгновение его отец рассмеялся.

— Великолепно! — сказал он. — А кому принадлежит честь изобретения этой части плана?

Стоящие перед ним вожаки переглянулись.

— Эта часть, — несколько грустно произнес ибн Хайран, — как мне ни прискорбно это признать, рождена умом Мазура бен Аврена. Жаль, что я сам до этого не додумался. Уверен, додумался бы, если бы хватило времени.

Капитан из Вальедо расхохотался.

— Не сомневаюсь в этом, — сухо произнес Тариф ибн Хассан. Идар наблюдал, как его отец обдумывает предложение. — Так вот почему вы всех их убили?

— Вот почему нам пришлось это сделать, — согласился Родриго Бельмонте, его веселье исчезло так же быстро, как вспыхнуло. — После того как солдаты Карреры увидели мой отряд, если бы хоть один из них добрался до дома, из этой истории ничего бы не вышло. Все бы узнали, что золото — в Рагозе.

— Увы, я снова должен просить у вас прощения, — пробормотал Тариф. — Нам следовало убить их до вашего появления, а мы так позорно провалились. Как бы вы поступили, если бы мы взяли их в плен ради выкупа? — тихо спросил он.

— Убили бы их, — ответил Аммар ибн Хайран. — Это вас шокирует, ибн Хассан? Вы сражаетесь по рыцарским правилам, как паладины из древних легенд? Разве Арбастро построен на сокровища, добытые в бескровных походах? — Впервые в его голосе послышалось раздражение.

«Ему не нравилось так поступать, — подумал Идар. — Пусть он делает вид, что это не так, но ему это не нравилось».

Кажется, его отец чем-то удовлетворен. Его тон изменился.

— Я был разбойником большую часть своей жизни, за мою голову назначена награда. Вы знаете ответы на ваши вопросы. — Он тонко улыбнулся своей волчьей улыбкой. — Не возражаю против того, чтобы забрать золото домой и присвоить себе славу за успешный налет. С другой стороны, когда я вернусь в Арбастро, мне, возможно, покажется приятным разболтать правду и поставить вас в неловкое положение.

Аммар ибн Хайран улыбнулся, но его раздражение еще не прошло.

— Все эти годы многим людям нравилось ставить меня в неловкое положение тем или иным способом. — Он с сожалением покачал головой. — Я надеялся, что забота любящего отца о сыновьях, находящихся в Рагозе, возьмет верх над удовольствием доставить нам неприятности.

Идар быстро шагнул вперед, но его отец, не глядя на него, протянул руку и оттолкнул его назад.

— Вы можете стоять перед человеком, чей младший сын умирает, и угрожать тем, что отнимете у него второго сына?

— Он отнюдь не умирает. Вы знакомы хоть с какой-то медицинской помощью?

Идар резко обернулся. Рядом с Абиром на коленях стояла женщина. Они уже сказали, что их лекарь — женщина. Возле нее стоял ее слуга, и сумка, полная инструментов, была уже открыта. Идар даже не видел, как эти двое приблизились к ним, так он сосредоточился на обоих мужчинах. Она неожиданно оказалась молодой и довольно красивой для женщины киндатов. Но ее манеры отличались четкостью и были резкими, почти грубоватыми.

Она посмотрела на его отца и сказала:

— Я смогу спасти жизнь вашему сыну, но боюсь, это будет стоить ему ноги. Ее нужно отнять выше раны, и чем скорее, тем лучше. Мне необходимо знать время и место его рождения, чтобы определить, можно ли сейчас делать операцию. Вы их знаете?

— Я знаю, — услышал Идар собственный голос. Его отец смотрел на женщину.

— Хорошо. Назови их моему помощнику, пожалуйста. Я сделаю для твоего брата все, что смогу, и буду рада лечить его, когда он прибудет вместе с нами в Рагозу. Если повезет и если он будет стараться, то сможет ходить с помощью палок еще до наступления весны. — Ее глаза были необычайно яркого синего цвета и спокойно смотрели на отца Идара. — Я также уверена, что если рядом будет его брат, это ускорит выздоровление раненого.

Идар наблюдал за отцом. На лице старого воина сменялись облегчение, ярость и постепенное осознание того, что здесь он бессилен. В присутствии этих людей ему оставалось только смириться. Эта роль никогда в жизни не давалась ему легко.

Он выдавил из себя еще одну слабую, волчью улыбку. И повернулся от женщины-лекаря снова к двум мужчинам:

— Прошу вас, помогите старику, который уже не способен понять все до конца. Неужели этот сложный план действительно стоил задержки на один сезон? Вам должно быть известно, что король Бермудо снова отправит отряд в Фибас весной и потребует дань, почти наверняка удвоив сумму.

— Конечно, отправит, — ответил Аммар ибн Хайран. — Но этот сезон оказался очень важным, и этому золоту найдется лучшее применение, чем вооружить Халонью к следующему году. — Жемчужина в его правом ухе сверкнула. — Когда он придет в следующий раз, Фибас может отказаться платить дань.

— Вот оно что! — сказал тогда отец Идара. Он медленно провел окровавленной рукой по бороде, еще больше пачкая ее. — *Я понял! Дух Ашара наконец позволил мне все увидеть.* — Он насмешливо поклонился. — Польщен тем, что имею честь принять пусть даже небольшое участие в столь великом предприятии. Конечно, это важный сезон. Конечно, вам необходимо это золото. Весной вы нападете на Картаду.

— Тем лучше для вас! — ответил Аммар ибн Хайран, подбадривая его голосом и взглядом синих глаз. Он улыбнулся. — Не хотите отправиться с нами?

Короткое время спустя, вернувшись в освещенную солнцем долину, Джеана бет Исхак готовилась отпилить правую ногу Абиру ибн Тарифу с помощью Веласа и сильных рук Мартина и Лудуса, а также большой дозы самого сильного снотворного ее отца, которое дали больному, пропитав им губку.

Она и раньше делала ампутации, но никогда на голой земле, как сейчас. Этого она им не сказала, конечно. Снова совет сэра Реццони: «Пускай они думают, что ты изо дня в день только и занималась подобной процедурой».

Брат раненого беспомощно стоял поблизости и умолял разрешить ему помочь. Она пыталась найти вежливые слова, чтобы отослать его прочь, но тут рядом с ним материализовался Альвар ди Пеллино с откупоренной флягой в руке.

— Ты не обидишься, если я предложу тебе вина? — спросил он у бледного бандита. Полный благодарности взгляд послужил красноречивым ответом. Альвар отвел этого человека на другую сторону их временного лагеря. Отец парня, ибн Хассан, беседовал там с Родриго и Аммаром. Регулярно посылаемые в их сторону взгляды выдавали его тревогу. Джеана отметила это, потом выбросила все подобные мысли из головы.

Ампутации в полевых условиях часто оказывались неудачными. С другой стороны, большинство военных лекарей не вполне понимали, что они делают. Родриго это очень хорошо знал. Вот почему она оказалась здесь. И вот почему она нервничала. Она могла бы просить у лунных сестер и бога более легкого первого пациента в этой кампании. По правде говоря, любого другого пациента.

Но Джеана не позволила этим мыслям отразиться на лице. Она еще раз проверила свои инструменты. Они были чистыми, Велас выложил их на белой ткани, на зеленой траве. Она сверилась со своим альманахом и проверила расположение лун: их положение в час рождения пациента находилось в приемлемой гармонии с нынешним. *Ей пришлось бы отложить операцию лишь в случае самых неблагоприятных примет.*

Вино, чтобы лить на рану, уже готово, а на огне ждет железо для прижигания, уже раскаленное докрасна. Пациент впал в бессознательное состояние от снотворного, которое дал ему Велас. Неудивительно: губка была пропитана растертым маком, мандрагорой и болиголовом. Она взяла его руку и ущипнула изо всех сил. Он не шевельнулся. Она посмотрела ему в глаза и осталась довольна. Два сильных воина, привычных к операциям на поле боя, держали его. Велас, от которого у нее нет секретов, послал ей подбадривающий взгляд и протянул тяжелую пилу.

Нет смысла откладывать, в самом деле.

— Держите его, — сказала она и начала пилить плоть и кости.

Глава 11

— Где сейчас папа?

Фернан Бельмонте, задавший этот вопрос, лежал в чистой соломе на сеновале над хлевом. Он почти целиком зарылся в солому для тепла, только лицо и каштановые, спутанные волосы оставались на виду.

Иберо, священник, который неохотно согласился провести здесь утренние занятия с близнецами, — в хлеву, над коровами, действительно теплее, с этим он вынужден был согласиться, — быстро открыл рот, чтобы приструнить Фернана, но тут же закрыл его и бросил тревожный взгляд в сторону второго мальчика.

Диего совсем не было видно под соломой. Они видели, как солома поднимается и опускается в такт его дыханию, но и только.

— Какая разница? — Раздавшийся голос казался потусторонним. «Послание из мира духов», — подумал Иберо, потом суеверно сделал знак солнечного диска, укоряя себя за подобную чепуху.

— Да никакой, — ответил Фернан. — Мне просто любопытно. — Они устроили короткий отдых, перед тем как перейти к другому предмету.

— Бездельник. Ты же знаешь, что говорит Иберо насчет любопытства, — загадочно произнес Диего из своей соломенной пещеры.

Его брат оглянулся в поисках подходящего предмета для броска. Иберо, привыкший к подобному, взглядом остановил его.

— Значит, он может мне грубить? — спросил Фернан священника обиженным тоном. — Он пользуется вашим авторитетом, для того чтобы вести себя невежливо со старшим братом. И вы ему позволяете? Разве это не делает вас его сообщником?

— Что в этом невежливого? — спросил невидимый Диего приглушенным соломой голосом. — Разве я должен отвечать на каждый вопрос, который придет в его пустую голову, Иберо?

Тщедушный священник вздохнул. Ему становилось все труднее справляться с двумя его подопечными. Они не только нетерпеливы и часто безрассудны, но также пугающе умны.

— Я думаю, — ответил он, благоразумно избегая ответа на оба вопроса, — что ваш обмен колкостями означает конец нашего отдыха. Вернемся к проблеме мер и весов?

Фернан ужасно сморщил лицо, притворяясь, что задыхается, а потом зарылся в солому с головой в знак открытого протеста. Иберо протянул руку и нашел под соломой его ногу. Фернан издал вопль и вынырнул на поверхность.

— Мер и весов, — повторил священник. — Если вы не будете как следует заниматься здесь, нам просто придется спуститься вниз и сообщить вашей матери, что получается, когда я проявляю снисхождение к вашим просьбам.

Фернан быстро сел. Некоторые угрозы до сих пор действуют. Иногда.

— Он где-то восточнее Рагозы, — сказал Диего. — Там идет какой-то бой.

Иберо и Фернан быстро переглянулись. Проблема мер и весов была на данный момент забыта.

— Что означает «где-то»? — спросил Фернан. Теперь его голос прозвучал резко. — Давай, Диего, уточни.

— Возле какого-то города на востоке. В долине.

Фернан с надеждой взглянул на Иберо. Солома по другую сторону от священника рассыпалась и открыла взорам моргающего тринадцатилетнего мальчика. Диего начал стряхивать соломинки с волос и шеи.

Иберо был учителем. Он ничего не мог с собой поделать.

— Ну, он дает нам подсказку. Как называется город к востоку от Рагозы? Вы оба должны это знать.

Братья переглянулись.

— Ронисса? — высказал догадку Фернан.

— Это на юге, — сказал Иберо, качая головой. — И на какой она реке?

— Ларриос. Брось, Иберо, это важно! — Фернан умел казаться старше своих лет, когда обсуждались военные дела.

Но Иберо не спасовал.

— Конечно, серьезно. Какой командир полагается на помощь священника в вопросах географии? Твой отец знает название, величину и окрестности любого города на полуострове.

— Это Фибас, — внезапно сказал Диего. — Ниже перевала на Фериерес. Но я не знаю этой долины. Она к северо-западу от города. — Он сделал паузу и снова отвел глаза. Они ждали

— Папа кого-то убил, — сказал Диего. — Мне кажется, бой идет к концу.

Иберо проглотил слюну. Трудно с этим ребенком. Трудно, почти невозможно. Он пристально посмотрел на Диего. Мальчик выглядел спокойным, немного рассеянным, но по его лицу невозможно было сказать, что он воспринимает события на таком невообразимо огромном расстоянии. И Иберо не сомневался — после стольких доказательств, — что Диего говорит им правду.

А вот спокойствие Фернана испарилось. Его серые глаза засверкали, он вскочил на ноги.

— Готов поставить что угодно, это имеет отношение к Халонье, — сказал он. — Они собирались послать отряд за данью, помните?

— Ваш отец не станет нападать на других джадитов ради неверных, — быстро возразил Иберо.

— Еще как станет! Он ведь наемник, ему платит Рагоза. Он обещал только, что не придет с чужим войском в Вальедо, помните? — Фернан перевел уверенный взгляд с Иберо на Диего. Теперь он весь горел, словно заряженный энергией.

И в задачу Иберо — наставника, учителя, духовного советника — входило как-то контролировать и направлять эту силу.

Он посмотрел на двух мальчиков — один из них горел лихорадочным возбуждением, второй казался слегка отрешенным, отчасти находящимся где-то в другом месте, — и снова сдался.

— От вас обоих больше не будет никакого толку сегодня утром, это я вижу. — Он загадочно покачал головой. — Очень хорошо, вы свободны. — Фернан издал вопль, снова превратившись из будущего командира в ребенка. Диего поспешно встал. Бывали случаи, когда Иберо менял свои намерения.

— Одно условие, — сурово прибавил священник. — Сегодня после полудня вы займетесь в библиотеке картами. Завтра утром я заставлю вас назвать мне города Аль-Рассана. Крупные и мелкие. Это важно. Я хочу, чтобы вы их знали. Вы — наследники своего отца. Его гордость.

— Договорились, — ответил Фернан. Диего только улыбнулся.

— Тогда идите, — сказал Иберо. И смотрел, как братья бросились мимо него и вниз по приставной лестнице. Он невольно улыбнулся. Они были хорошими мальчиками, оба, а он — добрым человеком.

Но еще он был очень набожным и вдумчивым.

Он знал — а кто в Вальедо теперь уже не знал? — о священной войне, которая начнется этой весной из Батиары, об армаде кораблей, которая отправится в восточные земли неверных. Он знал, что в Эстерене в качестве гостя короля и королевы находится один из верховных клириков Фериереса, который прибыл, чтобы проповедовать войну трех королевств Эспераньи против Аль-Рассана. Чтобы снова отвоевать его. Неужели это действительно произойдет теперь, во время их жизни, через столько столетий?

Это будет война, которой каждый истинно верующий человек на полуострове должен оказать поддержку всеми своими силами. И в гораздо большей степени это касается служителей святого Джада.

Сидя в одиночестве на сеновале, слушая, как жалобно мычат внизу дойные коровы, Иберо, священник ранчо Бельмонте, начал трудную борьбу в своей душе. Он прожил в этой семье большую часть своей жизни. Он уже давно и горячо любил их всех.

Он также всем сердцем любил и боялся своего бога.

Он долго сидел там в задумчивости, но когда в конце концов спустился по лестнице, лицо его было спокойным, а поступь твердой.

Он прошел прямо в свою комнату рядом с часовней, взял пергамент, перо и чернила и старательно составил письмо верховному клирику Жиро де Шервалю, живущему в королевском дворце в Эстерене. Он писал во имя Джада и смиренно излагал некоторые необычные обстоятельства, как он их понимал.

* * *

— Когда я сплю, — сказал Абир ибн Тариф, — я испытываю ощущение, будто у меня есть нога. Во сне я кладу руку на колено и просыпаюсь, потому что его там нет. — Он просто сообщал, не жаловался. Он был не из тех, кто жалуется.

Джеана, менявшая повязку на ране, кивнула.

— Я говорила тебе, что такое возможно. Ты чувствуешь боль, нога чешется, словно она еще цела?

— Вот именно, — ответил Абир. Потом мужественно прибавил: — Боль не так уж велика, имейте в виду.

Она улыбнулась ему, а потом стоящему по другую сторону от больничной кровати его брату, который всегда присутствовал при ее обходе.

— Менее стойкий человек так бы не сказал, — пробормотала она. Абиру это понравилось. Ей нравились они оба, сыновья вожака разбойников, заложники Рагозы в эту зиму. Они оказались гораздо более мягкими людьми, чем можно было ожидать.

Идар, который привязался к ней, всю зиму рассказывал об Арбастро и о мужестве и хитрости их отца. Джеана умела слушать и иногда слышала больше, чем рассказчик намеревался поведать. Врачи умеют это делать.

Она и раньше задумывалась о цене, которую платят сыновья великих людей. В эту зиму из-за Идара и Абира она снова задала себе этот вопрос. Могли ли такие дети выйти из этой громадной тени и стать мужчинами? Она думала об Альмалике Втором Картадском, сыне Льва; о трех сыновьях короля Эспераньи Санчо Толстого и о двух мальчиках Родриго Бельмонте.

Она думала о том, стоит ли такая же трудная задача и перед дочерью. И решила, что нет, это не то же самое. Она не конкурировала со своим отцом, а лишь пыталась, как могла, стать его достойной ученицей, следовать его примеру. Достойной его флакона, который носила в качестве наследницы отцовской репутации.

Она закончила бинтовать ногу Абира. Рана хорошо зажила. Джеана радовалась и слегка гордилась. Она подумала, что отец

одобрил бы ее действия. Она написала ему вскоре после возвращения в Рагозу. Всегда находились отважные путешественники, которые доставляли письма через зимний перевал, хоть и не так быстро. Ответ Исхака пришел, написанный аккуратным почерком матери: «Уже слишком поздно давать полезные советы, но когда оперируешь в полевых условиях, нужно еще внимательнее следить за появлением зеленых выделений. Прижми кожу рядом с краями раны и прислушайся, не раздастся ли похрустывание».

Об этом она уже знала. Такой звук означал смерть, если только не отрезать снова, еще выше, но подобное могут пережить немногие. Рана Абира ибн Тарифа не стала зеленой, и он обладал большой выносливостью. Его брат редко отходил от него, а солдаты из отряда Родриго, кажется, привязались к сыновьям Хассана. Абир не испытывал недостатка в посетителях. Однажды, когда Джеана зашла к нему, она уловила легкий аромат духов, которые предпочитали женщины из определенных кварталов.

Она усердно принюхалась и неодобрительно пощелкала языком. Идар рассмеялся; Абир выглядел пристыженным. К тому времени он уже прочно встал на путь выздоровления, и Джеана была довольна. Наличие физического влечения, как учил сэр Реццони, является одним из самых явных признаков выздоровления после операции.

Она в последний раз проверила, как лежит новая повязка, и отступила назад.

— Он тренировался? — спросила она Идара.

— Недостаточно, — ответил старший брат. — Он ленив, я вам уже говорил. — Абир быстро выругался в знак протеста, потом еще быстрее извинился.

Собственно говоря, это была игра. Если бы за Абиром не следили как следует, он, вероятно, довел бы себя до истощения своими усилиями, стараясь научиться управляться с палками, которые смастерил ему Велас. Эти палки упирались в подмышки.

Джеана улыбнулся им обоим.

— Завтра утром, — сказала она своему пациенту. — Рана выглядит очень хорошо. К концу следующей недели, надеюсь, ты сможешь уйти отсюда и поселиться вместе с братом. — Она сделала паузу для пущего эффекта. — Тогда вам не придется больше тратить деньги на подкуп, когда будете принимать гостей после наступления темноты.

Идар снова рассмеялся. Абир покраснел. Джеана похлопала его по плечу и повернулась к выходу.

Родриго Бельмонте, в сапогах и плаще, с кожаной шляпой в руке, стоял у очага в дальнем конце комнаты. По выражению его лица она поняла: что-то случилось. Сердце ее глухо забилось.

— В чем дело? — быстро спросила она. — Мои родители?

Он покачал головой:

— Нет-нет. Это не имеет к ним отношения, Джеана. Но есть новости, которые тебе следует знать.

Он подошел к ней. Велас появился из-за ширмы, где готовил свои мази и настойки.

Джеана расправила плечи и стояла совершенно неподвижно.

Родриго сказал:

— Я, в некотором смысле, проявляю нескромность, но ты на данный момент все еще лекарь моего отряда, и я хотел, чтобы ты узнала это от меня.

Она моргнула: «На данный момент?»

— Только что пришло известие с южного побережья, прибыл один из последних кораблей с востока. Большая армия джадитов из нескольких стран собралась в Батиаре этой зимой, она готовится отплыть в Аммуз и Сорийю весной.

Джеана прикусила губу. Действительно, очень важные новости, но...

— Это священная армия, — сказал Родриго. Лицо его было мрачным. — По крайней мере, так они себя называют. По-видимому, в начале этой осени несколько отрядов напали на Соренику и разрушили ее. Они уничтожили город огнем, а его жителей зарубили мечами. Всех, как нам сказали. Джеана, Велас, мне очень жаль.

Сореника.

Мягкие, звездные ночи зимой. Весенние вечера, много лет назад. Вино в залитом огнем факелов саду ее соотечественников. Повсюду цветы, и легкий ветерок с моря. Самое прекрасное святилище бога и его сестер из всех, известных Джеане. Верховный священнослужитель, приятным, глубоким голосом поющий литургию в честь двух полных лун. Бело-синие свечи горели в ту ночь в каждой нише. Собиралось так много народу; было ощущение мира, покоя, дома для странников. Поющий хор, потом еще музыка на освещенных факелами извилистых

улицах за стенами святилища, под круглыми священными лунами.

Сореника. Светлый город на берегу океана, а выше его — виноградники. Давным-давно отданный киндатам за услуги правителям Батиары. Город во враждебном мире, который можно было назвать своим.

Зарубили мечами. Конец музыки. Затоптанные цветы. Дети?

— Всех? — спросила она слабым голосом.

— Так нам сообщили, — ответил Родриго. Он вздохнул. — Что я могу сказать, Джеана? Ты говорила, что не доверяешь сыновьям Джада. А я ответил, что им можно доверять. Это делает меня лжецом.

Она видела в его широко расставленных серых глазах искреннее горе. Он поспешил найти ее, как только услышал новости. Наверное, гонец из дворца уже ждет ее дома или идет сюда. Мазур должен был послать его. Общая вера, общее горе. Разве не киндат должен сообщить ей об этом? Она не могла ответить на этот вопрос. Внутри у нее словно что-то сжалось, сомкнулось вокруг раны.

Сореника. Где сады были садами киндатов, благословение — благословением киндатов, мудрых мужчин и женщин, впитавших знания и печаль странников за многие века.

Зарубили мечами.

Она закрыла глаза. Увидела мысленным взором сад и не смогла смотреть на него. Снова открыла глаза. Обернулась к Веласу и увидела, что он, который принял их веру в тот день, когда ее отец сделал его свободным человеком, закрыл лицо обеими ладонями и рыдает.

Тщательно подбирая слова, Джеана сказала Родриго Бельмонте из Вальедо:

— Я не могу возлагать на тебя ответственность за деяния всех твоих единоверцев. Спасибо, что принес мне это известие так быстро. Я сейчас пойду домой.

— Можно я тебя туда провожу? — спросил он.

— Велас проводит, — ответила она. — Несомненно, я увижу тебя при дворе вечером. Или завтра. — Она не совсем понимала, что говорит.

На его лице Джеана читала печаль, но у нее не осталось сил, чтобы ответить. Она не могла его утешить. Сейчас, в этот момент, не могла.

Велас утер глаза и опустил руки. Она никогда прежде не ви-

дела его плачущим, разве что от радости в тот день, когда она вернулась домой после обучения в Батиаре.

Батиара, где раньше находился светлый город Сореника.

«Куда бы ни дул ветер...»

На этот раз пришел огонь, а не дождь. Она огляделась в поисках своего плаща. Идар ибн Тариф взял его и держал наготове. Он молча помог ей накинуть плащ. Она повернулась и пошла к выходу мимо Родриго вслед за Веласом.

В самый последний момент, будучи тем, кто она есть — дочерью своего отца, которую учили облегчать боль при встрече с ней, — она протянула руку и, проходя мимо, прикоснулась к его руке.

* * *

Зима в Картаде редко бывала слишком суровой. От сильных ветров город закрывали леса на севере и горы за ними. О снеге здесь не слыхали, и ясные, теплые дни не были редкостью. Конечно, случались дожди, превращавшие базарные площади и узкие улицы в грязное месиво, но Альмалик Первый, а теперь его сын и преемник выделяли значительные суммы на поддержание порядка и чистоты в городе, и зимой базар процветал.

Это время года доставляло неудобства, но не приносило серьезных лишений, как в местах, расположенных дальше к северу или к востоку, где дожди, казалось, не прекращаются. Знаменитые сады были усеяны яркими пятнами цветов. В Гвадиаре кишела рыба, и корабли по-прежнему поднимались вверх по течению из Тудески и Силвенеса и снова спускались вниз по реке.

С тех пор как Картада образовала собственное государство после падения Халифата, таверны и харчевни никогда не испытывали нехватки продуктов, и большое количество дров для очагов доставляли в город из леса.

Существовали также зимние развлечения эзотерического характера, как и подобает городу и двору, претендующему не только на военное, но и на эстетическое первенство в Аль-Рассане.

Зимой таверны джадитов всегда бывали переполненными, несмотря на неодобрение ваджи. Поэты и музыканты старались заполучить богатых покровителей при дворе, в тавернах, в лучших домах. Они соперничали с жонглерами, акробатами и дрессировщиками животных; с женщинами, которые утверждали, что могут беседовать с умершими; с киндатами-прорицателями,

которые читали будущее человека по лунам; с ремесленниками, переселившимися на зиму в черту города. Этой зимой стало модно иметь свой миниатюрный портрет, написанный художником из Серийи.

Можно было даже отыскать забавных ваджи в небольших окраинных храмах или на углах улиц в теплый день, которые с зажигательным красноречием вещали о роке и о гневе Ашара.

Многие великосветские женщины Картады любили утром послушать этих оборванных людей с дикими глазами, чтобы испытать приятный испуг от их пророчеств о судьбе верующих, отклонившихся от истинного пути, который Ашар определил для звезднорожденных детей песков. Эти женщины возвращались после такой прогулки в свои утонченные дома и пили искусно смешанные напитки из вина, меда и пряностей — запрещенные, разумеется, но лишь придающие пикантность утренним похождениям. Они обсуждали последнюю страстную речь проповедника почти так же, как обсуждали декламацию придворных поэтов или песни музыкантов. Беседа у горящего очага обычно переходила затем на офицеров армии. Многие из них на зиму переехали жить в город, что вносило приятное разнообразие.

В Картаде в холодное время года жилось совсем неплохо. Так было и в этом году, как соглашались самые старые и вдумчивые из придворных, после смены правителей.

Альмалик Первый управлял Картадой в качестве наместника халифов Силвенеса, в течение трех лет, потом пятнадцать лет был верховным правителем. Долгий срок пребывания у власти на неспокойном полуострове. Придворные помоложе даже не могли вспомнить то время, когда правил кто-то другой, и уж конечно в гордой Картаде никогда прежде не жили верховные правители.

Теперь здесь был правитель, и преобладало мнение, что сын начинает хорошо. Предусмотрительный там, где это необходимо — в вопросах обороны и в сведении к минимуму нарушений порядка в гражданских службах и при дворе. Щедрый там, где могущественному монарху положено быть щедрым, милостивый к художникам и к тем придворным, которые шли ради него на риск в те дни, когда его право на престол было... мягко выражаясь, проблематичным. Пусть Альмалик Второй еще молод, но он вырос при умном, циничном дворе и, кажется, усвоил его уроки. У него был исключительно тонкого ума наставник, как

отмечали некоторые придворные, но об этом говорили тихо и только в компании друзей.

Новый правитель вовсе не был слабым человеком, как показалось сначала. Тик над глазом — наследство Дня Крепостного Рва — остался, но был всего лишь показателем настроения правителя, полезной подсказкой для осторожного придворного. Без сомнения, этот правитель не проявлял никаких признаков нерешительности.

Со многими из наиболее явно коррумпированных чиновников уже разобрались: с теми, кто считал, будто давние отношения с покойным правителем позволяют им забыть о добродетелях, и оказался замешанным в различных налоговых нарушениях. Некоторым принадлежала монополия на красители — основное богатство Картады. В долине к югу от города поселились жуки кермас, питающиеся белыми цветами илликсии, а затем дающие красную краску, которую Картада поставляла всему миру. Можно было сделать состояние на контроле над этой торговлей, а где замешаны большие деньги, как гласит старая пословица, там возникает желание получить еще больше.

Такие люди имелись при каждом дворе. Это было одной из причин их появления при дворе. И, разумеется, риск тоже был.

Попавшихся чиновников, которые еще не были кастратами, кастрировали перед казнью. Их тела повесили на городских стенах, а с обеих сторон повесили тела собак. Кастратов-придворных, которым следовало бы быть умнее, бичевали, содрали с них кожу, а затем привязали на расчищенном участке у Врат Силвенеса. Для огненных муравьев было слишком холодно, но дикие звери зимой всегда голодны.

Были назначены новые чиновники из подходящих семей. Они дали все необходимые клятвы. Некоторые поэты и певцы разъехались по другим дворам, на их место приехали другие. Все это составляло нормальный ход событий. Артист может надоесть, а новому правителю было необходимо во многих областях проявить свой собственный вкус.

В гареме, так долго подчинявшемся Забире, фаворитке покойного правителя, начался, как и следовало ожидать, бурный период. Женщины яростно боролись за право занять свое место подле юного правителя. Ставки были очень высоки. Все знали, как начинала Забира и как необычайно высоко она поднялась. В ход шли кинжалы, была даже одна попытка отравления, прежде чем женщинам гарема и евнухам удалось навести некое подобие порядка.

Одной из причин такой неразберихи было то, что о пристрастиях нового правителя почти ничего не знали, хотя и ходили самые разные сплетни и догадки, особенно относительно впавшего в немилость Аммара ибн Хайрана из Альджейса, бывшего воспитателя и наставника правителя. Но вскоре после воцарения Альмалика Второго рассказы некоторых самых болтливых надсмотрщиков гарема опровергли самые скандальные из этих слухов.

По их словам, женщины все время очень заняты. Молодой правитель имеет совершенно обычную ориентацию в делах любовных и такой аппетит, который — в соответствии с древнейшими предсказаниями о правителях земель ашаритов — предрекает ему могущество и в других делах.

Предзнаменования сулили удачу и во многих других отношениях. Фезана была подавлена довольно жестоким образом, об этом всегда будут помнить. Силвенес все больше приходил в упадок: лишь сломленные, отчаявшиеся люди все еще жили возле печальных руин Аль-Фонтаны или в них самих. Эльвира на побережье, кажется, проявила некоторые признаки нежелательной самостоятельности после смерти Альмалика Первого, но эти искры были быстро погашены новым каидом войска, который совершил показательный поход на юг с отрядом мувардийцев перед самым наступлением зимы.

Старый каид, разумеется, был мертв. В качестве прославляемого всеми жеста милосердия, правитель позволил ему самому покончить с собой вместо публичной казни. Эта смерть тоже была нормальным явлением: считалось неразумным, если новый монарх оставлял прежних военачальников у власти или даже просто в живых. Тем, кто соглашался принять должность главнокомандующего войсками Аль-Рассана, приходилось идти на такой риск.

Даже разбойник Тариф ибн Хассан, гроза купцов на южных дорогах и всех законных сборщиков податей, кажется, решил в этом сезоне обратить свой взор в другие места. Вместо хронических разрушительных набегов из неприступного Арбастро на охотничьи земли Картады он предпринял поразивший всех рейд на территорию Рагозы.

Разговоры об этой операции продолжались всю зиму, по мере того как отважные путешественники и купцы являлись в город со все новыми вариантами этой истории. По-видимому, ибн Хассану действительно удалось захватить первую порцию дани Халонье от Фибаса и при этом перебить весь отряд джадитов.

Поразительное достижение во всех отношениях. Еще одна глава в сорокалетней легенде о знаменитом разбойнике.

Замешательство Рагозы — поскольку прежде всего эмир Бадир дал согласие на выплату дани, — было огромным, так же, как экономические и военные последствия. Некоторые из наиболее разговорчивых посетителей, выпивающих в тавернах Картады в ту зиму, высказывали мнение, что Халонья может весной двинуть большие силы на юг, чтобы проучить Фибас. Что означало проучить Бадира Рагозского.

Но это чужие проблемы, соглашались пьяницы. В кои-то веки Хассан заварил серьезную кашу в другом месте. Как было бы хорошо, если бы престарелый шакал поскорее умер! Разве он не достаточно стар? Вокруг Арбастро хорошие земли, на которых верный придворный нового правителя Картады мог бы построить себе небольшой замок в подаренном правителем поместье — для его охраны.

Помимо всего прочего, зима — это подходящее время, чтобы помечтать.

У нового правителя Картады не было ни свободного времени, ни настроения предаваться подобным мечтам. Альмалик Второй, человек раздражительный и педантичный, во многих отношениях сын своего отца, хотя оба они отрицали бы это, знал слишком многое из того, о чем не знали его подданные, и поэтому он сам зимой не испытывал оптимизма.

И в этом тоже не было ничего необычного для правителей.

Он знал, что его брат находится у мувардийцев в пустыне с благословения ваджи, которые возлагают на него большие надежды. Он знал наверняка, что предложит воинам пустыни Хазем. Как эти предложения воспримет Язир ибн Кариф, он знать не мог. Переход власти от сильного правителя к его преемнику — всегда опасное время.

Он обязательно делал перерыв на молитву в своих делах каждый раз, когда звонили колокола. Он вызвал к себе самых влиятельных ваджи Картады и выслушал их жалобы. Вместе с ними он сокрушался о том, что его возлюбленный отец — верующий, разумеется, но человек мирской, — позволил их великому городу несколько отойти от законов Ашара. Пообещал регулярно советоваться с ними. Приказал немедленно очистить печально известную улицу проституток-джадиток и построить там новый храм с садами и резиденцией для ваджи.

Он послал дары, и весьма богатые, Язиру и его брату в пустыню. На данный момент больше ничего он не мог сделать.

Он также узнал в начале зимы, еще до того, как новости из-за рубежа сократились до тонкой струйки, что в Батиаре готовится священная война и армии четырех земель джадитов собираются весной отплыть в Аммуз и Сорийю.

Потенциально это была самая важная новость из всех, но не самая насущная его проблема. Трудно вообразить, что после скучной, вызывающей раздражение зимы, проведенной вместе, такое отчаянное войско действительно отправится в плавание. Но с другой стороны, сядут они на корабли или нет, сам факт сбора такой армии представлял собой самую серьезную опасность.

Он продиктовал предупреждение Великому Халифу в Сорийю. Оно придет к нему только весной, конечно, и другие тоже пошлют свои предупреждения, но важно присоединить свой голос к общему хору. У него потребуют золота и воинов, но для того, чтобы такая просьба дошла, необходимо время.

Сейчас более важно разгадать, что могут задумать джадиты на севере полуострова после известия о войне, которое они уже должны были получить. Если четыре армии джадитов собираются отплыть на восток, что могут замыслить правители Эсперaньи, которые находятся так близко от ашаритов, узнав о подготовке священной войны? Не начали ли их священники уже проповедовать нападение?

Способны ли три правителя Эсперaньи собраться в одном месте и не перебить друг друга? Альмалик Второй сомневался в этом, он побеседовал со своими советниками и послал кое-какие дары и письмо королю Санчесу в Руэнду.

Дары были королевскими; в послании в тщательно подобранных словах отмечался тот факт, что Фезана, которую контролирует Картада и которая сейчас платит дань наглому Вальедо, а не Руэнде, лежит на таком же расстоянии от последней и является, по крайней мере, таким же потенциальным объектом защиты Руэнды. Он почтительно просит Санчеса высказать свои мысли по поводу этих щекотливых моментов.

Следовало посеять рознь на севере, и посеять ее среди наследников Санчо Толстого не представляло особой трудности.

Халонья на северо-востоке его сейчас не волновала. Более вероятно, что они создадут трудности для Рагозы, а это ему на пользу, пока не переросло в нечто большее. Ему не раз приходило в голову, что следовало бы этой зимой посоветоваться с эми-

ром Бадиром, но делать этого не хотелось. Любое взаимодействие с Бадиром означало теперь иметь дело с Аммаром ибн Хайраном, который сбежал к главному сопернику Картады на следующий день, после того как его отправили в ссылку.

«Это был трусливый поступок, — решил Альмалик. — Он даже граничил с предательством». Аммару всего-то и нужно было скромно удалиться куда-нибудь на год, сочинить несколько стихов, возможно, совершить паломничество на восток, даже сразиться за веру в Сорийе в наступающем году, во имя Ашара... а потом Альмалик мог бы позвать его обратно, смирившегося, покорного придворного, который выдержал приличный срок наказания. Тогда это казалось таким очевидным.

Вместо этого ибн Хайран, как всегда, непокорный и колючий, убежал вместе с Забирой прямо к Бадиру и его порочному визирю-киндату в опасную Рагозу. В очень опасную Рагозу, так как источники Альмалика сообщили ему, с опозданием, что эта женщина еще летом отослала двух своих сыновей — его сводных братьев — к Бадиру, сразу же после Дня Крепостного Рва.

Эти сведения он должен был получить раньше, до смерти отца. Ему пришлось создать прецедент и казнить двоих из своих людей: губительно получать столь важные сведения так поздно. Эти два мальчика представляют угрозу его положению на троне, почти такую же большую, как Хазем в пустыне.

«Со сводными братьями, — решил новый правитель Картады, — лучше быстро покончить». Смотрите, что случилось у джадитов, например. Рамиро Вальедский, несмотря на его знаменитую ловкость, добился успехов лишь после внезапной кончины своего брата Раймундо. И хотя об этой смерти ходили разные слухи, они не помешали возвышению Рамиро.

Из этого следует извлечь урок. Альмалик вызвал двух известных ему людей, дал им подробные инструкции и щедрые обещания, а потом послал на восток под видом торговцев пряностями, чтобы они могли преодолеть горы Рагозы, пока перевал еще открыт для законных купцов. Его отрезвило и сильно потрясло полученное в середине зимы известие о том, что они оба погибли в драке в таверне в первый же день их приезда в город Бадира.

«Бадир умен», — так всегда говорил отец Альмалика Второго. Его визирь-киндат необычайно умен. А теперь с ними Аммар, в то время как ему следует находиться здесь или, по крайней мере, спокойно ждать где-нибудь разрешения вернуться.

Однажды ветреной ночью Альмалик Второй отправился в

поисках мимолетного утешения в гарем своего отца, который теперь стал его собственным. Он чувствовал себя очень одиноким. Он рассеянно потирал свое непослушное веко, пока очень высокая светловолосая женщина из Карша прилежно старалась возбудить его при помощи благовонных масел и ловких рук, и обдумывал некоторые факты.

Первый факт: Аммара ибн Хайрана не удастся быстро вернуть в Картаду, даже пообещав возвратить ему его честь и огромную власть. Он знал это точно. Тщательно продуманная ссылка ибн Хайрана в день смерти отца начала казаться ему не столь разумным шагом, каким виделась в то время.

Он с гневом вынужден был признать и тот факт, что нуждается в Аммаре. Слишком много событий произошло этой зимой, слишком много неотложных вопросов следовало бы рассмотреть и решить, а окружающие его люди с этим не справлялись. Ему необходим хороший совет, а единственный человек, советам которого он доверял, был тот, кто всегда относился к нему с насмешливым снисхождением учителя к своему ученику. Теперь он — правитель Картады; больше так быть не должно, но ему нужно вернуть Аммара.

Он поставил женщину на четвереньки и вошел в нее. Она была необыкновенно высокого роста; это создавало неудобства. Она тут же начала издавать стоны блаженства, привычно преувеличенные. Все они вели себя так, отчаянно стремясь завоевать его расположение. Двигаясь на женщине из Карша, он поймал себя на мысли о том, какова была миниатюрная Забира с его отцом в этой самой постели. Женщина под ним стонала и ахала, словно умирала. Он быстро кончил и отослал ее.

Потом он лежал один среди подушек и тщательно обдумывал, как вернуть того единственного человека, который ему необходим, раньше, чем грозящие ему со всех сторон беды не вспыхнут, подобно кострам, и не поглотят его.

Утром, с первыми бледными лучами света, он послал за шпионом, которого использовал и раньше. Молодой правитель Картады принял этого человека с глазу на глаз, даже прогнал из спальни рабов.

— Я хочу, — сказал он, не здороваясь, без всякой преамбулы, — узнать все, что ты сможешь раскопать о передвижениях господина Аммара ибн Хайрана в Фезане в День Крепостного Рва.

* * *

Однажды зимним утром, по дороге к своей палатке на базаре, Джеану и Веласа похитили так ловко, что никто из прохожих даже не понял, что произошло.

День выдался серый; скользили облака, светлые и потемнее. Дул ветер и моросил дождь. К ним подошли двое мужчин; один попросил уделить им несколько секунд внимания. Произнося эти слова, он уже приставил нож к ее ребрам, прикрывая его своим телом и подбитым мехом плащом.

— Твой слуга умрет, если ты откроешь рот, — приветливым тоном произнес он. — А ты умрешь, если рот откроет он. — Она быстро оглянулась: Веласа так же держал второй мужчина. На первый взгляд любому прохожему показалось бы, что они просто беседуют.

— Спасибо, доктор, — громко произнес стоящий рядом с ней. — Дом находится вон там. Мы очень вам благодарны.

Она пошла туда, куда он ее вел. Нож на ходу царапал ее кожу. Она заметила, что Велас побледнел, и знала, что это от ярости, а не от страха. Что-то было в этих людях, некая внутренняя уверенность, которая убедила ее, что они готовы убить их даже в людном месте.

Они подошли к двери, открыли ее тяжелым ключом и вошли. Второй мужчина запер ее за ними одной рукой. Второй рукой он держал нож у тела Веласа. Она увидела, что он положил ключ в кошелек у пояса.

Джеана сказала так твердо, как только смогла:

— Вы навлечете на себя гибель, и вам это известно. Я — придворный лекарь эмира Бадира.

— Большое облегчение, — ответил первый мужчина. — Если бы вы оказались другой женщиной, то у нас могли бы возникнуть проблемы.

У него был сухой, четкий голос. Никакого акцента Джеана не смогла подметить. Он был ашаритом, купцом, или одет купцом. Они оба были так одеты. Одежда дорогая. От одного исходил свежий аромат духов. Руки и ногти чистые. Это не бандиты из таверны, а если и бандиты, то кто-то приложил усилия, чтобы это скрыть. Джеана сделала глубокий вдох; у нее пересохло во рту. Она чувствовала, что у нее начинают дрожать ноги. Она надеялась, что они этого не заметят. Она молча ждала. Потом увидела кровь на тунике Веласа, под полой плаща, и внезапно перестала дрожать.

Второй мужчина, более высокий и широкий в плечах, чем первый, спокойно произнес:

— Мы собираемся связать и заткнуть рот вашему слуге и оставить его здесь. Его одежду мы снимем. Никто сюда не заглядывает. Оглянитесь, если хотите в этом убедиться. Никто не узнает, где он. Он умрет от холода, если мы не вернемся и не освободим его. Вы понимаете, что я вам говорю?

Джеана смотрела на него в упор, пряча страх за презрением. Она не ответила. Мужчину это, по-видимому, позабавило, она заметила, как напряглись мышцы на его руке, перед тем как шевельнулся нож. У Веласа вырвался слабый, непроизвольный стон. Теперь ему нанесли настоящую рану, а не просто царапину.

— Если он задает вопрос, вам лучше на него ответить, — мягко произнес первый мужчина. — У него очень обидчивый характер.

— Я понимаю, — сквозь зубы сказала Джеана.

— Отлично, — пробормотал высокий. Внезапным движением он сорвал с Веласа синий плащ и бросил его на землю. — Снимай одежду, — приказал он. — Всю. — Велас заколебался, глядя на Джеану.

— У нас есть и другие способы сделать то, зачем мы сюда прибыли, — резко сказал первый мужчина Веласу, — даже если нам придется убить вас обоих. Снимай одежду, ты, мерзкий ублюдок-киндат. Немедленно. — Это дикое оскорбление прозвучало еще ужаснее из-за совершенно спокойного тона, которым было произнесено.

Тут Джеана подумала о Соренике. О тех, кто погиб там в конце осени, о сожженных, обезглавленных, о младенцах, перерубленных мечом пополам. Вслед за первым сообщением приходили новые известия, каждое еще страшнее предыдущих. Какое значение имеют еще две жизни? Не все ли равно богу и двум его сестрам?

Велас начал раздеваться. Теперь его лицо стало совершенно непроницаемым. Второй мужчина отошел на несколько шагов к дальнему концу чаши фонтана и достал моток веревки и кусок плотной ткани. Снова начался дождь. Было очень холодно. Джеана попыталась сообразить, как долго может прожить человек, лежа здесь связанным и обнаженным.

— Что вам от меня нужно? — спросила она против своей воли. Теперь ей стало страшно.

— Терпение, доктор. — Голос бандита звучал вкрадчиво;

нож по-прежнему оставался у ее ребер. — Давайте сначала займемся вашим гарантом.

Они им и занялись. Веласу не разрешили даже оставить нижнее белье. Совершенно обнаженный, он выглядел маленьким и старым в холодной, мокрой темноте. Ему связали руки и ноги. Плотно стянули рот куском ткани. Потом высокий поднял его и бросил в чашу фонтана. Джеана содрогнулась. Мокрый камень должен показаться ледяным обнаженной коже. Велас не произнес ни слова, не протестовал и ни о чем не просил. Теперь у него не было такой возможности. Он беспомощно лежал на спине, но смотрел ей прямо в глаза, и она по-прежнему видела горящий в них гнев, а не страх.

Он был неукротимым, он всегда был таким. Его мужество передалось Джеане.

— Еще раз повторяю, — сказала она, делая шаг в сторону от ножа. — Чего вы хотите? — Мужчина не стал за ней гнаться. Казалось, он остался равнодушным к ее вызову.

Он хладнокровно произнес:

— Насколько мы понимаем, будучи придворным лекарем, вы знаете, где живут сыновья госпожи Забиры. Оказалось, что получить эти сведения очень трудно. Вы отведете нас в этот дом и поможете нам войти. Останетесь с нами там на какое-то время, а потом можете вернуться сюда и освободить своего слугу.

— Вы надеетесь, что я просто смогу войти туда вместе с вами?

Второй мужчина снова отвернулся. Из другого большого мешка он начал вынимать предметы одежды. Две голубые туники, два синих верхних балахона с белой каймой, две маленькие синие шапочки.

Джеана начала понимать.

— Мы — ваши сородичи, дорогая госпожа. Лекари вашей веры из Фезаны, приехали у вас учиться. Мы слишком мало знаем о детских болезнях, увы, а ваше искусство в этой области всем известно. Обоим мальчикам давно пора пройти очередной осмотр. Вы приведете нас туда, представите, как знакомых лекарей, и отведете нас к ним. Вот и все.

— И что произойдет дальше?

Второй мужчин улыбнулся, стоя у фонтана; он надевал синюю с белым одежду киндата.

— Вы действительно хотите получить ответ на этот вопрос?

Разумеется, это и был ответ.

— Нет, — сказала она. — Я этого не сделаю.

— Мне очень жаль это слышать, — невозмутимо произнес

второй. — Лично я не люблю скопить мужчин, даже если меня провоцируют. Тем не менее вы видите, что у вашего слуги надежно заткнут рот. Когда мы будем отрезать его половые органы, он, естественно, попытается закричать. Но его никто не услышит.

Джеана пыталась дышать нормально. Сорейика. Они делали то же в Сорейике.

— А если я сейчас закричу? — спросила она больше для того, чтобы выиграть время.

Но их, казалось, ничем нельзя пронять. Тот, что у фонтана, был уже полностью одет как киндат, первый снял свою отороченную мехом одежду, готовясь переодеться.

Он сказал:

— Здесь запертая дверь и высокая стена. Вы должны были это заметить. Вы оба умрете, а мы выйдем через дом в боковой переулок и затеряемся в городе, раньше чем кто-нибудь взломает эту дверь и найдет кастрированного мужчину и мертвую женщину с выпущенными кишками. В самом деле, доктор, я надеялся, что вы не станете делать глупости.

Тогда Джеана начала про себя, совершенно несправедливо, проклинать всех знакомых мужчин в Рагозе. Мазура. Аммара. Родриго. Альвара и Хусари. Когда вокруг столько доблестных мужчин, как это могло произойти?

Причиной, конечно, было ее настойчивое требование независимости и их готовность обеспечить ей эту независимость, и поэтому ее проклятия были несправедливыми. «При данных обстоятельствах, — решила Джеана, — справедливость не имеет никакого значения: один из них каким-то образом должен был оказаться здесь и предотвратить это».

— Зачем вам нужны дети? — спросила она.

— Для вашей же пользы не задавайте слишком много вопросов. Мы ничего не имеем против того, чтобы оставить вас обоих в живых, когда все будет кончено, но вы понимаете, что мы здесь немного рискуем и не можем позволить вам увеличить риск.

Он не успел договорить, как Джеана все поняла. Она могла сообщить им об этом, но мысли ее теперь прояснились, и она осознавала, что этим подпишет себе смертный приговор, и Веласу тоже, здесь, в заброшенном дворе. Она промолчала.

Это дело рук Альмалика Второго Картадского, она была уверена. Он стремится уничтожить маленьких мальчиков, своих братьев, которые представляют угрозу его трону самим своим

существованием. Правители и их братья; древняя история, повторяющаяся заново в каждом поколении, в том числе и в ее поколении.

Оба мужчины закончили переодевание. Каждый из них взял маленький мешочек и достал флаконы для мочи, эмблему профессии. Ее принадлежности и флакон обычно нес Велас. Высокий убийца жестом указал на них Джеане, и она через мгновение сама подняла их.

— Я все время буду рядом с вами, — предупредил тот, что пониже. — Можете, конечно, закричать. Вы умрете, и разумеется, умрет ваш слуга здесь, его некому будет спасти. Нас тоже могут убить, но в этом вы не можете быть уверены, так как мы большие мастера своего дела. Я бы не советовал пытаться помешать нам, доктор. Куда мы идем?

У нее не оставалось выбора. Пока. Пока она не выйдет из этого двора. Она оглянулась на Веласа, но теперь его загораживал край фонтана. Поднялся ветер, и дождь полил сильнее, он хлестал косыми, холодными струями. Времени оставалось немного. Она назвала дом. Потом надвинула капюшон и вышла вместе с ними.

Дом, где жили двое маленьких детей Забиры Картадской, иногда вместе с матерью, чаще без нее, находился неподалеку от дворца. Квартал был богатый и тихий.

У Джеаны быстро улетучилась всякая надежда, которую она могла бы питать, на то, что ее увидит кто-то из знакомых. Двое ее похитителей хорошо знали Рагозу: то ли уже бывали здесь, то ли быстро ее изучили. Они вели ее по извилистому маршруту, в обход базара и дворцовых площадей. Теперь они не спешили.

Они даже миновали одну из больниц, где находились пациенты Джеаны, слишком тяжелые, чтобы оставаться дома, но убийцы тоже явно знали об этом: они держались противоположной стороны улицы и не замедлили шаг. Она вспомнила, проходя мимо двери, как Родриго Бельмонте и Аммар ибн Хайран однажды ночью вместе свернули за тот же угол, который сейчас огибала она в компании двоих людей, использующих ее для убийства детей.

Они шагали совсем близко от нее, мужчины делали вид, что оживленно беседуют, зажав ее с двух сторон. Для всех окружающих три лекаря-киндата со своими принадлежностями шли к пациенту, достаточно состоятельному, чтобы заплатить им. В том

квартале, где они находились, это не служило поводом для комментариев. В холодное, дождливое утро было мало прохожих, которые могли бы их заметить. «Даже погода против меня», — подумала Джеана. Она с ужасом представила себе Веласа, обнаженного и дрожащего под колючим дождем в том пустом дворе.

Они подошли к указанному ею дому.

В первый раз Джеана подумала о самих детях, которые здесь жили. Раньше она всего дважды видела их, ее вызывали для лечения каких-то пустяковых болезней. «Я даже хотела отказаться», — вспомнила Джеана. Младший из этих детей стал причиной слепоты отца и его немоты. Однако, подумав об Исхаке и зная, как бы поступил он, она все же пошла. Нельзя винить детей. Детям она обязана оказать помощь в строгом соответствии с данной ею клятвой Галинуса.

И тут возникал ужасный вопрос о том, что она делает сейчас. Она постучалась в дверь.

— Просите позвать мать, — быстро прошептал высокий. Впервые в его голосе послышалось напряжение. Это странным образом успокоило Джеану. Они совсем не так невозмутимы, как кажется. «Ублюдок-киндат» — так он назвал Веласа. Она желала смерти этим людям.

Дверь открылась. На пороге стоял управляющий, за ним виднелись хорошо освещенный коридор и внутренний двор. Это был изысканный дом. Она помнила этого управляющего по прошлым посещениям: безобидный, честный человек. Он широко раскрыл глаза от удивления.

— Доктор? Что случилось?

Джеана сделала глубокий вдох. Невидимый под плащом кинжал прижался к ее спине.

— Госпожа Забира дома? Она меня ждет?

— Нет, доктор. — Голос управляющего был виноватым и встревоженным. — Она сегодня утром во дворце. И она не предупредила нас о вашем визите.

Тот из двоих, что пониже, сухо рассмеялся.

— Типичная мать! Только когда малыши серьезно больны, нас ждут. Мы договорились о визите два дня назад. Джеана бет Исхак проявила любезность и позволила нам сопровождать ее во время посещения маленьких пациентов. Мы — студенты, пытаемся приобрести больше знаний для исцеления малышей. — Он слегка приподнял свой флакон.

Управляющий неуверенно смотрел на Джеану. Она почувст-

вовала, как острие кинжала проникло сквозь одежду и прижалось к коже.

— Действительно, — в отчаянии произнесла она. — Хозяйка вам совсем ничего не сказала?

— Мне — не сказала, доктор. — Он все еще говорил виноватым голосом. «Если бы он оказался более суровым человеком, — подумала она, — то захлопнул бы перед ними дверь и попросил прийти снова, когда Забира вернется домой».

— Ну, тогда, — сделала попытку Джеана, — если она не...

— Но я вас знаю, доктор, и знаю, что хозяйка вам доверяет. Это, наверное, недоразумение. Боюсь, мальчики сейчас расшалились, но входите, прошу вас. — Управляющий приветливо улыбнулся. Один из мужчин благожелательно посмотрел на него и дал ему серебряную монету. Это было слишком много и должно было насторожить хорошего слугу. Управляющий взял монету и с поклонами впустил их. Джеана с удовольствием анатомировала бы его.

— Идите прямо по лестнице наверх, доктор, — тихо сказал он Джеане. — Приготовить вам горячие напитки? Сегодня холодно.

— Это было бы чудесно, — ответил невысокий убийца, снимая плащ, а затем почтительно помогая снять плащ Джеане. Кинжала не было видно, но потом, когда управляющий поспешно забрал у всех троих одежду, Джеана снова ощутила лезвие у своего бока.

Теперь сверху доносились смех детей и протесты, очевидно, побежденного слуги. Что-то с грохотом упало. На мгновение стало тихо, потом снова раздался звонкий хохот.

Управляющий встревожился.

— Возможно, потребуются успокоительные средства, — мягко произнес один из похитителей и улыбнулся, давая понять, что это просто шутка.

Они подошли к лестнице и начали подниматься наверх. Управляющий несколько секунд смотрел им вслед, потом отвернулся, чтобы отдать распоряжение приготовить напитки.

— Они всего лишь дети, — тихо сказала Джеана. Сердце сильно билось в ее груди, и нарастал страх, леденящий хуже всякого ветра на улице. Она начинала понимать, что не сможет этого сделать.

«Когда поднимемся по лестнице, — подумала она. — Последний шанс». Она молилась, чтобы там кто-нибудь оказался.

— Дети все время умирают, — прошептал идущий рядом че-

ловек с ножом. — Вы — лекарь, вам это известно. Один из них совсем не должен был родиться. Это вам тоже известно. Им не будет больно.

Они добрались до верхней площадки.

Коридоры тянулись в две стороны, вперед и вправо; они огибали внутренний двор дома. Она увидела вычурные двери со стеклянными панелями, выходящие на внутреннюю галерею над садом. Другие двери вели в комнаты. Смех теперь умолк. Было очень тихо. Джеана в отчаянии посмотрела в обе стороны. Смерть находится здесь, в этом доме, а она к ней не готова.

Неоткуда ждать помощи, нет ответов на вопросы. Только один юный слуга, почти мальчик, подметал метлой осколки, которые, очевидно, еще недавно были большой декоративной вазой.

Он поднял глаза, увидел их. И в отчаянии уронил метлу.

— Лекари! Святой Ашар, прости нас! Несчастный случай... дети. — Он нервно поднял метлу, потом отложил ее в сторону. И в тревоге поспешно подошел к ним.

— Я могу вам помочь? Управляющий...

— Мы здесь, чтобы осмотреть детей, — сказал высокий убийца. Его голос звучал деловито, но в нем опять слышалось напряжение. — Отведи нас к ним.

— Конечно! — юный слуга любезно улыбнулся. Почему они все такие любезные? Сердце Джеаны стучало в груди, как молот. Она могла остаться стоять здесь или идти с ними, позволить этому случиться, возможно, остаться в живых.

Она не могла этого сделать.

Мальчик шагнул вперед, протягивая руку.

— Можно мне поднести ваши сумки?

— Нет-нет, все в порядке. Просто покажи дорогу. — Ближайший мужчина слегка отвел в сторону свою сумку.

«Им понадобится какое-то время, чтобы найти мальчиков, — подумала Джеана. — Здесь много комнат. Помощь может подоспеть вовремя». Она набрала в грудь воздуха, чтобы закричать, зная, что подписывает себе смертный приговор.

В то же мгновение, как это ни абсурдно, ей показалось, что она узнала этого слугу. Но ее воспоминание не успело сформироваться, потому что слуга, продолжая протягивать руку, слегка споткнулся и налетел на того невысокого убийцу, который держал у ее бока кинжал. Убийца издал стон, в котором слышалось удивление. Мальчик выпрямился, отдергивая правую руку, и одновременно сильно толкнул Джеану левой рукой.

Джеана споткнулась и, уже падая, закричала изо всех сил:

— Помогите! Это убийцы! Помогите!

Она упала на колени и услышала, как что-то разбилось. Она обернулась, ожидая удара кинжала, гибели, нежного и темного явления сестер бога.

Тут она с опозданием заметила стилет, который материализовался в руке мальчика. Невысокий убийца лежал на полу, вцепившись обеими руками в живот. Джеана увидела кровь, текущую между его пальцами, потом крови стало гораздо больше. Тот, что повыше, обернулся, скалясь, угрожая собственным кинжалом. Мальчик отступил на шаг, готовый встретить его. Джеана снова закричала изо всех сил.

Кто-то уже возник в конце коридора прямо перед ними. Невероятно, но этот человек держал в руках лук. Высокий это заметил и быстро повернулся назад, к лестнице.

Там стоял управляющий с мечом в руке, он уже не улыбался и не казался безобидным.

Убийца снова резко повернулся и, без всякого предупреждения, прыгнул к Джеане. Молодой слуга вскрикнул в тревоге и поднял свой кинжал.

Но не успели лезвия соприкоснуться, как послышался чистый звук, почти музыкальная нота, и Джеана увидела стрелу в горле убийцы и кровь. Его руки взлетели вверх, нож отлетел в сторону. Он с грохотом повалился на пол. Его флакон разбился на плитах пола. Воцарилась тишина, какая бывает после раската грома, смолкнувшего вдали.

Пытаясь взять себя в руки, Джеана оглянулась назад. Человек с луком, идущий к ним, был Идар ибн Тариф, брата которого она спасла, а потом лечила. Он улыбался ей, спокойно и ободряюще.

Все еще стоя на коленях, Джеана начала дрожать. Она посмотрела на стоящего рядом с ней мальчика. Он уже спрятал свой кинжал, она так и не поняла, куда. Первый убийца издал горлом внезапный булькающий звук и свалился на бок рядом с высоким. Она знала этот звук. Она была лекарем. Он только что умер.

Вокруг них валялись осколки стекла, кровь залила песочные плитки пола. Струйка крови приближалась к ней. Джеана поднялась на ноги и сделала шаг в сторону.

Разбитое стекло.

Джеана обернулась и посмотрела назад. Флакон ее отца лежал на полу, разбитый. Она с трудом глотнула. Закрыла глаза.

— С вами все в порядке, доктор? — Это спросил мальчик. Ему было не больше пятнадцати лет. Он спас ей жизнь.

Она кивнула. Снова открыла глаза. И тут узнала его.

— Зири? — изумленно спросила она. — Зири, из Орвильи?

— Я польщен, доктор, — ответил он с поклоном. — Я польщен, что вы меня помните.

— Что ты здесь делаешь?

Она в последний раз видела этого мальчика, когда он убил джадита мечом Альвара ди Пеллино посреди горящей деревни. Все это было совершенно непонятно.

— Он тебя охранял, — произнес чей-то знакомый голос. Она быстро обернулась. В открытых дверях немного дальше по коридору стоял сам Альвар, с тем же мечом в руке.

— Пойдем, — сказал он. — Попробуй утихомирить этих невозможных детей. — Он вложил меч в ножны, подошел и взял ее за обе руки. Его пожатие было спокойным и сильным.

Словно в трансе, окруженная этими хладнокровными, улыбающимися мужчинами, Джеана прошла по коридору и вошла в указанную комнату.

Два мальчика, один семи лет, другой почти пяти, как ей было хорошо известно, не слишком шумели. В очаге горел огонь, на окнах над каждой из двух кроватей закрыли ставни, поэтому большая часть комнаты погрузилась в темноту. Напротив очага горели свечи, и, используя их в качестве источника света, Аммар ибн Хайран, в черных с золотом одеждах и со слабо поблескивающей жемчужиной в ухе, энергично показывал теневые фигурки на дальней стене, развлекая мальчиков. Джеана увидела рядом с ним на подушке обнаженный меч.

— Как твое мнение? — спросил он через плечо. — Я весьма горжусь своим волком.

— Великолепное достижение, — ответила Джеана.

Оба мальчика явно тоже так думали и смотрели как зачарованные. Волк на ее глазах подкрался и проглотил фигурку, которая, по-видимому, изображала цыпленка.

— Птица кажется мне не слишком удачной, — удалось выдавить из себя Джеане.

— Это поросенок! — возразил ибн Хайран. — Это же всем очевидно!

— Можно мне сесть? — спросила Джеана. Ноги не держали ее.

Тут же появился табурет. Идар ибн Тариф с улыбкой пригласил ее присесть.

Она села, потом снова вскочила.

— Велас! Его надо освободить!

— Уже сделано, — сказал Альвар от двери. — Зири рассказал нам, где находится этот двор. Хусари и еще двое пошли его выводлять. Он уже в безопасности, Джеана.

— Все кончено, — мягко произнес Идар. — Сидите, доктор. Теперь все в безопасности.

Джеана села. Странно, но самая сильная реакция наступает после того, как минует опасность.

— Еще! — воскликнул старший из сыновей Забиры. Младший просто сидел на полу, скрестив ноги, и смотрел на тени на стене широко раскрытыми глазами.

— Боюсь, больше никого нет, — ответил Аммар ибн Хайран. — После того как волк съедает поросенка или цыпленка, все равно кого, больше смотреть нечего.

— А позже? — спросил старший с почтением.

— Позже можно, — согласился ибн Хайран. — Я еще вернусь. Мне нужно потренироваться в изображении поросят, и мне понадобится ваша помощь. Доктор подумала, что это цыпленок, это плохой знак. А сейчас вы пойдете с управляющим. По-моему, он приготовил для вас шоколад?

Управляющий, стоящий в дверях за спиной Альвара, закивал головой.

— Плохой человек ушел? — Это в первый раз подал голос младший. Тот, которого ее отец достал из живота матери.

— Плохой человек ушел, — сурово подтвердил Аммар ибн Хайран. Джеана почувствовала, что вот-вот расплачется. Ей не хотелось плакать. — Считай, что они никогда и не приходили, — мягко прибавил ибн Хайран, по-прежнему обращаясь к младшему. Тут он обратил взгляд на Альвара и управляющего у двери, вопросительно подняв брови.

Альвар сказал:

— Там ничего нет. Несколько пятен на полу. Разбитая ваза.

— Конечно. Ваза. Я забыл. — Ибн Хайран внезапно широко улыбнулся. Джеана уже знала эту улыбку.

— Сомневаюсь, что хозяин дома простит вас, — добродетельно проговорил Альвар. — Ты выбрала разрушительный способ дать сигнал об их появлении.

— Наверное, — ответил ибн Хайран. — Но хозяину этого дома еще придется ответить перед эмиром за отсутствие здесь должной охраны, тебе не кажется?

Поведение Альвара изменилось. Джеана видела, как он ус-

ваивает эту мысль и переваривает ее. Она сама много раз так поступала во время похода на восток. Аммар ибн Хайран почти ничего не делал случайно.

— Где Родриго? — внезапно спросила Джеана.

— Теперь ты нас оскорбила, — сказал Аммар, снова глядя на нее своими синими глазами. В комнате стало светлее, потому что Идар открыл ставни. Мальчики уже вышли с управляющим. — Все эти преданные воины спешили тебе на помощь, а ты спрашиваешь только о том, кто явно безразличен к твоей судьбе. — Но при этом он улыбался.

— Он патрулирует наружные стены, — вмешался верный Альвар. — И, кроме того, именно сэр Родриго послал Зири следить за тобой. Так мы все и узнали.

— Послал Зири? Что это значит? — Джеана старалась ухватиться за негодование в поисках чего-то привычного.

— Я приехал сюда уже давно, — тихо сказал Зири. Она безуспешно старалась смотреть на него сердито. — Когда убедился, что мои сестры устроились жить с теткой, я отправился к ваш матери в Фезану и узнал, куда вы уехали. Потом я перешел че горы вслед за вами. — Он произнес это очень просто, словно этом не было ничего особенного.

Но это не так. Он покинул свой дом, то, что осталось от его семьи, тот мир, который знал, один пересек страну и...

— Ты пошел к моей... Но почему? Почему, Зири?

— Из-за того, что вы сделали для моей деревни, — ответил он так же просто.

— Но я ничего не сделала.

— Нет, сделали, доктор. Вы заставили солдат разрешить мне казнить того человека, который убил мою мать и отца. — Глаза Зири были совсем черными. — Без вас этого не произошло бы. Он остался бы жить, уехал бы в земли джадитов и хвастался бы этим. Мне пришлось бы идти туда вслед за ним, и боюсь, я не сумел бы убить его там.

Лицо его было серьезным. Он рассказывал ей историю, которая потрясала.

— Ты отправился бы в Вальедо вслед за ним?

— Он убил моих родителей. И брата, который так и не родился.

«Ему не больше пятнадцати лет», — подумала Джеана.

— И ты следил за мной здесь, в Рагозе?

— С самого первого дня. Я нашел ваше место на базаре. Ваша мать сказала, что вы там откроете палатку. Потом я отыскал

Капитана, сэра Родриго. И он вспомнил меня и был рад, что я пришел. Он выделил мне место для сна в своем отряде и велел наблюдать за вами, когда вы не при дворе и не с его людьми.

— Я же сказала всем вам, что не хочу, чтобы за мной следили и ходили по пятам! — возмутилась Джеана.

Идар ибн Тариф положил ей руку на плечо и сжал его. Он не был похож на тех разбойников, о которых она слышала.

— Действительно сказала, — согласился Аммар, и в его тоне не было обычного легкомыслия. Он сидел на одной из маленьких кроватей и настороженно смотрел на Джеану. Огонь свечей золотил его волосы и отражался в глазах. — Мы все приносим свои извинения, отчасти, за непослушание. Родриго считал, и я с ним согласился, что тебе может грозить опасность, так как ты спасла Хусари от мувардийцев, помимо всего прочего.

— Но почему вы решили, что я не узнаю Зири? Я должна была его узнать.

— Мы, конечно, не были уверены. Ему велели быть осторожным, когда он следует за тобой, и придумали, что сказать тебе, если ты его все же заметишь. Твои родители это одобрили, между прочим.

— Откуда тебе это известно?

— Я же обещал твоему отцу писать ему. Помнишь? Я стараюсь держать слово.

«Кажется, у них все тщательно продумано». Она посмотрела на Зири.

— Где ты научился так ловко пользоваться кинжалом?

Он выглядел одновременно довольным и смущенным.

— Я жил с людьми Капитана, доктор. Они меня учили. Сам сэр Родриго дал мне этот клинок. А господин ибн Хайран показал, как прятать его в рукаве и доставать оттуда.

Джеана снова перевела взгляд на Аммара.

— А Велас? Что, если бы он его узнал, даже если я не узнаю?

— Велас его узнал, Джеана. — Голос ибн Хайрана звучал мягко, почти таким же тоном он разговаривал с младшим из мальчиков. — Он заметил Зири некоторое время назад и пошел к Родриго. И было достигнуто соглашение. Велас разделял наше мнение, что Зири — это мудрая предосторожность. Именно Зири сегодня утром находился на верху стены того двора и слышал, как люди из Картады рассказали тебе о своих намерениях. Он нашел Альвара, а тот меня. Мы успели появиться здесь раньше вас.

— Я чувствую себя ребенком, — вздохнула Джеана. Альвар за ее спиной издал протестующий звук.

— Ничего подобного, — ответил ибн Хайран, поднимаясь с постели. — Это не так, Джеана. Но как тебе, возможно, придется заботиться о нас и лечить от болезней и ран, так и мы должны заботиться о тебе, правда? Хотя бы лишь для того, чтобы поддерживать равновесие, как ваши киндатские луны уравновешивают солнце и звезды.

Она подняла на него взгляд.

— Не будь поэтом до такой степени, — запальчиво произнесла Джеана. — Меня не собьешь с толку поэтическими образами. Я обдумаю сложившуюся ситуацию, а потом дам вам знать, как отношусь ко всему этому. Особенно мне хотелось бы поговорить с Родриго, — прибавила она. — Это он обещал, что меня оставят в покое.

— Я боялся, что ты об этом вспомнишь, — произнес человек, входящий из коридора.

Родриго Бельмонте, еще в сапогах и зимнем плаще, с мечом и хлыстом у пояса, вошел в комнату.

Как это ни нелепо, в каждой руке он нес по чашке шоколада.

И протянул одну Джеане.

— Выпей. Я дал слово, что это для тебя, ни для кого другого. Старший мальчик там, внизу, жадничал и хотел выпить все.

— А как же я? — пожаловался ибн Хайран. — Я вывихнул себе кисти и пальцы, изображая для них волков и поросят.

Родриго рассмеялся и сделал глоток из второй чашки.

— Ну, если хочешь знать правду, то эта чашка предназначалась для тебя, в качестве награды, но клятву я не давал. К тому же шоколад вкусный, а я замерз. А ты все время находился в доме, в тепле.

— Ты испачкал шоколадом усы, — сказала Джеана. — И тебе полагается находиться за стенами. Защищать город. Какая польза от того, что ты сейчас пришел?

— Вот именно, — энергично закивал головой Аммар. — Отдай мой шоколад.

Родриго отдал. Он смотрел на Джеану.

— Меня привел Мартин. Мы были недалеко. Джеана, тебе придется выбрать: или ты сердишься на меня за то, что тебя охраняли, или за то, что меня здесь не было, чтобы самому тебя защищать.

— Почему? — огрызнулась она. — Почему я не могу сердиться и за то, и за другое?

— Вот именно, — снова повторил Аммар, прихлебывая шоколад. Его голос звучал так самодовольно, что она чуть не рассмеялась. «Он ничего не делает случайно», — напомнила она себе, стараясь вернуть самообладание. Зири и Идар улыбались, и Альвар тоже, хоть и нехотя.

Джеана обвела их взглядом и наконец осознала, что все позади. Они спасли жизнь ей и Веласу, и двум детям. Возможно, она проявляет некоторую неблагодарность.

— Извини, что нарушил обещание, — серьезным тоном произнес Родриго. — Мне тогда не хотелось снова спорить с тобой, и появление Зири показалось подарком судьбы. Ты знаешь, что он преодолел перевал в одиночку?

— Я так и поняла. — Она действительно неблагодарная. — Что вы сделаете с этими двумя? — спросила она. — Кто они?

— Я случайно знаю их обоих. — Это сказал Аммар. — Альмалик несколько раз использовал этих людей. По-видимому, его сын об этом вспомнил. Они были его лучшими убийцами.

— Это вызовет скандал?

Аммар покачал головой и взглянул на Родриго.

— Не думаю, что это необходимо. Есть способ получше.

— Никто не знает, что они подобрались так близко, кроме слуг в доме, — задумчиво произнес Родриго. — Мне кажется, им можно доверять.

Аммар кивнул.

— Я тоже так думаю. Кажется, я слышал, — осторожно продолжал он, — что двое купцов из Картады были, к несчастью, убиты в таверне во время ссоры вскоре после приезда сюда. Думаю, соответствующая гильдия должна послать извинения и соболезнования в Картаду. Пусть Альмалик думает, что их разоблачили, как только они приехали. Пусть еще больше встревожится.

— Ты знаешь этого человека, — сказал Родриго.

— Знаю, — согласился ибн Хайран. — Не так хорошо, как я когда-то думал, но достаточно хорошо.

— Что он сделает дальше? — внезапно спросила Джеана.

Аммар ибн Хайран посмотрел на нее. Теперь его лицо стало очень серьезным. Он поставил чашку с шоколадом.

— Полагаю, — сказал он, — Альмалик попытается заполучить меня обратно.

Ненадолго повисло молчание.

— Ему это удастся? — Родриго был прям, как всегда.

Аммар пожал плечами.

— Я теперь наемник, помнишь? Как и ты. Каков был бы твой ответ? Если бы король Рамиро завтра позвал тебя, ты бы разорвал здесь свой контракт и уехал домой?

Снова молчание.

— Не знаю, — ответил наконец Родриго Бельмонте. — Хотя моя жена вонзила бы в меня меч, если бы услышала эти слова.

— Тогда, полагаю, мое положение лучше твоего, потому что, если я дам такой ответ, ни одна женщина меня не убьет, — улыбнулся ибн Хайран.

— Не будь так в этом уверен, — заметила Джеана.

Они все удивленно уставились на нее, пока она не улыбнулась.

— Кстати, благодарю вас, — сказал она, обращаясь ко всем сразу.

Глава 12

Ближе к концу зимы, когда первые полевые цветы расцветали на лугах, но снег еще лежал толстым слоем на высоких плато и горных перевалах, три короля Эсперанъи встретились в Вальедо, недалеко от Карказии, чтобы поохотиться на лосей и кабанов в дубовых рощах, где пахло возрождающейся жизнью и весеннее пробуждение ощущалось в крови.

Хотя даже по лучшим из древних прямых дорог передвигаться было весьма затруднительно из-за грязи, королей сопровождали королевы и довольно большая свита придворных, поскольку охота — какое бы удовольствие она ни доставляла — служила лишь предлогом для этой встречи.

Именно Жиро де Шерваль, знаменитый клирик из Фериереса, вместе со своими собратьями, зимующими в Эшалау и Орведо, убедил этих троих людей, которые боялись и ненавидели друг друга, собраться вместе ранней весной и посовещаться после охоты в поле и в лесу.

«Близится более крупная охота, — заявляли священники при дворе каждого из королей, — охота, которая послужит к вящей славе Джада и принесет огромное богатство, власть и славу каждой из трех стран, выкроенных из остатков Эсперанъи».

Послужить во имя славы Джада, конечно, дело достойное. С этим все соглашались. Богатство и власть, и, разумеется, слава — эти перспективы стоили путешествия. Стоили ли они также объединения сторон — это еще надо посмотреть.

Прошло два дня с тех пор, как делегация из Руэнды, прибывшая последней, присоединилась к остальным за стенами Карказии. Пока что не произошло никаких неприятных инцидентов, ничего достойного упоминания. Король Халоньи Бермудо доказал, что ни в чем не уступает племянникам: ни в верховой езде, ни во владении копьем при охоте на кабана. Среди всех королев похвалы посыпались в адрес рыжеволосой Инес Вальедской, дочери помешанного на охоте короля Фериереса. Она была явно лучшей наездницей, чем все собравшиеся здесь женщины и большинство мужчин-придворных.

Рамиро, ее супруг, известный своим умом и честолюбием, чаще всего выглядел невнимательным и занятым собственными мыслями, даже во время дневных и вечерних обсуждений вопросов политики и войны. Задавать вопросы и выдвигать возражения он предоставил министру.

Король Бермудо яростно охотился по утрам и говорил на собраниях о мести городам Рагозе и Фибасу, которые не выполнили обязательств по выплате ему первой в истории дани. Он принял соболезнования по поводу гибели своего любимого придворного, юного графа Нино ди Карреры, попавшего в засаду бандитов в одной из долин Аль-Рассана. Не совсем понятно, как простая банда разбойников могла разгромить отряд из сотни хорошо обученных и имеющих отличных коней всадников, но все проявили такт, и никто об этом не спрашивал. Было замечено, что у королевы Фруэлы, еще красивой женщины, глаза туманились при упоминании о погибшем молодом кавалере.

Король Руэнды Санчес постоянно пил из фляги, притороченной к луке седла, или из полной чаши на послеполуденных совещаниях и в пиршественном зале. Вино не оказывало на него заметного действия, но охотился он тоже без видимого успеха. Утром его стрелы летели удивительно неточно, хотя искусство верховой езды оставалось безупречным. Говорите что хотите о горячей голове короля Руэнды, но ездить верхом он умел.

Оба брата ни разу не взглянули друг на друга, а на дядю поглядывали с явным презрением. Тем не менее все они, по-видимому, хорошо понимали последствия сбора в Батиаре армии, готовой отплыть с первым же попутным ветром. Их здесь бы не было, если бы они не думали об этом.

Трое верховных клириков из Фериереса, привыкших иметь дело с королевскими особами, запоздало осознав всю глубину недоверия, с которой им придется здесь бороться, вели дискуссии от имени королей.

— Весь мир пришел в движение, и людям, собравшимся в этой комнате, повезло, что они царствуют в такое время! — звуч-

но заявил Жиро из Фериереса в первый же день. — Шакалов Ашара из Аль-Рассана, — сказал он, — следует отбросить назад, через пролив. Следует снова отобрать у них весь полуостров. Если только короли Вальедо, Руэнды и Халоньи будут действовать вместе, во славу победоносного Джада, то к концу лета они окунут копыта своих коней в южное море.

— Как вы его разделите? — напрямик спросил король Бермудо. Рамиро Вальедский громко расхохотался, и это было первым признаком оживления с его стороны за весь день. Санчес пил и хмурился.

Жиро де Шерваль, который готовился к этому вопросу и просидел над картами всю зиму, внес предложение. Никто из королей не потрудился ответить. Они все встали, не принося извинений, впервые двигаясь в унисон, и быстро вышли. Санчес унес с собой флягу. Покинутые священники переглянулись.

На третий день на потеху дамам устроили охоту с соколами и ястребами на мелких птиц и кроликов, по мокрой траве. Королева Инес держала маленького орла, пойманного и обученного в горах возле Халоньи. Она выпустила его и с триумфом получила свою добычу.

Королева Вальедо была моложе Фруэлы и неоспоримо образованнее королевы Руэнды Беарте. Ее рыжие волосы стягивала золотая сетка, глаза сверкали, а щеки горели от холода. Она скакала между своим мужем и верховным клириком со своей родины и притягивала к себе в тот день все взоры.

Поэтому еще большую тревогу вызвал чуть позже тот факт, что никто не мог с точностью определить, откуда прилетела стрела, которая ранила ее после того, как собаки подняли кабана на опушке леса. Однако казалось очевидным, что кто-то либо совершил ужасную ошибку и стрела предназначалась для кабана, который находился дальше, либо она была послана в одного из двоих мужчин рядом с Инес. Все согласились, что никто не имел явных причин желать смерти королеве Вальедо.

Сначала рана не выглядела смертельной, так как стрела только задела руку, но, несмотря на обычное лечение — наложение толстого слоя глины после кровопусканий, как продольного, так и поперечного, — Инес, не выпускающей из рук солнечный диск, еще до захода солнца стало заметно хуже, у нее началась лихорадка и усилилась боль.

Именно тогда видели, как министр Вальедо прошел в королевские покои замка, мимо стражников с суровыми лицами, сопровождая высокого, грубого на вид человека.

Она никогда раньше не получала такой раны. И не имела представления о том, как должна себя чувствовать.

Ей казалось, что она умирает. Ее рука распухла и стала вдвое толще, она это видела даже сквозь слой глины. Когда ей пускали кровь, из скромности работая из-за ширмы, это тоже было невероятно больно. Вспыхнула ссора между двумя лекарями из Эстерена и ее собственным давним лекарем из Фериереса. Ее лекарь победил: они ничего не дали ей от боли. Пьер д'Алорре придерживался мнения, что наркотики снижают способность организма бороться с колотыми ранами. Он читал об этом лекции во всех университетах.

Голова Инес горела огнем. Даже самое легкое движение руки вызывало невыносимую боль. Она смутно сознавала, что Рамиро почти не отходит от нее; что он ласково держит ее здоровую руку с тех самых пор, как ее принесли сюда, и выходит только по настоянию врачей, когда они делают кровопускание. Странно то, что она видела все это, но по-настоящему не ощущала его прикосновения.

Она умирает. Это ей было ясно, если даже они этого еще не поняли. Она велела принести солнечный диск. Пыталась молиться, но это давалось ей с трудом.

Сквозь пелену боли она увидела, как в комнату вошел какой-то новый человек. Граф Гонзалес и еще кто-то. Еще один лекарь. Его лицо — длинное и уродливое — вплыло в поле ее зрения, очень близко. Он извинился перед ней и перед королем, потом положил руку прямо ей на лоб. Отобрал у Рамиро ее здоровую руку и ущипнул тыльную сторону ладони. Спросил, почувствовала ли она. Инес покачала головой. Новый лекарь нахмурился.

Пьер д'Алорре, стоящий позади него, сказал что-то резкое. Он был склонен отпускать сардонические замечания, особенно в адрес эсперанцев. От этой привычки он так и не избавился за годы жизни здесь.

Новый лекарь, у которого оказались добрые руки, хотя лицо не было добрым, спросил:

— У нас есть стрела, которую извлекли из раны? Кто-нибудь догадался ее осмотреть? — Голос его скрипел, как пила.

Инес осознала, что все молчат. Зрение ее сейчас ослабело, но она заметила, как переглянулись три придворных лекаря.

— Она там, — откликнулся Гонзалес де Рада. Он подошел к кровати, появившись в поле ее зрения, в руке он осторожно держал стрелу возле оперения. Врач взял ее, поднес наконечник

к лицу и понюхал. Поморщился. У него было совершенно ужасное лицо, а на шее большой нарыв. Он снова подошел к королеве, извинился, потом отвернул одеяло в ногах и взял одну из ее ступней.

— Вы чувствуете мое прикосновение? — спросил он. Она опять покачала головой.

Кажется, он рассердился.

— Простите меня, ваше величество, если я выскажусь прямо. Возможно, я слишком долго прожил на землях тагры и не имею придворных манер. Но эти три человека чуть не погубили королеву. Возможно, уже слишком поздно, и мне придется прикасаться к ней руками, но я попробую, если вы мне позволите.

— Это яд? — услышала она вопрос Рамиро.

— Да, ваше величество.

— Что ты можешь сделать?

— С вашего позволения, господин, я должен удалить с ее руки это... отвратительное покрытие, чтобы еще больше этого вещества не проникло в рану. Потом мне придется дать ей микстуру, которую я приготовлю. Королеве будет... тяжело, государь. Крайне неприятно. Это вещество заставит ее почувствовать себя очень плохо, так как будет бороться с ядом внутри нее. Мы должны надеяться, что оно победит. Другого способа я не знаю. Хотите, чтобы я приступил? Хотите остаться здесь?

Рамиро хотел и того, и другого. Пьер д'Алорре позволил себе глупое, едкое возражение. Гонзалес бесцеремонно выдворил его в дальний конец комнаты, к двум другим лекарям. Рамиро, который шел следом, что-то им сказал, Инес не расслышала, что именно. После этого они вели себя очень тихо.

Король вернулся и снова сел рядом с кроватью, взял ее здоровую руку в свои ладони. Она по-прежнему не ощущала его прикосновения. Грубое лицо нового лекаря снова оказалось совсем близко от ее лица. Он объяснил, что собирается сделать, и заранее извинился. Когда он говорил тихо, его голос не казался таким неприятным. В его дыхании чувствовался сладкий запах какой-то травы.

То, что последовало дальше, было хуже, чем когда-то роды. Она кричала, пока он осторожно, но тщательно снимал глину с раненой руки. В какой-то момент бог милостиво позволил ей потерять сознание.

Но они привели ее в чувство. Им пришлось это сделать. Ее заставили что-то выпить. Дальше стало еще хуже. Королеву сотрясали спазмы в желудке, она обливалась потом и обнаружила,

что не может вынести даже слабого света свечей в комнате. Она потеряла счет времени, не знала, где она, кто рядом с ней. Один раз она услышала собственный голос, что-то лихорадочно говорящий, умоляющий об освобождении. Она даже не могла молиться, как следует держать свой диск.

Когда к ней медленно вернулось сознание, доктор настоял, чтобы она выпила еще того же лекарства, и она снова погрузилась в жар и боль.

Это продолжалось невообразимо долго.

В конце концов все закончилось. Она не представляла себе, когда. Тем не менее она все еще была жива. Она лежала на мокрых от пота подушках постели. Доктор осторожно охлаждал ей лицо и лоб влажными полотенцами, шепча слова ободрения. Он попросил чистое белье. Его принесли, мужчины отвернулись, а камеристки Инес сменили ей одежду и постель. Когда они это сделали, доктор вернулся и очень осторожно намазал, а потом забинтовал руку Инес. Его движения были уверенными и точными. Король пристально наблюдал за ним.

Когда лекарь из форта закончил, он приказал удалить из комнаты всех, кроме фрейлин королевы. Теперь он говорил властным тоном человека, который взял на себя руководство ситуацией. Более почтительным тоном он потом попросил разрешения поговорить с королем наедине. Инес смотрела, как мужчины вышли в соседнюю комнату. Потом закрыла глаза и уснула.

— Она будет жить? — без обиняков спросил король Рамиро. Он заговорил, как только за ними закрылась дверь.

Доктор ответил столь же прямо.

— Я узнаю это только позже, ночью, ваше величество. — Он запустил пальцы в свои неопрятные волосы цвета соломы. — Ей следовало сразу же дать противоядие.

— Почему ты заподозрил яд?

— Величина отека, ваше величество, и отсутствие чувствительности в руках и ногах. Простая рана от стрелы не должна вызвать такой реакции. Джад свидетель, я повидал их достаточно. А потом я почувствовал запах яда на стреле.

— Откуда ты знаешь, что нужно делать?

Впервые лекарь заколебался.

— Ваше величество, с тех пор как мне оказали большую честь, доверив службу в крепостях тагры, я воспользовался... близостью Аль-Рассана, чтобы заполучить рукописи некоторых

из их лекарей. Я прошел хороший курс обучения, ваше величество.

— Лекари ашаритов знают больше нас?

— О многих вещах. А киндаты знают еще больше, по многим вопросам. В данном случае меня наставляли некоторые работы одного лекаря-киндата из Фезаны.

— Ты умеешь читать рукописи киндатов?

— Я этому научился, ваше величество.

— И этот текст поведал тебе, как распознать и справиться с ядом? Что дать больному?

— И как это сделать. Да, ваше величество. — Лекарь снова заколебался. — Еще одно, ваше величество. То, почему я хотел поговорить с вами наедине. Насчет того, кто совершил этот злой поступок.

— Скажи мне.

И лекарь из крепостей тагры сказал. Ему был задан очень конкретный вопрос, и он на него ответил. Потом получил разрешение короля вернуться к королеве. Рамиро Вальедский некоторое время оставался один в этой соседней комнате, стараясь справиться с растущей яростью, и принял, довольно быстро после столь долгих колебаний, определенное решение.

Очень часто пути и судьбы государств, и более, и менее великих, чем Вальедо, определялись подобным образом.

Лекарь еще раз дал Инес свое лекарство. Он объяснил, что тело выводит его из себя быстрее, чем яд, с которым оно борется. Как ни болезненно это вещество, оно единственное, что может ее спасти. Королева кивнула и выпила.

Снова она погрузилась в забвение, но на этот раз беспамятство оказалось не таким тяжелым. Она все время понимала, где находится.

В середине ночи жар спал. Король дремал в кресле у постели, камеристка — на лежанке у очага. Лекарь, забыв о сне, хлопотал вокруг нее. Когда она открыла глаза, его резкие черты показались ей прекрасными. Он взял ее здоровую руку и ущипнул.

— Да, — сказала королева. Лекарь улыбнулся.

Когда король Рамиро проснулся, он увидел, что его жена смотрит на него при свете свечей. Ее глаза были ясными. Они долго смотрели друг на друга.

— Один раз у меня был солнечный диск, — наконец слабым шепотом произнесла она, — но я также помню, что ты все время находился рядом со мной.

Рамиро опустился на колени возле постели. Он вопроси-

тельно посмотрел через кровать на лекаря, усталость которого теперь ясно проступила на лице.

— Полагаю, опасность миновала, — сказал тот. Длинное уродливое лицо покрылось морщинками от улыбки.

Рамиро хриплым голосом произнес:

— Твоя карьера сделана, лекарь. Я даже не знаю твоего имени, но это решило твою жизнь. Я не был готов позволить ей уйти. — Он снова посмотрел на свою королеву, свою жену, и тихо повторил: — Не был готов.

Потом король Вальедо заплакал. Его королева подняла здоровую руку, секунду поколебалась, а потом опустила ее и погладила его волосы.

В ту самую ночь, когда король Рамиро сидел у постели своей королевы, во время ужина произошла перепалка между придворными из Вальедо и людьми короля Руэнды Санчеса. Были выдвинуты обвинения, яростные и недвусмысленные. В дворцовом зале зазвенели мечи.

Семнадцать человек погибли в той схватке. Только отважное вмешательство трех клириков из Фериереса предотвратило еще худшие последствия: безоружные, с непокрытыми головами, они бросились в самую гущу кровавой схватки, высоко подняв солнечные диски.

Потом вспомнили, что делегация из Халоньи в тот вечер ужинала отдельно и не присутствовала при этой драке, словно что-то предчувствовала. Массовая резня придворных двух других королей могла принести выгоду только королю Бермудо, с этим все согласились. Некоторые из вальедцев выдвигали и более мрачные идеи, но их невозможно было подтвердить.

Утром король Бермудо и его королева послали герольда к королю Рамиро с официальным посланием, в котором прощались и молили бога о здоровье королевы — говорят, что она еще не ушла в обитель господа. Затем они уехали в сторону восходящего солнца со всей своей свитой.

Король, королева и уцелевшие придворные Руэнды уже уехали — прямо среди ночи, после схватки в зале. «Сбежали тайком, словно конокрады», — говорили некоторые из придворных Рамиро, хотя более прагматичные отмечали, что здесь они находились на земле Вальедо и их жизни угрожала реальная опасность. Наиболее трезвые указывали также, что несчастные случаи на

охоте происходят сплошь и рядом, и королева Инес не первая, которую ранили таким образом.

Тем не менее большинство придворных Вальедо готовы были преследовать делегацию Руэнды вдоль берега Дюрика, как только получат приказ. Однако министр такого приказа не отдал, а король все еще сидел, запершись с королевой и ее новым лекарем.

Те, кто им прислуживал, сообщали, что королева выглядит гораздо лучше и что она, вероятно, выживет. Но по другим сведениям стрела была пропитана ядом.

Учитывая все это, последующее поведение короля Рамиро сочли ошибочным и даже недостойным мужчины. Прошло три дня, прежде чем он вышел за пределы спальни королевы и прилегающей к ней комнаты, которую использовал в качестве временного зала для совещаний. Несомненно, пора было приказывать отправиться в погоню за делегацией Руэнды, пока она не добралась до ближайшей из собственных крепостей. Несмотря на присутствие священников, очень многое указывало на то, что тетиву того лука натянула рука одного из руэндцев, а, Джад свидетель, в Эсперанье месть не нуждалась в особом поводе.

Среди всего прочего к тому времени выяснилось — никто не знал, каким образом, — что король Санчес имел наглость составить письмо, в котором претендовал на власть над Фезаной и требовал права взимать с нее дань. Очевидно, это письмо еще не отослано — зима едва закончилась, в конце концов, — но слухи об этих требованиях пошли по Карказии сразу же после отъезда руэндцев. Город Фезана платил дань Вальедо, и любому в замке были ясны последствия встречного требования.

Наблюдательные люди также указывали на то, что сам король Санчес — известный как один из лучших стрелков из лука во всех трех королевствах — подозрительно часто мазал все два дня перед утром соколиной охоты. Была ли его необычная неловкость ширмой? Намеренным притворством на тот случай, если кто-нибудь проследит за смертоносной стрелой, вылетевшей из его лука?

Не была ли эта стрела предназначена для его брата? Не могли ли эти дни неудачной стрельбы стать причиной последнего промаха, когда, наконец, стрела была послана в истинную цель? Самые циничные ловили себя на мысли о том, что не впервые один из сыновей Санчо Толстого убивает брата. Тем не менее никто не высказывал эту мысль вслух.

Безвременная смерть Раймундо, старшего сына, пока еще

не забылась. Помнили и о том, что среди мрачно молчащих придворных в тот давний день молодой Родриго Бельмонте, министр Раймундо, задавал конкретные и шокирующие вопросы.

Теперь сэр Родриго далеко, в ссылке, среди неверных. Собственно говоря, его жена, родом из знатной семьи, и его юные сыновья получили приглашение присоединиться к делегации вальедцев, но Миранда Бельмонте д'Альведа отказалась, ссылаясь на дальнее расстояние и заботы по хозяйству в отсутствие супруга. Де Шерваль, священник из Фериереса, выразил некоторое разочарование, услышав это известие. Он слыл знатоком женщин, а жена сэра Родриго была прославленной красавицей.

Одному Джаду известно, что сказал бы и как поступил бы Капитан, если бы находился здесь. Он мог бы сказать королю, что рана королевы — это божье наказание для Рамиро за его дурной поступок многолетней давности. Или с той же легкостью мог броситься в погоню за королем Руэнды — в одиночку, при необходимости, — и привезти назад его голову в мешке. Поступки Родриго Бельмонте всегда было нелегко предсказать.

Как, впрочем, и поступки Рамиро Вальедского.

Когда король наконец закончил совещаться с Жиро де Шервалем, графом Гонзалесом и несколькими из своих военных командиров, в Карказии воцарилось напряженное ожидание. Наконец-то, возможно, отправят погоню за этими подонками из Руэнды. Повод явно имелся, даже священников удалось заставить это признать. Давно пора вальедцам двинуться на запад.

Но приказа не последовало.

Рамиро появился после этих совещаний с суровым и решительным лицом. И те, с кем он беседовал, тоже. Никто, однако, ни словом не упомянул о случившемся. Было замечено, что клирик де Шерваль, как он ни шокирован и озабочен произошедшим, не выступает с осуждением.

Король Рамиро как-то неуловимо изменился, и его новые манеры тревожили придворных. Казалось, он пытается найти в себе силы и решимость. «Возможно, он собирается с духом для грядущего кровопролития», — предположил кое-кто. Это мужчинам было понятно. Весна, в любом случае, пора войн, и именно в войне храбрый человек находит истинный смысл жизни.

Никто до сих пор не мог разобраться в том, что происходит. Король не проявлял никаких намерений уехать из Карказии в Эстерен. Во все стороны послали гонцов. Один-единственный

гонец был отправлен на запад вдоль реки, в направлении Руэнды. Только гонец. Не армия. В тавернах Карказии мужчины сыпали проклятиями. Никто не знал, какое послание он вез. Небольшой отряд отправился на восток. Один из его членов рассказал другу, что они направляются на пастбища Вальедо, где выращивают коней. Как это понимать, тоже никто не знал.

В последующие дни, а потом и недели, король вел себя непонятно. По утрам он чаще всего охотился, но как-то рассеянно. Проводил много времени с королевой, словно ее пребывание на грани смерти сблизило их. Министр был очень занят и ни словом, ни выражением лица не давал ни малейшего намека но то, что же происходит. Только верховный клирик из Фериереса улыбался, когда думал, что на него никто не смотрит, словно то, что он считал потерянным, неожиданно отыскалось.

Затем, когда весна созрела и в лугах и на лесных полянах зацвели цветы, в Карказию начали съезжаться всадники Вальедо.

Это были самые лучшие в мире наездники, на лучших конях, с боевым оружием и снаряжением. По мере того как их прибывало все больше, даже самому тупому придворному в Карказии становилось понятно, что происходит.

Недоверие, сопровождаемое дрожью возбуждения, охватило город и замок, а солдаты продолжали приезжать, рота за ротой. Мужчины и женщины, которые никогда не проявляли религиозного рвения, были замечены на службе в древней часовне Карказии, построенной в те давние дни, когда Эсперанья правила всем полуостровом, а не только его северной частью.

На этих службах, которые часто отправлял верховный клирик из Фериереса, утром и вечером присутствовали король Вальедо и королева, после того, как ей разрешили выходить из своей комнаты. Они стояли рядом на коленях и молились, сжимая в руках солнечные диски.

На протяжении столетий усыпанные золотом, сказочно богатые халифы Ал-Рассана вели свои армии на север, чтобы разорять и порабощать джадитов, прячущихся на суровых окраинах той земли, которая некогда им принадлежала. Год за годом, сколько хватало людской памяти.

Последний, слабый марионеточный халиф Аль-Рассана был убит почти шестнадцать лет назад. Халифов больше не осталось. Пришла пора повернуть течение судьбы в другую сторону, во имя яростного, светлого, пресвятого Джада.

* * *

Элиана бет Данил, жена лекаря и мать лекаря, привыкла к тому, что незнакомые люди заговаривают с ней на улице. Ее знали в городе, а у ее мужа и дочери появилось очень много пациентов за годы жизни в Фезане. Некоторые хотели выразить свою благодарность, другие — получить консультацию у лекаря побыстрее и подешевле. Элиана научилась быстро отделываться и от тех, и от других.

Женщина, которая остановила ее на базаре в одно прохладное утро ранней весной, не принадлежала ни к одной из этих категорий. Собственно говоря, как потом вспомнила Элиана, ей впервые в жизни довелось беседовать с проституткой.

— Госпожа, — сказала эта женщина, не выходя из тени в переулке, и говорила она гораздо вежливее, чем обычно, когда ашариты обращались к киндатам, — можно вас на одну секунду?

Элиана так удивилась, что лишь кивнула головой и последовала за женщиной — это была очень юная девушка — подальше в тень. Узкий проход тянулся в сторону от переулка. Элиана ходила этой дорогой два раза в неделю большую часть своей жизни и никогда его не замечала. Здесь стоял запах тления, и она увидела, как ей показалось, мелких кошек, которые шныряли вокруг. Она сморщила нос.

— Надеюсь, вы не здесь занимаетесь своим ремеслом, — заметила она самым суровым тоном.

— Раньше здесь занимались, наверху, — небрежно ответила девушка, — до того как нас выдворили за стены города. Извините за вонь. Я вас задержу не надолго.

— Не сомневаюсь, — сказала Элиана. — Чем я могу вам помочь?

— Вы не можете. Зато ваша дочь помогала большинству из нас, так или иначе. Поэтому я здесь.

Элиана любила во все вносить максимальную ясность.

— Джеана, моя дочь, лечила вас, вы это хотите сказать?

— Вот именно. И она была добра к нам. Она была почти нашим другом, если вас это не смущает. — Девушка произнесла эти слова с юным вызовом, который неожиданно растрогал Элиану.

— Меня это не смущает, — ответила она. — Джеана хорошо разбирается, с кем можно дружить.

Это удивило девушку. Когда глаза Элианы привыкли к полумраку, она увидела, что ее собеседница — тонкокостная и ма-

ленькая, не старше пятнадцати-шестнадцати лет, и что завернута она только в рваную шаль поверх выгоревшей туники до колен. Что совсем недостаточно для такого холодного и ветреного дня. Элиана чуть было не высказалась по этому поводу, но промолчала.

— Я хотела предупредить, что вам грозит беда, — резко проговорила девушка. — Я имею в виду киндатов.

Элиана ощутила в душе леденящее прикосновение.

— Что это значит? — спросила она, непроизвольно оглядываясь через плечо в сторону солнечного света, где двигались люди, которые могли их услышать.

— Мы слышим всякое там, за стенами. От мужчин, которые к нам ходят. На стенах расклеили листовки. Нехорошие стихи. Как это называется... поклеп. Насчет киндатов и Дня Крепостного Рва. Нунайа думает, что-то затевается. Что правитель города получил приказ.

— Кто такая Нунайа? — Элиана почувствовала, что ее начинает бить дрожь.

— Наша главная. За стенами. Она старше всех. Много знает. — Девушка заколебалась. — Она — друг Джеаны. Когда Джеана уезжала, Нунайа продала ей мулов.

— Тебе об этом известно?

— Я сама отвела ее к Нунайе в ту ночь. Мы не могли подвести Джеану. — Снова вызов, с ноткой гордости.

— Тогда спасибо. Я уверена, что вы бы ее не подвели. Я уже сказала, она знает, кого выбирать себе в друзья.

— Она всегда была добра ко мне, — сказала девушка, пожимая плечами и стараясь казаться равнодушной. — Лично я не понимаю, что такого плохого в том, чтобы называть луны сестрами.

Элиана постаралась сдержать улыбку, несмотря на одолевающий ее страх. Пятнадцать лет.

— К сожалению, не все с тобой согласны, — вот и все, что она ответила.

— Это я знаю, — сказала девушка. — С Джеаной все в порядке?

— Мне кажется, да. — Элиана поколебалась. — Она в Рагозе, работает.

Девушка кивнула, удовлетворенная.

— Я передам Нунайе. Ну, это все, что я хотела сказать. Нунайа говорит, что вам нужно быть осторожными. Подумайте об

отъезде. Она говорит, здешние люди снова нервничают из-за этого заявления другого короля, с севера... из Руэнсы?

— Из Руэнды, — поправила Элиана. — Насчет дани? Почему это должно затронуть народ киндатов?

— Ну, вы не у той спрашиваете, — снова пожала плечами девушка. — Я кое-что слышу, но знаю немного. Нунайа думает, что в этом есть что-то странное, вот и все.

Элиана несколько мгновений стояла и молча смотрела на девушку. Эта шаль действительно недостаточно теплая для такого времени года. Импульсивно, снова сама себе удивляясь, она сняла свою синюю накидку и набросила на плечи девушки.

— У меня есть другая, — сказала она. — Ее у тебя не украдут?

Глаза девушки широко раскрылись. Она пощупала теплую ткань.

— Разве что кому-то захочется проснуться на том свете, — ответила она.

— Хорошо. Спасибо за предупреждение. — Элиана собралась уходить

— Госпожа.

Она остановилась и оглянулась.

— Вы знаете лавку торговца игрушками, в конце улицы Семи Поворотов?

— Я ее видела.

— Прямо за ней, у городской стены, стоит липа. За ней, вдоль стены, кусты. Там есть выход из города. Это маленькая калитка, она заперта, но ключ висит на гвозде на дереве, с тыльной стороны, примерно на высоте моего роста. — Она показала рукой. — Если вам когда-нибудь понадобится выбраться, это один из способов попасть к нам.

Элиана опять помолчала, потом кивнула.

— Я рада, что у моей дочери такие друзья, — сказала она и снова вышла на солнечный свет, который теперь, без шали, ее не согревал.

Она решила в это утро не ходить на базар, хотя обычно это доставляло ей удовольствие. Можно послать одну из служанок. Ей было холодно. Она повернула назад, к кварталу киндатов и к дому, в котором прожила тридцать лет.

«Подумайте об отъезде». Вот так просто.

Скитальцы. Они всегда думали об отъезде. Бродили, словно луны среди неподвижных и сверкающих звезд. «Но луны яр-

че, — любил говорить Исхак. — Ярче звезд и добрее солнца». И они с ним уже так долго считают своим домом Фезану.

Она решила ничего не говорить ему об этой встрече.

На следующий день к ней подошел один рабочий-кожевенник, когда она вышла утром, чтобы купить новую накидку — ее старая шаль оказалась совсем ветхой.

Мужчина ждал ее прямо за охраняемыми воротами квартала. Как только она свернула за угол, он подошел к ней. Он вел себя почтительно и явно чего-то боялся. Не стал тратить времени зря, что Элиану устраивало. Он сказал то же самое, что вчерашняя девушка. Он тоже был пациентом Джеаны — или его юный сын. Из слов мужчины Элиана поняла, что прошлым летом микстура Исхака, проданная по минимальной цене, одолела опасную лихорадку. Этот человек испытывал чувство благодарности, он не забыл. И он сказал, что им благоразумнее будет на время покинуть Фезану, еще до конца весны. В тавернах идут разговоры, сказал он, насчет дел, которые не сулят ничего хорошего.

Люди сердятся, сказал он. А самых непримиримых ваджи на уличных углах больше никто не осаживает, как это было раньше. Она прямо спросила его, уехал бы он с семьей, если бы та же опасность грозила джадитам. Он ответил, что решил сменить веру, хотя много лет сопротивлялся. На первом же перекрестке он ушел от нее, не оглядываясь. Она так и не узнала его имени.

Элиана купила себе накидку в маленькой, надежной лавке на улице Ткачей, с ее владельцем она была знакома уже лет десять или больше. Возможно, у нее разыгралось воображение, но купец вел себя с ней холодно, почти неприветливо.

Может быть, у него просто плохо идут дела, старалась уговорить она себя. Фезана в тот год переживала горе и настоящие лишения, когда почти все те, кто стоял в центре жизни города, погибли во рву прошлым летом.

Но изгонять из-за этого киндатов?

Это не имело смысла. Налоги, которые платили неверные — киндаты и джадиты, — шли на поддержку ваджи и храмов, на укрепление стен и выплату дани, которую Фезана посылала в Вальедо. Несомненно, молодой король Картады это понимает или хотя бы его советники? Несомненно, они предвидят экономические последствия, если квартал киндатов в Фезане опустеет в результате миграции его жителей в другие города?

Или в результате чего-то похуже.

На этот раз она рассказала Исхаку об этих предостережениях. Ей казалось, она точно знает, что он скажет при помощи тех нечленораздельных звуков, которые Элиана научилась понимать с прошлого лета.

Но он ее удивил. После стольких лет он все еще мог ее удивлять. Это вести из Сореники, объяснил он, стараясь говорить четко. В них следует искать объяснение: новое настроение в мире, новый взмах маятника. Перемена в воздухе, в ветрах.

Они начали тайком готовиться к отъезду в Рагозу, к Джеане, вместе со всеми слугами.

Но слишком затянули с приготовлениями.

* * *

Их дочь на той же неделе, когда ее мать известили об опасности, — на той самой неделе, когда чуть не умерла Инес Вальедская, — готовилась к рагозскому карнавалу, который ждала с большим удовольствием, чем ей хотелось признать.

Альвар де Пеллино однажды утром сменился с дежурства и встретился с ней на людном углу улицы. Рядом с ним шагал Хусари, а поодаль следовал бдительный юный Зири. Альвар решил про себя, что Джеана еще никогда не выглядела более красивой. Хусари, которому он под влиянием минутного порыва однажды ночью признался в своих чувствах к Джеане, предупреждал его, что весна имеет обыкновение влиять на молодых людей подобным образом.

Альвар не думал, что виновато время года. Многое изменилось в его жизни с прошлого лета, и перемены еще не закончились, но то, что он почувствовал к Джеане к концу той первой ночи у походного костра к северу от Фезаны, не изменилось и не изменится. В этом он был совершенно уверен. Он понимал, что в этой уверенности есть нечто странное, но она оставалась.

Лекаря двора и военного отряда Джеану бет Исхак окружали блестящие и образованные мужчины. С этим Альвар мог смириться. Он почти ничего и не ожидал. До тех пор пока он может играть какую-то роль, находиться рядом, он будет доволен, говорил он себе.

В основном это было правдой. Но бывали ночи, когда все менялось, и он вынужден был признаться — но только не прагматичному Хусари, — что с возвращением весенних цветов и теплого ветра с озера такие ночи случались все чаще.

Теперь мужчины распевали песни по ночам на улицах, под окнами женщин, которых желали. Альвар лежал без сна и слу-

шал эту музыку, поющую о страсти. В такие моменты он сознавал, как далеко забрался от фермы на севере Вальедо. Он также сознавал — да и как мог не сознавать? — что он когда-нибудь вернется на север, когда закончится ссылка Капитана.

Он старался не задумываться об этом.

Они подошли к Джеане и поздоровались с ней, каждый по-своему: Хусари улыбкой, а Альвар — придворным ашаритским поклоном, который получался у него все лучше. Он практиковался ради развлечения.

— Во имя лун, посмотрите на себя, вы, оба! — воскликнула Джеана. — Вы выглядите так, словно уже надели карнавальные костюмы. Что сказали бы ваши бедные матери?

Двое мужчин благодушно усмехнулись и переглянулись. Альвар был одет в полотняную верхнюю рубаху с широкими рукавами цвета слоновой кости, свободно подпоясанную у талии, поверх штанов в обтяжку немного более темного оттенка, и ашаритские городские туфли, вышитые золотой нитью. Голову прикрывала шапочка из мягкой ткани красного цвета, купленная на базаре неделю назад. Она ему очень нравилась.

Хусари ибн Муса, торговец шелком из Фезаны, носил простую коричневую рубаху воина-джадита под покрытым пятнами и сильно поношенным кожаным жилетом. За широким поясом с обеих сторон заткнуты кинжалы. Штаны для верховой езды заправлены в высокие черные сапоги. На голове он носил, как всегда, коричневую широкополую кожаную шляпу.

— Моя, к сожалению, уже ушедшая мать получила бы удовольствие, надеюсь, — сказал Хусари. — Она обладала чувством юмора, да хранит Ашар ее душу.

— А моя пришла бы в ужас, — с готовностью прибавил Альвар. Хусари рассмеялся.

Джеана старалась остаться серьезной.

— Что сказал бы любой здравомыслящий человек, глядя на вас? — вслух рассуждала она. Зири отошел в сторону; он охранял ее на расстоянии.

— Думаю, — пробормотал Хусари, — такой человек, если бы мы смогли найти его в Рагозе на этой неделе, мог бы сказать, что мы двое представляем то лучшее, что имеется на полуострове. Храбрый Альвар и я, бедный, стоя смиренно перед тобой, являемся доказательством того, что люди из разных миров могут смешать и слить воедино эти миры. Что мы можем взять друг у друга самое лучшее и сделать новое целое, сияющее и неразрушимое.

— Я не уверен, что твоя жилетка — самое прекрасное из всего, что может предложить Вальедо, — нахмурился Альвар, — но мы это замнем.

— Я не уверена, что хотела получить серьезный ответ на мой вопрос, — сказала Джеана. Ее голубые глаза задумчиво прищурились, она пристально посмотрела на Хусари.

Он снова улыбнулся.

— Разве я ответил серьезно? О господи! Я снова становлюсь педантом. Меня попросили прочесть лекцию по этике торговли в университете этим летом. Я тренируюсь, даю длинные, пространные ответы на все вопросы.

— Только не сегодня, — сказала Джеана, — иначе я никогда не сделаю то, что мы должны сделать. — Она зашагала дальше; мужчины шли по обеим сторонам от нее.

— Мне показалось, что ответ хороший, — тихо сказал Альвар.

Они оба посмотрели на него. Все помолчали.

— Мне тоже, — наконец произнесла Джеана. — Но мы не должны его поощрять.

— Поощрение, — величественно произнес Хусари, широко шагая в своих черных сапогах, — не имеет значения для истинного ученого, полного энергии и усердия в поисках истины и знаний, его единственного стремления на дорогах, по которым не ходят не столь великие люди.

— Видишь, что я имела в виду, — сказала Джеана.

— Давай попробуем найти ему жилет получше, — предложил Альвар.

Они свернули за угол, на улицу, которую им велели искать, а затем все трое резко остановились. Даже Хусари, который повидал в свое время множество городов.

Рагоза всегда была оживленным, живописным городом. Когда сияло солнце, а небо и озеро были ярко-синими, как плащ киндата, можно было сказать, что город сверкает на свету: мрамор и слоновая кость, мозаики и резьба арок и дверей. Но даже при этом полгода, прожитые здесь, не подготовили Альвара к такому зрелищу.

Вдоль узкой извилистой улицы поспешно установили временные прилавки, десятки прилавков, и они ломились от масок животных и птиц, реальных и сказочных, всевозможных цветов и форм.

Джеана рассмеялась от восторга. Хусари покачал головой и

улыбнулся. По другую сторону улицы стоял юный Зири, открыв рот; Альвар сам едва удерживал челюсть на месте.

Он увидел головы волка, жеребца, ярко-желтой птицы-солнца, необычайно убедительную и страшную маску огненного муравья — и все они лежали на первом столе, в начале улицы.

Навстречу им шла женщина, прекрасно одетая и увешанная украшениями. За ней раб нес изящное творение: маску из кожи и перьев в виде головы горной кошки, ее ошейник был усыпан драгоценными камнями. На ошейнике имелось кольцо для поводка; этот поводок несла женщина, как заметил Альвар. Похоже, он был сделан из кованого золота. Этот ансамбль, должно быть, стоил целое состояние, чтобы создать его, наверняка потребовалось не меньше года. Когда женщина приблизилась к трем спутникам, она замедлила шаг, потом улыбнулась Альвару и посмотрела ему в глаза, проходя мимо. Альвар оглянулся и посмотрел ей вслед. Ибн Муса громко рассмеялся, Джеана подняла брови.

— Запомни эту маску, друг мой! — сквозь смех произнес Хусари. — Запомни ее на завтра! — Альвар надеялся, что не покраснел.

Они встретились в это теплое, душистое утро, чтобы купить себе маскарадные костюмы для этой ночи, когда на улицах Рагозы до рассвета будут гореть факелы. В эту ночь город будет встречать весну и праздновать день рождения эмира Бадира, с музыкой, танцами, вином и всеми прочими развлечениями, очень далекими от строгого аскетизма Ашара. И, кстати, от учения священников Джада и высших киндатских священников тоже.

Невзирая на ясно выраженные взгляды духовных лидеров, люди приезжали в Рагозу издалека, иногда недели тратили на дорогу из Фериереса или Батиары, — хотя на восточных перевалах еще лежал снег, — чтобы принять участие в карнавале. Всегда приятно праздновать возвращение весны. Да и эмир Бадир, который правил со времен падения Халифата, пользовался всеобщим уважением и даже любовью, что бы ни говорили ваджи о нем и его визире-киндате.

Они шли по запруженной толпой улице, лавируя на ходу. Альвар держался за кошелек у пояса. Такое место было раем на земле для воров. У первого же прилавка с масками, у которого они остановились, Альвар выбрал маску орла, как дань уважения Капитану. Он надел ее, и ремесленник, энергично кивая в

знак одобрения, протянул ему зеркало. Альвар сам себя не узнал. У него был грозный вид.

— Отлично, — сказала Джеана. — Покупай.

Альвар поморщился под маской, услышав цену, но Хусари поторговался вместо него, и цена снизилась вдвое. Хусари в то утро был весел и блистал остроумием, он повел их вперед, расталкивая толпу локтями. Пройдя немного дальше, он с воплем прыгнул к роскошному изображению головы павлина с плюмажем. Не без труда надел ее на себя. Маска была великолепна, она поражала воображение.

— Никто, — сказала Джеана, делая шаг назад, чтобы получше разглядеть его, — не сможет даже близко подойти к тебе.

— Я смогу! — крикнула какая-то женщина из толпы зрителей. Раздался взрыв непристойного смеха. Хусари осторожно отвесил женщине поклон.

— Есть способы преодолеть подобные трудности, Джеана, — сказал Хусари, его голос странно гулко звучал из-под тесно прилегающей маски и живописных перьев. — Если правда то, что мне известно об этом празднестве.

Альвар тоже слышал такие истории. В казармах, тавернах и башнях ночной стражи неделями только их и рассказывали. Джеана безуспешно пыталась выразить порицание. «Трудно порицать Хусари», — подумал Альвар. Торговец шелком, по-видимому, был одним из тех людей, которые всем нравятся. И еще человеком, который полностью изменил свою жизнь в этот последний год.

Некогда тучный и малоподвижный и далеко не молодой, ибн Муса теперь был безоговорочно принят в отряде Родриго. С ним советовался Капитан, а старый, ворчливый Лаин Нунес — джадит до мозга костей, несмотря на все его непристойные богохульства, — считал его кем-то вроде приемного брата.

С помощью продавца Хусари снял маску. Волосы его растрепались, а лицо раскраснелось.

— Сколько, друг мой? — спросил он. — Эта штука мне почти подходит.

Пристально посмотрев на него, ремесленник назвал цену. Ибн Муса издал пронзительный вопль смертельно раненного человека.

— Мне кажется, — сказала Джеана, — что эти переговоры затянутся на какое-то время. Может, мы с Зири дальше пойдем одни, с вашего позволения? Если я собираюсь участвовать в маскараде, то нет смысла всем знать, что я надену.

— Мы не «все», — запротестовал Хусари, отрываясь от первых залпов торговой дуэли.

— И ты уже знаешь наши маски, — прибавил Альвар.

— Знаю, — сверкнула улыбкой Джеана. — Это полезно. Если мне кто-нибудь из вас понадобится во время карнавала, я буду знать, что искать надо в птичнике.

— Не будь такой самодовольной, — погрозил ей пальцем Хусари. — Альвар может оказаться в логове горной кошки.

— Он этого не сделает, — ответила Джеана.

Хусари рассмеялся. Джеана после недолгого колебания, бросив взгляд на Альвара, повернулась и зашагала прочь. Сжимая в руках свою маску орла, Альвар смотрел ей вслед, пока они с Зири не растворились в толпе.

Хусари после оживленной перепалки по поводу цены, настолько бурной, что она привлекла еще больше людей, купил маску за цену, равную почти годовому жалованью профессионального солдата. Ремесленник согласился доставить ее позже, когда толпа поредеет.

— Кажется, мне необходимо выпить, — заявил ибн Муса. — Да простит святой Ашар наши грехи в этом мире.

Альвар, для которого это не было грехом, решил, что ему тоже надо выпить, хотя обычно не пил так рано. Они прикончили несколько бутылок, до того как вышли из таверны.

— Горные кошки, — задумчиво произнес в какой-то момент ибн Муса, — по слухам, совокупляются яростно.

— Не надо мне такого говорить! — простонал Альвар.

Хусари ибн Муса — торговец шелком, солдат, ашарит, друг, — *рассмеялся и заказал еще одну бутылку хорошего красного вина.*

Шагая в одиночестве сквозь толпу мимо прилавков с масками, Джеана сурово убеждала себя в том, что ее обман невелик и она имеет полное право остаться одна. Тем не менее она не любила притворяться и очень любила обоих мужчин. Ее саму удивил тот укол ревности, который она явно ощутила, когда длинноногая ашаритка с маской горной кошки улыбнулась Альвару совершенно недвусмысленной улыбкой.

И все же Альвара и Хусари совершенно не касается то, что у нее уже есть карнавальная маска, любезно подаренная визирем эмира. Она устала от постоянных сплетен, которые окружали их отношения, они ее раздражали. Тем более после того как появление соблазнительной Забиры из Картады превратило ухажи-

вания Мазура за Джеаной почти в исключительно ритуальные действия.

Глупо было также волноваться по поводу почти оставленных им попыток завоевать ее, как раньше по поводу его прежней уверенности в том, что ее капитуляция — всего лишь вопрос времени, но Джеана остро сознавала, что именно таковы ее чувства.

Она вздохнула. Она даже представить себе не могла, что сказал бы на все это сэр Рецдони из Батиары. Что-нибудь насчет сути природы женской половины человечества. Бог и его сестры свидетели, как часто они спорили об этом в период ее жизни в Батиаре. Она написала ему после того, как пришли известия о Соренике. Но пока ответа не получила. Он жил по большей части там, но не всегда. Часто он увозил с собой на север семью, пока читал лекции в каком-нибудь из других университетов. Но возможно, он погиб. Она изо всех сил старалась не думать об этом.

Оглянувшись, Джеана заметила Зири, который пробирался сквозь толпу неподалеку от нее. Некоторое время после того как их с Веласом похитили убийцы, посланные к двум детям, Джеане приходилось подавлять в себе тревогу всякий раз, когда она выходила на улицу. Она довольно быстро поняла, что Зири всегда находится неподалеку. Он стал ее маленькой тенью, научился — в слишком юном возрасте — прятать на теле кинжал и использовать его убийственную силу. Он убил человека, чтобы спасти ей жизнь.

Однажды ночью ее вызвали в казармы к Зири. Сначала он показался *ей смертельно больным: у него было очень бледное* лицо, его сотрясали приступы рвоты. Но оказалось, что все дело в вине. Люди Родриго впервые взяли его с собой в таверну. Она гневно отчитала их за это, и они стерпели. Но, по правде говоря, Джеана понимала, что они знакомят его с жизнью, которая сулила ему гораздо больше того, что он получил бы в Орвилье. Сложится ли его судьба лучше, счастливее? Как может смертный знать ответ на этот вопрос?

Ты прикасаешься к жизням людей мимоходом, и эти жизни меняются навсегда. Иногда с этим трудно примириться.

Зири очень быстро поймет, если уже не понял, что она не собирается покупать сегодня маску. Это не имеет значения. Он дал бы четвертовать себя, прежде чем хотя бы одной живой душе проговорился о том, что знает о ней.

Джеана училась мириться с тем, что другие люди, кроме ма-

тери и отца, ее любят и поэтому совершают определенные поступки. Еще один трудный урок, как ни странно. В детстве она не была ни красивой, ни особенно милой; правильнее было бы даже назвать ее строптивой и дерзкой. «Таким, как я, в юности не удается научиться быть любимыми, — думала она. — У них мало практики».

Она пошла медленнее, чтобы полюбоваться некоторыми выставленными на прилавках изделиями. Удивительно, что даже самые невероятные маски — бобра, кабана, усатой серой мыши, сделанные из мягчайшей кожи, — были выполнены так, что выглядели чувственными и привлекательными. Как можно придать чувственность голове кабана? Она не знала, но она ведь не была мастером. «Маски будут выглядеть еще более соблазнительно завтра вечером, — подумала Джеана, — при свете факелов и лун, когда вино потечет по улицам и переулкам города, смешивая анонимность со страстью».

Мазур пригласил ее на ужин вчера вечером, в первый раз за долгое время, и в конце ужина преподнес этот подарок. Он был учтив и уверен в себе, как всегда.

Она открыла коробку. Даже сама коробка была очень красивой: из слоновой кости и сандалового дерева, с серебряным замочком и ключиком. Внутри, на ярко-красном шелке, лежала маска белой совы. Джеана знала, что сова — символ лекаря, священная птица белой луны и стремления к знаниям, луч бледного света, освещающего долгие дороги во тьме. Галинус, отец всех лекарей, ходил с посохом, рукоять которого была украшена резной совой. Немногие знали об этом. Очевидно, Мазур знал.

Это был щедрый, продуманный подарок от человека, который всегда проявлял по отношению к ней щедрость и вдумчивость.

Она посмотрела на него. Он улыбался. Проблема с Мазуром бен Авреном заключалась в том, решила Джеана в тот момент, что он всегда знает о своей проницательности; и когда он делает подарок, то всегда попадает в самую точку. Он не испытывал неуверенности и не ждал одобрения.

— Спасибо, — сказала она. — Маска очень красивая. Я почту за честь надеть ее.

— Она должна быть вам к лицу, — серьезно сказал он, непринужденно раскинувшись на диване напротив нее с бокалом вина в руке. Они остались одни; слуг отпустили, когда ужин закончился.

— Скажите, — прибавила Джеана, закрывая коробку и поворачивая в замке изящный ключик, — что вы выбрали для гостьи Забиры? Если это не слишком смелый вопрос.

Напротив, он был провокационным. Как можно ожидать, что человек изменится? И ей всегда доставляло удовольствие — такое редкое удовольствие — заставить этого человека заморгать и заколебаться, пусть всего лишь на мгновение. Это было почти ребячеством, Джеана это понимала, но ведь не всегда ребячество — это плохо?

— С моей стороны было бы неблагородно раскрыть тайну ее маски, не так ли? Так же, как и рассказать ей о том, что я подарил вам.

Он действительно умел поставить собеседника в глупое положение.

Но ее реакция на это была почти такой же, как на протяжении всей жизни.

— Наверное, — небрежно проговорила она. — Скольких из нас вы лично нарядили на этом карнавале, чтобы никто, кроме вас, не знал, кто скрывается под маской?

Он снова заколебался, но на этот раз не от смущения.

— Двоих, Джеана. Вас и Забиру. — В его бокале, наполненном светлым вином, играли отражения свеч. Он печально улыбнулся. — Я уже не так молод, как прежде, знаете ли.

В подобных вещах ему не чуждо было лицемерие, но на этот раз у нее возникло ощущение, что он говорит искренне. Джеана была растрогана и ощутила легкий укол вины.

— Мне очень жаль, — сказала она.

Он пожал плечами.

— Не надо меня жалеть. Пять лет назад, даже два года назад, я бы этого заслуживал. — Он снова улыбнулся. — Хотя, должен сказать, ни одна из женщин, кроме вас, не задала бы подобного вопроса.

— Моя мать пришла бы в ужас, услышав ваши слова.

Он слегка покачал головой.

— Думаю, вы на нее клевещете. Думаю, она была бы довольна, что ее дочь не уступает ни одному мужчине.

— Едва ли это так, Мазур. Я просто колючая. Иногда это мешает.

— Знаю, — сказал он, скорчив гримасу. — Это-то мне известно.

Она улыбнулась и встала.

— Уже поздно для практикующего лекаря, — сказала она. — Могу ли я еще раз поблагодарить вас и откланяться?

Он тоже встал, по-прежнему грациозный, разве что боль в бедре иногда беспокоила его в дождливую погоду. Совсем не такой старый и дряхлый, каким ему хотелось в тот момент казаться. В том, что говорил Мазур, всегда была какая-то цель. Аммар ибн Хайран, который и сам в этом был точно таким же, предупреждал ее об этом.

Иногда совсем не хочется прослеживать все уровни значения или последствий. Иногда хочется просто сделать то, что хочется. Она подошла к Мазуру и впервые нежно поцеловала его в губы.

И вот это его удивило, как поняла Джеана. Он даже не обнял ее. Так же она когда-то поступила с ибн Хайраном, в Фезане. Она — ужасная женщина.

— Спасибо, — сказала она визирю Рагозы. — Спасибо за маску.

Шагая домой в сопровождении телохранителя, она вспомнила, что забыла спросить, в чем он сам явится на карнавал.

Под утренним солнцем, среди толпы народа, вспоминая этот вечер, Джеана обнаружила, что она уже дошла до конца длинной улицы с прилавками. Она повернула налево, к озеру, где было спокойнее. Зная, что Зири незаметно следует позади нее, она шагала без какой-то определенной цели, неизвестно куда.

Она могла вернуться в больницу. Там у нее лежали трое больных. Можно было еще зайти домой к женщине, которой вот-вот предстояло рожать. Но сегодня утром никто из них особо не нуждался в ее заботах, и так приятно было бродить по весенним улицам, не имея срочных дел.

Ей пришло в голову, что единственное, чего ей действительно не хватает здесь, в Рагозе, — это подруги. Ее окружало так много достойных, даже выдающихся мужчин, но как раз сейчас ей так недоставало возможности выйти за городские стены в это ясное утро, наполненное пением птиц, и посидеть возле приземистой хижины вместе с Нунайей и другими уличными женщинами, выпить чего-нибудь прохладного и посмеяться над их непристойными, язвительными рассказами. «Иногда необходимо иметь возможность посмеяться над мужчинами и их миром», — подумала Джеана.

Она провела — сколько, большую часть года? — в мире мужчин, и вела себя серьезно и профессионально. Спала в палатке

зимой среди отряда воинов. Они уважали ее за это, доверяли ее мастерству и ее суждениям, а некоторые из них даже любили ее, и Джеана это знала. Но не было другой женщины, с которой она могла бы просто посмеяться или, качая головой, поиздеваться над причудами солдат и дипломатов. И возможно, даже доверить ей свои ночные страдания, когда она лежала без сна, прислушиваясь к звону струн, которые пели для других женщин на темных улицах внизу.

Несмотря на все удовольствия и радости этой жизни вдали от дома, от людей, поведение которых она могла бы предсказать, у нее возникали и неожиданные стрессы. «Возможно, — думала Джеана, — не так уж и плохо, что приближается этот знаменитый карнавал и никто, кроме Мазура бен Аврена, не знает наверняка, кем я наряжусь». При этой мысли ее охватило волнение и, что неизбежно, легкая тревога. Хорошо бы сегодня иметь возможность поговорить с Нунайей. Нунайа больше понимает в мужчинах, чем любой знакомый Джеане человек.

Сама того не замечая, Джеана характерным жестом слегка пожала плечами и пошла дальше. Она не умела бродить без цели. Она шла слишком быстро, словно у нее была назначена срочная встреча и она опаздывала.

Ей было двадцать восемь лет, и близились события, которые навсегда изменят ее жизнь.

Однако сначала, проходя по тихому переулку, она заглянула в открытый дверной проем и увидела там знакомого человека. Она заколебалась, а потом, отчасти потому, что они еще не разговаривали с ним наедине с тех пор, как пришли вести из Сореники, Джеана вошла. Родриго Бельмонте стоял спиной к двери, щупая образцы пергамента в лавке переписчика.

Он так сосредоточился на своем занятии, что не заметил ее появления. Но лавочник увидел и вышел из-за прилавка ей навстречу. Джеана жестом призвала его к молчанию. Тот понимающе улыбнулся, подмигнул и вернулся на свой табурет.

Почему, удивилась Джеана, все мужчины улыбаются одинаково? У нее вызвало раздражение невысказанное предположение лавочника, и поэтому она заговорила более холодно, чем намеревалась.

— И для чего он вам нужен? — спросила она. — Изложить требования выкупа?

Родриго тоже принадлежал к людям, которых нелегко удивить. Он оглянулся и улыбнулся.

— Привет, Джеана. Разве не красиво? Посмотри. Пергамент из кожи газели, из овечьей кожи. А ты видела бумагу, которая имеется у этого замечательного человека? — Лавочник расцвел в улыбке. Родриго сделал два шага к следующей коробке и осторожно достал из нее свиток льняной бумаги кремового цвета.

— У него и полотно тоже есть. Посмотри. А некоторые куски окрашены. Вот красное. Вот что годится для требования выкупа! — Он улыбнулся. В его голосе звучало непритворное удовольствие.

— Картада заработает еще денег, — ответила Джеана. — Эту краску делают в одной долине к югу от нее.

— Знаю, — сказал Родриго. — Но не могу поставить им это в вину, если они создают с ее помощью такую красоту.

— Значит, уважаемый Капитан желает приобрести полотна? — спросил купец, поднимаясь со своего табурета.

— Увы, Капитан не может позволить себе ничего столь экстравагантного, — ответил Родриго. — Даже для требований выкупа. Я возьму этот пергамент. Десять листов и полдюжины хороших перьев.

— Не хотите ли воспользоваться моими услугами? — спросил переписчик. — У меня есть образцы моего почерка. Можете взглянуть.

— Спасибо, не надо. Я уверен, ваш почерк безупречен, судя по тому вкусу, который вы проявили в подборе материалов. Но мне нравится самому писать письма, когда выдается свободное время, а люди говорят, что мой почерк можно разобрать. — Он улыбнулся.

«Его разговорный ашаритский язык всегда был отличным, — подумала Джеана. — Его можно принять за местного жителя, хотя, в отличие от Альвара и некоторых других северян, Родриго сохранил свой собственный стиль в одежде. Он по-прежнему носит у пояса хлыст, даже когда выходил из дома без меча, как сейчас».

— Это действительно для требований выкупа? — спросила она.

— У твоего отца, — пробормотал он. — Я устал от лекаря, которая разговаривает со мной еще более резко, чем Лаин. Что он мне за тебя даст?

— Лаин?

— Твой отец.

— Боюсь, не очень много. Он тоже считает меня слишком резкой.

Родриго достал из кошелька серебряную монету и заплатил лавочнику. Подождал, пока завернут покупку, и пересчитал сдачу.

Джеана вышла на улицу вместе с ним. Она увидела, как он инстинктивно окинул оценивающим взглядом улицу и отметил присутствие Зири в дверном проеме поодаль. «Странно, должно быть, — вдруг подумала она, — иметь такой взгляд на мир, при котором подобная оценка окружения становится рутинной».

— Почему ты так сурова с теми, кто тебя искренне любит, как ты считаешь? — спросил он, поворачивая на восток.

Она не ожидала, что разговор сейчас же примет подобное направление, хотя оно совпадало с недавним ходом ее мыслей.

Она привычно пожала плечами.

— Способ справиться. Вы все вместе выпиваете, деретесь, тренируетесь, ругаете друг друга. У меня есть только мой язык и иногда, в придачу, манера поведения.

— Вполне справедливо. У тебя проблемы, с которыми ты не можешь справиться, Джеана?

— Вовсе нет, — быстро ответила она.

— Нет, правда. Ты — член моего отряда. Это вопрос командира, доктор. Хочешь, на некоторое время освобожу тебя от обязанностей лекаря? Должен тебя предупредить, что, когда погода наладится, возможностей отдохнуть будет немного.

Джеана удержалась от быстрого возражения. Это был действительно справедливый вопрос.

— Мне лучше всего, когда я работаю, — ответила она наконец. — Я не знала бы, куда девать свободное время. По-моему, возвращаться домой небезопасно.

— В Фезану? Да, это так, — согласился он. — Этой весной.

Она продолжила его же тоном.

— Ты думаешь, это начнется скоро? Неужели Бадир действительно пошлет армию на восток?

Они свернули за угол и теперь шли на север. Толпы на улицах поредели ближе к полудню. Озеро лежало впереди, и изогнутые стены вытянулись над водой, как протянутые руки. Джеана видела мачты рыбацких судов.

Родриго сказал:

— Думаю, скоро в поход двинется много армий. И наша будет одной из них.

— Ты очень осторожен, — заметила Джеана.

Он бросил на нее взгляд. И внезапно усмехнулся в густые усы.

— Я всегда с тобой осторожен, Джеана.

Она не ответила, промолчала. Он продолжал:

— Если бы знал больше и наверняка, я бы тебе сказал. Лаин совершенно уверен, что это объединение всех трех северных правителей, о котором ходят слухи, приведет к тому, что выступит одна армия. Сам я в этом сомневаюсь, но это не значит, что не выступят все три правителя джадитов, и каждый будет вести собственную маленькую священную войну. — Голос его звучал сухо.

— И в какое положение все это ставит Родриго Бельмонте из Вальедо? — спросила она, останавливаясь у скамьи возле большого склада. Это являлось ее отличительной чертой: если она не была уверена, то старалась задавать прямые вопросы. Делать разрез, как хирург.

Он поставил обутую в сапог ногу на скамью и положил свой сверток. Жестом пригласил ее сесть. Платан отбрасывал на скамью тень. Солнце уже поднялось высоко, и стало теплее. Она краем глаза заметила Зири, присевшего на мрамор фонтана. Он играл со своим кинжалом и для всех окружающих выглядел, словно ученик, отпущенный на часок или бездельничающий на обратном пути после выполненного поручения.

Родриго сказал:

— Мне на этот вопрос ответить сейчас так же трудно, как было зимой. Помнишь, ибн Хайран спрашивал меня об этом же?

Джеана помнила: в то утро, когда она чуть не погибла вместе с двумя мальчиками, единственным грехом которых было то, что они приходились сводными братьями правителю.

— Действительно ли деньги, которые ты здесь зарабатываешь, важнее преданности Вальедо?

— Если так поставить вопрос — нет. Но есть и другие способы сформулировать его, Джеана.

— Скажи, какие.

Он смотрел на нее спокойными серыми глазами. Очень немногое могло вывести его из себя. Даже хотелось попробовать это сделать. «Но этот человек, — внезапно подумала она, — разговаривал со мной так, словно я была его доверенным офицером. Никаких скидок, никакой снисходительности. Ну, почти никаких». Она не была уверена в том, что он так же поддразнивает Лаина Нунеса.

— Должна ли верность моим представлениям о чести перевесить мой долг по отношению к жене и будущему моих детей?

Здесь, вблизи от воды, дул ветер. Джеана сказала:

— Объясни мне это, пожалуйста.

— Лаин и Мартин боятся, что мы можем упустить настоящий шанс, оказавшись в ссылке именно в этом году. Они заставляют меня написать Рамиро прошение о разрешении вернуться, а потом, если он согласится, расторгнуть мой контракт здесь. Я решил этого не делать. Есть некоторые вещи, которых я делать не стану.

— Что именно? Расторгать контракт или подавать прошение?

Он улыбнулся.

— Собственно говоря, и то, и другое. Второе еще менее вероятно, чем первое. Я мог бы вернуть свое жалованье, я, конечно, не успел его потратить. Но подумай вот о чем, Джеана. Более важно вот что. Если Вальедо двинется на юг через тагру и осадит Фезану, каким людям, по-твоему, Рамиро отдаст земли в случае успеха кампании? — Он посмотрел на нее. — Понимаешь?

Будучи сообразительной и дочерью своего отца, она поняла.

— Ты будешь скакать вокруг Рагозы, преследуя бандитов за жалованье, когда можно завоевать целые королевства.

— Не совсем целые королевства, но нечто существенное, несомненно. Гораздо больше, чем жалованье, каким бы щедрым оно ни было. Так что скажите, доктор, должен ли я дать моим мальчикам шанс стать наследниками, скажем, наместника короля в Фезане? Или наследниками только что завоеванных земель между здешними местами и Карказией, с разрешением на строительство замка?

— На это я не могу ответить. Я не знаю твоих мальчиков.

— Это не важно. Они — мальчики. Вопрос в том, к чему должен стремиться мужчина, Джеана? Не поступаясь честью? — Теперь его взгляд бы прямым и даже немного пугающим. Сэр Рецони имел обыкновение так смотреть. Она все время забывала, до тех пор пока ей не напоминали, как сейчас, что Родриго был учителем, а не только одним из тех воинов полуострова, которых опасались больше всех.

— Все равно не могу ответить, — сказала она.

Он покачал головой, впервые проявляя нетерпение.

— Ты думаешь, я иду на войну и убиваю, отдаю приказы

убивать сдавшихся в плен противников, заживо сжигать женщин — а я это делал, Джеана! — просто из глупого боевого задора?

— Тебе лучше знать.

Она немного продрогла здесь, в тени. Не этого она ожидала от утренней прогулки по городу.

— Война иногда доставляет удовольствие, это правда. — Он выбирал слова. — Я не стану этого отрицать. Плохо это или хорошо, но я острее всего чувствую себя живым в присутствии смерти. Мне необходимы опасность, чувство локтя, гордость власти. Шанс завоевать почет, славу, даже состояние — это все имеет значение в нашем мире, если не в раю для душ Джада. Но это уводит меня прочь от тех, кого я люблю, и оставляет их беззащитными перед опасностью в мое отсутствие. И конечно, конечно, если мы не просто животные, которые живут, чтобы драться, для кровопролития должна существовать причина.

— И какая же это причина? Для тебя?

— Власть, Джеана. Бастион. Способ добиться такой безопасности, какой можно добиться в этом непрочном мире, и шанс построить для сыновей что-то такое, что останется после моей смерти.

— И вы все этого хотите? Это именно то, что вами движет?

Он задумался.

— Я бы не стал говорить за всех. Некоторым достаточно сладостного возбуждения. Крови. Некоторые действительно убивают из любви к убийству. Ты видела таких в Орвилье. Но готов побиться об заклад... готов побиться об заклад, что, если ты спросишь Аммара ибн Хайрана, он ответит тебе, что находится здесь, в этом городе, потому, что еще до конца лета надеется править Картадой от имени эмира Бадира.

Джеана внезапно вскочила. Она пошла дальше, напряженно размышляя. Родриго подхватил свой сверток, догнал ее и зашагал рядом. Они шли молча мимо складов, пока не достигли конца длинного пирса, и остановились над синей водой. Рыбацкие лодки украшали к карнавалу. На снастях и мачтах появились фонарики и флажки. Солнце стояло уже над головой; в полдень на улицах осталось мало народу.

— Вы не можете оба добиться своего, правда? — в конце концов произнесла Джеана. — Ты и Аммар. Или можете, но не надолго. Рамиро не может завоевать Фезану и удержать ее, если Бадир возьмет Картаду и удержит ее.

— Они могли бы, полагаю. Но нет, не думаю, чтобы про-

изошло и то, и другое. И конечно, это не получится, если я останусь здесь.

Он не был тщеславным, но знал себе цену. Она взглянула на него снизу вверх. Он смотрел вдаль, на воду.

— Ты действительно в затруднении, правда?

— Как я уже тебе говорил, — тихо ответил он. — Скоро армии двинутся в поход, и я не знаю, чем это закончится. Возможно, ты забыла, но есть и другие игроки.

— Нет, не забыла, — возразила Джеана. — Я о них никогда не забываю. — Сейчас на озере разворачивалась запоздавшая лодка, ее белые паруса ярко сверкали на солнце, она направлялась в гавань с утренним уловом. — Позволят ли мувардийцы твоему народу завоевать Аль-Рассан?

— Не завоевать, а вернуть. Нет, в этом я сомневаюсь, — ответил Родриго Бельмонте.

— Значит, они тоже придут? Этим летом?

— Возможно, если это сделают северные правители.

Они наблюдали, как чайки кружат и пикируют над водой. Белые облака, быстрые, как птицы, мчались над головой.

Джеана посмотрела на стоящего рядом человека.

— Значит, это лето станет концом чего-то.

— Можно сказать, что каждое время каждого года является концом чего-то.

— Да, можно сказать. Ты так считаешь?

Он покачал головой.

— Нет. Я уже давно ощущаю приближение перемен. Не знаю, какими они будут. Но думаю, они надвигаются. — Он помолчал. — Конечно, мне случалось ошибаться насчет подобных вещей.

— Часто?

Он ухмыльнулся.

— Не очень, Джеана.

— Спасибо тебе за откровенность.

Он продолжал смотреть ей прямо в глаза.

— Чистая самозащита, доктор. Я не смею лукавить с тобой. Возможно, тебе когда-нибудь придется делать мне кровопускание. Или отрезать ногу.

Джеана поняла, что ей неприятно об этом думать.

— У тебя есть маска для карнавала? — спросила она неожиданно.

Он снова улыбнулся, кривой улыбкой.

— Собственно говоря, да. Лудус и Мартин, которым нра-

вится считать себя остроумными, купили мне нечто причудливое. Возможно, я ее надену, чтобы сделать им приятное, и немного похожу в начале праздника, но не думаю, что останусь там надолго.

— Почему? Что ты будешь делать? Сидеть, завернувшись в одеяло, у очага?

Он приподнял маленький сверток, который нес.

— Писать письма. Домой. — Он поколебался. — Жене.

— А! — сказала Джеана. — Суровое веление долга. Даже во время карнавала?

Родриго слегка покраснел, впервые за все время их знакомства, и отвел глаза. Последняя рыбацкая лодка уже вошла в гавань. Рыбаки выгружали свой улов.

— Долг тут ни при чем, — сказал он.

И в этот миг Джеана с опозданием поняла о нем нечто важное.

Он проводил ее домой. Она пригласила его зайти и перекусить, но он вежливо отказался. Она поела в одиночестве, рыбу и фрукты, приготовленные поваром, которого нанял для них Велас.

Потом сходила взглянуть на своих пациентов и в задумчивости вернулась домой, чтобы искупаться и переодеться перед пиром во дворце.

Мазур прислал ей украшения, еще одно проявление щедрости. Ей сказали, что пир у эмира накануне карнавала славится своей элегантностью. Хусари подарил ей платье, ярко-красного цвета с черной каймой. Он наотрез отказался от денег — этот спор она проиграла с треском. У себя в комнате она рассмотрела платье. Оно было великолепным. Она в жизни не надевала ничего подобного.

Киндатам положено носить только синие и белые цвета, без всяких претензий. Однако всем ясно дали понять, что в эту ночь — и наверняка еще завтра — в Рагозе эмира Бадира эти правила отменяются. Она начала переодеваться.

Думая о Хусари, Джеана вспомнила его речь сегодня утром. Помпезный, высокомерный стиль фальшивого ученого. Он сказал, что шутит.

Но это было не так или не совсем так.

«В определенные моменты, — думала Джеана, — в присутствии людей, подобных Хусари ибн Мусе, или юному Альвару, или Родриго Бельмонте, можно представить себе такое будущее этого полуострова, которое позволяет надеяться на лучшее. Люди могут меняться, могут переходить границы, отдавать и брать друг у друга... если у них хватает времени, хватает доброй воли, ума...»

Этот мир был создан для того, чтобы сделать в Эсперанье, в Аль-Рассане одну страну из двух, или даже из трех, если помечтать. Солнце, звезды и луны.

Потом вспоминаешь Орвилью, День Крепостного Рва. Смотришь в глаза мувардийцев или остановишься на углу улицы и слышишь ваджи, который требует смерти для грязного киндата-колдуна бен Аврена, пьющего кровь ашаритских младенцев, вырванных из рук матерей.

«Даже солнце заходит, госпожа».

Это сказал Родриго.

Она никогда не встречала такого мужчину, как он. Нет, это не совсем так. Еще одного она встретила в ту же ужасную ночь прошлым летом. Они были подобны блестящей золотой монете, эти двое, две стороны, разные изображения на каждой, одна цена.

Было ли это правдой? Или просто казалось правдой, как речи одного из тех педагогов, которых имитировал Хусари, полные симметрии, но не имеющие сути?

На этот вопрос она не знала ответа. Ей недоставало Нунайи и женщин за стенами Фезаны. Ей недоставало ее собственной комнаты в родном доме. Ей недоставало ее матери.

Ей очень недоставало отца. Ему понравилось бы, если бы он увидел ее в таком виде, как сейчас, она это знала. Он никогда больше ее не увидит, никогда больше ничего не увидит. Человек, который это с ним сделал, мертв. Аммар ибн Хайран убил его, а потом написал свой плач. Джеана была близка к слезам, слушая эту элегию во дворце, где они снова будут сегодня пировать, в зале, по которому протекает поток.

Очень тяжело, что так много вопросов в жизни остается без ответа, как бы ты ни старалась.

Джеана подошла к зеркалу, куда редко заглядывала, и надела украшения Мазура. Потом долго стояла и смотрела на себя.

В конце концов она услышала снаружи музыку, а потом внизу раздался стук в дверь. Услышала, как Велас пошел открывать. Мазур прислал ей сопровождение; похоже, оно состояло из струнных и духовых инструментов. Кажется, вчера ночью она заставила его почувствовать себя виноватым. Это должно было ее позабавить. Она еще секунду стояла неподвижно, глядя на свое отражение в зеркале.

Она не была похожа на лекаря боевого отряда. Она выглядела как женщина — не обладающая свежестью юности, но и не такая уж старая, с красивыми скулами и синими глазами, теперь оттененными краской и лазуритами Мазура на шее и в ушах. Придворная дама, собравшаяся присоединиться к блестящему обществу на дворцовом пиру.

Глядя на отражение в зеркале, Джеана привычно пожала плечами. Этот жест она, по крайней мере, узнала.

Маска, ее настоящая маскировка, лежала на столе рядом с зеркалом. Это на завтра. Сегодня вечером во дворце эмира Бадира, как бы она внешне ни изменилась, все узнают в ней Джеану. Что бы это ни означало.

Глава 13

— Ты доволен? — спросил эмир Рагозы у своего визиря, прервав дружеское молчание.

Мазур бен Аврен, лежащий на подушках, поднял взгляд.

— Это мне следует задать вам подобный вопрос, — сказал он.

Бадир, сидящий в своем глубоком, низком кресле, улыбнулся.

— Меня легко удовлетворить, — тихо ответил он. — Я получил удовольствие от еды и общества. Музыка сегодня была великолепной, особенно язычковые инструменты. Твой новый музыкант из Роницы — просто открытие. Мы хорошо ему платим?

— Очень хорошо, к сожалению, должен сказать. Его услуги пользуются большим спросом.

Эмир отпил из своего бокала, поднес его к пламени ближней свечи и задумчиво стал разглядывать. Сладкое вино имело бледный цвет, как свет звезд, белой луны, северной девушки. Он попытался мимоходом придумать более свежий образ, но ему это не удалось. Было уже очень поздно.

— Что ты думаешь о сегодняшних стихах?

Случилось так, что стихи стали событием.

Визирь ответил не сразу. Они снова остались одни в палатах эмира. Бен Аврен спрашивал себя, сколько раз за эти годы они сидели вот так, вдвоем, на исходе ночи.

Вторая жена Бадира умерла шесть зим назад, во время рождения его третьего сына. Эмир так больше и не женился. У него были наследники, и не возникло ни одного серьезного политического аргумента в пользу нового союза. Иногда прочно сидящему на троне монарху полезно оставаться свободным: ему делают предложения, а переговоры можно тянуть долго. Каждый из правителей трех стран имел основания верить, что его дочь может когда-нибудь стать правительницей богатой Рагозы в Аль-Рассане.

— Что вы думаете об этих стихах, повелитель?

Не в стиле визиря было отвечать вопросом на вопрос. Бадир поднял бровь.

— Ты осторожничаешь, старый друг? Со мной?

Мазур покачал головой.

— Не осторожничаю. Я просто не уверен. Возможно, я необъективен из-за собственных честолюбивых устремлений в области поэзии.

— Для меня это уже почти готовый ответ.

Мазур потянул носом.

— Я знаю.

Эмир откинулся назад и положил ноги на свой любимый табурет. Поставил бокал на широкий подлокотник кресла.

— Что я думаю? Я думаю, что большая часть стихов ничего не значила. Обычный набор образов. Я также думаю, — прибавил он, — что наш друг ибн Хайран в своих стихах выдал конфликт — то ли намеренно, то ли это нечто такое, что он предпочел бы скрыть.

Визирь медленно кивнул.

— Мне это определение кажется точным. Боюсь, вы примете мои слова за лесть. — Эмир Бадир бросил на него острый взгляд. Он ждал. Мазур отхлебнул вина. — Ибн Хайран — слишком честный поэт, мой повелитель. Он может лицемерить в речах или в поступках, но в стихах ему не так легко это удается.

— И что нам делать по этому поводу?

Мазур изящно махнул рукой.

— Мы ничего не можем сделать. Подождем и посмотрим, что он решит.

— Разве мы не должны попытаться повлиять на его решение? Если сами знаем, чего хотим?

Мазур покачал головой.

— Он знает, что может получить от вас, господин.

— Знает? — Тон Бадира стал резким. — А я — нет. И что же он может от меня получить?

Визирь поставил свой бокал и сел прямее. Они пили всю

ночь — на пиру и теперь, наедине. Бен Аврен устал, но голова его оставалась ясной.

— Как всегда, последнее слово за вами, мой повелитель, но мое мнение таково — он может получить все, что пожелает, если решит остаться с нами.

Молчание. Это было очень смелое утверждение. Оба они это знали.

— Я так сильно в нем нуждаюсь, Мазур?

— Нет, если мы предпочтем остаться в прежнем положении. Но если вы пожелаете получить больше, тогда — да, вы так сильно в нем нуждаетесь.

Снова воцарилось задумчивое молчание.

— Конечно, мне хочется иметь больше, — сказал эмир Бадир Рагозский.

— Я знаю.

— Смогут ли мои сыновья справиться с более обширными владениями, когда меня не станет, Мазур? Способны ли они на это?

— Я думаю — да, если им помочь.

— Будет ли у них твоя помощь, мой друг, как есть она у меня?

— Пока я жив. Мы с вами почти одного возраста, как вам известно. И в этом, собственно говоря, весь смысл того, о чем я говорю.

Бадир посмотрел на него. Поднял свой почти пустой бокал. Мазур легко встал и подошел к буфету. Взял графин и налил вина эмиру, а потом, повинуясь его жесту, себе. Поставил на место графин и вернулся на свои подушки, удобно устроившись среди них.

— Это было чрезвычайно короткое стихотворение, — сказал эмир Рагозы.

— Да.

— Почти... небрежное.

— Почти. Но не совсем. — Визирь на секунду замолчал. — Я думаю, он сделал вам комплимент необычного сорта, мой господин.

— Вот как! Какой же?

— Он позволил вам увидеть, что ведет внутреннюю борьбу. Он не стал скрывать этот факт за льстивыми, красноречивыми выражениями преданности.

Снова эмир промолчал.

— Правильно ли я тебя понял? — спросил он наконец. В его голосе теперь слышалось раздражение, что было редкостью. Он

устал. — Аммар ибн Хайран, которого попросили сочинить стихи в честь моего дня рождения, декламирует короткий отрывок с пожеланием, чтобы в пруду всегда была вода, а в моем бокале — вино. Это все. Шесть строчек. И мой визирь, мой поэт, говорит, что это задумывалось как комплимент?

Мазур остался невозмутимым.

— Потому что он мог так легко написать больше, мой господин, или, по крайней мере, заявить, что его вдохновение не соответствует столь выдающемуся поводу. Он слишком опытен, чтобы этого не сделать, если бы почувствовал хоть малейшую необходимость вести придворную игру. Это значит, что он хочет, чтобы вы — и я, наверное, — поняли, что он честен с нами и будет честен впредь.

— И это комплимент?

— Для такого человека, как он, — да. Он хочет сказать, что считает нас достаточно вдумчивыми, чтобы прочесть послание в этих шести строчках и подождать его самого.

— И мы будем его ждать, Мазур?

— Я бы посоветовал вам сделать это, господин.

Тут эмир встал, и поэтому визирь тоже встал. Бадир, в усыпанных драгоценностями туфлях, прошагал по ковру и мраморному полу к окну. Повернул задвижку и распахнул обе створки прекрасно выделанного стекла. Он стоял и смотрел на внутренний двор с миндальными и лимонными деревьями вокруг фонтана. Внизу оставили горящие факелы, чтобы они освещали игру воды.

У стен дворца на городских улицах царила тишина. Завтра ночью тихо не будет. Вдалеке послышались слабые звуки струнного инструмента, а потом запел полный тоски голос. Голубая луна стояла над головой, лила свет в открытое окно, на струи фонтана и на траву. Звезды сверкали вокруг луны, сквозь ветви высоких деревьев.

— Ты высокого мнения об этом человеке, — произнес наконец эмир Бадир, глядя в ночь.

— В действительности я думаю, — ответил ему визирь, — если вы позволите мне поэтическую вольность сравнить людей с небесными телами, что у нас, в Рагозе, этой весной находятся две самые яркие кометы.

Бадир обернулся и посмотрел на него. Через секунду он улыбнулся.

— А куда бы ты поместил себя, старый друг, на этом блистающем небосводе?

Теперь визирь тоже улыбнулся.

— По правде говоря, это легко. Я — луна рядом с вами, мой добрый повелитель.

Эмир обдумал этот ответ. И покачал головой.

— Это неточно, Мазур. Луны бродят по небу. За это твой народ получил свое прозвище. А ты — нет. Ты всегда был постоянен.

— Спасибо, мой господин.

Эмир скрестил руки и продолжал размышлять.

— Луна также ярче, чем кометы во тьме, — сказал он. — Но, поскольку она всем знакома, она меньше привлекает к себе внимание.

Мазур слегка наклонил голову, но ничего не ответил.

— Ты завтра ночью собираешься выйти на улицу?

Мазур улыбнулся.

— Я всегда выхожу. Ненадолго. Карнавал полезен, можно ходить под маской и оценивать настроение в городе.

— И только долг влечет тебя на улицы, мой друг? Ты не получаешь удовольствия от этой ночи?

— Я этого никогда не утверждал, мой повелитель.

На этот раз они с улыбкой переглянулись.

Через несколько секунд Бадир задумчиво спросил:

— Но почему обыкновенная вода из пруда, Мазур? В его стихотворении. Почему не просто доброе красное вино?

И это визирь ему тоже объяснил.

Немного позже Мазур бен Аврен покинул своего эмира. Когда он наконец вернулся в свои апартаменты во дворце, его ждала госпожа Забира.

Она, разумеется, украшала своим присутствием пир и хотела задать ему все вопросы, какие только мог задать человек, хорошо знакомый с дворцовой жизнью и желающий возвыситься при дворе. Она также тактично проявляла постоянную готовность удовлетворить любые потребности визиря Рагозы, причем так, что с ней не могла сравниться ни одна из предшественниц.

Собственно говоря, именно так она и поступала всю зиму, к его изумлению и удовольствию. Он считал, что слишком стар для таких вещей.

Позднее, ночью, когда он уже отплывал к берегам сна, чувствуя рядом с собой юную наготу ее тела, мягкого, словно у кош-

ки, и теплого, как приятное сновидение, Мазур услышал ее последний вопрос.

— Эмир понял, что хотел сказать ибн Хайран в своем стихотворении сегодня вечером? Насчет воды в пруду?

Она была умна, эта госпожа из Картады, и ум ее был острым, как лезвие кинжала. Ему следует помнить об этом. Он стареет, но не должен позволять себе стать уязвимым по этой причине. Он видел, как подобное случалось с другими мужчинами.

— Теперь уже понял, — пробормотал он, не открывая глаз.

Тут он услышал ее тихий смех. Этот смех, казалось, чудесным образом помог ему расслабиться, его звук ласкал. Ее ладонь скользнула по его груди. Она слегка повернулась, чтобы еще теснее прижаться к нему.

— Я наблюдала за Аммаром сегодня. Я знаю его много лет. Думаю, его тревожит еще что-то, кроме... сомнений насчет долга. Но, по-моему, он еще сам этого не понимает. Если я права, то это будет забавно, правда.

Он открыл глаза и вопросительно посмотрел на нее. И тут она сказала ему нечто такое, о чем он даже не задумывался. Женщины, давно уже решил Мазур бен Аврен, совершенно по-иному смотрят на мир. Это одна из причин, почему ему так нравится их общество.

Вскоре после этого она уснула. А визирь Рагозы долго лежал без сна, обдумывая то, что она сказала, снова и снова вертел эту мысль, словно камешек в руке или как различные варианты концовки стихотворения.

* * *

Для твоего правителя, Рагоза,
Что уж давно правленьем справедливым
Народ свободный делает счастливым,
Да будет вечно, не иссякнет никогда
Вода спокойная из лунного пруда
И алого вина в бокале роза!

Возможно, он мог бы написать «в одиночестве у лунного пруда», размышлял Аммар ибн Хайран, но это внесло бы оттенок лести, пусть и очень тонкой, а он не был готов — так быстро после элегии в честь Альмалика — превозносить в стихах Бадира Рагозского. Почти готов, но не вполне. В этом и состояла проблема.

Конечно, именно львы в одиночестве приходят к воде на-

питься. «Интересно, — подумал он, — оскорбила ли эмира краткость его стиха, — жаль, если так». За пиршественными столами едва успела установиться тишина, а ибн Хайран, которому предоставили честь читать первым, уже закончил свое короткое стихотворение. Строки были такими простыми, какими он только мог их сделать, и больше напоминали добрые пожелания, чем клятву верности. Лишь один намек... лунный пруд. Если Бадир понял. Он в этом сомневался.

«Я слишком стар, — оправдываясь, сказал себе Аммар ибн Хайран, — чтобы злоупотреблять своим профессиональным искусством».

«Каким именно?»

Внутренний голос всегда задает трудные вопросы. Он был солдатом и дипломатом, не только поэтом. Это реальные профессии его жизни здесь, в Рагозе, как было и раньше в Картаде. Поэзия? Она для того времени, когда ветры над миром стихают.

Что должен делать человек чести? К чему стремиться? К спокойствию того пруда, рожденного в мечтах и описанного в стихах, куда лишь один зверь смеет выйти из-под темных деревьев, чтобы напиться при свете лун и звезд?

Это спокойствие, этот единственный образ был для него главным образом стиха. Место, защищенное от ветра, в кои-то веки, где звуки мира и все яркие краски, — а он по-прежнему любил звуки и краски! — могут померкнуть и где, как по волшебству, может родиться обманчиво простое искусство.

Стоя там, где он стоял уже однажды ночью, когда впервые пришел сюда, на берегу озера Серрана, ибн Хайран понял, что ему еще предстоит долгий путь к тому темному пруду. Вода и вода. Мечта ашаритов. Вода, которая питает тело, и те воды, которых жаждет душа. Если я не поостерегусь, сказал он себе, то стану ни на что не годным, способным только бормотать загадочные наставления под какой-нибудь аркой в Сорийе. Отпущу бороду и волосы, и буду бродить босой, в лохмотьях, и мои ученики будут приносить мне хлеб и воду ради поддержания жизни.

Вода, которая нужна телу, и воды, которых желает душа.

На снастях всех рыбацких лодок висели фонари, как он разглядел при свете голубой луны. Они еще не горели. Их зажгут завтра. Карнавал. Маски. Музыка и вино. Наслаждение игрой факелов. Блеск до самого рассвета.

Иногда темноту необходимо отодвигать прочь.

«Возлюбленный Аль-Рассан, — подумал он в этот момент, и мысль эта поразила его остро и внезапно, словно кинжал из-под

плаща друга, — доживу ли я до тех времен, когда придется написать элегию и о тебе?»

В том потайном, похожем на жемчужину саду Аль-Фонтаны, много лет назад, последний слепой халиф Силвенеса приветствовал его, как долгожданного гостя, перед тем как клинок — сверкнувший из-под плаща друга — прикончил его.

Аммар ибн Хайран вздохнул и покачал головой. Возможно, хорошо было бы иметь сегодня рядом друга, но он никогда так не строил свою жизнь, и размышлять об этом было бы проявлением слабости. Альмалик мертв, и это породило часть — большую часть — нынешних трудностей.

Два дня назад было решено, хотя об этом еще никому не известно, что через две недели, в полнолуние белой луны, армия наемников Рагозы выступит в поход на Картаду, чтобы отнять этот город у отцеубийцы. Они отправятся в поход от имени маленького мальчика, старшего сына Забиры, которая просила крова и поддержки у эмира Бадира и заступничества у священных звезд.

Ибн Хайран еще несколько мгновений стоял неподвижно, потом повернулся спиной к воде и к лодкам и пошел обратно. В последний раз он приходил сюда, к озеру, в ту ночь, когда Джеана бет Исхак ждала его у складов. Они встретили Родриго Бельмонте в больнице, и они с Бельмонте оставили ее там, ушли, смеясь, а потом пошли и неожиданно выпили вместе. В ночь того дня, когда он приехал, того дня, когда они бились бок о бок.

Что-то в этом было слишком интимное, вызывающее глубокую тревогу.

«Джеана сегодня вечером на пиру выглядела удивительно прекрасной», — подумал он, без всякой связи с предыдущим. Его шаги гулким эхом отдавались на досках пристани. Он подошел к первым складам и двинулся дальше. Улицы были пусты. Он был совершенно один.

Она надела наряд из ярко-красного шелка, экстравагантный, и только украшения из лазурита и белая шаль были уступками закону об одежде киндатов. Аммар подумал, что, должно быть, это Хусари подарил ей платье, а бен Аврен — драгоценности.

Украшенные жемчужинами волосы и лазурит в ушах и на шее придавали дополнительный блеск ее глазам, и доктор вызвала всеобщее оживление, когда вошла в пиршественный зал, хотя к ней здесь давно привыкли, всегда практичной и скром-

ной, со дня ее приезда. «Иногда, — подумал он, — люди приходят к такому моменту в жизни, когда им хочется сказать о себе нечто другое».

Сегодня вечером он пошутил над ней насчет того, что она старается привлечь взгляд эмира. Предположил, что она питает надежду первой из женщин-киндатов стать супругой правителя в Аль-Рассане. «Если на меня снова будут держать пари, — ответила она сухо, как всегда, быстро среагировав, — дай мне знать: на этот раз я сама не отказалась бы от возможности заработать немного денег».

Позже, после застолья, он искал ее, когда отзвучали музыка и стихи, в том числе и его собственные, но она уже ушла. И Родриго Бельмонте тоже, это пришло ему в голову только сейчас. В его мозгу промелькнула странная мысль, словно легкое облачко по лику луны.

«Эти двое, — подумал он, шагая к центру города, — были единственными людьми в Рагозе, с которыми он хотел бы поговорить в этот миг. Такое странное сочетание. Воин-джадит, женщина-лекарь из киндатов».

Потом он поправил себя. Был и третий. Еще один. Он сомневался только, что визирь Рагозы сейчас пребывает в одиночестве, и очень сильно сомневался, что тот согласится обсуждать нюансы поэзии так поздно ночью, лежа в постели с Забирой, столь искусной и соблазнительной.

Как оказалось, он был одновременно и прав, и ошибался. Во всяком случае, он шагал домой один, в тот дом и сад, который снял на краю окружившего дворец квартала за счет малой части того огромного богатства, которое заработал на службе у покойного правителя Картады.

* * *

За Диего Бальмонте приехали на следующий день — в то самое утро, когда должен был начаться карнавал в Рагозе, — на его семейное ранчо на землях, где разводили лошадей и где он прожил всю свою короткую жизнь. В то время его матери не было дома, она объезжала восточные границы ранчо Бальмонте, осматривая весенний приплод жеребят. Отсутствие хозяйки поместья не планировалось прибывшими на ранчо посетителями, но тем не менее они сочли это удачным стечением обстоятельств. Эта дама имела репутацию женщины упрямой и даже агрессивной. Не так давно она убила здесь человека. Проткнула его стре-

дой. Те, кто приехал в тот день с особым, деликатным поручением, имели основания полагать, что Миранда Бельмонте отнесется к ним и к их заданию без восторга.

Матери непредсказуемы, если не сказать больше.

Собственно говоря, когда пришло известие из замка о том, что одного из сыновей сэра Родриго Бельмонте нужно доставить на запад, к месту сбора армии на севере от земель тагры, добровольцев в Карказии нашлось не слишком много.

Такое отсутствие энтузиазма стало еще более явным, когда выяснилось, что требование присутствия юноши исходит не прямо от короля, а от священника из Фериереса Жиро де Шервaля. Почему-то де Шервалю понадобился этот мальчик. Солдаты сошлись во мнении, что впутываться в дела иностранных священников — занятие неблагодарное. Но все же король дал свое согласие, а приказ есть приказ. Рота из десяти человек отправилась по грязным дорогам на восток, к ранчо Бельмонте, чтобы привезти этого парня.

Многие из них, как выяснилось по дороге во время разговоров у походного костра, сами в первый раз оказались на войне — против ашаритов, или этих свиней из Халоньи или Руэнды — в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет. Говорят, этому мальчику уже почти четырнадцать, и поскольку он — сын Родриго Бельмонте... ну, видит Джад, он должен уметь сражаться. Никто не знал, зачем армии Вальедо понадобился мальчик, но никто и не задавал этот вопрос вслух.

Они приехали к ранчо Бельмонте под знаменем королей Вальедо, и их встретили на открытом месте у деревянных стен усадьбы несколько управляющих, маленький, нервный священник и два мальчика, за одним из которых они и явились.

Хозяйка поместья, которая охотно прикончила бы их, если бы была дома и знала об их поручении, находится где-то на землях своего хозяйства, сообщил им священник. Командир роты показал им королевскую печать и вручил приказ. Священник, которого звали Иберо, сломал печать, прочел письмо, а потом, к их удивлению, передал его двум мальчикам, которые прочли его вместе.

Они были абсолютно одинаковыми, эти два сына сэра Родриго. Некоторые из всадников уже незаметно осенили себя знаком Джада. Считалось, что магия и колдовство связаны с настолько похожими друг на друга близнецами.

— Конечно, — сказал один из мальчиков, когда закончил чтение, поднимая взгляд. Они явно умели читать. — Если ко-

роль считает, что мой... дар может пригодиться, если он хочет, чтобы я приехал, то я почту за честь выполнить его приказ.

Командир роты ничего не знал ни о каком даре. Ему было все равно, он просто испытал облегчение от того, что все идет гладко.

— И я, — быстро прибавил его брат. — Я поеду туда же, куда едет Диего.

Это стало неожиданностью, но не создавало больших проблем, и командир согласился. Если королю в Карказии по каким-либо причинам не понадобится этот второй брат, он может отослать его обратно. С кем-нибудь другим. Мальчики переглянулись и сверкнули одинаковыми улыбками, а потом убежали готовиться к отъезду. Некоторые из солдат насмешливо переглянулись. Всем юношам не терпится попасть на войну.

Они действительно были очень юными и к тому же не особенно могучего сложения. Но не дело солдата задумываться над приказами, а эти ребята — сыновья Родриго Бельмонте. Всадникам предложили закусить, на что они согласились, и переночевать. От ночлега они вежливо отказались. Их командир решил, что не надо испытывать судьбу, раз уж хозяйки ранчо Бельмонте не оказалось дома в тот день. Они перекусили без горячего, накормили и напоили коней и взяли припасы на дорогу.

Десять человек, сопровождающие двух мальчиков и их оруженосца, почти их ровесника, выехали из ранчо на запад ближе к вечеру того же дня, миновали рощу и перебрались через речку в том месте, которое указали сыновья Родриго. Хозяйские собаки проводили их до этого места, а потом повернули назад, к ранчо.

Иберо ди Вакес всегда вел мирную, спокойную жизнь, учитывая бурные времена, в которые он родился. Ему исполнилось пятьдесят два года. Он вырос в теперешней Халонье и еще совсем молодым уехал на запад, в Эстерен, учиться у клириков. Ему тогда было тринадцать лет.

Он стал хорошим учеником, внимательным и дисциплинированным. Когда ему было двадцать с небольшим, его послали в составе делегации священников в Фериерес с поручением передать реликвии святой Васки верховным клирикам. Там он задержался, получив разрешение, на два года, и большую часть этого времени провел в богатейших библиотеках огромных святилищ.

По возвращении в Эсперанью ему предложили временную

должность священника в семье Бельмонте, владельцев ранчо средней руки на пастбищах юго-восточной части страны, и он с радостью принял это предложение. Конечно, возможностей продвижения по службе было больше в Эстерене или в одном из крупных святилищ, но Иберо не был честолюбив и никогда не испытывал большой тяги к королевскому двору или к монастырям Джада, где также процветали интриги.

Он был тихим человеком, несколько преждевременно состарившимся, но не лишенным чувства юмора и понимания того, что строгие предписания бога иногда приходится соизмерять с бренностью и страстями людей. Временная должность как-то незаметно превратилась в постоянную, как это часто случается. Он прожил в семье Бельмонте двадцать восемь лет, с того времени, когда сам Капитан был еще ребенком. Для него построили часовню и библиотеку, потом расширили их. Он учил грамоте юного Родриго, потом его жену, а позже — их сыновей.

Это была хорошая, добрая жизнь. Удовольствие он получал от книг, которые мог приобрести на выделенные ему деньги; от своего огорода из лечебных трав; от переписки со многими странами. Он немного научился лечить и имел репутацию искусного зубодера. Иногда наступали волнующие времена, когда домой возвращался Капитан со своим отрядом. Иберо слушал в столовой истории о войне и интригах, привезенные солдатами. Он на удивление сдружился с ворчливым старым Лаином Нунесом, за богохульствами которого, по мнению маленького священника, скрывалась щедрая душа.

Услышанные истории вносили в душу Иберо ди Вакеса большое смятение, и ему было более чем достаточно такой близости к реальным конфликтам. Ему нравились ритмы здешней жизни, подчиненные сменам времен года, мерное течение дней и лет.

Его первая попытка выйти на более широкую сцену мира произошла семь лет назад. Это было короткое, почтительное эссе на тему богословских разногласий между священниками Фериереса и Батиары по поводу значения солнечных затмений. Эти разногласия и борьба за приоритет, которую они отражали, так и остались неулаженными. Но мнение Иберо проигнорировали, насколько он мог судить.

Его вторым выступлением стало письмо, посланное в конце осени прошлого года святейшему Жиро де Шервалю, главному священнику Фериереса, проживающему в Эстерене.

Сегодня утром в ответ на это письмо явилась рота солдат. Они приехали и уехали вместе с мальчиками. А теперь, в конце

того же дня, Иберо стоял, склонив голову и сжимая перед собой дрожащие руки. Он услышал, что ему тоже придется покинуть этот дом. Покинуть часовню, библиотеку, сад, дом, где он прожил почти тридцать лет.

Он плакал. Таким тоном, каким с ним говорила Миранда Бельмонте в маленькой гостиной, на закате, с ним никогда в жизни не разговаривали.

— Поймите меня правильно, — говорила она, шагая взад и вперед перед камином. В ее лице не осталось ни кровинки, непрошеные слезы сверкали на щеках. — Это было предательством по отношению к нашей семье. Вы предали доверие, которое мы вам оказали в отношении Диего. Я не стану вас убивать или приказывать убить вас. Я слишком давно знаю и люблю вас. — У нее сорвался голос. Она остановилась. — Родриго, возможно, сделает это, — продолжала она. — Возможно, он разыщет вас, куда бы вы ни уехали, и убьет вас за это.

— Он этого не сделает, — прошептал маленький священник. Говорить было трудно. Ему теперь тяжело было представить себе, какой реакции он от нее ожидал тогда, осенью, когда написал письмо в Эстерен.

Она гневно смотрела на него. Невозможно было выдержать ее взгляд. Не ее ярость, а ее слезы.

— Да, — сказала Миранда Бельмонте, — да, вы правы, он этого не сделает. Он слишком вас любит. Он просто скажет вам или напишет, как больно вы его ранили.

Это разбило бы сердце Иберо. Он это знал наверняка.

Он еще раз попытался объяснить.

— Дорогая госпожа, настало святое время, время мужчинам собираться под знамена господа. Они скоро сядут на корабль в Батиаре и поплывут на восток. Есть надежда, что они выступят оттуда на юг, во имя Джада. И это произойдет в наше время, моя госпожа! Наши земли будут отвоеваны!

— Это могло бы произойти и без участия моих детей! — Она сжала кулаки опущенных рук, как мужчина, но он видел, что у нее дрожат губы. — У Диего особый дар, пугающий дар. Мы держали его в тайне всю жизнь. Вы знаете — вы это знаете, Иберо! — что церковники сжигали подобных людей. Что вы с ним сделали?

Он с трудом глотнул.

— Верховный клирик Жиро де Шерваль — человек просвещенный. И король Вальедо тоже. Я верю, что Диего и Фернана

с почетом встретят в армии. Если Диего поможет в этом благом деле, то прославит свое собственное имя, а не только имя своего отца.

— И его всю жизнь будут считать колдуном? — Миранда смахнула с лица слезы. — Вы подумали об этом, Иберо? Подумали? Какова цена такой славы? Его собственной или его отца?

Иберо снова глотнул.

— Это будет священная война, госпожа. Если он поможет делу Джада...

— Ох, Иберо, наивный глупец! Я готова убить вас, клянусь! Это не священная война. Если она начнется, это будет кампания Вальедо с целью захватить Фезану и расширить владения на юг, до земель тагры. Вот и все. Король Рамиро уже много лет помышляет об этом. Ваш драгоценный верховный клирик просто появился в нужное время, чтобы представить эти замыслы в выгодном свете. Эспераньи уже не существует! Это просто Вальедо расширяет свои границы. Рамиро, вероятно, повернет на запад и осадит своего брата в Орведо еще до начала осени. Что скажет на это ваш бог?

Она богохульствовала сейчас, а ее душа была поручена его заботам, но он боялся упрекнуть ее. К тому же, возможно, она во многом права. Он действительно наивный человек, он никогда бы не стал этого отрицать, но все же...

— Короли могут ошибаться, госпожа Миранда. Так же, как скромные священники. Я всегда в своих поступках действую во имя Джада и его божественного света.

Она внезапно села, словно отдала последние силы. У нее был такой вид, будто ей нанесли физическую рану, а в ее глазах стояла растерянность. Она давно уже жила одна, без сэра Родриго. У него заныло сердце.

«Он на всю жизнь получит клеймо колдуна».

Это могло оказаться правдой. Он думал лишь о триумфе, о славе, которую мог снискать Диего, если своим даром ясновидения поможет королю в битве.

Миранда сказала теперь уже тихим, ровным голосом:

— Вы приехали сюда, на ранчо Бельмонте, чтобы служить Джаду и нашей семье. Все эти годы не возникало никаких противоречий между этими сторонами. А теперь оно возникло. Вы сделали свой выбор. Вы выбрали, по вашим словам, бога и его свет, поставив их выше интересов и доверия Бельмонте. Так вам положено. Возможно, именно это от вас требуется. Я не знаю. Я знаю только, что вы не можете сделать подобный выбор и ос-

таться здесь. Вы уедете утром. Я вас больше не увижу. Прощайте, Иберо. А теперь оставьте меня. Я хочу оплакать моих сыновей в одиночестве.

С болью в душе он попытался придумать что-то в ответ. Но не смог. Она даже не смотрела на него. Он вышел из комнаты. Пошел к себе. Некоторое время сидел в своей спальне, чувствуя отчаяние и растерянность, потом прошел в примыкающую к спальне часовню. Опустился на колени и молился, но не обрел утешения.

Утром он уложил очень мало вещей. На кухне, когда он пошел туда попрощаться, ему дали еды и вина на первые дни. Попросили у него благословения, и он благословил их, сотворив над ними знак солнечного диска. Они плакали; он тоже. Шел дождь, когда он снова вышел из дома; хороший, очень нужный весенний дождь.

У конюшни его ждала оседланная лошадь. По приказу госпожи, как ему дали понять. Однако она сдержала слово. Она не вышла, чтобы посмотреть ему вслед, когда он ехал прочь под дождем.

Сердце его сильно стучало, как во время боя. Альвар смотрел, как серая самка паука игуарра медленно приближается к нему. Игуарры ядовиты, иногда смертельно ядовиты. Сын одного из рабочих фермы умер от такого укуса. Он попытался шевельнуться, но не мог. Паучиха подошла и поцеловала его в губы.

Альвар извернулся, ухитрился освободить руки, сжатые окружающими людьми, и обхватил ими паучиху. Он ответил на ее поцелуй, насколько ему позволяла маска орла. И подумал, что делает успехи. С тех пор как зашло солнце, он многому успел научиться.

Паучиха отступила назад. Некоторым людям удается отыскать место для маневров в толпе. Этому трюку Альвар еще не научился.

— Очень мило. Найди меня позже, орел, — сказала игуарра. Она протянула руку и быстро сжала интимную часть его тела. Альвар надеялся, что другие этого не заметили.

Но надеялся напрасно.

Твердый, костлявый локоть ткнул его под ребра, когда паучиха удалилась.

— Чего бы я ни отдал, чтобы снова стать молодым и широ-

коплечим! — рассмеялся Лаин Нунес. — Она не сделала тебе больно, дитя?

— Что ты хочешь этим сказать — «снова»? — взревел Мартин с другой стороны от Альвара. На карнавал он нарядился лисом; этот наряд ему шел. — Ты никогда не был сложен, как Альвар, разве что во сне!

— Полагаю, — с достоинством возразил Лаин, — ты говоришь о его плечах, а не о других частях тела?

В ответ раздался буйный взрыв хохота. «Хотя общий уровень шума от этого не слишком вырос», — подумал Альвар. Хусари ибн Муса, идущий впереди, — ему приходилось идти впереди, из-за его живописной маски, — осторожно обернулся и жестом подбодрил Лаина. Обычно мрачный старый воин весело помахал в ответ. Он был сейчас красно-зеленым петухом.

Они пили с тех пор, как на небе зажглись первые звезды. Повсюду торговали едой и носились вкусные запахи: жареных каштанов, барашка на гриле, рыбы из озера, сыров, сосисок, весенней дыни. И все таверны, забитые людьми до отказа, распахнули свои двери и торговали вином и пивом с прилавков на улицах. Рагоза преобразилась.

Альвара уже перецеловало больше женщин, чем за всю предыдущую жизнь. Полдесятка из них настаивали, чтобы он нашел их позднее. Ночь уже сливалась в сплошное пятно. Но он пытался сохранять трезвость. Он искал Джеану, кем бы она ни нарядилась, и хотя он не признался бы в этом остальным, одну маску лесной кошки. Он был уверен, что узнает ее, даже при свете факелов и в сильной давке; ведь на ней должен быть тот золотой поводок.

Джеана начала немного жалеть о том, что настояла на анонимности и на том, что пойдет бродить по улицам одна.

Конечно, находиться в маске среди толпы также неузнаваемых людей было интересно и, несомненно, возбуждало. Она не любила много пить, вовсе не приходила в восторг от того, что довольно много мужчин и одна-две женщины уже воспользовались карнавальным правом — обнять ее и потребовать поцелуй. Пока что никто из них не злоупотребил подобной привилегией — было еще рано, и толпа не редела, — но Джеана, которая отвечала, как могла, в духе этой ночи, не сказала бы, что ей это доставляло удовольствие.

«Если так, то это моя вина, — сказала она себе. — Мой соб-

ственный выбор: я ведь могла пойти вместе с людьми Родриго, под их надежной защитой от хаоса улиц. Немного побродить, а потом вернуться домой, как подобает приличной девушке, и лечь спать одной».

Действительно, это ее собственный выбор. Никто ее не знает, разве только кто-нибудь узнает походку или наклон головы при свете факела. «Мартин мог бы узнать, — подумала она, — или Лудус: они в этом мастера». Она пока не заметила никого из солдат. Конечно, она узнала бы Хусари издалека. Сегодня в Рагозе мог быть только один такой павлин.

К ней приблизился бурый медведь и обхватил ее лапами. Она добродушно стерпела его сокрушительные объятия и кривую ухмылку.

— Пойдем со мной! — пригласил медведь. — Я люблю сов!

— Не хочу, — ответила Джеана, хватая ртом воздух. — Ночь слишком длинна, и пока рано ломать ребра.

Медведь рассмеялся, погладил ее по голове рукой в мохнатой варежке и затопал прочь. Джеана оглянулась, гадая, здесь ли Зири, в толпе, кружащейся под пляшущими факелами. Он не знает ее маски, а она ушла из дома в темноту через черный ход.

Она не могла бы объяснить, почему ей было так важно остаться сегодня одной. Или нет, она, вероятно, могла бы объяснить, если бы потребовала честного ответа у самой себя. Но она этого делать не собиралась. Карнавал — не время копаться в себе, решила Джеана. Эта ночь существует для того, чтобы совершать поступки, о которых только мечтаешь в остальное время года. Она оглянулась. Серая волчица и конь невероятным образом сплелись друг с другом неподалеку.

Олень с семью ветвями на рогах вынырнул из бурлящей толпы впереди. В руках он держал кожаную флягу. С легким поклоном он предложил флягу Джеане. Если бы он отвесил более глубокий поклон, то, возможно, проткнул бы ее рогами.

— Спасибо, — вежливо ответила Джеана, протягивая руку за вином.

— А поцелуй? — его голос звучал тихо, приглушенно.

— Справедливо, — ответила дочь Исхака бен Йоханнона. Это ведь карнавал. Она шагнула вперед, легонько поцеловала его, взяла флягу и выпила. В этом человеке ей почудилось что-то знакомое, но Джеана не стала размышлять об этом: нечто знакомое было во всех мужчинах, которые сегодня ее целовали. Маски, и воображение, и слишком большое количество вина были тому виной.

Олень двинулся вперед, больше ничего не сказав. Джеана смотрела ему вслед, но потом сообразила, что он оставил ей флягу. Она позвала его, но он не обернулся. Она пожала плечами, посмотрела на флягу, сделала еще глоток. Вино оказалось хорошим, почти неразбавленным или совсем неразбавленным.

— Пора задуматься о том, чтобы вести себя поосторожнее, — вслух произнесла она.

— Сегодня? — рассмеялся стоящий рядом коричневый кролик. — Какой абсурд. Пойдем лучше с нами. Мы идем к лодкам. — Их было четверо, все кролики, трое женщин и мужчина, обнимающий двоих из них. Ей это предложение показалось разумным. Таким же разумным, как все остальное. И это, в конце концов, лучше, чем бродить в одиночестве. Она поделилась с ними вином по пути к озеру.

Из-под маски, которая только и делала возможной эту ночь, из тени дверного проема чьи-то глаза следили за тем, как белая сова быстро поцеловала оленя, а потом олень грациозно ускользнул прочь, оставив у нее флягу с вином.

Сова заметно заколебалась, снова отпила из фляги, а потом ушла в другом направлении вместе с квартетом кроликов.

Кролики не имели никакого значения. Олень и сова были ему известны. Наблюдатель — нарядившийся, по мимолетной прихоти, в львицу, — покинул свое убежище в дверном проеме и последовал за оленем.

Сохранились языческие легенды в тех странах, где сейчас почитали либо Джада, либо звезды Ашара, о человеке, превратившемся в оленя. На землях, завоеванных почитателями бога солнца, этот человек был наказан за то, что покинул поле боя ради объятий женщины. На востоке — в Аммузе и Сорийе, до того как Ашар изменил землю своими видениями, — древняя легенда рассказывала об охотнике, который подглядывал за богиней, когда та купалась в лесном озере, и был тут же превращен в оленя.

В каждой легенде олень — бывший человек — становился легкой добычей для охотничьих собак, и его разрывали на куски в глуши темного леса за его грех, за его единственный, непростительный грех.

За годы, прошедшие после начала карнавалов в Рагозе, возникло множество традиций. Одной из них, разумеется, было право на поцелуй, этого следовало ожидать. Второй — было искусство, обычный партнер первой традиции в постели.

Между дворцом и Речными Воротами на юге стояла таверна Озры. Здесь, под благожелательным взором ее давнего владельца, собирались поэты и музыканты Рагозы, а также те, что под прикрытием маски хотели числиться таковыми, пусть всего на одну ночь. Они читали анонимные стихи и пели песни друг другу и тем, кто останавливался послушать у двери, посреди залитой светом факелов круговерти.

В таверне Озры карнавал проходил тише, хотя от этого не становился менее интересным. Маски заставляли их владельцев выступать так, как эти люди никогда бы не рискнули в собственном обличье. Некоторые из самых прославленных мастеров города много лет приходили в эту невзрачную таверну в ночь карнавала, чтобы увидеть, какой отклик вызывают их произведения, лишенные ауры славы и моды.

Результат не всегда доставлял им удовольствие, потому что здесь собирались сложные, искушенные слушатели, и они тоже были в масках.

Иногда случались забавные вещи. До сих пор вспоминают, как лет десять назад один ваджи, переодетый вороной, занял табурет артиста и спел злобный пасквиль против Мазура бен Аврена. Это явно была попытка перевести кампанию против визиря-киндата на новый уровень.

У ваджи был хороший голос, и он даже сносно играл на своем инструменте, но он слишком уж неуклюже отказался от обычного стакана вина для исполнителя, а также не позаботился о том, чтобы снять традиционные сандалии ваджи, скопированные с тех, что Ашар носил в пустыне. С того момента, когда он сел на табурет, все в таверне уже точно знали, кто он такой, и это совершенно лишило пасквиль язвительности.

На следующий год три вороны появились у Озры, и на каждой были надеты сандалии ваджи. Они, однако, выпили в унисон, а затем вместе исполнили песню, и в их выступлении не было никакой святости. На этот раз сатира была направлена против ваджи и имела огромный и надолго запомнившийся успех.

В городе Рагоза ценили ум. В нем также чтили ритуалы этой ночи, и исполнителю, занявшему сейчас место на табурете между четырех свечей в высоких черных подсвечниках, было гарантировано вежливое внимание. Он хорошо замаскировался: маска гончего пса на все лицо над неприметным одеянием, которое ничего не выдавало. Никто не знал его. Конечно, именно так все и было задумано.

Он уселся без инструмента и окинул взглядом переполненный зал. Озра ди Козари, некогда житель города Эшалау в Халонье, но уже давно обосновавшийся здесь, в Аль-Рассане, наблюдал за ним из-за стойки бара и увидел, как этот человек кого-то заметил. Гончий пес заколебался, потом наклонил голову в знак приветствия. Озра проследил за его взглядом. Тот, к кому было обращено это приветствие, стоял в дверном проеме. Он появился некоторое время назад и держался у самого выхода. Наверное, ему пришлось нагнуться, чтобы войти, из-за ветвистых рогов. Под искусной маской оленя, которая скрывала глаза и верхнюю часть лица, он, кажется, улыбнулся в ответ.

Озра снова повернулся к гончему псу, сидящему в окружении свечей, и стал слушать. Он, собственно говоря, знал, кто это. Поэт начал, обходясь без названия или вступления:

Останемся ли мы еще в Рагозе
Среди цветов весенних тосковать?
Меж белым озера алмазом
И ожерельем голубым реки,
На юг скользящей к морю, словно жемчуг,
Что женщина сквозь пальцы пропускает?
Останемся петь городу хвалу?
Не будем вспоминать, как вспоминаем
Силвенес времени великих львов?

Забудем, как в фонтанах Аль-Фонтаны
Хлебов душистых двадцать тысяч
Съедали рыбки ежедневно.
В Силвенесе халифов,
В фонтанах Аль-Фонтаны.

По таверне пронесся ропот. Было что-то неожиданное в строении стиха и в тоне. Поэт, кем бы он ни был, сделал паузу и отпил вина из бокала, стоящего у его локтя. Он снова огляделся, ожидая тишины, потом продолжил:

Останемся ли мы здесь любоваться
Слоновой кости хрупкой красотой?
Нам все равно,
Что станет с Аль-Рассаном,
Возлюбленным и неба, и Ашара?
С Силвенесом прекрасным что же стало?
Где мудрые его учителя?
Где девушки, танцующие страстно,
Где музыка в миндальных рощах?
Где тот дворец, откуда выводили
Войска на битву славные халифы?
Какие звери нынче бродят
Среди разрушенных колонн?
Там в лунном свете волки воют.

Снова раздался ропот, быстро умолкший, так как на этот раз поэт не сделал паузы:

Спросите у суровых стен Картады,
В Силвенесе что нынче происходит.
Об Аль-Рассане здесь спроси, в Рагозе.
Спроси у нас, меж озером и морем,
Как мы страдаем от затменья звезд.
И у реки спроси, и у вина,
Которое сегодня льется между
Небесными огнями и земными.

Поэт закончил. Он поднялся без поклона и сошел с возвышения. Однако ему не удалось избежать аплодисментов, в которых выражалось искреннее восхищение, а также задумчивых взглядов, которыми его провожали до стойки бара.

Озра, также следуя традиции, поднес ему бокал своего лучшего белого вина. Обычно в такой момент он отпускал остроумное замечание, но на этот раз не смог ничего придумать

«И у реки спроси, и у вина, которое сегодня льется...»

Озру ди Козари редко трогали стихи, прочитанные или спетые в его таверне, но в том, что он только услышал, было нечто особое... Человек в маске гончего пса поднял бокал и отсалютовал ему, перед тем как выпить. Не слишком удивившись, Озра заметил в этот момент, что олень прошел в зал и стоит рядом с ними. Гончий пес повернулся и посмотрел на него. Они были одного роста, эти двое, хотя из-за рогов олень казался выше.

Очень тихо, так что Озра ди Казари был почти уверен, что, кроме него, никто этого не услышал, олень с ветвистыми рогами спросил:

— Возлюбленный Ашара?

Поэт тихо рассмеялся.

— А, ладно. Что я, по-вашему, должен был делать?

Озра не понял, но он и не надеялся понять.

Второй сказал:

— Именно то, что сделал, наверное. — Его глаза полностью скрывала маска. — Это было очень мило. Мрачные мысли во время карнавала.

— Знаю. — Гончий пес заколебался. — Мой опыт подсказывает, что в карнавале есть и мрачная сторона.

— Мой тоже.

— Мы ваши стихи тоже услышим?

— Не думаю. То, что я только что слышал, внушило мне чувство смирения.

Гончий пес наклонил голову.

— Вы слишком снисходительны. Наслаждаетесь этой ночью?

— Приятное начало. Насколько я понимаю, она только началась.

— Для некоторых.

— Не для вас? Разве вы не пойдете бродить по улицам? Вместе со мной?

Снова недолгое колебание.

— Спасибо, нет. Я еще немного выпью доброго вина Озры и послушаю стихи и музыку, а потом лягу спать.

— Мы сегодня ожидаем появления ворон?

Гончий пес снова рассмеялся.

— Вы об этом слышали? Мы никогда ничего не ждем от карнавала, и поэтому, надеюсь, не испытаем ни разочарования, ни большого удивления.

Олень поднял голову.

— В этом, по крайней мере, мы не сходимся. Я постоянно надеюсь испытать удивление.

— Тогда я вам этого желаю.

Они переглянулись, потом олень повернулся и стал пробираться к выходу на улицу. Теперь место на возвышении занял черный бык с маленькой арфой в руках.

— Думаю, — сказал гончий пес, — я выпью еще один бокал, Озра, если ты не возражаешь.

— Да, ваша милость, — ответил Озра, не успев сдержаться. Но он произнес это тихо и надеялся, что его никто не услышал.

Наливая вино, он увидел первую из женщин, которая подошла к стоящему у стойки бара поэту. Это тоже всегда случается на карнавале.

— Не могли бы мы побеседовать несколько минут наедине? — спросила тихо львица. Гончий пес повернулся и посмотрел на нее. Эзра тоже. Голос был не женский.

— Сегодня трудно устроить беседу наедине, — ответил поэт.

— Уверен, что вам это удастся. У меня для вас есть кое-какая информация.

— Неужели?

— Взамен я попрошу вас кое о чем.

— Вы представить себе не можете, как я изумлен. — Гончий пес отпил из своего бокала, внимательно разглядывая пришель-

ца. Львица рассмеялась под маской низким, внушающим опасение смехом.

Озра ощутил укол тревоги. Судя по его тону, этот мужчина, переодетый женщиной, точно знал, кем был поэт, а это представляло большую опасность.

— Вы мне не доверяете?

— Если бы я знал, кто вы, я, возможно, и поверил бы. Зачем вы надели маску противоположного пола?

Незнакомец заколебался лишь на долю секунды.

— Это меня позабавило. Нет зверя более свирепого, если верить легендам, чем львица, защищающая своих детенышей.

Гончий пес аккуратно поставил бокал.

— Понятно, — наконец ответил он. — Вы очень смелы. Должен сказать, что вы меня все же удивили. — Он взглянул на Озру. — Наверху найдется комната?

— Идите в мою, — предложил хозяин таверны. Он взял из-под стойки ключ и протянул гостю. Гончий пес и львица вместе пересекли зал и поднялись наверх. Много глаз следили за ними, пока черный бык на возвышении заканчивал настраивать свой инструмент. Потом он начал играть.

— Как вы меня нашли? — спросил Мазур бен Аврен, снимая маску гончего пса в маленькой спальне.

Второй несколько мгновений сражался со своей маской, затем снял ее.

— Меня к вам привели, — ответил он. — Я мог идти на выбор за одним из двух людей, и я сделал правильный выбор. Олень привел меня сюда.

— Вы его узнали?

— Я узнаю людей по их походке и по внешнему виду. Да, я его узнал, — сказал Тариф ибн Хассан, почесывая бритый подбородок, на котором больше не было пышной седой бороды. Он улыбнулся.

Через секунду улыбнулся и визирь Рагозы.

— Я даже не думал, что когда-нибудь встречусь с вами, — сказал он. — Вы знаете, что здесь назначена награда за вашу жизнь?

— Конечно, знаю. Я оскорблен: Картада предложила больше.

— Картада больше пострадала.

— Наверное. Должен ли я это исправить?

— Должен ли я позволить вам покинуть город?

— Как вы меня остановите, если я вздумаю убить вас сейчас?

Казалось, визирь обдумывает это. Через секунду он подошел к маленькому столику и взял стоящий на нем графин вина. Бокалы тоже стояли рядом. Он махнул графином.

— Как вы, вероятно, поняли, у меня договоренность с хозяином таверны. Мы сейчас одни, но не совсем. Надеюсь, вы не потребуете, чтобы я это продемонстрировал.

Тут разбойник огляделся и заметил приоткрытую внутреннюю дверь и еще одну, ведущую на балкон.

— Понятно, — сказал он. — Мне следовало этого ожидать.

— Наверное. У меня есть обязанности, и я не могу вести себя совершенно беспечно, даже сегодня ночью.

Ибн Хассан принял бокал, предложенный визирем.

— Если бы я захотел вас убить, я все же мог бы это сделать. Если бы вы захотели меня задержать, вы бы уже это сделали.

— Вы упомянули об известиях. И о цене. Меня разбирает любопытство.

— Насчет цены вы должны знать. — Ибн Хассан выразительно посмотрел на свою сброшенную маску.

— А, — сказал визирь. — Конечно. Ваши сыновья.

— Мои сыновья. Я обнаружил, что очень скучаю по ним в свои преклонные годы.

— Могу это понять. Хорошие сыновья — это большое утешение. Они прекрасные люди; нам очень нравится их общество.

— Их не хватает в Арбастро.

— Печальные превратности войны, — хладнокровно ответил бен Аврен. — Что вы хотите мне сообщить?

Тариф ибн Хассан осушил бокал и снова протянул его визирю. Тот снова налил вина.

— Мувардийцы всю зиму строили корабли. На новой верфи в Абенивине. Хазем ибн Альмалик все еще с ними. Он потерял кисть руки. Не знаю, как и почему.

Теперь настала очередь Мазура задумчиво выпить.

— Это все?

— Вряд ли. Я стараюсь предлагать справедливую плату, когда чего-то требую. Альмалик Второй Картадский все это время распускал слухи насчет киндатов Фезаны. Не знаю, с какой целью. Но напряжение там растет.

Визирь поставил графин с вином.

— Откуда вам это известно?

Тариф пожал плечами.

— Я знаю многое о том, что происходит на землях, которые контролирует Картада. Они назначили большую цену за мою жизнь, помните?

Мазур долгое мгновение смотрел на него.

— Альмалик испытывает тревогу, — наконец произнес он. — Он чувствует себя беззащитным. Но он умен и непредсказуем. Признаюсь, что не слишком уверен в том, как он поступит.

— Я тоже, — согласился главарь разбойников. — Это имеет значение? Если дело дойдет до армий?

— Возможно, нет. У вас есть еще что-нибудь? Более блестящая монета?

— Я уже и так много отдал, по-моему. Но есть еще одно. Новость, увы, далеко не блестящая. Армия джадитов в Батиаре. Она все же отплывает в Сорийю. Никогда не думал, что они это сделают. Я думал, они будут питаться друг другом всю зиму, а потом разбегутся.

— Я тоже так считал. Это не так?

— Это не так.

Воцарилось молчание.

На этот раз бокалы наполнил разбойник.

— Я слышал ваши стихи, — сказал он. — Пока я слушал, мне показалось, что вам все это уже известно.

Бен Аврен посмотрел на него.

— Нет. Возможно, это предчувствие. У моего народа есть обычай — скорее суеверие. Мы громко высказываем наши страхи в качестве талисмана: мы надеемся, что они не сбудутся, если рассказать о них вслух.

— Талисманы, как правило, не действуют, — проронил Тариф ибн Хассан.

— Я знаю, — согласился визирь. Голос его стал отрывистым. — Вы предложили хороший товар, как и обещали. По правде говоря, теперь почти не имеет значения, если вы расскажете историю Эмин ха'Назара. В любом случае, я не совсем себе это представляю. Сделанное вам предложение остается в силе: хотите стать частью армии, которая возьмет Картаду?

— Которая попытается взять Картаду.

— Я питаю большие надежды, что с вашей помощью мы ее возьмем.

Старый главарь погладил колючий подбородок.

— Боюсь, что выбор у меня невелик. Оба моих сына этого хотят, а у меня нет сил, чтобы переубедить их обоих.

— В это я не верю, — улыбнулся Мазур. — Но если вы же-

лаете представить это так, мне все равно. Встречайте нас к северу от Лонзы. Я пришлю вам гонцов, чтобы точно договориться о времени, но мы выступим отсюда в полнолуние белой луны.

— Так скоро?

— Учитывая то, что вы мне рассказали, дело стало еще более срочным. Если другие армии выступают в поход, нам лучше сделать это первыми, как вы считаете?

— У вас есть прикрытие в тылу? В Фибасе?

— Вот куда я потратил те деньги, которые, как все считают, вы украли.

— Стены?

— И солдаты. Две тысячи из Карша и Валески.

— И они будут вам верны в войне против джадитов?

— Если я им заплачу, то думаю, что будут.

— А как насчет Бельмонте? Сэр Родриго с вами?

Мазур снова задумался.

— Пока — да. Если Рамиро Вальедский выступит в поход, то я не смогу сказать, что уверен в нем.

— Опасный человек.

— Большинство полезных людей опасны. — Визирь лукаво улыбнулся. — В том числе и безбородые разбойники, которые хотят вернуть своих сыновей. Я пошлю за ними. Прямо сейчас. Возможно, будет надежнее, если вы уедете сегодня же ночью.

— Я тоже так думаю. Я из предосторожности нашел их, до того как отправился вас искать. Они ждут меня за стенами города.

Мазур впервые явно изумился. Он поставил свой бокал.

— Они уже у вас? Тогда почему?..

— Мне хотелось встретиться с вами, — ответил предводитель разбойников. Он широко улыбнулся. — После стольких лет. Я также не люблю нарушать клятвы, хотя это вас может удивить. Ибн Хайран и Бельмонте гарантировали им жизнь в обмен на нашу клятву отдать их в заложники. Их лекарь вернула жизнь Абиру.

— Мой лекарь, — быстро возразил визирь.

Тариф поднял брови.

— Как вам угодно. Во всяком случае, я не хотел бы просто выкрасть их. Это могло бы подтвердить ваше худшее мнение обо мне.

— А вместо этого?

Ибн Хассан рассмеялся.

— Вероятно, я сам подтвердил ваше худшее мнение обо мне.

— В основном, — ответил визирь Рагозы. Через мгновение, однако, он протянул руку. Ибн Хассан взял ее. — Мне доставило удовольствие беседовать с вами, — сказал Мазур. — Мы оба уже немолоды. Этого могло и не произойти.

— Я не планирую вскоре завершить свой путь, — сказал ибн Хассан. — Возможно, в следующем году я прочту здесь стихотворение, во время карнавала.

— Это может стать откровением, — ответил бен Аврен, погладив бороду.

Некоторое время он сидел в одиночестве, после того как главарь из Арбастро надел свою маску и ушел. Он не намеревался никому об этом говорить, но новость о том, что армия отплыла на восток, потрясла его. Эта новость была настолько плохой, что и вообразить невозможно. И слухи, распускаемые о его соотечественниках-киндатах в Фезане, — это тоже ужасно. Он не имел никакого представления о том, что задумал Альмалик Второй, но ясно, что этот человек напуган и одинок, и наносит удары наугад. Испуганных людей иногда понять труднее всего.

Ибн Хассан задал вопрос о Родриго Бельмонте, но не о другом человеке. Второй представлял не меньшую проблему, и в некотором смысле он значил даже больше.

— Жаль, — пробормотал раздраженно бен Аврен, — что я действительно не колдун, что бы это слово ни значило.

Он внезапно ощутил усталость, бедро его снова беспокоило. Он подумал, что надо отдать приказ лучникам на балконе или стражникам в соседней комнате, но это оказалось лишним.

Шел карнавал. Он слышал шум на улице. Этот шум заглушал звуки арфы внизу. Ночь становилась все более шумной. Крики и смех. Такие пронзительные, тонкие вопли он ненавидел. «Интересно, — внезапно подумал он, — куда ушел олень?»

Потом вспомнил, что рассказала ему Забира вчера ночью в постели.

Глава 14

Собственно говоря, кошка сама нашла Альвара в конце этой безумной ночи, когда голубая луна давно уже взошла и ярко сияла, странствуя среди звезд.

Он расстался с остальными незадолго до этого. Лаина, который сопротивлялся для виду, утащила куда-то компания полевых мышей. Их выдало хихиканье: это были девушки, обслуживающие столики в любимой таверне солдат Родриго. Они уже

давно дразнили колючего Лаина и предупреждали его о том, какой будет его судьба этой ночью. Лудус, любопытный до крайности, задержался на углу улицы, наблюдая за волком, который глотал огонь. Он пытался разгадать этот трюк, да так и не догадал их потом. Альвар точно не помнил, как он потерял Мартина и когда умудрилась исчезнуть маска павлина, столь кричаще замаскировавшая некоего торговца шелком. Уже было очень поздно. И он выпил больше, чем полезно для любого мужчины.

Он нигде не видел Джеану. Сначала он думал, что сможет узнать ее по походке, но чем дальше, тем труднее становилось даже просто разобрать, кто проходит мимо тебя в темноте, мужчина или женщина. Он напомнил себе, что ей известна его маска; что, если он останется на улицах, она найдет его в толпе и поздоровается или посмеется вместе с ним. Возможно, они обменяются поцелуем в этой изменчивой, колеблющейся ночи. Это был опасный ход мыслей.

Его окружало слишком много соблазнов, улицы Рагозы сейчас вибрировали от безудержного разврата. Альвар обнаружил, что весь горит от желания и от какого-то более сложного чувства.

Альвар бродил один, вдали от дома, в чужом краю, ночью, среди животных и птиц, и сказочных существ, которых никогда не существовало на свете. Он шел по улицам мимо прилавков с едой и винных погребов, мимо музыкантов, играющих при оранжево-янтарном пламени свечей и факелов, под голубой луной и звездами, с винной флягой у бедра, и ему хотелось утешения, хотелось встретить человека, с которым можно разделить трудности этого сложного, непостоянного мира.

Но нашел он нечто совсем иное.

А именно — поводок.

Он скользнул по его маске орла и обвился вокруг шеи, когда Альвар стоял и смотрел на танцоров на площади неподалеку от казармы. Танцоры крепко переплели руки, и женщин поднимали и раскачивали, такого он никогда прежде не видел. Он попытался представить себя в этом танце, потом оставил эту мысль. Это не для сына солдата с фермы на севере Вальедо.

Именно в этот момент на него сзади накинули поводок и затянули на горле. Альвар быстро обернулся. На мгновение пронесенный мимо факел лишил его способности видеть, но потом зрение вернулось к нему.

— Мне придется решить, как сильно я оскорблена, — сказала стройная лесная кошка, которую он встретил на улице вчера утром. — Ты должен был найти меня, вальедец. А ты...

На ней было ожерелье, продававшееся вместе с маской, и множество других украшений. Но совсем мало одежды, словно в компенсацию. Наряд плотно облегал ее тело. Голос под маской необычайно напоминал мурлыканье кошки.

— Я искал! — выпалил Альвар и залился румянцем под своей маской.

— Хорошо, — промурлыкала она. — Это несколько оправдывает тебя. Но не совсем, учти. Не мне следовало стать охотницей сегодня ночью.

— Как ты меня узнала? — спросил он, пытаясь овладеть собой.

Он услышал ее смех.

— Мужчину твоего сложения в ашаритской обуви? Это несложно, мой солдат-северянин. — Она помолчала, слегка подергала за золотой поводок. — Теперь ты мой, понимаешь? И будешь делать то, что я захочу.

Альвар почувствовал, что у него пересохло во рту. Он не ответил. Да это и не требовалось. Он увидал ее улыбку под маской. Она зашагала вперед, и он пошел за ней туда, куда она его вела.

В каком-то смысле это было совсем недалеко: прямо за углом, и дом выходил фасадом на ту же широкую площадь, что и их казармы, неподалеку от дворца. Это был элегантно обставленный дом. Слуги, одетые в черное, в масках небольших лесных зверей, молча смотрели, пока они шли мимо них.

В другом смысле то, что случилось потом, когда они пришли в комнату, куда она его вела, с балконом, выходящим на площадь, с огромным камином и широкой кроватью под балдахином, стало одним из самых дальних путешествий в жизни Альвара.

* * *

Джеана снова осталась одна. Она покинула четверых коричневых кроликов у воды, не очень охотно, потому что они были забавны. Но она не склонна была отвечать на их явные попытки установить с ней более близкие отношения и в какой-то момент просто ускользнула с рыбацкой лодки, на которой они находились, быстро прошла на пирс и нырнула в толпу.

Она все еще держала в руках флягу с вином, которую оставил ей олень, но пить перестала. Теперь в голове у нее прояснилось, и это ее почти встревожило. Она обнаружила, идя по улицам поздно ночью, что на карнавале, несмотря на обилие масок, все равно трудно спрятаться от самой себя.

В какой-то момент она мельком увидела Хусари в его живописной маске. Торговец шелком танцевал в группе людей. Точнее, он находился в центре круга и выделывал аккуратные коленца, а смеющаяся толпа ему аплодировала. Джеана остановилась неподалеку, улыбаясь под своей маской совы, и увидела, как женщина под маской лисицы вышла из круга, подошла к павлину и обвила руками его шею, стараясь не помять перья. Они начали грациозно двигаться вместе.

Джеана еще несколько секунд наблюдала за ними, потом пошла дальше.

Могло показаться, что она бредет без цели, увлекаемая круговертью толпы, мимо балаганов и торговцев съестным, останавливаясь у окон таверн, чтобы послушать несущуюся оттуда музыку, или присаживаясь ненадолго на каменные скамьи у больших домов и наблюдая, как мимо течет людской поток, подобно большой реке в ночи.

Однако это было не так. В ее движении все-таки была определенная цель. Джеана не лукавила перед самой собой ни сегодня, ни в другие ночи и знала, куда направлены ее шаги, какими бы неспешными они ни были и какими бы извилистыми путями ни вели ее по городу. Она не могла бы утверждать, что радуется этому и что у нее легко на сердце, но сердце ее билось все быстрее, и как врач могла, по крайней мере, без труда поставить диагноз.

Она встала с последней скамьи, свернула за угол и зашагала вдоль дворца, по улице, на которой стояли красивые особняки. Проходя мимо элегантных фасадов, она увидела, как дверь одного из домов закрылась за какой-то парой. Она мельком заметила поводок. Он ей о чем-то напомнил, но потом мысль ускользнула от нее.

И таким образом она очутилась перед очень большим зданием. Вдоль стен были укреплены факелы на равном расстоянии друг от друга, но не было почти никаких украшений, а окна наверху все были темными, кроме одного, и эту комнату она знала. Джеана встала у стены из шершавого камня на противоположной стороне улицы. Теперь она не замечала идущих мимо нее по площади людей, она смотрела вверх, на самый последний этаж этого здания, на одинокое освещенное окно.

Кто-то не спал и был один в столь поздний час.

Кто-то писал на только что купленном пергаменте. Не усло-

вия выкупа, а письма домой. Джеана смотрела поверх чадящих факелов, проплывающих мимо и укрепленных на стенах, и старалась понять и принять то, что творилось в ее душе. Над ее головой голубая луна заливала ночь своим сиянием, освещала улицу и всех людей на площади. Серебристая белая луна только что взошла. Она видела ее на озере. Здесь ее не было видно. По учению киндатов, белая луна означала ясность; голубая луна символизировала загадку, тайны души, сложность желаний.

Невысокий мужчина, смешной в русом парике и с густой русой бородой уроженца Карша, пошатываясь, прошел мимо нее. Он нес на руках длинноногую женщину под чадрой мувардийки из пустыни.«Опусти меня на землю!» — воскликнула женщина, но это прозвучало неубедительно, и она рассмеялась. Они миновали улицу, освещенную факелами и луной, свернули за угол и исчезли.

У двери в казарму должен стоять часовой. Солдат, который вытащил одну из коротких соломинок и часть ночи должен провести на дежурстве, сетуя на судьбу. Кто бы это ни был, он бы ее пропустил. Они все ее знают. Она может назвать себя, и ей позволят войти. А потом она поднимется на первый этаж по винтовой лестнице, потом на второй и выше, а потом пройдет по темному коридору и постучит в последнюю дверь, за которой горит свеча.

Ей ответит его голос, в котором не будет тревоги. Она назовет свое имя. Он встанет из-за стола, оторвавшись от письма домой, подойдет к двери и откроет ее. Глядя снизу вверх, в его серые глаза, она шагнет в его комнату и снимет маску наконец, и найдет при ровном свете этой свечи... что?

Святилище? Убежище? Место, где можно спрятаться от той истины, что таится в ее душе сегодня ночью и во все остальные ночи?

Стоя на улице в одиночестве, Джеана слегка покачала головой, а потом неосознанно, пожала плечами. Это движение было знакомо всем, кто ее хорошо знал.

Она расправила плечи и глубоко вздохнула. В Рагозе карнавал. Время прятаться от других, возможно, но не от себя самой. Важно было прийти сюда сегодня, осознала она. Постоять, глядя снизу на это окно, и представить себе, как поднимается она по винтовой лестнице к человеку, сидящему в той комнате. Важно осознать истину, какой бы трудной она ни была. А потом, сделав это, важно было повернуться и уйти. На этот раз действительно отправиться бродить наугад. Одной, в лихорадочном

кипении ночных улиц, снова пуститься на поиски или, точнее сказать, ожидать, когда ее найдут.

Если только этому суждено случиться. Если где-то между луной, светом факелов и темнотой это произойдет.

Когда она отошла от каменной стены и повернулась спиной к слабо освещенному окну высоко наверху, еще одна фигура отделилась от тени и пошла за ней.

А третья фигура последовала за второй, оставаясь не замеченной на шумных улицах Рагозы, и этот танец, один из столь многих в ночной круговерти и в этом грустном, сладком мире, начался и двинулся к своему завершению.

Она стояла у дворца, глядя, как два жонглера бросают друг другу огненные колеса, когда у нее за спиной раздался голос.

— Мне кажется, у вас моя фляга с вином. — Голос звучал тихо, приглушенный маской; даже сейчас у нее не было полной уверенности.

Она обернулась. Это был не олень.

Перед ней стоял царственного вида лев с золотистой гривой. Джеана замигала и отступила назад, натолкнувшись на кого-то. Она уже протянула руку к бедру за кожаной флягой, но теперь снова опустила ее.

— Вы ошибаетесь, — сказала она. — У меня действительно есть чужая фляга, но ее мне оставил олень.

— Это я был оленем, — произнес лев тоном оракула. Голос его изменился. — Могу вас заверить, что больше никогда им не буду.

Что-то знакомое было в его интонациях, невозможно ошибиться. Наконец-то, теперь она была уверена. И сердце ее забилось быстро и сильно.

— А почему? — спросила она, стараясь говорить ровным голосом. Она была благодарна темноте, неверному, мерцающему свету, собственной маске.

— Из-за маски оленя возникает настоящий хаос в дверях, — ответил лев. — И я в конце концов понацеплял на рога полным-полно смехотворных вещей, просто мимоходом. Шляпу. Флягу. Один раз — факел. Чуть было не поджег себя.

Она невольно рассмеялась.

Голос снова изменился.

— Уже поздно, Джеана, — сказал человек, который, кажет-

ся, все же нашел ее этой ночью. — Возможно, даже слишком поздно, но не пройтись ли нам немного вместе, тебе и мне?

— Как ты меня узнал? — спросила она, не отвечая на вопрос, не задавая более трудного вопроса, которого он ждал. Еще рано. Еще слишком рано. Ее сердце стучало так громко. Она ощущала его биение, как барабанную дробь в темноте.

— Я думаю, — произнес Аммар ибн Хайран из Альджейса очень медленно, — что я узнаю тебя даже в совершенно темной комнате. Думаю, я узнал бы тебя где угодно, лишь бы ты была рядом. — Он помолчал. — Тебе достаточно этого ответа, Джеана? Или его слишком много? Скажи!

Она впервые за все время их знакомства услышала в его голосе неуверенность. И от этого, больше, чем от чего-либо другого, задрожала.

— Почему слишком поздно? — спросила она. — Голубая луна еще высоко. Ночь еще не закончилась.

Он покачал головой. И не ответил. Она услышала за спиной смех и аплодисменты. Жонглеры показали что-то новенькое.

Ибн Хайран сказал:

— Дорогая моя, в свое время я был не только оленем на карнавале.

Она поняла. Несмотря на все его остроумие, насмешку и иронию, он всегда был великодушен и отдавал должное ее уму. Она честно ответила:

— Я это знаю, конечно. И отчасти именно поэтому боюсь.

— Это я и имел в виду, — просто сказал он.

Все эти истории. Все эти годы, совсем юной девушкой, она слушала, помимо своей воли, сплетни у колодца Фезаны или на речной отмели, где женщины стирали одежду. А потом, уже став женщиной, когда вернулась домой после учебы в других краях, она снова слушала те же истории. Новые имена, новые варианты, но человек все тот же. Ибн Хайран из Альджейса. Из Картады.

Джеана посмотрела на мужчину в маске льва и ощутила тяжесть и боль в том месте, где сильно билось ее сердце.

Он убил последнего халифа Аль-Рассана.

Она почти не видела его глаз под маской, в неверном свете окружающих их факелов. Если бы он снял маску и если бы свет был ярче, они оказались бы синими. Она осознала, что он ждет, когда она заговорит.

— Мне следует бояться? — наконец спросила она.

И он серьезно ответил:

— Не больше, чем боюсь я, Джеана, в этом случае.

Именно это ей надо было услышать. Именно то, что было ей необходимо, и Джеана, все еще удивляясь, не веря себе, взяла его руку в свои и сказала:

— Пошли гулять.

— Куда ты хотела бы пойти? — спросил он осторожно, приноравливая свои шаги к ее походке.

— Туда, где мы будем одни, — ровным голосом ответила она, крепко держа его за руку. Она наконец возвращалась домой, туда, где ждало ее сердце с того летнего дня в Фезане. — Туда, где мы сможем отложить в сторону сову и льва, какими бы совершенными они ни были, и стать самими собой.

— Какими бы несовершенными мы ни были? — спросил он.

— Как же иначе? — ответила она, с удивлением обнаружив, что сердце ее перестало стремительно биться с той секунды, как она взяла его за руку. Неожиданно ей пришла в голову одна мысль. Она заколебалась, а потом, будучи такой, какая она есть, спросила: — Ты был со мной недавно, когда я стояла возле казармы?

Он на мгновение замешкался с ответом. Потом сказал:

— Умнейшая из женщин, ты делаешь честь своему отцу и матери каждым произнесенным словом. Да, я был там. Я еще перед этим решил, что не могу подойти к тебе сегодня, прежде чем ты сама сделаешь выбор.

Она покачала головой и крепче сжала его руку. Мелькнула ниточка страха: она вполне могла подняться по той лестнице.

— Это не был выбор, о котором ты, возможно, подумал. Это был вопрос — прятаться или нет.

— Я знаю, — ответил он. — Прости меня, дорогая, но я это знаю.

Он тоже ответил честно, рискуя задеть ее гордость. Но она все равно простила его, потому что теперь игра в прятки закончилась, в эту ночь масок, и ничего страшного в том, что он ее понял. Он подошел первым. Он ее нашел.

Они пришли к дому, который он снимал. Дом стоял ближе к дворцу, чем тот, в котором жили они с Веласом. Он открыл дверь с улицы своим ключом: управляющего и слуг отпустили на эту ночь развлекаться. Они вошли в дом.

Стоящий на улице за их спинами человек увидел, как за ними захлопнулась дверь. Он шел следом за Джеаной, и он знал, кто этот лев. Он заколебался, потом решил, что теперь ее можно оставить. Он устал и совсем не был уверен, хочется ли ему вкусить обещанных карнавалом удовольствий.

Зири вернулся в казарму, перекинулся парой слов с часовым у входа, потом прошел в спальню и лег в постель. И почти сразу же уснул, один в пустой комнате. Все остальные еще были на улицах.

В доме Аммара ибн Хайрана слуги оставили гореть два факела, которые освещали прихожую, а в светильниках на стенах пылали свечи. Прежде чем подняться наверх, они сняли маски и отложили их в сторону, и Джеана увидела его глаза при этих ярких огнях.

На этот раз он сам шагнул к ней, и на этот раз, когда они поцеловались, все было по-другому — совсем по-другому, — не так, как в кабинете ее отца, у открытого окна, прошлым летом.

И поэтому она почувствовала, что ее сердце, которое успокоилось и замедлило удары, пока они шли сюда, опять забилось неровно, и ее снова охватила дрожь.

Они поднялись наверх по лестнице и снова поцеловались, медленно, у двери в его спальню, из-под которой пробивалась полоска света у самого пола. Она почувствовала, как его руки, сильные и уверенные, крепче обняли ее. Ее охватило желание, до боли острое, глубокое и сильное, как река во тьме.

Его губы оторвались от ее губ и прижались к ее уху. Он тихо прошептал:

— В моей спальне кто-то есть. Свечи не оставили бы зажженными.

Ее сердце глухо стукнуло один раз, потом, казалось, на мгновение остановилось и снова забилось.

Они поднимались по лестнице молча, и сейчас, здесь, тоже молчали. Но тот, кто находился в спальне, мог слышать, как открылась входная дверь, и знал, что Аммар в доме, один или с кем-то еще. Она задала вопрос одними глазами. Его рот снова вернулся к ее уху.

— Они хотят, чтобы я знал об их присутствии. Понятия не имею. На всякий случай иди дальше, в следующую комнату. Там есть балкон, общий с моей комнатой. Послушай оттуда. Будь осторожна.

Она кивнула.

— Ты тоже, — шепнула она, выдохнула почти неслышно: — Я хочу, чтобы ты потом остался здоровым.

И почувствовала, как он беззвучно рассмеялся.

Потом она это вспомнит: он совершенно не боялся. Возможно, его это забавляло, интриговало, он чувствовал вызов.

Но совсем не пугало, и даже не беспокоило. Интересно, какая женщина могла, по его мнению, его ждать. Или какой мужчина.

Она прошла по коридору. Открыла соседнюю дверь, бесшумно вошла в темную спальню. Перед тем как закрыть за собой дверь, она услышала, как спросил Аммар, повысив голос:

— Кто здесь? И почему вы пришли в мой дом?

А потом она услышала ответ.

...Дверь в дом открыть довольно просто, а поскольку слуги ушли и свечи горели, найти спальню тоже не представляло труда.

Ибн Хайран, все еще целиком поглощенный ощущением и ароматом женщины, которая только что ускользнула по коридору, окликнул непрошеного гостя. Он перебирал в уме возможные варианты. Их было слишком много. И сегодня ночью, и во все другие ночи нашлось бы немало людей, которые могли ждать в его спальне.

Но даже несмотря на то, что он уже двадцать лет имел дело с подобными тайнами, он оказался неготовым.

Дверь распахнулась почти сразу же после его вопросов. В проеме стоял мужчина без маски, освещенный свечами, горящими в комнате.

— Наконец-то, — сказал Альмалик Второй, правитель Картады, улыбаясь. — Я уже начал опасаться, что зря совершил путешествие.

Ему потребовалось огромное усилие, все его знаменитое самообладание, но ибн Хайрану удалось улыбнуться в ответ и поклониться.

— Добрый вечер, Малик. Мой повелитель. Вот это сюрприз. Наверное, путешествие было долгим.

— Почти две недели, Аммар. Дороги совсем плохие.

— Ты испытывал большие неудобства? — Вежливые вопросы. Стремление выиграть время, чтобы собраться с мыслями. Если Альмалика Картадского захватят в Рагозе, это сразу же изменит равновесие сил в Аль-Рассане.

— Ничего, терпеть можно. — Молодой человек, который три года был его подопечным, снова улыбнулся. — Ты мне никогда не позволял разнежиться, и я слишком недолго пробыл правителем, чтобы что-то изменилось. — Он помолчал, и Аммар увидел, что он колеблется, что правитель не так спокоен, как ему хотелось бы казаться. — Ты понимаешь, я мог проделать это только сегодня ночью.

— Я вообще не думал, что ты на это способен, — откровенно ответил ибн Хайран. — Риск слишком велик, Малик.

Он поймал себя на том, что благодарит всех богов за то, что Джеана осталась незамеченной, и молился, чтобы она вела себя тихо. Альмалик не мог позволить, чтобы его здесь заметили, а это означало, что любой, увидевший его, подвергался смертельной опасности. Пока что ибн Хайран отодвинул вопрос о том, в каком положении оказался он сам.

Он сказал:

— Лучше мне войти в комнату.

Правитель Картады отступил назад, и Аммар вошел в свою спальню. Он увидел там двух воинов-мувардийцев. Во всем этом чувствовалась какая-то нереальность. Он все еще пытался осознать тот поразительный факт, что Альмалик приехал сюда. Но внезапно, повернувшись к правителю, он догадался, что все это значит, и его растерянность исчезла, ее сменило другое чувство, не менее тревожное.

— Никто, кроме тебя, больше не называет меня Маликом, — тихо сказал правитель Картады.

— Прости меня. Старая привычка. Конечно, я больше не буду. Ваше величество.

— Я не сказал, что меня это оскорбляет.

— Даже в этом случае... ты действительно правитель Картады.

— Не правда ли? — пробормотал Альмалик. Он опустился в кресло у кровати, сделанное на северный манер: молодой человек, не особенно изящный, но высокий и хорошо сложенный. — И можно ли поверить, что едва ли не первым поступком моего правления было отправить в ссылку человека, в котором я нуждался больше всего.

Тут все полностью прояснилось.

«В этом он не изменился, — отметил ибн Хайран. — Способность к откровенности всегда была присуща Альмалику, даже в детстве». Аммар так никогда и не решил для себя, что это означает: проявление силы или тактика слабого человека, который принуждает друзей оказаться перед лицом своей уязвимости. Веко его дрожало, но через какое-то время это перестаешь замечать.

— Ты тогда еще даже не был провозглашен верховным правителем, — мягко заметил ибн Хайран.

Он действительно не был готов к этому разговору. Только не сегодня ночью. Он готовился совсем к другому. Стоял на улице и наблюдал, затаив дыхание, как мальчишка, пока Джеа-

на бет Исхак смотрела на высокое, освещенное свечой окно, и начал дышать нормально только после того, как она знакомо пожала плечами и двинулась дальше. Казалось, среди ночного гвалта ее окутывала тишина.

Он не думал, что ему понадобится мужество, для того чтобы подойти к женщине.

— Удивлен, что застал тебя одного, — сказал Альмалик в какой-то степени чересчур легкомысленным тоном.

— Не следует удивляться, — пробормотал ибн Хайран, соблюдая осторожность. — Сегодня ночным знакомствам не хватает... утонченности, тебе не кажется?

— Откуда мне знать, Аммар? Все здесь выглядит очень весело. Мы некоторое время потратили на твои поиски, а потом я понял, что это безнадежно. Легче выяснить за деньги адрес твоего дома и подождать.

— Ты действительно прибыл в Рагозу, надеясь найти меня на карнавальных улицах?

— Я приехал сюда, потому что не видел другого способа поговорить с тобой достаточно быстро. Когда мы отправились в путь, я чувствовал только надежду и необходимость. Между прочим, я без отряда. Эти двое и еще полдесятка для охраны в пути. Больше никого. Я приехал, чтобы сказать тебе кое-что. И попросить вернуться ко мне.

Ибн Хайран молчал. Он ждал этого и отчасти боялся. Он был наставником и учителем этого человека, наследника картадского престола. Он приложил немало усилий, чтобы сделать Альмалика ибн Альмалика достойным власти. Ему не хотелось признавать свою неудачу. Он даже не был уверен, что потерпел неудачу. Это будет очень тяжело.

Он подошел к шкафчику, неторопливо пройдя мимо одного из мувардийцев. Этот человек не шелохнулся, даже не удостоил его взглядом. Они его ненавидят; все они ненавидят его. Вся его жизнь была непрерывным вызовом их мрачному благочестию. Он платил им тем же: их образ жизни — фанатичная вера, фанатичная ненависть — оскорблял его здравый смысл, его представления о том, какой должна быть жизнь.

— Выпьешь бокал вина? — спросил он правителя Картады, намеренно провоцируя мувардийца. Возможно, это было недостойно, но он не смог удержаться.

Альмалик пожал плечами и кивнул головой. Ибн Хайран налил им вина и принес бокал Альмалику. Они чокнулись, при-

коснувшись краем одного бокала к ножке другого, потом наоборот.

— Тебе потребовалось мужество, чтобы это сделать, — сказал Аммар. Он поступал правильно, признавая это.

Альмалик покачал головой, глядя на него снизу, из кресла. При свечах было видно, как он еще молод. И стоя теперь ближе, ибн Хайран разглядел на его лице признаки усталости.

— Потребовалось лишь осознать, что если ты не вернешься, то я не буду знать, что мне делать. И я очень хорошо тебя понимаю, Аммар, кое в чем. Что мне оставалось? Писать тебе умоляющие письма? Ты бы не приехал. Ты знаешь, что не приехал бы.

— Но ведь правителя Картады окружают мудрые и опытные мужи?

— Теперь ты шутишь. Не надо.

Ибн Хайран ощутил вспышку гнева, что его самого удивило. Не успев подавить ее, он резко произнес:

— Ты сам отправил меня в ссылку. Будь добр, не забывай об этом, Малик.

Свежая рана: ученик выступил против учителя в момент их общего взлета. Старая история, по правде говоря, но он никогда не думал, что это произойдет с ним. Сначала отец, потом сын.

— Я это помню, — тихо ответил Альмалик. — Я совершил ошибку, Аммар.

Слабость или сила — всегда трудно было понять. Эта черта могла бы в другое время быть признаком и того, и другого. Его отец никогда, ни разу за двадцать лет, прожитых ими вместе, не признал своей ошибки.

— Не все ошибки можно исправить. — Аммар тянул время, ждал, пока что-нибудь прояснится. За всеми этими словами лежало решение, которое необходимо было принять.

Альмалик встал.

— Я это знаю, конечно. Я здесь в надежде на то, что эту ошибку исправить можно. Чего ты хочешь, Аммар? Что я должен сказать?

Ибн Хайран несколько мгновений смотрел на него, прежде чем ответить.

— Чего я хочу? Спокойно писать, мог бы я ответить, но это было бы увертkой, правда? Жить собственной жизнью, пользуясь определенным уважением, и чтобы все это видели. Это было бы правдой, и именно поэтому мне пришлось убить твоего отца.

— Я знаю это. Знаю лучше, чем любой другой человек. —

Правитель заколебался. — Аммар, я думаю, что джадиты этим летом двинутся на юг. Мой брат все еще находится у Язира ибн Карифа, в пустыне. Нам стало известно, что они строят корабли. В Абенивине. И я не знаю, каковы намерения эмира Бадира.

— Поэтому ты попытался убить мальчиков?

Альмалик замигал. Это был нечестный выпад, но он был умным человеком и сыном своего отца. Он сказал:

— Значит, тех двоих убили не во время ссоры в таверне? Я так и думал. — Альмалик пожал плечами. — Разве я первый из правителей Аль-Рассана, который пытается укрепить свое положение, разделавшись с братьями? Разве не ты учил меня истории, Аммар?

Ибн Хайран улыбнулся.

— Разве я тебя критикую?

Альмалик внезапно покраснел.

— Но ты их остановил. Ты спас мальчиков. Сыновей Забиры.

— Это сделали другие. Моя роль была незначительной. Я здесь в изгнании, Альмалик, ты помнишь? Я подписал контракт в Рагозе и выполнял его.

— С моими врагами! — Теперь это был голос юноши, самообладание которого ускользало, и слова мальчишки.

Ибн Хайран почувствовал, как в него вонзилось мягкое острие. Он знал эту сторону Альмалика. Правителя Альмалика. Он сказал:

— Кажется, мы живем в мире, где границы все время смещаются. Тем труднее человеку поступать правильно.

— Аммар, нет. Твое место в Картаде. Ты всегда служил Картаде, отдавал ей все силы. — Он заколебался, потом поставил бокал и сказал: — Ты убил халифа ради моего отца, не можешь ли ты хотя бы вернуться домой ради меня?

Кажется, с пониманием очень часто приходит печаль. Этот человек по-прежнему равнялся на покойного, как и тогда, когда его отец был жив. Возможно, он будет поступать так всю свою жизнь, короткую или долгую. Проверять. Сравнивать величину любви. Требовать, чтобы его любили так же сильно и даже сильнее.

Ибн Хайран впервые задал себе вопрос: как юный правитель среагировал бы на тот плач, который Аммар написал в честь его отца? «Где собираются ныне прочие звери помельче...» И одновременно он осознал, что Забира была права: «Малик не оставит в живых наложницу, которая любила его отца».

— Не знаю, — ответил он на вопрос. — Я не знаю, где теперь мое место.

Но где-то внутри него, не успел он еще договорить, чей-то голос произнес: «Это ложь, хотя когда-то это могло быть правдой. Появилось нечто новое. Мир может меняться, и ты тоже. И мир изменился». В его голове, как ни удивительно, звучало ее имя, словно его вызванивали колокола. Он даже на мгновение удивился, почему никто в этой комнате этого не замечает.

Он продолжал, стараясь сосредоточиться:

— Следует ли мне понимать, что твой визит имеет целью сообщить об отмене моей ссылки и о приглашении вернуться на свой пост?

Он облек эти мысли в нарочито официальную форму, чтобы увести их обоих подальше от того опасного места, где они оказались после вопроса правителя. «Не можешь ли ты вернуться домой ради меня?»

Молодой правитель открыл и закрыл рот. В его глазах загорелась обида. Он чопорно ответил:

— Можешь понимать так.

— Какой именно пост?

Он снова заколебался. Альмалик не был готов к переговорам. Это прекрасно. Аммар тоже не был готов ко всему этому.

— Первым советником Картады. Разумеется.

Ибн Хайран кивнул.

— И ты официально назначил своего преемника, до вступления в брак и появления законных наследников? — Эта мысль — чудовищная мысль! — пришла ему в голову только сейчас.

Один из мувардийцев у камина шевельнулся. Ибн Хайран повернулся и посмотрел на него. На этот раз этот человек не отвел взгляда, черного от ненависти. Аммар приветливо улыбнулся и медленно отпил из своего бокала, тоже не отводя глаз.

Альмалик Второй тихо спросил:

— Это твое условие, Аммар? Это мудро?

Конечно, это не было мудрым. Это было чистым безумием.

— Сомневаюсь, — беспечно ответил ибн Хайран. — Оставь это про запас. Ты уже начал переговоры о браке?

— Да, мы получили кое-какие предложения, — Альмалик говорил смущенным тоном.

— Лучше тебе поскорее принять одно из них. Убивать детей не так полезно, как зачинать их. Что ты предпринял в отношении Вальедо?

Правитель снова взял свой бокал и осушил его, потом ответил:

— Я получаю бесполезные советы, Аммар. Они ломают руки в отчаянии. Они советуют удвоить париас, потом отсрочить выплату, потом отказаться платить! Я принял собственные меры, чтобы взбудоражить Руэнду и... у нас там есть человек, помнишь его?

— Центуро д'Арроза. Твой отец купил его много лет назад. И что с ним?

— Я дал ему указания сделать кое-что, чтобы вызвать смертельную вражду между Руэндой и Вальедо. Ты знаешь, что они все должны были собраться вместе этой весной. Возможно, они уже встретились.

Ибн Хайран задумчиво сказал:

— Король Рамиро и без поддержки брата представляет для тебя угрозу.

— Да, но что, если заставить его выступить против Руэнды, а не против меня? — У Альмалика на лице появилось выражение школьника, который думает, что он сдал экзамен.

— Что ты сделал?

Правитель Альмалик улыбнулся.

— Этот вопрос задает мой верный советник?

Через секунду ибн Хайран улыбнулся в ответ.

— Вполне справедливо. Тогда что насчет самой Фезаны? Оборона?

— Стараемся, как можем. Запасов продовольствия на полгода. Некоторые стены отремонтировали, хотя денег мало, как тебе известно. Военное пополнение разместили в новом крыле замка. Я разрешил ваджи возбуждать народный гнев против киндатов.

Аммар почувствовал холод, словно порыв ветра ворвался в комнату. Это слушала женщина, стоящая на балконе.

— Зачем? — спросил он очень тихо.

Альмалик пожал плечами.

— Мой отец обычно поступал так же. Ваджи нужно ублажать. Они вдохновляют народ. Во время осады это будет важно. А если они и правда выгонят некоторых киндатов из города или убьют несколько человек, будет легче выдержать осаду. Мне это кажется очевидным.

Ибн Хайран ничего не сказал. Правитель Картады посмотрел на него пристально, с подозрением.

— Мне доложили, что ты в День Крепостного Рва проводил

время с одной женщиной-лекарем. Из киндатов. На то была причина?

Кажется, ответы на самые трудные вопросы жизни появляются самым неожиданным путем. Странным образом этот холодный, прищуренный взгляд принес ибн Хайрану облегчение. И напомнил о том, почему он никогда не мог по-настоящему полюбить того мальчика, который стал теперь мужчиной, несмотря на множество доводов «за».

— Ты следил за моими перемещениями?

Правитель Картады остался невозмутимым.

— Это ты научил меня, что любая информация полезна. Я хотел вернуть тебя. И искал способ добиться этого.

— И шпионить за мной показалось тебе хорошим способом заручиться моей добровольной помощью?

— Помощь, — ответил правитель Картады, — может быть оказана по многим причинам и во многих видах. Я мог бы сохранить это в тайне от тебя, Аммар. Но не сделал этого. Я здесь, в Рагозе, доверился тебе. Теперь твоя очередь: так была причина?

Ибн Хайран фыркнул.

— Хотел ли я переспать с ней, хочешь ты спросить? Брось, Малик. Я пошел к ней, потому что она лечила одного человека, приглашенного на ту церемонию. Человека, который сказал, что слишком болен и не может прийти. Я понятия не имел, кто она, и узнал об этом только потом. Она случайно оказалась дочерью Исхака бен Йоханнона. Тебе это уже известно. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Альмалик кивнул головой.

— Лекаря моего отца. Я его помню. Его ослепили, когда родился последний ребенок Забиры.

— И отрезали ему язык.

Правитель еще раз пожал плечами.

— Нам надо было ублажить ваджи, не так ли? По крайней мере, заставить их не проповедовать против нас на улицах. Они хотели, чтобы лекарь-киндат умер. Тогда отец меня удивил, как я помню. — Альмалик вдруг развел руками. — Аммар, я пришел к тебе без оружия. Мне не нужно никакого оружия. Я хочу, чтобы ты стал моим мечом. Что мне для этого сделать?

«Этот разговор слишком затянулся, — понял ибн Хайран. — Он причиняет боль, и чем дольше длится, тем больше опасность». У него тоже не было оружия, не считая обычного кинжала, спрятанного на левой руке. Каким бы спокойным ни казался Альмалик, он принадлежал к тем людям, которых можно заставить со-

вершить опрометчивый поступок, а воины-мувардийцы пустились бы в пляс под звездами пустыни, если бы узнали, что Аммар ибн Хайран из Альджейса умер.

Он сказал:

— Дай мне подумать, Малик. У меня контракт заканчивается в начале осени. Возможно, долг чести будет тогда уплачен.

— До осени? Ты клянешься? Я тебя...

— Я сказал, дай мне подумать. Больше я ничего не обещаю.

— А что мне делать до этого времени?

Губы ибн Хайрана насмешливо дрогнули. Он не мог сдержаться. Он был человеком, который во многих явлениях жизни замечал невыразимую иронию.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, как править Картадой? Здесь и сейчас? В этой комнате, во время карнавала?

Через секунду Альмалик рассмеялся и покачал головой.

— Ты не поверишь, как плохо мне служат, Аммар.

— Так найди лучших людей! Они существуют. По всему Аль-Рассану. Приложи к этому усилия.

— А к чему еще?

Ибн Хайран заколебался. Старые привычки умирают с трудом.

— Вероятно, ты прав: Фезане грозит опасность. Отправится ли в плавание армия джадитов из Батиары этой весной или нет, на севере настроение изменилось. И если ты потеряешь Фезану, то думаю, тебе не удастся удержаться на престоле. Ваджи этого не допустят.

— Или мувардийцы, — сказал Альмалик, бросая взгляд на своих воинов. Они остались невозмутимыми. — Я уже кое-что предпринял в этом направлении. Прямо сегодня, здесь, в Рагозе. Ты меня похвалишь.

Странно, странно и иногда ужасно, как выработанные за всю жизнь инстинкты могут мгновенно заставить воина насторожиться.

— За что? — спросил он спокойным голосом.

Позже он поймет, что каким-то образом знал ответ еще до того, как правитель Картады произнес его.

— Как я тебе уже сказал, со мной приехали еще шестеро. Я приказал им найти и убить вальедского наемника Бельмонте. Он слишком опасен, ему нельзя позволить вернуться обратно к королю Рамиро после окончания срока его ссылки. По-видимому, он сегодня вечером не выходил из дома; они знают, где он находится, и у двери на улицу стоит всего один караульный. —

Альмалик Картадский улыбнулся. — Это полезный удар, Аммар. Я причиню немалую боль и Бадиру, и Рамиро, отняв у них этого человека.

«И мне, — подумал при этом Аммар ибн Хайран, но не произнес вслух. — И мне. Немалую боль».

Они вместе победили пятерых воинов в показательном бою прошлой осенью. Но сегодня Рамиро один и не ожидает нападения. По всему городу бродят люди, одетые мувардийцами. Шесть молчаливых убийц, один растерянный караульный у входа. Он мог представить себе, как это произойдет. Сейчас уже, наверное, все кончено.

Все равно человек совершает поступки, движения, не успев подумать. Он вынужден действовать, чтобы заглушить боль. Не успел правитель Картады договорить, как ибн Хайран рванулся к двери своей комнаты и распахнул ее. Не прерывая движения, он плавно пригнулся, и кинжал, брошенный ему в спину, вонзился в темное дерево двери.

Потом он выскочил и побежал по лестнице, перепрыгивая через три, потом через четыре ступеньки зараз, зная, что если Альмалик рассказал ему об этом, то уже слишком поздно. Но все равно бежал, бежал дальше.

Даже в такой спешке он не забыл сделать одну вещь, перед тем как выскочил из дома на улицу.

— Глупец! — услышала Джеана восклицание правителя Картады. — Зачем ты бросил кинжал? Я хочу, чтобы он был с нами, ничтожество!

— Этого не будет.

Второй, мувардиец, говорил с акцентом жителя пустыни, голос его звучал глухо, словно из могилы. Она не видела их. Стоя на длинном балконе, Джеана чувствовала, как на нее навалилось горе, тяжкое, будто кузнечная наковальня. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она ничего не могла сделать. Ей придется ждать, пока они уйдут. Ей хотелось кричать.

— Он вернется, — произнес хриплый голос правителя. — Он расстроился из-за вальедца, своего боевого товарища. Я это предвидел, но ибн Хайран не из тех, кто принимает решения на основе таких вещей. Он первым бы посоветовал мне нанести подобный удар.

— Он не будет с тобой, — снова повторил воин, тихо и с уверенной прямотой.

Последовало короткое молчание.

— Убей этого человека, — спокойно произнес Альмалик Второй, правитель Картады. — Это приказ. Вам приказали не причинять вреда ибн Хайрану. Этот приказ был нарушен. Покарай его. Немедленно.

Джеана затаила дыхание. Мгновение спустя, быстрее, чем она могла себе представить, она услышала стон. Кто-то упал.

— Хорошо, — через секунду услышала она голос правителя Картады. — По крайней мере, некоторые из вас сохранили верность. Оставь здесь его тело. Я хочу, чтобы Аммар знал, что я велел убить этого человека. — Джеана услышала шаги. Голос правителя донесся уже издалека. — Пойдем. Пора уходить из Рагозы. Я сделал все, что мог. Теперь нам остается только ждать Аммара.

— Вы можете убить его, — ответил второй мувардиец тихим голосом без всякого выражения. — Если он вам откажет, зачем оставлять его в живых?

Правитель Картады не ответил.

Через несколько секунд Джеана услышала, как открылась и снова закрылась входная дверь, и кинулась бежать через вторую комнату в коридор. На бегу бросила быстрый взгляд в спальню Аммара. На полу лежал человек. Привычка врача заставила ее остановиться: за столько лет это уже превратилось в инстинкт. Она вбежала в комнату, опустилась рядом с ним на колени и пощупала пульс. Он был мертв, конечно. Кинжала не было видно, но рана зияла в горле. Мувардийцы умели убивать.

Родриго сидит за письменным столом. Пишет письмо домой. Если раздастся стук в дверь, он будет надеяться увидеть подвыпивших друзей.

Джеана вскочила и сбежала вниз по лестнице в прихожую. Хотела взять свою маску на маленьком столике, но ее там не оказалось. Она замерла.

Потом поняла. Ее взял Аммар, чтобы картадцы не увидели маску совы и не заподозрили присутствия в доме женщины. Насколько ей известно, правитель Альмалик мог даже понять, что сова — это символ лекаря, ведь он был учеником Аммара.

И это было частью того горя, которое, подобно камню, лежало в центре ночной круговерти. Она распахнула дверь и выбежала на многолюдную улицу, уже без маски. И начала прокладывать дорогу сквозь толпу по направлению к казарме. Кто-то игриво схватил ее. Джеана вывернулась и побежала дальше. Это было нелегко, вокруг сновали в дыму люди с факелами. Ей понадобилось немало времени, чтобы пробиться сквозь толпу.

Уже потом она поняла, что предупреждением ей послужила тишина.

Когда она снова вернулась на площадь перед казармой, то увидела, что огромная толпа неестественно притихла и отхлынула к периметру площади, подальше от того места, где на земле кто-то лежал.

При свете факелов и одной луны она увидела стоящего там Аммара, без маски, с пепельно-бледным лицом, в окружении других людей, которых она очень хорошо знала. Она протиснулась мимо перешептывающихся зевак и опустилась на колени рядом с раненым, лежащим на булыжной мостовой. Ей потребовался только один взгляд. Здесь искусство лекаря уже не могло помочь. В отчаянии, лишившись дара речи, она беспомощно разрыдалась.

— Джеана, — прошептал умирающий. Глаза его открылись и смотрели прямо в ее глаза. — Джеана... мне... очень жаль...

Она нежно приложила пальцы к его губам. Потом прижала ладонь к его щеке. Нож мувардийца торчал из его груди, и ужасная, кровоточащая, глубокая рана от меча зияла на месте ключицы. Она была смертельной.

И через мгновение он умер. Джеана видела, как он попытался сделать последний вдох, потом закрыл глаза, словно от усталости. Некоторые люди так умирают. Она видела это много раз. Ее ладонь все еще была прижата к его щеке, когда он ушел от них всех навстречу тому, что ждало за гранью тьмы.

— Мой дорогой, — в отчаянии произнесла она. — О мой дорогой.

Неужели так бывает всегда? Что единственная мысль из всех, которые человеку так хочется высказать, приходит безнадежно поздно?

Кольцо воинов над ней расступилось. Кто-то прошел между ними и опустился на колени по другую сторону от тела, не обращая внимания на темную кровь, пропитавшую мостовую. Он тяжело дышал, словно после бега. Джеана не подняла глаз, но увидела, как он протянул руку и взял ладонь мертвого человека.

— Пусть тебя встретит там свет, — услышала она его тихие слова. — Самый нежный и яркий свет, какой мы можем себе вообразить.

Тут она подняла глаза, полные слез.

— Ох, Джеана, — проронил Родриго Бельмонте. — Мне так жаль. Этого не должно было случиться, никогда. Он спас мне жизнь.

* * *

В какой-то момент, от всего неразбавленного вина, которое он выпил, от одуряющего аромата благовоний, тлеющих в комнате, от горящих повсюду разноцветных свечей, от удобных подушек на кровати и коврах и от того, как странно можно использовать этот тонкий золотой поводок, Альвар потерял представление о времени и пространстве.

Он двигался вместе с незнакомкой, на ней, а иногда и под ней, повинуясь ее настойчивым желаниям. Они сняли свои маски, когда вошли в дом. Это не имело значения: в ночь карнавала она оставалась лесной кошкой на охоте, какой бы ни была при дневном свете, во время привычного течения года. Все его тело было покрыто глубокими царапинами, словно в доказательство этого. С некоторой долей ужаса он обнаружил, что и у нее есть царапины. Он не помнил, как это сделал. Потом, немного позднее, осознал, что снова это делает. Они стояли, слитые воедино, у кровати, нагнувшись вперед.

— Я даже не знаю твоего имени, — задыхаясь, прошептал он позже, на ковре у очага.

— Разве сегодня ночью это может иметь какое-то значение? — ответила она.

Пальцы у нее были длинные, с острыми, накрашенными ногтями. Она удивительно умело действовала руками, помимо всего прочего. У нее оказались зеленые глаза и большой рот. По разным признакам он догадался, что он и ей тоже доставляет удовольствие, а не только получает.

Какое-то время спустя она захотела задуть все свечи и связать его особенно интимным образом. Обнаженные, с отметками на телах от любовных игр, они вышли вдвоем, нагие, на темный балкон, на один уровень выше бурлящей площади.

Она перегнулась через балюстраду, доходящую ей до талии, и ввела его в себя сзади. Он мог видеть происходящее внизу, в толпе. Музыка, крики и смех доносились снизу, и казалось, они парят здесь, принимая участие в танцах на улице. Он не мог себе прежде вообразить, что занятие любовью на глазах у всех может так возбуждать. Но это было так. Было бы ложью отрицать это. Возможно, завтра ему многое захочется отрицать, но сейчас он был на это не способен.

— Только подумай, — прошептала она, закинув голову далеко назад, чтобы он услышал. — Если кто-нибудь из них посмотрит наверх... что он увидит?

Он почувствовал, как женщина слегка дернула за поводок. Перед этим он надевал его на нее. Теперь поводок снова оказался на нем. Его руки, сжимавшие балюстраду по бокам от нее, поднялись и обхватили ее маленькие груди. Какой-то человек играл на пятиструнной лютне прямо под ними. Его окружали танцующие фигуры. В центре этого круга плясал павлин. Этот павлин был Хусари ибн Муса.

— Как ты думаешь? — услышал Альвар. Она снова выгнула шею далеко назад и щекотала языком его ухо. Совсем как кошка. — Может, вынесем сюда факел и продолжим?

Он подумал о том, что Хусари может взглянуть наверх, и вздрогнул. Но едва ли ему под силу отказать в чем-либо этой женщине сегодня ночью. И он знал, даже не пытаясь проверить, что она тоже ему ни в чем не откажет, о чем бы он ни попросил, пока не наступит рассвет. Он не знал, какая из этих мыслей возбуждала или пугала его больше. Одно он действительно знал, понял наконец: это и есть та темная, опасная истина, которая скрыта в сердце карнавала. На эту единственную ночь все правила текущего по кругу года отменялись.

Он сделал глубокий вдох, прежде чем ответить ей. Поднял взгляд от толпы внизу в ночное небо. Там, среди звезд, сияла лишь одна луна, голубая.

Все еще находясь в ней, равномерно двигаясь в их общем ритме, Альвар снова опустил взгляд, от далеких огней в небе к более близким, зажженным смертными мужчинами и женщинами, чтобы прогнать темноту.

И увидел, как на противоположной стороне площади, между горящими на стене казармы факелами, падает вниз Родриго Бельмонте.

* * *

Он действительно сидел за письменным столом, а перед ним лежали пергамент, перья, стояли чернила и бокал темного вина у локтя. Он пытался придумать, что еще можно сказать — о новостях, советах, предчувствиях, необходимых делах.

Он был не из тех мужчин, которые могут писать жене о том, как им хотелось бы, чтобы она сейчас оказалась в этой спальне. Как он распустил бы ее волосы, прядку за прядкой, и обнял бы ее, прижал к себе после столь долгой разлуки. Позволил бы рукам бродить по ее телу, а потом, сняв с себя одежду, они могли бы...

Он не мог писать о подобных вещах. Тем не менее он мог о них думать — наказание своего рода. Мог сидеть ночью в одиночестве, в комнате наверху, и прислушиваться к звукам веселья, плывущим снизу в открытое окно, и мог мысленно представлять себе Миранду, и воображать, что она здесь, и слабеть от желания.

Много лет назад он дал обещание, и давал его снова и снова — больше себе, чем ей. Он был не из тех, кто нарушает обещания. Это было его определяющей чертой. «Мужчина приобретает честь, — думал Родриго Бельмонте, — и самоуважение, и, конечно, гордость на различных полях сражений». Сегодня, в Рагозе, он находился на одном из таких полей или парил над ним. Но об этом он Миранде тоже не написал.

Он снова взял перо, окунул его в чернила и приготовился продолжать: «Напишу пару слов мальчикам, — подумал он, — чтобы уйти от этих беспокойных мыслей».

Мальчики. Здесь тоже была любовь, острая, как меч; и еще страх и гордость. Теперь они уже стали почти мужчинами. Слишком быстро. Взять их с собой? Было бы так лучше? Он подумал о старом разбойнике Тарифе ибн Хассане, в той гремящей эхом долине. Коварный, свирепый гигант. Он думал о нем часто с того дня в Эмин ха'Назаре. У старика тоже двое сыновей. Он держал их при себе. Оба — прекрасные мужчины, способные и порядочные, один теперь лишился ноги, к несчастью. Но остался жив благодаря Джеане. Оба они уже не юноши. И уже видно, что ни один из них никогда не сможет выйти из широкой тени отца на собственный солнечный свет, не сможет отбрасывать собственную тень. Даже после смерти Тарифа. Это очевидно.

Поступит ли он так же с Фернаном и Диего?

Он осознал, что уже давно держит перо над гладким листом светлого пергамента. И ничего не пишет. Чернила высохли. Он снова положил перо.

В дверь постучали.

Позже, вспоминая об этих событиях, он понял, что именно его тогда слегка насторожило.

Он не слышал звука шагов. Люди из его отряда, которые заглянули бы к нему — как многие обещали или грозились сделать, — предупредили бы его, шумно поднимаясь по лестнице и проходя по коридору. Мувардийцы были слишком хорошо обучены бесшумному движению. Тишина пустыни, под ночными звездами.

Но все равно это послужило предостережением лишь отчас-

ти, потому что он действительно ожидал, что к нему этой ночью придут его люди, принесут еще вина, расскажут о том, что творится на улицах. Он даже удивлялся, немного жалея себя: что́ их могло так задержать?

Поэтому он отпустил какую-то шутку в знак приветствия, отодвинул стул и встал, чтобы их впустить.

И дверь рывком распахнулась.

У него не было под рукой оружия: его меч и хлыст лежали в противоположном конце комнаты, у постели, где он их всегда держал. Чисто инстинктивно, повинуясь смутному сомнению, возникшему в глубине сознания, он отчаянно извернулся и избежал первого брошенного в него кинжала. Лезвие лишь задело его руку. Продолжая то же движение, он схватил со стола свечу и швырнул ее в лицо первого вбежавшего в комнату человека.

За ним были еще двое, это он успел увидеть. На меч надежды не было, ему до него не добраться.

Он услышал крик боли, но в это время он уже отвернулся. Перескочив через стол, в любую секунду ожидая получить нож в спину, Родриго Бельмонте прыгнул в открытое окно.

В окно четвертого этажа. Слишком высоко над землей, чтобы выжить после падения на землю.

Но он не собирался падать.

Лаин много лет назад показал ему один трюк. Когда Родриго ночевал в комнате на высоком этаже, в замке, во дворце, в казармах, он вбивал костыль в стену под окном и привязывал к нему веревку. Запасной выход. Он всегда нуждался в запасном выходе. Это дважды спасло ему жизнь. Один раз здесь, в Аль-Рассане, когда он сопровождал Раймундо в ссылке, второй — во время кампании в Халонье.

Он схватился за раму окна, когда пролетал в него, и воспользовался ею, чтобы развернуть свое тело туда, где, как он знал, находится веревка. Отпустил окно и потянулся к ней.

Веревки на месте не оказалось.

Родриго начал падать, скользя коленями по стене. Пока он стремительно летел вниз, борясь со слепой паникой, он осознал, что они, очевидно, заранее высмотрели расположение комнаты, пока он отсутствовал — обедал вместе со своим отрядом. Кто-то, обладающий очень острым зрением и искусно владеющий луком, пустил стрелу и перебил свернутую веревку.

Но выяснение этого обстоятельства ничуть не помогало остановить падение.

Его остановило другое: то, что Лаин Нунес, пользовавший-

ся привилегией возраста и ранга, занял угловую комнату прямо под ним и тоже прикрепил веревку у своего окна.

Они не потрудились перебить стрелой нижнюю веревку. В полете между луной и факелами Родриго, увидев летящее навстречу окно Лаина, протянул руку и нашел веревку, привязанную к костылю у окна.

Веревка ободрала ему ладони в клочья. Но выдержала, и он удержался на ней внизу, хотя чуть не вывихнул плечевые суставы. В конце концов, он повис, раскачиваясь, между двумя факелами на стене казармы, этажом выше заполненной народом площади. Кажется, никто этого не заметил.

Или никто из тех, кто не следил за ним снизу.

Кинжал, брошенный в Родриго с улицы, попал ему в левую руку. Тихо сманеврировать и попасть комнату второго этажа не было никаких шансов. Он отпустил веревку, в падении выдернув из руки кинжал. Сильно ударился при приземлении, тотчас же перекатился набок и таким образом избежал обрушившегося сверху удара меча.

Он снова перекатился по булыжникам, а потом вскочил и обернулся. Мувардиец с закутанным лицом возник перед ним. Родриго сделал обманное движение влево, потом рывок в другую сторону. Опустившийся меч прошел мимо и высек искры из камней. Родриго развернулся на месте, целясь кинжалом в затылок мувардийца. Клинок вонзился в шею. Нападавший застонал и рухнул. Родриго потянулся за его мечом.

В это мгновение он должен был умереть.

Несмотря на всю свою легендарную ловкость, гибкость и опыт, он должен был умереть, покинуть мир людей и встретиться со своим богом за солнечным диском.

Он был вооружен всего лишь кинжалом, уже ранен и без доспехов. Убийцы на площади были отборными воинами пустыни, посланными из Картады с заданием убить его.

Он погиб бы той ночью в Рагозе, если бы один человек на площади не поднял глаза и не увидел, как он падает вдоль стены, не узнал его и не среагировал на брошенный снизу вверх кинжал.

Третий мувардиец, рванувшийся к Бельмонте, когда тот потянулся за спасительным мечом, уже занес свой клинок, чтобы убить его.

На пути меча возник деревянный посох и отразил удар. Мувардиец выругался, выпрямился и получил сильный удар посохом в голень. Он резко обернулся, не обращая внимания на

боль, как подобает воину, и, высоко подняв меч к священным звездам, обрушил его на непрошеного защитника.

Стоящий перед ним человек, спокойный и настороженный, парировал удар. Взлетел посох, точно в нужное место. Но он был сделан из легкого дерева, всего лишь деталь карнавального костюма, а опустившийся меч мувардийца был подлинным, как смерть. Лезвие перерубило посох, словно его и не было, и глубоко вонзилось в ключицу защитника в тот самый момент, когда кинжал, брошенный третьим убийцей, вонзился в грудь этого человека.

Стоящий ближе мувардиец удовлетворенно зарычал, резко выдернул свой меч из раны и умер.

У Родриго Бельмонте, который получил эту секундную передышку, — одно из тех мгновений, которые точно определяют узкое пространство между жизнью и смертью на камнях, — в руках был меч мувардийца, а в сердце — черная ярость.

Он вонзил меч прямо в грудь мувардийца, выдернул его и повернулся, чтобы встретить третьего убийцу. Тот не убежал и не дрогнул, хотя теперь у него были основания и для того, и для другого. Тем не менее они были храбрыми людьми. Что бы о них ни говорили, воины песков так же отважны в бою, как те, кто ходит по твердой земле. Им обещан рай, если они умрут с оружием в руках.

Два меча скрестились со скрежетом, а потом с быстрым стуком. Внезапно закричала женщина, за ней мужчина. Толпа вокруг них рассыпалась во все стороны, подальше от неожиданной, грозящей гибелью схватки.

Она продлилась недолго. Мувардийца выбрали за его искусство убивать других людей, но он встретился с Родриго Бельмонте из Вальедо на равных, среди свободного пространства, а Бельмонте не потерпел поражения ни в одном бою с тех пор, как вышел из детского возраста.

Еще раз зазвенел металл, когда Бельмонте сделал выпад, целясь в колени противника. Мувардиец отбил удар, отступил. Родриго сделал ложный выпад слева направо и быстро шагнул вперед. Потом резко и внезапно упал на колено и ударил мечом по бедру мувардийца. Тот вскрикнул, отпрянул в сторону и умер, получив второй удар мечом прямо в горло.

Родриго тут же обернулся. Он увидел то, что ожидал: еще трое убийц — те, что ворвались к нему в комнату, — выбежали из дверей казармы и рассыпались в разные стороны. Он знал,

что тот из его людей, кто вытащил короткую соломинку на это ночное дежурство, погиб у входа. Но не знал, кто именно.

Гибель его людей приводила его в неописуемую ярость.

Он бросился в одиночку вперед, навстречу этим троим, чтобы погасить ярость возмездием, горе — жестоким и смертоносным движением. Он уже знал, кто умер за его спиной на площади, спасая его жизнь. Ярость, огромное горе. Он хотел встретиться с убийцами лицом к лицу.

Но другие его опередили.

Абсолютно голый человек, за которым тянулось по земле что-то, свисающее с его талии, выхватил меч у одного из убитых мувардийцев. Он уже вступил в схватку с одним из выбежавших убийц. С другой стороны бежал живописный павлин, размахивая пастушьим посохом. На бегу Родриго увидел, как павлин опустил этот крючковатый посох сзади на голову еще одного мувардийца. Воин пустыни свалился, словно детская мягкая игрушка. Павлин не колебался: он обрушил второй свирепый удар на череп упавшего человека.

Голый человек — и теперь Родриго понял, что это Альвар де Пеллино и что тот предмет, который волочился за ним по земле, был привязан вовсе не к его талии, — вступил в бой со своим мувардийцем. Он налетел на него, крича во все горло, и заставил отступить. Он начал наносить и отражать удары мечом, не обращая внимания на свою нагую незащищенность. Родриго, пробегающий мимо них к последнему убийце, быстро рубанул противника Альвара сзади по щиколотке. Это был бой, а не придворный турнир. Убийца издал пронзительный вопль и упал, и Альвар прикончил его одним ударом.

Последний противник достался Родриго.

Он тоже оказался храбрым, никакого намека на желание сдаться или убежать. Он тоже искусно владел мечом, был вызывающе агрессивным, видя перед собой человека, которого он явился убить. Но все это не продлило срок его жизни под голубой луной, при свете факелов или звезд, которым он поклонялся. Бельмонте был разъярен, а его ярость всегда оставалась в бою холодной и расчетливой. Шестой мувардиец умер от тяжелого, неудержимого удара наотмашь слева по ключице, очень похожего на тот, который только что убил человека с посохом.

Все кончилось. Как за эти годы закончилось столько других подобных боев — так же быстро, как этот бой начался. Родриго Бельмонте был необычайно искусен в таких боях. Это искусство было его определяющей чертой в глазах того мира, в котором он

жил. В котором он все еще жил, хотя должен был умереть сегодня ночью.

Родриго повернулся, тяжело дыша, и посмотрел на Альвара и на павлина, который, как это ни поразительно, оказался Хусари ибн Мусой. Хусари сорвал с себя маску и стоял, бледный как мел, над телом человека, которого только что убил. Первое убийство. Для него это нечто новое.

Альвар в наступившей после боя тишине опомнился и осознал свое положение — и свое единственное золотое украшение. В любых других обстоятельствах Родриго расхохотался бы от восторга.

Но сейчас в нем не осталось смеха. Ни в ком из них. Много других солдат из его отряда спешили к ним. Один из них молча бросил Альвару свой плащ. Альвар завернулся в него и отвязал поводок.

— Вы в порядке?

Это спросил Мартин, пристально вглядываясь в Родриго.

Бельмонте кивнул:

— Ничего серьезного.

Он больше не проронил ни слова, прошел мимо всех, мимо шестерых мертвых мувардийцев и людей из своего отряда, мимо перепуганной толпы на площади.

Он подошел туда, где Лаин Нунес скорчился рядом с маленькой фигуркой человека, который лежал на камнях и часто дышал. Жизнь вытекала из глубокой раны в его горле. Лаин сложил свой плащ и подложил под голову умирающему. Лудус схватил факел и держал его над ними. Кто-то принес еще огня.

Родриго бросил взгляд и вынужден был прикрыть на мгновение глаза. Он видел это много раз; он должен был уже привыкнуть к подобному зрелищу. Но не привык. Это невозможно с людьми, которых ты знаешь. Он встал на колени, на пропитанные кровью камни, и осторожно снял символическую полумаску, которую этот человек надел, делая уступку обычаям карнавала Рагозы.

— Велас, — позвал он.

И обнаружил, что больше ничего не может сказать. Такой человек, как этот, не должен умереть подобной смертью, это так несправедливо. Он не должен был умирать здесь, с кинжалом в груди и с этой ужасной, кровоточащей раной. Эта несправедливость была отвратительна.

— Они... мертвы? — Глаза умирающего человека были открыты — ясные, горячие, сражающиеся с болью.

— Все мертвы. Ты спас мне жизнь. Какие слова я могу сказать?

Велас глотнул, попытался снова что-то сказать, но ему пришлось пережидать огромную, жестокую волну боли, накатившую на него.

— Позаботьтесь... о ней, — шепнул он. — Прошу вас...

Родриго почувствовал, что горе готово захлестнуть его. Самое древнее, безграничное горе всех людей, и каждый раз новое. Конечно, именно об этом Велас из Фезаны должен был попросить перед смертью. Как тот мир, в котором они живут, допускает подобные вещи? Почему ближе всех не оказался Лаин, или Лудус, Мартин... любой из десятка солдат, когда Родриго упал на землю среди врагов? Любой из многих мужчин, которых горько оплакивали бы, но чью смерть при подобных обстоятельствах восприняли бы как нечто предопределенное, как известный и оправданный риск в той жизни, которую они выбрали.

— Мы о ней будем хорошо заботиться, — тихо произнес он. — Клянусь. Мы окружим ее такой же нежной заботой, какой окружал ее ты.

Велас удовлетворенно кивнул. Даже это небольшое движение вызвало новый поток крови из ужасной раны.

Он снова закрыл глаза. В его лице не осталось ни кровинки. Он сказал, не открывая глаз:

— Можете... найти?

И это Родриго тоже понял.

— Найду. Я найду ее для тебя.

Тут он поднялся и зашагал прочь, в пропитанной кровью одежде. Он шагал быстро и целеустремленно. Чтобы попытаться сделать то, что, по правде говоря, было не по силам ни ему, ни любому другому в эту ночь: найти одну женщину в маске в темном кружении карнавала.

Вот почему его не оказалось на площади: он стучал в дверь ее дома, потом снова шел назад по улицам, изо всех сил выкрикивал ее имя, преодолевая шум и смех вокруг, когда сначала Аммар, а потом Джеана прибежали туда, опасаясь найти Родриго мертвым, и обнаружили, что это Велас лежит на камнях, освещенный факелами в руках молчащих солдат.

* * *

Джеана никогда не сознавала, какой любовью среди солдат из отряда Вальедо пользовался этот маленький человечек, который долгие годы служил ее отцу, а потом ей самой. Ее это не

должно было так удивлять. Военные люди ценят компетентность, внутреннюю силу и верность, а Велас был воплощением всего этого.

Особенно Альвар воспринял его смерть очень тяжело, чуть ли не винил себя за нее. По-видимому, он был вторым человеком, появившимся на площади, когда на Родриго напали. Джеана не знала, откуда он появился, но догадывалась, что он был с женщиной где-то поблизости.

Мысли у нее путались. Ночь почти закончилась. Тонкий полумесяц белой луны теперь висел над головой, но через открытые окна на востоке уже можно было заметить посеревшее небо. Они находились в казарме, в столовой на первом этаже. Кажется, на улицах стало тише, но так могло только казаться за этими толстыми стенами. Джеане хотелось сказать Альвару, что нет ничего зазорного в том, чтобы быть с женщиной во время карнавала, но она еще была не в состоянии произнести ни слова.

Кто-то — Хусари, как ей показалось, — принес ей чашку с теплым напитком. Она сжала чашку обеими руками, ее била дрожь. Кто-то другой закутал ее плащом. Еще один плащ закрывал тело Веласа, лежащее на одном из столов возле нее. Третий покрывал того солдата, который погиб у дверей, когда в дом ворвались мувардийцы. Дверь не была заперта. Кажется, он наблюдал за танцами на площади.

Она долго и безутешно плакала. И теперь чувствовала себя опустошенной, оцепеневшей. Ей было очень холодно, даже под плащом. Мысленно она попыталась начать письмо матери и отцу... потом остановилась. Процесс подбора необходимых слов грозил новыми слезами.

Он был частью ее мира всю жизнь; пусть он не стоял в самом центре этой жизни, но всегда находился где-то рядом. Он никогда в жизни, насколько ей было известно, не прибегал к насилию, не причинил вреда ни одному человеку до сегодняшней ночи, когда он атаковал мувардийского воина и спас жизнь Родриго.

Это напомнило ей еще кое о чем, слишком поздно. Она огляделась и увидела, что Лиан Нунес промывает и перевязывает раны Родриго. «Это должна была делать я», — произнес внутренний голос, но она не могла. Она не могла бы сделать это сегодня.

Она увидела, что пришел Аммар и теперь сидит на корточках рядом с ней. Она также запоздало осознала, что на ней его плащ. Он вопросительно посмотрел на нее, потом взял ее за ру-

ку, ничего не говоря. Как осознать то, что они целовались в эту самую ночь? И он сказал ей слова, которые открыли новые горизонты в этом мире.

Потом — правитель Картады.

Потом — Велас на булыжнике мостовой.

Она никому не рассказала об Альмалике. Мужчина, которого она любила, был здесь — теперь она могла мысленно произнести это слово, признаться самой себе, — и об этой части темного водоворота ночи предстояло поведать ему или сохранить ее в тайне.

Она достаточно услышала с балкона, чтобы отчасти понять то, что лежало между Аммаром и юным, испуганным правителем Картады. Правителем, который тем не менее был достаточно расчетлив, чтобы послать убийц из пустыни к Родриго Бельмонте. Он также приказал казнить того воина, который бросил кинжал в Аммара. Здесь было нечто сложное, причиняющее боль.

Она не могла стремиться отомстить за Веласа, отправив этих людей в погоню за правителем Картады. Это Родриго они пытались убить, а наемные солдаты, скачущие по землям тагры и пересекающие границы Ашара и Джада, ведут жизнь, которая создает такую возможность и даже превращает ее в вероятность.

К Веласу это не относилось. Велас бен Исхак — он взял имя ее отца, когда принял веру киндатов, — вел жизнь, которая должна была завершиться доброй и окруженной заботой старостью. Не на столе в зале казармы с нанесенной раной на шее.

Джеане пришло в голову, в том полудремотном состоянии, в котором она пребывала, что ей тоже в ближайшие дни нужно принять решение. Выбор стороны стоял не только перед Аммаром и Родриго. Она была лекарем банды вальедских наемников и придворным лекарем Рагозы. И еще она была гражданкой Фезаны, на земле Картады. Ее дом находится там, и ее семья тоже. Фактически это ее собственный правитель выехал сегодня ночью из этих стен, всего с одним спутником, и отправился в опасное путешествие домой. Этот человек приказал убить вальедца, врага джадитов, Бич Аль-Рассана.

Человека, который мог благодаря своей доблести и доблести своего отряда захватить ее родной город, если бы присоединился к королю Рамиро и если бы нападение на Фезану стало реальностью. Джадиты Эспераньи сжигали киндатов или превращали их в рабов. Остров гробницы королевы Васки оставался местом святого паломничества.

Аммар держал ее за руку. Вернулся Хусари. Его глаза покраснели. Она подняла свободную руку, и он взял ее в свои ладони. Добрые люди окружали ее в этой комнате, порядочные, заботливые люди. Но самый порядочный, самый любящий, тот, который любил ее с самого дня ее рождения, лежал мертвый на столе под солдатским плащом.

Где-то в глубине опечаленного сердца Джеаны зародилась дрожь, предчувствие грядущих страданий. Ей показалось, что мир Эсперанъи, мир Аль-Рассана несется очертя голову к чему-то огромному и ужасному, и гибель Веласа и солдата-караульного в казарме, и даже семерых воинов пустыни сегодня ночью — все это лишь прелюдия к гораздо худшему.

Она оглядела большую комнату и при свете факелов увидела мужчин, которые ей нравились и вызывали у нее восхищение, а некоторых она любила. Ее странное, опустошенное состояние породило вопрос: сколько из них доживут до следующего карнавала в Рагозе?

И состоится ли следующий карнавал через год?

Подошел Родриго, без сорочки, самую серьезную рану закрывала аккуратная, умело наложенная повязка. Верхняя часть его тела и руки были твердыми и мускулистыми, их покрывали шрамы. Теперь появится еще один, когда эта рана заживет. Надо будет взглянуть на нее позднее. Иногда работа становится единственной преградой между жизнью и пустотой за ее пределами.

У него было странное выражение лица. Она не видела его таким с той ночи, когда познакомилась с ним и они смотрели, как горит деревня к северу от Фезаны. Сейчас в нем чувствовались тот же гнев и боль, которая так несвойственна его профессии. Но, возможно, это не так, возможно, Родриго хорошо делает свое дело именно потому, что знает цену действиям солдат на войне?

Странно, как скачут ее мысли. Вопросы, на которые нет ответов. Похоже на смерть. Пустота. Неумолимый враг лекаря. Глубокая рана, нанесенная мечом в область ключицы. На это нет ответа.

Она прочистила горло и спросила:

— Он обработал рану, перед тем как наложить повязку?

Бельмонте кивнул.

— Извел целую бутылку вина. Разве меня не было слышно?

Она покачала головой.

— Похоже, он перевязал тебя как следует.

— Лаин делает это много лет.

— Знаю.

Ненадолго воцарилось молчание. Он опустился перед ней на колени, рядом с Аммаром.

— Его последними словами, обращенными ко мне, была просьба позаботиться о тебе. Джеана, я поклялся ему сделать это.

Она прикусила губу.

— Мне казалось, что меня наняли заботиться обо всех вас.

— Это дело взаимное, дорогая, — произнес Хусари. Аммар ничего не сказал, только смотрел. Его пальцы в ее руке были холодными.

Родриго взглянул на него, заметил их сплетенные руки и продолжил:

— Мувардийские убийцы вызывают мысли о Картаде. — Он встал.

— Я тоже так думаю, — ответил Аммар. — Собственно говоря, я это знаю. С ними был еще посол, и он нашел меня. С другим поручением.

Родриго медленно наклонил голову.

— Он хочет, чтобы ты вернулся?

— Да.

— Мы это предполагали, правда?

— Думаю, Альмалик хотел удостовериться, что я об этом знаю.

— Какое было сделано предложение?

— Было предложено все, чего можно ожидать. — Голос Аммара звучал холодно.

Это Родриго тоже заметил.

— Извини. Мне не следовало спрашивать.

— Возможно. Но ты спросил. Задавай следующий вопрос. — Аммар отпустил руку Джеаны и встал.

Двое мужчин смотрели друг на друга, серые глаза в голубые.

Родриго кивнул головой, словно принимая вызов.

— Очень хорошо. Что ты ему сказал?

— Что я не знаю, вернусь или нет.

— Понятно. Это правда?

— В то время — да.

Молчание.

— Прошло не так уж много времени, если это случилось сегодня ночью.

— Да. Но кое-что изменилось.

— Понимаю. И что бы ты ответил, если бы тебе задали тот же вопрос сейчас?

Небольшое, нарочитое колебание.

— Что я вполне доволен тем обществом, в котором нахожусь. — Здесь был некий нюанс, насколько поняла Джеана. Через секунду она увидела, что Родриго тоже его уловил.

Он обвел рукой комнату.

— Это общество — мы?

Ибн Хайран наклонил голову.

— Отчасти. — Оба они были одного роста; вальедец — шире в плечах и груди.

— Понятно.

— А ты? — спросил Аммар, и теперь Джеана поняла, почему он позволял задавать эти вопросы, даже поощрял их. — Где будут служить люди Родриго Бельмонте этим летом?

— Мы скоро выступим против Картады. С армией Рагозы.

— А если король Рамиро тоже выступит? Подойдет к стенам Фезаны? Что тогда, о Бич Аль-Рассана? Потеряем ли мы тебя? Будем ли страшиться одного вида твоего знамени?

Некоторые солдаты его отряда подошли ближе и слушали. В комнате было тихо, теперь уже на востоке действительно стало светлеть. Скоро восход.

Родриго долго молчал. Потом сказал:

— Я тоже вполне доволен тем, где я нахожусь.

— Но?

Гнев погас в глазах Бельмонте. Но то, другое, еще оставалось.

— Но если армии Эсперанья пересекут земли тагры, то, думаю, нам следует к ним присоединиться.

Джеана выпустила из легких воздух. Она и не осознавала, что затаила дыхание.

— Конечно, тебе следует так поступить, — сказал Аммар. — Ты для этого жил всю жизнь.

Родриго впервые отвел глаза, потом снова посмотрел на него.

— Какого ответа ты ждешь?

Тон Аммара внезапно стал жестким, безжалостным.

— А, ну... как насчет «Умрите, собаки-ашариты! Свиньи-киндаты!»? Что-то в этом роде?

Солдаты зароптали. Родриго поморщился и покачал головой.

— От меня ты этого не услышишь, Аммар. И от тех, кто вместе со мной.

— А от тех, кто будет воевать вокруг вас?

Родриго снова покачал головой, почти упрямо.

— И снова, что я могу тебе сказать? Полагаю, они будут очень похожи на мувардийцев. Ими будет двигать ненависть и благочестие. — Он сделал странный жест, расправил обе ладони, потом снова сжал кулаки. — Ты мне скажи. Что будут делать хорошие люди в такой войне, Аммар?

Ответ Аммара был таким, какого боялась и ожидала Джеана:

— Убивать друг друга, пока что-то не закончится в этом мире.

Альвар и Хусари отвели ее домой, когда солнце вставало над замусоренными и пустыми улицами. Они все очень нуждались во сне. Альвар занял свою прежнюю комнату на первом этаже, ту, в которой жил, когда они втроем с Веласом приехали сюда через рагозский перевал. Хусари лег на кровать Веласа рядом с комнатой, где Джеана принимала своих больных.

Она пожелала им спокойной ночи, хотя ночь уже закончилась. Поднялась наверх, к себе в спальню. Открыла окно и стояла, наблюдая, как светлеет небо над крышами домов на востоке.

Утро обещало быть чудесным. Предрассветный ветер принес аромат цветущего миндаля из сада напротив. Было тихо. Улицы опустели. Велас не увидит этого утра.

Она снова попыталась обдумать, как сообщить обо всем матери и отцу, и снова отодвинула от себя эти мысли. Она подумала о другом: надо будет организовать погребение по обряду киндатов. Аврен поможет. Возможно, ей следует его об этом попросить? Найти человека, который споет древние слова литургии: «Одно солнце бога. Две луны его возлюбленных сестер. Бесчисленные звезды, чтобы светить в ночи. О, мужчины и женщины, рожденные на темной дороге, только взгляните вверх, и огни приведут вас домой».

Она снова заплакала, слезы лились по ее щекам и падали на подоконник.

Через некоторое время она вытерла лицо тыльной стороной ладони и легла на кровать, не потрудившись раздеться, хотя ее одежда была испачкана кровью. Слезы высохли. Их место заняла пустота, распространявшаяся из ее сердца. Она лежала, но не могла спать.

Чуть позже она услышала снаружи какой-то звук. Она ждала этого звука.

Аммар вскочил на подоконник снаружи. И долго сидел там, не двигаясь, и смотрел на нее.

— Ты простишь меня? — спросил он наконец. — Мне необходимо было прийти.

— Я бы тебя никогда не простила, если бы ты не пришел, — сказала она. — Обними меня.

Он спрыгнул на пол и пересек комнату. Лег на кровать рядом с ней, и она положила голову ему на грудь. Она слышала биение его сердца. Закрыла глаза. Его рука прикоснулась к ее волосам.

— О любимая, — тихо сказал он. — Джеана.

Она снова заплакала.

Это тоже прошло, хоть и не скоро. Когда она уже успокоилась, он снова заговорил.

— Мы можем лежать так столько, сколько захочешь. Все в порядке.

Но в ней была пустота, и эту пустоту нужно было заполнить.

— Нет, не можем, — ответила она, приподняла голову и поцеловала его. Соль. Ее собственные слезы. Она подняла руки и запустила пальцы в его волосы, и снова поцеловала его.

Много позже, когда оба уже были без одежды, в его объятиях, под одеялом, она погрузилась в столь необходимый ей сон.

Он не спал. Он слишком хорошо понимал, что должно произойти позднее, в этот же день. Ему придется покинуть Рагозу до наступления темноты. Он будет настаивать, чтобы она осталась здесь. Она откажется. Он даже знал, кто будет настаивать на том, чтобы отправиться с ними. На западе маячила тьма, подобно огромной грозовой туче. Над Фезаной. Где они встретились. Он лежал без сна, сжимая ее в своих объятиях, и тут он понял всю иронию судьбы, наблюдая, как только что вставшее солнце льет лучи в восточное окно и заливает их обоих, словно кто-то или что-то пожелало окутать их благословением, созданным из чистого света.

Часть V

Даже солнце заходит.

Глава 15

Наместник в Фезане был человеком осторожным и наблюдательным. Если он иногда и вспоминал, что покойный правитель Альмалик Первый, Лев Картады, начинал свое восхождение к славе с поста наместника халифов Силвенеса в этом городе, чаще он напоминал себе о том, как необыкновенно ему повезло, что он единственный из наместников пережил переход власти от отца к сыну.

Когда его одолевали мечты о более высоком положении, он позволял себе вечер отдыха: много джадитского вина, танцовщицы, представления с участием рабов обоего пола в различных сочетаниях. Иногда он даже сам принимал в них участие. Он обнаружил, что расслабление, полученное таким путем, гасило на время неподобающие мечты.

По правде сказать, лишь удача позволила ему сохранить свою должность в Фезане. В последние годы правления старшего Альмалика наместник тайком прилагал большие усилия, чтобы установить с его сыном сердечные отношения. Хотя напряжение между правителем и его наследником было всем очевидно, наместник Фезаны тем не менее рассудил, что молодой человек, вероятно, уцелеет и станет преемником отца. Его рассуждения были до крайности просты: другие наследники не представляли собой серьезной альтернативы, а у принца наставником был Аммар ибн Хайран.

Наместник родился в Альджейсе.

Он знал Аммара ибн Хайрана с детских лет поэта, прожитых в этом городе. Он сам стал свидетелем некоторых историй, которые зародились в те безрассудные, не слишком далекие времена. Он был убежден, что предусмотрительный администратор поступит разумно, приручая наследника престола, которому дает советы человек, выросший из того мальчика.

Он оказался прав, конечно, хотя и сильно встревожился, узнав, что юный правитель тут же отправил ибн Хайрана в ссылку. Когда он услышал, что сосланный придворный находится в Ра-

гозе, то послал ему туда окольными путями свои добрые пожелания. В то же время он продолжал служить младшему Альмалику с тем же усердием, с каким защищал интересы его отца. Человек остается на своей должности — притом богатым и живым — благодаря его эффективной деятельности в не меньшей степени, чем благодаря удаче или умению распознать перемену ветра. Он воровал очень мало и скромно.

Он также был достаточно осторожен, чтобы не брать на себя никакой ответственности. Так что, когда курьер из Руэнды в начале весны привез неожиданное, просто удивительное требование дани, наместник переслал его в Картаду без комментариев.

Он мог бы высказать предположения насчет причин этого требования и даже восхититься хитростью выдвинувшего его ума, но ему не пристало предлагать свое мнение по этому вопросу, если только правитель сам его не спросит.

Перед ним стояли более насущные задачи. Он укрепил и перестроил стены Фезаны и линию обороны, как мог, учитывая уныние населения. Долгие годы наместник имел дело с мятежным городом и теперь решил, что пока сможет справиться с общим недостатком мужества и депрессией. Дополнительные войска мувардийцев, размещенные в новом крыле замка, не слишком хорошо умели возводить стены — да этого и нельзя было ожидать от воинов пустыни, — но им хорошо платили, и он без угрызений совести привлек их к работе.

Он знал о призывах к расправе с иноверцами, которые расклеивались по городу этой зимой, как и о большинстве событий, происходящих в городе. Он рассудил, что новый правитель, в качестве жеста примирения, позволил ваджам Картады более открыто проявить свою кровожадность и что это разрешение распространяется на другие города королевства. Он повел несколько более жесткую политику по отношению к проституткам. Закрыл кое-какие таверны джадитов. Наместник тайком пополнил свои запасы вина за счет проведенной при этом конфискации. Такие действия не выходили за рамки обычных, однако времена не были обычными.

На киндатов изливалось больше брани, чем прежде. Это его не особенно огорчало. Он не любил киндатов. У них всегда был такой вид — даже у женщин, — будто они знают нечто такое, чего не знает он. Тайны мира. Будущее, начертанное на их блуждающих лунах. Это заставляло его нервничать. Если ваджи хотят проповедовать против странников более яростно, чем в недавнем прошлом, то явно с одобрения или при попустительстве

верховного правителя, и наместник вовсе не собирался этому мешать.

В этом году у него появились более серьезные заботы.

Фезана укрепляла свои стены и наращивала гарнизон мувардийцев не просто для того, чтобы занять солдат делом. В этом сезоне на севере царило настроение, которое не сулило ничего хорошего в будущем, написано это на лунах киндатов или нет.

Наместник, будучи по натуре очень осторожным человеком, все равно не мог поверить, чтобы Рамиро Вальедский совершил подобную глупость — затеял войну здесь, устроил осаду города, расположенного так далеко от собственных владений. Вальедо получал дань от Фезаны два раза в год. Зачем разумному человеку рисковать своей жизнью и спокойствием в своем королевстве, чтобы покорить город, который и так уже набивает его сундуки золотом? Среди всего прочего, если армия вальедцев отправится через земли тагры, их собственный дом станет уязвимым для Халоньи и Руэнды.

С другой стороны, до наместника, как и до всех остальных, дошли вести о том, что армии джадитов скапливаются в Батиаре и собираются отплыть на восток в Аммуз и Сорийю. «Это может стать очень дурным примером», — думал наместник Фезаны.

Наступила весна. Воды Тавареса поднялись и отступили, не вызвав большого наводнения. В храмах привычно возносили за это благодарность Ашару и божественным звездам. Поля, удобренные рекой, вспахали и засеяли. Цветы расцвели в садах Фезаны и за ее стенами. На базаре и на его столе появились дыни и черешни. Наместник любил дыни.

Через земли тагры донеслись известия о том, что три короля джадитов встретились в Карказии.

Это было плохо, со всех точек зрения. Он передал эту информацию в Картаду. Почти сразу же после этого пришло еще известие о том, что эта встреча закончилась стычкой после покушения на жизнь то ли короля, то ли королевы, а может быть, министра Вальедо.

Сведения с севера редко бывали достоверными; иногда они были почти бесполезны. И это не стало исключением. Наместник не знал, кого там ранили или убили и кто стоит за всем этим. Эти сведения он тоже передал дальше, чего бы они ни стоили.

Из Картады пришел быстрый ответ: продолжайте работать над стенами, запасайте еду и питье. Ублажайте ваджи, держите в повиновении мувардийцев. Расставьте дозорных вдоль земель

тагры. Будьте бесконечно бдительны, ради Ашара и нашего государства.

Все это не приносило успокоения. Он умело выполнял все указания, а в городе нарастала нервозность. Наместник обнаружил, что по утрам дыня больше не доставляет ему прежнего удовольствия. Его беспокоил желудок.

Затем в дубильне умер ребенок.

И в тот же день пришло известие, что замечено войско Вальедо. К югу от земель тагры, в Аль-Рассане, с развернутыми знаменами.

Войско. Очень большое войско, быстро надвигающееся. В первый раз за сотни лет всадники Джада двигались к его городу. «Это безумие, — в панике подумал наместник. — Чистое безумие! Что делает король Рамиро?»

И что может сделать осторожный, прилежный, мирный слуга, когда правители мира сходят с ума?

Или когда сходит с ума его собственный народ?

* * *

Иногда события в местах, отдаленных друг от друга, в один голос говорят об изменении настроения, о повороте мира к тьме или к свету. Много лет спустя вспоминали, что резня киндатов в Соренике произошла за полгода до погрома в Фезане. Резню устроили воины-джадиты, озверевшие от скуки, а погром — жители города, ашариты, охваченные ужасом. Последствия были почти одинаковыми.

В Фезане все началось с детской болезни. Дочь дубильщика кож, некоего ибн Шапура, той весной заболела. Самые бедные рабочие жили ближе остальных к реке, и в период паводка заболевания не были редкостью, особенно среди детей и стариков.

Родители ребенка, которые не могли или не захотели заплатить за услуги лекаря, прибегли к древнему средству и положили ее на постель в самой дубильне. Считалось, что едкие пары изгоняют злых духов болезни. Это лечебное средство применяли уже много столетий.

Случилось так, что в тот день один купец-киндат по имени бен Морес зашел в дубильню, чтобы купить кожи для отправки на восток, в Салос, а потом вдоль побережья и через пролив.

Опытным глазом рассматривая обработанную и необработанную кожу во дворе, он услышал плач ребенка. Когда купцу рассказали, что происходит, он громко и обидно начал бранить

родителей девочки, потом зашел в дубильню и взял девочку на руки — что было против всяких правил. Не обращая внимания на протесты, он вынес ее из целебного места на холод весеннего утра.

Он продолжал выкрикивать ругательства, когда ибн Шапур, видя, что его маленькую дочь оскорбил и украл один из киндатов, и зная, что эти злые люди используют кровь детей в своих грязных обрядах, подбежал сзади, ударил купца по голове дубильным крюком и убил на месте. Потом все соглашались, что ибн Шапура никогда не считали человеком буйным.

Малышка упала на землю, жалобно плача. Отец поднял ее, выслушал мрачное одобрение от своих товарищей и отнес девочку обратно в дубильню. Весь остаток дня тело купца-киндата пролежало там, где он упал во дворе. На солнце его облепили мухи. Собаки подходили и слизывали кровь.

Ребенок умер перед самым заходом солнца.

Это прикосновение киндата обрекло ее на смерть, решили рабочие-кожевники, которые задержались после работы и гневно обсуждали это происшествие во дворе. Несомненно, до этого она уже поправлялась. Дети умирают, когда к ним прикасаются киндаты, это факт. Во дворе появился ваджа: никто потом не вспомнил, кто его позвал. Узнав, что случилось, этот благочестивый муж в ужасе воздел руки к небу.

Примерно в это же время кто-то припомнил, повторяя слова из стихотворения, которое было расклеено повсюду и цитировалось повсеместно в начале весны, что никто из киндатов не погиб в День Крепостного Рва — ни один человек. Только правоверные ашариты. «Они — отрава среди нас! — крикнул тот же человек. — Они убивают наших детей и лучших из нас!»

Тело убитого купца вытащили оттуда, где оно лежало. Его изувечили и подвергли издевательствам. Ваджа наблюдал и не протестовал. У кого-то возникла идея обезглавить мертвеца и сбросить его тело в ров. Голову отрезали. Толпа дубильщиков покинула свой двор, таща тело, и направилась к воротам, выходящим ко рву.

Двигаясь через город, кожевники — их уже собралось довольно много — наткнулись на двух женщин-киндаток, которые в тот вечер покупали шали на улице ткачей. Тот самый человек, который цитировал стихи с листовок, ударил одну из них по лицу. Вторая женщина имела наглость ударить его в ответ.

Неверная женщина посмела поднять руку на одного из звезднорожденных Ашара? Этого нельзя было стерпеть.

Женщин забили палками насмерть перед лавкой, где лежал сверток с купленными ими шалями. Торговка тихонько положила обе шали обратно под прилавок и прикарманила деньги, заплаченные за них. Потом она закрыла свою лавку. Теперь уже собралась очень большая толпа. После недолгих колебаний обеим женщинам тоже отрезали головы. Позже никто не мог ясно вспомнить, кто же орудовал ножом.

Разъяренная толпа, растущая с каждой минутой, устремилась к Вратам Рва с тремя обезглавленными, кровоточащими телами.

По дороге они встретили другую, еще более многочисленную толпу. Эта толпа заполняла базарную площадь почти до отказа. Был базарный день.

Люди только что узнали вести с севера. Там видели джадитов. Они уже совсем близко. Войско из Вальедо шло грабить и жечь Фезану.

Никто конкретно этого не предлагал, насколько потом могли вспомнить, но обе толпы слились в одну, втянули в себя еще людей, и за час до заката солнца и восхода белой луны они все вместе повернули к кварталу киндатов.

* * *

Наместник Фезаны получил сообщение о бунте среди дубильщиков и об убийствах почти одновременно с известием, которого он давно опасался, о том, что всадники скачут на юг и уже миновали земли тагры. Ему бы очень хотелось, чтобы эти новости некоторое время оставались известными ему одному, но это оказалось невозможным. Третий гонец, прибывший вслед за первыми двумя, сообщил, что на базарной площади собралась толпа и что до людей уже дошли вести с севера.

Таким образом, наместнику пришлось быстро принимать решения, одно за другим. Он сейчас же послал двух гонцов в Картаду и одного в Лонзу. Существовала договоренность, что часть гарнизона Лонзы отправится на север, к крутым берегам долины Тавареса, если начнется осада Фезаны. Они могли бы частично задержать набеги джадитов на области, лежащие к югу от реки. Наличие или отсутствие провизии для осаждающей армии часто решало исход осады.

Наместник также послал помощника сбегать за документами, которые давно уже были для него подготовлены. Более трех лет назад Альмалик Первый, правитель Картады, который был

наместником до того, как стал правителем (эта мысль неизменно его утешала), составил со своими генералами и советниками планы на случай осады Фезаны. Просмотрев написанные инструкции, которые никто не отменял, наместник с трепетом отметил самый смелый пункт. Он некоторое время колебался, потом предпочел довериться мудрости покойного правителя. Самому главному начальнику мувардийцев был отдан приказ. На закутанном лице этого человека, разумеется, ничего не отразилось. Он немедленно ушел собирать нужных людей.

Эти и другие распоряжения, связанные с этими, отняли некоторое время. Поэтому к тому времени, когда прибыл еще один гонец и доложил, что большое количество людей направляется к воротам квартала киндатов с факелами, наместник сильно отставал от хода событий в своем городе, что было так на него не похоже. Еще не стемнело; факелы для освещения не были нужны. Что толку обороняться от вальедцев, если эти люди сожгут собственный город? Видят Ашар и звезды, он не питал любви к киндатам, но если квартал подожгут, загореться может весь город. Деревянным стенам ничего не известно о границах веры. Наместник распорядился разогнать толпу.

Это было правильное решение, и его можно было бы осуществить, если бы приказ пришел чуть раньше.

* * *

Альвар до конца жизни не мог забыть этот вечер и эту ночь. Он просыпался в ужасе, когда ему снилось, что он снова в Фезане, на закате, смотрит на приближение толпы. Это воспоминание запечатлелось в его памяти и осталось таким четким, как ничто в жизни до этого мгновения, и лишь еще одно мгновение, позднее, и тоже на закате, осталось с ним навсегда.

Они прискакали в тот день, поднимая клубы пыли, в сопровождении перепуганных жителей окрестных деревень. Они впятером мчались всю дорогу от Рагозы на запад, через весенние холмы и луга. Они выехали на следующий день после карнавала, сразу же после того как Веласа похоронили в соответствии со всеми киндатскими обрядами, а солдата — по обряду джадитов.

Нет времени оплакивать мертвых. Ибн Хайран ясно это объяснил, основываясь на том, что он узнал, и Джеана, в страхе за своих родителей, не могла медлить. Они выехали из Рагозы после полудня: Альвар, Хусари, Джеана, ибн Хайран и Родриго

Бельмонте. Все были измучены после минувшей ночи и все понимали, что при настроении, воцарившемся этой весной, может произойти нечто чудовищное.

Они совершили десятидневный переход за шесть дней, ехали в темноте и к вечеру прибыли на место, откуда им были видны стены Фезаны. Они уже видели и то пыльное облако, которое было войском Вальедо.

Его заметил Родриго. Он указал рукой, потом обменялся с ибн Хайраном долгим взглядом, значения которого Альвар не смог понять. Джеана прикусила губу, глядя на север. Хусари что-то тихо произнес, возможно — молитву.

Несмотря на усталость и тревогу, вид этого облака пыли, поднятого всадниками Вальедо в Аль-Рассане, глубоко взволновал Альвара. Потом он взглянул на Джеану, Хусари, и опять на ибн Хайрана, и снова пришел в замешательство. Как это получается, как то, к чему человек стремился всю свою жизнь, становится источником сомнений и дурных предчувствий?

— Они двигаются очень быстро, — произнес наконец ибн Хайран.

— Слишком быстро, — пробормотал Родриго. — Они обгонят некоторую часть спасающихся бегством крестьян. Я не понимаю. Им ведь надо, чтобы в городе оказалось как можно больше ртов.

— Может быть, они задумали не осаду.

— А чем еще это может быть? Он же не собирается брать штурмом эти стены.

Ибн Хайран снова посмотрел на север с их наблюдательного пункта на высоком холме, к востоку от города.

— Возможно, так спешит лишь авангард, — сказал он. — По какой-то причине.

— В этом тоже нет смысла, — ответил Родриго, нахмурившись. Альвару показалось, что его голос звучит нервно и совсем не восторженно.

— Какое это имеет значение? — резко спросила Джеана. — Вперед!

Она всю дорогу скакала с быстротой солдата. Время от времени Родриго или ибн Хайрану приходилось ее сдерживать, чтобы не загнать коней.

Ее отношения с ибн Хайраном изменились после карнавала. Они старались не слишком демонстрировать это в походе, но это было заметно, у мужчины так же явно, как и у женщины. Альвар делал усилия, чтобы не слишком горевать по этому поводу. Это ему удавалось лишь отчасти. Жизнь может обрушить на тебя боль и растерянность с разных сторон.

Они спустились с холма, переправились через ров и вошли в город. Альвар — впервые, Джеана и Хусари вернулись домой, ибн Хайран вернулся туда, где Альмалик Первый пытался подорвать его репутацию и ограничить его власть.

А Родриго?

Альвар понял, что Капитан отправился с ними, замаскированный под ашарита — он сбрил усы, сделал темными волосы и кожу, — потому что дал клятву Веласу бен Исхаку охранять женщину, которая приехала сюда вместе с ними. Он не из тех, кто нарушает клятвы.

Родителей Джеаны нужно было увезти из Фезаны и предупредить остальных киндатов. Это была самая первая задача. Потом им снова придется решать, на чью сторону встать, и определиться со следующими шагами. Все они, насколько понимал Альвар, должны были присоединиться к войску Рагозы где-то к западу от Лонзы, по пути в Картаду.

Возможно, облако пыли на севере уже изменило их планы.

Теперь, когда джадиты вторглись в Аль-Рассан, будет ли Рагоза воевать с Картадой? Ашариты против ашаритов, когда всадники скачут по тагре? И будет ли самый прославленный из воинов-джадитов на полуострове в такое время сражаться на стороне Рагозы?

Альвар, один из этих воинов-джадитов, не знал ответа на этот вопрос. Во время поездки на запад он почувствовал, как отдаляются друг от друга ибн Хайран и сэр Родриго. Это была не холодность и уж конечно не противостояние. Это было скорее похоже на выстраивание обороны. Каждый из них строил укрепления в преддверии возможных боев.

Хусари, обычно разговорчивый и наблюдательный, не мог ему помочь разобраться во всем этом. Он всю дорогу был погружен в свои мысли.

На площади во время карнавала он впервые в жизни убил человека. Джеана во время одной из немногих коротких бесед с Альваром в пути сказала, что, по ее мнению, в этом все дело. Хусари прежде был купцом, а не воином. Мягкий человек, ленивый, даже изнеженный. Однако в ту ночь он прикончил убийцу-мувардийца, раскроил ему череп одним ударом, так что кровь и мозги забрызгали мостовую.

«Это действительно может стать потрясением, — подумал

Альвар. — Не все созданы для солдатской жизни и всего, что с ней связано».

Сказать по правде, — хотя он никому об этом не говорил, — Альвар уже не был уверен, что сам он создан для такой жизни. Это его пугало. Если не солдат, то кто же он? Только, по-видимому, солдат должен обладать умением смотреть на все очень просто, а Альвар в последнее время понял, что ему это не слишком хорошо удается.

На четвертое утро он почтительно попытался обсудить эту проблему с Капитаном. Родриго долго ехал молча, прежде чем ответил. Пели птицы; стоял яркий весенний день.

— Возможно, ты слишком умен, чтобы стать хорошим солдатом, — наконец ответил Родриго.

Альвар хотел услышать совсем не такие слова. Ответ звучал так, будто его отвергли.

— А как же вы? — спросил он. — Вы же пробыли солдатом всю жизнь.

Родриго снова заколебался, подбирая слова.

— Я вырос в другую эпоху, Альвар, хотя ненамного опередил тебя. Когда халифы правили Аль-Рассаном, мы, на севере, жили в страхе за свою жизнь. Мы подвергались набегам раз-два в год. Каждый год. Даже после того как набеги закончились, нас, детей, загоняли на ночь в постель, пугая, что придут неверные и заберут нас с собой, если мы будем вести себя плохо. Мы мечтали о чудесах, о переменах. О возвращении.

— Я тоже!

— Но теперь ты можешь это сделать, неужели не понимаешь? Это уже не мечта. Мир изменился. Когда ты можешь делать то, о чем мечтал, иногда это... уже не так просто. — Родриго взглянул на Альвара. — Не знаю, имеет ли все это хоть какой-то смысл.

— Я тоже не знаю, — мрачно проронил Альвар.

Губы Капитана скривились, и Альвар осознал, что ведет себя не слишком почтительно.

— Извините, — быстро произнес он. Он вспомнил тот день, — казалось, это было давным-давно, — когда Родриго за подобную наглость одним ударом сбросил его с коня у самого Эстерена.

Сейчас Родриго только покачал головой. Мир изменился.

— Попробуй вот что, если это сможет тебе помочь, — сказал он. — Тебе легко думать о тех троих людях, с которыми мы едем, как о неверных, чья жизнь порочна и грешна перед лицом господа?

Альвар замигал.

— Но мы всегда знали, что в Аль-Рассане существует честь.

Родриго покачал головой.

— Нет. Будь искренним. Подумай об этом. Некоторые из нас думали. Клирики отрицают это по сей день. У меня такое ощущение, что и твоя мать так думает. Вспомни об острове Васки. Сама идея священной войны это отрицает: ашариты и кинда́ты — это враги Джада. Их существование наносит ущерб нашему богу. Так нас учили много веков. Нет места для признания у врага чести, не говоря уже о нравственности. Тем более во время войны, которую породили подобные убеждения. Вот что я пытаюсь — очень неудачно — объяснить. Одно дело — вести войну за свою страну, свою семью, даже ради славы. Другое — верить, что люди, с которыми ты воюешь, воплощение зла, и за это их нужно уничтожить. Я хочу вернуть этот полуостров. Хочу, чтобы Эсперанья снова стала великой, но я не делаю вид, что, если мы разгромим Аль-Рассан и все, что он построил, мы исполним волю какого-то бога.

Это было так трудно осмыслить. Поразительно трудно. Альвар долго ехал молча.

— Вы считаете, что король Рамиро тоже так думает?

— Понятия не имею, что думает король Рамиро.

Ответ был дан слишком быстро. Альвар понял, что ему не следовало спрашивать. Беседа была окончена. А никто из остальных не был склонен к разговорам.

Тем не менее он продолжал размышлять об этом. У него было время подумать, пока они ехали на запад по весенним полям. Но ничего толком он не придумал.

Что произошло с тем залитым солнцем миром, о котором мечтаешь ребенком, когда ты только и хочешь добыть частицу той славы, о которой говорил Родриго, сыграть достойную роль в битве львов и иметь право на гордость?

Битва львов. Детские мечты. Как это согласуется с тем, что сделали люди из Вальедо в Орвилье прошлым летом? Или с Веласом бен Исхаком — самым лучшим из всех известных Альвару людей, — который умер на камнях Рагозы? Или что они сами сделали с отрядом из Халоньи в той долине к северо-западу от Фибаса? Снискали ли они там славу? Есть ли хоть малейшая возможность утверждать это?

Он продолжал носить прохладную, свободную одежду Аль-

Рассана. Хусари так и не снял своей кожаной вальедской шляпы, жилета и штанов. Альвар не понимал, почему, но для него это имело значение. Возможно, не получая настоящих ответов, мужчины больше нуждаются в своих символах?

Или, возможно, он действительно слишком много времени тратит на подобные мысли, что не подобает солдату. Он видел, что Капитан тоже ведет внутреннюю борьбу, и ему становилось немного легче. Но это ничего не решало.

Стоя на вершине холма к востоку от Фезаны, в Аль-Рассане, и наблюдая за облаком пыли, поднятой конями его соотечественников, за несколько минут до того, как впятером они двинулись вниз, к городу, Альвар де Пеллино решил, что достичь славы в ослепительном блеске ее чистоты очень трудно, практически невозможно.

А потом, в тот же вечер, он все же стяжал себе славу и определил свое предначертание, словно выжженное клеймом в пылающем небе.

Аммар взял на себя командование, когда они приблизились к Вратам Крепостного Рва. Джеана уже наблюдала это раньше: во время рейда у Фибаса они с Родриго непринужденно передавали друг другу руководство, когда менялась ситуация. Она осознала теперь, что в этом одна из причин ее боли: какая бы близость ни возникла между ними, какое бы молчаливое понимание ни перебросило мост через пропасть двух миров, теперь все это рухнет.

После вторжения армии джадитов в Аль-Рассан никаких сомнений не оставалось. Они оба понимали это. Никто ничего не сказал на холме, пока они смотрели на пыль, но все это знали. Они прискакали сюда, чтобы спасти ее родителей, а после? После наступит конец тому, что началось в тот осенний день в Рагозе, во время символического боя у городских стен.

Ей хотелось поговорить с Аммаром. Ей необходимо было поговорить с ним; об этом и о многом другом. О любви и о том, может ли начаться нечто настоящее во времена смерти, когда наступает конец того мира, который они знали.

Но не во время этой скачки. Они разговаривали взглядами и короткими фразами. Все вопросы, которые нужно разрешить, все возникшие или исчезнувшие возможности в будущем, которое сулили им звезды и луны, придется обсуждать потом. Если позволит время и окружающий мир.

Она не сомневалась в нем. Это было поразительно, но она не испытывала никаких сомнений с тех первых минут на улице, во время карнавала. Иногда стрела ее сердца летела прямо к мишени уверенности, несмотря на предостережения ее осторожного характера.

Он был тем, кем был, и она кое-что знала об этом. Он совершил то, что совершил, и рассказы об этом носились по всему полуострову.

И он сказал ей, что любит ее, и она ему поверила, и бояться не следовало. Только не его. Возможно, бояться следовало мира, тьмы, крови, огня; но не этого человека, который, как это ни удивительно, был предназначен ей судьбой.

Они въехали в Фезану в окружении бурлящей, перепуганной массы людей из деревень, бегущих от наступающей армии джадитов. Повозки и тележки забили дорогу в город и мост перед стенами, заблокировали ворота. Они застряли среди плачущих детей, лающих собак, мулов, кур, кричащих мужчин и женщин. Джеана видела все признаки всеобщей паники.

Аммар посмотрел на Родриго.

— Возможно, мы поспели вовремя. Сегодня ночью может начаться насилие. — Он произнес это тихо. Джеана ощутила страх, как грохот барабана внутри себя.

— Давайте проникнем в город, — сказал Бельмонте.

Аммар колебался.

— Родриго, ты можешь попасть в ловушку в городе, который будет осажден твоей армией.

— Моя армия осталась в Рагозе и готовится выступить на Картаду, помнишь? — Голос Родриго звучал мрачно. — Я буду думать о переменах, когда они возникнут.

Аммар снова заколебался, словно хотел что-то прибавить, но просто кивнул головой.

— Тогда закутайся в плащ. Тебя прикончат на месте, если узнают, что ты вальедец. — Он бросил взгляд на Альвара, а потом внезапно сверкнула его улыбка, которую они все так хорошо знали. — А вот ты больше похож на местного жителя, чем я.

Альвар улыбнулся в ответ.

— Меня беспокоит Хусари, — произнес он на безукоризненном ашаритском. — Нас всех погубит его шляпа. — Он взглянул на Джеану и улыбнулся. — Мы их вытащим.

Ей удалось кивнуть головой. Поразительно, как его преобразил этот один неполный год. Нет, наверное, это не так: в Альваре де Пеллино с самого начала чувствовались несгибаемая

сталь и ум, а большую часть этого года он провел в обществе двух самых исключительных людей в их мире. Джеана вдруг подумала, что он сам тоже стоит на пути к превращению в неординарного человека.

Хусари и Аммар прокладывали дорогу, упорно пробираясь на конях сквозь толпу. Поспешно отскакивая в сторону, мужчины ругались им вслед, но не слишком громко. Они были вооружены и на конях, и этого было достаточно. Они пробрались вперед.

У ворот стояли стражники, но этот шум и хаос совершенно их огорошил. Никто не обратил на них внимания, никто не остановил их. Вечером того дня, когда к Фезане приблизились вальедцы, Джеана вернулась в город, где родилась и выросла.

Они появились у квартала киндатов прямо перед толпой, потрясающей оружием и факелами.

С тех пор как ее муж снова заговорил, Элиана обнаружила, что слух у Исхака необычайно острый. Именно он первым услышал шум за стенами квартала и обратил на него ее внимание. Теперь она понимала его почти идеально: его скомканные слова она впитывала, как воду в пустыне, ведь это были его слова.

Она опустила письмо, которое читала ему, — Реццони бен Корли прислал его из Падрино, где жил теперь со своей семьей. Он писал о новостях в Батиаре после резни в Соренике.

Позднее она вспомнила, что именно об этом читала, когда Исхак сказал, что слышит шум снаружи. Подойдя к окну, Элиана открыла его и прислушалась. До нее донесся сердитый гул толпы на отдаленных улицах.

Окно кабинета Исхака выходило на общий двор, который окружали большие дома квартала. Посмотрев вниз, Элиана увидела много людей, возбужденно разговаривающих и жестикулирующих. Кто-то вбежал во двор — младший сын ее подруги Назре бет Ривек.

— Они идут! — крикнул он. — Они убили Мезира бен Мореса! Они идут на нас с огнем!

Кто-то вскрикнул в окне напротив. Элиана закрыла глаза и вцепилась в подоконник. Она вдруг испугалась, что упадет. Ее предупреждали, совершенно недвусмысленно. Они строили планы отъезда, как ни трудно в их возрасте покинуть дом. Кажется, они слишком промедлили с этим.

Послышался шорох, это Исхак поднялся со своего кресла

позади нее. Элиана открыла глаза и посмотрела во двор, прерывисто вздохнула. В окнах появились лица, люди выбегали во двор. Солнце садилось, на булыжники легли косые тени. Испуганные мужчины и женщины пересекали полосы света. Появился человек с копьем — старший сын Назре. Лихорадочное оживление царило в некогда тихом дворе, звучали громкие голоса. Страшный гул раздавался все ближе. Неужели вот так наступает конец света?

Исхак произнес ее имя. Она начала поворачиваться к нему, но в это мгновение, заморгав от изумления, поняла, что среди тех людей, которые вбегают в их двор, — ее дочь.

* * *

Джеана была знакома со стражниками у железных ворот квартала. Они впустили ее вместе со спутниками. Они уже слышали и видели толпу, собравшуюся на базарной площади. Стражники-киндаты были вооружены — против всех правил — и собранны. Альвар не заметил никаких признаков паники. Они понимали, что на них надвигается. О джадитах они тоже уже знали.

Джеана заколебалась, войдя внутрь. Альвар заметил, как посмотрела она на Аммара ибн Хайрана. И в этот момент — только сейчас — он кое-что понял наконец. И ощутил мгновенную, острую боль, похожую на удар меча, которая тут же прошла. Осталось другое чувство, больше напоминающее печаль.

Он никогда и не воображал, что она предназначена ему.

— Сэр Родриго, ты иди с ней, — быстро произнес ибн Хайран. — Если тебя увидят, тебе грозит опасность. — Хусари, Альвар и я поможем у ворот. Возможно, нам удастся что-нибудь сделать. Если ничего не получится, по крайней мере выиграем для вас немного времени.

«Если ничего не получится». Альвар понимал, что это значит.

— Аммар, теперь речь идет не только о моих родителях, — сказала Джеана.

— Знаю. Мы сделаем что сможем. Иди с ними. Я знаю ваш дом. Будьте внизу. Если сможем, мы к вам присоединимся. — Он повернулся к Родриго. — Если услышишь, что нас одолели, выведи их из города. — Он помолчал, синие глаза смотрели прямо в серые в предвечернем свете. — Поручаю тебе это, — прибавил он.

Бельмонте ничего не ответил. Только кивнул.

Джеана и Капитан ушли. Не оставалось времени для слов, прощаний или чего-то другого. Кажется, для таких вещей никогда не хватает времени. Шум на улицах нарастал. Тут Альвар ощутил прикосновение страха, словно холодный палец прямо под кожей. Он никогда не имел дела с толпой и никогда не видел толпы.

— Они уже убили троих наших, — мрачно проговорил один из стражников.

Ворота квартала киндатов перегораживали узкую улочку. Толпа вольется в нее и застрянет. Это сделали нарочно, сообразил Альвар. У киндатов есть опыт в подобных вещах. Ужасная истина. Ему пришло в голову, что королева Васка, которую его мать почитает как святую, поощряла бы тех людей, которые идут сюда.

Не отрывая взгляда от открытого пространства перед воротами, Альвар снял со спины круглый щит, продел левую руку в ремень и обнажил меч. Аммар ибн Хайран сделал то же самое. Хусари дотронулся до своего меча, потом опустил руку.

— Сначала дайте мне несколько минут, — сказал он, и слова его прозвучали тихо, едва слышно за нарастающим шумом. Хусари вышел из ворот на открытое пространство.

Увидев это, Альвар инстинктивно последовал за ним, и в ту же секунду Аммар ибн Хайран тоже шагнул за ворота.

— Заприте ворота, — бросил ибн Хайран через плечо.

Стражники не нуждались в приказах. Альвар услышал за спиной скрип металла, в замке повернулся ключ. Он посмотрел назад и вверх: еще четверо стражников-киндатов стояли на платформе над двустворчатыми воротами. Они держали луки, в которые уже вложили стрелы. Любое оружие было запрещено для киндатов в Аль-Рассане. Альвару показалось, что этих людей не слишком волнуют сейчас законы.

Он стоял рядом с Хусари и Аммаром ибн Хайраном на узкой улочке. Ворота за спиной заперты, бежать некуда. Ибн Хайран взглянул на Хусари, потом на Альвара.

— Возможно, — легкомысленным тоном произнес он, — это не самый благоразумный поступок в нашей жизни.

Глухой гул превратился в рев, и появилась толпа.

Первое, что увидел Альвар, были три отрезанных головы на копьях. Его затошнило. Шум стал оглушительным, превратился в стену звуков, которые казались не совсем человеческими. Воющая, орущая, напирающая толпа вывалилась из-за угла в пространство перед воротами, а затем, увидев стоящих там троих людей, передние остановились, с трудом сдерживая напиравших сзади.

Они несли полсотни факелов. Альвар видел мечи и пики, деревянные дубинки, ножи. Лица были искажены ненавистью, но Альвар почувствовал в толпе скорее страх, чем ярость. Его взгляд все время возвращался к этим отрезанным, капающим кровью головам. Ужас или гнев — это не имело большого значения, правда? Эта толпа уже совершила убийства. Стоит только начать, а дальше убивать легко.

В этот момент Хусари ибн Муса шагнул вперед и вышел из тени ворот под последние лучи заходящего солнца. Он поднял обе ладони, показывая, что они пусты. Безумие, у него на голове все еще красовалась шапка джадита.

Постепенно, от передних рядов к задним, распространилось молчание. Кажется, они дадут ему сказать. В этот момент Альвар заметил, как сверкнуло летящее лезвие в луче солнца. Не успев ничего сообразить, он рванулся вперед.

Его щит, выставленный перед Хусари, отразил удар летящего ножа, тяжелого орудия мясника. Нож со звоном покатился по камням. На этом ноже запеклась кровь, как заметил Альвар. Раздались крики, потом опять наступила тишина.

— Ты что, круглый дурак, Мутафа ибн Башир?

Голос Хусари прозвучал резко, четко, насмешливо. Он заполнил пространство перед воротами.

— Ведь не со мной спит твоя жена, а с ибн Абази, который стоит рядом с тобой!

В изумленном молчании, которое последовало за этими словами, кто-то рассмеялся. То был тонкий, нервный смех, но все же смех.

— Кто ты? — крикнул другой голос. — Почему ты стоишь перед воротами тех, кто убивает детей?

— Кто я? — воскликнул Хусари, широко разводя руками. — Я оскорблен и обижен. Кроме всего прочего, ты должен мне деньги, ибн Динас. Как ты смеешь делать вид, что не узнаешь меня?

Снова пауза, снова настроение чуть-чуть изменилось. Альвар видел, как люди из передних рядов быстро объясняли происходящее задним. Большая часть громадной толпы оставалась за углом и всего этого не видела.

— Это же Хусари! — воскликнул кто-то. — Это Хусари ибн Муса!

Хусари быстро сдернул с головы кожаную шапку и отвесил изысканный поклон.

— И завтра тебе доставят отрез хорошей ткани, ибн Жани. Разве я так изменился, что даже друзья меня не узнают? Не говоря уже о должниках?

«Конечно, он изменился. Очень сильно изменился. И еще он старается выиграть для них как можно больше времени», — понял Альвар. Рядом с Альваром Аммар ибн Хайран еле слышно пробормотал:

— Опусти меч, расслабься. Если он задержит их на достаточно долгое время, наместник пришлет сюда солдат. Он не может допустить, чтобы сегодня ночью в городе устроили пожар.

Альвар повиновался, стараясь найти нечто среднее между настороженностью и внешним спокойствием. Трудно было прикидываться спокойным, глядя на эти отрезанные головы, покачивающиеся на пиках прямо перед ними. Две их них принадлежали женщинам.

— Хусари! — крикнул кто-то. — Ты слышал? Джадиты идут!

— Ну и что? — рассудительно ответил ибн Муса. — Наши стены в свое время выдержали осаду пострашнее. Но во имя святого Ашара, разве вы сошли с ума, если устраиваете мятеж в собственном городе, когда враг у ворот?

— Киндаты с ними заодно! — крикнул чей-то пьяный голос. Того самого человека, который метнул нож. По толпе пронесся ропот одобрения.

Тогда Хусари рассмеялся.

— Ибн Башир, возблагодари звезды, под которыми ты родился, за то, что мяснику требуется не больше мозгов, чем тому мясу, которое он разделывает. Киндаты боятся джадитов больше, чем мы! На севере их держат в рабстве! Здесь они живут свободно и платят за нас половину налогов, да еще покупают твое жилистое мясо, даже когда ты придерживаешь весы своим толстым пальцем! — Альвар заметил в толпе улыбки.

— Ни один из них не погиб в День Крепостного Рва! — раздался другой голос, такой же хриплый, как у мясника. Альвар уловил рядом с собой какое-то движение и почувствовал, что остался один.

— И что это доказывает? — спросил Аммар ибн Хайран, выходя вперед, на солнечный свет. Он медленно, демонстративно вложил в ножны свой великолепный меч, чтобы дать им время рассмотреть себя.

Его узнали сразу. Альвар видел, как это произошло. Увидел

потрясение, замешательство, снова страх, даже благоговение. По толпе, к задним рядам, пронесся шепот, словно поток воды с холма.

Ибн Хайран не спеша оглядел толпу на улице.

— Последний правитель Картады хотел в прошлом году уничтожить самых знатных жителей этого города, в качестве урока всем вам. Кто из вас может назвать хоть одного киндата, который входит в их число? Знатный житель? Один из киндатов? Это забавно, — произнес Аммар ибн Хайран.

— Тебя отправили в ссылку! — крикнул какой-то храбрец. — Об этом объявляли прошлым летом!

— И вернули обратно этой весной, — хладнокровно произнес Хусари. — Стоящий рядом со мной человек, — я вижу, вы его знаете, — послан Альмаликом Вторым, правителем Картады, чтобы руководить нашей обороной против разбойников с севера.

Кто-то издал радостный крик, его подхватили другие. Лица заметно просветлели, настроение снова изменилось. Альвар перевел дух.

— Тогда почему он здесь, почему не с наместником?

— С этой жирной свиной отбивной? — возмутился ибн Хайран.

Снова раздался смех. Наместника не любили; наместники редко пользуются любовью. Аммар покачал головой.

— Избавьте меня от этого! Я предпочел бы быть с женой ибн Башира, если хотите знать правду. Но если мне поручена оборона вашего города, не могу же я позволить его сжечь, правда?

— О! Любовь моя! Я здесь, мой господин! Я уже здесь!

Откуда-то из толпы посреди улицы женщина усердно махала руками. Мясник ибн Башир обернулся и посмотрел туда, его лицо наливалось краской. Теперь уже смеялись все.

— Вам известно, — серьезно произнес Аммар, когда веселье стихло, — что мувардийцы движутся сюда, пока мы беседуем. У них приказ подавлять любое возмущение. Боюсь, что я пока еще не могу держать их полностью под контролем. Я только что прибыл. Я не хочу, чтобы кого-то убили здесь сегодня. Это может испортить мне удовольствие от того, что я запланировал на эту ночь. — Он застенчиво улыбнулся.

— Я здесь, мой господин! Зачем ждать ночи? — На этот раз голос принадлежал другой женщине. И внезапно более десятка рук замахали из толпы и зазвучали умоляющие женские голоса.

Ибн Хайран запрокинул назад голову и громко расхохотался.

— Я польщен, — сказал он, — одна мысль об этом лишает меня сил. — Снова в толпе раздался смех, настроение еще больше смягчилось. Солнце садилось, и теперь большая часть улицы находилась в тени.

Тон ибн Хайрана изменился.

— Добрые люди, идите по домам, пока не пришли воины с закутанными лицами. Погасите ваши факелы. Мы не должны делать работу джадитов вместо них. Наши стены крепки, правитель Картады послал меня к вам, и другие уже на подходе. У нас полно запасов еды и воды, а вальедцы далеко от своего дома, в местности, которую они не знают. Нам нужно бояться только собственной слабости или глупости. Это сборище было проявлением безумия. Пора идти домой. Смотрите, солнце садится, скоро зазвонят колокола на вечернюю молитву. Сегодня добрый вечер для молитвы, друзья мои, вечер, когда необходимо быть как можно чище перед лицом Ашара и под его звездами, когда они появятся на небе.

Этот красивый голос звучал лирично, ритмично, успокаивающе. «Он ведь поэт», — вспомнил Альвар. Джеана однажды сказала ему, что ибн Хайран до сих пор считает себя прежде всего поэтом.

Казалось, напуганную толпу удалось успокоить. Альвар увидел, как один из мужчин, держащий копье с отрезанной головой, посмотрел вверх, на то, что он нес, и на его лице отразились отвращение и ужас. Они просто испуганные люди, вовсе не злые. Лишившись руководства и подвергшись нападению, они набросились на самую легкую мишень, чтобы притупить собственный страх. Казалось, что этот сильный, четкий голос притупил их испуг.

Должен был притупить.

Так бы и случилось, но Аммара ибн Хайрана видели и слышали только передние ряды этой толпы, а квартал киндатов в Фезане был построен так, чтобы не выпускать его обитателей ночью, а не для того чтобы по-настоящему защищать их.

Не представляло особой трудности проникнуть внутрь другим путем, не через ворота. Несколько самодельных лестниц, выбитые окна выходящих на улицы домов — и разгневанные, решительно настроенные люди могли оказаться среди этих предателей, детоубийц...

— Пожар!

Этот дикий вопль издал один из стражников на платформе над ними. Альвар резко обернулся, увидел черный дым. Услы-

шал плач ребенка внутри квартала, а потом раздались крики. Пожар был настоящим кошмаром. Он уничтожал целые города.

Он забросил щит за спину, сделал три быстрых шага к воротам и прыгнул. Один из охранников протянул руку, схватил Альвара за запястье и втащил его наверх. Аммар следовал за ним по пятам, и Хусари тоже, он двигался проворнее, чем когда-либо раньше, в прежней жизни.

Ибн Хайран обернулся назад, к внезапно забурлившей толпе на улице.

— Идите по домам! — крикнул он, теперь его голос звучал резко и повелительно. — Я прикажу мувардийцам убивать любого, кто войдет в квартал. Мы не можем позволить сжечь город!

Но город уже горел, и люди в квартале киндатов уже умирали. Альвар не стал ждать, чтобы увидеть, что происходит перед воротами. Он спрыгнул вниз с платформы, покидая солнечный свет дня. Споткнулся и упал на мостовую, вскочил, выхватил меч.

Как тушить пожар, если налетчики, обезумев от ненависти и страха, рассыпались по вашим улицам и убивают вас? «Один из тех вопросов, — думал Альвар, бегущий в сторону дыма и криков, — на которые нет ответов, только клубящиеся картинки ночного кошмара».

Киндаты бежали к той части квартала, где возвышался двойной купол святилища. Казалось, все узкие, извилистые улицы ведут туда. Пожары начались в домах, стоящих на улицах рядом с воротами. Ашариты проникли через наружные окна и подожгли те дома, через которые прошли.

Врезаясь в поток бегущих людей, Альвар увидел одного ашарита с серпом. Тот подрезал им ноги бегущего мальчика. Остро отточенное лезвие перерубило ноги ребенка, словно стебли пшеницы. Мальчик упал, крича и обливаясь кровью. Альвар, не замедляя бега, развернулся и с нечленораздельным воплем изо всех сил опустил свой меч и убил человека, который это сделал. Полдюжины ашаритов остановились, как вкопанные, прямо перед ним. «Наверное, я похож на сумасшедшего», — понял Альвар, потому что на их лицах отразились ужас и изумление. Одно дело — преследовать безоружных детей, другое — схватиться с мужчиной, вооруженным мечом и с таким выражением глаз.

— Вы что, все спятили? — Это крикнул Хусари, подбегая к

своим согражданам. — Фезана горит! Ищите воду! Быстро! Мы уничтожим собственный город!

— Мы уничтожим киндатов! — крикнул кто-то в ответ. — А потом будем тушить пожар. Мы делаем святое дело во имя Ашара!

— Вы выступаете на стороне зла! — крикнул Хусари, лицо его было искажено болью и горем. И тут Альвар увидел, как он шагнул вперед и вонзил свой меч в живот того человека, с которым разговаривал. Инстинктивно Альвар шагнул вперед, прикрывая Хусари своим щитом. Ашариты отпрянули назад.

— Уходите! — крикнул Хусари сорванным голосом. — А если останетесь, достаньте воды, быстро! Если это будет продолжаться, мы сами отдадим наш город всадникам!

Альвар оглянулся через плечо. Мимо бежали мужчины и женщины киндатов; некоторые из мужчин возвращались и выстраивали заграждение в том месте, где спутанные улицы выходили на площадь. Трудно было разобраться в этом хаосе, в сумерках и среди черного, клубящегося дыма.

Прямо на его глазах еще один дом охватили красные языки пламени. Отовсюду неслись вопли. Внезапно в его памяти возникли ужасные картины прошлогодней Орвильи. Здесь было еще хуже. Это город, в котором дома почти все построены из дерева, и если хотя бы часть его загорится, может сгореть вся Фезана. Им надо убираться отсюда.

Он потерял из виду ибн Хайрана и не имел понятия, где находится дом Джеаны и ее семьи. Хусари должен знать. Он схватил друга за плечо.

— Пойдем! — крикнул он, стараясь перекрыть треск и вопли. — Надо найти Джеану!

Хусари обернулся, споткнулся о тело человека, которого он убил. Казалось, он оглушен, охвачен ужасом; он держал свой меч так, как будто уже не понимал, что это такое. Теперь в начале улицы тоже появился огонь. Так быстро. Альвар схватил Хусари за руку и повернул назад. Глаза щипало от дыма.

В дверном проеме на противоположной стороне улицы он увидел девочку с деревянным посохом в руках, стоящую перед двумя мужчинами с ножами. Маленький мальчик цеплялся за ноги девочки сзади. Он плакал навзрыд. Дом над ними горел. Люди с ножами смеялись.

Именно этот смех доконал Альвара. Не успев ни о чем подумать, он отпустил Хусари и побежал.

Слишком много народу оказалось между ними. Бурлящая,

бегущая улица. Всего десяток шагов, но они слишком далеко. Девочка стояла среди клубов дыма, защищая свой горящий дом и маленького брата от двух мужчин с кинжалами.

Казалось, больше никто их не видит; вокруг царила паника. Стоящий ближе к ней мужчина сделал ложный выпад ножом, потом отдернул его и замахнулся, когда девочка неловко взмахнула палкой.

— Нет! — крикнул Альвар с середины улицы, пробивая себе дорогу сквозь море бегущих людей. — Нет!

Потом он увидел, среди мелькания теней и огня, как рука с ножом неожиданно дернулась назад. Ашарит закричал и уронил нож.

Хлыст, который ужалил его, тут же свернулся и снова нанес удар, который пришелся второму мужчине по горлу и оставил кровавую рану. Альвар поднял взгляд и увидел в окне наверху Родриго, который перегнулся вниз со своим хлыстом. Альвар не замедлил шага. Он налетел на тех двоих и изрубил их на куски, как животных, с яростью в душе.

Он стоял там, стараясь овладеть собой, и смотрел на девочку. Она в ужасе уставилась на него. Сколько ей — двенадцать? Тринадцать?

— Где твои родители? — прохрипел он, пытаясь вернуть себе голос.

— Они погибли, — ответила она голосом, лишенным всякого выражения. — Наверху. Вошли люди с факелами и копьем. — Ее глаза были слишком широко открыты и смотрели на мир, ввергнутый в ужас. Но в них не было слез.

«Ей следует плакать», — подумал Альвар. Он снова взглянул наверх. Родриго что-то кричал и показывал на следующую дверь: слов Альвар не слышал. Ребенку за спиной девочки было не больше четырех лет. Он заходился в хриплых, конвульсивных рыданиях, не успевая перевести дыхание.

— Пошли со мной, — грубым от спешки голосом бросил Альвар. Он внезапно нагнулся и поднял мальчика, а потом вытолкнул в спину девочку из дверного проема. Приземистая фигура налетела на них с поднятым топором. Не выпуская из рук ребенка, Альвар ушел от удара, развернулся и вонзил свой красный от крови клинок в грудь нападавшего.

За их спиной раздался громкий рев. Он поднял глаза. Дом девочки охватил огонь, языки пламени вырывались из каждого верхнего окна. Весь квартал киндатов был охвачен огнем. Он

понес перепуганного малыша и повел девочку к той двери, на которую указал сверху Родриго.

И вздохнул с облегчением, когда добрался туда. В дверях стояла Джеана и еще двое людей, должно быть, ее родители. С лестницы сбежал Родриго.

— Где Аммар? — быстро спросила Джеана. Он даже не помнил, что когда-либо видел ее такой испуганной.

— Не знаю. Думаю, он держит ворота вместе со стражей.

— Хусари вон там, — сказал Родриго. Альвар оглянулся. Ибн Муса снова работал мечом, он медленно отступал по улице, отбиваясь от нападающих и пропуская мимо себя бегущих к площади киндатов.

— Нам надо уходить отсюда. Положение становится все хуже, — задыхаясь проговорил Альвар. Он все еще держал на руках мальчика. Он передал его ближайшему человеку, это оказалась мать Джеаны. — Есть отсюда выход?

— Есть, — ответила Джеана. — Но нам туда долго добираться, и... — о слава богу и лунам!

Аммар ибн Хайран, у которого кровь текла из раны на руке, подбежал к ним.

— Появились мувардийцы, — отрывисто произнес он. — Все скоро закончится, но надо уйти отсюда, пока они всех не окружили.

Альвар всего день назад, даже полдня, не смог бы предположить, что известие о приходе мувардийцев может принести ему облегчение.

— Джеана, куда идти? — Это спросил Родриго. — Мимо святилища?

— Нет. В другую сторону. В стене есть одно место, но оно в дальнем конце квартала. — Она указала туда, где ашариты продолжали преследовать ее соплеменников. Прямо на глазах у Альвара упала бегущая женщина, которую ударили сзади палкой. Мужчина, который сбил ее с ног, остановился и начал бить лежащую женщину. Альвар шагнул в их сторону, но Родриго схватил его за руку.

— Мы не можем спасти всех. Мы должны делать то, что можем. То, зачем пришли сюда. — Глаза Капитана смотрели мрачно.

— Пошли, — сказал Аммар ибн Хайран.

— Эти двое пойдут с нами, — твердо произнес Альвар, показывая на детей.

— Конечно, — сказала Элиана бет Данил. — Вы сможете нас вывести?

— Да, сможем, — ответил Альвар, раньше ибн Хайрана, раньше Капитана. — Никто нас не остановит. — Он посмотрел на обоих командиров. — Я пойду первым, с вашего разрешения.

Они переглянулись. Он увидел на их лицах что-то вроде признания.

— Принимай командование, — сказал ибн Хайран. — Джеана покажет дорогу. Пошли.

Альвар шагнул из двери в том направлении, куда указала Джеана. Им пришлось идти прямо в поток атакующих — тех, кто убивал людей, маленьких детей, серпами, топорами и дубинками. Совершенно варварски. Ашариты сами напуганы до смерти, пытался он напомнить себе. К их городу приближаются захватчики.

Но это не имело значения.

Нюансы не для этого вечера. В наступающих сумерках, в горящем квартале киндатов Фезаны, в Аль-Рассане, Альвар де Пеллино вышел вперед со щитом и мечом и с решимостью в душе, и остановить его было невозможно.

Отбросив все сомнения, все, кроме необходимости действовать и убивать быстро и наверняка, он повел свой маленький отряд в гущу надвигающейся толпы и прорубил в ней дорогу для остальных своим клинком.

Он увидел, что Хусари снова с ними, что купец вложил меч в ножны и ведет слепого лекаря, отца Джеаны. Когда они добрались до начала улицы, Альвар ощутил рядом с собой присутствие Родриго среди едкого дыма и жара. Он знал, не оглядываясь назад, что ибн Хайран защищает их с тыла.

Они расправились с внезапно налетевшими на них на открытом пространстве ашаритами. Альвар блокировал удар, рубанул мечом по чьим-то коленям. Повернулся и сделал выпад в другую сторону, а первый человек еще не успел упасть. Он никогда в жизни не двигался так быстро.

Раздался громкий треск: через дорогу, напротив, рухнуло целое здание, рассыпая фонтаны искр и огня. Их обдало волной жара.

— Сюда! — крикнула Джеана.

Альвар увидел, куда она показала. Повел их туда, рубя мечом во все стороны. Они шли сквозь густой дым и жар, мимо бегущих киндатов и их преследователей, прокладывая дорогу против течения. Джеана снова подала сигнал, потом еще раз, и еще, и наконец они добрались до противоположного конца квартала, до тупика, который выходил к внешней стене.

Альвар оглянулся. Никто не преследовал их в дыму. На его глазах запеклась кровь. Не его собственная, как ему показалось. Он вытер ее рукавом.

Родриго стоял рядом с ним, тяжело дыша, но был спокоен, как всегда. Капитан пристально посмотрел на Альвара.

— Ты действовал отважно, — тихо произнес он. — Я бы и сам не справился лучше. Это правда, не лесть.

— Я тоже, — сказал ибн Хайран, подходя к ним. — Я знал, что ты — воин. Но никогда не знал, до какой степени. Прости меня за это.

— Я не воин, — ответил Альвар, но он прохрипел это очень тихо, и, кажется, они не услышали. Теперь, когда ослепительная ярость и горячка боя прошли, до него постепенно доходило, сколько испуганных людей он только что отправил к их богу. Он посмотрел на свой меч, покрытый запекшейся кровью.

Здесь было тише. В отдалении они слышали новые звуки, шум стал другим. Пришли мувардийцы. Им было наплевать на убитых киндатов, но они безжалостно пресекут насилие. И пожары надо погасить, иначе Фезана попадет в руки стоящих у стен джадитов.

— Но я же сам джадит, — подумал Альвар. Он опустился на колени и начал вытирать скользкий клинок пучком травы, растущей под стеной. — Для нас это хорошо.

Но он этого не чувствовал. Он встал и вложил оружие в ножны. Посмотрел на остальных. Маленький мальчик затих, вцепившись в шею матери Джеаны. Она несла его на руках всю дорогу сюда. Его сестра стояла рядом, по-прежнему широко раскрыв глаза, в которых не было слез. Отец Джеаны молча стоял с застывшим лицом и держал руку на плече Хусари.

А Хусари рыдал.

Сердце Альвара сжалось от боли за друга. Это город Хусари, он, наверное, знал многих из этих обезумевших людей и даже убивал тех людей, которых знал всю свою жизнь. Альвар открыл рот, потом закрыл его. Он не мог придумать, что сказать. Бывают моменты, когда слова неуместны. Те слова, которые он знает.

Джеана стояла на коленях и расшатывала камень в стене. Камень выпал. Она протянула руку в отверстие, выругалась, когда оттуда выбежал скорпион, и достала ключ. Потом встала.

— Сюда, — задыхаясь, произнесла она. Она пробежала немного вдоль стены, до зарослей кустов малины. Нырнув за кусты, она снова упала на колени, вставила ключ и с силой потянула на себя.

Небольшой, низкий участок каменной стены выдвинулся наружу. Поворотный механизм был придуман с большой изобретательностью; у них не было времени полюбоваться им.

— Это один из тех выходов, которые показали тебе твои подруги? — спросила Элиана.

Джеана взглянула снизу на мать.

— Откуда ты о них знаешь?

Элиана с горечью ответила:

— Они предупреждали меня. Мы слишком медленно собирались.

— Так не будем медлить сейчас, — сказал Аммар ибн Хайран. — Вперед.

— Я пойду, — сказал Альвар. — Ждите моего сигнала. — Кто знает, что ждет за стеной, в темноте? Что бы там ни оказалось, Альвар первым это увидит.

— Внутри есть еще один ключ, — предупредила Джеана. — Тебе надо воспользоваться им и толкнуть наружную дверь.

Он проскользнул за кусты, а потом втиснулся в тесное отверстие в толстой каменной стене города. В темноте он на ощупь нашел второй ключ, а потом и замочную скважину. Вставил ключ, повернул и толкнул. Кусок внешней стены отошел в сторону, и Альвар выполз наружу. Он почувствовал траву, встал, огляделся, в его руке быстро оказался клинок.

Только сумерки, влажная земля у реки, первые звезды да восходящая белая луна. Впереди плескалась вода, отражая бледный лунный свет.

— Идите, — произнес он, нагнувшись к отверстию в камнях.

Затем из тайного прохода по одному выбрались все остальные. Альвар помог им выскользнуть наружу, потом встал у стены между камнем и темной водой. Родриго, который шел последним, снова положил ключ внутрь и закрыл отверстие.

Они немедленно переправились через реку; те, кто умел плавать, помогали другим. Весенняя вода была очень холодной. Они взобрались на противоположный берег в темноте. Альвар упал в высокую траву и тростник, глубоко вдыхая чистый воздух. У него саднило лицо; кожа обгорела и потрескалась.

Тут он кое-что заметил. Медленно снова поднялся на ноги. Родриго отошел на несколько шагов в сторону от остальных и пристально смотрел в темноту. Он уже обнажил меч.

— Кто там? — позвал Капитан.

Молчание. Аммар ибн Хайран тоже встал.

Затем из темноты пришел ответ:

— Друг. Здесь кое-кто хочет с тобой поздороваться, сэр Родриго. — У говорившего был низкий, спокойный голос.

Но не тон, а язык, на котором он говорил, заставил Альвара шагнуть вперед и встать рядом с Родриго. Сердце его снова сильно застучало.

Он стоял так близко, что услышал, как Капитан перевел дыхание.

— Тогда зажгите факел, — ответил Родриго. — В темноте здороваться неудобно.

Они услышали приказ. Вспыхнула щепка. Зажегся огонь.

— Правда, с возвращением, — произнес очень высокий, бородатый человек, освещенный этим факелом. Альвар видел его два раза в жизни. Он перестал дышать.

— Мой государь, — через секунду ответил Родриго. — Что за неожиданность!

Король Вальедо Рамиро, окруженный отрядом своих людей, довольно улыбнулся.

— Я надеялся на это. Так редко кому-нибудь из нас удается тебя удивить.

— Как вы оказались здесь? — спросил Родриго. Его голос звучал сдержанно, но Альвар стоял близко и видел, каких это стоило ему усилий. Он услышал, как бесшумно подошел ибн Хайран и остановился рядом с ними.

Улыбка короля Рамиро стала еще шире. Он махнул рукой, и кто-то вышел из группы людей за его спиной.

— Привет, папа, — сказал юноша, останавливаясь рядом с королем.

Родриго ахнул, потеряв самообладание.

— Фернан? Ради бога, что...

— Это все Диего, — ответил мальчик как-то чересчур весело. У него были легкие доспехи и меч. — Он знал, где ты находишься сегодня утром, и сказал нам, где ждать тебя ночью. — Родриго молчал. — Он иногда знает, где ты находишься, помнишь? — Голос мальчика выдавал неуверенность. — Ты не рад видеть меня, папа?

— О, Джад! — услышал Альвар голос Капитана. А потом Родриго Бельмонте обратился к королю Вальедо: — Что вы сделали? Почему мои сыновья находятся в войске?

— Еще будет время все объяснить, — невозмутимо ответил Рамиро. — Здесь не место. Ты поедешь с нами? Мы можем предложить сухую одежду и еду.

— А мои спутники? — Тон Родриго был холодным как лед.

— Они — мои гости, если ты за них ручаешься, кто бы они ни были. Ну же, сэр Родриго, поздоровайся со своим сыном. Он так мечтал об этой минуте.

Родриго быстро открыл рот, потом закрыл. Медленно вложил меч в ножны.

— Иди ко мне, — позвал он мальчика, и Фернан Бельмонте, невольно вскрикнув, выбежал вперед, и отец горячо обнял его. Альвар видел, как Капитан закрыл глаза, сжимая в объятиях сына.

— Твоя мать, — сказал Родриго, когда в конце концов отпустил его, — убьет нас всех за это, ты понимаешь. Начиная с меня.

— Мама с королевой, папа. Мы ее еще не видели, но пришло сообщение, что она приехала на юг и присоединилась к королеве Инес, которая следует за нами вместе с остальной частью войска. Мы пытались перехватить тебя, до того как ты въехал в город. Вот почему мы прискакали так быстро. Зачем ты здесь, папа? Что случилось с твоими усами?

— Моим друзьям грозила опасность. Я приехал, чтобы их увезти. Где Диего?

— Его так берегут, — ответил Фернан. — И он очень злится. Ему не позволили приехать сюда. Они оставили его с обозом продовольствия, в какой-то деревне у реки, к западу отсюда.

— Ашар, нет! Только не там!

До самой смерти Альвар будет помнить эти слова и выражение лица Аммара ибн Хайрана, у которого вырвался этот крик. Родриго резко повернулся к нему.

— В чем дело? Скажи мне!

— Засада! — резко бросил Аммар, уже на бегу. — Мувардийцы. Альмалик задумал это много лет назад. Молись своему богу, и поехали!

Родриго уже бежал к коням.

И вот так, через несколько секунд, во второй раз менее чем за год, Альвар де Пеллино, мокрый, обожженный и окоченевший, заставляя себя забыть об усталости и десятке небольших ран, скакал сломя голову сквозь тьму по равнине к северу от Фезаны по направлению к деревушке под названием Орвилья.

Рядом с ним несся Аммар ибн Хайран, позабыв о верности своему правителю, а по другую сторону от него скакал король Вальедо, вместе с Джеаной и ее родителями, с Хусари, и двумя

детьми, а отряд из пятидесяти королевских стражников растянулся за ними в прохладной, безоблачной ночи.

Впереди всех, нахлестывая коня, как безумный, под звездами и белой луной, пытаясь обогнать время и вращение небосвода, мчался отец к своему ребенку.

Глава 16

До того момента, когда мувардийцы появились на темнеющей равнине, под звездами и белой луной в Аль-Рассане неверных, священнику Иберо удавалось убедить себя, что сам Джад держит руку на его плече и направляет его.

Он составил свой план в то первое утро, когда ехал на запад под дождем, прочь от ранчо Бельмонте. «Возможно, — был вынужден признать он, — Миранда права». Возможно, подчиняясь требованиям святой веры, Иберо принес горе семье, которую так нежно любил. Если это так, поклялся он в то серое, холодное утро, он сделает все, что в его силах, чтобы это горе уменьшить, возместить ущерб. Пускай Миранда Бельмонте прогнала его, лишила дома, но он не повернется к ней и ее семье спиной.

Он присоединился к отряду солдат из скотоводческих районов, которые направлялись в Карказию, в ответ на призыв короля: тот же призыв, который увел из дома мальчиков. Он поехал вместе с солдатами. Это была священная война, по крайней мере, по названию, и клириков встречали радушно, если они умели не отставать от остальных во время дневного перехода. Иберо умел обращаться с лошадьми. Годы в семье Бельмонте не пропали даром.

Он нашел Фернана и Диего в отряде короля семь дней спустя, на равнине к югу от Карказии, среди палаток и знамен военного лагеря. К сыновьям Родриго относились с явным уважением, хотя пристальное внимание к Диего со стороны тех, кто знал, почему он находится здесь, вызывало у Иберо неловкость. Он невольно вспомнил слова Миранды: обладающих дальновидением, или как там называли этот дар, в прошлом действительно сжигали. «Но мы живем в более просвещенный век», — сказал себе Иберо.

Мальчики были не слишком рады его видеть, но характер Иберо отличался упрямством, и он ясно дал понять всем заинтересованным лицам, в том числе и элегантному верховному клирику из Фериереса, что, куда бы ни отправились сыновья

Родриго Бельмонте, он поедет с ними. Он не сказал мальчикам, что их мать прогнала его и по какой причине заставила покинуть ранчо. Возможно, ему следовало рассказать им, но он не смог этого сделать. Это означало, что его присутствие возле них было связано с обманом, но он надеялся, что бог простит его за подобное прегрешение. У него ведь добрые намерения. У него всегда были добрые намерения.

Фернан и Диего, очевидно, уже успели отличиться по дороге сюда и после приезда. Они были веселыми и иногда слишком умными, на собственную беду. Посчитали полезным, чтобы при них находился наставник, который мог заставить их соблюдать дисциплину. По лагерю ходили рассказы о набитых камнями седельных сумках одного из тех солдат, которые привезли их сюда. Довольно забавная история, но Иберо не привык поощрять своих подопечных откровенным смехом.

Вскоре после этого они отправились на юг по ничейным землям в составе армии-освободительницы. Собственно говоря, с ее авангардом, так как Диего и Фернана держали в окружении самого короля.

Иберо никогда прежде не видел короля. Рамиро, король Вальедо, был красивым, внушительным мужчиной. «Достойным того, — смиренно подумал маленький священник, — чтобы стать орудием нового завоевания Эспераньи. Если позволит бог». Он ясно сознавал, что все мужчины в армии были участниками важных событий. Король все время говорил об ограниченной кампании, о тактическом захвате Фезаны, но даже священник Иберо понимал, что стоило Вальедо вступить в Аль-Рассан, как содержание и течение их эпохи изменилось навсегда.

Худой, элегантный министр, граф Гонзалес де Рада, держался так близко от мальчиков во время всего путешествия, что это беспокоило Иберо. Он знал, что сэр Родриго и этот человек друг друга не любят, но также помнил о том, что де Рада поклялся охранять семью Бельмонте, когда Родриго отправили в ссылку. Иберо надеялся — и молился об этом, — что опасная близость склонного к насмешкам министра вызвана намерением сдержать обещание, и более ничем.

Миновав две небольших крепости в тагре, авангард короля оторвался от остальной армии и устремился вперед. В обе стороны галопом скакали дозорные, поддерживая связь между авангардом и главными силами.

От них Иберо и узнал, что Миранда Бельмонте д'Альведа

тоже находится в их армии, среди придворных королевы Инес, которая решила отправиться вместе с мужем в земли неверных. Когда он сообщил об этом мальчикам, они, казалось, не удивились. Иберо это обескуражило, но потом он вспомнил нечто очевидное.

Иногда трудно иметь дело с даром Диего. «Мальчик знал обо всем еще до появления гонцов», — понял Иберо. С некоторым усилием он сделал Диего выговор.

— Тебе следует рассказывать остальным, если ты... что-то видишь. Это может быть важным. В конце концов, именно поэтому мы здесь.

У Диего сделалось комичное лицо.

— Ты имеешь в виду мою мать? — спросил он. — Иберо, разве приезд моей матери важен для военных действий?

Если так ставить вопрос, он прав. Фернан, как, впрочем, и следовало ожидать, смотрел на вещи совсем иначе.

— Вот так здорово! — с негодованием воскликнул он, обращаясь к священнику. — Это наша первая кампания, и все побежали из дому вслед за нами. Кого нам еще ожидать? Повариху, нянек, которые нас растили в детстве? Это смешно! Сам ты здесь для того, чтобы закутывать нас потеплее на ночь?

Диего рассмеялся. Иберо слишком смутило известие о Миранде, он не мог ни смеяться, ни отчитывать их. Слова Фернана звучали неуважительно, но Иберо понимал, что приезд наставника, а теперь еще и матери, мог заставить юношу почувствовать себя в первом боевом походе слишком... стесненно.

Это пустяки. Если мальчикам это не нравится, если солдаты дразнят их, им придется самим справляться с проблемой. Правда заключается в том, что они действительно слишком молоды, чтобы находиться здесь, и они бы не попали сюда, если бы Диего не был таким, какой он есть. И если бы Иберо не отправил то письмо в Эстерен.

Он отправил с одним из гонцов письмо — официальное послание Миранде. Сообщил о своем присутствии, о добром здравии мальчиков и уважительном к ним отношении. Никакого ответа не последовало.

До них дошло окольными путями, что королева окончательно поправилась после того несчастного случая и что она полностью доверяет своему новому лекарю, доктору одной из крепостей тагры.

Говорили, что он спас королеву Инес на самом краю гибели. Диего в особенности был очарован этой историей и выпы-

тывал всевозможные подробности, у тех, кто присутствовал на встрече трех королей. Фернана больше интересовали надвигающиеся события. Он ухитрился войти в окружение короля, собственно говоря, он все время был рядом с графом Гонзалесом. Именно Фернан объяснил брату и Иберо, почему они не трогают по дороге фермы и деревни ашаритов.

Они уже миновали их немало, с тех пор как покинули земли тагры, во время войн Ашара и Джада жители деревень и фермеры убегали в горы, прихватив большую часть своих пожитков, но всегда существовал обычай сжигать их дома и поля.

На этот раз все было по-другому.

Несмотря на заметное неодобрение, излучаемое Жиро де Шервалем, король Рамиро настоял на своем. Это не набег, передал им Фернан слова короля. Они идут на юг, чтобы взять Фезану и остаться здесь. И если это удастся, им понадобятся ашариты, чтобы снова заселить эти деревни и фермы, платить налоги и обрабатывать поля. Время и разумное управление вернут Джада в Аль-Рассан, заявил король, а не пожары и разрушение. Иберо не совсем понимал, как это увязать с религиозной доктриной, но в присутствии более умных людей помалкивал.

Фернан проводил время после вечерних молитв, перед наступлением темноты и сном, рисуя карты для брата и священника и объясняя, что может произойти, когда они достигнут Фезаны и после. Иберо с грустью отметил, что теперь мальчик полностью освоился с местоположением — и с правильным написанием названий — всех крупных городов и рек Аль-Рассана.

Прошло еще четыре дня. Погода оставалась мягкой; они упорно двигались вперед, армия шла по лугам Аль-Рассана под грохот копыт и в клубах пыли.

И однажды утром, незадолго перед тем как их солдаты свернули лагерь, Диего объявил, что он видел отца и что тот скачет на запад.

* * *

Король и его министр, и высокий клирик из Фериереса стали задавать ему всевозможные вопросы, на которые он не мог ответить.

Когда-то подобные вопросы вызывали у Диего чувство ущербности, словно он подводит людей, если не в состоянии удовлетворить их любопытство. Он не любил никого разочаровывать. Позже, однако, эти расспросы — даже расспросы роди-

телей — стали его раздражать, так как свидетельствовали об их неспособности понять границы его возможностей. Диего научился в таких случаях быть терпеливым. Дело в том, что люди действительно не понимают границ его дара; они и не могут понять, потому что не имеют представления, как он это делает.

Диего и сам не совсем понимал свой дар: откуда он взялся, почему Диего им обладает, что он означает? Конечно, кое-что мальчик понимал. Он знал: то, что он умеет, делает его непохожим на других. Он знал — мать сказала ему об этом давным-давно, — что существует какая-то неясная опасность, связанная с его отличием от других, и что он не должен рассказывать другим о том, что умеет делать.

Все это, конечно, сейчас изменилось. Приехали всадники от короля Вальедо и увезли его на войну. Фернан, естественно, тоже поехал. Это Фернану всегда хотелось отправиться на войну, но когда они приехали к лагерю у стен Карказии, стало ясно — во время первой, пугающей встречи с самим королем и клириком из-за гор, — что им нужен был именно Диего. Ему пришлось объяснять, смущаясь, что он умеет делать.

Не так уж много, в действительности. Он видел, что они разочарованы. Иногда в прошлом он удивлялся всей этой таинственности и тревоге. Его дар был несложным: ему иногда удавалось определить, где находится тот или иной член его семьи, даже когда они находились далеко. Отец, мать, брат, хотя Фернан никогда не уезжал далеко, а его мать — очень редко.

И еще он иногда мог почувствовать опасность, грозящую любому из этих троих. И почти всегда этим человеком оказывался его отец. Жизни отца часто угрожала большая опасность.

Фернан хотел стать точно таким же, как отец. Он мечтал об этом, тренировался ради этого, торопил детские годы, чтобы поскорее взяться за настоящее оружие и воевать.

Фернан был сильнее и быстрее, хотя они родились совершенно одинаковыми. Иногда Диего казалось, что его отец предпочитает Фернана, но иногда он думал иначе. Он любил отца безграничной любовью. Другим Родриго внушал страх, Диего это знал. Он считал это забавным. Фернан так не думал; Фернан считал это полезным. В таких малостях они расходились.

Это не имело большого значения. Ничто не может разлучить сыновей Родриго Бельмонте; они точно это знали еще в самом раннем детстве.

Фернану нравилось почти все в той кампании, в которой они участвовали. Диего считал, что здесь интересно; несомненно, это лучше, чем провести еще одно лето на ранчо, но его охватывало прежнее чувство тревоги, когда оказывалось, что он разочаровал тех, кто призвал его сюда на помощь. Во время первой встречи он старался отвечать на резкие вопросы верховного клирика как можно подробнее. Министр и король тоже задали несколько вопросов. Больше всего ему понравился король, хотя, кто он, Диего, такой, чтобы ему нравился или не нравился король?

В любом случае, он не мог оказать им большой помощи, и он старался дать им это ясно понять. Несколько дней назад он почувствовал появление матери среди главных сил армии, до которых было полдня пути. Конечно, он сказал об этом Фернану. Подумал, не сказать ли королю и клирику из Фериереса, просто чтобы что-то им предложить, но мысль о матери заставила его промолчать. Несомненно, ее передвижения не касались военной кампании. Он чувствовал, что говорить о ней будет в некотором роде предательством, поэтому промолчал. Кроме того, он знал, почему она приехала. Фернан тоже знал. Поэтому стал колючим и сердитым; Диего же просто стало грустно. Возможно, им следовало дождаться, когда она вернется домой в тот день, прежде чем уехать. Со времени отъезда он чувствовал свою вину перед ней.

Он понимал, что она не позволила бы им уехать в армию, если бы была на ранчо, когда появились солдаты. Фернан посмеялся над ним, когда он высказал это предположение, и возразил, что их мать, какой бы властной она ни была, вряд ли посмела бы ослушаться прямого приказа короля.

Диего не был в этом так уж уверен. Он обнаружил, что скучает по матери. Она относилась к нему мягче, чем к другим. Он знал, что Фернан тоже по ней скучает, но брат стал бы это отрицать, если бы Диего заговорил об этом. Зато они говорили об отце. Взгляды Фернана на мир позволяли скучать по отцу, это было правильно.

Затем, однажды утром, Диего проснулся, продолжая мысленно видеть Родриго. Изображение было нечетким, потому что отец скакал очень быстро, и пейзаж менялся тоже очень быстро, так что Диего не смог получить ясную картину. Но отец приближался к ним с востока и был уже недалеко.

Диего еще немного полежал под одеялом с закрытыми глазами, пытаясь сосредоточиться. Он слышал, как рядом с ним проснулся Фернан и начал что-то говорить. Потом Фернан замолчал. Он обычно понимал, когда Диего уходит куда-то вовне

или, наоборот, уходит внутрь. Трудно подобрать для этого правильные слова.

Пейзаж никак не хотел становиться четким. Он видел, что с его отцом всего несколько людей, а не большой отряд, что внизу течет река. Если Диего правильно помнил карту, становилось понятным: Родриго ехал вдоль Тавареса. Кажется, его что-то тревожило, но Диего не ощущал непосредственной опасности. Он попытался мысленно немного отодвинуться от отца, чтобы попробовать точнее определить это место. Увидел реку, луга, холмы.

Потом ясно возникло изображение города и его стен. Наверное, это Фезана.

Его отец едет в Фезану.

Диего открыл глаза. Фернан сидел рядом и наблюдал за ним. Брат молча протянул ему апельсин, уже разрезанный. Диего вонзил в него зубы.

— Зачем папе может понадобиться ехать в Фезану? — тихо спросил он.

Фернан нахмурился.

— Не имею понятия, — ответил он в конце концов. — А он поехал? Ты скажешь об этом королю?

— Наверное. Для этого мы здесь, правда?

Диего знал, что Фернану не нравится так думать, но это было правдой. Сначала они рассказали Иберо. Потом Диего, его брат и их наставник пошли искать короля Рамиро.

Через поразительно короткое время после этого разговора они уже мчались вместе с королем, министром и сотней лучших всадников Вальедо по направлению к Фезане, до которой надо было скакать целый день.

— Это очень важно, — сказал тогда Диего король. — Ты оправдал свое пребывание здесь. Мы благодарим тебя.

— Папе не грозят неприятности? — резко спросил Фернан. Он больше не смущался в их обществе. — Его ведь не выслали из этих мест? Только из Вальедо.

Король Рамиро молча посмотрел на обоих мальчиков. Выражение его лица смягчилось.

— Вы этого опасались? Вашему отцу ничего не грозит, совсем ничего. С моей стороны. Мне надо перехватить его раньше, чем он попадет в Фезану. Не имею представления, зачем он туда едет, но я хочу остановить его и прервать его ссылку. Он мне очень нужен в этой кампании. Я ведь не могу допустить,

чтобы мой лучший капитан попал в капкан в городе, который я собираюсь осадить.

Фернан серьезно кивнул, словно его мысли текли примерно в том же направлении. Возможно, он и правда так думал. Диего, у которого был другой характер и другие реакции, быстро взглянул на графа Гонзалеса, когда король назвал Родриго своим лучшим капитаном. Но не смог ничего прочесть на лице министра.

Они все утро скакали так быстро, что догнали и обогнали несколько групп фермеров и крестьян, бегущих в Фезану от их войска. Люди начали кричать, когда всадники мчались мимо, но только в полдень король приказал убить одну группу ашаритов. Это были их первые жертвы в этой войне.

Диего дали понять, что это важно. Люди, сбегающиеся в Фезану, и те, кто ждет в городе, должны их ужасно бояться — чтобы усомниться в целесообразности сопротивления. Обнесенные стенами города, такие, как Фезана, невозможно взять штурмом, их приходится осаждать, и боевой дух защитников города имеет большое значение. Некоторое количество людей должно погибнуть, чтобы весть об убийстве понеслась в город впереди них.

Ни он, ни Фернан не входили в число тех, кто откололся от их отряда и начал выкашивать ту кучку людей с семьями, на которую указал король. Диего, со своей стороны, был очень рад, что ему не пришлось участвовать в этом. Он увидел, как Фернан оглянулся через плечо на скаку, наблюдая за побоищем. Диего лишь раз взглянул и больше не смотрел туда. Он подумал, что его брат тоже втайне испытывает облегчение от того, что не участвует в побоище. Конечно, он этого не сказал. Но во время их игр Фернан всегда дрался с закутанными до глаз мувардийцами. Несмотря на огромное численное превосходство противника, господа Фернан и Диего Бельмонте со своими доблестными всадниками ухитрялись побеждать, прорываясь сквозь ряды воинов пустыни, чтобы спасти своего плененного отца и короля и заслужить их глубокую благодарность.

Совсем другое дело — рубить фермеров и маленьких детей на пыльной дороге. Отряд короля галопом мчался дальше, а за его спиной раздавались вопли. Солдаты, выполнившие свою задачу, догнали их немного позднее. Жиро де Шерваль, возбужденный и довольный, благословил их и их оружие. Звенящим голосом, который Диего показался чересчур громким, он крикнул, что они вписали гордую страницу в историю Эсперaньи.

После этого король приказал устроить отдых, и люди спешились, чтобы попить воды и поесть. Солнце стояло высоко, но

год только начался, и было не слишком жарко. Диего прогуливался немного в стороне, он нашел тень под кустами, сел на землю, закрыл глаза и стал искать отца. В этом состоит его задача. Поэтому они здесь. Позднее ему надо будет хорошенько это обдумать.

На этот раз он быстро нашел Родриго и тут же кое-что понял. Он видел город с той же точки, что его отец. Там было еще кое-что, аура, которую Диего узнал, он не раз сталкивался с ней в прошлом.

Он встал, испытав быстро исчезнувшее головокружение, как иногда случалось. Он пошел искать короля. Фернан увидел его, встал и пошел следом. Диего подождал брата, и они пошли вместе. Король Рамиро сидел на попоне, разложив еду на коленях, как солдат, и запивая ее вином из кожаной фляги. Увидев приближающегося Диего, он отдал тарелку и флягу слуге и встал.

— Что случилось, парень?

— Когда мы доберемся до Фезаны, государь?

— На закате. Немного раньше, если поскачем очень быстро. А что?

— Мой отец уже там. На холме, к востоку от стен города. Я думаю, мы его не догоним. И еще... мне кажется, что теперь ему грозит опасность, когда он войдет в город.

Король Рамиро задумчиво посмотрел на него.

— Поточнее, пожалуйста, ради Джада! — это воскликнул клирик из Фериереса.

— Он говорил бы точнее, если бы смог, де Шерваль. Вы должны это понимать. — Кажется, король не питал особой любви к верховному клирику. Он снова повернулся к Диего: — Ты можешь предвидеть опасность, а не только видеть то, что происходит?

— В отношении моего отца — да, но не всегда.

— Ты все еще не знаешь, зачем он едет в Фезану?

Диего покачал головой.

— Он без своего отряда? С небольшой группой, ты говоришь?

Диего кивнул.

Послышался нервный кашель. Они все повернулись к Иберо. Диего не слышал, как он подошел. До крайности смущенный, маленький священник сказал:

— Возможно, я смогу высказать предположение на этот счет, государь.

— Выкладывай. — Жиро де Шерваль заговорил раньше короля. Рамиро бросил на него взгляд, но ничего не сказал.

Иберо сказал:

— В своих письмах домой сэр Родриго сообщил, что его отряд взял на службу лекаря. Женщину. Из колонии киндатов в Фезане. Джеану бет Исхак, по-моему. Возможно...

Король быстро закивал головой.

— Это звучит правдоподобно. Родриго знал, что мы можем выступить. Он руководствовался соображениями лояльности, если она — член его отряда. Семья этой женщины до сих пор находится в Фезане?

— Я не знаю, государь.

— Я знаю. — Это уверенно произнес Фернан. — Он писал об этом моей матери. Отец этой женщины тоже был лекарем, и он все еще живет в Фезане.

Король быстро поднял ладонь.

— Исхак из Фезаны? Так зовут ее отца? Он тот, кого ослепил Альмалик?

Фернан заморгал.

— Я ничего не знаю о...

— Так и есть! Это тот человек, чьи трактаты изучал лекарь королевы! И поэтому сумел спасти ей жизнь! — Глаза короля сверкали. — Клянусь Джадом, теперь я понимаю. Я знаю, что происходит. Сэр Родриго собирается войти в город, но он покинет его с ними каким угодно способом. Ему необходимо немного времени, перед тем как мы появимся там.

— Вы ведь посвятите нас в ход ваших мыслей, государь? — На лице у Жиро де Шерваля выразились одновременно досада и любопытство.

— Только в то, что вам нужно знать, — добродушно ответил король Вальедо. Клирик покраснел. Король, делая вид, что не заметил этого, повернулся к Гонзалесу де Рада: — Министр, вот что я от вас хочу, и я хочу, чтобы это было сделано быстро.

Насколько мог судить Диего, король Рамиро очень хорошо умел отдавать приказы. Королю положено проводить большую часть своего времени, указывая людям, что они должны делать. Вскоре после этого большая часть солдат вернулась назад, к основной части армии. Они с Фернаном остались с гвардией короля.

Однако они теперь не так спешили. И незадолго до конца дня, в том месте, куда привел их один из дозорных, — в рощице неподалеку от реки и городских стен, но не слишком близко от них, — они остановились и укрылись на опушке под деревьями.

Король Рамиро, держа перчатки для верховой езды в одной

руке, пришел туда, где Диего, Фернан и Иберо поили коней. Против всех ожиданий он был один. Он махнул рукой, и Диего быстро передал повод коня своему брату и последовал за ним. Фернан сделал движение, словно хотел тоже пойти, но король поднял палец и покачал головой, и Диего увидел, как его брат разочарованно остановился.

Он впервые остался наедине с королем. «Короли не часто остаются в одиночестве», — подумал он.

Они прошли сквозь рощу — березы и дубы, несколько кипарисов выстроились, словно часовые, на краю леса. Повсюду радовали глаз маленькие белые цветочки, образуя ковер на лесной подстилке. Диего удивился, как эти малютки расцвели в таком изобилии в этой темной, прохладной тени. Они подошли к восточному краю рощи, и там король остановился. Он повернулся и посмотрел на юг. Диего сделал то же самое.

При свете заходящего солнца они видели блеск реки Таварес. За ней лежала Фезана. Эти река и город когда-то были для Диего всего лишь названиями на карте, контрольными заданиями их учителя: «Назовите города, подчиняющиеся сейчас правителю Картады. Назовите этого правителя. Теперь напишите эти названия, и пишите их правильно».

Таварес. Фезана. Альмалик. Уже не просто имена. Он находится в Аль-Рассане, на земле ужасов и легенд. Вместе с армией Вальедо, пришедшей ее завоевать. Вернее, отвоевать, так как все это когда-то принадлежало им, когда имя Эсперанъи символизировало силу в этом мире.

По правде говоря, глядя на эти массивные каменные стены медового цвета в косых лучах солнца, Диего Бельмонте невольно задал себе вопрос: как даже этот король и эта армия посмели задумать захват такого города? Ничто из его прошлого опыта — он только раз видел Эстерен, а потом Карказию — не могло сравниться с подобным великолепием. Пока он стоял и смотрел на юг, образ Вальедо в его памяти съежился.

Диего видел за стенами купола, сверкающие в последнем свете дня. Он знал, что это здания, где поклоняются богу. Символы той веры, которую священники Джада называли скверной и порочной.

Но Диего они казались прекрасными.

Словно читая его мысли или проследив за его взглядом, король мягко произнес:

— Два ближних купола — синий и белый — это купола святилища киндатов. Те серебряные, которые так ярко сверкают,

более крупные, это храмы Ашара. Очень скоро, на закате, мы услышим колокола, зовущие на молитву, даже отсюда. Помню, мне очень нравился их звон.

Диего знал, что король провел год в Аль-Рассане, в ссылке. Точно так же перед этим король Санчо Толстый отправил в изгнание в города неверных Раймундо и отца Диего. Этот эпизод был частью их семейной истории и каким-то боком связан с тем, почему Родриго перестал быть министром Вальедо.

Диего, чувствуя, что должен что-то ответить, пробормотал:

— Мой отец должен довольно хорошо знать этот город. Он бывал здесь раньше.

— Я это знаю, Диего. Как ты думаешь, ты сможешь мне сказать, когда он выйдет оттуда и где? Должен существовать какой-то другой выход из города. Ворота уже должны были запереть.

Диего поднял взгляд на короля.

— Я попытаюсь.

— Нам необходимо знать заранее. Я хочу оказаться в том месте, где он выйдет. Ты будешь знать, куда он направляется? В какую часть города?

— Иногда мне это удается. Не всегда. — Диего снова почувствовал себя виноватым. — Простите меня. Я не... не могу сказать, что я увижу. Иногда совсем ничего. Боюсь, я не очень...

На его плечо легла ладонь.

— Ты уже помог нам, и если Джад окажет нам обоим эту милость, поможешь еще. Поверь. Я говорю это не просто для того, чтобы успокоить тебя.

— Но как, государь?

Диего понимал, что ему не следует задавать этот вопрос, но он спрашивал себя об этом с тех пор, как покинул дом.

Король несколько мгновений смотрел на него сверху.

— Это не сложно, если разбираешься в боевых действиях. — Он нахмурился, подыскивая слова. — Диего, думай об этом так: ты знаешь, что люди не очень хорошо видят ночью в темноте. Считай, что война целиком происходит в темноте. Во время сражения или перед ним командующий, король знает только то, что происходит рядом с ним, и то не очень четко. Но если ты будешь со мной и твой отец станет командовать флангом моей армии — а я надеюсь, что так скоро и будет, клянусь Джадом, — то ты сможешь сообщать мне кое-что о том, что происходит в том месте, где он находится. Любые сведения, которые ты мне сообщишь, — это больше того, что я имел бы без тебя. Диего, ты мо-

жешь стать для меня лучом света, даром бога, позволяющим мне видеть в темноте.

Дунул ветер; зашуршали листья. Диего посмотрел на своего короля и с трудом глотнул. Странно, но в этот момент он чувствовал себя одновременно и более, и менее значительным, чем был. Он в замешательстве отвел взгляд. И снова взглянул на мощные стены и сверкающие купола Фезаны, но там он не нашел успокоения.

Он закрыл глаза. Знакомо закружилась голова. Он протянул руку и схватился за дерево.

Затем он оказался рядом с отцом и в ту же секунду понял еще кое-что. В тишине на краю леса Диего Бельмонте мысленно потянулся вдаль, стараясь послужить своей стране и своему королю, и оказался на улицах Фезаны. Он ощущал опасность, окружающую его отца, подобно огненному кольцу.

Это и был огонь, понял он.

С сильно бьющимся сердцем, не открывая глаз, он сосредоточился изо всех сил и сказал:

— Там факелы и большая толпа. Люди бегут. Дома горят. Рядом с моим отцом какой-то старик.

— Он слепой? — быстро спросил король.

— Не могу сказать. Все горит.

— Ты прав! Теперь и я вижу дым. Во имя Джада, что они там делают? Куда направляется твой отец?

— Господин, я не могу, я... погодите!

Диего изо всех сил старался сориентироваться. Он никогда своим внутренним зрением не видел настоящих лиц, только ощущал присутствие, ауру людей, и его отец — или мать, или брат — были в центре. Он ощутил высокие дома, стены, фонтан. Напор бегущих людей. Потом два купола, синий и белый.

За спиной отца. На востоке. Он открыл глаза, борясь с головокружением, и посмотрел на юг. Указал рукой.

— Они идут к стене в этой стороне города. Там должен быть выход, как вы сказали. Вокруг идет бой. Почему они сражаются, господин мой?

Он с тревогой посмотрел на короля. Лицо Рамиро стало мрачным.

— Не знаю. Могу лишь догадываться. Если твой отец находится вместе с бен Йонанноном и сражается, то, возможно, ашариты напали на киндатов в городе. Почему, не могу сказать. Но это нам на пользу — если Родриго оттуда выберется.

Это не утешало.

— Пойдем! — сказал король. — Ты снова помог мне. Ты мой луч света, Диего Бельмонте, воистину.

Не успел он произнести эти слова, как солнце село.

Над равниной к северу от Фезаны спустились сумерки, быстрые и прекрасные.

На западе последний алый отблеск окрасил небо. Блеск куполов погас. Диего взглянул на юг, пока они бежали к остальным, и увидел поднимающийся над городом дым.

Ему не позволили самому увидеть, смог ли его отец выбраться из города, и поздороваться с ним, если отцу это удалось. Король разрешил Фернану поехать с собой, а Диего — запретил. Он считал, что у стен слишком опасно, ведь короля сопровождали всего пятьдесят человек, чтобы тихо прокрасться к реке и рву в темноте.

Диего был в ярости. Ведь именно благодаря ему король знал, куда направляется отец, и только благодаря Диего он мог это сделать, а его лишили шанса поехать с ними. Оказывается, есть и свои недостатки в том, чтобы быть полезным королю Вальедо.

Фернан пришел в восторг, но у него хватило сострадания постараться скрыть это. Диего ему не удалось обмануть. Он смотрел, как его брат ускакал вместе с группой короля, потом повернулся и поехал прочь вместе со второй половиной передового отряда, мрачный и молчаливый. Иберо остался с ним, разумеется, а также — к удивлению Диего — граф Гонзалес де Рада.

«Возможно, — размышлял он, пока они ехали на запад вдоль реки, — министр не испытывает желания встречаться с Родриго так неожиданно. Возможно также, что министр очень серьезно относится к своей клятве охранять семью Родриго. Фернан находится при короле, поэтому Ганзалес остался с ним...» Диего задумчиво посмотрел на министра, но уже почти совсем стемнело, а они ехали, не зажигая факелов.

Далеко ехать не пришлось. Они увидели походные костры. Белая луна поднималась за их спинами, когда они приблизились к деревне, куда во второй половине дня начали съезжаться фургоны с продуктами. Диего сказали, что это самое подходящее место для размещения складов и припасов для осады. Так решили уже очень давно, те, кто знал эту местность.

Диего вместе с остальными въехал в крохотную деревню. Ашариты уже успели покинуть ее. Деревня вытянулась вдоль реки. На реке стояла водяная мельница. К их удивлению, почти

все дома выглядели новыми. До Диего донесся запах готовящейся еды. Тут он обнаружил, что страшно проголодался. Нелепо в такое время думать о еде. С другой стороны, сказал он себе, что еще здесь делать? Разве что ждать.

Он спрыгнул с коня рядом с Иберо и министром. Подбежали люди, чтобы взять у них коней. Диего обернулся назад и посмотрел на восток, туда, где висела низкая луна. Фернан уже должен находиться у реки и стен города, ждет, чтобы удивить отца. Все-таки это несправедливо, решил Диего.

Он огляделся. Конечно, у деревни было название — Фернан отметил ее на карте, — но Диего забыл его. Он почти ожидал, что Иберо сейчас потребует у него произнести это название. И готов был ответить чрезвычайно саркастично, если подобное произойдет.

Они находились недалеко от Фезаны, среди этой кучки хижин и домов, и ночью, под звездами, город обычно оставался невидимым. Но не сейчас. Диего видел красное зарево на востоке и знал, что Фезана горит. Сейчас там его отец.

При этой мысли он забыл о гневе и о голоде и закрыл глаза.

Он ощутил присутствие Родриго, близко от городских стен, но все еще внутри. Прямо за рекой он нашел Фернана. И с облегчением понял, что им не грозит непосредственная опасность. Никто не сражался поблизости от них. Повинуясь безотчетному порыву, Диего мысленно повернулся на север и нашел мать. Она находилась ближе, чем он ожидал.

Ему стало приятно, когда он узнал, где она находится. И что все они в безопасности на данный момент. Кажется даже, они скоро могут снова собраться вместе, здесь, в армии короля в Аль-Рассане. Это было бы хорошо. Это было чудесно. Диего открыл глаза, возвращая сознание в эту деревню, и, успокоившись, снова позволил себе подумать о еде.

В это мгновение он услышал звук, похожий на глухую дробь барабана, и первый вопль, который сразу же оборвался. А потом увидел мувардийцев.

В конце концов, это оказалось легко, как мувардийцы и ожидали. Не то чтобы для рожденных в пустыне это имело значение. Это даже вызывало досаду: когда война идет слишком легко, то в ней меньше славы.

Азиз ибн Дабир из племени зухритов был послан служить в Фезану правителем Картады, к которому его отправил его собственный повелитель, Язир ибн Кариф, властелин всей пустыни. Утром он повел сотню своих людей на запад от города. Они стояли на южном берегу Тавареса, потом перешли реку у брода, где она делала поворот и течение ее замедлялось.

В сумерках они прочитали вечернюю молитву, а затем, двигаясь очень осторожно, вернулись обратно на запад, к деревне Орвилья.

Много лет назад последний верховный правитель Картады и его советники рассчитали, что, если проклятые солнцепоклонники когда-либо отважатся двинуться на юг, на захват Фезаны, они, вероятно, выберут Орвилью в качестве базы для своего обоза на время осады. Это место было очевидным, и поэтому, вынужден был признать Азиз, план Альмалика Первого отличался хитростью. Это было правдой несмотря на то, что его придумали люди, пьющие вино в Аль-Рассане, а не воины племен, безгрешные перед лицом Ашара.

И все же именно воинов-маджритийцев послали в этот рейд. «Конечно, — подумал Азиз. — Кто из женоподобных мужчин, оставшихся в Фезане, мог бы осуществить его?»

Во время молчаливого перехода на восток Азиз поскакал вперед вместе с двумя своими лучшими дозорными. Спрятав коней, они поползли сквозь траву, чтобы посмотреть на Орвилью.

Все обстояло точно так, как было предсказано.

Джадиты, предсказуемые до глупости, действительно послали сюда свои фургоны. Те из их женщин, кто приехал на юг, почти наверняка прибудут в Орвилью завтра. Уверенные в том, что люди из сельской местности убежали в город, они не позаботились выделить большое охранение для тех, кто разбивал лагерь.

Азиз слышал беззаботный смех, видел, как ставили палатки, чувствовал запах мяса, уже готовящегося на кострах. Он поймал обрывки разговоров с характерным шипящим выговором Эсперанъи. Он не понял, что говорили. Это не имело значения. Имело значение то, что его соплеменники сейчас устроят здесь резню. Такую, которая потрясет этих захватчиков с севера до самой глубины их безбожной души. У Азиза были некоторые мысли по поводу того, как усилить этот эффект. Жаль, что женщин еще нет здесь: тогда все сложилось бы идеально. У Азиза уже давно не было женщины.

Он в задумчивости погладил головку молота, висящего у пояса, — его любимое оружие. До него молот принадлежал его

отцу, в том легендарном первом походе зухритов с далекого запада. Когда-нибудь он перейдет к его старшему сыну, если звезды Ашара позволят этому случиться.

В тот момент Ашар был с ним. Как раз когда Азиз уже собирался покинуть свой наблюдательный пункт и отдать приказ к нападению, что-то предупредило его об опасности. Он предостерегающе поднял руку, давая знак своим двум спутникам, и приложил ухо к земле. Стук копыт. Двое других сделали то же самое и смотрели в темноте на Азиза.

Они ждали. Через несколько минут мимо промчался отряд солдат на гордых вальедских жеребцах. Азиз жаждал заполучить этих коней почти так же сильно, как ему хотелось отрубить головы и половые органы мужчин, оседлавших их. Конечно, было темно, но в Орвилье горели костры, а Азиза бог благословил хорошим ночным зрением. Он насчитал пятьдесят всадников, не больше. С таким количеством они справятся, ему даже хотелось сразиться с ними. Теперь это будет бой, в котором можно стяжать славу.

Очень важно было точно рассчитать время. Им приказано завязать бой, а потом быстро отступить, чтобы не остаться отрезанными вне стен города. Он видел, как новые всадники въехали в Орвилью через ворота в низкой ограде, построенной заново после прошлогоднего пожара. Он наклонился к одному из своих людей и шепотом отдал приказ. Ничего сложного. Здесь нет необходимости затевать что-то сложное.

— Эти люди сейчас голодны и уязвимы. Вернись к остальным. Прикажи, чтобы атаковали сейчас же, во имя Ашара.

Звезды бога уже сверкали над ними. Новые джадиты спешились, пока он наблюдал за ними. Их коней увели слуги. Эти люди умеют сражаться, Азиз это знал, но пешими? Против сотни самых лучших воинов-мувардийцев?

Через секунду Азиз услышал топот копыт. Он встал и оглянулся. Увидел приближающуюся изогнутую цепочку своих соплеменников. Один из них подлетел к нему, держа повод коня Азиза. Азиз вскочил в седло на ходу. И достал из-за пояса свой молот.

Он услышал раздавшийся возле одного из костров крик. Крик резко оборвался. Кто-то выпустил стрелу. Потом раздались и другие крики, отчаянные крики людей, застигнутых врасплох.

Они перескочили через низкий забор. Тут Азиз тоже подал голос, он, торжествуя, громко выкрикнул имя Ашара под глядящими на них божественными звездами.

В ночной тьме они делали то, зачем прискакали из Фезаны. Они убивали, и не просто убивали. Здесь надо было оставить послание, и люди с севера должны заметить это послание.

Их ожидало некоторое сопротивление, и это даже доставило им удовольствие. Пятьдесят человек, которые только что прибыли, были солдатами, но они встретились с численным превосходством и сражались пешими, а мувардийцы точно знали, что делают.

Азиз уже вычислил командира солдат и взял его на себя, как поступают вожди племени, если хотят сохранить свою честь и положение. Он подскочил к этому человеку, в предвкушении размахивая молотом, но ему тут же пришлось резко нагнуться в седле, чтобы избежать удара меча. Северянин был уже немолод, но двигался быстро и чуть было не прикончил его. Азиз проскочил дальше, развернул коня и увидел, как его соплеменник, скачущий за ним, упал, сраженный вторым взмахом того же меча. Командир джадитов, черноволосый, высокий человек, вытолкнул убитого из седла и вскочил на коня одним движением. Оба вожака оказались лицом к лицу. Азиз улыбнулся. Это была жизнь, вот для чего живет мужчина.

Внезапно вальедец что-то крикнул и высоко поднял меч, потрясая им. Это был слишком нарочитый жест, он находился слишком далеко. Отвлекающий маневр.

Азиз инстинктивно обернулся и увидел мальчика с обнаженным мечом, приближающегося к нему сзади. Если бы этот враг пронзил его коня, Азиз мог бы погибнуть, но мальчик презирал подобную тактику, он метил в ребра мувардийца. Азиз отбил удар, а затем, как уже делал сотню раз, по крайней мере, обрушил свой молот наискось и вниз, отбив слабый клинок. Он проломил череп мальчика, почувствовал, как тот раскололся, словно яичная скорлупа.

— Диего! — закричал командир вальедцев.

Азиз громко рассмеялся. Смуглый вальедец послал вперед своего коня и рубанул по шее коня Азиза. Меч глубоко вонзился в нее. Животное заржало и встало на дыбы. Азиз попытался удержаться в седле, почувствовал, что соскальзывает, и увидал приближающийся меч северянина.

Если бы Азиз ибн Дабир не был столь сильным человеком, он бы погиб. Но он был мувардийцем из племени зухритов, отобранным специально для Аль-Рассана. Он выбросил свое тело из седла, уходя от удара меча, и упал на землю по другую сторону от своего коня.

Вскочил на ноги, держа наготове молот, хотя плечо у него болело. Но в этом уже не было необходимости. Азиз увидел, как на вальедца сзади набросились двое воинов пустыни. Меч одного из них вошел так глубоко, что пронзил грудь северянина насквозь, и тот упал на землю.

Понимая, что потерял в этой схватке нечто большее, чем достоинство, Азиз подошел и выхватил меч у второго соплеменника. Одним ударом в ярости отрубил убитому голову. Отдал команду, тяжело дыша. Один из его людей спрыгнул с коня и спустил нижнюю часть одежды убитого. Азиз, не стремясь действовать аккуратно, кастрировал вальедца. Потом схватил мертвого мальчика, перевернул его на живот и втащил безголового, изувеченного командира сверху, словно они были любовниками, убитыми во время соития.

Все это должно было сказать врагам кое о чем. Чтобы джадиты поняли со всей ясностью, с чем они столкнутся, если останутся на землях Ашара, так далеко от своих пастбищ на севере.

Азиз поднял взгляд. К ним приближался дозорный с восточного края деревни.

— Еще всадники! — крикнул он. — Скачут со стороны Фезаны.

— Сколько?

— Пятьдесят. Может, больше.

Азиз нахмурился. Ему очень хотелось остаться и одержать победу над этими людьми тоже, особенно учитывая собственный позор, но преимущество внезапности уже потеряно, и теперь вальедцы на конях и готовы к бою. Ему был отдан ясный приказ, и он слишком хорошо его понимал, чтобы ослушаться, чего бы ни требовала его гордость.

Он приказал отступать. Мертвые вальедцы лежали по всему лагерю. Еда и фургоны с припасами горели. Зухриты поскакали на север и перешли реку по узкому мосту. Последний человек разрубил доски, просто на всякий случай.

Они без приключений вернулись в Фезану, их узнали и впустили в южные ворота. Азиз доложил наместнику о проделанном. Потом его отряд немедленно отправили к остальным тушить пожары, которые начались в их отсутствие. По-видимому, кто-то выбрал неподходящий момент, чтобы начать совершенно правильное дело: разделаться с киндатами в городе.

Уже наступило позднее утро, когда Азиз ибн Дабир упал без сил на кровать. Плечо у него сильно разболелось во время трудов минувшей ночи. Он спал тревожным сном, несмотря на усталость, зная, что из Аль-Рассана скоро полетит известие на юг, через пролив, в пустыню.

Известие о том, как Азиз ибн Дабир чуть не потерпел поражение в бою с одним-единственным вальедцем, и спасло его лишь вмешательство его подчиненных. Азиз остро сознавал, что его вклад в нападение на Орвилью состоял всего лишь в убийстве ребенка, а потом в кастрации человека, которого убили вместо него другие. По обычаям племен пустыни, эту работу делали женщины. Возможно, Язир это простит, ведь он опытный командир, но его брат Галиб, который командует от его имени армиями маджритийцев, — вряд ли.

И еще Азиз случайно был одним из тех, кто знал происхождение того совершенно необычного талисмана, который Галиб ибн Кариф носит на шее.

* * *

За всю свою жизнь он ни разу не ощущал подобного ужаса. Его сердце стучало, как бешеное, пока он мчался по равнине; он думал, что может действительно потерять над собой контроль, упасть с коня и погибнуть под копытами скачущих следом коней.

«Возможно, это было бы благословением, — думал Родриго Бельмонте, — так же, как пристрелить лошадь или охотничью собаку, сломавшую ногу, было актом милосердия».

Он был похож на эту лошадь или эту собаку.

Он был отцом, который пытался обогнать время ради своего сына. В нем сидел ужас, он определял его, превращал его разум в пустоту страха.

Он не испытывал ничего подобного никогда прежде. Страх — да. Ни один честный солдат не может искренне утверждать, что он никогда не испытывал страха. Мужество заключалось в том, чтобы бороться с ним, победить его, подняться выше его и сделать то, что должен. Он много раз смотрел в лицо своей собственной смерти, боялся ее и умел победить этот страх. Но он никогда не чувствовал того, что испытывал сейчас, этой ночью в Аль-Рассане, мчась во весь опор к Орвилье во второй раз менее чем за год.

Подумав так, Родриго увидел горящие впереди костры и понял, будучи опытным солдатом, что он опоздал.

Мувардийцы — разумеется, это были мувардийские воины — уже ускакали к тому времени, когда он подъехал к низкой

ограде, послал через нее коня и спрыгнул на землю среди горящих фургонов, палаток и убитых, изувеченных людей, которых он знал.

Первым он нашел Иберо. Он не понимал, как этот человек здесь оказался. Маленький священник лежал в луже собственной крови, черной в свете костров. Ему отрубили руки и ноги. Они лежали на некотором расстоянии от тела, словно конечности сломанной детской куклы.

Родриго ощутил запах горящей плоти. Некоторых из солдат бросили в костры, на которых готовили еду. Он пошел, спотыкаясь, к центральной лужайке, которую помнил по прошлому лету. Надежды уже не осталось, но ему нечем было защищаться от этого. Он увидел отрубленную голову Ганзалеса де Рада и рядом с ней тело министра со стянутыми вниз лосинами, которое непристойно распростерлось поверх маленькой, лежащей лицом вниз фигурки мальчика.

Родриго снова услышал, как из груди у него вырвался какой-то звук.

Безмолвная мольба. О милосердии, о доброте, о том, чтобы время вернулось вспять и позволило ему поспеть сюда вовремя. Чтобы спасти своего сына или погибнуть вместе с Диего, если больше ничего ему не будет позволено сделать.

Звуки, картинки, запах горящей плоти исчезли где-то в отдалении. Он подошел к двум лежащим на земле телам.

Словно во сне, невероятно медленно, он опустился на колени и стащил тело Гонзалеса де Рады с распростертой фигурки своего сына. Тут он увидел — словно во сне, не веря своим глазам, — что еще сделали с министром Вальедо.

Потом осторожно, осторожно, словно во сне, он перевернул Диего лицом вверх на пропитанной кровью земле и увидел его разбитую голову. Тогда он заплакал, раскачиваясь из стороны в сторону, оплакивая лежащего в его объятиях сына, который покинул его.

Он слышал словно издалека, как подходят остальные. Кони. Шаги. Бегущие, потом медленные. Они остановились. Ему в голову пришла одна мысль. Он не поднял взгляд, не мог его поднять, но сказал тем, кто стоял рядом:

— Фернан. Остановите Фернана. Не позволяйте ему видеть это.

— Это я, папа. Ох, папа, он умер?

Тогда он поднял глаза. Заставил себя. У него остался в живых ребенок. Брат-близнец этого. Слитые воедино души. Всю

жизнь разные, но рожденные вместе, с одним лицом. Вместе всегда, против всех неожиданностей этого мира. А теперь этому конец. «Теперь Фернан почувствует себя обнаженным, — подумал Родриго, — ледяной ветер будет дуть там, где прежде находился его брат».

При свете горящих фургонов он увидел лицо Фернана. И Родриго Бельмонте понял в то мгновение, что мальчик никогда не сможет пережить это зрелище: своего мертвого брата в объятиях отца. Оно будет формировать его и определять его жизнь, и Родриго ничего не сможет поделать, чтобы этому помешать.

Он должен перестать плакать. Должен постараться.

Аммар ибн Хайран стоял рядом, за спиной Фернана. Он предупредил их, сразу же, но все равно слишком поздно. Он тоже в свое время повидал немало убитых. Убитых и осквернённых, чтобы передать послание, предостережение. Родриго внезапно вспомнил День Крепостного Рва и то, что сделал ибн Хайран с правителем Картады потом. Убийство. В некотором смысле, это ответ.

Он понял, что вот-вот потеряет над собой контроль.

— Аммар, пожалуйста, уведи его, — прошептал он. — Он не должен этого видеть. Иди с этим человеком, Фернан. Пожалуйста.

— Он умер? — снова спросил Фернан, игнорируя или не желая поверить ужасному доказательству — разбитой, кровоточащей голове брата.

— Пойдем, Фернан, — мягко произнес ибн Хайран голосом поэта. — Давай пойдем к реке и присядем ненадолго. Может быть, мы сможем помолиться, каждый по-своему. Сделай это для меня, прошу тебя.

Из того далекого мира, где он очутился, где все голоса звучали приглушенно, Родриго смотрел, как его сын уходит вместе с Аммаром ибн Хайраном из Альджейса. Ашаритом. Врагом. «Береги его», — хотел он сказать Аммару, но теперь в этом не было необходимости, слишком поздно. Урон уже нанесен.

Он снова опустил глаза на сына, которого обнимал. Диего. Малыш. Поэты всегда пишут о сердцах, разбитых любовью. Он сомневался, понимают ли они, что это такое. Абсурдно, но он чувствовал себя так, словно по его сердцу действительно прошла настоящая трещина, и эту трещину никогда не закрыть, никогда не залечить, и сердце никогда уже не будет целым. Мир ворвался в него и нанес ему неизлечимую рану.

Здесь присутствовало войско вместе с королем. Войско в

Аль-Рассане. Он смутно подумал о том, сколько человек ему предстоит убить в попытке — безнадежной с самого начала — отомстить и смягчить боль этого мгновения. Эта маленькая, обмякшая фигурка у него на руках. Диего.

Наверное, ничто и никогда уже не сможет проникнуть в его сознание.

— О, милостивый Джад! — услышал он чей-то голос. Рамиро, король Вальедо. — О, только не это, ради всего святого!

Рамиро поднял глаза. Голос короля прозвучал как-то особенно.

Приближались новые всадники с факелами. С севера. Не отряд короля, который встретил их у реки и городских стен. С другой стороны. Знамена Вальедо, освещенные пламенем.

Они подъехали и остановились. Он увидел королеву Вальедо, Инес.

Увидел, как его жена спрыгнула с коня и остановилась, глядя прямо на него, не двигаясь. Беззащитная.

Он не понимал, почему Миранда оказалась здесь. Почему все они оказались здесь. Но ему надо шевелиться, постараться оградить ее, хоть немного, от всего этого. Если сможет.

Осторожно, очень осторожно, он снова опустил Диего на холодную землю и встал. Одежда его пропиталась кровью, он, спотыкаясь, пошел к Миранде среди костров и убитых.

Он ладонями потер глаза, лицо. Казалось, его руки принадлежат кому-то чужому. Нужно найти какие-то слова, но их не было. Это сон. Он никогда больше не проснется.

— Прошу тебя, скажи мне, что он только ранен, — очень тихо произнесла его жена. — Родриго, пожалуйста, скажи, что он всего лишь ранен.

Он открыл рот и закрыл его. Покачал головой.

Тогда Миранда закричала. Имя. Только имя. Так же, как раньше это сделал он. Этот крик пронзил его, словно копье.

Он протянул руки, чтобы обнять ее. Она пробежала мимо него, туда, где лежал Диего. Теперь вокруг него собрались другие люди. Обернувшись, Родриго увидел, что Джеана уже там. Она стояла на коленях рядом с его сыном. Еще один человек из отряда королевы, которого он не узнал, стоял с другой стороны. Миранда остановилась рядом с ними.

— О, пожалуйста, — произнесла она жалким голосом, которого он никогда раньше не слышал. — Пожалуйста.

Она опустилась на колени рядом с Джеаной и взяла руки Диего в свои ладони.

Он увидел, что Фернан возвращается от реки с ибн Хайраном. Наверное, он услышал крик матери. Теперь Фернан плакал, лицо его было искажено горем. Ветер насквозь продувал его.

Только сегодня утром, по дороге в Фезану, Родриго Бельмонте, если бы его спросили, ответил бы, что мир — трудное место, но интересное, и назвал бы себя человеком, которого бог благословил превыше его заслуг любовью, дружбой, и делом, достойным мужчины.

Но сегодня утром у него еще было двое сыновей.

Он вернулся туда, где лежал Диего. Кто-то — кажется, король, — набросил свой плащ на изувеченное тело Гонзалеса де Рады, лежащее рядом. Фернан стоял за спиной матери. Он не искал утешения, понял Родриго. Он стоял очень тихо и плакал, положив руку на плечо Миранды, и смотрел на брата. Ему тринадцать лет.

Джеана закончила осмотр и подняла взгляд на Родриго.

— Он не умер, но, боюсь, умирает. — У нее было бледное лицо, а одежда еще мокрая после реки. Все это так походило на сон. — Родриго, мне очень жаль. Удар проломил ему голову, вот здесь. Слишком сильный удар. Он не очнется. Это будет быстро. — Она взглянула на сидящую рядом женщину, которая держала руки своего ребенка. — Он... ему сейчас не больно, госпожа.

Однажды, в Ragозе, ему приснился сон, такой странный сон, как обе они, Миранда и Джеана, стоят где-то на закате. Никаких разговоров или ясных деталей, просто стоят вместе на закате дня.

Однако здесь было темно, и они стояли на коленях на земле. Миранда ничего не ответила, не шевельнулась, она смотрела на сына. Потом она все же пошевелилась, освободила одну руку и приложила ее, очень осторожно, к разбитой голове Диего.

Джеана снова посмотрела на него, и Родриго увидел в ее глазах печаль и гнев. Гнев на то, что они не могут победить, на то, что слишком рано отнимает у человека жизнь, делая лекарей бессильными. Она посмотрела на незнакомого мужчину, стоящего по другую сторону от Диего.

— Вы лекарь? — спросила она.

Он кивнул.

— Лекарь королевы, раньше служил в армии.

— Тогда я вам тут помогу, — тихо сказала она. — Возможно,

есть другие, которым нужна наша помощь. Не может быть, чтобы они все умерли. Возможно, мы еще сможем кого-то спасти.

— Вы это сделаете? — спросил мужчина. — Для армии джадитов?

На лице Джеаны промелькнуло нетерпение.

— Что касается этого, — ответила она, — то я являюсь лекарем отряда Родриго Бельмонте. После сегодняшней ночи не знаю, но на данный момент я в вашем распоряжении.

— Можно я возьму его на колени? — прошептала Миранда Джеане. Словно до сих пор никто ничего не говорил.

Родриго беспомощно сделал еще шаг вперед.

— Вы ничем не можете ему повредить, госпожа. — Голос Джеаны звучал так мягко, он никогда не слышал у нее такого голоса. — Конечно, можно. — Она поколебалась, потом повторила: — Ему не больно.

Она собралась подняться с колен.

— *Джеана, погоди, — раздался за их спинами другой голос.* Женский голос. Родриго обернулся, очень медленно. — Твой отец хочет осмотреть мальчика, — сказала Элиана бет Данил.

В Аль-Рассане, в Эсперанье, Фериересе, Карше, Батиаре — даже, позднее, в далеких восточных землях ашаритов, — то, что произошло той ночью в горящей деревне возле Фезаны, стало легендой, которую рассказывали так часто в среде лекарей, при дворах правителей, в военных отрядах, университетах, тавернах, храмах, что она приобрела ауру магии и волшебства.

Конечно, в этом не было ничего сверхъестественного. То, что сделал Исхак бен Йонаннон, слепой, при свете белой луны, звезд и факелов в руках тех, кто ему помогал, было сделано так же аккуратно и тщательно, как и то, что он сделал пять лет назад в Картаде, когда помог родиться последнему сыну Альмалика Первого, и было таким же чудом.

И даже бóльшим чудом. Незрячий, способный общаться только через жену, которая понимала каждый произнесенный им неясный слог, впервые взявший в руки хирургические инструменты, с тех пор как его ослепили, действуя на ощупь, по памяти и инстинктивно, бен Йонаннон сделал операцию, на возможность которой только намекал Галинус.

Он вырезал отверстие в черепе Диего Бельмонте вокруг того места, где удар мувардийца раскроил голову мальчика, и вынул осколок кости, вонзившийся в пугающе обнаженный мозг под

отодвинутым назад скальпом и открытым черепом. Тот осколок, который должен был убить сына Родриго, еще до того как голубая луна присоединится к белой на небосводе.

В трактатах Галинуса это называлось трепанацией. Джеана о ней знала, как, по-видимому, и Бернар д'Иньиго, лекарь джадитов, который им ассистировал. И еще они оба знали, что ее никто и никогда не делал.

Джеана все время думала о том, что сама даже не попыталась бы это сделать. Ей бы в голову не пришло попробовать, счесть это возможным. С благоговением, все время борясь с желанием расплакаться, она смотрела, как твердые, уверенные руки отца ощупали края раны, обвели ее, потом взяли маленькую пилу и резец и вырезали отверстие в голове Диего Бельмонте.

Он отдавал им распоряжения, когда нуждался в их помощи. Ее мать, стоя над ними, под факелом, который держал сам король Вальедо, переводила его слова. Джеана или Бернар выполняли приказ — подавали скальпель, пилу, зажим, промокали сильно текущую кровь там, где Исхак отвел назад кожу на голове мальчика. Диего держали в сидячем положении, чтобы кровь стекала мимо раны.

Его держал отец.

Глаза Родриго оставались закрытыми почти все время, он сосредоточился на том, чтобы стать совершенно неподвижным, потому что Исхак через Элиану сказал, что это непременное условие. Возможно, он молился. Джеана не знала. Но видела, растроганная до слез, что Диего ни разу не дрогнул. Родриго держал сына неподвижно, как скала, он ни разу не пошевелился на протяжении всей этой невероятной операции вслепую на равнине.

Один раз у Джеаны возникла странная иллюзия: ей показалось, что Родриго мог бы сидеть так, держа сына в объятиях, вечно, если бы понадобилось. Что он, возможно, даже хочет сидеть так вечно. Камень, статуя, отец, делающий то единственное, что ему оставалось, что ему было позволено.

Разбитая кость черепа отделилась одним уродливым, зазубренным куском. Исхак велел Джеане проверить открытую рану, чтобы убедиться, что он вынул кость целиком. Она нашла два небольших фрагмента и удалила их с помощью пинцета, поданного ей д'Иньиго. Затем они с вальедским лекарем сшили лоскуты кожи и забинтовали рану, а когда закончили, остались стоять на коленях по обе стороны от мальчика.

Потом Диего положили на землю, и Родриго молча встал

над ним рядом с Мирандой. Фернан стоял позади матери. На взгляд Джеаны, он очень нуждался в лекарстве, которое усыпило бы его. Но она сомневалась, что он согласится его выпить.

Белая луна уже находилась прямо над головой, а голубая поднималась на востоке. Костры погасли. Подошли другие лекари, вызванные из основной части армии, расположившейся к северу от них. Они занимались уцелевшими людьми. Таких было не слишком много.

«Кажется, прошла бездна времени», — осознала Джеана. Исхак, которого вели Элиана и Аммар, отошел в сторонку и сел на походный стул, который ему принесли.

Джеана и лекарь-джадит, д'Иньиго, смотрели друг на друга через тело лежащего мальчика. «У д'Иньиго уродливое лицо, но добрые глаза», — подумала Джеана. Во время операции он действовал спокойно и профессионально. Она не ожидала этого от вальедского лекаря.

Д'Иньиго откашлялся, стараясь прогнать усталость и волнение.

— Что бы со мной ни случилось, — начал он и замолчал. Снова глотнул. — Что бы со мной ни случилось, что бы я ни делал потом, этим мгновением в моей жизни лекаря я всегда буду гордиться. Тем, что сыграл свою маленькую роль. Вместе с вашим отцом, который... которого я так глубоко уважаю. За его работы и... — Он замолчал в сильном волнении.

Джеана почувствовала, что безмерно устала. Наверное, ее отец совсем обессилел. Но это никак не проявлялось внешне. Если она даст себе волю, то начнет вспоминать, что совсем недавно произошло в Фезане, а этого делать нельзя. Пока рано. Ей необходимо сохранить самообладание.

— Он может не выжить. Вы это понимаете, — сказала она.

Д'Иньиго покачал головой:

— Он выживет. Выживет! Вот в чем чудо. Вы видели, что было сделано, как и я. Кость удалена! Это было сделано безупречно.

— И мы понятия не имеем, может ли человек выжить после подобного вскрытия черепа.

— Галинус говорил...

— Галинус никогда такого не делал! Для него это было святотатством. Для ашаритов, для киндатов. Для всех нас. Вы это знаете! — Она не хотела повышать голос. На них начали оглядываться.

Джеана снова перевела взгляд на лежащего без сознания

мальчика. Теперь его устроили на постели и подушке и накрыли одеялами. Он был очень бледным из-за большой потери крови. Сейчас в этом заключалась одна из опасностей. Одна из многих. Джеана положила пальцы на его шею. Пульс бился ровно, разве что слишком быстро. Но, проверяя пульс и глядя в лицо Диего, Джеана поняла, что и она тоже уверена в том, что мальчик останется жив. Это непрофессионально, она повинуется эмоциям.

Но она была абсолютно в этом уверена.

Она подняла глаза на Родриго и на его любимую жену, мать этого мальчика, и кивнула головой.

— Он хорошо справляется. Так хорошо, как только можно надеяться, — сказала она. Потом встала и пошла туда, где находились ее мать и отец. Аммар был с ними, и это хорошо. Очень хорошо.

Джеана опустилась на колени у ног Исхака и положила голову на его колени, как делала когда-то, еще маленькой девочкой, и почувствовала, что руки отца, его сильные, спокойные, уверенные руки, легли на ее голову.

Через некоторое время она встала, потому что, по правде говоря, она уже не была маленькой девочкой, живущей в доме родителей. Она повернулась к мужчине, которого любила одного среди всех мужчин в мире, и Аммар открыл ей объятия, а она позволила ему своим прикосновением заставить ее ненадолго забыть то, что произошло с ее народом в городе в ту ночь.

Глава 17

Альвар де Пеллино той ночью крепко держал факел над Диего Бельмонте. Потом он видел, как отец Джеаны устало отошел вместе с женой на край деревни, а затем в одиночестве вышел, спотыкаясь, через восточные ворота на луг. Там он опустился на колени и начал молиться, стоя на коленях и медленно покачиваясь взад и вперед.

Хусари подошел и остановился рядом с Альваром. Он был весь грязный от крови, пепла и пота, так же, как сам Альвар. Хусари тихо шепнул:

— Это плач киндатов. Под двумя лунами. Плач по умершим.

— В Фезане?

— Конечно. Но насколько я знаю этого человека, он часть молитвы посвятит Веласу.

Альвар вздрогнул. Снова посмотрел на фигуру человека,

стоящего на коленях в темноте. К своему стыду, он забыл о Веласе. Родители Джеаны только сегодня услышали о его гибели. Глядя на то, как старый лекарь медленно раскачивается взад и вперед, Альвар внезапно снова ощутил спокойную уверенность, которая посетила его еще во время путешествия на запад: в конечном счете, ему не суждено стать солдатом.

Он умел убивать, и очень неплохо, по-видимому; у него хватало мужества, хладнокровия и мастерства, но сердце его не лежало к бойне сражений. Он не мог говорить о них словами поэтов, как о славных подвигах, о турнирах, о полях славы, на которых мужчины могут добыть себе честь.

Он понятия не имел, какой у него может быть выбор, но понимал, что эта ночь — не время для размышления о подобных вещах. Сзади послышались шаги, и Альвар обернулся. К ним подошел Родриго.

— Альвар, я был бы тебе очень благодарен, если бы ты пошел со мной. — Голос Родриго звучал мрачно; в нем чувствовалась бесконечная усталость. Диего все еще не пришел в сознание; Джеана сказала, что он, вероятно, будет в таком состоянии всю ночь и утро. — Я думаю, мне понадобится свидетель того, что произойдет дальше. Ты в порядке?

— Конечно, — быстро ответил Альвар. — Но что?..

— Король хочет поговорить со мной.

Альвар с трудом глотнул.

— И вы хотите, чтобы я...

— Хочу. Мне нужен один из моих людей. — На лице Родриго промелькнула тень улыбки — Тебе случайно не надо отлить?

Промелькнуло воспоминание, яркое, как луч света.

Он пошел вместе с Родриго туда, где король совещался с дозорными. Рамиро заметил их приближение и удивленно поднял брови в сторону Альвара.

— Ты хочешь, чтобы с нами был кто-то третий?

— Если не возражаете, государь. Вы знаете сына Пеллино де Дамона? Это один из моих самых доверенных людей. — Теперь в голосе Родриго появилось напряжение, и Альвар его услышал.

— Не возражаю, — ответил король, — но если ты так высоко ценишь его, то и я надеюсь лучше узнать его в будущем.

Альвар поклонился.

— Благодарю вас, государь. — Он сознавал, что у него устрашающий вид. Как во время сражения у воина.

Рамиро отпустил разведчиков, и они втроем направились к

северной ограде деревни, а потом вышли через открытые Альваром ворота на равнину.

Дул ветер. Они не взяли с собой факелов. Костры остались позади, и большая их часть уже погасла. Лишь луны и звезды сияли над широким пространством вокруг них. Было слишком темно, и Альвар не мог прочесть выражения лиц своих спутников. Он хранил молчание. Свидетель. Только он не знал — чего.

— Я рад, что ты вернулся. У тебя есть вопросы. Задай их, — сказал король Вальедо. — Затем я расскажу тебе то, чего ты не знаешь.

Родриго холодно ответил:

— Хорошо. Начнем с моих сыновей. Каким образом они здесь оказались? Возможно, вы недолго будете радоваться моему присутствию здесь. Это будет зависеть от ваших ответов.

— Ваш священник написал письмо Жиро де Шервалю, верховному клирику Фериереса, который остановился у нас на зиму, совершая паломничество на остров Васки В своих проповедях де Шерваль призывал начать священную войну вместе со своими собратьями в Эшалау и Орведо. Ты знаешь, что армия отплыла из Батиары?

— Знаю. Что за письмо?

— В нем он объяснял дар твоего сына. Высказывал предположение, что мальчик может пригодиться в войне с неверными.

— Иберо это сделал?

— Я покажу тебе письмо, сэр Родриго. Это было предательством?

— Да.

— Он наказан за него, — сказал король.

— Не мною.

— Какая разница? Он был служителем господа. Его будет судить Джад.

Воцарилось молчание.

— Продолжайте. Письмо пришло в Эстерен?

— И де Шерваль попросил у меня разрешения послать за мальчиком. Это было после того, что произошло в Карказии. Ты об этом слышал?

Родриго кивнул.

— Кое-что.

— После этих событий я приказал собрать войско и послал людей за твоим сыном. Его брат настоял на том, чтобы приехать вместе с ним. Твоя жена последовала за ними и присоединилась к королеве. Я тоже должен понести наказание, Родриго?

Голоса обоих мужчин звучали холодно и четко. В темноте, на этом резком ветру, у Альвара возникло ощущение, что он слышит первые слова разговора, который назревал уже давно.

— Я пока не знаю, — напрямик ответил Родриго Бельмонте. Альвар мигнул. Капитан разговаривал с помазанным монархом. — Что случилось в Карказии? Вам стоит рассказать мне об этом.

— Я и собирался. Альмалик Второй воспользовался услугами шпиона при дворе моего брата в Руэнде и попытался организовать убийство королевы. Это был хитрый ход, и он почти удался. Если бы королева умерла и я обвинил бы в ее смерти Санчеса, это разрушило бы любой союз и втянуло нас в войну друг против друга. Я чуть не выступил против Руэнды, я бы это сделал, если бы королева умерла.

— Но?

— Лекарь, д'Иньиго, который помогал оперировать твоего сына сегодня ночью, сумел спасти королеву, чего не могли сделать ее собственные лекари. Он догадался по виду раны, что стрела отравлена, и дал ей противоядие.

— Значит, мы многим ему обязаны, — сказал Родриго.

— Да. Он сказал, что узнал этот яд по описанию его в работах одного лекаря-киндата из Фезаны.

Снова молчание. Альвар увидел, как небо прочертила звезда и упала на западе. Рождение, смерть. В народных сказках, которые он слышал с детства, встречалось или то, или другое. Как далеко он сейчас от дома!

— Понятно. Я собирался просить вас, — сказал Родриго, — что бы потом ни случилось, позаботиться о благополучии сэра Исхака и его семьи.

— Тебе не надо просить, — ответил король. — Это уже сделано. Ради королевы и твоего сына. Что бы потом ни случилось.

Альвар увидел, что Родриго склонил голову при лунном свете. Облачко проплыло по лику белой луны, сгустив темноту.

— Д'Иньиго сообщил мне еще кое-что, — тихо произнес король. — Он сказал, что использован яд, известный только в Аль-Рассане. В Руэнде его почти невозможно достать, там он даже не известен.

— Понятно. — Тон Родриго изменился. — Вы написали брату в Руэнду?

— Написал. Рассказал ему то, о чем узнал. Он удрал после встречи, опасаясь нашего нападения. Как я уже говорил, я готов был это сделать, сэр Родриго. Если бы королева умерла...

— Я могу это понять, государь.

— Санчес прислал ответ. Они разоблачили картадского шпиона и нашли в его доме стрелы, пропитанные тем же ядом. Мой брат благодарил меня.

— Конечно. Насколько он способен быть благодарным. — Тон Родриго был сухим.

— Он пошел довольно далеко. Он согласился прибыть на юг одновременно со мной. Сейчас он на пути в Салос.

Это была новость. Альвар видел, как Родриго обдумывает ее.

— А Халонья? — тихо спросил он. — Ваш дядя?

— Направляется в Рагозу и Фибас. Это уже происходит. Клирики все-таки получили свою священную войну, сэр Родриго.

Родриго покачал головой.

— Три захватнических войны, так мне кажется.

— Конечно. — Теперь король, в свою очередь, говорил сухо: — Но клирики едут вместе с нами, и если я еще верю, что мой дядя и брат не повернут обратно и не нападут на Вальедо, то только благодаря клирикам.

— И благодаря клирикам моего сына привезли сюда?

— Его вызвали сюда потому, что я, в своем гневе, позволил доставить мне предложенное оружие.

— Он ребенок, а не оружие, государь.

— Он и то, и другое, сэр Родриго. Как посмотреть. А наша страна воюет. Сколько лет было тебе, когда ты впервые выступил в поход вместе с Раймундо в войске моего отца?

Молчание вместо ответа. Ветер в высокой траве.

— Вот моя история. Я все еще заслуживаю наказания? — мягко спросил король Раймундо. — Надеюсь, что нет. Ты необходим мне, Родриго. Вальедо сегодня ночью лишился министра, у нас нет главнокомандующего, а мы стоим в Аль-Рассане.

Альвар резко втянул воздух. Ни один из собеседников даже не взглянул на него. Его могло бы и не быть рядом с ними в темноте.

— Вы упомянули имя, — произнес Родриго, и его голос прозвучал не громче шепота, — своего покойного брата.

Альвар вдруг задрожал. Он очень устал, а ночной бриз становился все холоднее, и он начал ощущать свои раны, но причина его дрожи крылась в другом.

— Я всегда думал, — сказал король Рамиро, — что нам придется прийти к этому, тебе и мне.

Он замолчал, и через мгновение Альвар осознал, что король смотрит на него оценивающим взглядом. «Именно ради этого, — понял Альвар, — Капитан хотел его присутствия здесь».

Король снова заговорил, совсем другим тоном.

— Ты искренне любил его, правда? Я не мог... никогда не мог понять, почему все так сильно любят Раймундо. Даже наш отец. Это было очевидно. Даже его очаровал мой брат. Отец отдал ему Вальедо. Скажи мне, сэр Родриго, ответь на этот раз на мой вопрос: ты действительно думаешь, что Раймундо стал бы лучшим королем, чем я, если бы остался в живых?

— Это не имеет значения, — ответил Родриго тем же напряженным, сдавленным шепотом.

— Это имеет значение. Ответь мне.

Молчание. Ветер и быстрые облака над головой. Альвар услышал вдали, на равнине, крик какого-то животного. Он взглянул на Капитана при лунном свете и подумал: «Он боится».

Родриго сказал:

— Я не могу ответить на этот вопрос. Он умер слишком молодым. Мы не знаем, каким бы он вырос. Я знаю, что вы хотите от меня услышать. Что у него было больше обаяния, чем сил. Что он был эгоистичен и безрассуден, и даже жесток. Это правда. Он был таким в те или иные моменты. Но когда я в конце жизни предстану перед судом Джада, я скажу: я знал только одного человека, дни и ночи которого были настолько полны жизни и наслаждений. Вы — дальновидный и сильный король, государь. Охотно отдаю вам должное. Но я действительно любил вашего брата. Мы были молоды, вместе отправились в ссылку и вместе вернулись домой с триумфом, и я всегда считал, что его убили.

— Его убили, — подтвердил король Рамиро.

Альвар с трудом глотнул.

Родриго невольно поднял руку и прикоснулся ко лбу. Он застыл так на секунду, потом опустил руку.

— И кто же его убил? — Голос Капитана сорвался.

— Гарсия де Рада. — Слова короля прозвучали ровно, без всякого выражения. — Ты всегда так думал, правда?

Тут Альвар снова увидел картинку из прошлого, освещенную факелами. Та же деревня. Свист хлыста Родриго, удар по лицу Гарсии де Рада, раскроивший ему щеку. Лаин Нунес, пытающийся сдержать черную ярость Капитана. Холодные, гневные слова — обвинение в убийстве короля.

Он услышал, как Родриго медленно выдохнул. Альвару плохо было видно его лицо, но он увидел, как Капитан скрестил на груди руки, словно крепко прижал к себе что-то.

— Гарсии было — сколько? — семнадцать, восемнадцать лет

в тот год? — спросил Родриго. — Он действовал по приказу своего брата?

Рамиро заколебался.

— Я говорю правду, сэр Родриго, поверь мне. И отвечу: я не знаю. Даже сегодня ночью, когда Гонзалес мертв, я не знаю этого наверняка. Я всегда думал, что это не так. Я верю, что граф Гонзалес не виновен в смерти моего брата.

— Боюсь, я не разделяю вашей уверенности. Мог ли восемнадцатилетний юноша убить своего короля без чьих-то указаний?

— Не знаю, — снова повторил король Рамиро. Помолчал. — Следует ли мне напомнить, что Гонзалес де Рада умер сегодня ужасной смертью, потому что не отходил от Диего с того момента, как твои мальчики приехали в войско?

Родриго не смягчился.

— Он дал мне клятву в прошлом году. Он защищал честь своей семьи.

— Так мог ли он убить своего короля?

— Он ценил много других вещей, государь. Власть и богатство, в том числе. Он тоже тогда был моложе. Он мог это сделать. Вы могли бы сказать мне.

— Я сказал тебе, во что я верю.

— Да. И это оставляет нам последний вопрос, не так ли? Вы знаете, что это за вопрос, государь.

Теперь и Альвар знал это. Последний вопрос. Что следует за последним вопросом? Он хотел бы оказаться где-нибудь в другом месте.

Король тихо сказал:

— Я не питал любви к Раймундо. Да и к Санчесу тоже. И они меня не любили. Это не было тайной, видит Джад. Наш отец выбрал своеобразный способ воспитания трех своих сыновей. Но я знал, что могу сделать больше для Вальедо и, возможно, когда-нибудь для всей Эспераньи, чем любой из моих братьев. Я это знал. В свое время, в ссылке, здесь, в Аль-Рассане, когда ко мне на юг приехали люди, чтобы поговорить, я, не стану отрицать, выразил свой гнев по поводу того, что Вальедо после смерти нашего отца отдадут Раймундо. Конечно, так и произошло.

Король замолчал. Альвар снова услышал крик животного далеко в темноте. Король Рамиро продолжил:

— Очень возможно, что кто-то, слышавший меня в таверне или в винной лавке, мог прийти к выводу, что, если бы Раймундо умер... внезапно, я бы не был огорчен.

Облака соскользнули прочь с лика белой луны. Альвар увидел, как король смотрит на Родриго при свете двух лун.

— Я не был бы огорчен. И я не огорчился. Не стану лгать. Но клянусь Джадом, жизнью моей королевы, могу поклясться, чем хочешь, по твоему выбору, я не приказывал его убить и не знаю, как это сделали.

— Тогда откуда вам известно, — спросил непримиримый Родриго, — что это сделал Гарсия?

— Он сказал мне. Он хотел рассказать мне больше. Я его остановил.

Ладони опущенных рук Родриго сжались в кулаки.

— И это все, что вы сделали? Остановили его, чтобы он вам не рассказывал? И я должен в это поверить? Никакого наказания, никакого разоблачения? За убийство короля? Вы сделали его брата министром Вальедо. Вы позволили Гарсии жить, как ему заблагорассудится, делать то, что пожелает, все эти годы, пока он чуть не убил мою жену и сыновей?

— Да, — тихо ответил Рамиро. — Я позволил ему жить собственной жизнью. Гонзалес де Рада стал министром, потому что был достоин этой должности — не отрицай, — и потому что ты не стал бы служить мне после того, как Раймундо умер.

— После того как он был убит!

Король слегка развел руками и пожал плечами.

— После того как он был убит. Гарсия никогда не получил бы должности, званий, власти... ничего подобного. Ты можешь обдумать этот факт, учитывая то, как много он мог ожидать по своему высокому происхождению. Откровенно говоря, я подумывал приказать, чтобы его убили, поскольку он представлял собой опасность и стеснял меня, и еще потому, что я ненавидел этого человека. Но я... понимал, что он убил Раймундо, рассчитывая заслужить мое одобрение, и у него были... веские причины так думать. Я бы не убил человека по этой причине. Да, я позволил ему жить. Сохранил тайну. Позволил Гонзалесу служить мне и Вальедо. С честью. Ты был человеком моего брата. Я бы не стал просить у тебя помощи или одобрения, сэр Родриго, ни взойдя на престол, ни потом. И сейчас не стану. Я считаю, что ты был одним из тех, кто не видел истинной сущности Раймундо, и что оправданием тебе служит то, что ты был тогда молод.

Альвар услышал, как изменился голос короля.

— Теперь это больше не может служить оправданием. Мы уже не молоды, Родриго Бельмонте, и все эти события остались в прошлом, с ними покончено. Я не стану умолять, но я спрошу. Сегодня ночью я сказал тебе правду. Всю правду. Ты станешь моим министром? Возьмешь на себя командование моей армией?

Альвар уже давно открыл для себя, что Родриго Бельмонте обладал способностью замирать в полной неподвижности. Он сейчас повел себя именно так, и надолго замер.

— Я не считаю, — в конце концов пробормотал он, — что с прошлым действительно покончено. — Потом спросил, более уверенно: — Командовать войском ради достижения какой цели, государь?

— Чтобы захватить Фезану. И Картаду. И Силвенес. Лонзу. Альджейс. Элвиру. Все, что смогу. — Ответ прозвучал решительно.

Альвар почувствовал, что его снова охватила дрожь.

— А потом?

— А потом, — ответил король Рамиро так же откровенно, как раньше, — я намереваюсь оккупировать королевство дяди, Халонью. А потом Руэнду, королевство брата. Как ты сказал, эта кампания только называется священной войной. Я хочу вернуть Эсперанью, сэр Родриго, и не только земли, где с позволения халифов правил мой отец. Я хочу получить весь полуостров. До того как я умру, я намереваюсь омыть копыта своего коня в морях юга, запада и севера и подняться в горы, чтобы взглянуть сверху на Фериерес, и хочу знать, что все те земли, через которые я ехал, — это Эсперанья.

— А потом? — Странный вопрос, в некотором смысле.

— А потом, — ответил король Рамиро уже мягче, почти с юмором, — я, вероятно, отдохну. И попытаюсь, с опозданием, заключить мир с Джадом за все мои прегрешения под лучами его света.

Альвар де Пеллино, который весь этот долгий год и эти ужасные день и ночь прокладывал путь к новому пониманию самого себя, осознал: эта картина потрясла его настолько, что он потерял способность говорить или ясно мыслить. Кожа его горела, волосы на затылке поднялись дыбом.

Причиной было само величие этого видения. Погибшая и покоренная Эсперанья снова станет одним целым, одним королевством джадитов на всем огромном полуострове, и в сердце этого королевства будут Вальедо и его всадники. Альвару страстно захотелось участвовать в этом, видеть, как это осуществится, въехать на своем коне в эти моря и подняться в горы вместе с королем. И все же, пока его сердце слушало этот зов славы, он

сознавал ту бойню, которая лежит в основе мечты короля и которая парит над ней, подобно стервятникам над полем боя людей.

Он с острым отчаянием подумал: «Сумею ли я когда-нибудь примирить в себе эти вещи?»

Тут он услышал, как Родриго Бельмонте очень спокойно произнес:

— Вы могли рассказать мне о Гарсии давным-давно, государь. Думаю, я бы вам поверил. Я и сейчас вам верю. Я буду с вами, если вы того желаете.

И он опустился на колени перед королем и протянул сложенные вместе ладони. Родриго несколько секунд молча смотрел на него сверху вниз.

— Ты бы не поверил, — сказал он. — Ты бы всегда сомневался. Нам надо было постареть, тебе и мне, чтобы я это сказал, а ты услышал. Сомневаюсь, сможет ли твой юный солдат это понять.

Альвар покраснел в темноте, потом услышал ответ Капитана:

— Вы можете удивиться, государь. Но он — больше, чем солдат. Позже я расскажу вам, что он совершил сегодня вечером в Фезане. Если я стану вашим министром, то вот моя первая просьба: я хочу, чтобы Альвар де Пеллино стал моим герольдом, носил жезл Вальедо и передавал наши слова звезднорожденным.

— Это большая честь, — сказал король. — Он очень молод. И это опасная должность во время этой войны. — Он махнул рукой в сторону деревни за их спиной. — Ашариты, возможно, не станут соблюдать закон о неприкосновенности герольдов.

Родриго покачал головой.

— Будут. В этом я уверен. Они ценят свою честь не меньше, чем мы. Даже мувардийцы. В каком-то смысле, особенно мувардийцы. А Альвар справится со своими обязанностями.

Рамиро послал Альвару свой оценивающий взгляд при свете лун.

— Ты хотел бы этого для себя? — спросил он. — Храбрый юноша в бою может добыть себе больше славы, чем на этой должности.

Альвар опустился на колени рядом с Родриго Бельмонте и поднял сложенные ладони.

— Хотел бы, — ответил он, и едва произнес эти слова, как понял, что действительно хочет; это именно то, чего бы он желал. — Я тоже клянусь вам в верности, если вы примете меня, государь.

Король взял в свои ладони руки Родриго, потом также взял руки Альвара.

— Так пойдем же вперед отсюда и начнем отвоевывать потерянную когда-то землю.

Казалось, он хотел сказать больше, но не сказал. Они встали и пошли обратно, в Орвилью. Но Альвар, не в силах удержаться от мыслей даже в такой момент, сказал себе: «А чья земля будет разрушена и потеряна во время нашего похода?»

Он знал ответ. Это был не совсем вопрос. В душе новоявленного герольда Вальедо боролись гордость и пронизывающее до костей дурное предчувствие.

Приблизившись к деревне, он увидел Джеану. Она стояла у северных ворот и ждала их рядом с Аммаром ибн Хайраном. И, глядя на ее маленькую, прямую фигурку при смешанном свете лун, Альвар почувствовал, как к нему возвращается и любовь тоже, горькая и сладкая, среди оружия и крови, пролитой сегодня ночью и которой предстоит пролиться в грядущие дни.

* * *

Она издалека видела, как оба они опустились на колени: сначала Родриго, потом Альвар.

Стоящий рядом Аммар мягко произнес:

— Сейчас он стал министром. — И когда она быстро взглянула на него, прибавил: — Так лучше для них обоих, для Родриго и короля. Ему следовало быть министром все эти годы.

Она взяла его за руку. За ними плыл дым, хотя костры почти все погасли. Хусари был с ее родителями и двумя детьми, которых они спасли из квартала киндатов. Королева Вальедо пришла к ним. Она сказала, что Исхак и его семья — ее гости и останутся ими так долго, как пожелают. Она вела себя любезно и приветливо, но было очевидно, — по крайней мере, для Джеаны, — что королева Инес никогда раньше не встречалась и не разговаривала с киндатами и не совсем понимала, как себя вести.

Возможно, это не должно было ее беспокоить, но сегодня беспокоило. Джеане хотелось спросить у Инес из Вальедо, нет ли поблизости пухлых младенцев, которых можно приготовить на завтрак киндатам, но в этот вечер погибло слишком много детей, и у Джеаны не осталось сил на подлинный гнев. Она очень устала.

Она понимала, что эту приветливую встречу для них подготовил Бернар д'Иньиго, лекарь из крепостей тагры. Кажется, он

спас жизнь королевы, применив знания, взятые из трактатов Исхака. Он выучил язык ашаритов и киндатов много лет назад, как он признался Джеане. Этот худой человек с печальным лицом — хороший лекарь, нельзя отрицать.

«А почему бы ему не быть им? — подумала Джеана. — Если он не поленился учиться у нас...»

Несправедливая мысль, но сегодня Джеана не слишком старалась быть справедливой. Д'Иньиго вызвался первым дежурить у постели сына Родриго. Мать и брат Диего тоже остались с ним. В присутствии Джеаны не было необходимости. Лекари из Вальедо занимались горсткой тех, кто выжил после нападения. Всего горстка; остальные погибли, зверски зарубленные.

«Они пришли из пустыни», — вспомнила Джеана, глядя на порубленные тела, вдыхая запах обугленной человеческой плоти. Слова ее отца, сказанные давным-давно: «Если ты сможешь понять звезднорожденных Ашара...»

— Кто мои враги? — спросила Джеана вслух, оглядывая деревню.

Наверное, что-то такое было в ее голосе, намек на возможность потерять самообладание. Аммар молча обнял ее рукой за плечи и повел прочь. Они обошли Орвилью по периметру, но Джеана, не в силах успокоиться, все время ловила себя на том, что оглядывается на угасающие костры и вспоминает их.

Кто мои враги? Жители Фезаны? Здешние мувардийцы? Солдаты священной армии Джада, которые учинили погром в Соренике? Вальедцы, которые сожгли эту деревню прошлым летом? Ей хотелось плакать, но она боялась позволить себе это.

У Аммара на одной руке была рана, она осмотрела ее при свете факелов; рана оказалась несерьезной. Он ей так и говорил, но ей необходимо было увидеть самой. Она отвела его к реке, промыла и перевязала рану. Чтобы хоть чем-то заняться. Стоя на коленях, она окунула кусок ткани в холодную воду и вымыла лицо, глядя вниз на дрожащую на Таваресе дорожку лунного света. Глубоко вдохнула в себя ночной воздух.

Они пошли дальше, вдоль ограды, на север. И там увидели короля Рамиро вместе с Родриго и Альваром на лугу, среди травы. За ними простиралась темная, бескрайняя пустота. Джеана увидела, как Родриго скрестил на груди руки и крепко прижал их к себе. Было уже очень поздно. Дул ночной ветер.

«Куда бы ни дул ветер...»

Потом они увидели, как Родриго и Альвар встали на колени перед королем, а затем поднялись.

— Кто мои враги? — через какое-то время спросила Джеана.

— Это мои враги, я полагаю, — сказал Аммар.

— А твои кто?

— Очень скоро мы об этом узнаем больше, любимая. Смотри и слушай. Вероятно, скоро я получу выгодное предложение.

Теперь его голос звучал холодно, но она знала, что это самозащита. Вероятно, она лучше любого другого человека в мире чувствовала то, что связало Аммара ибн Хайрана и Родриго Бельмонте друг с другом, хоть это и казалось невероятным.

Сейчас Джеану охватило предчувствие расставаний, сегодня ночью наступало завершение. И из-за этого ей тоже хотелось плакать.

Они ждали. Трое мужчин прошли по темной траве и приблизились к ним у ворот. Она увидел, что Альвар тоже ранен. У него на плече запеклась кровь. Ни слова не говоря, Джеана подошла к нему и начала осторожно оттягивать свободную ткань сорочки, чтобы открыть находящуюся под ней рану. Он взглянул на Джеану, потом отвел глаза и стоял тихо, пока она осматривала его рану.

— Аммар. Я надеялся отыскать тебя, — тихо произнес Родриго. — У тебя найдется минута для разговора? — Он говорил на языке Эсперaньи.

— Для тебя — всегда, — серьезно ответил ибн Хайран на том же языке.

— Король Вальедо оказал мне честь, попросив стать его министром.

Джеана посмотрела на него. Аммар наклонил голову.

— Ты тоже оказал ему честь, если согласился.

— Я согласился.

Аммар тонко улыбнулся.

— Бадир Рагозский будет огорчен.

— Представляю себе. К сожалению, я намереваюсь дать ему еще больший повод для огорчения.

— Каким образом?

«Это похоже на танец, — подумала Джеана, — этот официальный тон гораздо больше маскировал истину, чем слова». Она стояла рядом с юным Альваром, слушала и перестала даже притворяться, что осматривает его плечо. Все равно было слишком темно.

— Полагаю, что обладаю достаточными полномочиями, чтобы сделать тебе предложение от имени короля Вальедо.

«Он был прав», — подумала Джеана. Откуда Аммар так точ-

но это знал? На это нет ответа, разве что вспомнить, кем он был. Кем они оба были. В ветре с севера она ощущала, как что-то быстро близится к концу.

Аммар ответил:

— Предложения меня всегда интересуют. А ты всегда делаешь интересные предложения.

Родриго заколебался, подыскивая слова.

— Пока мы стоим здесь, король Руэнды Санчес скачет в Салос вдоль реки, а армия Халоньи приближается к Рагозе.

— А! Халонья выступила! Королева Фруэла едет, чтобы отомстить за своего погибшего капитана?

При этих словах король Рамиро криво усмехнулся.

— Нечто в этом роде, — без улыбки ответил Родриго. — За все эти годы погибло очень много капитанов.

— Увы, это правда. «Война питается сердцами храбрецов, подобно дикому псу».

— Я знаю эту строчку, — внезапно произнес король Вальедо. — Это написал ибн Хайран из Альджейса.

Аммар повернулся к нему, и Джеана поняла, что он удивлен, как бы ни старался это скрыть.

— К вашим услугам, государь. Эта строчка лучше звучит на ашаритском языке.

Теперь пришла очередь короля выказать удивление. Он метнул взгляд на Родриго, потом снова посмотрел на Аммара.

— Я не имел... это вы? — Он снова повернулся к Родриго, высоко подняв брови.

Родриго хладнокровно сказал:

— Мы одновременно оказались в ссылке в Рагозе в прошлом году. И с тех пор стали соратниками. Он приехал сюда несмотря на то, что ему грозит смерть за появление на земле Картады, чтобы вызволить Исхака бен Йоханнона и его жену из Фезаны. Джеана бет Исхак, которая здесь стоит, — лекарь моего отряда. Ибн Хайран был бы убит мувардийцами, если бы они узнали, что он находится в городе.

— Смею сказать, здесь нет взаимной любви, — пробормотал король Рамиро. Он был высоким, красивым мужчиной. И еще он узнал строчку из поэмы Аммара. — Или есть? — спросил он.

— Я пытаюсь это выяснить, — сказал Родриго. — Аммар, мы всегда думали, что, если эта армия и две другие двинутся на юг, Язир ибн Кариф, вероятно, появится на полуострове к концу лета или следующей весной. Прежнему Аль-Рассану, каким он был, приходит конец.

— С грустью признаю это, — услышала Джеана тихий ответ человека, которого любила. — Скажи мне, кто вспомнит сады Аль-Фонтаны в будущем? Или слоновую кость в храмах Рагозы?

— На это я не знаю ответа, — сказал Родриго. — Возможно, ты поможешь нам всем вспомнить, я не знаю. У меня более насущные заботы. Король сообщил мне, что эта кампания должна стать наступательной войной Вальедо, а не священной войной, хотя с нами здесь находятся клирики и все выглядит как священная война.

— О, прекрасно! — слишком весело ответил Аммар. — Означает ли это, что только тех, кто будет оказывать вам сопротивление, станут прибивать гвоздями к столбам или сжигать живьем, пока клирики будут петь гимны Джаду?

— Нечто в этом роде, — ровным голосом подтвердил Родриго.

— Альмалик Картадский — уже покойник, — тихо вставил король Рамиро, — за то, что он пытался сделать с королевой. А мувардийцам, когда мы их найдем, нечего надеяться на мою жалость. Особенно после сегодняшней ночи. Но сердце у меня не лежит к убийству — ради собственного блага или чтобы доставить удовольствие священникам.

— А, — произнес Аммар самым насмешливым тоном, — мягкое завоевание. Всадники Джада машут руками веселым ашаритским фермерам, проезжая мимо. И чтобы ваши храбрые солдаты были довольны — что? Зарубите на ходу нескольких киндатов? Их-то никому не будет жалко, правда?

Родриго не захотел клюнуть на эту приманку.

— Это война, Аммар. Мы уже не дети. Есть Ашар и есть Джад, и будут твориться отвратительные вещи. После нескольких сотен лет, когда другая армия поплывет в Сорийю, будут вещи даже хуже.

— Интересно, что может быть хуже отвратительных вещей?

— Ты не это имеешь в виду, — сказал Родриго. — Но у меня есть частичный ответ. Хуже — это когда то небольшое пространство, которое еще осталось, чтобы люди могли перемещаться взад и вперед между мирами, исчезнет, потому что эти миры утонут в ненависти. Это еще может случиться с нами. — Он заколебался. — И, вероятно, случится, Аммар. У меня не больше иллюзий, чем у тебя. Не будет веселых фермеров там, где пройдет эта армия. Мы будем завоевывать, если сможем, и делать то, что должны, а потом попытаемся править здесь, как халифы и властители городов правили джадитами и киндатами среди вас.

— Как это... прагматично с вашей стороны, — ответил Аммар с ледяной улыбкой. «Он рассердился, — видела Джеана, — и не старается это скрыть».

Родриго тоже это увидел. Он сказал:

— Ты считаешь, что мы подходящая мишень для твоих чувств в данный момент?

— Подходящая, за неимением лучшей.

— Чего бы ты от меня хотел? — внезапно воскликнул Родриго. В наступившей тишине Джеану охватило чувство, как когда-то в Рагозе, что для этих двоих, которые сейчас в упор смотрели друг на друга, больше никого на свете не существует в это короткое мгновение.

Это мгновение пришло, ненадолго задержалось, а затем ушло. Джеане показалось, что она увидела, как это произошло, как что-то умчалось от этих двоих людей, быстрее, чем любые кони, и исчезло во тьме.

— Чего бы я от тебя хотел? — Голос Аммара смягчился. Теперь он заговорил по-ашаритски. — Наверное, невозможного. Поезжай домой. Разводи лошадей, воспитывай сыновей, люби жену. — Он повернулся к королю Вальедо. — Превратите свою страну — всю Эсперанью, если сможете ее объединить, — в землю, которая понимает не только войну и праведную набожность. Отведите в своей жизни место для большего, чем боевые песни для поднятия духа солдат. Научите ваш народ понимать... сады, необходимость фонтанов, музыку.

Пронесся порыв ветра. Ибн Хайран покачал головой.

— Простите меня. Я веду себя очень глупо. Я устал и понимаю, что вы тоже устали. Те известия, которые вы мне сообщили, не совсем неожиданны, но они действительно означают гибель того, что я... что было мне дорого.

— Я это знаю. — Голос Родриго был твердым, как скала. — Я бы хотел, чтобы ты помог сохранить в живых частицу Аль-Рассана. Я сказал, что у меня есть предложение. Если король не будет возражать, я бы предложил тебе определенные посты в Аль-Рассане, а потом разделить со мной пост министра Вальедо.

Джеана услышала, как потрясенно ахнул Альвар де Пеллино, и увидела, что король сделал невольный жест. Родриго только что предложил отдать половину своей власти ашариту.

Аммар тихо рассмеялся. Он посмотрел на короля, потом снова на Родриго.

— Тебе нравится удивлять людей, правда? А я-то считал это своим собственным грехом.

И снова Родриго не улыбнулся.

— Мне это кажется достаточно простым. У нас слишком мало людей, чтобы захватить и заселить Аль-Рассан. Нам нужны звезднорожденные — и киндаты, — чтобы остаться здесь, обрабатывать землю, вести дела, платить налоги... Возможно, когда-нибудь они станут джадитами так же, как наши люди многие века принимали веру в Ашара. Если наш поход будет успешным, мы окажемся очень немногочисленным народом в очень обширной стране. Чтобы сыновья и дочери Ашара оставались спокойными и хорошо управляемыми, нам нужен человек их собственной веры. Нам потом понадобится очень много таких людей, но в данный момент есть только один человек, которому я могу доверить столь большую власть и который может установить такое равновесие, и этот человек — ты. Ты поможешь нам управлять Аль-Рассаном? Той его частью, где мы будем править.

Аммар снова повернулся к королю.

— Он красноречив, когда хочет, не так ли? Он вас убедил? — В его голосе снова звучала резкая ирония. — Это вам кажется достаточно простым?

Кони убегали прочь, в ночную тьму. Джеана почти видела их воочию, таким живым был для нее этот образ: гривы развевались на ветру от быстрой скачки под лунами и мчащимися тучами.

— Он меня удивил, — осторожно произнес король Рамиро. — Но не больше, чем я удивился, обнаружив вас в моем лагере. Да, сэр Родриго излагает простые истины, и я умею их расслышать, как и любой другой, надеюсь. Что касается меня, то я тоже предпочитаю изящные дворец или часовню тем, которые просто защищают от дождя и ветра. Я сознаю, чем был Аль-Рассан. Я читал ваши стихи и стихи других здешних поэтов. Среди нас есть те, кто, возможно, надеется на костры из плоти во время нашего движения на юг. Я бы предпочел не оправдать их ожиданий.

— А ваш брат? А ваш дядя?

Губы короля Рамиро снова скривились в усмешке.

— Я бы предпочел, — пробормотал он, — не оправдать и их ожидания тоже.

Аммар громко расхохотался. И снова Родриго не улыбнулся. Полностью владея собой, он ждал ответа, как поняла Джеана. И он этого хотел. Ей казалось, что она это тоже поняла. Его сын чуть не умер сегодня ночью. Еще мог умереть. Родриго Бельмонте не хотел пережить еще одну потерю.

Смех Аммара замер. Неожиданно он взглянул на нее. Она смотрела ему прямо в глаза, но при лунном свете трудно было определить их выражение. Он снова повернулся к Родриго.

— Я не могу, — решительным тоном произнес он. Мысленным взором Джеана видела, что кони исчезли, пропали из виду.

— Это будут мувардийцы, — быстро проговорил Родриго. — Ты это знаешь, Аммар! Рагоза не сможет устоять даже против Халоньи, поскольку половина ее войск состоит из наемников-джадитов. Когда верховный клирик появится у ее стен и заговорит о священной войне...

— Я это знаю!

— А Фезана не выдержит нашей осады. Ты это тоже знаешь! Она падет еще до конца лета.

— Я знаю этот город, — тихим голосом вставил король Рамиро. — Я там жил в молодости, в ссылке. И сделал кое-какие наблюдения. Если только оборонительные укрепления не сильно изменились, то я считаю, что смогу взять Фезану, даже с ее новым гарнизоном.

— Это возможно.

Родриго продолжал с отчаянием в голосе:

— А затем Язир и Галиб переправятся через пролив, чтобы встретить нас. Аль-Рассан будет принадлежать или им, или нам, Аммар. Клянусь твоим и моим богом, ты должен это понимать! Картада, Рагоза, твои воспоминания о Силвенесе... их уже невозможно спасти. Даже ты не сможешь сплясать этот танец среди костров. И, несомненно, несомненно, Аммар, ты понимаешь...

— Я должен попытаться.

— Что?

— Родриго, я должен попытаться. Сплясать этот танец.

Родриго замолчал, тяжело дыша, словно конь, которого остановили слишком резко.

— Ваша вера так много значит для вас? — Голос короля Рамиро звучал задумчиво. — Я слышал другие рассказы. Она значит так много, что вы готовы служить воинам пустыни, зная об их обычаях и что они принесут вашей земле?

— Моя вера? Я бы выразился иначе, государь. Я бы сказал — моя история. Не только Аль-Рассан, но Аммуз, Сорийя... Ашар в пустыне нашей родины под звездами. Наши мудрецы, наши певцы, халифы восточного мира. — Аммар пожал плечами. — Мувардийцы? Они — часть всего этого. У каждого народа есть свои фанатики. Они приходят, меняются, снова приходят в но-

вом обличье. Простите меня за эти слова, но если королем Вальедо может быть столь мыслящий человек, как вы, — потомок королевы Васки, да славится ее имя! — мне ли отрицать возможность того, что подобная благодать снизойдет на одного из сыновей песков? Возможно, это произойдет среди соблазнительных фонтанов и струящихся рек Аль-Рассана?..

— Ты предпочитаешь быть среди них. — Джеана услышала горечь в голосе Родриго.

Аммар взглянул на него.

— В качестве соратников? Друзей? Разве я безумен? Родриго, я похож на сумасшедшего? — Он покачал головой. — Но мувардийцы, кто они такие? Точно такие же, какой была королева Васка, каким остается до сих пор большинство людей у тебя на севере. Добродетельные, убежденные, не умеющие прощать. Страшащиеся всего, что выходит за рамки их понимания мира. Племена пустыни не знают цивилизации? Согласен. Но признаюсь, что нахожу мало ценного и в городах Эсперанья. Пустыня — суровое место, даже более суровое, чем ваши северные земли зимой. Видит Ашар, у меня нет духовного родства с мувардийцами. Но еще меньше у меня общего с теми, кто совершает паломничество на остров Васки, проделав весь путь на коленях. Предпочитаю ли я общество племен пустыни? Опять-таки, если выразиться несколько иначе и потом оставить эту тему, Родриго, то мои последние слова, пока мы не поссорились, будут такими: наверное, если Аль-Рассану суждено погибнуть, то я бы предпочел пасти верблюдов в Маджрити, чем стать пастухом в Эсперанье.

— Нет! Это не может быть последним словом, Аммар! — Родриго отчаянно замотал головой. — Как я могу позволить тебе уехать к ним? Ты знаешь, что они с тобой сделают?

Аммар снова улыбнулся, на этот раз смущенно.

— Что они сделают? Отберут у меня бумагу и чернила? Для начала Альмалик Второй почти наверняка назначит меня каидом армий Картады. Полагаю, Галиб ибн Кариф и я однажды разойдемся в мнениях по вопросу о том, кто командует нашими объединенными силами, и я вежливо уступлю ему. Я знаю из надежных источников, что он носит на шее ремешок, сплетенный из крайней плоти тех, кто ему не уступил. — Улыбка Аммара погасла. — Что будет после, я не знаю. Может дойти и до выпаса верблюдов. Оставь это, Родриго, пожалуйста. — Он помолчал. — Однако встает вопрос о Джеане.

— Нет никакого вопроса.

Она ожидала этого и была готова. Четверо мужчин повернулись к ней.

— Аммар, если я могу быть уверена, что мои родители в безопасности с Родриго и королем, тогда, боюсь, ты вынужден будешь позволить мне ехать с тобой — или я убью тебя, еще до того как ты покинешь этот лагерь.

Она увидела, как Родриго Бельмонте улыбнулся в первый раз за эту ночь, и знакомое выражение смягчило его лицо.

— Вот как. Значит, ты познакомилась с моей женой?

Джеана повернулась к нему.

— Да. Госпожа Миранда оказалась такой красивой и любезной, как о ней говорили другие. Она позволила бы тебе оставить ее при подобных обстоятельствах, сэр Родриго?

Аммар быстро начал:

— Это не то же...

— Это то же самое. Почти никакой разницы, — резко перебила Джеана. Она боялась, что усталость снова заставит ее расплакаться, а ей этого совсем не хотелось.

— Послушайте, — произнес король Вальедо, — я сожалею, что приходится высказываться по делам сердечным, но мне нужно знать, почему я должен позволить человеку, который сам провозгласил себя будущим каидом моих врагов, уехать.

У Джеаны пересохло в горле. Сердце ее глухо забилось. Об этом она не подумала.

— Вы должны позволить ему уехать, — тихо ответил Родриго.

Король метнул в него острый взгляд, и Джеана заметила, что он старается сдержаться. То, что он только что сказал, привело ее в ужас. По правде говоря, учитывая начавшуюся войну, она не видела причин, по которым король обязан позволить им уехать. У Аммара был шанс, он получил потрясающее предложение, а сейчас...

— Должен? — спросил Рамиро Вальедский. — Мне никогда не нравилось это слово, сэр Родриго.

— Государь, простите меня, — хладнокровно ответил Родриго, — но у меня — у нас — сто пятьдесят человек находятся в армии Рагозы. Они там в ловушке. Когда придет весть о том, что вы вступили в Аль-Рассан, и что я с вами, и что король Халоньи тоже отправился на юг, то, полагаю, эмиру Рагозы Бадиру посоветуют уничтожить мой отряд, до того как его используют против него.

Лицо Аммара стало мрачным.

— Ты считаешь, что Мазур даст такой совет?

— Бен Аврен или кто-нибудь другой. Помнишь прошлую осень? Бадир дал тебе названную тобой цену, равную моему жалованью и жалованью всех воинов моего отряда. По этой мерке он совершит менее значительный поступок, уничтожив их, чем мы, если бы убили тебя.

— Ты играешь словами. Это не настоящая мерка, Родриго.

— А какая настоящая? Во время войны? Им грозит смертельная опасность. Я должен попытаться их спасти. Ты — лучший для меня способ сделать это, и в данный момент — единственный. Цена твоей свободы такова: ты сделаешь так, чтобы моим людям разрешили покинуть ту армию и прибыть сюда, и поклянешься в том своей честью.

— А если я не смогу?

На этот раз ответил король. Его гнев уже улетучился.

— Вы согласитесь вернуться и предстать перед моим судом, и дадите в том клятву. Настоящая мерка или нет, если эмир Бадир дал такую цену за ваши услуги, я тоже готов ее заплатить.

— Согласен, — тихо ответил Аммар.

— Ты можешь освободить их и все равно вернуться, — быстро прибавил Родриго. «Он не из тех, кто легко сдается, если вообще сдается, — поняла Джеана. — И он готов поступиться гордостью». В его голосе звучала мольба.

Она увидела, что Аммар тоже ее услышал. Он должен был ее услышать. Снова эти двое посмотрели друг на друга, но к этому моменту кони давно уже ускакали далеко в слишком просторную, слишком темную ночь. Все было кончено.

Аммар тихо сказал:

— Мы отказались сражаться друг с другом в тот день, в Рагозе.

— Я помню.

— Они предлагали это ради развлечения. Теперь мир стал другим, — произнес ибн Хайран с невольным смущением. — Мне... очень жаль говорить это. Больше, чем я могу выразить. Родриго, я бы хотел...

Он на мгновение задумался, потом развел руками и замолчал.

— У тебя есть выбор, — сказал Родриго. — Сегодня ты делаешь выбор. Ты получил от нас предложение.

Аммар покачал головой, и когда заговорил, в его голосе тоже звучали нотки отчаяния.

— Это не совсем выбор, — сказал он. — Здесь нет выбора. Я не могу отвернуться от этой земли, теперь, когда она в таком

горестном положении. Ты понимаешь? Родриго, ты один из всех людей, должен это понять. — Они услышали его короткий, хорошо знакомый, издевательский смешок. — Я — тот человек, который убил последнего халифа Аль-Рассана.

И, услышав эти слова, Родриго Бельмонте склонил голову, словно смирившись с падающим на его шею мечом. Джеана видела, как поднял руку Аммар, словно хотел прикоснуться к нему, но потом опустил ее.

Она услышала, как рядом с ней плачет Альвар де Пеллино. Позже она вспомнит эти слезы и будет любить его за них.

* * *

Ее родители спали, и двое спасенных детей тоже, в палатках, выделенных им королевой. Джеана заглянула к ним, а потом пошла, как обещала, сменить Бернара д'Иньиго у постели больного. Ей следовало за это время поспать, но в эту ночь, очевидно, спать не придется. Ей, во всяком случае.

Она к этому привыкла. Лекарям часто приходится нести ночное дежурство рядом с теми, кому они могут помочь в борьбе с наступлением последней тьмы. Но эта ночь не походила ни на одну из прожитых ею до сих пор. Она означала, в подлинном смысле, завершение всего, что Джеана знала прежде.

Бернар д'Иньиго устало улыбнулся ей, когда она подошла. Он прижал палец к губам. Джеана увидела, что Фернан уснул на земле рядом с братом. И его мать тоже, лежа головой на подушке и накрывшись маленьким одеялом.

— Отдохните, — шепнула Джеана лекарю-джадиту. — Я подежурю остаток ночи. — Д'Иньиго кивнул головой и встал. На ходу он слегка пошатывался. Они все смертельно устали.

Джеана посмотрела на Диего. Он лежал на спине, головой на сложенных одеялах. В ней снова проснулся лекарь. Она опустилась на колени, взяла его за запястье и тут же почувствовала прилив надежды. Его пульс бился сильнее и не так часто.

Она подняла взгляд и махнула рукой. Стоящий неподалеку с факелом солдат подошел ближе.

— Посвети мне, — шепнула она.

Она приподняла закрытые веки мальчика и посмотрела, как зрачки реагируют на свет: одинаково, и оба находятся в центре глаз. Тоже хорошо. Он был очень бледен, но этого следовало ожидать. Жара нет. Повязка держится прочно.

Он в удивительно хорошем состоянии. Несмотря на все, что

произошло. Джеану снова охватила дрожь от гордости и изумления. Этот мальчик, по всем законам, по всей науке, должен был умереть.

И он бы умер, если бы его лечила Джеана. Если бы его лечил Бернар д'Иньиго или любой другой лекарь, которого она могла вспомнить. Он жив, его сердце бьется уверенно, дыхание равномерное, потому что Исхак бен Йоннанон все еще, после пяти лет во тьме, самый смелый и самый одаренный хирург на свете. Кто стал бы это отрицать после нынешней ночи? Кто посмел бы?

Джеана покачала головой. Ложная гордость. Неужели такие вещи так много значат даже сейчас? И да, и нет. Во время войны, перед лицом стольких грядущих смертей, Исхак вернул потерянную жизнь. Каждый лекарь — и, конечно, его дочь, — невольно ощутил бы маленькую, драгоценную победу, выигранную у тьмы.

Она кивнула, и солдат с факелом отошел. Джеана устроилась рядом с мальчиком, который еще не очнулся. Она велела Аммару непременно отдохнуть до утра; возможно, она и сама сможет позволить себе подремать, в конце концов.

— С ним все в порядке?

Это голос его матери. Жены Родриго. Джеана, глядя на нее в темноте, вспомнила все те надуманные, кровожадные истории, которые он о ней рассказывал. А теперь перед ней была маленькая, очень красивая женщина, которая лежала на холодной земле рядом со своим сыном, и в ее голосе звучал страх.

— Он хорошо справляется. Утром, возможно, очнется. Сейчас ему необходим сон.

Ее глаза снова привыкли к темноте. Она видела эту женщину чуть яснее, по другую сторону от Диего.

— Д'Иньиго мне сказал, что... никто никогда еще не делал такой операции.

— Это правда.

— Ваш отец... его ослепили за то, что он спас кому-то жизнь?

— Матери и новорожденному. Во время родов. Для этого ему пришлось прикоснуться к женщине-ашаритке.

Миранда Бельмонте покачала головой.

— Почему мы так поступаем друг с другом?

— На это я не знаю ответа, госпожа.

Последовало молчание.

— Родриго много раз упоминал о вас, — тихо сказала Миранда. — В своих письмах. Он отзывался о вас только с похва-

лой. О своем лекаре-киндате. — Джеане показалось, что на ее лице промелькнула тень улыбки. — Я ревновала.

Джеана покачала головой.

— Человек, которого любят так, как вас, не должен испытывать ревность.

— Собственно говоря, я это знаю, — ответила Миранда Бельмонте. — Это великий дар моей жизни. Если Диего выживет, благодаря вашему отцу, у меня будет два таких дара. Это слишком много. Я этого недостойна. Это меня пугает.

Последующая пауза затянулась. Через несколько минут Джеана поняла, что женщина снова уснула.

Она сидела рядом со спящим мальчиком, опираясь спиной на тяжелый мешок сушеных фруктов, который чья-то добрая душа поставила рядом. Она размышляла о смерти и рождении, о зрении и слепоте, о лунах, солнце и звездах. О войне между Ашаром и Джадом, о дожде, падающем на киндатов во время их скитаний по миру. Она думала о любви и о том, что когда-нибудь родит собственного ребенка. Джеана услышала приближающиеся шаги и поняла, кто это. Собственно говоря, в глубине души она была уверена, что этот последний разговор еще предстоит ей нынешней ночью.

— Как он? — спросил Родриго тихо, присев на корточки рядом с ней. Он смотрел на своего сына. Его лицо оставалось в темноте.

— Настолько хорошо, насколько мы можем надеяться. Я уже сказала твоей жене, что утром он может проснуться.

— Мне хочется при этом присутствовать.

— Конечно.

Родриго встал.

— Пройдешься со мной?

Она знала. Откуда она это знала? Как сердце умеет видеть?

— Только не далеко от него, — прошептала она, но поднялась, и они отошли немного в сторону, миновав солдата с факелом. Они остановились у реки, возле маленькой хижины, которую Джеана помнила. Одна из немногих, которые не сгорели в прошлом году. Кузен Гарсии де Рада убил здесь женщину и нерожденного ребенка. Ее жизнь описала круг и вернулась на это место. В ту ночь она встретила Родриго и Аммара. Обоих.

Было очень тихо. Они слушали шум реки. Родриго сказал:

— Знаешь, твои родители с нами в безопасности. Это самое лучшее место для них сейчас.

— Я верю.

— Джеана. Наверное... для тебя это тоже самое лучшее место.

Она заранее знала, что он это скажет. И покачала головой.

— Самое безопасное, возможно. Но не лучшее. — Она оставила более важные слова непроизнесенными, но с Родриго произносить их не было необходимости.

Снова молчание. Луны клонились к западу, и медленно плывущие звезды тоже. Река журчала внизу.

— Я попросил Хусари остаться со мной. Он согласился. Сегодня ночью я сказал королю не совсем правду.

— Я догадалась. Ты ведь не думаешь, будто Лаин и Мартин не смогут вывести оттуда отряд, правда?

— Не думаю. А из Хусари может выйти наместник, в своем роде не хуже Аммара, — в Фезане или в другом городе.

— Он согласится?

— Думаю, да. Он не станет служить мувардийцам. И он, по крайней мере, доверяет мне, в отличие от Аммара.

Она услышала в его голосе горечь.

— Дело не в доверии. Ты это понимаешь.

— Наверное. — Он посмотрел на нее. — Я хотел быть уверенным, что он сможет уехать, если будет настаивать, поэтому придумал эту историю с отрядом, попавшим в ловушку в Рагозе.

— Я это знаю, Родриго.

— Я не хотел, чтобы он уходил.

— И это я тоже знаю.

— Я не хочу, чтобы ты тоже уходила, Джеана. В Аль-Рассане не будет места для тебя, для вас обоих, когда придут мувардийцы.

— Нам придется попытаться найти такое место, — сказала она.

Молчание. «Он ждет», — поняла она, поэтому все же сказала это:

— Я его не оставлю, Родриго.

Она услышала, как он снова задышал.

В темноте, у непрерывно журчащего речного потока, Джеана сказала, глядя вниз, на воду, а не на стоящего рядом мужчину:

— Я была у тебя под окном во время карнавала. Стояла там долго, глядя на свет в окне. — Она глотнула. — Я чуть было не поднялась к тебе.

Она почувствовала, как он повернулся к ней. Но не отвела взгляд от реки.

— Почему ты не поднялась? — Его голос изменился.

— Из-за того, что ты мне сказал в тот день.

— Я покупал бумагу, я помню. Что я сказал тебе, Джеана?

Тут она все же посмотрела на него. Было темно, но она теперь знала черты этого лица наизусть. Они скакали из этой деревни прошлым летом, сидя верхом на одном коне. Это было так недавно.

— Ты сказал мне, как сильно любишь свою жену.

— Понятно.

Джеана отвела взгляд. Ей необходимо было это сделать. Они подошли к тому месту, где слишком трудно выдержать взгляд. Она тихо сказала, обращаясь к реке, к темноте:

— Ведь это неправильно и невозможно для женщины любить двух мужчин?

Прошло, как ей показалось, очень много времени, пока Родриго Бельмонте ответил:

— Не больше, чем для мужчины любить двух женщин.

Джеана закрыла глаза.

— Спасибо, — сказала она. А потом, спустя еще секунду, изо всех сил держась за то неуловимое, что повисло в воздухе, прибавила: — Прощай.

При этих словах мгновение миновало, мир снова двинулся дальше: время, течение реки, обе луны. И то тонкое, что висело в воздухе между ними, — какое бы название ему ни дали, — мягко упало, как показалось Джеане, и осталось лежать в траве у воды.

— Прощай, — сказал он. — Будь вечно благословенна на всех тропах твоей жизни. Моя дорогая. — И он произнес ее имя.

Они не прикасались друг к другу. Они вернулись назад бок о бок, туда, где лежали спящие Диего, Фернан и Миранда Бельмонте. Постояв долгое мгновение возле своей семьи, Родриго Бельмонте пошел к палатке короля, где разрабатывалась стратегия войны.

Она смотрела ему вслед. Увидела, как он поднял полог палатки и на мгновение попал в полосу света от горящих внутри фонарей, а потом исчез, когда полог опустился за ним.

Прощай. Прощай. Прощай.

* * *

Джеана увидела, как Диего открыл глаза в предрассветных сумерках.

Он был слаб и испытывал сильную боль, однако узнал отца и мать и даже попытался улыбнуться. Но именно Фернан стоял рядом с ним на коленях и держал его за обе руки. Бернар

д'Иньиго стоял позади всех и свирепо улыбался. Потом Исхак вышел проведать своего пациента, проверить его пульс и ощупать рану.

Они в ней не нуждались. Джеана воспользовалась этим моментом, чтобы отойти в сторонку с матерью и сказать ей, что она собирается делать и почему. Она не слишком удивилась, когда услышала, что Элиана и Исхак уже узнали почти обо всем от Аммара.

Оказалось, он ждал у палатки, когда они проснулись. Она помнила, как он стоял на коленях перед Исхаком прошлым летом. Эти двое знают друг друга уже давно, поняла она в тот день, а Аммар ибн Хайран был не таким человеком, который мог уехать с их дочерью, не сказав им ни слова.

Интересно, что он сказал. Она действительно удивилась тому, что не последовало никаких возражений. Ее мать никогда не стеснялась высказывать возражения. А сейчас Джеана собиралась уехать через земли, где шла война, вместе с ашаритом, навстречу будущему, которое было ведомо одним лишь лунам, — и ее мать смирилась с этим. «Вот еще один признак того, насколько все изменилось», — подумала Джеана.

Мать и дочь обнялись. Они не разрыдались, но Джеана заплакала, когда отец обнял ее, перед тем как она села на выделенную ей лошадь.

Она посмотрела на Альвара де Пеллино, молча стоящего рядом. Вся его душа отражалась в глазах, как всегда. Она взглянула на Хусари. На Родриго.

Она посмотрела на Аммара ибн Хайрана, сидящего на своем коне рядом с ней, кивнула головой, и они уехали вместе. На восток, по направлению к Фезане, мимо нее, далеко отклонившись к северу от реки, глядя на столбы дыма, все еще поднимающиеся из города в светлеющее небо.

Она оглянулась только раз, но Орвилья уже пропала из виду, и к тому времени Джеана уже перестала плакать. Прошлым летом она ехала по той же дороге вместе с Альваром и Веласом. Теперь с ней был всего один человек, но он стоил ста пятидесяти воинов, по одной из мерок.

Он стоил неизмеримо больше, по меркам ее сердца.

Она подъехала на коне поближе к нему и протянула руку, а он снял перчатку, и их пальцы сплелись. Они ехали так большую часть утра, а облака впереди медленно растаяли, и серый цвет перешел в голубой, когда встало солнце.

В какой-то момент, прерывая долгое молчание, она насмешливо проговорила:

— Верблюжий пастух в Маджрити? — И была вознаграждена его коротким смехом, наполнившим простор вокруг них.

Позже, уже другим тоном, она поинтересовалась:

— Что ты сказал моему отцу? Ты просил благословения?

Он покачал головой.

— Слишком большая просьба. Я сказал им, что люблю тебя, а потом попросил у них прощения.

Она ехала молча, обдумывая это. Наконец, очень спокойно, спросила:

— Сколько времени нам будет отпущено?

И он серьезно ответил:

— Я не знаю, правда, любимая. Сделаю все, что в моих силах, чтобы его было достаточно.

— Его никогда не будет достаточно, Аммар. Пойми это. Мне всегда будет нужно больше времени.

Их объятия каждую ночь, когда они разбивали лагерь на ночлег, были полны такой нетерпеливой страсти, какой никогда не знала Джеана.

Через десять дней они встретили армию Рагозы, которая двигалась к Картаде, и время в любимом Аль-Рассане помчалось к своему концу стремительно, словно быстрые кони.

Глава 18

В знак протеста против затянувшейся осады его города эмир Рагозы Бадир приказал убрать из своих апартаментов во дворце деревянные стулья в северном стиле. Их заменили дополнительными подушками. Эмир только что опустился на ложе из подушек у очага, стараясь не расплескать бокал с вином.

Мазур бен Аврен, его визирь, сделал то же самое, не пытаясь скрыть гримасу боли. Лично он считал отказ эмира от северной мебели совершенно ненужным жестом. Садиться на пол, чтобы полулежать на подушках, ему с каждым разом становилось все сложнее.

Бадир смотрел на него с насмешливым видом.

— Ты ведь моложе меня, друг мой. Ты позволил себе распуститься. Как это тебе удается, во время осады?

Мазур поморщился, подыскивая позу поудобнее.

— Бедро побаливает, господин мой. Когда утихнут дожди, станет легче.

— Дожди нам на пользу. Наверное, им там плохо приходится в палатках.

— Очень надеюсь, — горячо согласился бен Аврен. Появились слухи о болезнях в лагере Халоньи.

Он поднял руку, и ближайший слуга поспешно поднес ему бокал вина. С точки зрения бен Аврена, было огромным облегчением, что отказ его монарха от мебели северян не распространился на лучшие вина джадитов. Он отсалютовал эмиру бокалом, все еще стараясь найти удобное положение. Некоторое время оба молчали.

Стояла осень, и дожди с востока начались рано. Рагоза находилась в осаде с начала лета. Она не сдалась, и стены ее устояли. При подобных обстоятельствах это было удивительно.

Фезану вальедская армия взяла в середине лета, и почтовый голубь принес недавно вести о том, что король Руэнды прорвался сквозь стены Салоса в устье Тавареса и предал мечу всех взрослых мужчин. Женщин и детей сожгли, во имя Джада, но сам город не подожгли: король Руэнды Санчес, очевидно, предполагал перезимовать в нем. Плохой знак, Бадир и его визирь это понимали.

Армия Вальедо, отличавшаяся большей храбростью, уже двинулась на юго-восток по направлению к Лонзе. Родриго Бельмонте, некогда капитан в войске самого Бадира, по-видимому, не был склонен удовлетвориться захватом одного крупного города до наступления зимы. Говорили, что вальедцы встретили сопротивление в горной местности, но подробности, по понятным причинам, едва ли могли дойти в осажденную Рагозу.

Учитывая эти продвижения на запад и тот факт, что им пришлось отпустить почти половину своей армии, опасаясь внутреннего бунта, — многие наемники-джадиты немедленно перебежали к армии Халоньи, стоящей у стен города, — такое долгое сопротивление Рагозы было большим достижением. Оно свидетельствовало, среди прочего, о предусмотрительном распределении визирем запасов пищи и прочих припасов, а также о той любви и доверии, которые население города питало к своему правителю.

Однако всему есть предел. Пище, припасам. Поддержке осажденного монарха и его советника. Его советника-киндата.

Если бы они смогли продержаться до зимы, то уцелели бы. Или если бы подошел Язир. Из Маджрити не было никаких вес-

тей. Они ждали. Все в Аль-Рассане ждали той осенью — джадиты, ашариты, киндаты. Если бы племена пустыни переправились на север через пролив, все на полуострове изменилось бы.

Все уже и так изменилось, и они оба это знали. Город, который они строили вместе — уменьшенное, более спокойное вместилище того изящества, которое воплощал Силвенес при халифах, — был достроен, и его краткий период расцвета миновал. Чем бы ни закончилось вторжение, город эмира Бадира, город музыки и слоновой кости, погиб.

Воины Халоньи или мувардийцы. Со стороны одних их ждали ужасные пожары, а со стороны других?..

Было уже очень поздно. За стенами лил дождь, ритмично барабаня по окнам и листьям. Оба они сохранили свою привычку выпивать вместе этот последний бокал вина; глубина и прочность их дружбы отражались в молчании не меньше, чем в словах.

— Сегодня утром пришло сообщение, что они строят небольшие лодки, — произнес Бадир. И отпил вино из бокала.

— Я тоже это слышал. — Мазур пожал плечами. — Через озеро они не пройдут. Они не смогут сделать суда настолько большими, чтобы перевезти достаточное количество людей. Мы их уничтожим из башен гавани.

— Они могут помешать нашим рыбакам выйти на лов.

Отчасти осада терпела провал из-за того, что маленькие суда Рагозы, проявляя осторожность, могли выходить в озеро. Их прикрывали лучники на стенах гавани, когда они возвращались назад.

— Хотел бы я увидеть, как джадиты попытаются заблокировать гавань во время осенних ветров. У меня есть пловцы, способные потопить любую лодку, которую они туда пошлют. Надеюсь, они попытаются.

— Пловцы? Осенью? Ты пошлешь туда людей с буравами?

Мазур отхлебнул из своего бокала.

— Добровольцы будут отталкивать друг друга локтями, государь. Мне приятно сказать, что город не собирается сдаваться.

Помогало то, что сдаться было, по сути дела, невозможно. Они убили короля Халоньи и одного из верховных клириков из Фериереса еще до начала осады.

Это было делом рук ибн Хайрана; его последнее предприятие на службе у Рагозы, как раз перед тем, как он покинул их и уехал в Картаду.

Он взял в городе дюжину лучших людей и выскользнул без-

лунной ночью на двух маленьких лодках, направляясь на северо-восток вдоль озера. Воины Халоньи, с энтузиазмом сжигая деревни и фермы по пути на юг вокруг озера Серрана, потеряли бдительность и поплатились за это.

Ибн Хайран и его люди неожиданно напали на отряд налетчиков, что и входило в их намерения. Чистая удача — его всегда считали удачливым, — среди тридцати всадников из Халоньи были король Бермудо и священник.

В сумерках весеннего вечера люди ибн Хайрана наткнулись на них в рыбацкой деревушке. Они ждали на берегу, спрятавшись за лодками. Им пришлось наблюдать, как рыбаков сжигали заживо, и слушать их вопли, когда их прибивали гвоздями к деревянным балкам. Когда появились фляги с вином, налетчики окончательно распоясались и набросились на женщин и девушек.

Тринадцать мужчин из Рагозы, полные холодной ярости и решимости, явились в темноте с берега. Они уступали в численности, но это не имело значения. Ибн Хайран прошел по этой горящей деревне, подобно темной молнии, как говорили потом его люди, убивая направо и налево.

Они убили всех участников этого набега.

Короля Халоньи срубил один из рагозцев, до того как его опознали. Бермудо хотели бросить в ближайший костер, но ибн Хайран, ругаясь, как матрос, когда увидел, кто это такой, приказал доставить тело короля Бермудо в город. Он был бы гораздо полезнее живым, но еще мог пригодиться и мертвым.

Священника из Фериереса прибили гвоздями к одному из столбов, которые сам он помогал ставить. Вся Эсперанья двинулась на юг, это уже стало очевидным, и клирики Фериереса пронзительно призывали к священной войне. Пора забыть о выкупе и уважении, которое обычно оказывали служителям богов.

В Рагозе ненадолго испытали надежду, что пугающее исчезновение короля может заставить врага отступить. Но этого не произошло. Королева Фруэла, которая настояла на том, чтобы ехать вместе с войском, со старшим сыном, Беньедо, взяла на себя командование силами Халоньи. К тому времени, когда армия достигла стен Рагозы, она захватила большое количество фермеров и рыбаков, совершая рейды на подступах к городу. Их не убили. Вместо этого осаждающие начали по одному калечить их на виду у горожан утром и на закате, в то время, когда джадиты молились своему золотому богу света.

Так продолжалось четыре дня, потом эмир Бадир принял решение выставить тело короля Бермудо на городских стенах. Герольд довел до сведения осаждавших, что тело подвергнется поруганию, если будут продолжаться пытки у стен города. Королева Фруэла, пылая священным рвением, была склонна продолжать в том же духе, несмотря ни на что, но ее юный сын, новый правитель Халоньи, одержал верх в этом вопросе. Всех пленных убили на следующее утро, без всяких церемоний. Тело короля Бермудо сожгли в Рагозе. Джадиты, глядя на поднимающийся вверх от погребального костра столб дыма, находили утешение в убеждении, что, поскольку он погиб во время войны с неверными, его душа уже обитает в божественной обители света.

Вследствие всего этого, с самого начала осады Рагозы было ясно, что ни о какой сдаче не может быть и речи. Ни одному человеку в городе не позволят остаться в живых, если город падет. В некотором смысле это упростило дело для находящихся внутри. Устранило возможность впасть в соблазн.

Собственно говоря, это и предсказывал ибн Хайран.

— Если все будет кончено, — сказал он Мазуру бен Аврену в то весеннее утро, когда вернулся с запада вместе с Джеаной бет Исхак, — попытайтесь любой ценой сдаться Вальедо.

Неожиданные слова, и эмир, и визирь сочли их таковыми, но они стали более понятными, когда в конце лета состоялось взятие Фезаны и совсем не похожее на него взятие Салоса.

К несчастью, не существовало никаких очевидных способов вести переговоры о сдаче, а сам ибн Хайран — теперь каид войска Картады — был занят тем, что портил жизнь, как мог, вальедцам, приближающимся к Лонзе. Если король Рамиро и начал это вторжение в духе терпимости, то к этому моменту он уже мог изменить свое отношение под ударами смертоносных, обескураживающих набегов блестящего командующего картадцев и под влиянием наступления осени и дождей.

Слуга эмира Бадира снова развел огонь, а потом ловко наполнил бокалы собеседников. Они по-прежнему слышали шум дождя за окном. Воцарилось дружеское молчание.

Визирь чувствовал, как расплываются его мысли. Он поймал себя на том, что рассматривает украшения этой самой потаенной комнаты эмира. Словно впервые, он разглядывал камин, полка которого была украшена резьбой в виде виноградных гроздьев и листьев. Смотрел на само вино и на прекрасно сделанные кубки, на белые свечи в золотых подсвечниках, гобелены из Элвиры, резные фигурки из слоновой кости на боковой полке и

над камином. Вдыхал запах благовоний, завезенных из Сорийи, тлеющих на медном блюде, смотрел на резные окна, выходящие в сад, зеркало в позолоченной раме на противоположной стене, причудливо сотканные ковры...

Мазур бен Аврен подумал, что все эти изящные вещи служили, в каком-то смысле, бастионами, защитой цивилизованного человека от дождя, темноты и невежества.

Стоящие у стен города джадиты этого не понимают. И воины пустыни тоже, еще в большей степени. Их спасители, которых все призывают в своих молитвах.

Слишком горькой была эта истина даже для иронии. Эти вещи в комнате Бадира — эти свидетельства того, что найдено то, к чему нужно стремиться и ценить красоту мира, — считались пришельцами и с юга, и с севера символами упадка, коррупции, разврата. Безбожия. Опасными земными отступлениями от предписанного смиренного, униженного поклонения сверкающему богу солнца или далекому, холодному божеству, таящемуся за сверканием звезд.

— Госпожа Забира, — сказал он, меняя позу, чтобы облегчить боль в бедре, — предложила себя в качестве подарка молодому королю Халоньи.

Бадир, который пристально смотрел в огонь, поднял глаза.

— Она верит, что сможет убить его, — пояснил бен Аврен.

Эмир Бадир покачал головой.

— Нет смысла. Смелое предложение, но этот молодой человек почти ничего не значит в своей армии. Сколько ему, шестнадцать? А его мать разорвет Забиру на куски, прежде чем подпустит к мальчику.

— Я тоже так думаю, государь. Я поблагодарил ее и отказался, от вашего имени. — Он улыбнулся. — Я сказал ей, что она вместо этого может предложить себя в подарок вам, но в преддверии зимы я в ней нуждаюсь больше.

Король ответил короткой улыбкой.

— Мы продержимся до зимы? — спросил он.

Бен Аврен отпил вина, прежде чем ответить. Он надеялся, что этот вопрос не прозвучит.

— Мне бы хотелось, чтобы нам не пришлось этого делать, если честно. Это будет очень тяжело. Нам необходимо, чтобы армия из пустыни хотя бы высадилась в Аль-Рассане и армия Халоньи испугалась возможности попасть в ловушку вне стен города и укрытий. Тогда они, может быть, уйдут.

— Им следовало взять Фибас, прежде чем осадить нас.

— Конечно, следовало. Возблагодарите Ашара, а я совершу возлияние лунам.

На этот раз эмир не улыбнулся.

— А если мувардийцы не высадятся?

Бен Аврен пожал плечами.

— Что я могу сказать, государь? Ни один город не застрахован от предательства. Особенно когда запасы начинают таять. А у вас есть главный советник, которого все ненавидят, злой кандат. Если Халонья предложит некоторое снисхождение...

— Не предложит.

— Но если предложит? Если бы у нас в этом случае было что предложить им в ответ, чтобы частично искупить гибель их короля...

Бадир нахмурился.

— Мы это уже обсуждали. Не раздражай меня снова. Я не приму твою отставку, твой уход, твою жертву... ничего этого не будет. За что я должен цепляться так отчаянно, чтобы позволить себе потерять тебя?

— За жизнь? За жизнь вашего народа?

Бадир покачал головой.

— Я слишком стар, чтобы так цепляться за жизнь. Если придут воины пустыни, мой народ может уцелеть... в каком-то смысле. Этот город, каким мы его построили, не уцелеет.

Он обвел рукой комнату.

— Мы сделали это вместе, друг мой. Если это исчезнет, так или иначе, я покину этот мир за бокалом вина вместе с тобой. Больше не говори об этом. Я рассматриваю эту тему как... предательство.

Лицо бен Аврена было мрачным.

— Это не так, государь.

— Это так. Мы найдем выход вместе или не найдем вовсе. Разве ты не гордишься тем, чего мы достигли, мы, вдвоем? Разве это не отрицание самой нашей жизни — говорить так, как ты сейчас? Я не стану цепляться за жалкое существование ценой всего того, чем мы были.

Его визирь промолчал. После паузы эмир сказал:

— Мазур, разве здесь нет вещей, которые мы сделали, которые мы создали, достойных самого Силвенеса, даже в его золотой век?

И Мазур бен Аврен с редким чувством, звучным голосом ответил:

— Здесь был правитель, по крайней мере, более чем достойный быть халифом в Аль-Фонтане в те самые ясные дни.

Снова наступило молчание. Наконец эмир Бадир сказал, очень тихо:

— Тогда ничего больше не говори, старый друг, о том, что я могу тебя потерять. Я не смогу.

Бен Аврен склонил голову.

— Больше я не буду об этом говорить, государь, — ответил он.

Они допили вино. Визирь поднялся, с некоторым трудом, и пожелал своему правителю спокойной ночи. Он прошел по длинным коридорам дворца, беззвучно ступая по мраморным полам, шагал мимо факелов и гобеленов и прислушивался к шуму дождя.

Забира спала. Она оставила гореть одну свечу на столе рядом с графином вина и другим, с водой, и бокалом для него, уже наполненным. Он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз, столь же прекрасную во сне, как и во время бодрствования.

«Северяне, — подумал он, — или пустынные племена: как могут они понять мир, породивший такую женщину?» Она — символ разврата и для тех, и для других. Они убили бы ее или уничтожили морально, он это знал. Они представления не имеют, что еще делать с Забирой из Картады, или с той музыкой, которую она создает, идя по жизни.

Он со вздохом сел в резное, мягкое деревянное кресло, заказанное им у городского мастера-джадита. Выпил бокал вина, а затем и второй, глубоко погрузившись в свои мысли. Ему не хотелось спать.

«Никаких истинных сожалений», — сказал он себе. И понял, что это правда.

Перед тем как раздеться и лечь, он подошел к окну, выходящему во двор, открыл его и выглянул наружу, вдыхая ночной воздух. Дождь прекратился. Вода капала с листьев деревьев в саду под окном.

* * *

Далеко на юго-западе другой человек не спал в ту же ночь, под совсем другим небом.

За вершинами Серранских гор; за Лонзой, скорчившейся в страхе за своими стенами в ожидании прихода вальедцев; за Роницией, чьи кружева известны всему миру; за гордой Картадой в долине, где делают красную краску; за Альджейсом и канала-

ми Элвиры, и Силвенесом, где, как говорят, среди руин бродят призраки и звучит потусторонняя музыка; даже за Тудеской в устье Гвадиары, откуда корабли уходят в море с богатствами Аль-Рассана и привозят обратно восточные сокровища.

За всеми этими землями и за водами пролива, у стен Абираба у северной границы песков Маджрити, Язир ибн Кариф, вождь племен пустыни, прозванный Мечом Ашара на Западе, вдыхал соленый ветер с моря и сидел в одиночестве на разостланном плаще, глядя на ясное небо, усыпанное звездами его бога.

Мудрец, который явился к зухритам, учил их, что звезд столько, сколько песка в пустыне. Двадцать лет назад только что приобщенный к вере Язир пытался понять, что это значит. Он пропускал сквозь пальцы частицы песка, глядя на небеса.

Теперь он перестал задумываться над подобными вещами. Понять бога — удел подобных Ашару, достойных дара видений. Простому воину лишь остается склонить голову и молиться перед лицом такой невообразимой беспредельности.

Звезды на небесах подобны песку в пустыне. Что остается обычному человеку? Только смириться и служить, молясь днем и ночью о милосердии и милости, понимая, что он — всего лишь частица — меньшая, чем песчинка в сыпучих песках, — неслыханно огромного промысла божьего.

Как могут люди раздуваться от гордости, питать иллюзии о собственной ценности или о ценности хрупких, суетных вещей, которые они делают, если они искренне верят в Ашара и звезды? «Этот вопрос, — думал Язир ибн Кариф, — ему бы хотелось задать правителям Аль-Рассана».

Ночь выдалась теплая, хотя Язир улавливал намек на зиму в ветре с моря. Теперь уже недолго. Две луны плыли среди звезд: голубая представляла собой прибывающий, а белая — убывающий полумесяц на западе, за последним краем земли.

Собственно говоря, глядя на луны, он как раз думал о киндате.

За всю свою жизнь он встретился лишь с одним из них, босоногим бродягой в подпоясанном поясом балахоне, который много лет назад сошел на берег в торговом порту на востоке от Абенивина. Этот человек попросил о встрече с вождем племен, и, в конце концов, его привели к Язиру.

Этот киндат был не таким, как большинство людей; он даже не был типичным для собственного народа. Он так и сказал Язиру во время их первой встречи в песках. Закаленный годами странствий, с дочерна загоревшей и выдубленной ветром и солн-

цем кожей, он больше всего напоминал Язиру самого ибн Рашида, того ваджи, который в давние времена явился к зухритам, какой бы ересью ни казалась эта мысль. У него была такая же неухоженная седая борода, такие же ясные глаза, которые видели нечто, находящееся позади или вне пределов зрения других людей.

Он путешествовал по многим землям, сказал киндат, и описывал свои путешествия, великолепные места созидания, говорил с людьми всевозможных верований. Не для того, чтобы проповедовать или обращать, как это делали ваджи, но чтобы углубить собственное чувство восхищения великолепием мира. Он много смеялся, этот киндат-странник, часто над самим собой, рассказывая истории о собственном невежестве и беспомощности в тех странах, которые Язир не знал даже по названиям.

Он говорил во время своего пребывания среди народа Язира о том, что мир создан не одним богом, а многими, и что это только одно из мест обитания для детей создания среди многих. Это была ересь, которую невозможно понять. Язир вспомнил, как засомневался, не обрек ли его на тьму вдали от рая после смерти сам факт того, что он услышал ее.

Кажется, существовала секта киндатов, древнее племя, которое учило, что эти другие миры разбросаны среди звезд, гораздо дальше, чем луны, блуждающие в ночи.

Звездные видения Ашара говорят правду, признался странник Язиру, но также правы и мудрые пророки Джада и, по правде говоря, те мудрецы киндатов, которые видят в лунах богинь. Все эти учения открывают часть, — но всего лишь часть — великой тайны.

Существуют другие божества, другие миры. Выше всех один бог, повелитель звезд, солнца и лун, всех миров. Ни один человек не знает имени этого самого высокого повелителя. Только в том мире, который был сотворен первым, в мире, вслед за которым все остальные — в том числе и их собственный — появились во времени, его имя известно и произносится. Только там всевышний позволяет узнать о себе, и там остальные боги поклоняются ему.

Они делили хлеб несколько дней, утром и вечером, и говорили о многом. Затем странник попросил позволения уйти в одиночку из лагеря Язира, чтобы бродить по обширной и могучей пустыне Маджрити и восхищаться ее великолепием.

Галиб, который слышал кое-что из того, что было сказано

за последние дни, попросил у Язира разрешения — что для него необычно, — последовать за киндатом и убить этого человека за его прегрешения. Язир, разрываясь между долгом хозяина по отношению к гостю и духовным долгом вождя перед своим народом, дал согласие, хоть и неохотно. Еще один грех, за который Ашар должен будет даровать ему прощение, когда придет время Язира предстать перед его судом.

Тот странный человек был единственным киндатом, которого он встречал.

Два дня назад пришло письмо, доставленное одним из соплеменников, вернувшимся в пустыню из Тудески. Его принесли гонцы через весь Аль-Рассан. А сначала была записка, привязанная к ножке голубя, вылетевшего из осажденной Рагозы.

Письмо было написано самим колдуном, Мазуром бен Авреном.

После того как писарь прочел его Язиру трижды, Язир вышел из своей палатки, сел на верблюда и уехал один в пески, чтобы подумать.

И сегодня, под звездами, он продолжал думать. Ему следовало принять решение, от которого, вероятно, зависела судьба его народа, и откладывать дальше было невозможно.

Галиб готов переправиться в Аль-Рассан, Язир это знал. Галибу хотелось попасть туда, где уже шла война, испытать себя и своих соплеменников. Погибнуть, если придется, с обагренным кровью мечом в руке, сражаясь во имя Ашара. Самая верная дорога в рай.

Тот странник-киндат, много лет назад, не назвал имени первого мира, где правит единственный истинный бог. Он сказал, что его имя тоже тайна. Язиру хотелось бы никогда не слышать этой сказки. Но она прочно засела в его памяти.

«Рагоза не продержится до зимы, судя по нынешнему положению дел, — писал Мазур бен Аврен. — Но если вы хотя бы высадитесь у Тудески и не пойдете дальше Альджейса или Картады этой осенью, армия Халоньи испугается, а наши люди воспрянут духом. Я считаю, что мы сможем выстоять, если это произойдет, и весной, возможно, прогоним врага».

Галиб говорил то же самое. Он хотел высадиться до наступления зимы, чтобы устрашить джадитов, но дальше не наступать. Язир был склонен помедлить, собрать больше кораблей, больше людей и, прежде всего, подождать известий из Сорийи, к которой сейчас направлялась по воде армия джадитов.

Как должен поступить благочестивый человек, если к нему

отчаянно взывают о помощи с двух разных полей сражений священной войны?

«Мне пришла в голову мысль, — говорилось далее в письме Мазура бен Аврена, — что одной из причин ваших колебаний по поводу нашего спасения от гибели является мое присутствие в Рагозе. Эмир Бадир — хороший человек и мудрый правитель, любимый своим народом. Если это облегчит вам бремя принятия решения, знайте, что я готов покинуть этот город, если вы пришлете весточку».

Покинуть город? Осажденные города не покидают. Разве что...

«Я пойду в лагерь джадитов, как только от вас придет известие, что вы решили плыть в Аль-Рассан и очистить его от тех, кого необходимо изгнать, чтобы эта земля не была потеряна для Ашара и звезднорожденных».

И это говорил киндат, сам предлагал это.

Язир представил себе, как его ответ несут на северо-восток, один всадник за другим, из города в город, а потом почтовая птица взлетает с гор неподалеку от Рагозы. Он представил себе, как эта птица садится в городе и его записку, продиктованную писарю, приносят колдуну. Язир представил себе, как тот ее читает.

Странно, самое странное из всего: он ни на мгновение не усомнился, что этот человек поступит так, как обещал.

«Эмир отнесется неблагосклонно к моему самонадеянному поступку — посылке этого письма, и у вас я также прошу прощения за свою дерзость. Если вы согласитесь с моими недостойными мыслями, о Меч Ашара, вождь всех племен, пришлите одну фразу: «Будет так, как было написано», и я один пойму и поблагодарю вас, и сделаю так, как сказал. Пускай те грехи, которые, на взгляд Ашара и ваш собственный, совершила Рагоза, падут на мою голову, когда я выйду за городские стены. Мой народ в этом городе почитает своего правителя-ашарита и знает положенное ему место. Если здесь проявились высокомерие и самонадеянность, то лишь с моей стороны, и я готов искупить их».

Серп белой луны почти окунулся в море. Язир смотрел, как он скользнул вниз и пропал из виду. Бесчисленные звезды сияли в небе, и бесконечные пески лежали вокруг него.

Он услышал шаги и узнал их.

— Ты просил меня прийти после захода белой луны, — тихо сказал его брат, присев на корточки рядом с разостланным пла-

щом Язира. — Мы поплывем через пролив? Или подождем? Мы поплывем на земли родины?

Язир вздохнул. Впереди их ждало множество смертей. Человек рождается в этот мир, чтобы умереть. Лучше всего сделать это во имя служения Ашару, совершая то, что можешь совершить.

— Сорийя слишком далеко, — сказал он. — Не думаю, что кому-то из нас суждено увидеть земли родины, брат.

Галиб ничего не ответил, он ждал.

— Лучше было бы плыть весной, — сказал Язир.

Зубы его брата сверкнули в темноте.

— Ты всегда недоволен, — сказал Галиб.

Язир отвел глаза. Это правда, в последнее время. Он был когда-то счастлив, еще молодым, когда у него не было больших забот, на земле зухритов, к югу от того места, где они находятся сейчас. До того как он ступил на тропу праведности, проложенную по крови.

— Мы переправимся через пролив, — наконец проронил он. — Начнем завтра. Мы больше не позволим сынам Джада сжигать звезднорожденных и захватывать города, как бы далеко наши люди ни отошли от тропы Ашара. Мы вернем их на нее. Я считаю, что если правители городов проиграют Аль-Рассан джадитам, то именно мы будем в ответе за это перед богом.

Галиб встал.

— Я рад, — сказал он.

Язир видел, что глаза брата горят, будто у кота.

— А киндатский колдун? — спросил Галиб. — То письмо, которое *пришло*?

— Иди к моему писарю, — ответил Язир. — Разбуди его. Пусть он напишет ответ и отправит его через пролив — сейчас же, до того, как мы все отплывем.

— Какой ответ, брат?

Язир посмотрел на него.

— «Будет так, как было написано».

— И это все?

— Это все.

Галиб повернулся и пошел назад к своему верблюду. Заставил его опуститься на колени, вскочил на него и уехал. Язир остался на месте. Так много звезд, так много песка, голубая луна высоко в прозрачном ночном небе...

Он видел, как его послание пересекает пролив, как скачут всадники, как летит птица. Потайная дверь в стенах Рагозы,

возможно, в серый предрассветный час. Человек выходит наружу, один, и идет к кострам дозорных своих врагов.

Он медленно кивнул головой, видя все это мысленным взором. То воля Ашара, закон Ашара: ни один киндат не может править звезднорожденными. Так было написано. И колдун из Рагозы будет не первым и не последним человеком — отважным или трусливым, — который погибнет в грядущие кровавые дни.

На следующее утро осеннее море было ласковым и щедрым, и на следующее после него, когда дети пустыни, закутав лица, в изумлении перед творением бога, опустились на колени для молитвы, а потом отправились через незнакомую им стихию, чтобы возродить былое величие Аль-Рассана.

* * *

Менее чем через год, в конце ветреного летнего дня, две женщины стояли на вершине холма возле печальных руин Силвенеса, за несколько минут до конца того мира, который они обе знали.

Белые облака неслись над ними и на западном горизонте, где низко висело солнце. Хлопали и развевались знамена, две армии стояли внизу, к северу от быстрой, сверкающей Гвадиары.

Войска Ашара и Джада, в конце концов, сошлись, проведя лето, осень, а затем и весну в осадах и мелких стычках. Суровая зима с ее вынужденным бездельем осталась позади. Много людей погибло той зимой от голода, холода и болезней, идущих по пятам за лишениями и войной. Снег выпал до самой Лонзы и Роницы на юге и Арденьо на западе.

Все три города теперь принадлежали джадитам.

Родриго Бельмонте, командующий объединенными армиями Руэнды, Вальедо и Халоньи, взял их этой весной. У Арденьо — этот город пал первым из трех — он сам вел в бой западную часть армии Эсперанья в первом столкновении с воинами пустыни, и он убил Галиба ибн Карифа.

Ни один человек даже не ранил Галиба в бою, с тех пор как он прискакал на восток рядом со своим братом, более двадцати лет назад. Воины потеряли счет тому, сколько раз он защищал честь зухритов и видения Ашара в единоборстве с лучшими воинами других племен в ритуальном бою перед началом битвы. У Арденьо, однако, не было никакого ритуального поединка.

Родриго Бельмонте высмотрел его на трудном, скользком склоне к востоку от города. Он разрубил шлем и щит Галиба одним ударом, сбросил его с коня, а затем, спрыгнув вниз, до кости разрубил его бедро и почти отрубил руку прежде, чем прикончить ударом меча сверху вниз в шею и ключицу.

Никто в обеих армиях никогда не видел, чтобы человек так дрался.

Все знали, что сын сэра Родриго едва не умер, попав в засаду мувардийцев прошлым летом. Отмечали, что у Арденьо министр Вальедо впервые получил возможность встретиться с воинами пустыни в открытом бою.

Временно бросив жителей Арденьо на произвол судьбы, мувардийцы отступили на юг, правда, сохраняя порядок и нанося урон тем, кто преследовал их слишком рьяно.

Они отступили к Силвенесу, где собрались Язир и его основные силы — как из самого Аль-Рассана, так и только что прибывшие воины пустыни.

Родриго Бельмонте оставил здесь короля Руэнды и западную армию, задачей которой было связать силы ашаритов. Всего с одним своим отрядом в сто пятьдесят человек он помчался на восток, к Лонзе и королю Рамиро.

Стены этого небольшого города были взяты через пятнадцать дней после его прибытия. Стоящая на реке Ларриос, дальше к востоку Роницца, которую осадила армия Халоньи, оставив в своем тылу все еще непокоренную Рагозу, сдалась сразу же, как только пришло известие о падении Лонзы. Ворота Роницы не открылись, однако, до тех пор, пока личный герольд сэра Родриго не прибыл вместе с отрядом вальедцев, чтобы принять капитуляцию. Осада Фезаны и Салоса несколько лет назад послужила хорошим уроком.

Северные армии оставили гарнизон и губернатора в каждом из городов. Некоторое количество людей казнили, чтобы поддержать порядок, но в данном случае смена власти прошла спокойно. Ничего не сжигали. Король Рамиро и его министр теперь твердой рукой управляли армиями севера. Армии Халоньи и Вальедо объединились и вернулись снова на запад, чтобы слиться с руэндцами к северу от Силвенеса.

То есть с тем, что осталось от руэндцев.

Сильную армию, стоящую на возвышенности, которую оставил в тылу Бельмонте, разгромил побежденный враг.

Язир ибн Кариф, явно потрясенный смертью брата и носивший теперь серую траурную повязку на лице, не тратя зря времени, назначил нового командующего силами ашаритов в Аль-Рассане. Его выбор не пользовался популярностью среди соплеменников, но в распоряжении Язира была зима и весна, и за это время он изучил положение дел на полуострове и знал, кто умеет руководить, кому можно доверять, за кем нужно присматривать. И как только совершили похоронные обряды в честь брата, он не стал колебаться.

Аммар ибн Хайран, только что назначенный каид, перегруппировал мувардийцев, присоединил к ним свежий контингент солдат из Картады и застал руэндцев врасплох, одновременно атаковав их с юга и с востока. Следовало идеально рассчитать время на такой трудной местности, и он его рассчитал. Он преследовал северян всю дорогу обратно до Арденьо.

Мувардийцев, оплакивающих Галиба, невозможно было контролировать во время этой погони. В этой войне никто не брал пленных, но плененных руэндцев подвергали жестоким пыткам и издевательствам после смерти. Когда уцелевшие северяне оказались в безопасности за стенами Арденьо, они поспешно начали прибивать мужчин и женщин гвоздями к столбам и сжигать их, стараясь отомстить.

Родриго Бельмонте вернулся на запад. Ашариты снова отошли к Силвенесу, и к ним подошло подкрепление из Картады и Тудески, и из Элвиры на побережье. Пятьсот человек также прибыло из крепости Арбастро — под предводительством самого Тарифа ибн Хассана. Разбойник и его сыновья остановились в Картаде, чтобы получить официальное прощение нового правителя. Альмалик Второй, отцеубийца, был казнен Язиром. Это было первое, что он сделал, прибыв сюда прошлой осенью. Брат Альмалика, Хазем, прозванный Одноруким, сел на престол в Картаде.

Армия Руэнды, то, что от нее осталось, снова вышла из Арденьо, осторожно двинулась на юг и присоединилась к остальным силам Эсперанья возле Силвенеса.

Силвенес. Кажется, именно здесь должно закончиться время войн. Либо Язир и его армия спасения, явившаяся сюда в ответ на мольбы бегущих правителей и паникующих ваджи, с триумфом вернет на эту землю Ашара, либо... либо падение Халифата, совершившееся поколение тому назад, покажется пустяком по сравнению с тем, что произойдет сейчас. Тогда ожерелье Аль-Рассана было разорвано, жемчужины раскатились. Теперь они могут вовсе исчезнуть.

На открытом пространстве между двумя армиями встретились герольды.

Язир ибн Кариф взвесил все возможности и, так как он привык быстро принимать решения, приказал своему герольду сделать предложение. Представитель короля Рамиро, человек явно слишком молодой для своих обязанностей — он весь побелел, когда услышал это предложение, — отвез послание королю Рамиро и его министру.

Через короткое время, мрачный и немногословный, тот же молодой человек вернулся обратно и снова встретился с герольдом противника, чтобы передать ответ.

И ответ этот был таким, какого ожидали.

По правде говоря, не было никакой возможности ответить отказом. Ни из соображений чести, ни из соображений гордости, и ни перед такой битвой, которая предстояла. Гиря веков опустилась.

* * *

Проснувшись утром раньше Аммара, Джеана лежала тихо и смотрела на него, стараясь понять, как могли время и боги привести их к этому. Снаружи, сквозь ткань палатки, до нее доносились звуки просыпающегося лагеря; скоро начнется утренняя молитва.

В последнем сне перед тем, как проснуться, она видела Мазура. Князя киндатов. Его уже полгода нет в живых. Она до сих пор не могла избавиться от нарисованной воображением картины: как он выходит из стен Рагозы и идет к лагерю джадитов. Как удается людям найти в себе мужество, чтобы решиться на подобный поступок?

Мувардийцы высадились в Аль-Рассане той же осенью. Позже, зимой, они узнали, как связаны между собой эти два похода: бен Аврена из-за стен города навстречу гибели и ибн Карифа через пролив. Линии перемещения, так далеко отстоящие друг от друга, объединились у их источника. Последний дар Мазура своему правителю и Рагозе.

Рассказывали ужасные истории о том, что королева Фруэла приказала сделать с седовласым визирем, после того как он пришел, безоружный, в ее лагерь. Джеана знала, что даже самые страшные из них — правда. Она также знала, и это наполняло ее горечью и печалью, что мувардийцы поступили бы точно так же, если бы это они стояли у стен Рагозы.

«Кто мои враги?»

Как в такое время подняться над ненавистью?

Аммар все еще спал. Ее поражало, как он мог спать. Ей хотелось провести ладонью по его лицу — по глазам, рту, ушам, прямому носу, — как это делают слепые, чтобы запомнить его. Она покачала головой, отгоняя от себя эту мысль. Дыхание его было тихим и медленным. Одна рука лежала на груди, совсем по-детски.

Он может сегодня погибнуть. А если не он, то Родриго.

Вот чем все кончилось. Неужели смертные — всего лишь игрушки в руках богов, которым они поклоняются, чтобы богам было кого мучить перед смертью?

Существовала договоренность, достигнутая герольдами Ашара и Джада, что командующие обеих армий встретятся на поединке перед боем, чтобы их боги показали свою волю и могущество. Один из старейших воинских обычаев.

Догадывались ли они каким-то образом, что такой день может наступить? Не скрывалось ли это ужасное предвидение за теми последними словами, которые были сказаны во тьме Орвильи? Или оно проявилось еще раньше, в Рагозе, когда они смотрели друг на друга в то первое, солнечное утро в саду эмира, через который струился ручей? Они тогда отказались драться друг с другом. Там они еще могли отказаться. Там они могли биться бок о бок.

В тот момент Джеана, глядя на спящего возлюбленного, слушая звуки просыпающегося лагеря, дала себе обещание: она изо всех сил постарается не заплакать. Слезы — легкое убежище. То, что должно произойти сегодня, требовало от нее большего.

Глаза Аммара раскрылись без предупреждения, яркие и синие, такого же цвета, как ее. Он смотрел на нее. Она наблюдала, как он постепенно вспоминает, что это за день, что это за утро.

Его первыми словами было:

— Джеана, если я погибну, ты должна уйти с Альваром. Он сможет отвести тебя к родителям. Больше идти будет некуда, любимая.

Она молча кивнула головой. Она не доверяла своему голосу. Затем положила голову к нему на грудь, прислушиваясь к биению его сердца. Когда они потом снова заговорили, уже вне палатки, то о каких-то незначительных вещах. Абсурдное притворство, будто этот день — самый обычный, в обычном мире.

«Больше идти будет некуда, любимая».

* * *

Джеана стояла на обдуваемой ветром возвышенности рядом с Мирандой Бельмонте д'Альведа, глядя вниз, на равнину между армиями, и ее попеременно бросало то в жар, то в холод, когда заходящее солнце скрывалось в быстро скользящих облаках на западе, а потом снова появлялось из-за них.

Альвар де Пеллино, герольд Вальедо, в белой с золотом одежде, находился рядом с ними в качестве эскорта Миранды. Как и Хусари, отпущенный королем Рамиро сопровождать его герольда.

Хусари теперь стал наместником короля Вальедо в Фезане. Джеана не ставила ему это в вину. Он предпочел Рамиро мувардийцам, сделав свой выбор из двух зол в такое время, когда все они были вынуждены его делать. Зири решил иначе. Он не покинул Рагозу вместе с людьми Родриго. Джеана это понимала. Он не пожелал сражаться под знаменами бога, почитатели которого убили его родителей. Она понятия не имела, что с ним стало. На войне теряешь людей из виду.

Джеана посмотрела вниз. Армии были примерно одинаковыми по численности. Местоположение их тоже было равноценным. Если бы дело обстояло иначе, ни одного из двух командиров здесь бы не было.

Временно объединившиеся войска джадитов не могли прожить в полевых условиях еще одну зиму, а племена пустыни не имели желания вести осаду и брать города измором так далеко от своих песков. Завтра произойдет битва на открытой местности. Большая редкость. Она даже может стать решающей, или все будет продолжаться до бесконечности. Медленные, горькие годы огня и меча, болезней, голода и холода на переломе мира.

Но, прежде чем наступит завтра и армии сойдутся на этой равнине под бело-голубыми и черно-серебряными знаменами, сначала будет сегодняшний закат солнца. Джеана напомнила себе, что поклялась не плакать.

Церемониальные сражения между Ашаром и Джадом происходили на рассвете или в конце дня, в момент равновесия между солнцем и звездами. На восточном небосклоне стояла одна луна — белая, почти полная. Джеана с горечью подумала, что это нарушает столь гармонично задуманную и созданную двойственность.

По нескольку солдат от каждой армии стояли на противоположных сторонах склона под ними. Она знала джадитов, людей

Родриго: Лаин, Мартин, Лудус. В действительности в качестве охранников они были не нужны, так как Альвар стоял на холме, а традиции герольдов в этой кампании соблюдались.

«Таковы мужчины», — подумала Джеана, не в силах сдержать вновь подступившую горечь. Война велась со всей жестокостью, какую только можно себе представить, но солдаты — даже мувардийцы — склонялись перед знаменем и жезлом герольда.

И теперь они будут смотреть, как мальчишки, замирая от восторга, благоговея перед древним символом, на то, что произойдет на равнине между войсками. Вызов богов! Каждая вера выставила на поле боя своего великого защитника, своего священного льва! Потом поэты напишут стихи и песни, будут петь их на пирах, в тавернах, во тьме под звездами пустыни.

— Придет ли когда-нибудь такое время, когда родиться женщиной не будет проклятием? — заговорила Миранда, не поворачивая головы. — Когда мы сможем сделать больше, — прибавила она, глядя на равнину, — чем стоять рядом, быть мужественными и смотреть, как наши мужчины умирают?

Джеана ничего не ответила. Она не смогла придумать достойного ответа. До сегодняшнего дня она не считала бременем свою принадлежность к женскому полу, понимая, что ей повезло больше, чем другим — с семьей, с друзьями, с профессией. Сегодня она не чувствовала себя удачливой. Сегодня она могла согласиться с Мирандой Бельмонте. Стоя на этом обдуваемом ветром холме, легко было с ней согласиться.

Внизу послышался новый звук. Обе армии оживились. Раздались громкие крики, звон мечей о щиты.

С противоположных направлений, с севера и с юга, два человека ехали навстречу друг другу через равнину к западу от Силвенеса.

Их никто не сопровождал, поэтому никто не узнал, что именно сказали друг другу Родриго Бельмонте и Аммар ибн Хайран, когда остановили своих коней на небольшом расстоянии друг от друга, одни в целом мире.

Однако через несколько секунд они спешились, развернули своих коней и послали их обратно, туда, откуда они прискакали по траве. Затем снова повернулись лицом друг к другу, и Джеана поняла, что Аммар произнес последние слова, а Родриго ответил ему. Затем они надели шлемы.

Стоя на своем наблюдательном пункте в тот ветреный день,

она увидела, как каждый достал из-за спины висевший там круглый щит и вынул из ножен меч.

На шлеме Родриго изображен орел; на шлеме Аммара — узор из виноградных листьев. Она это знала, но видеть не могла: она стояла слишком далеко, и солнце слепило глаза, оно низко висело за спинами обоих мужчин. Они казались всего лишь силуэтами на фоне света, одинокими силуэтами. Даже кони уже отбежали далеко от них.

«Неправильно для женщины любить двух мужчин?» — спросила она прошлым летом, в темноте, у реки.

Не отрывая глаз от равнины внизу, Миранда скрестила на груди руки, словно что-то крепко прижимала к себе. Джеана видела у Родриго точно такой же жест, год назад, в залитой луной Орвилье. «Интересно, — подумала она, — если бы у нас с Аммаром было достаточно времени, у нас тоже появились бы общие жесты, как этот? И появился бы у нас ребенок, которого можно любить так сильно, как стоящая рядом с ней женщина и мужчина внизу любят своих сыновей?»

«Времени никогда не будет достаточно», — сказала она тогда Аммару.

Глядя в сторону солнца, она увидела, как Родриго сделал обманное движение, а затем опустил с силой свой меч слева, и как Аммар парировал удар своим мечом, движением, безупречным, как шелка Хусари, как строчка стихотворения, как доброе вино на исходе дня. Он плавно перевел парирующий удар в разящий, идущий понизу, и Родриго, быстрый, как сон охотничьего кота, опустил свой щит и отразил его. Оба воина сделали шаг назад. Они стояли и смотрели друг на друга из-под шлемов, не двигаясь. Началось. Джеана закрыла глаза.

Войска тяжело загудели: то был жаждущий, настойчивый, подстегивающий звук.

Снова открыв глаза, Джеана увидела, что Хусари подошел и стоит рядом. Он плакал, не таясь и не притворяясь.

Она взглянула на него, потом молча отвела глаза. Она боялась заговорить. Она себе обещала. Поклялась, что не будет плакать. Пока все не закончится. Пока время не убежит от них, как те кони на равнине.

* * *

Они ни в чем не уступали друг другу. Оба они всегда это знали. В каком-то смысле, то крайнее напряжение сил, которое сейчас требовалось, чтобы выжить, играло положительную роль: оно не пускало в душу печаль, которая лишала сил.

У него имелись причины остаться в живых. На вершине холма к востоку ждала женщина. Там была любовь. Он с трудом отразил низкий удар и одновременно сделал выпад вперед — что очень трудно, — и этот выпад был элегантно отбит. Такого искусного мастера меча он еще никогда не встречал. Не встречал равного себе. Можно ли это назвать танцем? Следует ли им заключить друг друга в объятия? А разве они уже не танцуют?

Здесь необходимо передать руководство телу, которое действует быстрее мысли. Движения, которые невозможно даже вообразить, расплывчатое мелькание встретившихся клинков. Разум парил где-то сверху, вне досягаемости, кроме тех случаев, когда он что-то замечал. Слабость, неуверенность.

Никакой неуверенности здесь, в красном свете заката. Он и не ожидал ее встретить.

На вершине холма стояла любовь.

Давным-давно, на службе у Рагозы, они выманили старого бандита ибн Хассана и вынудили его устроить засаду на отряд, везущий дань, а потом ее отобрали. Однажды ночью у походного костра Джеана спела им песню киндатов:

— Кто знает любовь?
Кто скажет, что знает любовь?
Что есть любовь, скажи мне!

— Я знаю любовь, —
Говорит мне малышка одна, —
Любовь подобна высокому дубу.

— Почему же любовь подобна высокому дубу?
Скажи мне, малышка, ответь!

— Любовь — это дерево то,
Что желанное дарит укрытие
От солнца и бурь.

Он внезапно споткнулся под натиском атаки и отступил назад; выругался, когда почувствовал, что падает. Слишком он невнимателен, позволил себе отвлечься. Он ведь видел этот камень и думал о том, как его использовать.

Отчаянно извернувшись, он бросил щит за спиной ремнем вверх и свободной левой рукой остановил падение, упершись ладонью в траву и одновременно подняв меч, чтобы блокировать нисходящий удар противника и отбить его.

Он перекатился в сторону под тяжестью этого удара, попал в нужное место, поднял свой щит и снова вскочил на ноги, не прерывая плавного движения. Как раз вовремя, чтобы отразить второй быстрый удар. Потом упал на одно колено и нанес рубя-

щий косой удар, молниеносный, за гранью своих возможностей. Ему почти удалось прорвать оборону, он чуть было не вонзил меч в противника. Но не вонзил. Их силы равны. Они оба это всегда знали. С первой встречи в Рагозе. В саду с укрощенным потоком.

— Кто знает любовь?
Кто скажет, что знает любовь?
Что есть любовь, скажи мне!

— Я знаю любовь, —
Говорит мне малышка одна,
Любовь подобна цветку.

— Почему же любовь подобна цветку?
Скажи мне, малышка, ответь!

— Любовь — тот цветок,
Что отдаст свою сладость до капли
Перед тем, как погибнет.

Ему пришла в голову мысль, что было бы хорошо положить оружие на потемневшую траву. Уйти прочь от этого места, от того, что их вынудили делать, мимо руин, вдоль реки, в далекий лес. Найти лесной пруд, омыть раны и выпить прохладной воды, а потом сесть под деревьями, в защищенном от ветра месте, и помолчать, глядя на опускающуюся ночь.

Не в этой жизни.

Тут он придумал, как можно использовать щит.

* * *

Было бы гораздо лучше, если бы она могла ненавидеть человека, который пытается убить Родриго. Но именно этот человек предупредил их и тем самым спас жизнь Диего. Он не обязан был этого делать. Он был ашаритом. А теперь командовал их армией, стал каидом.

Но она никогда, никогда не слышала, чтобы Родриго говорил о другом человеке — даже о Раймундо, который уже давно умер, — так, как он говорил об Аммаре ибн Хайране во время только что закончившейся долгой зимы. Как этот человек сидит на коне, как владеет клинком, луком, как разрабатывает стратегию, шутит, рассказывает об истории, географии, о свойствах хорошего вина. Даже о том, как он пишет стихи.

— Стихи? — переспросила тогда Миранда голосом, полным самого едкого сарказма.

Родриго нравилась поэзия, он чутко улавливал ее. Она —

нет, и он это знал. Он подшучивал над ней, читая ей отрывки любовных стихов в постели. Она накрывала голову подушкой.

— Ты влюблен в этого человека? — спросила она однажды мужа этой зимой в Фезане. По правде сказать, она ревновала довольно сильно.

— Наверное, в каком-то смысле, — через секунду ответил Родриго. — Правда, странно?

«В действительности это было не так уж странно», — подумала Миранда, стоя на холме у Силвенеса. Низкое солнце теперь мешало видеть этих двоих. В какие-то моменты ей было сложно различить их. Она думала, что узнает Родриго рядом с любым другим мужчиной на свете, но теперь он был в доспехах и очень далеко — движущаяся тень на фоне красного света. И оба они сходились, кружились и вертелись очень близко друг от друга, потом расходились. Легко было перепутать их во время этих движений, ведущих к смерти.

Она не готова потерять его. Остаться одной.

Это ветер — причина слез у нее на глазах. Она смахнула их тыльной стороной ладони, искоса взглянула на другую женщину. Джеана бет Исхак стояла с сухими глазами и бледным лицом, не отрывая взгляд от происходящего внизу. Миранда вдруг подумала: «Мы прожили вместе долгие годы. Я знаю, что мне предстоит потерять. А у нее даже не было времени накопить воспоминания, чтобы защититься ими от тьмы».

Какую потерю пережить труднее? Есть ли мера для подобных вещей? Имеет ли это значение?

— О любимый, — вслух прошептала она. А потом добавила про себя, помолилась: — Не покидай меня сейчас.

В это мгновение она увидела, что один из них бросил свой щит.

* * *

Она никогда бы не подумала, что в таком ужасе может быть красота, но ей следовало это знать, помня о том, на что они способны. Оба.

Она уже видела их в бою — во время той схватки в Рагозе, у Эмин ха'Назара, в квартале киндатов Фезаны. Ей следовало ожидать этого.

В большинстве случаев, прищурившись от солнца, Джеана могла их различить. Но не всегда, потому что они сливались, сходились и расходились. Теперь они действительно преврати-

лись в силуэты, не более того, на фоне последнего, красного светового диска.

Она внезапно вспомнила, словно эту мысль кто-то ей послал, холодную ночь во время того похода на восток по заданию Мазура и эмира Бадира. Она услышала, как солдаты поют у походного костра под гитару Мартина. Она тогда вышла из своей палатки, полусонная, закутавшись в плащ. Они освободили ей место у костра. В конце концов она им спела песенку, которую в детстве пела ей мать, как раньше пела Элиане ее мать. Это была такая древняя песня.

«Оба мужчины смотрели на меня в ту ночь из-за костра», — вспомнила Джеана. Странное воспоминание для этого мгновения, но оно пришло. Она вспомнила ту ночь, костер, песню.

Любовь — тот цветок,
Что отдаст свою сладость до капли
Перед тем, как погибнет.

Солнце, красное, словно пламя, опустилось за полосу туч на западе, подсветило их, повисло на краю мира. На его фоне оба мужчины превратились в тени. Они кружились, сходились, снова кружились. Ей теперь не удавалось их различить, их движения были почти одинаковыми.

Один из них бросил щит.

Швырнул его, как метательный диск, с левой руки, прямо в колени противника. Тот прыгнул, пытаясь увернуться, и ему это почти удалось, но все же щит задел его, и он неловко упал. Джеана затаила дыхание. Первый бросился вперед, и они снова переплелись.

— Родриго, — внезапно произнесла Миранда.

Человек без щита возвышался над противником, который уже поднялся на колени. Стоящий на земле блокировал опускающийся меч, и его отбросило назад. Он перекатился в сторону по траве, но для этого ему пришлось бросить собственный щит. Они снова схватились, теперь уже лишившись защиты, их клинки наносили и отражали удары. Они стали почти одним телом. Мифическим созданием, каким-то забытым, сказочным зверем древности. Снова разошлись, стали двумя фигурами на фоне солнечного диска.

Джеана подняла руки и прижала ладони ко рту. Один из двоих снова бросился на противника. Теперь уже половина солнца скрылась за краем мира. Она видела щиты, лежащие там, где упали.

Кто-то нанес сокрушительный удар сверху вниз, но он был отбит. Высвободил меч, сделал ложный выпад и нанес рубящий удар наискось.

И этот удар не был отбит. На этот раз — не был.

Длинный клинок вонзился в тело. Они видели это с холма. Джеана заплакала. Раненый человек отпрянул назад и каким-то чудом парировал следующий мощный удар. Затем он внезапно вывернулся, прижимая одну руку к ребрам. Джеана увидела, как он сделал быстрый шаг в сторону и схватил меч обеими руками. Момент настал.

Кто знает любовь?
Кто скажет, что знает любовь?
Что есть любовь, скажи мне!

Старая песня. Детская песня.

И вот так, в конце концов, издалека, на фоне гаснущего красного света, она увидела, как один хороший человек поднял свой меч и как другой хороший человек упал.

Чудовищный рев донесся со стороны обеих армий. Но, хотя Джеана его услышала, он показался ей уже очень далеким, и удаляющимся, словно тишина опускалась и накрывала мир.

Тот, кто еще стоял на ногах на равнине, повернулся к холму, где находились женщины. Он бросил свой клинок на темную, истоптанную траву. Прижав ладонь к раненому боку, он свободной рукой сделал слабый, беспомощный жест.

Потом отвернулся от них к лежащему на земле человеку и опустился на колени рядом с ним. Тут зашло солнце.

Вскоре после этого с запада начали надвигаться тучи, закрывая небо.

Нет солнца, нет лун, нет звезд над Аль-Рассаном.

Эпилог

Быстрое возрождение общины киндатов Сореники, в Батиаре — это событие, которое можно рассматривать с разных сторон. Сожженная дотла почти двадцать лет назад, накануне закончившегося катастрофой похода джадитов в земли ашаритов на востоке, Сореника заново отстроилась и опять процветала.

Некоторые считали это грустной демонстрацией отчаянного стремления киндатов обрести корни и дом — любой дом, пусть даже столь непрочный. Другие рассматривали быстрое возрождение уничтоженного города как символ стойкости пе-

ред лицом бедствий, которые истребили бы другой народ, не опирающийся на столь богатое наследие.

Лекарь-киндат Альвар бен Пеллино, который одним из первых поселился здесь еще в молодости и получил образование в заново открытом университете, имел отличную от прочих точку зрения, и более прагматичную.

Мужчины и женщины любой веры стремились найти способы построить жизнь для себя и своих детей. Когда подворачивалась возможность, за нее хватались. Возрождение Сореники просто стало такой возможностью, за которую ухватились киндаты.

После уничтожения армии джадитов двадцать лет назад правители нескольких их королевств узнали от своих духовных наставников, что бог был недоволен жестоким нападением на Соренику накануне отплытия флота. Киндаты не являлись истинной мишенью священной войны, торжественно провозгласили клирики, забывая о своей собственной роли в той резне. Уничтожение Сореники, решили они, продемонстрировало отсутствие благочестия, отступление от правильного понимания священной миссии, которая ждала впереди.

Джад покарал их: штормовые ветры в море, болезнь, смерть королей, гибель в сражениях на далекой, негостеприимной земле.

Те предводители и их преемники, которые наконец вернулись домой два долгих года спустя, угрюмо согласились искупить свою вину за резню в Соренике. Киндатов пригласили вернуться, были выделены средства из королевской казны на восстановление их храмов, базаров, домов, университета, гавани, складов, городских стен. Были отменены налоги для всех, кто согласился поселиться там в эти первые годы. Самые знатные люди Батиары — многие из них были сыновьями тех, кто погиб на земле ашаритов, — поставили свои печати под длинным, заумным документом, гарантирующим безопасность Соренике и ее обитателям.

«Необязательно верить в подобные вещи, — думал Альвар бен Пеллино, быстро шагая мимо базарных прилавков по направлению к гавани, — чтобы решить, что в непрочном, полном насилия мире жизнь в Соренике не более опасна, чем в другом месте, и даже имеет некоторые преимущества, которых нет в других местах».

Для Альвара преимуществ было немало в тот далекий год, когда они убежали от той дикости, которая пожирала Эсперанью и Аль-Рассан и раздирала на части полуостров, как дикие звери рвут добычу.

Бен Пеллино хорошо знали и любили в Соренике. Как он ни спешил, но продвигался к гавани медленно. Через каждые несколько шагов он был вынужден останавливаться и обмениваться шутками со встречными. На удивление большое количество людей, мужчин и женщин, желали ему благословения лун в его сороковой день рождения. Киндаты, у которых имелись особые карты дней рождения, придавали им большее значение, чем его собственный народ: малое отличие в ряду более крупных.

Альвар постепенно осознал, что это его собственные дочери постарались всем сообщить о дне его рождения. Грустно улыбаясь, он принимал добрые пожелания и соглашался с веселыми намеками на то, что юность его осталась позади.

В ранние годы жизнь его была полна опасных приключений, и люди кое-что об этом знали. Он был всадником и даже королевским герольдом перед тем, как покинул полуостров, принял веру киндатов и начал изучать медицину.

Он пользовался большим спросом и доверием в качестве лекаря: хладнокровный, знающий, умеющий ободрить. Когда-то его услугами пользовались армии наемников Батиары, но он никогда не участвовал в походах вместе с солдатами, никогда. Каждый сезон он получал приглашения к королевскому двору, чтобы принять роды, вылечить подагру, удалить катаракту, но никогда не занимал должности лекаря в армии во время похода. Если бы ему хотелось на поле боя, пешим или конным, спокойно отвечал бен Пеллино всем, кто задавал вопросы, он остался бы всадником в армии Рамиро Великого, короля Эсперaньи.

Но он лекарь, говорил Альвар, и его работа заключается в сохранении и облегчении жизни. Он ни за что добровольно не отправится во владения смерти на войне, если у него будет выбор.

А вот его жена это делала. Она тоже была лекарем, и даже лучшим, чем он, по мнению некоторых, так как ее обучал с детства ее знаменитый отец, но она не отказывалась поучаствовать в одном-двух походах войска. На поле боя увидишь такие раны и болезни, которые могут расширить и углубить знания лекаря. В свое время ее отец поступал так же.

Альвар, отделавшись от очередного поздравляющего, мысленно пообещал себе отругать дочерей, когда вернется домой. Они не имели права объявлять о его преклонных годах всей общине! Он и не выглядел на сорок лет; это все говорили. Он еще не готов стать почтенным и глубокомысленным; разве что это

поможет держать в руках двух девочек, приблизившихся к опасной грани женственности. Только Альвар сомневался, что его дочерям может что-то помочь.

С другой стороны, это они решили устроить сегодня праздник и всю неделю были заняты приготовлениями. Они выдворили из кухни повара и сами готовили сласти. Жена с сочувствием отнеслась к его желанию провести этот день тихо и попыталась их остановить, но все без толку. Когда обе девочки заодно, сама идея остановить их выглядит наивно.

Зная, что его уже ждут дома к праздничному столу, Альвар поспешно шагал вдоль причала, где корабли со всего света разгружали и загружали товары. Он искал и нашел корабль под флагом Эсперанъи: желтое солнце на бледно-голубом поле, над ним корона королевы Васки.

Мальчишка из доков принес записку в их приемную. У капитана для них есть письмо. Альвар сначала закончил прием больных и пошел за письмом.

Он не узнал капитана, который разрешил ему подняться на борт. Они обменялись шутками.

Он узнал почерк и печать и глубоко вздохнул, принимая из рук капитана пакет в пятнах соли. Он был адресован ему и Джеане, обоим, так что, поблагодарив и вручив капитану серебряную монету, Альвар сошел по деревянному трапу на пристань и вскрыл письмо. Обычно он давал читать письма из Эсперанъи сначала Джеане, но сегодня день его рождения, в конце концов, и он позволил себе такую роскошь. И тут же пожалел об этом.

«Дорогая Джеана, дорогой Альвар, — прочел он, — да хранят и оберегают бог и его сестры вас и всех, кого вы любите. У нас все в порядке, хотя, как вы, наверное, слышали уже от других, события этим летом происходили бурные...»

Альвар прекратил читать, сердце его сильно забилось. Они ничего не получали от других. Он снова вернулся к кораблю. Позвал капитана. Капитан перегнулся через поручни и посмотрел на него сверху.

— Что произошло на полуострове? — крикнул Альвар. Он говорил на эсперанском. Несколько голов повернулось к ним.

— Вы не знаете? — воскликнул капитан.

— Вы — первый корабль из Эсперанъи в этом месяце.

— Тогда я могу стать первым вестником! — сказал капитан, явно довольный. Он поднял соединенные руки ко лбу и сделал знак солнечного диска. — Этим летом Бельмонте взял Картаду и Альджейс, а потом ему сдалась Тудеска! Рамиро Великий въехал

на своем черном коне в море в устье Гвадиары. Джад снова завоевал Аль-Рассан! Полуостров опять принадлежит Эсперанье!

Народ в гавани зашумел. К тому времени, когда Альвар попадет домой, новость уже разлетится по всей Соренике. Надо спешить!

Он быстро пошел прочь, почти побежал, едва успев бросить через плечо «спасибо». В доме сегодня есть люди, которых надо предупредить заранее, как-то защитить от этой новости.

По правде говоря, он и сам нуждался в защите.

Поспешно шагая через базар, Альвар вспоминал ту давнюю ночь к северу от Фезаны, когда король Рамиро объявил ему и сэру Родриго о своем твердом намерении въехать на коне в море, окружающее Аль-Рассан, и забрать себе земли, которые оно омывает.

Теперь он это сделал. Рамиро Великий. Прошло почти двадцать лет, но он это сделал. Он стал королем Эсперанъи. Королем Вальедо, Руэнды, Халоньи. Аль-Рассана, хотя это имя теперь исчезнет. Начиная с этого лета это название будут употреблять лишь поэты и историки.

Сжимая письмо, Альвар припустил бегом. Люди с любопытством смотрели на него, но теперь по улице бежали и другие люди, несущие те же новости. Он пробежал по переулку, мимо их приемной. Закрыто. К этому времени все уже собрались в его доме. На праздник. Чтобы весело отметить день его рождения.

Альвар чувствовал, что ему необходимо будет выплакаться, до того как закончится этот день. И не ему одному.

Входные двери его дома были распахнуты. Он вошел. Никого не видно. Наверное, они все во внутреннем дворе, ждут его. Он остановился перед зеркалом, пораженный своим видом. Мужчина с каштановыми волосами, с немодной бородой, начинающий седеть. А сейчас еще и бледный. Такой бледный, что будь он собственным пациентом, то прописал бы немедленный отдых. Он получил удар. И очень болезненный.

Он услышал на кухне голоса и повернул туда. В дверях он остановился. Его жена была там, все еще в рабочей одежде, проверяла маленькие пирожные и пирожки, которые пекли девочки. Даже сейчас, даже после только что случившегося с ним, Альвар вознес богу и лунам благодарность за этот дар любви, такой неожиданный, такой совершенно незаслуженный.

Он откашлялся. Она оглянулась и посмотрела на него.

— Ты опоздал, — весело сказала она. — Дина, твоя маленькая любимица, грозилась... — Она замолчала. — Что случилось?

Как сказать такое?

— Аль-Рассан пал. — Он услышал свои слова так, словно их отражало эхо, как это было в долине Эмин ха'Назар. — Этим летом. Весь полуостров теперь принадлежит джадитам.

Его жена сложила за спиной руки и прислонилась к столику у очага. Потом быстро сделала три шага вперед по каменному полу и обняла его, прижалась головой к его груди.

— Ох, любимый, — сказала она. — Ох, Альвар, наверное, это так тяжело для тебя. Что я могу сказать?

— Все здесь?

— Почти. Ох, дорогой, — сказала Мариза бет Реццони, его жена, коллега его и Джеаны, дочь его учителя, мать его детей, свет его дней и ночей. — Ох, Альвар, как ты им скажешь?

— О чем скажешь? — спросила Джеана, входя на кухню. — В чем дело? Что-то с детьми?

— Нет. Нет, не это, — ответил Альвар и замолчал.

Он смотрел на первую женщину в своей жизни, которую полюбил. Знал, что будет любить ее до самой смерти. Она до сих пор, с сединой в волосах и смягчившимися чертами лица, оставалась той же потрясающей мужественной женщиной, с которой он много лет назад ехал через Серранский хребет к эмиру Рагозы Бадиру.

Снова в коридоре послышались знакомые шаги.

— Мы здесь! — крикнул Альвар, повысив голос. — На кухне. — Так даже лучше, в каком-то смысле.

Вошел Аммар, почти не опираясь на палку, остановился в дверях, а потом подошел и встал рядом с женой. Он посмотрел на Джеану, на Маризу, на Альвара. Положил руку на плечо Джеаны и произнес своим красивым голосом:

— У Альвара те же новости, что и у меня. Он пытается придумать, как нас уберечь. В основном меня, я думаю.

— В основном тебя, — тихо согласился Альвар. — Аммар, мне так жаль.

— Прошу вас! — воскликнула Джеана. — В чем дело?

Муж отпустил ее, и она повернулась к нему.

— Я собирался подождать, пока закончится праздник Альвара, но теперь уже нет смысла. Пришел корабль из Эсперанъи, любимая. Этим летом Фернан Бельмонте взял Картаду и мой родной Альджейс, где поют соловьи. Сразу же после этого Тудеска открыла свои ворота. Эти три города были последними.

Альвар увидел, что его жена, которая единственная из четверых никогда не бывала на этом любимом, измученном полу-

острове, плачет. Мариза умела чувствовать боль, которую видела, умела принять ее в себя. Это была часть ее врачебного дара, и она иногда пугала Альвара.

Джеана побледнела и выглядела почти так же, как он сам недавно в зеркале. Она не заплакала, а через секунду сказала:

— Это должно было случиться. Никто не мог бы повернуть вспять ход событий, а Фернан...

— ...Кажется, стал почти тем, кем был его отец, — закончил ее фразу Аммар. — Да, это должно было случиться. — Он улыбнулся улыбкой, которую они все хорошо знали и без которой уже не могли обойтись здесь, в Соренике. — Разве я не пытался писать историю Аль-Рассана и элегию в его честь все это время? Разве не было бы жестокой шуткой по отношению ко мне, если бы...

— Не надо, — сказала Джеана, подошла и обняла мужа. Аммар замолчал. Закрыл глаза.

Альвар с трудом глотнул, он был близок к слезам по причине слишком сложной, чтобы выразить ее словами. Звезднорожденные не были его народом. Он родился джадитом, стал кандатом по собственному выбору, еще до того как встретил младшую дочь сэра Реццони и начал ухаживать за ней. Он принял это решение, как и решение стать лекарем, к тому времени, как покинул Эстерен, сопровождая Исхака бен Йонаннона и его жену к их дочери по поручению короля и королевы Вальедо.

Джеана уже бывала в Соренике, она приехала сюда вместе с ибн Хайраном, когда мувардийцы в Аль-Рассане начали угрожать бунтом, если Аммар будет продолжать командовать их армиями. От Язира ибн Карифа требовали казнить его: этот человек, кричали ваджи, убил халифа. Он гораздо больший грешник в глазах Ашара, чем даже джадиты.

Язир уступил первому требованию, но, как ни удивительно, устоял перед вторым. Он сослал ибн Хайрана, но оставил ему жизнь. Отчасти за то, чего он добился в качестве каида, но в основном за один вечерний бой, когда ибн Хайран был священной рукой Ашара, держащей меч. Разве он не одолел человека, которого не мог одолеть никто? Разве не обеспечил им победу при Силвенесе, когда убил Родриго Бельмонте, Бич Аль-Рассана?

И более того: разве не он — прежде всего остального — таким образом отомстил за кровь Галиба? Язир ибн Кариф, который двадцать последних лет странствовал по пескам бок о бок с братом, не захотел уничтожить человека, который сделал это

для него. Ибн Хайрану позволили уехать вместе с его наложницей из киндатов.

— Мы получили письмо от Миранды, — сказал Альвар, прочищая горло.

Джеана взглянула на ибн Хайрана и, успокоившись, отпустила его.

— Ты его прочел? — спросила она Альвара.

— Я только начал. Читай. — Он вручил ей конверт.

Джеана взяла его, развернула и начала читать. Альвар подошел к буфету и налил себе стакан вина. Он взглянул на Маризу, которая отрицательно покачала головой, и на Аммара, который кивнул. Он налил неразбавленного вина своему самому близкому другу на свете и принес ему бокал.

Джеана читала вслух:

— «...события этим летом происходили бурные. Фернан и король взяли последние три города Аль-Рассана. Не знаю подробностей, я никогда ни о чем не спрашиваю, но в двух из них, кажется, произошла кровавая резня. Я знаю, что это не доставит вам радости, даже Альвару, и знаю, что для Аммара это станет большим горем. Он поверит, что я не желаю ему зла, даже сейчас? Поверит ли он, что я понимаю его печаль и что Родриго понял бы ее тоже?

Не думаю, что Фернан на это способен, а вот Диего — возможно. Я не знаю наверняка. Теперь я, конечно, не так часто с ними вижусь. У Диего и его жены родился мальчик, по милости Джада, мой первый внук, и мать чувствует себя хорошо. Его назвали Родриго, как вы и сами могли догадаться. Король наградил Диего новым титулом, созданным специально для него: он теперь — первый министр объединенной Эсперaньи. Люди говорят, что Фернан выиграет для нас все сражения, а Диего будет руководить нами в мирное время. Я горжусь ими обоими, конечно, хотя, как мать, могла бы пожелать Фернану больше доброты. Полагаю, все мы знаем, где он потерял свою доброту, но я, наверное, единственная, кто помнит то время, когда он еще был добрым.

Я говорю как старуха, да? У меня есть внук. Я старая. В общем, я не считаю, что так уж сильно изменилась, но, наверное, изменилась. Между прочим, вы бы не узнали короля, — он стал чудовищно толстым, как его отец.

Этой весной перевезли прах Родриго, перед началом весенней кампании. Я не хотела, чтобы он покидал ранчо, но мальчики и король считают, что ему должны оказывать почести в Эстерене, и у меня не хватило духу противостоять им всем. Раньше я проявляла больше мужества в бою. Я все же настояла на одном, и, к моему удивлению, и Диего, и король Рамиро согласились. Слова на его надгробии взяты из стихов, которые когда-то прислал мне Аммар.

Я думала, что окажусь единственной, кто считает их уместными, но это не так. Я поехала туда на церемонию. Эстерен сильно изменился, конечно. Альвар, ты бы его совсем не узнал. Родриго теперь лежит в нише сбоку от диска бога в королевской часовне. Там стоит статуя из мрамора, созданная одним из новых скульпторов Рамиро. Это не Родриго, конечно, этот человек его никогда не видел. Они надели на него отцовский шлем с орлом, дали в руки хлыст и меч. Он выглядит ужасно суровым. У основания статуи высекли стихи Аммара. Боюсь, они на языке Эсперaньи, но король сам сделал перевод, так что, я полагаю, это чего-нибудь стоит.

Они звучат так:

Все знайте, кто увидит,
Здесь почил
Тот человек, кто свято верен был
Своей земле, страну свою любил
И мужеством, и стойкостью, и честью
Господним чудом на земле прослыл».

Джеана прервала чтение, ей было трудно говорить. Иногда Альвару казалось, что ей было бы легче, если бы она позволила себе заплакать. Мариза не раз говорила то же самое. Джеана плакала, когда умер ее отец и когда ее третий ребенок — дочь — родилась мертвой, но Альвар не мог вспомнить ни одного другого случая, после того боя у холма, в сумерках, возле Силвенеса.

И сейчас она взяла себя в руки, отложила письмо и тонким голоском произнесла:

— Может быть, мы дочитаем его после праздника?

Словно в подкрепление ее слов, со двора донесся нетерпеливый девичий голос:

— Идите же сюда! Мы все ждем!

— Пойдем, — сказал Альвар, беря на себя руководство. — Мне достанется от Дины, если мы заставим ее ждать еще дольше.

Они вышли во двор. Его друзья собрались там — довольно много народа. Элиана бет Данил, мать Джеаны, пришла поздравить его, и он поздоровался с ней первой. Его дочери сновали вокруг, словно пара длинноногих жеребят, рассаживая всех на подобающие места, а потом унеслись на кухню, хихикая.

— Поклянитесь, — сказала Мариза, как только девушки оказались далеко и не могли слышать, — что даже не заикнетесь о том, что пирожные подгорели.

Раздался смех. Альвар поискал взглядом ибн Хайрана. Тот сел в кресло в углу сада, там он мог вытянуть ногу.

Дина и Разель вернулись, торжественно неся свои произведения на серебряных подносах. Никто не сказал ни слова по поводу пирожных. Альвар, по мнению которого дочери служили доказательством милости к нему обеих лун, счел пирожные восхитительно вкусными. Он так и сказал. Мариза следила за тем, чтобы его бокал все время был полон вина.

За него поднимали тосты несколько раз, потом потребовали ответной речи. Он отпустил несколько кислых шуток насчет того, что уже готов устроиться на отдых у очага, но не может себе этого позволить, до тех пор пока не сбросит с плеч это бремя и благополучно не выдаст дочерей замуж. Девочки недовольно хмурились.

Аммар из своего угла заявил, что они с Элианой никак не готовы уступить свое место у очага. Альвару придется подождать своей очереди.

Торжество закончилось. Когда друзья собрались уходить, Альвара тронула и немного удивила та сердечность, с которой они его обнимали. Его все еще изумляло, что он — мужчина, у которого почти взрослые дочери и любящая жена, и что так много людей относятся к нему с любовью. В собственном представлении он, в большинстве случаев, оставался все тем же юношей, едва достигшим мужественности, который давным-давно выехал однажды утром верхом из Карказии, со смехотворно высоко поднятыми стременами, вместе с Родриго Бельмонте.

Кажется, он много выпил, гораздо больше обычного. Это дело рук Маризы. Она, очевидно, решила, что сегодня ему это полезно. Он помнил, как целовал на прощание Элиану, нежно ее обнимая, и как погладила она его по щеке. Это тоже вызвало у него удивление еще много лет назад, когда он понял, что она его одобряет. Он огляделся. Девочки исчезли, и близнецы Аммара и Джеаны тоже. Где-то наверху почти наверняка устраивают какую-нибудь шалость. Вероятно, скоро раздастся крик.

Теперь во дворе стало тихо и немного прохладно. Мариза вынесла шаль для себя и для Джеаны, которая отвела домой мать и вернулась. Джеана зажигала свечи. Альвар приподнялся было, чтобы помочь, но она жестом велела ему снова сесть в кресло.

Он покорно сел, но затем, повинуясь сильному порыву,

встал, взял бутылку и бокал, подошел и сел рядом с Аммаром. Ибн Хайран допивал последние капли вина, Альвар снова наполнил его бокал.

— Живи спокойно, милостью божьей, старый друг, — сказал ему Аммар с печальной улыбкой. — Прими мою любовь и добрые пожелания, сегодня и всегда.

Альвар кивнул.

— Сделаешь кое-что для меня? — спросил он. — Я знаю, что сегодня праздник. Это был хороший праздник. Но девочки ушли наверх с вашими мальчиками, и нам не нужно беспокоиться, что мы их разочаруем.

— И хорошо, — ответил Аммар серьезно.

Альвар фыркнул. Все подшучивали над ним по поводу его дочерей.

— Но, по правде говоря, этот день будет казаться мне фальшивым, если мы притворимся, будто ничего не произошло, не изменилось. Я не могу притворяться. Аммар, ты импровизировал для королей и халифов, окажи честь дню моего рождения и сделай то же для меня. Или я прошу слишком много?

Выражение лица Аммара изменилось. Он поставил свой бокал.

— Это мне ты окажешь честь, — тихо ответил он. — У тебя есть тема?

— Ты знаешь тему.

Обе женщины подошли ближе и теперь, закутавшись в шали, сели рядом на каменную скамью.

Воцарилось молчание. Они смотрели на ибн Хайрана и ждали. Сверху доносился смех их детей, звенел над садом из открытого окна.

Аммар произнес:

Спроси Фезану что стало с Фибасом,
И где Ардена, и Лонза где?
Где Рагоза, обитель учености,
И остались ли там мудрецы?
Где Картады стройные башни
В красной долине власти?
Где Серии праздничный шелк?
Где Тудеска, Элвира, Алхаис,
Где Силвенес сокрылся во тьме?
Где дворов многочисленных арки,
Совершенство садов Аль-Фонтаны?
Фонтаны рыдают от горя,
Как любовник при виде рассвета,
Что его разлучает с любимой.

Они в печаль погрузились
По львам, ушедшим навеки,
По возлюбленному Аль-Рассану,
Который исчез навсегда.

Мерный, красивый голос смолк.

Альвар поднял глаза к небу. Показались первые звезды. Белая луна скоро взойдет над Сорейникой. Сияет ли она над полуостровом к западу от них?

Время навалилось на него, подобно гире. Оба сына Родриго стали взрослыми. Один стал министром, другой — главнокомандующим Эспераньи. Они служат королю Рамиро Великому. А Родриго лежит в Эстереней, под статуей, под камнем.

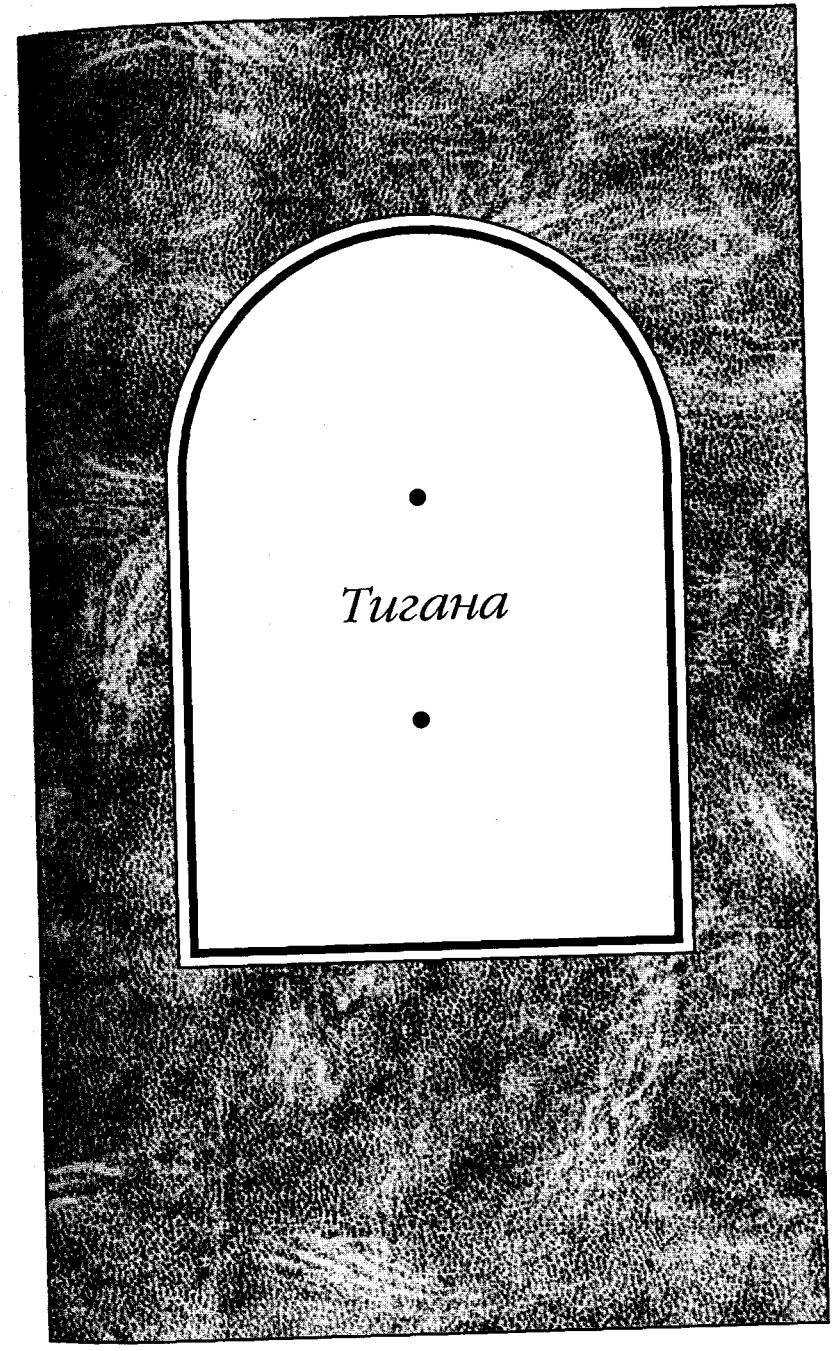
Альвар снова наполнил свой бокал и поставил его нетронутым на скамью рядом с собой, в качестве жертвенного возлияния. Он встал, протянул руку Аммару, нога которого так до конца и не зажила после того боя в сумерках у Силвенеса.

— Пойдем, — произнес он. — Уже темно и холодно. Я думаю, нам всем нужен свет и дети.

Он увидел, что Джеана поставила свой бокал на стол рядом с собой, как это сделал он. Мариза провела их в дом. Тихо сказала что-то слугам. В тот вечер они ужинали вместе в ярко освещенной комнате, где горели два камина, под смех своих сыновей и дочерей. Было уже очень поздно, когда Аммар и Джеана с детьми ушли домой; их дом стоял совсем близко от дома Альвара.

Альвар слушал, как Мариза и няня укладывают двух слишком возбужденных молодых девушек. Он поднялся наверх, чтобы пожелать дочерям спокойной ночи, а потом они с женой прошли по коридору в свою спальню и закрыли дверь и задернули шторы, отгораживаясь от ночи.

Снаружи свет белой луны озарял двор, заливал воду и мелких быстрых рыбок в воде. Серебрил оливы и фиги, высокий кипарис у покрытой плющом стены и поздние травы. И этот бледный свет падал на три бокала вина, которые нарочно оставили, наполненными до краев, на каменном столе, на каменной скамье и на краю фонтана...



Ты бросишь все, к чему твои желанья
Стремились нежно; эту язву нам
Всего быстрей наносит лук изгнанья.

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

Данте. Рай[1].

Что может помнить пламя? Если оно помнит немного меньше необходимого, оно гаснет; если помнит немного больше необходимого, тоже гаснет. Если бы только оно могло научить нас, пока горит, как правильно помнить.

Джордж Сеферис.
Моряк Стратис описывает человека.

ПРОЛОГ

Обе луны стояли высоко в небе, затмевая все звезды, кроме самых ярких. По обеим сторонам реки горели цепочки походных костров, уходящие далеко в ночь. Тихо струилась Дейза, ловила лунный свет и оранжевые огни костров и отражала их ровной волнистой рябью. И все лучи света стекались к нему, туда, где он сидел на речном берегу, обхватив руками колени, и думал о смерти и о минувшей жизни.

Ночь великолепная, думал Саэвар, глубоко вдыхая теплый летний воздух, запах воды, водяных цветов и растений, наблюдая за отражением голубого лунного света в серебристой реке, прислушиваясь к тихому шелесту течения Дейзы и поющим голосам у далеких костров. На другом берегу реки тоже поют, отметил он, вслушиваясь в голоса вражеских солдат, долетающие с севера. Странно, как трудно вложить ощущение абсолютного зла в эти мелодичные голоса и слепо ненавидеть их, как, по-видимому, положено солдату. Только он в действительности вовсе не солдат и никогда не умел ненавидеть.

Он не различал фигур на противоположном берегу, но видел костры, и несложно было понять, насколько к северу от Дейзы

[1] Пер. М. Лозинского.

их больше, чем здесь, у него за спиной, где его сограждане ждали рассвета.

Почти наверняка — последнего. Саэвар не питал иллюзий, никто из них не питал иллюзий после той битвы у этой же реки пять дней назад. У них было лишь мужество и вождь, чья дерзкая отвага могла сравниться только с отвагой двух его молодых сыновей, находящихся здесь вместе с ним.

Оба были красивые мальчики. Саэвар пожалел, что ему так и не представился случай сделать хотя бы один их скульптурный портрет. Принца он, разумеется, ваял много раз. Принц называл его другом. Нельзя сказать, думал Саэвар, что он прожил бесполезную или пустую жизнь. У него было его искусство, оно давало радость и стимул к жизни, и за него он удостоился признания больших людей своей провинции, даже целого полуострова.

И любовь он тоже знал. Саэвар подумал о жене, а потом о двоих собственных детях. О дочери, чьи глаза открыли ему отчасти смысл жизни в тот день, пятнадцать лет назад, когда она родилась. И о сыне, слишком юном, чтобы позволить ему идти на север воевать. Саэвар вспомнил выражение лица мальчика, когда они расставались. Наверное, такое же выражение было и в его собственных глазах. Он тогда обнял обоих детей, потом долго молча обнимал жену; за эти годы все слова были сказаны уже много раз. Потом он отвернулся, быстро, чтобы они не увидели его слез, вскочил на коня, с непривычки неловко управляясь с мечом у бедра, и ускакал вместе с принцем на войну с теми, кто напал на них из-за моря.

Он услышал легкие шаги за спиной слева, приближавшиеся оттуда, где горели походные костры и голоса сплетались в песне под аккомпанемент сириньи. Саэвар обернулся.

— Осторожно, — негромко крикнул он. — Не то споткнешься о скульптора.

— Саэвар? — прошептал чей-то насмешливый голос. Голос, который он хорошо знал.

— Это я, милорд принц, — ответил он. — Вы можете припомнить другую, столь же великолепную ночь?

Валентин подошел — света было более чем достаточно, и все хорошо видно — и аккуратно опустился на траву рядом с ним.

— Сразу не припомню, — согласился он. — Видишь? Прибывающая Видомни сравнялась с убывающей Иларион. Две луны вместе составили бы одну полную луну.

— Странная это была бы луна, — заметил Саэвар.

— Это странная ночь.

— Так ли это? Изменилась ли ночь из-за того, что мы творим здесь, внизу? Мы, смертные, охваченные безумием?

— С нашей точки зрения, это так, — тихо ответил Валентин, его быстрый ум уже нашел ответ на вопрос. — Мы видим в ней такую красоту отчасти потому, что знаем, что сулит утро.

— А что оно сулит, милорд? — спросил Саэвар, не успев сдержаться. Он почти надеялся, словно ребенок, что у этого черноволосого принца, гордого и милосердного, есть ответ тому, что ждет их на том берегу реки. Ответ всем этим голосам игратян и всем их кострам, горящим к северу от них. И, прежде всего, ответ ужасному королю и чародею Играта и той ненависти, которую он-то без труда пробудит завтра в своих солдатах.

Валентин молчал, глядя на реку. Над головой Саэвара пронеслась падучая звезда, прочертила небо на западе и, вероятнее всего, упала в простирающееся там море. Он пожалел о своем вопросе — сейчас не время взваливать на принца бремя притворной уверенности.

Только он собрался извиниться, как Валентин заговорил размеренным и тихим голосом, чтобы его слова не уносились за пределы их маленького круга темноты.

— Я бродил среди костров, и Корсин и Лоредан делали то же самое, пытаясь утешить солдат, вселить надежду и развеселить их, насколько это в наших силах, чтобы люди смогли уснуть. Больше мы ничего сделать не можем.

— Они хорошие мальчики, оба, — сказал Саэвар. — Я как раз думал о том, что так и не изваял никого из них.

— Мне очень жаль, — ответил Валентин. — Если что-то и останется после нас хоть на какое-то время, так это искусство, например твое. Наши книги и музыка, зелень Орсарии и башни Авалле. — Он помолчал и вернулся к прежней теме. — Они действительно храбрые мальчики. Но им всего шестнадцать и девятнадцать лет, и если бы я смог, то оставил бы их дома, вместе с братом и твоим сыном.

И за это Саэвар тоже его любил: Валентин помнил о его сыне и думал о нем, как и о своем самом младшем из принцев, даже сейчас, в такое время.

На востоке и немного позади них, вдали от костров, внезапно запела триала, и оба замолчали, слушая серебристые звуки. Сердце Саэвара неожиданно переполнили чувства, он боялся навлечь на себя позор слезами, боялся, что их могут принять за слезы страха.

— Но я не ответил на твой вопрос, старый друг, — продол-

жал Валентин. — Истину легче разглядеть здесь, в темноте, вдали от костров и всех необходимых дел, которыми я там занимался. Саэвар, мне очень жаль, но истина в том, что почти вся кровь, которая прольется утром, будет нашей кровью, и боюсь даже, что она вся будет нашей. Прости меня.

— Мне нечего прощать, — быстро ответил Саэвар так твердо, как только смог. — Эту войну не вы начали, и не в ваших силах было ее остановить или отменить. И, кроме того, может быть, я не солдат, но, надеюсь, и не глупец. Это был лишний вопрос: я сам вижу ответ. В тех кострах, что горят за рекой.

— И в колдовстве, — тихо прибавил Валентин. — Больше в нем, чем в кострах. Мы могли бы отбить более многочисленные силы, даже измученные и страдающие от ран после сражения на прошлой неделе. Но с ними сейчас колдовская сила Брандина. Лев явился собственной персоной вместо детеныша, и поскольку детеныш мертв, утреннее солнце должно увидеть кровь. Может быть, мне следовало сдаться на прошлой неделе? Сдаться мальчишке?

Саэвар повернулся и изумленно посмотрел на принца при смешанном свете лун. На несколько секунд он потерял дар речи, потом вновь обрел его.

— После того как мы сдались бы, — решительно проговорил он, — я бы пришел во Дворец у Моря и разбил все ваши скульптурные портреты, которые когда-то сделал.

Через мгновение он услышал странные звуки. Он не сразу понял, что Валентин смеется, потому что такого смеха Саэвару никогда еще не доводилось слышать.

— Ох, друг мой, — наконец сказал принц, — мне кажется, я заранее знал, что ты это скажешь. Уж эта наша гордость. Наша ужасная гордость. Хотя бы это будут о нас помнить после того, как нас не станет, как ты думаешь?

— Возможно, — ответил Саэвар. — Но помнить будут. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что нас будут помнить. Здесь, на полуострове, и в Играте, и в Квилее, даже на западе, за морем, в Барбадиоре и Империи. Мы оставим след.

— И мы оставим наших детей, — сказал Валентин. — Младших. Сыновей и дочерей, которые будут нас помнить. Наши жены и отцы будут учить их, и когда дети вырастут, узнают о битве на реке Дейзе, о том, что здесь произошло, и даже больше — чем мы были в этой провинции до падения. Брандин Игратский может уничтожить нас завтра, может разрушить наш дом, но он не сможет отнять наше имя и память о том, какими мы были.

— Не сможет, — эхом отозвался Саэвар, неожиданно чувствуя странный подъем. — Я уверен, что вы правы. Мы не будем последним свободным поколением. Волны завтрашнего дня будут видны на воде все грядущие годы. Дети наших детей будут нас помнить и не станут покорно носить ярмо.

— А если кто-нибудь из них и проявит такую склонность, — прибавил Валентин другим тоном, — дети или внуки одного скульптора снесут им головы — каменные или из другого материала.

Саэвар улыбнулся в темноте. Ему хотелось рассмеяться, но пока что он не находил в себе для этого сил.

— Надеюсь, что так и будет, милорд, если будет на то воля богов. Благодарю вас. Благодарю, что вы это сказали.

— Никаких благодарностей, Саэвар. Только не между нами и не этой ночью. Да хранит и оберегает тебя завтра Триада, а после — да хранит и оберегает всех, кого ты любил.

Саэвар проглотил комок в горле.

— Вы знаете, что принадлежите к их числу, милорд. Вы — из тех, кого я любил.

Валентин не ответил. Только через мгновение он наклонился и поцеловал Саэвара в лоб. Потом поднял руку, и скульптор, со слезами на глазах, тоже поднял руку и коснулся ладонью ладони принца в прощальном приветствии. Валентин встал и ушел обратно к кострам своей армии, тенью в лунном свете.

Пение прекратилось на обоих берегах реки. Было очень поздно. Саэвар знал, что ему тоже следует вернуться и попробовать поспать несколько часов. Но уйти было трудно, встать и уйти от совершенной красоты этой последней ночи. От реки, лун, звездной арки, светлячков и всех этих костров.

В конце концов он решил остаться здесь, у воды. Он сидел в одиночестве во тьме летней ночи, на берегу реки Дейзы, крепко обхватив сильными руками колени. Смотрел, как заходят две луны, как постепенно гаснут костры, и думал о жене, о детях и о скульптурах, созданных его руками, которые останутся жить и после его смерти. По крайней мере, он на это надеялся.

Часть I

КЛИНОК В СЕРДЦЕ

Глава 1

В осенний сезон вина из утопающего в кипарисах, оливах и тучных виноградниках загородного поместья герцога Астибарского пришло известие, что бывший правитель города и всей провинции завершил свою жизнь и свою ссылку и с последним горестным вздохом скончался.

Ни один служитель Триады не присутствовал при его кончине и не произнес ритуальных молитв. Ни жрецы Эанны в белых одеждах, ни жрецы темной Мориан, богини Врат, ни жрицы самого бога Адаона.

В городе Астибаре никто особенно не удивился, когда пришло это известие, как не удивился и вести о кончине герцога. Гнев ссыльного Сандре, направленный против Триады и ее жрецов в последние восемнадцать лет жизни, ни для кого не был тайной. А отсутствие благочестия всегда было свойственно Сандре д'Астибару, даже во времена его правления.

Накануне Праздника Виноградной Лозы в городе было полно народу из прилегающей дистрады и дальних земель. В переполненных тавернах и кавницах люди, которые никогда не видели его лица и которые некогда побледнели бы от вполне оправданного страха, если бы их вызвали ко двору герцога в Астибаре, обменивались правдивыми и лживыми историям о нем, словно шерстью и пряностями.

Всю свою жизнь герцог Сандре был предметом слухов и домыслов на всем полуострове, который называли Ладонью, и его смерть не изменила этого факта, несмотря на то что восемнадцать лет назад Альберико из Барбадиора явился со своей армией из заокеанской Империи и сослал Сандре в дистраду.

Возможно, потому, что всегда был осторожным и осмотрительным во всем, Альберико, который железной рукой правил четырьмя из девяти провинций и соперничал с Брандином Игратским за власть над девятой провинцией, поступил в точном соответствии с протоколом.

Около полудня того дня, когда умер герцог, из восточных ворот города выехал гонец от Альберико. Гонец нес синее с серебром траурное знамя и, никто в этом не сомневался, составленное витиевато и напыщенно послание с соболезнованиями детям и внукам Сандре, собравшимся сейчас в обширном поместье в семи милях от городских стен.

В кавнице «Паэлион», где в тот сезон собирались самые остроумные люди, с цинизмом заметили, что от тирана скорее можно было ожидать посылки не одного гонца, а целой роты собственных наемников из Барбадиора, если бы оставшиеся в живых потомки Сандре не были настолько беспомощными. Не успел стихнуть насмешливый, но осторожный, с оглядкой, ропот после этих слов, как один заезжий музыкант — а их в ту неделю съехались в Астибар десятки — предложил пари на весь свой заработок следующих трех дней, что еще до окончания праздника из Кьяры пришлют соболезнования в стихах.

— Слишком удобный случай, — объяснил неосторожный гость, сжимая в ладонях дымящуюся кружку кава, сдобренного одним из дюжины ликеров, стоящих на полках бара «Паэлиона». — Брандин не сможет упустить подобный шанс и не напомнить Альберико — и всем остальным, — что хотя они вдвоем и поделили между собой полуостров, но большая доля искусства и просвещения приходится на его западную часть, рядом с Кьярой. Попомните мои слова — а кто хочет, может побиться об заклад, — через три дня, не успеет в Астибаре умолкнуть музыка, как мы получим нескладно зарифмованные стихи тучного Доарде или какой-нибудь дурацкий акростих Камены, над которым надо поломать голову и где имя Сандре можно прочитать шесть раз туда и обратно.

Раздался смех, но опять-таки осторожный, даже накануне праздника, когда давняя традиция, которую Альберико из Барбадиора осмотрительно сохранил, позволяла большие вольности, чем в остальное время года. Несколько человек, разбирающихся в подсчетах, быстро прикинули время на плавание и опасности осеннего моря к северу от провинции Сенцио и между островами Архипелага, и пари музыканта быстро было принято и записано на грифельной доске, висящей на стене «Паэлиона» как раз для этих целей: в городе любили биться об заклад.

Но вскоре все пари и насмешливая болтовня были забыты. Некто в невероятной шляпе с кудрявым пером распахнул дверь в кавницу и громко потребовал внимания. Добившись его, он сообщил, будто только что видел, как гонец тирана вернулся в

город через те же восточные ворота, из которых недавно выехал. Что этот гонец скакал значительно быстрее, чем прежде, и что всего в трех милях за ним следовала похоронная процессия герцога Сандре д'Астибара, которого, в соответствии с его последней волей, привезли для прощания на один день и одну ночь в тот город, где он некогда правил.

Реакция посетителей «Паэлиона» была мгновенной и вполне предсказуемой: мужчины начали кричать во все горло, чтобы их услышали сквозь их собственный галдеж. Шум, политика и предвкушение удовольствий праздника вызывали сильную жажду. Торговля пошла настолько бойко, что взволнованный владелец «Паэлиона» начал лить полноценные порции ликера в кав. Его жена, более флегматичная по натуре, продолжала недоливать ликер всем клиентам подряд, не делая исключений даже для любимчиков.

— Их повернут обратно! — вскричал молодой поэт Адриано, решительно стукнув своей кружкой и расплескав горячий напиток по темному дубовому столу, стоящему в самом удобном месте «Паэлиона». — Альберико никогда этого не позволит!

Послышалось одобрительное ворчание его друзей и прихлебателей, которые всегда собирались вокруг именно этого стола.

Адриано украдкой взглянул на странствующего музыканта, который заключил дерзкое пари на Брандина Игратского и его придворных поэтов с Кьяры. Этот парень с веселым видом, насмешливо выгнув брови, развалился на стуле, который некоторое время назад без зазрения совести придвинул к их столику. Адриано чувствовал себя оскорбленным этим человеком и не знал, что его обидело больше: намек музыканта на культурное превосходство Кьяры или то, что он небрежно отозвался о великом Камене ди Кьяре, которому Адриано усердно подражал в последние полгода, причем не только в стихосложении, но и в одежде, ни днем, ни ночью не снимая трехслойный плащ.

Адриано был достаточно умен, чтобы понимать, что в этих двух источниках раздражения заложено противоречие. Но он был слишком молод и выпил много кружек кава с бренди из Сенцио, так что это понимание осталось на уровне подсознания.

А на сознательном уровне он сосредоточился на этом самонадеянном деревенском парне. Тот, очевидно, приехал в город, чтобы в течение трех дней пиликать или тренькать на каком-нибудь народном инструменте и заработать пригоршню астинов, а потом прокутить их на Празднике. Как посмел такой парень зайти в самую модную кавницу на всей Восточной Ладони и плюхнуться своим деревенским задом на стул у столика для избранных в этом зале? Адриано все еще сохранил до боли ясное воспоминание о том долгом месяце, который потребовался ему — даже после того, как его первые стихи появились в печати, — чтобы осторожно подобраться поближе, внутренне содрогаясь в ожидании отпора, прежде чем он стал членом избранного и широко известного круга людей, занимающих этот стол.

Он поймал себя на тайной надежде, что музыкант посмеет ему возразить: у него уже был готов отборный куплет насчет презренной черни, смеющей высказывать собственное мнение в компании гораздо более умных людей.

И словно уловив эту мысль, парень еще вальяжнее откинулся на спинку стула, погладил длинным пальцем рано поседевший висок и сказал, обращаясь прямо к Адриано:

— Кажется, сегодня мне везет на пари. Рискну поставить все, что мне предстоит выиграть на прошлом пари, что Альберико слишком осторожен, чтобы нарушить по этому поводу традиции праздника. В Астибаре сейчас слишком много народу, и настроение слишком приподнятое, даже несмотря на то что здесь недоливают спиртное.

Он ухмыльнулся, чтобы смягчить свои последние слова.

— Тирану гораздо выгоднее проявить великодушие, — продолжал он. — Со всеми церемониями раз и навсегда похоронить своего старого врага, а потом возблагодарить тех богов, которым нынче велит поклоняться барбадиорам их заморский император. Возблагодарит и принесет жертвы, так как может быть уверен, что наследники-кастраты герцога быстро забудут о свободе, за которую боролся Сандре в еще не кастрированном Астибаре.

В конце своей речи он перестал улыбаться и в упор посмотрел своими широко расставленными серыми глазами на Адриано.

И вот это были первые по-настоящему опасные слова, произнесенные вполголоса, но их слышали все, и внезапно их угол в «Паэлионе» неестественно притих посреди беспорядочного шума остальных частей зала. Насмешливый куплет Адриано, так быстро сочиненный, теперь показался ему самому тривиальным и неуместным. Он ничего не ответил, сердце его почему-то учащенно забилось. Он с некоторым усилием заставил себя не опускать глаз под взглядом музыканта, который прибавил с прежней кривой усмешкой:

— Так как, по рукам, друг?

Стараясь потянуть время и быстро прикидывая, сколько астинов сможет добыть у друзей, Адриано ответил:

— Не соблаговолите ли объяснить нам, почему крестьянин из дистрады так свободно распоряжается еще не выигранными деньгами и так свободно высказывает свое мнение по подобным вопросам?

Музыкант улыбнулся еще шире, открывая ровные белые зубы.

— Я не крестьянин, — добродушно возразил он, — и не из вашей дистрады. Я — пастух с гор Южной Тригии, и я вам кое-что скажу. — Его насмешливые глаза обежали всех сидящих за столом. — Стадо овец может поведать о людях больше, чем некоторым из нас хотелось бы думать, а козы сделают из вас философа быстрее, чем жрецы Мориан, особенно если гоняться за ними, я имею в виду, конечно, коз, ночью в горах под дождем и раскатами грома.

За столом раздался искренний смех, напряжение спало. Адриано безуспешно попытался сохранить суровое выражение лица.

— Так как — по рукам? — снова повторил пастух, дружелюбно и спокойно.

Адриано спасло от необходимости отвечать, а нескольких его друзей — от разочарования и потери денег появление художника Нероне, еще более поспешное, чем появление вестника с пером на шляпе.

— Альберико дал разрешение! — провозгласил он, перекрывая гомон в «Паэлионе». — Он только что издал указ, что ссылка Сандре закончилась с его смертью. Тело герцога будет выставлено для торжественного прощания в старом дворце Сандрени, а потом его похоронят со всеми почестями, со всеми девятью обрядами! Если, — тут он сделал драматическую паузу, — если жрецам Триады разрешат участвовать в церемонии.

Адриано с трудом мог ухватить скрытый смысл сказанного — с молодыми, чересчур импульсивными поэтами это случается сплошь и рядом. Но ведь происходят великие события! Его взгляд почему-то снова вернулся к пастуху. Выражение лица тригийца было добрым и заинтересованным, но вовсе не торжествующим.

— А, ладно, — произнес пастух, печально качая головой, — наверное, моя правота служит мне компенсацией за бедность — боюсь, это история моей жизни.

Адриано рассмеялся. Он похлопал толстого, задыхающегося Нероне по спине и подвинулся, освобождая место для художника.

— Да благословит нас обоих Эанна, — сказал он ему. — Ты только что сэкономил себе больше астинов, чем у тебя есть. Я собирался занять у тебя, чтобы побиться об заклад, и проиграл бы после твоего известия.

Вместо ответа Нероне взял почти пустую кружку Адриано и залпом допил кав. Потом с надеждой оглянулся вокруг, но другие собеседники охраняли свои кружки, хорошо зная привычки художника. Темноволосый пастух из Тригии со смехом пододвинул ему свою кружку. Приучивший себя никогда не подвергать сомнению щедрость, Нероне проглотил напиток. Но когда кав был выпит, он все же пробормотал слова благодарности.

Адриано отметил этот эпизод, но его мысли текли по непривычному руслу и привели к неожиданному выводу.

— Ты также только что подтвердил, — внезапно проговорил он, обращаясь к Нероне, но адресуя свои слова ко всем сидящим за столом, — насколько хитер чародей из Барбадиора, который нами правит. Теперь Альберико удалось одним указом упрочить свои отношения со священнослужителями Триады. Выполняя последнюю волю герцога, он поставил идеальное условие. Наследникам Сандре придется согласиться — хотя они и так всегда и на все соглашались, — и могу лишь догадываться, сколько астинов им будет стоить смягчить жрецов и жриц и заставить их прийти во дворец Сандрени завтра утром. Теперь Альберико прославится тем, что вернул отступника герцога Астибарского обратно в лоно Триады хотя бы после его смерти.

Он оглядел сидящих за столом, взволнованный собственными словами.

— Клянусь кровью Адаона, это напоминает мне об интригах былых времен, когда все делалось так же тонко!

— Возможно, — сказал тригиец с серьезным выражением на лице, — ты высказал самое умное предположение за весь этот шумный день. Но скажи, — продолжал он, обращаясь к вспыхнувшему от удовольствия Адриано, — если поступок Альберико напомнил тебе — и другим, без сомнения, только не так быстро — о прежних днях, до того, как он приплыл сюда покорять нас, и до того, как Брандин захватил Кьяру и западные провинции, то разве не существует вероятности, — его голос среди гомона в зале звучал тихо, только для ушей Адриано, — что его все же обставили в этой игре? И обставил покойник?

Вокруг них люди шумно поднимались и расплачивались, спеша выйти на улицу, где разворачивались важные события. Все собрались идти к восточным воротам, смотреть, как потомки Сандре через восемнадцать лет привезут их мертвого правителя домой. Пятнадцатью минутами раньше Адриано был бы

уже на ногах вместе с остальными, кутался бы в свой тройной плащ и бежал, чтобы успеть у ворот занять место, откуда все хорошо видно. Но теперь его мысли устремились по новому пути, следуя за голосом тригийца, и его озарило понимание, словно луч света в темноте.

— Ты понимаешь, не правда ли? — напрямик спросил его новый знакомый. Они остались за столом одни. Нероне задержался, чтобы допить кав из оставленных в спешке кружек, потом вслед за остальными выбежал навстречу осеннему солнцу и ветру.

— Кажется, да, — ответил Адриано. — Сандре выигрывает, проигрывая.

— Проигрывая битву, которая его никогда по-настоящему не интересовала, — поправил тригиец, остро блеснув серыми глазами. — Сомневаюсь, что жрецы что-либо для него значили. Они не были его врагами. Как ни хитер Альберико, правда в том, что он завоевал эту провинцию, и Тригию, и Феррат, и Чертандо благодаря своей армии и чарам, и только с их помощью удерживает Восточную Ладонь. Сандре д'Астибар правил этим городом и провинцией двадцать пять лет, пережил полдюжины мятежей и покушений, как я слышал. И делал это всего лишь с помощью горстки не всегда верных ему войск, своей семьи и уже тогда легендарной хитрости. Что ты скажешь на предположение, что он отказался впустить к себе перед смертью жрецов и жриц вчера ночью только для того, чтобы заставить Альберико сегодня ухватиться за это условие, которое позволит ему сохранить лицо?

Адриано не знал, что ответить. Знал только, что чувствует подъем, возбуждение, и не уверен, хочется ли ему сейчас взять в руки меч или перо и чернила, чтобы записать те слова, которые начинали рождаться внутри.

— Что случится, как ты считаешь? — спросил он с почтительностью, которая поразила бы его друзей.

— Не знаю, — откровенно ответил его собеседник. — Но у меня крепнет подозрение, что в этом году на Празднике Виноградной Лозы может начаться нечто такое, чего никто из нас не ожидает.

На мгновение показалось, будто он хотел прибавить что-то еще, но промолчал.

Вместо этого он встал и со звоном бросил на столик горсть монет в уплату за кав.

— Мне надо идти. Время репетировать: я выступаю с музыкантами, с которыми никогда прежде не играл. Прошлогодняя чума выкосила многих из странствующих музыкантов, а я на время избавился от коз.

Он ухмыльнулся, затем бросил взгляд на доску для записей пари на стене.

— Скажи своим друзьям, что я через три дня вернусь сюда до захода солнца, чтобы решить дело с поэтическими соболезнованиями Кьяры. А пока прощай.

— Прощай, — задумчиво ответил Адриано, провожая взглядом покидающего опустевший зал музыканта.

Хозяин и его жена собирали кружки и стаканы, вытирали столы и скамейки. Адриано знаком попросил последнюю кружку. Через минуту, потягивая кав — на этот раз без спиртного, чтобы прояснилось в голове, — он вспомнил, что забыл спросить имя музыканта.

Глава 2

В тот день Дэвину не везло.

В свои девятнадцать лет он почти совсем смирился с маленьким ростом и мальчишеским бледным лицом, которыми словно в насмешку одарили его боги Триады. Уже столько лет прошло, как он бросил привычку висеть вниз головой на ветвях деревьев в лесу возле их фермы в Азоли, пытаясь хоть немного прибавить себе рост.

Прекрасная память всегда была предметом его гордости и источником радости, но многие из воспоминаний не приносили ни того, ни другого. Он бы с удовольствием забыл тот день, когда близнецы, возвращавшиеся с охоты со связкой дичи, застали его висящим на дереве вниз головой. Даже шесть лет спустя его мучило то, что его обычно туповатые братья сразу же догадались, чего он пытается добиться.

— Мы тебе поможем, малыш! — весело воскликнул Повар.

Нико ухватил его за руки, а Повар за ноги, и крепкие близнецы вдвоем начали растягивать его, добродушно хохоча. И помимо прочего, им доставляло громадное наслаждение слушать не по годам изощренную ругань Дэвина.

Да, то была его последняя попытка прибавить себе рост. Той же ночью он пробрался в спальню храпящих близнецов и аккуратно вылил на каждого по ведру с помоями для свиней. И ум-

чался, подобно Адаону, успев пересечь двор и выскочить за ворота фермы прежде, чем раздался их рев.

Дэвин провел в лесу две ночи, потом вернулся и был выпорот отцом. Он ожидал, что его заставят стирать простыни, но Повар сам это сделал. Близнецы, как всегда добродушные, уже позабыли об этом инциденте.

А Дэвин, будучи проклят или благословен памятью, подобно Эанне, богине Имен, не смог ничего забыть. Пускай на близнецов трудно было таить обиду, собственно говоря, почти невозможно, но от этого его одиночество не уменьшалось. Вскоре после того случая Дэвин ушел из дома, поступив учеником певца к Менико ди Феррату, чья труппа раз в два-три года совершала весной турне по северу Азоли.

С тех пор Дэвин ни разу не возвращался домой. Он брал недельный отпуск во время поездок труппы на север три года назад и еще раз этой весной. Не то чтобы с ним плохо обращались дома, но просто он не вписывался в ту жизнь, и они все четверо это знали. Крестьянствовать в Азоли было серьезным, иногда суровым трудом, непрерывной битвой за сохранение земли и рассудка, постоянным сражением с наступающим морем и жаркой, туманной, серой монотонностью дней.

Если бы была жива его мать, все могло быть по-другому. Но ферма в Азоли, куда Гэрин из Нижнего Корте привез своих троих сыновей, была безрадостным местом и подходила разве что для близнецов, которым хватало общества друг друга, и для такого человека, каким постепенно стал Гэрин среди почти безжизненных равнин. Она не могла стать источником духовной пищи или светлых воспоминаний для сообразительного, одаренного живым воображением младшего ребенка, способности которого, как бы они потом ни проявились, не имели ничего общего с возделыванием земли.

Узнав от Менико ди Феррата, что голос Дэвина способен на большее, чем пение деревенских баллад, они все испытали некоторое облегчение и распрощались с ним ранним весенним утром, стоя под неизбежным серым дождем. Его отец и Нико едва успели сказать слова прощания, как уже двинулись к реке проверить ее уровень. Но Повар задержался и неуклюже ткнул своего странного младшего брата кулаком в плечо.

— Если с тобой будут плохо обращаться, — сказал он, — ты можешь вернуться домой, Дэв. Места хватит.

Дэвин запомнил и то, и другое: мягкий толчок в плечо, который с годами приобрел большее значение, чем пристало такому жесту, и сопровождавшие его слова, быстро произнесенные грубым голосом. По правде говоря, он действительно помнил почти все, кроме матери и жизни в Нижнем Корте. Но ему было меньше двух лет от роду, когда она погибла во время боев, а всего через месяц Гэрин увез своих троих сыновей на север.

С тех пор он помнил почти все.

Если бы Дэвин любил биться об заклад, — а он не любил, этот след оставила в его душе осторожная Азоли, — то мог бы поставить кьяро или астин на то, что уже много лет не испытывал такого отчаяния. С той поры, если говорить правду, когда ему казалось, что он вообще никогда не подрастет.

Что нужно сделать, мрачно спрашивал себя Дэвин, чтобы получить выпивку в Астибаре? Да еще накануне праздника!

Проблема была бы почти смешной, если бы не вызывала такую ярость. Это было делом рук тощезадых губителей радости — жрецов Эанны, как он быстро выяснил в первом же кабачке, где ему отказались продать бутылку зеленого вина из Сенцио. Эта богиня, с жаром подумал Дэвин, достойна лучших слуг.

Дело в том, что год назад, в пылу вечной борьбы за первенство со служителями Мориан и жрицами Адаона, жрецы Эанны убедили марионеточный совет тирана, что молодежь Астибара стала слишком распущенной, а подобная распущенность приводит к беспорядкам. А так как очевидно, что таверны и кавницы являются рассадником распутства, меньше чем через две недели Альберико обнародовал и ввел в действие закон, по которому ни один юноша Астибара до семнадцати лет не мог купить выпивку.

Высохшие, как пыль, жрецы Эанны праздновали — своим аскетическим способом — этот мелкий триумф над жрецами Мориан и элегантными жрицами Адаона: оба эти божества ассоциировались с темными страстями и, что неизбежно, с вином.

Хозяева заведений молча негодовали (негодовать громко в Астибаре было опасно), хотя не столько из-за убытков в торговле, сколько из-за того коварства, с которым этот закон был введен. Он просто возложил на каждого владельца кабака, таверны или кавницы трудную задачу определять возраст клиента. В то же время, если кто-либо из вездесущих барбадиорских наемников случайно зайдет в таверну и ему покажется, что какой-то клиент слишком молодо выглядит, — вот вам еще одна закрытая на месяц таверна и еще один хозяин, посаженный в тюрьму на такой же срок.

Всем шестнадцатилетним астибарцам здорово не повезло.

А вместе с ними, как постепенно выяснилось в то утро, и одному малорослому девятнадцатилетнему певцу из Азоли с мальчишеским лицом.

После трех подряд неудачных попыток на западной стороне Храмовой улицы Дэвин испытал мимолетное искушение перейти дорогу к храму Мориан и изобразить приступ экстаза в надежде на то, что ему поднесут сенцианского зеленого в качестве средства от чрезмерной религиозности. Еще менее рациональной была мысль о том, чтобы запустить камень в окно накрытого куполом храма Эанны и проверить, сможет ли его догнать один из этих бесполых слабоумных жрецов.

Однако он воздержался, как из подлинного уважения к Эанне, богине Имен, так и из-за огромного количества рослых и вооруженных до зубов барбадиорских наемников, патрулирующих улицы Астибара. Конечно, барбадиоров было полно повсюду на Восточной Ладони, но нигде их присутствие не было столь тревожно очевидным, как в Астибаре, где обосновался сам Альберико.

В конце концов Дэвин пожелал себе заполучить серьезную простуду и направился на запад, к гавани, а затем, повинуясь своему неутоленному желанию, к улице Кожевников. Там, чуть не задохнувшись от зловонного запаха кож, заглушавшего соленый запах моря, в таверне под названием «Птица» ему продал без всяких расспросов откупоренную бутылку зеленого вина еле волочащий ноги трактирщик. Возможно, его подвело зрение в полумраке лишенного окон заведения, состоящего из одной комнаты.

Даже эта убогая, дурно пахнущая дыра ломилась от посетителей. Астибар был до краев переполнен приезжими накануне завтрашнего Праздника Виноградной Лозы. Дэвин знал, что в этом году урожай выдался отменным повсюду, кроме Чертандо, и приехало много людей, готовых потратить свои астины и кьяро.

В «Птице», разумеется, не нашлось свободных столиков. Дэвин втиснулся в угол, туда, где темная, изрезанная деревянная стойка бара упиралась в заднюю стенку, сделал глоток вина на пробу — разбавленное, но не сверх обычного, решил он — и сосредоточился на размышлениях и переживаниях о женском вероломстве и непоследовательности.

Конкретным воплощением которых в последние две недели стала для него Катриана д'Астибар.

Он рассчитал, что у него достаточно времени до вечерней репетиции — последней перед первым завтрашним выступлением в городском доме одного мелкого владельца винодельческого хозяйства, — чтобы предаться размышлениям за бутылкой и явиться на репетицию трезвым. Во всяком случае, он-то уже опытный член труппы, с возмущением подумал Дэвин. Он — компаньон. Знает процедуру обычных выступлений как свои пять пальцев. Дополнительные репетиции Менико устраивал для трех новичков труппы.

В том числе и для невозможной Катрианы. Которая и стала причиной того, что он в ярости убежал с утренней репетиции, не успев узнать, что Менико уже собирался ее закончить. Как, во имя Адаона, он должен был реагировать, когда неопытная новенькая девушка, которая воображает, что умеет петь, сказала то, что она сказала, в присутствии всех остальных? А ведь он относился к ней с искренним дружелюбием с тех пор, как она две недели назад присоединилась к ним.

Благодаря своей проклятой памяти Дэвин снова представил их всех девятерых на репетиции в арендованной ими задней комнате на первом этаже гостиницы. Четыре музыканта, две танцовщицы, Менико, Катриана и он сам, поющий в первом ряду. Они репетировали «Песнь любви» Раудера, песню, заказанную, как и можно было предвидеть, женой виноторговца, вещь, которую Дэвин исполнял уже почти шесть лет, песню, которую он мог бы спеть даже в ступоре, в коме, во сне.

И возможно, поэтому, да, он был слегка рассеян, ему было немного скучно, он немного больше, чем диктовала необходимость, наклонялся к их новой рыжеволосой певице, возможно, в его голосе и выражении лица была тень намека, но даже в этом случае...

— Дэвин, во имя Триады, — резко произнесла Катриана д'Астибар и тем самым положила конец репетиции, — ты что — не в состоянии отвлечься от своих похотливых мыслей хотя бы на время песни, чтобы прилично справиться с гармонией? Это совсем несложная песня!

Бледная кожа лица Дэвина мгновенно стала пунцовой. Менико, видел он, Менико, которому следовало резко отчитать девицу за самонадеянность, смеялся, покраснев еще сильнее, чем Дэвин. И остальные тоже смеялись.

Дэвин не смог придумать остроумный ответ и не хотел терять остатки собственного достоинства, поддавшись первому порыву дать наглой девице подзатыльник. Он просто резко повернулся и ушел.

Выходя, он бросил один-единственный укоризненный взгляд

на Менико и совсем расстроился: толстый живот хозяина труппы колыхался от смеха, он вытирал слезы со своей круглой бородатой физиономии.

Вот почему в то прекрасное осеннее утро в Астибаре Дэвин отправился на поиски бутылки сенцианского зеленого и укромного местечка, где ее можно выпить. Получив, наконец, свое вино и устроившись с относительным удобством в полумраке, он надеялся, что теперь, выпив уже полбутылки, он придумает достойную отповедь нахальной девице с рыжей гривой волос, которую следовало бы дать ей на репетиции.

Если бы только она не была такой удручающе высокой, подумал он. И снова мрачно наполнил стакан. Потом поднял взгляд на почерневшие балки потолка, и у него промелькнула мысль повиснуть на одной из них — разумеется, зацепившись ногами. В память о былых временах.

— Могу я угостить вас? — спросил кто-то.

Дэвин со вздохом обернулся, готовясь дать отпор в ситуации, которая вполне предсказуема при его росте и мальчишеской внешности, если пьешь в одиночестве в баре для матросов.

То, что он увидел, его несколько успокоило. Задавший вопрос был средних лет, одет в темное, с седеющими волосами и морщинками тревоги или смеха, расходящимися от глаз к вискам. Но все равно сказал:

— Спасибо, но у меня еще собственная бутылка почти полна, и я предпочитаю женщин и не оказываю услуг морякам. И еще я старше, чем выгляжу.

Его новый знакомый громко рассмеялся.

— В этом случае, — сказал он весело, — можете угостить меня, если желаете, а я расскажу вам о двух своих дочерях на выданье и о двух других, которые приближаются к этому возрасту быстрее, чем мне бы хотелось. Меня зовут Ровиго д'Астибар, я — владелец судна «Морская Дева» и только что вернулся из плавания вдоль берегов Тригии.

Дэвин улыбнулся и потянулся через стойку бара за вторым стаканом. В «Птице» было слишком много народу, чтобы пытаться поймать взгляд подслеповатых глаз хозяина, а Дэвин не хотел его окликать, и на то у него были свои причины.

— С удовольствием разопью с вами эту бутылку, — ответил он Ровиго, — хотя вряд ли ваша жена будет рада, если вы сосватаете для ваших дочерей бродячего музыканта.

— Моя жена, — с чувством произнес Ровиго, — была бы

безмерно счастлива, даже если бы я привел домой для старшей пастуха с пастбищ Чертандо.

Дэвин поморщился.

— Неужели так плохо? — пробормотал он. — А, ладно. Мы можем, по крайней мере, выпить за ваше благополучное возвращение из Тригии, да еще в самый канун Праздника. Меня зовут Дэвин д'Азоли бар Гэрин, к вашим услугам.

— А я — к вашим, друг Дэвин, который старше, чем выглядит. У вас были трудности с покупкой спиртного? — проницательно спросил Ровиго.

— Одной Мориан, богине Врат, известно, из скольких дверей я сегодня выходил с тем же пересохшим ртом, что и входил. — Дэвин опрометчиво понюхал тяжелый воздух. Даже среди ароматов толпы и несмотря на отсутствие окон, вонь кож доносилась снаружи очень явственно. — Это заведение не первое, и даже не десятое, которое я посетил в поисках бутылки вина.

Ровиго улыбнулся.

— Разумный подход. Не покажусь ли я вам эксцентричным, если скажу, что всегда иду прямо сюда, когда «Морская Дева» возвращается из плавания? Почему-то этот запах говорит мне о суше. О том, что я вернулся.

— Вы не любите море?

— Я совершенно убежден, что любой человек, который утверждает обратное, лжет, или у него на суше долги, или сварливая жена, от которой он спасается, или... — Он замолчал, делая вид, что его внезапно осенила мысль. — Если подумать хорошенько... — прибавил он с преувеличенной задумчивостью. И подмигнул.

Дэвин громко рассмеялся и налил им еще вина.

— Почему же вы тогда плаваете?

— Торговля идет хорошо, — откровенно ответил Ровиго. — «Дева» — судно достаточно небольшое, чтобы проскользнуть в те порты на побережье или к западу от Сенцио и Феррата, в которые более богатые купцы не считают нужным заходить. Оно также достаточно быстрое, чтобы было выгодно плавать на юг, минуя горы Квилеи. Конечно, это противозаконно из-за эмбарго на торговлю, но если имеешь связи и не болтаешь о своем бизнесе, то риск не слишком велик и можно получить хорошую прибыль. Я покупаю на здешнем рынке барбадиорские пряности или шелк на севере и вожу их в такие места в Квилее, где иначе подобные вещи и не увидели бы. Привожу оттуда ковры, резные украшения, обувь, изукрашенные драгоценностями кин-

жалы, иногда фляги буината для продажи тавернам — все, что идет по хорошей цене. Я не могу брать крупные грузы, поэтому приходится следить, чтобы не выйти за рамки, но на это можно жить, пока страховка не высока и Адаон, бог Волн, держит меня на плаву. Отсюда я пойду в храм бога, прежде чем отправиться домой.

— Но сначала сюда, — улыбнулся Дэвин.

— Сначала сюда. — Они чокнулись и выпили. Дэвин снова наполнил стаканы.

— Какие новости из Квилеи? — спросил он.

— По правде говоря, именно там я и был, — ответил Ровиго. — А в Тригии лишь останавливался на обратном пути. Новости есть. Мариус этим летом снова победил в бою в Дубовой роще.

— Об этом я слышал, — сказал Дэвин, качая головой с грустным восхищением. — Калека, и ему уже должно быть пятьдесят. Сколько раз он победил — шесть подряд?

— Семь, — серьезно ответил Ровиго. Помолчал, словно ожидая реакции.

— Простите, — сказал Дэвин. — В этом числе есть какой-то смысл?

— Мариус решил, что есть. Он просто объявил, что больше не будет никаких сражений в Дубовой роще. Семь — священное число, заявил он. Позволив ему одержать последнюю победу, мать-богиня ясно выразила свою волю. Мариус только что провозгласил себя королем Квилеи, а не просто наместником Верховной жрицы.

— Что? — воскликнул Дэвин довольно громко, и к ним повернулось несколько голов. Он понизил голос: — А я думал, у них там матриархат.

— Так же думала и Верховная жрица, — ответил Ровиго.

Путешествуя по полуострову Ладонь, по горным деревням и отдаленным замкам, помещичьим усадьбам и городам, которые были деловыми центрами, музыканты поневоле узнавали новости и слухи о больших событиях. Из своего небогатого опыта Дэвин знал, что всегда говорили об одном и том же: как приятнее скоротать холодную зимнюю ночь у очага в таверне Чертандо или как произвести впечатление на путешественника в таверне Корте, доверительным шепотом сообщив ему, будто в этой игратянской провинции, по слухам, формируется партия сторонников Барбадиора.

Это были только разговоры, к такому выводу давно пришел

Дэвин. Два правящих чародея из-за моря, с востока и запада, почти пополам поделили между собой Ладонь, и только захудалая провинция Сенцио формально не была оккупирована никем и тревожно поглядывала в обе стороны через водное пространство. Ее правитель был парализован нерешительностью и никак не мог решить, какому волку позволить себя сожрать, а оба волка вот уже двадцать лет осторожно ходили кругами, и каждый не хотел подставить себя, сделав первый шаг.

Равновесие власти на полуострове казалось Дэвину несокрушимым, как скала, с тех пор как он себя помнил. Пока не умрет один из чародеев, а чародеи, по слухам, живут очень долго, ничего не могло измениться от болтовни в кавницах или залах дворцов.

В Квилее, однако, ситуация была совсем другой. Она выходила за рамки ограниченного опыта Дэвина, он не мог о ней судить и не мог ее понять. Он даже не догадывался, какими последствиями грозит поступок Мариуса в этой странной стране к югу от гор. К чему может привести тот факт, что теперь в Квилее не временный правитель. Он не должен каждые два года приходить в Дубовую рощу и там, обнаженный, ритуально искалеченный и безоружный, встречаться с вооруженным мечом врагом, которого выбирали, чтобы он убил его и занял его место. Но Мариуса не убили. Семь раз не убили.

А теперь Верховная жрица мертва. И Ровиго так сказал это, что невозможно было не понять смысла его слов. Несколько огорошенный, Дэвин тряхнул головой.

Он поднял глаза и увидел, что его новый знакомый смотрит на него со странным выражением.

— Вы — вдумчивый молодой человек, — сказал купец.

Дэвин пожал плечами, внезапно смутившись.

— Не слишком. Не знаю. И, конечно, не владею даром предвидения. Я не каждый день слышу подобные новости. Как вы думаете, что это будет означать?

На этот вопрос он не получил ответа.

Хозяин таверны, который с большим успехом не замечал призывных взмахов руки Ровиго, требующего еще одну бутылку вина, сейчас шагал прямо к их концу стойки, и на лице его ясно читалась ярость, даже в полумраке помещения.

— Ты! — прошипел он. — Тебя зовут Дэвин?

Пораженный Дэвин машинально кивнул. Выражение лица трактирщика стало еще более злобным.

— Убирайся отсюда! — прошипел он. — Тебя на улице ждет

твоя проклятая Триадой сестра. Говорит, что отец требует тебя домой и — да проклянет вас обоих Мориан! — что он намерен донести на меня за то, что я продал спиртное несовершеннолетнему. Ты, проклятый подзаборный ублюдок, я тебя проучу, из-за тебя могут закрыть мое заведение накануне Праздника!

И не успел Дэвин шевельнуться, как ему в лицо выплеснули целый кувшин прокисшего черного вина, обжигающего, как огонь. Он вскочил и отпрянул, вытирая залитые слезами глаза и яростно ругаясь.

Когда зрение вернулось к нему, он увидел необычайное зрелище.

Ровиго — не очень крупный человек — перегнулся через стойку бара и ухватил хозяина за ворот грязной туники. Без видимых усилий он наполовину перетащил его через стойку, а тот беспомощно брыкался. Его воротник до такой степени врезался в шею, что лицо пошло багровыми пятнами.

— Горо, мне не нравится, когда оскорбляют моих друзей, — спокойно произнес Ровиго. — У этого парня нет отца, и сомневаюсь, что у него есть сестра. — Он вопросительно поднял бровь, глядя на Дэвина, который энергично замотал мокрой головой.

— Как я сказал, — продолжал Ровиго, он даже не запыхался, — у него нет сестры. И он вовсе не ребенок, что должно быть ясно любому хозяину таверны, не ослепшему от беспрерывного поглощения собственного пойла. А теперь, Горо, утешь меня немного, извинись перед Дэвином д'Азоли, моим новым другом, и предложи ему две закупоренные бутылки выдержанного красного из Чертандо, чтобы продемонстрировать свое искреннее раскаяние. За это я, возможно, позволю уговорить себя продать тебе флягу квилейского буината, которая сейчас стоит у меня на «Морской Деве». По сходной цене, разумеется, учитывая, сколько ты на ней заработаешь во время Праздника.

Физиономия Горо приобрела угрожающий оттенок. Дэвин почувствовал себя обязанным предостеречь Ровиго, но тут хозяин конвульсивно кивнул, и купец немного отпустил его воротник. Горо втянул в легкие вонючий воздух таверны так, словно он благоухал ароматом горных цветов Кьяры, и выплюнул три слова извинений в сторону Дэвина.

— А вино? — мягко напомнил ему Ровиго.

Он опустил хозяина пониже — все так же без видимых усилий, — и Горо пошарил под стойкой бара и извлек две бутылки, содержимое которых действительно напоминало красное вино из Чертандо.

Ровиго еще чуть-чуть отпустил стянутый воротник.

— Выдержанное? — терпеливо спросил он.

Горо дернул головой вверх и вниз.

— Ну хорошо, — заявил Ровиго, отпуская Горо, — будем считать, что мы квиты. Полагаю, — сказал он, поворачиваясь к Дэвину, — что тебе следует сходить и узнать, кто там выдает себя за твою сестру.

— Я знаю, кто это, — мрачно ответил Дэвин. — Между прочим, спасибо. Я могу сам за себя постоять, но приятно иногда иметь союзника.

— *Всегда* приятно иметь союзника, — поправил его Ровиго. — Но сдается мне, ты не слишком-то справляешься со своей «сестрой», так что я предоставлю тебе отправиться к ней в одиночку. Позволь еще раз порекомендовать твоему вниманию моих собственных дочерей. Они очень хорошо воспитаны, учитывая все обстоятельства.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь, — ответил Дэвин. — Если смогу оказать вам ответную услугу, сделаю это с радостью. Я выступаю с труппой Менико ди Феррата, и мы будем здесь все праздники. Возможно, ваша жена захочет послушать нашу музыку. Дайте мне знать, если придете, и я устрою для вас хорошие места на любом из наших публичных концертов бесплатно.

— Спасибо. А если твой путь или любопытство приведут тебя на юго-восток от города, теперь или к концу года, то наши земли лежат в пяти милях отсюда, по правую руку от дороги. Как раз там, где они начинаются, стоит маленький храм Адаона, а на моих воротах нарисован герб с изображением корабля. Его придумала одна из девочек. Все они очень талантливы, — усмехнулся он.

Дэвин рассмеялся, и они по обычаю попрощались, соприкоснувшись ладонями. Ровиго снова вернулся на свое место в углу у стойки бара. Дэвин, с отчаянием чувствуя, что пропитан дурно пахнущим вином от светло-каштановых волос до пояса и что пятна имеются даже на штанах, вышел на улицу, сжимая в руках две бутылки красного вина из Чертандо. Он подслеповато щурился несколько секунд от яркого солнечного света, потом заметил на противоположном конце улочки Катриану д'Астибар. Ее огненно-рыжие волосы сверкали на солнце, а к носу она крепко прижимала носовой платок.

Дэвин быстро шагнул на мостовую и чуть не перевернул тележку кожевника. Последовал быстрый обмен мнениями, удовлетворивший обе стороны. Кожевник с грохотом потащил свою

тележку дальше, а Дэвин дал себе слово на этот раз не ставить себя в положение обороняющегося и пошел туда, где стояла Катриана.

— Ну, — ядовито произнес он, — ценю, что ты проделала столь дальний путь, чтобы извиниться, но могла бы выбрать другой способ найти меня, если бы искренне этого хотела. Ты, конечно, предложишь выстирать мою одежду.

Катриана просто проигнорировала эту речь, холодно оглядывая его с ног до головы.

— Тебе действительно надо помыться и переодеться, — сказала она, не отнимая от губ надушенного платка. — Я не рассчитывала на столь бурную реакцию трактирщика. Но у меня не было лишних астинов на подкуп, и я не сумела придумать лучшего способа заставить трактирщика искать тебя среди посетителей.

Это было объяснение, отметил Дэвин, а не извинение.

— Прошу прощения, — ответил он с преувеличенным раскаянием в голосе. — Мне следует поговорить с Менико: кажется, мы мало тебе платим вдобавок ко всем нашим прочим прегрешениям. Ты, наверное, привыкла к другому.

Катриана впервые заколебалась.

— Нам обязательно обсуждать это посреди улицы? — спросила она.

Дэвин молча отвесил ей театральный поклон и жестом пригласил идти вперед. Она двинулась прочь от гавани, а он зашагал рядом. Несколько минут они молчали, пока до них не перестал доноситься запах кож. С легким вздохом Катриана отняла от лица платок.

— Куда ты меня ведешь? — спросил Дэвин.

Очевидно, это было еще одно прегрешение. Голубые глаза вспыхнули гневом.

— Куда я могу тебя вести, во имя Триады? — В голосе Катрианы звучал сарказм. — Мы идем в мою комнату в гостинице, где займемся любовью, подобно Эанне и Адаону на заре мироздания.

— О, хорошо, — рявкнул Дэвин, его гнев разгорелся с новой силой. — Почему бы нам не скинуться и не нанять еще одну женщину, чтобы она сыграла роль Мориан, — на тот случай, если мне станет с тобой скучно?

Катриана побледнела, но не успела открыть рот, как Дэвин схватил ее свободной рукой и развернул к себе лицом посреди

улицы. Глядя в ее голубые глаза (и проклиная тот факт, что вынужден в них смотреть), он горячо произнес:

— Катриана, что именно я тебе сделал? Чем заслужил такой ответ? Или то, что ты сделала сегодня утром? Я был любезен с тобой с того дня, как мы приняли тебя в труппу, а если ты — профессионал, то знаешь, что так не всегда бывает среди бродячих артистов. К тому же, Марра, та певица, которую ты заменила, была моим самым близким другом. Она умерла от чумы в Чертандо. Я мог бы сильно подпортить тебе жизнь. Но не сделал этого и не собираюсь. Я с самого начала дал тебе понять, что считаю тебя привлекательной. Не знал, что это грех, если я веду себя учтиво.

Он отпустил ее руку, внезапно осознав, что очень крепко сжимает ее и что они находятся в очень людном месте, хотя уже наступило полуденное затишье. Дэвин инстинктивно огляделся; к счастью, как раз в тот момент барбадиоров поблизости не оказалось. Что-то привычно сжалось у него в груди, вернулась знакомая боль, которая всегда сопровождала воспоминания о Марре. Первый настоящий друг в его жизни. Двое заброшенных детей, с голосами, полученными в дар от Эанны, три года по ночам поверявшие друг другу свои страхи и сны в разных постелях всех провинций Ладони. Его первая возлюбленная. Первая смерть.

Катриана застыла на месте, и в ее глазах появилось выражение — возможно, при упоминании о смерти, — которое вдруг заставило его понять, что она моложе, чем он думал. Он считал ее старше себя, теперь он не был в этом уверен.

Дэвин ждал, часто дыша после своей вспышки, и наконец услышал, как она очень тихо произнесла:

— Ты слишком хорошо поешь.

Дэвин заморгал. Этого он совсем не ожидал.

— Я вынуждена напрягать все силы во время исполнения, — продолжала она, и лицо ее впервые вспыхнуло. — Раудер для меня труден — все его вещи. А сегодня утром ты пел «Песнь любви», даже не задумываясь над ней, развлекал других, пытался очаровать меня. О Дэвин, мне приходится сосредоточиваться во время пения! Ты заставил меня нервничать, а когда я нервничаю, то бываю резкой с людьми.

Дэвин осторожно перевел дух и в задумчивости оглядел пустую, залитую солнцем улицу. Потом сказал:

— Знаешь, тебе когда-нибудь говорили, что можно, и даже

полезно, рассказывать другим о подобных вещах — особенно тем, кому приходится работать с тобой?

Катриана покачала головой:

— Это не для меня. Я никогда не могла говорить об этом. Никогда.

— Тогда почему сказала сейчас? — рискнул Дэвин. — Почему ты пришла за мной?

Последовала еще более длинная пауза. Компания подмастерьев показалась из-за угла, и они с привычной издевкой заулюлюкали при виде парочки. В них, однако, не было злобы, и они прошли мимо, не причинив вреда. Ветер гнал по булыжнику красно-золотые листья.

— Кое-что произошло, — сказала Катриана д'Астибар, — и Менико всем нам заявил, что ты — ключ к нашему успеху.

— Это Менико послал тебя за мной?

Что было совершенно невероятно после шести проведенных ими вместе лет.

— Нет, — быстро ответила Катриана, качая головой. — Нет, он сказал, что ты вернешься вовремя, что ты всегда приходишь вовремя. Но я нервничала, ведь так много поставлено на карту. Я не могла просто сидеть и ждать. Ты ведь ушел немного, гм, расстроенный.

— Немного, — мрачно согласился Дэвин, отметив, что у нее наконец-то сделался виноватый вид. Он бы чувствовал себя в большей безопасности, если бы по-прежнему не находил ее столь привлекательной. Он никак не мог остановиться и продолжал гадать, даже сейчас, как выглядели бы ее груди, освобожденные из тисков низко вырезанного корсажа. Марра рассказала бы ему, он знал, даже помогла бы ему добиться победы. Они делали это друг для друга и потом делились впечатлениями, когда в прошлом году направлялись в Чертандо, где она умерла.

— Ты лучше расскажи мне, что случилось, — сказал он, заставляя себя вернуться в настоящее. Опасность таилась и в воспоминаниях, и в фантазиях.

— Ссыльный герцог Сандре умер вчера ночью, — сказала Катриана. Она оглянулась, но улица оставалась пустынной. — По какой-то причине, никто не знает почему, Альберико разрешает устроить ему проводы со всеми почестями во дворце Сандрени сегодня вечером и завтра утром, а потом...

Она замолчала, ее голубые глаза горели. Сердце Дэвина внезапно забилось быстрее, и он закончил вместо нее:

— Похороны? Со всеми обрядами? Не может быть!

— Со всеми обрядами! И, Дэвин, Менико пригласили сегодня после обеда на прослушивание! У нас появился шанс участвовать в отпевании, о котором будут говорить целый год во всех провинциях Ладони!

Сейчас она выглядела очень юной. И очень красивой. Глаза у нее сияли, как у ребенка.

— Поэтому ты поспешила найти меня, — пробормотал Дэвин, медленно кивая, — пока я не успел напиться до бесчувствия от неудовлетворенного желания.

Теперь, впервые, преимущество было на его стороне. Это был приятный поворот событий, особенно в сочетании с действительно потрясающей новостью. Он зашагал вперед, и она вынуждена была почти бежать за ним.

— Все совсем не так, — запротестовала Катриана. — Просто это очень важно. Менико сказал, что твой голос будет нашим главным козырем, что ты особенно хорошо исполняешь ритуальные песнопения.

— Не знаю, чувствовать ли себя польщенным или оскорбленным тем, что ты сочла меня настолько непрофессиональным, решив, что я опоздаю на репетицию накануне Праздника.

— Ни тем, ни другим, — ответила Катриана д'Астибар с легким намеком на прежнюю резкость в голосе. — У нас нет для этого времени. Просто ты должен хорошо спеть сегодня после обеда. Лучше, чем когда-либо раньше.

Ему следовало бы сдержаться, понимал Дэвин, но настроение у него было слишком приподнятым.

— В таком случае ты уверена, что мы не пойдем к тебе в комнату? — напрямик спросил он.

Он не знал, как много зависело от следующего мгновения. Затем Катриана д'Астибар громко и впервые свободно рассмеялась.

— Вот так-то гораздо лучше, — усмехнулся Дэвин. — Я уже начал было всерьез сомневаться, есть ли у тебя чувство юмора.

Она перестала смеяться.

— Иногда я и сама сомневаюсь, — почти рассеянно ответила Катриана. Потом прибавила совершенно другим тоном: — Дэвин, я не могу выразить словами, как мне хочется получить этот контракт.

— Ну конечно, — ответил он. — Он может сделать нам карьеру.

— Правильно, — согласилась Катриана. Потом прикосну-

лась к его плечу и повторила: — Я не могу выразить словами, как мне хочется получить этот контракт.

Он мог бы увидеть в этом прикосновении обещание, если бы был менее чутким и если бы не то, как она произнесла эти слова. В ее тоне совсем не было честолюбия или страстного желания, как понимал его Дэвин.

В нем он услышал тоску, и она проникла в такой уголок его души, о существовании которого он и не подозревал.

— Сделаю все, что смогу, — через несколько мгновений пообещал он, вспомнив без всякой причины о Марре и о пролитых им слезах.

Дома в Азоли рано поняли, что у него есть способности к музыке, но это было уединенное место, и его обитателям не с чем было сравнивать его дар, чтобы правильно судить о подобных вещах.

Одним из первых воспоминаний Дэвина об отце, — которое он часто призывал, потому что в этом воспоминании его жесткий отец казался мягким человеком, — было то, как он напевал мелодию какой-то старой колыбельной, чтобы помочь сыну уснуть в ту ночь, когда тот свалился в лихорадочном жару.

Мальчик, которому тогда было года четыре, утром проснулся здоровым и замурлыкал себе под нос эту мелодию, совершенно точно воспроизводя высоту тона. На лице Гэрина появилось сложное выражение, которое позже Дэвин научился связывать с воспоминаниями отца о жене. Однако в то утро Гэрин поцеловал своего младшего сына. Единственный раз на памяти Дэвина.

Эта мелодия стала их общей тайной. Они напевали ее вместе, неумело и приблизительно стараясь соблюдать гармонию. Позднее Гэрин купил младшему сыну уцененную трехструнную сиринью во время одной из поездок на базар в город Азоли, которые совершал дважды в год. После этого было несколько вечеров, которые Дэвин действительно любил вспоминать, когда они с отцом и близнецами пели у очага баллады моря и гор перед сном. Попытки убежать из влажной, скучной равнинной Азоли.

Став старше, он начал петь для некоторых других фермеров. На свадьбах и крестинах, а однажды вместе с одним странствующим жрецом Мориан они спели на два голоса «Гимн Мориан, богине Врат» в дни осеннего Поста. Жрец после хотел лечь с

ним в постель, но к тому времени Дэвин уже научился уклоняться от подобных предложений, никого не обижая.

Еще позже его начали приглашать в таверны. В северной Азоли не было возрастных ограничений на выпивку. Там мальчик становился мужчиной, как только мог проработать в поле весь день, а девочка становилась женщиной после первых месячных.

И именно в таверне под названием «Река» в самом городе Азоли, в базарный день, Дэвин, которому только что исполнилось четырнадцать лет, пел «Путешествие из Корсо в Корте», и его услышал представительный, бородатый человек по имени Менико ди Феррат, оказавшийся хозяином труппы музыкантов. Он на той же неделе увез его с фермы и изменил его жизнь.

— Мы следующие, — сказал Менико, нервно разглаживая на толстом животе свой лучший атласный камзол. Дэвин, от нечего делать наигрывавший на одной из свободных сириний свою самую первую колыбельную, ободряюще улыбнулся снизу вверх своему работодателю. Теперь уже своему компаньону.

Уже в семнадцать лет Дэвин перестал быть учеником. Менико, устав отказываться от предложений перепродать контракт своего юного тенора, в конце концов предложил Дэвину стать членом Гильдии странствующих певцов и постоянное жалованье. Сперва он, разумеется, дал понять, сколь многим молодой человек ему обязан и что лишь преданность можно считать приблизительно адекватной платой за подобную милость. Собственно говоря, Дэвин это знал, и все равно он любил Менико.

Год спустя, после очередных предложений от хозяев конкурирующих трупп во время летнего свадебного сезона в Корте, Менико сделал Дэвина компаньоном и дал ему десять процентов от выручки. Произнеся ту же речь, почти слово в слово, что и в прошлый раз.

Это была большая честь, и Дэвин это понимал. Только старый Эгано, барабанщик и мастер игры на басовых струнных из Чертандо, который был вместе с Менико со дня создания труппы, тоже имел долю партнера. Все остальные были учениками или странствующими музыкантами на временных контрактах. Особенно сейчас, когда после последней эпидемии весенней чумы на юге все труппы Ладони испытывали нехватку в людях и старались заполнить бреши временными музыкантами, танцорами и певцами.

Призрачная цепочка звуков, едва слышная, отвлекла вни-

мание Дэвина от сириньи. Он поднял глаза и улыбнулся. Алессан, один из троих новых членов труппы, легонько наигрывал мелодию той колыбельной, которую играл Дэвин. На тригийской пастушеской свирели мелодия получалась странной, неземной.

Алессан, черноволосый, но уже с сединой на висках, подмигнул ему, продолжая перебирать пальцами дырочки свирели. Они вместе закончили песню — свирель, сиринья и тихий голос тенора.

— Жаль, что я не знаю слов, — с сожалением сказал Дэвин, когда они закончили. — Мой отец научил меня этой мелодии еще в детстве, но он так и не смог вспомнить слов.

Худое, подвижное лицо Алессана оставалось задумчивым. Дэвину немногое было известно о тригийце после двух недель репетиций, только то, что этот человек необычайно искусно играет на свирели и на него можно положиться. Как партнера Менико, его больше ничто и не должно было интересовать. Алессан редко сидел в гостинице, если не было репетиций, но всегда являлся точно в назначенное время.

— Может быть, я и смогу их для тебя вспомнить, если хорошенько подумаю, — ответил он, характерным жестом запуская пальцы в волосы. — Когда-то, очень давно, я знал эти слова. — Он улыбнулся.

— Не беспокойся, — сказал Дэвин. — Я же до сих пор жил, не зная их. Это всего лишь старая песня, память о моем отце. Если останешься с нами, можем зимой попытаться вспомнить их вместе.

Он знал, что Менико одобрил бы его последний ход. Хозяин заявил, что Алессан ди Тригия — находка, и к тому же выгодная, при том, какую плату он запросил.

Выразительные губы его собеседника лукаво изогнулись в улыбке.

— Старые песни и воспоминания об отце имеют большое значение, — сказал он. — Значит, твой отец умер?

Дэвин сделал охранительный жест, выставив вперед ладонь с двумя загнутыми пальцами.

— Был жив, когда я слышал о нем в последний раз, хотя и не видел его уже почти шесть лет. Менико говорил с ним, когда в прошлый раз совершал поездку по северу Азоли, и отвез ему от меня несколько кьяро. Я никогда не возвращусь на ферму.

Алессан обдумал услышанное.

— Суровая семья из Азоли? — высказал он догадку. — Где не место честолюбивому мальчику с таким голосом, как у тебя?

— Почти что так, — печально согласился Дэвин. — Хотя я не назвал бы себя честолюбивым. Скорее беспокойным. И мы, собственно говоря, не коренные жители Азоли. Переехали туда из Нижнего Корте, когда я был еще маленьким ребенком.

Алессан кивнул и заметил:

— Даже так.

У этого человека манеры всезнайки, решил Дэвин, но он здорово играет на тригийской свирели. Так она, возможно, звучала на самой горе Адаона, на юге.

Во всяком случае, они не успели продолжить этот разговор.

— Наша очередь! — объявил Менико, поспешно вбегая в комнату, где они ожидали выхода среди пыли и накрытой чехлами мебели давно уже заброшенного дворца Сандрени. — Сначала исполняем «Плач по Адаону», — сказал он, хотя они знали об этом уже несколько часов. Менико вытер ладони о бока камзола. — Дэвин, это твой номер, заставь меня гордиться тобой, парень. — Это был его стандартный призыв. — Потом все вместе исполняем «Круженье лет». Катриана, любовь моя, ты уверена, что справишься с высокими нотами, или нам надо взять пониже?

— Справлюсь, — коротко ответила Катриана. Дэвин подумал, что ее тон свидетельствует о простой нервозности, но, когда их взгляды встретились на секунду, он снова увидел в ее глазах прежнее выражение: стремление, выходящее за рамки страстного желания, к неведомому ему берегу.

— Мне бы очень хотелось получить этот контракт, — произнес в этот момент Алессан ди Тригия, довольно мягко.

— Вот удивительно! — огрызнулся Дэвин, обнаружив при этом, что и он тоже нервничает. Но Алессан рассмеялся, и старый Эгано тоже, и они вышли все вместе из комнаты. Эгано повидал слишком много за слишком долгие годы странствий и поэтому не был способен разволноваться перед обычным прослушиванием. Не произнеся ни единого слова, он, как всегда, сразу же подействовал на Дэвина успокаивающе.

— Сделаю все, что в моих силах, — через мгновение пообещал Дэвин во второй раз за этот день, не вполне понимая, кому он это обещает и почему.

В конце концов, то ли благодаря богам Триады, то ли вопреки им, как говаривал его отец, этого оказалось достаточно.

Главным судьей был благоухающий тонкими духами, экстравагантно одетый отпрыск семейства Сандрени, мужчина лет

сорока, как решил Дэвин, который явственно демонстрировал вялой позой и искусственно подчеркнутыми тенями вокруг глаз, почему тиран Альберико не слишком опасался потомков Сандре д'Астибара.

За спиной этого бросающегося в глаза персонажа выстроились жрецы Эанны и Мориан в белых и дымчато-серых одеждах. Рядом с ними, резко выделяясь на их фоне, сидела жрица Адаона в ярко-красной тунике с очень коротко остриженными волосами.

Конечно, стояла осень и надвигались дни Поста, поэтому Дэвина не удивили ее волосы. Но удивило то, что священники пришли на прослушивание. Они его смущали — еще одно наследство от отца, — но в данной ситуации он не мог позволить себе поддаться смущению и поэтому выбросил их из головы.

Он сосредоточил внимание на элегантном сыне герцога, единственном человеке, который сейчас имел значение. И ждал, как учил его Менико, отыскав внутри себя точку спокойствия.

Менико подал знак Ниери и Алдине, близнецам-танцовщицам, одетым в серо-голубые, почти прозрачные траурные балахоны и черные перчатки. Через несколько мгновений, после первого их совместного прохода по сцене, он взглянул на Дэвина.

И Дэвин выдал ему, выдал им всем плач по Адаону, погибшему осенью, среди горных кипарисов. Он пел, как никогда прежде.

И все время с ним был Алессан ди Тригия, с его пронзительными, рвущими сердце, горестными переливами пастушеской свирели. Они вдвоем, казалось, подняли в воздух и понесли Ниери и Алдине над полом — поверхностью движений их танца, — и возникло то лаконичное, точное слияние музыки и танца, которого требовал «Плач» и которого так редко удавалось добиться.

Когда они кончили, Дэвин, медленно вернувшись во дворец Сандрени с поросших кедром и кипарисом гор Тригии, где умер бог и где он снова и снова умирал каждую осень, увидел, что сын Сандре д'Астибара рыдает. Дорожки от слез размазали тщательно нарисованные тени вокруг его глаз, а это означало, как внезапно понял Дэвин, что он ни разу не плакал во время выступлений трех предыдущих трупп.

Марра, юная и нетерпимая, профессиональная певица, была бы недовольна этими слезами. «Зачем нанимать дворнягу и лаять самому?» — говорила она, когда их исполнение прерывали слезы или иные проявления чувств родственников.

Тогда Дэвин не был столь суровым. А теперь еще меньше, с

тех пор как она умерла. Он отчаянно старался не опозориться публичным проявлением горя, когда Бернет ди Корте исполнял траурные песнопения в Чертандо вместе с их труппой в знак уважения к Менико.

Дэвин также понял по жаркому взгляду обведенных размазанными темными кругами глаз, брошенному на него потомком Сандре, и по не менее выразительному взгляду толстопалого жреца Мориан — во имя Триады, почему у богов Триады такие плохие слуги! — что, хотя они только что, возможно, и получили контракт, ему лично придется завтра в этом дворце быть начеку. Надо не забыть взять с собой кинжал.

Они действительно получили этот контракт. Вторая вещь уже не играла роли, поэтому хитрый Менико и начал с «Плача». Потом Менико осторожно представил Дэвина как своего компаньона, когда сын Сандре пожелал с ними познакомиться. Оказалось, что это средний сын из трех, по имени Томассо. Единственный, хриплым голосом объяснил он, крепко сжимая руку Дэвина в своих ладонях, кто обладает музыкальным слухом и разбирается в танцах настолько, чтобы выбрать исполнителей, подходящих для такого великого события, как ритуальные песнопения на похоронах его отца.

Дэвин, привыкший к этому, вежливо отнял свою ладонь, про себя поблагодарив Менико за его рожденный опытом такт: раз его представили как партнера, это давало ему некоторый иммунитет от чересчур агрессивных ухаживаний, даже со стороны вельмож. Потом его представили жрецам, а затем он быстро преклонил колено перед жрицей Адаона в красном.

— Благослови, сестра бога, мою сегодняшнюю песнь и мое завтрашнее пение.

Краем глаза он заметил, как жрец Мориан сжал в кулаки пухлые, унизанные кольцами пальцы опущенных рук. Он принял благословение и защиту Адаона — указательный палец жрицы нарисовал символ бога у него на лбу. Теперь он знал, что успешно погасил разгорающееся желание жреца. Когда Дэвин встал и обернулся, то заметил, как Алессан ди Тригия, стоящий позади остальных, подмигнул ему, что было рискованно в этой комнате и среди этих людей. Он подавил улыбку, но не удивление: проницательность пастуха его тревожила.

Томассо д'Астибар тут же согласился с первой же названной Менико ценой, что подтвердило мнение о нем Дэвина как о жалком создании, несмотря на столь славное имя и столь высокое происхождение.

Ему было бы интересно узнать, и это на шаг-другой приблизило бы его к зрелости, что сам герцог Сандре принял бы ту же цену или вдвое большую, и точно таким же образом. Однако Дэвину еще не исполнилось и двадцати лет, а даже Менико, втрое старше его, вернувшись в гостиницу, громко проклинал себя за стаканом вина, что не назвал еще большую сумму, чем та грабительская цена, которую ему только что выплатили полностью.

Только пожилой и спокойный Эгано сказал, тихо выбивая дробь двумя деревянными ложками по крышке стола:

— Хватит. Не надо жадничать. Отныне мы будем получать больше. Если у тебя хватит ума, завтра оставишь в каждом из храмов десятину. Мы заработаем ее снова, с процентами, когда будут отбирать музыкантов для дней Поста.

Менико, пребывающий в очень хорошем настроении, отпустил великолепное ругательство, превзойдя самого себя, и заявил, что намеревается предложить тощее тело Эгано в качестве десятины мясистому жрецу Мориан. Эгано улыбнулся беззубой улыбкой и продолжал выбивать тихую дробь.

Вскоре после вечерней трапезы Менико приказал всем ложиться спать. Завтра им придется рано встать, чтобы подготовиться к самому важному в их жизни выступлению. Он благожелательно улыбнулся, когда Алдине увела Ниери из комнаты. Дэвин был уверен, что в эту ночь девушки лягут вместе, и подозревал, что впервые. Он пожелал им насладиться друг другом, зная, что сегодня танец волшебным образом сблизил их. И еще он знал, потому что однажды это произошло с ним самим, как такое сближение заставляет ярче вспыхнуть пламя свечей у постели поздно ночью.

Он оглянулся в поисках Катрианы, но она уже поднялась к себе. Тем не менее она быстро чмокнула его в щеку тогда, во дворце Сандрени, сразу же после мощных объятий Менико. Это было началом или могло быть началом.

Он пожелал всем спокойной ночи и поднялся в отдельную комнату: эту единственную роскошь он потребовал для себя у Менико из бюджета труппы после смерти Марры.

Он ожидал, что она ему приснится из-за траурных обрядов, из-за неудовлетворенного желания, потому что она снилась ему почти каждую ночь. Вместо этого он увидел бога.

Он увидел Адаона в горах Тригии, нагого и великолепного. Увидел, как струится его кровь, когда его разрывают на части обезумевшие жрицы, подстрекаемые к преступлению своей женской сутью каждый год в это осеннее утро ради еще более истового служения богу. Как рвут на куски плоть умирающего бога в служении двум богиням, которые любили его и были ему матерью, дочерью, сестрой, невестой круглый год и все годы с тех времен, когда Эанна дала имена звездам.

Они делили его между собой и любили его всегда, за исключением одного этого утра на переломе времени года. Этого утра, которое должно было стать предвестником, обещанием наступления весны и окончания зимы. Этого единственного утра в горах, когда богу, который был человеком, суждено быть убитым. Растерзанным и убитым, чтобы его положили на его место, в землю. Чтобы он стал землей, в свою очередь орошенной дождем слез Эанны и горестными слезами нескончаемых подземных ручьев Мориан, извивающихся от неутоленного желания. Убитым, чтобы возродиться и снова быть любимым, все сильнее с каждым минувшим годом, с каждой смертью в одетых кипарисами горах. Убитым, чтобы быть оплаканным, а затем восстать, как восстает бог, как восстает человек, как поднимается пшеница на летних полях. Восстать, а затем возлечь с богинями, со своей матерью и невестой, сестрой и дочерью, с Эанной и Мориан, под солнцем и звездами, и кружащимися по небу лунами — голубой и серебряной.

Дэвин с ужасом наблюдал во сне эту первобытную сцену: женщины несутся вверх по склону горы, их длинные волосы развеваются за спиной, они гонят бога-человека к пропасти над стремниной Касаделя.

Он видел, как ветки горных деревьев и ощетинившихся колючками кустарников срывают с женщин одеяния, как они сами охотно остаются обнаженными, чтобы бежать еще быстрее, как глотают на бегу кроваво-красные ягоды сонрай, чтобы одурманить себя и подготовить к тому, что им предстоит совершить высоко над ледяными струями Касаделя.

Он видел, как бог наконец обернулся. Его огромные черные глаза были знающими и отчаянными одновременно, пока он стоял у края пропасти, словно загнанный олень, на предопределенном, заранее выбранном, исконном месте своего конца. И Дэвин видел, как женщины настигли его там, как по их телам струилась кровь, а волосы развевались по ветру, как Адаон склонил свою гордую, великолепную голову перед роком их терзающих рук, зубов и ногтей.

И там, в конце погони, Дэвин увидел, что рты женщин широко открыты, что они перекликаются друг с другом в экстазе или страдании, терзаемые неудержимым желанием, или безу-

мием, или горечью, но во сне их крики были беззвучными. Вместо криков всю эту дикую сцену среди кедров и кипарисов на склонах гор сопровождал единственный, пронзительный звук тригийской пастушеской свирели, которая играла мелодию его детства где-то высоко и далеко.

И в самом конце, когда женщины приблизились к богу, и схватили его, и сомкнулись вокруг него у пропасти над Касаделем, Дэвин увидел, что лицо терзаемого бога было лицом Алессана.

Глава 3

Еще до того, как осторожный Альберико явился из заморского Барбадиора и стал править в Астибаре, этот город, любивший называть себя «Большим пальцем, который управляет Ладонью», славился некоторым аскетизмом. В Астибаре обряды прощания с покойником никогда не проводились в присутствии усопшего, как в других восьми провинциях. Такая процедура считалась излишней, так как возбуждала слишком сильные чувства.

Им предстояло выступать в центральном дворе дворца Сандрени, а зрителей разместили на стульях и скамьях, расставленных по периметру двора, и на балконе, тянущемся вдоль внутренних комнат двух верхних этажей. В одной из этих комнат, украшенной подобающими случаю драпировками — серо-голубыми с черным, лежало тело Сандре д'Астибара. На его веки положили монеты для уплаты безвестному привратнику у последних врат Мориан, в руки положили немного еды, а ноги обули в башмаки, поскольку никто из живых не знал, как долог последний путь к богине.

Позднее Сандре должны были вынести во двор, чтобы все желающие из города и дистрады, кто не побоится запоминающих взоров барбадиорских наемников, несущих караул снаружи, могли пройти цепочкой мимо его гроба и бросить серебристо-голубые листья олив в хрустальную вазу, уже стоящую на постаменте во дворе.

Обыкновенных граждан — ткачей, ремесленников, лавочников, крестьян, матросов, слуг, мелких купцов — должны были пропустить во дворец позднее. Сейчас снаружи доносились их голоса: они собрались, чтобы послушать музыку обряда отпе-

вания старого герцога. А пока что во дворе образовалась самая необычайная смесь мелкого и высшего дворянства и богатого купечества, какую Дэвину еще не доводилось видеть в одном месте.

Вся знать астибарской дистрады прибыла из своих загородных поместий на Праздник Виноградной Лозы. А приехав в город, они не могли пропустить обряд прощания с Сандре, пусть даже многие, или большинство из них, страстно ненавидели его во время правления, а отцы или деды некоторых даже покупали яд или нанимали убийц лет тридцать назад в надежде увидеть этот обряд намного раньше.

Двое жрецов и жрица Адаона уже сидели на своих местах. У них был такой спокойный и торжественный вид, какой обычно бывает у всех священников, словно они причастны к тайне, сообща охраняемой ими от простых смертных.

Артисты Менико ожидали в маленькой комнатке, выходящей окнами во двор, которую Томассо приказал отвести для них. Там было накрыто обычное угощение, а кое-что далеко выходило за рамки обычного. Дэвин, например, не помнил, чтобы где-нибудь музыкантам подавали голубое вино. Это был экстравагантный жест. Тем не менее он не соблазнился: было еще слишком рано и он чересчур нервничал. Чтобы успокоиться, Дэвин подошел к Эгано, который, как обычно, лениво барабанил по столешнице.

Эгано поднял глаза и улыбнулся.

— Это просто выступление, — произнес он со своим мягким пришепетыванием. — Будем делать то же, что и всегда. Будем делать музыку.

Дэвин кивнул и выдавил из себя ответную улыбку. В горле у него было сухо. Он подошел к столам, и один из двух ожидающих приказаний слуг поспешно налил ему воды в хрустальный с золотом бокал, который стоил больше, чем все, чем владел Дэвин в этом мире. Через несколько мгновений Менико подал знак, и они вышли во двор.

Начали танцовщицы под звуки укрытых от взоров струнных и свирелей. Без певцов. Пока.

Если Алдине и Ниери и зажигали свечи любви прошлой ночью, это никак не проявилось в то утро, а если и проявилось, то лишь в сосредоточенности и напряженности их согласованных движений.

Иногда казалось, что они ведут музыку за собой, иногда — что следуют за ней. В своих серо-голубых туниках и черных пер-

чатках, скрывающих ладони, с худыми набеленными лицами они выглядели поистине потусторонними созданиями. Именно этого добивался от своих танцовщиц Менико. Танец не должен быть зазывным или искушающим, как считали в некоторых труппах, или просто грациозной прелюдией к основному выступлению, как понимали его в некоторых других труппах. Танцовщицы Менико были проводниками, холодными и непреклонными, в царство мертвых. Постепенно, неумолимо их медленные, торжественные движения, бесстрастные, почти нечеловеческие лица заставили погрузиться в молчание эту своенравную, гордую собой аудиторию.

И в этом молчании выступили вперед трое певцов и четверо музыкантов и запели «Призыв» к Эанне, богине Огней, которая сотворила этот мир, солнце, две луны и россыпь звезд-алмазов в ее диадеме.

Сосредоточенные и внимательные, используя все профессиональные приемы, чтобы создать впечатление обманчивой безыскусности, артисты Менико ди Феррата безжалостно уносили вместе с собой дам, и господ, и владетельных купцов Астибара на вершину печали. Оплакивая Сандре, герцога Астибарского, они оплакивали, как и подобает, умирание всех смертных детей Триады, которых лишь ненадолго впустили во врата Мориан побродить по земле Адаона под огнями Эанны. На столь сладкий, и горький, и короткий отрезок времени.

Дэвин услышал, как голос Катрианы вознесся ввысь, на ту суровую, ледяную вершину, куда, казалось, зовет его свирель Алессана.

Он скорее чувствовал, чем слышал, как Менико и Эгано всех возвращают на землю низкими звуками своей партии. Он видел двух танцовщиц, то застывающих, словно статуи, то кружащихся, словно пленницы, рвущиеся из силков времени, и в соответствующий момент его собственный голос в сопровождении двух сириний взмыл в то пространство, которое им втроем предстояло заполнить, в ту середину, где жили и умирали смертные.

Таков был подход Менико ди Феррата к редко исполняемым полностью обрядам отпевания, уже давно им определенный. Он вложил в него сорок лет служения искусству и проведенной в дороге жизни, которая привела его к этому мгновению сегодняшнего утра. Еще только начиная петь, Дэвин почувствовал, что его сердце переполняет гордость и искренняя любовь к их тучному, скромному руководителю, благодаря которому артисты оказались здесь и творили свою музыку.

Как и было запланировано, они остановились после шестой части, ради своего блага и своих слушателей. Томассо заранее обсудил все с Менико, и теперь наверху должно было начаться движение благородных лордов мимо гроба Сандре. После труппа исполнит последние три части обряда, завершив их «Плачем» Дэвина, а потом тело снесут вниз и впустят толпу, ожидающую за воротами с листьями для хрустальной вазы.

Менико увел их со двора среди такой глубокой тишины, которая сама по себе была наивысшей похвалой. Они снова вернулись в отведенную им комнату. Под влиянием ими самими созданного настроения все молчали. Дэвин помог танцовщицам переодеться в платья, которые они носили между выходами на сцену, и стал смотреть, как они ходят кругами по комнате, стройные, своей грацией напоминающие кошек. Он взял из рук одного из слуг бокал зеленого вина, но отказался от предложенной тарелки с едой. Обменялся взглядом с Алессаном, пока только взглядом, не улыбкой. Музыканты Дренио и Пьеве склонились над своими сириньями и подтягивали струны. Эгано, практичный, как всегда, ел, машинально барабаня по столу свободной рукой. Менико прошел мимо, нервный и рассеянный. Он молча сжал предплечье Дэвина.

Дэвин поискал взглядом Катриану и увидел ее в тот момент, когда она выходила из комнаты под аркой, ведущей в глубину дома. Она оглянулась. Их взгляды на секунду встретились, и она пошла дальше. Странно преломленный свет падал из высокого невидимого окна на то место, где она только что стояла.

Дэвин в самом деле не знал, почему он так поступил. Даже потом, после того как произошло столько разных событий, разбегающихся кругами от этого мгновения во всех направлениях, словно рябь по воде, он так и не мог объяснить, почему последовал за ней.

Простое любопытство. Желание. Странное томление, порожденное выражением ее глаз, и странное место, словно парящее в воздухе среди тишины и печали, в котором они находились. Возможно, причина была совсем в другом, или частично в этом, или только в этом. Он чувствовал, что мир стал не совсем таким, каким был до начала выступления танцовщиц.

Дэвин допил вино, встал и вышел под ту же арку, что и Катриана. Проходя под ней, он тоже оглянулся. Алессан наблюдал за ним. Во взгляде тригийца не было осуждения, только напряжение, которого Дэвин не мог понять. Впервые в этот день он вспомнил о своем сновидении.

И, может быть, поэтому, проходя под аркой, он шепотом произнес молитву Мориан.

За аркой оказалась лестница с высоким узким окном-витражом на площадке второго этажа. В разноцветном каскаде света он успел заметить серебристо-голубое платье, промелькнувшее слева от верхней площадки лестницы. Он тряхнул головой, стараясь прояснить сознание, выйти из нереального, похожего на сон состояния. Ему это удалось, и все вдруг встало на свои места. Дэвин понял и выругался про себя.

Она была родом из Астибара. И шла наверх, чтобы, как и подобает, проститься с герцогом. Ни один лорд или купец-нувориш не мог отказать ей в праве это сделать после того, как она пела в то утро. С другой стороны, для сына крестьянина из Азоли, рожденного в Нижнем Корте, войти в комнату наверху было бы чистейшей наглостью.

Поэтому Дэвин заколебался и повернул бы назад, если бы не память, которая всегда была его благословением и проклятием. Он видел со стороны двора висящие знамена. Та комната, где лежал Сандре д'Астибар, находилась не слева от лестничной площадки, а справа.

Дэвин пошел дальше. Теперь он старался двигаться тихо, хотя все еще не понимал почему. На лестничной площадке повернул налево, вслед за Катрианой. Там была дверь. Он открыл ее. Пустая комната, которой давно не пользовались, пыльные драпировки на стенах. Сцены охоты, краски сильно выцвели. Из нее было два выхода, но теперь ему на помощь пришла пыль: он видел четкие отпечатки ее сандалий, ведущие к двери справа.

Дэвин бесшумно двинулся по этим следам через анфиладу заброшенных комнат на втором этаже дворца. Он видел скульптуры и изделия из стекла, утонченно изящные, покрытые многолетним слоем пыли. Многие предметы обстановки исчезли, многие из уцелевших были накрыты чехлами. Освещены они были плохо: большая часть окон была закрыта ставнями. Суровые лорды и леди с почерневших, закопченных портретов недружелюбно взирали на него сверху, когда он проходил мимо.

Он свернул направо и еще раз направо, идя по следам Катрианы и стараясь не слишком приближаться к ней. Она двинулась прямо через комнаты вдоль внешней стороны дворца — ни одна из них не выходила на балюстраду, полную народа. В этих комнатах было светлее. Он слышал справа приглушенные голо-

са и догадался, что Катриана идет кружным путем к дальнему концу той комнаты, в которой было выставлено для торжественного прощания тело Сандре.

Наконец Дэвин открыл дверь, которая оказалась последней. Катриана стояла одна в очень большой комнате, рядом с громадным камином. Каминную полку украшали три бронзовых коня, а стены — три портрета. Потолок был покрыт, как понял Дэвин, настоящим золотом. Ряд окон вдоль внешней стены выходил на улицу, и возле него стояли два длинных стола, уставленных едой и напитками. Эту комнату в отличие от остальных недавно убрали, но шторы оставались задернутыми, скрывая ее от яркого утреннего света и взглядов толпы на улице.

В этом неясном, просачивающемся свете Дэвин закрыл за собой дверь, нарочно позволив замку громко щелкнуть. В тишине этот звук прозвучал как выстрел.

Катриана резко обернулась, прижав руку ко рту, но даже в полутьме Дэвин увидел, что в ее глазах сверкнула ярость, а не страх.

— Что ты тут делаешь? — сердито прошептала она.

Дэвин неуверенно шагнул вперед. Он пытался придумать остроумный ответ, какое-нибудь необидное, отвлекающее замечание, которое разрушило бы гнетущее заклятие, лежащее на нем, на всем начале дня. Но не сумел.

— Не знаю, — честно признался он, покачав головой. — Я увидел, как ты вышла, и пошел следом. Это не то, что ты думаешь, — неуклюже закончил он.

— Откуда ты знаешь, что я думаю? — огрызнулась она. Казалось, она усилием воли заставила себя успокоиться. — Я хотела несколько минут побыть одна. — Катриана старалась говорить ровным голосом. — Выступление взволновало меня, и мне необходимо побыть одной. Вижу, что ты тоже разволновался, но нельзя ли попросить тебя сделать одолжение — оставить меня на некоторое время одну?

Это было сказано вежливо. Он мог бы теперь уйти. В любое другое утро он так бы и поступил. Но Дэвин уже вошел во Врата Мориан и отчасти догадывался об этом.

Он махнул рукой в сторону накрытых столов и серьезно сказал, просто констатируя факт, без вызова или осуждения:

— Эта комната не для уединения, Катриана. Может, скажешь мне, зачем ты здесь?

Дэвин приготовился к новой вспышке ярости, но Катриана

еще раз его удивила. После долгой минуты молчания она наконец ответила:

— Мы с тобой не настолько близки, и я не обязана тебе отвечать. Будет лучше, если ты уйдешь. Для нас обоих.

До него все еще доносились приглушенные голоса из-за стены справа от камина с бронзовыми конями. Эта странная комната с обильно и роскошно накрытыми столами и мрачными портретами на темных стенах, казалось, была погружена в сон наяву. Он вспомнил, как пела утром Катриана, как ее голос устремлялся ввысь, туда, куда звала тригийская свирель. Вспомнил ее глаза в тот момент, когда она остановилась в дверном проеме, который они оба миновали. Он поистине не чувствовал, что все это происходит наяву, в том мире, который он знал.

И, поддавшись этому настроению, Дэвин услышал свой вопрос, произнесенный сдавленным голосом:

— Так не начать ли нам? Разве нет ничего, что могло бы нас сблизить?

Катриана колебалась. Ее глаза были широко раскрыты, но их выражение невозможно было прочесть в неверном свете, затем покачала головой и осталась стоять на месте, прямая и неподвижная, в дальнем конце комнаты.

— Думаю, что нет, — тихо ответила она. — Не на той дороге, по которой я иду, Дэвин д'Азоли. Но спасибо за предложение, и я не могу отрицать, что отчасти хотела бы, чтобы все обстояло иначе. А сейчас у меня мало времени, и мне надо здесь кое-что сделать. Пожалуйста, оставь меня.

Дэвин не ожидал, что почувствует такое сильное сожаление. Он кивнул, больше ничего не смог придумать в ответ и на этот раз повернулся, чтобы уйти.

Но в то утро во дворце Сандрени он действительно переступил порог и миновал врата, потому что в тот самый момент, когда Дэвин повернулся, они оба услышали голоса — но на этот раз у него за спиной.

— О Триада! — прошипела Катриана, и настроение лопнуло, как мыльный пузырь. — Проклятье лежит на всем, за что я ни возьмусь! — Она резко повернулась к камину, лихорадочно ощупывая ладонями нижнюю поверхность каминной полки. — Во имя богинь, молчи! — сердито прошептала она.

Ее шепот звучал так тревожно, что Дэвин повиновался и застыл на месте.

— Он говорил, что знает, кто построил этот дворец, — бормотала она себе под нос. — Это должно быть прямо над...

И замолчала. Дэвин услышал щелчок. Часть стены справа от камина слегка повернулась, и за ней открылась крохотная ниша. Дэвин широко раскрыл глаза.

— Не стой как дурак! — яростно прошипела Катриана. — Быстро!

За его спиной новый голос присоединился к остальным, теперь разговаривали трое. Дэвин прыгнул к потайной дверце, проскользнул внутрь вслед за Катрианой, вместе они навалились и закрыли ее за собой.

Через секунду они услышали, как дверь в дальнем конце комнаты со щелчком открылась.

— О Мориан, — вырвался стон из самого сердца Катрианы. — Ох, Дэвин, ну зачем ты здесь?

Дэвин не смог подобрать подходящего ответа на такой вопрос. Во-первых, он все еще не понимал, зачем последовал за Катрианой; во-вторых, чулан, в котором они спрятались, был слишком тесным, и вдвоем они едва в нем помещались. Дэвин с каждой секундой все острее чувствовал пьянящий, волнующий запах духов Катрианы, заполнивший крохотное пространство.

Если несколько минут назад он словно пребывал в полусне, то сейчас внезапно очнулся и обнаружил, что находится в опасной близости от женщины, которую последние две недели страстно желал.

Катриана, кажется, с некоторым опозданием тоже это осознала. Он услышал, как у нее вырвался слабый вздох. Дэвин закрыл глаза, хотя в потайном чулане было абсолютно темно. Он ощущал, как ее дыхание щекочет его лоб, и сознавал, что стоит ему слегка приподнять руки, и они сомкнутся на ее талии.

Он старался не шевелиться, откинувшись назад как можно дальше от нее, и не дышать глубоко. Он чувствовал себя круглым дураком, виновным в создавшейся смехотворной ситуации, и не собирался пополнить быстро растущий список своих прегрешений, дав волю рукам в темноте.

Катриана сменила позу, и ее платье тихо зашелестело. Она коснулась бедром его ноги. Дэвин прерывисто вздохнул и при этом глотнул новую порцию аромата ее духов, что вовсе не способствовало укреплению его решимости быть добродетельным.

— Прости, — прошептал он, хотя это она переменила позу. Он ощутил на лбу капли пота. Чтобы отвлечься, Дэвин попытался сосредоточиться на доносящихся снаружи звуках. За его спиной слышалось шарканье ног и постоянное неясное бормо-

тание людей, которые продолжали идти чередой мимо гроба Сандре.

Слева от него, в комнате, из которой они только что удрали, можно было различить три голоса. Один из них, как ни странно, он почти узнал.

— Я расставил слуг, охраняющих тело, на подходах — это даст нам лишнюю минуту, пока не подошли остальные.

— Ты заметил монеты на его веках? — спросил более юный голос, приближающийся к внешней стене, где стояли накрытые столы. — Очень забавно.

— Конечно, заметил, — ядовито ответил первый. Где Дэвин слышал этот голос? И совсем недавно. — Как ты думаешь, кто потратил целый вечер на поиски двух астинов двадцатилетней давности? И кто, по-твоему, все это организовал?

Послышался тихий смех третьего.

— Прекрасно накрытый стол, — легкомысленно произнес он.

— Я не это имел в виду!

Смех.

— Я знаю, но все равно, прекрасный стол.

— Таэри, сейчас не время для шуток, особенно неудачных. В нашем распоряжении всего несколько минут, пока не пришли остальные члены семьи. Слушайте меня внимательно. Только мы трое знаем, что происходит.

— Значит, только мы? — переспросил юный голос. — Больше никто? Даже мой отец?

— Даже Джиано, и ты знаешь почему. Я сказал — только мы. Перестань задавать вопросы и слушай, щенок!

В этот момент Дэвин д'Азоли почувствовал, как у него быстрее забилось сердце. Отчасти из-за услышанного, но гораздо вероятнее из-за того, что Катриана тихонько вздохнула и снова переменила позу. Дэвин с изумлением почувствовал, что теперь ее тело плотно прижато к его телу и что одна из ее длинных рук обвилась вокруг его шеи.

— Знаешь, — шепнула она почти беззвучно, прижавшись губами к его уху, — мне вдруг понравилась эта идея. Ты можешь вести себя очень тихо? — Кончик ее языка на одно мгновение коснулся мочки его уха.

Во рту у Дэвина пересохло, а его мужской орган встал в полный рост под серебристо-голубыми лосинами. Снаружи тот голос, который он почти узнал, начал быстро объяснять что-то насчет носильщиков и охотничьего домика, но и голос, и его объяснения внезапно потеряли для него всякое значение.

А не потерял значения — напротив, приобрел огромную важность — тот неоспоримый факт, что губы Катрианы целовали его шею и ухо. И пока его руки, по собственной воле, ощупывали ее щеки и шею, а потом спускались вниз, к выпуклости груди, о которой он так долго мечтал, ее собственные пальцы проворно развязали завязки у его талии и выпустили его на свободу.

— О Триада! — услышал он свой собственный стон, когда ее прохладные пальцы начали гладить его. — Почему ты раньше не сказала мне, что любишь заниматься этим в рискованных ситуациях? — Он резко повернул голову, и их губы слились в первом страстном поцелуе. Он начал поднимать вверх подол ее платья, собирая его в складки выше бедер.

Она откинулась назад, присела на полку у стены за ее спиной, чтобы облегчить ему задачу. Теперь и ее дыхание стало частым и поверхностным.

— Нас будет шестеро, — донеслось до Дэвина из соседней комнаты. — Я хочу, чтобы к восходу второй луны вы были...

Пальцы Катрианы внезапно вцепились в волосы Дэвина, причиняя боль, и в это мгновение ее бедра освободились от последних складок платья, пальцы Дэвина скользнули под нижнее белье и нашли врата, к которым он так стремился.

Она неожиданно слабо вскрикнула и на секунду окаменела, а потом совершенно расслабилась в его объятиях. Его пальцы нежно гладили глубокие складки ее плоти. Она вздохнула, потом снова чуть-чуть передвинулась и направила плоть Дэвина внутрь себя, ахнула, ее зубы сильно впились в его плечо. На мгновение Дэвин замер, охваченный поразительным наслаждением и острой болью, крепко прижимая ее к себе и почти беззвучно шепча какие-то слова, которых сам не понимал.

— Хватит! Другие уже здесь, — хрипло оборвал говоривших третий голос из комнаты.

— Все равно, — сказал первый. — Запомните, вы двое должны приехать из города разными дорогами — не вместе! — и присоединиться к нам сегодня ночью. Во что бы то ни стало убедитесь, что за вами не следят, иначе мы все погибли.

На короткое время воцарилось молчание. Потом дверь в дальнем конце комнаты открылась, и Дэвин, который начал медленно, молча двигаться внутри Катрианы, узнал наконец этот голос.

Потому что тот продолжал звучать, но теперь в нем появились мягкие, памятные со вчерашнего дня интонации.

— Наконец-то! — пропел Томассо д'Астибар. — Мы ужасно

боялись, что вы все заблудитесь в этих пыльных пространствах и вас никогда не найдут!

— Не будет тебе такой удачи, брат, — ворчливо ответил чей-то голос. — Хотя после восемнадцати лет отсутствия это было бы неудивительно. Я умираю от желания выпить пару бокалов вина. Сидеть смирно под такую музыку все утро — эта работа вызывает ужасную жажду.

В чулане Дэвин и Катриана прильнули друг к другу и беззвучно рассмеялись. Потом Дэвина охватило страстное нетерпение, ему показалось, что Катриану тоже. Внезапно на всем полуострове не осталось ничего важнее постепенно ускоряющегося ритма их общего движения. Дэвин почувствовал, как ее ногти впились ему в спину. Ощущая приближение экстаза, он приподнял ее ладонями снизу; она подняла ноги и обхватила ими его талию. Через мгновение ее зубы во второй раз впились в его плечо, и в ту же секунду он сам в полном молчании взорвался внутри нее.

На какое-то время они замерли, обессиленные, их одежда стала влажной в тех местах, где прилегала к коже. Дэвину казалось, что голоса из двух соседних комнат доносятся из бесконечно далекого пространства. Совершенно из другого мира. Ему совсем не хотелось двигаться.

Тем не менее в конце концов Катриана осторожно опустила ноги на пол и перенесла на них вес тела. В черной тьме Дэвин провел пальцем по ее щеке.

За их спиной вельможи и купцы Астибара все еще шаркали ногами мимо тела герцога, которого столь многие ненавидели и столь немногие любили. Слева от Дэвина представители младшего поколения Сандрени ели и пили, поднимая тосты за окончание ссылки. Дэвин, тесно прижавшийся к Катриане и все еще погруженный в тепло ее тела, не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

Внезапно она схватила его за ласкающий ее палец и очень сильно укусила. Он вздрогнул от боли. Однако она ничего не сказала.

После того как семейство Сандрени удалилось, Катриана нашарила задвижку, и они выскользнули из чулана в комнату. Быстро поправили одежду. Задержались лишь для того, чтобы ухватить по куриному крылышку, а потом поспешили обратно через комнаты, ведущие к лестнице. По дороге им встретились

трое одетых в ливреи слуг, и Дэвин, с которого слетело сонное оцепенение, настороженный, схватил Катриану за руку и подмигнул слугам, проходя мимо.

Через секунду она отняла руку.

Он взглянул на нее.

— Что случилось?

Она пожала плечами.

— Я бы предпочла, чтобы об этом не объявляли по всему дворцу Сандрени и за его пределами, — пробормотала Катриана, глядя прямо перед собой.

Дэвин удивленно поднял брови.

— А что бы ты предпочла, чтобы они задумались о причине нашего пребывания на втором этаже? Я только что дал им очевидное и скучное объяснение. Они даже не станут это обсуждать. Такие вещи случаются сплошь и рядом.

— Не со мной, — тихо ответила Катриана.

— Я не это имел в виду! — возмущенно запротестовал Дэвин. Но, к сожалению, они уже спускались по лестнице, и он остановился у двери в их комнату, пропуская ее вперед, удивленный неожиданно возникшим между ними отчуждением.

Совершенно сбитый с толку, Дэвин занял свое место позади Менико, готовясь снова выйти вместе со всеми во двор.

В двух первых гимнах он исполнял небольшие второстепенные партии, поэтому мысли его все время возвращались к сцене, только что разыгравшейся наверху. Он снова и снова проигрывал отдельные эпизоды с помощью данной ему от рождения памяти, высвечивал будто солнечным лучом одну подробность за другой, выявляя то, что ускользнуло от него в первый раз.

Поэтому к тому времени, когда настала его очередь завершить и увенчать обряд оплакивания, видя, что трое священнослужителей в ожидании подались вперед, а Томассо принял позу восторженного внимания, Дэвин смог отдать «Плачу по Адаону» всю душу без остатка, так как поборол все сомнения и твердо решил, что ему делать.

Он начал мягко, в среднем диапазоне, вместе с двумя сириньями, выстраивать древнюю историю бога. Затем, когда вступила свирель Алессана, голос Дэвина взмыл вверх вместе с ней, будто стремительно вознесся из узкой горной долины на утес у края пропасти.

Он пел о смерти бога чистым голосом, выплавленным в котле собственного сердца, и мелодия поднималась над дворцом и

летела дальше, над улицами, площадями и высокими стенами Астибара.

Над высокими стенами, которые он собирался сегодня ночью преодолеть, а потом найти тропинку и пойти по ней в лес, где стоит охотничий домик. Домик, куда отнесут тело герцога и где соберутся несколько человек — шесть, напомнил ему ясный голос памяти. Катриана д'Астибар только что пошла на все, кроме убийства, чтобы он не узнал об этой встрече. Дэвин старался превратить едкую горечь своего понимания в печаль по Адаону, наполнить этой болью «Плач».

«Лучше для нас обоих», — вспомнил он ее слова и мысленно снова услышал в ее голосе сожаление и неожиданную мягкость. Но в возрасте Дэвина определенный вид гордости, вероятно, сильнее, чем в любом другом возрасте смертного, и он уже решил, еще даже не начав петь, здесь, во дворе, полном знатных людей Астибара, что он сам будет судить о том, что лучше.

И Дэвин пел о растерзанном руками женщин боге. Он вложил в его смерть на горном склоне Тригии все, что должен был вложить, превратил свой голос в стрелу, пущенную ввысь, и попал в сердце каждого слушателя.

Он дал Адаону упасть с высокого утеса, услышал, как смолкла свирель, и его тоскующий голос слетел по спирали вместе с умирающим богом в Касадель, и песнопение подошло к концу.

И подошла к концу в то утро часть жизни Дэвина. Потому что все знают: если войдешь во Врата Мориан, назад дороги нет.

Глава 4

Томассо бар Сандре, сопровождающий гроб с телом отца, выехал из восточных ворот за час до рассвета, пустил коня неспешным шагом и позволил себе отвлечься впервые за сорок восемь очень напряженных часов.

Дорога была пустынной. Обычно в этот час она забита людьми, спешащими вернуться в дистраду до начала комендантского часа, когда запирают городские ворота. С закатом солнца улицы Астибара пустеют, остаются лишь патрули из барбадиорских наемников и отчаянные одиночки, достаточно безрассудные, чтобы бросить вызов в поисках женщин, вина и других ночных развлечений.

Но сегодня день был необычный. Сегодня ночью и две следующие ночи в Астибаре не будет комендантского часа. Виноград собран, урожай в дистраде роскошный, и все три ночи люди будут петь, танцевать и даже буйствовать на Празднике Виноградной Лозы. Эти три ночи в году Астибар пытался притворяться чувственным, романтичным, как Сенцио. Ни один герцог в прежние времена и даже унылый Альберико теперь не пробовали совершить глупость и без особой необходимости вызвать недовольство, перекрыв людям эту древнюю отдушину в размеренном течении года.

Томассо оглянулся на город. Красное солнце садилось среди редких облаков за куполами храмов и башнями, окутывая Астибар призрачным, прекрасным сиянием. Поднялся ветер, он был холодным. Томассо хотел надеть перчатки, потом передумал: ему пришлось бы снять некоторые из колец, а ему очень нравился блеск камней в этом ускользающем, неверном свете. Определенно наступала осень, и дни Поста быстро приближались. Пройдет совсем немного времени, всего несколько дней, и первый мороз тронет последние, драгоценные кисти винограда, которые оставили на специально отобранных лозах, чтобы сделать из них, если все сложится удачно, ледяное, прозрачное, голубое вино, гордость Астибара.

Восемь слуг с бесстрастными лицами тяжело шагали позади него по дороге, несли носилки с простым деревянным гробом отца Томассо, украшенным лишь герцогским гербом. По обеим сторонам от них в мрачном молчании ехали два человека, приглашенные для всенощного бдения у гроба. Учитывая характер их обязанностей и сложную, длящуюся много поколений вражду между этими двумя людьми, не стоило удивляться их молчанию.

«Между этими тремя людьми», — поправил себя Томассо. Их трое, если считать и мертвого, который так тщательно все это спланировал, до мельчайших деталей, даже кто поедет по какую руку от носилок, кто впереди, а кто позади. Не говоря уже о еще более удивительных деталях: каких именно двух вельмож провинции Астибар следует пригласить сопровождать его в охотничий домик для всенощного бдения, а оттуда, на рассвете, в усыпальницу Сандрени. Или, если быть совсем точным, каким двум вельможам можно и нужно доверить то, что им предстоит узнать во время бдения в лесу этой ночью.

При этой мысли Томассо почувствовал укол страха под ребрами. Он подавил его, чему научился за долгие годы — даже невозможно поверить, сколь долгие, — обсуждения этих вопросов с отцом.

А теперь Сандре мертв, и он действует в одиночку. И ночь, которую они так долго готовили, почти опустилась на них вслед за меркнущим светом заката. Томассо, еще два года назад миновавший свой сороковой день именин, знал, что если не будет осторожным, то легко может почувствовать себя снова ребенком.

Он был двенадцатилетним мальчиком, когда Сандре, герцог Астибарский, обнаружил его голым в соломе на конюшне с шестнадцатилетним сыном главного конюха.

Его любовника, разумеется, казнили, тайком, чтобы замять дело. Томассо отец порол три дня подряд, каждое утро кнут педантично снова находил заживающие раны. Матери было запрещено к нему заходить.

Это была одна из немногих ошибок отца, размышлял Томассо, мысленно возвращаясь на тридцать лет назад из осенних сумерек. Он знал, что его особое пристрастие к кнуту во время занятий любовью появилось именно в те три дня. Это был одна, как он любил выражаться, из его счастливых находок.

Сандре больше никогда его так не наказывал. И никаким другим прямым способом. Когда стало очевидно, что предпочтения Томассо, мягко выражаясь, ни изменить, ни подавить не удастся и что нет никакой надежды сохранить тайну, герцог просто перестал замечать своего среднего сына.

В течение более десяти лет таких отношений Сандре терпеливо пытался подготовить Джиано в качестве своего преемника и почти столько же времени тратил на молодого Таэри, давая всем понять, что его младший сын стоит в линии наследования сразу за старшим. Более десяти лет Томассо просто не существовало в стенах дворца Сандрени.

Хотя он определенно существовал в других местах Астибара и в ряде других провинций тоже. По причинам, которые только теперь стали для него до боли очевидными, Томассо на протяжении всех этих лет пытался затмить своим беспутством всех вельмож Астибара, о которых до сих пор рассказывали ужасные истории, хотя некоторые из них были покойниками уже лет четыреста.

Он полагал, что ему это отчасти удалось.

Несомненно, «набег» на храм Мориан в тот далекий весенний день будут еще долго помнить как крайнюю точку падения или как вершину (все зависит от точки зрения, как он любил говорить потом) святотатственного разврата.

Этот набег никак не сказался на его взаимоотношениях с

отцом. Не на чем было сказываться, не было никаких отношений с того самого утра в соломе, когда Сандре по воле судьбы вернулся с верховой прогулки на час раньше. Они с отцом умудрялись не разговаривать и даже не замечать друг друга и во время семейных обедов, и во время официальных мероприятий. Если Томассо становилось известно то, что, по его мнению, следовало знать Сандре — а это случалось довольно часто, принимая во внимание те круги, в которых он вращался, и их хронически опасное время, — он рассказывал об этом своей матери во время еженедельных совместных завтраков, а она уже принимала меры, чтобы эти сведения дошли до отца. Томассо также знал, что она следила и за тем, чтобы Сандре узнал об источнике этих сведений. Но это не имело значения.

Она умерла, выпив отравленное вино, предназначенное для мужа, до последнего в своей жизни утра стараясь примирить Сандре с их средним сыном.

Если бы отец и сын были бóльшими романтиками, они могли бы подумать, когда семья Сандрени крепко сплотилась в кровавые дни возмездия за отравление, что мать своей смертью осуществила эту надежду.

Оба они знали, что это не так.

Фактически лишь появление Альберико из Барбадиорской Империи, его подавляющие волю чары и жестокость поработителей-наемников привели Томассо и Сандре к поздней ночной беседе на второй год ссылки герцога. Вторжение Альберико и монументальная, неисправимая, непобедимая тупость Джиано д'Астибар бар Сандре, номинального наследника разрушенного состояния их семьи.

И к этим двум факторам постепенно прибавился третий, горькое открытие правды гордым ссыльным герцогом. Постепенно становилось все более очевидным, и невозможно стало отрицать, что его собственные характер и одаренность, тонкость и проницательность, способность скрывать свои мысли и читать в умах других людей — все, что он мог передать своим сыновьям, — в конце концов унаследовал только средний сын. Томассо. Который любил мальчиков и не мог оставить ни собственного наследника, ни имени, которым можно было бы гордиться ни в Астибаре, ни в одной из других провинций Ладони.

В том глубоко скрытом уголке души, который Томассо выделил для сложного процесса осмысления своих чувств к отцу, он всегда признавал — даже в те времена, а тем более во время этого последнего вечернего путешествия Сандре, — что истин-

ным мерилом герцога как правителя стала та далекая зимняя ночь. В ту ночь он нарушил десятилетнее каменное молчание, поговорил со своим средним сыном и доверился ему.

Он доверил ему свой план, с болезненной осторожностью вынашиваемый им в течение восемнадцати лет, как изгнать Альберико, его колдовство и его наемников из Астибара и Восточной Ладони. План, ставший для них обоих навязчивой идеей, хотя поведение Томассо на публике становилось все более эксцентричным и развязным, его голос и походка превращались в пародию — пародию на самого себя, жеманного и шепелявого любителя мальчиков.

Это все было частью плана, разработанного во время ночных бесед с отцом в их поместье за городскими стенами.

Одновременно Сандре играл свою роль: он у всех на виду превращался в бессильного, мрачного ссыльного, проклинающего Триаду, вечно жалующегося, устраивающего буйные охоты и слишком увлекающегося вином собственного производства.

Томассо никогда не видел отца по-настоящему пьяным и никогда не говорил тонким, как пение флейты, голосом во время их ночных бесед наедине.

Восемь лет назад они попытались организовать убийство. В деревенскую таверну у границы провинции Феррата с Астибаром устроили на работу шеф-повара, связи которого нельзя было проследить дальше семейства Канциано. Более полугода досужая молва Астибара воспевала эту таверну как место с очень приличной кухней. После никто так и не вспомнил, откуда пошли эти сведения: Томассо очень хорошо знал, как полезно небрежно распускать слухи такого рода среди друзей в храмах. Жрецы Мориан в особенности славились своим аппетитом. Аппетитом любого рода.

Прошел целый год после начала осуществления их плана, и однажды Альберико из Барбадиора, возвращаясь с Игр Триады — точно так, как предсказывал Сандре, — остановился пообедать в пользующейся хорошей репутацией таверне Феррата у границы с Астибаром.

К закату этого ясного летнего дня все, находившиеся в этой таверне — слуги, хозяева, конюхи, повара, дети и посетители, — были вздернуты живыми, но с перебитыми спинами, ногами и руками и с отрезанными кистями рук, на поспешно сооруженные барбадиорские «небесные колеса» и оставлены умирать.

Таверну сровняли с землей. Налоги в провинции Феррат были повышены вдвое на следующие два года и на год в Астибаре, Тригии и Чертандо. В течение следующих шести месяцев всех уцелевших членов семьи Канциано выследили, схватили, подвергли публичным пыткам и сожгли на Большой площади Астибара. Рты им затыкали отрубленными кистями собственных рук, чтобы их вопли не тревожили Альберико и его советников в правительственных кабинетах над площадью.

Вот так Сандре и Томассо убедились, что колдунов отравить невозможно.

Следующие шесть лет они ничего не предпринимали, только беседовали по ночам в загородном доме среди виноградников и собирали все доступные сведения о самом Альберико и о событиях на востоке, в Барбадиоре, где, по слухам, император старел и дряхлел с каждым годом.

Томассо начал скупать и коллекционировать трости с ручками, вырезанными в форме мужского полового органа. Ходили слухи, что он заставлял позировать резчикам некоторых из своих юных друзей. Сандре охотился. Джиано, наследник, подтверждал свою репутацию искреннего, простодушного соблазнителя женщин и производителя детей, и законных, и внебрачных. Младшим Сандрени было позволено иметь скромные дома в городе, в русле общей политики Альберико быть как можно более мягким правителем — кроме тех случаев, когда ему угрожала опасность или общественные беспорядки.

В таких случаях дети могли умирать на «небесных колесах». Дворец Сандрени в Астибаре оставался заколоченным, пустым и пыльным. Полезный, многозначительный символ падения тех, кто мог сопротивляться тирану. Суеверные люди утверждали, что видели призрачные огоньки, мелькающие в нем по ночам, особенно в ночи голубой луны или в осенние и весенние ночи Поста, когда мертвые, как известно, выходят из могил.

Однажды вечером в загородном поместье Сандре сказал Томассо, без всякого предупреждения или преамбулы, что предполагает умереть накануне Праздника Виноградной Лозы через две осени после этой. Он далее назвал имена двух вельмож, которые должны будут нести при нем ночное бдение, и объяснил почему. В ту же ночь они с Томассо решили, что настало время посвятить в свои планы Таэри, младшего сына. Он был отважен, не глуп и мог пригодиться для определенных дел. Они также согласились, что Джиано каким-то образом удалось произвести на свет сына с теми же достоинствами, пусть и незаконного. Этот Херадо — в то время ему исполнился двадцать один год, и он выказывал обнадеживающие признаки мужества и честолю-

бия — был их самой большой надеждой на участие молодого поколения в беспорядках, которые Сандре рассчитывал спровоцировать сразу же после своей смерти.

Собственно говоря, вопрос был не в том, кому из семьи можно доверять: в конце концов, семья — это семья. Вопрос был в том, кто мог быть полезен, и то, что сразу приходило в голову только два имени, служило свидетельством деградации семьи Сандрени.

Это была совершенно бесстрастная беседа, вспоминал Томассо, едущий впереди носилок с гробом отца между темными деревьями, окаймлявшими дорогу. Их беседы всегда были такими, и эта ничем не отличалась от прочих. Однако потом он не мог уснуть, дата Праздника, который состоится через два года, впечаталась в его мозг. День, когда его отец, всегда столь точный в своих планах, такой рассудительный, решил умереть, чтобы дать Томассо шанс на новую попытку.

Этот день теперь настал и закончился, унося с собой душу Сандре д'Астибара туда, куда уносятся души таких людей. Томассо сделал охранительный жест, чтобы отвести зло подобных мыслей. За его спиной раздался голос стюарда, приказывающий слугам зажечь факелы. С наступлением темноты стало холоднее. Над головой последние лучи света окрасили тонкую полоску высоких облаков в мрачный оттенок пурпурного цвета. Само солнце уже скрылось, опустилось за деревья. Томассо подумал о душах, о душе отца и своей собственной. И вздрогнул.

Взошла белая луна, Видомни, а потом вскоре появилась голубая — Иларион, безуспешно гнавшаяся за белой по небу. Обе луны были почти полными. Собственно говоря, процессия могла бы обойтись и без факелов, настолько ярким был свет двух лун, но свет факелов соответствовал его задаче и его настроению, поэтому Томассо оставил их гореть, когда они свернули с дороги на знакомую извилистую тропу, ведущую через лес Сандрени к простому охотничьему домику, который любил его отец.

Слуги поставили гроб на козлы в центре большой комнаты в передней части дома. Зажгли свечи и два камина. Еду приготовили еще в начале того же дня. Ее быстро расставили на буфете вместе с вином. Окна были открыты, чтобы проветрить помещение и впустить легкий ветерок.

По кивку Томассо распорядитель увел слуг. Они должны были отправиться в главное здание, расположенное восточнее, и вернуться на рассвете. В конце бдения.

Наконец они остались одни. Томассо и лорды Ньеволе и Скалвайя, столь тщательно выбранные два года назад.

— Вина, господа? — предложил Томассо. — Очень скоро к нам присоединятся еще трое.

Он намеренно произнес это своим естественным голосом, а не искусственным, высоким и певучим, который стал его отличительным знаком в Астибаре. Он с удовольствием заметил, что оба лорда тотчас же отметили этот факт, повернулись и остро взглянули на него.

— Кто еще? — буркнул бородатый Ньеволе, ненавидевший Сандре всю свою жизнь. Ни он, ни Скалвайя никак не прокомментировали голос Томассо. Подобные вопросы выдавали слишком многое, а эти люди давно уже наловчились ничего не выдавать.

— Мой брат Таэри и племянник Херадо — один из внебрачных сыновей Джиано и самый умный из них.

Он говорил небрежно, откупоривая пару бутылок из запасов красных вин Сандрени. Разлил вино и подал каждому по бокалу, ожидая, кто из них первым нарушит краткое молчание, которое предсказал его отец после этих слов. Вопрос задаст Скалвайя, сказал Сандре.

— А кто третий? — тихо спросил лорд Скалвайя.

Томассо внутренне поклонился покойному отцу. Затем, осторожно поворачивая бокал за ножку, чтобы вино проявило свой букет, ответил:

— Не знаю. Отец не назвал его. Он назвал вас двоих и нас троих и сказал, что на нашем совете сегодня ночью будет еще и шестой.

Слово «совет» тоже было тщательно выбрано.

— Совет? — переспросил элегантный Скалвайя. — Кажется, меня неверно информировали. Я по наивности полагал, что это бдение у гроба.

Черные глаза Ньеволе сверкнули на бородатом лице. Оба они уставились на Томассо.

— Немного больше, чем бдение, — сказал Таэри, входя в комнату. За ним шел Херадо.

Томассо с радостью отметил, что оба были одеты с подобающей умеренностью и что, несмотря на легкомысленную учтивость, с которой Таэри выбрал момент для появления в этой комнате, выражение его лица было весьма серьезным.

— Вы знакомы с моим братом, — пробормотал Томассо, на-

ливая еще два бокала для вновь прибывших. — Возможно, вы еще не знакомы с Херадо, сыном Джиано.

Юноша поклонился, но промолчал, как ему и подобало. Томассо принес брату и племяннику вино.

Еще несколько секунд было тихо, потом Скалвайя опустился в кресло, вытянул вперед больную ногу, поднял свою трость и ткнул ею в сторону Томассо. Кончик трости не колебался.

— Я задал вопрос, — холодно произнес он. — Почему вы называете это советом, Томассо бар Сандре? Почему нас привезли сюда под вымышленным предлогом?

Томассо перестал играть со своим бокалом. Они наконец-то подошли к этому моменту. Он перевел взгляд со Скалвайи на дородного Ньеволе.

— Мой отец, — серьезно ответил он, — считал вас двоих последними лордами, имеющими реальную власть в Астибаре. Две зимы назад он принял решение и сообщил мне о своем намерении умереть в канун этого Праздника. В такое время, когда Альберико не сможет отказать ему в похоронах со всеми почестями, в число которых входит ночное бдение у гроба. В такое время, когда вы оба будете находиться в Астибаре, что позволит мне назвать ваши кандидатуры для этого обряда.

Он сделал паузу в своей размеренной, неторопливой речи и задержал взгляд сначала на одном, потом на другом вельможе.

— Мой отец сделал это для того, чтобы мы могли собраться, не вызывая подозрений, не рискуя быть прерванными или обнаруженными, с целью привести в исполнение определенные планы для свержения Альберико, который правит Астибаром.

Они пристально наблюдали за ним, но Сандре сделал хороший выбор. Ни один из двоих, о которых он говорил, не выказал удивления или страха, ни один мускул не дрогнул на их лицах.

Скалвайя медленно опустил трость и положил ее на стол рядом с креслом. Томассо невольно отметил, что она сделана из оникса и макиала. Как странно работал его мозг в подобные моменты.

— Вы знаете, — сказал откровенный Ньеволе, сидящий у большего камина, — вы знаете, эта мысль приходила мне в голову, когда я пытался угадать, почему ваш проклятый Триадой отец — ах, простите, от старых привычек нелегко освободиться. — Улыбка его была скорее волчьей, чем смущенной, и не затронула прищуренных глаз. — Почему герцог Сандре пожелал, чтобы я участвовал в бдении после его смерти. Он ведь должен

был знать, сколько раз я пытался приблизить выполнение этих похоронных обрядов в дни его правления.

Томассо улыбнулся в ответ столь же холодной улыбкой.

— Он был уверен, что вы удивитесь, — вежливо ответил он человеку, который почти наверняка заплатил за чашу вина, погубившую его мать. — Он также был совершенно уверен, что вы согласитесь приехать, будучи одним из последних представителей вымирающей породы людей в Астибаре. Скорее даже на всей Ладони.

Бородатый Ньеволе поднял свой бокал.

— Вы умеете льстить, бар Сандре. И должен сказать, что предпочитаю слышать ваш голос таким, как сейчас, без всех этих падений, вибраций и прочих штучек, обычно ему свойственных.

Казалось, Скалвайю это позабавило. Таэри громко рассмеялся. Херадо настороженно наблюдал за происходящим. Он очень нравился Томассо, но не тем особенным образом, который был ему присущ, как ему пришлось заверить отца в одной из бесед, уклонившись от темы.

— Я тоже предпочитаю этот голос, — сообщил он двум вельможам. — За последние несколько минут вы, должно быть, уже подумали о том, — что неудивительно для таких людей, как вы, — почему некоторые аспекты моей жизни приняли хорошо известное направление. В том, чтобы на тебя смотрели как на безвредного вырожденца, есть свои преимущества.

— Да, — честно согласился Скалвайя, — если у тебя есть цель, которой служит подобное заблуждение. Вы только что назвали одно имя и намекнули, что все мы могли бы быть счастливы, если бы носитель этого имени умер или уехал. Оставим пока в стороне те возможности, которые могут возникнуть в результате столь драматичной случайности.

Его взгляд оставался совершенно непроницаемым; Томассо был предупрежден, что так и будет. Он ничего не сказал. Таэри смущенно переступил с ноги на ногу, но, к счастью, промолчал, как ему и было велено. Он подошел и сел на один из стульев у дальнего края гроба.

Скалвайя продолжал:

— Мы не можем не понимать: сказав то, что вы сказали, вы полностью отдали себя в наши руки или так может показаться на первый взгляд. В то же время я догадываюсь, что, если бы мы встали и поехали назад в Астибар, чтобы доложить о предательстве, мы присоединились бы к вашему отцу в царстве мертвых раньше, чем выехали бы из этого леса.

Это было сказано небрежно — мелкий факт, требующий подтверждения перед тем, как перейти к более важным вопросам.

Томассо покачал головой.

— Едва ли, — солгал он. — Вы оказали нам честь своим присутствием и абсолютно свободны, если решите уйти. Мы даже, если пожелаете, проводим вас, так как тропинка плохо видна в темноте. Мой отец предложил мне также указать вам на то, что, хотя вы могли бы легко отправить нас умирать после пыток на колесе, весьма вероятно, даже наверняка, что Альберико сочтет необходимым поступить так же и с вами обоими, как с нашими вероятными сообщниками. Помните, что случилось с семейством Канциано после того несчастного случая в Феррате несколько лет назад?

Последовало вежливое молчание в знак признания справедливости сказанного.

Его прервал Ньеволе.

— Значит, то было делом рук Сандре? — проворчал он. — А вовсе не Канциано?

— Это было делом наших рук, — спокойно согласился Томассо. — Должен сказать, что мы многому научились.

— И Канциано тоже, — сухо пробормотал Скалвайя. — Ваш отец всегда ненавидел Фабро бар Канциано.

— Нельзя сказать, что они были лучшими друзьями, — откровенно ответил Томассо. — Хотя должен сказать, что если сосредоточиться на этом аспекте, то, боюсь, можно не понять сути дела.

— Той сути, которую вы нам навязываете, — ядовито заметил Ньеволе.

Неожиданно на помощь Томассо пришел Скалвайя.

— Это несправедливо, — сказал он Ньеволе. — Если и можно признать истинность чего бы то ни было в этой комнате и в это время, так это ненависть Сандре и его страстное желание, выходящие за рамки старой вражды и соперничества. Ведь целью был Альберико.

Его голубые глаза долгое мгновение смотрели прямо в глаза Ньеволе, и в конце концов этот крупный мужчина кивнул. Скалвайя сменил позу в кресле, морщась от боли в ноге.

— Очень хорошо, — обратился он к Томассо. — Вы сообщили нам, почему мы здесь, и разъяснили цели вашего отца и ваши собственные. Со своей стороны, сделаю признание. Признаюсь, в духе правдивости, внушаемом бдением у гроба покойника, что мое старое сердце не радует то, что мною правит грубый, злобный, властный мелкий вельможа из Барбадиора. Я с вами. Если у вас имеется план, буду рад его выслушать. Клянусь честью, что в этом я сохраню верность семье Сандрени.

Томассо вздрогнул, услышав эти древние слова.

— Ваша клятва и ваша честь — самые надежные гарантии, — ответил он совершенно искренне.

— Это правда, бар Сандре, — сказал Ньеволе и тяжело шагнул вперед от камина. — И смею утверждать, что слово представителя семьи Ньеволе никогда не ценилось меньше. Самое заветное желание моей души — увидеть этого барбадиора мертвым и разрубленным на куски; если Триаде будет угодно — моим собственным мечом. Я тоже с вами, клянусь честью.

— Такие жутко красивые слова! — раздался насмешливый голос под окном напротив двери.

Пять лиц — четыре бледных от шока и одно бородатое, залившееся краской, — резко повернулись к окну. Говоривший стоял снаружи у открытого окна, облокотясь на подоконник и подпирая подбородок ладонями. Он благожелательно разглядывал их, его лицо оставалось в тени оконной рамы.

— Никогда в жизни не видел, чтобы галантными фразами, даже из уст самых благородных лордов, можно было изгнать тирана. На Ладони или в других местах. — Одним экономным движением этот человек подпрыгнул, перекинул ноги в комнату и удобно уселся на подоконнике. — С другой стороны, — прибавил он, — единодушие по поводу целей действительно служит отправной точкой, с этим я согласен.

— Вы — тот шестой, о котором говорил мой отец? — осторожно спросил Томассо.

Теперь, когда этот человек был на свету, он показался ему знакомым. Он был одет для леса, не для города, в серую одежду двух оттенков, на рубаху была накинута куртка из шкуры черной овцы, штаны заправлены в поношенные сапоги для верховой езды. На гладком ремне висел кинжал.

— Я слышал, как вы об этом упомянули, — ответил незнакомец. — И надеюсь, это не так, потому что это повлекло бы за собой тревожные последствия, мягко выражаясь. Дело в том, что я никогда в жизни не говорил с вашим отцом. Если он знал о моей деятельности и каким-то чудом ожидал, что я узнаю об этой встрече и приду сюда, мне бы польстило его доверие, но гораздо больше встревожило бы то, что он так много обо мне знает. С другой стороны, — снова повторил он, — мы ведь говорим о Сандре д'Астибаре, и я здесь шестой, не так ли? — Он по-

клонился без сколько-нибудь заметной иронии в сторону гроба на козлах.

— Значит, вы также участвуете в заговоре против Альберико? — Глаза Ньеволе смотрели настороженно.

— Нет, — откровенно ответил сидящий в окне человек. — Альберико ничего для меня не значит. Он только орудие. Клин, при помощи которого я открою мою собственную дверь.

— А что находится за этой дверью? — спросил Скалвайя из глубины своего кресла.

Но в этот момент Томассо вспомнил.

— Я вас знаю! — внезапно воскликнул он. — Я видел вас утром. Вы тот пастух из Тригии, который играл на свирели во время обряда отпевания!

Таэри щелкнул пальцами, он тоже узнал этого человека.

— Я играл на свирели, да, — невозмутимо ответил сидящий на подоконнике человек. — Но я не пастух, и не из Тригии. Для моих целей нужно было играть эту роль и еще много ролей в течение многих лет. Томассо бар Сандре должен это оценить. — И он усмехнулся.

Томассо не ответил на его улыбку.

— Возможно, в таком случае вы сделаете нам одолжение и скажете, кто вы такой в действительности. — Он произнес эти слова так вежливо, как того требовала ситуация. — Отец, может быть, вас знал, но мы не знаем.

— И боюсь, что пока не узнаете, — ответил тот. И после паузы прибавил: — Хотя скажу, что, если бы я поклялся честью своей собственной семьи, моя клятва бы имела такой вес, что затмила бы обе данные здесь сегодня.

Эти слова были сказаны как нечто само собой разумеющееся и от этого прозвучали еще большим вызовом.

Томассо поспешно сказал, предупреждая предсказуемую вспышку гнева Ньеволе:

— Но вы ведь дадите нам хоть какую-то информацию, даже если предпочитаете сохранить в тайне свое имя. Вы сказали, что Альберико для вас орудие. Орудие для чего, Алессан-не-из-Тригии? — Он с удовольствием обнаружил, что запомнил имя, названное вчера Менико ди Ферратом. — Каковы ваши собственные цели? Что привело вас в этот охотничий домик?

Лицо незнакомца, худое и странно вытянутое, с резко выступающими скулами, застыло и стало похожим на маску. И в полной ожидания тишине он ответил:

— Мне нужен Брандин. Я жажду смерти Брандина из Играта больше, чем бессмертия для своей души по ту сторону последних врат Мориан.

Снова воцарилось молчание, прерываемое лишь потрескиванием осеннего огня в двух очагах. Томассо показалось, что в комнату вместе с этими словами проник зимний холод.

Потом Скалвайя лениво пробормотал:

— Какие ужасно красивые слова! — разрушив это настроение.

И Ньеволе, и Таэри расхохотались. Сам Скалвайя не улыбнулся.

Человек на подоконнике принял этот выпад с легким кивком головы.

— На эту тему я шуток не допущу, милорд. Если нам предстоит работать вместе, вам необходимо это запомнить.

— Вынужден заявить, что вы чересчур горды, молодой человек, — резко ответил Скалвайя. — Не следует забывать, с кем вы разговариваете.

Незнакомец явно проглотил готовые вырваться резкие слова.

— Гордость — это семейный недостаток, — наконец ответил он. — Боюсь, я тоже им страдаю. Но я действительно помню, кто вы такой. И члены семьи Сандре, и лорд Ньеволе. Именно поэтому я здесь. Я уже много лет назад задался целью следить за любыми проявлениями недовольства по всей Ладони. Иногда я его осторожно поощрял. Этот вечер примечателен тем, что я впервые пришел на подобное сборище лично.

— Но вы нам сказали, что для вас Альберико ничего не значит. — Томассо про себя выругал отца за то, что тот не подготовил его получше к появлению этого очень странного шестого участника встречи.

— Сам по себе — ничего, — поправил его тот. — Вы позволите? — Не дожидаясь ответа, он спрыгнул с подоконника и подошел к столу с вином.

— Пожалуйста, — с опозданием ответил Томассо.

Незнакомец щедро налил себе в бокал красного вина. Выпил его и налил еще. Только после этого он повернулся к остальным. Херадо смотрел на него огромными, широко раскрытыми глазами.

— Два факта, — кратко произнес человек по имени Алессан. — Запомните их, если вы всерьез хотите вернуть Ладони свободу. Первый: если вы выгоните Альберико, то не пройдет и трех месяцев, как на вас нападет Брандин. Второй: если изгнать

или убить Брандина, через такое же время полуостровом будет править Альберико.

Он замолчал. Его глаза — серые, как теперь заметил Томассо, — с вызовом поочередно оглядели каждого из них. Все промолчали. Скалвайя теребил рукоять своей трости.

— Эти две вещи необходимо понимать, — продолжал незнакомец тем же тоном. — Ни я при достижении своих целей, ни вы при достижении ваших собственных не можем себе позволить забыть о них. В них заключается основная истина положения дел на Ладони в наши дни. Двое чародеев из-за моря поддерживают собственное равновесие сил, и это единственное равновесие сил на полуострове в данный момент, пусть даже восемнадцать лет назад все было по-другому. Сегодня только мощь одного удерживает второго от применения магии, к которой они прибегли, покоряя нас. Значит, если мы попытаемся их свалить, мы должны свалить их обоих — или заставить их свалить друг друга.

— Как? — спросил Таэри, слишком поспешно.

Худое лицо под рано поседевшими черными волосами повернулось к нему с улыбкой.

— Терпение, Таэри бар Сандре. Мне еще надо многое рассказать вам о беспечности, прежде чем я решу, объединять ли наши пути. Я говорю это с бесконечным уважением к покойному, который нас сюда привел, как это ни удивительно. Боюсь, что вам придется согласиться принять мое руководство, или мы вообще ничего не сможем сделать вместе.

— Члены семьи Скалвайя добровольно не подчинялись ничему и никому на протяжении всей письменной и устной истории, — произнес бархатным голосом этот хитрый вельможа. — Я не готов стать первым, кто на это пойдет.

— Вы бы предпочли, чтобы ваши планы, и ваша жизнь, и долгая славная история вашей семьи угасли, словно свечи в дни Поста, из-за простой небрежности ваших приготовлений?

— Вам следует объясниться, — ледяным тоном произнес Томассо.

— Я и собираюсь. Кто из вас выбрал для встречи ночь, когда одновременно восходят обе луны? — резко спросил Алессан, и его голос внезапно приобрел остроту клинка. — Почему не расставили стражу в арьергарде вдоль лесной дороги, чтобы предупредить вас, если приблизится кто-нибудь посторонний, как это сделал я? Почему здесь не оставили слуг днем для охраны домика? Вы имеете хотя бы какое-то представление о том, что

вы пятеро были бы уже мертвы — с отрубленными кистями рук в глотке, — если бы я не был тем, кто я есть?

— Мой отец Сандре сказал, что Альберико не станет следить за нами, — с яростью, запинаясь, ответил Томассо. — Он был в этом совершенно уверен.

— И, вероятно, был абсолютно прав. Но вы не можете позволить себе такую роскошь — пренебрегать мелочами. Ваш отец — сожалею, что приходится говорить это, — слишком долго пробыл наедине со своей навязчивой идеей. Он слишком зациклился на Альберико. Это проглядывает во всем, что вы делали в последние три дня. Как насчет любопытных бездельников или жадных до денег? Мелкий осведомитель мог решить последить за вами просто для того, чтобы посмотреть, что тут происходит. Вы или ваш отец хотя бы на секунду задумались над этим? Или о тех, кто мог узнать, куда вы планируете приехать, и оказаться здесь до вас?

Воцарилось враждебное молчание. Полено в малом камине обрушилось с громким треском и выбросило сноп искр. Херадо невольно подскочил.

— Интересно ли вам будет узнать, — продолжал человек, назвавшийся Алессаном, уже мягче, — что мои люди охраняют подходы к этому домику с момента вашего приезда? Или что с середины дня здесь находится человек и следит за слугами, которые готовили домик к вашему приезду?

— Что? — вскричал Таэри. — Здесь? В нашем охотничьем домике?

— Для вашей и моей собственной безопасности, — ответил Алессан и допил второй бокал вина. Он взглянул вверх, в тень чердака над головой, где хранились запасные лежанки.

— Думаю, хватит, друг мой, — крикнул он, повысив голос. — Ты заслужил бокал вина, так долго просидев в пыли с пересохшим горлом. Можешь теперь спуститься, Дэвин.

* * *

Это действительно оказалось очень легким делом.

Менико, в кошельке которого звенело больше денег, заработанных за одно выступление, чем он заработал за всю свою жизнь, великодушно уступил выступление у виноторговца Бернету ди Корте. Бернет, нуждавшийся в этой работе, остался доволен; виноторговец сперва рассердился, но быстро смягчился, узнав, какую плату, предварительно не оговоренную с ним, за-

просил бы с него Менико теперь, после произведенного его труппой утром фурора.

Поэтому Дэвину и остальным членам труппы предоставили свободу на оставшуюся часть дня и вечер. Менико выделил каждому премию — по пять астинов — и милостиво отпустил их вкусить разнообразных развлечений на Празднике. Он даже не стал им читать свою обычную нотацию по поводу подстерегающих их опасностей.

Едва минул полдень, но на каждом углу уже стояли прилавки с винами, а на оживленных площадях даже по нескольку штук. Все виноградники провинции Астибар, и даже некоторые дальние — из Ферраты и Сенцио — предлагали вина прошлых лет в качестве преамбулы к вину урожая этого года. Купцы, собирающиеся покупать оптом, пробовали вино придирчиво, а ранние кутежники пили без разбора.

Тут же бойко торговали разнообразными фруктами: инжир и дыни, огромные грозди винограда этого урожая были выставлены рядом с громадными кругами белого сыра из Тригии или кирпичами красных сыров из северного Чертандо. Ближе к базару шум становился оглушительным — там жители города и его дистрады покупали товары, привезенные заезжими торговцами. Знамена дворянских домов и крупных винодельческих поместий весело развевались на осеннем ветру над головой Дэвина, когда он целеустремленно шагал к самой модной, как ему только что сказали, кавнице в Астибаре.

У славы есть свои преимущества. Его узнали еще у входа, о его приходе взволнованно объявили, и через несколько мгновений он очутился у темной деревянной стойки «Паэлиона» с кружкой горячего кава, сдобренного фламбардионом, в руках. И, слава Триаде, никто не задавал неловких вопросов насчет возраста.

За полчаса он узнал все, что хотел знать о Сандре д'Астибаре. Его вопросы показались совершенно естественными для тенора, который только что исполнял ритуальные песнопения на похоронах герцога. Дэвин узнал о долгом правлении Сандре, о его врагах, о горькой ссылке и о его достойном сожаления превращении в последние несколько лет в вечно пьяного охотника на мелкую дичь, в тень того человека, которым он некогда был.

В русле последней темы Дэвин спросил о том, где любил охотиться герцог. Ему объяснили. Сказали, где находился его любимый охотничий домик. Он перевел разговор на вино.

Это было легко. В тот час он был героем, а в «Паэлионе» любили героев на час. В конце концов его отпустили: он стал жаловаться на утомление, естественное для артиста после утренних подвигов. Задним числом до него теперь дошла значительность того факта, что за соседним столом сидит Алессан ди Тригия в компании художников и поэтов. Они смеялись над каким-то пари по поводу соболезнования в стихах, которое еще не прибыло из Кьяры. Они с Алессаном приветствовали друг друга вычурным, театральным, актерским поклоном, приведшим в восторг переполненный зал.

Вернувшись в гостиницу, Дэвин отбился от самых горячих поклонников, которые провожали его домой, и поднялся наверх один. Он нетерпеливо ждал в своей комнате час, чтобы удостовериться, что последний из них ушел. Переоделся в темно-коричневую тунику и штаны, надел шапку, чтобы спрятать волосы, и шерстяную рубаху в преддверии холодного вечера. Потом незамеченным пробрался сквозь бурлящую толпу на улицах к восточным воротам города.

Из города Дэвин вышел вслед за несколькими пустыми фургонами, товары с которых уже продали. Их гнали обратно в дистраду трезвые, осторожные крестьяне, предпочитавшие снова их загрузить и вернуться утром, а не гулять всю ночь и тратить то, что только что заработали.

Часть пути Дэвин проехал на попутной телеге, беседуя с возницей о налогах и низких ценах на овечью шерсть в этом году. В конце он спрыгнул, изобразив нетерпение молодости, и с милю пробежал по дороге на восток.

В одном месте он увидел с правой стороны храм Адаона и улыбнулся, узнав его. Как и было сказано, совсем рядом с храмом на воротах скромного деревенского дома красовалось изображение кораблика. Дом Ровиго, стоящий вдали от дороги среди кипарисов и олив, насколько Дэвин мог разглядеть, выглядел уютным и ухоженным.

Еще вчера, когда был другим человеком, он бы остановился. Но сегодня утром с ним что-то произошло в пыльных покоях дворца Сандрени. И он пошел дальше.

Через полмили он нашел то, что искал. Удостоверившись, что вокруг никого нет, Дэвин быстро свернул направо, на юг, и углубился в лес, прочь от основной дороги, ведущей к восточному побережью и городу Ардин.

В лесу было тихо и прохладно, ветки и пестрые листья заслоняли солнечный свет. Между деревьев вилась тропа, и Дэвин двинулся по ней к охотничьему домику Сандрени. С этого места

он удвоил осторожность. На дороге он был просто путником в осенней сельской местности; здесь превратился в нарушителя границ частного владения, у него не было никаких причин сюда вторгаться.

Ведь нельзя же считать вескими причинами гордость и странные, похожие на сон события минувшего утра. Дэвин в этом сильно сомневался. В то же время еще предстояло увидеть, смогут ли он сам и некая рыжая девица управлять течением событий этого дня и всех последующих. Если у нее создалось впечатление, что его легко одурачить — юного беспомощного раба своих страстей, ничего не видящего и не слышащего, кроме ее столь милостиво предложенного тела, — что ж, сегодняшний вечер покажет, как жестоко ошиблась эта наглая девчонка.

Что еще может открыть ему этот вечер, Дэвин не знал; он не разрешал себе настолько замедлить шаг, чтобы задуматься над этим вопросом.

Когда он подошел к домику, там никого не было, однако он долго лежал на земле, чтобы в этом убедиться. Передняя дверь была закрыта на цепочку, но Марра очень хорошо справлялась с подобными устройствами и научила его кое-чему. Он отпер замок пряжкой своего ремня, вошел, открыл окно и снова вылез наружу, чтобы поставить на место цепочку. Потом проскользнул внутрь через окно, закрыл его и огляделся.

Выбор у него был невелик. Две спальни в задней части домика опасны и не слишком полезны, если он хочет что-нибудь услышать. Дэвин встал на широкий подлокотник тяжелого деревянного кресла, подпрыгнул и ухитрился со второй попытки забраться на чердак, нависающий над половиной комнаты.

Потирая ушибленную коленку, он взял подушку с одной из хранящихся там лежанок и забился в самый дальний и темный угол, какой только смог найти, спрятавшись за чучелом рогатой головы оленя. Лежа на левом боку и прильнув глазом к щели в полу, он получал почти полный обзор комнаты внизу.

Дэвин старался настроиться на спокойствие и терпение. К несчастью, вскоре его начал преследовать сверкающий, стеклянный глаз оленя, который почему-то упорно смотрел прямо на него. В такой обстановке Дэвин стал нервничать. В конце концов он встал, повернул в другую сторону коричневую голову и снова устроился в своем убежище.

И как раз в эти минуты, когда целеустремленная деятельность этого дня сменилась промежутком времени, в течение которого ему нечего было делать, только ждать, Дэвина охватил страх.

Он не питал иллюзий: если его здесь найдут, он погиб. Таинственность и напряженность поведения и речей Томассо бар Сандре ясно говорили об этом. Даже не учитывая того, что сделала Катриана, чтобы подслушать эти речи, а потом — чтобы помешать ему их услышать. Впервые Дэвин задумался над тем, куда его завел опрометчивый порыв уязвленной гордости.

Когда через полчаса явились слуги и стали готовить комнату, он пережил несколько очень неприятных минут. Настолько неприятных, что ему даже на мгновение захотелось оказаться дома, в Азоли, и шагать за плугом вслед за парой невозмутимых водяных буйволов. Они прекрасные создания, эти водяные буйволы, терпеливые, никогда не жалуются. Они пашут для тебя поле, а из их молока крестьяне делают сыр. Есть даже нечто хорошее в предсказуемо сером осеннем небе Азоли и его так же предсказуемых жителях. Ни одна из их девушек, например, не ведет себя с таким беспричинным превосходством, как Катриана д'Астибар, которая втянула его в эту историю. И ни один слуга из Азоли, в этом Дэвин был уверен, не вызвался бы, как только что один из этих проклятых Триадой добрых парней, принести с чердака лежанку на тот случай, если один из лордов, дежурящих у гроба, устанет.

— Гоч, не будь большим дураком, чем нужно! — резко оборвал его управляющий. — Они здесь для того, чтобы не спать всю ночь, — лежанка в этой комнате нанесет оскорбление им обоим. Скажи спасибо, что ты зарабатываешь еду для своего брюха не мозгами, Гоч!

Наконец слуги ушли; отправились обратно в Астибар, за телом герцога. Наставления управляющего были подробными и точными. Так и надо с такими идиотами, как этот Гоч, ядовито подумал Дэвин.

С того места, где он лежал, Дэвин видел, как постепенно дневной свет уступает место сумеркам. Он поймал себя на том, что тихо напевает свою старую колыбельную. И заставил себя замолчать.

Его мысли снова вернулись к сегодняшнему утру. К долгому пути через пустые, пыльные комнаты дворца. К потайному чулану в конце пути. К внезапному прикосновению шелковистой кожи Катрианы, когда ее платье поднялось выше бедер. Тут он тоже заставил себя остановиться.

Смеркалось. Невдалеке первый раз крикнула сова. Дэвин

вырос в деревне: этот крик был ему знаком. Он слышал, как мыши копошатся под стеной. Время от времени под порывом ветра шуршали листья.

Потом внезапно сквозь задернутые шторы одного из окон пробился белый луч света, и Дэвин понял, что Видомни поднялась уже настолько высоко, что осветила поляну среди высоких деревьев, а это означало, что как раз сейчас восходит голубая Иларион. И ждать осталось недолго.

Так и случилось. Послышались голоса, замелькали факелы. Загремел замок, и дверь широко распахнулась. Вошел управляющий, за ним восемь человек внесли гроб. Прильнув глазом к щели в полу и затаив дыхание, Дэвин смотрел, как они устанавливают его. Вошел Томассо вместе с двумя лордами, чьи имена и родословные Дэвин узнал в «Паэлионе».

Слуги расставили блюда с едой, а потом ушли, Гоч споткнулся на пороге и стукнулся плечом о дверной косяк, к удовольствию Дэвина. Управляющий шел последним, он пожал плечами, извиняясь за неловкость слуги, поклонился и закрыл за собой дверь.

— Вина, господа? — предложил Томассо д'Астибар голосом, который Дэвин слышал из потайного чулана. — Очень скоро к нам присоединятся трое остальных.

И с этого момента они говорили то, что говорили, и Дэвин слышал то, что слышал, и постепенно до него дошло, как важно то, на что он случайно наткнулся, и в какую губительную историю ввязался.

Потом появился Алессан у окна напротив двери.

Собственно говоря, Дэвин не видел окна, но тут же узнал голос, и, остолбенев от изумления, услышал, как нанятый две недели назад Менико новичок отрицает, что он из Тригии, а потом услышал имя Брандина, короля Играта, которого всей душой ненавидел.

Конечно, Дэвин действовал необдуманно и поспешно и не стал бы отрицать, что на этот раз превысил свою обычную норму глупости, но он не страдал от хронического недостатка сообразительности или ума. В Азоли маленьким мальчикам приходится быть сообразительными.

Поэтому к тому моменту, когда Алессан назвал его имя и пригласил спуститься вниз, ловкий ум Дэвина уже сложил из кусочков картинку, и он быстро принял предложенную ему игру.

— «Все тихо с середины дня», — отозвался он, выбираясь из угла и проходя мимо оленьих рогов к краю чердака. — Здесь бы-

ли только слуги, но они не слишком старались, запирая дверь на цепочку, этот замок вскрыть легко. Два вора и император Барбадиора могли бы побывать здесь тайком и не встретиться друг с другом или с кем-нибудь еще.

Он произнес эти слова как можно спокойнее. Потом сделал нарочито картинный прыжок и оказался внизу. Он мельком заметил выражение лиц пяти человек — все они наверняка его узнали, — но его внимание было отдано быстрой, одобрительной улыбке, которой одарил его Алессан, и Дэвин остался доволен.

Теперь страх исчез, его сменило совершенно другое чувство. Алессан призвал его, сделал законным его пребывание здесь. Он явно был связан с человеком, контролировавшим события в этой комнате. А события эти были такого масштаба, что охватывали всю Ладонь. Дэвину пришлось приложить все силы, чтобы подавить растущее возбуждение.

Томассо подошел к буфету и непринужденно налил ему бокал вина. Дэвина поражало самообладание этого человека. Он также видел по преувеличенной вежливости и заметному блеску подведенных глаз бар Сандре, что, хотя его похожий на пение флейты голос и был притворством, Томассо, в определенных вопросах и пристрастиях, все равно соответствует своей репутации. Дэвин принял бокал, тщательно избегая прикосновения его пальцев.

— Интересно, — протянул Скалвайя своим великолепным голосом, — нас собираются развлекать представлением во время ночного бдения? Кажется, сегодня ночью здесь собралось довольно много музыкантов.

Дэвин ничего не ответил, но, следуя примеру Алессана, не улыбнулся.

— Следует ли мне называть вас виноградарем из провинции, милорд? — В голосе Алессана прозвучал гнев. — А Ньеволе — земледельцем, который растит зерно в юго-западной части дистрады? То, чем мы занимаемся вне этих стен, имеет слабое отношение к тому, зачем мы здесь, за исключением, возможно, двух вещей. — Он поднял длинный палец. — Первое: так как мы музыканты, у нас есть возможность бродить взад и вперед по Ладони, что дает преимущества, на которых я не стану останавливаться. — Второй палец поднялся рядом с первым. — Второе: музыка тренирует ум, как математика или логика, требуя точности деталей. Той точности, господа, которая не допустила бы небрежности, допущенной этой ночью. Если бы Сандре д'Астибар был жив, я бы с ним это обсудил и, может быть, поло-

жился бы на его опыт и длительную подготовку. — Алессан сделал паузу, переводя взгляд с одного на другого, потом прибавил уже мягче: — Возможно. А, возможно, и нет. Эта мелодия исчезла, ее никогда уже не споют. Дела обстоят сейчас так, что я могу лишь повторить: если нам предстоит работать вместе, вы должны принять мое руководство. — Эти последние слова он произнес, обращаясь непосредственно к Скалвайе, который все еще сидел в глубоком кресле, элегантный и бесстрастный. Но ответил Ньеволе, откровенно и напрямик:

— Я не привык откладывать на потом свои суждения о людях. Думаю, вы говорите серьезно и у вас больше опыта в подобных вещах, чем у нас. Я согласен. Согласен вам подчиняться. Но с одним условием.

— С каким?

— Что вы назовете нам свое имя.

Дэвин, наблюдавший за этой сценой с жадным вниманием, стараясь не пропустить ни единого слова или нюанса, увидел, как Алессан на мгновение прикрыл глаза, словно пытаясь скрыть то, что могло в них отразиться. Остальные ждали в молчании.

Потом Алессан покачал головой:

— Это справедливое условие, милорд. При данных обстоятельствах оно абсолютно справедливо. Тем не менее я могу только молиться, чтобы вы отказались от него. Мне очень жаль — я даже не могу передать вам, как сильно, — но я не могу на него согласиться. — Впервые, казалось, он ищет слова, тщательно их подбирает. — Имена — это власть, как вам известно. И как наверняка известно двум заморским тиранам-чародеям. И как я сам убедился на собственном очень горьком опыте. Вы узнаете мое имя в минуту нашего триумфа, если она наступит, и не раньше. Скажу, что это не мой свободный выбор, меня обязали так поступить. Вы можете называть меня Алессаном, это имя достаточно распространенное здесь, на Ладони, и по случайности это действительно мое имя, данное мне матерью. Проявите ли вы достаточно великодушия, милорд, и удовольствуетесь этим или нам придется теперь расстаться?

Последний вопрос был задан без вызова, который чувствовался в речах и в поведении этого человека с момента его появления.

Как прежний страх Дэвина уступил место возбуждению, так теперь возбуждение сменилось другим чувством, которое он пока не мог понять. Он во все глаза смотрел на Алессана. Этот человек почему-то выглядел моложе, чем прежде, и явно не мог скрыть охватившее его страстное нетерпение.

Ньеволе громко прочистил горло, словно готовясь своими словами рассеять что-то, что проникло в комнату, подобно смешанному свету двух лун за окном.

Но присутствующие так никогда и не узнали, что сказал бы он или Скалвайя.

Сова заухала под окнами домика как раз в тот момент, когда Ньеволе заговорил.

Рука Алессана взлетела вверх.

— Тревога! — резко произнес он. И прибавил: — Баэрд?

Дверь со стуком распахнулась. Дэвин увидел крупного мужчину, его очень длинные, желтые как солома волосы были перетянуты на лбу кожаной полоской. Еще один кожаный шнурок висел у него на шее. Мужчина был одет в куртку и узкие штаны, какие носят в южных горных районах. Глаза его даже при свете очага сверкали ослепительной синевой. В руке он держал обнаженный меч, что каралось смертью в такой близости от Астибара.

— Уходим! — настойчиво произнес этот человек. — Ты и мальчик. Остальные имеют право находиться здесь, младший сын и внук легко объяснят свое присутствие. Избавьтесь от лишних бокалов.

— Что такое? — быстро спросил Томассо д'Астибар, широко раскрыв глаза.

— Двадцать всадников на лесной дороге. Продолжайте свое бдение и постарайтесь выглядеть как можно спокойнее, мы будем поблизости. Вернемся позже. Алессан, пошли же!

Он говорил таким тоном, что Дэвин сам не заметил, как очутился на полпути к двери. Однако Алессан задержался, его глаза почему-то были прикованы к глазам Томассо, и взгляд, которым обменялись эти двое, стал еще одной загадкой, которую Дэвин не мог ни забыть, ни понять.

Долгие секунды — они показались Дэвину очень долгими, ведь сюда через лес ехали двадцать всадников, а в комнате стоял человек с обнаженным мечом, — все молчали. Потом Томассо бар Сандре пробормотал с поистине впечатляющим самообладанием:

— Кажется, нам придется продолжить эту крайне интересную дискуссию через час. Не хотите выпить последний бокал перед уходом за моего отца?

Тут Алессан улыбнулся широкой, открытой улыбкой. Но покачал головой.

— Надеюсь, нам представится случай сделать это позд-

нее, — ответил он. — Я с радостью выпью за вашего отца, но у меня есть правило, которое я не смогу соблюсти в отпущенное нам время.

Губы Томассо дрогнули в лукавой улыбке.

— В свое время я нарушил многие правила. Расскажите же мне о вашем.

Ответ прозвучал тихо; Дэвину пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.

— В третий бокал за ночь я наливаю голубое вино, — сказал Алессан. — Я всегда пью третий бокал голубого вина. В память об утраченном. Чтобы ни на одну ночь не забывать то, ради чего я живу.

— Надеюсь, это утрачено не навсегда, — так же тихо произнес Томассо.

— Не навсегда. Я поклялся в этом своей душой и душой моего отца, где бы она сейчас ни находилась.

— Тогда будет вам голубое вино, когда мы выпьем с вами в следующий раз, — пообещал Томассо. — Если в моей власти будет его доставить. И я выпью его вместе с вами за души наших отцов.

— Алессан! — рявкнул человек с соломенными волосами по имени Баэрд. — Во имя Адаона, я же сказал, двадцать всадников! Ты идешь?

— Иду, — ответил Алессан и швырнул свой бокал и бокал Дэвина в ближайшее окно. — Храни вас всех Триада, — обратился он к пятерым, остающимся в комнате. Затем они с Дэвином вышли вслед за Баэрдом в пятна тени и лунного света на поляне.

Поставив Дэвина между собой, они быстро обежали вокруг домика к дальней от лесной дороги стороне. Далеко они не ушли. С бешено бьющимся сердцем Дэвин упал на землю вместе с двумя другими мужчинами. Осторожно выглядывая из-за кустов темно-зеленого серрано, они видели охотничий домик. В открытых окнах тепло мерцал огонь свечей.

Через секунду сердце Дэвина подпрыгнуло, словно корабль под ударом обрушившейся на его нос волны, так как за их спинами хрустнул сучок.

— Двадцать два всадника, — произнес чей-то голос. Говоривший аккуратно лег на землю по другую сторону от Баэрда. — Тот, что едет в середине, прячется под капюшоном.

Дэвин оглянулся. И в смешанном свете двух лун увидел Катриану д'Астибар.

— Под капюшоном? — повторил Алессан, резко втянув воздух. — Ты уверена?

— Конечно, — ответила Катриана. — А что? Что это значит?

— Эанна, смилуйся над всеми нами, — прошептал Алессан, не отвечая.

— Я бы на это сейчас не рассчитывал, — мрачно произнес человек по имени Баэрд. — По-моему, надо уходить отсюда. Они будут искать.

На секунду показалось, что Алессан собирается возразить, но как раз в этот момент они услышали позвякивание сбруи множества всадников на тропе по другую сторону от домика.

Не говоря ни слова, все четверо поднялись и бесшумно скрылись в лесу.

* * *

— Вечер с каждой минутой становится все более интересным, — пробормотал Скалвайя.

Томассо был благодарен элегантному вельможе за его хладнокровие. Это помогало ему самому успокоить нервы. Он оглянулся на брата: кажется, Таэри был в порядке. А вот Херадо сильно побледнел. Томассо подмигнул юноше.

— Выпей еще, племянник. Ты выглядишь несравненно красивее с румянцем на щеках. Бояться нечего. Мы делаем здесь именно то, что нам позволено.

Они услышали топот коней. Херадо подошел к буфету, налил бокал вина и опустошил его залпом. Как раз в тот момент, когда он ставил его на стол, дверь с треском распахнулась, стукнувшись о стену, и ввалились четверо огромных барбадиорских солдат в полном вооружении, отчего в домике сразу же стало тесно.

— Господа! — высоким голосом простонал Томассо, ломая руки. — Что это? Что привело вас сюда и заставило прервать наше бдение у гроба? — Он старался, чтобы его голос звучал капризно, а не сердито.

Наемники даже не соблаговолили взглянуть на него, не то что ответить. Двое быстро пошли проверить спальни, а третий схватил лестницу и взбежал наверх — осмотреть чердак, где недавно прятался молодой певец. Другие солдаты, с тревогой заметил Томассо, заняли позиции снаружи у каждого окна. Оттуда доносился громкий топот коней и мелькали факелы.

Томассо внезапно в гневе топнул ногой.

— Что все это значит? — пронзительно крикнул он, так как солдаты продолжали его игнорировать. — Скажите мне! Я по-

дам протест прямо вашему господину. Мы получили ясно выраженное разрешение Альберико организовать ночное бдение у гроба, а завтра — похороны. У меня имеется бумага с его печатью! — Он обращался к командиру барбадиоров, стоящему у двери.

И снова солдаты не отреагировали, будто он и не говорил ничего. Вошли еще четверо и встали по углам комнаты, на их лицах застыла угроза.

— Это невыносимо! — взвыл Томассо, не выходя из роли и ломая руки. — Я немедленно еду к Альберико! Я потребую, чтобы вас всех отправили прямо в ваши лачуги в Барбадиоре!

— В этом нет необходимости, — произнес человек в капюшоне, стоящий в дверях.

Он шагнул вперед и откинул капюшон.

— Можете предъявить мне ваше ребяческое требование прямо здесь, — произнес Альберико Барбадиорский, тиран Астибара, Тригии, Феррата и Чертандо.

Руки Томассо взлетели к горлу, он рухнул на колени. Остальные также немедленно опустились на колени, даже Скалвайя с больной ногой. Черный плащ одуряющего ужаса накрыл Томассо, угрожая лишить его способности говорить и думать.

— Милорд, — заикаясь, проговорил он, — я не... я не мог... мы не могли знать!

Альберико молчал, без всякого выражения глядя на него сверху вниз. Томассо пытался подавить в себе ужас и недоумение.

— Мы очень рады видеть вас здесь, — проблеял он, осторожно поднимаясь. — Очень рады, это для нас большая честь. Вы оказали нам большую честь присутствием на похоронах моего отца.

— Да, — резко ответил Альберико. Тяжелый, пристальный взгляд маленьких, близко посаженных, немигающих, спрятанных в глубоких складках крупного лица чародея глаз буквально придавил Томассо. Голый череп Альберико блестел при свете горящих дров. Он вынул руки из карманов своего одеяния. — Я выпью вина, — требовательно сказал он, махнув мясистой ладонью в сторону буфета.

— Ну, конечно, конечно.

Томассо поспешно повиновался, как всегда, напуганный самой массивной внешностью Альберико и барбадиоров. Он знал, что они его ненавидят, его и всех ему подобных. Эта ненависть была сильнее любых других чувств, испытываемых ими к народу Восточной Ладони, которым они теперь правили. Каждый раз, когда Томассо сталкивался с Альберико, он остро ощу-

щал, что тиран может переломать ему кости голыми руками и сделает это, не задумываясь.

Эта мысль не принесла успокоения. Только благодаря тому, что он восемнадцать лет учил свое тело не выдавать его мысли, ему удалось заставить руки не дрожать, когда они церемонно подносили полный бокал Альберико. Солдаты наблюдали за каждым его движением. Ньеволе находился сзади, у большего камина, Таэри и Херадо вместе стояли у меньшего. Скалвайя стоял, опираясь на трость, рядом с креслом, в котором перед этим сидел.

Пора, решил Томассо, заговорить более уверенно, менее виновато:

— Простите меня, милорд, за опрометчивые слова в адрес ваших солдат. Я не знал, что вы здесь, и мог лишь предположить, что они действуют, не ведая ваших желаний.

— Мои желания меняются, — ответил Альберико, роняя слова, как тяжелые камни. — Стоит ли удивляться, что они узнают о таких переменах раньше вас, бар Сандре.

— Разумеется, милорд. Конечно. Они...

— Я хотел, — сказал Альберико Барбадиорский, — взглянуть на гроб вашего отца. Взглянуть и посмеяться. — На его лице не было и намека на веселье.

Кровь внезапно застыла в жилах Томассо.

Альберико прошел мимо него и навис всем мощным телом над останками герцога.

— Здесь лежит тело, — ровным голосом продолжал он, — тщеславного, жалкого, бесполезного старика, который без всякого смысла определил час собственной смерти. Совершенно без всякого смысла. Разве это не смешно?

Тут он все-таки рассмеялся, издал три коротких, хриплых, лающих звука, более страшных, чем все, что слышал Томассо за свою жизнь.

— Вы не посмеетесь вместе со мной? Вы, трое потомков Сандре? Ньеволе? Мой бедный, искалеченный, немощный Скалвайя? Разве не забавно, что всех вас привела сюда и обрекла на смерть старческая глупость? Старик, который слишком долго жил и потерял способность понимать, что хитрые ходы лабиринта его времени сегодня так легко разрушить ударом кулака.

Его кулак тяжело обрушился на деревянную крышку гроба, разбив в щепки резной герб семьи Сандрени. Скалвайя издал слабый стон и снова рухнул в кресло.

— Милорд, — отчаянно жестикулируя, начал Томассо, задыхаясь. — Что вы хотите сказать? Что вы...

Больше он ничего не сказал. Яростно обернувшись, Альберико дал ему пощечину открытой ладонью. Томассо от удара опрокинулся назад, из рассеченных губ полилась кровь.

— Говори нормальным голосом, сын глупца, — приказал чародей, и слова его звучали тем страшнее, что он произнес их таким же ровным голосом, как и раньше. — Тебя хотя бы позабавит, если ты узнаешь, как это было легко? Если узнаешь, как давно Херадо бар Джиано доносил на вас?

И при этих словах спустилась ночь.

Тот самый черный плащ боли и ужаса, который так отчаянно пытался сбросить с себя Томассо. «Ох, отец!» — подумал он, пораженный до глубины души тем, что их погубил член их семьи. Их семьи!

Затем в очень короткий промежуток времени произошло сразу несколько событий.

— Милорд! — в отчаянии воскликнул Херадо. — Вы обещали! Вы говорили, что они не узнают! Вы обещали мне...

Больше он ничего не успел сказать. Трудно рассуждать с кинжалом в горле.

— Сандрени сами вычищают грязь из-под ногтей, — произнес его дядя Таэри, который вытащил кинжал из-за голенища сапога. Произнося эти слова, Таэри одним плавным движением выдернул кинжал из горла Херадо и вонзил его в собственное сердце.

— Одним Сандрени меньше для твоих пыточных колес, барбадиор! — задыхаясь, с насмешкой сказал он. — Да пошлет Триада чуму обглодать плоть на твоих костях. — Он упал на колени. Его руки сжимали рукоять кинжала, по ним лилась кровь. Глаза его нашли Томассо. — Прощай, брат, — шепнул он. — Пусть дарует нам Мориан свою милость, и мы встретимся в ее чертогах.

Что-то сжимало сердце Томассо, сдавливало и сдавливало, пока он смотрел, как умирает его брат. Двое стражей, обученные отводить от своего господина совсем другие удары, шагнули вперед и носками сапог перевернули Таэри на спину.

— Глупцы! — рявкнул Альберико, впервые выказывая признаки неудовольствия. — Мне он нужен был живым! Они оба нужны мне были живыми!

Солдаты побледнели при виде ярости на его лице.

Затем центр действий переместился в другую часть комнаты.

С животным ревом, в котором смешались ярость и боль, Ньеволе д'Астибар, сам очень крупный человек, сцепил пальцы обеих рук, наподобие молота или булавы, и изо всех сил обрушил их на лицо ближайшего к нему солдата. Этот удар расколол кости, словно дерево. Хлынула кровь, солдат вскрикнул и тяжело осел, привалившись к гробу.

Все с тем же ревом Ньеволе схватил меч своей жертвы.

Он уже выхватил его из ножен и начал поворачиваться для битвы, когда четыре стрелы вонзились в его горло и грудь. На мгновение лицо его обмякло, глаза широко раскрылись, губы расслабились и сложились в мрачную, торжествующую улыбку, потом он соскользнул на пол.

И тогда, именно тогда, когда все глаза были устремлены на упавшего Ньеволе, лорд Скалвайя сделал то, на что не решился никто. Утонувший в кресле, настолько неподвижный, что о нем почти забыли, престарелый патриций твердой рукой поднял свою трость, прицелился прямо в лицо Альберико и нажал скрытую пружину, спрятанную в ручке.

Это правда, что чародея невозможно отравить — небольшое охранное заклинание, которым все они овладевают еще в юности. С другой стороны, их наверняка можно убить стрелой, или мечом, или другим орудием насильственной смерти. Вот почему подобные вещи были запрещены в установленном радиусе от возможного местонахождения Альберико.

Существует также широко известная истина насчет человека и его богов — будь то Триада у жителей Ладони или целый пантеон различных богов, которым поклоняются в Барбадиоре, будь то мать-богиня, или умирающий и воскресающий бог, или повелитель вращающихся звезд, или одна-единственная, внушающая благоговение Сила, стоящая над всеми ними, которая, по слухам, обитает в некоем первичном мире, в туманных далях космоса.

Эта простая истина гласит, что смертному не дано понять, почему боги выстраивают события именно так, а не иначе. Почему одни мужчины и женщины гибнут в самом расцвете лет, а другие живут и увядают, превращаясь в собственные тени. Почему добродетель иногда вытаптывают, а зло процветает среди прекрасных садов. Почему случай, простой случай играет такую решающую роль в беге линий жизни и линий людских судеб.

Именно случай спас в тот момент Альберико из Барбадиора, в то мгновение, когда его имя уже наполовину прозвучало в списке обреченных на смерть. Внимание его охраны было сосредоточено на упавших людях и на сжавшемся в комок, обливающемся кровью Томассо. Никто не удосужился взглянуть на старого, искалеченного вельможу, сидящего в кресле.

И только безжалостная случайность — появление начальника стражи в комнате с той стороны, где сидел Скалвайя, — из-

менила ход истории на полуострове Ладонь и за ее пределами. Какие удручающе ничтожные события измеряют и сокрушают жизни людей!

Разъяренный Альберико повернулся к начальнику, чтобы отдать ему приказ, и заметил поднятую трость и палец Скалвайи, нажавший на пружину. Если бы он смотрел прямо перед собой или повернулся в другую сторону, он бы погиб: заостренное лезвие вонзилось бы в его мозг.

Но он повернулся в сторону Скалвайи, и он был вторым из самых могущественных мастеров магии на Ладони в это время. И, несмотря на это, то, что он сделал — единственное, что он мог сделать, — потребовало от него всех его сил, и даже больше сил, чем он мог собрать. Не оставалось времени, чтобы произнести заклинание, сделать магический жест. Пружина, несущая смерть, была уже отпущена.

Альберико отпустил силы, которые держали его тело и делали его единым целым.

Томассо не поверил собственным глазам, в ужасе глядя на то, как смертельный снаряд пролетел сквозь туманное пятно вещества в воздухе на том месте, где только что находилась голова Альберико. Острие вонзилось в стену над окном, не причинив никому вреда.

И в ту же долю секунды, зная, что еще секунда, и будет уже слишком поздно — его тело может навсегда остаться разъединенным, а душа, ни живая и ни мертвая, останется бессильно стонать в пустыне, подстерегающей тех, кто посмел обратиться к подобному колдовству, — Альберико снова вернул своему телу прежние очертания.

Он уцелел.

С того самого дня веко его правого глаза осталось приспущенным, а физическая сила никогда уже не была прежней. Когда он уставал, его правая нога норовила вывернуться наружу, словно желая вернуть себе странную свободу того мгновенного колдовства. Тогда он хромал почти так же, как Скалвайя.

Глазами, которые еще смутно различали окружающее, Альберико увидел, как голова Скалвайи с гривой седых волос перелетела через комнату и с тошнотворным звуком запрыгала по устеленному тростником полу, снесенная запоздалым ударом меча начальника стражи. Смертоносная трость, сделанная из камней и металлов, неизвестных Альберико, с громким стуком упала на пол. Воздух казался чародею густым и враждебным, неестественно плотным. Он слышал дребезжащий звук собственного дыхания и чувствовал, как дрожат ноги в коленях.

Еще одна секунда пролетела в застывшей, ошеломленной тишине комнаты, только потом он осмелился хотя бы попытаться заговорить.

— Ты дерьмо, — невнятным, хриплым голосом сказал он бледному как смерть начальнику. — Даже еще хуже. Ты себя убьешь. Немедленно! — Он говорил, словно выталкивал изо рта забившуюся грязь и плевался ею по всей комнате. С большим трудом ему удалось проглотить слюну.

Делая яростные усилия, чтобы заставить глаза служить ему как следует, он увидел, как расплывающаяся фигура начальника стражи рывками согнулась в поклоне, повернула меч острием к себе и перерезала себе горло быстрым, неровным взмахом. Альберико чувствовал, как в его мозгу кипит и пенится ярость. Он изо всех сил старался остановить параличную дрожь левой руки. И не мог.

В комнате было много мертвецов, и он чуть было не стал одним из них. Он даже чувствовал себя не совсем живым — кажется, его тело собралось в единое целое не совсем в прежнем виде. Ослабевшими пальцами он потер приспущенное веко. Его тошнило, он плохо себя чувствовал. Трудно было дышать этим воздухом. Ему необходимо выйти наружу, прочь из этой внезапной духоты враждебного охотничьего домика.

Все получилось совсем не так, как он ожидал. Только один элемент остался от его первоначальных замыслов. Одно могло еще доставить хоть какое-то удовольствие, немного компенсировать безнадежно испорченный план.

Он медленно повернулся и взглянул на сына Сандре. На любителя мальчиков. И с трудом приподнял уголки губ в улыбке, не зная о том, насколько уродливо он выглядит.

— Возьмите его, — хрипло приказал он солдатам. — Свяжите и возьмите с собой. Мы можем позабавиться с ним, перед тем как позволим ему умереть. Позабавиться в соответствии с его наклонностями.

Его зрение все еще не заработало как следует, но он заметил, как улыбнулся один из наемников. Томассо бар Сандре закрыл глаза. На его лице и одежде была кровь. Ее будет еще больше, когда они с ним покончат.

Альберико накинул капюшон и захромал прочь из комнаты. Позади него солдаты подняли тело мертвого начальника стражи и помогли подняться тому солдату, которому разбил лицо Ньеволе. Им пришлось помочь Альберико сесть на коня, что он счел унизительным, но на обратном пути в Астибар при свете факелов он почувствовал себя лучше. Тем не менее он полно-

стью лишился своей колдовской силы. Даже несмотря на приглушенные ощущения в его изменившемся, заново собранном теле, он ощущал пустоту там, где следовало находиться могуществу. Пройдет, по крайней мере, две недели, может быть и больше, прежде чем все это вернется. Если вернется все. То, что он сделал за долю секунды в охотничьем домике, опустошило его больше, чем любое другое магическое действие всей прежней жизни.

И все же он жив и только что уничтожил три самых опасных семейства из оставшихся на Восточной Ладони. Более того, у него в руках средний сын Сандре — он послужит для общества доказательством существования заговора на все последующие дни. Извращенец, который, как говорят, получает удовольствие от боли. Альберико позволил себе слегка улыбнуться в тени своего капюшона.

Все будет сделано по закону, открыто, как он всегда поступал почти с того самого дня, когда пришел к власти. Никаких беспорядков, возникших из-за произвольной демонстрации силы. Они могут его ненавидеть, — конечно, они его ненавидят, — но ни один житель его четырех провинций не сможет усомниться в справедливости или отрицать законность его ответа на заговор Сандрени.

И они твердо усвоят урок.

С осторожной предусмотрительностью, составляющей истинную основу его характера, Альберико Барбадиорский начал продумывать свои действия на следующие несколько часов и дней. Высокие боги Империи знают, что этот далекий полуостров — место постоянной опасности и нуждается в суровой власти, но ведь они не слепы, они видят, что здесь необходимо. И велика вероятность, что советники императора там, дома, которые не более близоруки, чем боги, увидят то же самое.

А император уже стар.

Альберико запретил себе останавливаться на этих знакомых, слишком соблазнительных мыслях. Он снова заставил себя сосредоточиться на деталях; в таких делах детали решают все. Точно продуманные пункты его планов со щелчком становились на свои места, подобно бусинам на нитке четок из джарры. Сухо, аккуратно он перебрал те приказы, которые отдаст. Единственные из этих приказов, которые вызывали в нем вспышку хоть каких-то чувств, касались Томассо бар Сандре. По крайней мере, это не придется делать публично. Только признание и разоблачающие подробности, которые должны быть известны вне стен дворца. То, что будет происходить в глубоких подземельях,

можно сделать исключительно тайно. Он слегка удивился самому себе, когда его охватило радостное предвкушение.

В какой-то момент он вспомнил, что хотел приказать поджечь охотничий домик перед отъездом. Потом решил: пусть младшие Сандрени и слуги обнаружат мертвецов, когда придут туда на рассвете. Пусть они поразятся и ужаснутся. Их сомнения продлятся недолго.

Затем он внесет полную ясность.

Глава 5

— О Мориан, — прошептал Алессан горестно. — Я мог бы прямо сейчас отправить его на твой суд. Даже ребенок смог бы отсюда попасть ему стрелой в глаз.

«Только не я», — с грустью подумал Дэвин, оценив освещение и прикинув расстояние от того места, где они спрятались среди деревьев к северу от дороги, по которой только что проехали барбадиоры. Он с еще большим уважением, чем прежде, посмотрел на Алессана и его арбалет, который тот достал из тайника по пути сюда.

— Она призовет его к себе, когда будет готова, — прозаически заметил Баэрд. — И потом, ты сам все время повторяешь: нельзя допустить, чтобы кто-нибудь из них умер раньше времени.

Алессан застонал.

— Разве я выстрелил? — ядовито спросил он.

Зубы Баэрда сверкнули в лунном свете.

— Я бы все равно тебя остановил.

Алессан выругался. Затем, через мгновение, расслабился и улыбнулся.

Манера этих двоих общаться друг с другом говорила о давних близких отношениях. Дэвин видел, что Катриана не улыбнулась. А уж ему тем более нечего было ждать от нее улыбки. С другой стороны, напомнил он себе, из них двоих именно ему следовало сердиться. Однако при данных обстоятельствах это было затруднительно. Он испытывал тревогу, гордость и волнение одновременно.

И он единственный из четверых не заметил Томассо, проехавшего мимо на своей лошади со связанными руками и ногами.

— Нам лучше проверить охотничий домик, — предложил Баэрд, хорошее настроение которого быстро улетучилось. — А потом, по-моему, нам придется поторопиться. Сын Сандре назовет тебя и мальчика.

— Лучше сначала поговорим о мальчике, — сказала Катриана таким тоном, что Дэвин вдруг с легкостью вспомнил о своем гневе.

— О мальчике? — переспросил он, поднимая брови. — Мне кажется, я доказал тебе обратное. — Он холодно уставился на нее и был вознагражден, увидев, как она вспыхнула и отвернулась.

Но торжествовал он недолго.

— Это непорядочно, Дэвин, — сказал Алессан. — Я надеюсь больше никогда не слышать от тебя подобного тона. Сегодня утром Катриана совершила поступок, идущий совершенно вразрез с ее характером. Если у тебя хватило ума прийти сюда, то должно хватить и на то, чтобы понять, почему она это сделала. Мог бы забыть о собственной гордости хотя бы на то время и подумать о ее чувствах.

Это было сказано мягко, но Дэвину показалось, что он получил удар кулаком в живот. Он с трудом глотнул и перевел взгляд с Алессана на Катриану, но ее взгляд был прикован к звездам, сияющим далеко и высоко в небе над ними. В конце концов, пристыженный, он уставился на темную лесную почву. Он снова чувствовал себя четырнадцатилетним мальчишкой.

— Я не стану благодарить тебя за это, Алессан, — услышал он холодный голос Катрианы. — Я сама умею за себя постоять. Ты это знаешь.

— Не говоря уже о том, — небрежно прибавил Баэрд, — что совершенно неуместно делать выговор любому из живых существ за то, что у него слишком много гордости.

Алессан предпочел проигнорировать его замечание. Катриане он сказал:

— Яркая звезда Эанны, ты думаешь, я не знаю, как ты умеешь сражаться? Но это другое. То, что произошло сегодня утром, не должно иметь значения. Я не могу допустить, чтобы это стало поводом для битв между тобой и Дэвином, если он станет одним из нас.

— Если он что? — Катриана быстро повернулась к нему. — Ты сошел с ума? Это из-за музыки? Потому, что он умеет петь? Почему пришелец из Азоли...

— Успокойся! — резко прервал ее Алессан.

Катриана тут же замолчала. Не зная, куда девать глаза и что думать, Дэвин продолжал притворяться крайне заинтересованным лесной подстилкой под ногами. Его мысли и чувства кружились в вихре смятения.

Алессан снова заговорил, уже мягче:

— Катриана, в том, что случилось сегодня утром, его вины тоже нет. Ты не должна так думать. Ты сделала то, что считала себя обязанной сделать, и не добилась успеха. Его нельзя винить или проклинать за то, что он последовал за тобой в полном неведении. Если хочешь, проклинай меня за то, что я его не остановил, когда он выходил из комнаты. Я мог это сделать.

— Так почему же не сделал? — спросил Баэрд.

Дэвин вспомнил, как Алессан смотрел на него, когда он остановился под аркой той двери, которая казалась ему тогда вратами в землю мечты.

— Да, почему? — смущенно спросил он, поднимая глаза. — Почему позволил мне пойти за ней?

Лунный свет был теперь чисто голубым. Видомни ушла на запад, за вершины деревьев. Только Иларион стояла над головой среди звезд, и в ее сиянии ночь выглядела странно. «Свет призрака» — так говорил деревенский люд, когда голубая луна в одиночестве плыла по небу.

Алессану луна светила в спину, поэтому глаз его не было видно. Несколько мгновений слышны были лишь ночные звуки леса: шелест листьев на ветру, шорох травы, сухое потрескивание лесной подстилки, быстрое хлопанье крыльев в ветвях соседнего дерева. Где-то к северу от них закричал мелкий зверек, а другой отозвался.

Алессан ответил:

— Потому что я знаю ту мелодию, которой его научил в детстве отец, и знаю, кто его отец, и он не из Азоли. Катриана, дорогая моя, дело не только в музыке, что бы ты ни думала о моих слабостях. Он — один из нас, дорогая. Баэрд, испытай его.

На сознательном, рациональном уровне Дэвин почти ничего из сказанного не понял. Тем не менее, пока Алессан говорил, его охватывал холод. На него стремительно налетело ощущение, как хищная птица налетает на жертву, что он достиг конца того пути, куда привели его Врата Мориан, здесь, в сумраке этого леса, залитого светом прибывающей голубой луны.

Когда же он обернулся к Баэрду и увидел его потрясенное лицо, ему не стало легче. Даже при все искажающем свете луны было видно, как сильно побледнел Баэрд.

— Алессан... — начал было Баэрд охрипшим голосом.

— Ты мне дороже всех, живущих в этом мире, — сказал Алессан, спокойно и серьезно. — Ты мне больше, чем брат. Я ни за что на свете не причинил бы тебе боли, особенно такой. Никогда. Я не задам вопроса, пока не буду уверен. Испытай его, Баэрд.

Но Баэрд все еще колебался, от чего тревога Дэвина только усилилась; он все меньше понимал, что происходит. Правда, было ясно, что для других все происходящее имело огромное значение.

Долгое мгновение никто не шевелился. Наконец Баэрд, осторожно ступая, словно изо всех сил стараясь сохранить самообладание, взял Дэвина за локоть и отвел его на десяток шагов в глубину леса, к маленькой прогалине среди деревьев.

Он аккуратно опустился на землю, скрестив ноги. После секундного колебания Дэвин сделал то же самое. Ему ничего не оставалось, как только следовать по указанному ему пути, и он понятия не имел, куда этот путь ведет. «Не на той дороге, по которой я иду», — вспомнил он слова Катрианы, сказанные во дворце сегодня утром. Он сжал ладони, чтобы не дрожали руки; его окутывал холод, не имеющий отношения к ночной прохладе.

Он слышал, что Алессан и Катриана идут следом за ними, но не оглянулся. В данный момент важнее всего было то огромное, что бы это ни было, что возникало в глазах Баэрда. Светловолосый мужчина до этого мгновения казался таким уверенным в себе и вдруг, как это ни абсурдно, стал страшно уязвимым. Человеком, которого можно погубить с пугающей легкостью. Внезапно, во второй раз за этот долгий день, Дэвин почувствовал, что входит в страну грез, оставив позади простые, четкие границы дневного мира.

И в этом настроении, в голубом свете Иларион, он услышал, как Баэрд начал свой рассказ. В тот первый раз он услышал его как волшебное заклинание, которое было соткано из слов, взятых из провалов в пространстве его детства. В конечном счете так оно и было.

— В тот год, когда Альберико захватил Астибар, — говорил Баэрд, — пока провинции Тригия и Чертандо готовились бороться с ним каждая в одиночку, перед падением Феррата, Брандин, король Играта, напал на полуостров с запада. Он привел свой флот в Большую гавань Кьяры и захватил остров. Захватил без труда, так как Великий герцог убил себя, увидев, как много кораблей приплыло из Играта. Это, я думаю, тебе известно.

Он говорил тихо. Дэвин поймал себя на том, что наклонился вперед, стараясь расслышать. В кустах за его спиной сладко и печально пела триала. Алессан и Катриана не издавали ни звука. Баэрд продолжал:

— В тот год полуостров Ладонь превратился в поле боя в чудовищной игре равновесия между силами Играта и Империи Барбадиор. Ни одна из них не могла позволить другой свободно

править на полуострове. Это была одна из причин появления Брандина. Другая, как мы потом узнали, была связана с его младшим, самым любимым сыном, Стиваном. Брандин из Играта хотел создать второе королевство, которым правил бы его сын. Но получилось не так...

...Триала продолжала петь. Баэрд замолчал и прислушался, словно ее прозрачный голос, нежнее, чем у соловья, отражал его собственные чувства.

— Жителей Кьяры, пытавшихся организовать сопротивление, перебили на склонах горы Сангариос. Вскоре после этого Брандин захватил провинцию Азоли. Слава о его могуществе опережала его. Он был очень силен в магии, сильнее даже, чем Альберико. И хотя у него было меньше солдат, чем у барбадиоров на востоке, его воины были больше ему преданы и лучше обучены. Потому что Альберико был всего лишь богатым, честолюбивым мелким вельможей Империи и использовал наемников, а Брандин правил Игратом и взял в поход отборных солдат своего королевства. Они почти без усилий двигались на юг через Корте, одну за другой побеждая армии каждой провинции, потому что в тот год каждая провинция действовала обособленно. И после тоже.

В отстраненном голосе Баэрда прозвучала ирония.

— Из Корте сам Брандин повернул на восток с меньшей частью своей армии, чтобы встретить Альберико в Феррате и остановить его там. Он послал Стивана на юг, на захват последней свободной провинции запада, а затем он должен был соединиться с ним в Феррате и вместе сражаться против барбадиоров в битве, которая, как они все ожидали, решит судьбу Ладони. Это было ошибкой, хотя тогда, восемнадцать лет назад, он не мог знать об этом. Он только что высадился на полуострове и не знал характера различных провинций. Мне кажется, он хотел дать Стивану самому почувствовать вкус лидерства. Он отдал ему большую часть армии, полагая, что сможет сдерживать Альберико своей колдовской силой до подхода остальных.

Баэрд сделал паузу, его голубые глаза смотрели куда-то внутрь себя. Когда он заговорил снова, тембр его голоса изменился; Дэвину показалось, что он отражает много разных чувств, и все они давние, и все полны печали.

— На берегу реки Дейзы, — продолжал Баэрд, — почти на полпути между Чертандо и морем у Корте, Стиван столкнулся с самым яростным сопротивлением, с каким не встречались прежде на Ладони армии захватчиков. Жители последней провинции во главе с принцем — эти гордые люди всегда называли так

своего правителя — встретили игратян, и остановили их, и отогнали от реки назад с тяжелыми потерями для обеих сторон.

И принц Валентин, принц той провинции, которую ты знаешь под именем Нижний Корте, сразил Стивана Игратского, любимого сына Брандина, на берегу реки, на закате, после страшного дня, полного смертей.

Дэвин почти ощущал в его словах горький привкус этой старой боли. Он увидел, как Баэрд в первый раз бросил взгляд туда, где стоял Алессан. Никто из них не сказал ни слова. Дэвин неотрывно смотрел на Баэрда. Он сосредоточился так, словно от этого зависела вся его жизнь, ловил каждое слово, словно оно было кусочком драгоценной мозаики, занимающей свое место в памяти, которой он так гордился.

И именно в тот момент Дэвину показалось, что где-то в отдаленном уголке его памяти зазвонил колокол. Колокол тревоги. Будто колокол деревенского храма Адаона, который срочно созывает крестьян с полей. Далекий звон колокола, слабый, но ясно слышный, несущийся утром над полями колышущейся желтой пшеницы.

— Брандин сразу же узнал о случившемся при помощи своих чар, — продолжал Баэрд хриплым, словно скрип мельничного жернова, голосом. — Он бросился обратно на юго-запад, оставив Альберико Феррат и Чертандо. Он обрушился на противника всей мощью своей армии и своей магической силы, с яростью отца, у которого убили сына, и встретился с остатками сил своих последних врагов там, где они его ждали, у Дейзы.

Баэрд снова взглянул на Алессана. Его лицо в лунном свете было бледным, как у призрака.

— Брандин их уничтожил. Он разбил их наголову, не ведая пощады и милосердия. Погнал их, беспомощных, перед собой обратно в собственную страну к югу от Дейзы, сжигая по дороге каждое поле, каждую деревню. Пленных он не брал. Во время того первого похода он убивал женщин и детей, чего не делал ни в одном другом месте. Но больше нигде не погиб его собственный ребенок. Так много душ перешло в царство Мориан в отместку за душу Стивана Игратского. Его отец прошел по этой провинции огнем и мечом. Не успело закончиться лето, как он сровнял с землей великолепные башни города у подножия гор, который теперь называется Стиванбург. Он превратил в щебень и песок стены и портовые сооружения королевского города у моря. А в битве у реки он взял в плен принца, который убил его сына, и в тот же год подверг его пыткам, изувечил и предал казни в Кьяре.

Голос Баэрда стал сухим шепотом при свете звезд и единственной луны. И вместе с ним в голове Дэвина все громче звучал тревожный колокол, предупреждая о грядущих бедах. Баэрд продолжал:

— Брандин Игратский сделал еще больше. Он собрал все свои чары, всю волшебную силу, которой обладал, и наложил на эту землю такое заклятие, какого никто до него не мог придумать. И этим заклятием он отобрал у нее имя. Он совершенно стер это имя из памяти каждого мужчины и каждой женщины, которые родились за пределами этой провинции. Это было его самое страшное проклятие, самая страшная месть. Он сделал так, словно этой провинции никогда и не существовало. Наши дела, наша история, само наше имя исчезли. А потом он назвал ее Нижний Корте, в честь одной из провинций, которая прежде была нашим самым древним и заклятым врагом.

Дэвин услышал какие-то звуки за спиной и понял, что это плачет Катриана.

— Брандин сделал так, что никто из живых людей не может услышать и запомнить название этой страны и королевского города у моря, и даже тех высоких золотистых башен на старой дороге, ведущей в горы. Он нас сломил и уничтожил. Он убил целое поколение, а потом лишил нас имени.

Эти последние слова не были шепотом или хрипом, посланным в осеннюю тьму Астибара. Они были брошены как обвинение, как приговор самой ночи, деревьям и звездам, которые наблюдали за всем происходящим.

Горе, звучащее в этом обвинении, стиснуло сердце Дэвина, как стальной кулак, Баэрд даже не подозревал, как сильно. И никто не подозревал. Потому что никто после смерти Марры не знал, что значит память для Дэвина д'Азоли, как она превратилась в оселок для его души.

Память была его талисманом и оберегом, вратами и очагом. Она была гордостью и любовью, защитой от потерь: ведь нельзя потерять навсегда то, что можно запомнить. И поэтому, потому что она была сущностью Дэвина, старая месть Брандина Игратского в ту ночь ударила по нему так, словно ее только что выковали, пробила уязвимую броню отношений Дэвина с миром у самого сердца и нанесла ему новую, смертельную рану.

Он усилием воли заставил себя успокоиться, приказав себе сосредоточиться на том, чтобы запомнить. Все запомнить. Теперь это имело еще большее значение, чем раньше. Особенно сейчас, когда эхо последних, ужасных слов Баэрда затихало в ночи. Дэвин смотрел на русоволосого человека с кожаным ре-

мешком на лбу и на шее и ждал. Он был сообразительным мальчиком; теперь стал умным мужчиной. Он понимал, что сейчас произойдет; все кусочки мозаики встали на свои места.

Теперь Дэвин стал гораздо старше, чем час тому назад. Он услышал шепот Алессана у себя за спиной:

— Та колыбельная, которую ты играл тогда, родилась в этой провинции, Дэвин. Песнь о городе башен. Только человек из этого города мог узнать эту мелодию так, как узнал ее ты. Вот как я понял, что ты один из нас. Вот почему я не остановил тебя, когда ты последовал за Катрианой. Я предоставил Мориан решать, что может лежать за тем порогом.

Дэвин кивнул, осмысливая услышанное. Через мгновение он сказал, как можно тщательнее подбирая слова:

— Если это так, если я тебя правильно понял, тогда я должен быть одним из тех, кто может услышать и запомнить то, прежнее имя, отнятое у всех остальных.

— Это так, — ответил Алессан.

Дэвин почувствовал, что у него дрожат руки. Он опустил на них глаза, сосредоточился, но не смог унять дрожь.

— Значит, это нечто такое, что было отнято у меня всю жизнь. Вы мне его отдадите? Назовете мне имя той земли, где я родился?

Он смотрел на Баэрда при свете звезд, так как Иларион теперь тоже скрылась за деревьями. Алессан говорил, что сказать должен Баэрд. Дэвин не знал почему. В темноте они еще раз услышали триалу, длинную, замирающую ноту, а затем заговорил Баэрд, и впервые в жизни Дэвин услышал произнесенное слово «Тигана».

Колокол, до сих пор звучавший в нем, смолк. И в этой внезапно наступившей, абсолютной, внутренней тишине на него нахлынуло ощущение потери, подобно океанской волне. А после этой волны нахлынула другая, а потом третья — одна несла любовь, а другая огромную гордость. Он ощутил странное головокружение, словно услышал призыв, разнесшийся по телу с потоком крови.

Потом он увидел, как смотрит на него Баэрд. Увидел его застывшее, белое лицо, при свете звезд на нем отражался страх и еще что-то: горькая жажда, боль, неутоленный голод души. А затем Дэвин понял и дал этому человеку то освобождение, которого он ждал.

— Спасибо, — сказал Дэвин. Он больше не дрожал. Преодолевая комок в горле, он продолжал, потому что теперь настала его очередь, его испытание. — Тигана. Тигана. Я родился в провинции Тигана. Мое имя, мое настоящее имя — Дэвин ди Тигана бар Гэрин.

Он еще не кончил говорить, а в глазах Баэрда блеснуло чувство, похожее на торжество. Светловолосый человек крепко зажмурился, словно хотел удержать внутри это торжество, не дать ему вырваться в рассеивающуюся тьму, крепко зажать его в себе. Дэвин услышал, как Алессан прерывисто вздохнул, а потом с удивлением почувствовал, как Катриана коснулась его плеча и отдернула руку.

Баэрд был далеко, он не мог говорить. Но Алессан произнес:

— Это одно из двух отобранных имен, самое главное. Тигана была нашей провинцией и городом принца у моря. Тогда ее называли самым прекрасным городом под светом звезд Эанны. Или, может быть, вторым по красоте.

В его голосе прозвучало нечто, напоминающее смех. Смех и любовь одновременно. В первый раз Дэвин обернулся и посмотрел на него.

— Если бы ты поговорил с жителями внутренних земель, расположенных южнее, из того города, где река Сперион начинает свой бег на запад, к морю, ты бы услышал другое мнение. Потому что мы всегда были горды и всегда между этими двумя городами существовало соперничество.

В конце, как он ни старался скрыть это, в его голосе звучала только горечь утраты.

— Ты родился в этом городе вдали от моря, Дэвин, и я тоже. Мы — дети этой долины в горах и серебристого бега этой горной реки. Мы родились в Авалле. В Авалле, городе Башен.

В голове у Дэвина снова зазвучала музыка при этом имени, но на этот раз она не была похожа на звон колоколов, который он слышал раньше. На этот раз музыка унесла его далеко назад, к отцу, в детство.

— Значит, ты знаешь слова той песни? — спросил он.

— Конечно, — мягко ответил Алессан.

— Прошу тебя, — сказал Дэвин.

Но ответила ему Катриана, голосом той молодой матери, которая баюкала своего ребенка далеким вечером, много лет назад:

Весеннее утро в Авалле.
Что бы мне жрец ни предрекал,
Спущусь я туда, где сияет река,
Весенним утром в Авалле.

Дорога из детства моя далека.
Я лодку построю, не дрогнет рука,
Возьмет ее в бухту Тиганы река
И в море, прочь от Авалле.

Но где бы я ни был, с водой ручейка
Пусть шепчутся сосны, но издалека
Будет мне в сердце стучаться тоска,
Мечта о башнях Авалле.

О доме моем в Авалле[1].

Эти сладкие, грустные слова на мелодию, которую он знал всегда, проникли в сердце Дэвина, а с ними и нечто другое. Ощущение потери — такое острое, что оно почти затмило легкое изящество песни Катрианы. Теперь в нем не было никаких волн, никакие горны не пели в крови — лишь глубокие воды тоски. Тоски по тому, что у него отняли еще до того, как он узнал, что это принадлежит ему, отобрали насовсем, полностью, и он мог бы прожить всю жизнь, даже не узнав, что оно существует.

И поэтому Дэвин плакал, пока пела Катриана. Юноши невысокого роста, слишком молодо выглядящие для своих лет, очень рано узнают в Азоли, как рискованно плакать там, где тебя могут увидеть. Но сегодня в лесу Дэвина настигло нечто такое, с чем он не смог справиться.

Если он правильно понял то, что сказал ему Алессан, эту песню могла ему петь его мать.

Его мать, чью жизнь прервал Брандин Игратский. Он наклонил голову, но не для того, чтобы скрыть слезы, и слушал, как Катриана допевает эту сладкую и горькую колыбельную, песню ребенка, бросающего вызов запретам и власти, еще совсем юного, который достаточно самостоятелен, чтобы захотеть в одиночку построить корабль, и достаточно смел, чтобы отплыть в пустыню мира, не оглядываясь назад. Но не теряя и не забывая того места, где все началось.

Дэвин и был этим ребенком.

И это было одной из причин его слез. Потому что его заставили потерять и забыть те башни, у него украли все сны об Авалле, которые могли ему присниться. Или о Тигане над бухтой.

Поэтому его слезы одна за другой падали в темноте на землю, пока он оплакивал свою мать и свой дом. И в тени леса неподалеку от Астибара эти два горя слились в Дэвине и спаялись в его сердце с тем, что значила для него память и потеря памяти.

[1] Здесь и далее перевод стихов К. Торшиной.

И тогда в Дэвине вдруг вспыхнуло нечто такое, что должно было с этой ночи изменить течение его жизни.

Он вытер глаза рукавом и поднял взгляд. Никто не заговорил. Он видел, что Баэрд смотрит на него. Очень медленно Дэвин протянул левую руку, руку сердца. Очень осторожно согнул третий и четвертый пальцы так, что получилось символическое изображение полуострова Ладонь.

Жест, которым дают клятву.

Баэрд поднял правую руку и повторил его жест. Они соприкоснулись кончиками пальцев, маленькая ладонь Дэвина против более крупной, огрубевшей ладони Баэрда.

— Если вы меня принимаете, я с вами, — сказал Дэвин. — Именем моей матери, которая погибла в той войне, клянусь, что не нарушу данное вам слово.

— И я не нарушу данное тебе слово, — сказал Баэрд. — Клянусь исчезнувшей Тиганой.

Послышался шорох, и Алессан опустился рядом с ним на колени.

— Дэвин, я должен тебя предостеречь, — серьезно произнес он. — В этом деле не следует спешить. Ты можешь помогать нашему делу, но тебе необязательно ломать свою жизнь и следовать за нами.

— У него нет выбора, — пробормотала Катриана, подходя ближе с другой стороны. — Томассо бар Сандре назовет ваши имена под пыткой сегодня ночью или завтра. Боюсь, что карьера певца для Дэвина д'Азоли закончилась, не успев толком начаться. — Она смотрела вниз, на троих мужчин, глаза ее в темноте были непроницаемы.

— Она действительно закончилась, — тихо сказал Дэвин. — Она закончилась, когда я узнал свое имя.

Выражение лица Катрианы не изменилось; он не мог себе представить, о чем она думает.

— Пусть будет так, — сказал Алессан. Он тоже поднял левую руку с двумя согнутыми пальцами. Дэвин протянул ему навстречу правую. Алессан колебался.

— Клятва именем твоей матери для меня значит больше, чем ты можешь себе представить, — заметил он.

— Ты ее знал?

— Мы оба ее знали, — тихо ответил Баэрд. — Она была на десять лет старше нас, но любой подросток в Тигане был немного влюблен в Микаэлу.

Еще одно новое имя и боль, связанная с ним. Отец Дэвина

ни разу не произносил его. Его сыновья никогда не знали имени матери. В этой ночи было больше дорог к страданию, чем Дэвин мог себе представить.

— Мы все безмерно завидовали твоему отцу и восхищались им, — прибавил Алессан. — Хотя я был рад, что в конце концов ее завоевал мужчина из Авалле. Помню то время, когда ты родился, Дэвин. Мой отец послал подарок на твои крестины. Не помню, что именно это было.

— Вы восхищались моим отцом? — переспросил ошеломленный Дэвин.

Алессан услышал это, и его голос изменился.

— Не суди о нем по тому, чем он стал. Ты знал его лишь после того, как Брандин смел с лица земли целое поколение и весь их мир. Оборвал их жизни или погубил их души. Твоя мать погибла, Авалле пал, Тигана исчезла. Он сражался и выжил в обеих битвах у Дейзы.

У стоящей над ними Катрианы вырвался слабый стон.

— Я не знал, — запротестовал Дэвин. — Он никогда нам ничего подобного не рассказывал.

В нем росла новая боль. Так много дорог к страданию...

— Немногие из уцелевших рассказывали о тех днях, — сказал Баэрд.

— Мои родители тоже, — неловко вставила Катриана. — Они увезли нас как можно дальше, в рыбацкую деревушку Астибара, вниз по побережью от Ардина, и никогда ни слова не говорили об этом.

— Чтобы оградить тебя, — мягко объяснил Алессан. Его ладонь все еще касалась ладони Дэвина. Она была меньше, чем у Баэрда. — Многие, кому удалось уцелеть, бежали, чтобы дать своим детям шанс на жизнь, не омраченную гнетом и позором, обрушившимися тогда — и продолжающимися сейчас — на Тигану. Или на Нижний Корте, как мы должны теперь ее называть.

— Они бежали, — упрямо произнес Дэвин. Он чувствовал себя обманутым, преданным, обездоленным.

Алессан покачал головой.

— Дэвин, думай. Не суди пока, думай. Ты в самом деле воображаешь, что узнал эту мелодию случайно? Твой отец предпочел не обременять тебя и твоих братьев таким опасным наследием, но он тебя отметил — мелодией без слов, ради безопасности, и послал тебя в мир с тем, что безошибочно выдаст тебя любому выходцу из Тиганы, но больше никому. Не думаю, что

это было сделано случайно. Не более случайно, чем то, что мать Катрианы подарила дочери кольцо, которое отличает ее в глазах тех, кто родился там же, где родилась она.

Дэвин оглянулся. Катриана протянула к нему руку. Было темно, но его глаза уже приспособились к темноте, и он разглядел странную форму мерцающего кольца: фигура наполовину человека, наполовину морского животного. Он с трудом сглотнул.

— Ты мне расскажешь о нем? — спросил он, снова поворачиваясь к Алессану. — О моем отце?

О флегматичном, скучном Гэрине, мрачном крестьянине из серой, дождливой страны. Который, как теперь оказалось, был родом из яркого Авалле, города Башен, в южных горах Тиганы, и который в молодости полюбил и завоевал женщину, покорявшую всех, кто ее видел. Который сражался и выжил в двух страшных битвах у реки и который — если Алессан прав в своих построениях — нарочно послал бродить по свету своего единственного сообразительного, наделенного воображением ребенка, способного найти то, что он, кажется, нашел этой ночью.

И который, внезапно осознал Дэвин, почти наверняка солгал, сказав, что забыл слова колыбельной. Все это внезапно навалилось на него страшной тяжестью.

— Я расскажу тебе все, что знаю о нем, и с радостью, — ответил Алессан. — Не сегодня, так как Катриана права и мы должны уйти отсюда до рассвета. А сейчас я обменяюсь с тобой клятвами, как это сделал Баэрд. Я принимаю твою клятву верности. И тебе клянусь в том же. Ты стал мне родным отныне и до конца моих дней.

Дэвин обернулся и посмотрел на Катриану.

— А ты меня принимаешь?

Она тряхнула волосами.

— У меня нет выбора, не так ли? — небрежно ответила она. — Ты довольно прочно впутался в наши дела.

Однако, говоря так, она опустила левую руку с двумя согнутыми пальцами. Ее прохладные пальцы слегка соприкоснулись с пальцами Дэвина.

— Добро пожаловать, — сказала Катриана. — Клянусь не нарушать данное тебе слово, Дэвин ди Тигана.

— И я тоже. Мне очень жаль, что все так случилось сегодня утром, — рискнул извиниться Дэвин.

Она убрала руку, и глаза ее сверкнули, это было видно даже при свете звезд.

— О да, — сардонически ответила она. — Конечно, тебе жаль. Все время было ясно, как ты жалеешь о том, что произошло.

Алессан фыркнул от смеха.

— Катриана, дорогая, — сказал он, — я только что запретил ему упоминать о любых деталях случившегося. Как мне требовать этого, если ты сама о них говоришь?

Без малейших следов улыбки Катриана ответила:

— Здесь я пострадавшая сторона, Алессан. Ты не можешь ничего от меня требовать. Эти правила ко мне не относятся.

Неожиданно Баэрд рассмеялся:

— Никакие правила к тебе не относятся с тех пор, как ты к нам присоединилась. Почему сейчас должно быть по-другому?

Катриана снова вскинула голову, но не снизошла до ответа.

Трое мужчин встали. Дэвин несколько раз согнул колени, которые затекли от долгого сидения в одном положении.

— Феррат или Тригия? — спросил Баэрд. — К какой границе?

— Феррат, — ответил Алессан. — Они будут искать меня в Тригии, как только Томассо заговорит, бедняга. Если бы я был способен мыслить ясно, я бы застрелил его, когда они проезжали мимо.

— Вот это ясность мысли, — возразил Баэрд. — Его окружали двадцать солдат. Мы бы все уже сидели в цепях в Астибаре.

— Ты бы перехватил мою стрелу, — лукаво ответил Алессан.

— Есть ли шанс, что он не заговорит? — смущенно вмешался Дэвин. — Я думаю о Менико, видишь ли. Если назовут мое имя...

Алессан покачал головой.

— Под пытками все говорят, — трезво заметил он. — Особенно при помощи магии. Я тоже думаю о Менико, но мы ничего не можем с этим поделать, Дэвин. Это одна из реальностей нашей жизни. Есть люди, которых мы подвергаем риску почти каждым своим поступком. Хотел бы я знать, — прибавил он, — что произошло в том домике.

— Ты хотел проверить, — напомнила ему Катриана. — У нас есть время?

— Хотел, и думаю, что время есть, — быстро ответил Алессан. — Во всем этом недостает одного кусочка мозаики. Я так и не знаю, каким образом Сандре д'Астибар мог ожидать, что я буду...

Тут он замолчал. Не считая протяжного пения цикад и шелеста листьев, в лесу было очень тихо. Триала улетела. Алессан вдруг поднял руку и сильно дернул себя за волосы. Потом покачал головой.

— Знаешь, — сказал он Баэрду таким тоном, будто вел непринужденную беседу, — каким дураком я иногда бываю? Это же все время было очевидно! — Его голос стал другим. — Вперед — и молитесь, чтобы мы не опоздали!

* * *

В охотничьем домике Сандрени оба камина уже погасли. Только звезды освещали лесную поляну. Созвездие Короны Эанны склонялось к западу, следуя за лунами. Когда они подошли к домику, пел соловей, словно вторя недавней песне триалы. В дверях Алессан на мгновение заколебался, потом пожал плечами, распахнул дверь и вошел.

В красном свете тлеющих углей перед их глазами, уже привыкшими к темноте, предстала картина кровавой бойни.

Гроб криво стоял на козлах, крышка его была разбита в щепки. Вокруг него лежали мертвецы, которые были живыми людьми, когда они покидали эту комнату. Двое младших Сандрени, Ньеволе, с торчащими из горла и груди стрелами Скалвайя д'Астибар.

Затем Дэвин разглядел отрубленную голову Скалвайи в черной луже крови на пугающе большом расстоянии от тела, и к его горлу подкатила тошнота.

— О Мориан, — прошептал Алессан. — О Госпожа Мертвых, будь добра к ним в твоих чертогах. Они погибли до срока, мечтая о свободе.

— Трое из них — да, — раздался хриплый, сухой голос из глубины одного из кресел. — Четвертого следовало удавить еще в колыбели.

Дэвин подпрыгнул на полфута, и сердце его заколотилось от испуга.

Говоривший встал и теперь стоял рядом с креслом, глядя на них. Его лицо оставалось скрытым в тени.

— Я так и думал, что вы вернетесь, — прибавил он.

Это шестой, понял Дэвин, пытаясь, напрягая зрение, рассмотреть высокую, худую фигуру в слабом свете углей.

Алессан остался невозмутимым.

— В таком случае прошу прощения, что мы заставили вас ждать, — сказал он. — Мне потребовалось слишком много времени, чтобы разгадать эту загадку. Вы позволите выразить вам мои сожаления по поводу случившегося? — Он помолчал. — И свое уважение к вам лично, господин Сандре.

У Дэвина отвисла челюсть, словно на шарнирах. Он так рез-

ко закрыл рот, что заболели зубы; он надеялся, что этого никто не заметил. События развивались слишком быстро для него.

— Принимаю первое, — ответил худой человек, стоящий перед ними. — Но я не заслуживаю вашего уважения и ничьего уважения вообще. Когда-то — возможно, но не теперь. Вы говорите со старым, тщеславным дураком, как назвал меня этот барбадиор. С человеком, который слишком много лет провел в одиночестве, запутавшись в сплетенных им самим сетях. Вы были правы во всем, что говорили здесь о беспечности. Сегодня ночью она стоила мне троих сыновей. Через месяц, возможно, раньше, в живых не останется ни одного Сандрени.

Его голос звучал сухо и бесстрастно, в нем не было жалости, он уже осудил себя.

— Что случилось? — тихо спросил Алессан.

— Этот мальчик оказался предателем. — Голос оставался равнодушным, бесстрастным.

— О, милорд! — воскликнул Баэрд. — Член семьи?

— Мой внук. Сын Джиано.

— Тогда его душа проклята, — произнес Баэрд с тихой яростью. — Теперь он во власти Мориан, и она знает, как с ним поступить. Да будет он гореть в огне среди тьмы до конца времен.

Казалось, старик его не слышал.

— Таэри убил его, — с удивлением пробормотал он. — Я не думал, что у него хватит мужества и что он настолько быстр. Затем он заколол себя, чтобы лишить их удовольствия или возможности выведать у него что-нибудь. Я не думал, что у него столько мужества, — повторил он задумчиво.

Дэвин вгляделся в темноте в два тела, лежащие около меньшего очага. Дядя и племянник лежали так близко друг к другу, что казалось, их тела переплелись по другую сторону от гроба. Пустого гроба.

— Вы сказали, что ждали нас, — пробормотал Алессан. — Скажите, почему?

— По той же причине, которая заставила вас вернуться. — Сандре впервые двинулся с места и направился к большему камину. Схватил маленькое полено и бросил его в тлеющий огонь. Взлетел сноп искр. Он тыкал в полено кочергой до тех пор, пока из пепла не взвился язык пламени.

Герцог обернулся, и теперь Дэвин смог рассмотреть его седые волосы и бороду, впалые щеки. Глаза его глубоко сидели в глазницах, но в них сверкал холодный вызов.

— Я здесь, — произнес Сандре, — и вы здесь потому, что все

продолжается. Это будет продолжаться, что бы ни случилось, кто бы ни умер. Пока есть чем дышать и бьется сердце, которым можно ненавидеть. Мой священный поход и ваш. Он продолжается, пока мы живы.

— Значит, вы слушали, — сказал Алессан. — Лежа в гробу. Вы слышали, что я сказал?

— Действие наркотика закончилось к заходу солнца. Я проснулся раньше, чем мы добрались до охотничьего домика. Я слышал все, что вы говорили, и многое из того, о чем предпочли умолчать, — ответил герцог, выпрямляясь, с холодным высокомерием в голосе. — Я слышал, как вы себя назвали, и то, что предпочли не говорить им. Но я знаю, кто вы.

Он шагнул к Алессану. Поднял узловатую руку и ткнул ею прямо в него.

— Я точно знаю, кто вы, Алессан бар Валентин, принц Тиганы.

Это было уже слишком. Мозг Дэвина просто не выдержал попыток понять. Слишком много обрывков информации поступало с разных сторон, они противоречили друг другу. У него кружилась голова, он был ошеломлен. Он находился в комнате, где совсем недавно стоял среди большого числа людей. Теперь четверо из них погибли жестокой, насильственной смертью. В то же время единственный человек, в смерти которого он был уверен, человек, которого он сегодня утром отпевал, был единственным астибарцем, оставшимся в живых в этом домике.

Если он был астибарцем!

Потому что в этом случае, как он мог произнести имя «Тигана», учитывая то, что Дэвин узнал только что в лесу? Откуда он мог знать, что Алессан — и это Дэвин тоже старался переварить — принц? Сын того Валентина, который убил Стивана Игратского и таким образом навлек на всех них месть Брандина.

Дэвин отбросил попытки разобраться во всем этом. Он решил слушать и смотреть, впитывать, сколько сможет, в свою память, которая еще никогда его не подводила, а осмыслить все позднее, когда у него будет время подумать.

Приняв это решение, он услышал, как Алессан сказал после такого долгого молчания, которое свидетельствовало о степени его собственного удивления:

— Теперь я понимаю. Наконец-то я понял. Милорд, я всегда считал вас гигантом среди людей. С того самого дня, когда увидел вас во время моих первых Игр Триады, двадцать три года назад. Вы даже более великий человек, чем я думал. Как вы ос-

тались в живых? Как вам удавалось скрывать это от тех двоих все эти годы?

— Скрывать что? — Это спросила Катриана, и ее голос звучал так сердито и непонимающе, что Дэвин тут же почувствовал себя лучше: не только он один брел в темноте наугад.

— Он — чародей, — ровным голосом ответил Баэрд.

Снова воцарилось молчание. Потом Алессан прибавил:

— Чародеи Ладони нечувствительны к заклинаниям, не направленным непосредственно на них. Это характерно для всех, пользующихся магией, откуда бы они ни пришли и каким бы образом ни приобрели свое могущество. По этой причине, среди прочих, Брандин и Альберико охотились за чародеями и убивали их с тех пор, как захватили полуостров.

— И им это удавалось, потому что быть чародеем — не означает быть мудрым или даже иметь простой здравый смысл, — ядовито произнес Сандре д'Астибар.

Он повернулся и яростно ткнул в камин железной кочергой. На этот раз огонь вспыхнул в полную силу.

— Я уцелел, — сказал герцог, — лишь потому, что никто про меня не знал. Ничего более. За годы моего правления я пользовался своей силой раз пять и каждый раз маскировался под чужое колдовство. Я ничего не делал с помощью магии, совсем ничего, с тех пор, как появились эти два чародея. Даже для того, чтобы симулировать собственную смерть. Их магия сильнее нашей. Гораздо сильнее. Это было ясно с тех пор, как они пришли. Колдовство никогда не играло такой большой роли на Ладони, как в других странах. Мы это знали. Все чародеи это знали. Можно было предположить, что они приложат к этому знанию свои мозги, не так ли? К чему с помощью колдовства находить потерянные предметы или приделывать оперение к стреле, если это ведет прямиком к гибели от солнца на колесе смерти барбадиоров? — В голосе старого герцога звучала едкая, горькая насмешка.

— Или на колесе Брандина, — пробормотал Алессан.

— Или на колесе Брандина, — повторил Сандре. — Единственное, о чем договорились эти два стервятника, не считая разделительной линии, проходящей по Ладони, — что на этой земле колдовать будут только они.

— И все обстоит именно так, — сказал Алессан, — или почти так. Я уже более десяти лет разыскиваю какого-нибудь чародея.

— Алессан! — быстро произнес Баэрд.

— Зачем? — одновременно спросил герцог.

— Алессан! — повторил Баэрд еще настойчивее.

Человек, который, как только что узнал Дэвин, был принцем Тиганы, посмотрел на своего друга и покачал головой.

— Не этот, Баэрд, — загадочно ответил он. — Не Сандре д'Астибар.

Он снова повернулся к герцогу и заколебался, подыскивая слова.

Затем, с явной гордостью, сказал:

— Возможно, вы слышали эту легенду. Но она оказалась правдой. Принцы Тиганы, все потомки по прямой линии, могут привязать к себе чародея смертельной клятвой.

Впервые в прикрытых опущенными веками глазах Сандре блеснуло любопытство, реальный интерес к чему-то.

— Я действительно знаю эту историю. Единственный чародей, который догадался, кто я такой, после того как я освоил искусство колдовства, однажды предостерег меня, что следует опасаться принцев Тиганы. По-вашему, он сказал мне правду?

— Да. И уверен — это до сих пор правда. Однако у меня не было случая проверить. Это наша древняя история: Тигана — провинция, избранная Адаоном, богом Волн. Первый из принцев, Рахал, был рожден богу Микаэлой, которую мы считаем смертной матерью всего нашего народа. А линия принцев никогда не прерывалась.

Дэвин почувствовал, как в нем зашевелились самые противоречивые чувства. Он даже не пытался подсчитать, сколько всяких чувств смешалось в его душе. Микаэла. Он слушал, и наблюдал, и запоминал.

И услышал, как рассмеялся Сандре д'Астибар.

— Эту историю я тоже слышал, — насмешливо сказал герцог. — Это поросшее быльем оправдание тиганского высокомерия. Принцы Тиганы! Не герцоги, нет. Принцы! Потомки бога! — Он ткнул кочергой в сторону Алессана. — И вы будете стоять тут сегодня, сейчас, среди вонючей реальности, среди этих мертвецов и сегодняшнего прозябания под гнетом тиранов, и пересказывать мне эту древнюю ложь? И вы осмелитесь?

— Это правда, — тихо ответил Алессан, не двигаясь. — Вот почему мы те, кто мы есть. Было бы неуважением по отношению к богу, если бы его потомки претендовали на менее высокий титул. Адаон мог подарить своему сыну бессмертие, но Эанна и Мориан запретили ему. Зато бог подарил своему смертному сыну власть над магией Ладони и всем сыновьям и дочерям этого

сына, пока жив хоть один принц или принцесса Тиганы, его потомки по прямой линии. Если сомневаетесь в моих словах и хотите подвергнуть меня испытанию, я сделаю то, чего желает Баэрд, и свяжу вас клятвой верности, положив ладонь вам на голову, лорд герцог. Старую сказку не так легко сбросить со счетов, Сандре д'Астибар. Если мы горды, то это потому, что у нас есть на то причины.

— Уже нет, — насмешливо возразил герцог. — С тех пор, как появился Брандин!

Лицо Алессана дрогнуло. Он открыл рот и закрыл его.

— Как вы смеете! — воскликнула Катриана.

«Смело», — подумал Дэвин.

Принц и герцог не обратили на нее внимания, они смотрели друг на друга. Сардоническая насмешка Сандре постепенно отступила в глубокие морщины на его лице. Но горечь осталась — в глазах, и в позе, и в поджатых губах.

— Я не ожидал этого от вас. При данных обстоятельствах, — сказал Алессан.

— Вы не можете иметь ни малейшего представления, чего от меня ожидать, — ответил герцог очень тихим голосом. — При любых обстоятельствах.

— Значит, мы расстаемся?

Долгие мгновения между ними в воздухе что-то происходило, процесс взвешивания и решения, неизмеримо осложненный смертью и горем, яростью и несгибаемой, врожденной гордостью обоих мужчин. Дэвин, ощущая собственными нервными окончаниями это напряжение, поймал себя на том, что задерживает дыхание.

— Я бы этого не хотел, — в конце концов ответил Сандре д'Астибар. — И уж тем более так, — прибавил он, и Дэвин снова задышал. — Вы примете извинения от человека, который пал так низко, как никогда в жизни?

— Приму, — просто ответил Алессан. — И попрошу у вас совета, прежде чем мы действительно на время расстанемся. Вашего среднего сына взяли живым. Он назовет меня и Дэвина завтра же утром, если не сегодня ночью.

— Не сегодня, — ответил герцог почти рассеянно. — Альберико сейчас не ожидает опасности. И он серьезно выведен из строя тем, что здесь произошло. Он оставит Томассо в покое до тех пор, когда сможет насладиться происходящим. Когда будет в настроении поиграть.

— Сегодня или завтра, — возразил Баэрд, и его резкий голос

разрушил настроение. — Какая разница? Он заговорит. И мы должны убраться раньше.

— Может быть, да, а может, и нет, — пробормотал Сандре тем же бесстрастным тоном. Он посмотрел на четверых мертвецов на полу. — Хотел бы я точно знать, что произошло, — сказал он. — Из гроба мне ничего не было видно, но могу вам сообщить, что Альберико сегодня ночью прибег к чарам настолько мощным, что они все еще пульсируют в воздухе. И прибег он к ним для того, чтобы спасти свою жизнь. Скалвайя что-то сделал, не знаю, что именно, но ему почти удалось. — Он взглянул на Алессана. — Почти удалось предоставить Брандину Игратскому власть над всем полуостровом.

— Вы это слышали? — спросил Алессан. — Вы со мной согласны?

— Наверное, я всегда знал, что это правда, но мне удавалось заставить себя это отрицать. Я полностью сосредоточился на собственном враге здесь, в Астибаре. Да, я согласен с вами. Их нужно свалить одновременно.

Алессан кивнул и немного расслабился.

— Некоторые все еще думают иначе. Ценю ваше согласие.

Он бросил взгляд на Баэрда, лукаво улыбнулся ему, потом снова перевел взгляд на герцога.

— Вы упомянули, что Альберико прибег к магии, словно это имеет для нас сейчас значение. Какое значение? Мы в этих вопросах не разбираемся.

— Стыдиться нечего. Если ты не чародей, то и не должен в них разбираться. — Сандре слегка улыбнулся. — Из этой комнаты сегодня ночью выплеснулся такой поток магической энергии, что моя собственная жалкая магия будет совершенно незаметна. Думаю, что смогу сделать так, чтобы ваши имена завтра не были названы палачам.

— Понимаю, — медленно кивнул Алессан. Дэвин же ничего не понял; он чувствовал, как его несет в вихре непрерывно поступающей информации. — Вы можете перенестись через пространство? Можете пойти туда и вывести его? — Глаза Алессана ярко горели.

Однако Сандре покачал головой. Он вытянул вперед левую руку, растопырив все пять пальцев.

— Я не отсек себе два пальца, не связал себя окончательно с магией Ладони. Мои силы очень ограниченны. Не могу сказать, что сожалею об этом, — я бы никогда не стал герцогом Астибарским, если бы сделал это, учитывая предрассудки и законы, ко-

торыми руководствуются здешние чародеи, но это ограничивает мои возможности. Я могу перенестись туда сам, да, но у меня не хватит силы вывести оттуда другого человека. Зато я могу кое-что ему отнести.

— Понимаю, — снова сказал Алессан уже другим тоном. Воцарилось молчание. Он запустил пальцы в растрепанные волосы. — Мне очень жаль, — наконец тихо произнес он.

Лицо герцога оставалось бесстрастным. Его глаза над седой бородой и ввалившимися щеками ничего не выражали. За его спиной треснуло полено в очаге, по комнате разлетелись искры.

— У меня есть одно условие, — сказал Сандре.

— Какое?

— Чтобы вы позволили мне пойти с вами. Я теперь мертв. Отдан Мориан. Здесь, в Астибаре, я не могу ни с кем говорить, ничего не могу добиться. Если я не хочу лишить всякого смысла неумелую инсценировку собственной смерти, мне следует пойти с вами. Принц Тиганы, примете ли вы в свою свиту немощного чародея? Чародея, который пришел по своей воле, а не при помощи легендарной клятвы верности?

Алессан долго молчал, глядя на старика, руки его оставались спокойно опущенными. Потом он неожиданно широко улыбнулся. Эта улыбка напоминала вспышку света, струю тепла, и она растопила лед в комнате.

— Насколько вы привязаны к своей бороде и своим белым волосам? — спросил он совершенно неожиданным тоном.

Через мгновение Дэвин услышал странный звук. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он слышит высокий, с присвистом, искренний смех герцога Астибарского.

— Делайте со мной все, что пожелаете, — ответил Сандре, отсмеявшись. — Что вы собираетесь сделать — выкрасить мои локоны в рыжий цвет, как у этой девушки?

Алессан покачал головой.

— Надеюсь, что нет. Одной такой гривы более чем достаточно для нашей компании. Я оставлю это на усмотрение Баэрда. Я многое оставляю на его усмотрение.

— Тогда отдаю себя в его руки, — сказал Сандре.

Он торжественно поклонился русоголовому великану. Дэвин видел, что Баэрду все это не очень нравится. Сандре тоже это понял.

— Я не стану клясться, — обратился к нему герцог. — Я уже дал одну клятву, когда пришел Альберико, и это будет моей последней клятвой в жизни. Однако скажу, что целью всего остатка моей жизни будет сделать так, чтобы вы не пожалели об этом. Вас это устроит?

Баэрд медленно кивнул.

— Да.

Слушающий их Дэвин интуитивно ощутил, что этот разговор тоже важен, что они говорят очень серьезно и от чистого сердца. В этот момент он бросил взгляд на Катриану и обнаружил, что та наблюдает за ним. Но она быстро отвернулась и больше на него не смотрела.

— Думаю, мне пора приняться за то, что я хотел сделать. Из-за экранирующего эффекта магии Альберико я должен уйти из этой комнаты и вернуться в нее, но вам вовсе не обязательно проводить ночь среди покойников, какими бы знатными они ни были. У вас есть лагерь в лесу? Могу я найти вас там?

Мысль о магии все еще беспокоила Дэвина, но слова Сандре подсказали ему одну идею, первую по-настоящему ясную мысль с тех пор, как они вошли в охотничий домик.

— Вы уверены, что сможете помешать вашему сыну заговорить? — почтительно спросил он.

— Совершенно уверен, — коротко ответил Сандре.

Дэвин нахмурился.

— Ну тогда нам не угрожает непосредственная опасность. Только вам, милорд. Вас не должны видеть.

— Пока Баэрд с ним не разберется, — вмешался Алессан. — Но продолжай.

Дэвин повернулся к нему.

— Мне бы хотелось попрощаться с Менико и попытаться придумать причину ухода из труппы. Я ему многим обязан. Мне не хочется, чтобы он меня возненавидел.

Алессан задумчиво сказал:

— Он все равно отчасти возненавидит тебя, Дэвин, хоть это и не в его характере. То, что произошло сегодня утром, — это мечта всей жизни такого хозяина труппы, как Менико. И никакое придуманное тобой объяснение не изменит того факта, что он нуждается в тебе для осуществления этой мечты.

Дэвин взволнованно сглотнул. Ему очень не понравилось то, что он услышал, но отрицать правду было невозможно. Пара сезонов с той платой за выступления, которую называл Менико, позволили бы старому скитальцу купить гостиницу в Феррате, о которой он мечтал столько лет. Место, как он всегда говорил, где он хотел бы обосноваться, когда бродячая жизнь станет слишком тяжелой для его костей. Где он сможет подавать эль и

вино, предлагать постель и еду старым друзьям и новым, проходящим мимо в своих долгих странствиях. Где сможет слушать и пересказывать свежие сплетни и свои любимые старые истории. И где холодными зимними ночами сможет усадить у огня тех, кто окажется у него в гостях, и заставить их спеть все песни, которые ему известны.

Дэвин засунул руки глубоко в карманы штанов. Его охватили неловкость и печаль.

— Мне просто не по душе вот так исчезнуть. Да еще исчезнем мы все трое. И у нас завтра выступления.

Губы Алессана дрогнули.

— Я, кажется, забыл об этом, — сказал он. — Два выступления.

— Три, — неожиданно поправила Катриана.

— Три, — весело согласился Алессан. — И еще одно на следующий день для Гильдии торговцев шерстью. И еще я вспомнил — меня ждет внушительный выигрыш в «Паэлионе», где я заключил пари.

Это замечание вполне предсказуемо вызвало ворчание Баэрда.

— Ты всерьез полагаешь, что Праздник Виноградной Лозы продолжится как ни в чем не бывало после того, что случилось этой ночью? Хочешь вернуться в Астибар и играть, как будто ничего не случилось? Музыка? Я уже прежде ходил с тобой по этой дороге, Алессан. Мне она не нравится.

— Собственно говоря, я совершенно уверен, что Праздник будет продолжаться. — Это сказал Сандре. — Альберико прежде всего очень осторожен. Думаю, сегодняшняя ночь удвоит эту осторожность. Он позволит людям отпраздновать, даст жителям дистрады разъехаться по домам, а потом нанесет удар. Но только по тем трем семьям, которые были представлены здесь, как я подозреваю. Откровенно говоря, я бы и сам так поступил.

— Налоги? — спросил Алессан.

— Возможно. Он поднял их после попытки отравления, но то было другое дело. Попытка убийства в общественном месте. У него не было большого выбора. Думаю, на этот раз он сузит поле деятельности: у него хватит колес для всех членов этих трех семейств.

Дэвина смутило то, как небрежно герцог рассуждает о подобных вещах. Ведь они говорили о его родственниках. Его старший сын, внуки, племянники, племянницы, двоюродные братья и сестры — все станут жертвами барбадиорских колес смерти.

Дэвин спросил себя, станет ли он когда-либо столь же циничным. Ожесточит ли его до такой же степени то, что началось сегодня. Он попытался представить себе своих братьев на колесах смерти в Азоли, но его воображение с ужасом отвергло саму подобную попытку. Он незаметно сделал знак, отводящий беду.

Дело в том, что его расстроили мысли о Менико, а ведь тут речь шла лишь о потере этим человеком денег, не более. Люди все время переходят из одной труппы в другую. Или уходят, чтобы организовать собственные труппы. Или совсем бросают бродячую жизнь и занимаются делом более безопасным. Найдутся такие, которые будут ожидать от него, что он после сегодняшнего успеха уйдет. Эта мысль должна была бы утешить его, но не утешила. Почему-то Дэвину очень не хотелось, чтобы выглядело так, будто они были правы.

Тут ему в голову пришло еще кое-что.

— Не покажется ли несколько странным, если мы исчезнем сразу же после утреннего отпевания? После раскрытия заговора против Альберико? Мы теперь неким образом связаны с семьей Сандрени. Следует ли привлекать к себе внимание подобным образом? Не похоже, чтобы наше исчезновение прошло незамеченным.

Почему-то он обратился к Баэрду. И через секунду был вознагражден коротким, серьезным кивком, в знак признания его правоты.

— Этот довод я принимаю, — сказал Баэрд. — Это разумно, хоть мне и не хочется это признавать.

— Добрая толика здравого смысла, — согласился Сандре. Дэвин слегка поежился под пристальным взглядом этих черных, запавших глаз. — Вы двое, — герцог махнул рукой в сторону Дэвина и Катрианы, — еще можете оправдать в моих глазах ваше поколение.

На этот раз Дэвин не взглянул на девушку. Вместо этого его взгляд метнулся в угол, где лежал внук Сандре с перерезанным фамильным кинжалом горлом у второго, угасающего очага.

Алессан прервал молчание, нарочно кашлянув.

— Существует и совершенно другой аргумент, — сказал он странным тоном. — Только те, кто провел столько ночей под открытым небом, как я, могут по достоинству оценить глубину моего стремления провести ночь в мягкой постели. Короче говоря, — закончил он с ухмылкой, — твое красноречие переубедило меня, Дэвин. Веди меня обратно в гостиницу к Менико. Даже общая постель с двумя игроками на сиринье, которые хра-

пят в относительной гармонии друг с другом, для меня гораздо привлекательней ночевки на холодной земле рядом со сравнительно тихим Баэрдом.

Баэрд наградил его мрачным взглядом. Но Алессан легко пережил это.

— Я воздержусь, — загадочно ответил Баэрд, — от рассказа о твоих собственных ночных привычках. Я останусь здесь один ждать возвращения герцога Сандре. Сегодня ночью нам надо сжечь этот домик, причины очевидны. В противном случае слуги обнаружат исчезновение покойника, когда вернутся сюда утром. Будем ждать вас троих у тайника через три утра после нынешнего, пораньше, как только вы сможете встать с ваших подушек. При условии, — прибавил он с сарказмом, — что изнеженная городская жизнь не лишит вас возможности найти тайник.

— Я найду, если он заблудится, — сказала Катриана.

Алессан перевел взгляд с одного на другую с оскорбленным выражением лица.

— Это нечестно, — запротестовал он. — Это же просто музыка. Вы оба это знаете.

Дэвин не знал. Алессан продолжал смотреть на Баэрда.

— Ты знаешь, что я возвращаюсь только ради музыки.

— Конечно, знаю, — мягко ответил Баэрд. Выражение его лица изменилось. — Боюсь только, что музыка когда-нибудь погубит нас обоих.

Перехватив взгляд, которым они обменялись, Дэвин узнал нечто новое и неожиданное о чувствах, связывающих людей, и о любви.

— Идите, — нахмурившись, приказал Баэрд, так как Алессан все еще колебался. — Встретимся после Праздника. У тайника. Но не ждите, что вы нас узнаете, — прибавил он.

Алессан вдруг улыбнулся, и через мгновение Баэрд тоже позволил себе улыбнуться. Улыбка совершенно изменила его лицо. Баэрд нечасто улыбается, понял Дэвин.

Он все еще раздумывал над этим, шагая вслед за Алессаном и Катрианой к выходу и дальше, в темноту леса.

Глава 6

Случилось так, что долгая дорога того дня и той ночи все-таки не привела их обратно в гостиницу.

Они втроем вернулись через лес к большаку из Астибара в

Ардин. Шли молча по дороге под осенними звездами, в лесу громко пели цикады. Дэвин радовался, что надел шерстяную рубаху: стало холодно, возможно, выпадет иней.

Странно было идти по лесу так поздно, в темноте. Когда они путешествовали с Менико, тот всегда старался еще до ужина найти для труппы ночлег. Несмотря на то что оба тирана принимали жесткие меры против воров и разбойников, порядочные люди не рисковали передвигаться по дорогам Ладони ночью.

Такие люди, каким Дэвин сам был еще сегодня утром. Ему ничто не угрожало, он занимал свое место в жизни и имел свое призвание, даже добился, как это ни невероятно, триумфа. Он стоял на пороге подлинного успеха. А сейчас шагает по дороге во тьме, отказавшись от всех подобных перспектив и безопасной жизни, дал клятву, которая сделала его кандидатом на колесо смерти в Кьяре, если не здесь. Собственно, и там, и здесь, если Томассо бар Сандре заговорит.

Это было странное, неуютное чувство. Он доверял людям, к которым присоединился, доверял даже этой девушке, если на то пошло, но он их не слишком хорошо знал. Не так, как узнал Менико или Эгано за эти годы.

Ему пришло в голову, что то же самое можно было сказать и о деле, за которое он поклялся сражаться: он и Тиганы не знал, чего и добивался Брандин Игратский своими чарами. Дэвин сейчас менял свою жизнь на историю, рассказанную под луной, на песню из детства, на память о своей матери, на почти чистую абстракцию. На имя.

Он был достаточно честен, чтобы спросить себя, пошел ли он на это в поисках приключений — поддавшись обаянию романтического ореола, окружавшего Алессана, Баэрда и старого герцога, — или ради тех глубоких, старых боли и горя, о которых услышал сегодня в лесу. Он не знал ответа. Не знал, насколько сильно повлияла на его решение Катриана, или его отец, или гордость, или звук голоса Баэрда, повествующего в ночи о его потере.

Правда заключалась в том, что если Сандре д'Астибар не даст сыну заговорить, то ничто не может помешать Дэвину жить так же, как он прожил последние шесть лет. Добиваться триумфа и наград, которые ждали его в будущем. Он покачал головой. Поразительно, но этот путь — путешествовать с Менико по дорогам, выступать по всей Ладони, вести ту жизнь, которую вел до сегодняшнего утра, — теперь казался ему почти немыслимым, словно он уже оказался по другую сторону некой бездонной пропасти. Дэвин спрашивал себя, как часто люди соверша-

ют поступки, делают жизненно важный выбор по причинам ясным и простым, которые легко понять.

Его внезапно вывел из задумчивости Алессан, предостерегающе поднявший руку. Не говоря ни слова, все трое снова скользнули под деревья у дороги. Через мгновение на западе показался мелькающий свет факела, и Дэвин услышал грохот приближающейся повозки. Послышались голоса, мужской и женский. Гуляки, поздно возвращающиеся домой, догадался он. Праздник действительно продолжался. В некотором смысле это начинало казаться еще одной несообразностью. Они ждали, пока проедет повозка.

Но этого не случилось. Мягко шлепнули и звякнули поводья, лошадь остановилась прямо у того места, где они спрятались. Кто-то соскочил на землю, потом они услышали, как отпирают цепь на воротах.

— Я слишком уж снисходителен, — пожаловался мужской голос. — Каждый раз, когда я смотрю на это подобие герба, вспоминаю, что мне следовало заказать эскиз мастеру. Есть же пределы, или должны быть, тому, что позволяет отец!

Дэвин одновременно узнал это место и этот голос. Повинуясь импульсу, стремлению вернуться назад, к обычному и знакомому, после того, что произошло ночью, он вскочил.

— Доверьтесь мне, — шепнул он в ответ на взгляд Алессана. — Это друг.

Потом вышел на дорогу.

— А я считаю, что герб красивый, — четко произнес он. — Лучше, чем у многих художников. И сказать по правде, Ровиго, помню, вы говорили мне то же самое вчера днем в «Птице».

— Я знаю этот голос, — мгновенно ответил Ровиго. — Я знаю этот голос и чрезвычайно рад его слышать — хотя ты только что разоблачил меня перед сварливой женой и дочерью, которая слишком давно стала сущим наказанием для несчастного отца. Дэвин д'Азоли, если не ошибаюсь.

Он отошел от ворот и снял с повозки фонарь. Дэвин услышал, как с облегчением рассмеялись две женщины в повозке. За ним на дорогу вышли Алессан и Катриана.

— Вы не ошиблись, — ответил Дэвин. — Разрешите представить вам двоих моих товарищей по труппе: Катриана д'Астибар и Алессан ди Тригия. Это Ровиго, тот купец, с которым я вчера распивал бутылку в элегантной обстановке, когда Катриана организовала на меня нападение и меня оттуда вышвырнули.

— А! — воскликнул Ровиго, поднимая фонарь повыше. — Сестра!

Катриана, освещенная пятном света, улыбнулась с притворной скромностью.

— Мне необходимо было с ним поговорить, — объяснила она. — Но не очень-то хотелось заходить в это заведение.

— Мудрая и предусмотрительная женщина, — одобрил Ровиго с усмешкой. — Моему бы выводку дочерей хоть половину вашего ума. Никому не может захотеться зайти в «Птицу», — прибавил он, — если только он не страдает настолько сильной простудой, что потерял всякое обоняние.

Алессан расхохотался.

— Приятная встреча на темной дороге, мастер Ровиго, тем более приятная, если это вы хозяин судна под названием «Морская Дева».

Пораженный Дэвин заморгал.

— Действительно я имею несчастье владеть этой старой развалиной и плавать на ней, — весело признался Ровиго. — Откуда вам это известно, друг?

Алессан, казалось, очень забавляется.

— Потому что меня просили разыскать вас, если смогу. У меня для вас известия из Феррата. От несколько полноватого, краснолицего мученика по имени Тачио.

— Мой уважаемый агент из Феррата! — воскликнул Ровиго. — Действительно, приятная встреча! Но где вы его встретили?

— Тоже в таверне, должен с сожалением признать. В таверне, где я выступал, а он... ну, по его собственному выражению, спасался от возмездия. Мы двое, по случайности, оказались последними клиентами в тот вечер. Он не слишком спешил вернуться домой, что было, на мой взгляд, вполне предусмотрительно, и мы разговорились.

— С Тачио разговориться нетрудно, — согласился Ровиго. Дэвин услышал с повозки смех. Это не был смех нудной дочери, которую никто не берет замуж. Он начинал правильно оценивать отношение Ровиго к своим женщинам. И невольно улыбнулся в темноте.

— Достойный Тачио, — сказал Алессан, — объяснил мне свое затруднение, и когда я упомянул о том, что только что поступил в труппу Менико ди Феррата и направляюсь сюда на Праздник, он поручил мне разыскать вас и устно передать подтверждение тому, что написано в письме, по его словам, посланном вам.

— Полдюжине писем, — застонал Ровиго. — Так каково же это устное подтверждение, друг Алессан?

— Добрый Тачио поручил мне сказать вам и поклясться ми-

лостью Триады и тремя пальцами Ладони, что это правда, — голос Алессана безупречно пародировал интонации гонца из театрального представления, — что если новая кровать не прибудет из Астибара до зимних заморозков, Дракон, спящий рядом с ним тревожным сном, проснется в гневе и его жизнь, отданная на службу вашей милости, закончится насильственной смертью.

Из тени, где стояла повозка, донесся смех и аплодисменты. Мать, решил Дэвин, продолжая прежнюю мысль, даже отдаленно не напоминает сварливую женщину.

— Эанна и Адаон, которые вместе благословляют браки, не допустят, чтобы такое произошло, — благочестиво произнес Ровиго. — Кровать заказана, и изготовлена, и готова к отправке сразу же по завершении Праздника.

— И Дракон будет спать спокойно, и Тачио будет спасен, — нараспев произнес Алессан звучным голосом, каким произносят «мораль» в конце детского кукольного представления.

— И чем это вас всех так запугала бедная Ингонида, не могу понять, — донесся из повозки мягкий, смеющийся женский голос. — Ровиго, разве сегодня ночью мы окончательно забыли о вежливости? Будем и дальше держать этих людей на холоде и в темноте?

— Ни за что, любимая, — поспешно воскликнул ее муж. — Аликс, лишь возникший в воображении образ разгневанной Ингониды затуманил мой ум. — Дэвин обнаружил, что никак не может перестать улыбаться; даже лицо Катрианы, заметил он, потеряло обычное выражение высокомерного безразличия.

— Вы возвращались в город? — спросил Ровиго.

Первый скользкий момент — и Алессан предоставил ответ Дэвину.

— Да, — ответил Дэвин. — Мы совершили долгую прогулку, чтобы освежить головы и сбежать от шума, но уже готовы были снова бросить вызов городу.

— Воображаю, как вам троим весь вечер досаждали поклонники, — сказал Ровиго.

— Действительно, кажется, мы добились определенной популярности, — признался Алессан.

— Ну, — серьезно произнес Ровиго, — шутки в сторону, я вполне могу понять, что вы захотели снова присоединиться к веселью — оно еще не достигло наивысшей точки, когда мы уехали. Оно будет продолжаться всю ночь, конечно, но признаюсь, я не люблю оставлять младших одних слишком поздно, а моя несчастная старшая дочь, Алаис, от перевозбуждения начинает дергаться и падать в обморок.

— Как это грустно, — ответил Алессан без следа улыбки.

— Отец! — раздался мягкий, но настойчивый протест с повозки.

— Ровиго, перестань сейчас же, а не то я вылью на тебя воду из умывального таза, пока ты будешь спать, — заявила ее мать, но, как отметил Дэвин, в ее голосе не было настоящего гнева.

— Видите, как обстоят дела? — Купец выразительно взмахнул свободной рукой. — Меня преследуют даже во сне, никакого покоя. Но если вас не окончательно запугала достойная порицания сварливость моих женщин и перспектива встретить еще трех, почти столь же вредных, в доме, тогда добро пожаловать, смиренно предлагаю вам поужинать и выпить в более спокойной обстановке, чем ждет вас сегодня ночью в Астибаре.

— И если сделаете нам честь и останетесь ночевать, предлагаем вам три постели, — прибавила Аликс. — Мы слышали, как вы играли и пели сегодня утром на похоронах герцога. И сочтем за честь, если вы присоединитесь к нам.

— Вы были во дворце? — спросил удивленный Дэвин.

— Нет, — пробормотал Ровиго тоном самоосуждения. — Мы были на улице за стеной, в толпе. — Он заколебался. — Я испытывал к Сандре д'Астибару большое уважение и восхищался им. Земли Сандрени лежат к востоку от моего маленького имения — вы только что прошли мимо его леса. Он до самого конца оставался очень необременительным соседом. Мне хотелось послушать ритуальные песнопения в его честь, а когда я узнал, что мой только что обретенный юный друг и его труппа были отобраны для исполнения этих обрядов, ну... Так вы зайдете к нам?

На этот раз Дэвин предоставил право ответа Алессану.

Белые зубы Алессана сверкнули в темноте, и он сказал, все еще забавляясь происходящим:

— Мы даже не подумали бы отказаться от столь любезного приглашения! Это позволит нам выпить за благополучное путешествие новой кровати Тачио и за спокойный сон его Дракона!

— Ох, бедная Ингонида, — отозвалась Аликс с повозки, безуспешно пытаясь сдержать смех, — вы все так несправедливы!

В доме их ждали свет, тепло и несмолкающий смех. Еще там были три несомненно привлекательные девушки, имена которых слишком быстро пролетели мимо ушей Дэвина в вихре восклицаний и разрумянившихся щек. Кроме одного.

Алаис, старшая дочь купца, отличалась от сестер. Она оказалась невысокой, стройной и серьезной. У нее были длинные,

совершенно прямые черные волосы и глаза самого нежно-голубого цвета, какой когда-либо приходилось видеть Дэвину. Рядом с ней взгляд голубых глаз Катрианы горел еще большим вызовом, чем обычно, а ее спутанные рыжие волосы более всего походили на гриву льва.

Настойчивые голоса и руки женщин усадили гостей в чрезвычайно удобные кресла в гостиной, обставленной мебелью в зеленых и золотистых тонах. В огромном деревенском очаге пылал огонь, прогоняя осенний холод. Пол устилал большой ковер с квилейским узором, который узнал даже неопытный глаз Дэвина. Семнадцатилетняя Селвена, вторая дочь Ровиго, грациозно опустилась на ковер у ног Дэвина. Она посмотрела на него снизу вверх и улыбнулась. Катриана, усаживаясь поближе к огню, бросила на него быстрый иронический взгляд, который он предпочел проигнорировать. Алаис пока находилась где-то в другом месте, помогая матери.

В этот момент из задней комнаты снова появился Ровиго, раскрасневшийся и торжествующий, с тремя бутылками в руках.

— Надеюсь, — сказал он, улыбаясь им во весь рот, — что всем вам нравится вкус астибарского голубого вина?

Для Дэвина этот простой вопрос окутал благожелательной аурой судьбы его импульсивный шаг там, в темноте. Он бросил взгляд на Алессана и получил в ответ странную улыбку, которая, как ему показалось, говорила о многом.

Ровиго начал быстро откупоривать бутылки и разливать вино.

— Если кто-то из этих несчастных женщин вам докучает, — бросил он через плечо, — не стесняйтесь, гоните их прочь, как кошек.

Из каждого бокала поднималась струйка голубоватого дыма.

Селвена тщательно расправила вокруг себя подол платья, с такой легкостью пропустив мимо ушей насмешку отца, что это свидетельствовало о ее давней привычке к подобным вещам. Вошла ее мать — аккуратная, подтянутая, быстрая, совершенно не соответствующая тому, как ее описал Ровиго в «Птице», — вместе с Алаис и пожилой служанкой. Очень быстро буфет был уставлен самой разнообразной едой.

Дэвин принял у Ровиго бокал вина и наслаждался его чистым, как лед, букетом. Он откинулся на спинку кресла и приготовился в следующий отрезок времени испытывать глубокое удовлетворение. Селвена встала, повинуясь взгляду матери, но только для того, чтобы наполнить едой тарелку для Дэвина. Она

принесла ему тарелку, улыбнулась и снова устроилась на ковре, значительно ближе, чем прежде. Алаис подала еду Алессану и Катриане, а две другие дочери устроились у ног отца. Он с притворной свирепостью шлепнул каждую из них.

Дэвин сомневался, видел ли он когда-нибудь человека, столь откровенно довольного тем, где он находится. Наверное, это отразилось в его ироническом взгляде, так как Ровиго, поймав этот взгляд, пожал плечами.

— Дочери, — пожаловался он, грустно качая головой.

— Пастух с пастбищ Чертандо, — напомнил ему Дэвин, глядя в упор на жену купца.

Ровиго поморщился. Аликс, у глаз которой собрались лукавые морщинки, их услышала.

— Он опять болтал, да? — спросила она, склонив голову к плечу. — Сейчас соображу: я похожа на слониху и у меня чудовищно злобный характер, а эти четверо девочек настолько уродливы, что из них не получилась бы и одной более-менее нормальной невесты. Я права?

Расхохотавшись, Дэвин повернулся к Ровиго и увидел, что тот, ничуть не смущаясь, с гордостью улыбается своей жене.

— Совершенно точно, — ответил Дэвин Аликс, — но должен сказать в его защиту, что я никогда не слыхал, чтобы о подобных недостатках рассказывали таким счастливым голосом.

И был вознагражден коротким смехом Аликс и восхитительно серьезной улыбкой Алаис, занятой у буфета.

Ровиго поднял бокал и стал описывать им маленькие круги, рисуя в воздухе узоры ледяным «дымом».

— Вы выпьете вместе со мной в память о нашем герцоге и во славу музыки? Я не люблю произносить пустые тосты, когда пью голубое вино.

— Я тоже, — тихо ответил Алессан. И поднял свой бокал. — За память, — с расстановкой произнес он. — За Сандре д'Астибара. За музыку. — Потом тихо прибавил что-то еще и сделал глоток из своего бокала.

Дэвин всего в третий или четвертый раз в жизни пробовал астибарское холодное голубое вино, отличающееся поразительно богатым и сложным букетом. Ничего подобного не производили нигде на Ладони. И его цена отражала этот факт. Он поднял взгляд и отсалютовал Ровиго бокалом.

— За всех вас, — внезапно сказала Катриана. — За доброту на темной дороге. — Она улыбнулась улыбкой, в которой не бы-

ло ни капли насмешки. Дэвин удивился, потом решил, что это несправедливо с его стороны.

«Не на той дороге, по которой я иду», — сказала она во дворце Сандрени. И теперь он мог понять ее слова. Потому что он тоже в конце концов очутился на этой дороге, несмотря на то что она сделала, чтобы не пустить его туда. Он попытался поймать ее взгляд, но ему это не удалось. Катриана беседовала с Аликс, которая теперь сидела рядом с ней. Дэвин задумался и занялся едой.

Через несколько мгновений Селвена легонько прикоснулась к его ноге.

— Вы споете для нас? — спросила она с восхитительной улыбкой. Руку она не убрала. — Алаис вас слышала, и родители, но мы весь день оставались дома.

— Селвена! — Мать и старшая сестра одновременно резко ее одернули.

Селвена вздрогнула, словно ее ударили, но Дэвин заметил, что повернулась она к отцу, прикусив губу. Он серьезно смотрел на нее.

— Дорогая, — сказал Ровиго голосом, который сильно отличался от того шутливого тона, которым он говорил раньше, — тебе надо кое-чему научиться. Наши друзья музыкой зарабатывают себе на жизнь. Сегодня они наши гости. Гостей не просят, свет моей жизни, работать в доме хозяев.

Глаза Селвены наполнились слезами. Она опустила голову.

Тем же серьезным тоном Ровиго обратился к Дэвину:

— Ты примешь мои извинения? У нее были лишь добрые намерения, могу тебя в этом уверить.

— Я знаю, — возразил Дэвин. Селвена тихо шмыгала носом у его ног. — Нет никакой нужды извиняться.

— И правда, никакой, — прибавил Алессан, отставив в сторону тарелку с едой. — Мы действительно зарабатываем себе на жизнь музыкой, но еще мы играем и поем потому, что в музыке наша истинная жизнь. Играть среди друзей — это не работа, Ровиго.

Селвена вытерла глаза и с благодарностью посмотрела на него снизу вверх.

— Мы с радостью споем, — сказала Катриана. Она бросила быстрый взгляд на Селвену. — Если, конечно, она имела в виду не одного Дэвина.

Дэвин поморщился, хотя этот выпад не был направлен против него. Селвена снова вздрогнула, во второй раз за такой ко-

роткий промежуток сильно смутившись. Дэвин краем глаза заметил промелькнувшее на лице Алаис загадочное выражение.

Селвена начала было всерьез протестовать, что она имела в виду всех троих. Алессана, казалось, забавлял весь этот разговор. Глядя на него, Дэвин внезапно подумал: «Неужели этот раскованный, общительный человек — тот самый принц Тиганы, уверенно, с вызовом отдающий распоряжения мужчина, которого я видел в лесном домике?»

Это его способ убежать от действительности, решил Дэвин. И не успела эта мысль родиться в его мозгу, как он уже знал, что это правда. Он слышал, как этот человек играл «Плач по Адаону».

— Ну, — с улыбкой обратился Ровиго к Катриане, — если вы так добры, что поощряете этого бессовестного ребенка, которого я со стыдом признаю своим, то у меня в доме найдется тригийская свирель — одной Триаде известно, откуда она у меня. Кажется, припоминаю, это был каприз любящего отца, который вообразил, что у одного из этих созданий может открыться хоть какой-нибудь талант.

Аликс, сидевшая в нескольких шагах от него, стукнула мужа ложкой. Ничуть не смутившись, Ровиго, который снова пришел в хорошее настроение, послал самую младшую дочь принести свирель, а сам принялся заново наполнять бокалы.

Дэвин поймал на себе взгляд Алаис, сидящей у очага. И машинально улыбнулся ей. Она не ответила на его улыбку, но не отвела глаз, мягких и серьезных. Дэвин со смущением почувствовал, как его сердце на мгновение сбилось с ритма.

Вот так получилось, что после ужина они с Катрианой больше часа пели под аккомпанемент свирели Алессана. Однако где-то посередине Ровиго ненадолго вышел и вернулся с парой барабанов из Сенцио. Сперва застенчиво, очень тихо он присоединялся к ним во время рефрена, проявляя такое же мастерство, как и во всем, что делал, как отметил Дэвин. Катриана наградила его особенно ослепительной улыбкой. В большем одобрении Ровиго не нуждался, он исполнил вместе с ними еще одну песню и еще одну.

Ни один мужчина, подумал Дэвин, не нуждался бы в большем одобрении, чем взгляд этих голубых глаз, чтобы совершить все, что угодно. Не то чтобы Катриана когда-либо одаривала его взглядом, хотя бы отдаленно напоминающим этот. И вдруг он почувствовал себя несколько сконфуженным.

Кто-то наполнил его бокал в третий раз. Он выпил его быстрее, чем следовало бы, учитывая легендарную крепость голубо-

го вина, а потом его голос повел за собой остальных в следующей песне, последней, для двух младших девочек, как постановила Аликс, невзирая на протесты.

Дэвин не мог петь о Тигане и, уж конечно, не собирался петь о страсти или любви, поэтому начал очень древнюю песню о том, как Эанна сотворила звезды и каждую из них назвала в память о себе, чтобы ничто не было забыто или потеряно в глубинах пространства и времени.

Только так он мог выразить то, чем стала для него эта ночь и почему, в конце концов, он сделал такой выбор.

Начиная ее, он поймал брошенный на него взгляд Алессана, задумчивый и все понимающий, и быстрый, загадочный взгляд Катрианы, когда они подхватили песню. На этот раз барабаны Ровиго молчали, а купец слушал. Дэвин видел, что Алаис серьезно и сосредоточенно наблюдает за ним, ее черные волосы были подсвечены сзади огнем камина. Он спел один куплет, обращаясь прямо к ней, потом, как требовала песня, обратил свой взор внутрь, туда, где всегда жила его самая чистая музыка, и больше вообще ни на кого не смотрел, потому что пел для самой Эанны, гимн именам и присвоению имен.

Где-то посередине песни перед его мысленным взором возник яркий образ бело-голубой звезды по имени Микаэла, плывущей в черной ночи, и он позволил охватившему его пронзительному ощущению унести его высоко в небеса, слившись с голосом Катрианы, а затем мягко спуститься обратно и закончить песню.

В тишине созданного песней настроения Селвена и две младшие девочки отправились спать на удивление спокойно. Через несколько мгновений Аликс встала, и Алаис, к разочарованию Дэвина, тоже поднялась.

В дверях она оглянулась и посмотрела на Катриану.

— Наверное, вы очень устали, — сказала дочь Ровиго. — Если хотите, я могу проводить вас в вашу комнату. Надеюсь, вы не станете возражать против моего соседства. Обычно я сплю с Селвеной, но сегодня она ночует с девочками.

Дэвин ожидал от Катрианы возражений или чего похуже в ответ на эту совершенно откровенную попытку отделить мужчин от женщин. Однако она его снова удивила, поколебавшись всего мгновение и затем встав.

— Я действительно устала и ничуть не возражаю против соседства, — ответила она. — Это напомнит мне о доме.

Дэвин, улыбавшийся и находивший эту ситуацию смешной, внезапно почувствовал, что его улыбка несколько неуместна. Но Катриана уже заметила его ухмылку, и ему вдруг захотелось, чтобы этого не произошло. Конечно, она его не так поняла. Он с ощущением нереальности подумал о том, что сегодня утром они занимались любовью.

Некоторое время после ухода женщин трое мужчин сидели молча, каждый погруженный в свои мысли. Наконец Ровиго поднялся и наполнил бокалы остатками вина. Подбросил в огонь еще полено и проследил, чтобы оно занялось. Потом со вздохом снова уселся в кресло. Играя своим бокалом, он переводил взгляд с одного гостя на другого.

Молчание нарушил Алессан.

— Дэвин — наш друг, — тихо произнес он. — Мы можем поговорить, Ровиго. Хотя, боюсь, он сейчас очень на нас обоих рассердится.

Дэвин резко вскочил и отставил бокал. Ровиго с лукавой улыбкой на губах бегло взглянул на него, потом спокойно посмотрел на Алессана.

— А я-то удивлялся, — сказал он. — Хотя и заподозрил, что он теперь с нами, учитывая все обстоятельства.

Алессан тоже улыбнулся. Оба они повернулись к Дэвину.

Тот почувствовал, что краснеет. Его мозг лихорадочно перебирал события предшествующего дня. Он сердито посмотрел на Ровиго.

— Вы не случайно нашли меня в «Птице». Вас послал Алессан. Вы его за мной послали, да? — укоризненно спросил он, поворачиваясь к принцу.

Двое мужчин переглянулись, потом Алессан ответил:

— Послал. У меня зародилось подозрение, что приближается время прощальных обрядов с Сандре д'Астибаром и что нас могут пригласить на прослушивание. Я не мог позволить себе потерять твой след, Дэвин.

— Боюсь, что вчера прошел за тобой большую часть пути по Храмовой улице, — прибавил Ровиго. У него хватило великодушия принять смущенный вид.

Дэвин кивнул. Однако он все еще сердился и был сбит с толку.

— Значит, вы солгали насчет «Птицы». Все эти разговоры

насчет того, что приходите туда всякий раз, как возвращаетесь из плавания...

— Нет, это как раз правда, — ответил Ровиго. — Все, что я говорил, правда, Дэвин. Когда ты спустился к берегу, то оказался в заведении, которое мне очень хорошо знакомо.

— А Катриана? — сердито настаивал Дэвин. — Как насчет ее? Как она...

— Я заплатил мальчику и послал его в таверну с сообщением, когда увидел, что старый Горо позволил тебе остаться в «Птице». Дэвин, не сердись. Все это было сделано с определенной целью.

— Верно, — подтвердил Алессан. — Теперь уже ты должен кое-что понимать. То, что мы с Катрианой оказались в Астибаре с труппой Менико, имело одну причину: я хотел увидеть, что произойдет после смерти Сандре.

— Погодите минутку! — воскликнул Дэвин. — После смерти Сандре? Откуда вы узнали, что он умрет?

— Мне сообщил Ровиго, — просто ответил Алессан. Он немного помолчал, давая Дэвину время осознать эту мысль. — Он уже девять лет мой человек в Астибаре. Девять лет назад он произвел на меня такое же впечатление, как и на тебя вчера, и почти так же быстро.

Голова у Дэвина шла кругом, он посмотрел на купца, случайного друга, с которым познакомился за день до этого. Который оказался вовсе не таким уж случайным. Ровиго поставил на стол свой бокал.

— Я так же ненавижу тиранов, как и ты, — тихо сказал он. — Альберико и Брандина Игратского, правящего в Кьяре, Корте, Азоли и в той провинции, из которой родом Алессан и чье имя я не могу ни услышать, ни запомнить, как ни стараюсь.

Дэвин глотнул.

— А герцог Сандре? — спросил он. — Как вы узнали?

— Я за ними шпионил, — спокойно ответил Ровиго. — Это было несложно. Я следил за приездами и отъездами Томассо. Они полностью сосредоточились на Альберико, я был их соседом здесь, в дистраде, проскользнуть на их земли достаточно легко. Я узнал об обмане Томассо много лет назад, и хотя не могу сказать, что горжусь этим, но в прошлом году я провел под их окнами в поместье и возле охотничьего домика много ночей, пока они обсуждали детали смерти Сандре.

Дэвин бросил быстрый взгляд на Алессана. Открыл рот, чтобы что-то сказать, потом закрыл его, так ничего и не сказав.

Алессан кивнул:

— Кое-что и раньше было, о чем тебе лучше не знать ради собственной безопасности и безопасности твоей семьи. Думаю, ты уже понял, что дело не в доверии или в чем-то подобном.

— За девять лет я это понял, — пробормотал Ровиго. — А что мне следует знать о том, что произошло сегодня ночью?

— Альберико приехал как раз после того, как я присоединился к Томассо и другим господам в охотничьем домике. Баэрд и Катриана предупредили нас, и я успел спрятаться — вместе с Дэвином, который самостоятельно добрался до охотничьего домика.

— Самостоятельно? Как? — резко спросил Ровиго.

Дэвин поднял голову.

— У меня есть собственные источники, — с достоинством произнес он. Краем глаза заметил ухмылку Алессана и вдруг почувствовал себя смешным. И робко прибавил: — Я подслушал разговор семьи Сандрени наверху, в перерыве между ритуальными песнопениями.

Похоже было, что у Ровиго есть еще пара-тройка вопросов, но, взглянув на Алессана, он воздержался. Дэвин был ему за это благодарен.

— Когда мы после вернулись в домик, — продолжал Алессан, — то нашли только трупы. Томассо увезли. Баэрд остался там, ему еще надо многое сделать в этом домике. Позже он его подожжет.

— Мы встретили барбадиоров при выезде из города, — тихо произнес Ровиго, осознавая случившееся. — Я видел с ними Томассо бар Сандре. И испугался за вас, Алессан.

— И не без оснований, — сухо ответил Алессан. — Там оказался осведомитель. Мальчик, Херадо, сын Джиано, состоял на службе у Альберико.

Ровиго был шокирован.

— Член семьи? Да обречет его за это Мориан на вечную тьму! — хриплым голосом воскликнул он. — Как он мог так поступить?

Алессан характерным жестом слегка пожал плечами.

— Многое рухнуло с тех пор, как появились тираны, вы не находите?

Воцарилось молчание, пока Ровиго старался справиться с потрясением и яростью. Дэвин нервно кашлянул и прервал молчание.

— А ваша семья, — спросил он, — они...

— Они ничего не знают, — ответил купец, успокоившись. — Ни Аликс, ни девочки никогда не видели Алессана и Катриану до сегодняшней ночи. Я встретил Алессана и Баэрда в Тригии девять лет назад, и за долгую ночь мы обнаружили, что у нас есть общие мечты и общие враги. Они рассказали мне кое-что о своих целях, и я сказал им, что хочу помочь их осуществить, насколько это в моих силах, не подвергая излишнему риску мою жену и дочерей. Я старался это делать. И буду продолжать. Надеюсь прожить достаточно долго, чтобы услышать ту клятву, которую Алессан произносит, когда пьет голубое вино.

Последние слова он сказал тихо, но страстно. Дэвин посмотрел на принца, вспомнив еле слышные слова, которые тот пробормотал про себя перед тем, как выпить.

Алессан в упор смотрел на Ровиго.

— Есть еще одна вещь, которую тебе следует знать: Дэвин — один из нас в более глубоком смысле, чем лежит на поверхности. Я узнал об этом случайно вчера днем. Он тоже родился в моей провинции до ее падения. Вот почему он здесь.

Ровиго ничего не ответил.

— Что это за клятва? — спросил Дэвин. А потом более почтительно прибавил: — Это нечто такое, о чем мне следует знать?

— Ничего такого, что имело бы значение для расстановки сил. Я всего лишь произношу собственную молитву. — Голос Алессана звучал тихо и очень четко. — Я делаю это всегда. Я сказал: «Тигана, пусть память о тебе будет клинком в моем сердце».

Дэвин закрыл глаза. Эти слова и этот голос. Все молчали. Дэвин открыл глаза и посмотрел на Ровиго.

Его лоб от яростного напряжения прорезали морщины.

— Друг мой, Дэвин должен это понять, — мягко сказал ему Алессан. — Это часть того наследства, которое я принял. Что ты услышал из моих слов?

Ровиго в беспомощном отчаянии махнул рукой:

— То же самое, что и в первый раз. В ту ночь, девять лет назад, когда мы перешли к голубому вину. Я слышал, как ты попросил, чтобы память о чем-то была клинком в тебе. В твоей душе. Но я не слышал... Я снова потерял начало. То слово.

— Тигана, — снова произнес Алессан. Нежно, четко, словно зазвенел хрусталь.

Но Дэвин увидел, что выражение лица Ровиго стало еще более расстроенным. Купец взял свой бокал и выпил его до дна.

— Пожалуйста, еще раз.

— Тигана, — сказал Дэвин раньше, чем заговорил Алессан,

чтобы сделать это наследие, это горе, лежащее в основе всего, еще больше своим, потому что оно и было его собственным. Потому что это была его земля, и ее имя было частью его собственного имени, и оба были потеряны. Отняты.

— Пусть память о тебе будет клинком в моем сердце, — произнес он, и голос его в конце дрогнул, хотя он изо всех сил старался говорить так же твердо, как Алессан.

Изумленный, сбитый с толку, явно расстроенный, Ровиго покачал головой.

— И за этим стоят чары Брандина? — спросил он.

— Да, — ровным голосом ответил Алессан.

Через мгновение Ровиго вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Простите меня, — тихо сказал он. — Простите. Вы оба. Мне не следовало спрашивать. Я разбередил рану.

— Это я задал вопрос, — быстро ответил Дэвин.

— Эта рана никогда не заживает, — через секунду прибавил Алессан.

На лице Ровиго было написано глубокое сочувствие. С трудом верилось, что это тот же человек, который отпускал шуточки насчет неотесанных пастухов из Сенцио в качестве женихов для дочерей. Купец вдруг поднялся и снова занялся очагом, хотя огонь горел отлично. Пока он стоял к ним спиной, Дэвин посмотрел на Алессана. Тот ответил ему взглядом. Но они ничего не сказали. Алессан приподнял брови и слегка пожал плечами уже знакомой Дэвину манерой.

— Так что же нам теперь делать? — спросил Ровиго д'Астибар, возвращаясь и останавливаясь возле своего кресла. Щеки его раскраснелись, возможно, от огня. — Меня это так же тревожит, как и тогда, когда мы впервые встретились. Я не люблю магии. Особенно такого рода. Для меня важно получить возможность когда-нибудь услышать то, что я только что не смог услышать.

Дэвина снова охватило возбуждение: в тот вечер оно постоянно присутствовало в его чувствах. Его обида на то, что его обманули в «Птице», совершенно исчезла. Эти двое, и еще Баэрд и герцог, были людьми, с которыми нельзя было не считаться, они строили планы, способные изменить карту Ладони, всего мира. И он был здесь, с ними, он стал одним из них, стремился за мечтой о свободе. Он сделал большой глоток голубого вина.

Однако на лице Алессана появилось тревожное выражение. У него вдруг сделался такой вид, словно на него свалилось но-

вое трудное бремя. Он медленно откинулся на спинку кресла, запустил пальцы в спутанные волосы и долго молча смотрел на Ровиго.

Глядя то на одного, то на другого, Дэвин внезапно снова ощутил растерянность, его возбуждение погасло так же быстро, как и вспыхнуло.

— Ровиго, разве мы уже не достаточно втянули тебя в это дело? — наконец спросил Алессан. — Должен признать, что мне еще труднее теперь, когда я познакомился с твоей женой и дочерьми. В будущем году могут наступить перемены, и я даже не в состоянии сказать, насколько возрастет опасность. В охотничьем домике сегодня ночью погибли четыре человека, и мне кажется, ты не хуже меня знаешь, скольких еще казнят на колесах смерти в Астибаре за несколько следующих недель. Одно дело — держать уши открытыми здесь и во время путешествий, тайно следить за действиями Альберико и Сандре, и часто встречаться со мной и Баэрдом, соприкасаться ладонями и беседовать по-дружески. Но теперь ход событий меняется, и я очень боюсь подвергать тебя опасности.

Ровиго кивнул.

— Я так и думал, что ты мне скажешь нечто в этом роде. Я благодарен за заботу, Алессан, но я уже принял решение. Я не надеюсь, что можно обрести свободу, не заплатив за нее. Три дня назад ты сказал, что будущая весна может стать поворотным моментом для всех нас. Если я чем-нибудь могу помочь в грядущие дни, ты должен мне сказать. — Он поколебался. — Я потому и люблю свою жену, что Аликс сказала бы то же самое, если бы была с нами и если бы знала.

Лицо Алессана оставалось встревоженным.

— Но она не с нами, и она не знает, — возразил он. — На это были причины, а после сегодняшней ночи их станет еще больше. А твои девочки? Как я могу просить тебя подвергать их опасности?

— Как ты можешь решать за меня или за них? — ответил Ровиго тихо, но без колебаний. — Где тогда наш выбор, наша свобода? Очевидно, что я предпочел бы не делать ничего такого, что подвергнет их реальной опасности, и я не могу полностью приостановить свои дела. Но в этих рамках разве не могу я предложить какую-то существенную помощь?

Дэвин хранил мрачное молчание, он наконец понял причину сомнений Алессана. Он сам не придал этому никакого значения, а в Алессане все это время шла внутренняя борьба. Он по-

чувствовал себя пристыженным и протрезвевшим, и ему стало страшно, но не за себя.

«Есть люди, которых мы каждым свои поступком будем подвергать риску», — сказал тогда в лесу принц, имея в виду Меника. И теперь Дэвин с болью начинал осознавать реальность этих слов.

Он не хотел, чтобы эти люди пострадали. В любом смысле этого слова. Его возбуждение совсем прошло, и Дэвин впервые ощутил частицу той огромной печали, которая ждала его на дороге, им только что выбранной. Он столкнулся лицом к лицу с той преградой, которую эта дорога воздвигала между ними и почти всеми людьми, встретившимися на их пути. Даже друзьями. Даже людьми, которые могли бы разделить с ними частично или полностью их мечту. Он снова подумал о Катриане во дворце и понял ее теперь еще лучше, чем час назад.

Наблюдая, храня молчание под влиянием зарождающейся в нем мудрости, Дэвин сосредоточил внимание на лице Алессана, который на мгновение ослабил над собой контроль, и увидел, как тот принял трудное решение. Наблюдал, как принц медленно, глубоко вздохнул и взвалил на плечи еще одно бремя, которое было ценой его крови.

Алессан улыбнулся странной, грустной улыбкой.

— Собственно говоря, можешь, — ответил он Ровиго. — Есть кое-какая помощь, которую ты можешь нам сейчас оказать. — Он поколебался, потом неожиданно его улыбка стала шире и достигла глаз. — Ты никогда не думал о том, — спросил он преувеличенно небрежным тоном, — чтобы взять в свое дело новых компаньонов?

Несколько мгновений лицо Ровиго оставалось невозмутимым, потом он понял, и его лицо засияло.

— Понимаю, — ответил он. — Вам нужно получить доступ в определенные места.

Алессан кивнул.

— И это, и то, что теперь нас стало больше. Дэвин присоединился к нам, могут появиться и другие еще до весны. Наступают иные времена, не похожие на те годы, когда нас с Баэрдом было только двое. Я думал об этом с тех пор, как к нам пришла Катриана.

Он заговорил быстрее и резче. Этот тон Дэвин впервые услышал в охотничьем домике. Таким он увидел этого человека в первый раз именно там.

— Если мы будем вести дела вместе, у нас будет больше воз-

можностей обмениваться информацией, а этой зимой мне понадобятся сведения регулярно. У деловых партнеров есть причины писать друг другу о любых делах, связанных с торговлей. И, разумеется, все дела связаны с торговлей.

— Действительно, — произнес Ровиго, пристально глядя в лицо Алессана.

— Мы можем связываться друг с другом напрямую, если это возможно, или через Тачио в Феррате. — Он бросил взгляд на Дэвина. — Между прочим, я знаю Тачио, это тоже не было совпадением. Полагаю, ты уже догадался? — Дэвин даже не успел над этим задуматься, но Алессан, не дожидаясь ответа, повернулся снова к Ровиго. — Наверное, у вас есть курьеры, которым можно доверять?

Ровиго кивнул.

— Видите ли, только что возникла проблема, и заключается она в том, что хотя мы можем продолжать путешествовать в качестве музыкантов, после утреннего выступления нас будут узнавать, куда бы мы ни приехали. Если бы я подумал об этом вовремя, то играл бы похуже или попросил бы Дэвина петь не столь выразительно.

— Вы бы этого не сделали, — тихо произнес Дэвин. — Что бы вы ни делали, но испортить музыку вы бы не смогли.

Рот Алессана дрогнул в улыбке, признавая справедливость его слов. Ровиго улыбнулся.

— Может, и так, — пробормотал принц. — Это было нечто особенное, правда?

Воцарилось короткое молчание. Ровиго встал и подложил в очаг еще одно полено.

— Так удобнее, — сказал Алессан. — Есть определенные места, не доступные для бродячих музыкантов. Особенно для известных музыкантов. А в качестве купцов мы получили бы доступ в такие места.

— На некие острова, например? — тихо спросил Ровиго, стоящий у очага.

— Например, — согласился Алессан. — Если до этого дойдет. При дворе Брандина на Кьяре радушно принимают артистов. Это дает нам выбор, а мне нравится работать, когда есть выбор. Пару раз возникала необходимость, чтобы персонаж, в которого я перевоплощался, исчез или умер.

Его голос был тихим и равнодушным. Он глотнул вина. Потом повернулся к Ровиго. Тот поглаживал подбородок, умело изображая хитрого и жадного дельца.

— Ну, — сказал купец льстивым голосом скупца, — кажется, вы сделали мне очень интригующее предложение, господа. Мне придется задать вам пару предварительных вопросов. Я знаю Алессана уже довольно давно, но данный вопрос никогда не поднимался, как вы понимаете. — Его глаза преувеличенно хитро прищурились. — Что вы вообще знаете о торговле?

Алессан вдруг рассмеялся, потом быстро снова стал серьезным.

— У тебя есть свободные деньги? — спросил он.

— Мой корабль только что вернулся в порт, — ответил Ровиго. — Есть наличные за два дня торговли, и легко получить кредит под прибыль следующих недель. А что?

— Я бы предложил закупить разумное количество зерна, но не чрезмерное, в течение двух суток. Даже одних суток, если сможешь.

Ровиго задумался.

— Я мог бы это сделать, — сказал он. — И мои весьма ограниченные средства не позволяют мне заключать чрезмерно больших сделок. У меня есть посредник, управляющий фермами Ньеволе у границ Феррата.

— Только не Ньеволе, — быстро возразил Алессан.

Снова молчание. Ровиго медленно кивнул.

— Понимаю, — сказал он, снова удивляя Дэвина своей сообразительностью. — Думаете, следует ожидать конфискаций после Праздника?

— Возможно, — ответил Алессан. — Среди прочих, еще менее приятных вещей. Можно купить зерно в другом месте?

— Можно. — Ровиго переводил взгляд с Алессана на Дэвина и обратно. — Значит, четыре компаньона, — деловито сказал он. — Вас трое и Баэрд. Правильно?

— Почти правильно, — кивнул Алессан, — но пусть будет пять компаньонов. Есть еще один человек, которого надо взять к нам в долю, если не возражаешь.

— Почему я должен возражать? — пожал плечами Ровиго. — Моей-то доли это не касается. Я познакомлюсь с этим человеком?

— Надеюсь, рано или поздно, — сказал Алессан. — Мне кажется, вы понравитесь друг другу.

— Превосходно, — ответил Ровиго. — Обычные условия торгового содружества предусматривают две трети прибыли тому, кто вкладывает деньги, и одну треть тем, кто совершает поездки и тратит свое время. Основываясь на том, что вы мне только что

сказали, я полагаю, вы сможете поставлять информацию, очень полезную для нашего предприятия. Предлагаю полпроцента каждой стороне со всех совместных предприятий. Приемлемо?

Он смотрел на Дэвина. Со всем доступным ему самообладанием Дэвин ответил:

— Вполне приемлемо.

— Это более чем справедливо, — согласился Алессан. На его лице снова отразилось беспокойство; казалось, он собирается сказать что-то еще.

— Значит, по рукам, — быстро произнес Ровиго. — Не о чем больше разговаривать, Алессан. Завтра поедем в город и официально составим и скрепим наш договор. Куда вы планируете отправиться после Праздника?

— Думаю, в Феррат, — медленно ответил Алессан. — Мы можем обсудить, куда дальше, но там у меня есть кое-какие дела, и есть идея насчет торговли с Сенцио, которую нам надо будет обсудить.

— Феррат? — переспросил Ровиго, не обращая внимания на последнее замечание. По его лицу постепенно расплылась широкая улыбка. — Феррат! Это превосходно. Очень удачно! Вы уже сможете сэкономить нам деньги. Я дам вам повозку, и вы доставите Ингониде новую кровать!

* * *

Поднимаясь по лестнице, Алаис не могла припомнить, когда в последний раз испытывала такое счастье. Она не была склонна к унынию, как Селвена, но жизнь дома текла очень скучно, особенно когда уезжал отец.

А теперь столько всего происходило одновременно.

Ровиго вернулся домой после более длительной, чем обычно, поездки вдоль побережья. Аликс и Алаис всегда беспокоились, когда он отправлялся на юг, в Квилею, сколько бы раз он ни заверял их в своей осторожности. И сверх того, эта поездка пришлась на самый конец сезона осенних ветров. Но теперь он вернулся домой, и одновременно с его возвращением начался Праздник Виноградной Лозы. Он был вторым в ее жизни, и Алаис наслаждалась каждым мгновением дня и ночи, впитывала своими широко расставленными, настороженными глазами все, что видела. Пила Праздник, словно вино.

На переполненной площади перед дворцом Сандрени в то утро она стояла совершенно неподвижно, слушая чистый голос,

взмывающий ввысь из внутреннего двора в тишине, неестественной среди такого количества людей. Голос, оплакивающий смерть Адаона среди кедров Тригии так жалобно, так сладко, что Алаис боялась заплакать. Она тогда закрыла глаза, а потом была изумлена и горда, когда Ровиго небрежно сказал ей и матери, что накануне выпивал с одним из певцов, отпевавших герцога. И даже пригласил этого молодого человека в гости, сказал он, и предложил познакомиться с его четырьмя дурнушками-дочерьми. Поддразнивание совсем не рассердило Алаис. Она бы почувствовала, что что-то не так, если бы Ровиго отозвался о них как-то иначе. Ни она сама, ни ее сестры ни капли не сомневались в отцовской любви. Стоило им лишь заглянуть ему в глаза.

Поздно ночью по дороге домой, уже сильно встревоженная громовым топотом и лязгом барбадиорских солдат, которым они уступили дорогу у городских стен, Алаис очень испугалась, когда из темноты у ворот их окликнул чей-то голос.

Потом, когда отец ответил, и она постепенно поняла, кто это, Алаис испугалась, что у нее остановится сердце от волнения. И чувствовала, как предательский румянец заливает щеки.

Когда стало ясно, что музыканты собираются зайти к ним в дом, ей потребовалось героическое усилие, чтобы вернуть самообладание и выражение лица, подобающие взрослой воспитанной девушке.

Внутри дома стало легче, потому что, как только двое гостей-мужчин переступили порог, Селвена, вполне предсказуемо, бросилась флиртовать с ними, как ненормальная.

Это поведение было столь прозрачным для старшей сестры и привело ее в такое смущение, что Алаис стала с привычной отстраненностью наблюдать за происходящим. Селвена почти всегда в том году засыпала в слезах, потому что было похоже, что она не выйдет замуж до своего восемнадцатилетия, ожидающегося весной.

Дэвин, певец, был ниже ростом и выглядел моложе, чем она ожидала. Но у него было подтянутое и гибкое тело, быстрые, умные глаза под золотисто-каштановыми волосами, завитками опускавшимися до середины ушей, и всегда наготове улыбка. Она ожидала, что он окажется заносчивым или претенциозным, несмотря на то что рассказывал отец, но ничего подобного Алаис не заметила.

Второй мужчина, Алессан, был лет на пятнадцать старше, если не больше. Его черные спутанные волосы преждевременно поседели, вернее, посеребрились, на висках. У него было худое,

выразительное лицо, очень чистые серые глаза и широкий рот. Он сперва немного пугал ее, хотя легко шутил с отцом с самого начала и именно так, как больше всего нравилось Ровиго.

Возможно, дело именно в этом, подумала Алаис: немногие из знакомых ей людей могли соперничать с отцом в шутках или еще в чем-нибудь. А у черноволосого, казалось, получается без всяких усилий. «Интересно, — думала она, — как подобное удается тригийскому музыканту. С другой стороны, — размышляла она, — мне слишком мало известно о музыкантах вообще».

Еще большее любопытство вызывала женщина. Алаис находила Катриану очень красивой. При ее высоком росте и поразительно голубых глазах под сиянием волос, — словно в комнате зажгли второй камин, — она заставила Алаис чувствовать себя маленькой, бледной и слабой. Странным образом, в сочетании с возмутительным флиртом Селвены это не расстроило ее, а, наоборот, заставило расслабиться: в подобных соревнованиях она просто не собиралась участвовать. Пристально наблюдая, она увидела, что Катриана заметила, как Селвена нежно распростерлась у ног Дэвина, и перехватила ироническую усмешку рыжей певицы, адресованную товарищу.

Алаис решила уйти на кухню. Матери и Менке может понадобиться ее помощь. Аликс бросила на нее быстрый задумчивый взгляд, когда она вошла, но ничего не сказала.

Они быстро собрали ужин. Вернувшись в гостиную, Алаис помогала у буфета, потом слушала и наблюдала со своего любимого места у очага. Позже ей представился случай испытать к Селвене искреннюю благодарность. Никто из них и не подумал бы попросить гостей спеть.

На этот раз она могла видеть певцов, поэтому не закрывала глаз. Один раз, ближе к концу, Дэвин пел, глядя прямо на нее, и Алаис залилась ярким румянцем, но заставила себя не отвести взгляда.

Во время второй части этой последней песни об Эанне, дающей имена звездам, она поймала себя на том, что ее мысли бегут по непривычному для нее руслу. О подобных вещах все время рассуждала Селвена по ночам, в подробностях. Алаис надеялась, что ее румянец отнесут за счет жара от очага.

Одна вещь ее все же заинтересовала, поскольку она большую часть жизни наблюдала за людьми. Что-то было между Дэвином и Катрианой, но определенно не любовь, и даже не нежность, насколько она разбиралась в этих вещах. Время от времени они поглядывали друг на друга, обычно тогда, когда другой

не знал об этом, и в этих взглядах было больше всего вызова. Она снова напомнила себе о том, что мир этих людей более далек от нее, чем она может себе представить.

Младшие сестры попрощались и пошли спать. Селвена не протестовала, что было очень подозрительно, и попрощалась с мужчинами, прикоснувшись пальцами к ладони каждого. Алаис была шокирована. Она поймала взгляд отца и через мгновение тоже поднялась вместе с матерью.

Внезапный порыв, и ничего более, заставил ее пригласить Катриану подняться наверх вместе с ней. Как только слова слетели с ее губ, она поняла, как они должны были прозвучать для этой женщины, столь независимой и явно свободно чувствующей себя в компании мужчин. Алаис внутренне содрогнулась от собственной провинциальной неуклюжести и приготовилась встретить отпор. Но Катриана благожелательно улыбнулась и встала.

— Это напомнит мне о доме, — сказала она.

Алаис думала об этом, пока они вдвоем поднимались по лестнице мимо ламп на стенах и мимо гобеленов, которые дед привез с юга, из путешествия в Кардун много лет назад. Алаис пыталась понять, что могло заставить девушку, ее ровесницу, броситься в бурное море жизни, бродить по бесконечным дорогам и ночевать в сомнительных местах. Она думала о поздних вечерах и о мужчинах, которые наверняка полагали, что если женщина находится среди них, она должна быть доступной. Алаис пыталась, но никак не могла понять. Несмотря на это, а возможно, и благодаря этому, в ее душе проснулось какое-то великодушное чувство к этой женщине.

— Благодарю вас за пение, — застенчиво сказала она.

— Это лишь малая плата за вашу доброту, — беспечно ответила Катриана.

— Не такая уж малая, как вам могло показаться, — возразила Алаис. — Наша комната здесь. Я рада, что это напоминает вам о доме, надеюсь, это хорошие воспоминания. — Ей хотелось поговорить с этой женщиной, подружиться, узнать все, что можно, о жизни, такой далекой от ее собственной.

Они вошли в просторную спальню. Менка уже развела огонь и откинула покрывала на двух кроватях. Этой осенью на них лежала груда новых пледов, привезенных контрабандой Ровиго из Квилеи, где зимы намного суровее здешних.

Катриана тихо рассмеялась и высоко подняла брови, оглядывая комнату.

— Напоминает о доме то, что делишь комнату еще с кем-то Но твоя гораздо больше той, что у меня была в рыбацкой хижине. — Алаис вспыхнула, опасаясь, что оскорбила ее, но не успела заговорить, как Катриана повернулась к ней со все еще широко раскрытыми глазами и небрежно спросила: — Скажи, нам не надо привязать твою сестру к кровати? Кажется, у нее течка, и я беспокоюсь, уцелеют ли наши мужчины этой ночью.

За одну секунду Алаис сперва почувствовала себя избалованной и бесчувственной, а потом залилась краской смущения Потом увидела промелькнувшую на лице женщины улыбку и громко рассмеялась, освобождаясь от тревоги и чувства вины.

— Она просто ужасна, да? Она поклялась покончить с собой каким-нибудь особо жестоким способом, если не выйдет замуж до Праздника в следующем году.

Катриана покачала головой.

— Я знала нескольких девушек, похожих на нее, когда жила дома. И во время гастролей тоже встречала. И никогда не могла их понять.

— Я тоже, — слишком быстро согласилась Алаис. Катриана взглянула на нее. Алаис рискнула неуверенно улыбнуться. — Наверное, в этом мы похожи?

— Только в этом, — равнодушно ответила женщина и отвернулась. Она подошла к одному из домотканых ковриков на стене и потрогала его. — Это очень мило. Где твой отец его нашел?

— Я его сделала, — коротко ответила Алаис. Внезапно она почувствовала, что к ней относятся покровительственно, и разозлилась.

Наверное, это отразилось в ее голосе, так как Катриана быстро оглянулась через плечо. Женщины молча обменялись взглядами. Катриана вздохнула.

— Со мной трудно подружиться, — наконец произнесла она. — Сомневаюсь, что стою твоих усилий.

— Никаких усилий, — тихо ответила Алаис. — Кроме того, — рискнула она, — позже мне, возможно, понадобится ваша помощь, чтобы связать Селвену.

Удивленная Катриана рассмеялась.

— С ней все будет в порядке, — сказала она, садясь на одну из кроватей. — Никто из них и пальцем ее не тронет, ведь они гости в доме твоего отца. Даже если она проберется в их комнату, одетая лишь в одну красную перчатку.

Алаис во второй раз испытала шок, но это ощущение ей почему-то понравилось. Она хихикнула и села на свою кровать,

болтая ногами. Ноги Катрианы, с грустью заметила Алаис, легко доставали до ковра.

— Она действительно может это сделать, — прошептала она и усмехнулась, представив себе эту картину. — Мне кажется, у нее даже где-то припрятана красная перчатка!

Катриана покачала головой.

— Тогда остается связать ее, как телку, или довериться мужчинам. Но, как я уже сказала, они ничего не сделают.

— Вы их очень хорошо знаете, я полагаю, — наугад спросила Алаис. Она все еще не была уверена, что вызовет ее следующее замечание — отповедь или улыбку. С этой женщиной нелегко иметь дело, как она постепенно убеждалась.

— Алессана я знаю лучше, — ответила Катриана. — А Дэвин уже давно бродит по дорогам, и не сомневаюсь, что он знает правила. — Она быстро отвела глаза, произнося последние слова Щеки ее слегка покраснели

Все еще опасаясь получить отпор, Алаис осторожно спросила:

— Собственно говоря, я не имею об этом никакого представления. Существуют правила? А у вас бывают проблемы в дороге?

Катриана пожала плечами.

— Те проблемы, которые жаждет найти твоя сестра? Не со стороны музыкантов. Существует неписаный кодекс, иначе в труппах остались бы только женщины определенного типа, а это повредило бы качеству музыки. А музыка действительно много значит для большинства музыкантов в труппах. Во всяком случае, в тех, что существуют долго. Мужчины могут серьезно пострадать, если слишком пристают к девушке. И, разумеется, они никогда не найдут работу, если это случается слишком часто.

— Понимаю, — сказала Алаис, стараясь вообразить себе все это.

— Тем не менее от тебя действительно ждут, что ты заведешь себе пару, — прибавила Катриана, — как будто это самое меньшее, что ты можешь сделать. Перестать быть соблазном. Поэтому находишь человека, который тебе нравится, или некоторые девушки находят женщину. Довольно многие, кстати.

— О! — Алаис сжала руки на коленях.

Чересчур догадливая Катриана бросила на нее насмешливо-издевательский взгляд.

— Не волнуйся, — ласково сказала она, упорно глядя на ру-

ки Алаис, лежащие барьером на коленях. — Эта перчатка мне не по руке.

Алаис резко разняла руки и сильно покраснела.

— Я и не волновалась особенно, — ответила она, стараясь говорить небрежно. Потом, подстрекаемая насмешливым выражением на лице Катрианы, выпалила: — А какая перчатка вам по руке?

Насмешливое выражение быстро исчезло с лица гостьи. Последовало короткое молчание.

— В тебе все же есть некоторое мужество, — тоном судьи сказала Катриана. — Я не была в этом уверена.

— А это уже высокомерие, — ответила разгневанная Алаис, что редко с ней случалось. — Как вы можете быть уверены в чем-то относительно меня? И почему я должна позволить вам это увидеть?

Снова воцарилось молчание, и снова Катриана ее удивила.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Правда. Мне это плохо удается. Я тебя предупреждала. — Она отвела глаза. — Просто ты задела больное место, а я в таких случаях лягаюсь.

Гнев Алаис, который гас столь же быстро, сколь медленно разгорался, исчез раньше, чем Катриана успела договорить.

Однако ей не удалось ответить сразу же или попытаться сгладить размолвку, потому что в этот момент в комнату торжественно ввалилась Менка с тазом воды, подогретым на кухне. За ней шел самый младший из учеников Ровиго со вторым ведром и полотенцами, наброшенными на плечи. Глаза отчаянно смущенного мальчика были опущены, пока он осторожно нес таз и полотенца к стоящему у окна столу через комнату, где находились две женщины. Бурная суета, которая неизменно сопровождала Менку, куда бы та ни шла, совершенно изменила настроение — и плохое, и хорошее, как подумала Алаис. После ухода слуг женщины молча помылись. Украдкой бросив взгляд на длинноногую фигурку своей гостьи, Алаис еще острее почувствовала свою неполноценность из-за того, что была маленькой, мягкой и белокожей. Она забралась в постель, ей очень хотелось начать их разговор заново.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответила Катриана через секунду.

Алаис старалась прочесть в ее тоне приглашение к дальнейшей беседе, но не была в этом уверена. Если Катриана захочет поговорить, решила она, ей стоит только сказать что-нибудь.

Они задули свечи на своих столиках и молча лежали в полутьме. Алаис смотрела на догорающий в очаге красный огонь, обхватив пальцами ног горячий кирпич, который Менка положила в ногах ее кровати, и с грустью думала о том, что расстояние до кровати Селвены еще никогда не казалось ей таким большим.

Некоторое время спустя, все еще лежа без сна, хотя огонь в очаге рассыпался на мелкие угольки, она услышала снизу взрыв смеха троих мужчин. Теплый, раскатистый смех отца каким-то образом проник в душу и смягчил огорчение. Он дома. Она чувствовала себя в безопасности. Алаис улыбнулась сама себе в темноте. Вскоре после этого она услыхала, как мужчины поднялись наверх и разошлись по отдельным комнатам.

Еще некоторое время Алаис не спала, насторожив уши, чтобы не пропустить звук шагов сестры в коридоре, — хотя и не верила всерьез, что Селвена способна на такое. Она ничего не услышала и в конце концов уснула.

Ей снилось, что она лежит на вершине холма в странном месте. С ней был мужчина. Он опустился на нее сверху. Тихая, безлунная ночь блистала звездами. Она лежала с ним на этой обдуваемой ветром вершине среди рассыпанных вокруг, покрытых росой летних цветов, и душу ее переполняли сложные желания, о которых она никогда не говорила вслух.

* * *

В подземелье, куда они его, в конце концов, бросили, стоял жгучий холод. Камни, мокрые и ледяные, пахли мочой и испражнениями. Ему разрешили надеть снова только льняное нижнее белье и камзол. В камере водились крысы. Он не видел их в темноте, но слышал с самого начала, и его уже два раза укусили, когда он задремал.

До этого он был обнаженным. Новый начальник стражи, назначенный вместо того, который покончил с собой, позволил своим людям поиграть с пленником, перед тем как запереть его на ночь. Все они знали о репутации Томассо. О ней все знали. Он хорошо постарался для этого; это входило в план.

Поэтому гвардейцы раздели его в ярко освещенной караулке и стали грубо развлекаться, тыкали в него своими мечами или раскаленной в очаге кочергой. Водили ими вокруг его обмякшего члена, тыкали в ягодицы и в живот. Связанному и беспомощному Томассо хотелось лишь одного: закрыть глаза и провалиться в небытие.

По какой-то причине ему не позволяло сделать это воспоминание о Таэри. Он все еще не мог поверить, что его младший брат мертв. Или что Таэри в конце проявил такую храбрость и решительность. Ему хотелось плакать от этих мыслей, но он не собирался позволить барбадиорам видеть свои слезы. Он был Сандрени. Что значило теперь для него, нагого и стоящего на краю смерти, больше, чем когда-либо прежде.

Поэтому он не закрыл глаза, а тупо уставился на нового капитана. Он, как мог, старался не обращать внимания на то, что с ним делали, на шуточки и грубые рассуждения о том, что с ним произойдет завтра. У них было не очень богатое воображение. Он знал, что утром реальность будет хуже. Невыносимо хуже.

Они причинили ему боль своими мечами и несколько раз пустили кровь, но ничего особенного: Томассо знал, что у них есть приказ беречь его для профессионалов. Утром Альберико будет тоже присутствовать.

Это была только игра.

В конце концов капитан устал от неподвижного взгляда Томассо или решил, что по ногам пленника течет достаточно крови, образуя на полу лужицы. Он приказал солдатам прекратить. Веревки перерезали, ему отдали нижнее белье и дали грязный, кишащий паразитами обрывок одеяла, потом повели вниз по лестнице в казематы Астибара и бросили в темноту одной из камер.

Вход был таким низким, что, даже встав на колени, он оцарапал голову о камни, когда его вталкивали внутрь. Еще кровь, подумал он, почувствовал под рукой липкую жидкость. Но это не имело большого значения.

Вот только крыс он ненавидел. Он всегда боялся крыс. Томассо скатал бесполезное одеяло как можно туже и попытался воспользоваться им как дубинкой. Но в темноте это было трудно.

Томассо жалел, что ему не хватает стойкости. Он знал, что предстоит утром, и мысль об этом теперь, когда он остался один, превращала его внутренности в желе.

Он услышал какой-то звук и через мгновение понял, что всхлипывает. Попытался взять себя в руки. Но он был один, в ледяной тьме, в руках врагов, и вокруг бегали крысы. Ему не удалось сдержаться. Он чувствовал себя так, словно сердце у него разбито, словно оно лежит в его груди, рассыпавшись на острые, зазубренные осколки. Из этих осколков он попытался собрать проклятие для Херадо и его предательства.

Он услышал еще одну крысу и вслепую ударил свернутым из

одеяла оружием. Попал и услышал писк. Снова и снова молотил он по тому месту, откуда раздался звук. Он подумал, что убил ее. Одну из них. Он весь дрожал, но бурная деятельность, казалось, помогла ему побороть слабость. Он больше не плакал. Прислонился спиной к влажной слизи каменной стены, морщась от боли в открытых ранах. Закрыл глаза и стал думать о солнечном свете.

Наверное, в этот момент Томассо задремал, потому что внезапно проснулся с криком боли: одна из крыс яростно укусила его в бедро. Несколько секунд он размахивал своим одеялом, но теперь его начало трясти, он почувствовал себя больным. Его рот распух от удара Альберико. Глотать было больно. Томассо пощупал лоб и решил, что у него жар.

Вот почему, когда он увидел слабый огонек свечи, то был уверен, что у него начались галлюцинации. Однако при этом свете он смог оглядеться. Камера была крохотной. У его правой ноги валялась дохлая крыса, и еще было две живые — крупные, как кошки, — у двери. На стене рядом с собой он увидел нацарапанное изображение солнца, его ободок был испещрен зарубками, отмечающими дни. У солнца было самое печальное лицо, которое доводилось видеть Томассо. Он долго смотрел на него. Потом взглянул на огонек и тут окончательно понял, что это действительно галлюцинация или сон.

Свечу держал его отец, одетый в серебристо-голубые погребальные одежды, и смотрел на него сверху с таким выражением, которого Томассо никогда не видел на его лице.

Наверное, жар у него сильный, решил он, раз его мозг создает в этой пучине тот образ, к которому так отчаянно стремилось его разбитое сердце. То выражение доброты и даже, если захотеть произнести это слово, любви в глазах человека, который в детстве выпорол его кнутом, а затем списал, как бесполезное существо на два десятилетия, в течение которых он составлял заговор против тирана.

Заговор, который закончился сегодня ночью. Который по-настоящему, и самым ужасным образом, закончится для Томассо утром, среди боли, представить которую у него не хватало воображения. Тем не менее ему понравился этот сон, эта навеянная горячкой фантазия. В ней был свет. Он прогнал крыс. Казалось, он даже смягчил пронизывающий до костей холод мокрых камней под ним и за его спиной.

Он поднял к огоньку дрожащую руку. И каркнул что-то своим пересохшим горлом и разбитыми, распухшими губами. Он

хотел сказать «Мне очень жаль» этому приснившемуся отцу, но не получалось.

Но это же был сон, его сон, и призрачный Сандре, казалось, понял.

— Тебе не о чем жалеть, — услышал Томассо ответ отца. Он говорил так мягко. — Это была моя ошибка, и только моя. Все эти годы и до конца я ошибался. Я с самого начала знал недостатки Джиано. Я возлагал на тебя слишком большие надежды, когда ты был ребенком. Это слишком повлияло на меня. Потом...

Огонек свечи слегка дрогнул. В дальнем уголке души Томассо начал восстанавливать часть разбитого сердца, хотя это был всего лишь сон, всего лишь его собственные мечты. Последняя слабая фантазия о том, что он любим, пока его еще не убили.

— Ты позволишь мне сказать тебе, как я сожалею о том безумии, которое обрекло тебя на это? Услышишь ли меня, если я скажу, что гордился тобой по-своему?

Томассо позволил себе разрыдаться. От слез свет расплывался и слабел, поэтому он поднял дрожащие руки и попытался вытереть слезы. Он хотел заговорить, но его разбитые губы не смогли выговорить ни слова. Он только кивал снова и снова. Потом ему в голову пришла мысль, и он поднял левую руку — ближайшую к сердцу, руку клятв и верности — к этому приснившемуся ему призраку покойного отца.

Рука Сандре медленно опустилась, словно была очень, очень далеко, на расстоянии многих лет от него, потерянных и забытых в круговороте времени и гордости, и отец с сыном соприкоснулись кончиками пальцев.

Соприкосновение было более ощутимым, чем Томассо ожидал. Он на мгновение закрыл глаза, отдавшись силе своих чувств. Когда он их открыл, воображаемый отец протягивал ему что-то. Бутылочку с какой-то жидкостью. Томассо не понял.

— Это последнее, что я могу для тебя сделать, — сказал призрак странным, неожиданно печальным голосом. — Если бы я был сильнее, я мог бы сделать больше, но, по крайней мере, теперь они не причинят тебе боли утром. Они больше не причинят тебе боли, сын мой. Выпей это, Томассо, выпей, и все исчезнет. Все пройдет, я тебе обещаю. Потом жди меня, Томассо, жди, если сможешь, в Чертогах Мориан. Мне бы хотелось побродить с тобой там.

Томассо все еще не понимал, но голос отца звучал так мягко, так ободряюще. Он взял приснившуюся бутылочку. И снова она оказалась более осязаемой, чем он ожидал.

Его отец ободряюще кивнул. Дрожащими руками Томассо на ощупь открыл пробку. Потом сделал последний жест — последнюю насмешливую пародию на самого себя, — поднял ее широким, размашистым, изысканным движением, салютуя собственной фантазии, и выпил все до последних капель, которые оказались горькими.

Улыбка отца была такой печальной. Улыбки не должны быть печальными, хотел сказать Томассо. Когда-то он сказал это одному мальчику, ночью. В храме Мориан, в комнате, где не должен был находиться. Голова его стала тяжелой. Ему казалось, что он сейчас уснет, хотя он ведь и так уже спал и видел сон, навеянный лихорадкой. Он действительно не понимал. Особенно непонятно было, почему отец, который умер, просит подождать его в Чертогах Мориан.

Он снова поднял взгляд, хотел спросить об этом. Но зрение отказалось ему служить. Он знал, что это так, потому что образ отца, глядящий на него сверху, плакал. В глазах отца были слезы.

Это невозможно. Даже во сне.

— Прощай, — услышал он.

— Прощай, — попытался произнести он в ответ.

Он не был уверен, действительно ли ему удалось выговорить это слово или он только подумал об этом, но в тот момент тьма, более всеобъемлющая, чем он когда-либо видел, опустилась на него, подобно одеялу или плащу, и разница между произнесенным и непроизнесенным потеряла всякое значение.

Часть II

ДИАНОРА

Глава 7

Дианора помнила тот день, когда ее привезли на остров.

Воздух осеннего утра был почти таким же, как сегодня, в начале весны. Белые облака скользили по высокому синему небу, когда ветер гнал Корабль дани по белым гребням волн в гавань Кьяры. За гаванью над городом склоны вздымающихся гор пылали буйными осенними красками. Листья меняли цвет: красные, золотые, а некоторые еще оставались зелеными, как помнила Дианора.

Паруса того давнего Корабля дани тоже были красно-золотыми — праздничные цвета Играта. Теперь она это знает, а тогда не знала. Она стояла на носовой палубе корабля и впервые смотрела на великолепие гавани Кьяры, на длинный мол, где некогда стояли Великие герцоги и бросали в море кольцо, и откуда Летиция совершила первый Прыжок за Кольцом, чтобы отнять его у моря и выйти замуж за своего герцога. С тех пор эти прыжки стали символом удачи и гордости Кьяры, пока прекрасная Онестра не изменила конец истории сотни лет назад и Прыжки за Кольцом не прекратились. Все равно, каждый ребенок Ладони знал эту легенду острова. Юные девушки в каждой провинции играли, ныряя в воду за кольцом и с триумфом появляясь из воды, сияя мокрыми волосами, чтобы выйти замуж за герцога в блеске власти и славы.

Стоя на носу Корабля дани, Дианора смотрела вверх, где за гаванью и дворцом поднималась величественная заснеженная вершина Сангариоса. Игратянские матросы не нарушали ее молчаливого одиночества. Они позволили ей пройти вперед и наблюдать за приближением острова. После того как она благополучно оказалась на корабле и корабль вышел в открытое море, они были к ней добры. При дворе Брандина капитан мог заработать целое состояние, если привозил пленницу, которая становилась фавориткой тирана.

Сидя на южном балконе в том крыле дворца, где размещался сейшан, и глядя за затейливой решеткой, которая скрывала женщин от глаз зевак на площади внизу, Дианора смотрела на развевающиеся на крепнущем весеннем ветру знамена Кьяры и Играта и вспоминала, как ветер развевал ее волосы более двенадцати лет назад. Вспоминала, как переводила взгляд с ярких парусов на поросшие деревьями склоны холмов, убегающих ввысь, к Сангариосу, с сине-белого моря к облакам в голубом небе. С толчеи и хаоса в гавани к спокойному величию дворца над ней. Кружились птицы, громко кричали над тремя высокими мачтами Корабля дани. Восходящее солнце ослепительным светом заливало море с востока. Так много жизни в этом мире, такое богатое, прекрасное, сияющее утро, чтобы жить.

Двенадцать лет назад, даже больше. Ей был двадцать один год. Она лелеяла свою ненависть и свою тайну, подобно двум из трех змей Мориан, обвившихся вокруг ее сердца.

Ее выбрали для сейшана.

Обстоятельства ее захвата делали это весьма вероятным, и знаменитые серые глаза Брандина широко раскрылись, оценивая, когда ее привели к нему два дня спустя. На нее надели шелковистое светлое платье, вспоминала она, выбранное так, чтобы оттенить ее черные волосы и темно-карие глаза.

Она была уверена, что ее выберут. И не ощущала ни триумфа, ни страха, несмотря на то, что целых пять лет добивалась наступления этого момента, и на то, что в момент выбора Брандина стены, ширмы и коридоры сомкнулись вокруг нее до конца ее дней. У нее была ненависть и тайна, и больше ни для чего не оставалось места.

Так она думала в двадцать один год.

Несмотря на то что она видела и пережила к этому моменту, размышляла Дианора двенадцать лет спустя на своем балконе, она очень мало — опасно мало — знала о многих очень важных вещах.

Даже на защищенном от ветра балконе было прохладно. Наступали дни Поста, но цветы еще только начинали расцветать в долинах внутренних земель и на склонах холмов. Так далеко на севере настоящая весна наступит лишь некоторое время спустя. Дома все было иначе, вспоминала Дианора; иногда в южных горах еще лежал снег, а весенние дни Поста уже успели прийти и уйти.

Не оглядываясь, Дианора подняла руку. Через мгновение евнух принес ей дымящуюся кружку тригийского кава. К торго-

вым ограничениям и пошлинам, любил повторять Брандин наедине с ней, следует относиться избирательно, а не то жизнь станет слишком скучной. Кав был одной из таких избранных вещей. Только во дворце, разумеется. За его стенами пили более низкосортные напитки из Корте или нейтрального Сенцио. Однажды приехала группа торговцев кавом из Сенцио в составе купеческой делегации, чтобы попытаться убедить его в том, что качество выращенного ими кава и изготовляемого из него напитка улучшилось. «Нейтралы, в самом деле, — осуждающе сказал Брандин, пробуя кав. — Настолько нейтральный вкус, что его и вовсе нет».

Купцы удалились, напуганные и бледные, в отчаянии пытаясь разгадать скрытый смысл слов игратянского тирана. Сенциане потратили много времени, чтобы этого добиться, сухо заметила потом Дианора Брандину. Он рассмеялся. Ей всегда удавалось его рассмешить, даже в те дни, когда она была еще слишком молода и неопытна и у нее это выходило случайно.

Это напомнило ей о молодом евнухе, прислуживающем ей в это утро. Шелто ушел в город выбрать для нее платье для сегодняшнего вечернего приема, и прислуживал ей один из самых новых евнухов, присланный из Играта на службу в растущем сейшане колонии.

Он был уже хорошо обучен. Возможно, методы Венчеля и жестоки, но действенны, спору нет. Она решила не говорить мальчику о том, что кав недостаточно крепкий; весьма вероятно, что он очень расстроится, а это доставит ей неудобства. Она скажет об этом Шелто и предоставит разбираться ему. Венчелю вовсе не нужно об этом знать: полезнее, чтобы евнухи были ей благодарны, а не только боялись. Страх приходил автоматически, как следствие того, кем она была здесь, в сейшане. А вот над благодарностью или привязанностью ей приходилось потрудиться.

Двенадцать лет и эта весна, снова подумала она и нагнулась вперед, чтобы посмотреть сквозь решетку вниз, на суету на площади, где готовились к прибытию знаменитой певицы Изолы Игратской, ожидавшемуся сегодня. В двадцать один год Дианора была в самом расцвете той красоты, которая была ей дарована. Насколько она помнила, в пятнадцать и шестнадцать лет она красотой не отличалась, дома ее даже не прятали от игратянских солдат.

В девятнадцать лет она начала становиться совсем другой, хотя к тому времени уже покинула дом, а Играт не представлял

опасности для жителей Чертандо, где правили барбадиоры. Как правило, не представлял опасности, поправилась она, и напомнила себе — хотя об этом ей вовсе не нужно было напоминать, — что здесь, в сейшане, она — Дианора ди Чертандо. И еще в противоположном, западном крыле, в постели Брандина.

Теперь ей исполнилось тридцать три, и с течением лет, которые промелькнули так абсурдно быстро, она каким-то образом стала одной из сил, правящих этим дворцом. Что, конечно, означало править Ладонью. В сейшане лишь Солорес была на шесть лет старше ее — урожай одного из первых лет существования Кораблей дани.

Иногда, даже сейчас, это было для нее уже слишком, слишком трудно было в это поверить. Молодые евнухи дрожали, если она хотя бы мельком бросала на них взгляд; придворные, приехавшие из-за моря, из Играта, или здешние, из четырех западных провинций Ладони, искали ее совета и поддержки ею своих просьб к Брандину; музыканты сочиняли для нее песни; поэты декламировали и посвящали ей стихи, преувеличенно восхищались ее красотой и мудростью. Игратяне сравнивали ее с сестрами бога, кьярцы — со сказочной красавицей Онестрой перед тем, как она совершила свой последний Прыжок за Кольцом в море ради Великого герцога Казала, — хотя поэты всегда обрывали эту аналогию задолго до самого Прыжка и последовавших за ним трагических событий.

После одного из подобных опусов Доарде, перегруженного прилагательными, она сказала Брандину за поздним ужином наедине, что одно из отличий между мужчиной и женщиной заключается в следующем: власть придает мужчинам привлекательность, но когда властью обладает женщина, становится привлекательным восхвалять ее красоту.

Он обдумал это, откинувшись назад и поглаживая свою аккуратную бороду. Дианора понимала, что пошла на некоторый риск, но к тому времени она уже очень хорошо его знала.

— Два вопроса, — сказал Брандин, тиран Западной Ладони, беря ее за руку, лежащую на столе. — Ты полагаешь, обладаешь властью, моя Дианора?

Этого она ожидала.

— Только через тебя, и ненадолго, пока не стану старой и ты откажешься видеть меня. — Маленький выпад в сторону Солорес, но достаточно тактичный, по ее мнению. — Но пока ты призываешь меня к себе, будут считать, что я обладаю властью при твоем дворе, и поэты будут утверждать, что сейчас я еще краси-

вее, чем прежде. Красивее, чем звездная корона, венчающая полумесяц опоясанного мира, или как там говорилось в тех стихах.

— «Изогнутая корона», так он, кажется, написал. — Брандин улыбнулся. После этого она ожидала комплимента, потому что он был щедр на комплименты. Но его серые глаза остались серьезными и продолжали смотреть на нее.

— Мой второй вопрос: был бы я привлекателен для тебя, лишившись своей власти?

И это, вспоминала она, едва не застало ее врасплох. Это был слишком неожиданный вопрос, он попал в цель слишком близко от того места, где все еще обитали две ее змеи, как бы крепко они ни спали.

Дианора опустила ресницы и посмотрела на свои сплетенные пальцы. «Словно змеи», — подумала она. И быстро прогнала от себя эту мысль. Искоса бросив на Брандина лукавый взгляд, который ему нравился, как ей было известно, Дианора ответила, притворяясь удивленной:

— Разве ты здесь пользуешься своей властью? А я и не заметила.

Через секунду раздался его красивый, полный жизни смех. Она знала, что стражи за дверью слышат его. И будут сплетничать. Все в Кьяре сплетничали. Остров питался слухами и сплетнями. После сегодняшней ночи возникнет еще одна сказка. Ничего нового, всего лишь подтверждение этим громким смехом того, какое удовольствие Брандин Игратский получает от общества своей смуглой Дианоры.

Затем он отнес ее на кровать, все еще забавляясь, потом заставил ее улыбнуться, а потом и рассмеяться. Он получил свое удовольствие, медленно, тысячами способов, которым он научил ее за долгие годы, потому что в Играте очень искусны в подобных вещах, а он был — и тогда, и теперь, — прежде всего королем Играта.

А она? Сейчас, сидя на своем балконе, в лучах весеннего утреннего солнца, Дианора закрыла глаза, вспоминая. Как в ту ночь, и до той ночи, в течение многих лет до той ночи, и после, до сегодняшнего дня, ее мятежное тело, и сердце, и ум, все вместе, предавали ее душу, утоляя ее отчаянную, глубокую страсть к нему.

К Брандину Игратскому. Которого двенадцать лет назад она явилась сюда убить за то, что он сделал с Тиганой, ее родным домом, и две змеи обвивали ее разбитое сердце.

Тигана была домом Дианоры до тех пор, пока он не разрушил, сровнял с землей и сжег ее, убил целое поколение и отобрал сам звук ее имени. Звук ее собственного настоящего имени.

Ее звали Дианора ди Тигана брен Саэвар, и ее отец погиб во втором сражении у Дейзы, неловко держа меч в руках, привыкших к резцу скульптора. Дух ее матери был сломлен, словно водяной тростник, во время жестокостей последовавшей оккупации, а брат, чьи глаза и волосы были точно такими же, как у нее, которого она любила больше жизни, вынужден был бежать куда глаза глядят. Ему было всего шестнадцать.

Все эти годы она представления не имела, где он. Жив ли он, или мертв, или далеко от этого полуострова, где тираны правят покоренными провинциями, некогда столь гордыми. Где имя самой гордой из них стерто из людской памяти.

И виной всему Брандин. В чьих объятиях она лежала столько ночей за эти годы, испытывая такую жгучую жажду, такой взлет желания, каждый раз, как он призывал ее к себе. Чей голос давал ей знание, был милостью, водой, орошающей пустыню ее дней. Чей смех, когда он выпускал его на свободу, когда ей удавалось исторгнуть у него этот смех, был похож на целительное солнце, прорезающее облака. Чьи серые глаза имели тревожный, непроницаемый оттенок моря под первыми, холодными косыми лучами утреннего света весны или осени.

В самой древней из всех легенд Тиганы именно из серого моря на рассвете вышел бог Адаон, и пришел к Микаэле, и возлег с ней на длинном, темном, назначенном судьбой песчаном берегу. Дианора знала эту легенду не хуже собственного имени. Настоящего имени.

Еще она знала, по крайней мере, две вещи: что ее отец и брат убили бы ее собственными руками, если бы были живы и видели, чем она стала. И что она приняла бы этот конец, понимая, что заслужила его.

Ее отец погиб. Одна мысль о брате обжигала ее сердце, даже если смерть избавила его от последнего горя видеть, куда она пришла. Но каждое утро она молила Триаду, особенно Адаона, бога Волн, чтобы брат оказался за морем и так далеко, чтобы туда не могли долететь слухи о Дианоре с карими глазами, похожими на его собственные, живущей в сейшане тирана.

Если только, тихо произнес голос ее сердца, если только не придет все же утро, когда она сумеет найти способ сделать то, что, несмотря на все случившееся — несмотря на переплетение рук и ног в ночи и звук ее собственного голоса, громкий крик утоленной жажды, — позволит миру услышать иные звуки. И по-

вторят их мужчины, женщины и дети по всей Ладони, на юге, за горами в Квилее, на севере, на западе, и на востоке, и за всеми морями.

Звуки имени Тиганы, которые исчезли. Исчезли, забыты и потеряны не навечно, если будут милостивы бог и богини, если в них осталась хоть капля любви или жалости.

И, может быть, — это снилось Дианоре по ночам, когда она спала одна, после того, как Шелто массировал и умащал ее кожу и уходил со своей свечой спать у ее двери, — может быть, случится так, что если она действительно найдет способ сделать это, то ее брат вдали от дома каким-то чудом услышит имя Тиганы из уст незнакомца в незнакомом мире, при каком-нибудь далеком королевском дворе или на базаре, и каким-то образом поймет, охваченный изумлением и радостью, что именно ее подвиг вернул миру это имя.

К тому времени она уже будет мертва. В этом у нее не было сомнений. В этом единственном вопросе — в вопросе мести за Стивана — ненависть Брандина была жесткой и непоколебимой. Она была единственной неподвижной звездой на небесном своде всех земель, которыми он правил.

Она будет мертва, но это неважно, потому что имя Тиганы будет возвращено и ее брат будет жив и узнает, что это сделала она. А Брандин... Брандин поймет, что она нашла способ сделать это, но щадила его все те ночи, бесчисленные ночи, когда могла убить его, пока он спал рядом с ней после любовных объятий.

Таков был сон Дианоры. Она обычно просыпалась со щеками, мокрыми от слез. Никто никогда не видел этих слез, кроме Шелто, а Шелто она доверяла больше, чем любому из живых людей.

Она услышала его быстрые легкие шаги у двери, потом эти шаги так же быстро направились к ее балкону. Никто в сейшане не двигался так, как Шелто. Евнухи, как всем известно, склонны к апатии и к обжорству — очевидная замена удовольствию. Но только не Шелто. Стройный, как тогда, когда она впервые увидела его, он брался за те поручения, которых другие евнухи старались избежать: сбегать куда-нибудь по крутым улицам старого города, или еще дальше на север, в холмы, или подняться в предгорья самого Сангариоса в поисках лечебных трав или листьев, или просто луговых цветов для ее комнаты.

Казалось, у него нет возраста, но он уже не был молод, когда Венчель приставил его к Дианоре, и, по ее предположениям, ему уже должно было стукнуть шестьдесят. Если Венчель когда-нибудь умрет — что трудно вообразить, — Шелто, безусловно, самый вероятный его преемник на посту главы сейшана.

Они никогда об этом не говорили, но Дианора знала так же точно, как знала остальное: он отказался бы от этой должности, если бы ему предложили остаться с ней. Она также знала — и это ее очень трогало, — что так было бы даже в том случае, если бы Брандин совсем перестал посылать за ней и она стала бы просто еще одной стареющей, забытой безделушкой в дворцовом крыле сейшана.

И это было второе, чего она никак не ожидала найти, когда ненависть перенесла ее по осенним морям в Кьяру на Корабле дани: доброту, и заботу, и друга за высокими стенами и разукрашенными ширмами того места, где женщины проводят жизнь в ожидании среди мужчин, потерявших свое мужское естество.

Шаги Шелто, быстрые, даже после долгого подъема по большой лестнице, а потом по еще одной лестнице в сейшан, простучали по мозаичному полу балкона за ее спиной. Она услышала, как он добрым голосом тихо сказал что-то мальчику и отпустил его. Он сделал еще шаг вперед и кашлянул один раз, чтобы дать о себе знать.

— Оно очень безобразное? — спросила Дианора, не оборачиваясь.

— Сойдет, — ответил Шелто, подошел и остановился рядом с ней. Она подняла глаза и улыбнулась при виде его коротко-стриженой седой головы, тонких, четких губ и ужасного, перебитого крючковатого носа. Сто лет назад, ответил он, когда она спросила. Драка из-за женщины дома, в Играте. Он убил соперника, который оказался из знатных. И это неудачное обстоятельство стоило Шелто его мужского органа и свободы и привело его сюда. Казалось, Дианору больше огорчала эта история, чем его самого. С другой стороны, подумала она тогда, для нее она была новой, а для него всего лишь давним эпизодом жизни, к которому он привык.

Он показал ей темно-красное платье, которое сшили в старом городе. По его улыбке, отражению ее улыбки, Дианора поняла, что оно стоило того, чтобы клянчить у Венчеля деньги. Глава сейшана потом попросит за это об услуге, он всегда так делал, но на подобных сделках держалась жизнь в сейшане, и Дианора, глядя на платье, не испытывала сожаления.

— Что наденет Солорес? — спросила она.

— Хала мне не захотел сказать, — с сожалением пробормотал Шелто.

Дианора громко рассмеялась при виде серьезного выражения лица, которое ему удалось сохранить.

— Совершенно уверена, что не захотел, — сказала она. — Так что она наденет?

— Зеленое, — быстро ответил он. — С высокой талией и высоким воротом. Ниже талии две складки разных оттенков. Золотые сандалии. Повсюду много золота. Волосы будут подняты наверх, конечно. У нее новые серьги.

Дианора снова рассмеялась. Шелто позволил себе слегка улыбнуться довольной улыбкой.

— Я взял на себя смелость, — прибавил он, — купить кое-что еще, пока был в городе.

Он полез в складки туники и протянул ей маленькую коробочку. Она открыла ее и достала оттуда драгоценный камень. В ярком утреннем свете он сверкал ослепительно, словно третья красная луна, под стать белой Видомни и голубой Иларион.

— Я подумал, — сказал Шелто, — что он лучше будет смотреться с платьем, чем любое из украшений сейшана, которое сможет предложить вам Венчель.

Дианора в изумлении покачала головой.

— Он прекрасен, Шелто. Но можем ли мы себе его позволить? Не придется ли нам обходиться без шоколада всю весну и лето?

— Неплохая мысль, — ответил он, игнорируя ее первый вопрос. — Пока меня не было, вы сегодня утром съели уже две плитки.

— Шелто! — воскликнула она. — Перестань! Иди и шпионь за Солорес, выведай, на что она тратит кьяро. У меня есть свои удовольствия и свои привычки, и, как мне кажется, не столь уж вредные. Разве я кажусь тебе толстой?

Почти нехотя он покачал головой.

— Нет, но не имею представления почему, — укоризненно пробормотал он.

— Ну и продолжай думать об этом, пока не догадаешься, — вскинула она голову. — А пока... это мне напомнило... Тот мальчик, сегодня утром, хорошо справлялся, только кав сварил очень слабым. Ты расскажешь ему, какой я люблю?

— Я уже это сделал. И велел ему сделать послабее.

— Что? Шелто, я совершенно...

— Вы всегда пьете больше кава в конце зимы, когда погода начинает меняться, и каждую весну плохо спите по ночам. Вы же знаете, что это правда, госпожа. Либо меньше чашек, либо менее крепкий напиток. Мой долг — попытаться обеспечить вам покой и отдых.

На секунду Дианора потеряла дар речи.

— Покой! — наконец воскликнула она. — Я могла напугать этого бедного ребенка до смерти. Я бы потом чувствовала себя ужасно!

— Я научил его, что вам ответить, — успокоил ее Шелто. — Он бы свалил вину на меня.

— Ах, вот как! А если бы я вместо этого пожаловалась прямо Венчелю? — возразила Дианора. — Шелто, он бы приказал выпороть мальчика кнутом и морить голодом.

Шелто возмущенно фыркнул, ясно выражая этим, что он не считает ее способной на такой поступок.

Выражение его лица было таким всезнающим и лукавым, что Дианора помимо своей воли снова рассмеялась.

— Прекрасно, — сказала она, сдаваясь. — Тогда пусть будет меньше чашек, потому что мне нравится крепкий кав, Шелто. Иначе его и пить не стоит. Кроме того, я не из-за него не могу уснуть ночью. Это время года вселяет в меня беспокойство.

— Вас захватили в качестве дани весной, — пробормотал он. — Все в сейшане впадают в беспокойство в тот сезон, когда их захватили. — Он поколебался. — С этим я ничего поделать не могу, госпожа. Но я полагал, что от кава становится еще хуже. — В его карих глазах, почти таких же темных, как у нее, светились любовь и забота.

— Ты слишком волнуешься обо мне, — помолчав секунду, сказала она.

Он улыбнулся.

— А о ком мне еще волноваться? — Они снова помолчали; Дианора слышала шум далеко внизу, на площади. — Кстати, о волнении, — произнес Шелто, явно пытаясь сменить тему. — Возможно, мы слишком много внимания уделяем тому, что делает Солорес. Возможно, нам надо начать приглядываться к той молодой женщине с зелеными глазами.

— К Яссике? — удивилась Дианора. — Почему? Брандин еще даже не позвал ее, а она здесь уже месяц.

— Вот именно, — ответил Шелто. И замолчал в некотором замешательстве, что подстегнуло ее любопытство.

— Что ты хочешь сказать, Шелто?

— Гм, мне говорил Тезиос, который к ней приставлен, что никогда не видел и не слышал ни об одной женщине в сейшане, которая бы так владела своим телом или обладала такой способностью достигать наивысшей точки в любви.

Он отчаянно покраснел, и Дианора вдруг тоже смутилась. Это было в обычае сейшана: женщины сейшана использовали своих евнухов для получения физической разрядки, если их слишком долго не вызывали в другое крыло.

Дианора никогда не просила Шелто о подобной услуге. Ее тревожила сама мысль об этом: это казалось ей почему-то оскорбительным, а почему, она не могла объяснить. Он некогда был мужчиной, часто напоминала она себе, который убил человека из любви к женщине. Их отношения, как они ни были близки, никогда не переходили в это измерение. Странно, думала она, и даже забавно, что они оба смутились при одном упоминании об этой проблеме, а боги Триады знают, как часто ее обсуждают в тепличной атмосфере сейшана.

Она снова повернулась к ограждению и стала смотреть вниз сквозь решетку, чтобы дать ему время обрести равновесие. Размышляя о том, что он сказал, она все же ощутила насмешливое удивление. И уже думала над тем, как и когда рассказать об этом Брандину.

— Друг мой, — сказала Дианора, — возможно, ты хорошо меня знаешь, но точно так же, почти по тем же причинам, я очень хорошо знаю Брандина. — Она оглянулась на своего евнуха. — Он старше тебя, Шелто, — ему почти шестьдесят пять лет, — и по причинам, которых я до конца не понимаю, он сказал, что должен прожить здесь, на Ладони, еще лет шестьдесят. Все чары мира наверняка не помогут ему настолько продлить свою жизнь, если Яссика такая необыкновенная, как говорит Тезиос. Она его загонит в могилу, пусть и приятным способом, за пару лет.

Шелто снова покраснел и быстро оглянулся через плечо. Но они были совершенно одни. Дианора рассмеялась, отчасти искренне забавляясь, но больше для того, чтобы замаскировать печаль, которую всегда ощущала, когда ей приходилось лгать Шелто насчет этого. Это было единственное, что она продолжала скрывать от Шелто. Единственная тайна, которая имела значение.

Конечно, она знала, почему Брандину необходимо было остаться здесь, на Ладони, почему ему необходимо прибегать к чарам, чтобы продлить свою жизнь здесь, в этом месте, которое было для него местом ссылки на земле горя.

Он ждал, пока умрут все, кто родился в Тигане.

Только после этого он мог покинуть полуостров, где погиб его сын. Только после этого возмездие, задуманное им, полностью прольется на окровавленную землю. Потому что не останется ни одного живого человека в мире, который помнил бы Тигану до падения, помнил бы Авалле, город Башен, песни, сказки и легенды, всю ее долгую и светлую историю.

После этого она действительно исчезнет. Будет стерта с лица земли. Семьдесят или восемьдесят лет принесут такое всеобъемлющее забвение, какое принесли тысячелетия древним цивилизациям, которых уже никто не помнит. Древним культурам, от которых сейчас осталось только труднопроизносимое название места или расшифрованный, помпезный титул — Повелитель Всей Земли — на обломке глиняного горшка.

Через шестьдесят лет Брандин может ехать домой. Может делать все, что пожелает. Но тогда ее уже давно не будет в живых, так же, как и тех людей из Тиганы, которые были младше ее, и даже тех, кто родился перед самым годом вторжения. Последних детей, которые могли услышать и прочесть название земли, что принадлежала им. Брандин дал себе восемьдесят лет. Более чем достаточно, учитывая продолжительность жизни обитателей Ладони.

Восемьдесят лет забвения. До бессмысленных глиняных черепков. Книги уже исчезли и картины, гобелены, скульптуры, музыка: они были разорваны, разбиты или сожжены в тот страшный год после гибели Валентина, когда Брандин обрушил на них всю тяжесть горя осиротевшего отца и всю ненависть завоевателя.

Самый плохой год в жизни Дианоры. Она видела так много красоты и великолепия, превращенного в мусор, в пыль или в пепел. Ей тогда было пятнадцать, потом шестнадцать. Она все еще была слишком молода, чтобы в полной мере осознать всю реальность того, что они уничтожали. Она могла горько оплакивать смерть отца и уничтожение его произведений — плодов его рук. И еще гибель своих друзей и неожиданный террор в оккупированном, обнищавшем городе. В те годы она не могла по-настоящему осознать еще более крупную потерю, потерю будущего.

В тот год многие люди в городе сошли с ума.

Другие бежали, уводя детей, чтобы попытаться начать жизнь вдали от пожаров и от воспоминаний о пожарах, о молотках, разбивающих скульптуры принца в длинных крытых галереях

Дворца у Моря. Некоторые так глубоко ушли в себя — безумие иного рода, — что в них осталась лишь слабая искра, которая позволяла им есть, и спать, и как-то одолевать пустыню своих дней.

Одной из таких стала ее мать.

На балконе в Кьяре, столько лет спустя, Дианора подняла взгляд на Шелто и поняла по его озабоченному лицу и мигающим глазам, что молчание ее затянулось.

Она заставила себя улыбнуться. Пробыв здесь так долго, она научилась лицемерить. Даже с Шелто, которого не любила обманывать. И особенно с Брандином, которого она вынуждена была обманывать, чтобы не погибнуть.

— Из-за Яссики не стоит волноваться, — мягко сказала она, возобновляя беседу, словно ничего не случилось.

И правда, ничего не случилось — всего лишь вернулись старые воспоминания. Ничего весомого или важного для мира, ничего, что могло иметь значение. Всего лишь потери.

Очень правдоподобно рассмеявшись, Дианора прибавила:

— Она слишком глупа, чтобы развлечь его, и слишком молода, чтобы помочь ему расслабиться, как это делает Солорес. Но я рада твоей вести, думаю, что смогу ее использовать. Скажи, Тезиос устает ее удовлетворять? Поговорить с Венчелем, чтобы приставил к ней кого-нибудь помоложе? Или, может быть, не одного?

Она заставила его улыбнуться, хотя он снова покраснел. Так всегда получалось, если ей удавалось заставить его улыбнуться или рассмеяться, все облака уносились, словно порывом ветра, весеннего или осеннего ветра, оставляя позади ясную голубизну неба.

Жаль, подумала Дианора с болью в сердце, что она не умела этого делать восемнадцать лет назад. Тогда не было смеха. Нигде не было смеха, а голубое небо казалось насмешкой над руинами на земле.

Венчель с каждой их новой встречей внушал все большее изумление своей тучностью. Он одобрил платье Солорес, Несайи, Килмоны, а затем ее собственное. Только они четверо — достаточно опытные, чтобы справиться со сложностями официального приема, — допускались в зал аудиенций. Зависть в сейшане на прошлой неделе сделалась такой острой, что из нее

можно было изготавливать духи, лукаво повторял Шелто. Дианора ничего не заметила, она к ней привыкла.

Хитрые глаза Венчеля раскрылись пошире среди глубоких складок на смуглом лице, пока он рассматривал ее. На лбу у Дианоры сиял камень, укрепленный на цепочке из белого золота, которая удерживала забранные назад волосы. Раскинувшись на подушках кушетки, глава сейшана теребил пышные складки своих необъятных белых одежд. Падающий в оконный проем за его спиной солнечный свет отражался от его лысины и мешал разглядеть его лицо.

— Не припоминаю этот камень среди наших сокровищ, — пробормотал он своим высоким голосом, который многих вводил в заблуждение. Этот голос был настолько лишен самомнения, что можно было недооценить его владельца. Что оказывалось серьезной, иногда смертельной ошибкой, в чем многие убедились за долгие годы.

— Он не оттуда, — весело ответила Дианора. — Но после того, как мы сегодня вернемся с приема, могу я просить вас сохранить его для меня среди наших сокровищ?

Это было предложение Шелто. Венчель мог быть во многих делах продажным и корыстным, но не в том, что касалось его официальных обязанностей. Для этого он был слишком умен. Еще одна истина, за которую многие заплатили самую высокую цену.

Теперь он благожелательно кивнул.

— Издалека камень выглядит прекрасно.

Дианора послушно подошла поближе и грациозно нагнула голову, чтобы он мог получше рассмотреть. Аромат цветов тейн, которым от него всегда пахло после окончания зимы, окутал ее. Он был сладким, но не неприятным.

Когда-то она боялась Венчеля. Этот страх был замешан на физическом отвращении к его полноте и на слухах о том, что он любил делать с молодыми евнухами и некоторыми молодыми женщинами, попавшими в сейшан по чисто политическим причинам и лишенными всякой надежды когда-либо увидеть внешний мир или западное крыло двора и палаты Брандина. Однако они с главой сейшана уже давно достигли взаимопонимания. Солорес заключила с Венчелем такой же молчаливый пакт, и таким образом они втроем управляли, насколько это получалось, их замкнутым, сверхнапряженным, пропитанным благовониями миром праздных, отчаявшихся женщин и полумужчин.

Палец Венчеля удивительно деликатно прикоснулся к драгоценности на ее лбу. Он улыбнулся.

— Хороший камень, — снова повторил он, на этот раз тоном оценщика. Дыхание его было свежим. — Я должен поговорить об этом с Шелто. Видишь ли, я в таких вещах разбираюсь. Горностаевые камни привозят с севера. Из моих краев. Их добывают в Кардуне. Долгие годы я играл ими, как игрушками, игрушками монархов. В те дни я был более крупной фигурой, чем сейчас. Ибо, как тебе известно, я был королем Кардуна.

Дианора серьезно кивнула. Это тоже было одно из неписаных условий ее отношений с Венчелем. Сколько бы раз он ни повторял эту невероятную выдумку — а он повторял ее по нескольку раз в день в том или ином варианте, — она должна понимающе, задумчиво кивнуть, словно размышляя над смыслом величия его падения.

Только оставшись в своих комнатах наедине с Шелто, она могла по-девчоночьи хихикать над самой мыслью о том, что необъятный глава сейшана мог быть еще более крупным, чем сейчас, или над убийственно насмешливой пародией Шелто на его речи и жесты.

— У тебя это чудесно получается, — невинно говорила она, пока Шелто причесывал ей волосы или начищал ее шлепанцы с загнутыми концами, пока они не начинали сиять.

— Видишь ли, в таких вещах я разбираюсь, — отвечал он, если был уверен, что они одни, голосом гораздо более высоким, чем его нормальный голос. И жестикулировал медленно и величаво. — Ибо, как тебе известно, я был королем Кардуна.

Она смеялась, как девчонка, которая понимает, что поступает дурно, и из-за этого еще больше шалит.

Однажды она спросила об этом Брандина. Его поход в Кардун был не совсем успешным, узнала она. К тому времени Брандин откровенно рассказывал ей подобные вещи. В Кардуне существует настоящая магия, в этой жаркой, северной стране за морем, за прибрежными деревнями и пустынными землями. Магия, гораздо более сильная, чем на полуострове Ладонь, равная по силе чарам Играта.

Брандин захватил один город и добился частичного контроля над некоторыми землями, которые лежат на границе великой пустыни, простирающейся на север. Однако он понес потери, серьезные потери. Карду давно славятся своим искусством в битве, и это знали на Ладони: многие из них служили в качестве высокооплачиваемых наемников в войсках враждующих провинций, пока не пришли тираны и всякая вражда потеряла смысл.

Венчель был герольдом, захваченным в плен в конце кампании, рассказал ей Брандин. Он перестал быть мужчиной еще до этого: на севере гонцов часто кастрируют, Брандин так и не понял почему. Было совершенно очевидно, куда пристроить евнуха после возвращения в Играт. Он уже тогда был необъятным, подтвердил Брандин.

Дианора выпрямилась, когда Венчель убрал палец с красного сияния горностаевого камня.

— Ты проводишь нас вниз? — спросила она, соблюдая ритуал.

— Не думаю, — задумчиво ответил он, словно действительно размышлял над этим вопросом. — Возможно, Шелто и Хала справятся с этой обязанностью. Видишь ли, тут кое-какие дела требуют моего внимания.

— Понимаю. — Дианора бросила взгляд на Солорес, и обе они подняли ладони в почтительном приветствии. Фактически Венчель не выходил из крыла сейшана, по крайней мере, пять лет. Даже когда он совершал обход комнат на этом этаже, то перемещался на хитроумно сделанной платформе на колесах. Дианора не могла вспомнить, когда в последний раз видела его стоящим на ногах. Шелто и Хала, евнух Солорес, заменяли его практически на всех официальных мероприятиях вне сейшана. Венчель любил делегировать свои полномочия.

Они спустились по лестнице, которая вела из сейшана в мир за его пределами. Спустившись на один пролет, они встретили пристальные взгляды — полные уважения, но осторожные — двух стражей, стоящих за тяжелыми бронзовыми дверьми, преграждавшими вход на тот уровень, где находились женщины. Дианора ответила на их осторожные взгляды улыбкой. Один из них застенчиво улыбнулся в ответ. Стражники менялись часто, она не знала ни одного из этих двоих, но улыбка служит началом дружеских уз, а иметь лишнего друга никогда не повредит.

Шелто и Хала, одетые в неброские коричневые одежды, повели четверых женщин из крыла сейшана по главному коридору дворца к парадной лестнице в центре. Здесь евнухи приостановились и пропустили женщин вперед. Держась гордо, но не высокомерно — ведь они были пленницами и наложницами завоевателя, — Дианора и Солорес спустились впереди всех по широкой лестнице.

Разумеется, их заметили. Женщин сейшана всегда замечали, когда они выходили из своих палат. В мраморном вестибюле

собралось множество людей, ожидающих допуска в Зал аудиенций; они расступались перед ними. Некоторые из новичков улыбнулись такими улыбками, которые Дианоре не понравились.

Другие знали ее лучше, и выражение их лиц было совсем другим. У входа в самый большой из официальных приемных залов, под аркой, они с Солорес снова приостановились, бок о бок, на этот раз исключительно для того, чтобы произвести впечатление — кроваво-красное платье рядом с зеленым, — а потом вместе вошли в переполненный зал.

И всякий раз при этом Дианора про себя благодарила богов за тот порыв, который побудил Брандина изменить правила для сейшана здесь, в колонии, где он теперь правил.

В Играте, она знала, этого никогда бы не допустили. Только король и один из евнухов мог видеть женщину, для остальных мужчин увидеть ее, не то что побеседовать, означало смерть. И однажды Венчель сказал ей, что для главы сейшана тоже.

Здесь, в Кьяре, все обстояло иначе почти с самого начала. С течением времени Дианора узнала достаточно и поняла, что частично благодарить за это следует Доротею, королеву Играта, и ее решение остаться с Джиралдом, своим старшим сыном, а не сопровождать мужа в его добровольную ссылку. Выбор Доротеи или решение Брандина, в зависимости от того, кого слушать.

Инстинктивно Дианора всегда предпочитала последний вариант этой истории, но была достаточно умна и понимала почему, и это была одна из тем, которые она никогда не обсуждала с Брандином. Не то чтобы на эту тему было наложено табу. Просто она не была уверена, сможет ли и как сможет справиться с ответом, если этот вопрос когда-либо будет задан.

Во всяком случае, поскольку Доротея осталась в Играте, очень немногие высокородные придворные дамы готовы были вызвать неудовольствие королевы и рискнуть отправиться по морю в колонию на Ладони. А это означало большую нехватку женщин при новом дворе Брандина в Кьяре, что, в свою очередь, привело к возрастанию роли сейшана. Тем более что Брандин, особенно в первые годы, нарочно приказал Кораблям дани выбирать дочерей знатных семей Корте и Азоли. На Кьяре он сам делал выбор. Из Нижнего Корте, когда-то носившего другое имя, он вообще не брал женщин, это было его твердой политикой. Здесь ненависть была слишком глубока и обоюдна, и не годилось отравлять ею сейшан.

Он послал всего за несколькими женщинами из своего сейшана в Играте, оставив его в основном нетронутым. Политика его было понятной: контроль над сейшаном служил символом, подтверждавшим статус и власть Джиралда, который теперь стал регентом Играта и правил от имени отца.

При таких переменах здесь, в колонии, новый сейшан очень отличался от старого; об этом ей говорили и Венчель, и Шелто. В нем царило другое настроение, совершенно другое.

В нем, среди прочих женщин из Корте, Кьяры и Азоли и горстки женщин из Играта, находилась одна женщина по имени Дианора из Чертандо. Из Чертандо, где правили барбадиоры.

Во всяком случае, так думали все во дворце.

Тогда чуть было не началась война, вспомнила Дианора.

После того как ее брат ушел из дома, шестнадцатилетняя Дианора ди Тигана, дочь скульптора, погибшего на войне, и матери, которая с того дня не вымолвила ни слова, решила, что посвятит свою жизнь уничтожению тирана на Кьяре.

Ожесточив свое сердце, как это вынуждены делать мужчины перед битвой и как, наверное, пытался это сделать отец у Дейзы, она начала готовить себя к тому, чтобы покинуть мать в пустынном, гулком доме, некогда полном радости. Где принц Тиганы гулял по двору, обняв одной рукой за плечи ее отца, обсуждал и хвалил стоящие там еще не законченные скульптуры.

Дианора помнила.

У входа в Зал аудиенций она с одобрением поглядела на свое отражение в зеркалах, висящих в золоченых рамах на противоположной стене, потом инстинктивно отыскала взглядом канцлера д'Эймона Игратского. Второго по могуществу человека при дворе.

Как и следовало ожидать, он уже смотрел на них с Солорес, и его взгляд оставался таким же холодным, как всегда. Именно этот взгляд так тревожил Дианору, когда она впервые появилась здесь. Она думала тогда, что он ее невзлюбил, или того хуже, что он почему-то ее заподозрил. Только спустя много времени она поняла, что он недолюбливал и подозревал практически каждого, кто появлялся при дворце. Каждый удостаивался одинаково ледяного, оценивающего, пристального взгляда. И в Играте, догадалась она, происходило то же самое. Верность д'Эймона Брандину была фантастической и непоколебимой, как и его готовность защищать своего короля.

С течением лет Дианора стала испытывать уважение, сначала против своей воли, к суровому канцлеру. Когда он, по-видимому, начал ей доверять, она сочла это своим личным триумфом. И доверял уже много лет, иначе ей бы никогда не позволили остаться на ночь в постели со спящим Брандином.

Триумф предательства, подумала она с иронией, острие которой было направлено внутрь, против нее самой.

Д'Эймон описал подбородком экономный полукруг, потом повторил тот же жест для Солорес. Этого они ожидали: им приказывали смешаться с толпой гостей и вступить в беседу. Ни одна из них сегодня не займет место рядом с Островным Троном. Иногда они там сидели, как и прекрасная, никем не оплаканная Хлоиза до своей неожиданной, безвременной смерти, но когда прибывали гости из Играта, Брандин строго придерживался протокола. В таких случаях сиденье рядом с ним демонстративно оставалось пустым. Для Доротеи, его королевы.

Разумеется, Брандин еще не появился в зале, но Дианора увидела, как Рун, лысеющий, пошатывающийся шут, ковылял к одному из слуг, подающих вино. Рун, неуклюжий, прискорбно слабоумный, был наряжен в роскошные белые с золотом одежды, поэтому Дианора знала, что так же будет одет и Брандин. Это было неотъемлемой частью сложных взаимоотношений между королями-чародеями Играта и их избранными шутами.

Столетиями в Играте шут служил тенью и отражением короля. Он одевался, как монарх, ел рядом с ним на официальных приемах, присутствовал при вручении наград или принятии решений. И каждый из избранных королем шутов имел заметные увечья или врожденные уродства. Походка Руна была вялой, черты его лица деформированы и искажены, руки болтались под странным углом, а речь почти невозможно было понять. Он узнавал придворных, но не всегда так, как от него ожидали, в чем иногда таился особый намек. Намек от короля.

Эту сторону Дианора не вполне понимала и сомневалась, что поймет когда-нибудь. Она знала, что затуманенный, ограниченный мозг Руна по большей части контролировал он сам, но также знала, что это не совсем так. В этом были замешаны чары, тонкая магия Играта.

Вот что она понимала: кроме того, что шуты Играта очень наглядно напоминали королю о том, что он смертен, и о его собственных недостатках, они одевались точно так же, как и их повелитель, а иногда служили его голосом, внешним проводником мыслей и чувств короля.

А это означало, что не всегда можно было быть уверенным в том, являются ли слова и поступки Руна, какими бы они ни были неуклюжими и нечленораздельными, его собственными или важным проявлением настроения Брандина. Для неосторожных эта почва могла оказаться предательской.

В данный момент Рун улыбался и казался довольным, подпрыгивал и угловато кланялся каждому встречному, и его золотая шапка каждый раз соскальзывала с головы. Но он смеялся, нагибался, и поднимал ее, и снова напяливал на свои редеющие волосы. Часто какой-нибудь слишком усердный придворный, стремящийся снискать расположение любыми способами, поспешно наклонялся, поднимал упавшую шапку и подавал ее шуту. Над этим Рун тоже смеялся.

Дианоре приходилось признать, что ей от него становится не по себе, хотя она и старалась спрятать это чувство под искренней жалостью, которую испытывала к нему из-за его физических недостатков и все более явственно заметной старости. Но основным для нее было то, что Рун тесно связан с магией Брандина, что он ее продолжение, ее орудие, а магия Брандина стала источником всех ее потерь и страхов. И ее вины.

Поэтому с течением лет Дианора ловко научилась избегать ситуаций, когда могла оказаться наедине с шутом; взгляд его простодушных глаз, так похожих на глаза Брандина, по-настоящему пугал ее. Если смотреть в них слишком долго, то казалось, что в них нет глубины, только поверхность, отражающая ее совсем не так, как зеркала в золоченых рамах, и в такие минуты ей совсем не нравилось то, что ее заставили там увидеть.

От дверей Солорес с непринужденной грацией, дающейся долгим опытом, скользнула вправо, а Дианора влево, улыбаясь тем, кого она знала. Нисайя и Киломена, каштановая и рыжая головки, вместе прошли вперед, вызывая вокруг себя заметное волнение толпы.

Дианора увидела поэта Доарде, стоящего рядом с женой и дочерью. Девушка лет семнадцати явно волновалась. Ее первый официальный прием, догадалась Дианора. Доарде елейно улыбнулся ей через всю комнату и низко поклонился. Даже на таком расстоянии, однако, она увидела в его глазах смущение: прием такого масштаба в честь музыкантши из Играта, наверное, сильно уязвил гордость главного поэта колонии. Всю зиму он раздувался от гордости за свои стихи, которые Брандин отправил на восток, чтобы позлить барбадиоров, когда осенью пришло известие о смерти Сандре д'Астибара. Долгие месяцы Доарде был

совершенно невыносим. Но сегодня Дианора немного посочувствовала ему, хотя, на ее взгляд, он был просто большим обманщиком.

Однажды она сказала об этом Брандину, но узнала, что он находит надутого поэта забавным. Подлинное искусство, пробормотал он, он ищет в другом месте.

Ты его уничтожил, хотелось ей сказать.

Очень хотелось. Она ощущала почти физическую боль, вспоминая отбитую голову и расколотый торс последней отцовской статуи Адаона на ступеньках Дворца у Моря. Та, для которой позировал ее брат, достигший наконец такого возраста, чтобы служить моделью юного бога. Она помнила, как сухими глазами смотрела на обломки статуи, ей хотелось заплакать, но она не знала, куда исчезли все ее слезы.

Дианора оглянулась на смех дочери Доарде, едва сдерживающей возбуждение молодости. Семнадцать лет.

Сразу же после своих семнадцатых именин она украла половину серебра из потайного сейфа отца, про себя попросив прощения у его духа, благословения у матери и сострадания у Эанны, которая все видит из-за своих сияющих огней.

Она ушла, не попрощавшись, хотя и посмотрела в последний раз со свечой в руке на худую, измученную мать, беспокойно спящую в широкой постели. Дианора уже ожесточила свое сердце для битвы: она не заплакала.

Через четыре дня она пересекла границу Чертандо, переправившись через реку в пустынном месте к северу от Авалле. Ей пришлось быть осторожной — солдаты Играта все еще обшаривали сельскую местность, а в самом Авалле они разбивали башни, превращая их в пыль. Некоторые башни еще стояли, она видела их с того места, где переходила реку, но многие уже превратились в щебень, и сам город еле виднелся сквозь пелену дыма.

К тому времени он уже не назывался Авалле. Заклятие уже было наложено. Чары Брандина. Город, превратившийся в густой столб дыма и летней пыли, назывался теперь Стиванбургом. Дианора вспомнила, что не могла понять тогда, как человек может назвать эти уродливые развалины некогда столь прекрасного города именем любимого сына. Позднее ей стало ясно: это название не имело никакого отношения к памяти Брандина о Стиване. Оно предназначалось исключительно для его жителей и остальных обитателей бывшей Тиганы, должно было служить постоянным, неумолимым напоминанием о том, чья смерть

стала причиной их гибели. Теперь граждане Тиганы жили в провинции под названием Нижний Корте, а Корте был их злейшим врагом на протяжении столетий. Город Тигана стал теперь городом Нижний Корте.

А Авалле, город Башен, стал Стиванбургом. Месть короля Играта была страшнее, чем оккупация, сожжение, разрушение и смерть. Она уничтожала имена и память, материал личности; она была утонченной и безжалостной.

В то лето, когда Дианора отправилась на восток, беглецов хватало, но ни у одного из них не было ее твердых намерений, и поэтому большинство бежало гораздо дальше: к дальним пределам плодородных полей Чертандо, в Феррат, Тригию и даже в Астибар. Готовые и стремящиеся жить под все растущей тиранией барбадиорского правителя, чтобы только как можно дальше убежать от собственных воспоминаний о том, во что превратил их дом Брандин Игратский.

Но Дианора цеплялась за эти воспоминания, она лелеяла их в своей груди, питала их ненавистью, подогревала в себе ненависть при помощи памяти. Две змеи обвились вокруг ее сердца.

Она не намного углубилась в Чертандо от границы. Пшеница в полях в конце лета стояла желтая и высокая, но все мужчины ушли на север и на восток. Альберико Барбадиорский, тщательно закрепив свои завоевания в Феррате и Астибаре, теперь двигался на юг.

К концу осени он завладел Чертандо и к весне следующего года после длившейся всю зиму осады захватил Борифорт в Тригии — последний крупный очаг сопротивления.

Задолго до этого Дианора нашла то, что искала, в западных горах Чертандо. Деревушка — два десятка домов и таверна — к югу от Синаве и Форезе, двух крупных фортов, стоящих друг против друга по обеим сторонам границы, отделяющей Чертандо от страны, которую она научилась называть Нижним Корте.

Земля в такой близости от южных гор была не так хороша, как дальше к северу. Сезон урожая короче. Холодные ветра налетали с гор Брачио и Сфарони в начале осени и очень скоро приносили с собой снегопад и долгую белую зиму. В ветреные ночи выли волки, а иногда по утрам на глубоком снегу находили странные следы — следы, которые спускались с гор и уходили в горы.

Деревня располагалась возле одной из дорог, уходящих на северо-восток от основного тракта, который вел от перевала Сфарони. Когда-то по нему двигались купцы, возившие товары

в Квилею и обратно на юг. Вот почему в такой маленькой нынче деревушке оказалась такая большая старая таверна, где наверху имелось четыре комнаты для путешественников, которые уже много лет не приезжали.

Дианора спрятала серебро отца южнее деревни на склоне, густо поросшем лесом, подальше от козьих троп, и нанялась служанкой в таверну. Платить ей было нечем, разумеется. Она работала за комнату и скудный стол того лета и осени и еще трудилась в поле с другими женщинами и юношами, чтобы собрать весь урожай, какой только оказался им по силам.

Она сказала им, что родилась на севере, возле Феррата. Что ее мать умерла, а отец и брат ушли на войну. Сказала, что дядя начал к ней приставать, поэтому ей пришлось убежать. Дианора умела имитировать разный акцент и изображала северный говор достаточно хорошо, чтобы ей поверили. Или, по крайней мере, не задавали вопросов. На Ладони в те дни появилось множество переселенцев, и вопросы редко задавали слишком настойчиво. Она ела мало, а работала в поле не меньше других. В таверне делать было почти нечего, все мужчины ушли воевать. Она спала в одной из комнат наверху, эта комната даже принадлежала ей одной. По-своему к ней были добры, учитывая обстоятельства тех дней.

При подходящем освещении и с нужного места — обычно утром и с определенного поля на склоне — Дианоре удавалось увидеть через границу у реки оставшиеся башни и дым над городом, который когда-то назывался Авалле. Однажды утром, в конце года, она ничего не увидела. И поняла, что уже некоторое время ничего не видит. Последняя башня исчезла.

Примерно в это время мужчины начали возвращаться домой, побежденные и измученные. Снова появилась работа на кухне, и у столов, и за стойкой бара. От нее также ожидали — и она уже готовила себя к этому, как только могла, всю осень, — что она будет водить мужчин к себе в комнату наверху, если они предложат сходную цену.

Каждая деревня нуждалась в одной такой женщине, и Дианора была очевидной кандидаткой на эту роль. Она пыталась убедить себя, что ей все равно, но это пока было самое трудное. Тем не менее у нее была своя миссия, своя причина находиться здесь, своя месть, которую предстояло осуществить, и это, даже это, говорила она себе, поднимаясь наверх с кем-нибудь, часть ее мести. Она подготовила себя, но не в достаточной степени, и ей не всегда удавалось себя убедить.

Возможно, это было заметно. Несколько мужчин сделали ей предложение. Однажды Дианора поймала себя на том, что думает об одном из них, вытирая столы после обеда. Он был спокойным и добрым, застенчивым, когда вел ее наверх, и его глаза пристально следили за ее движениями в таверне каждый раз, когда он заходил туда.

В тот день она поняла, что ей пора уходить. Она немного удивилась, когда осознала, что прошло уже почти три года. Стояла весна.

Однажды ночью Дианора ускользнула, снова не попрощавшись, вспоминая по дороге свой приход сюда. Луговые цветы росли вдоль дороги в горы. Воздух был чист и мягок. При смешанном свете двух лун она отыскала закопанное серебро и ушла, не оборачиваясь, по дороге на север по направлению к форту Синаве. Ей исполнилось девятнадцать лет.

Девятнадцать лет. В течение последних двух она превратилась в красавицу. Ее угловатая костлявость исчезла, она округлилась, а лицо потеряло последние следы девичества. Оно стало овальным, широкоскулым, почти аскетичным. Но когда она смеялась, оно преображалось — становилось теплым и оживленным, неожиданные искры плясали в глазах, обещая нечто большее, чем просто развлечение. Мужчины, которые заставали ее смеющейся или которые вызвали у нее улыбку, видели ее во сне или в воспоминаниях на грани сна и мечты еще долгие годы после того, как Дианора исчезла.

В Синаве барбадиоры своей мощью, высоким ростом и небрежной жестокостью вызывали у нее тревогу. Она заставила себя сохранять спокойствие и задержаться здесь. Двух недель должно хватить, рассудила она. Ей необходимо было произвести впечатление и оставить воспоминания.

Тщательно выстроенные воспоминания о честолюбивой, хорошенькой девушке из какой-то деревни у гор. О девушке, которая обычно молчала во время болтовни в таверне, но когда начинала говорить, то рассказывала яркие и запоминающиеся истории о своей родной деревне на юге. Рассказывала лаконично, с округлыми гласными, которые повсюду на Ладони безошибочно позволяли узнать в ней уроженку Чертандо.

Эти истории обычно бывали грустными, как и многие истории в те годы, но время от времени Дианора очень смешно изображала какого-нибудь деревенщину с гор, высказывающего свое просвещенное мнение о великих событиях, и люди, сидящие с ней за столом, покатывались от смеха.

Им представлялось, что у нее есть кое-какие средства, вероятнее всего, заработанные так, как их обычно удается заработать хорошенькой девушке. Но она жила в одной комнате с другой женщиной в лучшем из двух отелей форта, и ни разу не замечали, чтобы одна из них приглашала наверх мужчину. Или принимала приглашение пойти куда-то в другое место. Барбадиорские солдаты могли стать проблемой — зимой это случалось, — но из Астибара пришел приказ, и в ту весну наемников держали в большей строгости.

Чего бы ей хотелось, призналась Дианора однажды вечером в компании малознакомых мужчин и женщин, так это работать в таверне или в ресторане, который посещают люди более высокого класса. Низкопробными заведениями она уже сыта по горло, заявила она.

Кто-то упомянул о «Королеве» в Стиванбурге, в Нижнем Корте.

С облегчением вздохнув про себя, Дианора начала о ней расспрашивать.

Она задавала вопросы, на которые уже три дня знала ответы: все эти дни она сидела среди тех же людей каждую ночь и бросала тонкие намеки в надежде, что это название спонтанно всплывет в разговоре. Но, в конце концов, решила, что тонкие намеки пропадают даром для молодых жителей Чертандо здесь, на границе, и поэтому ей буквально пришлось подталкивать беседу к нужному ей предмету.

Теперь она слушала, широко раскрыв глаза, и казалась очарованной, пока двое ее новых знакомых оживленно описывали самое новое, самое элегантное заведение в Нижнем Корте. Ресторан мог похвастать шеф-поваром, которого привез из самого Играта нынешний губернатор Стиванбурга и его дистрады. Оказалось, что губернатор известен своим пристрастием к вину, еде и к хорошей музыке, которая играла бы в уютных залах. Он помог устроить нового шеф-повара в комнатах на первом этаже бывшего банкирского дома и теперь купался в отраженных лучах славы самого изысканного, самого роскошного ресторана на всей Ладони. Он и сам ужинал в нем несколько раз в неделю, как узнала Дианора.

Во второй раз.

В первый раз она узнала об этом из сплетен купцов в те дни, когда выясняла цены и моды на одежду в форте Синаве. Ей была нужна одежда для города. Это могло сыграть свою роль.

Услыхав в первый раз это название, она поняла, что «Королева» идеально подходит для второго этапа ее плана по изменению собственного прошлого. От купцов она узнала еще, что ни один человек из Нижнего Корте не мог туда прийти пообедать. Торговцев из Корте встречали радушно, а также из более дальних провинций, из Азоли или самой Кьяры. Естественно, любого игратянина, солдата, купца — любого, приехавшего в поисках удачи в новую колонию, — любезно приглашали зайти и отсалютовать портрету королевы Доротеи, который висел на стене напротив двери. Даже те купцы, которые пересекали границу, отделяющую Восточную Ладонь от Западной, встречали радушный прием, если готовы были потратить свои деньги, в любой валюте, в «Королеве».

Только истинным врагам короля, жителям Нижнего Корте или самого Стиванбурга, было запрещено отравлять воздух заведения своим ядовитым дыханием наследникоубийц.

Они туда и не ходили, как узнала Дианора от купца из Феррата, направлявшегося на север и восток с кожей из Стиванбурга, которую рассчитывал выгодно продать, даже при высоких налогах того года. А кроме того, в ответ жители Стиванбурга отказались работать в новом заведении. Ни прислугой, ни посудомойками на кухне, ни даже музыкантами или декораторами роскошных залов.

Губернатор, узнав о происходящем, впал в ярость и поклялся заставить презренных жителей работать там, где это нужно их хозяевам из Играта. Заставить под угрозой темницы, порки и колеса смерти или всех трех наказаний, если потребуется.

Но шеф-повар, Ардуини, воспротивился.

Он произнес продиктованные темпераментом художника слова, которые потом часто цитировали: нельзя построить и содержать высококлассное заведение, используя принудительный труд недовольных людей. Его стандарты просто слишком высоки для этого. Даже конюхи в его ресторане, сказал Ардуини из Играта, должны быть отлично обучены и преисполнены рвения и должны обладать определенным шиком.

Эти слова вызвали всеобщее веселье: шикарные конюхи, в самом деле. Но, как узнала Дианора, насмешка вскоре уступила место уважению, потому что Ардуини, при всей своей претенциозности, знал, что делает. «Королева», рассказывал Дианоре торговец из Феррата, была похожа на оазис среди пустынь Кардуна. В сломленном, отчаявшемся Стиванбурге она излучала теплое сияние игратянской любезности и утонченности. Купец жаловался, хотя и с оглядкой по эту сторону границы, на полное

отсутствие подобных черт у барбадиоров, оккупировавших его собственную провинцию.

Однако в ответ на небрежно заданный Дианорой вопрос он подтвердил, что Адруини все еще испытывает трудности со служащими. Стиванбург был тихой заводью, более того, тихой заводью в провинции, обложенной самыми непосильными налогами и испытывающей самое большое давление военных на всей Ладони. Было почти невозможно заманить в него путешественников или побудить их остаться, и, поскольку никто из немногочисленных искателей приключений из Играта не забирался так далеко от дома, чтобы мыть тарелки, убирать столы или чистить конюшни, какими бы шикарными они ни были, ресторан хронически нуждался в работниках из всех провинций Ладони.

В этот момент Дианора поменяла все свои планы. Про себя вознеся молитву Адаону, она направила линию своей жизни туда, откуда пришла эта случайная информация. Прежде она собиралась, как это ее ни пугало, отправиться на север, в Корте. Эта провинция всегда представлялась ей предпоследним местом назначения. Она всерьез сомневалась, почти каждую бессонную ночь, достаточно ли трех лет, прожитых в Чертандо, чтобы замести все следы ее подлинной прошлой жизни. Но хороших идей насчет того, что еще можно сделать, не приходило ей в голову.

А теперь пришло.

И поэтому несколько вечеров спустя, в самой большой таверне форта Синаве, веселая толпа молодых людей увидела, как их новая подруга выпила больше, чем следует, впервые с тех пор, как появилась среди них. Не один молодой человек усмотрел в этом факте причину для осторожного оптимизма касательно возможностей на более позднее время этой ночи.

— Значит, решено! — кричала Дианора своим приятным голосом с южным акцентом. И навалилась в поисках опоры на плечо смущенного каретника. — Завтра — за ручки нового плуга! Пересеку границу как можно скорее, чтобы нанести визит «Королеве Играта»! Да благословит Триада ее дни!

«Да спасет Триада мою душу», — думала она, произнося эти слова, совершенно трезвая, и смысл этих пьяных слов пронизывал ее холодом до самых костей.

Они заставили ее замолчать громким взрывом смеха отчасти для того, чтобы заглушить ее речи. В барбадиорском Чертандо совершенно неразумно так превозносить королеву Играта! Дианора очень мило захихикала, но затихла. Каретник и еще один

мужчина попытались потом проводить девушку в ее комнату, но получили очаровательный отпор и пошли вместе выпить в единственную открытую ночью таверну форта Синаве, полную свободных от службы наемников.

Ей немного недостает воспитания, в ней чуть многовато «деревенского», чтобы она могла преуспеть в своих амбициозных устремлениях, мудро решили они. А выпив еще, пришли к общему мнению, что у нее самая необыкновенная, обезоруживающая улыбка. Что-то такое появляется у нее в глазах, когда она довольна.

Утром Дианора с самого раннего утра уже ждала с вещами у главных ворот форта. Она договорилась, что ее подвезет в Стиванбург приятной наружности пожилой купец из Сенцио, везущий туда барбадиорские пряности для богатых людей. Когда они двинулись на запад, он сказал ей, что едет в этот скучный Стиванбург исключительно из-за нового ресторана, «Королевы». Она приняла это совпадение за добрый знак и три раза зажала в кулак большой палец левой руки, чтобы исполнилось желание.

Дороги оказались лучше, чем она запомнила; и путешествующие по ним купцы чувствовали себя в большей безопасности. Катясь в повозке, она спросила об этом купца. Он невесело улыбнулся.

— Тираны расправились с большинством грабителей. Это вопрос защиты их собственных интересов. Они хотят быть уверены, что никто другой не ограбит нас, пока они не возьмут свои налоги и пошлины при пересечении границ. — Он деликатно сплюнул в дорожную пыль. — Лично я предпочитал грабителей. Всегда есть способы с ними справиться.

Вскоре Дианора увидела подтверждение тому, о чем он говорил: они проехали мимо двух колес смерти у дороги: они лениво вращались под солнцем вместе с телами распятых на них разбойников, отрубленные кисти которых гнили в их глотках. Пахло очень плохо.

Сенцианец остановился сразу же после перехода границы ради какой-то сделки в форте Форезе. Он также заплатил до копейки дорожные подати, терпеливо выстоял очередь, чтобы его повозку осмотрели и взвесили. После он заметил ей, со свойственной сенцианцам резкостью, что колеса смерти поставлены не только для разбойников с большой дороги и захваченных чародеев.

Задержавшись на границе, они провели ночь в каретном са-

рае, присоединившись к компании торговцев из Феррата за ужином. Дианора извинилась и рано ушла спать. Она заплатила за отдельную комнату и приняла меры предосторожности, придвинув к двери дубовый туалетный стол. Но ничто ее не потревожило, кроме снов. Она вернулась назад в Тигану, но это было не совсем так, потому что Тиганы не было. Она шептала про себя это имя словно талисман или молитву перед тем, как провалиться в беспокойный сон, полный картин разрушения горящего города.

Вторую ночь они провели в гостинице у реки, у самых стен Стиванбурга, приехав туда после захода солнца, когда ворота города уже заперли с наступлением комендантского часа. На этот раз они ужинали одни, и она проговорила с купцом допоздна. Он был порядочным и трезвым человеком, опровергая расхожие представления о жителях этой развратной провинции, и было очевидно, что она ему нравится. Она получила удовольствие от его общества, он даже привлекал ее своими сухими, остроумными манерами. Тем не менее спала она одна. Это не деревня в Чертандо: здесь у нее не было обязательств.

Во всяком случае, таких обязательств. А что до удовольствий или простой потребности в человеческом общении, Дианора всерьез удивилась бы и не поняла, если бы кто-нибудь сказал ей об этом.

Ей было девятнадцать лет, она приехала в Тигану, которой не существовало.

Утром, войдя в стены города, она попрощалась с купцом, быстро прикоснувшись своей ладонью к его ладони. Казалось, на него произвела впечатление предыдущая ночь, но Дианора повернулась и ушла прочь раньше, чем он смог найти нужные слова.

Неподалеку она нашла гостиницу, где никогда не останавливались ее родители. Ее не очень волновала возможность быть узнанной; она знала, как сильно изменилась и сколько девушек по имени Дианора живет по всей Ладони. Она вперед оплатила три ночи постоя и оставила там свои пожитки.

Потом вышла на улицу города, который еще недавно был Авалле, городом Башен. Авалле, на зеленых берегах Сперионa, как раз перед тем местом, где река поворачивает на запад, к морю. Пока она шла, в ней нарастала боль, и больнее всего было видеть, насколько может остаться прежним город после того, как все изменилось.

Дианора прошла через кварталы, где торговали кожей и

шерстью. Она помнила, как вприпрыжку бежала здесь рядом с матерью, когда они все приезжали в Авалле на торжественную установку скульптур отца где-нибудь на площади или лоджии. Она даже узнала крохотную лавку, где купила свои первые перчатки из серой кожи на деньги, припрятанные после именин в то лето как раз для такого случая.

«Серый — это цвет для взрослых молодых женщин, а не для маленьких девочек», — пошутил рыжебородый ремесленник. «Я знаю», — гордо ответила Дианора той давней осенью. Мать рассмеялась. В те сказочные времена ее мать была женщиной, которая смеялась. Дианора это помнила.

В квартале, где торговали шерстью, она увидела работающих без устали женщин и девочек, они чесали и пряли шерсть, как делали это веками, в дверных проемах, пользуясь светом раннего утра начала весны. Дальше у реки можно было видеть сараи и дворы красилен и чувствовать их запах.

Когда Квилея за южными горами закуклилась в своем матриархате, много сотен лет назад, Авалле много потерял. Вероятно, больше, чем любой другой город на Ладони. Когда-то он стоял прямо на одном из двух главных торговых путей через горы, а теперь ему грозила опасность остаться не у дел. Коллективная изобретательность, граничащая с гениальностью, позволила городу решительно переориентироваться и сосредоточиться на другом.

На протяжении жизни одного поколения этот город банков и торговли между севером и югом стал основным центром кожевенного производства на Ладони, а также производства великолепно окрашенной шерсти.

Не теряя темпа, Авалле продолжал процветать и сохранил гордость. И башни продолжали расти.

С замиранием сердца Дианора в конце концов призналась себе, что старательно прокладывает свой маршрут по окраинам Стиванбурга, по отдаленным от центра районам, по кварталам ремесленников и смотрит исключительно в сторону окраины и в дверные проемы. Только не в центр, не по направлению гор. Туда, где больше не было башен.

И, осознав это, она все же взглянула, остановившись как вкопанная, посреди широкой площади в конце улицы Красильщиков. На этой площади стоял маленький и очень красивый храм Мориан из мрамора приглушенного розового цвета. Она несколько мгновений разглядывала его, потом подняла взгляд дальше и выше.

И в это мгновение истина окончательно дошла до нее: может показаться, что совершенно ничего не изменилось, во всех маленьких, поверхностных деталях существования, которые никогда по-настоящему не меняются, поскольку люди остаются все теми же людьми, но сердцевина, стержень всего может стать совсем непохожим на то, что было прежде.

Широкие, красивые улицы казались еще шире, чем раньше. Но это потому, что они почти опустели. Слева доносился приглушенный гул, оттуда, где все еще находился рынок у реки, но этот гул даже отдаленно не мог сравниться с тем, как подсказывала ей память, который слышался оттуда по утрам в те далекие годы.

Слишком мало людей. Слишком многие ушли или умерли, а игратянские солдаты были еще заметнее на опустевших улицах. Дианора перевела взгляд выше храма, стоящего на широком бульваре, и посмотрела в центр города.

«Мы можем строить и будем строить улицы широкие и прямые», — решили когда-то жители Авалле, с самого начала, когда повсюду города представляли собой извилистые лабиринты запутанных переулков и извилистых улиц, которые легко оборонять. «Во всем мире не будет города, похожего на наш, а если придется обороняться, мы будем обороняться с наших башен».

Которые исчезли. Уродливая, плоская линия горизонта больно резанула Дианору своей непрерывностью. Словно существовал некий обман зрения, и глаз неустанно искал то, что непременно должно здесь быть.

С самых первых дней существования этого просторного, элегантного города на берегах Сперионa башни ассоциировались с Авалле. Воплощение гордости жителей Тиганы — или наглый вызов, как говорили в провинциях Корте, Кьяра и Астибар. Они также были символом внутреннего соперничества, так как каждая знатная семья или состоятельная гильдия банкиров или торговцев воздвигала свою собственную башню, такую высокую, какую только могла себе позволить, и даже выше. Грациозные или воинственные, из красного камня, или песчаника, или серого камня, башни Авалле вздымались ввысь к небесам Эанны, будто лес внутри городских стен.

Внутренние конфликты в какой-то момент стали угрожающими, нередки были случаи убийств и саботажа, лучшие каменщики и архитекторы запрашивали сногсшибательные цены. И третий принц Алессан в Тигане у моря более двухсот лет назад положил конец безумию самым простым способом.

Он поручил Орсарии, самому знаменитому архитектору, построить для него в Авалле дворец. В этом дворце должна быть башня, сказал Алессан, которая будет — и останется навсегда по закону — самой высокой в городе.

Так и сделали. Шпиль башни Принца, стройный и грациозный, раскрашенный зелеными и белыми полосами, как напоминание о море здесь, вдали от него, положил конец соревнованию за высшую точку Авалле. И с тех пор по примеру принца Алессана, по традиции, все принцы и принцессы Тиганы рождались в Авалле, во дворце под этим шпилем, что знаменовало их принадлежность к обоим городам: к Тигане, городу Волн, и к Авалле, городу Башен.

Дианора знала, что когда-то башен было семьдесят, увенчанных прекрасной бело-зеленой башней Принца. Когда-то? Четыре года назад.

Что представляет собой человек, подумала Дианора — отсутствие башен резало ей глаза, — который живет изо дня в день, как она, разговаривает, работает, ест, занимается любовью, спит, иногда даже смеется, но сердце которого вырезали из живого тела? Не оставив никакого видимого глазом шрама. Никакой раны, напоминающей об остром клинке.

Мусор убрали. Ни одна струйка дыма, если не считать дыма от красилен, не портила чистой синевы неба. День был тихим и ясным, птицы пели, приветствуя приход тепла. Ничто, совсем ничто не указывало на то, что в этом месте стояли башни. В этом плоском, постепенно угасающем городе Стиванбурге, в отдаленном уголке полуострова Ладонь, в самой угнетенной из всех провинции.

«Что представляет собой такой человек? — снова подумала Дианора. — Тот человек, у которого нет сердца?» Она не знала ответа, как она могла его знать? В ней снова змеиными кольцами шевельнулась утрата, и снова вслед за ней ожила ненависть, словно обе они только что родились, еще более холодные и резкие, чем раньше.

Она пошла по широкому бульвару в центр Стиванбурга. Прошла мимо солдатских казарм и входа во дворец губернатора. Недалеко от него она нашла «Королеву». Ее тут же взяли на работу. Начинать этим же вечером. Рук очень не хватало. Найти их было трудно. Ардуини из Играта, который сам принимал на работу всех слуг, решил, что у этого хорошенького создания из Чертандо есть свой шик. Тем не менее, предупредил он ее, ей придется

избавиться от этого вульгарного горского акцента. Она обещала постараться.

Через шесть месяцев Дианора говорила почти как уроженка этого города, отметил Ардуини. К тому времени он перевел ее из кухни в главный зал прислуживать за столиками и одел в кремовые и темно-коричневые цвета, в которых оформил все свое заведение. Эти цвета, как оказалось, очень ей шли.

Она была тихой, проворной, скромной и вежливой. Запоминала имена и вкусы клиентов. Быстро училась. Через четыре месяца Ардуини предложил ей завидную должность: встречать в главном зале гостей и руководить персоналом в трех обеденных залах.

Она поразила его тем, что отказалась. Она многих поражала. Но Дианора понимала, что для ее цели это будет слишком заметный пост. А цель не изменилась. Если она вскоре отправится на север, в Корте, теперь уже прочно подтвердив свое происхождение из Чертандо, ей необходимо, чтобы ее связывали с «Королевой», но не на такой заметной должности. О заметных людях задают вопросы, это она уже знала.

Поэтому она притворилась испуганной деревенской девушкой в тот вечер, когда Ардуини сделал ей свое предложение. Разбила два бокала и уронила блюдо. Потом пролила зеленое вино Сенцио на самого губернатора.

Вся в слезах Дианора пришла к Ардуини и умоляла дать ей больше времени, чтобы обрести уверенность в себе. Он согласился. Ей помогло то, что он к тому времени уже был влюблен в нее. Он деликатно предложил ей стать его любовницей. Это она тоже отвергла, указав на неминуемую натянутость, которую подобная связь создаст в ее отношениях с остальными работниками, что сильно повредит «Королеве». Это был веский довод: для Ардуини истинной возлюбленной было его заведение.

Дело в том, что Дианора решила теперь не позволять мужчинам прикасаться к ней. Она находилась на территории игратян, и у нее была цель. Правила игры изменились. Она решила уйти осенью на север, к Корте. И взвешивала возможности и предлоги для такого ухода, когда ход событий столь эффектно увлек ее за собой.

* * *

Медленно двигаясь по Залу аудиенций, Дианора остановилась поздороваться с женой Доарде, которая ей нравилась. Поэт воспользовался случаем и представил ей свою дочь. Девушка

вспыхнула, но довольно мило склонила голову, сложив вместе ладони. Дианора улыбнулась ей и прошла дальше.

Ее догнал слуга с кавом, налитым в черную чашку, отделанную красными драгоценными камнями. Много лет назад ее подарил Брандин. Это был ее знак отличия в подобных случаях: она никогда не пила ничего крепче кава на официальных приемах. Бросив виноватый взгляд в сторону двери, где, как она знала, у стены стоит Шелто, она с чувством признательности сделала глоток горячей жидкости. Слава Триаде и крестьянам Тригии, кав оказался черным, насыщенным и очень крепким.

— Моя дорогая леди Дианора, вы выглядите прекраснее, чем когда-либо.

Она обернулась, стирая с лица выражение отвращения. Дианора узнала голос: Незо из Играта, мелкий вельможа из-за моря, который недавно приплыл ко двору Брандина на первом после зимы корабле, надеясь стать главным вельможей в колонии. Насколько Дианора могла пока что судить, он был корыстолюбив и не обладал никакими талантами.

Она лучезарно улыбнулась ему и позволила прикоснуться к своей руке.

— Мой дорогой Незо, как это мило с вашей стороны — так искусно лгать стареющей женщине.

Ей даже нравилось произносить подобные вещи, потому что, как однажды лукаво заметил Шелто, в какое положение это ставит Солорес?

Незо поспешно и горячо стал отрицать это, как и следовало ожидать. Он превозносил ее платье и горностаевый камень, отметив взглядом опытного придворного, как изысканно камни на ее чашке сочетаются сегодня с ее нарядом. Затем, интимным тоном, для которого у него не было никаких оснований, он, по крайней мере, в восьмой раз спросил у нее, не слышала ли она случайно насчет того, кому планируют отдать эту мелкую должность старшего сборщика налогов на севере Азоли.

В действительности это была прибыльная должность. Прежний сборщик налогов, очевидно, сделал себе состояние или собрал достаточно для своих нужд и через несколько недель возвращался в Играт. Дианора ненавидела подобные нечестные доходы и однажды даже набралась смелости сказать об этом Брандину. Его это слегка насмешило — к ее раздражению, — но он трезво указал ей на то, как трудно найти людей на должности в места, лишенные всякой привлекательности, подобные северу Азоли, не предлагая им возможности немного разбогатеть.

Его серые глаза под густыми черными ресницами в упор смотрели на нее, и Дианора, после некоторого сопротивления, вынуждена была признать справедливость его слов. В конце концов она подняла глаза и неохотно кивнула. Что заставило его расхохотаться.

— Я так рад, — смеялся Брандин Игратский, — что мои неуклюжие доводы и методы правления заслужили твое одобрение.

Она покраснела до корней волос, но затем, уловив его настроение, сама рассмеялась над абсурдностью своей самонадеянности. Это было несколько лет назад.

Теперь она лишь пыталась, очень деликатно, следить за тем, чтобы такие должности, как эта, не достались откровенным стяжателям из пестрой толпы мелких игратских придворных, из которых Брандину приходилось выбирать. Незо, решила она, не получит эту должность, насколько это будет от нее зависеть. Проблема заключалась в том, что д'Эймон, по-видимому, по каким-то своим, непонятным причинам благосклонно относился к назначению Незо. Она уже просила Шелто попытаться выяснить — почему.

Теперь она сменила улыбку на серьезное и благосклонное выражение озабоченности, глядя на лоснящегося, пухлого игратянина. Понизив голос, но не наклоняясь к нему, она пробормотала:

— Делаю все, что могу. Вам следует знать, что кое-кто этому противится.

За извивающейся струйкой пара, поднимающегося от ее чашки, глаза Незо прищурились. Натренированный взгляд незаметно метнулся через ее правое плечо туда, где, как знала Дианора, по-прежнему стоял у двери короля д'Эймон. Незо снова посмотрел на нее, чуть-чуть приподняв брови.

Дианора слегка пожала плечами, словно извиняясь.

— У вас есть предложения? — спросил Незо, беспокойно нахмурив брови.

— Я бы для начала слегка улыбнулась, — ответила она намеренно резко. — Нет смысла интриговать так, чтобы об этом знал весь двор.

Незо тут же заставил себя рассмеяться и потом театрально зааплодировал, словно она отпустила неотразимую шутку.

— Простите меня, — произнес он с улыбкой, как было приказано. — Это имеет для меня огромное значение.

«Гораздо большее значение это имеет для жителей Азоли,

ты, жадная пиявка», — подумала Дианора. И легонько положила ладонь на пышный рукав Незо.

— Я знаю, — добрым голосом сказала она. — И сделаю все, что смогу. Если обстоятельства мне позволят.

Незо были хорошо известны подобные вещи. Он еще раз залился неискренним смехом в ответ на непроизнесенную шутку.

— Надеюсь, что смогу помочь обстоятельствам, — прошептал он.

Дианора снова улыбнулась и убрала руку. Этого было достаточно. Шелто сегодня получит еще денег. Она надеялась, что они окупят добрую часть стоимости горностаевого камня. Что касается д'Эймона, то, возможно, она, в конце концов, сама откровенно поговорит с ним ближе к концу недели. Или настолько откровенно, насколько вообще можно откровенно говорить с этим человеком. Прихлебывая свой кав, она двинулась дальше. Люди подходили к ней, куда бы она ни направлялась. При дворе Брандина неразумно было не поддерживать хороших отношений с Дианорой ди Чертандо. Рассеянно участвуя в ни к чему не обязывающей беседе, она чутко прислушивалась, не раздастся ли легкое постукивание жезла герольда, что служило единственным объявлением о появлении Брандина. Рун, заметила она, корчил сам себе рожи перед зеркалом и смеялся. Он был в прекрасном настроении, что было хорошим знаком. Повернувшись в другую сторону, Дианора внезапно заметила приятное для нее лицо. Человека, который, несомненно, сыграл главную роль в ее истории.

* * *

Можно сказать, что губернатор сам был во многом виноват. Он так стремился утешить явно отчаявшегося Рамануса, капитана Корабля дани, что приказал официантке из Чертандо, которая столь очаровательно просила тогда прощения за пролитое вино, подать лучшие вина «Королевы» в гораздо большем количестве, чем было полезно сидящим за столом.

Раманус, еще слишком молодой, чтобы быть честолюбивым, но уже достаточно пожилой, чтобы почувствовать, что шанс его ускользает, ранее, на борту речного судна, отпустил несколько едких замечаний относительно положения дел в Стиванбурге и его окрестностях. Здесь такое болото, так нерегулярно собирают налоги, пробормотал он чересчур небрежно, что он не уверен, стоит ли посылать корабль вверх по реке весной при

таком положении дел с управлением провинцией. Губернатор давно уже расстался с амбициями, но ему необходимо было еще несколько лет просидеть на этой должности, чтобы собрать свою долю с пограничных пошлин и внутренних налогов, а также со штрафов по уголовным делам и конфискаций имущества. Он внутренне поморщился и проклял расположение своих планет. Ну почему ему не везет, хотя он так старается быть порядочным, не слишком придирчивым и как можно меньше мутить вокруг себя воду?

Кроме массированного применения военной силы в середине лета, не существовало способа выжать еще больше товаров или денег из этого обнищавшего региона. Если бы Брандин всерьез желал получать настоящий доход из Стиванбурга, кому-нибудь следовало ему посоветовать не так усердствовать, чтобы поставить на колени этот город и его дистраду.

Нет, губернатор даже не мечтал высказать эту мимолетную мысль вслух. Но он действительно делал все, что было в его силах. Если он еще хоть чуть-чуть нажмет на гильдии кожевников и ткачей, они просто начнут сворачивать дело. Стиванбург, и так уже лишившийся большей части населения, и в особенности мужчин в самом расцвете сил, превратится в город призраков и пустых площадей. А он получил четкие инструкции от короля не допускать этого. Если различные приказы и требования короля так резко противоречат друг другу, то что по справедливости должен делать администратор среднего эшелона?

Конечно, нечего и думать о том, чтобы высказать подобную жалобу этому колючему, недовольному Раманусу. Какое дело капитану до проблем губернатора? Капитаны Кораблей дани ценились в зависимости от того, что привозили домой, на Кьяру, в своих трюмах. Их задачей было нажимать на местных администраторов изо всех сил. Иногда дело доходило до того, что капитаны заставляли их поступиться частью собственной доли налогов, чтобы содержимое корабля более соответствовало желаемому. Губернатор уже в отчаянии смирился с тем, что придется так и сделать к концу недели, если последний, поспешный рейд по дистраде не принесет результатов, способных удовлетворить Рамануса. Он знал, что этого не случится. Он имел дело с честолюбивым капитаном, а урожай прошлой осенью в Корте, следующем пункте назначения Рамануса, оказался скудным.

Вожделенное поместье на востоке Играта, на мысе, который он уже мысленно присмотрел и где рассчитывал поселиться

после отставки, в тот вечер казалось ему далеким, как никогда. Он подал знак принести всем еще вина, про себя оплакивая сине-зеленое море и роскошные охотничьи угодья вокруг дома, который он, вероятно, так и не построит.

С другой стороны (как любили здесь выражаться), похоже было, что его попытка утихомирить гнев этого Рамануса неожиданно увенчалась успехом. Губернатор просил своего великолепного Ардуини — его истинную и единственную радость в этом сумрачном городе — приготовить для них незабываемый ужин.

— Мои блюда всегда незабываемы, — возмутился Ардуини, но потом смягчился под воздействием продуманной смеси льстивых слов и золотых игратов, а также после тихого напоминания о том, что их нынешний гость имеет свободный доступ к королю на Кьяре, что наверняка было неправдой, о чем без всяких угрызений совести подумал губернатор.

Ужин оказался серией все более приятных сюрпризов, обслуживание быстрым, спокойным и ненавязчивым. Вина следовали одно за другом и служили изящным дополнением к неоспоримому искусству Ардуини. Настроение Рамануса, которому сохранять подтянутую фигуру было непросто, менялось от нервозности до сдержанного восхищения, потом сменилось удовлетворением и восторженным многословием.

Где-то за десертом, за предпоследней бутылкой вина, привезенного из родного Играта, он сильно опьянел. И это могло быть единственным объяснением, единственным возможным объяснением того, что после завершения ужина, когда «Королева» закрылась на ночь, он официально приказал захватить черноволосую официантку в качестве дани для Брандина и отправить ее прямо на стоящий у причала корабль.

Служанку. Служанку из Чертандо.

Из Чертандо по другую сторону границы, где правил Альберико Барбадиорский, а, увы, не Брандин Игратский.

Правителя Стиванбурга разбудил на рассвете от беспокойного, затуманенного вином сна испуганный и виноватый секретарь Совета. Эту новость он выслушал неодетый и даже не понюхав утреннего кава, сквозь пульсирующую, ужасную головную боль.

— Остановить корабль! — рявкнул он, когда возможные грозящие им последствия дошли до его медленно пробуждающегося сознания. Во всяком случае, попытался рявкнуть. На деле получился жалкий писк, который тем не менее был достаточ-

но ясен, и секретарь в развевающихся одеждах со всех ног бросился выполнять приказ.

Реку Сперион заблокировали, остановив Рамануса как раз в те минуты, когда он поднимал якорь.

К несчастью, капитан проявил упрямство, идущее вразрез с элементарным политическим здравым смыслом. Он отказался отдать девушку. В какой-то момент на губернатора накатило безумие, до галлюцинаций, и он всерьез подумал о том, не взять ли корабль штурмом.

Речное судно Брандина, короля Играта, повелителя Бурака в Кардуне, тирана Западных провинций полуострова Ладонь. В тот момент над вышеупомянутым судном вызывающе развевался личный флаг Брандина рядом с королевским стягом Играта.

Губернатор рассудил, что колеса смерти с любовью изготавливают как раз для тех мелких чиновников, которые пытаются совершить подобный маневр.

Он был в отчаянии, потому что его мозг сворачивался, подобно молоку, в невыносимо ярком свете утреннего солнца у реки, пытался найти способ вразумить капитана, явно охваченного приступом безумия летнего солнцестояния.

— Вы хотите начать войну? — кричал он, стоя на пристани. Ему приходилось кричать оттуда, так как его не пустили на корабль. Несчастной девушки нигде не было видно, без сомнения, ее заперли в каюте капитана. Губернатор хотел бы, чтобы она умерла. Он и сам хотел бы умереть. Он хотел бы, допуская самую святотатственную мысль из всех, чтобы шеф-повар Ардуини никогда не ступал на землю Стиванбурга.

— А почему выполнение мною долга перед королем может привести к подобному результату? — с вызовом крикнул капитан Раманус с середины реки.

— Неужели морская соль разъела последние остатки вашего разума? — на свою беду не удержался губернатор. Лицо капитана потемнело. Губернатор настаивал, истекая потом под солнцем.

— Она — из Чертандо, во имя семи святых сестер бога! Вы имеете какое-нибудь представление о том, как легко спровоцировать Альберико начать войну на границе, воспользовавшись этим поводом? — Он вытер лоб красным прямоугольником ткани, с опозданием поданным ему слугой.

Раманус оставался невозмутимым и собранным, несмотря на то что прошлой ночью выпил не меньше губернатора.

— С моей точки зрения, — легкомысленно ответил он, и слова его разнеслись над водой, — она живет в Стиванбурге, работает в Стиванбурге, и ее взяли в Стиванбурге. По моему мнению, она вполне подходит для сейшана, или что там наш король, в его мудрости, решит с ней сделать. — Он внезапно прицелился указательным пальцем в губернатора. — А теперь уберите с реки эти лодки, иначе я протараню и потоплю их именем семи сестер и короля Играта. Разве что, — прибавил он, наклоняясь вперед и хватаясь за поручень, — вы захотите установить дальнюю связь с Кьярой и предоставить королю улаживать дело самому?

Здесь, в колонии, ходила поговорка: очутиться голым между двумя кулаками. Она точно отражала то положение, в котором оказался губернатор после этого умно просчитанного и совершенно несправедливого предложения. Поговорка точно и наглядно описывала ловушку, в которой он очутился. Он безуспешно пытался осушить красной тканью лоб и шею.

Нельзя пользоваться дальней связью с королем без очень большой срочности, это настойчиво внушалось всем местным чиновником. Мощность, необходимая Брандину для создания такой связи со своими подчиненными, расходовалась очень большая.

Такой поступок в особенности был нежелателен в очень ранние часы, когда король мог еще спать. И самый веский довод из всех — не следовало спешить устанавливать контакт с монархом, если твой мозг затуманен и одурманен миазмами винных паров, да еще по вопросу, который, в сущности, король мог счесть всего лишь захватом обычной деревенской девчонки.

Это был один кулак. Могли возникнуть еще более печальные осложнения, и при мысли о них можно было сойти с ума. Потому что кто, во имя сестер и бога, знает, как работает хитрый мозг язычника Альберико Барбадиорского? Как он посмотрит на подобный инцидент? Несмотря на бойкие речи Рамануса, тот факт, что девушка работала в «Королеве», с очевидностью свидетельствовал о том, что она была не из Нижнего Корте. Во имя сестер, жительницу Нижнего Корте тоже нельзя взять в качестве дани! Приказ короля это запрещал. Чтобы захватить женщину, она должна быть уроженкой Чертандо. Если Раманус хотел доказать, что она — жительница Стиванбурга, тогда это делало ее гражданкой Нижнего Корте, а это означало, что ее нельзя брать! Губернатор заменил промокший насквозь платок свежим. Он чувствовал, как его мозг поджаривается на солнце.

Все, чего он хотел от последних лет службы, — это получить тихую, умеренно прибыльную должность, право на которую некогда завоевала его семейству долгая, пусть и весьма незначительная, поддержка претензий Брандина на престол Играта. Это все. Больше ему ничего не нужно. И еще когда-нибудь приличный дом на восточном мысу, где он сможет наблюдать, как солнце встает из-за моря, и охотиться в лесах с собаками. Разве он хотел слишком многого?

А вместо этого попал между двумя кулаками.

Он быстро обдумал, не умыть ли руки вообще и пусть проклятые жители этого полуострова сами расхлебывают все дело. Пусть полоумный капитан Раманус отправляется на своем корабле по реке, как ему хочется. Собственно говоря, осознал он слишком поздно, если бы он остался в постели и сделал вид, что не получил вовремя сообщения, он был бы совершенно не виноват в этом промахе пьяного капитана. Он закрыл глаза, пробуя на вкус чудесную, ускользнувшую сладость такой возможности.

Слишком поздно. Он стоял у реки в слепящем свете жаркого солнца, и полгорода слышало то, что они с Раманусом только что кричали друг другу.

Вознеся краткую молитву своим личным богам еды и леса и поразительно ясно представив себе будущее поместье у моря, губернатор выбрал свой кулак.

— Тогда пустите меня на борт, — сказал он так резко, как только мог. — Я не собираюсь устанавливать дальнюю связь с королем, стоя на пристани. Мне нужен стул и тишина и очень крепкая чашка того, что на корабле сходит за кав.

Раманус явно пришел в замешательство. Губернатору удалось извлечь из этого слабое удовольствие.

Они предоставили ему все, о чем он просил. Женщину перевели в трюм, а его оставили одного в каюте капитана. Он сделал глубокий вдох, потом еще несколько. Выпил кав, обжигая язык, и это, как ничто другое, разбудило его окончательно. Затем, в первый раз за три года на этом посту, он сосредоточил свои мысли на точном изображении, как учил его Брандин, и мысленно произнес имя короля.

С пугающей быстротой в его мозгу возник резкий, холодный, как всегда, слегка насмешливый голос Брандина. От этого закружилась голова. Губернатор изо всех сил старался сохранить самообладание. Как можно быстрее и точнее — скорость была важна, как их учили, — он обрисовал положение, в котором они оказались. Он дважды извинился, но не посмел потратить время на третий раз, как ни принуждал его к этому инстинкт, выработанный всех жизнью. Что толку в инстинктах, если тут замешаны чары? Его затошнило от напряжения и нарушений непрерывности дальней связи.

Затем настроение его резко поднялось, и он вознес благодарственные молитвы всем двадцати различным божествам, потому что губернатору Стиванбурга дали понять, что король не разгневался. Более того, что он был совершенно прав, прибегнув к дальней связи. Что сейчас самое удачное время проверить таким способом решимость Альберико. И что, соответственно, Раманусу действительно следует позволить увезти девушку в качестве дани, но, подчеркнул король, не оставив сомнений в том, что она из Чертандо. Жительница Чертандо, случайно оказавшаяся в Нижнем Корте. Этот факт должен быть установлен очень четко: никаких сомнений насчет того, не является ли она жительницей Стиванбурга. Посмотрим, насколько хватает мужества у этого мелкого барбадиорского чародея.

Губернатор поступил правильно, сказал король.

Видение дома у моря приобрело ослепительную яркость в дальнем уголке мозга губернатора, пока он лепетал — молча, по мысленной связи с Брандином — свои самые покорные изъявления любви и послушания. Король оборвал их.

— Нам надо заканчивать, — сказал он. — Не слишком увлекайся там вином. — И исчез. Губернатор еще долго сидел в одиночестве в каюте капитана, пытаясь убедить себя в том, что тон Брандина был почти веселым, а не укоризненным. Он был в этом почти уверен. Почти совсем уверен.

Последовал очень напряженный период. Кораблю разрешили отплыть в то же утро. В следующие две недели король дважды говорил с ним по дальней связи. Один раз приказал тайно усилить пограничный гарнизон в Форезе, но не настолько, чтобы сам этот факт послужил провокацией. Губернатор провел бессонную ночь, пытаясь высчитать количество солдат, соответствующее этому приказу.

Прибыло подкрепление по реке из города Нижний Корте, чтобы пополнить войска Стиванбурга. Позже король приказал ему следить, не появится ли посол барбадиоров из Чертандо, и встретить его со всей возможной сердечностью, но решение всех вопросов предоставить Кьяре. Он также получил инструкции быть наготове и ждать ответного приграничного рейда из Синаве и уничтожить любые войска барбадиоров, которые могут

вторгнуться в Нижний Корте. Губернатор имел очень мало личного опыта по уничтожению противника, но поклялся повиноваться.

Купцам нужно посоветовать ненадолго отложить запланированные поездки на восток, сказали ему; никаких приказаний, ничего официального, просто совет, которому острожный бизнесмен захочет последовать.

В конце концов, ничего не произошло.

Альберико предпочел полностью игнорировать это дело. Кроме того, что ему не хотелось далеко идущих последствий, он ничего не мог предпринять, не теряя лица. Некоторое время считали, что он может наказать какого-нибудь купца или бродячего музыканта с Западной Ладони, который окажется в его провинциях, но об этом также ничего не было слышно. Барбадиоры просто отнеслись к девушке так, как если бы она была жительницей Нижнего Корте, — в точном соответствии с рассуждениями Раманса в то утро, когда он ее захватил.

В игратянских провинциях, напротив, эту девушку намеренно, с самого начала, называли жительницей Чертандо — женщиной с барбадиорской территории, которую захватил Брандин в насмешку над Альберико. Говорили также, что она красавица.

Раманус медленно приближался к дому в течение остатка лета и начала осени. Судно плыло вниз по реке, и вся собранная на внутренних землях дань перевозилась на большой Корабль дани с широкими, надутыми парусами. Он медленно приближался к побережью, собирая налоги и пошлины в определенных городах Корте и Азоли.

В Корте действительно был неурожай, пришлось потрудиться, чтобы собрать положенное. Дважды они долго стояли на якоре, пока капитан водил отряд к внутренним постам. И все время Раманус искал женщин, которые могли принести большую пользу, чем просто заложницы или символы проявления власти Играта. Женщин, которые могли бы подойти самому сейшану и таким образом сделать карьеру одному капитану Корабля дани, который уже почти созрел для должности на суше после двадцати лет в море.

Нашли три возможные кандидатуры. Одна из женщин была благородного происхождения, о ее существовании узнали от доносчика. Ее захватили только после того, как не без сожаления сожгли дотла имение ее отца в Корте.

Наконец, когда уже наступала осень, прекрасная даже в плоской, неприглядной Азоли, когда дожди ослабели, Корабль

дани проскользнул по коварному фарватеру пролива Азоли и вошел в воды Кьярского моря. Несколько дней спустя, с триумфом раздувая красно-золотые паруса, он вошел в большую гавань острова, прославляемого в песнях столько лет, что и не сосчитать.

Корабль дани Раманса привез золото, драгоценные камни, серебро и разнообразные монеты. Кожу из Стиванбурга и резные скульптуры из Корте. Огромные круги сыра с западного побережья Азоли. Там были пряности и ножи, хрусталь, шерсть и вино. Были две женщины из Корте и одна из Азоли и, кроме этих троих, еще одна женщина, особенная. Эта была черноволосая, кареглазая красавица, известная всему полуострову к тому времени, как их путешествие завершилось, как женщина, которая едва не развязала войну.

Ее звали Дианора ди Чертандо.

Дианора, с самого начала намеревавшаяся попасть на остров, с первых ранних наметок плана, когда она сидела одна у погасшего очага летней ночью в молчаливом доме своего отца. Которая ожесточила себя — как это приходится делать воинам перед битвой, — готовясь быть захваченной и привезенной сюда и запертой на всю жизнь в сейшане тирана. Она выстроила этот план пять лет назад, девочка со смертью в сердце, когда погиб отец и ушел брат, а мать ушла еще дальше. Образы всех троих вставали в ее снах из пепла ее сожженной земли.

И смерть все еще была здесь, вместе с ней, на этом корабле. Ей все еще снились те сны, но теперь сказочная Кьяра приближалась под ясным небом, и вместе с ними появилось нечто другое: она почти не могла поверить в то, как повернулась линия ее жизни. Как выпали карты, совершенно неправильно, и все же точно так, как она задумала с самого начала.

Она попыталась увидеть в этом предзнаменование и, входя в этот новый мир, три раза сжала большой палец в кулаке, чтобы ее желание сбылось.

Глава 8

Странно, размышляла Дианора, продолжая перемещаться среди толпы в Зале аудиенций, в лучах весеннего солнца, льющегося сквозь витражи над головой, как такие ясные знамения юности переплавляются временем в многослойную неопределенность взрослой жизни.

Сделав глоток из своей украшенной драгоценными камнями чашки, она взглянула на ситуацию с другой стороны. Что она просто позволила возникнуть трудностям и нюансам. Что истина осталась точно такой же, как в день ее прибытия. Что она ничего не делает, только прячется: от того, кем она стала и чего еще не сделала.

Это был главный вопрос ее жизни, и снова она отталкивала его прочь, к границам сознания. Не сегодня. Не днем. Эти мысли принадлежали только ночам в сейшане, когда один лишь Шелто у двери мог знать о ее бессоннице или заметить следы слез на щеках, когда приходил будить ее по утрам.

Ночные мысли, а сейчас ясный день, и вокруг очень много людей.

Поэтому она направилась к человеку, которого узнала, и улыбка коснулась ее глаз. Грациозно балансируя своей чашкой, она по-игратянски, тройным реверансом, приветствовала тучного, одетого в темное мужчину с тремя массивными золотыми цепями на шее.

— Приветствую, — пробормотала она, выпрямляясь и придвигаясь ближе. — Вот так сюрприз. Как редко столь занятой смотритель Трех Гаваней благоволит оторваться от своих срочных дел и уделить минуту старому другу.

К сожалению, Раманусa было трудно смутить или обескуражить, как всегда. Дианора пыталась заставить его выйти из себя еще с тех пор, как ее ночью скрутили, словно телку, на улице перед «Королевой» и утащили на корабль.

Сейчас он просто ухмыльнулся. С годами Раманус отяжелел, а в последнее время еще больше из-за того, что выполнял свои обязанности исключительно на суше, но все равно он оставался все тем же человеком, который привез ее сюда.

Одним из немногих игратян, которые вызывали в ней искреннюю симпатию.

— Придержи свой острый язычок, девочка, — шутливо прорычал он. — Не вам, праздным женщинам, которые целый день только и делают, что зачесывают волосы наверх и вниз, а потом снова наверх для поддержания формы, критиковать нас, тех, кто ревностно выполняет свои тяжелые обязанности, недосыпает и седеет раньше срока.

Дианора рассмеялась. В густых черных кудрях Раманусa — предмете зависти для половины сейшана — не прослеживалось ни единого седого волоска. Она выразительно посмотрела на его черные локоны.

— Я лжец, — невозмутимо согласился Раманус, наклоняясь вперед, чтобы никто не мог подслушать. — Зима выдалась абсолютно спокойная. Совершенно нечего делать. Я мог бы нанести визит, но ты же знаешь, как я ненавижу эти хождения ко двору. У меня пуговицы отлетают во время поклонов.

Дианора снова рассмеялась и быстро сжала его руку. На корабле Раманус был к ней добр, а потом неизменно почтителен и дружелюбен, даже когда она была просто еще одним новым телом в сейшане короля, пусть даже довольно известным. Она знала, что нравится ему, и еще знала, от самого д'Эймона, что бывший капитан Корабля дани оказался способным и дельным администратором.

Именно Дианора помогла ему занять эту должность четыре года назад. Для моряка большая честь получить место смотрителя, который следит за порядком в гаванях всех трех главных портов Кьяры. Судя по несколько поношенной одежде Раманусa, оно было слишком близко к трону и не приносило большой прибыли.

Размышляя, она цокала языком по верхним зубам, и Брандин подшучивал над этой ее привычкой. Он утверждал, что такое цоканье всегда предваряло просьбу или предложение. Он очень хорошо ее знал, и это пугало Дианору не меньше всего остального.

— Это всего лишь случайная идея, — тихо сказала она Раманусу, — но тебе бы не хотелось пожить несколько лет на севере Азоли? Я вовсе не хочу от тебя избавиться. Это скучное место, как всем известно, но у него есть свои возможности, и мне бы хотелось, чтобы ими воспользовался порядочный человек, а не какой-нибудь жадный кровопийца, из тех, что так и вьются здесь.

— Место сборщика налогов? — очень тихо спросил он.

Дианора кивнула. Его глаза слегка расширились, но с выработанной годами сдержанностью он больше никак не проявил интереса или удивления.

Мгновение спустя Раманус бросил быстрый взгляд через ее плечо в сторону трона. Дианора уже поворачивалась туда же, предупрежденная необъяснимым предчувствием.

Поэтому она стояла лицом к Островному Трону и к двери за ним к тому моменту, когда жезл герольда дважды негромко стукнул о пол и в зал вошел Брандин. За ним шли двое жрецов и жрица Адаона. Рун быстро заковылял вперед и встал рядом, одетый точно так же, как король, если не считать шапки.

Брандин однажды сказал ей, что даже если бы двадцать герольдов оглушительно провозгласили его появление, не удалось бы добиться большей демонстрации власти. Любой дурак со средствами мог привлечь к себе внимание подобным образом. Но лучше всего проверить степень своей власти, ее истинную меру, если войти незаметно и посмотреть, что случится.

Случилось то, что случалось всегда. Все находящиеся в Зале аудиенций в последние десять минут пребывали в состоянии ожидания, словно застыли на краю утеса. Теперь, так же единодушно, двор ринулся выражать свое почтение. В переполненной комнате уже прекратились все разговоры к тому моменту, когда тихие удары церемониального жезла герольда объявили о приходе короля. В этой тишине два скромных удара о мраморный пол прозвучали, словно раскаты грома.

Брандин был в прекрасном настроении. Дианора определила это с противоположного конца зала, еще даже не получив намека от Руна. Сердце ее ускоренно забилось. Оно всегда билось так, когда Брандин входил в ту комнату, где она находилась. Даже через двенадцать лет. Даже сейчас, несмотря ни на что. Так много линий ее жизни вело к этому человеку и уводило от него или сходилось, безнадежно переплетаясь, в нем.

Сначала он посмотрел на д'Эймона, как всегда, и тот с непроницаемым лицом низко поклонился ему на игратянский манер. Потом, как обычно, повернулся к Солорес и улыбнулся ей.

Затем к Дианоре. Как она ни владела собой, как ни старалась, но все же ей не вполне удавалось справиться с тем, что с ней происходило, когда взгляд его серых глаз находил ее глаза и погружался в них. Его взгляд был похож на прикосновение, мимолетное, но ощутимое, одновременно жгучее и ледяное, как сам Брандин.

И все это в одном взгляде, брошенном через переполненную комнату.

Однажды, много лет назад, в постели, она осмелилась задать ему вопрос, который давно мучил ее:

— Ты пользуешься магией, когда любишь меня здесь или когда мы встречаемся в общественном месте?

Дианора не знала, какой ответ ей хотелось бы получить или какой реакции ожидать. Она думала, что ему может польстить подобное предположение или, по крайней мере, позабавить. Но с Брандином никогда нельзя быть ни в чем уверенной, его мысли бежали слишком прихотливо, а ум был слишком изощренным. Вот почему задавать ему вопросы, особенно что-то рас-

крывающие, было опасно. Но для нее это было важно: если он ответит «да», она попытается снова раздуть свой убийственный гнев. Гнев, который, по-видимому, угас в ней здесь, в странном мире этого острова.

Наверное, у Дианоры было очень серьезное лицо; он повернулся на своей подушке, подперев голову одной рукой, и посмотрел на нее из-под ровных бровей. Потом покачал головой.

— Не так, как ты думаешь. Я ни на что не действую и ничего не контролирую своими чарами, кроме зачатия. У меня больше не будет наследников. — Она знала об этом; все его женщины знали. После паузы он осторожно спросил: — Почему ты спрашиваешь? Что с тобой происходит?

На мгновение ей показалось, что она уловила в его голосе колебание.

— Слишком многое, — ответила она. — Происходит слишком многое.

В тот единственный раз она сказала чистую правду, правду потерявшего невинность сердца. Его проницательные, ясные глаза светились пониманием. И это ее испугало. Она снова скользнула поближе к его телу, движимая своим страстным порывом, потом легла на него сверху, чтобы все началось опять. Все — предательство и воспоминания, смешанные с желанием, как в том янтарном вине, которое, как говорят, пьют боги Триады — слишком крепком для простых смертных.

— Ты серьезно насчет этой должности в Азоли?

Голос Раманyса звучал тихо. Брандин не пошел к трону, а непринужденно прошел в зал — еще одно свидетельство его милостивого расположения духа. Рун с кривой ухмылкой тащился следом за ним.

— Признаюсь, я никогда даже не думал об этом, — прибавил бывший капитан.

Дианора с усилием вернулась мыслями к нему. На секунду она забыла о своем вопросе. Так действовал на нее Брандин. Это нехорошо, подумала она. По многим причинам нехорошо.

Она снова повернулась к Раманусу.

— Я говорю совершенно серьезно, — сказала она. — Но я не была уверена, захочешь ли ты получить эту должность, даже если это возможно. Твое нынешнее положение выше, и это, в конце концов, Кьяра. Азоли может дать тебе шанс разбогатеть, но полагаю, ты представляешь себе, что с этим связано. Что для тебя имеет значение, Раманус?

Вопрос был задан в лоб, что было недопустимо с точки зрения вежливости, особенно в отношениях с другом.

Он мигнул и стал теребить одну из своих цепочек, знак должности.

— Вот к чему это сводится? — неуверенно спросил он. — Ты так на это смотришь? Разве не могут двигать мужчиной перспективы нового, трудного дела или даже — рискуя показаться глупым — желание служить своему королю?

Теперь заморгала Дианора.

— Ты меня пристыдил, Раманус, клянусь, — через секунду просто ответила она. — И положила на его рукав ладонь, чтобы остановить его возражения. — Иногда меня удивляет то, что со мной происходит. Все эти интриги, которые здесь процветают.

Дианора услышала приближающиеся шаги, и следующие слова предназначались столько же для человека за ее спиной, сколько для стоящего перед ней.

— Иногда я спрашиваю себя, что этот двор со мной делает?

— Могу ли я тоже поинтересоваться этим? — спросил Брандин Игратский.

Улыбаясь, он присоединился к ним. Но не прикоснулся к ней. Он очень редко прикасался к женщинам сейшана при посторонних, а это был игратянский прием. Они знали его правила. Вся их жизнь подчинялась его правилам.

— Милорд, — произнесла Дианора, оборачиваясь и приветствуя его жестом. В ее голосе звучали провокационные нотки. — Вы находите меня более циничной, чем я была тогда, когда этот ужасный человек привез меня сюда?

Насмешливый взгляд Брандина переместился с нее на Раманус. Не то чтобы ему нужно было напоминать, какой именно капитан привез ему Дианору. Она знала это, и он знал, что она знает. Все это являлось неотъемлемой частью их словесного танца. Его ум заставлял ее напрягать свой до последних пределов, а потом отодвигал эти пределы еще дальше. Она заметила, возможно, потому, что только что говорила об этом с Рамануса, что в бороде Брандина появилось столько же седых волос, сколько осталось черных.

Он задумчиво кивнул, притворяясь, что серьезно обдумывает этот вопрос.

— Да, мне придется это признать. Ты стала циничной интриганкой почти до такой же степени, до какой этот ужасный человек растолстел.

— До такой степени? — запротестовала Дианора. — Милорд, но он очень толстый!

Мужчины рассмеялись. Раманус любовно похлопал себя по животу.

— Вот что случается, если двадцать лет кормить человека холодной солониной в море, а потом подвергнуть соблазнам королевского города.

— Ну, в таком случае, — сказал Брандин, — нам придется отослать тебя куда-нибудь до тех пор, пока ты не станешь снова стройным, как тюлень.

— Милорд, — мгновенно отреагировал Раманус, — я готов отправиться, куда вы прикажете. — Выражение его лица было серьезным и напряженным.

Брандин это заметил, и его тон тоже изменился.

— Я это знаю, — пробормотал он. — Хотелось бы чаще видеть тебя при дворе. При обоих моих дворах. Тучный ты или худой, Раманус, *я о тебе не забываю, что бы ни думала Дианора.*

Очень высокая похвала, нечто вроде обещания и разрешение в данный момент удалиться. Раманус отвесил официальный поклон и отошел. Брандин сделал несколько шагов в сторону, Рун шаркал рядом с ним. Дианора последовала за ним, как он и ожидал. Оказавшись вне досягаемости ушей всех остальных, кроме шута, Брандин повернулся к ней. Она с сожалением увидела, что он пытается сдержать улыбку.

— Что ты сделала? Предложила ему север Азоли?

У Дианоры вырвался прочувствованный вздох отчаяния. Все время так получалось.

— Ну, это уже нечестно, — запротестовала она. — Ты все-таки пользуешься магией.

Он позволил себе улыбнуться. Она знала, что за ними наблюдают. Знала, о чем говорят между собой придворные.

— Вот еще, — пробормотал Брандин, — я стану расходовать магию или свои силы, когда все так прозрачно.

— Прозрачно! — возмутилась Дианора.

— Ты тут ни при чем, моя циничная интриганка. Но Раманус чересчур быстро стал слишком серьезным, когда я пошутил насчет возможности отослать его служить подальше. А единственный значительный пост, который сейчас свободен, это на севере Азоли, так что...

Он не закончил предложения. В его глазах продолжал играть смех.

— Неужели выбор был бы так уж плох? — с вызовом спроси-

ла Дианора. Поистине вызывало тревогу, как легко Брандин мог проникать в самую суть вещей. Если позволить себе задуматься над этим, то можно снова испугаться.

— А как ты думаешь? — спросил он вместо ответа.

— Я? Думаю? — Дианора приподняла выщипанные брови преувеличенно высоко. — Как может жалкая женщина, случайно выбранная для удовольствия короля, рискнуть иметь собственное мнение по подобным вопросам?

— Вот это умное замечание, — быстро кивнул Брандин. — Что ж, придется посоветоваться с Солорес.

— Если ты дождешься от нее умного замечания, — запальчиво сказала Дианора, — я брошусь с балкона сейшана в море.

— Через всю площадь перед гаванью? Едва ли это возможно, — мягко произнес Брандин.

— Как и получить умное замечание от Солорес, — ответила она.

В ответ на это он громко рассмеялся. Двор прислушивался. Все слышали. Каждый сделает собственный вывод, но все, в конце концов все они придут к одному и тому же заключению. Шелто, подумала она, вероятно, получит тайные пожертвования не только от Незо из Играта еще до конца дня.

— Сегодня утром на горе я видел кое-что интересное, — сказал Брандин, становясь серьезным. — Кое-что совершенно необычное.

Вот почему он хотел поговорить с ней с глазу на глаз, поняла Дианора. Сегодня утром он поднимался на Сангариос, она одна из немногих знала об этом. Брандин хранил свою вылазку в тайне, на тот случай, если бы потерпел неудачу. Она уже готовилась потом подшучивать над ним.

В начале весны, как только ветры начинают менять направление, до того, как в Чертандо, и Тригии, и в южных областях той провинции, которая прежде звалась Тиганой, растает последний снег, наступают три дня Поста, знаменующие поворот года.

Нигде на Ладони не зажигали огня, если он уже не горел до этого. Верующие постились, по крайней мере, в первый из трех дней. Колокола в храмах Триады молчали. Мужчины ночью не выходили из дома, особенно после наступления темноты в первый день, день Мертвых.

Осенью тоже соблюдали дни Поста, на границе полугодия, когда наступало время оплакивать Адаона, убитого на своей горе в Тригии, когда солнце начинало тускнеть, а Мориан уединялась в своих Чертогах под землей. Но весенние дни внушали еще более леденящий ужас, особенно в сельской местности, потому что так много зависело от того, что будет после них. Окончание зимы, сезон пахоты и надежда на урожай, на жизнь, на изобилие грядущего лета.

На Кьяре существовал свой ритуал, которого не было больше нигде на Ладони.

На острове рассказывали легенду о том, что Адаон и Эанна впервые сошлись для любовных объятий на вершине Сангариоса и пробыли там целых три дня и три ночи. Что, достигнув бурной вершины удовлетворения своего желания, на третью ночь Эанна, богиня Огней, создала звезды на небесах и разбросала их, словно сияющие кружева, во тьме. И легенда гласила, что через девять месяцев — три раза по три — получила завершение Триада, когда в разгар зимы родилась Мориан в одной из пещер на этой же горе.

И вместе с Мориан в мир вошли и жизнь, и смерть, а с жизнью и смертью пришел смертный человек и зашагал под только что названными звездами, двумя лунами, стерегущими ночь, и солнцем, освещающим день.

И по этой причине Кьяра всегда утверждала свое превосходство над девятью провинциями Ладони, и также по этой причине остров считал Мориан хранительницей своей судьбы.

Мориан, богиня Врат, которая имела власть над всеми порогами. Ибо каждому известно, что все острова — это отдельные миры, что приехать на остров означает попасть в другой мир. Истина, известная под звездами и лунами, пусть о ней не всегда помнят при свете дня.

Раз в три года, в начале каждого года Мориан, в первый из весенних дней Поста, молодые люди Кьяры соревнуются друг с другом на рассвете в беге к вершине Сангариоса, чтобы сорвать там темный, как кровь, побег сонрай, опьяняющих горных ягод, под бдительным оком жрецов Мориан, несущих вахту на пике всю ночь, среди оживших духов умерших. Первый мужчина, спустившийся с горы, нарекался повелителем Сангариоса до следующего состязания по прошествии трех лет.

В древние времена, очень древние, через шесть месяцев, в первый день осеннего Поста женщины устраивали охоту на повелителя Сангариоса и убивали его на этой горе.

Но не сейчас. Это было давно. Теперь молодой чемпион, вероятно, пользовался огромным спросом, как любовник, у жен-

щин, жаждущих его благословенного семени. Еще один вид охоты, сказала однажды Брандину Дианора.

Он не рассмеялся. Он не считал этот ритуал забавным. Шесть лет назад король Играта сам решил пробежать эту дистанцию ранним утром, до начала гонки. И повторил бег снова, через три года. Немалое достижение, в самом деле, для человека его возраста, если учесть, как много и упорно тренировались бегуны перед этими соревнованиями. Дианора не знала, чему удивляться больше: тому, что Брандин захотел это проделать в такой тайне, или тому, что он оба раза так неистово, по-мужски гордился тем, что взбежал на вершину Сангариоса и спустился обратно.

В Зале аудиенций Дианора задала вопрос, которого от нее явно ждали:

— И что же ты видел?

Она не знала, ибо смертные редко знают о своем приближении к порогу богини, что этот вопрос знаменует перемену в ее жизни.

— Нечто необычное, — повторил Брандин. — Я, конечно, опередил стражей, бегущих вместе со мной.

— Конечно, — пробормотала она, искоса бросая на него взгляд.

Он улыбнулся.

— Я был один на тропе на полпути к вершине. Деревья росли еще очень густо по обеим сторонам, рябина по большей части, изредка секвойи.

— Как интересно, — заметила Дианора.

На этот раз он взглядом заставил ее замолчать. Она прикусила губу и постаралась сдержать себя.

— Я взглянул направо, — продолжал Брандин, — и увидел большую серую скалу, похожую на платформу, у края леса. И на этой скале сидело создание. Женщина, готов поклясться, и очень похожая на человеческое существо.

— Очень похожая? — Она больше не смеялась. — Стоя под аркой Врат Мориан, мы иногда догадываемся, что происходит нечто значительное.

— Вот что необычно. Она, несомненно, была не совсем человеческим существом. У людей не бывает зеленых волос и такой бледной кожи. Такая белая кожа, что, готов поклясться, я видел под ней голубые вены, Дианора. А таких глаз, как у нее, я не видел ни у одной женщины. Я подумал, что это игра света — солнце просачивалось сквозь ветви деревьев. Но она не шевелилась и не изменилась, даже когда я остановился, чтобы посмотреть на нее.

И вот теперь Данора точно знала, что произошло.

Ризелки, эти древние создания воды, леса и пещер, появившись почти так же давно, как сама Триада, и по его описанию она поняла, кого он увидел. Ей было известно не только это, и она вдруг испугалась.

— Что ты сделал? — спросила она как можно небрежнее.

— Я не знал, что делать. Заговорил, но она не ответила. Поэтому я шагнул к ней, но, как только я это сделал, она спрыгнула со скалы и попятилась назад. Остановилась среди деревьев. Я вытянул перед собой открытые ладони, но это ее, по-видимому, испугало или обидело, и через мгновение она бросилась бежать.

— Ты последовал за ней?

— Я собирался, но в тот момент меня нагнал один из стражников.

— Он ее видел? — спросила она слишком поспешно.

Брандин с любопытством посмотрел на нее.

— Я спросил. Он ответил, что нет. Думаю, он в любом случае ответил бы так. А что?

Дианора пожала плечами.

— Это подтвердило бы, что тебе не почудилось, — солгала она.

Брандин покачал головой.

— Мне не почудилось. Она не была видением. Она даже напомнила мне тебя, — прибавил он, словно эта идея только что пришла ему в голову.

— Чем же это? Зеленой кожей и синими волосами? — повторила Дианора, доверившись своим выработанным при дворе инстинктам. Здесь происходило нечто очень важное. Она изо всех сил старалась скрыть смятение. — Премного благодарна, милостивый господин мой. Полагаю, если поговорить с Шелто и Венчелем, можно добиться такого цвета кожи, а синие волосы довольно легко сделать. Если тебя это так сильно возбуждает.

Он улыбнулся, но не рассмеялся.

— Зеленые волосы, не синие, — поправил он, почти рассеянно. — И это правда, Дианора, — повторил он, странно глядя на нее. — Она действительно напомнила мне тебя. Интересно, почему. Тебе что-нибудь известно о таких созданиях?

— Нет, — ответила она. — У нас в Чертандо нет легенд о зеленоволосых горных женщинах.

Она лгала. Лгала как можно естественнее, глядя прямо на него широко раскрытыми глазами. Она никак не могла поверить в то, что только что услышала, в то, что он видел.

— А какие легенды гор есть у вас в Чертандо? — спросил он, выжидательно улыбаясь.

— Истории о волосатых тварях, у которых ноги похожи на обрубки дерева и которые по ночам пожирают коз и девственниц.

Его улыбка стала шире.

— А они существуют?

— Козы — да, — серьезно ответила Дианора. — Девственницы встречаются реже. Волосатые создания с таким особым вкусом не способствуют сохранению целомудрия. Ты пошлешь отряд на поиски этой женщины? — Ответ на этот вопрос был настолько важен, что она затаила дыхание.

— Наверное, нет, — сказал Брандин. — Подозреваю, что подобные создания можно увидеть только тогда, когда они сами того хотят.

Что было чистой правдой, это она знала точно.

— Я не рассказывал никому, кроме тебя, — неожиданно прибавил Брандин.

При этих словах на ее лице появилось выражение, которое уже не сумела скрыть. Но, прежде всего, и самое главное, этот рассказ пробудил в ней нечто новое. Как ей необходимо было сейчас остаться одной и подумать! Тщетная надежда. Сегодня ей еще не скоро представится такая возможность; лучше запрятать эту историю подальше, если удастся, к остальным мыслям, которые она всегда оттесняла в дальние уголки сознания.

— Благодарю, милорд, — пробормотала она, осознав, что они уже довольно долго беседуют наедине. И понимая, как это будет истолковано.

— А ведь ты даже не спросила меня, как я справился с этой дистанцией. Солорес, должен сказать тебе, первым делом спросила об этом, — внезапно сказал Брандин совершенно другим тоном.

Это вернуло их на знакомую почву.

— Очень хорошо, — ответила Дианора с притворным равнодушием. — Так расскажи мне. Ты пробежал половину? Две трети?

В его серых глазах вспыхнуло царственное негодование.

— Иногда ты и впрямь слишком самонадеянна, — сказал он. — Я тебе слишком много позволяю. Если хочешь знать, сегодня утром я добежал до самой вершины и спустился вниз с пучком ягод сонрай. Мне будет очень интересно посмотреть, сможет ли завтра кто-нибудь из юношей подняться и спуститься так же быстро.

— Ну, — быстро и опрометчиво ответила она, — они ведь бегут без помощи магии.

— Дианора, прекрати!

Этот тон она узнала и поняла, что зашла слишком далеко. Как всегда в подобные моменты, у нее возникло головокружительное ощущение, словно под ногами разверзлась пропасть.

Дианора знала, что нужно от нее Брандину, знала, почему он позволяет ей вести себя возмутительно дерзко. Она уже давно поняла, почему для него важны ее остроумие и резкость их перепалок. Она служила противовесом мягкой, нетребовательной, ни в чем не сомневающейся Солорес. Они вдвоем, по очереди, уравновешивали его аскетические занятия политикой и управлением вместе с д'Эймоном.

И все трое вращались по орбитам вокруг звезды, которая называлась Брандином. Вокруг солнца в добровольной ссылке, покинувшего знакомые небеса, землю, море и народ, привязанного к этому чужому полуострову утратой, горем и решимостью отомстить.

Все это Дианора знала. Она очень хорошо знала короля. От этого зависела ее жизнь. Она не часто переступала черту, которая всегда присутствовала, невидимая, но нерушимая. А когда переступала, то чаще всего в таких явно пустяковых вопросах, как сегодня. Ей казалось таким парадоксом, что он мог пожать плечами и рассмеяться или даже спровоцировать ее ядовитые замечания по поводу двора и колонии, и в то же время вскинуться, словно мальчишка, от уязвленной гордости, если она дразнила его, высказывая сомнение в его способности утром взбежать на гору и спуститься с нее.

В такие минуты ему достаточно было произнести особым тоном ее имя, и перед ней распахивалась бездонная пропасть, прямо посреди инкрустированного пола Зала аудиенций.

Она была здесь пленницей, больше рабыней, чем придворной дамой при дворе тирана. И еще она была лазутчицей, живущей среди непрерывной лжи, пока ее страна медленно уходила из памяти людей. А ведь она поклялась убить этого человека, чей взгляд с противоположного конца комнаты лесным пожаром охватывал ее кожу или превращался в вино в ее крови.

Везде пропасти, куда бы она ни повернулась.

Брандин утром увидел зеленоволосую ризелку. Он, и, возможно, еще один человек. Заглушая в себе страх, Дианора заставила себя небрежно пожать плечами и высоко подняла брови, сохраняя привычно равнодушное выражение лица.

— Забавно, — произнесла она, пытаясь вернуть самообладa-

ние и все равно точно зная, что ему от нее нужно. Особенно сейчас. — Ты заявляешь, что доволен, даже тронут тем, что Солорес, волнуясь за тебя, спросила насчет утреннего бега. Первый же вопрос, который она задала, как ты сказал. Наверное, она интересовалась, удалось тебе это сделать или нет! И все же, когда я — зная так же верно, как собственное имя, что ты побывал на вершине сегодня утром, — легко отнеслась к этому, как к вещи незначительной, не подлежащей сомнению, тогда король рассердился. И сурово приказал мне прекратить! Но скажите, милорд, по справедливости, кто из нас оказал вам больше чести?

Брандин долго молчал, и Дианора знала, что придворные жадно всматриваются в выражение его лица. Но в данный момент они ей были совершенно безразличны. И даже ее собственное прошлое или его встреча в горах. Существовала одна, особая пропасть, и она начиналась и заканчивалась в глубине этих серых глаз, которые сейчас пристально вглядывались в ее глаза.

Когда Брандин заговорил, его тон снова изменился, но этот тон она знала очень хорошо, и, несмотря на все только что сказанное, несмотря на то, где они находились и кто за ними наблюдал, она почувствовала внезапную слабость. У нее задрожали колени, но уже не от страха.

— Я мог бы взять тебя прямо сейчас, на полу этой комнаты, на глазах у всего моего двора, — хрипло произнес Брандин, король Играта, и лицо его покраснело.

У Дианоры пересохло в горле. Она почувствовала, как задрожал нерв под кожей на ее запястье. Она чувствовала, что и сама залилась румянцем. И с трудом проглотила слюну.

— Может быть, разумнее будет сделать это сегодня ночью, — прошептала она, пытаясь говорить легкомысленным тоном, но ей это не вполне удалось, и она не сумела скрыть ответную реакцию во взгляде — искра к искре, словно начало пожара. Изукрашенная драгоценностями чашка с кавом дрожала в ее руке. Он заметил это, и она видела, что заметил и что ее ответная реакция, как всегда, разожгла в нем еще большее желание. Дианора сделала глоток, держа чашку обеими руками, изо всех сил пытаясь сохранить остатки самообладания.

— Наверняка лучше ночью, — снова повторила она, как всегда потрясенная тем, что с ней происходит. Однако она знала, что необходимо ему сказать в этот момент, в этой государственной палате, наполненной его придворными и посланниками из дома. И она это сказала, глядя ему в глаза, тщательно выговаривая слова: — В конце концов, милорд, в вашем возрасте вам

следует поберечь силы. Ведь вы все же пробежали часть пути в гору сегодня утром.

Через мгновение кьярский двор Брандина Игратского во второй раз увидел, как их король запрокинул свою красивую голову, и услышал его громкий, радостный смех. Стоящий неподалеку шут Рун столь же восторженно закудахтал от смеха.

— Изола Игратская!

На этот раз звучали трубы и бил барабан, и жезл герольда с громким стуком ударил об пол возле двойных дверей у южного конца Зала аудиенций. Стоя неподалеку от трона, Дианора наблюдала за торжественным проходом по залу женщины, которую Брандин называл самой замечательной певицей Играта. Придворные Кьяры выстроились в несколько рядов на ее пути, пока она шла к королю.

— Все еще красивая женщина, — пробормотал Незо из Играта, — а ведь ей уже пятьдесят лет, не меньше. — Он каким-то образом ухитрился оказаться рядом с Дианорой в первом ряду.

Его елейный тон раздражал Дианору, как обычно, но она старалась не подавать виду. Изола была одета в самое простое платье темно-синего цвета, с тонкой золотой цепочкой на талии. Ее каштановые волосы с едва заметной сединой были острижены коротко, не по моде, — хотя после сегодняшнего дня весенняя и летняя мода может измениться, подумала Дианора. Колония всегда в подобных вопросах подражала Играту.

Изола шагала уверенно, не спеша, по проходу, образованному придворными. Брандин приветливо улыбался ей. Он всегда был чрезвычайно доволен, когда тот или иной артист из Играта совершал долгое, часто опасное путешествие по морю к его второму двору.

В нескольких шагах позади Изолы Дианора с искренним изумлением увидела поэта Камену ди Кьяру, одетого в просторный трехслойный плащ. Он нес лютню в футляре, словно это было бесценное произведение искусства. Придворные начали перешептываться: не только Дианору это удивило.

Она инстинктивно бросила взгляд через проход, туда, где стоял Доарде с женой и дочерью. И поймала на его лице выражение ненависти и страха, промелькнувшее при приближении молодого соперника. Через мгновение это выражение исчезло и сменилось привычной маской снисходительного презрения к тому факту, что Камена вульгарно унизился до роли носильщика при гостье из Играта.

И все же, подумала Дианора, это игратянский двор. Камена, как подсказала ей интуиция, вероятно, написал стихи, переложенные на музыку. Если Изола собирается петь его песню, это будет ослепительной удачей для кьярского поэта. И более чем достаточным объяснением, почему он вызвался еще больше возвысить Изолу — и артистов Играта, — взявшись быть носильщиком при ней.

Политика искусства, решила Дианора, почти так же сложна, как политика провинций и народов.

Изола остановилась, как и подобает, примерно в пятнадцати шагах от возвышения перед троном, совсем рядом с Дианорой и Незо.

Она трижды присела в аккуратном реверансе. Очень милостиво, оказывая ей высокую честь, Брандин встал ей навстречу, чтобы поприветствовать. Он улыбался. За его спиной слева улыбался Рун.

Позже Дианора не могла назвать причину или объяснить, почему она перевела взгляд с монарха и певицы на поэта, несущего лютню. Камена остановился шагах в пяти позади Изолы и опустился на колени на мраморный пол.

Эту благостную картину портили его неестественно расширенные глаза. «Листья нилта, — мгновенно поняла Дианора. — Он накачал себя наркотиком». Она заметила капли пота на лбу поэта, а в Зале аудиенций вовсе не было жарко.

— Рад видеть тебя, Изола, — произнес Брандин с искренней радостью. — Мы так давно не встречались, не слышали твоей музыки.

Дианора увидела, как Камена немного по-другому держит лютню. Она решила, что он готовится открыть футляр. Но это не было похоже на обычную лютню. Собственно говоря...

Потом она только одно могла сказать наверняка: именно история с зеленоволосой ризелкой обострила ее зрение. Эта история и то, что Брандин не был уверен, видел ли второй человек, его стражник, ризелку или нет.

Один человек — поворот дороги. Два — смерть одного из них.

В любом случае что-то должно было произойти. И сейчас это происходило.

Все, кроме нее, устремили взоры на Брандина и Изолу. Одна лишь Дианора видела, как Камена снял с лютни бархатное покрывало. Лишь Дианора увидела, что это все же не лютня. И только она слышала рассказ Брандина о ризелке.

— Умри, Изола Игратская! — хрипло выкрикнул Камена, выпучил глаза, отшвырнул в сторону бархат и поднял арбалет.

С молниеносной реакцией юноши Брандин рефлекторно выбросил вперед руку и создал магический щит вокруг певицы.

Как от него и ожидали, поняла Дианора.

— Брандин, нет! — закричала она. — Это ты!

И, схватив открывшего рот Незо из Играта за плечо, она шагнула в проход, толкнув его перед собой.

Дротик арбалета, точно нацеленный по линии, идущей слева от Изолы, в сердце Брандина, вонзился в плечо ошеломленного Незо. Тот взвизгнул от боли и неожиданности.

Дианора, по инерции продолжая движение, упала на колени рядом с Изолой. И подняла взгляд. Она до конца своих дней не могла забыть выражение глаз певицы.

Дианора отвернулась от этого взгляда. Слишком жгучая ненависть горела в нем. Она чувствовала себя физически больной, ее била дрожь. Заставила себя подняться и посмотрела на Брандина. Он даже не опустил руку. Вокруг Изолы еще дрожал защитный барьер.

Но ей вовсе не грозила опасность. К этому моменту стража уже схватила Камену. Его поставили на ноги. Дианора никогда не видела столь бледного человека. Даже его глаза были белыми, от наркотика. На мгновение ей показалось, что он сейчас потеряет сознание, но тут Камена откинул голову назад, насколько смог в железных руках солдат Играта. Открыл рот, словно в агонии.

— Кьяра! — крикнул он, а затем: — Свободу Кьяре! — прежде чем ему грубо заткнули рот.

Эхо еще долго разносилось по залу. Он был просторным, и тишина стояла почти абсолютная. Никто не смел шевельнуться. У Дианоры создалось впечатление, что двор даже не дышит. Никто не хотел привлекать к себе ни малейшего внимания.

Незо, лежащий на мраморном полу, застонал от страха и боли, нарушив эту немую картину. Двое солдат опустились возле него на колени, чтобы помочь. Дианора все еще боялась, что ее стошнит, она не могла унять дрожь в руках. Изола Игратская не шевелилась.

Она и не может пошевелиться, поняла Дианора: Брандин держит ее в мысленных оковах, словно цветок, распластанный на листе бумаги. Солдаты подняли Незо и вывели его из комнаты. Дианора отступила назад, оставив Изолу одну перед королем. На расстоянии предписанных пятнадцати шагов.

— Камена был орудием, — тихо произнес Брандин. — Кьяра, в сущности, не имеет к этому никакого отношения. Не думай, что я этого не понимаю. Я не могу предложить тебе ничего,

кроме легкой смерти. Ты должна мне сказать, почему сделала это. — Его голос звучал жестко и размеренно, в нем отсутствовали всякие интонации. Такого голоса Дианора никогда у него не слышала. Она взглянула на Руна: шут плакал, слезы текли по его изуродованному лицу.

Брандин опустил руку, освободив Изолу, чтобы она могла двигаться и говорить.

Ослепительная вспышка ненависти исчезла с ее лица. Вместо нее появилась вызывающая гордость. Интересно, подумала Дианора, действительно ли она думала, что ее предательство увенчается успехом. И надеялась ли она после убийства короля свободно покинуть эту комнату. А если нет — если она не надеялась на это, — что это означает?

Держась очень прямо, Изола отчасти ответила на этот вопрос.

— Я умираю, — сказала она Брандину. — Врачи дали мне меньше трех месяцев, пока растущая во мне опухоль доберется до мозга. Я уже не могу вспомнить некоторые песни. Песни, которые были моими сорок лет.

— Прискорбно это слышать, — официальным тоном ответил Брандин, его учтивость была столь совершенной, что, казалось, противоречила человеческой природе. — Мы все умираем, Изола. Некоторые совсем молодыми. Не все вступают в заговор, чтобы убить своего короля. Ты должна сказать мне больше, прежде чем я избавлю тебя от боли.

Впервые Изола, казалось, заколебалась. Опустила глаза под взглядом его неестественно спокойных серых глаз. И после долгой секунды молчания ответила:

— Вам следовало знать, что придется заплатить цену за то, что вы сделали.

— И что именно я сделал?

Она подняла голову.

— Вы поставили мертвого ребенка выше живого, месть — выше жены. И выше вашей собственной страны. Вы когда-нибудь думали, хотя бы немного, о ком-нибудь из них, занимаясь своей противоестественной местью за Стивана?

Сердце Дианоры больно забилось. Это имя не произносили на Кьяре. Она увидела, что Брандин сжал губы, такие поджатые губы ей доводилось видеть у него считанные разы. Но когда он заговорил, его голос был таким же сдержанным, как и раньше.

— Я считал, что поступил с ними справедливо. Джиралд правит в Играте, как должен был. У него даже остался мой сейшан,

как символ власти. Доротею я в первые годы приглашал сюда по нескольку раз в год.

— Приглашали сюда, чтобы она увяла и состарилась, пока вы будете оставаться молодым. Этого никогда не позволял себе ни один король-чародей Играта, из опасения, что боги накажут страну за подобное святотатство. Но об Играте вы никогда не думали, не так ли? А Джиралд? Он не король — король его отец. Это ваш титул, а не его. Что значит ключ от сейшана по сравнению с реальностью? Он умрет раньше вас, Брандин, если только вас не убьют. И что произойдет тогда? Это противоестественно! Это все противоестественно, и за это придется заплатить свою цену.

— Всегда приходится платить, — тихо ответил он. — Платить за все. Даже за жизнь. Я не ожидал, что платить придется в собственной семье. — Последовало молчание. — Изола, я обязан продлить свои годы, чтобы выполнить то, ради чего нахожусь здесь.

— Значит, вы за это платите, — повторила Изола, — как платят Джиралд и Доротея. И Играт.

«И Тигана, — подумала Дианора, она больше не дрожала, ее собственная боль вернулась к ней свежей раной. — Тигана тоже платит; разбитыми статуями и разрушенными башнями, убитыми детьми и исчезнувшим именем».

Она следила за лицом Брандина. И Руна.

— Я тебя слышу, — ответил наконец король певице. — Я услышал больше, чем ты сказала. Мне нужно знать еще лишь одну вещь. Ты должна сказать мне, кто из них это сделал. — Это было произнесено с видимым сожалением. Уродливое лицо Руна было сведено в гримасу, он беспомощно и беспорядочно размахивал руками.

— А почему вы вообразили, что их цели в этом не совпадали? — спросила Изола, выпрямившись, с жестоким высокомерием человека, которому больше нечего терять. — Почему надо выбирать одного, король Играта? — Голос ее звенел, резкий, как смысл ее слов.

Брандин медленно кивнул. Теперь его боль была очевидна; Дианора видела эту боль в том, как он стоял и говорил, как бы хорошо он ни владел собой. Ей не было необходимости смотреть на Руна.

— Хорошо, — сказал Брандин. — А ты, Изола? Что они могли предложить тебе, чтобы заставить тебя пойти на подобный поступок? Неужели ты меня так сильно ненавидишь?

Женщина заколебалась всего на секунду. Затем, так же гордо и вызывающе, как и раньше, ответила:

— Я так сильно люблю королеву.

Брандин закрыл глаза.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах, а вы от нее отказались, когда променяли любовь и постель жены на жизнь в ссылке и любовь к мертвецу.

В любой обычной ситуации, даже отдаленно напоминающей обычную, эти слова вызвали бы реакцию двора. Ее не могло не быть. Но Дианора ничего не услышала, только осторожное дыхание множества людей, когда Брандин снова открыл глаза и посмотрел сверху вниз на певицу. На лице игратянки было написано нескрываемое торжество.

— Я звал ее, — повторил он почти печально. — Я мог бы ее принудить, но предпочел не делать этого. Она ясно выразила свои чувства, и я оставил выбор за ней. Я считал это более добрым, более справедливым. Похоже, что мой грех в том, что я не приказал ей прибыть на полуостров.

Столько разных оттенков горя и боли нахлынули на Дианору. За спиной короля она видела д'Эймона; его лицо стало болезненно-серым. Он на секунду встретился с ней взглядом и быстро отвел глаза. Позднее она, возможно, придумает способ использовать это внезапное превосходство над ним, но сейчас Дианора не чувствовала ничего, кроме жалости к этому человеку.

Она знала, что он подаст сегодня ночью в отставку. Возможно, предложит убить себя по древнему обычаю. Брандин откажется, но после все уже будет не так, как раньше.

По очень многим причинам.

— Думаю, ты сказала мне все, что мне нужно было знать.

— Кьярский поэт действовал в одиночку, — неожиданно сказала Изола. Она махнула рукой в сторону Камены, которого железной хваткой держали двое стражников у нее за спиной. — Он присоединился к нам, когда приезжал в Играт два года назад. До сих пор его и наши цели совпадали.

Брандин кивнул.

— До сих пор, — тихо повторил он. — Я так и думал. Спасибо, что подтвердила это, — серьезно прибавил он.

Воцарилось молчание.

— Вы обещали мне легкую смерть, — напомнила Изола, держась очень прямо.

— Обещал, — ответил Брандин. — Действительно, обещал. — Дианора перестала дышать. Король смотрел на Изолу без всякого выражения невыносимо долгие секунды.

— Ты даже не представляешь себе, — наконец произнес он почти что шепотом, — как я был счастлив, что ты приехала снова петь для меня.

Потом махнул правой рукой, точно таким же небрежным жестом, каким отсылал прочь слугу или просителя.

Голова Изолы взорвалась, будто перезрелый плод под ударом молотка. Темная кровь выплеснулась из шеи, а тело мешком осело на пол. Дианора стояла слишком близко; кровь убитой женщины сильной струей брызнула ей на платье и в лицо. Она отшатнулась. Иллюзорные змееподобные твари извивались и корчились на том месте, где голова Изолы только что превратилась в бесформенную, растекающуюся массу.

Отовсюду неслись крики обезумевших придворных, которые старались отодвинуться подальше. Одна фигура внезапно выбежала вперед. Спотыкаясь, чуть не падая в спешке, эта фигура рывком выхватила меч. Потом неуклюже, держа меч двумя руками, шут Рун начал рубить мертвое тело певицы.

Его лицо странно исказила ненависть и ярость. Пена и слюна текли изо рта и ноздрей. Одним яростным ударом мясника он отсек руку от туловища. Нечто темное, зеленое и безглазое появилось из обрубка плеча Изолы и заколыхалось, оставляя след блестящей черной слизи. За спиной Дианоры кто-то подавился от ужаса.

— Стиван! — услышала она душераздирающий вопль Руна. И среди тошноты, хаоса и ужаса ее сердце внезапно сжалось от всепоглощающей жалости. Она смотрела на лихорадочно машущего мечом шута, одетого точно так же, как король, вооруженного мечом короля. Из его рта летели брызги слюны.

— Музыка! Стиван! Музыка! Стиван! — непрерывно кричал Рун, и с каждым яростно вылетавшим словом его тонкий, усыпанный драгоценностями придворный меч поднимался и падал, бросая яркие отблески света, и рубил мертвое тело, словно мясо. Он поскользнулся на залитом кровью полу и упал на колени, подкошенный собственной яростью. Откуда-то возникла серая тварь с глазами на качающихся стебельках и присосалась к его колену, словно пиявка.

— Музыка, — в последний раз произнес Рун, мягко и неожиданно четко.

Потом меч выпал из его пальцев, и он сел в лужу крови рядом с изувеченным трупом певицы в безнадежно испачканных бело-золотых придворных одеждах, неловко склонил лысеющую голову несколько набок и зарыдал так, словно у него было разбито сердце.

Дианора обернулась к Брандину. Король стоял неподвижно, его руки безвольно висели по бокам. Он смотрел на ужасную сцену перед собой с пугающим равнодушием.

— Всегда приходится платить, — тихо произнес он почти про себя среди наполнявших Зал аудиенций несмолкающих воплей и смятения.

Дианора несмело шагнула к нему, но он уже отвернулся и вместе с быстро последовавшим за ним д'Эймоном покинул зал через дверь позади трона.

После его ухода сразу же исчезли извивающиеся змееподобные твари, но осталось изуродованное тело певицы и жалкая, скорчившаяся фигурка шута. Кажется, Дианора одна осталась возле него, все остальные бросились к выходу. Кожа у нее горела там, где на нее попала кровь Изолы.

Люди спотыкались и толкали друг друга в лихорадочной спешке, стремясь покинуть зал теперь, когда король ушел. Она видела, как солдаты поспешно увели Камену ди Кьяру через боковую дверь. Другие солдаты подошли, чтобы накрыть куском ткани тело Изолы. Для этого им пришлось отодвинуть Руна. Казалось, он не понимает, что происходит. Он все еще плакал, его лицо гротескно сморщилось, как у обиженного ребенка. Один из солдат решительно поднял отрубленную Руном руку и подсунул под ту же ткань. Дианора видела, как он это сделал. Ей казалось, что все ее лицо в крови. Она была на грани срыва и оглянулась в поисках помощи, любой помощи.

— Пойдем отсюда, госпожа, — произнес рядом с ней голос, в котором она отчаянно нуждалась. — Пойдем. Позвольте отвести вас обратно в сейшан.

— Ох, Шелто, — прошептала она. — Пожалуйста. Пожалуйста, уведи меня, Шелто.

Новость промчалась по сейшану, словно огонь по сухому хворосту, наполнив его слухами и страхом. Покушение, организованное из Играта. С участием жителя Кьяры.

И оно чуть было не увенчалось успехом.

Шелто поспешно провел Дианору по коридорам к ее комнатам и, яростно оберегая ее, захлопнул дверь перед носом возбужденной, трепещущей толпы, роящейся в коридоре, словно масса одетых в шелк мотыльков моли. Непрерывно бормоча себе под нос, он раздел и вымыл ее, потом тщательно закутал в самые теплые одежды. Она не могла унять дрожь, не могла говорить. Он разжег огонь и заставил ее сесть возле него. С безволь-

ной покорностью она выпила чай маготи, приготовленный им, как успокоительное. Две чашки, одну за другой. В конце концов Дианора перестала дрожать. Но Шелто заставил ее остаться в кресле у огня.

Она чувствовала себя душевно разбитой, оцепеневшей. Казалось, она совершенно не способна понять что-либо, правильно отреагировать на то, что случилось.

Лишь одна мысль вытесняла другие, стучала в ее мозгу, подобно ударам жезла герольда об пол. Мысль настолько невероятная, настолько лишающая сил, что она пыталась изо всех сил, сквозь ослепительное биение нахлынувшей головной боли, ее остановить. Но не сумела. Стук прорывался снова и снова: она спасла ему жизнь.

Одно биение пульса отделяло Тигану от возвращения в этот мир. Биение пульса Брандина, которое оборвала бы стрела из арбалета.

Вчера ей снился дом. Место, где играли дети. Среди башен возле гор, у реки, на волнах белого или золотого песка, рядом с дворцом у края прибоя. Дом стал тоской, сном отчаяния, именем во сне. И сегодня она сделала единственное, что было в ее силах, чтобы это имя не вернулось к жизни, а навеки осталось во сне. Пока все сны тоже не умрут.

Как ей справиться с этим? Как справиться с тем, что это означает? Она приехала сюда, чтобы убить Брандина Игратского, оборвать его жизнь, чтобы погибшая Тигана снова ожила. А вместо этого...

Ее снова начала бить дрожь. Что-то бормоча и суетясь вокруг нее, Шелто еще раз разжег огонь и принес еще одно одеяло, чтобы накрыть ей ноги и колени. Увидев слезы на ее лице, он издал странный, беспомощный звук отчаяния. Немного позже кто-то громко постучал в ее дверь, и Дианора услышала, как Шелто прогнал их прочь такими словами, которых она никогда прежде от него не слыхала.

Постепенно, очень медленно, она снова взяла себя в руки. По меркнущему свету, который мягко лился сквозь высокие окна, она поняла, что день уступает место сумеркам. Она потерла щеки и глаза тыльной стороной ладоней. Села. Ей надо быть готовой, когда наступят сумерки; именно в сумерках Брандин посылал в сейшан.

Она поднялась с кресла, с удовольствием отметив, что уже увереннее стоит на ногах. Шелто подскочил к ней, протестуя, но осекся, когда увидел ее лицо. Не говоря ни слова, он проводил ее через внутреннюю дверь по коридору в бани. Его ярост-

ный взгляд заставил замолчать слуг. У нее возникло чувство, что он бы ударил их, если бы они заговорили; Дианора никогда не слышала ни об одном его насильственном поступке. С тех пор, как он убил человека и потерял свое мужское достоинство.

Она позволила им выкупать себя, смягчить ароматными маслами кожу. Сегодня днем на ней была кровь. Вода кружилась вокруг нее и убегала прочь. Слуги вымыли ее волосы. Потом Шелто покрасил ей ногти на руках и ногах. В мягкий цвет пыльной розы. Совсем не похожий на цвет крови, цвет гнева и горя. Потом он покрасит ей губы в тот же цвет. Но Дианора сомневалась, что они будут с Брандином заниматься любовью. Она будет обнимать его, а он ее. Дианора вернулась к себе и стала ждать.

За окном стемнело, и она знала, что уже спустился вечер. Все в сейшане знали, когда наступал вечер. День вращался, стремясь к часу наступления темноты, а потом убегал прочь. Она послала Шелто за дверь, чтобы встретить гонца.

Скоро он вернулся и сообщил ей, что Брандин послал за Солорес.

В ней вспыхнул дикий гнев. Он взорвался, словно голова Изолы Игратской в Зале аудиенций. Дианора едва могла вздохнуть, настолько сильной оказалась ее внезапная ярость. Никогда в жизни она не ощущала ничего подобного этому раскаленному добела котлу в ее сердце. После падения Тиганы, после вынужденного ухода ее брата ее ненависть обрела форму, стала управляемой, подогреваемой определенной целью, оберегаемым язычком пламени, которому, как она знала, предстоит гореть еще долго.

А это было адское пламя. Кипящий в ней котел, чудовищный, неукротимый, сметающий все, подобно потоку лавы. Если бы Брандин находился сейчас у нее в комнате, она могла бы вырвать у него сердце ногтями и зубами — как женщины разорвали Адаона на склоне горы. Шелто непроизвольно сделал шаг назад; никогда прежде Дианора не видела, чтобы он испугался ее или любого другого человека. Но это наблюдение сейчас не имело значения.

А имел значение единственный факт: она сегодня спасла жизнь Брандина Игратского, втоптав в кровь и грязь чистую, незапятнанную память о доме и клятву, которую она дала так давно, перед приездом сюда. Она нарушила суть всего, чем когда-то была; изнасиловала себя более жестоко, чем любой мужчина, который когда-либо спал с ней за деньги в комнате наверху, в Чертандо.

А взамен? Взамен Брандин просто послал за Солорес ди Корте, предоставив ей коротать сегодняшнюю ночь одной.

Нет, не следовало ему так поступать.

Не имело значения, что даже ослепленная пламенем собственного пожара Дианора могла понять, почему он мог так поступить. Понять, как мало он нуждается сегодня ночью в ее остротах или уме, в блеске, в вопросах и предположениях. Или в страсти. Ему будет нужна мягкая, нерассуждающая, врожденная доброта, которую дарит Солорес. А она сама, очевидно, нет. Убаюкивающее обожание, нежность, утешающий голос. Сегодня ему понадобится убежище. Она могла понять: она сама нуждалась в этом, нуждалась отчаянно после того, что произошло.

Но все это должен был дать ей он.

И вот как получилось, что, оставшись одна в своей постели в ту ночь, никем и ничем не защищенная, Дианора почувствовала себя нагой и неспособной скрыться от того, что пришло, когда огонь ярости наконец угас.

Она лежала без сна, когда колокола прозвонили в первый раз, а потом во второй, отмечая триады ночных часов, но перед третьим боем, провозглашающим наступление серого рассвета, с ней произошли две вещи.

Первая — неумолимое возвращение единственного воспоминания, которое она всегда старательно отделяла от тысяч горестных воспоминаний того года, когда оккупировали Тигану. Но она была действительно беззащитна и уязвима во тьме этой ночи Поста, и ее уносило страшно далеко от всех пристаней, которые за это время обрела ее душа.

Пока Брандин, в дальнем крыле дворца, искал утешения, как мог, у Солорес ди Корте, Дианора лежала, словно на открытом пространстве, одна, не в силах убежать от тех образов, которые нахлынули на нее из далеких лет. Образов любви, боли и потери любви в боли, которые были такими пронзительными, таким резким и ледяным ветром в сердце, что в любое другое, обычное время она их не пускала в себя.

Но перст смерти в тот день указал на Брандина Игратского, и она одна отвела этот перст, увела Брандина от темных Врат Мориан, а сегодня была ночь Поста, ночь призраков и теней. Так что это время нельзя считать обычным, и оно таким не было. И на Дианору нахлынули ужасные воспоминания, одно за другим, непрерывной чередой, словно волны темного моря, последние воспоминания о брате, перед тем как он ушел.

* * *

Он был тогда еще слишком молод, чтобы сражаться у Дейзы. Ни одного бойца младше пятнадцати лет, строго приказал принц Валентин и уехал на север воевать. Алессана, младшего сына принца, тайно увез на юг Данолеон, Верховный жрец Эанны, когда пришло сообщение, что Брандин направляется к ним.

Это случилось после того, как погиб Стиван. После этой единственной победы. Они все знали, измученные мужчины, которые сражались и уцелели, женщины, старики и дети, оставшиеся дома, что приход Брандина будет означать конец того мира, в котором они жили и любили.

Они не ведали, насколько буквально это сбудется, что король-чародей из Играта сможет сделать то, что он сделал. Это им предстояло узнать в последующие дни и месяцы, и это было похоже на жестокую, тяжелую опухоль, разрастающуюся в душах уцелевших людей.

«Погибшим у Дейзы повезло» — так говорили все чаще, шепотом и с болью в год гибели Тиганы те, кто выдержал это умирание.

Дианора и ее брат остались с матерью, чей разум лопнул, как тетива лука, когда пришли известия о второй битве при Дейзе. Когда авангард играгян вошел в сам город, занимая улицы и площади Тиганы, богатые дома и Дворец у Моря, тонко расписанный нежными красками, она, казалось, потеряла последнюю связь с внешним миром и молча ушла бродить в пространство, куда не мог последовать за ней никто из детей.

Иногда она улыбалась и кивала чему-то невидимому, сидя в то лето среди их разгромленного двора, среди обломков расколотого мрамора, и сердце дочери ныло, как ноет старая рана во время зимних дождей.

Дианора взяла на себя обязанности по дому, как могла, хотя трое слуг и учеников погибли вместе с отцом. Двое других убежали вскоре после того, как пришли играгяне и началось разрушение. Она даже не могла их винить. Только одна из женщин и младший из учеников остались с ними.

Ее брат и этот ученик подождали, пока прекратится долгая полоса разрушений и пожаров, потом нашли работу по расчистке мусора или ремонту стен, когда по приказу играгян началось частичное восстановление. Жизнь начала возвращаться в нормальное русло. Или в русло, похожее на нормальное, в городе, называемом теперь Нижний Корте, в провинции с тем же названием. В мире, где никто, кроме них самих, не мог услышать

само слово «Тигана». Вскоре они перестали произносить его в общественных местах. Боль была слишком сильна: все внутри сжималось при виде непонимающего выражения на лицах играгян или торговцев и банкиров из Корте, которые быстро явились в город в поисках той прибыли, которую можно найти среди мусора медленно отстраивающегося города. Это была боль, для которой невозможно найти названия.

Дианора помнила с острой, режущей ясностью тот первый раз, когда назвала свой дом Нижним Корте. Все могли вспомнить подобный момент, все уцелевшие: в душу каждого из них воспоминание об этом моменте впилось, словно рыболовный крючок. Погибшим при Дейзе и в первой и во второй битве очень повезло, так говорили в тот год.

Она с горечью наблюдала, как брат стал взрослым в те первые лето и осень, горевала о его исчезнувшей улыбке, потерянном смехе. Его детство закончилось слишком быстро, но она не знала, как те же жестокие уроки и лишения избороздили ее собственное лицо, худое и непривлекательное. В конце лета ей исполнилось шестнадцать, а ему осенью пятнадцать. На его именины она испекла пирог для ученика, старухи матери, брата и себя. Гостей не было: сборища любого рода были в тот год запрещены. Мать улыбнулась, когда Дианора дала ей кусок темного пирога, но Дианора знала, что эта улыбка не имеет никакого отношения ни к одному из них.

Брат это тоже знал. Противоестественно серьезно он поцеловал мать в лоб, потом сестру и ушел из дома на ночь глядя. Конечно, было запрещено покидать дом после наступления темноты, но что-то все время толкало его бродить по улицам, мимо там и сям продолжающих тлеть пожарищ почти на каждом углу. Похоже было, что он бросает вызов патрулям играгян, подзадоривая их поймать его. Наказать его за то, что ему исполнилось всего четырнадцать лет перед началом войны.

Однажды ночью двоих солдат зарезали. В ответ быстро соорудили двадцать колес смерти. Шесть женщин и пятеро детей оказались среди тех, кого подняли на эти колеса умирать. Дианора знала большинство из них; не так много народа осталось в городе, они все друг друга знали. С тех пор по ночам ей приходилось прилагать усилия, чтобы защитить мозг от постепенно замирающих детских воплей.

Больше солдат не убивали.

Брат продолжал гулять по ночам. Она обычно лежала без сна, пока не слышала, что он вернулся. Он всегда нарочно производил какой-нибудь шум, чтобы она его услышала и смогла

уснуть. Каким-то образом он знал, что она не спит, хотя она никогда не говорила ни слова.

Он был бы красив, с темными волосами и глубоким взглядом карих глаз, если бы не был так худ и если бы его глаза не были обведены темными кругами от горя и бессонных ночей. В первую зиму еды было мало: большая часть урожая сгорела, остальное конфисковали, и Дианора старалась изо всех сил накормить их пятерых. Но с выражением его глаз она ничего не могла поделать. В тот год такой взгляд был у всех. Она его видела в зеркале.

Следующей весной игратяне открыли для себя новый вид спорта. Возможно, это было неизбежно, как одна из злокачественных опухолей, выросших из глубоко посеянных семян мести Брандина.

Дианора помнила, что стояла у окна наверху в тот день, когда это началось. Она смотрела, как брат и ученик — который уже перестал быть учеником, разумеется, — шагают через залитую ранним утренним солнцем площадь, направляясь к месту работы. Над головой плыли белые облака, подгоняемые ветром. Небольшая компания солдат появилась с противоположной стороны и окружила мальчиков. Ее окно было открыто, чтобы проветрить комнату и впустить свежий бриз, и она все слышала.

— Помогите нам! — проблеял один из солдат с кривой усмешкой, которую она могла разглядеть из окна. — Мы заблудились, — простонал он, а остальные быстро окружили мальчиков. Товарищи встретили его слова насмешливым хохотом. Один из них толкнул другого локтем.

— Где мы находимся? — умоляющим тоном спросил солдат.

Осторожно опустив глаза, ее брат назвал площадь и ведущие от нее улицы.

— Что толку! — пожаловался солдат. — На что мне названия улиц? Я даже не знаю, как называется этот проклятый городишко, в который я попал! — раздался смех, и Дианора вздрогнула, услышав его.

— Нижний Корте, — быстро пробормотал ученик, так как брат молчал. Но они заметили это молчание.

— Какой город? Ты мне скажи, — более резко произнес солдат и толкнул брата в плечо.

— Я вам только что сказал, Нижний Корте, — громко вмешался ученик. Один из солдат ударил его в висок. Мальчик пошатнулся и чуть не упал, но не поднял руку к голове.

Сердце Дианоры громко стучало от страха, она увидела, как брат поднял глаза. Его темные волосы блестели в лучах утреннего солнца. Она подумала, что он собирается ударить солдата, который нанес этот удар. Подумала, что он сейчас погибнет. Дианора стояла у окна, вцепившись руками в подоконник. На площади внизу воцарилось страшное молчание. Солнце светило очень ярко.

— Нижний Корте, — произнес ее брат, словно давясь словами.

С хриплым хохотом солдаты их отпустили.

В то утро отпустили.

Двое мальчишек стали излюбленными жертвами этой компании, которая патрулировала район между Дворцом у Моря и центром города, где стояло три храма. Ни один из храмов Триады не был разрушен, только статуи, стоящие внутри и снаружи. Две из них изваял ее отец. Молодая, соблазнительно грациозная Мориан и огромная, первобытная фигура Эанны, протянувшей вперед руки, чтобы сотворить звезды.

Мальчики начали выходить из дома все раньше, ходили окольными путями, пытаясь избежать встречи с солдатами. Но чаще всего солдаты их находили. К тому времени игратянам стало скучно, и сами попытки мальчиков ускользнуть от них уже служили развлечением.

Дианора обычно становилась у того самого окна наверху, когда они уходили через площадь, словно, наблюдая за происходящим, она участвовала в нем и могла разделить их боль на троих и таким образом облегчить их участь. Солдаты почти всегда настигали их, когда они подходили к площади. Она наблюдала и в тот день, когда их игра приняла скверный оборот.

На этот раз была середина дня. Всего полдня работы, из-за праздника Триады, который завершал весенние дни Поста. Игратяне, как и барбадиоры на востоке, тщательно избегали вмешиваться в дела Триады и ее жрецов. После обеда мальчики вышли из дома на работу.

Солдаты окружили их на середине площади. Казалось, им никогда не надоедало это развлечение. Но в тот день, едва их лидер успел начать знакомые причитания насчет того, что он заблудился, на площади появилась компания из четырех купцов, поднявшихся в гору из гавани, и одного из солдат посетило вдохновение, рожденное чистой злобой.

— Стой! — хрипло рявкнул он. Купцы резко остановились. В Нижнем Корте подчинялись приказам игратян, в какой бы форме они ни отдавались.

— Подойдите сюда, — прибавил солдат. Его товарищи посторонились, и купцы оказались напротив мальчиков. Дианору

охватило в тот момент дурное предчувствие, словно холодный палец прошелся по спине.

Четверо торговцев доложили, что они из Азоли. Это было видно по их одежде.

— Хорошо, — сказал солдат. — Я знаю, какие вы там все жадные. Теперь слушайте меня. Эти отродья сейчас назовут вам свой город и свою провинцию. Если вы сможете повторить мне то, что они скажут, даю слово и клянусь именем Брандина, короля Играта, я дам первому же, кто сумеет это сделать, двадцать золотых игратов.

Это было целое состояние. Даже со своего места, высоко над площадью и спрятавшись за окном, Дианора видела реакцию торговцев из Азоли. Это было до того, как она закрыла глаза. Она знала, что сейчас произойдет и как это будет больно. Ей так сильно захотелось, чтобы ее отец сейчас оказался жив, что она чуть не заплакала. Но там внизу стоял ее брат, среди солдат, которые их ненавидели. Она заставила себя проглотить слезы и открыть глаза. И стала смотреть.

— Ты, — обратился солдат к ученику — они всегда начинали с него, — твоя провинция когда-то называлась иначе. Скажи им, как.

Она увидела, как мальчик — его звали Наддо — побледнел от страха, или гнева, или от того и другого. Четверо купцов, не замечая этого, наклонились вперед, выжидательно глядя на него. Дианора увидела, как Наддо бросил на ее брата взгляд, словно искал совета или просил прощения.

Солдат перехватил этот взгляд.

— Прекрати! — рявкнул он. Потом вытащил меч. — Если хочешь жить, назови имя.

Наддо очень ясно произнес:

— Тигана.

И, разумеется, никто из купцов не мог повторить это слово. Ни за двадцать золотых игратов, ни за сумму, в двадцать раз большую. Дианора различала в их глазах разочарование, обманутую жадность и страх, который всегда возникал при столкновении с магией.

Солдаты смеялись и подталкивали друг друга. Смех у одного из них напоминал пронзительный клекот, как у петуха. Они повернулись к ее брату.

— Нет, — решительно сказал он раньше, чем они успели заговорить. — Вы уже повеселились. Они не могут услышать это имя. Мы все это знаем — что вам еще надо доказывать?

Ему было пятнадцать лет, он был слишком худым, а его темно-каштановые волосы слишком длинными, они падали на глаза. Она стригла его больше месяца назад и всю неделю собиралась снова это сделать. Одной рукой Дианора так сильно вцепилась в подоконник, что вся кровь ушла из пальцев, и они стали белыми как лед. Она готова была дать отрезать себе руку, если бы это могло изменить происходящее. Дианора заметила другие лица в других окнах по улице и на противоположной стороне площади. Некоторые прохожие остановились при виде большой группы людей, почувствовав внезапно растущее напряжение.

Это было плохо, потому что в присутствии зрителей солдаты теперь вынуждены были недвусмысленно утвердить свой авторитет. То, что было игрой, когда совершалось без свидетелей, теперь превратилось в нечто другое. Дианоре хотелось, чтобы отец вернулся от Дейзы, хотелось, чтобы принц Валентин вернулся живой, чтобы мать вернулась из тех краев, где она сейчас странствовала.

Она смотрела. Чтобы разделить это. Чтобы стать свидетелем и запомнить, уже тогда зная, что такие вещи будут иметь значение, если вообще что-то будет иметь значение в последующие дни и годы.

Солдат с обнаженным мечом очень осторожно уперся его кончиком в грудь брата. Лезвие отражало солнечный свет. Это был рабочий клинок, меч солдата. Люди, собравшиеся вокруг, слегка зашумели.

Брат произнес почти с отчаянием:

— Они не могут запомнить это имя. Вы знаете, что не могут. Вы нас уничтожили. Разве необходимо продолжать причинять боль? Разве это необходимо?

«Ему ведь всего пятнадцать лет, — молилась про себя Дианора, мертвой хваткой вцепившись в подоконник оцепеневшими пальцами. — Он был слишком молод, чтобы сражаться. Ему не позволили. Простите ему это. Пожалуйста».

Четверо торговцев из Азоли, как один, быстро отступили в сторону. Один из солдат — тот, кто смеялся, как петух, — смущенно переступил с ноги на ногу, словно сожалея, что дело зашло так далеко. Но вокруг уже собралась толпа. Мальчишке дали шанс. Теперь же выбора не оставалось.

Меч осторожно двинулся вперед, потом назад. Сквозь прорванную голубую тунику показалась струйка крови, ярко блеснувшая под весенним солнцем, словно потянулась за острием меча, потом потекла вниз, пачкая голубой цвет.

— Имя, — тихо повторил солдат. Теперь в его тоне не было

легкомыслия. Он был профессионалом и готовился убить, поняла Дианора.

Она была свидетельницей, памятью. Она увидела, как ее младший брат расставил ноги, словно хотел утвердиться на почве площади. Кулаки его опущенных рук сжались. Голова запрокинулась, лицо поднялось к небу.

А потом она услышала его крик.

Он сделал то, что от него требовали, подчинился приказу, но не мрачно, или почтительно, или со стыдом. Упираясь ступнями в землю отцов, стоя перед домом своей семьи, он посмотрел на солнце, и из самой глубины его души вырвалось имя.

— Тигана! — закричал он, чтобы все слышали. Все, кто находился на площади. И еще раз, еще громче: — Тигана! — А потом в третий, последний раз, на самой верхней ноте голоса, с гордостью, с любовью, с вечным, неугасимым вызовом в сердце. — ТИГАНА!

Этот крик прозвенел над площадью, вдоль улиц, донесся до окон, из которых смотрели люди, пролетел над крышами домов, уходящими на запад, к морю, или на восток, к храмам, и намного дальше — звук, имя, скорбь, брошенные в ясность весеннего дня. И хотя четверо купцов не могли удержать в памяти это имя, хотя солдаты не могли его запомнить, но женщины у окон, и стоящие рядом дети, и мужчины, застывшие на улице и на площади, ясно его расслышали, и впустили в себя, и они-то смогли услышать и запомнить гордость, звучавшую в этом уносящемся крике.

И, оглянувшись вокруг, солдаты ясно это увидели и поняли. Это было написано на лицах стоящих вокруг них людей. Он сделал только то, что они сами ему приказали, но игра вывернулась наизнанку, она пошла не туда, куда надо, что они смутно поняли.

Конечно, они их избили.

Кулаками, ногами, повернутыми плашмя клинками мечей, чтобы уберечь лезвие. Наддо тоже — за то, что он присутствовал и, таким образом, был участником. Но толпа не рассеялась, что обычно происходило,.когда кого-то избивали. Они смотрели в молчании, неестественном для такого количества людей. Единственным звуком были удары, так как ни один из мальчиков не закричал, а солдаты молчали.

Когда все было кончено, они разогнали толпу, с угрозами и проклятиями. Собираться в толпу было незаконно, пусть даже они сами ее собрали. Через несколько секунд никого не осталось. Только лица за полузадернутыми шторами в окнах верхних этажей смотрели на площадь, пустую, если не считать двух мальчиков, лежащих в оседающей пыли. На их одежде ярко выделялись пятна крови. Вокруг пели птицы, они не замолкали на протяжении всей сцены. Дианора это запомнила.

Она заставила себя остаться на месте. Не бежать к ним вниз. Позволить им справиться самим, это было их право. И в конце концов она увидела, как ее брат поднялся, медленно, рассчитывая движения, словно глубокий старик. Увидела, как он заговорил с Наддо, а потом осторожно помог ему встать. А затем, как она и предвидела, брат, испачканный, окровавленный, сильно хромая, повел Наддо на восток, не оглядываясь, к тому месту, где их ждала сегодня работа.

Дианора смотрела им вслед. Глаза ее оставались сухими. Только когда они повернули за угол в дальнем конце площади и пропали из виду, она отошла от окна. Только тогда разжала побелевшие пальцы. И только тогда, вдали от всех взоров за опущенными шторами, она позволила прорваться слезам: слезам любви, жалости к его ранам и огромной гордости.

Когда мальчики в ту ночь вернулись домой, они со служанкой нагрели воды и приготовили им ванну, а потом как умели стали лечить их раны и черно-багровые синяки.

Позже, за ужином, Наддо сказал, что уходит. Сегодня же ночью, сказал он. Это уже слишком, сказал он, неловко ерзая на стуле и обращаясь к Дианоре, так как ее брат отвернулся после первых слов Наддо.

Здесь нельзя жить, говорил Наддо с настойчивой страстностью, еле шевеля разбитыми и распухшими губами. При таких жестоких солдатах и еще более жестоких налогах. Если молодой человек, такой, как он сам, надеется что-то успеть в жизни, сказал Наддо, ему следует убираться отсюда. Он говорил с отчаянием, его глаза умоляли о понимании. Он все время бросал нервные взгляды на ее брата, который теперь совсем повернулся к ним спиной.

— Куда ты пойдешь? — спросила его Дианора.

— В Азоли, — ответил он. Это суровый, дождливый край, невыносимо жаркий и влажный летом, это всем известно. Но там есть место для свежей крови. Жители Азоли приветливо встречают приезжих, как он слышал, более приветливо, чем на барбадиорских землях на востоке. Он бы никогда не пошел в Корте или Кьяру. Люди из Тиганы туда не переселяются, сказал он. Ее

брат на это что-то буркнул, но не обернулся; Наддо снова взглянул на него и глотнул, адамово яблоко подпрыгнуло в его горле.

Еще три молодых человека планируют уйти, сказал он Дианоре. Хотят выскользнуть из города сегодня ночью и пробираться на север. Он и раньше знал об этом, сказал он. Но не мог решиться. То, что случилось сегодня утром, решило за него.

— Да освещает Эанна твой путь, — ответила Дианора совершенно искренне. Он был хорошим учеником, а потом отважным и преданным другом. Люди все время уезжали. Провинция Нижний Корте стала плохим местом в плохое время. Левый глаз Наддо полностью закрыла опухоль. Его вполне могли убить сегодня днем.

Позднее, когда он упаковал свои скудные пожитки и был готов уйти, она дала ему немного серебра из тайника отца. Поцеловала на прощание. Тут он расплакался. Передал привет ее матери и открыл парадную дверь. На пороге снова обернулся, все еще плача.

— До свидания, — произнес он с отчаянием, обращаясь к неподвижной фигуре, упорно глядящей в огонь камина в гостиной. Видя выражение лица Наддо, Дианора молча приказала брату обернуться. Но он не обернулся. Он нарочито медленно опустился на колени и подбросил в огонь полено.

Наддо еще мгновение смотрел на него, потом повернулся и посмотрел на Дианору, попытался улыбнуться дрожащей, полной слез улыбкой и выскользнул в темноту.

Много позже, когда погас огонь, брат тоже ушел из дома. Дианора сидела и смотрела, как медленно гаснут угольки, потом заглянула к матери и пошла спать. Когда она легла, ей показалось, что ее придавила какая-то тяжесть, гораздо более весомая, чем клетчатый плед.

Она проснулась, когда брат вернулся. Как всегда. Услышала, как он громко топнул на площадке лестницы, как обычно поступал, чтобы дать ей знать о своем благополучном возвращении, но она не услышала следующего звука — звука открывающейся и закрывающейся двери его спальни.

Было очень поздно. Дианора еще мгновение лежала неподвижно, окруженная и подавленная всеми скорбями этого дня. Потом, двигаясь тяжело, словно под действием наркотика или во сне наяву, встала и зажгла свечу. Подошла к своей двери и открыла ее.

Он стоял в коридоре за дверью. И в мигающем свете она увидела потоки слез, непрерывно струящихся по его искаженному, разбитому лицу. У нее затряслись руки. Она не могла говорить.

— Почему я не сказал ему «до свидания»? — услышала она его сдавленный голос. — Почему ты не заставила меня сказать ему «до свидания»? — Она никогда еще не слышала в его голосе столько боли. Даже тогда, когда пришло известие о гибели их отца в битве у реки.

С болью в сердце Дианора поставила свечу на полку, где когда-то стоял бюст ее матери работы отца. Шагнула вперед и обняла брата, принимая в себя рыдания, сотрясающие его тело. Он никогда раньше не плакал. Или она никогда этого не видела. Она повела его в свою комнату и уложила на кровать, крепко обнимая. Они плакали вместе очень долго. Дианора понятия не имела, как долго.

Ее окно было открыто. Она слышала, как вздыхает ветер в молодых листьях. Пела птица, другая отвечала ей с противоположной стороны аллеи. Мир был полон сновидений или горестей, чего-то одного, или того и другого вместе. Под покровом ночи она медленно стянула через голову его тунику, стараясь не задеть раны, потом сняла с себя рубашку. Сердце ее стучало, словно у пойманного лесного зверька. Она ощутила стремительное биение его пульса, когда прикоснулась пальцами к его горлу. Обе луны закатились. Все листья шелестели от ветра.

И вот, в этой тьме, вокруг них, над ними, обнимающей их, в полной тьме безлунной ночи и во тьме их жизни, они стали искать друг в друге жалкое, преступное убежище среди гибели их мира.

— Что мы делаем? — один раз прошептал ее брат.

И потом, некоторое время спустя, когда их сердца снова забились медленнее и они лежали, прильнув друг к другу, после удовлетворения безрассудного, пугающего желания, он сказал, мягко положив руку на ее волосы:

— Что мы сделали?

И спустя все эти годы, одна в сейшане на острове, когда к ней вернулись эти самые потаенные воспоминания, Дианора вспомнила свой ответ.

— Ох, Баэрд, — сказала она. — А что сделали с нами?

После той первой ночи это продолжалось всю весну и часть лета. Грех богов — так называлось то, что они делали. Ибо Адаон и Эанна, как известно, в начале времен были братом и сестрой, а Мориан была их ребенком.

Дианора не ощущала себя богиней, и зеркало не оставляло ей иллюзий: всего лишь худое лицо с огромными, внимательными глазами. Она лишь знала, что ее счастье пугает, наполняет чувством вины и что любовь к Баэрду стала частью ее мира. И не меньше пугала та же глубина любви, та же ошеломляющая страсть в Баэрде. Сердце ее постоянно предчувствовало беду, даже в те минуты, когда они предавались своей мимолетной радости: слишком ярко горело это запретное пламя на земле, где любая яркость была потеряна или запрещена.

Он приходил к ней каждую ночь. Старуха спала внизу; их мать спала и просыпалась в своем собственном мире. В темноте спальни Дианоры они искали спасения друг в друге, тянулись через утраты и понимание своего греха в поисках невиновности.

Его все еще иногда тянуло из дома по ночам, и он бродил по пустынным улицам. Не так часто, как прежде, за что она была благодарна и находила в этом для себя некоторое оправдание. Многие молодые люди попались после наступления комендантского часа и погибли на колесах смерти той весной. Если то, что она делает, спасет ему жизнь, она готова предстать перед любым судом, ожидающим ее в Чертогах Мориан.

Однако не каждую ночь она могла его удержать. Иногда нужда, которой Дианора не могла разделить или по-настоящему понять, гнала его из дома. Он пытался объяснить, что город выглядит совсем иначе при свете двух лун, или одной из них, или при свете звезд. Как более мягкий свет и тени позволяют ему увидеть снова прежнюю Тигану. Как он молча спускается вниз, к морю, и подходит к темному дворцу, и как развалины и мусор благодаря темноте превращаются в его воображении опять в то, чем они были раньше.

Ему это необходимо, говорил он. Он никогда не дразнил солдат и обещал ей никогда этого не делать. Он даже не хочет их видеть, сказал он. Они разрушают те иллюзии, которые он ищет. Ему просто необходимо бродить среди воспоминаний о городе, который исчез. Иногда, сказал ей Баэрд, он проскальзывает через известные ему дыры в стенах гавани и бродит по берегу, слушая море.

Днем он трудился, худенький мальчик делал работу сильного мужчины, помогал восстанавливать то, что позволили восстановить. Богатые купцы из Корте — их старинные враги — получили разрешение селиться в городе, по дешевке скупать разрушенные здания и дворцы и перестраивать их для собственных нужд.

Баэрд приходил домой в конце дня, иногда с ранами и свежими синяками, а однажды с полосой от удара кнута на плечах. Она знала, что если одна рота солдат перестала развлекаться с ним, то находились другие. Она слышала, что это происходит только здесь. В других местах солдаты сдерживаются, а король Играта правит осторожно, стараясь сплотить провинции против Барбадиора.

С Нижним Корте, однако, случай был особый. Они убили его сына.

Дианора видела эти следы на Баэрде, и у нее не хватало духу попросить его отказаться от ночных походов в исчезнувший город, куда его гнала неодолимая потребность. Хотя она переживала тысячи страхов и сотни смертей всякий раз, когда за ним закрывалась дверь после наступления темноты, пока не слышала снова, как открывается дверь и знакомые, долгожданные шаги на лестнице, потом на площадке, а потом он приходил к ней в спальню, чтобы заключить в свои объятия.

Это продолжалось и летом, а потом кончилось. Все кончилось, как предостерегало ее любящее сердце с того первого раза в темноте, когда она слушала пение птиц и шелест ветра в ветвях за окном.

Он вернулся домой не позднее обычного после прогулки по городу, однажды ночью, когда голубая Иларион одна плыла сквозь кружево облаков. Это была прекрасная ночь. Дианора допоздна сидела у окна, глядя на лунный свет, играющий на крышах. Однако к его приходу она уже лежала в постели, и сердце ее забилось быстрее от привычного смешанного чувства облегчения, вины и желания. Он пришел к ней в спальню.

Но не лег в постель, а опустился в кресло, в котором она раньше сидела у окна. Со странным, леденящим ощущением ужаса Дианора зажгла свечу. Села и посмотрела на него. Его лицо было очень бледным, она видела это даже при свете свечи. Она ничего не говорила. Ждала.

— Я был на берегу, — тихо сказал Баэрд. — И видел там ризелку.

Она всегда знала, что это кончится. Это должно было кончиться.

Машинально задала вопрос:

— Еще кто-нибудь ее видел?

Он покачал головой.

Они молча смотрели друг на друга. Она поразилась собственному спокойствию, ее руки, лежащие на одеяле, не дрожали. И в этой тишине до нее дошла правда, которую она, возможно, знала уже давно.

— Все равно ты оставался здесь только ради меня, — сказала Дианора. Это было утверждение. В нем не было упрека. Он ведь видел ризелку.

Баэрд закрыл глаза.

— Ты знала?

— Да, — солгала она.

— Прости меня, — сказал он, глядя на нее. Но она понимала, что ему будет легче, если она сможет скрыть, насколько это для нее неожиданно и как ей смертельно холодно. Подарок, вероятно, последний подарок, который она ему дарит.

— Не надо просить прощения, — пробормотала она, руки ее лежали неподвижно там, где она могла их видеть. — Правда, я понимаю. — Она и правда понимала, хотя ее сердце превратилось в открытую рану, в птицу с одним крылом, мечущуюся мелкими кругами над самой землей.

— Ризелка... — начал он. И замолчал. Это было нечто огромное, пугающее, Дианора понимала. — Теперь все стало ясным, — серьезно продолжал он. — Поворот дороги, как в пророчестве. Я должен уйти. — Она увидела в его глазах любовь. И приказала себе быть сильной. Достаточно сильной, чтобы помочь ему уйти от нее. «Ох, брат мой, — подумала она, — и ты оставишь меня сейчас?»

— Я знаю, теперь твой путь ясен, Баэрд. Знаю, что ты должен идти. Это будет отмечено в линиях твоей руки. — Она с трудом глотнула. Это оказалось труднее, чем она себе представляла. — Куда ты пойдешь? — и прибавила молча, только в своем сердце: «Любовь моя».

— Я уже думал об этом, — ответил Баэрд. Теперь он сел прямо. Она видела, что он черпает силы в ее спокойствии. И цеплялась за это изо всех сил.

— Я собираюсь искать принца, — сказал он.

— Что, Алессана? Мы даже не знаем, жив ли он, — невольно воскликнула она.

— Ходят слухи, что жив, — ответил Баэрд. — Что его мать скрывается у жрецов Эанны и что принца отослали прочь. Если осталась хоть какая-то надежда, какая-то мечта вернуть Тигану, то она связана с Алессаном.

— Ему пятнадцать лет, — заметила Дианора. Не смогла удержаться. «И тебе тоже, — подумала она. — Баэрд, куда ушло наше детство?»

При свете свечи его темные глаза не были глазами мальчика.

— Не думаю, что возраст имеет значение, — сказал он. —

Это будет не быстро и не просто, если это вообще можно сделать. Когда придет время, ему будет больше пятнадцати.

— И тебе тоже, — заметила Дианора.

— И тебе тоже, — эхом повторил Баэрд. — Ох, Диа, что ты будешь делать?

Никто, кроме их отца, никогда не называл ее так. Как ни глупо, это имя едва не лишило ее самообладания.

Дианора покачала головой.

— Не знаю, — честно призналась она. — Присматривать за матерью. Выйду замуж. Если буду бережливой, денег еще на какое-то время хватит. — Она увидела его потрясенное лицо и постаралась его успокоить. — Тебя не должно это тревожить, Баэрд. Послушай: ты только что видел ризелку! Неужели ты будешь бороться с судьбой, до конца своих дней расчищая мусор в этом городе? Сейчас ни у кого не бывает легкого выбора, а мой будет не так труден, как у большинства других. Я даже могу, — прибавила она, с вызовом подняв голову, — попытаться придумать способ осуществить ту же мечту, что и ты.

Сейчас, оглядываясь назад, Дианора поразилась тому, что она произнесла эти слова той самой ночью. Словно она сама увидела ризелку и ее путь стал ясен одновременно с уходом от нее Баэрда.

Ей было одиноко и холодно сейчас в сейшане, но все же не так холодно и одиноко, как в ту ночь. Он не стал задерживаться, раз она согласилась его отпустить. Она встала, оделась и помогла ему сложить немного вещей. Он наотрез отказался взять серебро. Она собрала маленькую сумку с едой для его первого завтрака на заре, на долгой и одинокой дороге. В дверях, во тьме летней ночи, они без слов прильнули друг к другу. Никто из них не плакал, словно оба понимали, что время слез миновало.

— Если богини и бог благосклонны к нам, — сказал Баэрд, — мы наверняка снова встретимся. Я буду думать о тебе каждый день, всю жизнь. Я люблю тебя, Дианора.

— А я тебя, — ответила она ему. — Думаю, ты знаешь, как сильно. Пусть Эанна освещает твой путь и приведет тебя домой. — Вот и все, что она сказала. Больше ничего не пришло в голову.

После того как он ушел, она сидела в гостиной, завернувшись в старую материнскую шаль, и невидящими глазами смотрела на пепел вчерашнего огня, пока не взошло солнце.

К тому времени она уже решила, что будет делать.

Решение, которое привело ее сюда, спустя все эти годы, в эту одинокую постель в ночь Поста, отданную призракам, когда

ей не следовало оставаться в одиночестве. Наедине со всеми воспоминаниями, с пробуждением, которое они вызвали, и пониманием того, во что она позволила себе превратиться на острове. Здесь, при дворе Брандина. Здесь, с Брандином.

Она лежала застывшая, потеряв надежду на сон, и понимала, что ощущаемый ею холод идет гораздо больше изнутри, чем снаружи. Где-то во дворце, она знала, палачи занимаются Каменой ди Кьярой, который пытался убить тирана и освободить свою страну. Который сделал это, зная, что умрет и как умрет.

Даже сейчас они у него, причиняют ему точно отмеренную боль. Испытывая профессиональную гордость от своего мастерства, ломают по одному его пальцы, запястья и руки. Пальцы на ногах, лодыжки и голени. Они будут делать это осторожно, даже нежно, старательно следя за биением его сердца, чтобы потом, сломав ему спину, что всегда оставляли напоследок, его еще можно было живым привязать к колесу и оставить на площади в гавани умирать на глазах у его народа.

Она никогда не представляла себе, что в сердце у Камены столько мужества и столько страсти. Она презирала его как позера, который носит трехслойные плащи, мелкого, пошлого художника, стремящегося возвыситься при дворе.

Но не теперь. Вчерашний день заставил ее по-новому взглянуть на него. Теперь, когда он совершил свой поступок, когда его тело отдано палачам, а потом колесу, перед ней встал вопрос, который больше невозможно скрывать в глубине души, как и воспоминания о Баэрде. Только не сегодня ночью, когда она так беззащитна и не может уснуть.

«Как она выглядит после поступка Камены?» — эта мысль вонзалась клинком в ее сердце, подобно зимнему ветру.

Во что этот поступок превращает тот давний крестовый поход, который шестнадцатилетняя девочка столь гордо объявила в ту ночь, когда ушел ее брат? В ту ночь, когда он увидел ризелку при лунном свете у моря и отправился на поиски принца.

Она знала ответы. Разумеется, знала. Знала, как ее следует называть. Эти названия она заслужила здесь, на острове. Они жгли, как прокисшее вино обжигает рану. Дианора пылала внутри, несмотря на дрожь, и снова пыталась обуздать свое сердце и начать смертельно трудное, еще никогда ей не удававшееся путешествие обратно, в собственные владения, из той комнаты в дальнем крыле дворца, где обитал король Играта.

Однако эта ночь была иной. Что-то изменилось в эту ночь из-за случившегося, из-за невозможности изменить то, что она

сама сделала в Зале аудиенций. Признавая это, пытаясь с этим справиться, Дианора начала ощущать, словно очень издалека, медленный, болезненный уход своего сердца от пламени любви. Возвращение к памяти о другом пламени, у себя дома. О горящих полях, горящем городе, подожженном дворце.

Конечно, в этом не было утешения. Нигде не было утешения. Только безжалостное напоминание о том, кто она и зачем здесь.

Лежа неподвижно в темноте ночи Поста, когда двери и окна в домах закрыты, чтобы не впустить умерших и колдовские чары с полей, Дианора тихо повторяла себе старинное стихотворение-предсказание:

Коль один мужчина ризелку узрит,
Его жизнь крутой поворот совершит.

Коли двое мужчин ризелку узрят,
Одному из них смертью боги грозят.

Коли трое мужчин ризелку узрят,
Одного из них боги благословят,
Жизнь другого крутой поворот совершит,
А третьему гибелью боги грозят.

Коли женщина ризелку узрит,
Станет ясен ей путь, что она совершит.

Коль две женщины ризелку узрят,
Одна из них дитя понесет.

Коль три женщины ризелку узрят,
Одной станет ясен в грядущее путь,
Вторая из них дитя понесет,
А третью боги благословят.

— Утром, — сказала себе Дианора среди холода, огня и тысячи смятений в сердце. — Утром это начнется так, как должно было начаться и закончиться давным-давно.

Боги Триады знают, каким горьким, каким невозможным казался ей любой выбор. Какой слабой и призрачной была ее мечта в этих стенах все исправить для всех. Но в одной истине она сейчас, наконец, обрела уверенность: ей необходима была хоть какая-то ясность на извилистых дорогах того предательства, в которое, кажется, превратилась ее жизнь, и она из собственных уст Брандина узнала, какой путь открывается перед ней.

Утром она начнет.

А до тех пор она может лежать тут, без сна и в одиночестве, как в ту, другую ночь дома, столько лет назад, и может вспоминать.

Часть III

УГОЛЕК К УГОЛЬКУ

Глава 9

В овраге у дороги было холодно. Между ними и воротами поместья Ньеволе стоял ряд редких берез, но даже они не защищали от резких, как удар кинжала, порывов ветра.

Вчера выпал снег, редкое явление в этих далеких северных краях даже в середине зимы. Ночь, когда они ехали из Феррата, была белой и студеной, но Алессан все равно не соглашался скакать помедленнее. К концу ночи он стал более молчаливым, а Баэрд и в лучшие времена говорил мало. Дэвин проглотил свои вопросы и сосредоточился на том, чтобы не отставать.

Они пересекли границу Астибара в темноте и приехали к землям Ньеволе, едва рассвело. Трое спутников привязали коней в роще, примерно в полумиле к юго-западу, и пешком добрались до этого оврага. Иногда на протяжении утра Дэвин начинал дремать. Когда взошло солнце, заснеженная местность вокруг показалась ему странной, свежей и прекрасной, но ближе к середине дня над головой стали собираться тяжелые серые тучи, и сейчас было просто холодно и совсем не красиво. Снова прошел короткий снегопад, примерно с час назад.

Когда Дэвин услыхал приближающийся сквозь серую мглу топот копыт, он понял, что Триада на этот раз повернулась к ним лицом. Или же что богини и бог решили дать им возможность совершить нечто фатально опрометчивое. Он изо всех сил вжался в мокрую землю оврага. Подумал о Катриане и герцоге, оставшихся в тепле и уюте в Феррате, вместе с Тачио.

Отряд примерно из дюжины барбадиорских наемников материализовался на фоне серого пейзажа. Они оживленно смеялись и громко пели. Дыхание коней и людей на холоде вылетало белыми облачками пара. Распластавшись в овраге, Дэвин смотрел, как они проехали мимо. Он слышал рядом с собой тихое дыхание Баэрда. Барбадиоры остановились у ворот бывшего поместья семейства Ньеволе. Конечно, теперь оно ему не принадлежало после осенних конфискаций.

Командир отряда спешился и подошел к запертым воротам. Под смех и шутки своих людей он торжественно отпер железные ворота двумя ключами на затейливой цепочке.

— Первая рота, — прошептал Алессан. Это были его первые слова за несколько часов. — Он выбрал Каралиуса. Сандре так и говорил.

Они наблюдали, как распахнулись ворота, как солдаты въехали во двор. Последний запер за собой ворота.

Баэрд и Алессан подождали еще несколько минут, потом встали. Дэвин тоже встал и поморщился — у него занемело все тело.

— Нам надо найти в деревне таверну, — сказал Баэрд таким необычно мрачным голосом, что Дэвин быстро взглянул на него в наступающих сумерках. Но лицо Баэрда оставалось непроницаемым.

— Но не для того, чтобы в нее заходить, — прибавил Алессан. — Здесь мы будем действовать тайно.

Баэрд кивнул. Достал из внутреннего кармана своей овчинной куртки сильно измятую бумагу.

— Начнем с человека Ровиго?

Человек Ровиго оказался отставным моряком, который жил в деревне в миле к востоку. Он указал им, где находится таверна. А также, за довольно крупную сумму денег, сообщил имя осведомителя, работающего на Гранчиала и возглавляемую им Вторую роту барбадиоров. Старый моряк сосчитал деньги, сплюнул многозначительно, затем рассказал, где этот человек живет и кое-что о его привычках.

Баэрд убил осведомителя, задушил через два часа, когда тот шел по деревенской дороге от своей маленькой фермы к деревенской таверне. К тому времени совсем стемнело. Дэвин помог ему отнести тело к воротам поместья Ньеволе и спрятать его в овраге.

Баэрд не разговаривал, и Дэвин не мог придумать, что сказать. Осведомитель оказался пузатым, лысеющим мужчиной средних лет. Он не выглядел таким уж негодяем. Он выглядел как человек, застигнутый врасплох по дороге к своей любимой таверне. Дэвин подумал о том, есть ли у него жена и дети. Они не спросили об этом у человека Ровиго; и Дэвин был этому рад.

На окраине деревни они снова присоединились к Алессану. Тот наблюдал за таверной. Он безмолвно показал рукой на крупного гнедого коня, привязанного среди остальных лошадей у таверны. Солдатский конь. Они втроем снова вернулись назад,

прошли на запад полмили и опять залегли ждать, зорко следя за дорогой. Дэвин услышал тихое позвякивание сбруи солдатского коня, когда принца уже не было с ним рядом и все было почти кончено.

Он услыхал тихий звук, больше похожий на кашель, чем на крик. Конь испуганно всхрапнул, и Дэвин с опозданием вскочил, чтобы помочь справиться с животным. К этому моменту, однако, он увидел, что Баэрда тоже нет рядом с ним. Когда он, наконец, выкарабкался из канавы на дорогу, солдат — со знаками различия Второй роты — был мертв, а Баэрд держал его коня под уздцы. Этот человек, очевидно, получил увольнительную, судя по беспорядку его мундира, и возвращался обратно в форт у границы. Барбадиор был крупным парнем, все они были крупными, но лицо этого казалось совсем молодым при лунном свете.

Они перебросили тело через седло его коня и пошли обратно к воротам поместья Ньеволе. Было слышно, как солдаты Первой роты громко поют в особняке, куда вела полукруглая подъездная аллея. Звуки далеко разносились в тишине зимней ночи. Теперь рядом с луной появились звезды; тучи рассеивались. Баэрд стянул барбадиора с коня и прислонил к одному из столбов ворот. Алессан и Дэвин достали второго мертвеца из оврага; Баэрд привязал коня барбадиора на некотором расстоянии от дороги.

Но не слишком далеко. Его должны были позже обнаружить.

Алессан легонько прикоснулся к плечу Дэвина. Применяя свои знания, полученные от Марры, — казалось, это было несколько жизней назад, — Дэвин вскрыл два изукрашенных замка. Он был рад, что может внести свой вклад. Замки оказались вычурными, но не сложными. Высокомерный Ньеволе не слишком опасался грабителей.

Алессан и Баэрд взвалили на плечи по трупу и понесли их в усадьбу. Дэвин тихо закрыл ворота, и они пошли вперед. Но направились не к особняку. Бледный лунный свет освещал им путь по снегу к конюшням.

Тут у них возникло затруднение. Самая большая конюшня была заперта изнутри, и Баэрд молча указал на полоску света факела, виднеющуюся под двойными дверьми. Это означало наличие караульного.

Они одновременно подняли головы. При свете Видомни ясно было видно одно маленькое открытое окошко, высоко вверху с восточной стороны.

Дэвин перевел взгляд с Алессана на Баэрда, потом опять на принца. Посмотрел на тела двух уже мертвых людей.

Потом показал пальцем на окошко и на себя.

Прошло несколько долгих секунд, и Алессан утвердительно кивнул.

Прислушиваясь к нестройному пению, доносящемуся из особняка, Дэвин бесшумно вскарабкался по наружной стене конюшни. При свете луны или на ощупь он находил опору для застывших на холоде рук и ног. Добравшись до окошка, он оглянулся через плечо и увидел Иларион, в этот момент поднимающуюся на востоке.

Он проскользнул внутрь на чердак. Внизу тихо заржала лошадь, и Дэвин затаил дыхание. Сердце его громко стучало, он замер на месте, прислушиваясь. Больше ничего не было слышно. В конюшне неожиданно оказалось приятно тепло. Дэвин осторожно пополз вперед и заглянул вниз.

Караульный крепко спал. Мундир его был расстегнут, и фонарь на полу рядом с ним освещал пустую бутылку вина. Наверное, ему по жребию выпало нести это скучное дежурство среди коней и соломы, подумал Дэвин.

Он беззвучно спустился по приставной лестнице. И в мигающем свете этой конюшни, среди запахов сена, животных и разлитого красного вина Дэвин впервые убил человека, всадив в горло спящему барбадиору кинжал. Не так воображал он в мечтах свои доблестные подвиги.

Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы побороть накатившую тошноту. Это запах вина, пытался убедить он себя. И еще крови оказалось больше, чем он думал. Он насухо вытер кинжал и только потом открыл дверь своим спутникам.

— Хорошая работа, — сказал Баэрд, окинув взглядом сцену. И на мгновение опустил ладонь на плечо Дэвина.

Алессан ничего не сказал, но в колеблющемся свете Дэвин прочел в его глазах тревожное сочувствие.

Баэрд уже принялся за дело.

Они оставили караульного там, где ему предстояло сгореть. Осведомителя и солдата из Второй роты потащили к одной из хозяйственных построек. Баэрд несколько секунд внимательно изучал обстановку, не давая себя торопить, затем расположил оба тела особым образом перед дверью и подпер закрытую дверь бревном, которое, как предположил Дэвин, потом будет казаться упавшей балкой.

Пение в особняке постепенно стихало. Теперь только один

пьяный голос тянул грустный припев о давно потерянной любви. Наконец и он тоже умолк.

Что послужило сигналом для Алессана. По его знаку они одновременно подожгли сухую солому и дерево в конюшне и в двух соседних постройках, в том числе и в той, где были заперты в ловушке мертвецы. Потом бросились бежать. К тому времени, как они оказались за пределами поместья Ньеволе, конюшни пылали адским пламенем. Ржали кони.

Их никто не преследовал. Да они этого и не ожидали. Алессан и Сандре очень тщательно разработали этот план еще в Феррате. Обгоревшие тела осведомителя и солдата Второй роты найдут люди Каралиуса. Наемники Первой роты сделают очевидный вывод.

Они нашли своих коней и направились на запад. Снова провели ночь на холоде, под открытым небом, по очереди неся дежурство. Все прошло очень хорошо. Казалось, все прошло так, как планировалось. Дэвин жалел лишь, что они не смогли выпустить коней. Их ржание врывалось в его тревожный сон.

Утром Алессан приобрел повозку на ферме у границы Феррата, а Баэрд поторговался и купил у дровосека партию свежесрубленных бревен. Они заплатили новую транзитную пошлину и продали бревна в первом же форте по ту сторону границы. Еще они приобрели груз зимней шерсти для продажи в Феррате, где должны были присоединиться к остальным.

Нет смысла упускать шанс заработать, сказал Алессан. У них все же есть ответственность перед компаньонами.

* * *

Тревожно много неблагоприятных событий происходило в Восточной Ладони в ту осень и зиму, которые наступили после разоблачения заговора семьи Сандрени. Сами по себе они не были крупными; но взятые вместе беспокоили и раздражали Альберико Барбадиорского до такой степени, что его помощники и посыльные стали считать свою работу физически опасной, когда обязанности вынуждали их приближаться к тирану.

Для человека, известного своим самообладанием и невозмутимостью — еще дома, в Барбадиоре, когда он был всего лишь главой не слишком знатной семьи, — Альберико той зимой отличался поразительной вспыльчивостью.

Это началось, к такому выводу пришли между собой его помощники, после того как предатель Томассо из семейства Сандрени был найден мертвым в темнице, когда за ним пришли, чтобы отвести к профессионалам. Альберико, ожидающий в комнате с орудиями пыток, впал в страшную ярость. Все караульные из Третьей роты Сифервала были казнены. В том числе и новый начальник стражи; предыдущий покончил с собой накануне ночью. Самого Сифервала вызвали обратно в Астибар из Чертандо для разговора наедине с хозяином, после чего он много часов хромал и трясся.

Ярость Альберико была почти иррациональной. Его, как решили помощники, совершенно вывело из равновесия то, что произошло в лесу. Он, несомненно, плохо выглядел; один его глаз казался каким-то странным, а походка стала своеобразной. Затем, в последовавшие дни и недели, когда местные осведомители всех трех рот начали присылать сообщения, выяснилось со всей очевидностью, что в городе Астибаре просто не поверили — или предпочли не поверить — в то, будто в лесу вообще что-то произошло, что вообще существовал какой-то заговор Сандрени.

Уж конечно, не при участии лордов Скалвайи и Ньеволе и никак не под предводительством Томассо бар Сандре. Люди во всем городе цинично отзываются обо всем этом, гласили донесения. Слишком многие знали о глубокой ненависти, разъединявшей эти три семьи. Слишком много ходило слухов о среднем сыне Сандре, предполагаемом вожаке предполагаемого заговора. Он мог выкрасть мальчика из храма Мориан, говорили в Астибаре, но заговор против тирана? Вместе с Ньеволе и Скалвайей?

Нет, город был просто слишком искушен, чтобы проглотить это. Все, кто хоть мало-мальски разбирался в географии и экономике, понимали, что в действительности происходит. Как, путем подавления этой «угрозы» со стороны трех из пяти самых крупных землевладельцев дистрады, Альберико просто создает прозрачное прикрытие для захвата земель, который иначе ничем не оправдан.

Разумеется, всего лишь совпадение, что поместья Сандрени находятся в центре, фермы Ньеволе — на юго-западе вдоль границы с Ферратом, а виноградники Скалвайи образуют богатейший пояс на севере, где выращивают лучший виноград для голубого вина. Чрезвычайно удобный заговор, соглашались во всех тавернах и кавницах.

И к тому же все до единого заговорщики погибли за одну ночь. Что за быстрое правосудие! Какие веские доказательства против них собраны? Среди Сандрени оказался осведомитель, как было объявлено. Он умер. Разумеется. Томассо бар Сандре

возглавлял заговор, говорили им. Он тоже, к величайшему прискорбию, умер.

Все четыре провинции Восточной Ладони, с Астибаром во главе, выражали горькое, саркастическое недоверие. Их можно было покорить, придавить тяжелым барбадиорским каблуком, но нельзя лишить разума или сделать слепыми. Они умеют распознать интриги тирана.

Томассо бар Сандре в роли ловкого, смертельно опасного заговорщика? Астибар, переживающий экономические потрясения от конфискаций и ужасы казней, все еще находил в себе силы издеваться. А затем пришел первый из насмешливо-злобных стишков с запада — из самой Кьяры, — написанный, как утверждали некоторые, самим Брандином, но, скорее, заказанный одному из поэтов, роящихся вокруг его двора. Стишки были пасквилем, обвиняющим Альберико в том, что он видит заговоры в каждом сельском дворе и использует их как предлог для захвата домашней птицы и огородов по всей Восточной Ладони. Еще в них имелись многочисленные, не слишком завуалированные инсинуации сексуального характера.

Эти стишки, расклеенные на всех стенах города, а потом в Тригии, Чертандо и Феррате, барбадиоры срывали почти сразу же, как только они появлялись. К несчастью, это были запоминающиеся стихи, и людям достаточно было прочесть или услышать их всего лишь раз.

Позже Альберико вынужден был признаться самому себе, что отчасти потерял контроль над собой. Он также признал, что большая доля его ярости коренилась в страстном негодовании и порождалась страхом.

Ведь действительно имел место заговор этого жеманного Сандрени. Они чуть не убили его в том проклятом охотничьем домике в лесу.

На этот раз тиран говорил чистую правду. Никакого притворства или обмана. Он имел все основания требовать правосудия. Но у него не было признания, свидетеля, вообще никаких доказательств. Ему необходим был живой осведомитель. Или Томассо. Томассо был нужен ему живым. В ту первую ночь в его сны то и дело врывались яркие картинки: сын Сандре, связанный и обнаженный, согнутый в соблазнительную позу на одном из механизмов.

Вследствие необъяснимой смерти извращенца и единодушных известий из всех провинций о том, что никто не верит ни

единому слову о заговоре, Альберико отказался от своего первоначального, тщательно отмеренного ответа на него.

Конечно, земли были конфискованы, но, кроме того, все живые члены трех семей были найдены и преданы смерти на колесах в Астибаре. Он не ожидал, что их окажется так много, когда отдавал этот приказ. Вонь стояла ужасная, а некоторые из детей оставались в живых на колесе неслыханно долго. Это не дало сосредоточиться на государственных делах чиновникам в кабинетах над Большой площадью.

Он повысил налоги в Астибаре и впервые ввел транзитные пошлины для купцов, переезжающих из одной провинции в другую, наряду с уже существующей пошлиной за переход из Восточной в Западную Ладонь.

Более того. Половину богатого урожая зерна с земель Ньеволе быстро переправили домой, в Барбадиор. Для предприятия, задуманного в гневе, считал он, это была удачная находка. Цена на зерно в Империи тут же упала, что нанесло урон двум самым старинным соперникам его семьи и в то же время снискало ему огромную популярность у народа. Пусть даже с народом в Барбадиоре никто не считался.

В то же время здесь, на Ладони, Астибар был вынужден ввозить больше, чем когда-либо, зерна из Чертандо и Феррата, а с введением новых налогов Альберико предстояло получить значительную выгоду и от вздутых цен на зерно.

Он мог бы умерить свой гнев, даже радоваться, наблюдая за всеми этими последствиями, если бы не мелкие неприятности.

Во-первых, его солдаты начали волноваться. С ростом трудностей возросло и напряжение; все чаще случались стычки. Особенно в Тригии, где сопротивление всегда было больше. Наемники потребовали повышения платы, как и следовало ожидать. А если он повысит им плату, на это уйдет почти все, что он мог получить от конфискаций и новых поборов.

Он послал письмо домой, императору. Первую просьбу за два года. Вместе с ящиком астибарского голубого вина — из принадлежащих теперь ему поместий на севере — он еще раз отправил настоятельную просьбу принять его под эгиду Империи. Что означало бы субсидию для его наемников из казначейства Барбадиора или даже отправку имперских войск под его командование. Как всегда, он подчеркнул ту роль, которую он сыграл в одиночку, преградив путь экспансии игратян на этом опасном полуострове. Возможно, он начал свою карьеру здесь как самонадеянный авантюрист, признавался он, в изящном, по его мне-

нию, предложении, но, став старше и мудрее, он теперь желает более прочно связать себя со своим императором и быть ему более полезным, чем прежде.

Что касается его желания стать императором и стремления самому набросить на свои плечи императорскую мантию — пусть и с опозданием, — ну, о таких вещах ведь не обязательно писать в письме?

Вместо ответа он получил элегантную драпировку на стену из дворца императора, благодарность за верноподданнические чувства и вежливое выражение сожаления по поводу того, что внутренние обстоятельства не позволяют удовлетворить его просьбу о финансировании. Как обычно. Его сердечно приглашали отплыть домой, где его ждет подобающий ему почет, и оставить утомительные проблемы этой далекой заморской страны эксперту по колониям, которого назначит император.

Это тоже было обычным. Отдай свою новую территорию императору. Отдай свою армию. Приезжай домой, где в твою честь устроят пару парадов, а потом занимайся охотой и трать деньги на взятки и на охотничье снаряжение. Жди, пока император умрет, не назвав преемника. Потом пускай в ход кинжал, или тебя самого зарежут при попытке занять его место.

Альберико выразил в своем ответе искреннюю благодарность, глубокие сожаления и послал еще один ящик вина.

Вскоре после этого, в конце осени, многие из солдат недовольной, впавшей в немилость Третьей роты подали в отставку и сели на припозднившийся с отплытием в сезон корабль. Командиры Первой и Второй рот выбрали ту же неделю — чистое совпадение, конечно, — чтобы официально подать новое требование о повышении платы и как бы мимоходом напомнить ему о прошлых обещаниях раздать наемникам земли. Начиная, деликатно предложили они, с командиров.

Он бы хотел приказать удавить этих двоих. Хотел бы поджарить их жадные, пропитанные вином мозги взрывом собственных чар. Но не мог позволить себе сделать это; и вдобавок использование своей магии все еще стоило ему большого напряжения после той встречи в лесу, которая чуть не погубила его.

Той встречи, в которую никто на полуострове даже не верил.

Вместо этого он улыбнулся обоим командирам и доверительно признался, что уже мысленно отмерил значительную часть только что конфискованных земель Ньеволе для одного из них. Сифервал, сказал он скорее печально, чем гневно, сошел с дис-

танции из-за поведения его собственных солдат, но вы двое — это будет трудный выбор. Он будет пристально наблюдать за ними некоторое время и объявит о своем решении в должное время.

Как скоро наступит это время, нельзя ли поточнее, настаивал Каралиус, командир Первой роты.

В самом деле, он мог бы убить этого человека, пока тот стоит здесь, со шлемом под мышкой, с лицемерно опущенным взглядом, демонстрируя почтительность.

— О, возможно, весной, — непринужденно ответил он, словно такие вопросы не должны иметь слишком большого значения для людей доброй воли.

Побыстрее было бы лучше, мягко возразил Гранчиал, командир Второй роты.

Альберико позволил своему взгляду отразить некоторую долю тех чувств, которые сейчас испытывал. Всему есть предел.

— Это позволило бы нам, кого бы вы ни выбрали, успеть должным образом обработать землю перед весенними посадками, — поспешно объяснил Гранчиал. Несколько встревоженный, как ему и следовало.

— Возможно, вы правы, — ответил Альберико с непроницаемым выражением лица. — Я над этим подумаю. Между прочим, — прибавил он, когда они уже были у двери. — Каралиус, не будешь ли так любезен прислать ко мне этого твоего весьма расторопного молодого капитана? Того, с раздвоенной черной бородкой. У меня есть особое, конфиденциальное задание, для которого нужен человек с его очевидными достоинствами. — Каралиус замигал и кивнул.

Важно, очень важно не позволить им стать слишком самоуверенными, размышлял он после их ухода, и ему удалось успокоиться. В то же время только настоящий глупец ссорится со своими войсками. Тем более если у него имеются планы в конце повести их домой. Предпочтительно по приглашению императора, но необязательно. Нет, совершенно необязательно.

После дальнейших размышлений в этом направлении он все же повысил налоги в Тригии, Чертандо и Феррате, приведя их в соответствие с новыми налогами Астибара. Еще он послал курьера к Сифервалу, командиру Третьей роты, стоящей в горах Чертандо, и похвалил его за успехи в сохранении спокойной обстановки в этой провинции.

Их надо пороть, а потом задабривать. Пусть они тебя боятся и знают, что могут сделать себе состояние, если ты к ним достаточно благосклонен. Все дело в равновесии.

К несчастью, с равновесием на Восточной Ладони постоянно случались мелкие неприятности, по мере того как осень переходила в необычайно холодное начало зимы.

Какой-то проклятый поэт в Астибаре выбрал этот сырой и дождливый сезон, чтобы расклеивать по стенам свои элегии покойному герцогу Астибарскому. Герцог умер в ссылке, он был главой семейства заговорщиков, большую часть которых к тому времени уже казнили. Восхвалявшие его стихи сильно отдавали государственной изменой.

Но возникли трудности. Все до одного писатели, схваченные во время первого рейда по кавницам, отрицали свое авторство, а после второго рейда — получив время на подготовку — каждый заявлял, что именно он написал эти стихи.

Некоторые советники требовали всех их вздернуть на колеса, но Альберико обдумывал более важный вопрос: заметное отличие его двора от двора игратян. На Кьяре поэты сражались за право появиться перед Брандином, дрожали как щенки от малейшего слова похвалы из его уст. Они сочиняли экзальтированные оды тирану и оскорбительные, обидные пасквили на Альберико по заказу. Здесь, на Восточной Ладони, все поэты казались потенциальными возмутителями черни. Врагами государства.

Альберико подавил свой гнев, похвалил техническое совершенство стихов и отпустил захваченных в обоих рейдах. Тем не менее сначала он со всей доступной ему благожелательностью высказал пожелание прочесть столь же талантливые стихи на любую из сатирических тем, связанных с Брандином Игратским. Он даже выдавил из себя улыбку. Он был бы очень рад прочесть такие стихи, сказал Альберико, спрашивая себя, способен ли хоть один из этих проклятых писак, при всей их надменности, понять его намек.

И ведь никто не понял. Вместо этого на третье утро на всех стенах города появилась новая поэма. Посвященная Томассо бар Сандре. Она оплакивала его смерть и утверждала — невероятно! — что его извращенная сексуальность была сознательно выбранным путем, живой метафорой его побежденной, порабощенной страны, извращенной ситуации в Астибаре под властью тирании.

После этого у Альберико не осталось выбора, когда он понял, что хотел сказать поэт. Уже не затрудняя себя допросами, он приказал в тот же день вытащить наугад десяток поэтов из кавниц и еще до заката вздернуть их на колеса с перебитыми

костями и отрезанными руками среди все еще многочисленных тел членов семей заговорщиков. Потом на месяц закрыл все кавницы. Больше стихов не появлялось.

В Астибаре. Но в тот вечер, когда на базарной площади в Тригии было объявлено о новых налогах, черноволосая женщина покончила с собой, спрыгнув с одного из семи мостов в знак протеста против этих мер. Перед прыжком она произнесла речь и оставила после себя — только боги ведают, как оно к ней попало, — полное собрание «Элегий Сандрени» из Астибара. Никто не знал, кто она такая. Ледяную воду реки обшарили в поисках ее тела, но так и не нашли. В Тригии реки текут быстро, с гор до восточного моря.

Эти стихи распространились по всей провинции в течение двух недель и пересекли границу Чертандо и южного Феррата еще до первого зимнего снегопада.

Брандин Игратский прислал в Астибар элегантно закутанного в мех курьера с элегантно сформулированной похвалой в адрес «Элегий», называя их первой приличной творческой работой, дошедшей до него с барбадиорских территорий. И передал Альберико свои самые искренние поздравления.

Альберико в ответ послал вежливые изъявления благодарности и предложил поручить одному из своих талантливых новых стихотворцев написать поэму о славной жизни и подвигах в битве принца Валентина ди Тиганы.

Благодаря заклятию игратянина он знал, что один лишь Брандин сможет прочесть это последнее слово, но только Брандин его и интересовал.

Альберико уже полагал, что выиграл этот поединок, но почему-то самоубийство женщины в Тригии сильно подействовало ему на нервы. Этот поступок был чересчур демонстративным, он возвращал страну к насилию того первого года, после его высадки на эту землю. Положение так долго оставалось спокойным, и столь резкий поступок, да еще публичный, ничего хорошего не обещал. Он даже ненадолго задумался, не отменить ли новые налоги, но это было бы слишком похоже на уступку, а не на проявление доброй воли. Кроме того, ему все еще нужны были деньги для армии. Из дома приходили вести, что император все больше сдает, что его все реже видят на публике. Альберико понимал, что ему необходимо ублажать своих наемников.

В середине зимы он принял решение отдать Каралиусу в награду половину бывших земель Ньеволе.

В ту ночь, когда об этом объявили официально — сначала в

войсках, потом громко прочитали указ на Большой площади Астибара, — в семейном поместье Ньеволе дотла сгорела конюшня и несколько хозяйственных построек.

Альберико приказал Каралиусу немедленно провести расследование, но через день пожалел об этом. Среди тлеющих руин нашли два тела, придавленных упавшей балкой, которая перегородила дверь. Одно из них принадлежало осведомителю, работавшему на Гранчиала, командира Второй роты. Вторым оказался солдат той же Второй роты.

Каралиус тут же вызвал Гранчиала на дуэль в любое время и в любом месте по выбору последнего. Гранчиал немедленно назвал время и место. Альберико быстро дал понять, что уцелевший в этой схватке будет казнен на колесе. Ему удалось предотвратить дуэль, но оба командира с этого момента перестали друг с другом разговаривать. Между солдатами обеих рот возникало множество мелких стычек, а одна, в Тригии, оказалась не столь уж мелкой, после нее осталось пятнадцать убитых и вдвое больше раненых.

Местных осведомителей находили мертвыми в дистраде Феррата, распятыми на колесах от повозок фермеров в насмешку над правосудием тирана. Нельзя было даже отомстить — это означало бы признать, что эти люди были осведомителями.

В Чертандо двое солдат из Третьей роты Сифервала не явились на дежурство, исчезли в заснеженных полях; такое произошло впервые. Сифервал сообщил в докладе, что местные женщины, по-видимому, к этому не причастны. Эти солдаты были очень близкими друзьями. Командир Третьей роты выдвинул очевидную, но неприятную гипотезу.

К концу зимы Брандин Игратский прислал еще одного разодетого посланца с очередным письмом. В нем он многословно благодарил Альберико за его предложение предоставить стихи и выражал готовность с удовольствием прочесть их. Он также официально попросил прислать шесть женщин из Чертандо, столь же молодых и красивых, как та, которую Альберико столь любезно позволил ему захватить на Восточной Ладони несколько лет назад, чтобы пополнить ими сейшан. Непонятно, каким образом это послание приобрело непростительно широкую известность.

Смех был убийственным.

Чтобы его заглушить, Альберико приказал Сифервалу схватить шесть старух в юго-западном Чертандо. Он приказал завязать им глаза и связать по рукам и ногам, а потом посадить под

курьерским флагом на засыпанной снегом границе Нижнего Корте между фортами Синаве и Форезе. Он велел Сифервалу привязать к одной из них письмо, в котором просил Брандина подтвердить получение новых наложниц.

Пускай его ненавидят. Лишь бы боялись.

На обратном пути на восток от границы, сообщал Сифервал в своем докладе, он последовал указаниям своего осведомителя и нашел двух сбежавших солдат, которые жили вдвоем на брошенной ферме. Их казнили на месте, причем одного из них — соответствующего, как доложил Сифервал, — сначала кастрировали, чтобы он умер так же, как и жил. Альберико прислал свои поздравления.

Тем не менее это была беспокойная зима. С ним постоянно что-то случалось, события не подчинялись его воле. Поздно ночью, а потом и в другое время суток, и тем чаще, чем слышнее становился на Ладони отдаленный ропот весны, Альберико ловил себя на мыслях о девятой провинции, которую еще никто не контролировал, той, которая лежала прямо по другую сторону бухты. Сенцио.

* * *

В том, что говорил сероглазый купец, было много правды. Хотя Эточио нехотя соглашался с ним, он жалел, что этот парень не выбрал другую придорожную таверну для своего полуденного отдыха. Беседа в зале принимала опасное направление. Боги Триады свидетели, на главной дороге между Астибаром и Ферратом полно барбадиорских наемников. Если один из них заглянет сюда сейчас, то маловероятно, чтобы он согласился списать направление этой беседы за счет простого весеннего избытка энергии. Эточио может на месяц лишиться лицензии. Он нервно поглядывал на дверь.

— А теперь двойное налогообложение! — с горечью говорил худой человек, запуская пальцы в волосы. — После такой зимы? После того, что он сделал с ценами на зерно? Мы платим на границе, а теперь еще и у городских ворот, и где же прибыль, во имя Мориан?

По залу пронесся одобрительный ропот. В зале, где полно путешествующих купцов, можно ожидать подобного одобрения. Но это опасно. Не один Эточио, разливающий напитки, поглядывал на дверь. Молодой парень, прислонившийся к стойке ба-

ра, оторвал глаза от своего хрустящего бутерброда с куском деревенского сыра и с неожиданным сочувствием взглянул на него.

— Прибыль? — саркастически переспросил торговец шерстью из Феррата. — Какое дело барбадиорам до нашей прибыли?

— Вот именно! — Серые глаза оживленно вспыхнули. — Насколько я слышал, он только и мечтает выжать из Ладони все, что можно, чтобы подготовиться к захвату тиары императора у себя в Барбадиоре.

— Ша! — тихо вырвалось у Эточио, который не смог сдержаться. Он быстро глотнул из кружки собственного пива, что с ним случалось редко, и прошел вдоль бара, чтобы закрыть окно. Жаль, потому что за окном сиял чудесный весенний день, но разговор становился неуправляемым.

— Не успеете опомниться, — говорил худой торговец, — как он просто пойдет и захватит всю нашу остальную землю, он уже начал это делать в Астибаре. Хотите пари, что через пять лет мы все станем слугами или рабами?

В ответ на это высказывание раздался чей-то презрительный смех, перекрывший хор возмущенных голосов. Присутствующие внезапно замолчали, и все повернулись к человеку, которого развеселило подобное замечание. Лица были мрачными. Эточио нервно вытер и без того чистую стойку бара перед собой.

Воин из Кардуна еще долго смеялся, словно не замечал устремленных на него взглядов. Его черное, резко очерченное лицо выражало искреннее веселье.

— Что тебя так рассмешило, старик? — холодно спросил сероглазый.

— Ты, — весело ответил старый карду. Его улыбка напоминала оскал черепа. — Вы все. Никогда не видел столько слепцов в одной комнате.

— Потрудись объяснить поточнее, что это значит? — прохрипел торговец шерстью из Феррата.

— Вам нужны объяснения? — пробормотал карду, издевательски широко раскрыв глаза. — Ну хорошо. Зачем, во имя ваших богов, или моих, или его, Альберико станет превращать вас в рабов? — Он ткнул костлявым пальцем в торговца, который уставился на этот палец. — Если он попытается это сделать, то здесь, на Восточной Ладони, насколько я понимаю, еще остались мужчины, хоть и мало, которые могут воспротивиться этому. Могут даже взбунтоваться! — Он произнес последние слова преувеличенно таинственным шепотом заговорщика.

Потом откинулся назад, снова рассмеявшись собственному

остроумию. Больше никто не смеялся. Эточио нервно взглянул на дверь.

— С другой стороны, — продолжал карду, все еще смеясь, — если он просто выжмет вас досуха при помощи налогов, поборов и конфискаций, то добьется абсолютно того же самого, не разозлив никого настолько, чтобы люди могли что-то предпринять. Говорю вам, господа, — тут он сделал большой глоток из своей кружки с пивом, — Альберико Барбадиорский — умный человек.

— А ты, — произнес сероглазый мужчина, перегнувшись через свой стол и ощетинившись от гнева, — наглый, самонадеянный чужестранец!

Улыбка карду погасла. Он в упор посмотрел на сероглазого, и Эточио вдруг очень обрадовался, что кривой меч воина спрятан под стойкой бара вместе с остальным оружием.

— Я здесь уже тридцать лет, — тихо произнес черный человек. — Почти столько же, сколько ты прожил на свете, держу пари. Я охранял караваны купцов на дорогах, еще когда ты мочился в кроватку по ночам. И если я чужестранец, то Кардун все еще свободная страна, насколько я слышал. Мы отразили нападение захватчика, чего не может сказать никто здесь, на Ладони!

— У вас была магия! — внезапно выпалил молодой парень у бара, перекрывая поднявшийся гневный гомон голосов. — А у нас нет! Это единственная причина! Единственная!

Карду повернулся к юноше, презрительно кривя губы.

— Если тебе хочется убаюкивать себя по ночам мыслью о том, что все дело в этом, тогда вперед, молодой человек. Может быть, это поможет тебе смириться с уплатой новых налогов нынешней весной или с голодом, потому что осенью зерна не будет. Но если хочешь знать правду, я тебе ее предоставлю бесплатно.

Шум стих, пока он говорил, но многие вскочили, гневно уставившись на карду.

Оглядев зал, словно считал юношу у бара не стоящим его внимания, он очень ясно произнес:

— Мы нанесли поражение Брандину Игратскому, когда он вторгся к нам, потому что Кардун сражался, как одна страна. Как единое целое. А ваши провинции Альберико и Брандин победили потому, что вы были слишком заняты своими пограничными ссорами друг с другом или тем, кто — принц или герцог — возглавит вашу армию, или который жрец или жрица благословит ее, или кто будет сражаться в центре, а кто справа, и где

произойдет сражение, и кого боги любят больше. Ваши девять провинций сдались чародеям одна за другой, палец за пальцем. Их переломали, словно цыплячьи кости. Я всегда считал, — протянул он в наступившей тишине, — что лучше всего драться рукой, сжатой в кулак.

И он лениво махнул Эточио рукой, требуя еще выпить.

— Будь проклята твоя наглая кардунская шкура, — сдавленным голосом произнес сероглазый человек. Эточио за стойкой бара повернулся и посмотрел на него. — Будь ты навсегда проклят и погружен во тьму Мориан за то, что ты прав!

Этого Эточио не ожидал, как и все остальные слушатели. Настроение стало мрачно-задумчивым. И еще более опасным, понял Эточио, совершенно не соответствующим яркому весеннему дню, радостному теплу вернувшегося солнца.

— Но что мы можем сделать? — жалобно спросил молодой парень у бара, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Проклинать, пить и платить налоги, — с горечью ответил торговец шерстью.

— Должен сказать, что мне вас всех жаль, — самодовольным тоном произнес одинокий торговец из Сенцио. Это было неразумным замечанием. Даже Эточио, известный тем, что его нелегко завести, почувствовал раздражение.

Молодой человек у бара положительно впал в ярость.

— Ты! Какое ты имеешь право... — Он в ярости застучал по стойке бара и что-то нечленораздельно забормотал. Пухлый торговец из Сенцио улыбнулся высокомерной улыбкой, в свойственной им всем манере.

— Действительно, какое право! — Ледяные серые глаза уставились на наглого торговца. — Совсем недавно я видел, как торговцы Сенцио так глубоко засовывали руки в карманы, чтобы заплатить пошлину и востоку, и западу, что даже не в состоянии были вынуть свое снаряжение, чтобы доставить удовольствие женам!

Громкий, грубый взрыв хохота приветствовал это замечание. Даже старый карду слабо улыбнулся.

— А я знаю, — ответил покрасневший торговец, — что губернатор Сенцио — один из нас, а не прибыл из Играта или Барбадиора.

— А что случилось с герцогом? — резко спросил купец из Феррата. — Вы в Сенцио настолько трусливы, что ваш герцог уступил свою власть губернатору, чтобы не огорчать тиранов. И вы этим гордитесь?

— Гордится? — насмешливо переспросил худой купец. — У него нет времени гордиться. Он слишком занят тем, что смотрит то в одну сторону, то в другую и выбирает, посланнику которого из тиранов предложить свою жену!

Снова раздался взрыв хриплого, горького смеха.

— Для побежденного у тебя злой язык, — холодно ответил сенцианец. Смех прекратился. — Откуда ты, если так резво издеваешься над мужеством других людей?

— Из Тригии, — спокойно ответил тот.

— Из оккупированной Тригии, — злобно поправил сенцианец. — Побежденной Тригии. С барбадиорским губернатором.

— Мы пали последними, — возразил тригиец чересчур вызывающе. — Борифорт продержался дольше, чем все остальные.

— Но он пал, — отрезал сенцианец, теперь уверенный в своем преимуществе. — Я бы не спешил так с рассуждениями насчет чужих жен. После всех тех историй, которые дошли до нас о том, что здесь вытворяли барбадиоры. И еще я слышал, что большинство ваших женщин не так уж сопротивлялись.

— Закрой свой грязный рот! — оскалился тригиец, вскакивая. — Закрой, не то я заткну его навсегда, лживый сенцианский бродяга!

Поднялся страшный шум, громче, чем раньше. Эточио попытался восстановить порядок и яростно зазвонил в колокольчик над стойкой бара.

— Хватит! — проревел он. — Успокойтесь, не то вы все сейчас вылетите отсюда!

Это была суровая угроза, и все утихли.

В наступившей тишине снова раздался сардонический смех кардунского воина. Он уже встал с места. Бросил монеты на стол в уплату по счету и, все еще смеясь, оглядел зал с высоты своего роста.

— Видите, что я имею в виду? — пробормотал он. — Все эти спички-мизинчики тычут друг в друга. Вы этим всегда занимались, не так ли? И полагаю, что так будет и впредь. До тех пор, пока здесь не останется ничего, кроме Барбадиора и Играта.

Он подошел к бару за своей саблей.

— Ты, — внезапно окликнул его сероглазый тригиец, когда Эточио подавал воину его кривую саблю в ножнах.

Карду медленно обернулся.

— Ты умеешь пользоваться этой штукой так же хорошо, как своим языком? — спросил тригиец.

Губы карду раздвинулись в жестокой улыбке.

— Раза два она становилась красной.

— Ты сейчас на кого-нибудь работаешь?

Карду оценивающим, оскорбительным взглядом окинул говорившего:

— Куда ты направляешься?

— Я только что изменил свой план, — ответил тот. — В Феррате ничего не заработаешь. С их двойной пошлиной. Думаю, мне придется отправиться дальше. Я тебе заплачу обычную цену за охрану, мы поедем на юг, в горные районы Чертандо.

— Там неспокойно, — задумчиво пробормотал карду.

Лицо тригийца насмешливо скривилось.

— А зачем ты мне понадобился, как ты считаешь? — спросил он.

Через секунду карду улыбнулся в ответ.

— Когда едем? — спросил воин.

— Уже уехали, — ответил тригиец, поднимаясь и расплачиваясь по счету. Он забрал собственный короткий меч, и они вышли вместе. Когда открылась дверь, в комнату на несколько мгновений ворвался ослепительный солнечный свет.

Эточио надеялся, что после их ухода разговоры утихнут. Но этого не произошло. Юноша у бара пробормотал что-то насчет объединения в единый фронт — замечание, которое было бы просто безумным, если бы не было таким опасным. К несчастью, с точки зрения Эточио, во всяком случае, это замечание услышал торговец шерстью из Феррата, а настроение в зале к тому моменту стало уже таким приподнятым, что эту тему стали развивать.

Это продолжалось весь день, даже после ухода парня. И в тот вечер, уже при совершенно других посетителях, Эточио поразил сам себя, вмешавшись в спор о знатности предков между астибарским торговцем винами и еще одним сенцианцем. Он сказал то же, что говорил карду — насчет девяти тонких пальцев, которые сломали по одному, потому что они так и не сумели сжаться в кулак. Этот аргумент ему был понятен; в собственных устах он звучал разумно. Он заметил, что мужчины закивали еще до того, как он закончил говорить. Это была необычная реакция, она ему льстила: на Эточио редко обращали внимание, разве что тогда, когда он выкрикивал в таверне время.

Ему очень понравилось это новое ощущение. В последующие дни он поднимал этот вопрос всякий раз, когда представлялся случай. Впервые в жизни Эточио начал завоевывать репутацию думающего человека.

К несчастью, однажды летним вечером его услышал барба-

диорский наемник, стоящий у открытого окна. Они не отняли у него лицензию. Они арестовали Эточио и казнили его на колесе возле собственной таверны, засунув ему в рот отрубленные кисти рук.

Но к тому времени очень многие уже слышали эти рассуждения. Очень многие в ответ на услышанное утвердительно кивали.

* * *

Дэвин присоединился к остальным примерно в миле к югу от таверны на перекрестке, на пыльной дороге, ведущей в Чертандо. Они его ждали. Катриана ехала на первой повозке одна, но Дэвин вскочил на вторую и сел рядом с Баэрдом.

— Кипят, как кастрюля с кавом, — весело сказал он в ответ на насмешливый взгляд Баэрда из-под приподнятых бровей. Алессан ехал верхом рядом с повозкой. При нем был меч, как заметил Дэвин. Лук Баэрда лежал в повозке, за его сиденьем, достать его можно было одним быстрым движением. Дэвин несколько раз за шесть месяцев имел возможность убедиться, насколько быстро Баэрд его достает. Алессан улыбнулся ему, он ехал с непокрытой головой в ярком свете послеполуденного солнца.

— Как я понимаю, ты немного помешал в этой кастрюле после нашего ухода?

Дэвин ухмыльнулся.

— Много мешать не понадобилось. Вы двое разыгрываете теперь эту сцену, как профессиональные актеры.

— Ты тоже, — заметил герцог, скачущий по другую сторону от повозки. — Особенно я сегодня восхищался твоим праведным гневом. Мне показалось, что ты сейчас в меня чем-нибудь запустишь.

Дэвин ему улыбнулся. Белые зубы Сандре ослепительно сверкнули на фоне невероятно черной кожи.

«Не надейтесь, что вы нас узнаете», — сказал тогда Баэрд, когда они расставались в лесу Сандрени полгода назад. Так что Дэвин был подготовлен. Но не в достаточной степени.

Преображение самого Баэрда сбивало с толку, но было довольно умеренным: он отрастил короткую бородку и убрал подложенные плечи из камзола. И стал не таким массивным, как Дэвину сначала показалось. Он также немного изменил цвет волос: из ярко-желтых они стали темно-каштановыми, по его сло-

вам, приобрели естественный цвет. Глаза его теперь тоже стали карими, а не ярко-голубыми, как раньше.

Однако преображение Сандре д'Астибара было полным. Даже Алессан, который, очевидно, за долгие годы должен был привыкнуть к подобным вещам, тихо свистнул, когда увидел герцога в первый раз. Поразительно, но Сандре превратился в стареющего черного воина из Кардуна, страны за северным морем. Люди этого типа, как слышал Дэвин, часто встречались на дорогах Ладони лет двадцать-тридцать назад, в те дни, когда купцы ездили только большими компаниями, а кардунские воины с их грозными кривыми саблями пользовались большим спросом для защиты от грабителей.

Каким-то сверхъестественным образом, со сбритой бородой и окрашенными в темно-серый цвет седыми волосами, худое черное лицо Сандре в точности соответствовало лицу кардунского наемника. Баэрд объяснил, что он сразу же заметил это сходство, как только увидел герцога при дневном свете. Это и подсказало ему почти идеальную маскировку.

— Но каким образом? — ахнул тогда Дэвин.

— Притирки и настойки, — рассмеялся Алессан.

Баэрд позже объяснил, что они с принцем провели несколько лет в Квилее после падения Тиганы. Такого рода маскировка — окрашивание кожи и волос и даже изменение оттенка глаз — к югу от гор была очень важным и доведенным до совершенства искусством. Она играла главную роль в мистериях матери-богини и в менее тайных ритуалах официального театра, а также центральные, сложные роли в бурной истории религиозных войн Квилеи.

Баэрд не сказал, что они с Алессаном там делали или как он научился этому тайному искусству и достал для него все необходимое.

Катриана тоже этого не знала, и Дэвин почувствовал себя немного лучше. Они однажды спросили Алессана и впервые за все время получили ответ, который за осень и зиму стал для них привычным.

— Весной, — ответил им Алессан. Весной многое прояснится, так или иначе. Они приближаются к чему-то важному, но пока придется подождать. Он не собирается обсуждать это сейчас. До весенних дней Поста они покинут свой привычный маршрут Астибар — Тригия — Феррат и отправятся на юг, через просторы пшеничных полей Чертандо. И в этот момент, сказал Алессан, многое может измениться. Так или иначе, повторил он.

Он не улыбнулся, произнося эти слова, хотя у него всегда была наготове улыбка.

Дэвин вспомнил, как Катриана тряхнула волосами с понимающим, почти сердитым выражением голубых глаз.

— Это Альенор, да? — спросила она обвиняющим тоном. — Эта женщина из замка Борсо?

Губы Алессана изогнулись удивленно, а потом насмешливо.

— Нет, дорогая, — ответил он. — Мы остановимся в Борсо, но это не имеет к ней никакого отношения. Если бы я не знал, что твое сердце принадлежит одному лишь Дэвину, я бы сказал, что в твоем голосе звучит ревность, моя дорогая.

Шутка возымела желаемый эффект. Катриана в гневе выбежала, а Дэвин, почти столь же смущенный, быстро сменил тему. Алессан умел так действовать на людей. За дающейся ему без усилий учтивостью и искренней дружбой существовала грань, которую они научились не переступать. Если он редко бывал резким, то его шутки — всегда первый показатель самоконтроля — больно жалили. Даже герцог обнаружил, что лучше не требовать от Алессана ответов на некоторые вопросы. В том числе и на этот, как выяснилось: когда они спросили Сандре, он ответил, что знает так же мало, как и они, насчет того, что произойдет весной.

Размышляя над этим, по мере того как осень уступала место зиме, Дэвин ясно понимал, что Алессан — принц страны, которая с каждым днем умирает еще немного. При этих обстоятельствах, решил он, удивительно не существование таких мест, куда им вход заказан, а скорее то, как далеко они могут углубиться, пока не достигнут недоступных внутренних областей.

В ту долгую зиму, в числе прочего, Дэвин научился терпению. Он учил себя удерживаться от вопросов до подходящего момента или совсем их не задавать и пытаться самому найти ответы. Если для полного знания надо ждать весны, то он подождет. А тем временем он со страстью, которую в себе и не подозревал, с головой окунулся в то, чем они занимались.

В его собственное сердце вонзился клинок в ту звездную, осеннюю ночь в лесу Сандрени.

Он представления не имел, чего ожидать, когда через пять дней они отправились на запряженной лошадьми повозке Ровиго и еще с тремя конями в сторону Ферраты, увозя кровать и множество вырезанных из дерева изображений Триады. Тачио написал Ровиго, что может продать астибарские культовые изображения с большой прибылью купцам из Западной Ладони.

Особенно учитывая то, что, как узнал Дэвин, предметы искусства, изображающие Триаду, пошлинами не облагались: часть политики чародеев, чтобы умиротворить и нейтрализовать священнослужителей.

Дэвин многое узнал о торговле в ту осень и зиму, а также о некоторых других вещах. Со своим заново и трудно обретенным терпением он молча слушал, как перебрасываются идеями Алессан и герцог во время долгой дороги, превращая грубые угли замыслов в ограненные алмазы совершенных планов. И хотя в своих собственных снах по ночам видел, как поднимает армию и освобождает Тигану, потом штурмует легендарные стены гавани Кьяры, он быстро понял — на холодных дорогах в дневное время, — что их подход будет совершенно другим.

Именно поэтому, собственно говоря, они до сих пор находились на востоке, а не на западе, и делали все, что могли, при помощи небольших сверкающих алмазов — планов Алессана и Сандре, чтобы нарушить спокойствие во владениях Альберико Однажды Катриана призналась ему, когда, по какой-то причине, сочла его достойным разговора с ней, что Алессан действует гораздо агрессивнее, чем в прошлом году, когда она к ним присоединилась. Дэвин высказал предположение, что это можно отнести за счет влияния Сандре. Катриана отрицательно покачала головой. Она считала, что отчасти это может быть правдой, но есть что-то еще, новая настоятельная необходимость, источника которой она не понимала.

Узнаем весной, пожал плечами Дэвин. Она с гневом взглянула на него, словно ее лично оскорбила его невозмутимость.

Однако именно Катриана предложила самый агрессивный план в начале зимы: она инсценировала самоубийство в Тригии. Да еще и оставила на мосту подборку стихов, написанных тем молодым поэтом о Сандрени. Его звали Адриано, сообщил им Алессан, непривычно подавленный: его имя оказалось в присланном Ровиго списке тех поэтов, которых наугад схватили и казнили на колесах, когда Альберико мстил за эти стихи. Алессана неожиданно очень опечалила эта новость.

В письме Ровиго содержалась и другая информация, кроме обычных подробностей, касающихся торговли. Оно ждало их в таверне на севере Тригии, которая служила почтовым ящиком для многих купцов на северо-востоке. Они направлялись на юг, распространяя всевозможные слухи о беспорядках среди солдат. В последнем отчете Ровиго уже во второй раз высказывал предположение, что налоги снова неизбежно будут повышены, что-

бы удовлетворить новые требования наемников увеличить им плату. Сандре, который поразительно предугадывал ход мыслей тирана, с ним согласился.

После ужина, когда они остались одни у очага, Катриана изложила свое предложение. Дэвин едва мог поверить: он видел, какие высокие мосты в Тригии и как стремительно несется под ними река. И к тому времени уже наступила зима, с каждым днем становилось все холоднее.

Алессан, все еще огорченный новостями из Астибара и, очевидно, думающий так же, как и Дэвин, с ходу наложил вето на эту идею. Катриана указала ему на два момента. Первое, что она выросла у моря: она плавала лучше любого из них и лучше, чем они думают.

Второе, это то, что подобное самоубийство и особенно в Тригии, как хорошо известно Алессану, безупречно укладывается в рамки всего, чего они пытались добиться на Восточной Ладони.

— Это правда, — сказал тогда Сандре, — как мне ни жаль это признавать.

Алессан неохотно согласился поехать в Тригию и более пристально взглянуть на реку и мосты.

Через четыре дня Дэвин и Баэрд сидели, скорчившись, в вечерней полутьме на берегу реки в городе Тригия, в том месте, которое Дэвину казалось страшно далеким от моста, выбранного Катрианой.

Пока они ждали, Дэвин безуспешно пытался разобраться в своих сложных чувствах к Катриане. Однако он слишком волновался и слишком замерз.

Он знал лишь, что сердце его подпрыгнуло от тройного чувства облегчения, восхищения и зависти, когда она подплыла к берегу, точно в том месте, где они ее ждали. Она даже держала в одной руке парик, чтобы он не застрял где-нибудь и его не нашли. Дэвин затолкал его в сумку, пока Баэрд энергично растирал дрожащее тело Катрианы и закутывал ее в несколько слоев принесенной с собой одежды. Глядя на нее, пытающуюся унять дрожь, почти синюю от холода, стучащую зубами, Дэвин почувствовал, как зависть исчезает. Ее сменила гордость.

Она была родом из Тиганы, и он тоже. Мир пока еще не знает об этом, но они вместе трудятся, пусть и по-разному, чтобы вернуть Тигану.

На следующее утро две повозки медленно прогрохотали через город и направились на северо-запад к Феррату с полным

грузом горного кава. Падал легкий снежок. Оставленный ими город бурлил и волновался, потому что неизвестная черноволосая девушка из дистрады покончила с собой. После того случая Дэвину стало очень трудно быть резким или мелочным с Катрианой. По большей части. Она не оставила своей привычки время от времени делать вид, будто он невидимка.

Ему стало трудно убедить себя в том, что они действительно занимались любовью; что он действительно ощущал ее мягкие губы на своих губах или ее руки на своей коже, когда она направила его в себя.

Конечно, они никогда об этом не говорили. Он ее не избегал, но и не искал ее общества: ее настроение менялось слишком непредсказуемо, и он никогда не знал, какой ответ получит. С заново приобретенным терпением он позволял ей править повозкой или сидеть рядом с ним у очага в таверне, если ей хотелось. Иногда ей хотелось.

В Феррате, где они побывали уже в третий раз за ту зиму, их прекрасно кормила Ингонида, все еще пребывающая в восторге от кровати, которую они ей привезли. Жена Тачио продолжала оказывать особенное, сочувственное внимание к герцогу в его черном обличье. Алессан с удовольствием поддразнивал Сандре по этому поводу, когда они были одни. А тем временем толстый, краснолицый Тачио щедро поил их всех вином.

Их ждал еще один конверт от Ровиго д'Астибара. На этот раз в нем оказалось два письма, одно из которых источало — даже после долгого пути — удивительно сильный аромат духов.

Алессан, нарочито вздернув брови, вручил это бледно-голубое благоухание Дэвину с бесконечно многозначительным видом. Ингонида закаркала и захлопала в ладоши, что, несомненно, должно было означать романтический восторг. Тачио, расплывшись в улыбке, налил Дэвину еще вина.

Духи принадлежали Селвене, вне всякого сомнения. Выражение лица Дэвина, должно быть, его выдало, когда он осторожно взял конверт, потому что услышал, как Катриана внезапно хихикнула. Он постарался на нее не смотреть.

Послание Селвены состояло из одного бурного предложения, такого же, как сама девушка. Однако в нем содержался один прозрачный намек, и он вынужден был отказать друзьям в их невинной просьбе дать им прочесть это письмо.

Но фактически Дэвин должен был признаться себе, что его гораздо больше заинтересовали пять аккуратных строчек, которые Алаис приписала к посланию отца. Мелким, деловитым почерком она просто сообщила, что нашла и переписала в одном из храмов этого бога в Астибаре еще один вариант «Плача по Адаону» и что с нетерпением ждет случая показать его всей компании, когда они в следующий раз приедут на восток. Она подписалась одной начальной буквой своего имени.

В основной части письма Ровиго сообщал, что в Астибаре стало очень тихо с тех пор, как десять поэтов были казнены вместе с членами семей заговорщиков на Большой площади. Что цены на зерно продолжают расти, что он мог бы с выгодой продать столько зеленого вина из Сенцио, сколько им удастся достать по нынешней цене, что Альберико, как все ожидают, вот-вот объявит того из своих командиров, который получит большую часть конфискованных земель Ньеволе, и что его самая полезная информация заключается в следующем: сенцианское постельное белье все еще идет в Астибаре по низким ценам, но они, возможно, поднимутся.

Именно известие о землях Ньеволе послужило поводом для нового искрометного плана Алессана и герцога.

И эти искры вызвали пожар. Они впятером быстро совершили поездку по хорошо ухоженной главной дороге на север Сенцио еще с одной партией культовых предметов искусства. Закупили зеленое вино на деньги, вырученные за статуэтки, успешно выторговали партию белья — ко всеобщему удивлению, в таких делах лучше всех вел переговоры Баэрд — и быстро вернулись назад к Тачио, заплатив огромные новые пошлины как в пограничных фортах, так и у стен города.

Их ждало еще одно письмо. Среди различных деловых мелочей, приведенных для отвода глаз, Ровиго сообщал, что объявление решения по поводу земель Ньеволе ожидают к концу этой недели. У него надежный источник, прибавил он. Письмо было написано пять дней назад.

В ту ночь Алессан, Баэрд и Дэвин одолжили у Тачио третьего коня — тот был очень рад, что они ему ничего не сообщили о своих намерениях, — и отправились в долгий путь к границе Астибара, а потом к тому оврагу у дороги, которая вела к воротам поместья Ньеволе.

Семь дней спустя они вернулись с новой повозкой и грузом непряденой овечьей шерсти на продажу для Тачио. Весть о пожаре их обогнала. Уже начались многочисленные стычки в городе между солдатами Первой и Второй рот.

Они оставили новую повозку у Тачио и уехали, медленно двигаясь обратно к Тригии. Три повозки им не были нужны,

ведь они являлись партнерами скромного коммерческого предприятия. Получали скромную прибыль по мере своих сил, учитывая непосильные налоги и пошлины. Они много говорили об этих налогах и пошлинах, часто в общественных местах. Иногда более откровенно, чем было привычно для слушателей.

Алессан ссорился с насмешливым кардунским воином в десятке различных таверн и придорожных гостиниц и нанимал его на службу десятки раз. Иногда свою роль играл Дэвин, иногда Баэрд. Они следили за тем, чтобы нигде не повторять свое представление дважды. Катриана вела точный учет мест, где они побывали и что говорили и делали. Дэвин заверил ее, что можно положиться на его память, но она все равно вела записи.

В общественных местах герцог теперь называл себя Томазом. «Сандре» — имя довольно необычное для Ладони и для наемника из Кардуна звучало тем более странно. Дэвин вспомнил, что тогда осенью он впал в задумчивость, когда герцог сообщил им свое новое имя. Он спрашивал себя, что чувствует человек, которому пришлось убить собственного сына. Пережить собственных сыновей. Знать, что всех, даже самых дальних родственников, распяли живыми на колесах смерти Барбадиора. Он пытался представить себе, что должен чувствовать такой человек. На протяжении этих осени и зимы жизнь и то, что она делает с человеком, стали казаться Дэвину все более сложными и болезненными. Он часто думал о Марре, выхваченной смертью на пути к зрелости, к тому, чем она должна была стать. Он скучал по ней, иногда эта ноющая боль становилась давящей и тяжелой. С ней можно было бы поговорить о таких вещах. У других хватало своих забот, и ему не хотелось их обременять. Он думал об Алаис брен Ровиго. Поняла бы она то, что его мучает? Дэвину казалось, что нет; она жила слишком защищенной, замкнутой жизнью, и подобные мысли ее, наверное, не волновали. Тем не менее однажды ночью она ему приснилась, и видения были неожиданно яркими. На следующее утро он ехал рядом с Катрианой в передней повозке, непривычно молчаливый, возбужденный и обеспокоенный ее близостью, рыжим водопадом ее волос на фоне белого зимнего пейзажа.

Иногда он вспоминал о том солдате в конюшне Ньеволе, который проиграл в кости и взял кувшин вина в уединенное место, вдали от пения, и которому во сне перерезали горло. Неужели тот солдат появился на свет только для того, чтобы стать платой за обряд посвящения Дэвина ди Тиганы?

Это была ужасная мысль. В конце концов, обдумывая ее снова и снова во время долгих, холодных зимних перегонов, Дэ-

вин пришел к выводу, что все не так. Этот человек на протяжении своей жизни взаимодействовал с другими людьми. Несомненно, давал им радость и причинял горе, и сам испытывал те же чувства. Не мгновение его конца определяло его путь, освещенный огнями Эанны, или как там этот путь называется в Империи Барбадиор.

Трудно было разобраться во всем этом. Неужели Стиван Игратский жил и умер для того, чтобы горе его отца могло привести к уничтожению маленькой провинции, ее народа и памяти о ней? Неужели принц Валентин был рожден лишь для того, чтобы нанести удар клинком, который послужил причиной всего этого? А как же тогда его младший сын?

И как насчет младшего сына крестьянина из Азоли, который бежал из Авалле, когда тот превратился в Стиванбург? Воистину, тяжело было разгадать эти головоломки.

Однажды утром, в Сенцио, когда первые, смутные признаки весны уже чувствовались в воздухе севера, Баэрд привез со знаменитого оружейного рынка сверкающий, прекрасно сбалансированный меч для Дэвина. В рукоятку был вставлен черный камень. Баэрд ничего не объяснил, но Дэвин знал, что это имеет отношение к тому, что произошло на конюшне поместья Ньеволе. Этот подарок не дал ответы на его новые вопросы, но все равно он ему помог. Баэрд начал давать Дэвину уроки во время полуденных привалов на дороге.

Дэвин тревожился за Баэрда, отчасти потому, что видел, как тревожится Алессан.

Его первые впечатления в охотничьем домике оказались в большинстве своем неверными: он увидел там Баэрда крупным блондином, устрашающе хладнокровным и опытным. Но Баэрд оказался темноволосым и вовсе не таким уж крупным, и хотя его познания во многих вопросах были столь обширны, что даже через шесть месяцев иногда пугали, он вовсе не был хладнокровным. Всего лишь внимательным и настороженным. Он замкнулся в своей боли, с которой так долго жил.

В некотором смысле Алессан воспринимал все легче, чем Баэрд, понял Дэвин. Принц мог найти временную отдушину в беседе, в смехе и почти всегда — в музыке. Баэрд, казалось, ни в чем не находил отдушин: он шел по миру, меняющемуся каждое мгновение, но вращающемуся вокруг того факта, что Тиганы больше не существует.

Иногда эта мысль гнала его из дома по ночам, заставляя забыть сон, и от костра, разведенного ими у дороги. Он вставал без предупреждения и тихо уходил один в темноту.

Дэвин смотрел на Алессана, провожающего взглядом удаляющегося Баэрда.

— Когда-то я знал одного человека, похожего на него, — однажды ночью сказал Сандре, когда Баэрд покинул теплую комнату в таверне и ушел в зимний ночной туман, в холмы Тригии неподалеку от Борифорта. — Он имел привычку уходить в одиночку, для того чтобы победить в себе желание убивать.

— Это лишь доля правды, — заметил тогда Алессан.

Мысли зимы, настроение зимней ночи.

А сейчас была весна, и как зелено-золотистый сок земли поднимается к согревающему свету, так и Дэвин почувствовал, как его настроение поднимается навстречу оживающей природе, среди которой они путешествовали.

«Подождите весны», — говорил Алессан среди коричнево-красных осенних деревьев и оголенных после уборки урожая виноградных лоз. И вот на них накатила весна, быстро приближались дни Поста, и наконец — как долго они ждали этого! — они направлялись в Чертандо за теми ответами, которые надеялись там найти. Дэвин не мог и не хотел подавить поднимающееся в нем, словно сок зеленеющего леса, ощущение: то, что должно случиться, произойдет очень скоро.

Сидя во второй повозке рядом с Баэрдом, он чувствовал себя живым, что было чудесно и очень важно. Послеполуденное солнце играло в волосах Катрианы, едущей впереди, и творило с его кровью нечто странное и прекрасное. Он ощущал на себе пристальный, любопытный взгляд Баэрда и поймал легкую улыбку, промелькнувшую на его лице. Ему было все равно. Он даже обрадовался. Ведь Баэрд — его друг.

Дэвин затянул песню. Очень старую дорожную балладу, «Песнь странника»:

> Я теперь вдали от дома, где я родился,
> И изгибы тропы ведут меня, друг другу вторя,
> Но когда восходят луны и солнце садится,
> Лишь звезды Эанны внемлют с небес моей истории

Алессан, в каком бы он ни был настроении, почти всегда был готов подхватить песню, и Дэвин не удивился, услышав к началу второго куплета тригийскую свирель. Он оглянулся и увидел, как едущий рядом с ним принц подмигнул ему

Катриана с неодобрением оглянулась на них. Дэвин улыб-

нулся ей и пожал плечами, а свирель Алессана внезапно заиграла широко и призывно. Катриана попыталась сдержать улыбку, но ей это не удалось. Она вступила на третьем куплете, а потом сама повела их за собой в следующей песне.

Позднее, в середине лета, Дэвин вспомнил этот первый час долгого путешествия на юг впятером, и это воспоминание заставило его почувствовать себя очень старым.

В тот день он был молод. В каком-то смысле все они были молоды, пусть и недолго, даже Сандре, который вместе с остальными подхватывал припев тех песен, которые знал, вполне сносным баритоном. Он заново родился в новом облике, заново обрел надежду на исполнение своей давней, неувядающей мечты.

Дэвин перехватил у Катрианы мелодию третьей песни, и его чистый голос полетел вдоль дороги. Опережая их, песня летела вперед по залитой солнцем, извилистой тропе к Чертандо, к владелице замка Борсо, кем бы она ни была, и к тому, что Алессан ожидал найти в горах.

Но сначала, ближе к закату, они нагнали на дороге путника.

Само по себе это не было необычным. Они все еще находились в Феррате, в населенной местности к северу от форта Чиороне, там, где оживленные дороги из Тригии и Корте пересекали дорогу с севера на юг, по которой они двигались. С другой стороны, одинокие путешественники для Дэвина были редкостью, и он вместе с Баэрдом пошел проверить обочины дороги, не прячется ли там засада.

Обычная предосторожность, но они находились в местности, где воры долго не выживают. Затем, подъехав поближе, Дэвин увидел маленькую арфу, висящую на спине у этого человека. Трубадур. Дэвин улыбнулся; трубадуры почти всегда были хорошими попутчиками.

Человек обернулся и ждал, когда они его нагонят. Когда Катриана остановила первую повозку рядом с ним, он отвесил ей такой глубокий, по-придворному грациозный поклон, что тот выглядел пародией на пустынной дороге.

— На протяжении последней мили я наслаждался вашей музыкой, — сказал он, выпрямляясь. — Должен сказать, что ваш вид нравится мне еще больше. — Он был высоким, немолодым, с длинными седеющими волосами и быстрыми глазами Он улыбнулся Катриане той улыбкой, которой славились трубадуры Ладони. Белые ровные зубы сверкнули на морщинистом лице

— Направляетесь на юг вместе с весной? — спросила она, вежливо улыбнувшись в ответ на его лесть. — Привычный маршрут?

— В самом деле, — ответил он. — Привычный маршрут в обычное время. И мне очень не хочется говорить такой молодой и прекрасной девушке, как вы, сколько лет я уже хожу по этому маршруту.

Дэвин спрыгнул с повозки и подошел поближе к этому человеку, проверяя свою догадку.

— Возможно, я мог бы догадаться, — с улыбкой сказал он, — потому что, кажется, я вас помню. Мы одновременно выступали в Чертандо в сезон свадеб. Вы играли на арфе в труппе Бурнета ди Корте два года назад?

Острые глаза обежали его с головы до ног.

— Это правда, — признался трубадур, помолчав секунду. — Меня зовут Эрлейн ди Сенцио, и я действительно один сезон работал с труппой этого проклятого Бурнета. Потом он надул меня при расчете, и я решил, что одному мне будет лучше. Я так и понял, что слышу голоса профессионалов. Так вы музыканты?

— Дэвин д'Азоли. Я несколько лет работал у Менико ди Ферраты.

— И явно занялся теперь другими делами, поприбыльнее, — заметил Эрлейн, бросая взгляд на их тяжело груженные повозки. — Менико все еще путешествует? Еще больше растолстел?

— Ответ «да» на оба вопроса, — сказал Дэвин, пряча чувство вины, которое до сих пор охватывало его при мысли о бывшем хозяине своей труппы. — И Бурнет тоже, насколько я слышал.

— Чтоб он пропал, — тихо буркнул Эрлейн. — Он мне остался должен.

— Ну, — произнес Алессан, глядя сверху вниз со своего коня, — здесь мы вам не поможем, но если хотите, можем подбросить вас до Чиороне на ночлег до начала комендантского часа. Можете ехать с Баэрдом, — быстро прибавил он, так как Эрлейн смотрел на свободное место рядом с Катрианой.

— Я был бы вам глубоко признателен... — начал Эрлейн.

— Мне не нравится форт Чиороне, — вдруг вмешался Сандре. — Там вечно надувают и слишком многим становится известно, что ты везешь и куда направляешься. Слишком там много подозрительных личностей. Ночь наступает теплая, и мне кажется, здесь нам будет лучше.

Дэвин с удивлением взглянул на герцога. Он впервые слышал от него подобные высказывания.

— Ну, в самом деле, Томаз, не понимаю, почему... — начал было Алессан.

— Ты меня нанял, купец, — прорычал Сандре. — Ты хотел, чтобы я на тебя работал, и я делаю свою работу. Если не хочешь слушать, заплати немедленно, и я найду того, кто захочет слушать. — Его глаза свирепо сверкали в глубоких глазницах на черном лице.

Никто из них не заблуждался по поводу его тона. Все поняли, что у Сандре есть веская причина для такого поведения.

— Немного повежливее, пожалуйста, — огрызнулся Алессан, разворачивая своего коня к герцогу. — А не то я и в самом деле выгоню тебя, и тащи тогда свои старые кости обратно в поисках другого такого идиота, который будет тебя терпеть. Я ухитрился, — обратился он снова к Эрлейну, — найти самого самоуверенного карду на дорогах Ладони.

— Они все самоуверенные, — ответил трубадур, качая головой. — Это из-за их кривых сабель.

Алессан рассмеялся. И вслед за ним Дэвин.

— Остался еще целый час светлого времени, — недовольным голосом заметил Баэрд. — Мы легко сумеем добраться до форта. Зачем спать на голой земле?

Алессан вздохнул.

— Знаю, — ответил он. — Мне очень жаль. Но для нас эта дорога новая, а для Томаза нет. Полагаю, нам придется его послушаться, иначе мы только зря тратим деньги, оплачивая его услуги, правда? — Он оглянулся на Эрлейна и пожал плечами. — Так что мы не сможем подбросить вас до Чиороне.

— Нельзя потерять то, чего у тебя никогда не было, — улыбнулся трубадур. — Я обойдусь.

— Мы вас приглашаем к нашему костру, — вмешался Дэвин, надеясь, что правильно истолковал быстрый взгляд герцога. Он все еще не понимал, что задумал Сандре.

К его удивлению, Эрлейн покраснел; он выглядел слегка смущенным.

— Благодарю за приглашение, но у меня с собой нет ничего, что я мог бы предложить на общий стол или к общему очагу.

— Ты действительно долго бродишь по дорогам, — уже более мирным тоном заметил Сандре. — Я уже много лет не слышал этой фразы от человека, рожденного на Ладони. Эта традиция давно забыта.

— У тебя ведь есть арфа, — вмешалась Катриана как раз в нужный момент и самым приветливым голосом. Она несколько

мгновений смотрела прямо на Эрлейна, потом снова скромно опустила глаза.

— Действительно, — через секунду ответил трубадур, подтверждая очевидное. Он пожирал взглядом Катриану.

— Тогда вы пришли далеко не с пустыми руками, — сухо сказал Алессан. — Дэвин и моя сестра поют, как вы уже слышали, а я немного играю на свирели. Арфа добавит нежности пению после ужина под звездами.

— Больше ни слова, — ответил Эрлейн. — Вы гораздо более приятное общество, чем мой собственный рот, изрекающий мудрые мысли моим собственным ушам.

Алессан снова рассмеялся.

— Немного дальше к западу растут деревья, а рядом с ними течет ручей, если я правильно помню, — сказал Сандре. — Хорошее место для лагеря.

Прежде чем кто-либо успел сказать хоть слово, Эрлейн ди Сенцио вскочил на повозку и уселся рядом с Катрианой. Дэвин, открывший от изумления рот, быстро закрыл его, заметив тайный, но настойчивый жест Сандре.

Катриана направила повозку в сторону от дороги на запад, к рощице, на которую указал герцог. Дэвин слышал, как она смеется в ответ на то, что говорит ей трубадур.

Однако он смотрел на Сандре. И Баэрд с Алессаном тоже.

Герцог бросил взгляд на Эрлейна, сидящего спиной к ним, потом быстро поднял левую руку с загнутыми третьим и четвертым пальцами. Он пристально посмотрел на Алессана, потом снова на человека, сидящего рядом с Катрианой.

Дэвин не понимал. «Клятва?» — в замешательстве подумал он.

Сандре опустил руку, но продолжал смотреть в глаза принцу. Его взгляд был странным, вызывающим. Алессан вдруг побледнел.

И в этот момент Дэвин понял.

— О Адаон, — прошептал Баэрд, когда Дэвин вскочил на повозку и сел рядом с ним. — Я в это не верю!

Дэвин тоже не верил.

Сандре только что очень ясно сообщил им, что Эрлейн ди Сенцио — чародей. Один из тех, кто отсек себе два пальца, чтобы подключиться к магии Ладони.

А Алессан бар Валентин был тиганским принцем крови. Это означало, если древняя легенда об Адаоне и Микаэле говорила правду, что он мог заставить чародея служить себе. Сандре не

поверил в это тогда, осенью, в охотничьем домике, вспомнил Дэвин.

Это был шанс, пусть и слабый. Дэвин соображал так быстро, как еще никогда в жизни. Он повернулся к Баэрду.

— Поддержи меня, когда приедем на место, — тихо произнес он. — У меня появилась идея. — Лишь позже у него было время удивиться тому, какие перемены произошли за эти шесть месяцев. Всего шесть месяцев, от одного Поста до другого. Чтобы он так говорил с Баэрдом и чтобы его слушали...

Там действительно тек ручей, как знал или догадался Сандре. Неподалеку от его берегов они остановили повозки. Началась обычная вечерняя суета. Катриана распрягала лошадей. Дэвин собирал дрова для костра. Алессан и герцог расстилали одеяла и доставали посуду и взятые с собой припасы.

Баэрд взял лук и исчез в лесу. Он вернулся через двадцать минут, не больше, с тремя кроликами и упитанной бескрылой птицей.

— Потрясающе, — отозвался Эрлейн, стоящий рядом с Катрианой и конями. — Просто потрясающе.

— Это пойдет в уплату за вашу игру, позднее, — сказал Баэрд с одной из своих редких улыбок. Одной из улыбок, которые обычно приберегал для торговли на городских ярмарках.

Дэвин наблюдал за Эрлейном как можно незаметнее. Когда ему удавалось сосредоточить взгляд на левой руке трубадура, которая, казалось, ни секунды не остается в покое, ему казалось, что он видит странное дрожание воздуха вокруг нее.

Он ждал возвращения Баэрда, теперь время пришло.

— Ты сам, — обратился он с усмешкой к вернувшемуся охотнику, — выглядишь так, что на тебя можно охотиться. Ты перепугаешь любого цивилизованного купца, которого мы встретим. Тебе нужно подстричься, чтобы показаться в обществе, друг мой.

Баэрд соображал очень быстро.

— Помолчал бы, бездельник, — парировал он, бросая свою добычу Сандре, сидящему рядом с собранным для костра хворостом. — На себя посмотри. Или ты специально стараешься казаться грязнулей, чтобы отпугнуть Альенор из Борсо?

Алессан рассмеялся. Эрлейн тоже.

— Альенор ничем не испугаешь, — хихикнул трубадур. — А этот парень как раз подходящего для нее возраста.

— Что для нее «подходящий возраст»? — лукаво улыбнулся

Алессан. — Ее устроит любой старше двенадцати и еще не в могиле.

— Мне это не нравится, — чопорно сказала Катриана под хохот пятерых мужчин.

— Прости, — отозвался Алессан, стараясь сохранить серьезное выражение лица, когда она встала перед ним, крепко упершись кулаками в бока.

— Ты вовсе не чувствуешь себя виноватым, а следовало бы! — резко сказала Катриана. — Тебе прекрасно известно, что мне такие разговоры не нравятся. Как я во время таких разговоров выгляжу, по-твоему? И вы их заводите только тогда, когда бездельничаете. Сделай что-нибудь полезное. Подстриги Дэвина Он действительно ужасно выглядит, даже хуже, чем всегда.

— Меня? — протестующе пискнул Дэвин. — Мои волосы? Что ты хочешь этим сказать? Баэрда надо стричь, а не меня! Как насчет него? Это он..

— Вам всем необходимо подстричься! — с решительной откровенностью произнесла Катриана тоном, не допускающим возражений.

Несколько секунд она холодно и критически рассматривала лохматую гриву Эрлейна Открыла рот, заколебалась, потом закрыла, блестяще изобразив, будто сдержалась из вежливости Эрлейн покраснел. Его правая рука смущенно теребила падающие на плечи пряди. А левая рука беспокойно и беспрерывно перебирала камушки, подобранные у ручья.

— Мне кажется, — ядовито сказал Дэвин, — что ты только что оскорбила нашего спутника Теперь он наконец почувствует себя здесь желанным гостем.

— Я не сказала ни слова, Дэвин, — вспыхнула Катриана.

— Вам и не надо ничего говорить, — печально произнес Эрлейн. — Ясно, что увиденное не порадовало взор ваших прекрасных глаз.

— Порадовать взор моей сестры не может почти ничто из увиденного, — проворчал Алессан. Он присел возле одного из тюков, покопался в нем и достал ножницы и расческу — Мне откровенно приказали исполнить свой долг. Осталось еще полчаса светлого времени. Кто станет первой жертвой?

— Я, — быстро отозвался Баэрд. — В сумерках я не позволю тебе ко мне прикоснуться. Это я тебе обещаю.

Эрлейн с интересом наблюдал, как Алессан подвел Баэрда к большому камню у ручья и начал подстригать его — довольно умело, надо признать. Катриана снова вернулась к коням, но

только сначала послала Эрлейну еще один быстрый, загадочный взгляд. Сандре сложил хворост для костра и начал обдирать кроликов и ощипывать птицу, немузыкально напевая что-то себе под нос.

— Принеси еще хвороста, парень, — внезапно приказал он Дэвину, не поднимая глаз. Конечно, это была гениальная мысль.

«О Мориан, — подумал Дэвин. По его жилам заструилась опьяняющая смесь волнения и гордости. — Они все так великодушны».

— Позже, — только и ответил он, небрежно вытягиваясь на земле. — Пока нам хватит, а моя очередь следующая.

— Ничего подобного, — крикнул Алессан от ручья, подхватывая игру Сандре. — Принеси дров, Дэвин. Все равно светлого времени не хватит, чтобы подстричь всех троих. Я тебя завтра буду стричь, а Эрлейна сейчас, если он хочет. Просто Катриане придется потерпеть твой ужасающий вид еще одну ночь.

— Как будто стрижка что-то может изменить! — отозвалась она с противоположного конца полянки. Эрлейн и Баэрд рассмеялись.

Дэвин с ворчанием встал и побрел к деревьям.

Позади он услышал голос Эрлейна.

— Я был бы вам очень признателен, — говорил трубадур Алессану. — Мне бы очень не хотелось, чтобы еще какая-нибудь женщина одарила меня таким же взглядом, как только что ваша сестра.

— Не обращайте на нее внимания, — услышал Дэвин смех Баэрда, шагающего обратно к костру.

— На нее невозможно не обращать внимания, — сказал трубадур, повысив голос, чтобы его было слышно там, где привязаны лошади Он встал и пошел к берегу ручья. Сел на камень перед Алессаном. Солнце превратилось в красный диск, опускающийся за ручьем.

С охапкой хвороста в руках Дэвин бесшумно сделал крюк под прикрытием сгущающихся теней и вышел туда, где возле коней стояла Катриана. Она слышала его шаги, но продолжала чистить гнедую кобылу. Ее глаза неотрывно смотрели на двоих мужчин у ручья.

И глаза Дэвина тоже. Он прищурился на заходящее солнце, и ему показалось, будто Алессан и трубадур превратились в фигуры с какого-то вневременного пейзажа. Их голоса звучали неестественно четко в тишине наступающих сумерек.

— Когда вас стригли в последний раз? — услышали они не-

брежно заданный вопрос Алессана, пока ножницы деловито сновали в длинных, спутанных, седых прядях волос Эрлейна.

— Я даже и не помню, — признался трубадур.

— Ну, — рассмеялся Алессан, нагибаясь, чтобы смочить расческу в ручье, — в дороге нам нет необходимости гоняться за придворной модой. Немного наклоните голову сюда. Да, хорошо. Вы зачесываете волосы спереди набок или назад?

— Предпочтительно назад.

— Прекрасно. — Руки Алессана передвинулись на макушку головы Эрлейна, ножницы сверкнули, отразив последние лучи солнца. — Выглядит несколько старомодно, но трубадуры и должны выглядеть старомодными, не так ли? Прибавляет обаяния... Именем Адаона и моим собственным связываю тебя с собой. Я Алессан, принц Тиганы, и ты, чародей, отныне мой!

Дэвин невольно сделал шаг вперед. Он увидел, как Эрлейн рефлекторно попытался отпрянуть. Но властная рука удержала его голову, а ножницы, только что деловито сновавшие, теперь прижались острыми концами к его горлу. Это заставило его на мгновение замереть, а мгновения было достаточно.

— Чтоб ты сгнил! — взвизгнул Эрлейн, когда Алессан отпустил его и отступил назад. Чародей вскочил с камня, словно ошпаренный, и резко повернулся к принцу. Лицо его исказилось от ярости.

Опасаясь за Алессана, Дэвин бросился было к ручью, хватаясь за меч. Затем увидел, что Баэрд уже натянул тетиву лука со стрелой, целясь в сердце Эрлейна. Дэвин замедлил шаги и остановился. Сандре стоял рядом с ним с обнаженным кривым мечом. Дэвин мельком взглянул в черное лицо герцога, и ему показалось, что он прочел на нем страх, хотя и не был в этом уверен из-за наступающей темноты.

Он снова повернулся к тем двоим, у ручья. Алессан уже аккуратно положил ножницы и расческу на камень. Он стоял неподвижно, опустив руки, но дышал учащенно.

Эрлейн буквально трясся от ярости. Дэвин смотрел на него, и ему казалось, что поднялся прежде опущенный занавес. В глазах чародея боролись ненависть и страх. Его губы дергались. Он поднял левую руку и ткнул ею в сторону Алессана жестом яростного отрицания.

И Дэвин теперь ясно увидел, что его третий и четвертый пальцы действительно отрублены. Древняя отметка единства чародея с магией и с Ладонью.

— Алессан? — спросил Баэрд.

— Все в порядке. Он теперь не может воспользоваться магией против моей воли.

Голос Алессана звучал тихо, почти равнодушно, словно все это происходило с совершенно другим человеком. Только тут Дэвин понял, что жест чародея был попыткой прибегнуть к колдовству. Магия. Он никогда не думал, что так близко соприкоснется с ней в жизни. Волосы встали дыбом у него на затылке, и ночной ветерок был тут ни при чем.

Эрлейн медленно опустил руку и постепенно перестал дрожать.

— Будь ты проклят Триадой, — произнес он голосом тихим и холодным. — И да будут прокляты кости твоих предков, и да погибнут твои дети и дети твоих детей за то, что ты со мной сделал.

Это был голос человек, жестоко, несправедливо обиженного.

Алессан не дрогнул и не отвернулся.

— Я был проклят почти девятнадцать лет назад, и мои предки тоже, и все дети, которые могут родиться в моем народе. Я положил жизнь на то, чтобы снять это проклятие, пока еще позволяет время. И лишь по этой причине привязал тебя к себе.

Лицо Эрлейна было страшным.

— Каждый истинный принц Тиганы, — произнес чародей с горечью, — знал с самого начала, насколько ужасен дар, которым одарил его бог. Как беспощадна власть над свободной, живой душой. Ты хотя бы знаешь?.. — Он сильно побледнел и стиснул руки в кулаки, голос его прервался, но потом он снова овладел собой. — Ты хотя бы знаешь, как редко пользовались этим даром?

— Дважды, — хладнокровно ответил Алессан. — Насколько я знаю, дважды. Так записано в древних книгах, хотя я опасаюсь, что теперь они сожжены.

— Дважды! — повторил Эрлейн, повысив голос. — Дважды на протяжении жизни скольких поколений, уходящих в прошлое к началу письменности на полуострове? А ты, жалкий, ничтожный принц, у которого даже нет собственной земли, только что походя, жестоко, взял в свои руки мою жизнь!

— Не походя. И только потому, что у меня нет дома. Потому что Тигана умирает и исчезнет, если я этому не помешаю.

— И что из твоей краткой речи дает тебе право распоряжаться моей жизнью и смертью?

— Я обязан выполнить свой долг, — торжественно ответил

Алессан. — Я должен использовать те орудия, которые мне попадаются.

— Я не орудие! — Этот вопль вырвался из самого сердца Эрлейна. — Я свободная живая душа с собственной судьбой!

Глядя на лицо Алессана, Дэвин увидел, как этот крик вонзился в его сердце. Долгое мгновение у ручья царило молчание. Дэвин увидел, как принц осторожно набрал в грудь побольше воздуха, словно восстанавливая равновесие под еще одним свалившимся на него бременем, под новым грузом вдобавок к тому, который он уже нес. Еще одно добавление к цене его крови.

— Я не стану лгать и не скажу, что сожалею о сделанном, — наконец ответил Алессан, тщательно выбирая слова. — Я слишком много лет мечтал найти чародея. Я скажу — и это правда, — что понимаю то, что ты сказал и почему ты меня ненавидишь, и могу тебе признаться: я горько сожалею о том, что необходимость требует совершить этот поступок.

— Необходимость ничего не требует! — ответил Эрлейн пронзительным голосом, неумолимый в своей праведности. — Мы свободные люди. Всегда есть выбор.

— Для некоторых из нас выбор ограничен. — Как ни удивительно, это произнес Сандре. Он вышел вперед и встал немного впереди Дэвина. — И некоторые должны делать выбор вместо тех, кто не может по причине отсутствия воли или сил. — Он подошел ближе к двоим собеседникам, стоящим у темного, тихо бегущего потока. — Так же как мы можем сделать выбор и не убить человека, который пытается погубить нашего ребенка, так и Алессан мог сделать выбор и не привязывать к себе чародея, в котором, возможно, нуждается его народ. Его дети. Обе эти возможности не являются подлинной альтернативой для человека с честью, Эрлейн ди Сенцио.

— Честь! — выплюнул Эрлейн. — А каким образом честь может привязать жителя Сенцио к судьбе Тиганы? Что за принц обрекает свободного человека на верную смерть вместе с собой, а затем рассуждает о чести? — Он покачал головой. — Назови это чистым проявлением власти, и покончим с этим.

— Нет, — ответил герцог своим низким голосом.

Уже стало совсем темно, и Дэвин не мог разглядеть его запавших глаз. За спиной он слышал только возню Баэрда, который стал разжигать костер. Над головой первые звезды начинали загораться на черно-синем покрывале неба. Далеко на западе, по ту сторону ручья, последний алый отблеск отметил линию горизонта.

— Нет, — снова повторил Сандре. — Честь правителя и долг заключаются в том, чтобы заботиться о его земле и его народе. Это единственная истинная мера. А платить за это — и это лишь часть цены — приходится тогда, когда он обязан идти против веления своего сердца и совершать поступки, которые глубоко печалят его. Поступать так, — тихо прибавил он, — как принц Тиганы только что поступил с тобой.

Но в голосе Эрлейна по-прежнему звучали вызов и презрение.

— А почему это, — огрызнулся он, — наемный охранник из Кардуна имеет наглость употреблять слово «честь» и рассуждать о бремени принцев?

Ему хотелось сказать нечто язвительное, понял Дэвин, но интонации его голоса выдавали растерянность и страх.

Последовало молчание. Позади них с треском взвилось пламя, и оранжевое сияние разлилось вокруг, осветив напряженное, яростное лицо Эрлейна и худое, черное лицо Сандре с высокими, обтянутыми кожей скулами. Стоящий рядом с ними Алессан, как заметил Дэвин, ни разу не шелохнулся.

— Воины Кардуна, которых я встречал, — ответил Сандре, — высоко ценили честь. Но я не могу претендовать на принадлежность к ним. Не заблуждайся: я не карду. Меня зовут Сандре д'Астибар, я был герцогом этой провинции. И немного разбираюсь в вопросах власти.

Эрлейн открыл рот.

— Я тоже чародей, — прибавил Сандре, как бы между прочим. — Поэтому тебя и раскрыли: по тем слабым чарам, которые ты использовал для маскировки своей руки.

Эрлейн закрыл рот. Он пристально уставился на герцога, словно хотел проникнуть под его маскировку или найти подтверждение в глубоко запавших глазах. Потом бросил взгляд вниз, почти что против своей воли.

Сандре уже широко растопырил пальцы на левой руке. Все пять пальцев.

— Я так и не совершил последнего шага, — сказал он. — Мне было двенадцать лет, когда магия нашла меня. Я был сыном и наследником Телани, герцога Астибарского. И сделал свой выбор. Повернулся спиной к магии и стал править людьми. Я воспользовался своей силой не более пяти раз в жизни. Или шести, — поправился он. — Один раз совсем недавно.

— Значит, заговор против Барбадиора действительно суще-

ствовал, — пробормотал Эрлейн, временно забыв свой гнев. — А потом... Что вы сделали? Убили своего сына в темнице?

— Да, убил. — Голос звучал ровно, не выдавая никаких чувств.

— Вы могли отсечь себе два пальца и вытащить его оттуда.

— Возможно.

При этих словах пораженный Дэвин резко поднял голову.

— Я не знаю. Я уже давно сделал свой выбор, Эрлейн ди Сенцио. — И с этими тихими словами еще одна боль пришла на поляну, почти что зримая на границе светового круга костра.

Эрлейн заставил себя саркастически рассмеяться.

— Что это был за чудный выбор! — насмешливо воскликнул он. — Теперь ты лишился власти, и семьи тоже, и стал рабом-чародеем у самонадеянного принца Тиганы. Как ты, должно быть, счастлив!

— Это не так, — быстро сказал Алессан.

— Я здесь по собственному выбору, — мягко ответил Сандре. — Потому что дело Тиганы — это дело и Астибара, и Сенцио, и Кьяры, — один и тот же выбор для всех нас. Погибнем ли мы, как жертвы, добровольно идущие на смерть, или при попытке стать свободными? Будем ли прятаться за чужие спины, как делал ты все эти годы, скрываясь от чародеев? Не можем ли мы объединиться плечом к плечу хотя бы один раз на этом охваченном безумием полуострове враждующих провинций, замкнувшихся в собственной гордыне, и прогнать обоих прочь?

Дэвин был глубоко взволнован. Слова герцога звенели в залитой светом костра темноте, словно вызов в ночи. Но когда он закончил, они услышали насмешливые аплодисменты Эрлейна ди Сенцио.

— Превосходно, — с презрением воскликнул он. — Ты должен запомнить это до того времени, когда найдешь армию простаков, которую надо будет сплотить. Простите меня, если сегодня меня не растрогают речи насчет свободы. До захода солнца я был свободным человеком на открытой дороге. Теперь я стал рабом.

— Ты не был свободным, — выпалил Дэвин.

— А я говорю — был! — огрызнулся Эрлейн, в гневе поворачиваясь к нему. — Возможно, существуют законы, которые меня ограничивают, и правительство, которое меня не устраивает. Но дороги теперь стали безопаснее, чем тогда, когда этот человек правил в Астибаре, а отец того — в Тигане, и я жил так, как хотел, и шел, куда хотел. Вам придется простить мою бесчувст-

венность, но я вам признаюсь, что заклятие, наложенное Брандином Игратским на имя Тиганы, не лишало меня сна по ночам.

— Мы простим, — ответил Алессан неестественно ровным голосом. — Мы все простим тебя за это. И не станем уговаривать тотчас же изменить свои взгляды. Но вот что я тебе скажу: свобода, о которой ты говоришь, вернется к тебе, когда имя Тиганы снова зазвучит в этом мире. Я надеюсь — может быть, напрасно, — что со временем ты будешь добровольно работать вместе с нами, но до тех пор принуждения, порожденного даром Адаона, мне достаточно. Мой отец погиб, и братья погибли у Дейзы, и цвет всего поколения вместе с ними, сражаясь за свободу. Не для того я вел столь опасную жизнь и столь долго боролся, чтобы позволить трусу принижать гибель целого народа и его наследия.

— Трус! — воскликнул Эрлейн. — Будь ты проклят, самонадеянный, жалкий принц! Что ты знаешь об этом?

— Только то, что ты сам нам сказал, — мрачно ответил Алессан. — Дороги стали безопаснее, сказал ты. Правительство, которое тебя, возможно, не устраивает. — Он шагнул к Эрлейну, будто готов был ударить его, самообладание принца в конце концов дало трещину. — Ты самое отвратительное явление, с которым я столкнулся: покорный и довольный подданный двух тиранов. Твоя идея свободы — это именно то, что позволило им нас покорить, а затем удержать в повиновении. Ты назвал себя свободным? У тебя была свобода лишь скрываться и наложить в штаны, если чародей или один из их Охотников окажется на расстоянии десяти миль от твоей слабенькой маскирующей магии. У тебя была свобода проходить мимо колес смерти, на которых гниют твои собратья-чародеи, свобода повернуться к ним спиной и продолжать свой путь. Теперь все изменилось, Эрлейн ди Сенцио. Клянусь Триадой, теперь ты — участник всех событий! В той же степени, как и любой другой человек на Ладони! Слушай мой первый приказ: ты должен воспользоваться своей магией, чтобы скрыть отрубленные пальцы, точно так же, как и прежде.

— Нет, — решительно ответил Эрлейн.

Алессан больше ничего не сказал. Он ждал. Дэвин увидел, как герцог качнулся было в их сторону, потом сдержался. Он вспомнил, что Сандре прежде не верил в то, что это возможно.

Теперь он увидел. Они все увидели при свете звезд и костра, разведенного Баэрдом.

Эрлейн боролся. Почти ничего не понимая, расстроенный всем происходящим, Дэвин постепенно осознал, что в чародее происходит ужасная борьба. Это можно было прочесть по его застывшей, напряженной позе и стиснутым зубам, по хриплому, учащенному дыханию, по крепко зажмуренным глазам и стиснутым в кулаки пальцам опущенных рук.

— Нет, — задыхаясь, произнес Эрлейн один раз, потом еще и еще, каждый раз все с большим усилием. — Нет, нет, нет!

Он упал на колени, словно подрубленное дерево. Его голова медленно склонилась. Плечи ссутулились, словно он сопротивлялся какому-то непреодолимому нападению, потом затряслись в хаотических спазмах. Он дрожал всем телом.

— Нет, — снова повторил он высоким, надтреснутым голосом.

Его ладони разжались, он прижал их к земле. В красном свете костра его лицо выглядело застывшей страдальческой маской. Пот лил с него градом, несмотря на холодную ночь. Рот внезапно широко раскрылся.

Дэвин отвел взгляд в сторону, охваченный жалостью и ужасом, и тут вопль чародея вспорол ночную тишину. В то же мгновение Катриана сделала два быстрых шага вперед и уткнулась головой в плечо Дэвина.

Этот крик боли, вопль смертельно раненного животного, повис в воздухе между костром и звездами на ужасающе долгое мгновение. Когда он смолк, Дэвин осознал всю напряженность тишины, прерываемой лишь редким потрескиванием хвороста, тихим журчанием воды и неровным, захлебывающимся дыханием Эрлейна ди Сенцио.

Катриана молча выпрямилась и разжала вцепившиеся в плечо Дэвина пальцы. Он взглянул на нее, но она избегала его взгляда. Он снова повернулся к чародею.

Эрлейн все еще стоял на коленях перед Алессаном на молодой весенней траве у берега. Тело его продолжало содрогаться, но теперь уже от рыданий. Когда он поднял голову, Дэвин увидел на его лице следы слез, пота и пятна грязи с ладоней. Эрлейн медленно поднял левую руку и уставился на нее, будто на посторонний предмет, ему не принадлежащий. И все увидели, что произошло, вернее, иллюзию того, что произошло.

Пять пальцев. Он пустил в ход свою магию.

Внезапно раздался крик филина, короткий и ясный, с северной стороны ручья, ближе к лесу. Дэвин почувствовал, что небо изменилось. Он взглянул вверх. Голубая Иларион, снова

убывающая до полумесяца, взошла на западе. Свет призрака, подумал Дэвин и пожалел об этом.

— Честь! — едва слышно произнес Эрлейн ди Сенцио.

Алессан не двинулся с места после того, как отдал свой приказ. Он посмотрел сверху на чародея, которого только что привязал к себе, и тихо произнес:

— Мне это не доставило удовольствия, но полагаю, нам необходимо было через это пройти. Одного раза достаточно, надеюсь. Пошли есть?

Он прошел мимо Дэвина, герцога и Катрианы туда, где у костра ждал Баэрд. Мясо уже жарилось на огне. Охваченный вихрем эмоций, Дэвин перехватил вопросительный взгляд Баэрда, адресованный Алессану. Он повернул голову и увидел, как Сандре протянул руку Эрлейну, чтобы помочь подняться.

Долгое мгновение Эрлейн не обращал на нее внимания, потом вздохнул, ухватился за руку герцога и встал.

Дэвин пошел вслед за Катрианой к костру. Он слышал, что двое чародеев следуют за ними.

Ужин прошел почти в молчании. Эрлейн взял свою тарелку и стакан и сел в одиночестве на камне у ручья, как можно дальше от света костра. Глядя на его темную фигуру, Сандре пробормотал, что человек помоложе, вероятнее всего, отказался бы от еды.

— Он умеет выживать, — прибавил герцог. — Любой чародей, продержавшийся так долго, должен это уметь.

— Значит, с ним все будет в порядке? — тихо спросила Катриана. — Он останется с нами?

— Думаю, да, — ответил Сандре, делая глоток вина. Он повернулся к Алессану. — Но сегодня ночью он попытается удрать.

— Знаю, — сказал принц.

— Остановим его? — Это спросил Баэрд.

Алессан покачал головой.

— Не ты. Он не может уйти от меня, если я его не отпущу. Если я позову, он вынужден будет вернуться. Я его держу на привязи, мысленно. Это странное ощущение.

Действительно, странное, подумал Дэвин. Он переводил взгляд с принца на темную фигуру у ручья. Он даже представить себе не мог, как они должны себя чувствовать. Или, скорее, он почти мог это себе представить, и ему стало тревожно.

Дэвин ощутил на себе взгляд Катрианы и повернулся к ней.

На этот раз она не отвела взгляд. Выражение ее лица было странным; Дэвин понял, что она испытывает то же беспокойство и ощущение нереальности, что и он. Он внезапно живо вспомнил тяжесть ее головы на своем плече час тому назад. В то время он едва обратил на это внимание, настолько пристально наблюдал за Эрлейном. Дэвин попытался ответить ей ободряющей улыбкой, но, кажется, ему это не удалось.

— Трубадур, ты обещал нам сыграть на арфе! — внезапно крикнул Сандре.

Чародей не ответил. Дэвин уже позабыл об этом. Ему не очень-то хотелось петь, и Катриане, наверное, тоже.

Поэтому получилось так, что Алессан, без всякого выражения на лице, достал свою тригийскую свирель и начал играть у костра один.

Он играл превосходно, с экономным, приглушенным звучанием, такие нежные мелодии, что Дэвин в его теперешнем настроении вполне мог представить себе, как звезды Эанны и голубой полумесяц единственной луны замедляют свое неумолимое движение по небу, чтобы не пропустить ни одной ноты этой чудесной музыки.

Через короткое время Дэвин понял, что делает Алессан, и внезапно ему захотелось плакать. Он сидел неподвижно, чтобы не потерять самообладания, и смотрел на принца через оранжево-красные языки пламени.

Глаза Алессана были закрыты, его худые щеки почти ввалились, а скулы отчетливо выделялись. И казалось, он вливает в свою музыку, как воду из жертвенной храмовой чаши, печаль, которая им движет, порядочность и заботу, составляющие основу его существа, как уже знал Дэвин.

Каждая песня, которую играл Алессан, каждая мелодия, высокая и благозвучная, до боли ясная, была песней Сенцио.

Песней для Эрлейна ди Сенцио, который сидел на берегу ручья, окутанный горечью и ночной тьмой.

— Я не стану лгать и не скажу, что жалею о сделанном, — сказал Алессан чародею, когда село солнце. — Но могу сказать, что горько сожалею о необходимости совершить этот поступок.

И в ту ночь, слушая игру принца Тиганы на свирели, Дэвин понял разницу между этими двумя вещами. Он наблюдал за Алессаном, а потом смотрел на других, тоже глядящих на принца, и вот когда он взглянул на Баэрда, желание заплакать стало почти непреодолимым. Его собственное горе поднялось в ответ на призыв тригийской горной свирели. Он горевал об Алессане и о побежденном Эрлейне. О Баэрде и его навязчивых ночных

прогулках. О Сандре, и его десяти пальцах, и его мертвом сыне. О Катриане и о себе самом, обо всем их поколении, лишившемся корней и отрезанном от прошлого в бездомном мире. Обо всех мириадах потерь и о том, что придется совершить людям, чтобы возродить свой мир.

Катриана пошла к их вещам, достала и разлила еще одну бутылку вина. Третий стакан. И, как всегда, это было голубое вино. Она молча наполнила стакан Дэвина. Она вообще почти не разговаривала в ту ночь, но он чувствовал такую близость к ней, какой уже давно не ощущал. Дэвин медленно пил и смотрел, как поднимается холодный пар от его стакана и уплывает в прохладу ночи. Звезды над головой напоминали ледяные огненные точки, а луна была голубой, как вино, и далекой, как свобода или как дом.

Дэвин допил стакан и поставил его на землю. Взял свое одеяло и улегся, завернувшись в него. Он поймал себя на том, что думает об отце и о близнецах, впервые за очень долгое время.

Через несколько минут Катриана легла неподалеку. Обычно она расстилала свой спальный мешок и одеяло по другую сторону костра от того места, где он спал, рядом с герцогом. Дэвин теперь уже был достаточно умудрен опытом и знал, что ее поступок означал то же, что протянутая рука, и что эта ночь могла даже стать началом возможности исправить то, что их разъединяло, но он слишком устал, чтобы понять, что надо сделать или сказать, среди всех этих сложных горестей.

Он мягко пожелал ей спокойной ночи, но она не ответила. Он не был уверен в том, что она его слышала, но не стал повторять. Закрыл глаза, потом через мгновение снова их открыл и посмотрел на Сандре, сидящего по другую сторону костра. Герцог неотрывно смотрел в огонь. Интересно, подумал Дэвин, что он там видит. Но в действительности ему вовсе не хотелось этого знать. Эрлейн был тенью, более темным пятном на фоне темноты у берега. Дэвин приподнялся на локте, чтобы взглянуть на Баэрда, но Баэрд ушел, ушел бродить ночью в одиночестве.

Алессан не шевелился и не открывал глаз. Он все еще наигрывал одинокую, высокую, печальную мелодию, когда Дэвин уснул.

Дэвин проснулся, почувствовав на своем плече твердую руку Баэрда. Было темно и довольно холодно. Катриана и герцог еще спали, но Алессан стоял позади Баэрда. Он казался блед-

ным, но собранным. Дэвин спросил себя, ложился ли он вообще спать.

— Мне нужна твоя помощь, — прошептал Баэрд. — Пойдем.

Дрожа, Дэвин выбрался из-под одеяла и стал надевать сапоги. Луна зашла. Он взглянул на восток, но на горизонте не наблюдалось никаких признаков рассвета. Было очень тихо. Он сонно натянул шерстяную куртку, присланную ему Алаис через Тачио в Феррат. Он представления не имел, как долго спал и который сейчас час.

Дэвин закончил одеваться и пошел облегчиться в рощу у реки. В морозном воздухе изо рта шел пар. Наступала весна, но она еще не добралась сюда, особенно среди ночи. Небо был прозрачным и усыпанным блистающими звездами. Позже, когда взойдет солнце, наступит чудесный день. А сейчас он дрожал, затягивая завязки на штанах.

И тут понял, что Эрлейна нигде не видно.

— Что случилось? — шепотом спросил он у Алессана, вернувшись в лагерь. — Ты сказал, что можешь позвать его обратно.

— Я звал, — коротко ответил принц. — Он боролся так отчаянно, что теперь потерял сознание. Где-то там. — Он махнул рукой на юго-запад.

— Пошли, — повторил Баэрд. — Возьми с собой меч.

Им пришлось перейти вброд ручей. Ледяная вода прогнала остатки сна Дэвина. Он ахнул, погрузившись в нее.

— Прости, — сказал Баэрд. — Я бы сделал это один, но не знаю, как далеко он ушел и что там еще находится в этой местности. Алессан хочет принести его обратно в лагерь, пока он не очнулся. Имело смысл взять двоих.

— Нет-нет, все в порядке, — запротестовал Дэвин. Зубы его стучали.

— Наверное, я мог бы поднять старого герцога. Или мне могла помочь Катриана.

— Что? Нет, правда, Баэрд, со мной все в порядке. Я...

Он замолчал, потому что Баэрд смеялся над ним. Дэвин слишком поздно распознал шутку. Это его странным образом согрело. Фактически он впервые оказался ночью наедине с Баэрдом. Он предпочел увидеть в этом еще одно доказательство доверия, доброго отношения. Мало-помалу он начинал чувствовать себя все более полноправным участником того дела, ради которого так долго трудились Алессан и Баэрд. Он расправил плечи и выпрямился во весь рост, насколько смог, и зашагал вслед за Баэрдом сквозь темноту на запад.

Они нашли Эрлейна ди Сенцио на краю оливковой рощицы, на склоне холма, примерно в часе ходьбы от лагеря. Дэвин с трудом сдержал крик, увидев, что произошло. Баэрд тихо свистнул сквозь зубы: зрелище было не из приятных.

Эрлейн потерял сознание. Он привязал себя к стволу дерева и навязал по крайней мере дюжину узлов. Нагнувшись, Баэрд поднял флягу чародея. Она была пуста: Эрлейн смочил узлы, чтобы они стали прочнее. Его мешок и нож лежали на земле, намеренно отброшенные за пределы досягаемости.

Веревка выглядела измочаленной и спутанной. Похоже, многие узлы он развязал, но пять или шесть еще держались.

— Посмотри на его пальцы, — мрачно произнес Баэрд. Он вытащил кинжал и начал резать веревку.

Кожа на руках Эрлейна висела кровавыми клочьями. Засохшая кровь покрывала обе руки. Было совершенно очевидно, что произошло. Он попытался сделать для себя невозможным вернуться на зов Алессана. «На что он надеялся, — думал Дэвин. — Что принц решит, будто ему каким-то образом удалось сбежать, и забудет о нем?»

Собственно говоря, Дэвин сомневался, что поступок Эрлейна был продиктован рациональными мыслями. Это был вызов, ясный и недвусмысленный, и приходилось признать заложенную в нем жестокость. Он помог Баэрду перерезать последние веревки. Эрлейн дышал, но не подавал признаков жизни. Должно быть, боль была невыносимой, понял Дэвин. На секунду перед его мысленным взором промелькнуло воспоминание о побежденном чародее, стоящем на коленях у берега, и о его вопле. Он подумал о том, какие вопли раздавались здесь этой ночью, в этом диком и уединенном месте.

Глядя вниз на седого трубадура, он чувствовал непонятную смесь жалости, гнева и уважения. Почему он создает им такие трудности? Зачем заставлять Алессана взваливать на свои плечи еще больше страданий?

К сожалению, он знал ответы на некоторые из этих вопросов, и они его не утешали.

— Он попытается покончить с собой? — внезапно спросил он у Баэрда.

— Я так не думаю. Как сказал Сандре, этот человек умеет выживать. Не думаю, что он еще раз попытается это проделать. Ему надо было разок убежать, чтобы проверить границы того, что с ним может произойти. Я бы тоже так поступил. — Он заколебался. — Но веревки я не ожидал.

Дэвин подобрал мешок чародея, арфу, лук и колчан Баэрда, а также его меч. Баэрд с кряхтением перебросил бесчувственного чародея через плечо, и они пустились в обратный путь на восток. Назад шли медленнее. Когда подошли к ручью, на горизонте перед ними забрезжил серый рассвет, пригасивший сияние предутренних звезд.

Остальные уже встали и ждали их. Баэрд положил Эрлейна у костра: Сандре успел снова раздуть огонь. Дэвин бросил снаряжение и оружие и пошел к ручью с ведром за водой. Когда он вернулся, Катриана и герцог начали обмывать и перевязывать ободранные руки Эрлейна. Они расстегнули на нем рубаху и закатали рукава, тогда стали видны вздувшиеся рубцы там, где он поранился о веревки, борясь за свою свободу.

Или наоборот, мрачно подумал Дэвин. Разве то, что он связал себя веревкой, не было настоящей борьбой за свободу? Он поднял глаза и увидел, что Алессан смотрит на Эрлейна. Но не смог прочесть выражения на лице принца.

Взошло солнце, и вскоре после этого Эрлейн очнулся.

Они видели, что он понял, где находится.

— Кав? — небрежным тоном спросил у него Сандре.

Все пятеро сидели у костра, завтракали, пили из дымящихся кружек. На востоке небо приобрело бледный, нежный оттенок, обещание дня. Оно отражалось в воде ручья, окрашивая распускающиеся листья деревьев в зелено-золотистый цвет. Воздух был полон пением птиц, в воде плескалась, выпрыгивая из ручья, форель.

Эрлейн медленно сел и посмотрел на них. Дэвин видел, как он заметил на своих руках бинты. Эрлейн бросил взгляд на оседланных коней и на две повозки, нагруженные и готовые к отъезду.

Его взгляд метнулся назад и остановился на лице Алессана. Оба человека, так невероятно связанные, смотрели друг на друга молча. Затем Алессан улыбнулся. Улыбкой, которую знал Дэвин. Она делала суровое лицо теплым и освещала серый графит глаз.

— Если бы я знал, — сказал Алессан, — что ты так ненавидишь тригийскую свирель, то не стал бы играть, даю слово.

Ужасно, но через мгновение Эрлейн ди Сенцио расхохотался. В его смехе не было веселья, ничего заразительного, ничего такого, чем можно поделиться с остальными. Его веки были крепко сжаты, и из-под них по лицу лились слезы.

Никто не заговорил и не шевельнулся. Это продолжалось

долго. Когда Эрлейн наконец взял себя в руки, он вытер лицо рукавом, стараясь не задеть забинтованные руки, и снова посмотрел на Алессана. Открыл рот, собираясь заговорить, потом снова закрыл.

— Я понимаю, — тихо сказал ему Алессан. — Поверь, я понимаю.

— Кав? — снова повторил Сандре секунду спустя.

На этот раз Эрлейн взял кружку, неловко зажав ее обеими перевязанными руками. Вскоре после этого они свернули лагерь и снова двинулись на юг.

Глава 10

Пять дней спустя, в канун Поста, они прибыли в замок Борсо.

Всю вторую половину дня, пока они ехали на юг, Дэвин смотрел на горы. Любой человек, выросший на пропитанных водой низинах Азоли, не мог не трепетать при виде их вздымающихся цепей.

Вечерело. Далеко на севере в тот же день, в Зале аудиенций дворца Кьяры, под окровавленной простыней лежало мертвое, изувеченное тело Изолы Игратской.

Солнце садилось за острыми вершинами гор, окрашивая их во все оттенки красного — от винно-красного и алого до темно-пурпурного. На самых высоких пиках все еще сверкал снег и ослепительно блестел в лучах заката. Дэвин мог разглядеть дорогу на перевал Брачио, спускающуюся с гор: это был один из знаменитых перевалов, связывающих — но действующих не круглый год и всегда труднопроходимых — полуостров Ладонь с Квилеей на юге.

В прежнее время, до того, как матриархат пустил в Квилее глубокие корни, через горы велась торговля, и задумчивое благочестие дней весеннего Поста предвещало оживление коммерческой деятельности и обещало скорое открытие перевалов. Тогда города и замки-крепости здесь, в южных предгорьях, были полны жизни и играли важную роль. Они были хорошо защищены, так как там, где могли пройти торговые караваны, могла пройти и армия. Но ни один король Квилеи никогда не чувствовал себя на троне достаточно надежно, чтобы вести армию на север. У его трона всегда стояли Верховные жрицы и только того и ждали, когда он совершит ошибку и падет. Здесь, в Чертандо, армии лордов по большей части сражались друг против дру-

га, обагряя острия мечей и стрел кровью соседей в диких схватках во имя знаменитой южной кровной мести, которая тянулась на протяжении многих поколений и становилась легендой.

А затем женщины в Квилее все же захватили власть, во времена Акиса и Пасиферии, несколько сотен лет назад. Квилея под властью жриц закрылась, подобно цветку в сумерках, и караваны перестали двигаться по дорогам.

Южные города превратились в деревни или, если были достаточно энергичными и гибкими, сменили характер своих занятий и повернулись на север, как это сделал Авалле, город Башен в Тигане. Здесь, в горных районах Чертандо, могущественные лорды, которые некогда содержали блестящие дворы в своих огромных, воинственных замках, стали живым анахронизмом. Их стычки и сражения друг с другом, когда-то являвшиеся неотъемлемой частью потока событий на Ладони, становились все более неуместными, хотя не делались от этого менее ожесточенными и злобными.

Когда Дэвин работал у Менико ди Феррата, ему иногда казалось, что каждая вторая баллада, которую здесь пели, повествовала о каком-нибудь лорде или его младшем сыне, преследуемых врагами на этих утесах. Или в них пелось о несчастных любовниках, разлученных ненавистью их отцов; или о кровавых деяниях этих отцов, неукрощенных, похожих на ястребов в своих суровых высоких замках среди предгорий Брачио.

И половина этих баллад, повествовали ли они о яростных битвах, кровопролитии и горящих деревнях или оплакивали разлученных любовников, топившихся в тихих озерах среди туманных гор, как казалось Дэвину, была посвящена клану Борсо, и действие их разворачивалось на фоне массивного, мрачного великолепия замка Борсо, возвышающегося под самым перевалом Брачио.

Уже давно не появлялось новых баллад, их было и так очень мало с тех пор, как перестали приходить караваны из Квилеи. Но зато за последние два десятка лет появилось много свежих сплетен и слухов. Очень много. Альенор из замка Борсо стала живой легендой среди путешественников и прославилась особым образом.

И если эти новые истории рассказывали о любви, как и многие древние песни, они не имели почти ничего общего с горькой судьбой влюбленных, оплакивающих свою судьбу на овеваемых ветром скалах, а скорее повествовали о некоторых переменах в самом замке Борсо. О пушистых коврах и гобеле-

нах, о заграничных шелках, кружевах и бархате, о вызывающих глубокое замешательство произведениях искусства в тех комнатах, в которых некогда сильные мужи составляли планы полуночных рейдов за грубыми столами, пока их охотничьи собаки дрались из-за костей на устланном тростником полу.

Сидя рядом с Эрлейном на второй повозке, Дэвин оторвал взгляд от последних лучей солнца, сверкающих на пиках гор, и посмотрел на приближающийся замок. Он был построен в ложбине между двумя холмами, окружен рвом и раскинувшейся под ним небольшой деревушкой. Борсо уже утонул в тени. Глядя на него, Дэвин увидел, как зажглись огни в окнах. Последние огни до конца дней Поста.

— Альенор — наш друг, — вот все, что объяснил Алессан. — Старый друг.

По крайней мере, это было очевидно, судя по тому, как их встретили после того, как сенешаль, высокий и сутулый, с великолепной белой бородой, торжественно ввел их в освещенный и согретый очагом парадный зал.

Необычный яркий румянец вспыхнул на щеках Алессана, когда хозяйка замка выпустила его волосы из своих длинных пальцев и оторвала губы от его рта. Она не торопилась это сделать. И что еще более интересно, он тоже. Слегка улыбаясь, Альенор отошла назад и посмотрела на его спутников.

Она узнала Эрлейна и кивком приветствовала его.

— Добро пожаловать снова, трубадур. Прошло два года, не так ли?

— Так, моя леди. Польщен, что вы это помните.

Поклон Эрлейна напоминал о прежнем времени, о тех его манерах, которые он демонстрировал до того, как Алессан привязал его к себе.

— Тогда ты был один, насколько я помню. Мне приятно видеть, что у тебя теперь такая блестящая компания.

Эрлейн открыл рот, потом закрыл, ничего не ответив. Альенор бросила взгляд на Алессана, в ее очень темных глазах мелькнуло вопросительное выражение.

Не получив ответа, она повернулась к герцогу, и выражение любопытства на ее лице проступило еще явственнее. Она задумчиво прикоснулась пальцем к его щеке и слегка склонила голову набок. Замаскированный Сандре невозмутимо вытерпел ее осмотр.

— Очень хорошо сделано, — сказала Альенор из Борсо очень тихо, чтобы не услышали слуги и сенешаль у двери. — Представляю себе, Баэрд заставил всю Ладонь принять вас за карду. Интересно было бы узнать, кто вы в действительности такой под всем этим гримом. — Ее улыбка была совершенно обворожительной.

Дэвин не знал, поражаться или беспокоиться. Через секунду эта дилемма потеряла смысл.

— Вы не знаете? — громко произнес Эрлейн ди Сенцио. — Ужасный недосмотр. Позвольте мне представить вам, миледи...

Больше он ничего не успел сказать.

Дэвин среагировал первым, что его удивило, когда он потом вспоминал об этом. Но он всегда соображал быстро и стоял ближе всех к чародею. Он сделал единственное, что пришло ему в голову: резко повернулся и изо всех сил ткнул Эрлейна кулаком в живот.

Случилось так, что он всего на долю секунды опередил Катриану, стоящую по другую сторону от Эрлейна. Она прыгнула вперед, намереваясь зажать чародею рот ладонью. От удара Дэвина Эрлейн с болезненным стоном согнулся пополам. Это, в свою очередь, заставило Катриану потерять равновесие. Ее непринужденно подхватила и удержала Альенор.

Все это произошло на протяжении не более трех секунд.

Эрлейн рухнул на колени на пушистый ковер. Дэвин опустился рядом с ним. Он услышал, как Альенор удалила слуг из комнаты.

— Ты глупец! — обрушился Баэрд на чародея.

— Несомненно, — согласилась Альенор совсем другим тоном, с преувеличенным раздражением и резкостью. — С чего это кому-то взбрело в голову, что я хочу обременить себя знанием того, какова истинная личность переодетого кардунского воина?

Она продолжала обнимать Катриану рукой за талию, хотя никакой необходимости в этом не было. Теперь она ее отпустила и насмешливо улыбнулась, когда девушка поспешно отступила назад.

— Ты — пылкое создание, не так ли? — шелковым голосом прошептала она.

— Не особенно, — отважно ответила Катриана, отойдя на несколько футов.

Губы Альенор дрогнули. Она опытным взглядом окинула Катриану с головы до ног.

— Я ужасно ревную к тебе, — в конце концов объявила она. — И буду ревновать, даже если ты острижешь эти волосы и зашьешь эти глазищи. С какими великолепными мужчинами ты путешествуешь!

— Неужели? — спросила Катриана безразличным голосом, но щеки ее внезапно покраснели.

— Неужели? — резко передразнила ее Альенор. — Ты хочешь сказать, что еще не убедилась в этом сама? Милое дитя, чем же ты занималась по ночам? Разумеется, они великолепны! Не трать зря свою молодость, дорогая!

Катриана в упор посмотрела на нее.

— Мне не кажется, что я ее трачу зря, — ответила она. — Но сомневаюсь, что наши мнения по этому поводу совпадают.

Дэвин вздрогнул, но ответ Альенор был мягким.

— Может, и нет, — невозмутимо согласилась она. — Но, по правде говоря, мне кажется, что в наших взглядах гораздо больше общего, чем ты воображаешь. — Она помолчала. — Когда станешь старше, возможно, откроешь для себя, что лед — это для смерти и конца, а не для начала. Для любого начала. С другой стороны, — прибавила она с улыбкой, в которой светилась бесконечная доброта, — я позабочусь о том, чтобы сегодня ночью у тебя было достаточно теплых одеял.

Эрлейн застонал, чем отвлек внимание Дэвина от женщин. Он услышал, как Катриана ответила: «Благодарю вас за заботу», — но не видел выражения ее лица. По тону можно было догадаться, каким было это выражение.

Он поддерживал голову Эрлейна, пока чародей старался отдышаться. Альенор просто их игнорировала. Теперь она с дружеской учтивостью приветствовала Баэрда. Таким же веселым тоном, как инстинктивно отметил Дэвин, приветствовал ее и сам Баэрд.

— Прости, — шепнул он Эрлейну. — Я ничего другого не мог придумать.

Эрлейн слабо махнул еще не зажившей рукой. Он настоял, чтобы с него сняли повязки, перед тем как они вошли в замок.

— Это я прошу прощения, — просипел он, чем очень удивил Дэвина. — Я забыл о слугах. — Он вытер губы тыльной стороной ладони. — Погубив всех нас, я ничего хорошего не добьюсь для себя. Это не соответствует моей идее свободы. Как, откровенно говоря, и эта поза не соответствует моим понятиям о достоинстве пожилого мужчины. Поскольку ты меня сбил с ног, можешь оказать мне любезность и помочь подняться.

Впервые Дэвин услышал в голосе трубадура смешливые нотки. Умеет выживать, сказал тогда о нем Сандре.

Он помог Эрлейну подняться как можно тактичнее.

— Этот крайне агрессивный молодой человек, — сухо представил его Алессан, — Дэвин д'Азоли. Еще он поет. Если будешь вести себя очень хорошо, может быть, он споет для тебя.

Дэвин повернул голову, но, наверное, потому, что его отвлекло последнее событие, он был совершенно не готов встретить такой взгляд.

«Не может этой женщине быть сорок лет», — промелькнула у него мысль. Он машинально отвесил ей театральный поклон, которому научил его Менико, чтобы скрыть смущение. Ей действительно больше сорока, он знал это точно: Альенор овдовела через два года после свадьбы, когда Корнаро Борсо погиб во время нашествия барбадиоров в Чертандо. Очень скоро после этого начали распространяться слухи о прекрасной вдове, живущей в замке на южных землях.

Эти слухи даже приблизительно не могли передать, какой она была, какой он увидел ее, стоящую перед ним в длинном платье из темно-синей ткани, такой темной, что она казалась почти черной. Ее волосы, действительно черные, были уложены в высокую прическу, скрепленную диадемой из белого золота, усыпанной драгоценными камнями. Нескольким прядям позволили свободно падать вниз, и они обрамляли идеальный овал лица. Глаза ее оказались темно-синими, почти лиловыми, под длинными ресницами, а губы полными и красными, и они сложились в многообещающую улыбку, когда она посмотрела на Дэвина.

Он заставил себя не отвести глаз. Но почувствовал при этом, словно все клапаны в его венах открылись одновременно, а кровь превратилась в реку во время весеннего паводка и устремилась по крутому горному руслу со всевозрастающей скоростью. Ее улыбка стала еще более глубокой, более интимной, словно она действительно могла видеть то, что происходит внутри него, и ее черные глаза на секунду широко раскрылись.

— Полагаю, — произнесла Альенор ди Чертандо, — что мне придется постараться быть очень хорошей, чтобы ты для меня спел. — И она повернулась к Алессану.

Дэвин заметил, что грудь у нее полная и крепкая. Не мог не заметить. Платье имело очень глубокий вырез, и бриллиантовый кулон на фоне кожи сверкал бело-голубыми огнями, притягивая взоры.

Он покачал головой, стараясь разогнать туман, несколько шокированный собственной реакцией. Это смешно, сурово одернул он себя. Он слишком разгорячен историями, которые о ней рассказывают, его воображение вышло из-под контроля под влиянием пышной, чувственной обстановки в этой комнате. Он поднял взгляд вверх, чтобы отвлечься, и тут же пожалел об этом.

На потолке некий художник, явно хорошо знакомый с искусством любви, изобразил первобытный акт совокупления Адаона и Эанны. Лицо богини явно писалось с Альенор, и не менее очевидным было то, что она изображена в момент наивысшего наслаждения, когда ее экстаз породил звездный поток.

Действительно, по всему фону потолочной фрески рассыпались звезды. Однако смотреть на фон фрески было трудно. Дэвин заставил себя опустить глаза. Вернуть самообладание ему помог взгляд Катрианы, с которым он встретился в тот момент: в нем смешалась едкая насмешка и еще что-то, чего он не понял. В это мгновение Катриана выглядела необычайно юной. Почти ребенок, глубокомысленно подумал Дэвин, еще полностью не созревшая и не достигшая вершин женственности.

Хозяйка замка Борсо достигла вершин своей женской сути во всем, от обутых в сандалии ног до ленты в блестящих волосах. Ее ногти, запоздало заметил Дэвин, были окрашены в тот же сине-черный, опасный цвет, что и ее платье.

Он сглотнул слюну и снова отвел глаза в сторону.

— Я ожидала тебя вчера, — говорила Альенор Алессану. — Ждала тебя и прихорашивалась для тебя, но ты не приехал.

— Это к лучшему, — пробормотал Алессан с улыбкой. — Если бы я увидел тебя еще более красивой, чем ты сейчас, то у меня не хватило бы сил уехать.

Губы ее изогнулись в лукавой улыбке. Она повернулась к остальным.

— Видите, как этот человек меня мучает? Не пробыл в моем доме и четверти часа, а уже говорит об отъезде. Хорош друг, как вы считаете?

По-видимому, этот вопрос был адресован непосредственно Дэвину. У него пересохло в горле; ее взгляд губительно влиял на импульсы, передающие команды от мозга к языку. Он выдавил из себя улыбку, подозревая, что выражение его лица представляет собой нечто среднее между бессмысленным и идиотским.

«Вина», — с отчаянием подумал Дэвин. Ему срочно нужен бокал чего-нибудь покрепче.

Словно владея искусством рассчитать время, более тонким, чем магия, снова появились трое слуг в синих ливреях, каждый нес на подносе семь бокалов. На двух подносах, увидел Дэвин, стояли бокалы с красным вином, почти наверняка вином Чертандо.

Вино в бокалах на третьем подносе было голубым.

Дэвин повернулся к Алессану. Принц смотрел на Альенор с выражением, которое говорило о чем-то личном, что связывало их в далеком прошлом. На мгновение ее выражение и поза тоже изменились: словно она на секунду отложила в сторону рефлекторную привычку плести сети соблазна. И Дэвину, гораздо более наблюдательному теперь, чем шесть месяцев назад, показалось, что он заметил в ее глазах печаль.

Потом она заговорила, и он убедился, что действительно видел эту печаль. Каким-то неуловимым образом это его успокоило, и настроение в комнате окрасилось в иные, более мягкие тона.

— Вряд ли я могу это забыть, — тихо сказала она Алессану, махнув рукой в сторону голубого вина.

— Я тоже, — ответил он. — Ведь это началось здесь.

Она немного помолчала, прикрыв глаза. Потом мгновение миновало. Когда Альенор снова открыла глаза, в них сверкали искры.

— У меня для тебя обычный набор писем. Но одно пришло совсем недавно, — сказала она. — Его принес два дня назад очень молодой жрец Эанны, который боялся меня все время, пока оставался здесь. Он даже не захотел остаться на ночь, хотя прибыл уже на закате. Клянусь, он уехал так быстро, будто опасался, что я сорву с него одежды, если он задержится, чтобы перекусить.

— А ты бы это сделала? — ухмыльнулся Алессан.

Она скорчила гримасу.

— Едва ли. Эти жрецы Эанны редко заслуживают того, чтобы тратить на них время. Хотя он действительно был красивым. Почти таким же красивым, как Баэрд, как я теперь понимаю.

Баэрд, совершенно невозмутимый, просто улыбнулся. Игривый взгляд Альенор задержался на нем. И здесь тоже, отметил Дэвин. Этот обмен взглядами говорил о событиях и чувствах давно прошедшего времени. Он вдруг почувствовал себя юным и ничего не понимающим здесь.

— Откуда это последнее послание? — спросил Алессан.

Альенор колебалась.

— С запада.

Больше она ничего не объяснила. И бросила вопросительный взгляд в сторону остальных.

Алессан это заметил.

— Можешь говорить свободно. Я доверяю всем этим людям. — Он постарался не смотреть в сторону Эрлейна. Дэвин все же взглянул, но если он ожидал увидеть реакцию чародея, то был разочарован.

Альенор жестом отпустила слуг. Старый сенешаль уже удалился, чтобы проследить за подготовкой их комнат. Когда они остались одни, Альенор подошла к письменному столу у одного из четырех ярко пылающих каминов и достала из ящика запечатанный конверт. Вернулась обратно и подала его Алессану.

— Это от самого Данолеона, — сказала она. — Из твоей провинции, названия которой я пока не могу ни услышать, ни произнести.

Этого Дэвин никак не ожидал.

— Извините меня, — пробормотал Алессан.

Он быстро подошел к ближайшему камину, на ходу вскрывая конверт. Альенор усердно занялась раздачей бокалов с красным вином. Дэвин сделал большой глоток из своего бокала. Потом заметил, что Баэрд не притронулся к вину и что его взгляд прикован к Алессану, стоящему в противоположном конце комнаты. Дэвин проследил за его взглядом. Принц закончил читать. Он стоял неподвижно, уставившись в огонь.

— Алессан? — позвал Баэрд.

Альенор быстро обернулась. Алессан не пошевелился; казалось, он даже не слышал.

— Алессан! — снова позвал Баэрд, более настойчиво. — Что случилось?

Принц Тиганы медленно отвернулся от огня и посмотрел на них. Или не совсем на них, мысленно поправил себя Дэвин. На Баэрда. В его лице было нечто мрачное и холодное.

«Лед — для конца», — непроизвольно подумал Дэвин.

— Боюсь, оно действительно от Данолеона. Из святилища. — Голос Алессана звучал ровно. — Моя мать умирает. Мне придется завтра выехать домой.

Баэрд стал таким же бледным, как Алессан.

— А встреча? — спросил он. — Завтрашняя встреча?

— Сначала встреча, — ответил Алессан. — После встречи, что бы ни произошло, я должен ехать домой.

Принимая во внимание то потрясение, которое эта новость, и слова, и поведение Алессана оказали на них всех, стук в дверь спальни Дэвина поздно ночью стал озадачившим его сюрпризом.

Он еще не спал.

— Минуточку, — тихо отозвался он и быстро натянул штаны. Надел свободную рубаху через голову и прошлепал в носках по полу, ежась от холода камней там, где заканчивался ковер. Его волосы растрепались, он чувствовал себя неопрятным и смущенным, когда распахнул дверь.

В коридоре, держа в руках одну свечу, отбрасывающую призрачные, мерцающие тени на стены, стояла сама Альенор.

— Пойдем, — вот и все, что она сказала.

Она не улыбнулась, и он не разглядел ее глаз за пламенем свечи. На ней был кремовый халат, отороченный мехом, с застежкой у ворота, но Дэвин различал под ним ее полную грудь. Волосы она распустила, и они рассыпались по плечам, черным водопадом спускаясь по спине.

Дэвин колебался, во рту у него снова стало сухо, мысли разбегались и путались. Он поднял руку и попытался пригладить безнадежно спутанные волосы.

Она покачала головой.

— Оставь так, как есть, — сказала она. Ее свободная рука с длинными темными ногтями зарылась в его каштановые кудри. — Оставь их, — снова повторила она и повернулась.

Он последовал за ней. За ней, и за единственной свечой, и за бушующим в крови хаосом по длинному коридору, затем по более короткому, через анфиладу пустых общих комнат, потом вверх по изогнутой широкой лестнице. На верхней площадке из-за открытых створок дверей выплеснулся поток оранжевого света. Дэвин вошел в эти двери вслед за хозяйкой замка Борсо. Он успел увидеть яркий огонь в камине, богатые, затейливые драпировки на стенах, огромное пространство ярких ковров на полу и громадную кровать, усыпанную подушками всех цветов и размеров. Поджарый охотничий пес, серый, грациозный, посмотрел на него со своего места у камина, но не встал.

Альенор поставила свечу. Закрыла обе створки двери и обернулась к нему, прислонясь спиной к полированному дереву. Ее глаза были огромными и сверхъестественно черными. Сердце Дэвина стучало как молот. Казалось, кровь с шумом течет по его венам.

— Я вся горю, — произнесла Альенор.

Какая-то часть его существа, где жили пропорции и зарождалась ирония, хотела запротестовать, даже посмеяться над таким заявлением. Но, глядя на нее, он заметил ее учащенное, неровное дыхание, увидел ее яркий румянец, и его рука, будто по собственной воле, поднялась и прикоснулась к ее щеке.

Она была обжигающе горячей.

С глубоким гортанным звуком Альенор схватила его руку и вонзила зубы в его ладонь.

И вместе с болью в Дэвине проснулось такое желание, какого он никогда еще не испытывал. Он услышал странный, сдавленный звук и понял, что сам его издал. Он сделал короткий шаг вперед, и она очутилась в его объятиях. Ее пальцы сомкнулись и запутались в его волосах, а ее рот встретил его губы с такой жадностью, с такой жаждой, которая раздула разгорающийся огонь его желания до такой силы, что сознание ускользнуло и улетело далеко-далеко.

Все исчезло или готово было исчезнуть. Тигана, Алессан, Алаис, Катриана. Его воспоминания. Память, которая была его самым надежным якорем и его гордостью. Даже воспоминания о коридорах, ведущих к этой комнате, дороги, и годы, и комнаты, все прочие комнаты, которые вели к этой. И к ней.

Он рванул застежки ее халата и зарылся лицом между ее грудей, когда они выплеснулись на волю. Она ахнула, ее руки теребили его рубаху, пока не сняли ее. Он почувствовал, как ее ногти впиваются в его кожу на спине. Тогда он повернул голову, и укусил ее, и ощутил вкус крови. И услышал ее смех.

Никогда, никогда он не делал прежде ничего подобного.

Они каким-то образом очутились на кровати среди россыпи цветных подушек. А потом обнаженная Альенор оказалась над ним, оседлала его, ее рот накрыл его губы, и они вдвоем бросились под арку врат, стремясь убежать от всего мира. Так далеко, как только возможно.

На мгновение Дэвину показалось, что он понял. Его посетило внутреннее озарение, без участия мыслей, и он осознал, почему Альенор это делала. Природа ее физического желания была не тем, чем казалась. В другое время, в спокойном месте, он мог бы подобрать этому название, сформулировать расплывчатую догадку. Он попытался...

Она закричала, достигнув вершины. Ее руки скользнули вниз по его коже. Страсть затмила способность думать, парализовала любые усилия в этом направлении. Мучительно извернувшись, Дэвин буквально швырнул ее на бок и поднялся на

нее, не покидая теплого убежища между ее бедрами. Окружающие их подушки разлетелись в стороны, упали на пол. Ее глаза были крепко зажмурены, рот беззвучно шептал какие-то слова.

Дэвин начал погружаться в нее так, словно хотел прогнать прочь всех демонов и все обиды, все смертельно жестокие истины, которые представляла собой жизнь Ладони в их время. Достигнув собственной вершины, он упал обессиленный и дрожащий, не осознавая, где находится, лишь смутно цепляясь за знакомый звук своего имени.

Она снова и снова тихо шептала это имя. Осторожно высвободилась из-под его тяжести. Он перекатился на спину, не открывая глаз. Почувствовал, как ее пальцы скользят по его коже. Он не мог пошевелиться. Она играла с его руками, ласкала и отводила их в стороны от тела. Ее губы и пальцы, танцуя, спускались вниз по его грудной клетке и животу, по насытившемуся органу и дальше вниз, вдоль бедер и ног.

К тому времени, как он понял, что она сделала, его руки и ноги оказались привязанными к четырем столбам кровати, а она вытянулась на его распростертом теле. Глаза Дэвина широко раскрылись, испуганные и встревоженные. Он дернулся. Бесполезно — его держали шелковые путы, и узлы были прочно затянуты.

— То было чудесное начало ночи, — сказала Альенор хриплым голосом. — Научить тебя кое-чему новому? — Она протянула руку, обнаженная и прекрасная, раскрасневшаяся, со следами его ласк на теле, и что-то подняла с пола рядом с кроватью. Глаза Дэвина широко раскрылись, когда он увидел то, что она держит в руках.

— Ты связала меня против моей воли, — сказал Дэвин с некоторым отчаянием. — Не так я представляю себе слияние в любовных объятиях. — Он снова сильно дернулся, плечами и бедрами, но шелковые путы держали крепко.

Альенор ответила сияющей улыбкой. В этот момент она казалась такой прекрасной, какой он даже представить не мог ни одну женщину. В громадных черных озерах ее глаз блеснуло нечто первобытное, опасное и пугающе возбуждающее. Он с удивлением почувствовал, как быстро возвращается к нему желание. Она увидела это. И улыбка ее стала еще шире. Длинный ноготь легонько, почти задумчиво, поглаживал его восставшую плоть.

— Тебе это понравится, — прошептала темная леди, хозяйка замка Борсо. Ее губы приоткрылись, обнажив острые белые зубы. Он ощутил упругую твердость ее сосков, когда она раздвинула ноги и снова оседлала его. Он видел, как она ласково поглаживает то, что взяла с ковра у кровати. Охотничий пес у камина поднял свою красивую голову и наблюдал за ними.

— Тебе понравится, — снова повторила Альенор. — Доверься мне. Позволь научить тебя, показать тебе это, потом это, и скоро ты именно так будешь представлять себе слияние в любовных объятиях. Да, Дэвин, это произойдет очень скоро.

Она заскользила по его телу, и пламя свечей заколебалось, а потом она заслонила его собой. Он сопротивлялся, но лишь несколько секунд, потому что его сердце снова сильно забилось, и желание накрыло его одновременно с Альенор. В черной глубине ее глаз, перед тем как они закрылись, в ее движениях над ним, в неровном, напряженном ритме дыхания он читал, как ее сложные желания снова поднимаются в ней.

И еще до окончания ночи, до середины ее, при догорающих последних свечах зимы, она доказала ему свою правоту с ужасающей силой еще и еще раз. А в конце уже она лежала связанной и распростертой между четырьмя столбами кровати, которая была всем миром, и Дэвин уже не вполне понимал, кто он такой, если делает с ней все эти вещи. Он заставлял ее шептать, а затем громко кричать его имя, снова и снова. Но он точно знал, что она изменила его и нашла внутри него такое место, где его потребность искать забвения не уступала ее собственной.

Некоторое время спустя свеча с его стороны кровати догорела. В воздухе плыл ароматный дымок. Узор света и теней в комнате изменился, и они оба это заметили, поскольку не спали. Дрова в камине превратились в тлеющие угольки; пес все еще лежал возле него, опустив великолепную голову на лапы.

— Тебе лучше уйти, — сказала Альенор, рассеянно поглаживая его плечо. — Пока еще осталась свеча, которую ты можешь взять с собой. В темноте легко заблудиться.

— Ты соблюдаешь дни Поста? — спросил он, несколько удивленный таким благочестием. — Не зажигаешь огня?

— Не зажигаю, — печально ответила она. — Половина моих слуг ушла бы от меня, и мне даже не хочется думать о том, что сделали бы крестьяне окрестных деревень. Взяли бы штурмом замок. Наложили бы какое-нибудь древнее заклятие с помощью колосьев, смоченных кровью. Это южные горы, Дэвин: здесь серьезно относятся к обрядам.

— Так же серьезно, как и ты к своим?

В ответ она улыбнулась и потянулась, как кошка.

— Наверное. Крестьяне сегодня и завтра будут делать такие вещи, о которых я предпочитаю не знать.

Плавным движением она соскользнула вниз, к изножью кровати, и потянулась к чему-то, лежащему там на ковре. Ее тело представляло собой гладкий изгиб белой плоти, залитой пламенем свечей, на нем еще краснели оставленные им отметины.

Она выпрямилась и протянула ему штаны. Ему показалось, что его прогоняют, и он посмотрел на нее долгим, пристальным взглядом, не шевелясь. Она не отвела глаз, но в них не было гнева или желания прогнать.

— Не сердись, — мягко сказала Альенор. — Ты был слишком великолепен, чтобы уйти в гневе. Я говорю тебе правду: я действительно соблюдаю обычаи дней Поста, и действительно трудно найти обратную дорогу без света. — На мгновение она заколебалась, потом прибавила: — И я всегда сплю одна с тех пор, как погиб мой муж.

Дэвин ничего не ответил. Он встал и оделся. Рубаху он обнаружил на полпути между дверью и кроватью. Она оказалась такой разорванной, что это должно было его рассмешить. Но ему не было смешно. В самом деле, он рассердился, или то было чувство за пределами гнева, или близкое к гневу, нечто более сложное? Лежа среди разбросанных подушек на своей постели, нагая и ничем не прикрытая, Альенор наблюдала, как он одевается. Он взглянул на нее, все еще восхищаясь ее кошачьим великолепием и — несмотря на перемену в настроении — осознавая, как легко она могла бы снова разжечь в нем желание.

Но пока он смотрел на нее, спящая мысль вынырнула на поверхность оттуда, куда ее вытеснило первобытное неистовство последних часов. Он поправил рубашку, как мог, и подошел, чтобы взять одну из свечей в бронзовом подсвечнике.

Она повернулась на бок, чтобы следить за ним взглядом. Теперь она подперла голову согнутой рукой, ее черные волосы рассыпались в беспорядке вокруг нее, а тело предстало его взору в колеблющемся свете, словно сияющий дар. Ее широко раскрытые глаза смотрели прямо, улыбка была щедрой, даже доброй.

— Спокойной ночи, — сказала Альенор. — Не знаю, понял ли ты, но если ты когда-нибудь пожелаешь вернуться, я всегда буду тебе рада.

Этого Дэвин не ожидал. Он понимал, что ему оказали высокую честь. Но его прежнее беспокойство сейчас усилилось и

смешалось с другими образами, поэтому, хотя он улыбнулся в ответ и кивнул, но не ощутил ни гордости, ни этой чести.

— Спокойной ночи, — ответил он и повернулся к двери.

У двери он остановился, так как вспомнил слова Алессана о том, что голубое вино началось с нее, и по другим причинам, которые стали ему понятными тогда или после, и обернулся к ней. Она не шевелилась. Он смотрел, впитывая роскошь комнаты и красоту лежащей на кровати женщины. Пока он стоял так, еще одна свеча в дальнем конце комнаты погасла.

— Это то, что происходит с нами? — тихо спросил тогда Дэвин, подбирая слова, чтобы сформулировать эту новую, трудную мысль. — Когда мы лишаемся свободы. Это то, что происходит с нашей любовью?

Он видел, что выражение ее глаз изменилось, даже на расстоянии, в этом колеблющемся переплетении тьмы и света. Она долго смотрела на него.

— Ты умен, — наконец ответила она. — Алессан правильно выбрал тебя.

Он ждал.

— Ах! — хриплым голосом воскликнула Альенор, притворяясь изумленной. — Он действительно хочет получить ответ. Правдивый ответ от хозяйки замка на краю света. — Возможно, это сыграл шутку неверный свет, но она, казалось, смотрела мимо Дэвина, дальше, за пределы покрытых коврами стен комнаты. — Это одно из всего того, что с нами происходит, — в конце концов сказала она. — Нечто вроде мятежа во тьме против законов дня, которые нас связывают и которые сейчас нельзя нарушить.

Дэвин это обдумал.

— Возможно, — мягко согласился он, размышляя. — Или признание в глубине души того, что мы большего не заслуживаем, ничего более глубокого. Поскольку мы не свободны и примирились с этим.

Он увидел, как она вздрогнула и закрыла глаза.

— Разве я это заслужила? — спросила она.

Огромная печаль охватила Дэвина. Он с трудом глотнул.

— Нет, — ответил он. — Нет, не заслужила.

Когда он вышел из комнаты, ее глаза оставались закрытыми.

Дэвин чувствовал себя придавленным непосильной тяжестью, а не просто уставшим: на него давил груз его мыслей, замедлял его движения. Он споткнулся, спускаясь по лестнице, и

ему пришлось резко вытянуть в сторону свободную руку, чтобы опереться о стену. От этого движения свеча погасла.

Стало очень темно. В замке стояла полная тишина. Дэвин спустился до низа лестницы и поставил там на полку погасшую свечу. Через высокие узкие окна, расположенные в стенах через равные промежутки, падали в коридор косые полосы лунного света, но под таким углом и в этот час ночи они ничего не освещали.

Он быстро обдумал вариант, не вернуться ли назад за новой свечкой, но потом, постояв неподвижно, чтобы глаза привыкли к темноте, снова двинулся туда, откуда, как ему казалось, он пришел.

Он заблудился очень быстро, но не слишком встревожился. В его нынешнем настроении казалось уместным вот так бесшумно брести по темным коридорам древнего замка ночной порой, чувствуя под ступнями холодный камень.

«Нет неверных поворотов. Есть лишь предназначенные нам тропы, о которых мы ничего не знали».

Кто сказал ему это? Слова пришли в голову неожиданно, откуда-то из глубин памяти. Он свернул в незнакомый коридор и прошел через длинную комнату, увешанную картинами. На полпути он вспомнил голос, сказавший эти слова: это был старый жрец Мориан в храме богини возле их дома в Азоли. Он учил близнецов, а потом Дэвина писать и считать, а когда выяснилось, что младший мальчик умеет петь, давал Дэвину первые уроки гармонии.

«Нет неверных поворотов», — снова подумал Дэвин. А потом, с дрожью, которую не смог подавить, вспомнил, что сейчас не просто высшая точка ночи, это конец зимы, первый из дней Поста, когда мертвые, как говорят, бродят среди живых.

Мертвые. Кто его мертвые? Марра. Его мать, которой он никогда не знал. Тигана? Можно ли утверждать, что страна умерла? Можно ли потерять ее и оплакивать, как живую душу? Он вспомнил о барбадиоре, которого зарезал в конюшне Ньеволе.

Он ускорил шаги в темноте, по неровно освещенным лунным светом камням обширного и молчаливого замка.

Дэвину казалось, что он идет уже бесконечно долго, вне времени, никого не встречая, ничего не слыша, кроме собственного дыхания и мягкого шлепанья ног, но тут он наконец узнал одну из статуй в нише. Он любовался ею при свете факела в начале вечера. Он помнил, что его комната находится впереди и за углом справа. Каким-то образом он пошел не в ту сторону и обошел все дальнее крыло замка Борсо.

Он также помнил с вечера, что комната прямо напротив маленькой изящной статуэтки бородатого лучника, натягивающего тетиву, принадлежала Катриане.

Дэвин взглянул в оба конца коридора, но увидел лишь более или менее густые тени среди полос лунного света, падающих сверху. Он прислушался, но не различил ни звука. Если мертвые и бродили поблизости, то они молчали.

«Нет неверных поворотов», — давным-давно сказал ему жрец Плото.

Он подумал об Альенор, лежащей с закрытыми глазами среди ярких подушек и многочисленных свечей, и пожалел о том, что сказал ей в конце. Он жалел о многом. Мать Алессана умирает. Его мать мертва.

«Лед — для смерти и конца», — сказала Альенор Катриане в зале.

Ему было очень холодно и грустно. Он двинулся вперед и, в конце концов, нарушая тишину, осторожно постучал в дверь Катрианы.

Она спала беспокойно по многим причинам. Альенор ее тревожила: и необузданная чувственность, исходившая от этой женщины, и явно близкие, неизвестные ей отношения, связывавшие ее в прошлом с Алессаном и Баэрдом.

Катриана терпеть не могла неизвестности. Она до сих пор не знала, что Алессан собирается завтра делать, что это за таинственная встреча в горах, и неизвестность заставляла ее нервничать и даже, в чем она не хотела себе признаваться, пугала.

Иногда ей хотелось больше походить на Дэвина, так же спокойно принимать то, что он может или не может знать. Она видела, как он собирает по кусочкам то, что ему удалось узнать, и терпеливо ждет появления нового обрывка сведений, а затем складывает их, словно детали детской головоломки.

Иногда она этим восхищалась, иногда бесилась и презирала его за то, что он мирится со скрытностью Алессана и с постоянной сдержанностью Баэрда. Катриане необходимо было знать. Она такую большую часть жизни провела в невежестве, отлученная от собственной истории в той крохотной рыбацкой деревушке в Астибаре. Она чувствовала, что ей надо наверстать потерянное время. Иногда ей даже хотелось от этого заплакать.

Вот что она чувствовала в тот вечер, пока не погрузилась в неглубокий, беспокойный сон, и снился ей дом. Дом часто снился ей, с тех пор как она уехала, особенно мать.

На этот раз она увидела себя идущей по деревне после восхода солнца. Вот она миновала последний дом — дом Тендо, она даже увидела его пса, — а затем свернула на знакомый берег и подошла к тому месту, где отец купил полуразрушенный домик, отремонтировал его и поселился в нем с семьей.

Во сне Катриана увидела, что лодка уже далеко в море, скачет на утренних волнах. По-видимому, стояла весна. Ее мать сидела в дверном проеме их дома и чинила сети, пользуясь ярким светом восходящего солнца. Ее зрение с годами ухудшалось, и ей было трудно работать иглой по вечерам. Катриана постепенно взяла на себя ночную работу в тот последний год, когда жила дома.

Во сне стояло чудесное утро. Камни на берегу сверкали, бриз был свежим, и от воды исходил свет. Все другие лодки тоже вышли в море, пользуясь утренним временем, но их собственную лодку узнать было легко. Катриана прошла по тропинке и остановилась возле только что отремонтированного крыльца, ожидая, когда мать поднимет глаза и посмотрит на нее, потом вскрикнет, и вскочит, и заключит дочь в объятия.

Ее мать действительно подняла глаза от работы, но только для того, чтобы взглянуть в сторону моря, прищурившись от света, и проверить, где их лодка. Старая привычка, нервная привычка, возможно, она в значительной степени повредила ее зрение. Но в этой маленькой лодке находились ее муж и трое сыновей.

Она совсем не видела дочери. Катриана поняла, со странной болью, что она невидима. Потому что она уехала, потому что покинула их, и ее там больше нет. В волосах матери прибавилось седины, и сердце Катрианы защемило, пока она стояла там, в мягком солнечном свете, при виде того, как стерлись и огрубели руки матери и каким усталым сделалось ее доброе лицо. Она всегда считала мать молодой женщиной, пока не умерла от чумы Тьена, еще совсем младенец, шесть лет назад. После этого все изменилось.

«Это несправедливо», — подумала она и во сне громко заплакала, но ее не услышали.

Мать сидела на крыльце на деревянном стуле, в лучах утреннего солнца, трудилась над сетями, иногда поднимала глаза и смотрела, где находится одна маленькая лодочка среди многих,

подпрыгивающих на волнах этого чужого восточного моря, так далеко от того моря, которое она любила.

Катриана проснулась, тело ее резко скорчилось, спасаясь от боли, которую вызывали эти видения. Открыла глаза и ждала, когда утихнет сердцебиение, лежа под несколькими одеялами в одной из комнат замка Борсо. Замка Альенор.

Альенор, которой было столько же лет, сколько усталой, постаревшей матери Катрианы. Это было действительно несправедливо. Почему она должна чувствовать себя такой виноватой, видеть во сне такие грустные, вызывающие боль картины за то, что уехала из дома? Ведь это сама мать дала ей кольцо, когда ей исполнилось четырнадцать лет, в тот год, когда умер младенец. Кольцо, которое рассказывало о ее принадлежности к Тигане, стране у моря, всем, кто знал эти древние символы, и больше никому.

Кольцо, по которому ее узнал Алессан бар Валентин два года назад, когда они с Баэрдом увидели ее, продающую угрей и только что пойманную рыбу в городе Ардин, расположенном на побережье рядом с ее деревней.

В восемнадцать лет Катриана не была доверчивой. Она не могла сказать ни тогда, ни теперь, почему поверила этим двоим и пошла с ними на прогулку за город, вверх по реке, когда рынок закрылся. Если бы от нее потребовали ответить, она бы сказала, что в Баэрде было нечто такое, что внушило ей доверие.

Именно во время этой прогулки они рассказали ей о ее кольце и о Тигане, и ось ее жизни наклонилась в другую сторону. С этого момента началось новое течение времени, и появилась потребность знать.

Дома в тот вечер, после ужина, после того, как мальчики легли спать, она сказала родителям, что теперь знает, откуда они и что значит ее кольцо. И спросила отца, что он собирается предпринять, чтобы помочь ей вернуть Тигану, и что он делал все эти годы. Единственный раз в жизни она увидела своего мягкого, безобидного отца в такой ярости, и это был единственный раз, когда он ее ударил.

Мать зарыдала. Отец метался по дому неуклюже, как человек, непривычный к ярости, и клялся Триадой, что не для того увез жену и дочь до начала вторжения игратян, до наступления осени, чтобы теперь снова окунуться в старые горести.

И вот так Катриана узнала вторую новость, которая изменила ее жизнь.

Младший из мальчиков начал плакать. Тогда отец с топотом

выбежал из дома, хлопнув дверью так, что стекла задребезжали в окнах. Катриана с матерью молча сидели и смотрели друг на друга еще долго после того, как испуганный ребенок постепенно затих на полатях над их головами. Катриана протянула руку и показала кольцо, которое носила в последние четыре года. Она спрашивала взглядом, и мать один раз кивнула, уже без слез. Потом они обнялись, обе считали, что в последний раз.

Катриана нашла Алессана и Баэрда в самой известной гостинице Ардина. Она помнила, что стояла ясная ночь, обе луны были почти полными и поднялись высоко в небе. Ночной сторож в гостинице ухмыльнулся ей и попытался схватить, когда она проскользнула мимо него вверх по лестнице к комнате, которую он ей указал.

Она постучалась, и Алессан открыл, услышав ее имя. Его серые глаза, еще до того, как она заговорила, странно потемнели, словно он предчувствовал новое бремя или горе.

— Я иду с вами, — сказала Катриана. — Мой отец был трусом. Мы сбежали до вторжения. Я намереваюсь искупить его вину. Но я не стану спать ни с кем из вас. Я никогда не спала ни с одним мужчиной. Могу ли я вам доверять?

Лежа без сна в замке Борсо, Катриана в темноте покраснела при этом воспоминании. Какой невозможно юной она, наверное, показалась им тогда. Но ни один из мужчин не рассмеялся, даже не улыбнулся. Она этого никогда не забудет.

— Ты умеешь петь? — вот и все, что спросил Алессан.

Катриана снова уснула, думая о музыке, обо всех песнях, которые она пела вместе с ними за два года путешествий по Ладони. На этот раз ей снилась вода — она плавала в море, дома, и это было ее самым большим, самым сладким удовольствием. Нырять за раковинами летом, в сумерках, среди перепуганных рыб, чувствовать, как вода обволакивает тебя словно вторая кожа.

Потом без предупреждения, без всякого перехода, сон изменился, и она снова очутилась на мосту в Тригии, в сгущающейся зимней темноте, пронизанной ветром, более испуганная, чем могла себе представить. Винить следовало только саму себя, свою гордость, свое вечно гложущее, всепоглощающее, неумолимое стремление загладить их вину за то, что они сбежали. Она увидела себя снова, как взбирается и балансирует на перилах, увидела черную, стремительно несущуюся, бурлящую воду далеко внизу и услышала, даже сквозь громкий рев реки, стук собственного сердца.

И проснулась во второй раз перед самым кошмаром прыжка. Проснулась от стука в дверь, который во сне приняла за стук сердца.

— Кто там? — крикнула она.

— Дэвин. Ты позволишь мне войти?

Катриана резко села на постели и натянула верхнее одеяло до самого подбородка.

— В чем дело? — крикнула она.

— Собственно говоря, я и сам не знаю. Можно войти?

— Дверь не заперта, — ответила она наконец. Убедилась, что одеяла ее полностью закрывают, хотя в комнате было настолько темно, что это не имело особого значения.

Она услышала, как он вошел, но увидела только очертания его фигуры.

— Спасибо, — сказал Дэвин. — Знаешь ли, тебе следовало запереть дверь.

Интересно, подумала Катриана, знает ли он, как сильно она ненавидит, когда ей говорят подобные вещи.

— Единственный человек, который может бродить сегодня по дому, — это наша хозяйка, а она вряд ли придет ко мне. Слева от тебя есть кресло.

Она услышала, как он нашел его и со вздохом откинулся на спинку мягкого кресла.

— Наверное, это правда, — ответил он обессиленным голосом. — И я прошу прощения, мне вовсе не следует учить тебя, как о себе заботиться.

Она пыталась уловить иронию, но не услышала ее.

— Мне удавалось неплохо справляться без твоего руководства, — мягко сказала она.

Он молчал. Потом сказал:

— Катриана, я честно не знаю, зачем я здесь. Сегодня у меня такое странное настроение. Мне так грустно, даже смешно.

В его голосе было нечто очень странное. Она мгновение поколебалась, потом, осторожно поправив одеяла, зажгла лучинку.

— Ты зажигаешь огонь в дни Поста? — спросил он.

— Как видишь. — Она зажгла свечу, стоящую у кровати. Потом, несколько жалея о своем ядовитом тоне, прибавила: — Моя мать зажигала одну свечу — всего одну, в память о Триаде, так она говорила. Но я поняла, что она имела в виду, только после встречи с Алессаном.

— Это странно. Так же делал и мой отец, — задумчиво произнес Дэвин. — Я никогда об этом не думал. И не знал, почему он так поступает. Мой отец был не из тех, кто объясняет.

Катриана повернулась и посмотрела на него, но он сидел, утонув в кресле, и крылья подголовника заслоняли его лицо.

— Напоминание о Тигане? — спросила она.

— Должно быть, так. Будто боги Триады не заслуживают полной преданности или соблюдения всех правил из-за того, что допустили такое. — Дэвин помолчал, потом прибавил задумчивым тоном: — Это еще один пример нашей гордости, не так ли? Той тиганской самонадеянности, о которой вечно твердит Сандре. Мы торгуемся с Триадой, качаем чаши весов: они отняли наше имя, а мы отнимаем часть положенных им обрядов.

— Наверное, ты прав, — сказала Катриана, хотя никогда так это не воспринимала.

Дэвин иногда высказывался в таком духе. Она не считала этот поступок выражением гордости или торговли, просто напоминанием самим себе о том, какая несправедливость была совершена. Напоминанием, как и голубое вино Алессана.

— Моя мать — женщина не гордая, — заметила она, к собственному изумлению.

— А я не знаю, какой была моя мать, — сказал он сдавленным голосом. — Даже не знаю, могу ли я назвать гордым отца. Наверное, я о нем тоже знаю очень мало.

У него действительно был странный голос.

— Дэвин, — резко сказала Катриана. — Наклонись вперед. Дай мне посмотреть на тебя. — Она проверила одеяла: они накрывали ее до подбородка.

Он медленно наклонился вперед: свеча осветила его безумно растрепанные волосы, порванную рубаху и явственные царапины и следы зубов. Катриану охватил гнев, который постепенно сменился глубокой тревогой, которая не имела к Дэвину отношения. Во всяком случае, непосредственного отношения.

Она скрыла свои чувства за злым смехом.

— Она действительно бродила по дому, как я погляжу. У тебя такой вид, будто ты побывал на войне.

Он с усилием выдавил из себя улыбку, но его глаза оставались мрачными, она это видела даже при свече.

Это ее обеспокоило.

— В чем же тогда дело? — настаивала она с сарказмом. — Ты ее довел до бессилия и пришел сюда за добавкой? Могу тебе сказать...

— Нет, — поспешно перебил он. — Нет, не в этом дело. Это совсем не то, Катриана. Это была трудная ночь.

— Судя по твоему виду, трудная, — заметила она, вцепившись руками в одеяло.

Он упрямо продолжал настаивать:

— Не в этом смысле. Это так странно. Так сложно, думаю, я кое-чему здесь научился. Думаю...

— Дэвин, мне совсем не хочется выслушивать подробности! — Она рассердилась на себя за то, что подобные вещи заставляют ее так нервничать.

— Нет-нет. Не так, хотя да, вначале было так. Но, — он вздохнул, — по-моему, я узнал кое-что о том, что с нами сделали тираны. Не только Брандин и не только в Тигане. Альберико тоже. Они оба, и с нами всеми.

— Какое прозрение, — машинально пошутила она. — Наверное, она гораздо искуснее, чем ты воображал.

Это заставило его замолчать. Он снова откинулся на спинку кресла, и она больше не видела его лица. В наступившей тишине ее дыхание стало ровнее.

— Прости, — наконец произнесла она. — Я не хотела. Я устала. Сегодня мне снились плохие сны. Что ты от меня хочешь, Дэвин?

— Не знаю, — ответил он. — Наверное, просто хотел найти друга.

Снова Катриана почувствовала, что ее принуждают, и занервничала. Она подавила инстинктивное, нервное желание предложить ему пойти и написать письмо одной из дочерей Ровиго. Но ответила:

— В этом я никогда не была сильна, даже ребенком.

— Я тоже, — ответил он, снова наклоняясь вперед. Он привел волосы в некое подобие порядка. И сказал: — Но между нами есть нечто большее. Ты меня иногда ненавидишь.

Она почувствовала, как стукнуло ее сердце.

— Нет нужды обсуждать это, Дэвин. Я тебя не ненавижу.

— Иногда ненавидишь, — настаивал он тем же странным, упрямым тоном. — Из-за того, что произошло во дворце Сандрени. — Он помолчал и прерывисто вздохнул. — Потому что я был первым, с кем ты занималась любовью.

Она закрыла глаза. Безуспешно попыталась сделать так, чтобы это последнее предложение не было произнесено.

— Ты знал?

— Тогда — нет. Потом догадался.

Кусочки еще одной головоломки. Он терпеливо складывал их. Вычислил ее. Она открыла глаза и мрачно взглянула на него.

— И ты считаешь, что, обсуждая эту интересную тему, мы станем друзьями?

Он вздрогнул.

— Вероятно, нет. Не знаю. Я решил сказать тебе, что хотел бы этого. — Он помолчал. — Честно, я не знаю, Катриана. Мне очень жаль.

К ее изумлению, ее потрясение и гнев испарились. Она увидела, как он опять откинулся на спинку без сил, и она сделала то же самое, откинувшись на деревянное изголовье кровати. Немного подумала, удивляясь собственному спокойствию.

— Я не испытываю к тебе ненависти, Дэвин, — в конце концов сказала Катриана. — Правда, не испытываю. Ничего похожего. Это неловкое воспоминание, не стану отрицать, но не думаю, что оно когда-нибудь мешало нам в нашем деле. А ведь только это имеет значение, не так ли?

— Наверное, — ответил он. Она не видела его лица. — Если ничто другое не имеет значения.

— Я хочу сказать, что это правда, то, что я говорила: я никогда не умела дружить.

— Почему?

Снова кусочки головоломки. Но она ответила:

— Когда была девочкой, не знаю. Может, я стеснялась, может, была слишком гордой. Я никогда не чувствовала себя своей в нашей деревне, хотя это был единственный дом, который я знала. Но с тех пор, как Баэрд назвал мне Тигану, с тех пор, как я услышала это имя, для меня все остальное в мире перестало существовать. Только Тигана имеет значение.

Она почти слышала, как он это обдумывает.

— Лед — это для смерти и конца, — произнес Дэвин.

Именно эти слова сказала ей Альенор.

Он продолжал:

— Ты же живой человек, Катриана. У тебя есть сердце, жизнь, которую надо прожить, возможность дружить, даже любить. Почему ты отказываешься от всего ради одной лишь цели?

И она услышала собственный голос:

— Потому что мой отец никогда не сражался. Он убежал из Тиганы, словно трус, еще до битвы у реки.

Стоило ей произнести эти слова, как она готова была вырвать свой язык с корнем.

— О! — вырвалось у Дэвина.

— Ни слова, Дэвин! Не говори ни слова!

Он повиновался, сидел очень тихо, почти невидимый в глу-

бине кресла. Внезапно Катриана задула свечу; теперь ей не хотелось света. А потом, благодаря темноте и благодаря его послушному молчанию, она постепенно сумела овладеть собой. Пройти мимо этого мгновения и не заплакать. Это отняло много времени в темноте, но в конце концов она смогла сделать глубокий, ровный вдох и поняла, что все в порядке.

— Спасибо, — произнесла она, не совсем понимая, за что благодарит его. Больше всего за молчание.

Ответа не последовало. Она подождала мгновение, потом тихо окликнула его по имени. Снова никакого ответа. Она прислушалась, потом различила его мерное, сонное дыхание.

У Катрианы хватило чувства юмора, чтобы осознать иронию случившегося. Но у него явно была трудная ночь, и не только в очевидном смысле слова.

Она подумала, не разбудить ли его и отослать обратно в его комнату. Если их увидят выходящими отсюда вместе утром, это, несомненно, вызовет удивление. Но Катриана обнаружила, что ей все равно. Она также поняла, что придает меньшее значение, чем ожидала, тому, что он узнал о ней одну правду и догадался о другой. Правду об ее отце, но больше о ней самой. Она удивилась, почему это ее почти совсем не беспокоит.

Она подумала, не накрыть ли его одним из одеял, но удержалась. Почему-то ей не хотелось, чтобы он проснулся утром и понял, что это сделала она. Так поступили бы дочери Ровиго, а не она. Или нет: младшая дочь к этому моменту уже затащила бы его к себе в постель и в себя, невзирая на странное настроение и упадок сил. Старшая? Она бы с волшебной скоростью соткала новый плед и укутала им Дэвина, прикрепив к нему записку с данными об овце, которая дала шерсть, и историей выбранного ею узора.

Катриана улыбнулась в темноте и устроилась поудобнее в кровати. Ее беспокойство прошло, и больше ей ничего не снилось. Когда она проснулась, едва рассвело. Дэвин уже ушел. И она лишь потом узнала, как далеко.

Глава 11

Элена стояла у открытой двери дома Маттио, глядя вдоль темной дороги в сторону рва и поднятого моста через ров. В окнах замка Борсо одна за другой мигали и гасли свечи. Мимо нее в дом то и дело проходили люди, обменивались с ней лишь ко-

ротким приветствием или кивком головы или вообще обходились без приветствия. Им предстояло сражение этой ночью, и каждый пришедший это знал.

Из деревни за ее спиной не доносилось ни звука, не горел ни один огонек. Все свечи были давно задуты, камины погашены, окна закрыты ставнями, даже щели под дверьми заткнуты тряпками или половиками. Все знали, что в первую из ночей Поста по земле бродят мертвецы.

И в доме у нее за спиной было тихо, хотя к этому времени тут, на краю деревни, собралось уже человек пятнадцать-двадцать. Элена не знала, сколько еще Ходоков присоединится к ним здесь или позднее, на месте встречи; знала лишь, что их будет слишком мало. В прошлом году их уже не хватало, и в позапрошлом, и они проиграли те битвы с большими потерями. Дни Поста убивали Ходоков быстрее, чем такие молодые, как Элена, вырастали на смену. Вот почему они каждую весну терпели поражение и почему почти наверняка проиграют битву сегодня.

Ночь стояла звездная, на небе сияла лишь одна луна — белый полумесяц убывающей Видомни. И еще было холодно здесь, в горах, в самом начале весны. Элена обхватила себя руками, взявшись ладонями за локти. Всего через несколько часов, когда начнется сражение, небо будет другим, и ночь будет чувствоваться совсем по-другому. Вошла Каренна, одарила ее быстрой, теплой улыбкой, но не остановилась, чтобы поговорить. Сейчас не время для разговоров. Элена тревожилась за Каренну: она всего две недели назад родила ребенка. Ей еще слишком рано участвовать. Но она необходима, все они необходимы, и сражение ночи Поста невозможно отложить ради одного мужчины или женщины, ради чего бы то ни было, происходящего в дневном мире.

Она кивнула в ответ на приветствие пары, которую не знала. Они вошли вслед за Каренной в дом. Их одежда запылилась: возможно, они пришли издалека, с востока, приурочив свой приход к тому часу, когда закрывают окна и двери после захода солнца, и в деревне, и во всех одиноких хуторах среди ночных полей.

Элена знала, что за всеми этими дверьми и окнами жители южных предгорий ждут наступления темноты и молятся.

Молятся о дожде и солнце, о том, чтобы земля была плодородной весной и летом, чтобы осень принесла богатый урожай. Чтобы ростки пшеницы и кукурузы проклюнулись из влажной, черной, щедрой почвы, пустили корни и поднялись, пожелтели и наполнились обещанной зрелостью. Молятся, хотя ничего не

знают в своих закупоренных темных домах о том, что в действительности должно произойти сегодня ночью, чтобы Ходоки сохранили поля, урожай, пришли на помощь в трудную минуту и спасли им всем жизнь.

Элена инстинктивно подняла руку и потрогала маленькое украшение из кожи, висящее у нее на шее. Украшение, в котором хранился сморщенный обрывок «сорочки», в которой она родилась, как и все остальные Ходоки, появившиеся на свет в прозрачной оболочке, что, как утверждало поверье, означало жизнь, благословленную Триадой.

Здесь, на далеких южных границах полуострова, в этих диких краях у подножия гор, существовали другие учения, другое знание. Здесь древние обряды уходили глубже, дальше в прошлое, передавались из рук в руки, из уст в уста от своего зарождения много веков назад. В горах Чертандо ребенка, родившегося в «сорочке», не считали убереженным от гибели в море и не полагали наивно обреченным на богатство.

Он был отмечен для участия в битве.

В этой битве, которая происходит каждый год в первую ночь Поста, знаменующую начало весны и начало всего года. Она происходит в полях и за поля, за еще не взошедшие ростки, которые были надеждой и жизнью, за обещание обновления земли. Они сражаются в этой битве за тех, кто живет в больших городах, отрезанные от правды земли, не ведающие о подобных вещах, и за всех здешних обитателей Чертандо, спрятавшихся за своими стенами, которые умеют лишь молиться и бояться ночных звуков, которые, возможно, издают воскресшие мертвецы.

Кто-то тронул Элену за плечо. Она обернулась и встретила вопросительный взгляд Маттио. Элена покачала головой и одной рукой отбросила за спину волосы.

— Пока ничего, — сказала она.

Маттио молчал, но в бледном лунном свете его глаза мрачно горели над пышной черной бородой. Он сжал ее плечо, больше по привычке подбадривать, потом снова вернулся в дом.

Элена смотрела, как он уходит тяжелой поступью, надежный, все умеющий. Через открытую дверь она увидела, как он снова сел за длинный деревянный стол напротив Донара. Она несколько секунд смотрела на них обоих и думала о Верзаре, о любви и желании.

Потом она снова отвернулась и стала смотреть в ночь, в сторону мрачной громады замка, в тени которого провела всю свою жизнь. Неожиданно она почувствовала себя старой, гораздо

старше своих лет. У нее двое маленьких детей, которые сегодня ночевали у ее матери и отца, в одном из этих запертых домов, где не горит огонь. А муж ее спит на погребальном поле — одна из многих жертв ужасной прошлогодней битвы, когда число Иных, казалось, во много раз возросло, как никогда прежде, и они злобно торжествовали победу.

Верзар умер через несколько дней после их поражения, как умирали все жертвы ночных боев.

Те, которых в битвах ночи Поста коснулась смерть, не погибали на поле. Они чувствовали это холодное, последнее прикосновение к своей душе — словно ледяной палец у сердца, как сказал ей Верзар, — приходили домой, спали, просыпались и ходили еще день, или неделю, или месяц, а потом уступали той силе, которая забирала их к себе.

На севере, в городах, верили в последние Врата Мориан, страстно желали добиться ее милости и оказаться в ее темных Чертогах. Верили в заступничество жрецов, полученное с помощью свечей и слез.

Рожденные в «сорочке» в южных горах, те, кто сражался в битвах дней Поста и видел Иных, приходивших сражаться с ними, в это не верили.

Конечно, они не были настолько глупы, чтобы отрицать существование Мориан, богини Врат, или Эанны, или Адаона. Только они знали, что есть силы более древние и темные, чем Триада, силы, власть которых распространяется за пределы этого полуострова, даже за пределы самого этого мира, с его двумя лунами и солнцем, как однажды сказал ей Донар. Раз в год Ночные Ходоки Чертандо имели возможность — вынуждены были — под чужим небом убедиться в истинности этого утверждения.

Элена вздрогнула. Сегодня ночью многих отметит смерть, она это знала, и, значит, меньше останется для битвы на следующий год, и еще меньше на следующий. А чем это закончится, она не ведала. Ей было двадцать два года, она была вдовой с двумя детьми и дочерью колесного мастера из горного края. И еще она была ребенком, родившимся в «сорочке» Ночных Ходоков, в такое время, когда все битвы, год за годом, заканчивались поражением.

Все знали, что она лучше всех видит в темноте, и поэтому Маттио поставил ее здесь, у двери, следить за дорогой в ожидании того, кто, как сказал Донар, возможно, придет.

* * *

Сезон выдался сухим: крепостной ров, как он и ожидал, обмелел. Когда-то, давным-давно, лордам замка Борсо нравилось заселять свои рвы созданиями, которые могли убить человека. Но Баэрд ничего такого не ожидал встретить; те времена давно миновали.

Он перешел ров вброд, погрузившись до бедер, под высокими звездами и при слабом свете Видомни. Было холодно, но его уже много лет не волновала погода. Как не беспокоило его и то, что он бродит в ночь Поста. За долгие годы это уже стало его собственным ритуалом: он знал, что по всей Ладони соблюдаются священные дни и люди ждут в тишине и темноте за стенами своих домов, и это давало ему то глубокое ощущение одиночества, в котором нуждалась его душа. Его неодолимо влекло к этому ощущению, когда он двигался по затаившему дыхание миру, который словно лежал, скорчившись, в первобытной тишине под звездами, и ни один огонек, созданный смертным, не бросал отблеск на небо. Горели лишь те огни, которые боги Триады сотворили сами с помощью небесной молнии.

Если в ночи действительно бродили призраки и духи, ему хотелось их увидеть. Если мертвые из прошлого ходили по земле, ему хотелось попросить у них прощения.

Его собственная боль была вызвана картинками прошлого, которые не отпускали его. Исчезнувшая безмятежность, светлый мрамор под лунным светом, таким, как этот; изящные портики, построенные с такой гармонией, что можно потратить целую жизнь на ее изучение и понимание; тихие разговоры, услышанные и почти что понятые засыпающим в соседней комнате ребенком; уверенный смех, затем свет утреннего солнца в знакомом дворике и твердая, сильная рука скульптора на его плече. Рука отца.

Потом огонь, кровь и пепел на ветру, покрасневшее полуденное солнце.

Дым и смерть, разбитый на осколки мрамор, голова бога, летящая по воздуху, потом падающая на опаленную землю, словно булыжник, потом безжалостно растертая в пыль, в тонкий песок. Как песок тех пляжей, по которым он позже в тот год бродил в темноте, бесконечных и бессмысленных, тянущихся вдоль холодного, равнодушного моря.

Такими были мрачные видения, спутники его ночей, эти и другие, без конца, на протяжении почти девятнадцати лет. Он

нес на себе, словно тащил телегу вместо лошади, словно круглый камень в сердце, образы своего народа, его разрушенного мира, его уничтоженного имени. Поистине уничтоженного: звук его уплывал с годами все дальше от мира людей, подобно отливной волне, убегающей прочь от берега в серые часы зимнего рассвета. Очень похоже на отлив, но все же не отлив, потому что отливы сменяются приливами.

Он научился жить с этими картинками, ибо у него не было выбора, разве только сдаться. Умереть. Или уйти в безумие, как его мать. Он мерил себя своими горестями; знал их так же хорошо, как другие люди знают форму своих ладоней.

Но одно воспоминание, которое могло заставить его бодрствовать, могло полностью изгнать из покоев сна и лишить отдыха, могло прогнать его из-под крыши, как тогда, в разрушенном городе, не имело отношения ко всему остальному. Это не было ни воспоминание о погибшем великолепии, ни картины смерти и потери, а воспоминание о любви среди того пепла и руин.

При воспоминании о весне и лете вместе с Дианорой, с его сестрой, его крепостные стены рушились в темноте.

И тогда Баэрд уходил в ночь, бродил по Ладони под двумя лунами, под одной луной, или под одними звездами. Среди поросших вереском холмов Феррата, или спелых виноградных лоз осеннего Астибара или Сенцио, вдоль укутанных снегом склонов Тригии, или здесь, в ночь Поста, в начале весны в горах.

Он уходил и бродил в окутавшей его темноте, вдыхал запах земли, чувствовал почву под ногами, слушал голос зимнего ветра, ощущал вкус винограда или освещенной луной воды, лежал без движения в ветвях лесного дерева и наблюдал за охотой ночных хищников. И очень редко, если его подкарауливал разбойник или наемник, Баэрд убивал. Он становился еще одним воплощением ночного хищника, осторожного и быстро исчезающего. Еще одной разновидностью призрака, так как часть его умерла вместе с погибшими у реки Дейзы.

В любом уголке Ладони, кроме собственной провинции, которая исчезла, он поступал так год за годом, познавая значение ночи в этом лесу и на том поле, возле этой темной реки или на том горном хребте, все время стремясь найти освобождение в прошлом или внутри себя, в котором ему снова и снова отказывали.

Он бывал здесь, в горах, много раз в такие же ночи Поста. Они с Алессаном давно уже были вместе, и многое связывало их с Альенор из замка Борсо, и была еще другая, более важная при-

чина, почему они приезжали на юг, к горам, в начале каждого второго года. Он вспомнил о новостях с запада. Вспомнил выражение лица Алессана, читающего письмо Данолеона, и сердце его почуяло беду. Но это дело завтрашнего дня, и это бремя больше Алессана, чем его, как бы ему ни хотелось — а ему всегда этого хотелось — облегчить для него или разделить с ним этот груз.

Эта ночь принадлежала ему, и она звала его. Один в темноте, но рука об руку с мечтой о Дианоре, он зашагал прочь от замка. Раньше он всегда ходил на запад от Борсо, а потом сворачивал на юг, по дуге поднимаясь в гору у перевала Брачио. Но в эту ночь, по неизвестной ему причине, ноги понесли его в другую сторону, на юго-восток. Они понесли его вдоль дороги к краю деревни, которая лежала под стенами замка, и там, когда он проходил мимо дома, дверь которого неожиданно оказалась открытой, Баэрд увидел светловолосую женщину, стоящую в лунном свете, словно она ждала его, и остановился.

* * *

Маттио сидел у стола и сопротивлялся искушению еще раз пересчитать людей, пытался сделать вид, что все настолько нормально, насколько это возможно в ночь перед сражением. Он услышал, как Элена позвала его и Донара. Голос ее звучал мягко, как всегда, но он уже много лет обостренно чувствовал все оттенки ее настроения. Еще когда был жив бедный Верзар.

Он взглянул через стол на Донара, но старик уже взял свои костыли и заковылял на одной ноге к двери. Маттио последовал за ним. Остальные смотрели на них с тревогой и страхом. Маттио заставил себя ободряюще улыбнуться. Каренна поймала его взгляд и заговорила успокаивающим голосом с несколькими наиболее встревоженными людьми.

Маттио сам вовсе не был спокоен, когда вышел из дома вслед за Донаром и увидел, что пришел какой-то человек. Темноволосый, с аккуратной бородкой, среднего роста мужчина неподвижно стоял рядом с Эленой, переводил взгляд с нее на них двоих и молчал. У него за спиной, на тригийский манер, висел меч в ножнах.

Маттио посмотрел на Донара, лицо которого оставалось бесстрастным. Несмотря на весь свой опыт сражений в ночь Поста и на дар Донара, он не смог побороть дрожь.

— Кто-нибудь может прийти, — сказал вчера их одноногий вожак.

И вот кто-то действительно стоит здесь, в лунном свете, за час до начала битвы. Маттио взглянул на Элену: она не сводила глаз с незнакомца. Элена стояла очень прямо, неподвижно, обхватив руками себя за локти, изо всех сил пытаясь скрыть свой страх и изумление. Но Маттио долгие годы наблюдал за ней и видел, что дышит она неглубоко и часто. Он любил ее за эту неподвижность и за желание скрыть страх.

Он снова взглянул на Донара, потом шагнул вперед, протягивая незнакомцу открытые ладони обеих рук. И спокойно произнес:

— Добро пожаловать, хотя в эту ночь нельзя выходить из дома.

Человек кивнул. Он широко расставил ноги и крепко упирался ими в землю. Похоже, он умел пользоваться своим мечом.

— Насколько я разбираюсь в обычаях гор, в эту ночь также нельзя держать открытыми двери и окна, — ответил он.

— С чего это ты решил, что разбираешься в обычаях гор? — спросил Маттио. Слишком поспешно.

Элена все смотрела на этого человека. На ее лице застыло странное выражение.

Подойдя поближе к ней, Маттио понял, что уже видел раньше этого мужчину. Он был одним из тех, кто несколько раз приезжал в замок леди. Музыкант, насколько он помнил, или купец. Один из тех безземельных, которые без конца ездили по дорогам Ладони. Его радость, вспыхнувшая было при виде меча, несколько угасла.

Незнакомец не ответил на резкое замечание. Казалось, насколько можно было судить при лунном свете, он обдумывает эти слова. Затем, к удивлению Маттио, сказал:

— Прошу прощения. Если я нарушил по невежеству какой-то обычай, простите меня. У меня есть свои причины бродить сегодня. Сейчас я уйду и оставлю вас в покое.

И действительно повернулся, явно намереваясь уйти.

— Нет! — страстно воскликнула Элена.

И в тот же момент впервые заговорил Донар.

— Сегодня ночью покоя не будет, — произнес он низким голосом, которому они все так доверяли. — И ты ничего не нарушил. Я предвидел, что кто-нибудь придет сегодня по этой дороге. Элена тебя высматривала.

Незнакомец снова обернулся. Его глаза раскрылись шире в

темноте, и в них появилось новое, более холодное, более оценивающее выражение.

— Придет для чего? — спросил он.

Воцарилось молчание. Донар передвинул костыли и качнулся вперед. Элена отодвинулась в сторону, и он встал прямо напротив незнакомца. Маттио взглянул на нее; ее волосы падали на одно плечо, в лунном свете они напоминали белое золото. Она все не отводила глаз от темноволосого человека.

А тот в упор смотрел на Донара.

— Придет для чего? — повторил он довольно мягко.

Донар все еще колебался, и в этот момент Маттио понял, испытав потрясение, что мельник, их старейшина, боится. Маттио затошнило от страха, потому что он понял, что сейчас сделает Донар.

И Донар это сделал. Он выдал их человеку с севера.

— Мы — Ночные Ходоки Чертандо, — произнес он недрогнувшим, низким голосом. — А сегодня — первая ночь весеннего Поста. Это наша ночь. Я должен спросить тебя: где бы ты ни был рожден, была ли какая-нибудь примета, не говорила ли повитуха, принимавшая роды, о некоем благословении? — И он медленно сунул руку за пазуху и вытащил кожаный мешочек, висящий там, где хранилась «сорочка», отметившая его при рождении.

Краем глаза Маттио видел, как Элена прикусила губу. Он посмотрел на незнакомца, который пытался осознать сказанное Донаром, и начал прикидывать, есть ли у него шанс убить этого человека, если до этого дойдет.

На этот раз молчание затянулось. Приглушенные звуки из домика за их спиной казались громкими. Теперь глаза темноволосого человека широко раскрылись, он высоко поднял голову. Маттио видел, что тот взвешивает смысл только что открывшейся ему тайны.

Затем, по-прежнему молча, незнакомец поднес руку к горлу, достал из-под рубахи и показал всем троим при свете звезд и луны маленький кожаный мешочек, висящий у него на шее. Маттио услышал тихий звук, выдох, и с опозданием понял, что это его собственный выдох.

— Хвала земле! — прошептала Элена, не в силах сдержаться. Она закрыла глаза.

— Земле и всему, что произрастает из нее и возвращается в нее, — прибавил Донар. Как ни удивительно, но его голос дрожал.

Они предоставили закончить Маттио.

— Возвращается, чтобы снова произрастать, и круговороту этому нет конца, — произнес он, глядя на незнакомца, на его мешочек, почти такой же, как у самого Маттио, у Элены, у Донара, такой же, какой носили они все, все до единого.

И только после этих слов заклинания, произнесенных поочередно тремя людьми, Баэрд наконец понял, с чем он столкнулся.

Двести лет назад, во времена бесконечных эпидемий чумы, недородов, насилия и кровопролития, здесь, на юге, пустила корни ересь Карлози. Из горных районов она начала распространяться по всей Ладони, разрастаясь и завоевывая сторонников с пугающей быстротой. Против основного постулата Карлози, что боги Триады всего лишь младшее поколение богов, подчиняющееся более древним и темным силам и действующее от их имени, объединенным фронтом выступили все жрецы Ладони.

Столкнувшись с редким и полным единством жречества, охваченные паникой после десяти лет чумы и голода, герцоги, Великие герцоги и даже принц Тиганы сочли, что у них нет выбора. Сторонников Карлози выслеживали, пытали и казнили на всем полуострове, всеми возможными способами, принятыми в провинциях в те времена.

Времена насилия и крови. Двести лет тому назад.

А теперь он стоит здесь и показывает кожаный мешочек с «сорочкой», в которой родился, и разговаривает с тремя людьми, которые только что объявили себя последователями Карлози.

И более того. Ночные Ходоки, сказал одноногий. Передовой отряд, тайная армия секты. Их отбирали по какому-то никому не известному принципу. Но теперь он знал, они ему показали. Баэрду пришло в голову, что теперь он в опасности, если ему доверили такое знание, и действительно — крупный бородатый человек держался настороженно, словно готовился к схватке.

Зато женщина, которая караулила у двери, плакала. Она была очень красива, не такой красотой, как у Альенор, каждое движение которой, каждое слово свидетельствовали о скрытой в ней натуре дикой кошки. А эта женщина была слишком юной, слишком застенчивой, он не мог заставить себя поверить, что в ней таится угроза. Ведь она плакала. И все трое произнесли слова благодарности, хвалы. Инстинкты Баэрда не предупреждали

его о непосредственной опасности. Он медленно расслабил мышцы. И сказал:

— Так что вы хотите мне сообщить?

Элена вытерла слезы со щек. Она снова посмотрела на незнакомца, впитывая его аккуратную, спокойную силу, его реальность, сам невероятный факт его присутствия. С трудом глотнула, болезненно ощущая стремительное биение своего сердца, пытаясь уйти от того мгновения, когда этот человек возник из ночной темноты и остановился перед ней. А потом в течение долгих секунд они смотрели друг на друга при лунном свете, и она, повинуясь порыву, прикоснулась к его руке, чтобы удостовериться, что он настоящий. И лишь потом позвала Маттио и Донара. Казалось, с ней происходит что-то странное. Она заставила себя прислушаться к тому, что говорит Донар.

— То, что я тебе сказал сейчас, дает тебе власть над жизнью и смертью многих людей, — тихо произнес тот. — Потому что жрецы все еще хотят уничтожить нас, а тиран Астибара в подобных делах заодно со жрецами. Думаю, тебе это известно.

— Известно, — повторил темноволосый человек так же тихо. — Почему вы мне доверились?

— Потому что сегодня — ночь битвы, — ответил Донар. — Сегодня я поведу Ночных Ходоков на войну, а вчера на закате я уснул, и мне приснилось, что к нам придет незнакомец. Я научился доверять своим снам, хотя не знаю заранее, когда они меня посетят.

Элена увидела, как незнакомец кивнул, спокойно, невозмутимо, принимая сказанное так же легко, как принял ее присутствие на дороге. Она видела, как под его рубахой бугрятся твердые мускулы и что он держится как человек, которому знакомы сражения. Ей почудилась на его лице печаль, но было слишком темно, чтобы утверждать наверняка, и она упрекнула себя за то, что позволила разыграться воображению в такое время.

С другой стороны, он бродил в одиночестве в ночь Поста. Люди, у которых нет собственного горя, никогда этого не делают, в этом Элена была уверена. Интересно, откуда он. Но она боялась спросить.

— Значит, ты командир этого отряда? — спросил Баэрд у Донара.

— Да, — резко вмешался Маттио. — И советую тебе не обращать внимания на его увечье.

Судя по его вызывающему тону, он неверно понял вопрос. Элена знала, как он старается оберегать Донара; за это она ува-

жала его больше всего. Но момент был слишком важным, слишком значительным, чтобы допустить неверное понимание. Она повернулась к нему и настойчиво покачала головой.

— Маттио! — начала она, но Донар уже положил руку на рукав кузнеца, и в это мгновение незнакомец впервые улыбнулся.

— Ты увидел обиду там, где она не подразумевалась, — сказал он. — Я знал других, так же искалеченных, и даже хуже, которые возглавляли армии и правили людьми. Я всего лишь хочу сориентироваться. Для меня здесь темнота гуще, чем для вас.

Маттио открыл было рот, потом закрыл. Неловко пожал плечами и развел руками, словно извиняясь. Ответил Донар.

— Я — старейшина Ходоков, — сказал он. — И поэтому мне предстоит командовать битвой, с помощью Маттио. Но ты должен знать, что сражение, которое предстоит нам сегодня ночью, не похоже ни на одну из известных тебе битв. Когда мы снова выйдем из этого дома, то небо над нами будет совершенно другим, не тем, которое сейчас. И под тем небом, в том колдовском мире призраков и теней, немногие из нас сохранят свою внешность.

Темноволосый человек впервые беспокойно переступил с ноги на ногу. Он опустил взгляд почти неохотно и посмотрел на руки Донара.

Донар улыбнулся и вытянул вперед левую руку с пятью широко расставленными пальцами.

— Я не чародей, — мягко сказал он. — Здесь присутствует магия, да, только мы входим в нее, и мы отмечены для нее, но мы ее не создаем. Это не колдовство.

Незнакомец кивнул. Затем сказал с осторожной учтивостью:

— Я вижу. Не понимаю, но могу лишь предположить, что ты рассказываешь мне все это с какой-то целью. Не скажешь ли, с какой именно?

И тут Донар наконец сказал:

— Потому что мы хотели бы попросить тебя помочь в сегодняшней битве.

В наступившем молчании заговорил Маттио, и Элена поняла, что ему пришлось проглотить собственную гордость, чтобы произнести:

— Мы в ней нуждаемся. Очень нуждаемся.

— С кем у вас бой? — спросил незнакомец.

— Мы называем их Иные, — ответила сама Элена, так как и Донар, и Маттио молчали. — Год за годом они приходят к нам. Поколение за поколением.

— Они приходят, чтобы вытаптывать поля и губить ростки, а с ними и весь урожай, — сказал Донар. — Двести лет Ночные Ходоки Чертандо сражаются с ними в эту ночь Поста, и все это время нам удавалось их сдерживать. Они наступают на нас с запада.

— Вот уже двадцать лет, однако, — прибавил Маттио, — нам приходится все труднее. А в последние три года мы терпели жестокие поражения. Многие из нас погибли. И засухи в Чертандо стали более суровыми; ты знаешь об этом и об эпидемиях чумы. Они...

Но незнакомец внезапно вскинул руку, резким, неожиданным жестом.

— Почти двадцать лет? И с запада? — резко спросил он. Сделал шаг вперед и повернулся к Донару. — Почти двадцать лет тому назад пришли тираны. А Брандин Игратский высадился на западе.

Донар в упор смотрел на него, опираясь на костыли.

— Это правда, — сказал он, — и это приходило в голову некоторым из нас, но я не считаю, что это имеет какое-то значение. Наши сражения в эту ночь каждый год выходят далеко за рамки повседневных забот, и не важно, кто правит Ладонью при жизни данного поколения, и как именно правит, и откуда они пришли.

— Но все же... — начал незнакомец.

— Но все же, — кивнул Донар, — за этим скрывается тайна, разгадать которую не в моей власти. Если ты различаешь здесь систему, которой я не вижу, кто я такой, чтобы подвергать ее сомнению или отрицать такую возможность? — Он поднял руку и прикоснулся к мешочку на шее. — Ты носишь метку, как и все мы, и я видел во сне, что ты пришел к нам. Кроме этого, у нас нет никаких прав на твою помощь, совсем никаких, и должен тебе сказать, что на полях нас ждет смерть, когда придут Иные. Но могу также сказать тебе, что наши сражения важны не только для этих полей, не только для Чертандо и даже, как мне кажется, не только для полуострова Ладони. Ты пойдешь сражаться вместе с нами сегодня?

Незнакомец долго молчал. Он отвернулся и снова посмотрел вверх, на тонкий серп луны и звезды, но у Элены возникло ощущение, что на самом деле он смотрит внутрь себя, а не на огни вверху.

— Прошу тебя, — услышала она свой голос. — Пожалуйста, пойдем с нами.

Он не подал виду, что слышал ее. Когда он снова повернулся к ним, то опять посмотрел на Донара.

— Я мало в этом разбираюсь. У меня впереди собственные сражения, и есть люди, которым я поклялся в верности, но я не чувствую в вас зла, и, по правде говоря, мне бы хотелось самому взглянуть на этих Иных. Если тебе приснился мой приход сюда, пусть твой сон руководит моими поступками.

А потом, сквозь слезы, навернувшиеся на глаза, Элена увидела, что он повернулся к ней.

— Я пойду с вами, — ровным голосом сказал он без улыбки, и глаза его оставались мрачными. — Я буду сражаться с вами сегодня ночью. Меня зовут Баэрд.

Значит, он все же ее услышал.

Элена стояла, вытянувшись в струнку, стараясь справиться со слезами. В ней бушевали чувства, ужасный хаос чувств, и среди этого хаоса Элене показалось, что она слышит звук, словно в ее душе звенит одна нота. Маттио что-то сказал, но она не расслышала. Она смотрела на этого незнакомца и понимала, встретившись с ним взглядом, что она оказалась права, что инстинкты ее не обманули. В нем была такая глубокая печаль, что она не могла укрыться от глаз ни одного мужчины, ни одной женщины, у которых есть глаза, даже ночью и в тени.

Она отвела взгляд, потом на мгновение крепко зажмурилась, пытаясь оставить себе хотя бы частицу своего сердца, прежде чем все оно целиком погрузится в магию и чудеса этой ночи. «Ох, Верзар, — подумала она. — Ох, мой мертвый возлюбленный».

Элена снова открыла глаза и осторожно вдохнула.

— Меня зовут Элена, — сказала она. — Входи и познакомься с остальными.

— Да, — ворчливым тоном поддержал Маттио, — пойдем с нами, Баэрд. Добро пожаловать в мой дом.

На этот раз она услышала в его голосе обиду, хотя он пытался ее скрыть. Она внутренне вздрогнула, он ей нравился, нравились его сила и его щедрость, и ей очень не хотелось причинить ему боль. Но порывы ее души едва ли удалось бы погасить даже при свете дня.

Кроме того, у нее уже возникли серьезные сомнения, когда они вчетвером повернулись ко входу, принесет ли ей радость то, что с ней только что произошло. Принесет ли ей радость этот незнакомец, который пришел к ней из темноты в ответ на сон Донара или вызванный этим сном.

* * *

Баэрд посмотрел на чашку, которую женщина по имени Каренна только что дала ему в руки. Чаша была сделана из некрашеной глины, шершавая на ощупь, треснувшая с одного края. Он перевел взгляд с Каренны на Донара, старого калеку — старейшину, как они его называли, — потом на бородатого мужчину, потом на вторую девушку, Элену. Когда она на него смотрела, ее лицо странно светилось, даже в полумраке этого дома, и он отвернулся: это было нечто — может быть, единственное, — с чем он не мог справиться. Ни сейчас, а возможно, и никогда в жизни. Он окинул взглядом собравшихся. Их было семнадцать. Девять мужчин, восемь женщин, все держали в руках чашки и ждали его. На месте встречи будут ждать другие, сказал Маттио. Сколько еще, они не знали.

Баэрд знал, что поступает безрассудно. Его увлекли за собой власть ночи Поста, сбывшийся сон Донара и то, что его ждали. И, если быть честным перед самим собой, выражение глаз Элены, когда он подошел к ней. Это было искушением судьбы, он редко так поступал.

Но сейчас он поступал именно так или собирался поступить. Он подумал об Алессане: сколько раз он упрекал его или подшучивал над принцем, его братом по духу, за то, что тот позволял любви к музыке увлечь его на опасную тропу. Что сказал бы Алессан теперь или острая на язык Катриана? Или Дэвин? Нет, Дэвин ничего бы не сказал: он бы наблюдал, внимательно и сосредоточенно, и сделал бы собственные выводы в свое время. А Сандре обозвал бы его дураком.

Возможно, так и есть. Но что-то глубоко в его душе отозвалось на произнесенные Донаром слова. Он носил свою «сорочку» в кожаном мешочке всю жизнь — мелкое, тривиальное суеверие. Оберег, не дающий утонуть, так ему сказали, когда он еще был ребенком. Но здесь это значило нечто большее, и чашка, которую он держал в руках, означала признание им этого факта.

«Почти двадцать лет», — сказал Маттио.

«Иные с запада», — сказал Донар.

Это может почти ничего не значить, или значить очень много, или вообще ничего, или все.

Он взглянул на женщину, Элену, и выпил содержимое чашки до дна.

Напиток оказался горьким, убийственно горьким. На ка-

кое-то мгновение его охватила паника, иррациональный страх, он подумал, что погиб, его отравили, он стал кровавым жертвоприношением в каком-то неведомом весеннем обряде последователей Карлози.

Потом увидел гримасу отвращения на лице Каренны, когда та выпила свою чашку, и как Маттио передернулся от мерзкого вкуса, и паника прошла.

Длинный стол убрали — сняли крышку с козел. В комнате расставили лежанки, чтобы они могли лечь. Элена подошла к нему и жестом показала на одну из них. Было бы невежливо отказаться. Он прошел с ней к одной из стен и лег туда, куда она ему указала. Она молча села на стоящую рядом лежанку.

Баэрд подумал о сестре, перед его взором возникла ясная картинка, как они с Дианорой идут, взявшись за руки, по темной и тихой дороге, только они вдвоем в целом мире.

Мельник Донар сел на лежанку по другую сторону от Баэрда. Он прислонил костыли к стене и лег на матрас.

— Оставь свой меч здесь, — сказал он. Баэрд поднял брови. Донар загадочно улыбнулся невеселой улыбкой. — Там, куда мы отправимся, он бесполезен. Мы найдем оружие в полях.

Баэрд еще секунду поколебался; потом, осознавая еще большее безрассудство, мистическое безумие, которое не мог объяснить, снял через голову ножны и положил их у стены рядом с костылями Донара.

— Закрой глаза, — услышал он рядом с собой голос Элены. — Так легче. — Ее голос казался странно далеким. То, что он выпил, начинало действовать. — Это похоже на сон, — продолжала она, — но это будет не сон. Пусть земля дарует нам свою милость, а небо — свет.

Это было последнее, что услышал Баэрд.

Это был не сон. Чем бы это ни было, но не сном, так как никакой сон не мог быть настолько живым, никакой ветер во сне так не обжигал бы лицо.

Он стоял в открытом поле, широком, вспаханном и темном, пахнущем весенней почвой, и совсем не помнил, как здесь очутился. Вместе с ним в поле находилось много людей — сотни две, или больше, — и он никого из них тоже не помнил. Наверное, они пришли из других деревень горной страны, собравшись в других домах, похожих на дом Маттио.

Освещение было странным. Он посмотрел вверх.

И увидел, что луна в небе круглая, большая и полная, и она была зеленой, как первая золотисто-зеленая трава весной. Она ярко сияла среди звезд, образующих созвездия, которых он никогда не видел. Он круто обернулся, у него закружилась голова, он потерял ориентацию, сердце его сильно билось, он искал на небе знакомые очертания. Посмотрел на юг, туда, где должны были возвышаться горы, но, сколько хватало глаз, в зеленом свете видны были лишь ровные поля, уходящие к горизонту, некоторые вспаханные, некоторые полные созревших летних колосьев, хотя ведь сейчас должна быть весна. Никаких гор. Никаких заснеженных пиков, перевала Брачио с Квилеей за ним. Он повернулся в другую сторону. Никакого замка Борсо ни на севере, ни на востоке. Или на западе?

Запад. С внезапным дурным предчувствием он повернулся и взглянул туда. Низкие холмы поднимались и опускались бесконечной чередой. И Баэрд увидел, что на этих холмах не растут ни деревья, ни трава, ни цветы, ни кустарник, они стоят голые, пустые, безжизненные.

— Да, посмотри туда, — произнес у него за спиной низкий голос Донара, — и ты поймешь, почему мы здесь. Если мы проиграем сегодня сражение, поле, на котором мы стоим, на следующий год, когда мы вернемся, будет столь же безжизненным, как и те холмы. Теперь Иные спустились на эти плодородные поля. В прошлые годы мы потерпели поражение в битвах за те холмы. Сейчас мы сражаемся на равнине, и если так будет продолжаться, в одну из ночей Поста наши дети или дети их детей очень скоро будут стоять спиной к морю и проиграют последнюю битву в нашей войне.

— И тогда? — Глаза Баэрда все еще были прикованы к западу, к серым, каменистым останкам холмов.

— И тогда весь урожай погибнет. Не только здесь, в Чертандо. И люди умрут. От голода или от чумы.

— По всей Ладони? — Баэрд не мог оторвать взгляда от этой картины запустения. Ему представился безжизненный мир, похожий на этот. Он содрогнулся. Это было ужасно.

— На Ладони, и дальше, Баэрд. Не надо заблуждаться, это не местная стычка, не битва за маленький полуостров. За весь этот мир, а может, и не только за этот, потому что говорят, что наш мир — не единственный среди рассыпанных Богами по времени и пространству миров.

— Так учил Карлози?

— Так учил Карлози. Если я правильно понимаю его уче-

ние, наши беды здесь связаны с еще большими опасностями в других местах; в мирах, которых мы никогда не видели и не увидим, разве что во сне.

Баэрд покачал головой, все еще глядя на холмы на западе.

— Для меня это слишком далеко. Слишком сложно. Я умею работать с камнем, иногда я купец, я научился за много лет драться, против своей воли и вопреки своим наклонностям. Я живу на полуострове, который захватили враги из-за моря. Вот тот уровень зла, который я могу постичь.

Он отвернулся от западных холмов и посмотрел на Донара. И, несмотря на то что они заранее его предупредили, широко раскрыл от изумления глаза. Мельник стоял на двух здоровых ногах; его седые, редеющие волосы стали густыми и темно-каштановыми, как у самого Баэрда, он стоял, расправив широкие плечи, с высоко поднятой головой, мужчина в полном расцвете сил.

К ним подошла женщина, и Баэрд узнал Элену, потому что она не сильно изменилась. Только здесь она выглядела старше, менее хрупкой; ее волосы стали короче, но сохранили цвет белого золота, несмотря на странное освещение. Глаза ее были густо-синие.

— Твои глаза были такого же цвета час назад? — спросил он.

Она улыбнулась, радостно и смущенно.

— Прошло уже больше часа. И я не знаю, как выгляжу в этом году. Каждый раз что-то меняется. А какого они сейчас цвета?

— Синие. Необыкновенно синие.

— Ну, тогда — да, они всегда были синими. Возможно, не необыкновенно синими, но синими. — Ее улыбка стала шире. — Сказать тебе, как ты выглядишь? — В ее голосе звучала неуместная легкость. Даже на губах Донара играла насмешливая улыбка.

— Скажи.

— Ты выглядишь мальчиком, — ответила она с легким смехом. — Четырнадцатилетним мальчиком, без бороды, слишком худым, с гривой каштановых волос, которые мне бы хотелось подстричь, если бы только представилась такая возможность.

Баэрд почувствовал, как его сердце застучало, словно молот, в груди. Казалось, оно на мгновение замерло, а потом снова принялось трудолюбиво стучать. Он резко отвернулся от остальных и посмотрел на свои руки. Они действительно выглядели иначе. Более гладкими, менее морщинистыми. И шрам от удара кинжала, который он получил в Тригии пять лет назад, исчез. Он закрыл глаза, его внезапно охватила слабость.

— Баэрд? — произнесла за его спиной Элена озабоченным голосом. — Прости. Я не хотела.

Он покачал головой. Попытался заговорить, но обнаружил, что не может. Ему хотелось успокоить ее и Донара, сказать, что все в порядке, но, кажется, он плакал, как это ни было невероятно, плакал впервые почти за двадцать лет.

В первый раз после того года, когда он был четырнадцатилетним мальчиком, которого не пустили на войну по распоряжению принца и собственного отца. Запретили сражаться и умереть вместе с ними на красных берегах Дейзы, где померкло сияние жизни.

— Успокойся, Баэрд, — услышал он голос Донара, низкий и добрый. — Успокойся. Здесь все странно.

Потом женские руки на мгновение опустились ему на плечи, а потом обвились вокруг него и сомкнулись на его груди. Она прижалась щекой к его спине, и так его обнимала, сильная, щедрая, полная сочувствия, пока он плакал, закрыв лицо руками.

Над ними светила полная золотисто-зеленая луна, а вокруг них раскинулись вспаханные, или только что засеянные поля, или полные спелых колосьев еще до срока посева, или совершенно голые, пустынные и мертвые — на западе.

— Они идут, — произнес кто-то, подходя к ним. — Смотрите. Нам надо взять наше оружие.

Он узнал голос Маттио. Элена отпустила его и отступила назад. Баэрд вытер глаза и снова взглянул на запад.

И тут он увидел, что ночь Поста дарит ему еще один шанс. Шанс исправить огромную несправедливость, которая произошла в то лето, когда ему было четырнадцать лет.

С запада по холмам, еще очень далеко, но неестественно четко различимые в неестественном свете, наступали Иные, и все они были одеты в форму Играта!

— О Мориан! — прошептал он, резко втягивая воздух.

— Что ты видишь? — спросил Маттио.

Баэрд обернулся. Маттио стал более худым, его черная борода была подстрижена иначе, но он остался почти таким же.

— Игратян, — ответил он высоким от возбуждения голосом. — Солдат короля Играта. Возможно, вы их никогда здесь не видели, но именно они и есть ваши Иные.

Маттио вдруг задумался. Он покачал головой, но заговорил Донар:

— Не обманывайся, Баэрд. Помни, где мы и что я тебе ска-

зал. Ты находишься не на полуострове, и это не сражение того дня против захватчиков из-за моря.

— Я их вижу, Донар. Я знаю, что я вижу.

— А если я тебе скажу, что вижу там уродливых чудовищ, серо-коричневых, обнаженных и безволосых, пляшущих и совокупляющихся друг с другом, и они насмехаются над нашей малочисленностью?

— А для меня Иные выглядят по-другому, — резко, почти сердито произнес Маттио. — Они большие, больше человека, и мех на их спинах переходит в хвост, как у горных котов. Они ходят на двух, но на передних лапах, у них есть когти, а в пасти острые, как бритва, зубы.

Баэрд снова резко обернулся, с сильно бьющимся сердцем, и посмотрел на запад в призрачном, мерцающем зеленом свете. Но все равно увидел, как с холмов стекает лавина солдат с оружием в руках: с игратскими мечами, пиками и кривыми кинжалами.

Он повернулся к Элене, его охватывало отчаяние.

— Мне не хочется рассказывать о том, что я вижу, — пробормотала она, опуская глаза. — Они меня слишком пугают. Но это не то, что видишь ты, Баэрд. Поверь мне. Поверь нам. Ты можешь видеть Иных в обличье ненавистных тебе врагов, но это не битва из дневного мира.

Он яростно покачал головой, отметая ее доводы. Кровь кипела в его жилах, он чувствовал небывалый подъем. Иные приближались, сотни Иных стекали с холмов.

— Я всегда сражаюсь в одной и той же битве, — ответил ей Баэрд. Ей и двум мужчинам. — Всю мою жизнь. И я знаю, что вижу. Могу вам сказать, что мне сейчас пятнадцать лет, не четырнадцать, не то я не смог бы оказаться здесь. Мне бы не позволили. — Внезапно ему пришла в голову мысль. — Скажите, к западу от нас протекает река, там, куда они сейчас спускаются?

— Да, — ответил Донар. — Ты хочешь сражаться там?

По жилам Баэрда теперь струилось красное, яростное ликование, дикое и неуправляемое.

— Хочу, — ответил он. — О да, хочу. Маттио, где мы найдем оружие?

— Там. — Маттио показал рукой на юго-восток, на небольшое поле неподалеку, где росли высокие колосья пшеницы, бросая вызов времени года. — Пойдем. Они уже скоро доберутся до твоей реки.

Баэрд не ответил. Он молча пошел за Маттио. Элена и Донар шли за ними. Другие мужчины и женщины уже стояли на этом поле, и Баэрд видел, что они наклоняются и срывают колосья, которые станут их оружием в эту ночь. Это было жутко, невероятно, но он уже начал правильно оценивать это место, понимать действующие здесь чары, и частица его сознания, работающая вне суровой логики дня, понимала, что высокий желтый колос, такой хрупкий, был единственно возможным оружием сегодня ночью. Они будут сражаться за поля с колосьями в руках.

Он вместе с остальными шагнул на поле, осторожно выбирая, куда ступить, нагнулся и ухватился за стебель. Стебель легко, даже охотно, отделился и остался у него в руке в эту зеленую ночь. Баэрд снова вышел на вспаханную землю, взвесил колос в руке, осторожно взмахнул им и увидел, что стебель уже застыл, словно кованый клинок. Он с острым свистом вспарывал воздух. Баэрд провел по нему пальцем, и на коже выступила кровь. Стебель стал острее, чем любой из мечей, которыми ему доводилось сражаться, и удобно лег в руку, у него было много лезвий, как у сказочных клинков Квилеи много столетий назад.

Баэрд посмотрел на запад. Игратяне спускались с ближайшего холма. Он видел блеск их оружия в лунном свете. Это не сон, сказал себе Баэрд. Не сон.

Рядом с ним стоял Донар, суровый и непоколебимый. Маттио стоял за ними, на его лице читался страстный вызов. Мужчины и женщины собирались за их спинами и вокруг них, и у всех в руках были мечи из колосьев, и все выглядели одинаково: суровыми, решительными и бесстрашными.

— Пойдем? — спросил Донар, поворачиваясь к ним. — Пойдем и сразимся с ними за поля и за наш народ? Вы пойдете со мной на битву?

— За поля! — закричали Ночные Ходоки и подняли свои живые мечи к небу.

То, что крикнул Баэрд бар Саэвар, прозвучало только в его сердце, не вслух, но он бросился вперед вместе со всеми, держа в руке колос, как длинный меч, и стал сражаться под бледно-зеленой луной этого заколдованного места.

Когда Иные, серые, чешуйчатые, слепые, кишащие личинками создания, погибали, то крови никогда не было. Элена понимала, почему это так, Донар много лет назад объяснил ей: кровь означала жизнь, а их ночные противники были врагами

любой формы жизни, ее полной противоположностью. Когда они падали под ударами меча из колоса, из них ничего не вытекало, ничего не просачивалось в землю.

Их было так много. Их всегда было много, они кишели серой массой, стекающей вниз с холмов в реку, возле которой заняли позицию Донар, Маттио и Баэрд.

Элена приготовилась к сражению среди громкого, кипящего, зеленого хаоса этой ночи. Она боялась, но знала, что может справиться со страхом. Она помнила, как смертельно испугалась в своем первом бою, недоумевая, как она — она, которая едва могла поднять меч в дневном мире, — сможет сражаться против таких отвратительных созданий, похожих на кошмарный сон.

Но Донар и Верзар успокоили ее: здесь, в зеленой волшебной ночи, имели значение душа и сила духа, здесь мужество и страсть придавали форму и силы телам, в которых они оказались. Элена ощущала в себе подобную силу в ночь Поста, она становилась гораздо более гибкой и быстрой. Это тоже ее в первый раз испугало и пугало потом: под этой зеленой луной она могла убивать. Ей пришлось примириться с этой мыслью, приспособиться к ней. Им всем приходилось — в той или иной степени. Ни один из них не остался точно таким же, каким был под солнцем и двумя лунами у себя дома. Тело Донара в ночь сражения с каждым годом все больше приобретало прежний, давно утраченный облик.

Точно так же Баэрд явно вернулся в свое прошлое, гораздо дальше, чем можно было предполагать или ожидать. Он сказал — пятнадцать. Не четырнадцать, иначе ему бы не позволили участвовать. Этого она не понимала, но у нее не оставалось времени на разгадывание головоломки. Иные уже переходили через реку, они пытались выйти на берег, отвратительные создания, придуманные ее воображением.

Элена увернулась от сокрушительного удара боевого топора, нанесенного чудовищем, с которого текла вода, пока оно карабкалось на берег, приближаясь к ней, сжала зубы и нанесла смертельный удар сверху с точностью и силой, которую никогда в себе не подозревала. Почувствовала, как ее клинок, ее живой меч, с хрустом пробил чешуйчатую броню и погрузился в кишащую личинками плоть врага.

Она с усилием выдернула оружие, ей было ненавистно убийство, но еще больше она ненавидела Иных, неизмеримо больше. Элена обернулась и едва успела отразить другой удар сверху,

потом отступила на шаг под натиском двух новых тварей с открытыми пастями, наступающих справа. Подняла меч в отчаянной попытке отразить их удары.

Внезапно перед ней остался только один из двух Иных. Потом ни одного.

Она опустила меч и посмотрела на Баэрда. На своего незнакомца с дороги, на обещание, которое дала ей эта ночь. Он мрачно улыбнулся ей, стоя над телами только что убитых им Иных. Он улыбнулся, он спас ей жизнь, но ничего не сказал ей. Повернулся и двинулся вперед, к берегу реки. Она смотрела ему вслед, видела, как его мальчишеское тело устремилось в самую гущу боя, и не знала, то ли поддаться приливу надежды, внушенной его мастерством убивать, то ли горевать из-за выражения его слишком юных глаз.

И снова на подобные мысли времени не было. Река теперь кипела и бурлила, взбаламученная телами Иных, входящих в нее. Крики боли, вопли ярости и гнева вспарывали зеленую ночь, словно клинки. Она увидела Донара южнее у берега. Он размахивал мечом, держа его двумя руками, и описывал им круги. Увидела рядом с ним Маттио, рубящего и колющего, прочно стоящего среди упавших тел, непоколебимого в своем мужестве. Вокруг нее Ночные Ходоки Чертандо бросались в кипящий котел битвы.

Элена видела, как упала одна женщина, потом вторая, зарубленная многочисленными тварями с запада. Тут она сама закричала, от ярости и отвращения, и бросилась обратно к краю воды, туда, где стояла Каренна, размахивая мечом, и кровь Элены — кровь, которая означала жизнь, и обещание жизни, — вскипела от желания прогнать их. Прогнать Иных сейчас, этой ночью, а потом опять, через год, и после этого, и снова и снова в каждую из ночей Поста, чтобы весенний сев принес плоды, чтобы земля смогла дать щедрый урожай осенью. В этом году, и в следующем, и еще через год.

Посреди этого хаоса, шума и движения Элена взглянула вверх. Она проверяла, как высоко поднялась все еще восходящая луна, а потом не сдержалась и бросила взгляд на ближайший из мертвых холмов за рекой. Предчувствие беды стиснуло ее сердце, но там никого не было. Пока никого.

Но он появится. Она была почти уверена в этом. И что тогда? Она прогнала от себя эту мысль. Что случится, то случится. Вокруг нее кипел бой, здесь и сейчас, и перед ней было более

чем достаточно ужасных Иных, которые бросались в реку на одном берегу и выходили из нее на другом.

Элена заставила себя отвернуться от вершины холма и ударила сверху вниз, изо всех сил, чувствуя, как ее меч вонзился в шершавое плечо. Услышала, как Иной издал мокрый, хлюпающий звук. Элена выдернула меч и едва успела отпрыгнуть влево и парировать удар сбоку, стараясь удержаться на ногах. Свободная рука Каренны поддержала ее сзади; у нее не было времени даже бросить взгляд, но она и так знала, кто это.

Под неведомыми звездами, под зеленым светом луны царили безумие и хаос; крики и вопли раздавались повсюду, берег реки стал скользким и опасным. Иные были мокрыми и серыми, на них чернели паразиты и открытые раны. Элена стиснула зубы и сражалась, ее душа руководила подаренным ночью Поста грациозным телом, а колос, который был ее мечом, жил собственной жизнью в смертоносном танце. Казалось, эта жизнь таится в нем самом, а не только исходит от нее. Ее покрывали брызги грязи и воды, и она была уверена, что крови тоже, но не хватало времени проверить, теперь больше ни на что не хватало времени, только парировать удары, наносить их, рубить и стараться удержаться на крутом берегу реки, потому что упасть означало погибнуть.

Во время редких, похожих на галлюцинации проблесков сознания она видела рядом с собой Донара и некоторое время Каренну. Потом заметила, как Донар вместе с горсткой людей отходит в сторону, чтобы остановить движение на юг. В какой-то момент слева от нее возник Баэрд, защищая ее открытый фланг, но когда она снова взглянула — теперь луна уже поднялась высоко, — то увидела, что он ушел.

Элена поняла, куда именно. Он стоял в реке, не хотел ждать, пока Иные подойдут к нему. Он атаковал их в воде, выкрикивая бессвязные слова, которые она не понимала. Он был худеньким, юным, и очень красивым, и смертельно опасным. Элена видела у его ног нагромождение тел Иных, словно серая тина запрудила течение реки. Он видит их другими, она знала это. Он рассказал им, что видит: солдат Играта, Брандина, тирана с запада.

Его меч двигался так быстро, что его почти не было видно, он словно расплывался в воздухе. Баэрд стоял по колено в воде, как дерево, пустившее корни, Иные не могли заставить его отступить и старались обойти, пытались пробраться в обход собственных мертвецов, чтобы переправиться ниже по течению.

Он теснил их прочь, один сражался в воде, и лунный свет странно играл на его лице и странно отражался от живого стебля, его меча, и он был пятнадцатилетним мальчиком. Всего лишь. Душа Элены болела за него, хотя теперь она сражалась с навалившейся на нее усталостью.

Она приказала себе не отступать, не сходить с места к северу от него, на топком берегу. Каренна теперь находилась дальше к югу по реке, сражалась рядом с Донаром. Двое мужчин и одна женщина из другой деревни подошли и встали рядом с Эленой, и они вчетвером бились за полоску скользкой земли, стараясь действовать согласованно, как один человек.

Они не были воинами, не были обучены бою. Они были крестьянами, мельниками и кузнецами, ткачами, каменщиками, служанками, козьими пастухами с хребта Брачио. Но каждый из них родился в «сорочке», в горных районах, и с детства был предназначен для учения Карлози и для сражений в ночь Поста. И под зеленой луной, которая уже прошла высшую точку на небе и теперь садилась, страсть души научила их руки защищать жизнь с помощью мечей, в которые превратились высокие колосья.

Потом настал такой момент, среди суматохи и неистовства, среди шума, неясных очертаний и яростной схватки у реки, когда Элена и ее трое соратников смогли передохнуть. Она на секунду подняла глаза и увидела, что врагов в реке становится меньше. Что Иные беспорядочно кружатся в панике к западу от реки. Увидела, как Баэрд еще глубже вошел в воду, уже по бедра, и кричит, призывая к себе врагов, проклинает их голосом, настолько полным муки, что его едва возможно узнать.

Элена едва стояла на ногах. Она оперлась на меч, судорожными всхлипами втягивая в себя воздух, совершенно обессиленная. Огляделась и увидела, что один из мужчин, который сражался рядом с ней, упал на колено, схватившись за правое плечо. Из ужасной рваной раны текла кровь. Она опустилась на колени рядом с ним, слабыми руками пытаясь оторвать от своей одежды полоску, чтобы перевязать его. Но он ее остановил, прикоснувшись к ее плечу, и молча показал на противоположную сторону реки. Она посмотрела туда, куда он показывал, на запад, и ее снова охватил страх. В это мгновение призрачной победы Элена увидела, что вершина ближайшего холма уже не была пустой. Там что-то стояло.

— Смотрите! — в этот момент закричал чей-то голос ниже по течению. — Он опять с ними! Мы погибли!

Другие голоса подхватили этот крик по всему берегу, в горе, в ужасе, в леденящем страхе, потому что все они теперь увидели, что тень опять появилась. В самых мрачных глубинах души Элена знала, что он придет.

Как почти всегда в эти последние годы. В последние пятнадцать, двадцать лет; а до этого никогда, как сказал Донар. Когда луна начинала садиться, полная и зеленая, именно в тот момент, когда казалось, что им, возможно, удастся отбросить Иных назад, появлялась эта темная фигура. Она стояла, окутанная туманом, словно саваном, за боевыми порядками врагов.

Именно эта фигура выходила вперед, как видели Ходоки в годы своих поражений, когда они отступали, отброшенные назад. Именно эта фигура появлялась в самых жарких местах боя, на потерянных полях, и заявляла на них свои права. И там, где она ступала по земле, распространялись гибель, болезни, запустение.

Теперь этот призрак стоял на опустевших холмах к западу от реки, вокруг него клубился туман. Элена не различала его лица, никому из них этого не удавалось, но она увидела сквозь дым и тьму, как он поднял руки, и протянул их к ним, и тянулся, тянулся к Ходокам на берегу реки. И в это время Элена ощутила, как ледяное копье внезапно пронзило ее сердце, ужасный, вызывающий оцепенение холод. Ноги ее задрожали. Она видела, что ее руки тоже трясутся, и ей казалось, что она ничего не может сделать, совсем ничего, чтобы сохранить в себе мужество.

На том берегу реки Иные, его армия, или его союзники, или аморфные проекции его духа, увидели, как он протянул руки в сторону поля боя. Элена услышала их внезапно раздавшиеся яростные и восторженные вопли; увидела, как они собираются к западу от реки, чтобы снова напасть на них. И вспомнила, измученная, обессиленная, с мрачным отчаянием в сердце, что именно так все происходило в прошлом году, и в позапрошлом, и за год до того. Ее душа заныла от предчувствия неизбежного поражения, но одновременно она старалась найти способ заставить свое измученное тело встретить еще одну атаку.

Маттио оказался рядом с ней.

— Нет! — ахнул он с безнадежной настойчивостью, вслепую борясь с мощью этой фигуры на холме. — Только не в этот раз! Нет! Пусть они убьют меня! Только не отступать снова!

Элена увидела, что он истекает кровью и еле говорит. В его правом боку зияла рана, вторая была на ноге. Когда он выпрямился и зашагал вдоль реки, она увидела, что он хромает. Но он

все же двигался вперед, даже перед лицом того, что им грозило. Из пересохшего горла Элены вырвалось рыдание.

А Иные снова наступали. Раненый мужчина рядом с ней неуклюже поднялся на ноги, держа меч в левой руке, а правая бесполезно повисла вдоль туловища. Дальше на берегу она увидела других мужчин и женщин, также серьезно раненных. Но все они стояли, подняв свои мечи. Элену переполнили любовь и гордость, граничащие с болью, когда она увидела, что Ночные Ходоки не собираются отступать. Ни один из них. Они были готовы удержать эту землю или хотя бы попытаться. А некоторые из них умрут, она это знала, многие умрут.

Затем Донар оказался рядом с ней, и Элена вздрогнула, увидев выражение его бледного лица.

— Нет, — произнес он. — Это безумие. Мы должны отступить. У нас нет выбора. Если мы потеряем слишком многих сегодня ночью, следующей весной будет еще хуже. Я вынужден выиграть время в надежде на нечто, что изменит ход событий.

Эти слова прозвучали так, будто их силой вырывали у него из горла.

Элена заплакала — от усталости и от всего остального. И когда она кивнула из пропасти своей усталости, стараясь показать Донару свое понимание, желая облегчить его боль, когда Иные снова приблизились, торжествующие, отвратительные, полные сил, она вдруг осознала, что Баэрда нет рядом с ними на берегу. Она резко обернулась к реке, поискала его глазами и увидела чудо.

У Баэрда не было никаких сомнений. В то самое мгновение, когда на черном холме появилась окутанная туманом фигура, он понял, что это такое. Каким-то странным образом он знал это еще до ее появления. Именно поэтому он здесь, понял Баэрд. Донару это неизвестно, но именно поэтому старейшине приснился сон, что к ним кто-то придет, поэтому дорога привела Баэрда в эту ночь к дому, у которого стояла Элена, поджидая его. Казалось, это произошло уже очень давно.

Он не мог ясно разглядеть фигуру, но это не имело значения, никакого значения. Он знал, что происходит. Словно все горести, уроки и усилия его жизни, их жизни с Алессаном, привели его к этой реке, под этой зеленой луной, чтобы здесь нашелся человек, который будет точно знать, что за фигура стоит на черном холме и какова природа ее силы. Силы, которую

Ночные Ходоки не могли преодолеть, потому что не могли понять.

Он услышал за своей спиной всплеск и интуитивно понял, что это Маттио. Не оборачиваясь, он протянул ему свой странный меч. Иные — игратяне, вызванные его ненавистью, — снова скапливались на западном берегу.

Он не обращал на них внимания. Они были всего лишь орудиями. В данный момент они не имели никакого значения. Им уже нанесло поражение мужество Донара и Ходоков; сейчас лишь туманная фигура на холме имела значение, и Баэрд знал, как с ней справиться. Для этого не понадобятся мечи, даже эти мечи из колосьев. Это уже в прошлом.

Он сделал глубокий вдох, поднял руки и вытянул их в сторону туманной фигуры на холме, точно так же, как эта фигура протягивала руки к ним. И громко крикнул в этой странной ночи, с сердцем, до краев переполненным старым горем и уверенностью молодости, сознавая, что Алессан произнес бы эти слова лучше, но понимая, что теперь это его задача, раз он знает, что надо делать:

— Сгинь! Мы тебя не боимся! Я знаю, кто ты и в чем заключается твоя сила! Сгинь, не то я назову твое имя и разрушу твою власть — ведь мы оба знаем, какой силой обладают имена этой ночью!

Постепенно на другом берегу реки затихли хриплые вопли, как и шепот Ходоков. Стало очень тихо, смертельно тихо. Баэрд слышал трудное, болезненное дыхание Маттио прямо у себя за спиной. Но не оглянулся. Он ждал, стараясь проникнуть взглядом сквозь туман, который укутывал фигуру на холме. И ему показалось, и сердце забилось сильнее, что ее поднятые руки слегка опустились.

Больше он не стал ждать.

— Сгинь! — снова крикнул он еще громче, теперь в его голосе звенела уверенность. — Я сказал, что знаю тебя, и я говорю правду. Ты — дух этих захватчиков. Ты — присутствие на полуострове Играта и Барбадиора, обоих! Ты — тирания на землях, некогда бывших свободными. Ты — поругание и гибель этих полей. Ты использовал свои чары на западе для осквернения, для уничтожения имени. Твоя мощь — это сила тьмы и тени под этой луной, но я тебя знаю и могу назвать твое имя, и все твои тени исчезнут!

Он произносил эти приходящие к нему слова и видел, что в них заключается правда! Это происходило. Он видел, как рвется

и уплывает туман, словно подхваченный ветром. Но даже среди радости что-то его сдерживало: он понимал, что победа одержана только здесь, только в этом нереальном месте. Его сердце одновременно было переполненным и опустошенным. Баэрд вспомнил о своем отце, погибшем у Дейзы, о матери, о Дианоре, и его руки словно окаменели, а за спиной нарастал изумленный ропот надежды.

Маттио что-то говорил сдавленным шепотом. Баэрд понял, что это молитва.

Иные в беспорядке топтались на западном берегу реки. Баэрд стоял неподвижно, с вытянутыми вперед ладонями, с кипящим сердцем, и видел, как окутывающие их предводителя тени поднимались и вытягивались, как их сдувало за гребень холма. В какой-то момент Баэрду показалось, что он ясно видит эту фигуру. Ему показалось, что он видит бородатого стройного человека среднего роста, и он понял, который из тиранов перед ним. И при виде него в душе Баэрда что-то взлетело и выплеснулось на поверхность, подобно волне, омывшей его сердце.

— Меч! — прохрипел он. — Быстро!

И протянул руку назад. Маттио вложил меч в его руку. Стоящие перед ним Иные начали отступать, сначала медленно, потом быстрее и внезапно побежали. Но это даже не имело значения, никакого значения.

Баэрд смотрел на фигуру на холме. Он увидел, как последние тени унеслись прочь, и снова возвысил голос, выплеснул в крике страсть своей души:

— Останься! Если ты — игратянин, если ты действительно чародей из Играта, ты мне сейчас нужен! Останься, подожди меня, я иду! Во имя моего дома и моего отца — я иду к тебе! Я — Баэрд бар Саэвар!

Продолжая выкрикивать слова вызова, он бросился в воду, как безумный, поднимая брызги, бегом преодолел реку и выбрался на противоположный берег. Сквозь подошвы мокрых сапог мертвая земля казалась ему льдом. Он понял, что ступил на почву, где нет места жизни, но сегодня ночью, сейчас, перед лицом стоящей на холме фигуры, это тоже не имело значения. И если он погибнет, это тоже не имеет значения.

Армия Иных бежала, бросая на бегу оружие. Никто не мог его перехватить. Он снова посмотрел вверх. Луна садилась с неестественной быстротой. Казалось, сейчас она стоит, огромная и круглая, на самой вершине черного холма. Стоящая там фигу-

ра вырисовывалась силуэтом на фоне зеленой луны; тени исчезли, он видел ее почти ясно через разделяющие их мертвые поля.

Тут Баэрд услышал насмешливый хохот, словно в ответ на названное им свое имя. Это был смех из его снов, смех солдат в год падения. Продолжая смеяться, ничуть не торопясь, фигура-тень повернулась и шагнула вниз с вершины холма на запад.

Баэрд пустился бежать.

— Баэрд, подожди! — услышал он сзади крик женщины, Каренны. — Ты не должен находиться на пустынных землях, когда садится луна! Вернись! Мы победили!

Они победили. Но он не победил, что бы ни думали и ни говорили Ходоки горных районов. Его сражение, его и Алессана, так же далеко от завершения, как и до сегодняшней ночи. Что бы он ни сделал для Ночных Ходоков Чертандо, эта была не его победа и не могла ею быть. Сердцем он это понимал. И его враг, образ, созданный его ненавистью, тоже это понимал и смеялся над ним даже сейчас, после того, как исчез из виду за склоном невысокого холма.

— Останься! — снова крикнул Баэрд, и его юный, растерянный голос разорвал тишину ночи.

Он бежал, несся над мертвой землей, сердце его готово было разорваться от сознания, что он бежит слишком медленно. Он догнал отставших вражеских солдат и зарубил их на бегу, даже не замедляя шага. Это почти не имело значения, он сделал это ради Ходоков и битвы будущего года. Иные бросались от него врассыпную, освобождая путь к вершине холма. Баэрд добежал до склона и бросился наверх, выбирая, куда поставить ногу на холодной, голой земле. Потом, задыхаясь, сделал последний рывок.

И встал на вершине, точно на том месте, где прежде стояла фигура из тумана, и посмотрел на запад, на все опустевшие долины и погибшие холмы внизу, и ничего не увидел. Там никого не было, совсем никого.

Он быстро взглянул на север, потом на юг, грудь его вздымалась. Он увидел, что армия Иных тоже, казалось, полностью растаяла. Он резко обернулся на запад и тут понял.

Зеленая луна закатилась.

Он был один на этой пустоши, под ясным, высоким куполом сверкающих, чужих звезд, а час возвращения Тиганы не стал хоть на сколько-нибудь ближе. И его отец остался мертвым и никогда к нему не вернется, и его мать и сестра были мертвы или потерялись где-то в мире.

Баэрд опустился на колени на мертвом холме. Земля была холодной, как зима. Даже холоднее. Меч выскользнул из его внезапно онемевших пальцев. Он посмотрел на свои руки при свете звезд, на тонкие руки мальчика, которым он когда-то был, а потом закрыл лицо этими руками во второй раз за эту ночь Поста и зарыдал так, словно его сердце разрывалось сейчас, словно оно не разорвалось тогда, много лет назад.

Элена добралась до холма и начала подниматься на него. Она задыхалась от бега, но склон оказался не крутым. Маттио схватил ее за руку, когда она входила в реку. Он предостерег, что пребывание на мертвой земле после захода луны может привести к гибели, но Донар сказал, что теперь можно не бояться. Донар не мог сдержать улыбки с того момента, как Баэрд заставил уйти туманную фигуру с холма. На его лице застыло выражение изумленного ликования.

Большинство Ходоков вернулись, раненые и измученные, опьяненные триумфом, на то поле, где срывали свои колосья-мечи. С него они перенесутся домой перед восходом солнца. Так происходило всегда.

Тщательно избегая взгляда Маттио, Элена вброд перешла реку и двинулась вслед за Баэрдом. Она слышала за спиной начинающееся пение. Она знала, что происходит в укромных ложбинках, под покровом темноты на том поле, после победы в ночь Поста. От одной этой мысли сердце Элены забилось быстрее. Она догадывалась, что могло выражать лицо Маттио, пока она удалялась от него, переправляясь через реку. В душе Элена попросила у него прощения, но походка ее оставалась твердой, а затем, пройдя половину пути к холму, она пустилась бежать, внезапно испугавшись за человека, которого искала, и за себя, одинокую в этой огромной, темной пустоте.

Баэрд сидел на вершине холма, где ранее стояла туманная фигура на фоне заходящей луны, перед тем как исчезнуть. Он поднял голову, услышав ее шаги, и странное, испуганное выражение промелькнуло на его лице в освещенной звездами темноте.

Элена остановилась в нерешительности.

— Это всего лишь я, — сказала она, пытаясь отдышаться.

Он мгновение помолчал.

— Прости меня, — сказал Баэрд. — Я никого не ждал. На мгновение ты показалась мне очень похожей на нечто такое, что

я однажды видел, когда был еще мальчиком. Нечто, что изменило мою жизнь.

Элена не знала, что на это ответить. Прежде она думала только о том, чтобы добраться сюда. Теперь, когда она его нашла, то внезапно снова потеряла уверенность в себе. Она села на мертвую землю лицом к нему. Он смотрел на нее, но ничего больше не говорил.

Она глубоко вздохнула и храбро произнесла:

— Ты должен был кого-то ждать. Ты должен был знать, что я приду. — Она с трудом глотнула воздух, сердце ее сильно билось.

Долгое мгновение Баэрд сидел неподвижно, немного наклонив голову к плечу, словно прислушивался к эху ее слов. Затем улыбнулся. Улыбка осветила его юное, слишком худое лицо и пустые глаза раненого человека.

— Спасибо, — ответил он. — Спасибо тебе за это, Элена. — Он впервые назвал ее по имени.

Издалека, с пшеничного поля, доносилось пение. Над головой звезды горели невозможно ярко на черном небосводе.

Элена почувствовала, как загорелись ее щеки. Она опустила глаза, уходя от его прямого взгляда. Смущенно сказала:

— В конце концов, здесь, на мертвых землях, опасно, а тебе это не известно. Ведь ты не был здесь раньше. То есть с нами. Ты даже не знаешь, как попасть назад, домой.

— Я догадываюсь как, — серьезно ответил он. — Полагаю, у нас есть время до восхода солнца. И в любом случае, эти земли уже не мертвые. Мы их отвоевали сегодня ночью. Элена, посмотри на землю, по которой ты шла.

Она обернулась, посмотрела назад, и у нее перехватило дыхание от изумления и восторга: там, где она шла к этому холму, цвели белые цветы на только что бесплодной земле. На глаза ее навернулись слезы и полились по щекам, отчего все расплылось. Но она уже видела достаточно, она поняла. Это было ответом земли на то, что они совершили сегодня ночью. Эти хрупкие белые цветы, расцветающие под звездами, были самым прекрасным, что она видела в своей жизни.

Баэрд тихо сказал:

— Это ты сделала, Элена. Твое присутствие здесь. Ты должна научить этому Донара, Каренну и всех остальных. Когда вы сражаетесь в ночь Поста, дело не только в том, чтобы удержать линию обороны. Вы должны преследовать Иных и оттеснить их,

Элена. Можно вернуть земли, потерянные в боях много лет назад.

Она радостно кивала. Слышала в его словах эхо чего-то знакомого и давно забытого. И высказала вслух свои воспоминания:

— Земля никогда не умирает совсем. Она может вернуться. Иначе в чем смысл смены времен года и лет? — Элена вытерла слезы и посмотрела на него.

Выражение лица Баэрда в темноте было слишком печальным для такого момента. Она хотела бы найти способ развеять эту печаль, и не только на эту ночь. Он сказал:

— Наверное, это правда, в основном. Или правда для всего самого значительного. Менее значительное может умереть. Люди, мечты, дом.

Элена порывисто потянулась к нему и взяла его за руку. Рука была тонкой и красивой и лежала в ее ладонях спокойно, но неподвижно. Вдалеке, к востоку от реки, Ночные Ходоки пели песни, чтобы приветствовать и отпраздновать наступление весны, чтобы призвать благословение этого времени года на летний урожай. Элена всем сердцем желала стать мудрой и найти ответ на то, что так глубоко скрыто в душе этого человека и так его ранит.

— Если мы умираем, это часть круга, — сказала она. — Мы вернемся в другом облике.

Но это была мысль Донара, его манера выражаться, а не ее.

Баэрд молчал. Она смотрела на него, но не находила в себе слов, которые бы не прозвучали фальшиво или не принадлежали кому-то другому. Поэтому, думая, что это как-то поможет ему заговорить, она спросила:

— Ты сказал, что знаешь эту туманную фигуру. Откуда, Баэрд? Ты мне можешь сказать? — Ей доставляло странное, почти запретное удовольствие произносить его имя.

Тогда он улыбнулся ей доброй улыбкой.

— Донар сам обо всем догадался, и Маттио, и вы все. Вы терпели поражения двадцать лет, как мне сказали. Донар говорил, что я слишком прочно привязан к преходящим сражениям дня, помнишь?

Элена кивнула.

— Он не во всем ошибался, — продолжал Баэрд. — Я видел здесь солдат Играта, и, конечно, в действительности это были не они. Как бы страстно я этого ни желал. Но я тоже не во всем ошибался. — Впервые его рука сжала в ответ ее руку. — Элена,

зло питает само себя. А зло дня, пусть оно и преходяще, должно прибавлять силы тому, с чем вы сталкиваетесь здесь в ночь Поста. Иначе не может быть, Элена. Все связано между собой. Мы не можем позволить себе преследовать лишь собственные цели. Этому меня научил самый близкий друг. Тираны на нашем полуострове породили несправедливость, которая выходит за рамки вопроса о том, кто правит в данном году. И это зло выплеснулось на поле боя, где вы сражаетесь с Тьмой во имя Света.

— Тьма питает Тьму, — сказала она. Элена не знала, что заставило ее так сказать.

— Вот именно, — подтвердил Баэрд. — Именно так. Теперь я понимаю смысл ваших сражений здесь и насколько они отличаются от моих собственных сражений в дневном мире. Но это не означает, что между ними нет связи. В этом ошибка Донара. Правда все время стояла перед ним, только он не мог ее увидеть.

— А имя? — спросила Элена. — Какое отношение имеет к этому имя?

— Имя имеет к этому прямое отношение, — тихо ответил Баэрд. Он отнял у нее свою руку и провел ладонью по глазам. — Имена значат здесь, в этом магическом месте, даже больше, чем дома, где живем и умираем мы, смертные. — Он заколебался, потом помолчал, и это молчание было еще более глубоким на фоне пения вдали. Потом прошептал: — Ты слышала, как я назвал себя?

— Слышала, — подтвердила Элена. — Ты назвал себя Баэрд ди Тигана бар Саэвар.

И тогда, очень медленным, очень осторожным движением, Баэрд потянулся к ней и завладел ее рукой. Он поднес ее ладонь к губам, словно она была леди из горного замка, а не просто овдовевшая дочь колесного мастера из деревни у Борсо.

— Спасибо, — странным голосом произнес он. — Большое спасибо. Я думал, что сегодня ночью все может быть по-другому. Здесь.

Тыльную сторону ее ладони покалывало в том месте, где к ней прикоснулись его губы, а сердце вдруг забилось быстро и неровно. Стараясь сохранить самообладание, Элена спросила:

— Я не понимаю. Что я сделала?

Его печаль не исчезла, но теперь она, казалось, смягчилась и не так явственно проступала на лице. Он довольно спокойно ответил:

— Тигана — это имя той земли, которую у нас отняли. Ее потеря — часть того зла, которое приводило туманную фигуру

на этот холм и на все другие поля сражений в течение уже двадцати лет. Элена, ты этого не поймешь до конца, не сможешь, но поверь мне, что ты не смогла бы услышать название этой земли в своей деревне, при свете дня, под двумя лунами. Даже если бы я произнес его так же близко от тебя, как сейчас, или прокричал его громче, чем там, в волнах реки.

И теперь она наконец поняла. Не ту сложную историю, которую он пытался поведать ей, а то, что было для нее важнее: источник его горя, этого выражения его темных глаз.

— И Тигана — это твой дом, — сказала она. Это был не вопрос. Она знала.

Баэрд кивнул. Очень спокойно. Он все еще держит ее за руку, осознала Элена.

— Тигана — это мой дом, — повторил он. — Теперь люди называют ее Нижний Корте.

Элена долгое мгновение молчала, усиленно размышляя. Потом сказала:

— Ты должен поговорить с Донаром. Прежде, чем утро вернет нас назад. Возможно, он что-нибудь знает о подобных вещах или может как-то помочь. А он захочет помочь.

Что-то промелькнуло на его лице.

— Я так и сделаю, — ответил он. — Поговорю с ним прежде, чем уйду.

После этого они оба замолчали. «Прежде, чем уйду». Элена, как могла, гнала от себя эти слова. Она почувствовала, что у нее пересохло во рту, а сердце продолжало сильно биться, почти как во время битвы. Баэрд не двигался. Он выглядел таким юным. Пятнадцать лет, сказал он. Она отвела взгляд, снова охваченная неуверенностью, и увидела, что теперь вокруг них весь холм покрыт ковром белых цветов.

— Смотри! — воскликнула она с благоговением и радостью.

Баэрд огляделся и улыбнулся, от всего сердца.

— Это ты принесла их с собой, — сказал он.

Под ними, восточнее, на пшеничном поле за рекой, еще пели несколько голосов. Элена знала, что это означает. Сегодня первая ночь весеннего Поста. Начало года, начало цикла посева и сбора урожая. И сегодня ночью они выиграли битву. Она знала, что происходит между мужчинами и женщинами на том поле. Над головой звезды, казалось, спустились ниже, стали почти такими же близкими, как цветы вокруг.

Элена глубоко вздохнула и снова собрала свое мужество.

— Сегодняшней ночью все по-другому, не только это. Здесь.

— Я знаю, — тихо ответил Баэрд.

А потом он наконец-то поднялся и встал перед ней на колени среди всех этих юных белых цветов. Он отпустил ее руку, зато взял ее лицо в свои ладони, так осторожно, словно опасался, что она может сломаться или что его прикосновения могут причинить ей боль. Сквозь нарастающий стук сердца Элена услышала, как он прошептал ее имя, только один раз, словно это была молитва, и она еще успела ответить ему тем же: назвала его полное имя, как подарок, а потом его рот накрыл ее губы.

После этого Элена уже не могла говорить, так как на нее нахлынуло жгучее желание и унесло ее прочь, как щепку, как кусочек коры, подхваченный громадной набежавшей волной. Но Баэрд был с ней. Они были вместе, здесь, на холме, обнаженные, среди только что распустившихся белых цветов.

И когда Элена потянула его на себя и в себя, охваченная острой печалью и щемящей нежностью, она на мгновение подняла глаза и взглянула поверх его плеча на кружащиеся, сияющие звезды ночи Поста. И ее пронзила чудесная и радостная мысль: каждый звездный алмаз имеет свое имя.

Потом ритм движений Баэрда изменился, и вместе с ним в ней проснулась страсть, и все мысли разбежались от нее, как пыль, несущаяся среди этих звезд. Элена повернула голову, ее губы искали и нашли его рот. Она обняла плечи Баэрда и прижала его к себе. И высокая волна унесла их в начало весны.

Глава 12

Дэвин проснулся за час до рассвета от холода и оттого, что все тело у него затекло. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, где он находится. В комнате было еще темно. Он помассировал шею и прислушался к тихому дыханию Катрианы, доносящемуся из-под одеял. Его лицо на мгновение затуманилось.

Странно, размышлял он, ворочая головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от боли, почему после нескольких часов сна в мягком кресле чувствуешь себя еще больше разбитым и онемевшим, чем после целой ночи под открытым небом на холодной земле.

Тем не менее он ощущал себя на удивление выспавшимся, учитывая то, как он провел эту ночь и что спал не более трех часов. Он подумал, не вернуться ли в собственную кровать, но по-

нял, что не сможет уснуть. И решил спуститься на кухню посмотреть, не удастся ли уговорить слуг сварить ему горячего кава.

Он вышел из комнаты, стараясь бесшумно закрыть за собой дверь. И настолько сосредоточился на этой задаче, что невольно подпрыгнул, когда увидел Алессана, стоящего в коридоре у дверей своей комнаты и наблюдающего за ним.

Принц подошел к нему, высоко подняв брови.

Дэвин решительно покачал головой.

— Мы просто разговаривали. Я спал в кресле. Теперь у меня всю шею свело.

— Конечно, — пробормотал Алессан.

— Нет, правда, — настаивал Дэвин.

— Конечно, — повторил Алессан. И улыбнулся. — Я тебе верю. Если бы ты попробовал пойти дальше, я бы услышал вопли — твои, и, вероятнее всего, ты бы сильно пострадал.

— Очень может быть, — согласился Дэвин. Они пошли прочь от двери Катрианы.

— А как тебе Альенор?

Дэвин почувствовал, что краснеет.

— Откуда... — начал он, потом вспомнил, в каком состоянии его одежда. Алессан насмешливо разглядывал его.

— Интересно, — ответил он.

Алессан снова улыбнулся.

— Пошли со мной вниз и помоги решить одну проблему. Мне все равно надо выпить кружку кава на дорогу.

— Я как раз шел на кухню. Дай мне только две минуты, чтобы переодеться.

— Неплохая мысль, — пробормотал Алессан, глядя на его разорванную рубаху. — Встретимся внизу.

Дэвин нырнул в свою комнату и быстро переоделся. На всякий случай натянул присланную ему Алаис куртку. Воспоминание об Алаис, о ее оберегаемом, спокойном неведении, перенесло его — по контрасту — назад, к тому, что произошло этой ночью. Он на секунду остановился как вкопанный посреди комнаты и попытался правильно оценить то, что он сделал и что сделали с ним.

«Интересно» — так он только что это назвал. Слова. Попытка передать что-либо словами иногда выглядит таким бесполезным занятием. Остатки той грусти, которую он чувствовал, покидая Альенор, снова нахлынули на него, вместе с печалью Катрианы. Он чувствовал себя так, словно его окатило морской волной где-то на сером пляже в предрассветный час.

— Кав, — вслух произнес Дэвин. — Или я никогда не избавлюсь от этого настроения.

По пути вниз он с опозданием понял, что имел в виду Алессан, сказав «на дорогу». Его встреча, где бы она ни была назначена, состоится сегодня, и к этой встрече они стремились полгода.

А после нее он поедет на запад. В Тигану. Где умирает его мать в Святилище Эанны.

Дэвин окончательно проснулся, его мозг переключился с ночных раздумий на насущные волнения дня. Он пошел на свет, струящийся из громадной кухни замка Борсо, и остановился под аркой входа, глядя внутрь помещения.

Алессан сидел у ревущего в очаге огня и осторожно прихлебывал дымящийся кав из гигантской кружки. Рядом с ним сидел Эрлейн ди Сенцио, тоже с кружкой кава. В своей молчаливой серьезности они показались ему частью фриза, картиной, сложной эмблемой всех предрассветных часов для тех, кто долго путешествует по дорогам. Дэвин знал, что они оба часто бодрствовали в такое время, сидели вот так у кухонного очага замка, среди слуг, в последний, темный час перед рассветом, постепенно просыпаясь и согреваясь, готовясь снова пуститься в путь и встретить на дороге то, что готовит им еще не наступивший день.

Дэвину показалось, что Алессан и Эрлейн, сидящие вот так, связаны между собой каким-то образом, выходящим за рамки того неприятного события, которое произошло в сумерках у реки в Феррате. Эта связь не имела отношения к принцу и чародею, она складывалась из их общих действий. Из воспоминаний, которые были у них общими, если только эти двое могли иметь что-то общее после того, что между ними произошло.

Каждый из них путешествовал много лет. Они должны были пережить много одинаковых эпизодов, которые могли вызвать у них одинаковое настроение и эмоции, слышать одинаковые звуки и чувствовать одинаковые запахи. Таких, как эта сцена: темнота за окном, начало серого рассвета и пробуждение замка с восходом солнца; холод в коридорах и завывание ветра за стенами, заглушаемого потрескиванием и гудением пламени в кухонном очаге; ободряющий парок и запах, поднимающийся от кружек, зажатых в ладонях; уходящий сон и дремота; сознание, медленно настраивающееся на предстоящий день, скрытый в утреннем тумане. Глядя на их неподвижные фигуры среди кухонной суеты, Дэвин снова почувствовал печаль. Казалось, она

была неизбежным следствием этой долгой и странной ночи в горах.

Печаль и явственное сожаление. Дэвин понял, что хотел бы тоже разделить с ними их воспоминания, хотел бы стать частью этого независимого, совершенного братства людей, которым так хорошо знакомы подобные сцены. Он был еще настолько молод, чтобы наслаждаться ее романтикой, но уже настолько повзрослел — особенно после этой зимы и его работы у Меника, — чтобы догадаться о цене, заплаченной за такие воспоминания и за независимость, одиночество и уверенность двоих мужчин, сидящих перед ним.

Он вошел в кухню. Хорошенькая служанка заметила его и застенчиво улыбнулась. Не говоря ни слова, она принесла ему кружку обжигающе горячего кава. Алессан взглянул на него, подцепил длинной ногой третий стул и пододвинул его к очагу рядом. Дэвин подошел и с благодарностью сел в тепле. Его все еще беспокоила судорога в шее.

— Мне даже не пришлось пустить в ход свое обаяние, — весело сообщил Алессан. — Эрлейн уже оказался здесь и только начал свежезаваренный кувшин кава. На кухне всю ночь дежурили, чтобы поддерживать огонь в очаге. В день Поста нельзя зажигать новый огонь.

Дэвин кивнул с благодарностью, осторожно глотая кав из дымящейся кружки.

— А как насчет второй проблемы, о которой ты упоминал? — осторожно спросил он, бросив взгляд на Эрлейна.

— Все уладилось, — быстро ответил принц. Его веселье было неестественно ярким и хрупким, как лучинка. — Эрлейну придется поехать со мной. Мы установили, что я не должен отпускать его слишком далеко от себя, иначе я не смогу его вызвать. А если это так, то ему просто придется ехать туда, куда еду я. На запад. Кажется, мы действительно связаны друг с другом, не так ли? — Он улыбнулся чародею, сверкнув зубами.

Эрлейн не снизошел до ответа; он продолжал пить свой напиток, без всякого выражения глядя в огонь.

— Почему ты поднялся так рано? — спросил его Дэвин, помолчав.

Эрлейн кисло поморщился.

— Рабство мешает мне отдыхать, — пробормотал он в кружку.

Дэвин предпочел проигнорировать этот ответ. Иногда ему действительно было жаль чародея, но не тогда, когда Эрлейн напоказ жалел самого себя.

Одна мысль поразила Дэвина. Он повернулся к Алессану.

— И он тоже едет с вами на утреннюю встречу?

— Наверное, — ответил Алессан с притворной небрежностью. — Маленькая награда за его верность и долгую поездку верхом после этой встречи. Очень надеюсь, что удастся ехать без остановок. — Его тон был поистине странным: слишком демонстративно небрежным, словно отрицающим саму возможность напряженности.

— Понятно, — произнес Дэвин как можно более нейтральным тоном. Потом отвернулся к очагу и стал упорно смотреть на огонь.

Воцарилось молчание. Так как оно затянулось, Дэвин обернулся и увидел, что Алессан смотрит на него.

— Хочешь поехать с нами? — спросил принц.

Хочет ли он поехать? В течение полугода, с того момента, когда Дэвин и Сандре присоединились к остальным, Алессан повторял им, что все, чего они хотят добиться, будет зависеть от встречи в этих южных горах в первый день Поста.

Хочет ли он поехать?

Дэвин закашлялся, пролив кав на каменный пол.

— Ну, — ответил он, — конечно, если я не помешаю. Только если ты считаешь, что я могу пригодиться, если я могу...

Его голос замер, потому что Алессан смеялся.

Даже Эрлейн вышел из своего мрачного настроения и слабо, нехотя фыркнул. Они с Алессаном переглянулись.

— Ты страшный лжец, — сказал Дэвину чародей.

— Он прав, — поддержал его Алессан, продолжая смеяться. — Но все равно. Я не думаю, что ты и правда можешь пригодиться, — я ничего такого не собираюсь делать. Но уверен, что вреда от тебя не будет, а вы с Эрлейном сможете развлекать друг друга. Это будет долгая дорога.

— Куда? На встречу? — изумленно спросил Дэвин.

Алессан покачал головой.

— Туда всего часа два-три езды, в зависимости от состояния перевала с утра. Нет, Дэвин, я приглашаю тебя поехать со мной на запад. — Его голос дрогнул. — Домой.

— Голубок! — закричал лысеющий, широкоплечий человек, хотя они были еще далеко. Он сидел в массивном дубовом кресле, прочно установленном на середине перевала Брачио. На нижних склонах цвели ранние весенние цветы, но так высоко в горах их было не слишком много. По обе стороны от тропы на-

громождение скал и камней уступило место лесу. Выше и южнее были лишь скалы и снег.

К дубовому креслу были привязаны шесты для носильщиков, и шесть мужчин в винно-красных ливреях стояли сзади. Дэвин думал, что это слуги, но, подъехав ближе, увидел их вооружение и понял, что ошибся: это были солдаты и стража.

— Голубок, — громко повторил мужчина в кресле. — Ты возвысился в этом мире! На этот раз ты прибыл со спутниками!

Дэвин был совершенно сбит с толку, когда понял, что это детское прозвище, произнесенное хриплым, далеко разносящимся голосом, относится к Алессану.

А у того на лице вдруг появилось самое странное выражение. Однако он ничего не отвечал, пока они не подъехали к семерым мужчинам на перевале. Алессан спешился, Дэвин и Эрлейн сделали то же самое. Человек в кресле не встал, чтобы поздороваться с ними, но его маленькие блестящие глазки следили за каждым движением Алессана. Невероятно большие руки неподвижно лежали на резных подлокотниках кресла. На пальцах сверкало по крайней мере шесть колец, утреннее солнце высекало из них искры. На морщинистом, обветренном лице выделялся крючковатый, много раз перебитый нос и два ужасных шрама. Один шрам остался от старой раны и белой полосой пересекал его правую щеку. Второй, гораздо более свежий, красным рубцом тянулся поперек лба до седеющих, поредевших волос над левым ухом.

— Спутники для поездки, — мягко ответил Алессан. — Я не был уверен, что ты придешь. Они оба поют. И могли бы утешить меня на обратном пути. Молодой — это Дэвин, а второй — Эрлейн. Ты чудовищно растолстел за год.

— А почему бы мне не растолстеть? — восторженно взревел его собеседник. — И как ты посмел усомниться, что я приду? Разве я когда-нибудь тебя подводил? — Он шумел до невозможности, но Дэвин видел, что маленькие глазки остаются настороженными и очень внимательными.

— Никогда, — спокойно согласился Алессан. Его возбуждение исчезло и сменилось почти противоестественным спокойствием. — Но положение дел изменилось за эти два года. Я тебе больше не нужен. После прошлого лета.

— Не нужен! — вскричал великан. — Голубок, разумеется, ты мне нужен! Ты — моя юность, мое воспоминание о том, чем я был. И мой счастливый талисман в бою.

— Но больше боя не будет, — тихо сказал Алессан. — Ты позволишь мне высказать мои скромные поздравления?

— Нет! — проворчал тот. — Не позволю. Не желаю слышать от тебя никакого придворного мяуканья. Я желаю, чтобы ты подошел сюда, и обнял меня, и оставил эти идиотские колебания! Кто мы такие, чтобы болтать вот так? Мы, двое!

И с этими словами он яростным толчком обеих мускулистых рук поднял свое тело с кресла. Огромное дубовое кресло качнулось назад. Трое из стражей в ливрее бросились вперед, чтобы подхватить его.

Великан сделал два неуклюжих, качающихся шага вперед, а Алессан бросился ему навстречу. И в этот момент Дэвин внезапно понял — словно за шиворот ему выплеснули ведро ледяной воды, — кто этот искалеченный, покрытый шрамами человек.

— Медведь! — сказал Алессан, и смех застрял у него в горле. Он крепко обнял старого великана. — Ох, Мариус, я и правда не знал, придешь ли ты.

Мариус.

Ошеломленный не только высотой гор и бессонной ночью, Дэвин увидел, как самозваный король Квилеи — искалеченный человек, который голыми руками убил семерых вооруженных соискателей в священной роще, — поднял принца Тиганы, оторвал от земли и звонко расцеловал в обе щеки. Потом поставил раскрасневшегося Алессана на тропу и отодвинул от себя на длину руки, чтобы получше рассмотреть.

— Это правда, — наконец произнес он, когда Алессан перестал улыбаться. — Я вижу. Ты действительно во мне усомнился. Мне следует прийти в ярость, Голубок. Мне следует быть обиженным до глубины души. А что сказал Второй Голубок?

— Баэрд был уверен, что ты будешь здесь, — с грустью признался Алессан. — Боюсь, теперь я ему должен.

— По крайней мере, один из вас вырос настолько, чтобы приобрести хоть немного здравого смысла, — проворчал Мариус. Потом вдруг спохватился. — Что? Двое молодых бездельников держат на меня пари? Да как вы посмели? — Он смеялся, но удар, который он вдруг нацелил в плечо Алессана, заставил того покачнуться.

Мариус захромал обратно к своему креслу и сел. Снова Дэвина поразил его все замечающий взгляд, которым он окинул их. Всего на мгновение этот взгляд скользнул по самому Дэвину, но у него возникло призрачное ощущение, что за это мгно-

вение Мариус полностью оценил его, что он его узнает и вспомнит даже при случайной встрече через десять лет.

На секунду его охватила странная жалость к тем семерым воинам, которым пришлось сражаться с этим человеком в роще ночью, имея в своем распоряжении всего лишь мечи или копья, латы и две здоровых ноги.

Эти руки, похожие на стволы деревьев, и выражение этих глаз все сказали Дэвину о том, на чьей стороне был перевес в этих битвах, несмотря на ритуальные увечья — перерезанные связки на лодыжках, — наместника, которому положено было погибнуть в роще ради приумножения славы Матери-Богини и ее Верховной жрицы.

Мариус не погиб. Даже ради приумножения чьей-то славы. Семь раз не погиб. И теперь, после седьмой битвы, у Квилеи снова появился настоящий король, а последняя Верховная жрица умерла. Дэвин вдруг вспомнил, что эту новость первым сообщил ему Ровиго. В дурно пахнущей таверне под названием «Птица» то ли полгода, то ли полжизни тому назад.

— Наверное, ты поскользнулся, или поленился, или был уже толстым прошлым летом в Роще, — говорил Алессан. Он показал на шрам на лбу Мариуса. — Нельзя было позволять Тоналиусу подобраться с мечом так близко.

По правде сказать, улыбку на лице короля Квилеи нельзя было назвать приятной.

— Он и не подобрался, — мрачно ответил Мариус. — Я применил наш «удар ногой в прыжке с двадцать седьмого дерева», и он умер еще до того, как мы оба упали на землю. Этот шрам — прощальный дар от моей покойной жены, полученный во время нашей последней встречи. Да хранит наша священная Мать ее благословенную душу. Выпьете вина за обедом?

Серые глаза Алессана заморгали.

— С удовольствием, — ответил он.

— Хорошо. — Мариус подал знак стражникам. — В таком случае, пока мои люди накроют для нас стол, можешь мне рассказать, Голубок, и, надеюсь, расскажешь, почему ты только что заколебался, перед тем, как принять приглашение.

Дэвин, в свою очередь, заморгал от изумления: он даже не заметил паузы. Но Алессан улыбался.

— Хотелось бы мне, — с лукавой улыбкой сказал он, — чтобы от тебя хоть иногда что-то ускользнуло.

Мариус слегка улыбнулся, но не ответил.

— Мне предстоит долгая дорога. По крайней мере, три дня

скачки во весь опор. Я должен добраться до одного человека, и как можно скорее.

— Этот человек важнее меня, Голубок? Я в отчаянии.

Алессан покачал головой.

— Не важнее, иначе меня бы здесь не было. Возможно, больше нуждается во мне. Вчера вечером в Борсо меня ждало сообщение от Данолеона. Моя мать умирает.

Выражение лица Мариуса тут же изменилось.

— Я глубоко опечален, — сказал он. — Правда, Алессан, мне очень жаль. — Он помолчал. — Тебе было нелегко приехать сначала сюда, зная это.

Алессан знакомым жестом пожал плечами. Его взгляд с Мариуса переместился вверх, к перевалу, за высокие пики над ним. Солдаты закончили расстилать роскошную золотую ткань на ровном месте перед креслом. Теперь они раскладывали на ней разноцветные подушки и расставляли корзины и блюда с едой.

— Приглашаю вас преломить со мной хлеб, — деловито сказал Мариус, — и обсудить то, что мы собрались здесь обсудить, а потом вам надо ехать. Ты доверяешь этому посланию? Не опасно ли тебе туда возвращаться?

Дэвин даже не подумал об этом.

— Полагаю, опасно, — равнодушно ответил Алессан. — Но я доверяю Данолеону. Разумеется, доверяю. Ведь это он отвез меня к тебе.

— Это я помню, — мягко сказал Мариус. — И его помню. И еще я знаю, что, если только не произошло больших перемен, он не единственный жрец в святилище Эанны, а ваши жрецы на Ладони не отличаются надежностью.

Алессан снова пожал плечами.

— Что я могу поделать? Моя мать умирает. Я не видел ее почти двадцать лет, Медведь. — Губы его скривились. — Не думаю, что меня многие узнают, даже без грима Баэрда. Ты не считаешь, что я немного изменился с тех пор, как мне было четырнадцать лет? — В его словах чувствовался легкий вызов.

— Не очень сильно, — спокойно ответил Мариус. — Не так сильно, как можно было подумать. Ты уже тогда был взрослым мужчиной, во многом. И Баэрд тоже, когда пришел к тебе.

И снова взгляд Алессана устремился вдаль, к перевалу, словно полетел на юг вслед за далекими воспоминаниями. У Дэвина возникло острое ощущение, что здесь говорится гораздо больше, чем он в состоянии услышать.

— Пойдем, — сказал Мариус, опуская руки на подлокотники кресла. — Вы присоединитесь ко мне на нашем ковре посреди луга?

— Оставайся в кресле! — отрывисто бросил Алессан. Несмотря на тон, выражение его лица оставалось добродушным и спокойным. — Сколько человек пришло сюда с тобой, Медведь?

Мариус не двинулся с места.

— До подножия гор — рота. Эти шестеро перешли со мной перевал. А что?

Легко двигаясь, с беззаботной улыбкой Алессан уселся на ткань у ног короля.

— Едва ли это разумно взять с собой так мало людей.

— Опасности почти никакой. Мои враги слишком суеверны, чтобы рискнуть отправиться в горы. Ты это знаешь, Голубок, перевалы давным-давно стали табу, когда запретили торговлю с остальными провинциями Ладони.

— В таком случае, — сказал Алессан, продолжая улыбаться, — я не в состоянии объяснить присутствие лучника, которого только что заметил за скалой выше по тропе.

— Ты уверен? — Голос Мариуса звучал так же небрежно, как и голос Алессана, но в его глазах внезапно блеснул лед.

— Уже дважды заметил.

— Я глубоко огорчен, — сказал король Квилеи. — Маловероятно, чтобы такой человек находился здесь не для того, чтобы меня убить. И если они нарушают табу гор, то я буду вынужден пересмотреть многие свои обязательства. Не выпьете ли вина? — Он махнул рукой, и один из людей в красном налил вино слегка дрожащей рукой.

— Спасибо, — пробормотал Алессан. — Эрлейн, ты здесь можешь что-нибудь сделать, не выдавая себя?

Лицо чародея побледнело, но голос звучал ровно:

— Ничего, что связано с нападением. Это потребует слишком большого расхода энергии, а здесь, в горах, ничто не может скрыть ее от случайного Охотника.

— Защита для короля?

Эрлейн заколебался.

— Друг мой, — серьезно сказал Алессан. — Ты мне нужен, и будешь еще нужен. Я знаю, что использовать твою магию опасно — для всех нас. Но мне нужны честные ответы, чтобы принять разумное решение. Налейте ему немного вина, — обратился он к солдату Квилеи.

Эрлейн взял бокал и выпил.

— Могу поставить у него за спиной слабый экран против стрел. — Он помолчал. — Вы этого хотите? Есть некоторый риск.

— Наверное, хочу, — ответил Алессан. — Сооруди щит как можно незаметнее.

Эрлейн поджал губы, но ничего не сказал. Его левая рука слегка шевельнулась. Дэвин теперь видел два недостающих пальца, но больше ничего не произошло, насколько он мог судить.

— Готово, — мрачно произнес Эрлейн. — Чем дольше я его буду держать, тем больше риска. — Он снова выпил из своего бокала.

Алессан кивнул, принимая ломоть хлеба и полную тарелку мяса и сыра от одного из квилейцев.

— Дэвин?

Дэвин уже ждал.

— Я вижу эту скалу, — тихо сказал он. — Выше у тропы. Справа. На расстоянии полета стрелы. Отошли меня домой.

— Возьми моего коня. В седле спрятан лук.

Дэвин покачал головой.

— Он может заметить, и я все равно слишком плохо стреляю из лука. Сделаю, что смогу. Можете устроить тут побольше шума минут через двадцать?

— Мы можем устроить очень много шума, — заверил его Мариус Квилейский. — Тебе легче будет спуститься, а потом свернуть налево там, где тропа делает поворот, чтобы снова вскарабкаться вверх. Между прочим, мне бы очень хотелось увидеть этого человека живым.

Дэвин улыбнулся. Мариус внезапно расхохотался, за ним Алессан. Эрлейн молчал. Алессан повелительным жестом указал на Дэвина.

— Если ты его забыл, так пойди и принеси, пустоголовый! Мы будем здесь наслаждаться трапезой. Возможно, оставим кое-что и тебе.

— Я вовсе не виноват! — громко запротестовал Дэвин, перестал улыбаться и обиженно надул губы. Потом пошел к привязанным коням. Безутешно качая головой, взобрался на серого и поехал вниз по тропе, по которой они сюда поднялись.

Но не дальше поворота.

Здесь он спешился и привязал лошадь. После секундного колебания оставил меч висеть у седла. Он понимал, что это решение может стоить ему жизни. Но он видел поросшие деревьями склоны возле перевала: меч ему мешал бы и создавал много шума.

Дэвин направился на запад и вскоре оказался среди деревьев. Он снова пошел на юг и вверх, держась как можно дальше от линии перевала, насколько позволяла местность. Подъем был

трудным, Дэвин покрылся потом, но надо было спешить, и он был в хорошей физической форме, как всегда быстрый и подвижный, в компенсацию за недостаток роста. Он карабкался по крутым склонам, лавировал между деревьями и черными кустами серрано, хватался за корни, глубоко впившиеся в почву.

На полпути деревья расступились к югу и к западу перед небольшим крутым утесом. Он мог идти вперед или обойти утес кругом, снова отклонившись в сторону перевала. Дэвин попытался определить свое местонахождение, но это было сложно — на таком удалении от тропы до него не доносилось ни звука. Он не знал, поднялся ли уже выше того места, где квилейцы разложили свою обеденную скатерть. «Двадцать минут», — напомнил он себе. Стиснул зубы, быстро помолился Адаону и стал взбираться на утес. Дэвину пришло в голову, насколько неуместно сыну крестьянина из северных болот Азоли карабкаться на скалы хребта Брачио.

Однако он не был сыном крестьянина из Азоли. Он был родом из Тиганы, как и его отец, и принц попросил его сделать это.

Дэвин наискосок взобрался по поверхности утеса, стараясь не потревожить мелкие камешки. Добрался до выхода скальной породы, на секунду повис на руках над пропастью, а затем рывком бросил тело вверх, на этот камень. Быстро пересек ровную площадку, упал на живот, тяжело дыша, и взглянул вверх, на юг.

А потом прямо вниз. И у него перехватило дыхание, когда он понял, как ему повезло. Почти прямо под ним, за валуном, притаилась одинокая фигура. Дэвина почти наверняка было видно на последнем отрезке подъема, там, где поверхность утеса перерезала линию деревьев. Но тишина сослужила ему хорошую службу, так как человек под ним не подозревал о его присутствии, он жадно всматривался в группу людей, пирующих на тропе. Дэвин их не видел, но голоса теперь доносились до него. Солнце зашло за тучку, и Дэвин инстинктивно вжался в землю, как раз в тот момент, когда убийца взглянул вверх, привлеченный изменившимся освещением.

Для лучника это имело значение, Дэвин это знал. Стрелять приходилось с большого расстояния, вниз с горы, и частично цель заслоняли солдаты. Вероятнее всего, времени хватит всего на один выстрел. Он подумал, не отравлены ли наконечники стрел. И решил, что это возможно.

Он очень осторожно пополз вверх по склону, стараясь обогнуть убийцу и оказаться у него за спиной. Мысли его неслись с бешеной скоростью, когда он проскользнул в расположенную

выше рощу. Как ему подобраться к убийце достаточно близко, чтобы справиться с ним?

В это мгновение он услышал свирель Алессана и вслед за ней арфу Эрлейна. Еще через пару секунд несколько голосов запели одну из самых древних, самых разухабистых горных баллад. О легендарной шайке разбойников, которые правили этими горами и скалами с вызывающей безнаказанностью, пока их не застали врасплох и не разгромили сообща воины Квилеи и Чертандо:

Тридцать бравых молодцев с севера пришли,
Сорок воинов Квилеи шли им на подмогу.
Там, в горах, они друг другу дали клятву на крови,
Им Ган Бурдаш бросил вызов из своей берлоги.

Гулкий голос Мариуса повел за собой остальных, повторяя припев. К тому времени Дэвин кое-что вспомнил и понял, что ему надо попытаться сделать. Он знал, что его план рискован, но знал также, что у него не слишком много времени и вариантов.

Сердце его громко стучало. Он насухо вытер ладони о штаны и начал еще быстрее пробираться между деревьями вдоль кряжа, на который только что взобрался. За его спиной раздавалось пение; под ним, футах в пятнадцати к востоку от скал и на двадцать футов ниже, лежал убийца с луком. Солнце вышло из-за облаков.

Теперь Дэвин находился выше квилейца и у него за спиной. Если бы у него был лук и он мастерски им владел, то тот оказался бы в его власти.

Но вместо лука в его распоряжении были кинжал, гордость и вера в координацию своих движений, и еще высокая, гигантская горная сосна поднималась как раз позади валуна, за которым прятался лучник. Теперь он ясно видел его, одетого в маскирующие зеленые одежды, с натянутым луком и полдюжиной стрел.

Дэвин знал, что ему надо делать. Он также знал — потому что у него дома тоже были леса, если не горные перевалы, — что не может спуститься по этому дереву совершенно бесшумно. Даже под это громкое, фальшивое пение, заглушающее снизу звук его движений.

Таким образом, насколько он мог судить, у него оставался лишь один выход. Возможно, другие придумали бы что-нибудь получше, но других на этом кряже не было. Дэвин снова очень тщательно вытер досуха ладони и сосредоточил внимание на большой ветке, вытянутой далеко в сторону среди других ветвей. Единственная ветка, которая могла ему пригодиться. Он попытался рассчитать угол и расстояние, как мог, учитывая почти полное отсутствие опыта подобных маневров. То, что он собирался проделать, не входило ни в один комплекс тренировочных упражнений.

Он проверил, крепко ли держится кинжал на поясе, в последний раз вытер ладони и встал. Как ни абсурдно, но ему вдруг вспомнился тот день, когда братья застали его висящим вниз головой на дереве с целью увеличить свой рост.

Дэвин напряженно улыбнулся и шагнул на край утеса. Ветка казалась невозможно далекой, и она находилась на полпути вниз до уровня перевала. Он дал себе клятву, что если останется жив, то заставит Баэрда научить его как следует стрелять из лука.

С тропы внизу неслись хриплые, нестройные голоса, приближалась кульминация баллады:

А Ган Бурдаш лихо правил, не боялся никого,
Вместе с ним его бандиты по горам носились.
Но все семьдесят настигли в горном логове его,
За свободные вершины луны закатились.

Дэвин прыгнул. Ветер засвистел мимо его лица. Ветка полетела ему навстречу очень быстро, превратившись в расплывчатое пятно. Он вытянул руки, схватился за нее, качнулся пару раз, только чтобы изменить угол падения и немного замедлить снижение. И спрыгнуть прямо на убийцу за валуном.

Ветка выдержала, но громко заскрипела, когда он на ней раскачивался. Он это предвидел. Квилеец метнул испуганный взгляд вверх и схватился за лук.

Но недостаточно быстро. С пронзительным воплем Дэвин спикировал вниз, будто некая хищная птица этих гор. Не успел его противник шевельнуть рукой, а Дэвин уже достиг цели.

«Один удар ногой в прыжке с двадцать седьмого дерева», — промелькнуло у него в голове.

Падая, он так повернул свой торс, чтобы изогнуться боком по отношению к верхней части туловища квилейца, и нанес сильный удар обеими ногами. Столкновение было сокрушительным. Дэвин почувствовал, как его ступни врезались в тело, а потом он сам упал на квилейца, и из его легких вышибло весь воздух.

Они вместе свалились на землю и покатились, кувыркаясь, в сторону от основания валуна. Дэвин ловил ртом воздух, перед его глазами мир дико раскачивался и кружился. Он заскрипел зубами и схватился за кинжал.

И тут понял, что в нем нет необходимости.

«Умер раньше, чем мы оба ударились о землю», — сказал Мариус. Содрогаясь, Дэвин втянул воздух в готовые разорваться легкие. Правую ногу пронзила странная, острая боль. Он заставил себя ее игнорировать. Перекатился в сторону от бесчувственного тела квилейца и, задыхаясь, со свистом, втянул в себя еще один глоток драгоценного воздуха. А потом посмотрел.

Убийца оказался женщиной. Учитывая все обстоятельства, удивляться не стоило. Она была жива. Кажется, она ударилась лбом о камень, когда он спрыгнул на нее сверху. Она лежала на боку, из раны на голове сильно текла кровь. Возможно, его толчок ногами сломал ей несколько ребер. Их падение вниз по склону оставило на ней множество порезов и царапин.

И на нем тоже, отметил Дэвин. Рубашка опять порвалась, и он снова сильно поцарапался, во второй раз за этот день. Была какая-то шутка на этот счет, что-то смешное, но он не мог вспомнить. Пока не мог.

Тем не менее он остался жив. И сделал то, что ему поручили. Ему удалось наконец глубоко вдохнуть, и как раз в этот момент показались бегущие вверх по тропе Алессан и один из квилейских солдат. А сразу за ними Дэвин с удивлением увидел бегущего Эрлейна.

Он попытался было встать, но мир беспорядочно закружился вокруг него, и его подхватил Алессан. Квилейский стражник перевернул убийцу на спину. Он стоял и смотрел на женщину сверху, а потом демонстративно плюнул прямо в окровавленное лицо.

Дэвин отвел глаза.

И встретился взглядом с Алессаном.

— Мы видели снизу, как ты прыгнул. Прежде чем проделывать такие вещи, нужно заиметь крылья, — сказал принц. — Тебе никто не говорил об этом? — Выражение его серых глаз противоречило небрежному тону. — Я за тебя испугался, — мягко прибавил он.

— Я больше ничего не мог придумать, — оправдывался Дэвин. Он ощущал в себе прилив гордости. Пожал плечами. — Это пение сводило меня с ума. Мне надо было как-то его прекратить.

Улыбка Алессана стала шире. Он обнял Дэвина за плечи и сжал их. Баэрд тоже так сделал, тогда, в конюшне у Ньеволе.

В ответ на его шутку рассмеялся Эрлейн.

— Пошли вниз, — сказал чародей. — Надо промыть твои царапины.

Они помогли ему спуститься по склону. Квилеец нес женщину и ее лук. Дэвин увидел, что тот сделан из очень темного

дерева, почти черного, и вырезан в виде полумесяца. На одном его конце висел связанный пучком локон седеющих волос. Дэвин вздрогнул. Он догадывался, чьи это волосы.

Мариус стоял на ногах, держась одной рукой за спинку кресла, и смотрел, как они спускаются. Его глаза едва скользнули по мужчинам и по убийце на руках у солдата. Холодные и мрачные, они были прикованы к черному полумесяцу лука. Вид у него был устрашающий.

Тем более, подумал Дэвин, что сам он вовсе не был испуган.

— Думаю, необходимость в словесных танцах миновала, — сказал Алессан. — Я тебе сейчас скажу, что мне нужно, а ты скажешь мне, сможешь ли ты это сделать, и больше ничего не надо говорить.

Мариус поднял ладонь, прервав его.

Теперь он сидел на подушках на золотой ткани вместе с остальными. Блюда и корзинки убрали. Двое квилейцев унесли женщину обратно через перевал туда, где ждали солдаты их роты. Четверо других несли охрану на некотором расстоянии. Здесь, на юге, ранней весной солнце в полдень стояло высоко, почти в зените. День оказался мягким, щедрым.

— Я слишком неуклюж для словесных танцев, Голубок, — мрачно ответил король Квилеи. — И тебе это известно. Вероятно, тебе известно еще кое-что: как меня огорчает необходимость отказывать тебе в любой просьбе. Мне бы хотелось сделать это иначе. Мне бы хотелось рассказать тебе, чего я не могу сделать, чтобы ты не просил об этом и не вынуждал меня отказывать.

Алессан кивнул. Он молчал, наблюдая за королем.

— Я не могу дать тебе армию, — откровенно сказал Мариус. — Пока не могу, а возможно, никогда не смогу. Я еще слишком зелен как король, и у меня дома слишком шаткое положение, чтобы самому повести войска через эти горы или даже отдать им такой приказ. Мне придется за очень короткое время изменить традиции, существовавшие несколько столетий. А я уже не молод, Голубок.

Дэвин почувствовал прилив возбуждения и попытался его подавить. Слишком серьезной была ситуация для таких детских чувств. Он едва мог поверить, что находится здесь, так близко от событий столь грандиозных, в самом их сердце. Он искоса взглянул на Эрлейна, потом вгляделся пристальнее: на его лице он увидел ту же искру интереса. Несмотря на возраст чародея-

трубадура и долгие годы странствий, Дэвид всерьез сомневался, приходилось ли ему когда-либо соприкасаться с такими великими событиями.

Алессан качал головой.

— Медведь, я бы никогда не стал просить тебя об этом. Не меньше ради нашего блага, чем твоего собственного. Не хочу, чтобы меня вспоминали как человека, который привел только что рожденную мощь Квилеи на север Ладони. Если когда-нибудь армия перейдет из Квилеи через этот перевал — а я надеюсь, что мы оба уже давно будем покойниками до наступления этого дня, — я от всего сердца желаю, чтобы ее разгромили и отбросили назад с такими тяжелыми потерями, что ни один король с юга никогда больше не захотел бы повторить эту попытку.

— Если на юге еще будет король, а не наступит опять четыреста лет владычества Матери и ее жриц. Очень хорошо, — сказал Мариус, — тогда скажи мне, что тебе нужно.

Алессан сидел, аккуратно скрестив ноги и переплетя длинные пальцы рук. Для любого наблюдателя он выглядел так, будто не обсуждал ничего более важного, чем репертуар вечернего выступления.

Но Дэвин заметил, однако, как побелели косточки его крепко сжатых пальцев.

— Сначала один вопрос, — сказал Алессан, контролируя свой голос. — Ты получал письма с предложением открытой торговли?

Мариус кивнул.

— От обоих ваших тиранов. Подарки, поздравления, щедрые предложения снова открыть старые торговые пути по морю и по суше.

— И каждый из них убеждал тебя в том, что другой не заслуживает доверия и не твердо стоит у власти.

Теперь Мариус слегка улыбнулся.

— Ты перехватываешь мою почту, Голубок? Именно это они и писали.

— И что ты ответил? — спросил Алессан, прямой, как стрела. Впервые в его голосе безошибочно можно было услышать напряжение.

Мариус тоже его услышал.

— Пока ничего, — ответил он и перестал улыбаться. — Хочу получить от каждого из них еще несколько посланий, прежде чем делать ответные шаги.

Алессан опустил взгляд и впервые заметил свои стиснутые пальцы. Он разжал их и, как и можно было ожидать, запустил в волосы.

— Но тебе все же придется сделать ответный шаг, — произнес он с некоторым трудом. — Тебе необходимо торговать. Пора показать Квилее преимущества твоего правления. Торговля с севером — самый быстрый способ, не так ли? — В его тоне прозвучало нечто вроде вызова, смешанного со смущением.

— Конечно, — просто ответил Мариус. — Мне придется это сделать. Иначе зачем я стал королем? Вопрос лишь в том, чтобы правильно выбрать время, а учитывая то, что случилось сегодня утром, мне придется поторопиться.

Алессан кивнул, словно он уже это знал.

— И что же ты сделаешь? — спросил он.

— Открою перевалы для обоих. Никаких предпочтений, никаких пошлин ни для кого. Пускай Альберико и Брандин шлют мне любые подарки и товары, любых послов, каких пожелают. Торговля с ними сделает меня истинным королем — королем, который принесет новое процветание своему народу. И мне надо начать побыстрее. Подозреваю, что немедленно. Мне необходимо твердой рукой направить Квилею на новый путь, чтобы старый забылся, и как можно скорее. Иначе я погибну, так ничего и не совершив, разве что проживу несколько дольше, чем большинство Королей Года, и жрицы снова придут к власти, быстрее, чем мои кости под землей очистятся от плоти.

Алессан закрыл глаза. Дэвин только сейчас услышал шелест листьев и перекличку птиц вокруг них. Затем Алессан снова поднял взгляд спокойных, широко раскрытых серых глаз на Мариуса и сказал напрямик:

— Моя просьба: дай мне шесть месяцев и только потом решай с торговлей. И в течение этого времени сделай еще кое-что.

— Само время — уже очень много, — очень тихо произнес Мариус. — Но договаривай, Голубок. Насчет кое-чего еще.

— Три письма, Медведь. Мне нужно, чтобы ты послал на север три письма. Первое письмо: ты ответишь «да» Брандину, но с условием. Попросишь время на укрепление своего положения, прежде чем открыть Квилею внешним влияниям. Ясно дашь понять, что предпочитаешь его Альберико потому, что считаешь его сильнее и надежнее. Второе письмо: откажешься с большим сожалением от предложений Астибара. Напишешь Альберико, что испугался угроз Брандина. Что тебе очень хотелось бы торговать с Империей Барбадиор, но Игратянин кажется слишком могущественным, и ты не рискуешь его обидеть. Пожелаешь Альберико всех благ. Попросишь его негласно продолжать с тобой переписку. Скажешь, что будешь следить за развитием событий на севере с большим интересом. Ты еще не дал Бран-

дину окончательного ответа и будешь тянуть с ним, сколько сможешь. Пошлешь свои наилучшие пожелания императору.

Дэвин ничего не понимал. Он снова применил свой прием той зимы: слушать, запоминать, а потом все обдумывать. Но глаза Мариуса ярко горели, и на лице снова появилась холодная, пугающая улыбка.

— А мое третье письмо? — спросил он.

— Его ты пошлешь губернатору провинции Сенцио. Предложишь немедленно начать торговлю, никаких пошлин, право выбора лучших товаров, безопасные стоянки в ваших гаванях для их кораблей. Выразишь глубокое восхищение отважными, независимыми жителями Сенцио, их смелостью перед лицом столь неблагоприятных обстоятельств. — Алессан сделал паузу. — И это третье письмо, естественно...

— Будет перехвачено Альберико Барбадиорским. Голубок, ты понимаешь, что затеваешь? Какая это невероятно опасная игра?

— Погодите минуту! — внезапно вмешался Эрлейн ди Сенцио, приподнимаясь.

— Молчать! — Алессан буквально рявкнул таким голосом, которого Дэвин никогда у него не слышал.

Рот Эрлейна захлопнулся. Он затих, хрипло дыша, глаза его горели, как угли, от гнева: он начинал понимать. Алессан даже не смотрел на него. И Мариус тоже. Они оба сидели на золотом ковре, высоко в горах, и казалось, забыли о существовании окружающего мира.

— Ты ведь знаешь, правда? — сказал в конце концов Мариус. — Ты точно знаешь. — В его голосе звучало удивление.

Алессан кивнул.

— У меня было достаточно времени, чтобы подумать об этом, клянусь Триадой. Как только будут открыты торговые пути, моя провинция и ее имя будут потеряны навсегда. Получив то, что ты можешь ему предложить, Брандин станет на западе героем, а не тираном. Он укрепится настолько, что я ничего не смогу сделать, Медведь. Твое воцарение может погубить меня. И мой дом тоже.

— Ты жалеешь о том, что помог мне?

Дэвин смотрел, как Алессан борется с этим. Как глубоко под поверхностью, которую он мог видеть и понимать, бурлят потоки чувств. Он слушал и запоминал.

— Я должен бы жалеть, — наконец пробормотал Алессан. — В каком-то смысле это похоже на предательство, то, что я не

жалею. Но нет, как я могу жалеть о том, ради чего мы так много трудились? — Улыбка его была печальной.

— Ты знаешь, что я люблю вас, Голубок, — сказал Мариус. — Вас обоих.

— Знаю. Мы оба знаем.

— Ты знаешь, что меня ждет дома.

— Знаю. Есть основания помнить.

Воцарилось молчание, и Дэвин почувствовал, как его охватила грусть, эхо настроения прошлой ночи. Ощущение огромного пространства, всегда разделяющего людей. Пропасти, которую необходимо перейти, даже для того, чтобы просто соприкоснуться.

И насколько же шире пропасти, разделяющие таких людей, как эти двое, с их долгими мечтами и бременем быть тем, кто они и что они. Как трудно, наверное, как ужасно трудно протянуть руки через всю историю, через груз ответственности и потерь.

— Ох, Голубок, — едва слышным шепотом произнес Мариус Квилейский, — возможно, ты был стрелой, выпущенной с белой луны восемнадцать лет назад прямо мне в сердце. Я люблю тебя, как собственного сына, Алессан бар Валентин. Я дам тебе шесть месяцев и напишу три письма. Зажги в память обо мне погребальный костер, если услышишь, что я умер.

Как ни мало Дэвин понял, прикоснувшись к самому краю, в горле у него встал комок, который трудно было проглотить. Он смотрел на этих двоих и не мог бы ответить, кем из них восхищается больше в этот момент: тем, кто попросил, зная, о чем просит, или тем, кто согласился, зная, на что соглашается. Но он понял, со смирением перед неизбежностью, какой дальний путь ему еще предстоит — возможно, он никогда его так и не пройдет, — прежде, чем он сможет назвать себя человеком, похожим на этих двоих.

— Кто-нибудь из вас имеет представление о том, — нарушил тишину голос Эрлейна ди Сенцио, убийственно мрачный, — сколько невинных людей будет уничтожено из-за того, что вы задумали?

Мариус ничего не ответил. Алессан круто обернулся к чародею.

— А ты имеешь представление о том, насколько я близок к тому, чтобы убить тебя за эти слова? — спросил он. Его глаза напоминали осколки серого льда.

Эрлейн побледнел, но не дрогнул. И не опустил глаз.

— Я не по собственному желанию родился в такое время, и не сам взвалил на себя задачу его исправить, — продолжал Алес-

сан напряженным голосом, словно держал его в натянутой узде. — Я был младшим ребенком. Это бремя должно было стать бременем моих братьев, одного или обоих. Они погибли у Дейзы. В числе прочих счастливчиков. — На мгновение в его голосе прорвалась горечь.

И снова он ее победил.

— Я стараюсь действовать в интересах всей Ладони. Не только Тиганы и ее потерянного имени. За это меня называли предателем и глупцом. Моя мать из-за этого меня прокляла. От нее я это принимаю. Для нее я возьму на себя ответственность за кровь и смерть, за разрушение того, чем была Тигана, если меня постигнет неудача. Но ты не вправе судить меня, Эрлейн ди Сенцио! Я не нуждаюсь в том, чтобы ты указывал мне, кем или чем я рискую. Мне нужно, чтобы ты делал то, что я тебе говорю, и ничего больше! Если ты собираешься умереть рабом, то с таким же успехом можешь быть моим рабом, как и чьим-то еще. Ты будешь бороться вместе со мной. По собственной воле или против воли ты будешь сражаться за свободу вместе со мной!

Он замолчал. Дэвин почувствовал, что дрожит, словно небывалой силы гроза пронеслась в небе над горами и унеслась прочь.

— Почему ты оставляешь его в живых? — спросил Мариус Квилейский. Алессан попытался взять себя в руки. Казалось, он обдумывает ответ.

— Потому что он по-своему храбрый человек, — в конце концов ответил он. — Потому что это правда: наш план подвергает его народ большой опасности. Потому что я, с его точки зрения и с моей собственной, причинил ему зло. И потому что он мне нужен.

Мариус покачал большой головой.

— Плохо, когда нуждаешься в человеке.

— Я знаю, Медведь.

— Он может вернуться к тебе многие годы спустя и попросить тебя об очень большой услуге. И твое сердце не позволит тебе отказать ему.

— Я знаю, Медведь, — сказал Алессан. Они смотрели друг другу в глаза, сидя неподвижно на золотом ковре.

Дэвин отвернулся, он чувствовал себя посторонним в этом обмене взглядами. В тишине перевала под вершинами гор Брачио щемяще-сладко пели птицы, и, глядя на юг, Дэвин увидел, как последние белые облака в вышине расступились, открыв ослепительно сверкающие на солнце снежные пики. Он никогда раньше и вообразить себе не мог, что мир настолько прекрасен и настолько полон боли.

Когда они спустились вниз от перевала, Баэрд в одиночестве ждал их в нескольких милях южнее замка, сидя на коне среди зелени у подножий гор.

Он широко раскрыл глаза, увидев Дэвина и Эрлейна, и даже борода не могла скрыть его насмешливой улыбки, когда Алессан остановил возле него коня.

— Ты еще хуже, чем я, несмотря на все твои заверения, — сказал он.

— Не хуже. Такой же, возможно, — грустно ответила Алессан и склонил голову. — В конце концов, единственной причиной, по которой ты отказался поехать, было нежелание оказывать на него дополнительный нажим.

— И после того, как ты меня за это словесно выпорол, ты берешь с собой двух совершенно чужих людей, чтобы еще больше уменьшить нажим. Я остаюсь при своем мнении: ты еще хуже, чем я.

— Выпори меня словесно, — ответил Алессан.

Баэрд покачал головой.

— Как он?

— Неплохо. Под большим напряжением. Дэвин сорвал покушение на его жизнь, там, в горах.

— Что? — Баэрд бросил быстрый взгляд на Дэвина, отметив его разорванные рубаху и лосины, порезы и царапины.

— Ты меня научишь пользоваться луком, — сказал Дэвин. — Целее будет одежда.

Баэрд улыбнулся.

— Научу. Как только представится возможность. — Потом его осенила какая-то мысль. — Покушение? — обратился он к Алессану. — В горах? Не может быть!

Лицо Алессана было мрачным.

— Боюсь, может. У нее был лунный лук с прядью его волос. Очевидно, с гор снято табу, по крайней мере ради убийства.

Лицо Баэрда озабоченно морщилось. Несколько секунд он молча сидел на коне, потом сказал:

— Значит, у него не было выбора. Ему необходимо действовать немедленно. Он ответил «нет»?

— Он ответил «да». У нас есть шесть месяцев, и он пошлет письма. — Алессан заколебался. — Он просил нас зажечь в память о нем костер, если он умрет.

Баэрд внезапно развернул коня. И сидел, неотрывно глядя куда-то на запад. Вечернее солнце заливало янтарным светом вереск и папоротник на холмах.

— Я люблю этого человека, — сказал Баэрд, все еще глядя вдаль.

— Я знаю, — ответил Алессан. Баэрд медленно снова повернулся к нему. Они молча обменялись взглядами.

— Сенцио? — спросил Баэрд.

Алессан кивнул.

— Тебе надо будет объяснить Альенор, как организовать перехват. Эти двое поедут вместе со мной на запад. Ты с Катрианой и герцогом поедешь на север, а потом в Тригию. Пора пожинать то, что мы посеяли, Баэрд. Ты знаешь расклад во времени не хуже меня и поймешь, что делать, пока мы снова не встретимся, и кого нам нужно вызвать с востока. Я не уверен насчет Ровиго — оставляю это на твое усмотрение.

— Мне не нравится, что надо ехать по разным дорогам, — пробормотал Баэрд.

— Мне тоже. Если у тебя есть другой вариант, буду рад его выслушать.

Баэрд покачал головой.

— Что ты будешь делать?

— Поговорю кое с кем по пути. Повидаюсь с матерью. После все будет зависеть от того, что я найду. Моя жатва на западе, до наступления лета.

Баэрд мельком взглянул на Дэвина и Эрлейна.

— Постарайся не дать причинить себе боль, — сказал он.

Алессан пожал плечами.

— Она умирает, Баэрд. А я причинил ей достаточно боли за эти восемнадцать лет.

— Это не так! — неожиданно вспыхнул Баэрд. — Ты только ранишь себя, думая так.

Алессан вздохнул.

— Она умирает в безвестности и одиночестве в святилище Эанны в провинции под названием Нижний Корте. А не во Дворце у Моря в Тигане. Не говори, что ей не больно.

— Но не ты виноват в этом! — запротестовал Баэрд. — Зачем ты это с собой делаешь?

Снова пожатие плеч.

— За эти двенадцать лет, с тех пор как мы вернулись из Квилеи, я сделал выбор. И готов признать, что другие могут не соглашаться с ним. — Он бросил взгляд на Эрлейна. — Оставь, Баэрд. Обещаю, что не позволю выбить себя из колеи, даже в твое отсутствие. Дэвин поможет, если мне понадобится помощь.

Баэрд скривил рот под прикрытием бороды, у него был такой вид, словно он хочет продолжать этот спор, но когда он заговорил, то совсем другим голосом:

— Значит, ты думаешь, что время пришло? Думаешь, это действительно может произойти теперь?

— Я думаю, что все должно произойти этим летом или никогда. Разве что кто-нибудь и правда убьет Мариуса Квилейского, и мы вернемся к прежнему состоянию, но нам уже не с кем будет работать. И это будет означать, что моя мать и многие другие были правы. В этом случае нам с тобой просто придется плыть в гавань Кьяры, самим взять штурмом дворец и убить Брандина Игратского, а потом смотреть, как Ладонь превращается в аванпост Барбадиорской Империи. И чего тогда будет стоить Тигана? — Он на какое-то время сдержал свои чувства. Потом тихим голосом продолжал: — Мариус — это единственный джокер в колоде, который у нас был, единственное, чего я ждал и что готовил все эти годы. И он только что согласился позволить нам разыграть его карту так, как нам нужно. У нас есть шанс. Нелишне будет помолиться, всем нам... в ближайшем будущем. Мы ждали этого достаточно долго.

Баэрд сидел совершенно неподвижно.

— Достаточно долго, — наконец повторил он, и что-то в его голосе заставило Дэвина похолодеть. — Да осветит Эанна твой путь в дни Поста и дальше. — Он помолчал, бросил взгляд на Эрлейна. — Путь всех троих.

Выражение лица Алессана говорило о многом.

— И ваш путь, всех троих, — единственное, что он сказал, потом повернул коня и тронулся в путь на запад.

Следуя за ним, Дэвин оглянулся один раз и увидел, что Баэрд не двинулся с места. Он сидел верхом и смотрел на них, и солнечный свет падал на его волосы и бороду, снова окрасив их в тот золотистый цвет, который Дэвин помнил с их первой встречи. Он был уже слишком далеко, чтобы разглядеть выражение его лица.

Дэвин прощальным жестом поднял руку, широко расставив пальцы, и с радостным удивлением увидел, как Эрлейн внезапно сделал то же самое.

Баэрд высоко поднял руку, приветствуя их, потом дернул повод коня и повернул его на север.

Алессан скакал ровным галопом к заходящему солнцу и ни разу не оглянулся.

Часть IV

ЦЕНА КРОВИ

Глава 13

Где-то перед рассветом — Дианора не знала, который час, — она поднялась с постели и подошла к окнам, выходящим на балкон. Она так и не спала всю ночь. Как не спал и ее брат, вдали от нее, на юге: он сражался вместе с Ходоками, а потом встречал вместе с женщиной начало весны на вершине холма, отвоеванного у Тьмы.

Сама она провела эту ночь в одиночестве, лежа в своей постели, и ее посещали призраки и воспоминания. Теперь она смотрела в холодную тьму, в которой не было ни намека на весну или на обещание будущих всходов. Предутренние звезды все еще сияли, но луна уже давно зашла. С моря дул ветер. Она едва различала флаги, развевающиеся на мачтах кораблей в гавани у мола Прыжка за Кольцом.

Один из этих кораблей только что приплыл из Играта. Он доставил сюда Изолу, певицу. А назад поплывет без нее.

— Сварить кав, госпожа? — тихо спросил Шелто у нее за спиной.

Не оборачиваясь, Дианора кивнула.

— Пожалуйста. А потом приходи посидеть со мной, нам надо поговорить.

Если она будет действовать достаточно быстро, думала Дианора, если раскрутит все, не оставив себе времени на колебания и страх, то у нее, возможно, и получится. Иначе она пропала.

Дианора слышала, как Шелто возится на маленькой кухне, устроенной в ее апартаментах. Огонь в очаге поддерживали всю ночь. Может быть, Играт и не соблюдал тех же весенних и осенних обрядов, что и жители Ладони, но Брандин редко препятствовал соблюдению местных обычаев и ритуалов, и Дианора никогда не зажигала огня в дни Поста. Как и большинство женщин сейшана, если на то пошло. Восточное крыло дворца еще две ночи будет погружено в темноту после захода солнца.

Она хотела выйти на балкон, но ей показалось, что слишком

холодно. Внизу еще не было заметно никаких признаков жизни. Она подумала о Камене ди Кьяре. С восходом солнца его, вероятно, выведут со сломанными костями и оставят умирать на колесе на виду у народа. Об этом она тоже запретила себе думать.

— Вот кав, — сказал Шелто. — Я сделал его очень крепким, — неловко прибавил он.

Тут она все же обернулась, и сердце ее защемило при виде беспомощности и тревоги в его взгляде. Она понимала, как его душа болела за нее в эту ночь. Бессонница оставила следы на его лице, и на ее лице тоже, подумала Дианора. Она догадывалась, как выглядит в это утро. Она заставила себя улыбнуться и взяла у него предложенную кружку. Ее руке стало тепло и приятно еще до того, как она сделала первый глоток.

Дианора села на стул у окна и указала Шелто на второй. Он секунду поколебался, затем сел. Она молчала, взвешивая свои слова. И внезапно осознала, что не знает, как подойти к этому тонко. Вот тебе и циничная придворная интриганка, насмешливо подумала она.

Глубоко вздохнув, она сказала:

— Шелто, мне нужно уйти сегодня утром на гору, одной. Я знаю, как это сложно, но у меня на то свои причины, и очень важные. Как мы можем это устроить?

Он наморщил свой гладкий лоб. Он молчал, и Дианора увидела, что он думает, как ответить на ее вопрос, не пытаясь понять или осудить. Она опасалась другой реакции, но с опозданием осознала, что боялась зря. С Шелто не надо было бояться.

— Это будет зависеть от того, состоится ли сегодня бег в гору.

Сердце ее наполнила любовь к нему. Он даже не спросил ее о причинах.

— Почему он может не состояться? — задала Дианора глупый вопрос и еще до его ответа поняла почему.

— Камена, — сказал он. — Не знаю, разрешит ли король устроить эти соревнования в день казни. Если они все же состоятся, вас пригласят посмотреть на завершение бега из королевского павильона на лугу, как обычно.

— Мне необходимо быть одной, — повторила она. — И наверху, на горе.

— Одной, но вместе со мной, — поправил он. Это была почти мольба.

Дианора сделал глоток из кружки. Это был трудный момент.

— Часть пути, Шелто, — сказала она. — Мне необходимо сделать там одно дело, самой. Мне придется оставить тебя на

полпути к вершине. — Она смотрела, как он колеблется. И прибавила, пока он не заговорил: — Я бы не стала так говорить, если бы это не было необходимо. Никого, кроме тебя, я бы не хотела видеть рядом с собой.

Она не объяснила, для чего именно это необходимо, и видела, как он борется с желанием задать ей этот вопрос. Но все же Шелто сдержался, и Дианора понимала, чего ему это стоило.

Он встал.

— Тогда мне надо узнать, что происходит. Я скоро вернусь. Если соревнование состоится, то у нас, по крайней мере, будет предлог выйти из дворца. Если нет, нам придется думать дальше.

Она с благодарностью кивнула и проводила его взглядом, аккуратного и подтянутого, внушающего бесконечную уверенность своей надежностью. Дианора допила кав, глядя в окно. За окном все еще было темно. Она прошла в соседнюю комнату, умылась и оделась с особой тщательностью, понимая, что сегодня это может иметь значение. Выбрала простое платье из коричневой шерсти с поясом на талии. Стояли дни Поста, не подходящее время для роскошных нарядов. У платья имелся капюшон, куда можно было спрятать волосы, это тоже могло иметь значение.

К тому времени как Дианора была готова, вернулся Шелто. На его лице было странное выражение.

— Они бегут, — сообщил он. — А Камену не казнят на колесе.

— Что с ним случилось? — спросила она, испытывая инстинктивный ужас.

Шелто заколебался.

— Пустили слух, что ему уже дарована милосердная смерть. Потому что подлинные заговорщики сидят в Играте, а Камена — всего лишь жертва, орудие.

Она кивнула.

— А что произошло в действительности?

Лицо Шелто помрачнело.

— Может быть, вам этого лучше не знать, госпожа.

Возможно, он прав, подумала Дианора. Но она уже зашла слишком далеко этой ночью, и ей предстоит еще более долгий путь. Это утро не допускало возможности спрятаться под чью-то защиту.

— Возможно, — только и сказала она. — Но я бы предпочла, чтобы ты мне рассказал, Шелто.

Он несколько секунд помолчал.

— Мне сказали, что его собираются изменить. Рун стареет, а

у короля должен быть шут. Необходимо подготовить замену, а на это может уйти много времени, в зависимости от обстоятельств.

Обстоятельства, подумала Дианора, и ее затошнило. Например, является ли запасной шут здоровым, талантливым, нормальным молодым человеком, любящим свою родину.

Даже понимая, чем шуты Играта были для его королей, даже сознавая, что Камена пожертвовал своей жизнью, совершая вчерашний поступок, она все равно не могла удержать тошноту, думая о значении слов Шелто. Вспомнила, как Рун рубил вчера тело Изолы. Вспомнила лицо Брандина. И заставила себя не думать об этом. Она не могла себе позволить думать о Брандине в это утро. Собственно говоря, лучше вообще ни о чем не думать.

— Меня еще не вызывали? — напряженным голосом спросила она.

— Пока нет. Позовут. — Его голос тоже звучал напряженно, новости о Камене, очевидно, его тоже взволновали.

— Я знаю, — сказала она. — Но не думаю, что мы можем ждать. Если я выйду вместе с остальными, то уже не смогу ускользнуть. Что произойдет, как ты думаешь, если мы вдвоем попытаемся уйти сейчас?

Ее голос был спокойным и ровным. Лицо Шелто стало задумчивым.

— Можем попробовать, — ответил он, помолчав.

Ее страх объяснялся просто: если она будет ждать слишком долго или думать слишком много, ее парализуют сомнения. Главное — действовать, продолжать действовать, пока она не доберется до определенного места.

Что случится потом, если вообще что-нибудь случится, она оставит на милость богов Триады.

С сильно бьющимся сердцем Дианора вслед за Шелто вышла из своих комнат в главный коридор сейшана. Первые тонкие лучи света уже проникали в окна восточного крыла. Они вдвоем направились в другую сторону и по дороге встретили двух молодых кастратов, идущих в сторону апартаментов Венчеля. Дианора посмотрела на них в упор. И впервые испытала удовольствие, увидев промелькнувший в глазах обоих мальчиков страх. Сегодня страх был оружием, а ей понадобится все оружие, какое только она сможет отыскать.

Шелто повел ее дальше, не спеша, вниз по широкой лестнице к двойным дверям, выходящим наружу. Она догнала его как раз в тот момент, когда он постучал. Когда стражник снаружи

открыл их, она шагнула через порог, не дожидаясь его вопроса или объявления Шелто. Проходя мимо, она бросила на него спокойный взгляд и увидела, как он широко раскрыл глаза, узнав ее. Дианора пошла дальше по широкому коридору. Проходя мимо второго стражника, она увидела, что он — тот самый юноша, которому вчера улыбнулась. Сегодня она не стала улыбаться.

Дианора услышала, как Шелто за ее спиной произнес быструю неразборчивую фразу, а потом вторую, в ответ на вопрос. Потом услышала его шаги в коридоре. Через секунду дверь за ними закрылась. Шелто догнал ее.

— Мне кажется, нужно быть очень большим храбрецом, чтобы остановить вас сегодня, — тихо сказал он. — Они все знают, что произошло вчера. Удачное утро для подобной попытки.

Единственное утро для подобной попытки, подумала Дианора.

— Что ты им сказал? — спросила она на ходу.

— То, что смог придумать. Вы идете на встречу с д'Эймоном, чтобы обсудить вчерашнее происшествие.

Дианора замедлила шаги, обдумывая эту мысль, и в ее мозгу забрезжил план, подобно первым слабым лучам солнца, встающего на востоке над горами.

— Хорошо, — сказала она, кивая. — Очень хорошо, Шелто. Это именно то, что я собираюсь сделать. — Еще два стражника прошли мимо, не обратив на них никакого внимания. — Шелто, — сказала она, когда они снова остались одни, — мне нужно, чтобы ты нашел д'Эймона. Скажи ему, что я хочу поговорить с ним наедине до того, как мы все пойдем сегодня днем наблюдать за финишем бега. Скажи ему, что я буду ждать в Королевском саду через два часа.

Двух часов может хватить, а может и не хватить, она этого не знала. Но знала, что где-то на обширном пространстве Королевского сада, с северной стороны от дворца, имеется калитка, выходящая в луга, а оттуда идет тропа к склонам Сангариоса.

Шелто остановился, и она тоже вынуждена была остановиться.

— Вы собираетесь пойти туда без меня, да? — спросил он.

Она не хотела ему лгать.

— Да. Я собираюсь успеть на эту встречу вовремя. После того как передашь ему мою просьбу, возвращайся в сейшан. Он не знает, что мы уже вышли из дворца, поэтому пошлет за мной. Проследи, чтобы его послание попало прямо к тебе, мне все равно как.

— Обычно они и так попадают ко мне, — тихо ответил он, явно недовольный.

— Я знаю. Когда он пришлет за мной, у нас будет оправдание для выхода из дворца. Через два часа спускайся вниз. Я должна быть в саду вместе с ним. Ищи нас там.

— А если вас там не будет?

Дианора пожала плечами.

— Тяни время. Надейся. Я должна это сделать, Шелто, как я тебе уже говорила.

Он еще мгновение смотрел на нее, затем согласно кивнул. Они пошли дальше. Перед самым поворотом влево, на парадную лестницу, Шелто повернул направо, и они спустились вниз по меньшей лестнице на первый этаж. Она привела их в еще один коридор, тянущийся с востока на запад. Там никого не было. Дворец еще только просыпался.

Дианора взглянула на Шелто. Их взгляды встретились. На неуловимое мгновение она испытала острое желание признаться ему во всем, сделать из друга союзника. Но что она могла сказать? Как объяснить посреди коридора, на рассвете, темную ночь и череду лет, которые привели ее сюда?

Она положила руку ему на плечо и сжала его.

— Теперь иди, — сказала она. — Со мной все будет в порядке.

Не оглядываясь, Дианора прошла немного по коридору, толкнула двойные стеклянные двери, ведущие в лабиринт Королевского сада, и одна вышла в серый, холодный предрассветный сумрак.

Его не всегда называли Королевским садом, и не всегда он был таким диким, как сейчас. Великие герцоги Кьяры в течение многих поколений создавали это место для собственного удовольствия, и оно менялось с годами вместе со вкусами и модой Островного двора.

Когда Брандин Игратский впервые приехал сюда, сад представлял собой блестящий образец регулярной парковой архитектуры: живые изгороди искусно подстрижены в форме птиц и животных, деревья расположены на точно отмеренном расстоянии друг от друга по всему огромному пространству огороженного стенами сада, широкие аллеи с фигурными скамейками, стоящими недалеко друг от друга под благоухающими, тенистыми деревьями седжойи. Там был один опрятный квадратный лабиринт со скамьей влюбленных в центре и многочисленные клумбы цветов, старательно подобранных по оттенкам.

Банальным и скучным назвал его король Играта, когда впервые прошелся по саду.

За два года сад изменился. И очень сильно. Дорожки стали у́же, усыпанные листьями с нестриженых кустов летом и осенью. Казалось, они произвольно вьются сквозь густые рощи деревьев, с большими трудами привезенных со склонов гор и из лесов на севере острова. Некоторые из фигурных скамеек сохранились, и пышные, ароматные клумбы тоже, но живые изгороди в виде птиц и кусты в виде животных исчезли в первую очередь. Прежде аккуратным, симметрично подстриженным кустарникам и кустам серрано позволили разрастаться, и они стали высокими и мрачными, как деревья. Лабиринт исчез — теперь весь сад превратился в лабиринт.

Подземный источник заключили в трубы и отвели в сторону, теперь отовсюду слышался шум бегущей воды. Можно было наткнуться на заросшие пруды, над которыми свисали ветви деревьев, давая тень в летнюю жару. Теперь Королевский сад стал странным местом, не заросший и, уж конечно, не заброшенный, но намеренно организованный так, чтобы внушать чувство неподвижности и изоляции, и даже — иногда — опасности.

Например, в такое время, как сейчас, когда еще дует холодный предрассветный ветер, а едва поднявшееся солнце только начинает согревать воздух. Только самые первые почки на ветвях деревьев, и только первые весенние цветы — анемоны и дикие розы кайана — разнообразили цветовыми вспышками бесцветное утро. Зимние деревья темнели на фоне серого неба.

Дианора задрожала и закрыла за собой стеклянные двери. Глубоко вдохнула холодный воздух и взглянула вверх на облака высоко над горой, скрывающие пик Сангариоса. К востоку облака начинали рассеиваться: позднее день будет ясным. Но не сейчас. Она стояла на краю дикого сада в конце зимы и пыталась вызвать в своей душе стойкость и спокойствие.

Она знала, что в северной стене есть калитка, но не помнила точно где. Брандин показал ей эту калитку однажды летней ночью, много лет назад, когда они долго бесцельно бродили среди светлячков под стрекот кузнечиков и плеск невидимой воды в темноте рядом с освещенными факелами тропинками. Он привел ее к калитке, полускрытой вьющимися лозами и кустами роз, на которую однажды случайно наткнулся. Он показал ее Дианоре в темноте, при свете факелов за спиной и голубой луны Иларион над головой.

Он держал ее за руку в ту ночь, пока они гуляли, вспомнила

Дианора, и беседовал с ней о травах и о свойствах цветов. Рассказал ей игратянскую сказку о лесной принцессе, родившейся в далекой, чужой стране, на заколдованной постели из снежно-белых цветов, которые расцветают только в темноте.

Дианора тряхнула головой, отгоняя эти воспоминания, и быстро зашагала по одной из узких, усыпанных галькой тропинок, которая уходила среди деревьев на северо-восток. Через двадцать шагов она оглянулась и уже не увидела дворца. У нее над головой начинали петь птицы. Было по-прежнему холодно. Она натянула капюшон и почувствовала себя в своих коричневых одеждах жрицей неведомого лесного бога.

Подумав так, она вознесла молитву этому неизвестному ей богу, Мориан и Эанне, чтобы Триада даровала ей мудрость и чистое сердце, на поиски которого она вышла в это утро Поста. Дианора остро сознавала, что это за день.

Почти в эту самую минуту Алессан, принц Тиганы, выехал из замка Борсо в горах Чертандо на встречу на перевале Брачио, которая, как он считал, может изменить мир.

Дианора прошла мимо клумбы анемонов, еще слишком маленьких и нежных, чтобы их сорвать. Они были белыми, что указывало на их принадлежность Эанне. Красные принадлежали Мориан, только в Тригии считалось, что их обрызгала кровь Адаона на его горе. Она остановилась и посмотрела вниз, на цветы. Их хрупкие лепестки дрожали от ветра. Ее мысли вернулись к сказке Брандина о далекой принцессе, рожденной под летними звездами, в колыбели из таких цветов.

Тут Дианора закрыла глаза, понимая, что так не пойдет.

Медленно, намеренно, в поисках боли, чтобы подстегнуть себя, пробудить ярость, она вызвала из памяти образ отца, уезжающего на войну, потом матери, а потом Баэрда в окружении солдат на площади. И когда Дианора открыла глаза и двинулась дальше, в ее сердце не осталось и следа той волшебной сказки.

Тропинки безнадежно путались, но основная масса облаков над горой была на севере, и она старалась держать направление на нее. Странно было блуждать вот так, почти потерявшись среди деревьев, и Дианора с испугом поняла, что уже очень много лет не испытывала такого одиночества.

В ее распоряжении оставалось всего два часа, а идти было очень далеко. Она ускорила шаги. Чуть позже справа от нее взошло солнце, и когда она в следующий раз взглянула вверх, часть неба уже стала голубой, и в этой голубизне кружились чайки. Она сняла капюшон и тряхнула головой, освобождая длинные

волосы, и в ту же секунду увидела толстую высокую северную стену из серого камня за рощей оливковых деревьев.

Стена вся заросла виноградными лозами и пучками мха, пурпурными и темно-зелеными. Тропинка заканчивалась у олив, разветвляясь на запад и восток. Она несколько секунд постояла в нерешительности, пытаясь сориентироваться, вспоминая то лето и ночные факелы. Потом пожала плечами и пошла на запад, потому что так ей подсказывало сердце.

Через десять минут, обогнув пруд, в котором дрожало отражение белых облаков, Дианора подошла к калитке.

Она остановилась, ей вдруг снова стало холодно, хотя утро теперь, с восходом солнца, стало теплым. Она посмотрела на арку калитки и ржавые железные петли. Калитка была очень старой; кажется, на ней когда-то было что-то вырезано, но теперь это изображение или символ почти совершенно стерся. Калитка заросла плющом и виноградом. Розовый куст, который она помнила, еще стоял голый в этот первый весенний день, но колючки на нем были длинными и острыми. Дианора увидела тяжелый засов, такой же ржавый, как и петли. Замок отсутствовал, но она внезапно испугалась, что ей не удастся отодвинуть ржавый засов. Интересно, подумала она, кто последним выходил из этой калитки на луг. Кто, и когда, и зачем. Она подумала о том, чтобы перелезть через стену, и посмотрела вверх. Высота стены составляла десять футов, но Дианора подумала, нет ли на ней опор для рук и ступней. Она уже собиралась двинуться вперед, но тут услышала у себя за спиной какой-то звук.

После, размышляя над этим, Дианора пыталась понять, почему не испугалась еще больше. Где-то в глубине ее души, решила она, таилось предчувствие, что такое может произойти. Серая скала на склоне горы была всего лишь отправной точкой. Не было никаких причин надеяться, что она найдет эту скалу, или то, что ей нужно.

Она обернулась к Королевскому саду, одна среди деревьев и ранних цветов, и увидела ризелку, расчесывающую свои длинные зеленые волосы у пруда.

«Их находят только тогда, когда они сами этого хотят», — вспомнила Дианора. А потом ей в голову пришла еще одна мысль, и она быстро оглянулась, нет ли рядом кого-нибудь еще.

Но они были совершенно одни в саду, вернее, в этой части сада. Ризелка улыбнулась, словно прочла мысли Дианоры. Она оказалась обнаженной, маленькой и очень хрупкой, но волосы у нее были такие длинные, что могли служить ей одеждой. Ее ко-

жа, как и говорил Брандин, была прозрачной, а глаза огромными, почти пугающими, белыми, как молоко, на бледном белом лице.

«Она похожа на тебя», — сказал Брандин. Или нет. «Она напомнила мне тебя», — вот как он сказал. И каким-то потусторонним, пугающим образом Дианора почувствовала, что он имел в виду. Она помнила себя в год падения Тиганы, слишком худую и бледную, почти с такими же огромными глазами на вытянутом лице.

Но Брандин никогда не видел и не знал ее такой.

Дианора задрожала. Улыбка ризелки стала шире. В ней не было никакой теплоты, никакого утешения. Дианора не знала, ожидала ли она найти то или другое. Она и правда не знала, что ожидала найти. Она пришла, надеясь ясно увидеть свой путь, о котором говорилось в древнем предсказании, и, по-видимому, если ей суждено его найти, то это произойдет здесь, среди прихотливо извивающихся тропинок Королевского сада.

Ризелка была красива так, что дух захватывало, но эта красота не имела отношения к красоте смертных. У Дианоры пересохло во рту. Она даже не пыталась заговорить. Стояла совершенно неподвижно в своем простом коричневом платье, с распущенными темными волосами, спускающимися по спине, и смотрела, как ризелка положила белый, как кость, гребень на каменную скамью у пруда и сделала ей знак рукой.

У Дианоры начали дрожать руки, она сошла с тропинки, прошла под аркой деревьев и остановилась перед этим бледным, неуловимым существом из легенды. Она стояла так близко, что видела, как сияют зеленые волосы в мягком утреннем свете. В бледных глазах были тень и глубина. Ризелка подняла одну руку, пальцы на которой были длиннее и тоньше, чем у любой смертной женщины, она подняла ее к лицу Дианоры и прикоснулась к нему.

Прикосновение оказалось прохладным, но не таким холодным, как она боялась. Ризелка нежно провела по ее щеке и по горлу. А потом ее загадочная, нездешняя улыбка снова стала шире, рука скользнула ниже, она расстегнула пуговку на платье Дианоры и потрогала ее груди. Сначала одну, потом вторую, не спеша, все время улыбаясь этой своей таинственной улыбкой.

Дианора дрожала и не могла заставить себя унять дрожь. Потрясенная и испуганная, она почувствовала, как ее тело невольно ответило на это изучающее прикосновение. Она видела детские груди ризелки, полускрытые завесой волос. Неожиданно

колени ее ослабели. Раздвинутые в улыбке губы ризелки открывали мелкие, острые, очень белые зубки. Дианора глотнула, чувствуя в сердце боль, которую сама не понимала. Она молча покачала головой, не в состоянии заговорить. И почувствовала, что плачет.

Улыбка ризелки погасла. Она убрала руку и снова застегнула платье, почти извиняющимся жестом. Потом так же нежно, как и раньше, протянула руку и дотронулась до одной слезинки на щеке Дианоры. Затем поднесла палец к губам и лизнула его, пробуя на вкус.

Она и есть ребенок, внезапно подумала Дианора, эта мысль нахлынула, словно волна прилива на берег. И она тотчас же поняла, что это правда, сколько бы лет ни прожило это создание. Она спросила себя, не та ли это стройная, божественная фигурка, которую видел Баэрд при лунном свете у моря в ту ночь, когда ушел из дома.

Ризелка дотронулась до следующей слезы и тоже попробовала ее на вкус. Ее глаза были такими большими, что у Дианоры возникло ощущение, будто она может упасть в них и больше никогда не выбраться оттуда. Это был очень соблазнительный образ, путь к забвению. Она еще секунду смотрела на ризелку, потом медленно, с усилием снова покачала головой.

— Пожалуйста, — прошептала она, переполненная желанием и испуганная им. Она боялась, что слова, желание или томление — что угодно — могут спугнуть ризелку.

Зеленоволосое создание повернулось, и пальцы Дианоры сжались в кулаки. Но ризелка оглянулась через плечо, лицо ее теперь было серьезным, без улыбки, и Дианора поняла, что должна идти следом.

Они подошли к краю пруда. Ризелка смотрела в воду, и Дианора сделала то же самое. Она увидела отражение голубого неба над головой, одинокую белую чайку, разрезающую воздух над прудом, темно-зеленые кипарисы, похожие на часовых, и ветви других деревьев, еще лишенные листвы. И пока она смотрела, поняла, что именно здесь не так, и ее охватил холод слишком рано вернувшейся зимы. Ветер дул над ними и вокруг них, она слышала его в ветвях и чувствовала на лице и в волосах, но вода в пруду была абсолютно неподвижной, словно зеркало, на ней не было ни морщинки от ветра, ни движения в собственной глубине.

Дианора отпрянула от края и повернулась к ризелке. Та смотрела на нее, ее зеленые волосы развевал ветер, сдувал их с ее ма-

ленького белого личика. Глаза теперь потемнели, затуманились, она уже не была похожа на ребенка. Она была похожа на одну из сил природы или на посланницу такой силы, в которой нет жалости к смертным. Здесь не найдешь ни доброты, ни защиты. Но Дианора, борясь с подступающим страхом, напомнила себе, что пришла сюда не за защитой, а чтобы узнать свой путь. Она увидела, что ризелка держит в руке маленький белый камешек, и увидела, как она бросила этот камешек в воду.

Никакой ряби. Вообще никакого движения. Камень погрузился в воду без следа. Но вскоре после этого поверхность пруда изменилась, потемнела, а потом отражения в ней исчезли. Никаких кипарисов. Никакого утреннего неба над головой. Никаких голых деревьев, обрамляющих полет чаек. Вода стала слишком темной, она ничего не отражала. Но Дианора почувствовала, как ризелка взяла ее за руку и потянула, мягко, но неумолимо, обратно к краю пруда, и она посмотрела вниз, так как вышла из сейшана, чтобы узнать эту правду, это знамение. И в темной воде она увидела отражение.

Не свое или ризелки, вообще ничего похожего на Королевский сад в первый день Поста. Вместо него она увидела изображение другого времени года, поздней весны или лета, большую толпу людей и даже каким-то образом услышала голоса этой толпы, а фоном голосам служил непрерывный шелест и шум волн.

И в глубине пруда Дианора увидела себя, одетую в платье такого же зеленого цвета, как волосы ризелки. Она шла одна в толпе этих людей. А потом увидела в пруду, куда она идет.

В то мгновение к ней на секунду прикоснулась ледяная рука страха и исчезла. Она почувствовала, как замедляется бешеное биение ее сердца все больше и больше. Глубокое спокойствие снизошло на нее. А через мгновение, вместе с грузом печали, пришло решение принять свою судьбу. Многие годы ей снился по ночам такой конец. В это утро она вышла из сейшана на поиски этой уверенности. А теперь, над этим прудом, ее путь наконец стал для нее ясным, и Дианора увидела, что он ведет в море.

Голоса толпы растаяли, а затем и вся картина, и яркое летнее солнце. Пруд снова стал темным и ничего не отражал.

Через некоторое время, через несколько то ли мгновений, то ли часов, Дианора снова подняла глаза. Ризелка все еще стояла рядом. Дианора посмотрела в бледные глаза, намного более

светлые, чем зачарованные воды, но не менее глубокие, и снова увидела себя ребенком, каким была много лет назад.

— Спасибо, — прошептала она. И еще: — Я понимаю.

И она стояла неподвижно и даже не дрогнула, когда ризелка приподнялась на цыпочки и поцеловала ее в губы прикосновением нежным, словно крыло бабочки. На этот раз не было и намека на страсть ни в дарящей, ни в принимающей поцелуй. Все уже закончилось, совершилось. На губах ризелки чувствовался привкус соли. То была соль ее собственных слез, поняла Дианора. Она уже совсем не ощущала страха, лишь тихую печаль, подобную гладкому камню в сердце.

Она услышала плеск и снова повернулась к пруду. Кипарисы опять отражались в нем, и теперь их отражения дрожали и ломались на мелкой ряби, поднятой ветром.

Когда Дианора опять подняла глаза, отбрасывая с лица волосы, то увидела, что осталась одна.

Когда Дианора снова вышла на открытое место перед входом во дворец, д'Эймон ее уже ждал, одетый в официальные одежды серого цвета, со Знаком Власти на шее. Он сидел на каменной скамье, прислонив к ней свой жезл. Шелто топтался у дверей, и Дианора заметила промелькнувшее на его лице выражение облегчения, которое он не смог скрыть, когда она показалась из-за деревьев.

Она остановилась, посмотрела на канцлера и позволила себе слегка улыбнуться. Конечно, это было притворство, но она к этому времени научилась прибегать к нему без участия сознания. На обычно непроницаемом лице д'Эймона она прочла раздражение, и гнев, и другие намеки на то, что случилось вчера. Вероятно, он готовится к бою, догадалась она. Было трудно, невероятно трудно переключиться снова на государственные дела и придворные манеры. Но это было необходимо.

— Вы опоздали, — мягко заметила Дианора, приближаясь к нему. Он встал ей навстречу, проявляя безупречную воспитанность. — Я прошлась по саду. Уже начинают зацветать анемоны.

— Я пришел точно в назначенное время, — ответил д'Эймон.

Когда-то она могла испугаться, но не сейчас. Он надел на шею Знак, стремясь подтвердить свою власть, она понимала, как сильно должно было вчерашнее происшествие выбить его из колеи. Дианора не сомневалась, что он вчера ночью сказал Брандину, что покончит с собой; он был человеком, для которого ста-

рые традиции имели большое значение. Во всяком случае, она была защищена от него броней: сегодня утром она видела ризелку.

— Значит, я пришла раньше времени, — небрежно сказала Дианора. — Простите меня. Приятно, что вы так хорошо выглядите после вчерашних событий. Вам пришлось долго ждать?

— Достаточно долго. Ты хотела поговорить о вчерашнем дне, как я понимаю. О чем именно?

Дианора никогда еще не слышала от д'Эймона непоследовательного замечания, не говоря уже о шутке.

Не уступая его попытке поторопить ее, Дианора села на скамью, с которой он только что поднялся, и расправила на коленях коричневое платье. Сплела пальцы опущенных рук и подняла глаза. Выражение ее лица стало вдруг таким же холодным, как и у него самого.

— Он вчера чуть не погиб, — напрямик сказала она, лишь в последнюю секунду решив, какой путь избрать. — Он мог умереть. Вы знаете почему, канцлер? — Она не стала ждать ответа. — Король едва не погиб потому, что ваши люди были слишком благодушны, или слишком небрежны, и не дали себе труда обыскать игратян. Вы считали, что опасность может исходить только из провинций Ладони? Я надеюсь, со вчерашними стражниками разберутся, д'Эймон. И очень быстро.

Она намеренно употребила его имя, а не титул. Он открыл рот, потом закрыл, явно проглотив готовый сорваться с губ резкий ответ. Она рисковала, видит Триада, как сильно она рисковала, но если она не использует представившийся ей случай, то другого уже не будет. Лицо д'Эймона побелело от гнева и изумления. Он сделал глубокий вдох, пытаясь сдержаться.

— С ними уже разобрались, — ответил он. — Они мертвы.

Этого она не ожидала. Но сделала над собой усилие, и ей удалось сохранить спокойное выражение лица.

— Это еще не все, — продолжала она развивать свое преимущество. — Я хочу знать, почему за Каменой ди Кьярой не следили, когда он ездил в прошлом году в Играт.

— За ним следили. Чего ты от нас ждала? Ты знаешь, кто стоит за вчерашним нападением. Ты слышала.

— Мы все слышали. Почему вы не знали об Изоле и королеве? — На этот раз язвительность, которую она вложила в эти слова, была подлинной, а не просто тактическим ходом.

Впервые Дианора заметила в его глазах искру сомнения. Он

теребил свой Знак, потом спохватился и опустил руку. Последовала короткая пауза.

— Я знал, — наконец ответил он. Их взгляды встретились, в его глазах горел сердитый вызов.

— Понятно, — ответила Дианора через мгновение и отвела взгляд. Солнце уже поднялось выше и заливало косыми лучами почти всю поляну. Если Дианора немного подвинется на скамье, то окажется в его теплом сиянии. Невысказанный вопрос в глазах д'Эймона повис в воздухе: «А ты бы рассказала королю, если бы узнала такое о его королеве?»

Дианора молчала, обдумывая последствия до конца. Признав это, поняла она, д'Эймон оказывался в ее власти, если он уже не был в ее власти после вчерашнего провала и после спасения ею короля. И вследствие этого, подумала она, ей грозит непосредственная опасность. Канцлер не тот человек, которого можно сбросить со счетов. Большинство обитателей сейшана имели собственное мнение насчет смерти Хлоизы ди Кьяры десять лет назад и насчет ее причин.

Дианора подняла взгляд и спрятала тревогу за нарастающим гневом.

— Чудесно, — ядовито сказала она. — Исключительно эффективная охрана. А теперь, конечно, из-за того, что мне пришлось сделать, ваш любимый придворный Незо просто обязан занять эту должность в Азоли. Ведь он получил почетную рану, спасая жизнь короля. Как это необыкновенно мудро с вашей стороны, д'Эймон!

Она рассчитала неверно. Впервые он улыбнулся, тонкогубой, безрадостной улыбкой.

— Так в этом все дело? — тихо спросил он.

Дианора еле удержалась от немедленного протеста. Она поняла, что ей выгодно, чтобы он так думал.

— И в этом тоже, — призналась она как бы нехотя. — Я хочу знать, почему вы отдавали предпочтение его назначению на должность в Азоли? Я собиралась поговорить с вами об этом.

— Я так и думал, — ответил он, и к нему вернулась некоторая доля его благодушия. — Я тоже проследил за некоторыми — не всеми, без сомнения, — подарками, которые получил Шелто за последние недели от твоего имени. Между прочим, вчера на тебе был великолепный кулон. Он оплачен деньгами Незо? Он пытался завоевать мою благосклонность с твоей помощью?

Он необыкновенно хорошо осведомлен и очень хитер. Это

Дианора всегда знала. Всегда было неразумно недооценивать канцлера.

— Эти деньги помогли его оплатить, — коротко ответила она. — Вы не ответили на мой вопрос. Почему вы отдаете предпочтение ему? Вы должны знать, что он за человек.

— Конечно, я знаю, — нетерпеливо ответил д'Эймон. — Иначе зачем мне хотеть, чтобы он убрался отсюда, как ты думаешь? Я хотел, чтобы он занял эту должность в Азоли, потому что не доверяю ему и не хочу держать при дворе. Я хочу убрать его подальше от короля в такое место, где его могут убить без лишних хлопот. Полагаю, я ответил на твой вопрос?

Дианора с трудом сдержалась. «Никогда, никогда нельзя его недооценивать», — снова сказала она себе.

— Да, — сказала она. — А кто может его убить?

— Это очевидно. Пройдет слух, что жители Азоли сделали это сами. Полагаю, Незо очень быстро даст им для этого повод.

— Конечно. А потом?

— А потом король проведет расследование и обнаружит, что Незо брал взятки в крупных размерах, а что он их будет брать, сомневаться не приходится. Мы казним кого-нибудь за убийство, но король решительно осудит методы и жадность Незо. Он назначит другого главного сборщика налогов и пообещает в будущем более справедливые меры. Думаю, это на время разрядит обстановку на севере Азоли.

— Хорошо, — произнесла Дианора, пытаясь не обращать внимания на небрежное «казним кого-нибудь». — И очень продуманно. Мне остается добавить только одно: новым сборщиком станет Раманус. — Она снова шла на риск. Когда речь шла о принципах, она оставалась пленницей и наложницей, а он был канцлером Играта и Западной Ладони. С другой стороны, существовали и другие способы измерять равновесие сил, и она старалась сосредоточиться на них.

Д'Эймон холодно смотрел на нее сверху вниз. Она выдержала его взгляд, ее глаза были широко раскрыты и смотрели неискренне.

— Меня давно забавляло то, — наконец произнес он, — что ты так покровительствуешь человеку, который захватил тебя. Можно подумать, что ты не возражала, что ты хотела этого.

Смертельно опасно, сверхъестественно близко к цели, но Дианора видела, что он ее испытывает, что этот выпад не имеет серьезной почвы. Она заставила себя расслабиться и улыбнулась.

— Как я могла возражать? Иначе я бы никогда не удостоилась таких приятных бесед, как эта. И в любом случае, — тон ее стал другим, — я действительно ему покровительствую. Ради блага жителей этого полуострова. А вы знаете, канцлер, что их благо всегда меня заботило. Он порядочный человек. Боюсь, что таких людей среди игратян немного.

Он несколько секунд молчал.

— Ты не знаешь, что это еще не все. — Но не успела Дианора понять его слова и удивительный тон, которым они были произнесены, как он прибавил: — Я серьезно подумывал о том, чтобы отравить тебя вчера ночью. Или предложить освободить и сделать гражданкой Играта.

— Какие крайности, дорогой мой! — Но Дианора чувствовала, что ее охватывает холод. — Разве вы не учили всех нас, что равновесие — это все?

— Учил, — серьезно ответил он, не поддаваясь на провокацию. Как всегда. — Имеешь ли ты понятие о том, что сделала с равновесием при дворе?

— А как я должна была вчера поступить, по-вашему? — спросила она очень резко.

— Речь совсем не об этом. Это очевидно. — На его щеках вспыхнули пятна, что было большой редкостью. Но он снова заговорил своим обычным тоном. — Я и сам думал о кандидатуре Рамануса на эту должность. Будет так, как ты предложила. А пока, я чуть было не забыл упомянуть, что король тебя звал. Я перехватил послание раньше, чем оно попало в сейшан. Он будет ждать в библиотеке.

Дианора стремительно вскочила, как он и предвидел, в страшном волнении.

— Давно? — быстро спросила она.

— Не очень. А что? Ты же любишь опаздывать. В саду цветут анемоны, можешь ему сказать об этом.

— Я могла бы сказать ему еще многое другое, д'Эймон. — Гнев душил ее. Она пыталась взять себя в руки.

— И я тоже. И Солорес, полагаю, тоже. Но мы редко это делаем, не так ли? Равновесие, как ты только что заметила, — это все. Вот почему мне все еще приходится быть очень осторожным, Дианора, несмотря на то что произошло вчера. Равновесие — это все. Не забывай об этом.

Она пыталась придумать ответ, оставить за собой последнее слово, но не смогла. Мысли ее разбегались. Он говорил о намерении ее убить, освободить, согласился на ее выбор кандидата в

Азоли, а потом снова угрожал ей. И все это в течение нескольких минут! И все это время король ждал ее, и д'Эймон знал об этом.

Дианора резко повернулась и с отчаянием подумала о своем неприглядном наряде и о том, что нет времени вернуться в сейшан и переодеться. Она чувствовала, что раскраснелась от гнева и тревоги.

Шелто явно слышал последние слова канцлера. Его глаза над сломанным носом смотрели озабоченно и виновато, хотя он никак не мог помешать д'Эймону перехватить послание.

Она остановилась у входа во дворец и оглянулась. Канцлер стоял один в саду, опираясь на палку, — высокая, серая, худая фигура на фоне голых деревьев. Небо над ним снова затянулось тучами. Неудивительно, язвительно подумала Дианора.

Потом вспомнила пруд, и ее настроение изменилось. Какое значение имеют эти придворные маневры, в конце концов? Д'Эймон делает только то, что должен делать, и она теперь поступит так же. Она увидела свой путь. Она сумела улыбнуться, снова обрела внутреннее спокойствие, хотя в центре его все еще лежал камень печали. Низко присела в официальном реверансе. Пораженный д'Эймон неуклюже изобразил поклон.

Дианора повернулась и вошла в дверь, которую открыл перед ней Шелто. Она снова пошла по коридору, поднялась по лестнице, прошла по идущему с севера на юг коридору, мимо двух тяжелый дверей. И остановилась перед третьей парой дверей. Больше по привычке, чем по другой причине, посмотрела на свое отражение в бронзовом щите, висящем на стене. Поправила платье и двумя руками провела по безнадежно растрепанным ветром волосам.

Затем постучала в двери библиотеки и вошла, крепко держась за свое спокойствие и образ пруда, за круглый камень знания и печали в своем сердце, который, как она надеялась, станет якорем в ее груди и не даст сердцу улететь.

Брандин стоял спиной к двери и смотрел на очень старую карту известного в то время мира, висящую над большим камином. Он не обернулся. Дианора подняла взгляд на карту. На ней полуостров Ладонь и даже еще больший массив суши, занятый Квилеей за горами, простирающимися далеко на юг, до самых Льдов, был нарисован таких же размеров, как Барбадиор и его Империя на востоке, и как Играт на западе за морем.

Бархатные шторы на окнах библиотеки не пропускали утренний свет, а в камине горел огонь, что ее встревожило. Ей бы-

ло трудно смотреть на огонь в дни Поста. Брандин держал в руке кочергу. Он был одет так же небрежно, как и она, в черный костюм для верховой езды и сапоги. Сапоги были покрыты грязью, наверное, он очень рано ездил верхом.

Дианора постаралась забыть встречу с д'Эймоном, но не с ризелкой в саду. Этот человек был центром ее жизни; что бы в ней ни менялось, это не изменилось, но встреча с ризелкой обозначила ее путь, а Брандин прошлой ночью бросил ее на растерзание одиночеству и бессоннице.

— Прости меня, мой господин, — сказала она. — Сегодня утром я говорила с канцлером, и он только сейчас сообщил мне, что ты ожидаешь меня здесь.

— Зачем ты с ним встречалась? — Богатый оттенками, знакомый голос звучал почти равнодушно. Казалось, Брандин был поглощен картой.

Она не стала лгать королю.

— По вопросу о должности главного сборщика налогов в Азоли. Я хотела выяснить, почему он покровительствует Незо.

В его голосе прозвучала легкая насмешка.

— Уверен, что д'Эймон привел тебе убедительные доводы. — Он наконец обернулся и в первый раз посмотрел на нее. Он выглядел точно так же, как всегда, и Дианора знала, что происходит всегда, когда их взгляды встречаются.

Но час назад она видела ризелку, и, наверное, что-то изменилось. Спокойствие не покинуло ее; ее сердце осталось дома. Она на мгновение прикрыла глаза, скорее для того, чтобы осознать значение этой перемены и исчезновения давней истины, чем для чего-то еще. Она почувствовала, что сейчас заплачет, по многим причинам, если не будет очень осторожной.

Брандин опустился в кресло у камина. Он выглядел усталым. Это проявлялось в мелочах, но она так давно его знала.

— Теперь мне придется отдать эту должность Незо, — сказал он. — Думаю, ты это понимаешь. Мне очень жаль.

Некоторые вещи не изменились: как всегда, он был серьезен и неожиданно учтив, когда говорил с ней о подобных вещах. Почему король Играта должен извиняться перед ней за то, что предпочел одного придворного другому? Дианора вошла в комнату, цепляясь за свою решимость, и, повинуясь взмаху его руки, опустилась на стул напротив него. Брандин смотрел на нее странным, почти отстраненным, пристальным взглядом. Интересно, что он видит, подумала она.

В дальнем конце комнаты послышался какой-то звук. Диа-

нора взглянула туда и увидела Руна, сидящего у второго камина. Он бездумно листал книжку с картинками. Его присутствие напомнило ей о чем-то, и гнев ее внезапно снова вернулся.

— Разумеется, ты должен предложить его Незо, — сказала она. — Азоли — это его награда за доблесть на службе королю.

Он почти не среагировал. Его губы чуть дрогнули, на лице отразилась легкая ирония, но он все еще казался погруженным в свои мысли и почти не слушал ее слов.

— Доблесть, мужество. Будут говорить нечто подобное, — рассеянно произнес он. — Д'Эймон уже вчера ночью начал распускать слухи, что это Незо спас мне жизнь.

На это она не среагировала. Не пожелала. Она даже не поняла, зачем он ей это говорит.

Вместо этого Дианора сказала, глядя через комнату на Руна, а не на короля:

— Это разумно, и тебе, конечно, известно, что мне все равно. Чего я не понимаю, это почему ты распускаешь лживые слухи насчет судьбы Камены. — Она сделала вдох и бросилась вперед очертя голову. — Мне известна правда. Это так чудовищно, так безобразно. Если нужно подготовить шута на смену Руну, зачем калечить целого, здорового человека? Зачем надо это делать?

Он долго не отвечал, а она боялась взглянуть на него. Рун, сидящий слишком далеко, чтобы слышать их, тем не менее перестал листать книгу и смотрел на них.

— Собственно говоря, имеются прецеденты, — вот что ответил в конце концов Брандин все еще мягким тоном. Но потом прибавил: — Вероятно, мне следовало уже давно забрать от тебя Шелто. Вы оба слишком многое узнаете, и слишком быстро.

Дианора открыла рот, но не нашла слов. Что она могла сказать? Она сама напросилась. Напросилась именно на это.

Но потом заметила краем глаза, что Брандин улыбается. Странная это была улыбка, и что-то странное было в его глазах, когда он смотрел на нее.

— Собственно говоря, Шелто еще сегодня утром был прав, но сейчас эти новости уже устарели.

— Что ты хочешь сказать? — Дианора почувствовала искреннюю тревогу. Сегодня утром в его поведении было нечто странное, и она никак не могла понять, что именно. Но не только усталость тому причиной, это она понимала.

— После прогулки верхом я отменил вчерашние распоряже-

ния, — тихо произнес Брандин. — Наверное, сейчас Камена уже умер. Легкой смертью. Точно так, как гласили слухи.

Дианора осознала, что руки ее крепко стиснуты на коленях. Не задумываясь, она задала бессмысленный вопрос:

— Это правда?

Он только приподнял брови, но она залилась краской.

— Мне нет нужды тебя обманывать, Дианора. Я приказал привести свидетелей из кьярцев, чтобы не осталось никаких сомнений. Что нужно тебе для подтверждения? Прислать тебе в комнату его голову?

Она снова опустила глаза, вспомнив о том, как лопнула голова Изолы, словно раздавленный плод. Она глотнула: он сделал это одним мановением руки. Дианора снова посмотрела на короля. И молча покачала головой. Что произошло во время его утренней прогулки верхом? Что происходит здесь сейчас?

Потом внезапно вспомнила, что еще произошло с ним вчера. На склоне горы, в том месте, где у беговой дорожки стоит серая скала. «Коль один мужчина ризелку узрит, его жизнь крутой поворот совершит».

Брандин снова повернулся к камину, положив ногу на ногу. И прислонил кочергу к своему креслу, поставив ее конец на каменную плиту перед камином.

— Ты не спросила меня, почему я изменил свои распоряжения. Это не похоже на тебя, Дианора.

— Я боюсь спрашивать, — честно ответила она.

При этих словах он оглянулся, теперь его черные брови не дрогнули, серые глаза пугали светившимся в них умом.

— Это на тебя тоже не похоже.

— Ты тоже не очень-то похож на себя сегодня.

— Это правда, — тихо ответил он. Несколько секунд он молча смотрел на нее, потом, казалось, подумал о другом.

— Скажи, у тебя с д'Эймоном был трудный разговор? Он тебя предостерегал или угрожал тебе?

Это не магия, настойчиво сказала она себе. Не чтение мыслей. Просто Брандин, как всегда, чувствует все нюансы, влияющие на тех, кто вращается по своим орбитам вокруг него.

— Напрямую — нет, — смущенно призналась она. Некогда она могла бы ухватиться за эту возможность, но настроение в это утро было таким странным. — Он расстроен из-за вчерашнего. Думаю, боится, что при дворе нарушится равновесие. Когда распространится слух, что это Незо спас тебе жизнь, мне кажется, канцлер почувствует облегчение. Ему нетрудно будет распустить подобный слух: все случилось слишком быстро. Сомневаюсь, что кто-то успел ясно все разглядеть.

На этот раз улыбка внимательно слушавшего Брандина была такой, какую она знала и любила. Они говорили на равных, их мысли текли по одному сложному пути. Но когда Дианора договорила, выражение его лица стало другим.

— Я все ясно видел, — сказал он.

Она снова отвела глаза и опустила взгляд на сложенные на коленях руки. «Твой путь теперь ясен, — сказала она себе так сурово, как только могла. — Помни об этом». Ей показали картинку, где она стоит у моря в зеленой одежде. И после вчерашней ночи сердце снова принадлежит ей самой. Его удерживает камень, надежно скрытый в груди.

— Согласен, легко будет распространить историю о Незо, — сказал Брандин. — Но я много думал вчера ночью, а потом во время утренней прогулки. Сегодня я поговорю с д'Эймоном, после того, как мы посмотрим окончание бега. Легенда, которую все услышат, станет правдой, Дианора.

Ей показалось, что она плохо его расслышала, а потом поняла, что расслышала правильно, и что-то в ней, казалось, достигло края, а потом перелилось через край, словно внутри нее находился бокал вина, полный до краев.

— Тебе следует почаще ездить верхом, — пробормотала она.

Он услышал. И тихо рассмеялся, но она не подняла глаз. У нее возникло настойчивое ощущение, что она не может позволить себе поднять глаза.

— Почему? — спросила Дианора, пристально глядя на свои сплетенные пальцы. — Два раза почему: насчет Камены и теперь этого?

Он молчал так долго, что в конце концов она осторожно подняла глаза. Но он опять отвернулся к камину и помешивал в нем кочергой. В дальнем конце комнаты Рун закрыл книгу и теперь стоял у стола, глядя на них обоих. Он был одет в черное, конечно. Точно так же, как и король.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе сказку, — очень тихо спросил Брандин Игратский, — которую слышал от няни в детстве, сказку о Финавире?

У Дианоры снова пересохло во рту. Что-то было в его тоне, в том, как он сидел, в непоследовательности его ответа.

— Нет. — Она пыталась прибавить какое-нибудь остроумное замечание, но не сумела.

— Финавир, или Финваир, — продолжал он, почти не до-

жидаясь ответа, не глядя на нее. — Когда я стал старше и заглянул в книгу сказок, то увидел, что он пишется и так, и так, а иногда еще двумя разными способами. Это часто случается со сказками, которые появились еще до того времени, как мы научились их записывать.

Он прислонил кочергу к подлокотнику кресла и сел, продолжая смотреть на языки пламени. Рун подошел к ним ближе, словно его привлекла эта история. Он теперь прислонился к одной из тяжелых штор на окнах и обеими руками стал теребить складки.

Брандин продолжал:

— В Играте иногда рассказывают эту сказку и иногда верят в то, что этот наш мир, здесь, в южных землях, и на севере, за пустынями и за тропическими лесами, — что бы там ни лежало, — всего лишь один из многих миров, которые боги создали во Времени. Говорят, что другие миры находятся далеко, разбросанные среди звезд, невидимые для нас.

— Здесь тоже существует такое поверье, — тихо произнесла Дианора, когда он сделал паузу. — В Чертандо. В горах когда-то существовало учение, очень похожее на это, хотя служители Триады сжигали людей, утверждавших это. — Это было правдой: в Чертандо устраивали массовые сожжения еретиков во времена чумы, много лет назад.

— Мы никогда не сжигали и не казнили на колесах людей за подобные мысли, — сказал Брандин. — Иногда над ними смеялись, но это другое дело. Не сомневаюсь, что моя няня рассказывала мне то, что узнала от своей матери, а та от своей: некоторые из нас снова рождаются в этих разных мирах до тех пор, пока наконец, если мы своей жизнью завоюем это право, мы не рождаемся в последний раз в Финавире, или Финваире, в ближайшем из всех миров к тому месту, где обитают истинные боги.

— А после этого? — спросила Дианора. Казалось, его слова стали частью магических чар, окутывающих этот день.

— После — никто не знает, или никто не сказал мне. И я не нашел этого ни в одном из свитков или книг, которые прочел, когда стал старше. — Он поерзал в кресле, его красивые руки покоились на резных подлокотниках. — Мне никогда не нравилась нянина легенда о Финавире. Существуют другие сказки, некоторые из них совсем не похожи на эту, и многие из них мне очень нравились, но почему-то запомнилась мне именно она. Меня это тревожило. Она делала наши жизни здесь просто прелюдией, они становились несущественными сами по себе, а имели

значение только для того, куда жизнь приведет нас потом. Мне всегда необходимо было чувствовать, что мои дела важны здесь и теперь.

— Кажется, я с тобой согласна, — сказала Дианора. Ее руки теперь мягко лежали на коленях; он создал иное настроение. — Но почему ты мне рассказываешь эту сказку, если она тебе никогда не нравилась?

Самый простой вопрос.

И Брандин ответил:

— Потому что в последние годы мне снится по ночам, что я заново родился далеко от всего этого, в Финавире. — Тут он впервые с того момента, как начал говорить о сказке, посмотрел прямо на нее, и его серые глаза были спокойными, а голос твердым, когда он произнес: — И во всех этих снах ты была рядом со мной, и ничто нас не разделяло, никто не встал между нами.

Дианора не была готова к этому. Совсем не готова, хотя, возможно, все время слышала какие-то намеки, но она была чересчур слепа и не замечала их. И сейчас она вдруг тоже ослепла, слезы потрясения и изумления наполнили ее глаза, а сердце отчаянно, настойчиво забилось в груди.

— Дианора, — продолжал Брандин, — ты была так нужна мне вчера ночью, что я сам себя испугался. Я не послал за тобой только потому, что мне необходимо было как-то примириться с тем, что случилось со мной, когда ты отвела стрелу Камены. Солорес — это обман для двора, не больше: чтобы они не подумали, что опасность лишила меня мужественности. Я провел всю ночь, шагая из угла в угол или сидя за столом, пытаясь понять, к чему пришла моя жизнь. Что это значит, если моя жена и единственный оставшийся в живых сын пытались меня убить и их попытка провалилась только благодаря тебе? И размышляя об этом, поглощенный этим, я лишь к рассвету осознал, что оставил тебя одну на всю ночь. Дорогая моя, простишь ли ты меня когда-нибудь за это?

«Я хочу, чтобы время остановилось, — думала Дианора, тщетно вытирая слезы, чтобы ясно увидеть его. — Я хочу никогда не покидать эту комнату, хочу снова и снова слышать эти слова, бесконечно, пока не умру».

— Во время утренней поездки я принял решение, — сказал он. — Думал о том, что сказала Изола, и наконец-то смог признать, что она права. Так как я не хочу и не могу изменить то, что

обязан сделать здесь, то должен быть готов заплатить за это сам, а не руками других жителей Играта.

Дианора дрожала, не в состоянии сдержать слезы. Он не прикасался к ней, даже не сделал движения к ней. У стоящего за его спиной Руна лицо превратилось в искаженную маску боли, и страсти, и чего-то еще. Того, что она иногда на нем видела, но не могла заставить себя поверить. Она закрыла глаза.

— Что ты собираешься сделать? — прошептала она. Говорить было трудно.

И тогда он ей рассказал. Рассказал все. Назвал ей тот поворот дороги, который выбрал. Она слушала, слезы падали теперь не так часто, вскипали в переполненном сердце, и наконец она поняла, что колесо делает полный оборот.

Слушая серьезный голос Брандина на фоне потрескивания пламени в день Поста, Дианора мысленным взором видела лишь картинки в воде. Темную воду в садовом пруду и море, которое ей в нем показали. И хотя она не обладала даром предвидения, она понимала, куда их всех ведут его слова.

Она заглянула в свое сердце. К своему величайшему горю почувствовав, что оно принадлежит ему, что оно все же не вернулось к ней. Но даже в этом случае, и это ужаснее всего, она знала, что произойдет.

В другие одинокие ночи в сейшане все эти годы она мечтала найти путь, который открывался перед ней сейчас, пока он говорил. В какой-то момент, слушая его, думая так, она больше не смогла вынести физического расстояния между ними. Она пересела со стула на ковер у его ног и положила голову ему на колени. Он опустил ладонь на ее волосы и стал гладить их, сверху вниз, непрерывным движением, рассказывая о том, что пришло ему в голову ночью и во время прогулки. Говорил о том, что готов, наконец, заплатить цену за то, что делал здесь, на Ладони. Говорил о той единственной вещи, к которой ей так и не удалось себя подготовить. О любви.

Она тихо плакала и не могла остановиться, а его слова все текли, и огонь медленно умирал в камине. Она оплакивала свою любовь к нему, свою семью и дом, свою невинность, потерянную с годами, и все, что она потеряла, и горше всего оплакивала все будущие предательства. Все предательства, которые ждали за стенами этой комнаты, там, куда унесет их неумолимый бег времени.

Глава 14

— Вперед! — закричал Алессан, указывая на ущелье между горами. — Там деревня!

Дэвин выругался, пригнул голову к шее коня, вонзил пятки в его бока и поскакал вслед за Эрлейном ди Сенцио на запад, к ущелью, на низкий красный солнечный диск.

Позади них вылетели из коричневатых горных сумерек, по крайней мере, восемь, а может, и двенадцать разбойников с гор. Дэвин не оглядывался назад, после того как бросил первый испуганный взгляд на бандитов и услышал их приказ остановиться.

Он считал, что у них нет шансов, как бы близко ни была от них деревня. Перед этим они долгие часы скакали во весь опор, и кони, взятые ими у Альенор, устали. Если придется скакать наперегонки с бандитами на свежих конях, им конец. Он стиснул зубы и погнал лошадь, не обращая внимания на боль в ноге и жжение в снова открывшихся ранах, полученных во время прыжка со скалы этим утром.

Ветер свистел в ушах. Дэвин увидел, как Алессан обернулся в седле, в его руках оказался туго натянутый лук. Принц выстрелил в сумерки, раз, потом второй, мускулы его окаменели и напряглись от усилия. Невероятная, отчаянная попытка при такой скорости и ветре.

Два человека вскрикнули. Дэвин быстро оглянулся и увидел, что один из них свалился с коня. Выпущенная бандитами пригоршня стрел упала на землю далеко от них троих.

— Они скачут медленнее! — прохрипел Эрлейн, тоже оглядываясь назад. — Как далеко до деревни?

— По ущелью еще минут двадцать! Гони! — Алессан не стал больше стрелять и низко пригнулся, чтобы заставить своего серого скакать быстрее. Они неслись по ветру вдоль закатного луча, между погруженными в тень, поросшими вереском склонами гор и влетели в ущелье между ними.

Но им не удалось выбраться из него.

Как раз в том месте, где тропа повторяла изгиб возвышающихся гребней, их ждали восемь всадников, выстроившихся в шеренгу поперек ущелья, которые хладнокровно целились в них из луков.

Беглецы резко остановили коней, подняв их на дыбы. Дэвин бросил взгляд через плечо и увидел, что преследовавшие их бандиты въезжают в ущелье за ними. Одна лошадь осталась без

всадника, и еще один человек держался за плечо, из которого торчала стрела.

Он взглянул на Алессана и увидел в глазах принца отчаянный вызов.

— Не будьте глупцом! — резко бросил Эрлейн. — Вы не сможете прорваться и не сможете убить столько людей.

— Я могу попытаться, — ответил Алессан, окидывая быстрым взглядом строй лучников и крутые склоны гор с обеих сторон и отчаянно стараясь найти какой-то выход. Но все же остановил коня и не поднял свой лук. — Прямо в ловушку. Какой блестящий конец двадцатилетних мечтаний! — В его голосе прозвучала едкая горечь, упрек самому себе.

Однако это правда, с большим опозданием понял Дэвин. Это ущелье между двумя горами было идеальным местом для засады, а, видят боги, в пустынных районах южного Чертандо достаточно бандитов. Сюда даже барбадиорские наемники редко забирались, а честные люди никогда не передвигались по дорогам в столь поздний час. С другой стороны, выбора у них не было, учитывая, как далеко им предстояло ехать и как они спешили.

Непохоже, чтобы им удалось попасть к месту назначения. Или куда-то еще. Было еще достаточно светло, чтобы разглядеть разбойников, и их вид не успокаивал. Пусть они были одеты разнообразно и небрежно, но лошади их совсем не напоминали тех разбитых кляч, на которых обычно ездят бандиты. Стоящие перед ними люди выглядели дисциплинированными, а оружие, нацеленное ими, было опасным. Все это явно походило на тщательно подготовленную засаду.

Один всадник выехал на несколько шагов вперед из молчаливой шеренги.

— Бросьте свои луки, — произнес он голосом, привыкшим командовать. — Не люблю разговаривать с вооруженными людьми.

— Я тоже, — мрачно ответил Алессан, пристально глядя на него. Но через мгновение бросил свой лук на землю. Эрлейн сделал то же самое.

— Мальчик тоже, — приказал вожак все еще тихим голосом.

Это был крупный мужчина средних лет, с широким лицом и пышной бородой, отливавшей красно-рыжим цветом в сгущающихся сумерках. Широкополая шляпа на голове скрывала глаза.

— У меня нет лука, — коротко сказал Дэвин и бросил меч.

Раздался издевательский смех столпившихся перед ними людей.

— Магиан, почему твои люди оказались на расстоянии полета стрелы? — спросил бородач уже громче. Сам он не смеялся. — Ты знал мои указания. Ты знаешь, как мы это делаем.

— Я не думал, что мы так близко, — раздался позади них сердитый голос, сопровождаемый топотом копыт. Это подъехали их преследователи. Ловушка захлопнулась спереди и сзади. — Его стрела полетела далеко при таком освещении и ветре. Ему просто повезло, Дукас.

— Ему бы так не повезло, если бы ты сделал свое дело как следует. Где Абхар?

— Получил стрелу в бедро и упал. Торре вернулся за ним.

— Пустая трата, — нахмурился рыжебородый. — Не люблю пустых трат. — Он теперь превратился в темный мощный силуэт на фоне заходящего солнца. За его спиной другие семеро всадников держали пленников на прицеле.

Алессан сказал:

— Если тебя оскорбляют пустые траты, то тебе не понравится итог этого вечера. У нас нечего вам дать, кроме оружия. Или жизней, если вы из тех, кто убивает ради удовольствия.

— Иногда, — ответил человек по имени Дукас, не повышая голоса. «Он говорит с пугающим спокойствием, — подумал Дэвин, — и твердо держит бразды правления бандой». — Двое моих людей умрут? Ты пользуешься отравленными стрелами?

На лице Алессана отразилось презрение.

— Нет, даже против барбадиоров. А вы?

— Иногда, — снова повторил бородатый вожак. — Особенно против барбадиоров. Это все же горы. — Он впервые улыбнулся холодной, волчьей улыбкой. У Дэвина внезапно возникло ощущение, что ему бы не хотелось иметь воспоминания этого человека или его сны.

Алессан промолчал. В ущелье становилось все темнее. Дэвин увидел, что он бросил вопросительный взгляд на Эрлейна. Чародей покачал головой, почти незаметным движением.

— Их слишком много, — прошептал он. — И, кроме того...

— Седой — чародей! — раздался выразительный голос из строя за спиной Дукаса.

Неуклюжий круглолицый человек выехал вперед и встал рядом с вожаком.

— Даже не помышляй об этом, — продолжал он, глядя в упор на Эрлейна. — Я сумею блокировать все, что ты попытаешься сделать.

Пораженный Дэвин взглянул на руки этого человека, но на таком расстоянии было трудно увидеть в темноте, все ли пальцы на месте. Но, наверное, двух не хватало.

Они случайно встретили еще одного чародея, и какая им теперь от этого польза?

— И сколько времени, по-твоему, понадобится Охотнику, чтобы найти тебя? — спросил Эрлейн шелковым голосом. — Если всплеск энергии от применения магии нами обоими приведет его к этому месту?

— Достаточно стрел нацелено тебе в горло и в сердце, — вмешался вожак, — чтобы этого не произошло. Но признаюсь, с каждой минутой приключение становится все более интересным. Лучник и чародей скачут под открытым небом в день Поста. Вы не боитесь мертвых? А чем занимается этот мальчик?

— Я певец, — мрачно ответил Дэвин. — Дэвин д'Азоли, недавно выступал в труппе Менико ди Ферната, если это вам о чем-нибудь говорит. — Очевидно, что сейчас важно было както поддержать беседу. Он слышал рассказы о том — возможно, так хотелось думать музыкантам, — что бандиты оставляли жизнь музыкантам в обмен на ночь пения. Ему в голову пришла одна мысль. — Вы приняли нас за барбадиоров, правда? Издалека. Поэтому устроили засаду.

— Певец. Умный певец, — пробормотал Дукас. — Пусть даже не настолько умный, чтобы сидеть дома в день Поста. Разумеется, мы приняли вас за барбадиоров. Кто, кроме барбадиоров и разбойников, на восточном полуострове бродит сегодня по дорогам? А все разбойники на двадцать миль вокруг из моей банды.

— Разбойники бывают разные, — тихо сказал Алессан. — Но если вы охотитесь за барбадиорскими наемниками, то у вас на душе то же, что у нас. Я могу сказать тебе, Дукас, — и я не лгу, — что если ты нас здесь задержишь или убьешь, то доставишь такое удовольствие Барбадиору — и Играту тоже, — которого они от тебя никогда и не ждали.

После этих слов воцарилось молчание, что неудивительно. Холодный ветер носился по ущелью, качая молодую траву в сгущающейся темноте.

— По-видимому, ты очень высокого о себе мнения, — произнес наконец Дукас задумчиво. — Возможно, мне следует узнать почему. Думаю, пора тебе сказать мне, кто ты такой и куда скачешь в сумерках в день Поста, а я уж сделаю собственные выводы.

— Меня зовут Алессан. Еду на запад. Моя мать умирает и позвала меня к себе.

— Какая преданность с твоей стороны, — произнес Дукас. — Но одно имя ни о чем мне не говорит, а запад — обширное ме-

сто, друг мой, стрелок из лука. Кто ты такой и куда едешь? — На этот раз его голос прозвучал резко, словно удар хлыста. За спиной у Дукаса семь лучников натянули тетиву.

Дэвин с бьющимся сердцем видел, как колеблется Алессан. Солнце уже почти скрылось, красный диск перерезала пополам линия горизонта в конце ущелья. Ветер задул сильнее, обещая холодную ночь после этого первого весеннего дня.

Дэвина тоже охватил холод. Он бросил взгляд на Эрлейна и обнаружил, что чародей смотрит на него, словно чего-то ждет. Алессан все еще молчал. Дукас нарочито шевельнулся в седле.

Дэвин глотнул, и, понимая, что как это ему ни трудно, но все же легче, чем Алессану, сказал:

— Тигана. Он из Тиганы, и я тоже.

Произнося эти слова, он старался смотреть прямо на чародея разбойников, а не на Дукаса или других всадников. Заметил краем глаза, что Алессан тоже смотрит на него, чтобы не видеть глухого непонимания, которое, как они знали, появится на их лицах. С чародеем будет иначе. Чародеи могут слышать это имя.

Бандиты, стоящие перед ними и позади, зароптали. А потом один заговорил громко, среди теней наступающих сумерек в этом тоскливом месте. Голос раздался из шеренги за их спинами.

— Клянусь кровью бога! — раздался крик из самой глубины души.

Дэвин резко обернулся. Один из разбойников соскочил с коня, быстро вышел вперед и встал перед ними. Дэвин увидел, что этот человек маленького роста, не намного выше его самого, лет тридцати или чуть старше, и что он неловко двигается, и ему явно больно: из его руки торчала стрела Алессана.

Дукас посмотрел на чародея.

— Сертино, в чем дело? — спросил он с раздражением в голосе. — Я не...

— Колдовство, — напрямик ответил чародей.

— Чье? Его? — Дукас кивнул в сторону Эрлейна.

— Нет, не его, — произнес раненый, не отрывая взгляда от лица Алессана. — Не этого несчастного чародея. Это настоящее колдовство. Могущество Брандина Игратского не позволяет вам услышать это имя.

Сердитым жестом Дукас сорвал шляпу, обнажив лысую голову с венчиком рыжих волос.

— А ты, Наддо? Как же ты его слышишь?

Стоящий на земле человек слегка покачнулся, потом ответил:

— Потому что я тоже родился там и на меня чары не действуют, или я еще одна его жертва, как вам будет угодно. — Дэвин услышал в его голосе напряжение, словно он изо всех сил старался удержать самообладание. Человек по имени Наддо сказал, глядя снизу вверх на Алессана: — Вас просили назвать свое имя, но вы назвали лишь его часть. Вы назовете остальное? Вы мне его скажете?

Теперь его глаза уже трудно было рассмотреть, но голос говорил о многом.

Алессан непринужденно сидел в седле, даже после целого дня езды казалось, что он совсем не чувствует ни усталости, ни напряжения из-за их сложного положения. Но потом его правая рука поднялась и пальцы бессознательно зарылись в спутанных волосах, и Дэвин, видя знакомый жест, понял, что те чувства, которые он сам сейчас испытывал, вдвойне сильнее у человека, за которым он следовал.

А потом услышал в тишине этого ущелья, где раздавался лишь свист ветра в скалах и шорох конских копыт в молодой траве:

— Мое имя — Алессан ди Тигана бар Валентин. Если тебе столько лет, на сколько ты выглядишь, Наддо ди Тигана, ты поймешь, кто я такой.

Волосы на затылке Дэвина встали дыбом, его охватила невольная дрожь, когда он увидел, как Наддо упал на колени на холодную землю еще до того, как прозвучали последние слова.

— О мой принц! — полным боли голосом воскликнул раненый. И, закрыв здоровой рукой лицо, зарыдал.

— Принц? — очень тихо переспросил Дукас. Разбойники беспокойно зашевелились. — Сертино, объясни мне!

Чародей Сертино перевел взгляд с Алессана на Эрлейна, а потом на рыдающего человека. На его бледном круглом лице промелькнуло странное, почти испуганное выражение.

— Они из Нижнего Корте, — сказал он. — До прихода Брандина Игратского город назывался иначе. Брандин пустил в ход чары, чтобы отнять имя у этой земли. Только те, кто там родился, и чародеи, благодаря нашей собственной магии, могут слышать это настоящее имя. Вот что тут происходит.

— А «принц»? Наддо его так назвал.

Сертино молчал. Он бросил взгляд на Эрлейна, и на его лице все еще было странное, смущенное выражение.

— Это правда? — спросил он.

И Эрлейн ди Сенцио с иронической полуулыбкой ответил:

— Только не позволяй ему стричь твои волосы, брат. Если только ты не хочешь попасть в рабство.

У Сертино отвисла челюсть. Дукас хлопнул себя шляпой по колену.

— Теперь еще и это, — рявкнул он. — Я ничего не понимаю. Здесь слишком много такого, чего я не понимаю. Я жду объяснений, от всех вас! — Его голос звучал резко, гораздо громче, чем прежде. Но он не смотрел на Алессана.

— Я понял достаточно, Дукас, — раздался голос сзади. Это заговорил Магиан, командир той группы, которая загнала их в ущелье. Он выехал вперед, и все повернулись к нему. — Я понял, что сегодня на нас свалилось состояние. Если это принц той провинции, которую ненавидит Брандин, тогда нам всего лишь надо отвезти его на запад, в форт Форезе по ту сторону границы, и сдать там игратянам. С чародеем в придачу. И кто знает, возможно, кто-нибудь из них любит мальчиков. Поющих мальчиков. — В полумраке его улыбка была широкой и развязной.

Потом он прибавил:

— Мы получим награду. Земли. Может, даже...

Больше он ничего не успел сказать. Застыв от изумления, Дэвин увидел, как Магиан широко открыл рот, глаза на секунду выпучились, потом он медленно, боком сполз с седла и упал на землю рядом с Эрлейном, загремев мечом и луком.

В его спине торчал кинжал с длинной рукоятью.

Один из разбойников, стоящих в шеренге за ним, очень неторопливо спешился и вытащил кинжал. Тщательно вытер его о куртку мертвеца, потом спрятал обратно в ножны на поясе.

— Неудачная идея, Магиан, — тихо сказал он, выпрямляясь и глядя на Дукаса. — Очень неудачная идея. Мы тут не осведомители и не служим тиранам.

Дукас снова нахлобучил шляпу на голову, явно стараясь сдержаться. Он сделал глубокий вдох.

— В данном случае я согласен. Но напоминаю тебе, Аркин, что у нас есть правило не обнажать друг против друга оружие.

Лицо Аркина, очень высокого, почти тощего человека, было очень бледным, Дэвин видел это даже в темноте. Он ответил:

— Я знаю, Дукас. Это была пустая трата. Я знаю. Тебе придется меня простить.

Дукас долго ничего не говорил. И все остальные молчали. Дэвин, глядя мимо мертвеца, увидел, что два чародея смотрят друг на друга в упор.

Аркин все еще смотрел на Дукаса.

Тот в конце концов нарушил молчание.

— Тебе повезло, что я с тобой согласен.

Аркин покачал головой.

— Иначе мы не пробыли бы вместе так долго.

Алессан аккуратно соскочил с коня. Он подошел к Дукасу, не обращая внимания на стрелы, все еще нацеленные на него.

— Если вы охотитесь на барбадиоров, — тихо произнес он, — то я имею некоторое представление почему. Я занимаюсь тем же самым, только по-своему. — Он заколебался. — Вы можете поступить так, как предложил покойный: выдать меня Играту, и да, полагаю, что вы получите награду. Или можете убить нас здесь и покончить с нами. Вы можете также позволить нам ехать своей дорогой. Но есть еще одно, что вы можете сделать, совсем другое.

— И что это? — Казалось, Дукас вернул себе самообладание. Его голос снова звучал спокойно, как в самом начале.

— Присоединяйтесь ко мне. В том, чего я пытаюсь добиться.

— И что же это?

— Изгнать обоих тиранов с Ладони еще до конца лета.

Наддо вдруг поднял голову, его лицо просветлело.

— Это правда, милорд? Мы можем это сделать? Уже сейчас?

— Есть шанс, — ответил Алессан. — Особенно сейчас. Впервые появился шанс. — Он снова перевел взгляд на Дукаса. — Где ты родился?

— В Тригии, — ответил тот после паузы. — В горах.

У Дэвина была секунда, чтобы подумать о том, как совершенно изменилось положение, и теперь Алессан задает вопросы. Он почувствовал, как в нем снова шевельнулись надежда и гордость.

Принц кивнул.

— Я так и подумал. Слышал рассказы о рыжем капитане Дукасе, который был одним из вожаков Борифорта в Тригии во время осады барбадиоров. После падения форта я не смог его найти. — Он помедлил. — Я не мог не заметить цвета твоих волос.

Несколько секунд эти двое застыли в неподвижности, словно живая картина, один на земле, второй на коне. Потом, совершенно неожиданно, Дукас ди Тригия улыбнулся.

— То, что осталось от моих волос, — лукаво пробормотал он, снова срывая с головы шляпу широким жестом.

Бросив поводья, он спрыгнул с коня, шагнул вперед и протянул Алессану открытую ладонь. Тот ответил ему улыбкой и рукопожатием.

Дэвин задохнулся от прилива нахлынувшего облегчения, а потом во всю силу легких поддержал восторженные крики двадцати разбойников, раздавшиеся в темном ущелье Чертандо.

Тем не менее он заметил, как раз когда крики достигли наивысшей точки, что ни один из чародеев не кричит. Эрлейн и Сертино сидели очень неподвижно, почти застыв на своих конях, словно сосредоточившись на чем-то. Они смотрели друг на друга с одинаково мрачными лицами.

И поскольку он это заметил, поскольку он становился человеком, который видит подобные вещи, Дэвин первым замолчал и даже инстинктивно поднял руку, чтобы призвать к молчанию остальных. Алессан и Дукас разняли ладони, и постепенно в ущелье вернулась тишина, и все посмотрели на чародеев.

— Что такое? — спросил Дукас.

Сертино повернулся к нему.

— Охотник. К северо-востоку от нас, довольно близко. Я только что почувствовал пробное прикосновение. Но он меня не обнаружил, так как я уже давно не прибегал к магии.

— Я прибегал, — сказал Эрлейн ди Сенцио. — В начале дня, на перевале Брачио. Всего лишь легкое заклинание, защита для одного человека. Очевидно, этого достаточно. Наверное, в одном из южных фортов находился Охотник.

— Он там почти всегда, — вяло произнес Сертино.

— А что вы делали на перевале Брачио? — спросил Дукас.

— Собирали цветочки, — ответил Алессан. — Я тебе потом расскажу. А сейчас нам предстоит разобраться с барбадиорами. Сколько их едет вместе с Охотником?

— Не меньше двадцати. Возможно, больше. У нас тут южнее есть лагерь в горах. Уйдем туда?

— Они последуют за нами, — возразил Эрлейн. — Он меня выследил. След магии будет выдавать меня еще, по крайней мере, один день.

— В любом случае мне что-то не хочется прятаться, — тихо сказал Алессан.

Дэвин быстро обернулся и посмотрел на него. Дукас тоже. Наддо неуклюже поднялся на ноги.

— Насколько хороши твои люди? — спросил Алессан, в его голосе и в серых глазах ясно читался вызов.

И почти в полной темноте Дэвин увидел, как внезапно сверкнули зубы тригийского разбойника.

— Они достаточно хороши, и их хватит, чтобы разделаться с десятком брабадиоров. Раньше мы не сталкивались с таким количеством, но раньше мы никогда не сражались бок о бок с принцем. Кажется, — прибавил он задумчиво, — мне тоже вдруг надоело прятаться.

Дэвин посмотрел на чародеев. Было трудно разглядеть их лица в темноте, но Эрлейн очень резким голосом произнес:

— Алессан, Охотника надо убить немедленно, иначе он пошлет изображение этого места Альберико.

— Он будет убит, — тихо ответил Алессан. И в его голосе тоже прозвучала новая нота. Что-то такое, чего Дэвин никогда не слышал. Секундой позже он осознал, что это смерть.

Плащ Алессана затрепетал под порывом ветра. Очень медленно он надвинул на лицо капюшон.

Дэвин тяжело пережил то, что Охотник Альберико оказался двенадцатилетним мальчиком.

Они послали Эрлейна на запад, к выходу из ущелья, в качестве приманки. Ведь гнались за ним. С ним отправились Сертино ди Чертандо, второй чародей и еще двое, один из которых — раненый Наддо — сам настоял на том, чтобы быть полезным, пусть он и не мог сражаться. Они извлекли из его руки стрелу и забинтовали как могли. Было ясно, что ему трудно, но еще яснее, что в присутствии Алессана он не собирается сдаваться.

Через короткое время, при свете звезд и низко висящего на востоке полумесяца Видомни, в ущелье въехали барбадиоры. Их было двадцать пять и Охотник. Шестеро держали факелы, что облегчило задачу. Хотя и не для них самих.

Стрелы Алессана и Дукаса встретились в груди Охотника, выпущенные с противоположных склонов перевала. Одиннадцать наемников пали под первым залпом стрел раньше, чем Дэвин понесся во весь опор вниз, вместе с Алессаном и шестью другими воинами, покинув укрытие. Они мчались, чтобы перекрыть западный выход, пока Дукас и еще девять его разбойников перегородили восточный конец, из которого появились барбадиоры.

Вот так в эту ночь Поста, в компании разбойников с гор Чертандо, вдали от своего потерянного дома, Алессан бар Валентин, принц Тиганы, принял свой первый настоящий бой в долгой войне за возвращение. После тоскливых лет маневрирования, тайного сбора информации и тонкого руководства событиями

он обнажил клинок против сил тирана в этом залитом лунным светом ущелье.

Больше никаких увертюк, никаких скрытых манипуляций из кулис за сценой. Это был бой, так как время пришло.

Мариус из Квилеи сегодня дал ему обещание, вопреки мудрости и опыту, почти вопреки надежде. И после обещания Мариуса все изменилось. Ожидание закончилось. Он мог ослабить жесткие путы, так туго стягивающие его сердце все эти годы. Сегодня ночью, в ущелье, он мог убивать: в память о своем отце, и братьях, и обо всех погибших у реки Дейзы и после, в тот год, когда ему самому не позволили умереть.

Его выкрали и спрятали в Квилее, за горами, у Мариуса, служившего тогда капитаном стражи Верховной жрицы. У этого человека были свои причины принять под покровительство и спрятать юного принца из северных земель. Это произошло почти девятнадцать лет назад.

Алессан устал прятаться. Время бегства закончилось; пришло время сражений. Правда, сейчас им противостояли солдаты Барбадиора, а не Играта, это они обнажили против них мечи, но, в конце концов, это не имело значения. Оба тирана одинаковы. Он твердил это все годы, с тех пор, как вернулся на север, на полуостров вместе с Баэрдом. Эта истина была выплавлена, подобно металлу, в прочном горниле его сердца. Им надо уничтожить обоих, иначе они не добьются свободы.

И на перевале Брачио в это утро уничтожение началось. Был заложен замковый камень в арку его замысла. И поэтому сегодня ночью, в этом темном ущелье, он мог выпустить на свободу давно сдерживаемую страсть, собственные давние воспоминания о потерях и дать волю руке с мечом.

Дэвин, стараясь не отстать от принца, рвался в свой первый бой, и в его груди боролись восторг и страх, по очереди одерживая победу. Он не кричал, как большинство разбойников; он изо всех сил старался не замечать боли в поврежденной ноге. И сжимал в руке темный меч, купленный ему Баэрдом, держал его вверх изогнутым лезвием, как учили его зимой, по утрам, но тогда уроки казались невообразимо далекими от событий этой ночи.

Он видел, как Алессан ворвался прямо в круговую оборону наемников, неотвратимый, как одна из его стрел, словно хотел перевесить этим единственным прямым ответным действием все те годы, когда подобные вещи были невозможны.

Яростно стиснув зубы, Дэвин следовал за Алессаном. Но все

же отстал на шесть корпусов лошади и был один, когда рядом с ним вырос светловолосый барбадиор, неправдоподобно огромный на своем коне. Дэвин вскрикнул от неожиданности. Лишь некий слепой инстинкт выживания и рефлексы, заложенные с рождения, спасли ему жизнь. Он резко бросил коня влево, на свободное пространство, а затем откинулся назад и вправо, так низко пригнувшись к земле, как только мог, и изо всех сил ткнул мечом снизу вверх. Он почувствовал жгучую боль в поврежденной ноге и чуть не упал. Клинок барбадиора со свистом разрезал воздух в том месте, где только что находилась голова Дэвина. А через долю секунды Дэвин почувствовал, как его собственный угрожающе изогнутый клинок прошил кожаную броню и вошел в плоть.

Барбадиор вскрикнул, звук получился жидким, булькающим. Солдат резко покачнулся в седле, меч выпал из его руки. Он поднес одну руку ко рту странно детским жестом. Затем, подобно медленно падающему горному дереву, выскользнул боком из седла и упал на землю.

Дэвин уже успел выдернуть свой меч.

Развернув коня почти на месте, он оглянулся в поисках противников. Но никого не было. Алессан и остальные опередили его и дрались с наемниками, оттесняя их навстречу группе Дукаса и Аркина, в направлении к востоку.

Все почти кончено, понял Дэвин. Ему нечего больше делать. Со сложной смесью чувств, которые даже не пытался сейчас понять, он наблюдал за тем, как трижды поднялся и опустился клинок принца, и увидел, как погибли три барбадиора. Один за другим шесть факелов упали на землю, и их затоптали. А потом — всего через несколько мгновений после того, как они въехали в ущелье, как показалось Дэвину, — последний из барбадиоров был повержен и зарублен.

Именно тогда он увидел то, что осталось от Охотника, и осознал, как тот был молод. Тело растоптали в схватке, и вид его был ужасен. Оно лежало под неестественным углом. Лицо почему-то не пострадало, хотя для Дэвина, глядящего сверху, это оказалось самым худшим. Две стрелы все еще торчали из детского тела, древко одной из них сломалось.

Дэвин отвернулся. Погладил коня, подаренного Альенор, и что-то прошептал ему. Потом заставил себя отъехать назад, к тому человеку, которого убил. Это не то же самое, что спящий солдат на конюшне у Ньеволе. Не то же самое, сказал он себе. Это был открытый бой, и барбадиор был вооружен, носил латы и

размахивал своим тяжелым мечом, стремясь отнять у Дэвина жизнь. У Дэвина не было никаких иллюзий относительно того, какой была бы их судьба, если бы барбадиоры и Охотник настигли его, Алессана и Эрлейна одних, в этой глуши.

Это не то же самое, что произошло на конюшне. Он снова повторил это себе, и постепенно до него дошла призрачная, сбивающая с толку тишина, которая опустилась на ущелье. Все еще дул ветер, такой же холодный, как и прежде. Он поднял взгляд и с опозданием увидел, что Алессан незаметно подъехал к нему и тоже смотрит вниз на человека, которого убил Дэвин. Оба коня били копытами и храпели, возбужденные яростью только что завершившейся схватки и запахом крови.

— Дэвин, поверь, мне очень жаль, — тихо пробормотал Алессан, чтобы никто другой не услышал. — Труднее всего в первый раз, а я не дал тебе времени приготовиться.

Дэвин покачал головой. Он чувствовал себя опустошенным, почти оцепеневшим.

— У тебя не было большого выбора. Может быть, так лучше. — Он неловко откашлялся. — Алессан, ты должен беспокоиться о гораздо более важных вещах. Я сделал свой выбор в лесу Сандрени прошлой осенью. Ты за меня не в ответе.

— В каком-то смысле — в ответе.

— Не в том смысле, который имеет значение.

— А дружба имеет значение?

Дэвин молчал, внезапно оробев. Алессан умел так влиять на людей.

Через мгновение принц прибавил, как бы между прочим:

— Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, когда я вернулся из Квилеи.

Казалось, он собирался прибавить еще что-то, но передумал. Дэвин не имел представления, однако, что он хотел этим сказать, и что-то тихо затеплилось в нем, подобно зажженной свече.

Еще несколько мгновений они смотрели вниз, на мертвеца. Бледный свет узкого полумесяца Видомни давал достаточно света, чтобы увидеть его искаженное болью лицо с открытыми глазами.

Дэвин сказал:

— Я сделал свой выбор и понимаю необходимость этого, но не думаю, что когда-нибудь смогу привыкнуть.

— Знаю, я тоже не привык, — ответил Алессан. Он заколе-

бался. — Любой из моих братьев сделал бы лучше то, ради чего я остался в живых.

Тогда Дэвин повернулся, пытаясь разглядеть выражение лица принца в тени. И через мгновение сказал:

— Я их не знал, но ты позволь мне возразить: я сомневаюсь в этом. Правда, сомневаюсь, Алессан.

Через секунду принц прикоснулся к его плечу.

— Спасибо. Боюсь, с тобой не все согласятся. Но все равно спасибо.

И с этими словами он, казалось, вспомнил о чем-то, или его снова что-то позвало. Голос его изменился.

— Нам надо ехать. Я должен поговорить с Дукасом, а потом нужно догнать Эрлейна и ехать дальше. Впереди долгий путь. — Он оценивающим взглядом смерил Дэвина. — Ты, наверное, очень устал. Мне следовало спросить тебя раньше: как твоя нога? Можешь скакать?

— Со мной все в порядке, — запротестовал Дэвин. — Конечно, могу.

Позади них раздался смех. Они обернулись и увидели Эрлейна и других, которые вернулись в ущелье.

— Скажите, — обратился чародей к Алессану с едкой насмешкой в голосе, — какого ответа вы от него ожидали? Конечно, он скажет вам, что в состоянии скакать. И будет скакать всю ночь, полумертвый, ради вас. И этот тоже, — он махнул рукой в сторону Наддо, стоящего сзади, — хотя познакомился с вами всего час назад. Интересно, принц Алессан, что чувствует человек, имеющий такую власть над людскими сердцами?

Пока Эрлейн говорил, к ним подъехал Дукас. Но ничего не сказал, а так как факелы погасли, то стало слишком темно, чтобы разглядеть выражение лиц. Приходилось судить по словам и интонации.

Алессан тихо ответил:

— Думаю, что ты знаешь мой ответ. Во всяком случае, маловероятно, чтобы я был о себе слишком высокого мнения, пока ты рядом со мной и уберегаешь меня от этого. — Он помолчал и прибавил: — Упаси тебя Триада от того, чтобы добровольно скакать всю ночь по чужим надобностям!

— У меня больше нет выбора в данном вопросе, — резко ответил Эрлейн. — Вы об этом забыли?

— Не забыл. Но не собираюсь начинать этот спор заново, Эрлейн. Дукас и его люди только что рисковали своими жизнями, чтобы спасти твою. Если ты...

— Спасти мою жизнь! Ей бы ничто не угрожало, если бы вы не заставили меня...

— Эрлейн, довольно! Нам очень много надо сделать, и я не расположен спорить.

Дэвин увидел в темноте, как Эрлейн отвесил насмешливый поклон, сидя верхом.

— Нижайше прошу прощения, — преувеличенно покорным тоном сказал он. — Вам следует заранее предупредить меня, когда будете расположены поспорить. Согласитесь, что данный вопрос имеет для меня определенное значение.

Казалось, что Алессан молчит очень долго. Потом он мягко ответил:

— Мне кажется, я догадался, что кроется за этим. Я понимаю. Дело в том, что мы встретили еще одного чародея. Рядом с Сертино ты острее чувствуешь то, что с тобой случилось.

— Не делайте вид, что понимаете меня, Алессан! — в ярости воскликнул Эрлейн.

Все еще спокойно Алессан сказал:

— Очень хорошо, не буду. В каком-то смысле я никогда не смогу понять тебя и то, как ты жил до сих пор. Об этом я уже говорил тебе, когда мы встретились. Но пока этот вопрос закрыт. Я буду готов обсуждать его в тот день, когда тираны исчезнут с Ладони. Не раньше.

— Вы погибнете раньше. Мы оба погибнем.

— Не трогай его! — резко приказал Алессан. Дэвин с опозданием увидел, что Наддо поднял здоровую руку с намерением ударить чародея. Уже спокойнее принц прибавил: — Если мы оба погибнем, тогда наши души смогут сразиться в Чертогах Мориан, Эрлейн. А до тех пор — достаточно. Нам предстоит многое сделать вместе в следующие несколько месяцев.

Дукас кашлянул.

— Между прочим, нам двоим тоже надо бы побеседовать. Мне хотелось бы узнать гораздо больше, прежде чем я пойду дальше этой ночной схватки, как бы мне она ни понравилась.

— Я знаю, — ответил Алессан, поворачиваясь к нему в темноте. Он заколебался. — Проедем вместе с нами немного дальше. Только до деревни. Вы и Наддо, из-за его руки.

— Почему туда, и почему из-за руки? Я не понимаю, — сказал Дукас. — Вам следует понимать, что в деревне нас не встретят с распростертыми объятиями. Причины очевидны.

— Могу себе представить. Это не имеет значения. Ведь сегодня ночь Поста. Вы поймете, когда мы туда приедем. Поехали.

Я хочу показать кое-что моему доброму другу Эрлейну ди Сенцио. И, полагаю, Сертино лучше тоже поехать с нами.

— Я бы не пропустил этого за все голубое вино Астибара, — ответил пухлый чародей из Чертандо. Было интересно, а в другое время даже забавно отметить, что он старается держаться на почтительном расстоянии от принца. Его шутливые слова были произнесены убийственно серьезным тоном.

— Тогда поехали, — ворчливо приказал Алессан. Проехал мимо Эрлейна, чуть не задев его, и двинулся на запад, к выходу их ущелья.

Те, кого он назвал, поехали вслед за ним. Дукас бросил несколько коротких фраз приказа Аркину, но слишком тихо, и Дэвин не расслышал. Аркин секунду поколебался, явно сгорая от желания поехать со своим вожаком. Но потом молча развернул своего коня в другую сторону. Когда Дэвин через несколько мгновений оглянулся, то увидел, что разбойники снимают оружие с тел убитых барбадиоров.

Он снова обернулся через несколько секунд, но они уже выехали из ущелья на открытую местность. С юга и с востока темнели горы, а с севера простиралась поросшая травой равнина. Входа в ущелье даже не было видно. Аркин и остальные скоро оттуда уедут, понимал Дэвин, оставив лишь мертвых. Только мертвых, на поживу стервятникам. И один из них убит его собственным мечом, а другой — ребенок.

* * *

Старик лежал на кровати во тьме ночи Поста и во всегдашней тьме своей слепоты. Ему совсем не хотелось спать, он прислушивался к вою ветра за стеной и к голосу женщины в соседней комнате. Она щелкала четками, снова и снова монотонно повторяя одну и ту же молитву:

— Эанна, возлюби нас, Адаон, спаси нас, Мориан, храни наши души. Эанна, возлюби нас, Адаон, спаси нас, Мориан, храни наши души. Эанна, возлюби нас...

Его слух остался очень острым. По большей части это служило компенсацией, но иногда — как сегодня ночью, когда эта женщина молилась, словно обезумевшая, — это становилось проклятием, особо изощренной пыткой. Она пользовалась старыми четками; он слышал их сухое, быстрое щелканье даже сквозь стену, разделяющую их комнаты. Три года назад, на день рождения, он сделал ей новые четки из редкого, полированного дерева танч. Чаще всего она пользовалась ими, но не в дни Поста. В эти дни она брала старые четки и молилась вслух большую часть этих трех дней и ночей.

В первые годы он проводил эти три ночи в сарае вместе с двумя мальчиками, которые принесли его сюда, настолько ее непрерывные молитвы его раздражали. Но теперь он состарился, кости его трещали и ныли в такие ветреные ночи, как эта, и он оставался в собственной постели под грудой одеял и старался терпеть ее голос как мог.

— Эанна, возлюби нас, Адаон, спаси нас от всех напастей, Мориан, сохрани наши души и защити нас. Эанна, возлюби нас...

Дни Поста были временем раскаяния и искупления, но они были также временем, когда следовало подсчитывать дары и благодарить за них. Старик был циником по самым разным и веским причинам, но не назвал бы себя человеком нерелигиозным и не мог бы сказать, что прожил свою жизнь без благословения свыше, несмотря на двадцать лет слепоты. Большую часть жизни он прожил в достатке и приближении к власти. Его долгая жизнь была благословением, и благословением было его умение работать с деревом. Сначала всего лишь разновидность игры, развлечение, это стало неизмеримо большим с тех пор, как они приехали сюда много лет назад.

Он обладал и еще одним даром, хотя о нем знали немногие. В противном случае он не смог бы зажить тихой жизнью в этой высокогорной деревушке, а тихая жизнь имела существенное значение, поскольку он скрывался. До сих пор.

Сам факт того, что он выжил во время долгого, лишенного света путешествия так много лет назад, был благословением особого рода. Он не питал иллюзий: он никогда бы не выжил, если бы не верность двух его молодых слуг. Единственных, которым позволили остаться с ним. Единственных, которые захотели остаться.

Они теперь уже не были молодыми и перестали быть слугами. Они стали крестьянами на земле, которой владели вместе с ним. И уже не спали на полу в передней комнате их первого маленького домика или в сарае, как в те годы, а жили в собственных домах с женами, и их дети жили рядом. Лежа в темноте, он возносил за это благодарность с той же горячностью, как и за все, что было дано ему самому.

Любой из них пустил бы его переночевать в свой дом в эти три ночи, но он не хотел обременять их. Ни в ночь Поста, ни в

другие ночи. У него было собственное понятие о приличиях, и, кроме того, с годами он все больше любил собственную постель.

— Эанна, возлюби нас, как детей своих, Адаон, спаси нас, как детей своих...

Ясно, что уснуть он не сможет. Он подумал о том, чтобы встать и заняться полировкой посоха или лука, но знал, что Менна его услышит и заставит заплатить за осквернение ночи Поста работой. Водянистая овсянка, кислое вино, его тапочки, назло переставленные с того места, где он их снял.

— Они мне мешали, — скажет она в ответ на его жалобу.

Потом, когда снова будет позволено разжигать огонь, подгоревшее мясо, кав, который невозможно пить, горький хлеб. По крайней мере, в течение недели. У Менны были свои способы дать ему понять, что для нее важно. После всех этих лет между ними установилось молчаливое понимание, как у любых престарелых супругов, хотя, разумеется, он на ней не был женат.

Он знал, кто он такой и что ему подобает, даже в этом падении, вдали от дома, от воспоминаний о богатстве и власти. Здесь, в этом маленьком поместье, купленном на золото, которое он прятал на себе во время долгого путешествия вслепую семнадцать лет назад, полный ужасающей уверенности в том, что за ним по пятам гонятся убийцы.

Однако он выжил, и мальчики тоже. Пришли в эту деревню в один из осенних дней — незнакомцы, появившиеся в мрачное время. В то время, когда столько людей погибло и столько других было грубо сорвано с насиженных мест и разбросано по всей Ладони вслед за приходом тиранов. Но они втроем как-то выдержали, даже ухитрились заставить землю кормить их в урожайные годы. Под конец неурожайных лет в Чертандо ему пришлось растратить остаток золота, но, с другой стороны, зачем оно еще нужно?

Правда, зачем оно еще могло понадобиться? Его наследниками были Менна и оба мальчика — конечно, они уже перестали быть мальчиками. Только их он мог теперь назвать своей семьей. Кроме них, у него ничего не осталось, если не считать снов, которые все еще снились ему по ночам.

Он был циником, потому что многое повидал до того, как спустилась тьма, и после, вооруженный другим зрением, но не был настолько обременен иронией, чтобы она победила мудрость. Он знал, что ссыльным всегда снится дом, что испытавшие жестокую несправедливость никогда о ней не забывают.

У него не было иллюзий, он не считал себя исключением из правил.

— Эанна, возлюби нас, Адаон, спаси нас от... Спаси нас Триада!

Менна внезапно замолчала. И по той же причине старик внезапно сел в кровати, морщась от резкой боли в спине. Они оба услышали этот звук, донесшийся снаружи, из ночи. В ночь Поста, когда никто не должен находиться вне дома.

Внимательно прислушавшись, он снова его услышал: слабый и нежный звук свирели перемещался во тьме, мимо стен их дома. Сосредоточившись, старик смог расслышать шаги. Он сосчитал их. Потом сердце его забилось с угрожающей быстротой, он вскочил с кровати так быстро, как только мог, и начал одеваться.

— Это мертвецы! — взвыла Менна в дальней комнате. — Адаон, спаси нас от мстительных призраков, от всех бед. Эанна, возлюби нас! Мертвецы пришли за нами. Мориан, богиня Врат, храни наши души!

Несмотря на возбуждение, старик остановился и отметил, что Менна, даже в страхе, все же включила его в свои молитвы. На миг он был искренне тронут. В следующее мгновение он с грустью признал тот неизбежный факт, что следующие две недели его жизни, самое меньшее, станут, вероятно, чистым мучением.

Конечно, он выйдет из дома. Он точно знал, кто это. Он кончил одеваться и потянулся за своей любимой палкой у двери. Двигался как можно тише, но стены были тонкими, а слух у Менны почти такой же острый, как у него самого: нет смысла пытаться выскользнуть из дома тайком. Она знает, что он делает. И заставит его заплатить за это.

Потому что так уже случалось раньше. В ночь Поста и в другие ночи уже почти десять лет. Уверенно двигаясь внутри дома, он подошел к выходу и палкой откатил лежащее на полу у двери бревно. Потом открыл дверь и вышел. Менна уже снова молилась:

— Эанна, возлюби меня, Адаон, спаси меня, Мориан, храни мою душу...

Старик холодно улыбнулся. Две недели, по крайней мере. Водянистая овсянка по утрам. Подгоревший, безвкусный кав. Горький чай из маготи. Он несколько мгновений стоял неподвижно, все еще слабо улыбаясь, вдыхая свежий, прохладный воздух. К счастью, ветер сжалился и немного утих, и его кости чув-

ствовали себя превосходно. Подняв лицо навстречу ночному дуновению, он почти мог ощутить привкус наступающей весны.

Старик тщательно прикрыл за собой дверь и двинулся по тропинке к сараю, ощупывая палкой дорогу перед собой. Он вырезал эту палку, когда был еще зрячим. Много раз он ходил с ней во дворце, отдавая дань жеманству распущенного двора. Ее ручка была вырезана в виде головы орла, с любовно выполненными глазами, широко раскрытыми и полными яростного вызова.

Возможно, потому, что он в ту ночь убил человека второй раз в жизни, Дэвин вспоминал тот более просторный сарай для скота из прошлой зимы в Астибаре.

Этот был гораздо скромнее. В нем находились всего две дойные коровы и пара коней для плуга. Но он был добротным и теплым, в нем пахло животными и чистой соломой. Стены без щелей не пропускали резкого ветра, солому недавно сложили, пол чисто подметен, различные орудия труда аккуратно развешаны и разложены вдоль стен.

По правде говоря, ему следовало проявить осторожность, а не то запах и атмосфера этого сарая могли унести его в прошлое намного дальше минувшей зимы. Домой, в Азоли, о чем он старался никогда не вспоминать. Но Дэвин устал, совсем обессилел после двух бессонных ночей и поэтому, как ему представлялось, оказался беззащитным перед подобными воспоминаниями. Правое колено, вывихнутое в горах, невыносимо болело. Оно распухло и стало в два раза больше нормального, до него нельзя было дотронуться. Ему пришлось идти медленно, прикладывая неимоверные усилия, чтобы не хромать.

Все молчали. Никто не заговорил с тех пор, как они добрались до окраины деревни примерно из двух десятков домишек. Единственным звуком в последние минуты, после того как они привязали коней и пошли пешком, была тихая мелодия флейты Алессана. Он играл ту самую колыбельную из Авалле, и Дэвин подумал, только ли он один узнал ее или Наддо тоже.

Здесь, в сарае, Алессан продолжал играть так же тихо, как и раньше. Мелодия тоже старалась унести Дэвина назад, к его семье. Он сопротивлялся: если он поддастся, в том состоянии, в котором пребывает сейчас, то, вероятно, в конце концов расплачется.

Дэвин попытался представить себе, как звучит эта призрач-

ная, ускользающая мелодия для людей, прячущихся за стенами своих лишенных света домов в эту ночь Поста. Компания призраков, проходящая мимо, вот чем они показались бы им. Восставшие мертвецы, идущие за давно забытой мелодией. Он вспомнил, как пела Катриана в лесу Сандрени:

> И где бы я ни был, с водой ручейка
> Пусть шепчутся сосны, но издалека
> Будет мне в сердце струиться тоска,
> Мечта о башнях Авалле.

Интересно, подумал он, где она в эту ночь. И Сандре, и Баэрд. Увидит ли он их снова. В начале этого вечера, удирая от погони в ущелье, он думал, что погибнет. А теперь, два часа спустя, они уже убили двадцать пять барбадиоров, объединившись с теми самыми разбойниками, которые их преследовали, и трое разбойников здесь, в неизвестном сарае, вместе с ним слушали, как Алессан играет колыбельную песню.

Даже если он проживет сотню лет, все равно ему не постичь всех странностей жизни.

Снаружи послышался шум, и дверь распахнулась. Дэвин невольно замер. И Дукас ди Тригия тоже, рука его потянулась к мечу. Алессан бросил взгляд на дверь, но его пальцы не дрогнули на дырочках свирели, и музыка продолжала литься.

Сгорбленный старик с львиной гривой седых волос постоял секунду, облитый сзади неожиданным лучом лунного света, потом шагнул внутрь и прикрыл за собой дверь своей палкой. После этого в сарае снова стало темно, и несколько мгновений ничего не было видно.

Все молчали. Алессан даже не поднял глаз. Нежно, с чувством, он закончил песню. Дэвин смотрел на него, пока он играл, и спрашивал себя, единственный ли он здесь человек, который понимает значение музыки для принца. Он думал о том, что довелось пережить Алессану за один лишь прошедший день, о том, навстречу чему он ехал, и в его душе шевельнулось сложное чувство под звуки печальных последних нот песни. Он увидел, как принц с сожалением отложил в сторону свирель. Отложил в сторону принесенное музыкой облегчение и снова взвалил на себя бремя. Все виды бремени, которые достались ему в наследство, как цена его крови.

— Спасибо, что пришел, — тихо сказал он стоящему у двери старику.

— Ты передо мной в долгу, Алессан, — ответил старик чис-

тым, сильным голосом. — Ты обрек меня на прокисшее молоко и испорченное мясо на целый месяц.

— Этого я и боялся, — ответил Алессан из темноты. Дэвин услышал нежность и неожиданный смех в его голосе. — Значит, Менна не изменилась?

Старик фыркнул.

— Менна и перемены — несовместимы. С тобой новые люди, а одного друга не хватает. Что случилось? С ним все в порядке?

— С ним все хорошо. Он находится к востоку отсюда на расстоянии половины дня езды. Мне надо тебе о многом рассказать. Я приехал не просто так, Ринальдо.

— Это-то я понял. У одного человека нога порвана изнутри. А у второго рана от стрелы. Оба чародея в плохом настроении, но я никак не могу вернуть им недостающие пальцы, и никто из них не болен. Шестой человек сейчас меня боится, но бояться не надо.

Дэвин ахнул от изумления. Стоящий рядом Дукас громко выругался.

— Объясните это! — яростно заворчал он. — Объясните все!

Алессан смеялся. И старик, которого он назвал Ринальдо, тоже смеялся, только тише.

— Ты избалованный и мелочный старик, — сказал принц, продолжая смеяться, — тебе нравится пугать людей просто ради собственного удовольствия. Тебе должно быть стыдно.

— В моем возрасте осталось так мало удовольствий, — возразил тот. — Неужели ты мне откажешь и в этом? Говоришь, тебе надо о многом рассказать? Так рассказывай.

Голос Алессана стал серьезным.

— Сегодня утром у меня была встреча в горах.

— А, я думал об этом! И что из нее следует?

— Все, Ринальдо. Все. Это лето. Он сказал «да». У нас будут письма. Одно к Альберико, одно к Брандину и одно к губернатору Сенцио.

— А, — снова повторил Ринальдо. — К губернатору Сенцио. — Он произнес это тихо, но не смог совсем скрыть волнения в голосе. Старик сделал шаг вперед. — Никогда и не мечтал дожить то этого дня. Алессан, мы собираемся действовать?

— Мы уже начали. Дукас и его люди сегодня сражались вместе с нами. Мы убили кучу барбадиоров и Охотника, идущего по следу нашего чародея.

— Дукас? Так вот кто это такой? — Старик тихо присвистнул, это был странно неуместный звук. — Теперь я понимаю,

почему он боится. У тебя в этой деревне немало врагов, друг мой.

— Это я понимаю, — сухо ответил Дукас.

— Ринальдо, — сказал Алессан, — помнишь осаду Борифорта, когда впервые появился Альберико? Истории о рыжебородом капитане, одном из вожаков тамошних тригийцев? Которого так и не нашли?

— Дукас ди Тригия? Это он? — Снова раздался свист. — Рад встрече, капитан, хоть она, собственно говоря, не первая. Если я правильно помню, ты был вместе с герцогом Тригии, когда я нанес туда официальный визит лет двадцать назад.

— Визит откуда? — спросил Дукас, явно стараясь сориентироваться. Дэвин ему сочувствовал: он пытался сделать то же самое, а ведь ему было известно больше, чем рыжебородому капитану. — Из провинции Алессана? — наугад предположил Дукас.

— Из Тиганы? Ну конечно, — резко вмешался Эрлейн ди Сенцио. — Конечно, он оттуда. Это еще один пострадавший мелкий вельможа с запада. Поэтому ты привез меня сюда, Алессан? Показать, каким отважным может быть старик? Прошу прощения, но я предпочитаю пропустить этот урок.

— Начала я не расслышал, — тихо обратился к чародею Ринальдо. — Что ты сказал?

Эрлейн замолчал и повернулся от Алессана к человеку у двери. Даже в темноте Дэвин видел, как он внезапно растерялся.

— Он назвал мою провинцию, — объяснил Алессан. — Они оба считают, что ты из моей провинции.

— Возмутительная клевета, — спокойно заявил Ринальдо. И повернул свою крупную, красивую голову к Дукасу и Эрлейну. — Я достаточно тщеславен, чтобы считать, что вы меня могли бы уже узнать. Мое имя — Ринальдо ди Сенцио.

— Что? Сенцио? — воскликнул Эрлейн, потеряв от изумления самообладание. — Не может быть!

Воцарилось молчание.

— Кто именно этот самонадеянный человек? — спросил Ринальдо, ни к кому в особенности не обращаясь.

— Боюсь, это мой чародей, — ответил Алессан. — Я привязал его к себе при помощи древнего дара Адаона принцам нашего дома. Когда-то я тебе об этом рассказывал, по-моему. Его зовут Эрлейн. Эрлейн ди Сенцио.

— А! — произнес Ринальдо и медленно выдохнул воздух. — Понятно. Плененный чародей, да еще из Сенцио. Это объясня-

ет его гнев. — Он сделал еще несколько шагов вперед, постукивая палкой по земле перед собой.

Именно в это мгновение Дэвин понял, что Ринальдо слеп. Дукас тоже это понял.

— У вас нет глаз, — произнес он.

— Нет, — спокойно ответил Ринальдо. — Конечно, прежде были, но мой племянник рассудил, что они мне ни к чему, с подачи обоих тиранов. Этой весной будет семнадцать лет с того времени. Я имел смелость противиться решению Казальи отказаться от титула герцога и стать губернатором.

Алессан в упор смотрел на Эрлейна, пока говорил Ринальдо. Дэвин тоже посмотрел на него. Чародей выглядел таким сбитым с толку, каким Дэвин его никогда еще не видел.

— Тогда я знаю, кто вы такой, — заикаясь, проговорил он.

— Конечно, знаешь. Как и я знаю тебя, и знал твоего отца, Эрлейн бар Алейн. Я был братом последнего истинного герцога Сенцио и прихожусь дядей тому позорищу, который называет себя Казальей, губернатором Сенцио. И я не менее горжусь родством с первым, чем стыжусь называться дядей второго.

Явно пытаясь взять себя в руки, Эрлейн воскликнул:

— Но, значит, вам было известно, что планирует Алессан! Вы знали об этих письмах. Он вам рассказал. Знаете, что он собирается с их помощью сделать! Знаете, что это означает для нашей провинции! И вы все равно с ним? Вы ему помогаете? — В конце его голос стал истерично высоким.

— Ты, глупый, мелочный человечек, — медленно произнес Ринальдо, делая паузу между словами для большего веса, голосом твердым, как камень. — Конечно, я ему помогаю. Как еще нам справиться с тиранами? Какое другое поле боя можно сегодня выбрать на Ладони, кроме нашего бедного Сенцио, вокруг которого кружат Барбадиор и Играт, подобно волкам, и где мой распутный племянник накачивает себя вином и проливает семя на задницы проституток! Ты хочешь, чтобы свобода далась легко, Эрлейн бар Алейн? Думаешь, она упадет тебе в руки, как падают желуди с дубов по осени?

— Он считает, что свободен, — резко вмешался Алессан. — Или был бы свободным, если бы не я. Думает, что был свободен до того, как встретил меня у реки в Феррате на прошлой неделе.

— Тогда мне больше нечего ему сказать, — с презрением ответил Ринальдо ди Сенцио.

— Как вы... как вы нашли этого человека? — Это спросил Сертино у Алессана.

Чародей из Чертандо все еще держался в противоположном от принца углу сарая, как отметил Дэвин.

— Находить таких людей было моим занятием в течение двенадцати лет, — ответил Алессан. — Мужчин и женщин из моей провинции и из твоей, из Астибара, Тригии, со всего полуострова. Людей, которым я мог доверять и у которых были причины ненавидеть тиранов так же сильно, как и я. И желание стать свободными такое же сильное, как у меня. Действительно свободными, — прибавил он, снова бросив взгляд на Эрлейна. — Хозяевами нашего собственного полуострова.

Он с легкой улыбкой повернулся к Дукасу.

— Как оказалось, ты хорошо спрятался, друг мой. Я считал, что ты, возможно, жив, но не имел представления, где ты. Мы прожили в Тригии с перерывами целый год, но никто из тех, с кем мы говорили, не знал или не хотел сказать ничего о твой судьбе. Сегодня мне пришлось проявить огромную хитрость, чтобы выманить тебя и заставить самому найти меня.

На это Дукас рассмеялся глубоким, грудным смехом. Потом серьезно сказал:

— Жаль, что этого не произошло раньше.

— Мне тоже. Ты даже не представляешь себе, как жаль. У меня есть друг, которому, по-моему, ты понравишься, как и он тебе.

— Я с ним встречусь?

— В Сенцио, этой весной, если события будут развиваться, как надо. Если мы сможем заставить их развиваться как надо.

— В таком случае лучше сначала расскажи нам о том, как они должны развиваться, — рассудительно заметил Ринальдо. — И позволь мне заняться вашими двумя ранеными, пока ты расскажешь нам о том, что мы должны знать.

Он двинулся вперед, ощупывая землю перед собой, и подошел к Дэвину.

— Я — Целитель, — серьезно объяснил он, резкость ушла из его голоса. — Твоя нога в плохом состоянии и нуждается в лечении. Ты позволишь мне попытаться?

— Так вот как вы нас узнали, — сказал Дукас, в его голосе снова звучало удивление. — Я никогда прежде не встречал настоящего Целителя.

— Нас не так много, и мы не стремимся к известности, — ответил Ринальдо, уставившись в никуда пустыми глазницами. — Так было еще до того, как пришли тираны: этот дар имеет

границы и свою цену. Теперь мы скрываемся по той же причине, что и чародеи, или почти по той же причине: тираны с радостью захватывают нас и заставляют служить им до тех пор, пока наша сила не истощится.

— Они это могут? — спросил Дэвин хриплым голосом. Он осознал, что уже очень давно молчит. Ему стало страшно при мысли о том, как звучал бы его голос, если бы ему пришлось сегодня петь. Он и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя настолько измученным.

— Разумеется, могут, — просто ответил Ринальдо. — Если только мы не предпочтем умереть на их колесах смерти. Такие случаи известны.

— Я буду рад узнать разницу между насилием и тем, что со мной сделал этот человек, — холодно произнес Эрлейн.

— А я буду рад объяснить тебе, — резко ответил Ринальдо, — как только закончу работу. — И обратился к Дэвину: — У тебя за спиной должна быть солома. Ложись, пожалуйста, я посмотрю твою ногу.

Через несколько секунд Дэвин уже лежал на подстилке из соломы. С осмотрительной осторожностью старого человека Ринальдо опустился на колени рядом с ним. Целитель начал медленно тереть ладонью о ладонь. Затем бросил через плечо:

— Алессан, я говорю серьезно. Рассказывай, пока я буду работать. Начни с Баэрда. Я бы хотел знать, почему его нет с вами.

— Баэрд! — перебил его чей-то голос. — Так это он — ваш друг? Баэрд бар Саэвар? — Это воскликнул Наддо, раненный стрелой. И, спотыкаясь, бросился к краю соломы.

— Да, Саэвар был его отцом, — подтвердил Алессан. — Ты его знал?

Наддо так разволновался, что почти не мог говорить.

— Знал? Конечно, я его знал. Я был... я... — Он с трудом глотнул. — Я был последним учеником его отца. Я любил Баэрда, как старшего брата. Я... мы плохо расстались. Я ушел в тот год, после падения.

— И он тоже, — мягко сказал Алессан, кладя ладонь на дрожащее плечо Наддо. — Вскоре после тебя. Теперь я знаю, кто ты, Наддо. Он часто говорил со мной об этом расставании. Могу тебе сказать, что он тоже горевал о том, как вы расстались. И продолжает горевать. Полагаю, он сам тебе об этом скажет, когда вы встретитесь.

— Это тот друг, о котором ты упоминал? — тихо спросил Дукас.

— Да.

— Он рассказывал тебе обо мне? — Голос Наддо высоко взлетел от изумления.

— Да.

Алессан снова улыбался. Дэвин, как он ни был измучен, тоже улыбнулся. Стоящий перед ними человек говорил совсем как маленький мальчик.

— А вы... а он знает, что стало с его сестрой? С Дианорой? — спросил Наддо.

Улыбка Алессана погасла.

— Не знаем. Мы искали двенадцать лет, спрашивали о ней повсюду, где только находили переживших поражение. Столько женщин носит это имя. Она и сама ушла через некоторое время после того, как он отправился меня искать. Никто не знает, почему или куда она ушла, а их мать вскоре умерла. Их потеря — самая глубокая боль Баэрда.

Наддо молчал; через секунду они поняли, что он борется со слезами.

— Это я могу понять, — хриплым голосом произнес он. — Она была самой храброй девушкой из всех, кого я знал. Самой храброй женщиной. И пусть она не была красивой, она все равно была такой... — Он замолчал, пытаясь овладеть собой, потом тихо закончил: — Кажется, я ее любил. Любил, я знаю. В тот год мне было тринадцать лет.

— Если богини и бог нас любят, — тихо сказал Алессан, — мы ее еще найдем.

Дэвин ничего этого не знал. По-видимому, есть еще столько вещей, которых он не знает. У него были вопросы, возможно, даже больше, чем у Дукаса. Но в это время Ринальдо, стоящий рядом с ним на коленях, перестал тереть ладони и наклонился вперед.

— Ты сильно нуждаешься в отдыхе, — прошептал он так тихо, что другие его не слышали. — Тебе необходим сон не меньше, чем твоей ноге лечение. — Произнося эти слова, он мягко опустил одну ладонь на лоб Дэвина, и Дэвин, несмотря на все свои вопросы и возбуждение, внезапно почувствовал, что плывет, словно по широкому, спокойному морю, к берегам сна, далеко от разговаривающих людей, от их голосов, их горя, их желаний. Больше он не услышал ничего из того, что было сказано в сарае той ночью.

Глава 15

Через три дня, на рассвете, они пересекли границу к югу от двух фортов, и Дэвин ступил на землю Тиганы впервые с тех пор, как отец увез его отсюда совсем маленьким.

Только самые бедные музыканты приходили в Нижний Корте, труппы, которым не везло, отчаянно нуждающиеся в любых контрактах, как бы мало ни платили и какой бы мрачной ни была обстановка. Даже столько лет спустя после победы тиранов бродячие музыканты знали, что Нижний Корте сулит плохой заработок и серьезный риск быть ограбленными игратянами либо в самой провинции, либо на границе.

Все знали эту историю: жители Нижнего Корте убили сына Брандина и расплачивались за это своей кровью, деньгами и жестоким угнетением. Все это создавало мрачную обстановку, соглашались бродячие артисты, обсуждая этот вопрос в тавернах и ночлежках Феррата или Корте. Только изголодавшиеся или начинающие соглашались на плохо оплачиваемую и полную риска работу в этой печальной провинции на юго-западе. К моменту появления Дэвина в труппе Менико ди Феррат уже давно гастролировал по стране и завоевал себе настолько хорошую репутацию, что мог обходить стороной эту провинцию. Да к тому же тут были замешаны чары; никто толком не понимал этого, но бродячие артисты были людьми суеверными, и при наличии выбора немногие рисковали отправиться туда, где действовала магия. Все знали о проблемах, с которыми можно столкнуться в Нижнем Корте. Все знали эти истории.

Итак, Дэвин очутился здесь впервые. В последние часы скачки в темноте он ждал момента перехода границы. С тех пор как они увидели к северу от себя форт Синаве, он знал, что граница уже близко, и знал, что́ именно находится по другую ее сторону.

И теперь, когда первые, бледные лучи восходящего солнца показались за их спиной, он подъехал к линии каменных пограничных знаков, протянувшейся на север и на юг между двумя фортами, и взглянул вверх, на ближайший из старых, обветренных, гладких монолитов. Потом проехал мимо, пересек границу и очутился в Тигане.

К своему отчаянию, он обнаружил, что понятия не имеет, что думать и как реагировать. Он чувствовал себя растерянным и сбитым с толку. Несколько часов назад его охватила неудержимая дрожь, когда они увидели далекие огни Синаве в темноте, и его воображение разыгралось. «Скоро я буду дома, — сказал он себе. — На земле, где я родился».

Теперь, проезжая на запад мимо пограничного камня, Дэвин настойчиво оглядывался по сторонам, пока небо, а потом вершины холмов и деревьев медленно заливал свет, и наконец весь мир, насколько хватало глаз, засиял в лучах весеннего солнца.

Этот пейзаж ничем не отличался от того, который разворачивался перед ними в последние два дня. Холмистый, с густыми лесами на южных склонах, окаймленный горами на горизонте. Он увидел, как олень поднял голову на водопое у ручья. Замер на мгновение, глядя на них, потом спохватился и убежал.

В Чертандо они тоже видели оленя.

«Это же дом!» — снова сказал себе Дэвин, ожидая отклика в душе. На этой земле его отец встретил и полюбил мать, родились он и братья, и отсюда Гэрин ди Тигана бежал на север, вдовец с тремя маленькими сыновьями, прочь от убийственного гнева Играта. Дэвин пытался представить себе это: отца на повозке, одного из близнецов на сиденье рядом с ним, второго — наверное, они сменяли друг друга, — сзади с вещами, держащего на руках Дэвина, пока они ехали сквозь красный закат, затмеваемый дымом и пожарами на горизонте.

Почему-то эта картина казалась фальшивой, но Дэвин не мог бы объяснить почему. Или, точнее, не фальшивой, а какой-то нереальной. Слишком легко она напрашивалась. Дело в том, что это даже могло быть правдой, все могло быть именно так, но Дэвин этого не знал. Не мог знать. У него не было воспоминаний об этой поездке, об этом месте. Никаких корней, никакой истории. Это был дом, но он не был домом. Страна, по которой они ехали, даже не была Тиганой. Он никогда не слышал этого имени до той ночи, полгода назад, не говоря уже об истории, о легендах, хрониках ее прошлого.

Это была провинция Нижний Корте; так он называл ее всю жизнь.

Дэвин покачал головой, раздраженный, глубоко расстроенный. Едущий рядом с ним Эрлейн озирался по сторонам, на его губах играла насмешливая улыбка, что еще больше раздражало Дэвина. Алессан ехал впереди один. После границы он не сказал ни слова.

У него были воспоминания, Дэвин это знал, и, хотя понимал, что это странно и даже неестественно, завидовал принцу. Как ни мучительны были его воспоминания, они имели корни

и сформировались на этой земле, которая действительно была его домом.

В том, что чувствовал или вспоминал сейчас Алессан, не было ничего нереального. Эти чувства и воспоминания были болезненной, грубой реальностью, смятой тканью его собственной жизни. Дэвин старался представить себе под веселые песни птиц великолепного весеннего утра, как чувствует себя принц. Ему казалось, что он смог, но только отчасти. Скорее догадался, чем представил. Помимо прочего, и, возможно, прежде всего, Алессан ехал туда, где умирала его мать. Неудивительно, что он подгонял своего коня; неудивительно, что он молчал.

Он имеет право, думал Дэвин, глядя, как скачет принц, прямой и полный самообладания, впереди них. Он имеет право на то одиночество, на то облегчение страданий, которое ему необходимо. Ибо он несет людям осуществление мечты, а большинство из них даже не знает об этом.

И эти мысли вывели его из состояния растерянности, прекратили его попытки осознать, где они находятся. Сосредоточившись на Алессане, он снова обрел способность ощущать страсть, жгучую внутреннюю реакцию на то, что здесь произошло и продолжает происходить. Каждый час каждого дня в опустошенной, сломленной провинции под названием Нижний Корте.

Где-то в глубине ума и души Дэвина созрели плоды долгих зимних раздумий и молчаливого присутствия при разговорах старших и более мудрых людей. Он понял, что он не первый и не последний из тех, кто обрел в одном-единственном человеке воплощение гораздо более трудной любви к абстракции или к мечте.

Именно тогда, оглядывая расстилающиеся перед ним земли под широкой аркой высокого голубого неба, Дэвин ощутил, как задрожали струны его души, будто она была арфой. Будто он сам был арфой. Он скакал галопом вслед за принцем, чувствовал удары конских копыт о твердую землю, и ему казалось, что это барабанная дробь аккомпанирует струнам арфы.

Судьба ждала их, яркая в его воображении, как разноцветные павильоны на равнине во время Игр Триады, которые проводились каждые три года. То, что они сейчас делали, было важным, могло все изменить. Дэвин чувствовал, как что-то уносит его вперед, поднимает и увлекает за собой в приливные волны, в водоворот будущего. В ту жизнь, какой она станет, когда все закончится.

Он увидел, что Эрлейн снова оглянулся, и на этот раз Дэвин

улыбнулся ему в ответ. Мрачной, яростной улыбкой. Он увидел, как с худого лица чародея исчезло привычное выражение иронии и на секунду сменилось неуверенностью. Дэвин чуть было опять не пожалел его.

Повинуясь порыву, он подскакал поближе к Эрлейну.

— У нас все получится! — крикнул он оживленно, почти весело.

Лицо Эрлейна, казалось, съежилось.

— Ты глупец, — резко ответил он. — Молодой, невежественный глупец. — Но сказано это было без убеждения, инстинктивная реакция.

Дэвин громко рассмеялся.

Позднее он вспомнит и это мгновение. Свои слова, слова Эрлейна, свой смех под сияющим, голубым, безоблачным небом. Леса и горы слева и просторы впереди, первый проблеск Сериона, сверкающей лентой стремительно бегущего на север перед тем, как повернуть на запад, в поисках моря.

* * *

Святилище Эанны лежало в высокогорной долине, отгороженное и защищенное кольцом гор, возвышающихся к югу и к западу от реки Сперион и от бывшего Авалле. Неподалеку проходила дорога, по которой некогда один за другим двигались торговые караваны из Тригии и Квилеи и обратно через высокую седловину перевала Сфарони.

Во всех девяти провинциях у жрецов Эанны и Мориан, как и у жриц Адаона, имелись подобные святилища. Основанные в укромных частях полуострова — иногда очень укромных, — они служили центрами образования и обучения для только что посвященных священнослужителей, хранилищами мудрости и канонов Триады и местами отшельничества, куда жрецы и жрицы могли удалиться от тягот и бремени внешнего мира на время или навсегда.

И не только священнослужители. Некоторые миряне иногда делали то же самое, если могли позволить себе внести «пожертвование», назначенное за привилегию получить укрытие на несколько дней или лет в пределах этих убежищ.

Многие причины приводили людей в эти святилища. Давно ходила шутка, что жрицы Адаона — лучшие акушерки Ладони, так много дочерей знаменитых или просто богатых семей предпочитали провести в святилище богов тот период времени, ко-

торый поставил бы в неловкое положение их семьи. И, разумеется, все знали о том, что неопределенно большой процент духовенства вырос из живых пожертвований, которые эти дочери оставляли в святилище, возвращаясь домой. Девочки оставались у Адаона, мальчики отправлялись к Мориан. Носящие белые одежды жрецы Эанны всегда заявляли, что не желают иметь ничего общего с подобной практикой, но ходили слухи, опровергавшие и эти заявления.

После прихода тиранов почти ничего не изменилось. Ни Брандин, ни Альберико не были настолько безрассудными, чтобы восстанавливать против своей власти жрецов Триады. Жрецам и жрицам позволили поступать так, как они поступали всегда. Народу Ладони гарантировали свободу веры, какой бы странной и примитивной она ни казалась новым правителям из-за моря.

Но чем занялись оба тирана, с большим или меньшим успехом, так это игрой на противоречиях между соперничающими храмами, так как видели — ибо не заметить этого было невозможно — то напряжение и вражду, которая тлела и вспыхивала между орденами Триады. В этом не было ничего нового: каждый герцог, Великий герцог или принц на полуострове, в каждом поколении, стремился обратить эти трехсторонние трения себе на пользу. Многие стереотипы могли измениться в круговороте лет, некоторые вещи могли измениться до полной неузнаваемости, а некоторые могли затеряться и совсем забыться, но только не это. Не этот хитрый танец государства и духовенства.

И поэтому храмы продолжали стоять, а наиболее значительные процветали и могли похвастать золотом и дорогим деревом, статуями и золотым шитьем одеяний для богослужений. За исключением одного места: в Нижнем Корте статуи и золото исчезли, а библиотеки были разграблены и сожжены. Но это было уже совсем другое, и немногие решались это обсуждать в первые годы правления тиранов. Даже в этой окутанной тьмой провинции жрецам разрешалось во всем остальном продолжать придерживаться размеренного течения своих дней в городах и деревнях, а также в святилищах.

И время от времени в эти убежища приходили самые разные люди. Не только неудачно забеременевшие находили причину уехать или быть увезенными подальше от превратностей жизни. В трудный час для души человека или для всего мира обитатели Ладони всегда знали, что святилища стоят на месте, на краю заснеженных пропастей в горах или в глубине туманных долин.

И еще люди знали, что — за определенную цену — для них возможен уход в размеренную, тщательно продуманную жизнь этих убежищ, таких, как это Святилище Эанны в долине. На время. На всю жизнь. Кем бы они ни были в городах за горами.

Кем бы они когда-то ни были.

«На время, на всю жизнь», — думала старая женщина, глядя из окна своей комнаты на долину, залитую солнцем вернувшейся весны. Она никогда не умела удержать свои мысли от возвращения в прошлое. Так много ждала она в прошлом и так мало сейчас, здесь, когда жизнь ее мучительно медленно катилась к завершению. Год за годом падали на землю, словно птицы со стрелами в груди, отсчитывая ее собственную жизнь, ее единственную жизнь.

Целая жизнь из одних воспоминаний, навеянных криком кроншнепа или призывом к молитве на рассвете, пламенем свечи в сумерках, темным столбом дыма из трубы, поднимающимся в серое зимнее небо, упорным стуком дождя по крыше и оконному стеклу в конце зимы, скрипом собственной кровати по ночам, новым призывом к молитве, монотонным пением жрецов, падающей звездой на западном небосклоне летом, суровой, холодной темнотой дней Поста. Воспоминания таились в каждом движении ее самой или окружающего мира, в каждом звуке, в каждом оттенке цвета, в каждом запахе, принесенном ветром из долины. Воспоминания о том, что было потеряно, что привело ее в это место, к жрецам в белых одеждах, с их бесконечными обрядами и бесконечной мелочностью, с их примиренностью с тем, что с ними всеми случилось.

Это последнее едва не убило ее в первые годы. И это убивало ее сейчас, как она сказала на прошлой неделе Данолеону, что бы там ни утверждал жрец-лекарь насчет опухоли в груди.

Осенью они нашли Целителя. Он явился — встревоженный, трепещущий, тощий и неряшливый человек с нервными движениями и покрасневшим лбом. Но он сел рядом с ее постелью и посмотрел на нее, и она поняла, что он действительно владеет даром, ибо его возбуждение прошло и лоб стал белым. А когда он прикоснулся к ней — здесь и здесь, — его рука не дрожала, а она не чувствовала боли, только почти приятную усталость.

Однако в конце он покачал головой, и она неожиданно увидела в его светлых глазах печаль, хотя он не мог знать, кто она такая. Он просто горевал о потере, о поражении, не заботясь о том, кто эта умирающая женщина.

— Это меня убило бы, — тихо произнес он. — Все зашло

слишком далеко. Я могу умереть, а вас не спасу. Я ничего не могу сделать.

— Как долго? — Это были ее единственные слова.

Он ответил: полгода, возможно, меньше, в зависимости от того, сколько у нее сил.

Сколько сил? Она была очень сильной. Более сильной, чем мог предположить любой из них, кроме, разве что Данолеона, который знал ее дольше всех. Она отослала Целителя и попросила выйти Данолеона, а потом и единственную медлительную служанку, ее жрецы разрешили иметь женщине, которую знали лишь как вдову из поместья на севере от Стиванбурга. По случайному совпадению она действительно знала женщину, под именем которой скрывалась: она некоторое время была одной из фрейлин при ее дворе. Светловолосая девушка с зелеными глазами и приятными манерами, всегда готовая посмеяться. Мелина брен Тонаро. Она пробыла вдовой неделю, даже меньше. А потом покончила с собой во Дворце у Моря, когда пришли вести о второй битве при Дейзе.

Этот обман был необходим, чтобы скрыть ее настоящее имя, — так предложил Данолеон. Почти девятнадцать лет назад. Ее и мальчика будут искать, сказал тогда Верховный жрец. Мальчика он увезет, скоро тот окажется в безопасности. На него все их надежды, и эти надежды будут жить, пока жив он. Она сама тоже была светловолосой в то время. Все это случилось так давно. Она превратилась в Мелину брен Тонаро и приехала в святилище Эанны, расположенное в долине среди гор над Авалле. Над Стиванбургом.

Приехала и стала ждать. На протяжении меняющихся времен года и неизменных лет. Ждала, когда тот мальчик вырастет и станет мужчиной, таким, каким был его отец или его братья, и совершит то, что обязан сделать прямой потомок Микаэлы и бога.

Она ждала. Времена года сменяли друг друга, подстреленными птицами падали с неба.

До прошлой осени, когда Целитель сказал ей о том холодном, важном событии, о котором она уже догадалась. Полгода, сказал он. Если у нее хватит сил.

Она отослала их из комнаты и лежала на железной кровати, глядя в окно на деревья долины. Они меняли цвет. Когда-то она любила это время года, это было ее любимое время для прогулок верхом. Когда она была еще девушкой, когда стала женщи-

ной. Ей пришло в голову, что это последние осенние листья, которые ей дано увидеть.

Она отодвинула прочь подобные мысли и стала считать. Дни и месяцы, нумерацию лет. Проделала эти подсчеты дважды и еще в третий раз, для полной уверенности. Она ничего не сказала Данолеону, тогда не сказала. Еще было рано.

Только в конце зимы, когда все листья облетели, а лед только начинал таять на скатах крыш, она позвала Верховного жреца и приказала ему послать письмо в то место, где, как ей было известно — и ему тоже, единственному из всех жрецов, — ее сын будет находиться в дни Поста, начинающие весну. Она все просчитала. Много раз.

И еще она хорошо рассчитала время, и не случайно. Она видела, что Данолеону хочется возражать, отговаривать ее, убеждать в опасности и призывать к осторожности. Но видела, что почва выбита из-под его ног, видела это по тому, как беспокойно задвигались его крупные руки, а голубые глаза забегали по комнате, словно искали аргументы на голых стенах. Она терпеливо ждала, когда он в конце концов посмотрит ей в глаза, а потом увидела, как он медленно склонил голову в знак согласия.

Как отказать умирающей матери в просьбе послать весть ее единственному оставшемуся в живых ребенку? Мольбу, чтобы этот ребенок приехал попрощаться с ней перед тем, как она переступит порог Мориан. Особенно если этот ребенок, мальчик, которого она сама отправила на юг через горы столько лет назад, был последним, что связывало ее с тем, чем она была когда-то, с ее разбитыми мечтами и погубленными мечтами ее народа?

Данолеон пообещал написать это письмо и отослать его. Она поблагодарила его и снова легла на кровать после того, как он ушел. Она по-настоящему устала, ей было по-настоящему больно. Она держалась. Полгода исполнится как раз после весенних дней Поста. Она все подсчитала. Она доживет до встречи с ним, если он приедет. А он приедет; она знала, что он к ней приедет.

Окно было слегка приоткрыто, хотя в тот день было еще холодно. Снег в долине и на склонах холмов лежал мягкими, сыпучими складками. Она смотрела на него, но ее мысли неожиданно вернулись к морю. С сухими глазами, потому что она ни разу не заплакала с тех пор, как все рухнуло, ни единого раза, она бродила по дворцам-воспоминаниям прежних времен и видела, как набегают волны и разбиваются о белый песок побере-

жья, оставляя за собой живые ракушки, жемчужины и другие дары на дуге пляжа.

Так ждала в тот год Паситея ди Тигана брен Серази, бывшая принцесса, жившая во дворце у моря, мать двух погибших сыновей и одного еще живого, когда зима у гор сменялась весной.

* * *

— Два предупреждения. Во-первых, мы музыканты, — сказал Алессан. — Только что объединившиеся в труппу. Во-вторых: не называть меня по имени. Здесь нельзя. — Его голос приобрел те рубленые, жесткие интонации, которые Дэвин помнил по той первой ночи в охотничьем домике Сандрени, когда все это для него началось.

Они смотрели вниз, на долину, уходящую на запад в ясном свете позднего дня. За ними текла Сперион. Неровная, узкая дорога долгие часы извивалась по склонам гор до этой наивысшей точки. А теперь перед ними развернулась долина, деревья и трава в ней были уже тронуты золотистой зеленью весны. Приток реки, питаемый тающим снегом, стремительно уносился на северо-запад от подножий гор, блестя на солнце. Купол храма в центре святилища сверкал серебром.

— А как тебя тогда называть? — тихо спросил Эрлейн. Он казался подавленным — то ли из-за тона Алессана, то ли из-за ощущения опасности, Дэвин не знал.

— Адриано, — после секундной паузы ответил принц. — Сегодня я Адриано д'Астибар. На время этого воссоединения я стану поэтом. На время этого триумфального, радостного возвращения домой.

Дэвин помнил это имя: так звали молодого поэта, прошлой зимой казненного на колесе смерти Альберико из-за скандальных «Элегий Сандрени». Он несколько секунд пристально смотрел на принца, затем отвел взгляд: сегодняшний день не годился для вопросов. Если его пребывание здесь имело какой-то смысл, то состоял он в том, чтобы как-нибудь облегчить Алессану его положение. Только он не знал, как это сделать. Он снова чувствовал себя совершенно не на своем месте, недавний прилив возбуждения угас при виде мрачного лица Алессана.

К югу от них над долиной возвышались пики гор Сфарони, более высокие, чем даже горы над замком Борсо. На вершинах лежал снег, и даже на середине склонов — зима не так быстро отступала на этой высоте и так далеко к югу. Однако внизу, к

северу от подножий гор, в защищенной, тянущейся с востока на запад долине, Дэвин видел набухшие на деревьях почки. Серый ястреб на мгновение почти неподвижно повис в восходящем потоке, потом круто повернул на юг и вниз и исчез за горами. Внизу, на дне долины, огороженное стенами святилище казалось обещанием мира и покоя, защищенным от зла всего мира.

Но Дэвин знал, что это не так.

Они двинулись вниз, теперь уже не спеша, так как это было бы необычным для трех музыкантов, приехавших сюда среди дня. Дэвин остро чувствовал опасность. Человек, позади которого он ехал, был последним наследником Тиганы. Он спрашивал себя, что сделал бы Брандин Игратский с Алессаном, если бы принца предали и захватили после стольких лет. Он вспомнил слова Мариуса из Квилеи на горном перевале: «Ты доверяешь этому посланию?»

Дэвин никогда не доверял жрецам Эанны. Они были слишком хитрыми, самыми хитроумными из всех священнослужителей, слишком хорошо умели направлять события в собственных целях, которые могли быть скрыты в далеком будущем. Служители богини, полагал он, могли счесть более легким выходом встать на точку зрения далекого будущего. Но всем известно, что у жрецов Триады установилось тройное взаимопонимание с пришлыми тиранами. Их общее молчание, их молчаливое пособничество было получено в обмен на разрешение отправлять свои обряды, которые значили для них больше, чем свобода Ладони.

Еще до встречи с Алессаном у Дэвина было на этот счет собственное мнение. Его отец никогда не стеснялся откровенно высказываться в адрес жрецов. И теперь Дэвин снова вспомнил ту единственную свечу, которую Гэрин зажигал в знак протеста дважды в год в ночь Поста в пору его детства в Азоли. Теперь, когда он стал думать об этом, он обнаружил множество нюансов в мигающих огоньках этих свечей среди темноты. И они сказали ему о его флегматичном отце много такого, о чем он раньше не догадывался. Дэвин покачал головой: сейчас не время бродить по дорогам прошлого.

Когда извилистая горная тропа наконец-то спустилась в долину, она перешла в более широкую и ровную дорогу, идущую наискось к святилищу в центре долины. Примерно в полумиле от внешних каменных стен по обе стороны от дороги начались двойные ряды деревьев. Вязов, с начавшими распускаться листьями. За ними по обе стороны Дэвин увидел работающих в

поле людей, некоторые из них были наемными мирянами, некоторые жрецами, одетыми не в церемониальный белый цвет, а в поношенные светло-коричневые одежды. Начались работы, которых требует земля после окончания зимы. Один из них пел приятным, чистым тенором.

Восточные ворота святилища были открыты, простые, без украшений, не считая звездного символа Эанны. Но высокие, заметил Дэвин, из тяжелого кованого железа. Стены, окружающие святилище, тоже были высокими, из толстого камня. Они соединяли башни — всего восемь, — выступающие вперед через определенные промежутки из широкого кольца стен. Это место, сколько бы сотен лет назад его ни построили, предназначалось для обороны от врагов. Внутри комплекса безмятежно возвышался над остальными зданиями купол храма Эанны и сверкал на солнце, когда они подъехали к распахнутым воротам и въехали внутрь.

Оказавшись за стенами, Алессан остановил коня. Впереди, невдалеке от них, слева, раздался неожиданный взрыв детского смеха. На открытом травяном поле, устроенном за конюшнями и большим жилым зданием, полдесятка мальчишек в голубых туниках гоняли палками мяч — играли в маракко под надзором молодого жреца в бежевом одеянии.

Дэвин смотрел на них с внезапной острой грустью и ностальгией. Он живо вспомнил, как ходил в лес возле их дома вместе с Поваром и Нико, когда ему исполнилось пять лет, чтобы срезать и принести домой свою первую палку для маракко. А потом часы — но чаще минуты, — оторванные от домашних дел, когда они втроем хватали свои палки и один из потрепанных, сменяющих друг друга мячей, которые Нико терпеливо сооружал, наматывая бесчисленные слои ткани, и носились в грязи по скотному двору, воображая себя командой Азоли на предстоящих Играх Триады.

— В последний год моей учебы в храме я в одной игре забил четыре гола, — задумчивым голосом сообщил Эрлейн ди Сенцио. — Я никогда об этом не забывал. Сомневаюсь, что могу такое забыть.

Дэвин бросил на чародея удивленный и насмешливый взгляд. Алессан тоже обернулся в седле. Через мгновение все трое обменялись улыбками. Крики и смех детей в отдалении стихли. Их увидели. Маловероятно, что появление незнакомцев было здесь привычным событием, особенно так скоро после таяния снегов.

Молодой жрец покинул поле и направился к ним, одновременно с более пожилым человеком, у которого поверх бежевой рабочей одежды был надет просторный черный кожаный фартук. Он шел со стороны загонов по другую сторону от центральной аллеи, в которых содержались овцы, козы и коровы. Впереди виднелась арка входа в храм, а рядом с ним, справа и немного сзади, возвышался меньший купол обсерватории, так как во всех святилищах Эанны ее жрецы наблюдали за движением звезд, которым она дала имена.

Комплекс был огромным, еще большим, чем выглядел сверху, со склонов гор. По его территории сновало множество жрецов и служек, входящих в храм и выходящих из него, работающих среди животных или на огородах, которые Дэвин заметил позади обсерватории. Оттуда же доносились звуки кузницы и поднимался дым, который подхватывал и уносил прочь теплый ветерок. Над головой он снова увидел того же ястреба, или другого, лениво описывающего круги в синеве.

Алессан спешился, Дэвин и Эрлейн сделали то же самое как раз в тот момент, когда к ним одновременно подошли оба жреца. Младший, с песочного цвета волосами и низкорослый, как Дэвин, рассмеялся и показал на себя и своего коллегу.

— Боюсь, вам устроили не слишком торжественную встречу. Мы не ждали гостей так рано после зимы, должен признаться. Никто не заметил, как вы спустились с гор. Тем не менее, добро пожаловать, мы очень рады приветствовать вас в святилище Эанны, какая бы причина ни привела вас к нам. Да узнает вас богиня и примет под свое покровительство. — Он говорил весело и с готовностью улыбался.

Алессан улыбнулся ему в ответ.

— Да узнает и назовет она всех, кто обитает в этих стенах. Если честно, мы не справились бы с более официальными приветствиями. Мы еще не успели разработать для себя процедуру прихода. А что касается нашего приезда в самом начале весны, — ну, всем известно, что только что созданным труппам приходится выезжать раньше, чем уже устоявшимся, иначе они умрут с голоду.

— Вы артисты? — мрачно спросил пожилой жрец, вытирая руки о тяжелый фартук. Его каштановые волосы с проседью уже поредели, а на месте передних зубов зияла дыра.

— Да, — ответил Алессан, пытаясь изобразить некоторое величие. — Меня зовут Адриано д'Астибар. Я играю на тригийской свирели, и со мной Эрлейн ди Сенцио, лучший арфист на

всем полуострове. И должен сказать вам правду, вы не услышите пения лучше, чем пение нашего юного спутника Дэвина д'Азоли.

Младший жрец снова рассмеялся.

— О, здорово сказано! Надо будет пригласить вас в приходскую школу, чтобы дать моим подопечным урок риторики.

— У меня лучше получилось бы научить их игре на свирели, — улыбнулся Алессан. — Если музыка входит в вашу программу.

Губы жреца дрогнули.

— Официальная музыка, — ответил он. — Все же это Эанна, а не Мориан.

— Конечно, — поспешно согласился Алессан. — Очень официальная музыка для учащейся здесь молодежи. Но для самих служителей богини? — Он поднял черную бровь.

— Признаюсь, — снова улыбнулся русоволосый молодой жрец, — что сам я предпочитаю раннюю музыку Раудера.

— И никто не исполняет ее лучше нас, — непринужденно подхватил Алессан. — Я вижу, мы правильно выбрали место. Должны ли мы выразить свое почтение Верховному жрецу?

— Должны, — ответил второй жрец без улыбки. И начал развязывать сзади свой фартук. — Я отведу вас к нему. Саванди, твои подопечные сейчас поколотят друг друга, или еще чего похуже. Ты с ними совсем не справляешься?

Саванди резко обернулся, взглянул, с чувством выругался, совершенно не по-жречески, и бросился бежать к полю, выкрикивая проклятия. Издалека Дэвину действительно показалось, что юные воспитанники Саванди используют свои палки не так, как требуют общепринятые правила игры.

Дэвин видел, что Эрлейн ухмыляется, наблюдая за мальчиками. Улыбка преображала худое лицо чародея. Когда эта улыбка была искренней, а не ироничной, кривой усмешкой, к которой он так часто прибегал, чтобы выразить обиду и пренебрежительное превосходство.

Старший жрец с мрачным лицом стянул через голову кожаный фартук, аккуратно сложил его и повесил на одну из жердей ограды соседнего овечьего загона. Потом отрывисто позвал кого-то, Дэвин не разобрал имени, и еще один молодой человек, на этот раз служка, поспешно вынырнул из конюшни справа.

— Возьми лошадей, — приказал жрец. — Позаботься, чтобы их вещи отнесли в гостевой дом.

— Я возьму с собой свирель, — быстро сказал Алессан.

— А я свою арфу, — прибавил Эрлейн. — Мы вам доверяем, но вы понимаете, музыкант и его инструмент...

Жрецу явно недоставало приятных манер Саванди.

— Как хотите, — вот и все, что он ответил. — Пошли. Меня зовут Торре, я привратник этого святилища. Вас нужно отвести к Верховному жрецу. — Он повернулся и зашагал, не ожидая их, по дорожке, огибающей храм слева.

Дэвин и Эрлейн переглянулись и пожали плечами. Они пошли за Торре и Алессаном мимо множества жрецов и наемных рабочих, большинство из которых им улыбались, несколько скрашивая впечатление от их мрачного самозваного проводника.

Повернув за угол храма, они догнали идущих впереди. Торре остановился, Алессан стоял рядом. Лысеющий привратник оглянулся довольно небрежно, потом почти так же небрежно сказал:

— Никому не доверяйте. Никому не говорите правду, кроме Данолеона или меня. Это его слова. Вас ждали. Мы думали, что вы приедете завтра, может быть, послезавтра, но она сказала, что это произойдет сегодня.

— Значит, я подтвердил ее правоту. Как приятно, — странным голосом произнес Алессан.

Дэвину вдруг стало холодно. Слева, на игровом поле, мальчики Саванди снова смеялись, тонкие фигурки в голубом, бегающие за белым мячом. Из-под купола слабо доносились звуки песнопений. Заканчивалась полуденная молитва. Двое жрецов в торжественных белых одеждах шли по дорожке им навстречу, рука об руку, и оживленно спорили.

— Это кухня, а это пекарня, — громко произнес Торре, показывая рукой. — Вон там — пивоварня. Вы наверняка слышали о пиве, которое мы тут варим.

— Конечно, слышали, — вежливо пробормотал Эрлейн, так как Алессан молчал.

Двое жрецов замедлили шаг, увидев незнакомых людей с музыкальными инструментами, и пошли дальше.

— Вон там обитель Верховного жреца, — продолжал Торре, — за кухней и приходской школой.

Двое жрецов, возобновив свой спор, скрылись за поворотом тропинки, ведущей к фасаду храма.

Торре замолчал. Потом сказал очень тихо:

— Благословенна будь Эанна за ее милостивую благосклонность. Да вознесет ей хвалу язык каждого. Добро пожаловать до-

мой, мой принц. Во имя любви, добро пожаловать домой, наконец-то.

Дэвин смущенно сглотнул, переводя взгляд с Торре на Алессана. По его спине пробежала невольная дрожь: на глазах привратника показались слезы и ярко блеснули в солнечном свете.

Алессан не ответил. Он наклонил голову, и Дэвин не видел его глаз. Они слышали детский смех, последние такты песнопений.

— Значит, она еще жива? — наконец поднял глаза Алессан.

— Жива, — с чувством ответил Торре. — Она еще жива. Она очень... — Он не смог договорить.

— Нет смысла нам осторожничать, если вы собираетесь проливать слезы, словно ребенок, — резко произнес Алессан. — Хватит, если вы не хотите моей гибели.

— Простите меня, — прошептал Торре. — Простите, милорд.

— Нет! Никакого «милорда». Даже когда мы одни. Я Адриано д'Астибар, музыкант. — Голос Алессана звучал жестко. — А теперь отведите меня к Данолеону.

Привратник быстро вытер глаза и расправил плечи.

— А куда, по-вашему, мы идем? — огрызнулся он, заговорив почти прежним тоном. Он резко повернулся кругом и зашагал по дорожке.

— Хорошо, — пробормотал Алессан в спину жреца. — Очень хорошо, друг мой.

Идущий за ними Дэвин увидел, как при этих словах Торре поднял голову. Он бросил взгляд на Эрлейна, но на этот раз чародей не ответил на его взгляд, лицо его было задумчивым.

Они миновали кухню, а потом приходскую школу, где подопечные Саванди — дети вельмож или богатых купцов, присланные на учебу, — занимались и спали. По всей Ладони такое обучение было частью обязанностей духовенства и щедрым источником доходов. Святилища соперничали друг с другом, стараясь привлечь учеников, а значит, деньги их отцов.

В просторном здании сейчас стояла тишина. Если, кроме той дюжины мальчиков на поле с Саванди, здесь больше не было учеников, то дела святилища Эанны в Нижнем Корте шли неважно.

С другой стороны, думал Дэвин, кто из оставшихся в Нижнем Корте мог теперь позволить себе обучать детей в святилище? И какой ловкий делец из Корте или Кьяры, купивший дешевую землю здесь, на юге, не отошлет своего сына учиться домой? Нижний Корте представлял собой место, где умный человек со

стороны мог заработать на разорении жителей, но здесь не стоило пускать корни. Кто захочет пустить корни на земле, ненавидимой Брандином?

Торре повел их вверх по лестнице крытого портика, а затем в открытые двери жилища Верховного жреца. Казалось, все двери распахнуты навстречу весеннему солнцу после священного затворничества только что закончившихся дней Поста.

Они стояли в большой, красивой гостиной с высоким потолком. Огромный камин занимал ее юго-западную стену, множество удобных кресел и небольших столиков было расставлено на пушистом ковре. Разнообразные вина стояли в хрустальных графинах на буфете. Дэвин увидел два книжных шкафа у южной стены, но в них отсутствовали книги. Шкафы стояли удручающе пустыми. Книги Тиганы сожгли. Об этом ему рассказывали.

Арки дверей в восточной и западной стенах выходили на крыльцо, куда светило солнце утром и на закате. В дальнем конце комнаты находилась закрытая дверь, которая явно вела в спальню. В стенах виднелось четыре ясно очерченных квадратных ниши, и еще одна, поменьше, над камином, где некогда, должно быть, стояли статуи. Они тоже исчезли. Лишь вездесущие серебряные звезды Эанны служили украшением комнаты.

Дверь спальни открылась, и из нее вышли два жреца.

Казалось, они удивились, но не слишком, увидев ожидающего привратника с тремя посетителями. Один был среднего роста и средних лет, с резкими чертами лица и коротко стриженными, густо присыпанными сединой волосами. На его шее, на ремне, висел лекарский поднос с травами и порошками, который он поддерживал снизу руками.

Но Дэвин смотрел на второго. Именно второй держал в руках жезл власти Верховного жреца. Но он бы и без него привлек к себе внимание, подумал Дэвин, глядя на человека, который должен был быть Данолеоном.

Верховный жрец оказался громадным, широкоплечим мужчиной, его грудь напоминала бочку, а спина была прямой, несмотря на возраст. Длинные волосы и борода, закрывающая половину грудной клетки, белели, как свежевыпавший снег, даже на фоне белых одежд. Густые прямые брови сходились посреди безмятежного лба, над глазами, синими и чистыми, как у ребенка. Рука, сжимавшая массивный жезл, держала его так, словно это всего лишь ореховый прутик пастуха.

«Если они были такими, — подумал Дэвин, с благоговением глядя на человека, который был Верховным жрецом Эанны в

Тигане, когда пришли игратяне, — если вожди были такими, то, значит, до падения в этой провинции действительно жили великие люди».

Они не могли настолько отличаться от нынешних, разумом он это понимал. Все произошло всего лишь двадцать лет назад, пусть многое изменилось и исчезло. Но даже в этом случае трудно было не чувствовать себя смущенным, присутствие этого человека подавляло. Дэвин повернулся и взглянул на Алессана, на его стройную фигуру, растрепанные, преждевременно поседевшие волосы и спокойные, зоркие глаза, на поношенное, запыленное, покрытое дорожной грязью платье.

Но когда он снова посмотрел на Верховного жреца, то увидел, что Данолеон крепко зажмурился и прерывисто вздохнул. И в это мгновение Дэвин понял, с волнением, странно похожим на боль, кто из этих двоих олицетворяет истинную власть, несмотря на внешность. Именно Данолеон, вспомнил он, много лет назад увез мальчика Алессана, последнего принца Тиганы, на юг и спрятал за горами.

И не видел его с тех пор. В волосах усталого человека, стоящего сейчас перед Верховным жрецом, сверкала седина. Данолеон это видел и пытался примириться с этим. Дэвин почувствовал, как болит у него душа за этих двоих. Он думал о годах, обо всех потерянных годах, которые падали, кружились и летели, словно листья или снежинки между этими людьми, тогда и сейчас.

Он хотел бы быть старше, мудрее, понимать все глубже. В последнее время так много истин и открытий ждали на самой границе его сознания, казалось, стоит лишь протянуть к ним руку — и он поймет.

— У нас гости, — своим ворчливым голосом объявил Торре. — Трое музыкантов, недавно образованная труппа.

— Ха! — кисло буркнул жрец с медицинским подносом. — Недавно образованная? Наверняка, раз они рискнули забраться сюда в самом начале весны. Не могу даже припомнить, когда в святилище заглядывал кто-нибудь талантливый. Вы трое в состоянии сыграть хоть что-нибудь так, чтобы слушатели не разбежались?

— Это зависит от слушателей, — мягко ответил Алессан.

Данолеон улыбнулся, хотя, казалось, старался сдержать улыбку. И повернулся ко второму жрецу.

— Идризи, есть небольшая вероятность, что если мы окажем им более теплый прием, то наши гости с большей готовностью покажут свое искусство.

Жрец пробормотал нечто, отдаленно напоминающее извинение, под пристальным взглядом этих спокойных синих глаз.

Данолеон снова повернулся к троим гостям.

— Простите нас, — пробормотал он. Его голос был низким и успокаивающим. — Мы недавно получили неприятное известие, и сейчас один больной человек очень страдает. Идризи ди Корте, наш врач, всегда в таких случаях очень огорчается.

Лично Дэвин сомневался, что огорчение имеет какое-то отношение к грубости жреца из Корте, но промолчал. Алессан с коротким поклоном принял извинения Данолеона.

— Мне очень жаль это слышать, — обратился он к Идризи. — Возможно, мы сможем помочь? Давно известно, что музыка помогает облегчить страдания. Мы были бы рады сыграть для любого из ваших пациентов. — Пока что он проигнорировал слова Данолеона о полученном известии, как заметил Дэвин. Маловероятно, чтобы Данолеон случайно назвал им полное имя Идризи: он дал им знать, что тот из Корте.

Врач пожал плечами.

— Как пожелаете. Она не спит, конечно, и вреда от этого не будет. В любом случае я уже почти ничем не могу ей помочь. Верховный жрец приказал перенести ее сюда против моей воли. Я уже ничего не могу поделать. По правде говоря, она уже принадлежит Мориан. — Он повернулся к Данолеону. — Если они ее утомят, тем лучше. Если она уснет, это будет благословением. Я буду в больнице или у себя в саду. К вечеру зайду к ней, если вы не пошлете за мной раньше.

— Значит, вы не останетесь нас послушать? — спросил Алессан. — Мы могли бы вас удивить.

Идризи скорчил гримасу.

— У меня нет времени на подобные вещи. Может быть, сегодня вечером, в трапезной. Удивите меня. — На его лице внезапно сверкнула улыбка, но исчезла так же быстро, как появилась, он прошел мимо них быстрой раздраженной походкой и скрылся за дверью.

Ненадолго воцарилось молчание.

— Он добрый человек, — тихо произнес Данолеон, почти извиняющимся тоном.

— Он из Корте, — мрачно пробормотал Торре.

Верховный жрец покачал красивой головой.

— Он добрый человек, — повторил он. — Он злится, когда

умирают его пациенты. — Он снова перевел взгляд на Алессана. Рука на жезле немного сдвинулась. Он открыл было рот, чтобы заговорить.

— Милорд, меня зовут Адриано д'Астибар, — твердо произнес Алессан. — Это Дэвин д'Азоли, его отца Гэрина вы, возможно, помните по Стиванбургу. — Он подождал. Синие глаза Данолеона широко раскрылись, он смотрел на Дэвина. — А это, — закончил Алессан, — наш друг Эрлейн ди Сенцио, руки которого искусно владеют арфой, и не только арфой.

Произнося последние слова, Алессан поднял левую ладонь с двумя загнутыми вниз пальцами. Данолеон быстро взглянул на Эрлейна, потом снова на принца. Он побледнел, и Дэвин вдруг осознал, что Верховный жрец — очень старый человек.

— Храни нас всех Эанна, — прошептал у него за спиной Торре.

Алессан со значением оглянулся кругом, на распахнутые двери.

— Как я понимаю, эта больная близка к смерти?

Дэвин подумал, что Данолеон буквально пожирает глазами Алессана. В это взгляде была почти ощутимая жажда, страдание умирающего от голода человека.

— Боюсь, что да, — ответил он, лишь с большим усилием ему удалось произнести это ровным тоном. — Я уступил ей мою собственную спальню, чтобы она могла слышать молитвы в храме. Наша больница и ее покои слишком далеко отсюда.

Алессан кивнул. Казалось, он держит себя в крепкой узде, движения и слова под строгим контролем. Он поднял тригийскую свирель в коричневом кожаном чехле и взглянул на нее.

— Тогда, вероятно, нам следует пройти к ней и поиграть. Похоже, дневная молитва закончена.

Так и было. Пение прекратилось. На поле за домом мальчишки из приходской школы продолжали бегать и смеяться на солнышке. Дэвин слышал их голоса за распахнутыми дверьми. Он поколебался, испытывая неуверенность, потом неловко кашлянул и сказал:

— Может быть, тебе хочется сыграть для нее одному? Свирель успокаивает, она может помочь ей уснуть.

Данолеон энергично закивал в знак согласия, но Алессан повернулся и посмотрел на Дэвина, потом на Эрлейна. Выражение его лица было трудно прочесть.

— Что? — спросил он наконец. — Вы меня покинете так скоро, едва мы успели стать труппой? — И прибавил, уже мягче: —

Не будет сказано ничего, что вы не должны знать, а, возможно, и кое-что, что вам следует услышать.

— Но она умирает, — запротестовал Дэвин, чувствуя здесь что-то неправильное, нарушение равновесия. — Она умирает, и она... — он осекся.

Глаза Алессана смотрели так странно.

— Она умирает, и она — моя мать, — прошептал он. — Я знаю. Вот почему я хотел, чтобы вы были здесь. Кажется, есть еще какие-то новости. Нам лучше их услышать.

Он повернулся и пошел к двери в спальню. Данолеон стоял как раз перед ней. Алессан остановился перед Верховным жрецом, и они посмотрели друг на друга. Принц что-то прошептал, Дэвин не расслышал слов; потом нагнулся вперед и поцеловал старика в щеку.

Затем прошел мимо него. У двери он на мгновение остановился и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Поднял руку, словно хотел запустить пальцы в волосы, но сдержался. Странная улыбка скользнула по его лицу, словно вслед за воспоминанием.

— Это плохая привычка, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. Потом открыл дверь и вошел, и они последовали за ним.

Спальня Верховного жреца оказалась такой же просторной, как и гостиная перед ней, но обстановка в ней была скудной. Два кресла, пара грубых, потрепанных ковров, умывальник, письменный стол, сундук, небольшой туалет в углу. У северной стены находился камин, двойник камина в гостиной, с которым у него был общий дымоход. С этой стороны в камине горел огонь, несмотря на солнечный день, и поэтому в комнате было теплее, хотя оба окна стояли открытыми, а шторы были отдернуты и пропускали в комнату косые лучи солнца, проникающие под карнизы портиков с запада.

У дальней стены под серебряной звездой Эанны стояла просторная кровать, так как Данолеон был крупным мужчиной, но она была простой, без всяких украшений. Без балдахина, с простыми сосновыми столбиками по углам и сосновым же изголовьем.

На кровати никто не лежал.

Дэвин, который с тревогой вошел вслед за Алессаном и Верховным жрецом, ожидал увидеть на ней умирающую. Он бросил

смущенный взгляд в сторону двери в туалетную комнату. И чуть не подскочил от испуга, когда раздался голос из тени у камина, куда не падал свет из окон.

— Кто эти незнакомые люди?

Сам Алессан безошибочно повернулся к камину, как только вошел в комнату. Какое чувство им руководило, Дэвин так и не понял и поэтому не выглядел удивленным и владел собой, когда заговорил этот холодный голос. Или когда из тени вышла женщина и остановилась у одного из кресел, а потом опустилась в него, очень прямо держа спину, высоко подняв голову и глядя на них. На всех.

Паситея ди Тигана брен Серази, жена принца Валентина. Наверное, в молодости она отличалась несравненной красотой, ибо красота все еще была заметна, даже здесь, даже сейчас, на пороге последних врат Мориан. Она была высокой и худой, хотя часть этой худобы, несомненно, следовало отнести за счет болезни, пожирающей ее изнутри. Об этом свидетельствовало ее лицо, бледное, почти прозрачное, с остро выступающими скулами. Она носила грубое платье с высоким, жестким воротником, закрывающим шею; само платье было красным и подчеркивало ее неестественную, потустороннюю бледность. Похоже, подумал Дэвин, что она уже переступила порог Мориан и смотрит на них с дальнего берега.

Но на ее длинных пальцах сверкали золотые кольца, явно говорящие о принадлежности к этому миру, а на груди ослепительно сверкал голубой камень на цепочке. Ее волосы были собраны в узел под черной сеткой, по давно ушедшей моде Ладони. Дэвин был абсолютно уверен, что современная мода ничего не значит, даже меньше чем ничего, для этой женщины. В эту секунду она окинула его быстрым, оценивающим взглядом, заставившим его еще больше смутиться, потом взглянула на Эрлейна и наконец остановила взгляд на сыне.

На сыне, которого не видела с тех пор, когда ему было четырнадцать лет.

У нее были серые глаза, как у Алессана, только более жесткие, блестящие и холодные, прячущие свою глубину, словно некий полудрагоценный камень таился под самой поверхностью радужки. Они ярко, вызывающе блестели в полумраке, и еще до того, как она снова заговорила, не дожидаясь ответа на свой первый вопрос, Дэвин понял, что в этих глазах сверкает ярость.

Она читалась и в вызывающем выражении лица, и в прямой спине, и в пальцах, впившихся в подлокотники кресла. Внутренний огонь гнева, который давным-давно вышел за рамки слов или любого другого способа выражения. Она умирала, скрываясь ото всех, а человек, убивший ее мужа, правил ее страной. Это было ясно видно, все это было ясно для любого, хотя бы отдаленно знакомого с этой историей.

Дэвин с трудом подавил в себе желание отойти к двери, за пределы ее взгляда. Через секунду он осознал, что в этом нет нужды: для женщины в кресле он был нулем, ничем. Его здесь просто не было. На ее вопрос не требовалось ответа, ей было безразлично, кто они. Она обращалась к другому человеку.

Долгие секунды, которые, казалось, растянулись в тишине на целую вечность, она оглядывала Алессана, не произнося ни звука. Ее бледное властное лицо хранило непроницаемое выражение. Наконец, медленно покачав головой, она сказала:

— Твой отец был таким красивым мужчиной.

Дэвин вздрогнул от этих слов и от их тона, но Алессан, казалось, совсем не среагировал. Он спокойно кивнул в знак согласия.

— Я знаю. Помню. И мои братья тоже. — Он улыбнулся легкой, ироничной улыбкой. — Наверное, наследственная линия закончилась как раз передо мной.

Его голос звучал мягко, но, закончив фразу, он резко взглянул на Данолеона, и Верховный жрец понял его взгляд. Он, в свою очередь, что-то тихо сказал Торре, который быстро вышел из комнаты.

Чтобы караулить снаружи, понял Дэвин, ощущая холод, несмотря на горящий огонь. Он взглянул на Эрлейна и увидел, что чародей достал из чехла арфу. С мрачным лицом он устроился у восточного окна и начал тихо настраивать инструмент.

Конечно, подумал Дэвин, Эрлейн знает, что делает. Они пришли сюда якобы для того, чтобы поиграть для умирающей. Было бы странно, если бы из комнаты не доносилось никакой музыки. С другой стороны, ему сейчас совсем не хотелось петь.

— Музыканты, — с презрением сказала сидящая в кресле женщина сыну. — Замечательно. Ты пришел сыграть для меня? Показать мне, как искусно владеешь столь важным мастерством? Облегчить материнскую душу перед смертью? — В ее тоне было нечто почти невыносимое.

Но Алессан не пошевелился, хотя теперь он тоже побледнел. Но ничем иным не выдал своего напряжения, кроме, возможно, слишком небрежной позы, преувеличенной демонстрации спокойствия.

— Если это доставит тебе удовольствие, матушка, я для тебя сыграю, — тихо ответил он. — Помню, было время, когда музыка действительно доставляла тебе удовольствие.

Глаза женщины холодно блеснули.

— Тогда было время музыки. Когда мы правили. Когда мужчины нашей семьи не зря назывались мужчинами.

— О, я знаю, — немного резко ответил Алессан. — Истинные мужчины и восхитительно гордые, все. Мужчины, которые в одиночку бросились бы на штурм крепости Кьяры и убили Брандина давным-давно, тот бы умер от одного страха перед их яростной решимостью. Мать, неужели ты не можешь оставить эту тему в покое даже сейчас? Мы последние из нашей семьи, мы и не разговаривали уже девятнадцать лет. — Его голос изменился, смягчился, стал неожиданно смущенным. — Разве нужно продолжать этот спор, неужели мы не можем поговорить о чем-то другом, не так, как в письмах? Неужели ты пригласила меня сюда просто для того, чтобы еще раз сказать то, о чем писала столько раз?

Старая женщина покачала головой. Суровая и надменная, неумолимая, как смерть, которая пришла за ней.

— Нет, не для этого, — сказала она. — Во мне осталось не так много дыхания, чтобы попусту его тратить. Я призвала тебя сюда, чтобы обрушить на твою голову проклятие умирающей матери.

— Нет! — воскликнул Дэвин раньше, чем смог сдержаться.

В ту же секунду Данолеон сделал широкий шаг вперед.

— Миледи, нет, — произнес он, и в его низком голосе прозвучало страдание. — Это не...

— Я умираю, — резко перебила его Паситея брен Серази. — На ее щеках горели пятна неестественного румянца. — Я больше не обязана слушать вас, Данолеон. И никого вообще. Ждите, говорили вы мне все эти годы. Будьте терпеливы, говорили вы. Но больше у меня нет времени для терпения. Через день я умру. Меня ждет Мориан. У меня не осталось времени ждать, пока мой трусливый сын носится по всей Ладони и играет песенки на свадьбах у простонародья.

Раздался диссонирующий звук струн арфы.

— Это несправедливые и невежественные слова! — воскликнул стоящий у восточного окна Эрлейн ди Сенцио. И замолчал, словно пораженный собственным взрывом. — Видит Триада, у меня нет причин любить вашего сына. И сейчас мне совершенно ясно, откуда у него это высокомерие и пренебрежение жизнями других людей, всем, кроме его собственных целей. Но если вы называете его трусом только за то, что он не пытается убить Брандина Игратского, то, значит, вы умираете тщеславной и глупой женщиной. Откровенно говоря, меня это вовсе не удивляет, в вашей провинции!

Он откинулся на подоконник, тяжело дыша, ни на кого не глядя. В наступившем молчании Алессан наконец пошевелился. Его прежняя неподвижность казалась противоестественной, нечеловеческой, теперь он опустился на колени рядом с креслом матери.

— Ты меня и раньше проклинала, — мрачно сказал он. — Помнишь? Я прожил большую часть своей жизни в тени твоего проклятия. Во многих отношениях было бы легче умереть много лет назад: нас с Баэрдом уничтожили бы при попытке убить тирана на Кьяре. Возможно, наша попытка даже удалась бы, каким-то чудом. Знаешь, мы обсуждали это по ночам, каждую ночь, когда еще мальчиками жили в Квилее. Придумали полсотни различных планов покушения на острове. Мечтали о том, как нас будут любить и уважать после смерти в провинции, к которой благодаря нам вернется имя.

Его голос звучал тихо, его интонации почти гипнотизировали. Дэвин увидел, как Данолеон, с лицом, сморщившимся от нахлынувших чувств, опустился в другое кресло. Паситея оставалась неподвижной, словно мрамор, и такой же холодной и бесчувственной. Дэвин тихо подошел к камину, тщетно пытаясь унять дрожь. Эрлейн оставался у окна. Он снова тихо наигрывал на арфе, брал отдельные ноты и произвольные аккорды, а не играл какую-то одну мелодию.

— Но мы становились старше, — продолжал Алессан, и в его голосе зазвучала настойчивость, острая потребность быть понятым. — И однажды, в канун летнего солнцестояния, Мариус с нашей помощью стал королем Года в Квилее. После этого наши с ним разговоры стали другими. Мы с Баэрдом начали узнавать некоторые истины насчет власти и окружающем мире. И вот тогда для меня наступили перемены. В это время ко мне пришло нечто новое, оно нарастало и нарастало, мысль, мечта, более глубокая и значительная, чем попытка убить тирана. Мы вернулись на Ладонь и начали путешествовать. Да, в облике музыкантов. И в облике ремесленников, купцов, атлетов в год Игр Триады, каменщиков и строителей, охранников банкира из Сенцио, моряков на десятке различных торговых судов. Но еще до того, как начались эти путешествия, мать, еще до того, как мы

вернулись на север из-за гор, для меня все изменилось. И стало наконец ясно, какой должна быть моя цель в жизни. Что необходимо сделать или попытаться сделать. Ты знаешь это, Данолеон знает; я написал вам много лет назад о своем новом понимании и умолял тебя благословить меня. Это такая простая истина: нам нужно захватить одновременно обоих тиранов, чтобы весь полуостров мог снова стать свободным.

Тут голос его матери, резкий, непримиримый, не прощающий, оборвал его страстную речь:

— Я помню. Я помню тот день, когда пришло письмо. И скажу тебе снова то, что написала тогда в замок этой распутницы в Чертандо: ты хочешь купить свободу Корте, Астибара и Тригии ценой имени Тиганы. Ценой самого нашего существования в этом мире. Ценой всего, что мы имели и чем были до прихода Брандина. Ценой мести и нашей гордости.

— Нашей гордости, — повторил Алессан так тихо на этот раз, что они едва расслышали. — О, наша гордость. Я вырос, все зная о нашей гордости, мать. Ты учила меня, даже больше, чем отец. Но я узнал и кое-что другое позже, уже мужчиной. В ссылке. Я узнал о гордости Астибара. О гордости Сенцио, Азоли и Чертандо. Узнал, как гордость погубила Ладонь в тот год, когда пришли тираны.

— Ладонь? — переспросила Паситея пронзительным голосом. — Что такое Ладонь? Клочок земли. Скалы, земля и вода. Что такое полуостров, чтобы мы о нем заботились?

— Что такое Тигана? — напрямик спросил Эрлейн ди Сенцио, и арфа в его руках смолкла.

Паситея бросила на него уничтожающий взгляд.

— Я думала, что пленный чародей должен это знать! — едко ответила она, желая ранить. Дэвин замигал, пораженный ее быстрой проницательностью; ей никто не говорил об Эрлейне, она пришла к этому выводу за считаные минуты по отдельным намекам.

— Тигана — это земля, где Адаон возлег с Микаэлой, когда мир был еще молод, и дал ей свою любовь и ребенка, и одарил божественным даром власти этого ребенка и всех, кто родился потом. А теперь мир проделал долгий путь после той ночи, и последний потомок этого союза находится в этой комнате, и все прошлое его народа ускользает из его рук. — Она наклонилась вперед, ее серые глаза сверкали, голос зазвучал громче, вынося приговор. — Ускользает сквозь пальцы. Он глупец и трус, и то и

другое. Судьба каждого поколения, поставленного на карту, гораздо важнее свободы для полуострова!

Она откинулась на спинку, закашлялась, вынула прямоугольник голубого шелка из кармана одежды. Дэвин увидел, как Алессан привстал было с колен, затем остановился. Его мать сотрясалась от кашля, и Дэвин увидел, не успев отвести глаза, что шелк покраснел от крови, когда приступ прошел. Стоящий возле нее на ковре Алессан склонил голову.

Эрлейн ди Сенцио спросил с противоположного конца комнаты, вероятно, он стоял слишком далеко и не видел крови:

— Стоит ли мне теперь рассказать вам легенды о былом величии Сенцио? Или Астибара? Хотите послушать, я спою вам историю о том, как Эанна на острове создавала звезды из радости их любовной связи с богом? Вам известно, что Чертандо претендует на звание души и сердца Ладони? Вы помните Ночных Ходоков из горных районов, живших двести лет тому назад?

Женщина, сидящая в кресле, снова с усилием выпрямилась и гневно посмотрела на него. Испытывая страх перед ней, ненависть к ее словам и манерам и к ее ужасному отношению к собственному сыну, Дэвин тем не менее почувствовал смирение перед лицом такого мужества и такой силы воли.

— Но в этом все дело, — уже мягче ответила она, экономя силы. — В этом самая суть. Разве вы не видите? Я действительно помню все эти истории. Любой, получивший образование и владеющий библиотекой, любой дурак, когда-нибудь слышавший сентиментальные завывания трубадура, сможет их вспомнить. Можно услышать двадцать различных песен об Эанне и Адоане на горе Сангариос. Но это будем не мы. Неужели вы не понимаете? Не Тигана. Кто споет о Микаэле под звездами у моря, когда нас не станет? Кто сможет спеть, когда еще одно поколение закончит свой жизненный путь в этом мире?

— Я смогу, — ответил Дэвин, вытянув руки по швам.

Он увидел, как Алессан поднял голову, когда Паситея повернулась и посмотрела на него холодным взглядом.

— Мы все сможем, — сказал он как можно тверже. Взглянул на принца, затем заставил себя снова перевести глаза на умирающую старую женщину, закосневшую в своей гордости. — Вся Ладонь снова услышит эту песню, миледи. Потому что ваш сын не трус. И не какой-нибудь тщеславный глупец, по молодости ищущий смерти и мимолетной славы. Он пытается совершить большее, и он это сделает. Кое-что произошло этой весной, и

благодаря этому он сделает то, что обещает: освободит полуостров и вернет миру имя Тиганы.

Дэвин закончил, он тяжело и прерывисто дышал, словно только что бежал наперегонки. Через мгновение он залился краской от унижения. Паситея брен Серази хохотала, насмехалась над ним, и ее худое, хрупкое тело раскачивалось в кресле. Высокий смех перешел в еще один отчаянный приступ кашля, вновь появился голубой шелк, и когда приступ закончился, на нем снова осталось много крови. Она вцепилась в подлокотники кресла в поисках опоры.

— Ты — ребенок, — наконец заявила она. — И мой сын тоже ребенок, несмотря на все его седые волосы. И не сомневаюсь, что Баэрд бар Саэвар точно такой же, только у него нет и половины таланта и благородства его отца. «Кое-что произошло этой весной», — с жестокой точностью изобразила она его интонации. Ее голос стал холодным, как зимний лед. — Вы, младенцы, имеете ли понятие о том, что в действительности только что произошло на Ладони?

Сын медленно поднялся с колен и встал рядом с ней.

— Мы ехали много дней и ночей. И не слышали никаких новостей. Что случилось?

— Я вам сказал, что есть известия, — быстро вмешался Данолеон. — Но у меня не было возможности...

— Я рада, — перебила его Паситея. — Очень рада. Кажется, у меня есть что рассказать сыну, перед тем как я покину его навсегда. Рассказать о том, чего он не знает или не продумал.

Она снова с усилием выпрямилась в кресле, ее глаза были холодными и яркими, как иней в голубом лунном свете. Но в ее голосе чувствовались отчаяние и растерянность, стремившиеся прорваться наружу. Какой-то страх, более сильный, чем страх смерти.

— Вчера на закате, в конце дней Поста, приехал гонец, — сказала она. — Игратянин, который ехал из Стиванбурга с новостями из Кьяры. Сообщение было настолько срочным, что Брандин послал его по своему магическому каналу связи всем губернаторам, приказав распространить дальше.

— И что же это за сообщение? — Алессан собрался с духом, словно готовился выдержать удар.

— Сообщение? Сообщение, мой бесполезный сын, состоит в том, что Брандин только что отказался от престола Играта. Он отсылает армию домой. И своих губернаторов тоже. Все те, кто захочет остаться с ним, должны стать гражданами этого полу-

острова. Нового доминиона, Королевства Западной Ладони. Кьяра, Корте, Азоли, Нижний Корте. Четырьмя провинциями будет управлять Брандин. Он объявил, что мы свободны от Играта, мы уже не колония. Налоги будут распределены поровну между всеми и уменьшены вдвое. Начиная со вчерашнего дня. Уменьшены более чем в два раза здесь, в Нижнем Корте. Наша доля теперь сравняется с другими. Гонец сказал, что народ этой провинции — народ, которым правил твой отец, — славит имя Брандина на улицах Стиванбурга.

Алессан, очень осторожно, словно нес нечто большее и тяжелое, что могло покачнуться и упасть, повернулся к Данолеону. Тот утвердительно качал головой.

— Кажется, на острове произошло покушение на Брандина, три дня назад, — сказал Верховный жрец. — Организованное из Играта королевой и сыном Брандина, регентом. Оно не удалось лишь благодаря одной из его женщин, некогда захваченной в виде дани. Той, которая родом из Чертандо, из-за которой чуть было не началась война. По-видимому, это заставило Брандина изменить свои планы. Не в отношении пребывания на Ладони или Тиганы и мести, но в отношении того, что нужно сделать в Играте, если он останется здесь.

— А он собирается остаться, — сказала Паситея. — Тигана погибнет, навсегда исчезнет, погубленная его местью, но наш народ будет, умирая, прославлять имя тирана. Имя человека, который убил твоего отца.

Алессан задумчиво качал головой. Казалось, он почти не слушает, словно вдруг полностью ушел в себя. Паситея умолкла, видя это, и смотрела на сына. Снаружи, издалека, до них снова донеслись буйные крики и смех детей, играющих на поле, в наступившей тишине они казались еще громче. Дэвин прислушивался к далекому веселью и пытался унять хаос в своем сердце, справиться с тем, что они сейчас услышали.

Он взглянул на Эрлейна, который положил свою арфу на подоконник и отошел на несколько шагов в глубину комнаты, выражение его лица было встревоженным и настороженным. Дэвин отчаянно напрягался, пытаясь думать, собрать воедино разбегающиеся мысли, но эта новость застала его неподготовленным. Свободны от Играта. Ведь они именно этого хотели? Но это не так. Брандин остается, они не освободились ни от него, ни от гнета его магии. А Тигана? Что теперь будет с Тиганой?

И тут внезапно его стало беспокоить что-то еще. Что-то совсем другое. Уголком сознания он ощутил отвлекающее от мыс-

лей, тревожное беспокойство. Что-то ему следовало знать, о чем-то помнить.

Потом, так же без предупреждения, это что-то вышло на первый план и заняло свое место.

Он точно понял, что здесь не так.

Дэвин на мгновение прикрыл глаза, борясь с внезапно охватившим его парализующим страхом. Потом, как можно тише, начал двигаться вдоль западной стены, прочь от камина, где все это время стоял.

Алессан заговорил, почти что сам с собой. Он сказал:

— Это, конечно, меняет дело. Это многое меняет. Мне необходимо время, чтобы все обдумать, но, полагаю, это нам может даже помочь. Это может быть подарком, а не проклятием.

— Как? Ты и в самом деле глупец? — воскликнула его мать. — Они славят имя тирана на улицах Авалле!

Дэвин вздрогнул при звуках этого старого названия от боли отчаяния, прозвучавшей в этом возгласе, но заставил себя не останавливаться. В нем росла пугающая уверенность.

— Я тебя слышу, я понимаю. Но разве ты не видишь? — Алессан снова встал коленями на ковер рядом с креслом матери. — Армия игратян уходит домой. Если ему придется сражаться, то это будет армия из наших людей и из тех немногих игратян, которые останутся с ним. Как ты думаешь, мать, что сделает Барбадиор в Астибаре, услышав об этом?

— Он ничего не сделает, — уныло ответила Паситея. — Альберико — робкий человек, по уши запутавшийся в собственной паутине, и все ее нити ведут к тиаре императора. По крайней мере, четвертая часть армии игратян останется с Брандином. А народ, который его прославляет, — самый угнетенный из всех народов полуострова. Если они радуются, тогда что происходит в других провинциях, как ты думаешь? Ты воображаешь, что человек, который отказался от своего королевства ради этого полуострова, не сможет собрать армию в Кьяре, Корте и Азоли для борьбы против барбадиоров? — Она снова раскашлялась, ее тело сотрясалось еще сильнее, чем прежде.

Дэвин не знал ответа на этот вопрос. Он даже и не пытался гадать. Он знал, что равновесия больше не существует, того равновесия, о котором говорил и с которым так долго играл Алессан. Он знал и еще кое-что.

Дэвин подобрался к окну. Подоконник был примерно на высоте его груди. Не в первый раз он пожалел о своем маленьком росте. Потом вознес благодарность богам за качества, компенсирующие малый рост, коротко помолился Эанне, уперся ладонями, сильно толкнул тело вверх и перелетел, словно гимнаст, через подоконник. Позади все еще кашляла Паситея, резким, надрывным кашлем. Вскрикнул Данолеон.

Дэвин споткнулся и упал, врезавшись плечом и бедром в колонну. Потом вскочил и рванулся вперед, как раз вовремя, чтобы заметить, как кто-то в бежевой одежде, скорчившийся под окном, подпрыгнул и с проклятиями бросился бежать со всех ног. Дэвин нащупывал у пояса кинжал, его захлестнула слепая, безрассудная ярость. Слишком шумно было в последнее время на поле для игры в мяч. Так же шумно, как раньше, когда жрец оставил их одних.

Только на этот раз он оставил их, чтобы шпионить под окнами.

У окна появился Алессан, из-за его плеча выглядывал Эрлейн.

— Саванди, — задыхаясь, крикнул Дэвин, — подслушивал!

Он бросил эти слова через плечо, потому что уже мчался вслед за шпионом. В какую-то долю секунды он с благодарностью и удивлением вспомнил целителя Ринальдо и то, что он сделал с его ногой в том сарае. Затем его снова захлестнули гнев, и страх, и необходимость во что бы то ни стало поймать этого шпиона.

Не замедляя темпа, Дэвин перемахнул через каменную балюстраду в конце портика. Саванди, несущийся со всей доступной ему скоростью, резко свернул на запад, к дальней части святилища. В отдалении слева Дэвин видел играющих на поле детей. Он стиснул зубы и побежал дальше. «Эти проклятые жрецы! — думал он, задыхаясь от ярости. — Неужели они все погубят, даже сейчас?»

Если в святилище станет известно, кто такой Алессан, то Дэвин не сомневался, что эти сведения очень быстро дойдут до Брандина Игратского. И хорошо понимал, что тогда произойдет.

А потом у него мелькнула еще одна мысль, приведшая его в ужас. Он побежал еще быстрее, его ноги так и мелькали, легкие готовы были разорваться. Мысленная связь. Что, если Саванди сможет связаться с королем? Что, если шпион Брандина сможет установить с ним прямую связь на Кьяру?

Дэвин выругался про себя, но не вслух, экономя дыхание для бега. Саванди, худой и быстрый, пробежал по дорожке мимо не-

большого строения слева и резко свернул направо, примерно в двадцати шагах от Дэвина, огибая сзади храм.

Дэвин ринулся за угол. Саванди нигде не было видно. Он на мгновение замер, охваченный паникой. Здесь в храме не видно было ни одной двери. Лишь густая живая изгородь слева, только начинающая зеленеть.

Потом он заметил то место, где кусты слегка дрожали, и бросился туда. В самом низу была пробита брешь. Он упал на колени и протиснулся сквозь изгородь, оцарапав лицо и руки.

Теперь Дэвин оказался в отгороженном дворике, просторном, красивом, спокойном, со вкусом распланированном, с играющим струями фонтаном в центре. Но у него не было времени оценить прелесть этого места. В северо-западном углу дворик заканчивался еще одним портиком длинного строения с небольшим куполом на крыше. Саванди как раз бежал по ступенькам внутрь этого здания. Дэвин посмотрел вверх. В окне второго этажа стоял старик, седой, со впалыми щеками, который без всякого выражения смотрел на залитый солнцем дворик.

Устремляясь прямо к двери, Дэвин понял, где он находится. Это была больница, а маленький купол — храм для больных, которые хотели искать утешения у Эанны, но не могли дойти по дорожке до центрального храма.

Он одним прыжком преодолел три ступеньки портика и ворвался внутрь с обнаженным кинжалом в руке. Он понимал, что представляет собой легкую мишень, если бы Саванди вздумалось устроить засаду. Но не верил в такую возможность, и это лишь усиливало его страх.

Этот человек бежал прочь от тех мест, где можно встретить его товарищей — жрецов, от самого храма, от кухни, спальных корпусов и столовой. А это означало, что он не ждет помощи, что не надеется спастись.

Что, в свою очередь, означало, что он кое-что задумал, если Дэвин даст ему на это время.

Дверь вела в длинный коридор и на лестницу, ведущую наверх. Саванди скрылся из виду, но Дэвин взглянул на пол и вознес быструю благодарственную молитву Эанне: пробегая по влажной почве дворика, жрец испачкал подошвы своих сандалий. Следы ясно отпечатались на каменном полу и вели вдоль коридора, а не вверх по лестнице.

Дэвин бросился вдогонку, пролетел коридор, поскользнулся, заворачивая налево за угол в дальнем его конце. В стенах коридора через равные промежутки имелись двери, а в его противоположном конце была арка входа в маленький больничный храм. Большинство дверей стояли открытыми; большинство комнат были пустыми.

Но потом, в этом коротком коридоре, он нашел одну закрытую дверь. Следы Саванди вели к ней и обрывались. Дэвин схватился за ручку и навалился плечом на твердое дерево. Запертая дверь не поддалась.

Задыхаясь, он упал на колени, шаря по карманам в поисках кусочка проволоки, с которым не расставался с тех времен, когда еще была жива Марра. С тех пор, как она научила его всему, что он знал теперь о замках. Дэвин распрямил проволоку и попытался придать ей нужную форму, но руки у него дрожали. Пот заливал глаза. Он яростно смахнул его и попытался успокоиться. Ему необходимо открыть эту дверь до того, как находящийся внутри человек пошлет сообщение, которое погубит их всех.

За его спиной открылась входная дверь. Быстрые шаги гулко застучали по коридору.

Не поднимая глаз, Дэвин сказал:

— Тот, кто меня тронет или попытается мне помешать, умрет. Саванди — шпион короля Играта. Найдите мне ключ от этой двери!

— Сделано! — раздался знакомый голос. — Она открыта. Вперед!

Дэвин бросил взгляд через плечо и увидел Эрлейна ди Сенцио с мечом в руке.

Дэвин вскочил и снова повернул ручку. Дверь распахнулась. Он бросился в комнату. Вдоль стен тянулись полки, уставленные горшками и бутылками, на столах были разложены инструменты. Саванди сидел на скамье посреди комнаты, прижав ладони к вискам, явно стараясь сосредоточиться.

— Да выест чума твою душу! — крикнул Дэвин во весь голос. Казалось, Саванди внезапно очнулся. Вскочил, яростно оскалившись, и попытался схватить со стола рядом с собой скальпель.

Но не успел.

На него налетел Дэвин, продолжая кричать, целясь левой рукой в глаза жреца. Правая рука описала крутую, смертельную дугу, вперед и вверх, и воткнула лезвие кинжала между ребрами Саванди. Дэвин ударил раз, потом второй, яростно вонзая кинжал снизу вверх, почувствовал, как повернулось лезвие в ране, прошлось по ребрам с тошнотворным скрипом. Рот молодого жреца широко открылся, глаза стали круглыми от изумления.

Он коротко и пронзительно вскрикнул и раскинул руки в стороны. А потом он умер.

Дэвин отпустил его и рухнул на скамью, стараясь отдышаться. Кровь стучала в его голове: он чувствовал, как пульсирует жилка на виске. На мгновение у него перед глазами все расплылось, и он зажмурился.

А когда снова открыл глаза, увидел, что у него все еще дрожат руки.

Эрлейн вложил меч в ножны. Подошел и остановился рядом с Дэвином.

— Он... он послал? — Дэвин обнаружил, что даже не может говорить как следует.

— Нет. — Чародей покачал головой. — Ты успел вовремя. Он не установил связь. Не отослал сообщения.

Дэвин посмотрел вниз, в невидящие, широко открытые глаза молодого жреца, который пытался их выдать. «Как долго? — подумал он. — Как долго он этим занимался?»

— Как ты сюда попал? — спросил он у Эрлейна охрипшим голосом. Руки у него все еще дрожали. Он со стуком уронил окровавленный кинжал на стол.

— Я бежал за тобой от спальни. Видел, куда вы направляетесь, но потерял вас, свернув за угол храма. Тут мне понадобилась магия. Я обнаружил ауру Саванди в этом месте.

— Мы пробирались сквозь живую изгородь и через дворик. Он пытался сбить меня со следа.

— Это заметно. На тебе снова полно царапин.

— Не имеет значения. — Дэвин глубоко вздохнул. В коридоре за дверью послышались шаги. — Почему ты прибежал? Почему делаешь это для нас?

На мгновение показалось, что Эрлейн собирается оправдываться, но на его лице быстро снова появилось насмешливое выражение.

— Для вас? Не будь глупцом, Дэвин. Я умру, если умрет Алессан. Я же с ним связан, помнишь? Это было всего лишь самосохранение. Ничего больше.

Дэвин поднял на него глаза, хотел что-то сказать, что-то важное, но как раз в этот момент шаги достигли порога комнаты, и вошел Данолеон, за которым следовал Торре. Никто из них не произнес ни слова, оглядывая открывшуюся перед ними картину.

— Он пытался установить мысленную связь с Брандином, — сказал Дэвин. — Мы с Эрлейном вовремя его остановили.

Эрлейн решительно фыркнул в знак протеста.

— Дэвин остановил. Но мне пришлось прибегнуть к магии, чтобы не отстать от них, и еще раз, чтобы открыть дверь. Не думаю, что остался сильный след, который может привлечь внимание, но на тот случай, если поблизости есть Охотник, нам лучше уйти до наступления утра.

Казалось, Данолеон не слышит. Он смотрел на тело Саванди. На его лице блестели слезы.

— Не надо тратить свое горе на стервятника, — резко произнес Торре.

— Я должен, — мягко ответил Верховный жрец, опираясь на свой жезл. — Должен. Разве ты не понимаешь? Он родился в Авалле. Он был одним из нас.

Дэвин внезапно отвернулся. Его затошнило, на него снова накатила волна слепой ярости, которая гнала его сюда и заставила совершить такое жестокое убийство. «Один из нас». Он вспомнил Сандре д'Астибара в лесном домике, преданного собственным внуком. Он всерьез опасался, что его сейчас стошнит. «Один из нас».

Эрлейн ди Сенцио расхохотался. Дэвин яростно обернулся к нему, сжимая руки в кулаки. Наверное, в его взгляде было что-то настолько убийственное, что чародей быстро стал серьезным, и насмешка исчезла с его лица, будто ее стерли.

Наступило короткое молчание.

Данолеон выпрямился и расправил могучие плечи.

— Надо действовать осторожно, чтобы не пошли слухи. Мы не можем позволить, чтобы смерть Саванди связали с нашими гостями. Торре, когда мы уйдем, запри комнату и оставь в ней тело. Когда стемнеет и все уснут, мы о нем позаботимся.

— Его хватятся за ужином, — сказал Торре.

— Не хватятся. Ты же привратник. Ты скажешь, что видел, как он выехал за ворота в конце дня. Поехал навестить свою семью. Это будет правдоподобно, сразу же после дней Поста и после получения известий из Кьяры. Он часто уезжал, и не всегда с моего разрешения. Теперь я понимаю почему. Интересно, всегда ли он действительно ехал в отцовский дом. К несчастью для Саванди, на этот раз его убьют на дороге, прямо за нашей долиной.

В голосе Верховного жреца звучала твердость, которой прежде Дэвин не замечал. «Один из нас». Его третье убийство. Он снова посмотрел вниз на мертвеца. Но это отличалось от прежних. Сторож в конюшне Ньеволе, солдат на горном перевале, они делали то, для чего пришли на полуостров. Они были верны

той силе, которой служили, не скрывали своей природы, открыто шли своей дорогой. Он сожалел об их смерти, о тех дорогах жизни, которые привели его к ним.

С Саванди было по-другому. Эта смерть была другой. Дэвин заглянул к себе в душу и увидел, что не может сожалеть о том, что сделал. Он понял, что едва сдерживает желание еще раз вонзить кинжал в мертвое тело. Словно гнусное предательство жрецом своего народа, его улыбчивый обман дали выход страсти к насилию, о существовании которой в себе Дэвин не подозревал. Почти так же, вдруг подумал он, как это сделала Альенор из замка Борсо в совершенно иной жизненной сфере.

Но, возможно, по самой сути не столь уж иной. Но это был слишком сложный, слишком опасный узел, чтобы пытаться развязать его сейчас, в присутствии смерти. Эта мысль напомнила ему еще кое о чем, заставила внезапно осознать отсутствие еще одного человека. Он быстро взглянул на Данолеона.

— Где Алессан? — резко спросил он. — Почему он не побежал за нами?

Но еще не получив ответа, он уже знал. Могла быть лишь одна причина того, почему принц не пришел.

Верховный жрец посмотрел на него сверху.

— Он еще в моей комнате. С матерью. Но боюсь, все уже кончено.

— Нет, — произнес Дэвин. — О нет. — Встал и пошел к двери, вышел в коридор, потом через восточную дверь больницы на пронизанный косыми лучами предвечернего солнца двор и опять побежал.

Вдоль черной изогнутой стены купола храма, мимо того же маленького строения, что и раньше, и небольшого садика, который он не заметил по дороге сюда, потом пронесся по дорожке к дому Верховного жреца, вбежал в портик между колоннами, будто бы наматывал клубок событий в обратном порядке, как клубок шерсти, и подбежал к окну, из которого выпрыгнул так недавно. Словно он мог вернуться бегом назад, не только минуя Саванди и их приезд сюда, но еще дальше, как ему вдруг смутно захотелось, туда, где были посеяны семена его горя, когда пришли тираны.

Но время нельзя смотать обратно ни в сердце, ни в мире, который они знали. Оно двигалось вперед, и все менялось, к лучшему или к худшему. Менялись времена года, текли часы залитого солнцем дня, спускалась тьма, длилась, уступала место

рассвету, годы мелькали один за другим, рождались люди, жили, по милости Триады, и умирали.

И они умирали.

Алессан все еще находился в комнате, все еще стоял на коленях на простом ковре, но теперь возле кровати, а не возле тяжелого, темного дубового кресла, как прежде. Он переместился, время переместилось, солнце ушло дальше на запад по небесной дуге.

Дэвину хотелось каким-то образом пробежать весь путь обратно через минувшие мгновения. Чтобы можно было не оставлять Алессана одного, наедине с этим. В свой первый день в Тигане с тех пор, как он был еще мальчиком. Он больше не был мальчиком; в его волосах сверкала седина. Время убежало. Двадцать лет пронеслось, и вот он опять дома.

А его мать лежала на кровати Верховного жреца. Алессан сжимал обеими ладонями одну ее руку, нежно обхватив ее, как держат маленькую птичку, которая может умереть от испуга, если ее слишком крепко сжать, но может и улететь навсегда, если ее отпустить.

Наверное, у Дэвина вырвался какой-то звук, потому что принц поднял глаза. Их взгляды встретились. Сердце Дэвина обливалось кровью, он онемел от горя. Он чувствовал себя разбитым, попавшим в ловушку. Чувствовал себя безнадежно не соответствующим потребностям такого момента, как сейчас. Ему хотелось, чтобы здесь оказался Баэрд или Сандре. Даже Катриана знала бы, что делать, лучше, чем он.

— Он мертв, — сказал Дэвин. — Саванди. Мы его вовремя настигли.

Алессан кивнул, давая знать, что услышал. Потом его взгляд снова опустился на лицо матери, ставшее безмятежно спокойным, каким не было прежде. Каким, вероятно, не было все последние долгие годы ее жизни. Для нее время неумолимо шло вперед, отбирая память, отбирая гордость. Отбирая любовь.

— Прости меня, Алессан, — сказал Дэвин. — Прости меня.

Принц снова поднял взгляд, его серые глаза были ясными, но ужасно далекими. Он разматывал запутанный клубок образов из прошлого. Похоже было, что он собирается заговорить. Но вместо этого через мгновение он слегка пожал плечами характерным жестом — спокойным, ободряющим движением, которое было так хорошо им всем знакомо. Это означало, что он взвалил на себя еще одно бремя.

Дэвин внезапно почувствовал, что больше он выдержать не

в состоянии. Тихое, молчаливое согласие Алессана нанесло последний удар по его собственному сердцу. Он почувствовал себя смертельно раненным жестокими истинами мира, невозвратностью всех событий. Дэвин опустил голову на подоконник и зарыдал как ребенок, не сумев справиться с чем-то чересчур для него огромным.

В комнате Алессан молча стоял на коленях у кровати и держал руку матери в обеих ладонях. Склонявшееся к западу вечернее солнце посылало косые золотые лучи в окно, которые падали на пол спальни, на него, на кровать, на лежащую на ней женщину, на золотые монеты, закрывшие ее серые глаза.

Глава 16

В город Астибар весна пришла рано. Она почти всегда приходила рано в защищенную северо-западную часть этой провинции, выходящую на залив и цепочку островов архипелага. На востоке и на юге ветры с моря, не встречая преград, отодвигали приход весеннего сезона на несколько недель и заставляли небольшие рыбачьи лодки жаться к берегу.

В Сенцио уже все цветет, сообщали торговцы в Астибарской гавани, и белые цветы деревьев седжойи наполняют воздух ароматом, обещая близкое лето. Говорили, что на Кьяре еще стоят холода, но это иногда случалось на острове ранней весной. Очень скоро ветры из Кардуна согреют воздух и море вокруг него.

Сенцио и Кьяра.

Альберико Барбадиорский лежал по ночам и думал о них, вставал утром с теми же мыслями после беспокойных, напряженных ночей, не приносящих отдыха, наполненных зловещими, тревожными снами.

Если зима прошла в тревоге, наполненная мелкими инцидентами и слухами, то события ранней весны были совсем другими. Казалось, все происходит одновременно. Спускаясь из своей спальни в официальный кабинет, Альберико чувствовал, как с каждым шагом у него портится настроение в предчувствии того, о чем ему сейчас доложат.

Окна дворца стояли распахнутыми, впуская мягкий ветерок. Уже давно не было достаточно тепло, чтобы их открыть, к тому же большую часть осени и зимы на площади на колесах смерти разлагались трупы казненных. Тела членов семьи Сандре, Ньеволе, Скалвайи. Десяток схваченных наугад поэтов. Такая об-

становка не вызывала желания открывать окна. Тем не менее это было необходимо и принесло плоды, особенно конфискация земель заговорщиков. Ему нравилось, когда необходимость и выгода шли рука об руку; это случалось нечасто, но когда случалось, такое сочетание, по мнению Альберико Барбадиорского, отражало то высшее наслаждение, которое приносила власть.

Однако этой весной наслаждений на его долю выпало мало, и они были мелкими, а в свете новых неприятностей зимние тревоги выглядели незначительными, эфемерными, похожими на короткие снежные вихри в ночи. Теперь, куда ни глянь, неприятности заливали его бурлящими весенними паводками.

В самом начале весны были обнаружены следы применения магии каким-то чародеем в южных горах, но Охотник и двадцать пять солдат Сифервала, немедленно посланных за ним, были убиты на перевале бандитами, все до единого. В этот наглый мятеж невозможно было поверить.

И он даже не смог как следует отомстить за них: в деревнях и на хуторах, разбросанных по горным районам, бандитов ненавидели почти так же сильно, и даже сильнее, чем барбадиоров. И это произошло в ночь Поста, когда поблизости не оказалось ни одного порядочного человека, который мог бы увидеть, кто совершил этот беспрецедентный налет. Сифервал послал из форта Ортиц сотню солдат на поиски разбойников. Они не нашли никаких следов. Только старые следы костров в горах. Похоже было, что двадцать пять человек убиты призраками; так и утверждали жители высокогорья, как и следовало ожидать. В конце концов, это произошло в ночь Поста, а всем известно, что в такие ночи мертвецы бродят по земле. Мертвецы, жаждущие мщения.

«Как это умно со стороны мертвецов использовать новенькие стрелы», — сардонически отмечал Сифервал в своем докладе, который отправил на север с двумя капитанами. Его люди поспешно удалились, побледнев от страха при виде выражения лица Альберико. В конечном счете именно Третья рота допустила гибель двадцати пяти своих солдат, а потом послала еще сотню неумех, которые лишь стали предметом насмешек в горных районах.

Все это привело Альберико в бешенство. Ему пришлось бороться с желанием сжечь дотла ближайшее горное селение, но он понимал, что такой поступок будет еще более разрушительным. Он уничтожит все преимущества, завоеванные его сдержанностью и целенаправленными действиями в деле заговора

Сандрени. В ту ночь у него опять начало опускаться веко, как в начале прошлой осени.

Он питал такие большие надежды после поразительного падения матриархата в Квилее. Открывался такой огромный, созревший новый рынок, настоящее золотое дно для Империи. И что самое важное, этот рынок оказался бы под эгидой Барбадиора благодаря неусыпным заботам хранителя западных границ Империи Альберико из Восточной Ладони.

Так много было надежд и обещаний, и так мало предвидел он сложностей. Даже если Мариус, этот искалеченный убийца жриц, на своем шатком троне предпочел бы одновременно торговать и с Игратом на западе, и с востоком, это не имело значения. Квилея достаточно велика, чтобы обе стороны не остались внакладе. На какое-то время. Очень скоро появится возможность заставить этого неотесанного мужика понять многочисленные преимущества торговли исключительно с Барбадиором.

Со времени создания Империи Барбадиор изобретено множество освященных временем способов, тонких и не очень, заставить людей видеть вещи в определенном свете. У Альберико имелось несколько собственных идей насчет новых способов убеждения мелких монархов, чтобы заставить их принять полезную для него точку зрения. И он твердо намеревался их опробовать, когда вернется домой.

Вернется императором. Потому что это, в конечном счете, и было главное, главнее всего. Вот только события этой весны складывались совсем не в его пользу.

Мариус Квилейский, спасибо ему, очень быстро прислал ответ на последнее милостивое предложение открыть торговлю. Посланник передал его прямо в руки Сифервала в форте Ортиц.

К сожалению, чувство благодарности быстро развеялось, когда письмо дошло до Астибара. На этот раз его доставил сам Сифервал, понимая его важность. Смысл составленного в неожиданно изощренных выражениях послания, как бы вежливо и уклончиво оно ни было написано, был ясен и прям: правитель Квилеи с сожалением пришел к выводу, что Брандин Игратский представляет собой более сильную и твердую власть на Ладони, и поэтому, только начиная свой путь правителя, он не может рисковать навлечь гнев короля Играта, торгуя с Альберико, незначительным вельможей Империи, как бы ему того ни хотелось.

Такое письмо легко могло привести человека в убийственную ярость.

Пытаясь овладеть собой, Альберико видел тревожное опасение в глазах своих секретарей и советников, и даже быстро спрятанный страх в глазах командира Третьей роты. Но когда Сифервал подал ему второе письмо, похищение и перлюстрацию которого из сумки чересчур болтливого квилейского эмиссара, как он объяснил, он так ловко организовал, Альберико почувствовал, что все самообладание от него ускользает.

Он вынужден был отвернуться, отойти к окнам в задней части кабинета и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы утихомирить свой кипящий мозг. Он почувствовал, как снова начинает предательски дрожать правое веко; от этого дрожания он так и не смог избавиться после той ночи, когда чуть не погиб в лесу Сандрени. Его громадные ладони железной хваткой вцепились в подоконник, он старался обрести равновесие, чтобы тщательно взвесить последствия перехваченного послания, но спокойствие превратилось в ускользающую иллюзию, а его мысли в утреннем свете солнца были черными и пенились, словно штормовое море.

Сенцио! Квилейский глупец хотел связаться с этими развратными марионетками из девятой провинции! Почти невозможно поверить, чтобы даже новичок на мировой политической арене мог быть таким идиотом.

Стоя спиной к советникам и командирам, невидящими глазами глядя в окно на слишком ярко освещенную Большую площадь, Альберико вдруг начал размышлять о том, как он будет выглядеть в глазах остального мира. В глазах той его части, которая имела какое-то значение: императора, и тех, к кому он прислушивался, и кто считал себя соперниками Альберико. Как будут истолкованы эти новости, если Брандин Игратский начнет оживленную торговлю с югом, если купцы Сенцио будут бойко плавать мимо архипелага и вдоль побережья за пределы Тригии и горных цепей в порты Квилеи за теми легендарными богатствами страны, которыми она так долго ни с кем не делилась, пока там правили жрицы?

Если одной лишь Империи будет отказано в доступе к этому новому рынку. Отказано из-за того, что Альберико Барбадиорского сочли обладающим слишком непрочной властью на Ладони по сравнению с игратянином на западе. Альберико почувствовал, что начинает потеть; холодная струйка пота скользнула по его боку. Грудь сжала болезненная судорога в области сердца. Он заставил себя дышать медленно, пока судорога не прошла.

Казалось, то, что сулило столько обещаний, вдруг превратилось в кинжал, более острый и смертоносный, чем мог выковать любой из его врагов дома, в Барбадиоре.

Сенцио. Он думал и мечтал о девятой провинции все месяцы, покрытые льдом и снегом, ища в тревожные ночи способ прорваться, снова обрести контроль над ситуацией, которая все больше начинала управлять им, вместо того чтобы он управлял ею, как хозяин собственной судьбы.

И было это зимой, еще до этих новостей из-за гор.

Потом вскоре, когда первые цветы начинали зацветать в садах Астибара, пришли новые известия. В ту же неделю пришло сообщение с запада, будто кто-то пытался убить Брандина Игратского.

Пытался и потерпел неудачу. Одну приятную ночь Альберико провел, проигрывая во сне сценарии блестящего триумфа. Он снова и снова видел один и тот же сон, таким острым было удовольствие от этого сна, будто убийца — который воспользовался арбалетом, как стало известно, — осуществил свой замысел. О, это было бы так идеально, это так подошло бы ему по времени, так точно совпало бы с его нуждами. Это следовало бы считать даром, озарением, ниспосланным высшими богами Империи. Через год весь полуостров Ладони принадлежал бы ему, даже через полгода. Монарх-калека Квилеи, который так отчаянно нуждался в выходе во внешний мир, вынужден был бы принять любые условия торговли, которые Альберико поставил бы перед ним.

А Империя? Она тоже принадлежала бы ему, через год после этого, самое позднее.

При такой прочной базе здесь, при никем не оспариваемой власти, ему даже не пришлось бы ждать смерти дряхлеющего императора. Он мог бы отплыть домой со своими армиями как победитель и народный герой. Сначала он бы осыпал их зерном, золотом, залил реками вина с Ладони, всем заново открытым богатством Квилеи.

Это было бы великолепно. Одну эту ночь Альберико позволил себе помечтать, улыбаясь во сне. Потом он проснулся и спустился снова в свой официальный кабинет, где его уже ждали все три командира с мрачными лицами. С ними ждал новый гонец. Снова с запада, всего через день после первого, с новостью, которая разбила двадцать лет балансирования на грани на мелкие, острые осколки, которые уже никогда не склеить в единое це-

лое. Брандин отрекся от престола в Играте и провозгласил себя Королем Западной Ладони.

На Кьяре, сообщил гонец, содрогаясь при взгляде на лицо своего господина, начали праздновать уже через несколько часов после обнародования этого решения.

— А игратяне? — резко спросил Каралиус, командир Первой роты, хотя не имел права говорить.

— Большинство уедут домой, — ответил гонец. — Если они останутся, то должны стать гражданами, всего лишь равноправными гражданами нового королевства.

— Ты говоришь, что они уедут домой, — сказал Альберико. Его взгляд был тяжелым и равнодушным, скрывающим лихорадочное кипение эмоций. — Ты знаешь это, тебе сказали, или ты всего лишь догадываешься, что так будет?

Гонец посерел, заикаясь, выдавил что-то насчет логики и очевидных последствий, и что каждый мог бы предсказать...

— Вырезать этому человеку язык, а потом казнить, — произнес Альберико. — Мне безразлично, каким способом. Мои гонцы приносят мне те новости, о которых узнают. Это я делаю выводы, которые необходимо сделать.

Гонец лишился чувств и повалился боком на пол. Было видно, что он обделался. Гранчиал, командир Второй роты, быстро подал знак двоим солдатам вынести его.

Альберико даже не взглянул в ту сторону. В каком-то смысле он был доволен, что этот человек говорил столь самонадеянно. Ему в тот момент необходим был предлог, чтобы кого-нибудь убить.

Он двумя пальцами сделал жест, и его слуга поспешно удалил из комнаты всех, кроме трех командиров. Чиновники помельче и сами не испытывали желания задерживаться в данный момент в его кабинете. Так и должно быть. Он не слишком доверял ни одному из них.

Командирам он тоже полностью не доверял, но нуждался в них, а они нуждались в нем, и он позаботился о том, чтобы отношения между ними оставались напряженными, на грани вражды. Такая схема работала хорошо. Пока что.

Сейчас только настоящее имело значение, а Брандин только что вверг полуостров в хаос. Сам полуостров тоже не имел особого значения, сам по себе. Он был воротами, мостом через реку. Альберико уехал из Барбадиора молодым, чтобы возвыситься в мире и вернуться вождем в самом расцвете сил, и двадцать лет ссылки лишались всякого смысла, если он не сможет с три-

умфом вернуться домой. Более чем с триумфом. Вернуться хозяином положения.

Он повернулся спиной к командирам и подошел к окну, незаметно потирая глаз. Он ждал, хотел посмотреть, кто заговорит первым и что скажет. В нем нарастал страх, который он старался скрыть. Все складывалось не так, его осторожность и сдержанность не принесли тех плодов, которые должны были принести.

За его спиной очень тихо заговорил Каралиус:

— Милорд, здесь открываются возможности. Большие возможности.

Именно это он и боялся услышать от этого человека. Боялся, потому что знал, что это правда, и потому что это означало снова что-то предпринимать, и быстро, совершать опасные, решительные действия. И совершать их здесь, не в Империи, не дома, куда он готовился вернуться. Война так далеко, на этом варварском, упрямом полуострове, где он может потерять все, урожай всей своей жизни, пытаясь завоевать то, что ему совсем не нужно.

— Лучше нам действовать осторожно, — быстро возразил Гранчиал. Больше из противоречия Каралиусу, как понял Альберико. Но он отметил это «нам».

Альберико повернулся и пригвоздил командира Второй роты к месту ледяным взглядом.

— Я и не собираюсь ничего предпринимать, не обдумав, — сказал он, ясно выделив первое слово. Гранчиал быстро отвел глаза. Сифервал улыбнулся в свои вьющиеся светлые усы.

Каралиус не улыбнулся. Выражение его лица оставалось серьезным и задумчивым. Он был лучшим из всех троих, Альберико это знал. И также самым опасным, так как подобные вещи всегда шли рука об руку у таких людей. Альберико обошел вокруг громадного дубового письменного стола и снова сел. Поднял глаза на командира Первой роты.

Каралиус снова заговорил.

— Сейчас подворачивается случай. На западе возникнет брожение, беспорядки. Игратяне отправятся домой. Сказать вам, что я думаю? — Его бледное лицо вспыхнуло от растущего возбуждения. Альберико понимал: этот человек видит свой счастливый шанс, возможность добыть земли и богатство.

Было бы ошибкой позволить Каралиусу чересчур раскрыться. Он, в конце концов, подумает, что сам все спланировал.

— Я знаю, что именно ты думаешь, — сказал Альберико, — даже какими словами ты это скажешь. Помолчи. Я предвижу

все, что будет происходить на западе, кроме одного: мы еще не знаем, какая часть игратянской армии останется. По моим предположениям, большинство уедет, не пожелав опускаться до уровня народа, которым командовали все эти годы. Они приехали сюда не для того, чтобы стать рядовыми фигурами на Ладони.

— И мы тоже, — едко заметил Сифервал.

Альберико снова подавил гнев. Кажется, с этими тремя ему в последнее время приходилось делать это очень часто. Но у них есть собственные цели, заготовлены собственные планы, и в центре этих планов богатство и слава. Так и должно быть для всех честолюбивых людей Империи: а к чему еще должен стремиться честолюбивый человек?

— Я это понимаю, — ответил он как можно спокойнее.

— Тогда что мы будем делать? — спросил Гранчиал.

Настоящий вопрос, без вызова. Гранчиал был самым слабым и самым верным — благодаря этой слабости — из всех троих.

Альберико поднял взгляд и посмотрел на Каралиуса, не на Гранчиала.

— Вы соберете мои войска, — медленно произнес он, хотя сердце его стремительно билось. Это было опасно и могло стать концом, об этом твердили ему все его инстинкты. Но он также знал, что время и боги бросили ему с небес сверкающую жемчужину, и если он не пошевелится, она пролетит мимо.

— Соберете мои войска во всех трех провинциях и поведете их на север. Я хочу, чтобы они собрались в одном месте как можно скорее.

— Где? — Глаза Каралиуса так и горели от предвкушения.

— В Феррате, конечно. На северной границе с Сенцио. — «Сенцио, — думал он. — Девятая провинция. Жемчужина. Поле битвы». — Сколько вам на это потребуется времени? — спросил он у всех троих.

— Пять недель, не больше, — быстро ответил Гранчиал.

— Четыре, — с улыбкой произнес Сифервал.

— Первая рота, — сказал Каралиус, — будет у границы через три недели. Можете на нас рассчитывать.

— Согласен, — сказал Альберико. И отпустил их.

Он долго сидел один за письменным столом, играя с пресс-папье, обдумывая все стороны этого предприятия снова и снова, рассматривая его со всех сторон. Но как он на него ни смотрел, все кусочки, казалось, становились на свои места. Здесь можно было захватить власть, добиться триумфа, он почти что

видел, как эта сверкающая жемчужина летит в воздухе, над водой, над землей, в его протянутую руку.

Он действует. Сам влияет на события, а не подчиняется им. Его противник будет уязвимым, очень уязвимым, пока этот новый хаос на западе не уляжется. Квилея будет вынуждена сделать новый выбор, и это вовсе не будет выбором. Время воистину предлагало ему жемчужину, падающую с небес, ждущую, чтобы он ее поймал. И вставил в свою корону.

Но все же ему было страшно, почти жутко этим ясным утром, пока он сидел один и пытался убедить себя в истинности этого сверкающего обещания. Больше чем страшно: во рту у него пересохло, а солнечный весенний свет казался странным до боли. Он спросил себя, уж не заболел ли он. Что-то грызло его, как крыса в темноте, в неосвещенных уголках мозга. Он заставил себя посмотреть туда, соорудить факел из своей осторожной рациональности, заглянуть внутрь себя и вырвать с корнем эту тревогу.

И он действительно ее увидел и понял в тот же момент, что ее невозможно вырвать с корнем и невозможно признаться в ней ни одной живой душе.

Потому что истина, ядовитый орешек истины заключались в том, что он боится. Смертельно боится, в самых потаенных уголках своего существа, этого человека, Брандина Игратского, теперь короля Восточной Ладони. Все изменилось, равновесие полностью нарушено. Истинная же причина — его страх — осталась точно такой же, какой была почти двадцать лет.

Вскоре он вышел из комнаты и спустился по лестнице в подземелье — посмотреть, как казнили гонца.

* * *

Алаис точно знала, почему ей был сделан этот невероятный подарок — путешествие с отцом на «Морской Деве»: в конце лета Селвена собиралась выйти замуж.

Катрини бар Эдинио, чей отец владел обширным поместьем с оливковыми рощами и виноградниками к северу от Астибара и скромным, но процветающим банкирским домом в городе, попросил у Ровиго руки его дочери в начале весны. Ровиго, предупрежденный заранее второй дочерью, дал согласие. Это решение было рассчитано, в числе прочего, и на то, чтобы воспрепятствовать намерению Селвены, о котором она часто напоминала, покончить с собой, если до осени она не выйдет замуж, а

будет все еще жить в доме родителей. Катрини был серьезным и приятным юношей, пусть и скучноватым, а Ровиго в прошлом вел дела с Эдинио, и этот человек ему нравился.

Селвена пребывала в состоянии экстаза по поводу свадебных приготовлений, перспективы вести собственный дом — Эдинио предложил поселить молодую чету в маленьком домике на холме рядом с его виноградниками — и еще, как однажды вечером понял Ровиго из ее разговора с младшими сестрами, по поводу предвкушаемых радостей супружеской постели.

Он радовался ее счастью и с удовольствием ждал свадебного торжества. Если его и посещала временами грусть, которую он старался скрыть, то он относил ее за счет естественных чувств отца, который увидел, что его девочка превратилась в женщину быстрее, чем он подготовился к этому. Когда Ровиго увидел, как Селвена шьет красную перчатку для своей брачной ночи, это подействовало на него сильнее, чем он ожидал. Он отвернулся от Селвены, лихорадочно и весело болтающей с Алаис, аккуратной, тихой и внимательной, и нечто вроде печали охватило его среди царящей в доме веселой суеты.

Казалось, Аликс его понимает, может быть, даже лучше, чем он сам себя понимал. У его жены появилась привычка похлопывать его по плечу в самые неожиданные моменты, словно успокаивая испуганное животное.

Он действительно беспокоился. Этой весной отовсюду приходили ожиданные известия, сулящие перемены. Войска барбадиоров запрудили дороги, двигаясь к северу Феррата, к границе с Сенцио. Из недавно провозглашенного Королевства Западной Ладони на эту провокацию пока не поступило ясного ответа. Или вести о нем еще не достигли Астибара. Ровиго давно не получал ни одной весточки от Алессана, последняя пришла задолго до дней Поста, но тот уже давно предупреждал его, что этой весной может произойти нечто новое.

И что-то такое носилось в воздухе, ощущение ускорения и перемен, которое совпадало с настроением весеннего расцвета, а потом превратилось в ощущение опасности и угрозы насилия. Казалось, он слышит и видит это повсюду, в топоте армий на марше, в том, как люди в тавернах понижают голоса и слишком быстро оглядываются, когда кто-то входит.

Однажды утром, проснувшись, Ровиго продолжал видеть внутренним взором огромные глыбы плотно смерзшегося речного льда, которые случайно увидал много лет назад далеко к югу во время долгого путешествия вдоль берегов Квилеи. И этим

внутренним взором, лежа на кровати, подвешенный между сном и явью, он видел, как этот лед ломается и река снова начинает течь свободно, унося ломающиеся и скрежещущие льдины к морю.

В то же утро за кавом, стоя в кухне, он объявил, что собирается в город, взглянуть, как идет подготовка «Девы» к ее первому плаванию в этом сезоне, в Тригию, с товарами, возможно, с вином — может быть, с вином Эдинио. Он собирался обменять его на полный трюм первой весенней шерсти и тригийского козьего сыра.

Это решение пришло внезапно, но было принято не вовремя. Обычно он весной совершал поездку на юг, может быть, немного позже, в основном по делам торговли, отчасти для того, чтобы разузнать, что можно, для Алессана. Он поступал так много лет, по обеим причинам, с тех самых пор, как познакомился с Алессаном и Баэрдом и провел с ними долгую ночь в южной таверне. После нее он узнал разделенную страсть души и цель, на осуществление которой могла уйти целая жизнь.

Итак, весеннее путешествие было ежегодным и обычным. Необычным и весьма импульсивным было его предложение, сделанное между двумя глотками утреннего кава, взять с собой Алаис.

Его старшая, его гордость, его умница. Он считал ее такой красивой, что словами не описать. Никто не попросил ее руки. И хотя он знал, что она искренне рада за Селвену и вовсе не огорчена за себя, это не помешало ему ощущать острую жалость всякий раз, как он бросал на нее взгляд среди растущего возбуждения приготовлений к свадьбе Селвены.

Поэтому он спросил у нее, преувеличенно небрежно, не хочет ли она поехать с ним, и Аликс быстро метнула на него, оторвавшись от кухонных дел, острый, встревоженный взгляд, а Алаис еще быстрее ответила с редкой для нее горячностью:

— О, слава Триаде, да! Мне бы очень хотелось!

Оказалось, что она давно мечтала об этом.

Это была ее давняя мечта, ни разу не высказанная, не произнесенная вслух. Алаис чувствовала, как предательский румянец залил ее щеки. Заметила, как переглянулись отец с матерью. Иногда она завидовала этому их общению при помощи взглядов. Никаких слов, казалось, они в большинстве случаев не нуждаются в словах. Потом Алаис увидела, как мать кивнула, повернулась к отцу как раз вовремя, чтобы поймать его медленную ответную улыбку, и поняла, что увидит море с борта «Девы» впервые в жизни.

Ей так давно этого хотелось, что она даже не могла вспомнить, когда это началось, когда этого желания у нее еще не было. Она помнила себя маленькой девочкой, достаточно легкой, чтобы сидеть на руках у отца, пока ее мать несла Селвену. Они спускались к гавани в Астибаре, чтобы посмотреть на новый корабль, который был ключом к их скромному достатку в этом мире.

И ей все понравилось. Три мачты — тогда они казались ей такими высокими, — взлетающие в небо, темноволосая фигура девы на носу, ярко-синяя, свежая краска бортов, скрип канатов и дерева. И сама гавань: запах смолы и сосновых досок, рыбы и эля, сыра и шерсти, пряностей и кожи. Грохот повозок, нагруженных товарами, отправляемыми в какую-нибудь дальнюю часть известного мира, или привезенными из дальних стран с названиями, которые казались ей волшебными словами.

Моряк, одетый в красно-зеленый костюм, проходил мимо с обезьянкой на плече, и ее отец поздоровался с ним, как со знакомым. Отец чувствовал себя здесь как дома, знал этих людей, дикие, экзотические места, куда они уплывали и откуда приплывали. Она слышала крики и взрывы буйного смеха, громкие споры, пересыпанные ругательствами, по поводу веса или стоимости товара. Потом кто-то крикнул, что в бухту заплыли дельфины; и вот тогда отец поднял ее на плечи, чтобы она могла их увидеть.

Селвена расплакалась от всего этого шумного столпотворения, как помнила Алаис, и они вскоре вернулись к повозке и уехали, под внимательными, гнетущими взглядами барбадиоров, больших, светловолосых людей на крупных конях, охраняющих гавань Астибара. Она была слишком мала, чтобы понять, зачем они здесь, но внезапное молчание отца и его бесстрастное лицо, когда они проезжали мимо, что-то ей подсказали. Позже она узнала гораздо больше, когда выросла в своей оккупированной стране.

Ее любовь к кораблям и к гавани никогда так и не прошла. При малейшей возможности она ездила с Ровиго к морю. Зимой было легче, когда все они переезжали в их городской дом в Астибаре, но даже весной, и летом, и ранней осенью она находила предлоги, причины и способы, чтобы сопровождать отца в город и туда, где стояла на приколе «Дева». Она впитывала в себя

эту картину, а ночью ей снился океан, открывающийся перед ней, и соленые брызги волн.

Сны. Она была женщиной. Женщины не ходят в море. А послушные, умные дочери никогда не тревожат отцов просьбами о подобных вещах. Но оказалось, что иногда, в одно прекрасное утро, совершенно непредвиденно, Эанна среди своих небесных огней может бросить взгляд вниз и улыбнуться, и тебе предложат нечто чудесное, о чем ты сама никогда бы не посмела попросить.

Оказалось, что Алаис — хороший моряк, она легко привыкла к бортовой килевой качке корабля, пока справа по борту разворачивалась береговая линия Астибара. Они плыли на север вдоль бухты, потом пробрались мимо островов архипелага и вышли на простор открытого моря. Ровиго и пятеро его матросов справлялись с кораблем с легкостью, их движения казались Алаис непринужденными и точными. Она была в восторге и наблюдала за всем происходящим в незнакомом мире так пристально, что они над ней смеялись и подшучивали. Но в их шутках не было злобы; она знала всех пятерых почти всю свою жизнь.

Они обогнули северную оконечность провинции, «мыс Бурь», как сказал ей один из матросов. Но в тот весенний день погода стояла мягкая и плыть было легко. Когда они снова повернули на юг, Алаис стояла у борта и смотрела, как мимо проплывают зеленые холмы ее провинции, сбегая вниз к белому песку на берегу и к рыбацким поселкам, разбросанным по побережью.

Через несколько дней их действительно настиг шторм, ночью, у скал северной Тригии. Ровиго заметил его приближение на закате или учуял его в воздухе, но здесь береговая линия была скалистой и опасной, и негде было укрыться. Они приготовились встретить шквал на почтительном расстоянии от берега, чтобы оказаться подальше от скал. Когда шквал налетел, Алаис уже спустилась в свою каюту, чтобы не мешать.

Даже такая погода не слишком ее беспокоила, как она с благодарностью обнаружила. Не было ничего приятного в том, чтобы ощущать, как скрипит и сотрясается во тьме «Морская Дева» под напором ветра и дождя, но она говорила себе, что ее отец за тридцать лет плаваний по морю попадал в гораздо более опасные переделки, и не собиралась дать себя запугать или смутить небольшому весеннему шторму с востока.

Алаис решительно снова поднялась на палубу, как только

почувствовала, что волны и ветер стихают. Дождь еще шел, и она накинула на голову капюшон плаща. Стараясь держаться подальше от тех мест, где трудились мужчины, Алаис остановилась у борта и посмотрела вверх. К востоку от них быстро несущиеся по небу облака открывали клочки чистого неба, и в них ненадолго прорывался свет Видомни. Позже ветер совсем стих, дождь прекратился, а облака разошлись, и она увидела, как взошли над морем яркие, далекие звезды Эанны, как обещание, как дар. Алаис откинула капюшон и тряхнула головой, рассыпая черные волосы. Глубоко вдохнула свежий, чистый воздух и на мгновение почувствовала себя совершенно счастливой.

Подняв глаза, она увидела, что отец наблюдает за ней. И улыбнулась ему. Он не ответил ей улыбкой, но когда она подошла, то увидела, что его глаза смотрят нежно и серьезно. Он облокотился о поручни рядом с ней и смотрел на береговую линию на западе. В его волосах и на короткой бородке, которую он теперь отращивал, блестели капли воды. Невдалеке медленно проплывали мимо утесы Тригии — ряд темных, массивных силуэтов, освещенных лунным светом.

— В тебе это есть, — тихо произнес отец под плеск и вздохи волн. — В твоем сердце и в твоей крови. В тебе этого даже больше, чем во мне, от моего отца, и от его отца. — Он немного помолчал, потом медленно покачал головой. — Только, Алаис, дорогая, женщина не может провести жизнь в море. В нашем мире — не может.

Ее мечта. Чистая и яркая, как блеск белых лучей Видомни на волнах. Изложенная такими простыми словами и тут же разрушенная.

Алаис вздохнула. И произнесла давно отрепетированную речь, никогда еще не звучавшую вслух:

— У тебя нет сыновей. Я — старшая. Ты отдашь мне «Деву» и все то, ради чего ты трудился, когда больше не сможешь вести такую жизнь?

— Когда я умру? — Он произнес это мягко, но какое-то тяжелое и болезненное чувство сжало ее сердце.

Она продела руку сквозь сгиб его локтя, крепко сжала и придвинулась к нему поближе, чтобы положить голову на его плечо.

Они молчали, глядя на проплывающие мимо скалы и на игру лунного света на волнах. Корабль, как всегда, издавал звуки, но они ей нравились. В последние ночи Алаис засыпала под беспрерывные, заунывные песни «Морской Девы», как под колыбельную.

Алаис сказала, все еще не поднимая головы с его плеча:

— Можно меня научить? Я хочу сказать, научить меня помогать тебе в делах. Даже если я не буду ходить в море.

Некоторое время отец не отвечал. Прислонясь к нему, она чувствовала его ровное дыхание. Его ладони спокойно лежали на поручнях.

— Это можно, Алаис, — ответил он. — Если ты этого хочешь, это можно сделать. Женщины ведут дела по всей Ладони. Чаще всего вдовы, но не только они. — Он заколебался. — Твоя мать могла бы продолжать дело, как мне кажется, если бы захотела, если бы у нее были хорошие советчики. — Он повернулся, чтобы взглянуть на нее, но она не подняла голову от его плеча. — Только это жизнь резкая и холодная, моя дорогая. И для женщины, и для мужчины, жизнь без тепла очага в конце дня. Без любви, которая уводит из дома и приводит домой.

Услышав это, она закрыла глаза. В этом было все дело. Они никогда не давили на нее, никогда не торопили и не настаивали, хотя ей уже почти двадцать лет и ее время давно пришло. И ей много ночей снился этот странный сон, все темные зимние ночи минувшей зимы: она и туманная фигура на фоне луны, мужчина, где-то в незнакомом месте, в горах, среди цветов, под звездной аркой, и его тело опускается на ее тело, а она поднимает руки и обнимает его.

Алаис подняла голову и убрала руку. Осторожно сказала, глядя вниз на волны:

— Мне нравится Катрини. Я рада за Селвену. Она готова, она так давно уже хочет этого, я думаю, он ей подходит. Но я хочу получить больше того, что будет иметь она, отец. Я не знаю, чего именно, но я хочу большего.

Отец шевельнулся. Она увидела, как он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Я знаю, — услышала она его ответ. — Я это знаю, дорогая моя. Если бы я знал, что или как, и мог тебе это дать, все было бы твоим. Весь мир и звезды Эанны были бы твоими.

Тут Алаис заплакала, что случалось с ней редко. Но она любила отца и заставила его огорчиться, а он только что сказал, уже второй раз за сегодняшний день, что когда-нибудь умрет, и свет белой луны на скалах и на море после шторма был не похож ни на что из виденного ею раньше, и, наверное, она никогда больше ничего подобного не увидит.

* * *

Дорога была скрыта от глаз Катрианы, пока она поднималась вверх по склону из лощины, но по доносящимся издали звукам и по тому, как Баэрд и Сандре оба стояли неподвижно и настороженно в траве на опушке, она поняла: что-то не так. Мужчины, к этому выводу она давно уже пришла, значительно хуже женщин скрывают свои чувства в подобных ситуациях.

Ее волосы еще не высохли после купания в пруду — в ее любимом месте, которое они проезжали всякий раз по дороге из Феррата в Чертандо. Она поспешно взобралась наверх, торопясь понять, что случилось.

Оба они ничего не сказали, когда она появилась рядом с ними. Повозку поставили в тень, в стороне от дороги с севера на юг, а двух лошадей отпустили пастись. Лук и колчан Баэрда лежали в траве у деревьев, рядом, на тот случай, если они ему понадобятся. Она посмотрела на дорогу и увидела барбадиорских солдат, пеших и конных, поднимающих клубы пыли на марше.

— Опять из Третьей роты, — произнес Сандре, и в его голосе звучал холодный гнев.

— Похоже, они все идут туда, да? — мрачно пробормотал Баэрд.

Это было хорошо, очень хорошо, это было именно то, чего они хотели. Их гнев и мрачность были почти неожиданными. Казалось, это некая инстинктивная мужская реакция на близость врага. Катриане захотелось встряхнуть их обоих.

В самом деле, все было так ясно. Баэрд сам объяснил это ей, и Сандре, и Альенор из Борсо в тот день, когда Алессан встречался с Мариусом Квилейским в горах, а потом уехал на запад с Дэвином и Эрлейном.

Слушая его в тот день, заставляя себя сосредоточиться в присутствии Альенор, Катриана наконец-то поняла, что имел в виду Алессан все это время, когда говорил, что им надо подождать до весны. Они ждали, чтобы Мариус ответил «да» или «нет». Чтобы сказал, рискнет ли он ради них своей непрочно сидящей на голове короной и своей жизнью. И в тот день на перевале Брачио он пообещал сделать это. Баэрд немного, совсем немного рассказал им о том, почему он согласился.

Десять дней спустя они с Баэрдом и Сандре наблюдали с гор у форта Ортиц, как по дороге проехали послы с квилейским флагом, и барбадиоры встретили их с почетом у стен форта и проводили внутрь.

На следующее утро квилейцы поехали дальше, не спеша, по дороге на север. Через два часа после их отъезда ворота форта снова распахнулись, и из них крайне поспешно выехало шесть человек. Одним из них — это заметил Сандре — был сам Сифервал, командир Третьей роты.

— Получилось, — сказал Баэрд с благоговением в голосе. — Не могу в это поверить, но, кажется, у нас получилось!

Прошло чуть больше недели, и первые отряды солдат двинулись в путь, и тогда они поняли, что он был прав. Лишь несколько дней спустя, в поселке ремесленников в северном Чертандо, при покупке резных изделий и тонких тканей, они с опозданием узнали о том, что сделал на Кьяре Брандин Игратский. О Королевстве Западной Ладони.

— Ты играешь в азартные игры? — спросил Сандре у Баэрда. — Теперь кости брошены, и никто их не остановит и не поправит, пока они сами не упадут.

Баэрд ничего не ответил, что-то в выражении его лица, изумление, близкое к шоку, заставило Катриану подойти к нему и взять его руку в свои. Что было совсем на нее не похоже.

Однако все изменилось или постепенно менялось. Баэрд был не похож на себя после дней Поста и их пребывания в замке Борсо. Что-то с ним там произошло, но он ничего не объяснил. Алессан уехал, и Дэвин — и хотя ей не хотелось в этом признаваться, она скучала по нему почти так же, как по принцу. Даже их роль здесь, на востоке, теперь полностью изменилась.

Сначала они ждали в горах появления послов, на тот случай, если что-то пойдет не так. Но теперь Баэрд поспешно вел их из города в город и останавливался поговорить с мужчинами и некоторыми женщинами, о которых Катриана даже никогда не слыхала. Он предупреждал, чтобы они были наготове, что летом может вспыхнуть восстание.

А с некоторыми, с немногими избранными, он говорил особо: о Сенцио. Отправляйтесь на север, в Сенцио, перед летним солнцестоянием. «Если сможете, возьмите с собой оружие».

Именно эти последние слова окончательно убедили Катриану в том, что время действий действительно пришло. Настигло их. Больше никакой тайной подрывной работы или балансирования на грани событий. Теперь события имели свой центр, им была или скоро должна была стать провинция Сенцио, и они двигались туда. Что должно произойти, она пока не знала. Если Баэрд и знал, то ничего не говорил.

Зато он называл ей и Сандре тоже имена людей.

Десятки имен. Имен, которые он хранил в памяти, некоторые из них в течение двенадцати лет. Людей, которые были с ними заодно, которым можно доверять. Которым необходимо было сообщить здесь, в провинциях под управлением Альберико, что движение его войск являлось долгожданным сигналом для них самих приготовиться. Следить за ходом событий и быть готовыми к ответным действиям.

Они сидели вместе по ночам, втроем, вокруг костра под звездами или в укромном уголке постоялого двора в каком-нибудь горном селении или деревне, и Баэрд называл им имена, которые они должны знать.

Только на третью ночь, уже засыпая, Катриана с опозданием поняла, что причиной, по которой они должны были их запомнить, была возможность гибели Баэрда и отсутствие Алессана, уехавшего на запад.

— Риказо бар Деллано, — говорил Баэрд. — Медник из Марсилиана, первой деревни к югу от форта Чиороне. Он родился в Авалле. Не мог участвовать в войне из-за хромоты. Поговорите с ним. Он не сможет отправиться на север, но знает других людей в округе и даст им знать, и он возглавит наших людей в том районе, если возникнет необходимость поднять восстание.

— Риказо бар Деллано, — повторяла она. — В Марсилиане.

— Поррена брен Куллион. В Делонги, сразу же за границей Тригии на главной дороге из Феррата. Она чуть старше тебя, Катриана. Ее отец погиб при битве на Дейзе. Она знает, с кем поговорить.

— Поррена, — бормотал Сандре сосредоточенно, сжимая костлявые, узловатые руки. — В Делонги.

И Катриана поражалась тому, как много этих имен, как много жизней Баэрд и Алессан затронули в своих путешествиях в течение дюжины лет после возвращения из Квилеи, готовя себя и этих неизвестных людей к определенному времени, сезону, моменту в будущем. Сейчас он настал. И они до него дожили. И сердце ее наполнялось надеждой, пока она снова и снова шепотом повторяла имена, словно заклинания, дающие силу.

В следующие недели они ехали по цветущей весенней стране почти с безрассудной быстротой, едва придерживаясь своей роли купцов. Заключали невыгодные, поспешные сделки там, где останавливались, не желая задерживаться, чтобы поторговаться. Задерживались лишь на время, необходимое, чтобы оты-

скать мужчину или женщину, ради которых заехали в эту деревню, или тех, кто знал других и мог передать сообщение.

Они теряли деньги, но у них были астины от Альенор. Катриана честно призналась самой себе, что ей все еще не хочется видеть, какую роль эта женщина играла все эти годы в делах Алессана. Все годы, когда сама она росла в неведении, девочкой в рыбацком поселке в Астибаре.

Однажды Баэрд позволил ей самой пойти на встречу. Женщина оказалась ткачихой, широко известной своим искусством. Катриана нашла ее дом на краю деревни. Две собаки залаяли при ее приближении, их успокоил мягкий голос, раздавшийся из дома. В доме Катриана нашла женщину немного моложе своей матери. Она убедилась, что они одни, а затем, как учил ее Баэрд, показала свое кольцо с дельфином, назвала имя Алессана и передала сообщение. То же самое сообщение о готовности, что и в других местах. Потом осторожно назвала двух человек и передала второе сообщение Баэрда: «Сенцио, день летнего солнцестояния. Скажите им, чтобы взяли оружие, если смогут».

Женщина побледнела и резко встала, когда Катриана начала говорить. Она была очень высокой, даже выше самой Катрианы. Когда было передано второе сообщение, она несколько секунд стояла неподвижно, потом шагнула вперед и поцеловала Катриану в губы.

— Да благословит тебя Триада и сохранит тебя и их обоих, — сказала она. — Я не думала, что доживу до этого дня. — Она плакала: Катриана ощутила соль на своих губах.

Она вышла на солнечный свет и вернулась к Баэрду и Сандре. Они только что закончили закупку дюжины бочек местного пива. Неудачная сделка.

— Мы же едем на север, глупцы, — воскликнула она в отчаянии, в ней взыграли купеческие инстинкты. — В Феррате не любят пива! И вы это знаете.

— Тогда придется самим его пить, — ответил Сандре со смехом, вскакивая на коня. Баэрд, который редко смеялся, но который после дней Поста изменился, внезапно захохотал. И тогда она тоже засмеялась, вторя их смеху. Она сидела рядом с Баэрдом на повозке, когда они выезжали из деревни, и ощущала чистую свежесть ветра, развевающего ее волосы и дующего, казалось, прямо сквозь ее сердце.

Именно в тот день, ранним вечером, они подъехали к лощине, где она любила купаться, и Баэрд, вспомнив об этом, отвел повозку в сторону от дороги, чтобы она могла спуститься к пруду. Когда Катриана поднялась обратно, ни один из мужчин уже не смеялся и не веселился, они смотрели на движущихся мимо барбадиоров.

Катриана была уверена, что неприятности начались из-за того, как они стояли. Когда она подошла и встала рядом, уже было поздно. Их внимание привлек в основном Баэрд. Сандре в своем облике карду почти совершенно не интересовал барбадиоров.

Но купец, мелкий торговец с единственной повозкой и одной костлявой запасной кобылой, который вот так стоит и глазеет на проходящую армию, холодно, с вызывающе поднятой головой, без всякого смирения и покорности, не говоря уже о страхе, естественном в подобной ситуации.

Язык тела, подумала Катриана, иногда может сказать слишком много. Она взглянула на стоящего рядом Баэрда, который с каменным выражением в темных глазах оценивающе смотрел на проходящую мимо роту. Это не вызов, решила она, не просто мужская гордость. Это нечто иное, нечто более древнее. Первобытная реакция на эту демонстрацию мощи тирана, скрыть которую было так же невозможно, как и дюжину бочек пива, стоящих на повозке.

— Перестань! — яростно прошептала она. Но в тот же момент услышала, как один из барбадиоров отдал короткий приказ, и полдюжины солдат отделились от колонны и галопом поскакали к ним. У Катрианы пересохло во рту. Она увидела, как Баэрд бросил взгляд туда, где в траве лежал его лук. И слегка изменил позу, чтобы встать поустойчивее. Сандре сделал то же самое.

— Что вы делаете? — прошипела она. — Вспомните, где мы находимся!

Больше она ничего сказать не успела. К ним приблизились барбадиоры, огромные на своих конях, глядя сверху вниз на мужчину и женщину с Ладони и тощего, как мощи, седого воина из Карду.

— Мне не нравится выражение твоего лица, — сказал командир, уставившись на Баэрда. Волосы его были темнее, чем у большинства остальных, а глаза — светлыми и жестокими.

Катриана напряглась. Впервые в этом году они напрямую столкнулись с барбадиорами. Она опустила глаза, мысленно приказывая Баэрду оставаться спокойным и говорить то, что нужно.

Чего она не знала, так как этого не мог знать никто, не побывавший там, — это того, что видел в тот момент Баэрд.

Не шестерых барбадиоров на конях у дороги в Чертандо, а множество солдат Играта на площади перед домом его отца, в те давние времена. Столько лет прошло, но воспоминание не потускнело, оно было словно рана, нанесенная лишь вчера. Все нормальные мерки времени разрушались и прекращали существовать в подобные мгновения. Баэрд заставил себя отвести глаза под взглядом барбадиора. Он знал, что совершил ошибку, знал, что эту ошибку совершал всегда, если не проявлял осторожности. Но его охватила эйфория, он слишком быстро несся на приливной волне эмоций, считал, что марширующая колонна пляшет под музыку, придуманную им и Алессаном. Только было еще рано, слишком рано, так много неизвестного и неуправляемого ждало их в будущем. И они должны жить, чтобы увидеть это будущее, или все было напрасно. Годы жизни, терпеливое превращение мечты в реальность.

Он сказал тихим голосом, опустив глаза:

— Простите, если я вас оскорбил. Я всего лишь любовался вами. Я уже много лет не видел на дороге столько солдат.

— Мы съехали в сторону, чтобы уступить вам дорогу, — прибавил Сандре своим низким голосом.

— Ты помолчи, — хрипло приказал командир барбадиоров. — Если я захочу поговорить со слугами, я тебе сообщу. — Один из солдат спрыгнул с коня в сторону Сандре, вынудив его отступить назад. Стоящая за ним Катриана почувствовала, что у нее подогнулись колени. Она ухватилась за борт повозки, ладони ее взмокли от страха. Она видела, что двое барбадиоров уставились на нее откровенно оценивающим, похотливым взглядом, и вдруг осознала, что ее одежда прилипла к телу после купания в пруду.

— Простите нас, — повторил Баэрд приглушенным голосом. — Мы ничего плохого не хотели, совсем ничего.

— Правда? Почему же тогда ты считал наши войска?

— Считал? Ваши войска? Зачем мне это делать?

— Это ты мне объясни, торговец.

— Это не так, — запротестовал Баэрд, обозвав себя глупцом и дилетантом. После двенадцати лет отмочить такое! Ситуация стремительно выходила из-под контроля, и дело было в том, что он действительно считал войска барбадиоров. — Мы всего лишь торговцы, — прибавил он. — Всего лишь мелкие торговцы.

— С кардунским воином в качестве охранника? Не такие уж мелкие, по-моему.

Баэрд замигал и почтительно сжал ладони. Он совершил ужасную ошибку. Этот человек опасно проницателен.

— Я боялся за жену, — сказал он. — Ходили слухи о появлении на юге бандитов, о крупных беспорядках. — Что было правдой. Это были, по правде говоря, не только слухи. Двадцать пять барбадиоров убиты на перевале. Баэрд был совершенно уверен, что там побывал Алессан.

— Твою жену или твои товары? — презрительно усмехнулся один из барбадиоров. — Мы знаем, что вы, местные, цените больше. — Он посмотрел мимо Баэрда туда, где стояла Катриана, на его лице появилось похотливое выражение, а глаза прикрылись веками. Другие солдаты рассмеялись. Баэрд быстро снова опустил голову; он не хотел, чтобы они увидели в его глазах смерть. Он помнил такой смех и его воздействие. Знал, куда он мог завести. И завел, на площади Тиганы, восемнадцать лет назад. Он молчал, глядя в землю, в его сердце пылала жажда убийства, тесно переплетенная с воспоминаниями.

— Что вы везете? — спросил первый барбадиор голосом грубым, как лопата.

— Пиво, — ответил Баэрд, сжимая руки. — Только бочки с пивом для севера.

— Пиво в Феррат? Ты и правда лжец. Или дурак.

— Нет-нет, — поспешно возразил Баэрд. — Не в Феррат. Мы купили его очень дешево. По одиннадцать астинов за бочку. Хорошая цена, стоит везти пиво далеко на север. Мы направляемся в Астибар. Там его можно продать втрое дороже.

Это было бы правдой, если бы он не заплатил по двадцать три астина за бочку.

Повинуясь жесту командира, двое барбадиоров спешились и вскрыли одну из бочек, используя мечи в качестве рычагов. Острый, пряный запах пива Чертандо разлился вокруг.

Командир оглянулся, увидел, что его люди кивают, и снова повернулся к Баэрду. На его лице появилась коварная улыбка.

— Одиннадцать астинов за бочку? Действительно, дешево. Так дешево, что даже жадный купец не откажется подарить его воинам, которые защищают тебя и тебе подобных.

Баэрд почти ожидал этого. Стараясь не выйти из роли, он сказал:

— Если вы так желаете, то да. Вы не... вы не согласились бы купить его за ту же цену, которую заплатил я?

Воцарилось молчание. Позади шестерых барбадиоров войска все еще двигались по дороге. Они уже почти миновали их.

Он уже довольно точно определил, сколько их. Тут человек на коне перед ним вытащил меч. Баэрд услышал, как позади него тихо охнула Катриана. Барбадиор нагнулся вперед через шею коня, вытянул оружие и осторожно прикоснулся к бородатой щеке Баэрда плоской стороной клинка.

— Мы не торгуемся, — тихо произнес он. — И не воруем. Мы принимаем подарки. Предложи нам подарок, купец. — Он слегка шевельнул клинком. Баэрд чувствовал, как он щекочет и шевелится у его лица.

— Прошу вас, примите, пожалуйста, примите от нас это пиво в подарок для воинов Третьей роты, — сказал он. Он с большим трудом заставлял себя не смотреть в лицо этого человека.

— Ну, спасибо, купец, — с ленивой насмешкой ответил тот. Медленно провел мечом по щеке Баэрда, словно жестоко погладил, и убрал клинок. — И раз уж ты подарил нам эти бочки, то, разумеется, не пожалеешь для нас коня и повозки, чтобы было на чем их везти?

— Возьмите и повозку, — услышал Баэрд свой голос. Он внезапно почувствовал себя так, словно покинул свое тело. Словно парил в воздухе над этой сценой, глядя вниз.

И с этой высокой, далекой точки он увидел, как барбадиоры пошли за их повозкой. Они снова впрягли в оглобли коня. Один из них, моложе остальных, выбросил их мешки и еду на землю. Смущенно взглянул на Катриану, немного стыдясь, потом быстро взобрался на козлы и тронул коня, и повозка медленно покатилась прочь, вслед уходящей по дороге колонне барбадиоров. Пятеро остальных солдат, взяв его лошадь, последовали за ним. Они заливались веселым раскатистым смехом мужчин в своей компании, уверенных в своем месте и в течении своей жизни. Баэрд снова бросил взгляд на свой лук. Он точно знал, что сможет убить всех шестерых, начиная с командира, прежде чем кто-либо ему помешает.

Но он не двинулся с места. Никто из них не пошевелился, пока последний солдат не исчез из виду, а их повозка не скрылась вслед за ними. Тогда Баэрд повернулся к Катриане. Она дрожала, но он достаточно хорошо ее знал, чтобы понять, что дрожала она не только от страха, но и от ярости.

— Я бы убила тебя, Баэрд, за то, что так меня напугал.

— Знаю, — ответил он. — И я заслуживаю смерти. Я их недооценил.

— Могло быть и хуже, — прозаично заметил Сандре.

— Да, ненамного, — насмешливо подтвердила Катриана. — Мы все могли лежать тут мертвыми.

— Это действительно было бы хуже, — серьезно согласился Сандре. Через секунду она поняла, что он над ней подшучивает. И сама себя удивила, рассмеявшись, хотя и несколько диковатым смехом.

Тут Сандре с серьезным выражением на смуглом лице произнес нечто неожиданное.

— Ты даже не представляешь себе, — пробормотал он, — как сильно мне бы хотелось, чтобы ты была одной со мной крови. Моей дочерью, внучкой. Ты мне позволишь гордиться тобой?

Она так удивилась, что не смогла придумать, что сказать в ответ. Через несколько мгновений, глубоко растроганная, она подошла к нему и поцеловала в щеку. Он обнял ее длинными костлявыми руками и на секунду осторожно прижал к груди, словно она была чем-то хрупким, или очень дорогим, или и тем и другим одновременно. Катриана не помнила, когда ее кто-нибудь так обнимал в последний раз.

Он отступил назад, неловко откашлялся. Катриана увидела, что Баэрд смотрит на них с непривычно мягким выражением на лице.

— Это все очень мило, — сказала она нарочито сухо. — Мы собираемся провести здесь весь день, рассказывая друг другу, какие мы замечательные люди, по нашему мнению?

Баэрд усмехнулся.

— Неплохая идея, но не самая лучшая. Думаю, нам придется снова вернуться туда, где мы покупали пиво. Нам нужна повозка и конь.

— Хорошо. Я бы сейчас выпил бутылку пива, — сказал Сандре.

Катриана быстро взглянула на него, поймала лукавое выражение в его глазах и рассмеялась. Она знала, чего он добивается, но никогда бы не подумала, что сможет рассмеяться так быстро после того, как видела меч, приставленный к лицу Баэрда.

Баэрд поднял свой лук и стрелы с травы. Они надели свои рюкзаки и заставили ее сесть на лошадь: никакой другой вариант, сказал Сандре, не выглядит приемлемым. Она хотела было возразить, но не смогла. И втайне была благодарна за возможность ехать верхом, колени у нее все еще подгибались.

На дороге стояла густая пыль, поднятая прошедшим войском, и они двигались по траве обочины. Ее лошадь спугнула

кролика, и не успела она даже осознать этого, как Баэрд достал стрелу и выстрелил, и зверек упал замертво. Они вскоре обменяли его у крестьянина на кувшин пива и кусок хлеба с сыром, а потом двинулись дальше.

Под вечер, к тому времени, как они медленно добрались до деревни, Катриана убедила себя, что недавнее происшествие было невезением, но все же не имело особого значения.

Восемь дней спустя они приехали в Тригию. За минувшую неделю они не встретили других солдат, так как их путь пролегал вдали от главных дорог. Новую повозку и товар оставили в гостинице, где всегда останавливались, и пошли на центральный рынок. День клонился к вечеру, теплый весенний день. Глядя на север между домами по направлению доков, Катриана видела мачты первых после зимы кораблей, поднимающихся по реке. Сандре остановился у лавки кожевника, чтобы починить ремень, на котором висел его меч. Пока они вдвоем с Баэрдом пробирались сквозь толпу на площади, один барбадиорский наемник, более пожилой, чем большинство солдат, прихрамывающий и, вероятно, хвативший лишку весеннего вина, вывалился из таверны, увидел ее, облапил и стал неуклюже тискать ее грудь и бедра.

Катриана взвизгнула, больше от испуга, чем от чего-то другого.

И через секунду от всей души пожалела об этом. Баэрд, идущий впереди, резко обернулся, увидел нападавшего и с той же мгновенной, смертельно опасной реакцией, с какой недавно убил кролика, свалил с ног барбадиора мощным ударом кулака в висок.

И Катриана поняла в тот же момент с абсолютной уверенностью, что его удар предназначался не столько пьяному тыловику, сколько тому офицеру, который тыкал в него своим мечом у рощи в Чертандо неделю назад.

Вокруг внезапно воцарилась испуганная тишина. А потом сразу все зашумели. Они мгновенно переглянулись.

— Беги! — хрипло приказал Баэрд. — Встретимся ночью у того места, где ты в прошлом году выбралась из реки. Если меня не будет, продолжайте путь без меня. Вы знаете имена. Осталось совсем немного. Да хранит вас Эанна!

И он исчез, убежав через площадь в ту сторону, откуда они пришли. Кучка наемников уже начала быстро двигаться сквозь

толпу по направлению к ним. Человек на земле не двигался. Катриана не стала ждать, чтобы посмотреть, жив ли он, а со всех ног бросилась в другую сторону. Краем глаза она заметила Сандре, который в шоке смотрел на них, все еще стоя у лавки кожевника. Катриана приложила все усилия, чтобы не взглянуть на него, не побежать в ту сторону. Чтобы хоть один из них, о Триада, да будет воля твоя, хоть один выбрался отсюда живым и свободным, с именами в памяти, и чтобы было кому донести их мечту до костров летнего солнцестояния.

Она промчалась по запруженной народом улице, потом резко свернула направо на первом перекрестке в лабиринт кривых переулков, образующих самый старый квартал Тригии у реки. Над ее головой вторые этажи домов клонились друг к другу под безумным углом, и тот скудный солнечный свет, который проникал вниз, совершенно закрывали крытые мостики, соединяющие обветшалые дома по обеим сторонам улицы.

Катриана оглянулась и увидела четверых наемников, преследующих ее с громким топотом по переулку. Один из них крикнул, приказывая ей остановиться. Если хоть у одного есть лук, подумала Катриана, то вполне вероятно, что она через несколько секунд умрет. Бросаясь из стороны в сторону, она резко свернула направо в переулок, потом еще раз направо на первом же перекрестке и побежала обратно в том направлении, откуда начала бег.

В списке Баэрда здесь, в Тригии, значилось три имени, и она знала, где найти двоих из этих людей, но она никак не могла искать у них спасения, потому что барбадиоры следовали за ней по пятам. Ей придется самой отделаться от преследователей, если удастся, и оставить Сандре задачу связаться с ними. Или Баэрду, если он уцелеет.

Она нырнула под чье-то развевающееся на веревке над улицей белье и бросилась налево, к воде. В переулках сновали люди, они с некоторым любопытством смотрели на нее, когда она пробегала мимо. Через секунду эти взгляды станут другими, понимала она, когда сюда с грохотом ворвутся преследователи.

Улицы представляли собой безнадежно запутанный лабиринт. Она не знала точно, где находится, знала только, что река от нее к северу: перед ней периодически на мгновение мелькали вдалеке верхушки мачт кораблей. Однако к берегу приближаться было опасно, там слишком открытое место, все на виду. Она снова свернула на юг, задыхаясь от быстрого бега. За спиной раздался грохот и взрыв раздраженных криков и проклятий.

Катриана еще раз, спотыкаясь, свернула направо. Каждую секунду, за каждым поворотом она ждала, что хаос переулков приведет ее прямо в лапы барбадиоров. Если они разделились, она пропала. Повозка колесного мастера перегородила переулок. Она распласталась по стене и боком протиснулась мимо. Впереди возник еще один перекресток. На этот раз она побежала прямо, мимо полудюжины ребятишек, играющих в прыгалки. Свернула на следующем перекрестке.

И тут ее крепко схватили за правый локоть. Она было вскрикнула, но рот ее быстро зажала чья-то ладонь. Она хотела укусить ее, яростно извиваясь, пытаясь освободиться. И вдруг замерла в изумлении.

— Тихо, сердечко мое. И пойдем сюда, — сказал Ровиго д'Астибар, убирая ладонь с ее рта. — Не надо бежать. Они отстали на две улицы. Сделай вид, что гуляешь со мной. — Он взял ее под руку и быстро повел в крохотный, почти пустой переулок, один раз оглянулся через плечо, потом втолкнул ее в двери лавки, торгующей тканями. — А теперь вниз, под прилавок, быстро.

— Как вы?.. — задыхаясь, спросила Катриана.

— Заметил вас на площади. Бежал за тобой сюда. Шевелись, девочка!

Катриана послушалась. Какая-то старуха взяла ее за руку и сжала ладонь, потом подняла на петлях доску прилавка, Катриана скользнула в отверстие и упала на пол за прилавком. Через мгновение доска снова приподнялась, и сердце ее остановилось, когда над ней возникла тень, держащая нечто длинное и острое.

— Прости меня, — прошептала Алаис брен Ровиго, опускаясь на колени рядом с ней. — Отец говорит, что твои волосы могут тебя выдать, когда мы будем уходить. — Она подняла ножницы, которые держала в руке.

Катриана на секунду замерла, потом молча закрыла глаза и медленно повернулась к Алаис спиной. Почувствовала, как руки Алаис собрали и натянули длинные пряди. А потом, в темноте, острые ножницы для ткани со скрипом отрезали их по линии выше плеч, в одно мгновение лишив ее волос, которые она отращивала десять лет.

Снаружи послышался резкий шум, грохот и хриплые крики. Шум приблизился, поравнялся с ними, пронесся мимо. Катриана почувствовала, что ее трясет; Алаис прикоснулась к ее плечу, потом застенчиво убрала руку. По другую сторону прилавка старая женщина спокойно двигалась в полумраке своей лавки. Ро-

виго нигде не было видно. Катриана прерывисто дышала, правый бок у нее болел: наверное, она налетела на что-то во время своего безумного бега. Но не помнила, когда это случилось.

Что-то лежало на полу у ее ног. Она протянула руку и подняла рыжий занавес густых волос. Это произошло так быстро, что у нее не было времени осознать, что с ней сделали.

— Катриана, мне так жаль, — снова прошептала Алаис. В ее голосе звучало искреннее огорчение.

Катриана покачала головой.

— Пустяки, это совершенные пустяки, — ответила она. Говорить было трудно. — Всего лишь тщеславие. Какое это имеет значение? — Кажется, она плакала. Ребра ужасно болели. Она подняла руку и пощупала остатки волос на голове. Потом немного повернулась на полу, за прилавком, и устало уткнулась головой в плечо Алаис. Та подняла руки и обняла плачущую Катриану, крепко прижав к себе.

По другую сторону прилавка старуха немелодично мурлыкала себе под нос, складывая и перебирая ткани самых разных цветов и различного качества при тусклом вечернем свете, проникающем с улицы, в квартале, где наклонившиеся дома почти закрывали солнце.

* * *

Баэрд лежал в теплой темноте у реки и вспоминал, как было холодно, когда он сидел здесь в прошлый раз, вместе с Дэвином ожидая в вечерних сумерках, пока к ним приплывет Катриана. Он оторвался от преследователей уже давно. Баэрд очень хорошо знал Тригию. Они с Алессаном прожили здесь больше года после возвращения из Квилеи, справедливо посчитав эту глухую горную провинцию подходящим местом для того, чтобы отыскать здесь первые искры и постепенно раздуть пламя восстания.

Они искали главным образом одного человека, но так его и не нашли, капитана, принимавшего участие в обороне Борифорта. Зато они нашли многих других, говорили с ними и вовлекли их в свое дело. Они еще много раз возвращались сюда за эти годы, в сам город и в горы его дистрады, и находили в простой, грубой жизни этой провинции силу и ясную прямоту, которая помогала им обоим идти, ужасно медленно, по извилистым, окольным тропам их жизни.

Баэрд знал лабиринт городских улиц несравненно лучше,

чем барбадиоры, живущие в своих бараках. Знал, через какие дома можно быстро перелезть, какие крыши выходят на другие крыши, а какие заканчиваются опасными тупиками. При той жизни, которую они вели, было важно знать подобные вещи.

От рынка он двинулся на юг, потом на восток, потом вскарабкался на крышу «Пастушьего посоха», их старой таверны, используя наклонный навес над поленницей дров как трамплин. Он помнил, как много лет назад сделал то же самое, удирая от ночной стражи после комендантского часа. Низко пригибаясь, он быстро пересек две крыши, потом ползком перебрался на противоположную сторону улицы по одному из ветхих крытых мостиков, соединяющему два дома. За спиной он слышал шум погони, которая очень быстро отстала, задерживаемая всякими случайными препятствиями. Он догадывался, что это были за препятствия: тележка молочника, у которой соскочило колесо, быстро собравшаяся вокруг двух ссорящихся на улице мужчин толпа, бочка вина, разлитая тогда, когда ее катили в таверну. Он знал Тригию, а это означало, что он знал характер ее жителей.

Через короткое время он уже был далеко от рыночной площади, покрыв это расстояние поверху, легко и незаметно порхая с крыши на крышу. Он мог бы даже получить удовольствие от этой погони, если бы так не тревожился о Катриане. На южных окраинах Тригии, расположенных выше на холмах, дома стали больше, а улицы шире. Но память его не подвела, он знал, куда свернуть, чтобы пробираться все дальше, пока не нашел нужный ему дом и не спрыгнул на его крышу.

Он оставался там несколько секунд, внимательно прислушиваясь, не поднимется ли тревога на улице внизу. Но слышал лишь обычный вечерний шум, и тогда Баэрд достал ключ из старого потайного места под одной черепицей, открыл плоский люк и бесшумно спустился на чердак Тремазо.

Он закрыл за собой люк и подождал, пока его глаза привыкнут к темноте. Внизу под ним, в лавке аптекаря, он ясно различал голоса и быстро выделил низкий, рокочущий бас Тремазо. Прошло много времени, но некоторые вещи никогда не меняются. Он принюхался к окружающим его ароматам мыла и духов, к едким или сладковатым запахам различных лекарств. Немного привыкнув к темноте, он обнаружил потрепанное кресло, которое Тремазо обычно оставлял здесь для них, и сел в него. Это действие вызвало в памяти далекие воспоминания. Кое-что совсем не изменилось.

Наконец голоса внизу смолкли. Внимательно прислушавшись, Баэрд смог различить внизу тяжелую походку лишь одного человека. Нагнувшись, он поскреб пол, такой звук могла производить крыса на чердаке. Но только такая крыса, которая умеет быстро царапнуть три раза, а потом еще раз. Три раза, что означало Триаду в целом, и один раз — отдельно бога. Тригия и Тигана обе имели древнюю связь с Адаоном, и, придумывая условный сигнал, Алессан это учел.

Он услышал, как размеренные шаги внизу замерли, затем, секунду спустя, возобновились, словно ничего не произошло. Баэрд откинулся на спинку кресла и стал ждать.

Ему не пришлось ждать долго. День уже клонился к вечеру, все равно скоро пора закрывать лавку. Он услышал, как Тремазо вытирает прилавок и подметает пол, а потом стук запираемой передней двери и щелчок задвинутого засова. Через секунду лестница была придвинута на место, ступеньки заскрипели, крышка нижнего люка откинулась, и на чердаке появился Тремазо со свечой. Он пыхтел от усилий и стал еще толще, чем раньше.

Тремазо поставил свечку на ящик и встал, поставив кулаки на широкие бедра и глядя сверху вниз на Баэрда. Одет он был очень изящно, а бородка аккуратно подстрижена клинышком. И надушен, как почувствовал Баэрд мгновение спустя.

Улыбаясь, он встал и показал рукой на наряд Тремазо, притворяясь, что принюхивается. Аптекарь поморщился.

— Клиенты, — проворчал он. — Так нынче модно. Этого они ожидают от такой лавки, как моя. Скоро мы скатимся до уровня Сенцио. Это из-за тебя сегодня днем поднялся такой переполох? — Только и всего: ни приветствий, ни излияний. Тремазо всегда был таким, спокойным и прямым, как ветер с гор.

— Боюсь, что из-за меня, — ответил Баэрд. — Солдат умер?

— Вряд ли, — ответил Тремазо своим знакомым, небрежным тоном. — Ты недостаточно силен для этого.

— Не слышал, чтобы поймали женщину?

— Не слышал. Кто она?

— Одна из нас, Тремазо. Теперь послушай, есть настоящие новости, и мне нужно, чтобы ты нашел воина из Кардуна и передал ему от меня сообщение.

Глаза Тремазо на мгновение широко раскрылись, когда Баэрд начал говорить, потом сосредоточенно прищурились. Объяснения не заняли много времени. Тремазо никак нельзя было назвать тугодумом. Тучный аптекарь не отправится сам на север, в Сенцио, но он может найти людей, которые это сделают,

и сообщить им. И он сможет найти Сандре в их гостинице. Тремазо опять спустился вниз и вернулся, пыхтя, с караваем хлеба, куском холодного мяса и бутылкой хорошего вина в придачу.

Они на мгновение сдвинули ладони, потом аптекарь ушел искать Сандре. Сидя среди всякой всячины, скопившейся на чердаке у аптекаря, Баэрд ел и пил, ожидая наступления темноты. Убедившись, что солнце село, он снова выскользнул на крышу и двинулся обратно на север через город. Через некоторое время он спустился на землю и, сторонясь факелов стражи, направился на восток по извилистым улицам города туда, где Катриана зимой выбралась на берег реки после прыжка с моста. Там он сел на траву у реки и стал ждать. Ночь выдалась почти безветренная.

Он никогда по-настоящему не опасался, что его поймают. Слишком много лет прожил Баэрд вот так, тело его огрубело и закалилось, чувства обострились, мозг быстро запоминал, схватывал и действовал по обстановке.

Но все это не объясняло и не оправдывало его поступка, из-за которого они оказались в такой ситуации. Его импульсивный удар, нанесенный пьяному барбадиору, был поступком неслыханно глупым, несмотря на то, что именно так время от времени мечтало поступить большинство людей на площади. На Ладони под властью тиранов следовало подавлять в себе подобные порывы, чтобы не погибнуть. Или не увидеть, как гибнут те, кого ты любишь.

И это снова навело его на мысли о Катриане. В усыпанной звездами ночной темноте он вспомнил, как она вынырнула из зимней реки, словно призрак. Он тихо лежал в траве, думая о ней, а потом, что можно было предвидеть, об Элене. А затем, как всегда и в любое время, особенно на рассвете или в вечерних сумерках, или во время смены времен года, — о Дианоре, которая умерла или потерялась где-то в огромном мире.

Послышался шорох, слишком тихий, чтобы насторожить его, в листве дерева за его спиной. Через секунду запела триала. Он слушал ее песню и журчание воды в одиночестве, чувствуя себя в темноте как дома, мужчина, основной чертой характера которого стала его потребность к одиночеству и молчаливая игра воспоминаний.

По случайности, его отец тоже слушал эти звуки у реки Дейза в ночь перед тем, как был убит.

Вскоре с берега реки, немного западнее, прозвучал крик совы. Он тихо ухнул в ответ, оборвав песню триалы. Бесшумно

подошел Сандре, трава под его ногами почти не шевелилась. Присел на корточки, потом сел, тихонько охнув. Они посмотрели друг на друга.

— Катриана? — прошептал Баэрд.

— Я не знаю. Но ее не поймали, как мне кажется. Я бы услышал. Я слонялся на площади и вокруг нее. Видел, как вернулись стражники. Человек, которого ты стукнул, в порядке. После они над ним смеялись. Думаю, последствий не будет.

Баэрд медленно расслабил напряженные мускулы. И сказал небрежным тоном:

— Иногда я бываю очень большим глупцом, ты заметил?

— Не заметил. Когда-нибудь тебе придется мне об этом рассказать. Кто тот необъятный толстяк, который ко мне приходил?

— Тремазо. Он с нами уже давно. Мы использовали его склад на чердаке для встреч, когда жили здесь, и после.

Сандре проворчал:

— Он подошел ко мне возле гостиницы и предложил купить настойку, которая сделает моей любую женщину или мальчика, кого я только пожелаю.

Баэрд невольно улыбнулся.

— Слухи о привычках карду опережают тебя.

— Очевидно. — Белые зубы Сандре сверкнули в темноте. — Имей в виду, цена была подходящей. Я купил два флакона.

Тихо смеясь, Баэрд испытал странное ощущение, словно сердце его потянулось к сидящему рядом с ним человеку. Он вспомнил Сандре в ту ночь, когда они встретились, когда все планы его старости рухнули, когда пришел жестокий конец всей семьи Сандрени. В ту ночь, которая закончилась только тогда, когда герцог воспользовался своей магией, чтобы проникнуть в подземелья Альберико и убить собственного сына. «Любую женщину или мальчика, кого я только пожелаю».

Баэрд почувствовал смирение, внушенное силой духа сидящего рядом старика. Ни разу за полгода тяжелых переездов по зимним разбитым дорогам в жгучий холод Сандре не произнес ни слова жалобы, ни одной просьбы остановиться или сбавить темп. Ни разу не уклонился от задания, не выказал усталости или нежелания встать в предрассветной сырости на дороге. Ни признаков ярости или горя, которые, несомненно, душили его при известии о новых жертвах, казненных на колесах смерти в Астибаре. Он подарил им все, что имел: знание Ладони, страны и особенно — Альберико, накопленный в течение всей жизни

опыт лидерства и хитрости, без ограничений, ничего не утаивая, не проявляя при этом никакого высокомерия.

Именно такие люди, как он, думал Баэрд, были славой и проклятием Ладони в дни накануне ее падения. Славой, благодаря величию их власти, горем — из-за их взаимной ненависти и междоусобных войн, которые позволили тиранам явиться и захватить провинции по одной, в их одинокой гордости.

И сидя у реки в темноте Баэрд снова почувствовал, с уверенностью в самой глубине сердца: то, что делает Алессан, — правильно. Их цель заслуживает того, чтобы к ней стремиться. Цель, достойная всех дней и ночей жизни человека, вне зависимости от того, будет ли она когда-либо достигнута. Цель, которая находилась рядом и была связана воедино с другой большой и горькой целью — с Тиганой и ее именем.

Баэрду бар Саэвару тяжело давались некоторые вещи, они были почти невозможными с тех пор, как у него отобрали юность в год падения Тиганы. Но он совсем недавно лежал с женщиной в ночь Поста, в месте сильнейшей магии, и в зеленой темноте почувствовал, как крепкие путы, стягивающие его сердце, ослабевают. И это место тоже было темным и спокойным, мимо текла река, и на Ладони положение начало вырисовываться, а он ведь думал, что не доживет до этого дня.

— Милорд, — тихо произнес он, обращаясь к старику, сидящему рядом, — вы знаете, что я полюбил вас за то время, пока мы были вместе?

— Триада, помилуй нас! — ответил Сандре немного поспешно. — А ведь я даже еще не дал тебе выпить настойки!

Баэрд улыбнулся и ничего не сказал, он догадывался о тех путах, которые должны стягивать душу старого герцога. Но через секунду он услышал, как Сандре пробормотал совсем другим голосом:

— И я вас, друг мой. Всех вас. Вы подарили мне вторую жизнь и то, ради чего стоит ее прожить. Даже надежду на то, что впереди нас может ждать будущее, которое стоит увидеть. За это я буду любить вас, пока не умру.

Он торжественно поднял ладонь, и они соприкоснулись пальцами в темноте. Так они сидели, неподвижно, как вдруг раздался тихий плеск весла о воду. Оба бесшумно поднялись и потянулись к мечам. Потом с реки донеслось уханье совы.

Баэрд тихо ухнул в ответ, а через несколько минут маленькая лодка мягко причалила к пологому берегу, и на берег легким шагом вышла Катриана.

При виде нее Баэрд вздохнул с огромным облегчением; он боялся за нее больше, чем мог выразить словами. За ее спиной в лодке сидел человек на веслах, но луны еще не взошли, и Баэрд не мог его разглядеть.

— Вот это был удар! Я должна чувствовать себя польщенной? — сказала она.

Сандре рассмеялся за его спиной. Баэрд чувствовал, как его сердце переполняется гордостью за эту женщину, за ее небрежное, спокойное мужество. С трудом копируя ее тон, он ответил лишь:

— Тебе не следовало так вопить. Половина Тригии подумала, что тебя насилуют.

— Да, — сухо ответила она. — Прошу прощения. Я и сама не была уверена, что это не так.

— Что случилось с твоими волосами? — вдруг спросил Сандре из-за его спины, и Баэрд, отодвигаясь в сторону, увидел, что волосы у нее действительно острижены неровной линией выше плеч.

Она пожала плечами с преувеличенным равнодушием.

— Они мешали. Мы решили их обрезать.

— Кто это мы? — спросил Баэрд. В глубине его души ее небрежный тон пробуждал глубокую жалость и сочувствие. — Кто это в лодке? Полагаю, это друг, учитывая то, где мы находимся.

— Справедливое предположение, — отозвался сам сидящий в лодке. — Хотя должен сказать, что я мог бы подобрать для нашего делового совещания более подходящее место.

— Ровиго! — пробормотал Баэрд, охваченный радостным изумлением. — Приятная встреча! Мы давно не виделись.

— Ровиго д'Астибар? — внезапно заговорил Сандре, выходя вперед. — Это он?

— То-то мне показалось, что я знаю этот голос, — сказал Ровиго, кладя весла и резко поднимаясь. Баэрд быстро спрыгнул на берег, чтобы придержать лодку. Ровиго сделал два точно рассчитанных шага и спрыгнул мимо него на землю. — Я действительно его знаю, но не могу поверить собственным ушам. Во имя Мориан, богини Врат, вы вернулись из царства мертвых, милорд?

Произнося эти слова, он опустился на колени в высокой траве перед Сандре, герцогом Астибарским. К востоку от них, над тем местом, где река впадает в море, вставала Иларион, посылая голубые лучи по воде и над колышущимися травами на берегу.

— Можно сказать и так, — ответил Сандре. — При этом мою

кожу слегка изменило искусство Баэрда. — Он протянул руку и поднял Ровиго на ноги. Двое мужчин смотрели друг на друга.

— Алессан не захотел рассказать мне о вас прошлой осенью, но сказал, что я буду доволен, когда узнаю, кто мой новый партнер, — прошептал Ровиго, явно растроганный. — Он был прав больше, чем думал. Как это возможно, милорд?

— Я не умирал, — просто ответил Сандре. — Это был обман. Часть скверного, глупого стариковского плана. Если бы Алессан и Баэрд не вернулись в охотничий домик той ночью, я бы убил себя после того, как туда приходили барбадиоры. — Он помолчал. — А это значит, полагаю, что я должен поблагодарить тебя за мое теперешнее состояние, сосед Ровиго. За ночи, которые ты много лет проводил под моими окнами. За то, что подслушивал, как мы составляли свой немощный заговор.

При косо падающих лучах голубого света в его глазах можно было увидеть блеск. Ровиго слегка отступил, но голова его осталась высоко поднятой, и он не отвел глаз.

— Это было ради того дела, о котором вы теперь знаете, милорд, — сказал он. — Дела, к которому вы присоединились. Я бы дал отрезать себе язык прежде, чем предал бы вас барбадиорам. Думаю, вам это известно.

— Мне это известно, — через мгновение сказал Сандре. — Это гораздо больше, чем я могу сказать о своих собственных родственниках.

— Только об одном из них, — быстро ответил Ровиго, — а он мертв.

— Он мертв, — повторил Сандре. — Они все мертвы. Я — последний из Сандрени. И что нам с этим делать, Ровиго? Что нам делать с Альберико Барбадиорским?

Ровиго ничего не сказал. Ответил Баэрд, стоящий у кромки воды.

— Уничтожить его, — сказал он. — Уничтожить их обоих.

Часть V

ВОСПОМИНАНИЕ ПЛАМЕНИ

Глава 17

В день совершения обряда Шелто разбудил ее очень рано. Она провела ночь в одиночестве, как и подобает, а вечером принесла дары в храмы Адаона и Мориан. Теперь Брандин старался, чтобы все видели, что он соблюдает обычаи и обряды Ладони. Жрецы и жрицы в храмах просто из шкуры вон лезли, стараясь выразить свою с ним солидарность. То, что она собиралась сделать, сулило им власть, и они это знали.

Она спала недолго и неспокойно, и когда Шелто разбудил ее осторожным прикосновением, стоя с кружкой горячего кава в руке, она почувствовала, как последний ночной сон ускользает от нее. Закрыв глаза, проснувшись лишь наполовину, она попыталась догнать его и почувствовала, как сон уходит в глубину по коридорам сознания. Она гналась за ним, пытаясь возродить образ, который не хотел задержаться, а затем, в ту секунду, когда он уже готов был померкнуть и исчезнуть, она вспомнила.

Дианора медленно села на постели, протянула руку за кружкой и взяла ее обеими руками в поисках тепла. В комнате не было холодно, но теперь она вспомнила, что это за день, и в ее сердце проник холод, который выходил за рамки предчувствия и граничил с уверенностью.

Когда Дианора была еще маленькой девочкой, лет пяти от роду или немного меньше, ей однажды ночью приснился сон, будто она тонет. Морская вода смыкалась у нее над головой, и она видела, как приближается нечто темное, какая-то ужасная фигура, чтобы утащить ее вниз, в лишенную света глубину.

Она проснулась с криком, задыхаясь, и заметалась по кровати, не понимая, где находится.

А потом рядом оказалась мать, прижала Дианору к сердцу, шептала что-то, баюкала ее, пока рыдания не утихли. Когда Дианора наконец подняла голову от материнской груди, она увидела при свете свечей, что отец тоже здесь, он стоял в дверях и дер-

жал на руках Баэрда. Брат тоже плакал, неожиданно разбуженный ее криками в своей комнате по другую сторону коридора.

Отец улыбнулся и положил к ней на постель Баэрда, и все четверо долго сидели среди ночи, а пламя свечей создавало вокруг них круг света, образуя островок в темноте.

— Расскажи мне, — вспомнила она слова отца. Потом он показывал им теневые фигурки на стене при помощи рук, и Баэрд успокоился и задремал, а отец снова попросил ее: — Расскажи мне свой сон, дорогая.

«Расскажи мне свой сон, дорогая». На Кьяре, почти тридцать лет спустя, Дианора почувствовала боль потери, будто все это было недавно. Дни, недели назад, совсем недавно. Она вспомнила, как мать сделала знак, отводящий беду, чтобы разрушить реальность этого сна и отвести от нее прочь.

На следующее утро, перед тем как открыть студию и начать дневную работу, Саэвар повел обоих детей мимо бухты и дворцовых ворот на юг вдоль берега и начал учить их плавать в мелкой бухте, защищенной от волн и западного ветра. Дианора ожидала, что будет бояться, когда поняла, куда они направляются, но она ничего по-настоящему не боялась, когда с ней был отец. Они с Баэрдом оба обнаружили, с восторженными воплями, что им вода нравится.

Она вспомнила — какие странные вещи помнит человек, — как Баэрд в то утро, нагнувшись на мелководье, поймал двумя ладонями маленькую юркую рыбешку и, пораженный собственным достижением, посмотрел на них смешными, круглыми от удивления глазами, приоткрыв рот, а отец громко хохотал и был очень горд.

Каждое погожее утро в то лето они втроем шли в бухту плавать, и к приходу осени, с ее холодами и дождем, Дианора уже чувствовала себя в воде так легко, словно это была ее вторая кожа.

Однажды, помнила она, — не было ничего удивительного в том, что это воспоминание сохранилось, — сам принц присоединился к ним, когда они шли мимо дворца. Отпустив свою свиту, Валентин пошел вместе с ними в бухту, разделся и нырнул в море рядом с ее отцом. Он уплыл далеко в море и плыл еще долго после того, как Саэвар повернул обратно, уходя из-под защиты берегов бухты, среди белых барашков волн. Затем он повернул назад и приплыл к ним, улыбка у него была ясная, как у бога, тело стройное и крепкое, капельки воды сверкали в золотистой бороде.

Он был лучшим пловцом, чем отец, Дианора сразу же поня-

ла это, хотя и была совсем ребенком. И еще она поняла каким-то образом, что это не имело особого значения. Он был принцем, ему полагалось быть лучше во всем.

Ее отец оставался самым чудесным человеком на свете, и ничто из того, чему можно научиться, не могло это изменить.

И ничто не изменило, думала она теперь в сейшане, медленно качая головой, словно стараясь освободиться от липкой паутины воспоминаний. Ничто не изменило. Хотя Брандин в другом, лучшем мире, в его воображаемом Финавире, возможно...

Она потерла глаза, потом снова покачала головой, все еще стараясь проснуться. Внезапно она подумала, видели ли эти двое, ее отец и король Играта, друг друга, смотрели ли друг другу в глаза в тот страшный день у Дейзы.

От этой мысли стало так больно, что она чуть не расплакалась. Но это никуда не годилось. Только не сегодня. Никто, даже Шелто — и особенно Шелто, который слишком хорошо ее знал, — не должен был в течение следующих нескольких часов видеть в ней ничего, кроме спокойной гордости и уверенности в успехе.

Следующие несколько часов. Последние несколько часов.

Часов, которые приведут ее на берег моря, а потом вниз, в темные, зеленые воды, которые она видела в пруду ризелки. Приведут ее туда, где наконец ее путь стал ясен, а затем подошел к концу.

Все разворачивалось так прямо и просто, начиная с того момента, когда она стояла у пруда в Королевском саду и видела в нем себя среди толпы людей в гавани, а потом себя одну под водой, и ее тянуло к смутной фигуре в темноте, которая больше не внушала детского ужаса, а наконец-то сулила освобождение.

В тот же день в библиотеке Брандин сообщил ей, что отказывается от Играта в пользу Джиралда, но Доротея, его жена, должна будет умереть в наказание за то, что она сделала. Его жизнь протекает на глазах у всего света, сказал он. Даже если бы он захотел пощадить ее, у него, в сущности, нет выбора.

Он не хочет ее щадить, сказал Брандин.

Затем он заговорил о том, что еще пришло ему в голову во время прогулки верхом в то утро, в предрассветном тумане острова: образ Королевства Западная Ладонь. Он собирается воплотить этот образ в жизнь, сказал он. Ради самого Играта и ра-

ди людей, живущих здесь, в провинциях. И ради собственной души. И ради нее.

Только тем игратянам, которые пожелают добровольно стать гражданами четырех объединенных провинций, будет позволено остаться, сказал он; все остальные могут плыть домой, к Джиралду.

Он останется. Не только ради Стивана и возникшего в его сердце плана мести за гибель сына, хотя это все останется по-прежнему, это нерушимо, но чтобы построить здесь объединенное государство, лучшую страну, чем была у него прежде.

«Это все останется по-прежнему, это нерушимо».

Дианора слушала его и чувствовала, как у нее из глаз полились слезы; она подошла к сидящему у камина Брандину и положила голову к нему на колени. Брандин обнял ее, перебирая пальцами ее черные волосы.

Ему нужна королева, сказал он.

Голосом, которого она никогда не слышала; голосом, о котором мечтала так долго. Он теперь хочет иметь сыновей и дочерей здесь, на Ладони, сказал Брандин. Начать все сначала, построить жизнь заново на фундаменте боли от потери Стивана, чтобы нечто яркое и прекрасное могло возродиться из всех лет печали.

А потом он заговорил о любви. Нежно пропуская пряди ее волос сквозь пальцы, он говорил о любви к ней. О том, как эта истина наконец-то открылась в его сердце. Прежде она думала, что гораздо вероятнее схватить и удержать луны, чем когда-либо услышать от него такие слова.

Она плакала и не могла остановиться, так как в его словах все собралось вместе, она даже видела, как это собирается вместе, и такая ясность и предвидение были слишком большим бременем для души смертного. Для ее смертной души. Это было вино Триады, и на дне чаши оставалось слишком много горькой печали. Но она видела ризелку, она знала, что им предстоит, куда теперь ведет их путь. В какой-то момент, всего из нескольких ударов сердца, она спросила себя, что бы произошло, если бы он прошептал ей те же слова прошлой ночью, вместо того чтобы покинуть одну у костров воспоминаний. И эта мысль причинила ей такую боль, как ничто другое в жизни.

«Откажись! — хотелось ей сказать, хотелось так сильно, что она прикусила губы, чтобы удержать слова. — О любовь моя, откажись от этого заклятия. Позволь Тигане вернуться, и вернется вся радость мира».

Но она ничего не сказала. Знала, что не может этого сделать, и знала, потому что она уже не была ребенком, что милость так легко не даруется. Это невозможно, после всех этих лет, в течение которых Стиван и Тигана так переплелись и так глубоко внедрились в боль самого Брандина. После всего, что он уже сделал с ее родным домом. Невозможно в том мире, в котором они живут.

И кроме того, и прежде всего, была еще ризелка, и ее ясный путь, раскрывающийся перед ней с каждым словом, произнесенным у огня. Дианоре казалось, что она знает все, что будет сказано, все, что за этим последует. И каждое пролетающее мгновение уносило их — она видела это, как некое мерцание воздуха в комнате, — к морю.

Почти треть игратян осталась. Больше, чем он рассчитывал, сказал ей Брандин, когда они стояли на балконе над гаванью две недели спустя и смотрели, как отплывает его флотилия домой, туда, где прежде был его дом. Теперь он находился в ссылке, по собственной воле, больше в ссылке, чем когда-либо раньше.

В тот же день позже он сказал ей, что Доротея умерла. Она не спросила, как или откуда он узнал. Она по-прежнему не хотела ничего знать о его магии.

Но вскоре после этого пришли плохие вести. Барбадиоры начали двигаться на север, по направлению к Феррату и через него, все три роты явно направлялись к границе Сенцио. Дианора видела, что он этого не ожидал. Не ожидал так скоро. Это было слишком не похоже на осторожного Альберико — делать столь решительные шаги.

— Там что-то произошло. Что-то его подталкивает, — сказал Брандин. — И я бы хотел знать, что именно.

Теперь он стал слабым и уязвимым, вот в чем проблема. Ему необходимо время, все они это понимали. После ухода большей части армии Играта Брандину необходимо было получить возможность создать новую структуру власти в западных провинциях. Превратить первую головокружительную эйфорию после его заявлений в узы и обязательства, из которых выковывается истинное Королевство. Это позволило бы ему создать армию, которая сражалась бы за него, из покоренных людей, еще недавно так жестоко угнетаемых.

Ему крайне необходимо было время, а Альберико ему этого времени не дал.

— Вы могли бы послать нас, — предложил однажды утром канцлер д'Эймон, когда размеры кризиса начали вырисовываться. — Послать игратян, которые остались, и разместить корабли вдоль побережья Сенцио. Вот увидите, это задержит Альберико на какое-то время.

Канцлер остался с ними. Никто и не сомневался, что он останется. Дианора знала, что, несмотря на испытанный им шок — он еще долго после заявления Брандина выглядел постаревшим и больным, — глубокая преданность д'Эймона, его любовь, хотя он бы со смущением отверг это слово, были отданы человеку, которому он служил, а не стране. В те дни, когда ее саму раздирали противоречивые чувства, она завидовала простоте выбора д'Эймона.

Но Брандин наотрез отказался последовать его совету. Она помнила его лицо, когда он объяснял им причину, подняв взгляд от карты и рассыпанных по столу листков с цифрами. Они втроем собрались вокруг стола в гостиной рядом со спальней короля. Четвертым был беспокойный, озабоченный Рун, сидящий на диване в дальнем конце комнаты. У Короля Западной Ладони все еще был его шут, хотя короля Играта теперь звали Джиралд.

— Я не могу заставить их сражаться в одиночку, — тихо сказал Брандин. — Взвалить на них полностью бремя защиты тех людей, которых я только сделал равными им. Это не может быть войной игратян. Во-первых, их мало, и мы проиграем. Но дело не только в этом. Если мы пошлем армию или флот, они должны состоять из людей всех провинций, или этому Королевству придет конец еще до того, как я начал его создавать.

Д'Эймон встал из-за стола, возбужденный, заметно встревоженный.

— Тогда я вынужден повторить то, что уже говорил: это безумие. Следует вернуться домой и разобраться с тем, что произошло в Играте. Вы нужны им там.

— Не очень, д'Эймон. Не буду себе льстить. Джиралд правит Играто уже двадцать лет.

— Джиралд — предатель, и его следовало казнить как предателя, вместе с матерью.

Брандин посмотрел на него внезапно ставшими холодными серыми глазами.

— Зачем возвращаться к этому спору? Д'Эймон, я нахожусь здесь по определенной причине, и тебе она известна. Я не могу отказаться от мести: это подорвет самую основу моей личности. — Выражение его лица изменилось. — Никто не обязан оставаться со мной, но я привязал себя к этому полуострову любовью, и горем, и моим собственным характером, и эти три вещи будут держать меня здесь.

— Леди Дианора могла бы поехать с нами! После смерти Дороте вам понадобится королева в Играте, и она была бы...

— Д'Эймон! Достаточно. — Его тон решительно прекращал дискуссию.

Но канцлер был мужественным человеком.

— Милорд, — настаивал он с мрачным лицом, голос его звучал тихо и напряженно. — Если я не могу говорить об этом, и вы не хотите послать наш флот на встречу с Барбадиором, то я не знаю, что вам посоветовать. Провинции пока не пойдут сражаться за вас, мы это знаем. Им необходимо время, чтобы поверить в то, что вы — один из них.

— А у меня нет времени, — ответил Брандин со спокойствием, кажущимся неестественным после острого напряжения их спора. — Поэтому я должен сделать это немедленно. Дай мне совет, как это сделать, канцлер. Как мне им это показать? Прямо сейчас. Как заставить их поверить, что я действительно привязан к Ладони?

Вот так они подошли к этому, и Дианора поняла, что ее час наконец настал.

«Я не могу отказаться от мести: это подорвет самую основу моей личности». Она никогда не питала никаких иллюзорных надежд на то, что он по доброй воле снимет свое заклятие. Она слишком хорошо знала Брандина. Он не из тех, кто отступает или меняет свои решения. В чем бы то ни было. В этом его суть. В любви и ненависти, в определяющей его характер гордости.

Дианора встала. В ее ушах зазвучал прежний шелест волн, и если бы она закрыла глаза, то, несомненно, увидела бы тропу, уходящую вдаль, прямую и ясную, как лунная дорожка на море, ярко блестящую перед ней. Все вело ее туда, всех их вело. Он уязвим, беззащитен, но он никогда не повернет назад.

Когда она встала, в ее сердце расцвел образ Тиганы. Даже здесь, даже сейчас, образ ее родины. В глубине пруда ризелки было много людей, собравшихся под знаменами всех провинций, пока она спускалась вниз, к морю.

Она аккуратно положила ладони на спинку стула и посмотрела туда, где он сидел. В его бороде виднелась седина, и казалось, ее становилось все больше каждый раз, когда она ее замечала, но глаза оставались такими же, как всегда, и в них не было

ни страха, ни сомнения, когда он ответил ей взглядом. Она глубоко вдохнула воздух и произнесла слова, которые как будто давно уже были ей подсказаны, слова, которые лишь ждали наступления этого момента.

— Я сделаю это для тебя, — сказала она. — Я заставлю их поверить тебе. Я совершу Прыжок за Кольцом Великих герцогов Кьяры, как это происходило перед войной. Ты вступишь в брак с морями полуострова, я свяжу тебя с Ладонью и с удачей в глазах всех людей, когда достану для тебя из морской глубины кольцо.

Она смотрела на него своими темными, ясными и спокойными глазами, произнеся наконец после стольких лет слова, что вывели ее на последнюю дорогу, что вывели на эту дорогу их всех, живых и мертвых, названных и забытых. Потому что, любя его всем своим разорвавшимся надвое сердцем, она солгала.

Дианора допила свой кав и встала с постели. Шелто раздвинул шторы, и она могла видеть темное море, освещенное первыми лучами восходящего солнца. Небо над головой было ясным, и едва виднелись знамена над гаванью, лениво колышущиеся на предрассветном ветерке. Там уже собралась огромная толпа задолго до начала церемонии. Множество людей провели ночь на площади в гавани, чтобы захватить место поближе к молу и увидеть, как она нырнет. Ей показалось, что один человек, крохотная фигурка на таком расстоянии, поднял руку и показал на ее окно, и она быстро шагнула назад.

Шелто уже выложил одежду, которую ей предстояло надеть, ритуальную одежду. Темно-зеленую, для спуска к воде: верхнее платье и сандалии, сеточку, куда будут убраны волосы, и шелковую нижнюю тунику, в которой она будет нырять. Потом, когда она вернется из моря, ее будет ждать другое платье, белое, богато расшитое золотом. На тот момент она должна стать невестой, вышедшей из моря, с золотым кольцом в руке для короля.

После того, как она вернется. Если она вернется.

Ее просто изумляло собственное спокойствие. Ей облегчало дело то, что она не виделась с Брандином с утра вчерашнего дня, как предписывалось обычаем. И еще то, какими четкими казались все образы, как плавно они привели ее сюда, словно она ничего не выбирала и ничего не решала, только следовала по пути, определенному где-то в другом месте и давным-давно.

Облегчало, наконец, то, что она поняла и приняла в глубине

души с уверенностью: она рождена в таком мире, в котором ей не суждена цельность.

Никогда. Это не Финавир и ни одно из подобных ему сказочных мест. Это единственная жизнь, единственный мир, который ей доступен. И в этой жизни Брандин Игратский пришел на этот полуостров, чтобы создать королевство для своего сына, а Валентин ди Тигана убил Стивана, принца Игратского. Это произошло, и ничего нельзя изменить.

И из-за этой смерти Брандин обрушился на Тигану и ее народ и вырвал их из известного прошлого и из еще не открытых страниц будущего. И остался здесь, чтобы это навсегда стало правдой — чистой и абсолютной — ради мести за сына. Это произошло тогда и происходило сейчас, и это необходимо было изменить.

Поэтому Дианора пришла сюда убить его. От имени своего отца и матери, от имени Баэрда, своего собственного, всех погибших и погубленных людей ее родины. Но на Кьяре она открыла, с горем, и болью, и радостью, что острова действительно представляют собой отдельный мир, что здесь все меняется. Она давно уже поняла, что любит его. А теперь, с радостью, болью и изумлением, она узнала, что и он ее любит. Это все произошло, а она пыталась это изменить и потерпела неудачу.

Ей не была суждена жизнь цельного человека. Теперь она это ясно видела, и в этой ясности, в окончательном прозрении Дианора нашла источник своего спокойствия.

Ей, Дианоре ди Тигана брен Саэвар, дочери скульптора; черноволосой и темноглазой девочке, долговязой и некрасивой в юности, серьезной и мрачной, но изредка остроумной и нежной, суждено изменить мир.

Она не стала есть, хотя и позволила себе выпить кав — последняя уступка долголетней привычке. Она не считала, что это нарушает какие-то обычаи. И еще знала, что это, в сущности, не имеет значения. Шелто помог ей одеться, а потом молча, старательно собрал и заколол ее волосы, убрав их под темно-зеленую сеточку, которая не даст им падать на глаза, когда она нырнет.

Когда он закончил, Дианора встала и позволила ему, как всегда перед выходом на публику, внимательно осмотреть себя. Солнце уже встало; его свет заливал комнату сквозь раздвинутые шторы. В отдалении слышался нарастающий шум из гавани. Наверное, толпа уже стала очень большой, подумала она; но не подошла к окну, чтобы посмотреть. Она и так очень скоро их

увидит. В постоянном ропоте толпы слышалось предвкушение, свидетельствовавшее яснее всего остального о ставках, которые разыгрывались в это утро.

Полуостров. Два разных доминиона на нем, если до этого дойдет. Возможно, даже сама Империя Барбадиор, чей император болен и умирает, как всем известно. И еще одно, последнее: Тигана. Последняя, тайная монета, лежащая на игровом столе, спрятанная под картой, брошенной на стол во имя любви.

— Сойдет? — спросила она Шелто, намеренно небрежным тоном.

Он не подхватил ее тона.

— Вы меня пугаете, — тихо сказал он. — У вас такой вид, словно вы уже не принадлежите целиком к этому миру. Словно вы уже оставили всех нас.

Просто поразительно, как он умел читать ее мысли. Было больно, что приходится его обманывать, что его не будет рядом в эти последние мгновения, но он ничего не смог бы сделать. Незачем причинять ему горе, и это рискованно.

— Я вовсе не уверена, что это мне льстит, — ответила она, по-прежнему легкомысленным тоном, — но я попытаюсь принять твои слова за лесть.

Он упорно не улыбался.

— Мне кажется, вы знаете, как мне все это не нравится.

— Шелто, вся армия Альберико будет через две недели на границе Сенцио. У Брандина нет выбора. Если они войдут в Сенцио, то не остановятся там. Это его самый лучший шанс, вероятно, последний шанс, успеть связать себя с Ладонью. Ты все это знаешь. — Она заставила себя говорить немного сердито.

Это было так, все это было так. Но ничто из этого не было правдой. В это утро правдой была ризелка, она и сны, которые Дианора видела в одиночестве сейшана все эти годы.

— Я знаю, — сказал Шелто, явно огорченный. — Конечно, я знаю. И мои мысли совсем ничего не значат. Просто...

— Пожалуйста! — сказала Дианора, чтобы остановить его раньше, чем он заставит ее расплакаться. — Я не могу обсуждать это с тобой сейчас, Шелто. Нам пора? — «Ох, дорогой мой, — думала она. — Ох, Шелто, ты меня еще погубишь».

Он замолчал и отпрянул после ее отповеди. Она увидела, как он с трудом глотнул и опустил глаза. Через секунду он снова поднял взгляд.

— Простите меня, госпожа, — прошептал он. Он шагнул

вперед и неожиданно взял ее руки и прижал к своим губам. — Я говорю только ради вас. Я боюсь. Простите, пожалуйста.

— Конечно, — ответила она. — Конечно. Мне совершенно не за что тебя прощать, Шелто. — Она крепко сжала его пальцы.

Но в глубине души она прощалась с ним, понимая, что не должна плакать. Она посмотрела в его честное, любящее лицо, лицо самого верного друга, который был рядом с ней столько лет, единственного настоящего друга после детства, и надеялась вопреки всякой надежде, что в следующие дни он будет помнить, как она сжимала его руки, а не ее небрежные, неласковые слова.

— Пойдем, — снова сказала она и отвернулась от него, чтобы начать долгий путь по дворцу в утро за его стенами, а потом вниз, к морю.

Прыжок за Кольцом Великих герцогов Кьяры был самым эффектным обрядом светской власти на полуострове Ладонь. С самого начала своего правления на острове правители Кьяры понимали, что их власть обеспечивается окружающей их водой и подчиняется ей. Море их охраняло и кормило. Оно давало их кораблям — всегда самой крупной армаде на полуострове — доступ к торговле и к пиратству, оно окутывало их и замыкало в особом мире посреди остального мира. Неудивительно, как говорили сказители, неудивительно, что именно на этом острове сошлись Эанна и Адаон, чтобы дать жизнь Мориан и завершить Триаду.

Мир внутри мира, окруженный морем.

Говорили, что самый первый из Великих герцогов Кьяры положил начало церемонии, получившей название Прыжок за Кольцом. В те далекие дни она была другой. Во-первых, тогда еще никто не нырял в море, только бросали в него кольцо, как дар. То была попытка умилостивить море и выразить ему признательность в те дни, когда мир поворачивался лицом к солнцу, и сезон судоходства начинался всерьез.

Затем, много времени спустя, как-то весной какая-то женщина нырнула за кольцом, брошенным тогдашним Великим герцогом в море. Некоторые потом говорили, что она обезумела от любви или религиозного рвения, другие — что она всего лишь была хитрой и честолюбивой.

В любом случае она вынырнула на поверхность из вод гавани с ярко блестящим кольцом в руке.

И когда потрясенная толпа, собравшаяся посмотреть, как Великий герцог обручится с морем, закричала и закипела в диком смятении, Верховный жрец Мориан на Кьяре внезапно громко выкрикнул слова, которые запомнятся на все грядущие годы:

— Смотрите и узрите! Узрите, как океаны принимают Великого герцога в мужья. Как они отдают ему кольцо в качестве дара невесты ее возлюбленному!

И Верховный жрец прошел к самому краю мола, подошел к герцогу, опустился на колени, помог женщине выйти из моря и таким образом привел в движение все то, что за этим последовало. Великий герцог Саронте только что взошел на престол и еще не был женат. Летиция, пришедшая в город с какой-то фермы в дистраде и совершившая этот беспрецедентный поступок, была светловолосой, миловидной и совсем молоденькой. Их руки, не сходя с этого места, над водой, соединил Мелидар, Верховный жрец Мориан, и Саронте надел морское кольцо на палец Летиции.

Их поженили в день летнего солнцестояния. В ту осень была война против Азоли и Астибара, и молодой Саронте ди Кьяра одержал блестящую победу в морском бою в проливе Корте, к югу от острова. Победу, годовщину которой все еще отмечали на Кьяре. И с этого времени новый ритуал Прыжка за Кольцом хранили, чтобы прибегать к нему в критические для Кьяры моменты.

Через тридцать лет, к концу долгого правления Саронте, во время одного из постоянно возникающих споров за старшинство между жречеством Триады, только что помазанный на должность Верховный жрец Эанны во всеуслышание заявил, что Летиция была близкой родственницей Мелидара, жреца Мориан, который достал ее из воды и обручил с герцогом. Жрец Эанны предложил обитателям острова сделать собственные выводы по поводу козней жрецов Мориан и их вечного стремления к превосходству и власти.

В течение нескольких месяцев после этого разоблачения произошел ряд стычек, и весьма неприятных, между слугами Триады, но ни одно из этих возмущений не затронуло сияющую святость самого ритуала. Эта церемония захватила воображение народа. Она затрагивала глубокие, потаенные струны то ли жертвенности, то ли верности, то ли любви, то ли чувства опасности, то ли, в конце концов, некой таинственной, прочной связи с морскими водами.

Итак, ритуал Прыжка за Кольцом Великих герцогов существовал еще долго после того, как эти враждующие жрецы Триады ушли в места отдохновения, а их имена если кто-то и помнил, то лишь благодаря роли, которую они сыграли в истории Прыжка.

Окончательно же положила конец этой церемонии в гораздо более поздние времена гибель Онестры, жены Великого герцога Казала, двести пятьдесят лет назад.

Это гибель вовсе не была первой: женщинам, которые вызывались нырять ради Великого герцога, всегда давали ясно понять, что их жизни стоят неизмеримо меньше, чем кольцо, которое они хотели достать со дна моря. Вернуться без кольца означало быть высланной с острова на всю оставшуюся жизнь, обрести печальную известность и подвергаться насмешкам всего полуострова. Церемония повторялась с участием другой женщины, с другим кольцом, пока одно из брошенных в воду колец не находилось.

Напротив, женщину, которая приносила кольцо обратно к молу, объявляли приносящей удачу Кьяре, и она была обеспечена до конца жизни. Богатство и почет, брак со знатным человеком. Не одна из них родила своему Великому герцогу ребенка. Двое повторили судьбу Летиции и стали супругами правителей. Девушки из неперспективных семей не возражали против того, чтобы рискнуть жизнью ради такого сверкающего, невероятного будущего.

С Онестрой ди Кьярой все было иначе, потому что из-за нее и после нее все изменилось.

Прекрасная, как легенда, и столь же гордая, молодая жена Великого герцога Казала настояла на том, чтобы самой совершить Прыжок за Кольцом, не желая доверить столь блестящую церемонию какой-нибудь дурно воспитанной девице из дистрады накануне опасной войны. Она была, это подтверждали все летописцы тех лет, самым прекрасным из всех созданий в этом мире, когда спускалась к морю в темно-зеленых ритуальных одеждах.

Когда она всплыла, без признаков жизни, на поверхность воды на некотором расстоянии от берега, на виду у всей волнующейся толпы, герцог Казал закричал, как женщина, и потерял сознание.

После этого начались такие беспорядки и адский переполох, равных которым не видели на острове ни до, ни после. В одном уединенном храме Адаона на северном берегу все жрицы покончили с собой, когда одна из них принесла туда эту весть.

Надвигается гнев бога, так было истолковано это предзнаменование, и Кьяра чуть не задохнулась от страха.

Герцог Казал, безрассудно храбрый и отчаявшийся, погиб в то же лето в битве против объединенной армии Корте и Феррата, после чего Кьяра пережила еще два поколения заката и снова набрала силу лишь после ожесточенной, разрушительной войны между бывшими союзниками, ранее покорившими ее. Подобный процесс, конечно, едва ли стоил упоминания. Так обстояли дела на Ладони всегда, с самого появления письменности.

Но ни одна женщина не ныряла за кольцом с тех пор, как погибла Онестра.

Это слишком рискованно, заявляли следующие Великие герцоги один за другим. Они находили способы сохранить безопасность острова, окруженного со всех сторон морем, без помощи этой сильнодействующей церемонии.

Когда игратянский флот девятнадцать лет назад показался на горизонте, последний Великий герцог Кьяры покончил с собой на ступенях храма Эанны, и поэтому в тот год некому было бросить кольцо в море, даже если бы нашлась женщина, желающая нырнуть за ним, в поисках заступничества Мориан и бога.

В сейшане стояла сверхъестественная тишина, когда Дианора с Шелто вышли из покоев. Обычно в этот час в коридорах шумели и сновали кастраты, плыл аромат духов и сверкали разноцветные одежды женщин, лениво идущих к баням или на утреннюю трапезу. Сегодня все было иначе. В коридорах пустынно и тихо, не считая их собственных шагов. Дианора подавила дрожь, так странно выглядел опустевший, полный отраженных звуков сейшан.

Они прошли мимо входа в бани, затем мимо входа в трапезную. Везде было тихо и пусто. Они свернули за угол к лестнице, ведущей вниз, к выходу из женского крыла, и там Дианора увидела, что один человек, по крайней мере, остался и ждал их.

— Дай мне взглянуть на тебя, — произнес, как всегда, Венчель. — Я должен дать свое одобрение, перед тем как ты спустишься вниз.

Глава сейшана, как обычно, раскинулся среди разноцветных подушек своей платформы на колесах. Дианора едва улыбнулась, увидев его огромную тушу и услышав знакомые слова.

— Конечно, — ответила она и медленно повернулась перед ним вокруг своей оси.

— Приемлемо, — наконец произнес он. Обычное суждение, хотя она еще никогда не слышала, чтобы его высокий, ясный голос звучал так приглушенно. — Но может быть... может быть, ты хочешь надеть тот горностаевый камень из Карду? На счастье? Я захватил его для тебя из сокровищницы сейшана.

Почти робко Венчель протянул широкую мягкую ладонь, и она увидела на ней красный драгоценный камень, который надевала в тот день, когда Изола Игратская пыталась убить короля.

Она уже хотела отказаться, но вспомнила, что Шелто купил его ей в тот день, как особый подарок, как раз когда она одевалась, готовясь спуститься вниз. Вспомнив это, растроганная жестом Венчеля, она ответила:

— Спасибо. С удовольствием. — Она заколебалась. — Не поможете ли надеть его?

Он улыбнулся, почти застенчиво. Она опустилась перед ним на колени, и огромный глава сейшана своими ловкими и нежными пальцами застегнул замочек цепочки у нее на шее. Стоя на коленях так близко от него, она была оглушена ароматом духов из цветов тейн, которыми он всегда душился.

Венчель убрал руки и откинулся назад, чтобы взглянуть на нее. Его глаза на темном лице были непривычно мягкими.

— У нас, в Кардуне, тому, кто отправляется в путешествие, говорили: «Пусть найдет тебя там удача и приведет домой». Сегодня я желаю тебе того же. — Он спрятал свои ладони в пышных складках белого одеяния и посмотрел в сторону, вдоль пустого коридора.

— Спасибо, — снова сказала она, боясь сказать больше. Поднялась, бросила взгляд на Шелто; в его глазах стояли слезы. Он поспешно вытер их и прошел впереди нее к лестнице. На полдороге вниз она оглянулась на Венчеля, на почти не по-человечески необъятную фигуру, закутанную в развевающиеся белые одежды. Он смотрел им вслед без всякого выражения, сидя среди ярких, разноцветных подушек, экзотическое создание из совершенно иного мира, которое судьба случайно забросила сюда и оставила в сейшане Кьяры.

У подножия лестницы она увидела, что двери не заперты на засов. Шелто не придется стучать. Сегодня не придется. Он толчком распахнул двери и отступил в сторону, пропуская ее вперед. В длинном коридоре ее ждали жрицы Адаона и жрецы Мориан. Она видела в их глазах почти откровенное торжество, блеск ожидания.

Раздался всеобщий вздох, когда она вышла из дверей в зеле-

ных ритуальных одеждах, с уложенными сзади волосами, которые придерживала сеточка цвета зеленого моря.

Этот обряд не совершали в течение двухсот пятидесяти лет...

Обученные владеть собой, жрецы быстро замолчали. И в молчании расступились перед ней, чтобы потом пойти сзади правильными красными и дымчато-серыми рядами.

Дианора знала, что они заставят Шелто идти позади. Он не должен принимать участие в ритуальной процессии. Она подумала о том, что не попрощалась с ним как следует. Ей не суждена была в жизни цельность.

Они пошли на запад по коридору, к парадной лестнице. На верхней площадке Дианора задержалась и посмотрела вниз, и только тут поняла, почему в сейшане было так тихо. Все женщины и кастраты собрались внизу. Им позволили выйти из дворца, позволили отойти так далеко, чтобы увидеть, как она пройдет мимо. Очень высоко подняв голову и не глядя ни направо, ни налево, она шагнула на первую ступеньку и начала спускаться. Она уже не она, думала Дианора. Уже не Дианора или не только Дианора. С каждым следующим шагом она все дальше уходила в легенду, сливалась с ней.

А затем, у подножия лестницы, когда она ступила на мозаичные плиты пола, она увидела, кто ждет ее внизу, у выхода из дворца, чтобы сопровождать дальше, и сердце у нее почти перестало биться.

Там стояла группа людей. Одним из них был д'Эймон, и еще Раманус, который остался на Ладони — она никогда и не сомневалась, что он так поступит, — и был назначен Брандином Первым лордом флота. Рядом стоял Доарде, поэт, представитель народа Кьяры. Она ожидала его присутствия. Эта мудрая идея принадлежала д'Эймону: участие поэта с острова может послужить противовесом преступлению и смерти другого поэта. Рядом с Доарде стоял плотный, с умным лицом человек в одежде из коричневого бархата, обвешанный целым состоянием в золоте. Купец из Корте, и явно весьма процветающий, возможно, один из тех стервятников, которые нажили состояние на руинах Тиганы двадцать лет назад. За ним стоял худой, одетый в серое жрец Мориан, явно прибывший из Азоли. Она могла определить это по его облику, коренные жители Азоли все выглядели так серенько.

Последний из ожидавших ее внизу был из Нижнего Корте, и Дианора его знала. Человек из ее собственных легенд, из мифов и надежд, которые до сих пор поддерживали в ней жизнь.

И от его присутствия здесь кровь чуть было не застыла у нее в жилах.

Весь в белом, разумеется, величественный, каким она его помнила с тех пор, когда была еще девочкой, с массивным жезлом в руке, всегда являвшимся его отличительным признаком, возвышаясь над всеми остальными, стоял Данолеон, Верховный жрец Эанны в Тигане.

Человек, который увез принца Алессана на юг. Так сказал ей Баэрд в ту ночь, когда увидел свою ризелку и ушел вслед за ними.

Она его знала, все знали Данолеона, его внушительную фигуру, широкие шаги и раскаты густого, великолепного голоса во время службы в храме. Пока Дианора приближалась к двери, ее на мгновение охватила дикая паника, но потом она сурово одернула себя. Он никак не мог узнать ее. Он никогда не видел ее ребенком. Да и почему он должен был ее видеть — девочку, дочь скульптора, иногда бывающего при дворе? А она изменилась, она с тех пор стала совершенно другой.

Но Дианора не могла оторвать от него глаз. Она знала, что д'Эймон собирается пригласить кого-нибудь из Нижнего Корте, но никак не ожидала, что это будет сам Данолеон. В те дни, когда она работала в «Королеве» в Стиванбурге, все знали, что Верховный жрец Эанны удалился от светской жизни в святилище богини в южных горах.

Теперь он покинул его и присутствует здесь, и, глядя на него, впитывая эту реальность, Дианора ощутила абсурдный, почти всепоглощающий прилив гордости от того, как он одним своим присутствием подавляет всех собравшихся здесь людей.

Это ради него и ради мужчин и женщин, подобных ему, ради тех, кто погиб, и тех, кто пока выжил на покоренной земле, Дианора собиралась совершить сегодня то, что она задумала. Его испытующий взгляд остановился на ней; они все так на нее смотрели, но именно под взглядом ясных голубых глаз Данолеона Дианора выпрямилась еще больше. Ей показалось, что позади всех них, за дверью, которую еще не открыли, она видит указанный ризелкой путь, который все ярче сияет перед ней.

Она остановилась, и они поклонились ей. Все шестеро мужчин выставили вперед прямую ногу и низко согнулись в поклоне, которого никто не видел несколько веков. Но это же была легенда, церемония, взывание ко многим силам, и Дианора почувствовала, что кажется им сейчас некой священной фигурой с тканых свитков далекой древности.

— Миледи, — торжественно произнес д'Эймон, — если позволите, мы будем вас сопровождать и отведем к королю Западной Ладони.

Осторожно сказано и четко, так как все их слова должны запомнить и повторять в будущем. Все должно сохраниться в памяти народа. Это одна из причин присутствия жрецов и поэта.

— С удовольствием, — просто ответила она. — Пойдемте. — Больше она ничего не сказала; ее собственные слова не имели особого значения. Сегодня должны запомнить не слова ее, а дела.

Она все еще не могла отвести глаз от Данолеона. Он был первым человеком из Тиганы, осознала Дианора, которого она видела с тех пор, как приехала на остров. На душе у нее стало светлее оттого, что Эанна, чьими детьми все они были, позволила ей увидеть этого человека перед тем, как она прыгнет в море.

Д'Эймон кивком отдал распоряжение. Массивные бронзовые двери медленно распахнулись, и стало видно огромную толпу, собравшуюся между дворцом и молом. Она увидела людей, заполнивших всю площадь до самых дальних уголков гавани и даже палубы стоящих на якоре кораблей. Постоянный ропот, который слышен был все утро, вырос до мощного форте, когда распахнулись двери, а затем резко смолк, когда толпа ее увидела. Мертвая, полная напряжения тишина, казалось, воцарилась на всей Кьяре под голубым куполом неба. И в эту тишину вступила Дианора. И тогда, когда они вышли на яркий солнечный свет и пошли по проходу, по сияющей дороге среди расступившейся толпы, она увидела Брандина, ожидающего ее у моря. Он был одет как солдат, с непокрытой головой, освещенный лучами весеннего солнца.

Что-то в ней больно повернулось при виде него, будто нож в ране. «Это скоро кончится, — сказала она себе спокойно. — Еще совсем немного. Очень скоро все кончится».

Затем пошла вперед, к нему, ступая как королева, стройная, высокая и гордая, одетая в цвета темно-зеленого моря, с кроваво-красным драгоценным камнем на шее. Она знала, что любит его, и знала, что страна ее погибнет, если его не прогнать или не убить, и всем своим существом оплакивала ту простую истину, что у ее отца и матери много лет назад родилась дочь.

* * *

Человеку такого маленького роста безнадежно было пытаться что-то увидеть с самой площади в гавани. Даже палуба корабля, который доставил их сюда из Корте, была переполнена людьми,

заплатившими капитану за шанс увидеть Прыжок с этой выгодной точки. Дэвин пробрался к главной мачте и вскарабкался на нее, присоединившись к еще десятку мужчин, цепляющихся за снасти высоко над морем. У ловкости есть свои преимущества.

Эрлейн находился где-то внизу, среди толпы на палубе. Он все еще пребывал в ужасе, после трех проведенных здесь дней, от вынужденной близости к чародею из Играта. Одно дело, сердито сказал он, скрываться от Охотников на юге, и совсем другое — если приходится приближаться к чародею.

Алессан стоял где-то в толпе на площади. Дэвин один раз заметил его, когда он пробирался к молу, но теперь потерял его из виду. Данолеон находился в самом дворце, представляя на церемонии Нижний Корте. Ирония этого факта почти подавляла Дэвина, когда он разрешал себе задумываться. Он старался этого не делать, потому что ему становилось страшно за них всех.

Но Алессан высказался очень решительно, когда Верховному жрецу доставили составленное в учтивых выражениях приглашение приехать на юг и присоединиться к людям из трех других провинций в качестве официального свидетеля Прыжка за Кольцом.

— Разумеется, вы поедете, — сказал тогда принц, словно это было самым естественным поступком на свете. — И мы все тоже там будем. Мне необходимо оценить положение дел на Кьяре после произошедших перемен.

— Вы совсем спятили? — ахнул Эрлейн, не пытаясь скрыть изумление.

Алессан только рассмеялся в ответ, хотя и невесело. Его стало невозможно понять с тех пор, как умерла его мать. Дэвин чувствовал себя совершенно не способным пробиться к нему, навести мосты. Несколько раз после смерти Паситеи он ловил себя на том, что ему отчаянно хочется, чтобы Баэрд был с ними.

— А что насчет Саванди? — спросил Эрлейн. — Не может ли это быть ловушкой для Данолеона? Или даже для вас?

Алессан покачал головой.

— Вряд ли. Ты сам сказал, что он не успел послать сообщение. И вполне правдоподобно объяснение, будто его убили разбойники в окрестностях святилища, как устроил Торре. У короля Западной Ладони сейчас более важные заботы, чем один из мелких шпионов. Это меня не волнует, Эрлейн, но все же спасибо за сочувствие. — Он улыбнулся холодной улыбкой. Эрлейн нахмурился и отошел.

— А что тебя волнует? — спросил Дэвин тогда у принца.

Но Алессан ничего не ответил.

Высоко над палубой «Сокола» Дэвин ждал вместе с остальными, когда распахнутся двери дворца, и пытался унять биение сердца. Но это было трудно: возбуждение и радостное ожидание, которые в течение трех дней нарастали на острове, перешли все границы и стали почти ощутимыми, когда вышел сам Брандин и спокойно пошел вниз, к молу, с небольшой свитой, в которую входил один сгорбленный, лысеющий старик, одетый точно так же, как король.

— Шут Брандина, — объяснил висящий на снастях рядом с ним человек из Корте в ответ на вопрос Дэвина. — Что-то связанное с магией, как положено у них в Играте. Лучше нам этого не знать, — буркнул он.

Дэвин впервые смотрел на человека, который уничтожил Тигану, и пытался представить себе, что было бы, если бы у него сейчас оказался в руках лук и он бы стрелял так же искусно, как Алессан или Баэрд. Расстояние для стрельбы было большое, но не невозможное, вниз, через водное пространство, в одинокого, одетого в черное бородатого человека, стоящего у моря.

Рисуя себе полет этой стрелы в лучах утреннего солнца, он вспомнил другой разговор с Алессаном, у борта «Сокола» в ту ночь, когда они приплыли на Кьяру.

— Какой поворот событий был бы для нас желательным? — спросил тогда Дэвин.

Как раз перед их отплытием до пролива Корте дошли слухи, что большую часть Второй роты барбадиорских наемников Альберико теперь отвели назад из приграничных фортов и городов Феррата и двинули вместе с другими войсками в сторону Сенцио. При этом известии лицо Алессана побледнело, и в серых глазах внезапно вспыхнул жесткий блеск.

Почти как у его матери, подумал Дэвин, но ему и в голову не пришло сказать это вслух.

Тогда на корабле Алессан быстро повернулся к нему, услышав этот вопрос, потом снова перевел взгляд на море. Было уже очень поздно, почти рассвело. Никто из них не мог спать. Обе луны стояли над головой, а вода сверкала и искрилась в их смешанном сиянии.

— Какой поворот событий был бы для нас желательным? — повторил Алессан. — Я не совсем уверен. Думаю, что знаю, но пока не уверен. Вот поэтому мы и плывем посмотреть на этот Прыжок.

Они прислушались к звукам, издаваемым кораблем в море ночью. Дэвин прочистил горло.

— А если она потерпит неудачу? — спросил он.

Алессан молчал так долго, что Дэвин уже решил, что тот не собирается отвечать. Потом он сказал очень тихо:

— Если женщина из Чертандо потерпит неудачу, то он пропал. Я в этом почти уверен.

Дэвин бросил на него быстрый взгляд.

— Ну, тогда это значит...

— Да, это значит многое. И одно — это то, что мы вернем себе имя. А другое — Альберико будет править Ладонью. Почти наверняка еще до конца года.

Дэвин пытался это осознать. «Если мы их уничтожим, то должны уничтожить обоих», — вспомнил он слова принца в охотничьем домике Сандрени, когда сам прятался на чердаке.

— А если ей удастся это сделать? — спросил он.

Алессан пожал плечами. В голубом и белом свете лун его профиль казался высеченным из мрамора, а не из плоти.

— Скажи мне сам. Сколько народа из провинций будет сражаться против Империи Барбадиор за короля, который вступил в брак с морями Ладони через женитьбу на морской невесте, родом с этого полуострова?

Дэвин задумался.

— Многие, — ответил он наконец. — Мне кажется, многие будут сражаться.

— Мне тоже так кажется, — согласился Алессан. — Тогда возникает следующий вопрос: кто победит? А следующий вопрос такой: можем ли мы как-нибудь повлиять на это?

— А мы можем?

Алессан взглянул на него и лукаво улыбнулся.

— Я всю жизнь прожил с верой в это. Очень скоро мы сможем проверить, так ли оно.

Тут Дэвин прекратил расспросы. От сияния двух лун было очень светло. Вскоре Алессан прикоснулся к его плечу и указал другой рукой вперед. Дэвин увидел высокую, темную массу земли, поднимающуюся вдали из моря.

— Кьяра, — сказал Алессан.

Вот так Дэвин впервые увидел этот остров.

— Ты тут уже бывал раньше? — тихо спросил он.

Алессан покачал головой, не отрывая глаз от темной горы на горизонте.

— Только во сне, — ответил он.

— Она идет! — закричал кто-то на верхней мачте корабля из Азоли, пришвартованного рядом с ними; этот крик был немедленно подхвачен и понесся от корабля к кораблю в гавани, превращаясь в нетерпеливый рев.

А затем стих, превратившись в сверхъестественную, леденящую тишину, когда массивные бронзовые двери дворца Кьяры широко распахнулись и в дверном проеме появилась женщина.

Даже когда она двинулась вперед, тишина продолжалась. Медленно шагая, она прошла среди заполнившей площадь толпы, почти, казалось, не заметив ее. Дэвин находился слишком далеко и не мог ясно разглядеть ее лицо, но неожиданно у него возникло впечатление красоты и благородства. Это церемония, сказал он себе; это только из-за того, где она находится. Он увидел позади нее Данолеона, который шагал среди других сопровождающих, выделяясь своим высоким ростом.

А затем, движимый каким-то инстинктом, он повернулся в сторону Брандина Игратского, стоящего на конце мола. Король находился к нему ближе и под выгодным углом. Он мог рассмотреть, как этот человек следит за приближением женщины. Его лицо было лишено какого бы то ни было выражения. Холодное как лед.

Он просчитывает ситуацию, подумал Дэвин. Прикидывает шансы. И все это использует — женщину, обряд, всех собравшихся здесь, охваченных страстями людей, — в чисто политических целях. Он понял, что презирает этого человека больше всего, и прежде всего ненавидит его за этот бесстрастный, бесчувственный взгляд, которым тот следит за приближением женщины, готовой рискнуть ради него жизнью. Пресвятая Триада, предполагалось, что он в нее влюблен!

Даже сгорбленный старик рядом с ним, как видел Дэвин, королевский шут, одетый точно так же, как Брандин, ломал руки, и на его лице ясно отражались тревога, волнение и озабоченность.

В отличие от него лицо короля Западной Ладони было застывшей, равнодушной маской. Дэвину даже расхотелось на него смотреть. Он снова повернулся к женщине, которая уже подошла гораздо ближе.

И теперь, так как она уже почти достигла края воды, он видел, что его первое впечатление было правильным, а его поспешное объяснение неверным: Дианора ди Чертандо, одетая в зеленые цвета моря для Прыжка за Кольцом, была самой красивой женщиной, какую он только видел в своей жизни.

«Какой поворот событий был бы для нас желательным?» — спросил он у Алессана три ночи назад, когда они плыли к острову.

Он все еще не знал ответа. Но он смотрел вниз, на женщину, которая уже подошла к морю, и его внезапно охватил страх и совершенно неожиданная жалость. Он крепко вцепился в канаты и стал смотреть со своего очень удобного места.

* * *

Дианора знала Брандина лучше, чем любой из живущих людей, это было ей необходимо, чтобы выжить, особенно вначале, чтобы говорить и делать правильные вещи в смертельно опасном месте. Затем, с течением лет, эта необходимость каким-то образом превратилась в нечто иное. В любовь, как ни больно, как ни горько было это признать. Она приехала сюда, чтобы убить, две змеи — ненависть и воспоминания — обвивали ее сердце. А вместо этого она в конце концов стала понимать его лучше, чем любой другой человек на свете, потому что никто на свете не значил для нее столько, сколько он.

И поэтому она чуть было не сломалась, когда, пройдя через скопище людей к молу, увидела, как яростно он сражается, стараясь не выдать своих чувств. Будто его душа пыталась найти выход в его взгляде, а он, рожденный властвовать, будучи тем, чем он был, ощущал необходимость удержать ее в себе, здесь, среди стольких людей.

Но от нее он не мог спрятать душу. Ей теперь даже не надо было смотреть на Руна, чтобы прочесть чувства Брандина. Он отсек себя от своего дома, от всего, что привязывало его к жизни, он находился здесь, среди чужого, покоренного им народа, просил его о помощи, нуждался в его доверии. Теперь она стала его линией жизни, его единственным мостом к Ладони, единственным звеном к любому будущему здесь или вообще где бы то ни было.

Но руины Тиганы лежали между ними как пропасть. Дианора подумала, что ее жизнь служит простым уроком, который гласит: одной любви недостаточно. Что бы там ни утверждали песни трубадуров. Какую бы надежду это ни вселяло, любви просто недостаточно в ее мире, чтобы перебросить мост через пропасть. И поэтому она здесь, и ее ждет то, что показала ей ризелка в саду: конец ужасных, бездонных противоречий в ее сердце. Только о цене спорить не приходилось. С богами не торгуются.

Она подошла к Брандину и остановилась на конце мола, а остальные встали за ней. Над площадью пронесся и стих всеобщий вздох, словно порыв ветра. Странная игра воображения заставила ее зрение на секунду отделиться от тела, и она увидела мол сверху. Она увидела себя так, как видели ее собравшиеся там люди: словно она принадлежала другому миру, словно не была человеком.

Так, должно быть, выглядела Онестра перед своим последним прыжком. Онестра не вернулась обратно, и последствия были разрушительными. И поэтому она получила свой шанс: история предлагала ей мрачный путь к освобождению и к воплощению ее давней мечты.

Солнечный свет был очень ярким, сверкал, плясал на сине-зеленой морской воде. В мире так много ярких красок. За спиной Руна она увидела женщину в ярко-желтой одежде, старика в сине-желтом и более молодого темноволосого человека в коричневом с ребенком на плечах. Все пришли, чтобы посмотреть, как она будет нырять. Она на секунду прикрыла глаза, потом повернулась и посмотрела на Брандина. Было бы легче не смотреть, неизмеримо легче, но Дианора знала, что не смотреть ему в глаза бывало опасным. И, в конце концов, этого человека она любила.

Вчера ночью, лежа без сна, наблюдая за сложными перемещениями лун мимо окна, она пыталась придумать, что могла бы сказать ему на конце мола. Слова, выходящие за рамки ритуала, которые пронесли бы многие слои смысла через годы.

Но в этом тоже таилась опасность, риск погубить все, чем должно было стать это мгновение. А слова, те, что она хотела сказать, были всего лишь еще одной попыткой собрать что-то в единое целое, не так ли? Попыткой построить мост через пропасть. Ведь в этом было все дело, в конце концов. Для нее моста не существовало.

Не в этой жизни.

— Милорд, — официально, осторожно обратилась она к нему. — Я знаю, что недостойна, и боюсь показаться самонадеянной, но если вам и всем собравшимся это доставит удовольствие, я попытаюсь достать для вас кольцо из моря.

Глаза Брандина приобрели цвет неба перед дождем. Его взгляд не отрывался от ее лица. Он сказал:

— В этом нет никакой самонадеянности, любовь моя, и ты достойна больше всех. Твое присутствие придает благородство этой церемонии.

Это ее смутило, потому что не эти слова они с ним приготовили. Потом он отвел от нее взгляд, медленно, как отворачиваются от света.

— Народ Западной Ладони! — воскликнул он голосом чистым и сильным, голосом короля, лидера, разнесшимся эхом по площади и за ее пределы, между высокими кораблями и рыбацкими лодками. — Леди Дианора спрашивает, считаем ли мы ее достойной совершить для нас Прыжок. Доверим ли мы ей наши надежды на счастливую судьбу в стремлении получить благословение Триады в войне, которой грозит нам Барбадиор. Каким будет ваш ответ? Она хочет его услышать!

И среди оглушающего рева, раздавшегося в знак согласия, громкого и уверенного, как и следовало ожидать после столь долгого предвкушения, Дианора ощутила жестокую иронию происходящего, его горькую издевку.

«Наши надежды на счастливую судьбу». Доверить ей? «Благословение Триады». Через нее?

В тот момент впервые здесь, на самом краю моря, она почувствовала прикосновение к сердцу холодного пальца страха. Потому что это действительно был обряд богов, а она использовала его для собственных тайных целей, для замысла, родившегося в сердце смертной. Допустима ли подобная вещь, какой бы чистой ни была причина?

Дианора оглянулась в сторону дворца и гор, которые так долго определяли ее жизнь. Снега уже сошли с вершины Сангариоса. По преданию, именно на этой вершине Эанна сотворила звезды. И дала им всем имена. Дианора посмотрела вниз и увидела, что Данолеон пристально смотрит на нее с высоты своего роста. Она взглянула в его спокойные, мягкие синие глаза и почувствовала, что тянется к нему назад, сквозь время, чтобы обрести в его спокойствии силу и уверенность.

Ее страх был отброшен, как ненужная одежда. Ведь она здесь именно ради Данолеона, ради всех погибших, подобных ему, ради исчезнувших книг и статуй, песен и имен. Несомненно, боги Триады поймут это, когда будут подводить последний итог ее ереси. Несомненно, Адаон вспомнит Микаэлу у моря. А Эанна, богиня Имен, будет милосердной.

Дианора медленно кивнула, а рев толпы наконец стих. Видя это, Верховная жрица бога вышла вперед в своих ярко-красных одеждах и помогла ей снять темно-зеленое платье.

Она осталась стоять у воды в одной тонкой зеленой тунике, едва доходящей до колен, а Брандин держал в руке кольцо.

— Во имя Адаона и Мориан, — произнес он ритуальные слова, отрепетированные и тщательно подготовленные, — и всегда и вечно во имя Эанны, владычицы Огней, мы ищем крова и пропитания. Встретит ли море нас приветливо и понесет ли на своей груди, как мать несет дитя? Примут ли океаны полуострова кольцо в дар от моего имени и от имени всех собравшихся здесь и пошлют ли его нам обратно в знак соединения наших судеб? Я — Брандин ди Кьяра, король Западной Ладони, и я прошу вашего благословения.

Затем он повернулся к ней. После его последних слов пронесся изумленный ропот, изумленный тем, как он себя назвал, и под прикрытием этого ропота, словно окутанный и защищенный им, он прошептал что-то еще, слова, которые услышала только она.

Потом повернулся к морю, отвел назад руку и бросил золотое кольцо, которое описало высокую, сверкающую дугу, в блистающее небо, к ослепительному солнцу.

Дианора видела, как оно достигло наивысшей точки и начало падать. Увидела, как оно ударилось о воду, и тут она нырнула.

Вода оказалась обжигающе холодной, ведь весна только начиналась. Используя инерцию прыжка, она устремилась вниз, сильно отталкиваясь ногами. Зеленая сетка держала ее волосы, поэтому она могла видеть. Брандин бросил кольцо осторожно, но он понимал, что не может просто уронить его рядом с молом — слишком много людей наблюдало за ним. Несколькими сильными гребками она устремилась вниз, глаза ее напряженно смотрели вперед в просачивающемся сверху сине-зеленом свете.

Она ведь может с тем же успехом достать его. Может с тем же успехом попробовать найти кольцо перед тем, как умрет. Может принести его в дар Мориан.

Поразительно, но страх ее совершенно исчез. А возможно, это не так уж и удивительно. Чем была ризелка, что обещало ее видение, если не эту уверенность, что она проведет ее мимо старого ужаса перед темной водой к последним вратам Мориан? Теперь настал конец. Он должен был настать еще очень давно.

Дианора ничего не увидела, еще раз оттолкнулась ногами, погружаясь все глубже, все дальше, туда, где упало кольцо.

В ней действительно жила уверенность, сверкающая ясность, понимание того, как события привели к этому моменту. К моменту, когда, благодаря самому факту ее смерти, Тигана может наконец возродиться. Она знала историю Онестры и Ка-

зала; все люди в гавани ее знали. Они все знали, какая катастрофа разразилась после смерти Онестры.

Брандин поставил на эту единственную церемонию все. У него не было другого выхода перед лицом битвы, которую ему навязали слишком рано. Но Альберико теперь его победит; другого результата быть не может. Она точно знала, что последует за ее смертью. Хаос и резкое осуждение, истолкование приговора Триады над этим самоуверенным, самозваным королем Западной Ладони. На западе не будет армии, чтобы дать отпор барбадиорам. Полуостров Ладони будет принадлежать Альберико, и он соберет с него урожай, как с виноградника, или смелет его в муку, словно зерно, жерновами своего честолюбия.

Как жаль, подумала она, но отомстить за это горе придется кому-то другому. Это будет подвигом души другого поколения. Ее собственная мечта, задача, которую она себе поставила с юношеской гордостью, сидя у мертвого очага в доме своего отца много лет назад, заключалась в том, чтобы вернуть миру имя Тиганы.

Ее единственным желанием, если ей позволено желать перед тем, как тьма сомкнется над ней и станет всем, было желание, чтобы Брандин уехал, нашел место вдали от полуострова, перед тем как настанет конец. И чтобы он мог каким-то образом узнать, что его жизнь, куда бы он ни уехал, была последним даром ее любви.

Ее собственная смерть не имела значения. Женщин, которые спали с завоевателями, убивали. Называли их предательницами и убивали самыми разными способами. Смерть в воде сойдет.

Интересно, подумала Дианора, увидит ли она здесь ризелку, зеленое, как море, создание, посланницу судьбы, охраняющую пороги. Интересно, будет ли ей послано последнее видение перед концом. Придет ли за ней Адаон, суровый и блистательный бог, явится ли так, как явился Микаэле на берегу в давние времена. Но ведь она не Микаэла, не прекрасная, сверкающая богиня, невинная в своей юности. Она не верила, что увидит бога.

Вместо него она увидела кольцо.

Оно медленно опускалось вниз прямо над ней, чуть правее, словно обещание или услышанная молитва, сквозь холодные, медленные воды вдали от солнечного света. Дианора протянула руку таким же медленным движением, как все сонные движения в море, и взяла его, и надела на свой палец, чтобы умереть морской невестой с золотым кольцом моря на руке.

Она уже опустилась очень глубоко. Так далеко вниз уже почти не проникал свет. Она знала, что последний запас воздуха скоро тоже закончится, и рефлекторное стремление к поверхности становилось все настойчивее. Она взглянула на кольцо. Кольцо Брандина, его последняя и единственная надежда. Дианора поднесла его к губам и поцеловала, потом отвела взгляд, завершая свою жизнь, свой долгий путь к подвигу, прочь от поверхности, от солнечного света, от любви.

Она все погружалась, заставляя себя нырнуть так глубоко, как только могла. И именно в этот момент к ней явились видения.

Дианора ясно увидела мысленным взором отца, держащего в руках резец и молоток, его плечи и грудь были усыпаны мелкой мраморной пылью. Он шел вместе с принцем по их двору, и Валентин по-приятельски обнимал его рукой за плечи, а потом она увидела его таким, каким он был перед отъездом на войну, неловким и мрачным. Потом в ее воображении возник Баэрд: маленький мальчик с милым характером, казалось, он всегда смеялся. Потом она увидела его плачущим у ее двери в ту ночь, когда ушел Наддо, потом в своих объятиях в рухнувшем, залитом лунным светом мире, и последнее — в дверях дома в ту ночь, когда он ушел. Следующей была ее мать, и Дианора почувствовала, словно она каким-то образом плывет назад, сквозь все эти годы, к своим родным. Потому что эти воспоминания о матери были из времени до падения, до прихода безумия, из времени, когда голос матери казался способным смягчить вечерний воздух, а ее прикосновение лечило любую лихорадку, любой страх темноты.

Сейчас в море было темно и очень холодно. Она ощутила первый всплеск того, что вскоре должно превратиться в отчаянную жажду воздуха. Тут перед ее мысленным взором, словно разворачивающийся свиток, прошла вся ее жизнь после того, как она покинула дом. Деревня в Чертандо. Дым над Авалле, который было видно с высоких и дальних полей. Мужчина — она даже не могла вспомнить его имя, — который хотел на ней жениться. Другие, которые спали с ней в той маленькой комнатке наверху. «Королева» в Стиванбурге. Ардуини. Раманус на речном судне, увозящий ее прочь. Открытое море перед кораблем. Кьяра. Шелто.

Брандин.

Вот так в самом конце ее мысли все же были заняты им. И перекрывая все быстро мелькающие картинки более чем двена-

дцати лет жизни, в ушах Дианоры вдруг снова прозвучали его последние слова, сказанные на молу. Слова, которые она изо всех сил старалась не допустить в свое сознание, пыталась даже не слышать и не понимать их, боясь, что они уничтожат ее решимость. Он уничтожит ее решимость.

«Любовь моя, — прошептал он, — вернись ко мне. Стивана нет. Я не могу потерять вас обоих, иначе я умру».

Она не хотела этого слышать, ничего похожего на это. Слова были силой, слова пытались изменить ее, построить мосты из томления, по которым никто не мог перейти на другую сторону.

«Иначе я умру», — сказал он.

И она знала и даже не пыталась отрицать это перед самой собой, что это правда. Что он действительно умрет. Что ее фальшивое, утешительное предположение, будто Брандин будет где-нибудь жить, вспоминая ее с нежностью, было просто еще одной ложью. Он не сделает этого. «Любовь моя», назвал он ее. Она знала, о боги, и она, и ее страна знали, что значила любовь для этого человека. Как глубоко она пускает корни в его душе.

Как глубоко. Теперь в ее ушах стоял рев из-за давления воды на такой глубине под поверхностью моря. Казалось, ее легкие сейчас разорвутся. Она с трудом повернула голову в сторону.

Кажется, что-то виднелось там, рядом с ней, в темноте. Быстро плывущая в глубине моря фигура. Проблеск, мелькнувшие очертания человека или бога, она не могла разобрать. Но здесь, внизу, не мог оказаться человек. Настолько далеко от света и от волн, и потом, его фигура светилась!

Еще одно видение, сказала она себе. Значит, это последнее. Казалось, эта фигура медленно плывет прочь от нее, и свет окружает ее ореолом. У нее уже почти кончились силы. Ее охватила боль, тоска, желание покоя. Ей хотелось последовать за этим добрым, невероятным светом. Она была готова отдохнуть, обрести цельность и избавиться от мучений, от страстей.

А потом она поняла, или ей так показалось. Эта фигура должна быть Адаоном. За ней должен был явиться бог. Но он отвернулся от нее. Он двигался прочь, и спокойное сияние удалялось в темноту морских глубин.

Она не принадлежала ему. Пока не принадлежала.

Дианора взглянула на свою руку. Кольца почти не было видно, настолько слабым стал свет. Но она чувствовала его на руке, и знала, чье это кольцо. Она знала.

Глубоко внизу, во тьме моря, страшно далеко от мира, где живут и дышат воздухом смертные, Дианора повернула обрат-

но. Подняла над головой руки, сложив их ладонями вместе, потом толчком развела в стороны, разрезая воду над собой, устремляя свое тело, словно копье, вверх, сквозь все слои моря, темно-зеленой смерти, снова к жизни и ко всем пропастям без мостов в мире воздуха, света и любви.

* * *

Когда Дэвин увидел ее на поверхности моря, он заплакал. Даже до того, как заметил золотую искру на руке, которую она устало подняла вверх, чтобы все могли увидеть кольцо.

Вытирая залитые слезами глаза, он кричал охрипшим голосом вместе с другими людьми на корабле, на всех кораблях, по всей гавани Кьяры, когда увидел кое-что еще.

Брандин Игратский, который назвался Брандином ди Кьярой, упал на колени на конце мола и закрыл лицо руками. Плечи его беспомощно дрожали. И тогда Дэвин понял, как он ошибся: все же это не был человек, который доволен и счастлив лишь тем, что его план сработал.

Мучительно медленно женщина плыла к молу. Бросившиеся навстречу жрецы и жрицы помогли ей выбраться из моря, поддерживая ее, и закутали ее дрожащее тело в бело-золотые одежды. Она едва держалась на ногах, но высоко подняла голову, повернулась к Брандину и дрожащей рукой протянула ему кольцо из моря.

И тут Дэвин увидел, как король, тиран, чародей, который уничтожил их своей жестокой, разрушительной силой, заключил в свои объятия женщину, мягко, с нежностью, но и с откровенной жаждой мужчины, слишком долго страдавшего от неутоленной страсти.

* * *

Алессан поднял руки, снял с плеч ребенка и осторожно поставил его на землю рядом с матерью. Она улыбнулась ему. Ее волосы были такими же желтыми, как и платье. Он машинально улыбнулся в ответ, но уже начал поворачиваться в другую сторону. От нее, от мужчины и женщины, лихорадочно обнимавшихся рядом с ними. Он чувствовал физическое недомогание. Во всей гавани царил радостный хаос. У него начались спазмы в желудке. Он закрыл глаза, борясь с тошнотой и головокружением, внезапно захлестнувшими его.

Когда Алессан открыл глаза, то посмотрел на шута — Руна, такое имя ему назвали. Было очень неприятно видеть, как шут, суррогат короля, вдруг стал казаться пустой оболочкой, когда король выпустил на свободу собственные чувства и сжал в объятиях эту женщину с недвусмысленной страстью. В нем чувствовалась откровенная, взвешенная печаль, бросающаяся в глаза своей неуместностью среди всеобщего ликования. Рун казался неподвижной, молчаливой точкой бесчувствия среди возбуждения, слез и криков толпы.

Алессан смотрел на согнутого, лысеющего человека со странно деформированным лицом и ощущал смутное, непонятное родство с ним. Словно между ними существовала некая связь, пусть только заключающаяся в их общей неспособности понять, как на все это реагировать.

«Он должен был себя защитить, — повторил про себя Алессан в десятый, в двадцатый раз. — Должен был». Он еще раз взглянул на Брандина, потом снова отвел глаза, страдая от горестной растерянности.

Сколько лет в Квилее они с Баэрдом строили юношеские планы, как сюда пробраться? Подойти к тирану и убить его, а потом выкрикнуть имя Тиганы, чтобы оно зазвенело в воздухе и вернулось в этот мир.

А в это утро, сейчас, он стоял всего в пятнадцати футах, неизвестный, не вызывающий подозрений, с кинжалом у пояса, и всего один ряд людей отделял его от человека, который замучил его отца.

«Он должен был защитить себя от кинжала».

Но дело было в том, просто в том, что Алессан не мог знать этого наверняка. Он не проверил; не сделал попытку. Он стоял и смотрел. Наблюдал. Играл со своим спокойным планом, стремясь управлять событиями, направлять их к некой более крупной абстракции.

У него болели глаза; за ними пульсировала боль, словно солнце светило слишком ярко. Женщина в желтом не отошла; она продолжала смотреть на него искоса, взглядом, который трудно было не понять. Он не знал, где отец ребенка, но было ясно, что женщину сейчас это не очень-то волнует. Было бы интересно увидеть, подумал он со свойственным ему извращенным поворотом мыслей, сколько детей родится в Кьяре через девять месяцев.

Он снова улыбнулся ей бессмысленной улыбкой и пробормотал какие-то слова извинения. Затем пошел в одиночестве

сквозь праздничную, бурлящую толпу к гостинице, где в последние три дня все трое расплачивались за комнаты своей игрой. Сейчас музыка могла бы помочь, подумал он. Очень часто лишь музыка ему помогала. Его сердце все еще странно билось, и начало биться так в тот момент, когда эта женщина вынырнула на поверхность с кольцом на руке после столь долгого отсутствия.

Ее не было так долго, что он начал прикидывать, нельзя ли как-то воспользоваться потрясением и страхом, которые воцарятся после ее гибели.

А потом она вынырнула, появилась прямо перед ними из воды, и за секунду до того, как толпа взорвалась криками, Брандин Игратский, который стоял совершенно неподвижно с того мгновения, как она нырнула, рухнул на колени, словно ему нанесли сзади удар, лишивший его сил.

И Алессан почувствовал себя совершенно больным и безнадежно сбитым с толку, а над гаванью и кораблями неслись вопли триумфа и экстаза.

Это чудесно, говорил он себе сейчас, прокладывая путь сквозь круг танцующих людей. Это впишется в их планы, это можно в них вписать. Все сходится. Как я и планировал. Будет война. Они столкнутся лицом к лицу. В Сенцио. Как я и планировал.

Его мать умерла. Он стоял в пятнадцати футах от Брандина Игратского с кинжалом за поясом.

На площади было слишком светло и чересчур шумно. Кто-то схватил его за руку, когда он проходил мимо, и попытался втащить в пляшущий круг. Он вырвался. Какая-то женщина влетела в его объятия и поцеловала прямо в губы. Он ее не знал. Он никого здесь не знал. Он, спотыкаясь, брел сквозь толпу, расталкивал ее и протискивался то туда, то сюда, его вертело, словно пробку в потоке, но он упорно держал направление на «Триалу», где ждала его комната, выпивка и музыка.

Дэвин уже сидел в переполненном баре, когда Алессан наконец вернулся. Эрлейна пока не было видно. Возможно, он все еще находился на корабле, оставался на воде как можно дальше от Брандина. Словно чародей в данный момент мог проявить хоть крупицу интереса к охоте на других чародеев.

Дэвин, к счастью, ничего не сказал. Только подтолкнул к нему полный стакан и бутылку вина. Алессан очень быстро опустошил стакан, а за ним второй. Он уже налил и пригубил было третий, но тут Дэвин быстро дотронулся до его руки, и он понял, испытав почти физическое потрясение, что забыл о своей клятве. Голубое вино. Третий стакан.

Он оттолкнул от себя бутылку и опустил голову на руки.

Кто-то рядом с ними разговаривал. Двое спорили.

— Ты действительно собираешься это сделать? Ты, глупец, сын козла! — рявкнул первый.

— Я запишусь в солдаты, — ответил второй, говоряший с акцентом жителя Азоли. — После того, что эта женщина для него сделала, я считаю, что Брандина ждет удача, он получил благословение. И тот, кто называет себя Брандином ди Кьярой, гораздо лучше, чем этот мясник из Барбадиора. Ты что, друг, боишься сражаться?

Второй разразился хриплым, лающим смехом.

— Ты — тупой простак, — сказал он. И произнес, имитируя акцент первого спорщика: — «После того, что эта женщина для него сделала». Мы все знаем, что она для него делала каждую ночь. Эта женщина — потаскуха тирана. Она провела двенадцать лет в постели с человеком, который нас всех завоевал. Раздвигала для него ноги ради собственной выгоды. И теперь ты, все вы делаете шлюху вашей королевой.

Алессан поднял голову. Уперся ногами, чтобы обрести опору. Затем, не говоря ни слова, изо всех сил врезал кулаком по лицу говорившего, вложив в удар все силы своего тела и всю мучительную растерянность своей души. Почувствовал, как под его ударом треснули кости; человек отлетел назад к стойке бара и чуть не перелетел через нее, со звоном рассыпая осколки стаканов и бутылок.

Алессан опустил взгляд на свой кулак. Косточки пальцев были в крови и уже начинали распухать. Он подумал, не сломал ли себе руку. И еще подумал, вышвырнут ли его из бара или все закончится веселой болтовней о его глупости.

Но ничего этого не случилось. Тот житель Азоли, который заявил о своей готовности идти на войну, радостно и сильно хлопнул его по спине, а владелец «Триалы» — фактически их наниматель — широко улыбнулся, совершенно не обращая внимания на осколки разбитого стекла на стойке бара.

— Я надеялся, что кто-нибудь заткнет ему глотку! — рявкнул он, перекрывая бурное веселье в зале. Кто-то подошел и пожал Алессану руку, которая на удивление сильно болела. Три человека настойчиво и громогласно сражались за право поставить ему выпивку. Еще четверо подняли бесчувственного человека и бесцеремонно поволокли прочь, искать лекаря. Кто-то плюнул в его разбитое лицо, когда его несли мимо.

Алессан снова повернулся к бару. Перед ним стоял один-

единственный стакан астибарского голубого вина. Он быстро взглянул на Дэвина, но тот ничего не сказал.

— Тигана, — пробормотал он тихо, пока моряк из Корте громко хвалил его и ерошил волосы, а кто-то еще протиснулся к нему сзади и хлопнул по спине. — О Тигана, пусть память о тебе будет клинком в моем сердце.

Он опустошил стакан. Кто-то — но не Дэвин — немедленно протянул руку, схватил его и разбил об пол. Что вполне предсказуемо побудило других сделать то же самое со своими стаканами. Как только позволили приличия, он ушел из зала и поднялся наверх. Перед уходом он не забыл прикоснуться к руке Дэвина в знак благодарности. В комнате он обнаружил Эрлейна, который лежал на кровати, заложив руки за голову и уставившись неподвижным взглядом в потолок. Чародей сперва мельком посмотрел на Алессана, когда тот вошел, и тут же прищурился и с любопытством уставился на него.

Алессан ничего не сказал. Он упал на свою постель и закрыл глаза, которые продолжали болеть. Вино, естественно, не помогло. Он не мог перестать думать о женщине, о том, что она сделала, как выглядела, поднимаясь из моря, словно некое сверхъестественное существо. Он не мог отделаться от образа Брандина, падающего на колени и закрывающего лицо руками.

Он прятал глаза, но Алессан, стоявший всего в пятнадцати футах, не дальше, успел увидеть сокрушительное облегчение и пламя любви, сверкнувшее в его глазах, подобно белому огню падающей звезды.

Его рука ужасно болела, но он осторожно несколько раз согнул ее и убедился, что ничего не сломал. Если говорить честно, он не знал толком, почему ударил того человека. Все, что он говорил о женщине из Чертандо, было правдой. Все было правдой, и все же ничто не было настоящей правдой. Все, что сегодня произошло, совершенно сбивало с толку.

Эрлейн, неожиданно проявляя такт, прочистил горло, словно собирался задать вопрос.

— Да? — устало сказал Алессан, не открывая глаз.

— Вы хотели, чтобы все так и произошло? — спросил чародей непривычно неуверенным тоном.

Алессан с трудом открыл глаза и взглянул на него. Эрлейн приподнялся на локте и смотрел на него задумчиво и подавленно.

— Да, — ответил наконец Алессан. — Я этого хотел.

Эрлейн медленно кивнул головой.

— Тогда это означает войну. В моей провинции.

Голова Алессана все еще болела, но уже меньше, чем раньше. Здесь было тише, хотя все равно снизу доносился шум, глухой, постоянный шум праздника.

— Да, в Сенцио, — ответил он.

Ему было ужасно грустно. Столько лет ушло на планирование, а теперь, когда они оказались здесь, к чему они пришли? Его мать умерла. Она прокляла его перед смертью, но позволила ему держать ее за руку, когда пришел конец. Что это значит? Может ли это значить то, во что ему хочется верить?

Он находится на острове. Видел Брандина Игратского. Что он скажет Баэрду? Тонкий кинжал у него на поясе стал тяжелым, как меч. Та женщина оказалась гораздо красивее, чем он ожидал. Дэвину пришлось дать ему голубое вино, он никак не мог в это поверить. Он только что ударил незадачливого, ни в чем не повинного человека так сильно, что сломал ему кости на лице. «Наверное, я действительно ужасно выгляжу, — подумал он, — если даже Эрлейн так мягко со мной разговаривает. Они собираются на войну в Сенцио. Это то, чего я хотел», — повторил он про себя.

— Эрлейн, мне очень жаль, — сказал он, рискнул сказать, пытаясь выбраться из своей печали.

Он был готов к едкому ответу, почти хотел его услышать, но Эрлейн сначала ничего не ответил. А когда заговорил, голос его звучал мягко.

— Я думаю, пора, — вот что он сказал. — Спустимся вниз играть? Это поможет?

«Это поможет?» С каких это пор его люди — даже Эрлейн — чувствуют необходимость его опекать?

Они снова спустились вниз. Дэвин ждал их на импровизированной сцене у дальней стены «Триалы». Алессан взял свою тригийскую свирель. Правая рука болела и распухла, но это не помешает ему играть. Музыка нужна ему сейчас, очень нужна. Он закрыл глаза и заиграл. В переполненной комнате все замолчали, слушая его. Эрлейн ждал, его руки неподвижно лежали на арфе, и Дэвин ждал тоже, давая ему время, чтобы он мог улететь ввысь в одиночестве, устремиться к той высокой ноте, когда можно очень ненадолго забыть все: растерянность, и боль, и любовь, и смерть, и страстное желание.

Глава 18

Обычно, когда Альенор поднималась на крепостную стену замка на закате, она смотрела на юг, наблюдая за игрой света и сменой красок в небе над горами. Но в последнее время, когда весна повернула на лето, которого они все ждали, Альенор стала подниматься на северную стену и ходила взад и вперед мимо амбразур, словно стражник, или, облокотившись на холодный шершавый камень, смотрела вдаль, кутаясь в шаль от холода, все еще наступавшего после захода солнца.

Будто могла проникнуть взглядом до самого Сенцио.

Шаль была новая, привезенная из Квилеи гонцами, об их появлении заранее предупредил ее Баэрд. У гонцов были послания, которые, если все сложится правильно, могли перевернуть кверху дном весь мир. Не только Ладонь — Барбадиор тоже, в котором, по слухам, умирал император, и Играт, и саму Квилею, где Мариус мог не уцелеть именно из-за того, что он делал для них.

Гонцы из Квилеи заехали по пути в форт Ортиц, чтобы, по обычаю, выразить уважение хозяйке замка Борсо и передать ей подарок от нового короля Квилеи: окрашенную в цвет индиго шаль, цвет, который почти невозможно встретить на Ладони и который, как ей было известно, носили в Квилее только самые знатные люди. Очевидно, Алессан много рассказывал Мариусу о ее участии в его делах все эти годы. И это хорошо. Кажется, Мариус Квилейский был одним из них; собственно говоря, как объяснил Баэрд в тот день, когда Алессан уехал на перевал Брачио, а потом дальше на запад, Мариус был во всем этом ключевой фигурой.

Через два дня после отъезда квилейцев у Альенор появилась привычка совершать весенние прогулки верхом, которые случайно уводили ее так далеко от дома, что она пару раз оставалась ночевать в соседних замках. И в этих случаях передавала особые послания некоторым особым людям:

«Сенцио. До дня летнего солнцестояния».

Вскоре после этого в замок Борсо приехали торговец шелком, а потом певец, который ей нравился, и привезли слухи о крупной переброске войск барбадиоров. Дороги совершенно забиты наемниками, марширующими на север, сказали они. Она лукаво и озадаченно подняла брови, но в эти вечера позволила себе выпить больше вина, чем обычно, и потом по-своему воз-

наградила обоих мужчин. Теперь, на закате, стоя на крепостной стене, она услышала сзади шаги. Альенор их ждала.

Не оборачиваясь, она сказала:

— Ты чуть не опоздала. Солнце уже почти село. — Что было правдой: краски в небе и на легких, подсвеченных снизу облаках потемнели, розовый цвет сменился красным и пурпурным, доходя почти до цвета индиго, как у шали на ее плечах.

Элена встала на парапет.

— Простите, — невпопад сказала она. Она всегда извинялась, так как все еще чувствовала себя неловко в замке. Она ступила на дорожку для стражи рядом с Альенор и посмотрела вдаль, на сгущающуюся тьму над весенними полями. Легкий бриз развевал ее длинные желтые волосы вокруг плеч.

Предлогом ее появления в замке было то, что она стала новой фрейлиной Альенор. Она привезла в Борсо двух своих малышей и немногочисленные пожитки через два дня после окончания дней Поста. Посчитали удачной идеей, чтобы она устроилась тут задолго до того времени, когда это будет иметь значение. Как ни удивительно, по-видимому, могло действительно наступить такое время, когда ее пребывание в замке будет иметь значение.

Томаз, высокий пожилой воин из Карду, сказал, что одному из них необходимо остаться здесь. Томаз, явно не выходец из Карду, и также явно не желавший открыть, кто он такой на самом деле. Это Альенор не волновало. Главным было то, что Баэрд и Алессан ему доверяли, а в данном вопросе Баэрд полностью полагался на мнение этого смуглого человека с впалыми щеками.

— Кого вы имеете в виду, говоря об «одном из них»? — спросила Альенор. Они были вчетвером наедине: она сама, Баэрд, Томаз и та рыжая девушка, которой она не нравилась, Катриана.

Баэрд долго колебался:

— Одного из Ночных Ходоков, — в конце концов ответил он.

При этих словах Альенор подняла брови, но ничем не выдала своего изумления, кроме короткого взмаха руки.

— Правда? Здесь? Они все еще существуют?

Баэрд кивнул.

— Это там ты был вчера ночью, когда уходил из замка?

Через мгновение Баэрд опять кивнул.

Катриана заморгала от удивления. Она умна и довольно красива, подумала Альенор, но ей еще многому предстоит научиться.

— И что ты там делал? — спросила Баэрда Альенор.

Но на этот раз он отрицательно покачал головой. Она этого ожидала. С Баэрдом нельзя переступать границы, но ей нравилось испытывать их на прочность. Однажды ночью, десять лет назад, она точно узнала, где проходит граница его тайн, по крайней мере в одном измерении. Может быть, это и удивительно, но с того времени их дружба стала еще крепче.

Теперь он неожиданно улыбнулся:

— Ты могла бы, конечно, всех их разместить здесь, не только одного.

Она изобразила на лице легкое отвращение, притворное лишь отчасти.

— Одного достаточно, благодарю. Если это соответствует вашим замыслам, каковы бы они ни были. — Эти последние слова она адресовала старику, замаскированному под кардунского воина. Цвет его кожи был подобран очень хорошо, но она знала о методах маскировки Баэрда. За эти годы они с Алессаном появлялись здесь в самых разнообразных обличьях.

— Я не совсем уверен, что это наши замыслы, — откровенно ответил Томаз. — Но так как нам необходим якорь для того, что Баэрд задумал попробовать сделать, одного человека в замке достаточно.

— Достаточно для чего? — снова спросила она, не ожидая ответа.

— Достаточно, чтобы я мог пустить в ход свою магию и найти это место, — откровенно ответил Томаз.

На этот раз хлопала глазами она, а Катриана выглядела невозмутимой и смотрела свысока. Это было нечестно, решила Альенор после: девушка наверняка знала, что старик — чародей. И поэтому не среагировала. У Альенор хватило чувства юмора, чтобы находить их соперничество забавным, и ей даже стало немного жаль, когда Катриана уехала.

Через два дня появилась Элена. Баэрд сказал, что это будет женщина. Он попросил Альенор позаботиться о ней. В ответ на это она тоже подняла брови.

Стоя на северной стене, Альенор оглянулась через плечо. Элена поднялась наверх без плаща и теперь плотно обхватила себя руками за локти. Чувствуя беспричинное раздражение, Альенор сорвала с себя шаль и набросила на плечи женщины.

— Тебе следовало уже знать, — резко сказала она, — здесь становится холодно после захода солнца.

— Извините, — снова повторила Элена, быстро пытаясь сбро-

сить шаль. — Но вы теперь замерзнете. Я пойду вниз и что-нибудь принесу для себя.

— Оставайся на месте! — рявкнула Альенор. Элена замерла, в ее глазах появился испуг. Альенор смотрела мимо нее, мимо темнеющих полей и вспыхивающих внизу огоньков. Это в домах и на фермах зажигали свечи и камины. Она смотрела мимо них, ее взгляд под первыми вечерними звездами устремился на север, воображение уносило ее далеко за пределы видимости, туда, где теперь должны были собраться вместе все остальные.

— Останься, — повторила она мягче. — Останься со мной.

Голубые глаза Элены в темноте раскрылись шире, она тоже смотрела вдаль. Лицо ее было серьезным, задумчивым. Неожиданно она улыбнулась. И затем, что еще более удивительно, подвинулась ближе и взяла Альенор под руку и притянула к себе. На секунду Альенор застыла, потом расслабилась и прижалась к ней. Она попросила общения. Она даже не могла вспомнить, как давно не просила об этом. Совершенно другой вид интимных отношений. В последнее время ей казалось, будто внутри нее разрушается нечто жесткое и твердое. Она ждала этого лета столько лет, что бы оно ни принесло с собой.

Что говорил тот юноша, Дэвин? Насчет того, что им дозволены не только преходящие желания, если только верить, что заслуживаешь этого. Никто не говорил ей таких слов за все эти годы после того, как Корнаро из Борсо погиб, сражаясь с барбадиорами. В то мрачное время его молодая вдова, его новобрачная, оставшись в высокогорном замке наедине со своим горем и яростью, вступила на дорогу, которая сделала ее такой, какой она стала.

Он уехал вместе с Алессаном, Дэвин. К этому времени они, наверное, уже тоже добрались на север. Альенор смотрела вдаль, мысли ее летели, словно птицы сквозь тьму, через разделяющие их мили, туда, где будет решаться судьба всех, когда наступит летнее солнцестояние.

Две женщины, темные и светлые волосы которых перемешал ветер, долго стояли вместе на стене замка, деля между собой тепло, ночь и время ожидания.

* * *

Давно говорят, иногда в насмешку, иногда с изумлением, граничащим с благоговением, что, по мере того как дни в Сенцио становятся все жарче, все жарче разгораются и ночные страсти. Гедонистическое самоублажение в этой северной провин-

ции, благословленной плодородной почвой и мягкой погодой, вошло в поговорку на Ладони и даже за морями. В Сенцио можно было получить что угодно, если ты готов за это заплатить. И если готов сражаться, чтобы это удержать, часто прибавляли посвященные.

К концу весны в тот год можно было ожидать, что нарастание напряжения и ощутимая угроза войны уменьшат ночную страсть сенцианцев — и бесконечной череды их гостей — к вину, любовным утехам в разнообразных сочетаниях и потасовкам в тавернах и на улицах.

Кто-то мог и правда так подумать, но не те, кто знал Сенцио. Собственно говоря, было даже похоже, что грозные предзнаменования катастрофы — то, что барбадиоры скопились на границе Феррата, что все больше кораблей флотилии Играта бросали якорь у острова Фарсаро, у северо-западной оконечности провинции, — только пришпоривали разнузданность ночей в городе Сенцио. Здесь не было комендантского часа уже сотни лет. И хотя эмиссары обоих захватчиков с удобствами расположились в противоположных крыльях так называемого Губернаторского замка, жители Сенцио продолжали похваляться, что живут в единственной свободной провинции Ладони.

Эти похвальбы с каждым проходящим днем и с каждой проведенной в сибаритстве ночью все более превращались в пустой звук, а весь полуостров готовился к большому пожару.

Перед лицом этого быстро приближающегося вторжения город Сенцио просто увеличивал и без того маниакальный темп своих ночных развлечений. Легендарные питейные заведения, такие, как «Красная Перчатка» или «Тетрарх», каждую ночь были заполнены потеющими, шумными клиентами, где им подавали крепкие, необоснованно дорогие напитки и поставляли бесконечный поток доступной плоти, мужской и женской, в лабиринте душных комнатушек наверху.

Хозяева гостиниц, которые по каким-то причинам не гарантировали клиентам продажную любовь, вынуждены были предлагать другие приманки. Для Солинги, хозяина таверны под тем же названием неподалеку от замка, хорошая еда, приличные вина, пиво и чистые комнаты служили гарантией существенного, хоть и не роскошного, дохода. Его клиентами были в основном купцы и торговцы, не склонные участвовать в ночном разврате или, по крайней мере, есть и спать среди всеобщего разгула. Заведение Солинги также гордилось тем, что и днем, и ночью предлагало лучшую музыку, которую только можно найти в городе.

В данный момент, незадолго до обеда, в один из дней конца весны, посетители бара и обеденного зала почти полной таверны наслаждались музыкой странного трио: арфист из Сенцио, игрок на свирели из Астибара и молодой тенор из Азоли, который, если верить возникшим пару дней назад слухам, был тем самым певцом, который исчез прошлой осенью после исполнения ритуальных обрядов на похоронах Сандре д'Астибара.

В ту весну в Сенцио ходило множество разных слухов, но этому мало кто поверил: невероятно, чтобы такая знаменитость пела в сборной труппе вроде этой. Но у молодого человека действительно был исключительный голос, и игра остальных двоих ему не уступала. Солинги ди Сенцио был необычайно доволен тем, как они повлияли на его прибыль за последнюю неделю.

По правде говоря, Солинги принял бы их на работу и поселил у себя даже в том случае, если бы они пели не лучше кабанов во время гона. Солинги уже более десяти лет был другом темноволосого человека, который теперь называл себя Адриано д'Астибар. Другом, и более чем другом; по случайности, почти половина всех постояльцев в эту весну были людьми, приехавшими в Сенцио специально на встречу с этими тремя музыкантами. Солинги держал рот на замке, разливал вино и пиво, руководил поварами и служанками и каждую ночь молился Эанне, богине Огней, перед сном, в надежде, что Алессан знает, что делает.

В тот вечер клиенты, наслаждавшиеся вдохновенным исполнением тенором баллад Чертандо и отбивающие ритм на стойке бара, были грубо прерваны, когда входная дверь распахнулась и впустила новую, довольно большую группу посетителей. Ничего особенного в этом не было, разумеется. Но тут певец прервал балладу на середине припева и с приветственными криками устремился к вошедшим, второй музыкант быстро положил свирель и спрыгнул со сцены, а арфист отставил арфу и тоже последовал за ними, хоть и с меньшей поспешностью. Энтузиазм их объятий мог дать повод к циничным выводам относительно характера отношений между встретившимися мужчинами, учитывая, как с этим обстояло дело в Сенцио, если бы в новой компании не было двух очень красивых девушек. Одна была с коротко стриженными рыжими волосами, а другая с волосами цвета воронова крыла. Даже арфист, мрачный, неулыбчивый человек, был почти против воли втянут в этот круг. Его прижал к своей костлявой груди похожий на труп наемник из Кардуна, возвышавшийся над всеми остальными.

А через секунду произошла еще одна встреча. Она произве-

ла совсем другое впечатление на собравшихся и даже приглушила возбуждение здоровающихся музыкантов. Встал еще один человек и почтительно подошел к пятерым только что вошедшим людям. Те, кто смотрел внимательно, заметил, что у него дрожат руки.

— Баэрд? — спросил он.

На мгновение воцарилось молчание. Затем человек, к которому он обратился, сказал «Наддо?» таким тоном, который могли интерпретировать даже самые невинные жители Сенцио. И все сомнения исчезли, когда эти двое мужчин обнялись.

Они даже заплакали.

Многие мужчины, разглядывавшие двух женщин с откровенным восхищением, решили, что их шансы на беседу и, кто знает, на что еще, возможно, выше, чем кажется на первый взгляд, если все мужчины из новой компании такие же, как эти двое.

Алаис после Тригии жила в постоянном возбуждении, из-за которого ее бледные щеки почти всегда горели румянцем, и она сама не подозревала, какую тонкую красоту это ей придавало. Теперь она знала, почему ей было позволено поехать с отцом.

С того момента, когда шлюпка «Морской Девы» вернулась на корабль в залитой лунным светом гавани Тригии и доставила ее отца, Катриану и еще двух человек, которых они поехали встречать, Алаис поняла, что здесь речь идет о чувстве, большем, чем дружба.

Потом темнокожий мужчина из Карду окинул ее оценивающим взглядом и посмотрел на Ровиго с насмешливым выражением на морщинистом лице, а ее отец, поколебавшись всего мгновение, сказал ему, кто она такая. А потом тихим голосом, но с восхитительным доверием к ней, он объяснил, что эти люди, его новые партнеры, на самом деле делают здесь и чем он тайно занимался вместе с ними уже много лет.

Оказалось, что их встреча на дороге у дома с тремя музыкантами прошлой осенью, во время Праздника Виноградной Лозы, не была простым совпадением.

Напряженно прислушиваясь, стараясь не пропустить ни одного слова, ни одного вытекающего из него смысла, Алаис оценивала свою реакцию и безмерно радовалась, обнаружив, что не боится. Голос и манеры отца имели к этому непосредственное отношение. И тот простой факт, что он ей все это доверил.

Но другой человек — они называли его Баэрд — сказал Ровиго:

— Если ты действительно решил отправиться с нами в Сенцио, то нам надо найти на побережье место, где можно высадить твою дочь.

— А почему? — быстро спросила Алаис, прежде чем Ровиго успел ответить. Она почувствовала, как заливается краской, когда все посмотрели на нее. Они находились внизу, под палубой, в тесной каюте отца.

Глаза Баэрда при свечах казались совсем черными. На вид он был очень жестким, даже опасным человеком, но в его голосе звучали добрые нотки, когда он ответил:

— Потому что я не люблю подвергать людей ненужному риску. То, что мы собираемся делать, опасно. У нас есть причины подвергать себя этой опасности, и помощь твоего отца и его людей, коль он им доверяет, для нас очень важна. Но если поедешь ты, это будет ненужный риск. Звучит разумно?

Алаис заставила себя сохранять спокойствие.

— Только в том случае, если вы считаете меня ребенком, неспособным внести свой вклад. Мне столько же лет, сколько Катриане, и теперь я понимаю, как мне кажется, что здесь происходит. Что вы пытаетесь сделать. Могу лишь сказать, что не меньше вашего стремлюсь к свободе.

— В этом есть доля правды. Мне кажется, она должна поехать с нами. — Примечательно, что это сказала Катриана. — Баэрд, если и правда наступает решающий час, у нас нет права отказывать людям, которые чувствуют так же, как и мы. Нет права решать за них, чтобы они забились в свои дома и ждали, станут ли рабами или нет, когда закончится лето.

Баэрд долго смотрел на Катриану, но ничего не ответил. Потом повернулся к Ровиго и махнул рукой, уступая. Алаис могла разглядеть на лице отца, как тревога и любовь боролись с гордостью за нее. А потом при свете свечей она увидела, что его внутренняя битва закончилась.

— Если мы выберемся из этого живыми, — сказал Ровиго д'Астибар своей дочери, своей жизни, своей радости, — твоя мать меня убьет. Ты это знаешь, не так ли?

— Мы постараемся тебя защитить, — торжественно пообещала Алаис, хотя сердце у нее учащенно билось.

Это все их разговор у борта корабля, Алаис знала. Точно знала. Они тогда вдвоем смотрели на скалы после шторма в лунном свете.

«Я не знаю, что это, — сказала она тогда, — но мне нужно больше».

«Я знаю, — ответил ее отец. — Я это знаю. Если я смогу дать

тебе это, оно будет твоим. Мир и звезды Эанны — все будет твоим».

Именно из-за этого, потому что он ее любил и говорил серьезно, он позволил ей поехать с ними туда, где мир, который они знали, будет положен на чашу весов.

Из этого путешествия в Сенцио она особенно запомнила две вещи. Однажды утром они вместе с Катрианой стояли у поручней, а корабль плыл на север вдоль побережья Астибара. Одна крохотная деревушка, потом еще одна, и еще одна, крыши домов ярко блестят на солнце, маленькие рыбачьи лодки скачут на волнах между «Морской Девой» и берегом.

— Вон там мой дом, — внезапно сказала Катриана, нарушив молчание. Она говорила так тихо, что только Алаис ее услышала. — А та лодка с голубым парусом принадлежит моему отцу. — Ее голос звучал странно, нереально, словно не имел отношения к смыслу ее слов.

— Тогда мы должны остановиться! — настойчиво зашептала Алаис. — Я скажу отцу! Он...

Катриана положила ладонь на ее плечо:

— Еще рано. Я пока не могу с ним встретиться. Потом. После Сенцио. Может быть.

Это было одно воспоминание. Второе, совершенно другое, было о том, как они огибали северную оконечность острова Фарсаро рано утром и увидели корабли Играта и Западной Ладони, стоящие на якоре в гавани. В ожидании войны. Вот тогда она испугалась, так как реальный смысл того, к чему они плыли, дошел до нее при виде этого зрелища, одновременно яркого, многоцветного и мрачного, как серая смерть. Но она взглянула на Катриану, на своего отца, а затем на старого герцога Сандре, который теперь называл себя Томазом, и на их лицах тоже увидела тени сомнения и тревоги. Только у Баэрда, внимательно считавшего корабли, было на лице другое выражение.

Если бы ее заставили придумать название этому выражению, она бы, поколебавшись, сказала, что это страстное желание.

На следующий день после полудня они прибыли в Сенцио и поставили «Деву» в переполненной гавани. Потом сошли на берег и к концу дня пришли в гостиницу, о которой все остальные уже знали. Впятером вошли в двери таверны, и их окатил поток

радости, яркой и внезапной, словно лучи солнца, встающего из-за моря.

Дэвин крепко обнял ее, а потом поцеловал в губы, а за ним Алессан, на мгновение явно встревоженный ее присутствием, бросил вопросительный взгляд на ее отца и сделал то же самое. С ними был седой человек с худым лицом по имени Эрлейн, и потом к ним подходило еще много посетителей таверны. Одного звали Наддо, другого Дукас, и с этими двумя еще один слепой старик, имени которого она не уловила. Он передвигался с помощью великолепной трости. На ее ручке была изумительно вырезанная голова орла, с такими пронзительными глазами, что, казалось, они почти компенсируют старику потерю собственных.

Были и другие люди, казалось, отовсюду. Она пропустила большинство имен. Было очень шумно. Хозяин гостиницы принес им вино: две бутылки сенцианского зеленого, а третью — астибарского голубого вина. Алаис осторожно выпила по маленькой рюмке каждого, пытаясь разобрать в хаосе звуков все, что говорилось вокруг. Алессан и Баэрд ненадолго отошли в сторону; затем снова вернулись к столу, и оба казались задумчивыми и даже мрачноватыми.

Затем Дэвину, Алессану и Эрлейну надо было возвратиться на подмостки и снова играть в течение часа, пока другие ели, а Алаис, раскрасневшаяся и ужасно взволнованная, заново переживала ощущение прикосновения губ двоих мужчин к своим губам. Она застенчиво улыбалась всем, опасаясь, что ее лицо выдаст то, что она чувствует.

После они поднялись наверх, вслед за широкой спиной жены хозяина, в свои комнаты. А позднее, когда на этом верхнем этаже стало тихо, Катриана отвела ее из отведенной им комнаты по коридору в спальню, где жили Дэвин, Алессан и Эрлейн.

Они были там, и еще много других людей, с некоторыми из них она только что познакомилась, а несколько были ей совсем не знакомы. Через минуту вошел ее отец вместе с Баэрдом и Сандре. Они с Катрианой были единственными женщинами. Она еще успела удивиться этому факту и тому, что находится так далеко от дома, но тут все замолчали, а Алессан запустил пальцы в волосы и начал говорить.

По мере того как он говорил, Алаис, сосредоточившись, постепенно поняла, вместе с остальными, поистине пугающие размеры и смысл того, что он задумал.

В одном месте он замолчал и посмотрел по очереди на трех

человек. Сначала на герцога Сандре, потом на круглолицего жителя Чертандо по имени Сертино, сидящего возле Дукаса, и, наконец, почти с вызовом, на Эрлейна ди Сенцио.

Эти трое — чародеи, поняла она. С этим было трудно примириться. Особенно в отношении Сандре. Ссыльного герцога Астибара. Их соседа по дистраде, которого она знала всю свою жизнь.

Человек по имени Эрлейн сидел на своей кровати, прислонившись спиной к стене и скрестив на груди руки. Он тяжело дышал.

— Теперь мне ясно, что вы все-таки лишились рассудка, — сказал он. — Вы так долго жили в своих мечтах, что потеряли способность видеть окружающий мир. А теперь собираетесь в своем безумии погубить людей.

Алаис увидела, как Дэвин открыл было рот, а потом захлопнул его, не сказав ни слова.

— Все это возможно, — ответил Алессан неожиданно мягко. — Возможно, что я иду по тропе безумия, хотя я так не думаю. Но ты прав, вероятно, погибнет много людей. Мы всегда это знали; настоящим безумием было бы делать вид, что это не так. На данный момент, однако, успокой свою совесть и не переживай. Ты знаешь не хуже меня, что ничего не происходит.

— Ничего? Что вы имеете в виду? — Это спросил ее отец.

На лице Алессана появилась кривая, почти горькая усмешка.

— Разве вы не заметили? Вы были в гавани, прошли по городу. Вы видели войска барбадиоров? Солдат Играта с запада? Ничего не происходит. Альберико Барбадиорский собрал все свои роты на границе, но не отдает им приказа двинуться на запад!

— Он боится, — решительно произнес Сандре в наступившей тишине. — Он боится Брандина.

— Возможно, — задумчиво сказал ее отец. — Или он просто осторожен. Слишком осторожен.

— И что нам теперь делать? — спросил рыжебородый тригиец по имени Дукас.

Алессан покачал головой.

— Не знаю. В самом деле, не знаю. Этого я не ожидал. Вы мне скажите, как нам заставить его перейти границу? Как втянуть его в войну? — Он посмотрел на Дукаса, а потом на всех по очереди.

Никто не ответил.

* * *

Они подумают, что он трус. Они глупцы. Они все глупцы. Только глупец с легкостью начинает войну. Особенно такую войну, как эта, в которой он рискует всем ради выгоды, которая его почти не волнует. Сенцио? Ладонь? Какое они имеют значение? Стоит ли вышвырнуть ради них на ветер двадцать лет усилий?

Всякий раз, когда появлялся посланец из Астибара, в нем вспыхивала надежда. Если бы умер император...

Если бы умер император, он и его люди уплыли бы. Прочь с этого проклятого полуострова, домой, требовать себе тиару императора Барбадиора. Вот это его война, та, на которой он хотел сражаться. Та, которая имела значение, единственное, что действительно имело значение. Он поплыл бы домой с тремя ротами и вырвал бы тиару у придворных фаворитов, роящихся там, словно стая бессильных, трепещущих мошек.

А после этого он мог бы снова вернуться и воевать здесь, владея всей мощью Барбадиора. Тогда пусть Брандин Игратский, или король Западной Ладони, как он предпочитает себя называть, попробует устоять против Альберико, императора Барбадиора.

О боги, какое наслаждение...

Но такое сообщение не приходило с востока, не приносило желанной отсрочки. И грубой реальностью оставалось то, что он сидел в лагере вместе со своими наемниками здесь, на границе между Ферратом и Сенцио, готовясь встретиться с армиями Играта и Западной Ладони, зная, что глаза всего мира теперь прикованы к ним. Если он проиграет, то потеряет все. Если выиграет, ну, это зависело от цены. Если слишком много его людей погибнет здесь, какую армию он сможет взять с собой домой?

А гибель слишком многих стала теперь реальной перспективой. После того, что произошло в гавани Кьяры. Большая часть армии игратян действительно отправилась домой, как и ожидалось, оставив Брандина обессиленным и уязвимым. Поэтому Альберико и выступил, три его роты стоят здесь, и он вместе с ними. Развитие событий, казалось, складывается в его пользу самым явным образом.

А потом эта женщина из Чертандо выудила для Брандина из моря кольцо.

Она являлась к нему во сне, эта никогда не виденная им женщина. Три раза она уже возникала в его жизни, словно кошмар. Тогда, когда Брандин забрал ее в свой сейшан, она чуть было не

втянула его в безумную войну. Сиферval хотел сражаться, вспомнил Альберико. Капитан Третьей роты предложил ворваться через границу в Нижний Корте и разграбить Стиванбург.

О боги! Альберико даже сейчас содрогнулся, столько лет спустя, при мысли о такой войне далеко на западе, против всей мощи игратян. Он проглотил свою желчь и все издевательские послания, которые Брандин отправил на восток. Даже тогда, давным-давно, он сохранил самообладание, держа на прицеле настоящий приз у себя дома.

Но этой весной он мог получить полуостров Ладонь без усилий, как дар, свалившийся с неба, если бы эта Дианора ди Чертандо не спасла жизнь игратянина два месяца назад. Все уже было у него в руках, мягко падало к нему с неба: если бы Брандин был убит, игратяне отплыли бы домой, и западные провинции лежали бы перед ним, будто хорошо созревший плод.

Король-калека Квилеи приковылял бы через горы, чтобы унижаться перед Альберико, умолять его о столь необходимой ему торговле. Никаких изысканных писем насчет страха перед могучей силой Играта. Все было бы так просто.

Но этого не случилось из-за той женщины. Женщины из его собственной провинции. Ирония этого факта сокрушала, она разъедала его душу, как кислота. Чертандо принадлежала ему, а Дианора ди Чертандо была единственной причиной того, что Брандин остался жив.

А теперь, в третий раз в его жизни, она стала единственной причиной того, что на западе собралась армия, флотилия стояла на якоре в бухте Фарсаро, ожидая, когда Альберико пошевелится.

— Их меньше, чем нас, — каждый день доносили шпионы. — И они хуже вооружены.

«Их меньше, — бездумно повторяли один за другим его командиры. — Они хуже вооружены, — лепетали они. — Мы должны двигаться», — хором твердили они, и их дурацкие лица маячили в его снах, слепленные друг с другом, висящие, словно зловещие луны, слишком низко над землей.

Ангиар, его посланник в Губернаторском замке Сенцио, прислал сообщение, что Казалья продолжает отдавать им предпочтение; что губернатор понимает: Брандин не так силен, как они. Что его убедили признать выгодным еще больше склониться на сторону Барбадиора. Посланнику Западной Ладони, одному из немногих игратян, которые решили остаться с Брандином, с каждым днем все труднее получить аудиенцию у губернатора,

но Ангиар почти каждый вечер обедает с пухлым сибаритом Казальей.

Итак, теперь даже Ангиар, который стал таким же ленивым, сластолюбивым и морально развращенным, как любой житель Сенцио, за проведенные там годы, повторял то же, что и все остальные: «Сенцио — это виноградник, созревший для сбора урожая. Приходи!»

Созревший? Неужели они не понимают? Неужели никто из них не понимает, что следовало еще учитывать магию?

Он знал, насколько силен Брандин: он попытался прощупать его и быстро отпрянул перед мощью игратянина в тот год, когда они оба явились сюда, а ведь тогда он сам был в расцвете сил. Не опустошенный и слабый, с непослушной ногой и опускающимся веком после того, как его чуть не убили в том домике этих проклятых Сандрени год назад. Он уже не был прежним; он это знал, пусть остальные и не знали. Если он начнет войну, то принимать решение следовало с учетом этого. Его военной силы должно было хватить для того, чтобы перевесить магию Играта. Ему нужна была уверенность. Несомненно, любой неглупый человек мог видеть, что это не имеет никакого отношения к трусости! Только к тщательному расчету выигрышей и потерь, риска и возможностей.

В своих снах, в палатке на границе, он забрасывал пустые лунные лица своих командиров обратно на небо и под пятью лунами, а не двумя, медленно разрывал на части тело женщины из Чертандо.

Потом наступало утро. Переваривая сообщения, словно протухшую пищу, он снова начинал бесконечную борьбу с тем, что мучило его этой весной, будто воспаленная рана.

Что-то было не так. Совершенно не так. Во всей цепи событий — начиная с осени и дальше — было нечто такое, что не давало ему покоя, как дребезжащая, фальшивая струна.

Здесь, на границе, в окружении своей армии, он должен был чувствовать себя так, будто это он задает ритм танца. Заставлять Брандина и всю Ладонь плясать под его музыку. Снова взять в свои руки контроль после зимы, когда на него оказывали влияние все эти мелкие, тревожные, нарастающие события. Направлять их, чтобы у Квилеи не осталось выбора, кроме как самой его искать, чтобы дома, в Империи, не могли заблуждаться насчет его мощи, силы его воли, славы его завоеваний.

Так ему полагалось себя чувствовать. Как он почувствовал себя в то утро, когда услышал, что Брандин отрекся от престола

в Играте. Когда он отдал приказ всем своим войскам двинуться на границу с Сенцио.

Но с того дня что-то изменилось, и дело не только в присутствии противника, ожидающего в бухте Фарсаро. Было что-то еще, что-то настолько смутное и неопределенное, что он даже не мог говорить об этом — даже если бы ему было с кем поговорить, — он даже не мог уловить это, но оно было здесь и досаждало ему, словно старая рана во время дождя.

Альберико Барбадиорский не стал бы тем, кем он был, не добился бы такой власти, опираясь на которую можно было претендовать на тиару, без хитрости и вдумчивости, без умения доверять своим инстинктам.

А инстинкты говорили ему, здесь, на границе, несмотря на то что командиры, шпионы и посланник в Сенцио практически умоляли его выступить: что-то тут не так.

Что это не он заказывает музыку. А кто-то другой. Каким-то образом некто неизвестный вел в этом опасном танце. Он действительно не имел представления, кто это мог быть, но ощущение появлялось каждое утро, когда он просыпался, и его не удавалось стряхнуть. Но оно и не становилось ясным под весенним солнцем, на этом приграничном лугу, пестреющем знаменами Барбадиора среди ирисов и нарциссов, наполненном ароматом растущих вокруг сосен.

Поэтому он ждал, молясь своим богам о получении известия о смерти императора, мучительно сознавая, что скоро мир начнет над ним смеяться, если он отступит, зная, так как шпионы спешили сообщить ему в своих донесениях, что Брандин в Фарсаро с каждым днем становится все сильнее. Но его удерживала на границе его хитрость, его инстинкт выживания, эти мучительные сомнения. Он ждал, чтобы что-нибудь прояснилось.

Дни шли за днями, а он отказывался плясать под музыку, которая могла оказаться чужой, как бы соблазнительно ни манила его незримая свирель.

* * *

Она ужасно боялась. Это было хуже, неизмеримо хуже, чем мост в Тригии. Там она мирилась с опасностью и шла ей навстречу, потому что у нее были шансы выжить после прыжка. Внизу была всего лишь вода, какой бы ледяной она ни оказалась, и друзья ждали в темноте за поворотом, готовые вытащить ее из реки, согреть и вернуть к жизни.

Сегодня ночью все было иначе. Катриана с отчаянием почувствовала, что у нее дрожат руки. И остановилась в темном переулке, чтобы собраться с силами.

Она нервным жестом подняла руку и поправила волосы под темным капюшоном, потрогала усыпанный блестящими камушками черный гребень, заколотый в прическу. На корабле по дороге сюда Алаис, которая сказала, что привыкла делать это для своих сестер, подровняла и придала форму коротко остриженным на полу магазина в Тригии прядям. Катриана знала, что ее внешний вид теперь вполне приемлем, и даже более того, если реакция мужчин Сенцио нескольких последних дней что-нибудь значила.

А она должна была что-то значить. Потому что именно это привело ее сюда, одну, в темный переулок, где она прижалась к шершавой каменной стене, ожидая, когда шумная компания гуляк пройдет мимо по поперечной улице. Это была лучшая часть города, в такой близости от замка, но для одинокой женщины ночью на улицах Сенцио не существовало безопасного квартала.

Однако она оказалась здесь не в поисках безопасности, вот почему никто из остальных не знал, где она. Они бы никогда ее не отпустили. Да и она, если быть честной перед самой собой, не позволила бы никому из них предпринять ничего подобного.

Это означало смерть. Катриана не питала иллюзий.

Всю вторую половину дня, бродя по рынку вместе с Дэвином, Ровиго и Алаис, она обдумывала свой план и вспоминала мать. Ту единственную свечу, всегда зажигаемую на закате в первый из дней Поста. Она вспомнила, что отец Дэвина делал то же самое. Из гордости, так он это расценивал: не дать чего-то Триаде в отместку за то, чему боги позволили свершиться. Ее мать не была гордой, но и не позволяла себе забыть.

Сегодня ночью Катриана видела себя как одну из запретных свечей матери в эти ночи Поста, когда весь окружающий мир лежал, окутанный тьмой. Она была маленьким огоньком, точно таким же, как огоньки тех свечей. Огоньком, который не доживет до конца ночи, но зато перед тем, как погаснуть, может зажечь большой пожар, если боги Триады будут хоть немного благосклонны.

Пьяные гуляки в конце концов прошли мимо, нетвердой походкой направляясь к тавернам в гавани. Она подождала еще несколько секунд, а потом накинула капюшон, быстро вышла на улицу, держась поближе к домам, и пошла в другую сторону. К замку.

Было бы гораздо лучше, подумала Катриана, если бы ей удалось унять дрожь в руках и стремительное биение сердца. Ей следовало выпить стакан вина у Солинги, перед тем как ускользнуть по наружной лестнице, чтобы никто из остальных ее не заметил. Она отослала Алаис вниз ужинать, сославшись на женское недомогание и пообещав вскоре присоединиться к ней, если сможет.

Она солгала так легко, ей даже удалось ободряюще улыбнуться. Потом Алаис ушла, а она осталась одна, и в ту секунду, когда дверь комнаты мягко закрылась, осознала, что больше никогда никого из них не увидит.

Катриана закрыла глаза, внезапно почувствовав головокружение; оперлась ладонью о стену и стала глубоко вдыхать ночной воздух. Где-то неподалеку пахли цветы тейн и доносился свежий аромат деревьев седжойи. Значит, она уже близко от дворцового сада. Катриана покусала губы, чтобы они покраснели. Звезды над головой сияли ярко и низко. Видомни уже поднялась на востоке, скоро за ней последует и голубая Иларион. Она услышала внезапный взрыв смеха на соседней улице. Женский смех, а вслед за ним какие-то крики. Голос мужчины. Опять смех.

Они шли в противоположном направлении. Когда Катриана подняла глаза, по небу падала звезда. Провожая ее взглядом, она увидела слева стену сада вокруг замка. Вход должен находиться дальше. Выход на сцену и конец представления, в полном одиночестве. Но она и прежде была одиноким ребенком, а потом одинокой женщиной, вращалась по собственной орбите, которая уводила ее прочь от других, даже от тех, кто хотел стать ее другом. Дэвин и Алаис — всего лишь последние из тех, кто пытался. Дома, в деревне, были другие, до того, как она ушла. Она знала, что мать переживает из-за ее гордого одиночества.

Гордость. Опять.

Ее отец убежал из Тиганы до сражений у реки.

В этом все дело.

Она осторожно откинула назад капюшон. И обнаружила с искренней благодарностью, что руки ее больше не дрожат. Проверила сережки, серебряную ленточку на шее, усыпанное камешками украшение в волосах. Потом надела на руку красную перчатку, купленную на рынке в тот день, пересекла улицу, свернула за угол садовой стены, и вышла на ярко освещенный пятачок у входа в Губернаторский замок Сенцио.

Там стояли четверо стражников, двое снаружи, перед запер-

тыми воротами, двое внутри. Она распахнула плащ с капюшоном, чтобы они увидели черное платье под ним.

Двое стражников у ворот переглянулись и заметно расслабились, отпустили рукояти мечей. Другие двое подошли поближе, чтобы лучше видеть при свете факелов.

Она остановилась перед первой парой. Улыбнулась.

— Будьте так добры, — сказала она, — сообщить Ангиару Барбадиорскому, что пришла его рыжая лисичка. — И подняла левую руку, затянутую в ярко-красную перчатку.

Сначала ее даже позабавила реакция Дэвина и Ровиго на рыночной площади. Казалья, пухлый, нездорового вида губернатор, проезжал мимо, бок о бок с посланником Барбадиора. Они чему-то смеялись. Посланник Брандина из Западной Ладони отстал на несколько шагов и ехал с группой менее знатных сановников. Скрытый в этом намек был совершенно ясен.

Алаис и Катриана стояли у лавки торговца шелком. Они обернулись посмотреть на проезжающего губернатора.

Но тот не проехал мимо. Ангиар Барбадиорский быстро положил ладонь на унизанное браслетами запястье Казальи, и они остановили гарцующих коней прямо перед обеими женщинами. Вспоминая об этом, Катриана осознала, что они с Алаис представляли собой заметную пару. Ангиар, мясистый, светловолосый, с загнутыми вверх усами и волосами такой же длины, как ее собственные теперь, очевидно, тоже так подумал.

— Норка и рыжая лисичка! — произнес он, нагнувшись к уху Казальи. Пухлый губернатор рассмеялся, слишком поспешно и слишком громко. Голубые глаза Ангиара раздели женщин до самой кожи под ярким солнцем. Алаис отвела взгляд, но не опустила глаза. Катриана ответила на взгляд барбадиора так твердо, как только могла. Она не станет опускать глаз перед этими людьми. Его улыбка стала только еще шире.

— Рыжая лисичка, в самом деле, — повторил он, но на этот раз, обращаясь к ней, а не к Казалье.

Губернатор все равно рассмеялся. Они двинулись дальше, за ними последовала свита, в том числе и посланник Брандина, у которого вид был мрачный и недовольный, несмотря на прекрасное утро.

Катриана почувствовала, что у ее плеча стоит Дэвин, а рядом с Алаис — Ровиго. Она взглянула на них и увидела в глазах

едва сдерживаемую ярость. Именно тогда ей стало смешно, хотя и ненадолго.

— Точно так, — легкомысленно сказала она, — выглядел Баэрд, перед тем как нас обоих чуть не прикончили в Тригии. Не думаю, что мне хочется повторять это приключение. У меня больше не осталось волос, которые можно остричь.

Именно Алаис, которая оказалась гораздо умнее, чем сначала думала Катриана, рассмеялась и увела их своим смехом от опасного момента. Они вчетвером пошли дальше.

— Я готов был их убить, — тихо сказал ей Дэвин, когда они остановились перед лавкой с товарами из кожи.

— Конечно, — с готовностью согласилась она. Затем, осознав, как это должно звучать и что он говорил вполне серьезно, сжала его руку. Шесть месяцев назад она бы этого не сделала. Они изменилась, они все менялись.

Но как раз в тот момент, когда насмешка и гнев уже угасали, Катриане кое-что пришло в голову. Ей показалось, что на яркий день внезапно наползла тень, хотя на небе не было ни облачка.

После она поняла, что приняла решение почти сразу же, как только идея сформировалась в ее голове.

До того как утренний рынок закрылся, она ухитрилась остаться одна, чтобы купить то, что нужно. Серьги, плащ, черный гребень. Красную перчатку.

И покупая все это, она начала думать о матери и вспоминать мост в Тригии. Неудивительно: мозг всегда работал по таким сюжетам. Эти сюжеты стали причиной того, что она на это пошла, что смогла даже подумать о таком. Когда наступит ночь, ей придется уйти одной, ничего никому не сказав. Придумать какую-нибудь ложь для Алаис. Никаких прощаний; они бы ее не пустили, как и она не пустила бы никого из них.

Но что-то надо делать, они все это знали. Надо предпринять какой-то шаг, и в то утро на рынке Катриане показалось, что она поняла, каким должен быть этот шаг.

Первую половину своей одинокой прогулки через темный город она ругала себя за недостаток мужества и за то, что у нее так дрожат руки. Но все же они перестали дрожать, когда она подошла к стене сада и увидела падающую звезду на сине-черном бархате небес.

— Нам придется тебя обыскать, сама понимаешь, — сказал один из двух стражников у ворот с кривой усмешкой на лице.

— Конечно, — пробормотала она, подходя поближе. — Так

мало развлечений, когда стоишь на страже, не так ли? — Второй рассмеялся и потянул ее вперед, но не грубо, в круг света от факелов, а потом чуть дальше, в более укромную тень у края площади. Она услышала короткий, тихий спор между двумя стражниками по другую сторону ворот, который закончился кратким приказом из шести слов. Один из них, явно более низкого звания, нехотя зашагал через двор к замку, чтобы отыскать Ангиара Барбадиорского и сообщить ему, что его мечты только что сбылись, или что-то вроде этого. Другой поспешно отпер ворота ключом, висящим на кольце у пояса, и вышел к остальным.

Они занимались ею довольно долго, но не грубо, и не позволяли себе слишком много. Если она попадет к барбадиору и завоюет его расположение, то оскорблять ее рискованно. Катриана на это и рассчитывала. Один или два раза ей удалось тихонько захихикать, но не так, чтобы их поощрить. Она все еще продолжала думать о сюжетах, вспоминая тот самый первый вечер, когда она пришла к Алессану и Баэрду. Ночной портье в гостинице с похотливой ухмылкой попытался ее пощупать, когда она проходила мимо, он не сомневался в том, зачем она здесь.

«Я не буду с вами спать, — сказала она, когда они открыли дверь на ее стук. — Я никогда не спала ни с одним мужчиной». Она видела столько иронии в своей жизни, глядя в прошлое из этих спутанных теней, пока руки охранников ощупывали ее тело. Кто из смертных знает, куда приведет линия его жизни? Вероятно, было закономерно, что она подумала о Дэвине и о том потайном чулане во дворце Сандрени. Все получилось совсем не так, как она тогда предполагала. Но в тот день она не думала о будущем и о судьбе. Тогда еще не думала.

А теперь? О чем она должна думать теперь, когда снова начинает выстраиваться сюжет судьбы? Образ, сказала она себе, стоя в тени вместе с тремя стражниками, крепко держись за образ. Выход на сцену и конец представления, свеча, от которой начнется пожар.

К тому времени как они с ней закончили, вернулся четвертый стражник с двумя барбадиорами. Они тоже улыбались. Но обращались с ней почти учтиво, когда впустили в ворота и повели через центральный двор замка. Свет неровными пятнами падал вниз из выходящих во двор верхних окон. Перед тем как войти в замок, Катриана посмотрела вверх, на звезды. Огни Эанны. И у каждого свое имя.

Они вошли в замок через массивные двери, охраняемые еще

четырьмя стражниками, потом поднялись на два длинных пролета по мраморной лестнице и прошли по ярко освещенному коридору на самом верхнем этаже. В конце этого последнего коридора виднелась приоткрытая дверь. Когда они подошли к ней, Катриана увидела за ней комнату, изящно обставленную мебелью темных, насыщенных тонов.

В дверях стоял Ангиар Барбадиорский, в голубом халате под цвет его глаз, держа в руке бокал зеленого вина, и пожирал ее взглядом второй раз за этот день.

Она улыбнулась и позволила ему взять себя за руку в красной перчатке ухоженными пальцами. Он ввел ее в комнату. Закрыл и запер дверь. Они остались одни. Повсюду горели свечи.

— Рыжая лисичка, — сказал он, — как ты любишь играть?

* * *

Дэвин всю неделю нервничал, ему было неловко в собственной коже; он знал, что они все себя так чувствуют. Сочетание нарастающего напряжения и вынужденного бездействия с пониманием — стоило только посмотреть иногда на Алессана — того, как близки они к кульминации, делало их всех неестественно, опасно раздражительными.

Перед лицом такого настроения Алаис проявила себя самым необычайным образом, она оказалась просто милостью божьей. Дочь Ровиго с каждым днем становилась все более мудрой, более мягкой и более свободно чувствовала себя среди них, как будто поняла, что в ней нуждаются, что ее пребывание здесь имеет свой смысл, и изо всех сил старалась его оправдать. Наблюдательная, неизменно веселая, всегда готовая поддержать разговор вопросами и умными ответами и с готовностью выслушивать самые длинные анекдоты, она почти в одиночку два-три раза спасала застольную беседу, не позволяя им замкнуться в тяжелом молчании или впасть в мрачную раздражительность. Слепой Ринальдо, Целитель, в нее почти влюбился, так он расцветал, когда она была рядом. И не только он один, думал Дэвин, и даже радовался, что напряжение момента не дает ему разобраться в собственных чувствах.

В атмосфере Сенцио тонкая, бледная красота Алаис и ее застенчивая грация выделяли ее, словно цветок, пересаженный в оранжерею из сада с более прохладным климатом. Конечно, так оно и было. Дэвин, который и сам умел наблюдать, ловил взгляд Ровиго, устремленный на дочь, когда она втягивала в беседу то

одного, то другого из новых товарищей, и взгляд этот был очень красноречивым.

Сейчас, в конце ужина, после того, как Алаис полчаса описывала их утренний поход на рынок так, словно это было полное открытий морское путешествие, она извинилась и ненадолго поднялась наверх. После ее ухода за столом опять вдруг воцарилось мрачное настроение, неизбежный возврат мыслей к единственной цели их жизни. Даже Ровиго не избежал его: он наклонился к Алессану и тихим, резким голосом задал вопрос насчет последней вылазки за городские стены.

Алессан и Баэрд вместе с Дукасом, Аркином и Наддо обшаривали дистраду в поисках возможных полей сражения и лучшего места для своего размещения, когда придет время им самим сделать последний, решающий ход. Дэвину не очень нравилось думать об этом. Это имело отношение к магии, а магия его всегда тревожила. Кроме того, чтобы что-то произошло, должна была состояться битва, а Альберико Барбадиорский застрял у границы и, казалось, не собирается никуда двигаться. С ума можно сойти.

Они начали проводить все больше времени врозь днем и по вечерам, частично по соображениям осторожности, но, безусловно, еще и потому, что слишком тесное общение в таком настроении никому не доставляло удовольствия. Сегодня вечером Баэрд и Дукас находились в одной таверне в гавани, отбиваясь от уговоров торговцев живым товаром. Им надо было повидаться с людьми из Тригии, моряками Ровиго и со многими другими, которые прибыли на север, откликнувшись на долгожданный призыв.

Им также надо было распространить слух: говорят, что Ринальдо ди Сенцио, сосланный дядя губернатора, находится где-то в городе и подстрекает к восстанию против Казальи и тиранов. Дэвин на мгновение усомнился в разумности этого хода, но Алессан объяснил раньше, чем Дэвин успел задать вопрос: Ринальдо очень изменился за восемнадцать лет, немногим было известно, что его ослепили. Его очень любили когда-то, и Казалья держал свое преступление в тайне, тогда говорить о нем было опасно. Его люди выкололи Ринальдо глаза, чтобы его нейтрализовать, а потом молчали об этом.

Старик, тихо сгорбившийся сейчас в углу заведения Солинги, был неузнаваем, а единственное, что они могли сейчас делать, это изо всех сил создавать в городе напряжение. Если бы губернатора удалось взбудоражить, а посланников встревожить...

Сам Ринальдо говорил мало, хотя это он предложил распустить такой слух. Казалось, он собирается с силами, словно заводит пружину: во время грядущей войны от целителя потребуется много усилий, а Ринальдо уже не молод. Когда он все же разговаривал, то в основном с Сандре. Двое стариков, бывшие враги из провинций-соперников до прихода тиранов, теперь развлекали и утешали друг друга воспоминаниями давно минувших лет, шепотом рассказывали истории о мужчинах и женщинах, которые почти все уже давно ушли к Мориан.

В последние дни Эрлейн ди Сенцио редко бывал с ними. Он выступал с Дэвином и Алессаном, но ел и пил в одиночестве, иногда у Солинги, чаще в других местах. Некоторые из жителей Сенцио узнали трубадура, пока они здесь жили, хотя Эрлейн не более охотно общался с ними, чем с людьми из собственной компании. Однажды утром Дэвин видел его с женщиной, которая была так на него похожа, что наверняка это была его сестра. Он хотел было подойти и познакомиться, но не было настроения терпеть колкости Эрлейна. Можно было по наивности подумать, что теперь, когда ход событий замер, не достигнув высшей точки, чародей наконец забудет о собственных обидах. Но этого не произошло.

Дэвина не волновали отлучки Эрлейна, потому что они не волновали Алессана. Ибо предать их для этого человека означало верную гибель. Эрлейн мог испытывать ярость, горечь, мог дуться, но он отнюдь не был глупцом.

В тот вечер он тоже ушел куда-то ужинать, хотя обещал скоро вернуться обратно к Солинги: через несколько минут они должны были начать выступление, а в этих случаях Эрлейн никогда не опаздывал. Музыка стала их единственным убежищем в эти последние дни, но Дэвин знал, что это относится в полной мере только к ним троим. Что делали остальные, разбредаясь по городу в поисках облегчения, он не мог себе представить. Нет, мог. Они же находились в Сенцио.

— Что-то не так! — Это внезапно произнес сидящий рядом с ним Ринальдо и склонил голову к плечу, словно принюхивался. Алессан прекратил рисовать карту дистрады на скатерти и быстро поднял глаза. Ровиго тоже. Сандре уже привстал со стула.

К столу поспешно подошла Алаис. Не успела она заговорить, как ледяной палец страха коснулся сердца Дэвина.

— Катриана ушла! — сказала Алаис, стараясь говорить тихо. Она перевела взгляд с отца на Дэвина, потом остановила его на Алессане.

— Что? Как? — резко спросил Ровиго. — Мы ведь должны были заметить ее, когда она спускалась вниз?

— Черная лестница снаружи, — сказал Алессан. Дэвин заметил, как он вдруг прижал ладони к крышке стола. Принц смотрел на Алаис. — Что еще?

Лицо девушки было белым.

— Она переоделась. Не понимаю зачем. Сегодня на рынке она купила черное шелковое платье и украшения. Я собиралась спросить ее об этом, но мне не хотелось быть навязчивой. Ей так трудно задавать вопросы. Но теперь их нет. Всех тех вещей, что она купила.

— Шелковое платье? — недоверчиво переспросил Алессан, повышая голос. — Во имя Мориан, что?..

Но Дэвин уже знал. Знал точно.

Алессана не было с ними в то утро, и Сандре тоже. Они не могли понять. От страха у него пересохло во рту, а сердце стремительно забилось. Он встал, опрокинув стул и пролив вино.

— О, Катриана, — произнес он. — Катриана, нет! — Это было глупо, бесполезно, словно она находилась в этой комнате и ее еще можно было остановить, все еще удержать среди них, уговорить не ходить одной в темноту в шелках и украшениях, с ее немыслимой смелостью и с ее гордостью.

— Что? Дэвин, скажи, в чем дело? — Голос Сандре резал, как клинок. Алессан ничего не сказал. Только повернулся, его серые глаза готовились к новой боли.

— Она пошла в замок, — честно ответил Дэвин. — Отправилась убить Ангиара Барбадиорского. Она считает, что это развяжет войну.

Еще не закончив говорить, он уже сорвался с места, трезвые мысли исчезли, его подталкивало нечто более глубокое, бесконечно глубокое, хотя, если она уже добралась до замка, надежды не оставалось, совсем не оставалось.

Когда он оказался у двери, то уже бежал изо всех сил. Но Алессан был рядом, а Ровиго отстал лишь на шаг. Дэвин сшиб кого-то с ног, когда они выскочили в темноту. Он не оглянулся.

«Эанна, смилуйся, — молча молился он, снова и снова, пока они мчались в сторону восходящих лун. — Богиня Света, не допусти этого. Только не это».

Но вслух он ничего не говорил. Он несся к замку в темноте, и страх сидел в нем, как живое существо, принося ужасное предчувствие смерти.

Дэвин знал, как быстро умел бегать, он всю жизнь гордился

своей быстротой. Но Алессан бежал как одержимый, едва касаясь земли, и не отстал от него, когда они достигли Губернаторского замка. Они одновременно свернули за угол, подбежали к садовой стене и тут остановились, глядя вверх, сквозь ветви громадного, раскидистого дерева седжойи. Они слышали, как сзади к ним подбежал Ровиго и кто-то еще. Они не оглянулись. Оба смотрели в одну точку.

В одном из самых высоких окон вырисовывался на фоне света факелов силуэт женщины. Знакомый им силуэт. В длинном черном платье.

Дэвин упал на колени в залитом лунным светом переулке. Он хотел вскарабкаться на стену, хотел громко крикнуть ее имя. Его окутывал сладкий аромат цветов тейн. Он взглянул на лицо Алессана и быстро отвел взгляд от того, что увидел в нем.

* * *

Как она любит играть?

В основном не любит, и особенно вот так. Она никогда не была любительницей игр. Она любила плавать, бродить в одиночестве утром по пляжу. Любила гулять в лесу, собирать грибы и листья маготи для чая. Она всегда любила музыку и еще больше полюбила ее после знакомства с Алессаном. Да, лет шесть или семь назад она начала иногда видеть сны о том, как где-нибудь в мире найдет любовь и страсть. Но ей это снилось нечасто, и у мужчины в ее снах почти никогда не было лица.

Но сейчас рядом было мужское лицо, и это был не сон. И не игра. Это была смерть.

Катриана лежала на его кровати, обнаженная, под его взглядом и прикосновениями, и только украшения сияли на запястье, на шее, в ушах и в волосах. Во всех уголках комнаты ярко горел свет. По-видимому, Ангиару нравилось видеть, как женщины отзываются на то, что он делает.

— Ложись на меня сверху, — пробормотал он ей в ухо.

— Потом, — ответила она.

Он рассмеялся хриплым, горловым смехом и перекатился на нее сверху. Он тоже был без одежды, не считая белой рубахи, распахнутой спереди и открывающей тонкие светлые волосы на его груди.

Он был искусным любовником и очень опытным. Именно это и позволило ей убить его в конце концов.

Он нагнул голову к ее груди, перед тем как проникнуть в

нее. Взял в рот сосок, удивительно нежно, и начал водить вокруг него языком.

Катриана на мгновение прикрыла глаза и издала звук, подходящий, как она считала, в данный момент. Потом кошачьим жестом вытянула над головой руки, чувственно извиваясь всем телом под его ртом и руками. Взялась за черный гребень в волосах. «Рыжая лисичка». Она снова застонала. Его руки скользнули между ее бедрами, потом вверх, губы не отрывались от ее груди. Она вынула гребень из волос, нажала пружину, и из него выскочило лезвие. А потом, не торопясь, словно у нее было полно времени в запасе, словно это единственное мгновение было суммой всех мгновений ее жизни, она опустила кинжал и вонзила ему в горло.

И его жизнь закончилась.

На оружейном рынке Сенцио можно купить что хочешь. Все, что угодно. В том числе женское украшение с потайным лезвием. И с ядом на лезвии. Украшение для волос, черное, со сверкающими камешками, один из которых нажимал скрытую пружину и высвобождал лезвие. Изящная, смертоносная вещица.

Сделанная, конечно, в Играте. Так как для ее сегодняшнего плана это было основным.

Ангиар в шоке откинул назад голову. Рот его скривился в непроизвольном оскале, глаза вылезали из орбит в предсмертной агонии. Из горла толчками лилась кровь, пропитывая простыни и заливая Катриану.

Он испустил жуткий вопль. Скатился с нее, с кровати на покрытый ковром пол, отчаянно вцепившись в свое горло. Снова закричал. Из него вытекало так много крови. Он пытался остановить ее, прижимая ладони к ране. Это не имело значения. Его убьет не рана. Катриана смотрела на него, слышала, как прекратились крики и сменились мокрым, булькающим звуком. Ангиар Барбадиорский медленно перевалился на бок, все еще с открытым ртом, из его горла на ковер сочилась кровь. А потом его голубые глаза затуманились и закрылись.

Катриана взглянула на свои руки. Они были спокойными. И таким же было биение ее сердца. В то мгновение, которое вобрало в себя все мгновения ее жизни. Выходы на сцену и концы представлений.

Кто-то яростно забарабанил в запертую дверь. Раздались испуганные крики и взрывы проклятий.

Она еще не закончила. Нельзя позволить им схватить ее. Она знала, что может сделать магия с рассудком. Если они ее

схватят, то схватят и всех ее друзей. Они все узнают. Она не питала иллюзий и знала, что придется сделать последний шаг, когда придумала этот план.

Они снова барабанили в дверь. Дверь большая и тяжелая, она продержится несколько секунд. Катриана встала и снова надела платье. Сейчас ей не хотелось оставаться обнаженной, она даже не могла бы толком объяснить почему. Перегнулась через кровать и взяла игратянское оружие, это сверкающее орудие смерти, и, стараясь не задеть отравленное лезвие, положила его рядом с Ангиаром, чтобы его быстро нашли. Необходимо, чтобы его нашли.

Со стороны двери донесся резкий звук ломающегося дерева, снова крики, шум и суматоха в коридоре. Она подумала о том, не поджечь ли комнату — будто зажечь свечу, как ей представлялось, — но они должны найти тело Ангиара и увидеть, что именно его убило. Катриана открыла окно и встала на подоконник. Форма окна была элегантно удлиненной, достаточно вытянутой вверх, так что она легко встала во весь рост. На мгновение она посмотрела вниз. Комната находилась над садом, достаточно высоко над садом. Более чем достаточно. Аромат деревьев седжойи плыл вверх, а также тяжелый, сладкий запах цветов тейн и других ночных цветов, названия которых она не знала. Уже взошли обе луны, Видомни и Иларион, и наблюдали за ней. Она какое-то мгновение смотрела на них, но молитва ее была обращена к Мориан, потому что уходила она к Мориан, в самые последние врата.

Она подумала о матери. Об Алессане. О мечте, которая стала ее мечтой и ради которой она сейчас должна умереть в чужой стране. Мельком вспомнила об отце, понимая, какое отношение все это имеет к тому, что каждое поколение накладывает отпечаток на следующее так или иначе. «Пусть этого будет достаточно», — молилась Катриана, направляя эту мысль, как стрелу, к Мориан в ее Чертогах.

Дверь с оглушительным треском рухнула внутрь комнаты. Полдюжины мужчин ввалились в комнату. Пора. Катриана отвернулась от звезд, от двух лун, от сада. Посмотрела сверху, с подоконника, на мужчин. Сердце ее пело, звучало крещендо надежды и гордости.

— Смерть барбадиорским прислужникам! — крикнула она изо всех сил. — Свободу Сенцио! — закричала она, а потом: — Да здравствует Брандин, король Ладони!

Один из них, более быстрый, среагировал и бросился через

комнату. Но он не успел, он не был таким быстрым, как она. Она уже повернулась, эти последние, необходимые слова разъедали ей мозг, словно кислота. Она снова увидела луны, звезды Эанны, распахнутую в ожидании темноту между ними и землей.

Катриана прыгнула. Ощутила на своем лице и в волосах ночной ветер, еще секунду слышала голоса, а потом уже ничего не слышала, только громкий свист ветра. Она была одна в падении. Кажется, она всегда была одна. Конец представления. Свеча. Воспоминания. Сон, молитва о пламени грядущего пожара. Затем последняя дверь, неожиданно мягкая тьма широко распахнулась перед ней в воздухе. Они закрыла глаза как раз перед тем, как в нее провалиться.

Глава 19

Теплая ночь, аромат цветов. Лунный свет на деревьях, на светлых камнях садовой стены, на женщине, стоящей высоко в окне.

Дэвин слышит слева от себя какой-то шум. Подбегающий Ровиго останавливается, застывает потрясенно, проследив за взглядом Алессана. За его спиной возникают Сандре и Алаис.

— Помоги мне! — хриплым голосом приказывает герцог, падая на колени на мостовую рядом с Дэвином. У него искаженное, безумное лицо, а в руке кинжал.

— Что? — ахает Дэвин, не понимая. — Что вы хотите?

— Мои пальцы! Сейчас! Отруби их! Мне необходима сила! — Сандре д'Астибар резко сует рукоять кинжала в ладонь Дэвина и хватается пальцами левой руки за выступающий камень мостовой. Только третий и четвертый пальцы этой руки вытянуты вперед. Пальцы чародея, связывающие его с Ладонью.

— Сандре... — заикаясь, начинает Дэвин.

— Молчи! Руби, Дэвин!

Дэвин выполняет приказ. Стиснув зубы от боли, от горя, сморщив лицо, он заносит острое, тонкое лезвие и опускает его на выставленные пальцы Сандре. Слышит чей-то крик. Это Алаис, не герцог.

Но в тот момент, когда нож врезается в плоть до самого камня, возникает короткая, ослепительная вспышка. Потемневшее лицо Сандре освещается короной белого света, которая вспыхивает, как звезда, вокруг его головы и гаснет, ослепив их на мгновение своим сиянием.

Алаис опускается на колени с другой стороны от герцога и быстро перевязывает кровоточащую руку куском ткани. Сандре с усилием поднимает эту руку и молчит от боли. Не говоря ни слова, Алаис помогает ему, поддерживая его под локоть.

С высоты над ними доносится резкий, далекий треск, кричат мужские голоса. Силуэт Катрианы в окне внезапно напрягается. Она что-то кричит. Они слишком далеко, чтобы различить слова. До ужаса далеко. Они видят, как она поворачивается лицом к темноте, к ночи.

— О моя дорогая, нет! Только не это! — из самого сердца Алессана вырывается этот прерывистый шепот.

Слишком поздно. Слишком, слишком поздно.

Стоя на коленях на пыльной дороге, Дэвин видит, как она падает.

Не переворачивается в воздухе, не кувыркается, летя к смерти, а летит со свойственной ей всегда грацией, словно ныряльщица, рассекающая толщу ночи. Сандре вытягивает вперед искалеченную руку чародея и напряженно тянется вверх. Он скороговоркой произносит слова, которых Дэвин не понимает. В ночи вдруг возникает странное, расплывчатое пятно, дрожание, словно от неестественно раскалившегося воздуха. Рука Сандре направлена прямо на падающую женщину. Сердце Дэвина на мгновение замирает, охваченное страстной, невероятной надеждой.

Потом снова начинает биться, тяжело, как в старости, как перед смертью. Что бы Сандре ни пытался совершить, этого мало. Он слишком далеко, заклинание слишком трудное, он еще не освоился со своей силой. Можно назвать любую из этих причин, или все сразу, или дело совсем в другом.

Катриана падает. Никем не остановленная, прекрасная, залитая лунным светом фантастическая фигура женщины, которая умеет летать. Вниз, к концу, чтобы рухнуть сломанной, бесформенной массой за стеной сада.

Алаис разражается отчаянными рыданиями. Сандре закрывает глаза здоровой рукой, качаясь из стороны в сторону. Дэвин почти ничего не видит из-за слез. Высоко над ними, в окне, где она только что стояла, появляются смутно видимые мужские фигуры. Они смотрят в темноту сада.

— Нам надо уходить! — хрипло каркает Ровиго, его слова едва можно разобрать. — Они будут искать.

Это правда. Дэвин знает это. И если есть какой-то дар, хоть что-нибудь, что они могут предложить в ответ Катриане, которая, возможно, наблюдает за ними откуда-то вместе с Мориан, это сделать так, чтобы ее смерть не была бессмысленной или напрасной.

Дэвин заставляет себя подняться с колен и помогает Сандре встать. Потом поворачивается к Алессану. Тот не шевелится, не отводит глаз от окна в вышине, где все еще стоят жестикулирующие люди. Дэвин вспоминает принца в тот день, когда умерла его мать. Теперь то же самое. Только еще хуже. Он вытирает глаза тыльной стороной ладони. Поворачивается к Ровиго.

— Нас слишком много, надо разделиться. Вы с Сандре берите Алаис. Будьте очень осторожны. Ее могут узнать — она была с Катрианой, когда их увидел губернатор. Мы пойдем другой дорогой и встретимся с вами в гостинице.

Он берет Алессана за руку, поворачивает его. Принц не сопротивляется, идет следом за ним. Они вдвоем направляются на юг. Спотыкаясь, идут по улице, которая уводит их от замка, от сада, где лежит Катриана. Тут Дэвин видит, что все еще держит в руке окровавленный кинжал Сандре. Он сует его за пояс.

Он думает о герцоге, о том, что только что сделал с собой Сандре. Он вспоминает — его мозг проделывает знакомые трюки с временем и памятью — ту ночь в охотничьей хижине Сандрени прошлой осенью. Свою первую ночь, которая привела его сюда. Когда Сандре сказал им, что не может вывести Томассо из темницы живым, потому что у него не хватит сил. Потому что он так и не пожертвовал пальцами и не связал себя клятвой чародея.

А теперь он это сделал. Ради Катрианы, не ради своего сына, и все напрасно. Во всем этом столько боли. Томассо мертв уже девять месяцев, а теперь она лежит в саду Сенцио, мертвая, как все те люди из Тиганы, которые пали в битве при Дейзе много лет назад.

Именно поэтому она совершила свой поступок, Дэвин в этом уверен. Она сказала ему об этом в замке Альенор. Он снова начинает плакать, не в состоянии остановиться. И через секунду чувствует на своем плече руку Алессана.

— Держись, еще совсем немного, — говорит принц. Его первые слова после ее падения. — Ты вел меня, я поведу тебя, а потом мы будем горевать вместе, ты и я. — Он оставляет руку на плече Дэвина. Они идут по темным улицам и по улицам, освещенным факелами.

На улицах Сенцио уже поднимается переполох, носятся слухи, быстро передаваемые тихим шепотом, о каком-то происше-

ствии в замке. Губернатор мертв, возбужденно кричит кто-то, пробегая мимо них. Барбадиоры перешли границу, вопит женщина, высунувшись из окна над таверной. У нее рыжие волосы, и Дэвин отводит взгляд. Пока на улицах нет стражников; они шагают быстро, и их никто не останавливает.

Позднее, вспоминая об этом возвращении, Дэвин понял, что ни разу, ни на секунду не усомнился, что Катриана убила того барбадиора, перед тем как прыгнуть вниз.

* * *

Когда они вернулись к Солинги, Дэвину хотелось лишь подняться к себе в комнату и закрыть глаза, оказаться подальше от людей, от вторгающейся суеты окружающего мира. Но, войдя в гостиницу, они с принцем вдруг услышали громкие приветственные крики в переполненной передней комнате, которые быстро распространились по всем залам. Они уже давно должны были начать первое из вечерних выступлений, и таверна Солинги была переполнена людьми, пришедшими послушать их игру, невзирая на все нарастающий на улицах шум.

Дэвин переглянулся с Алессаном. Музыка.

Эрлейна нигде не было видно, но они вдвоем медленно прошли сквозь толпу к возвышению между двумя залами. Алессан взял свирель, а Дэвин встал рядом с ним в ожидании. Принц выдул несколько пробных, мелодичных нот, а затем, ни слова не говоря, начал играть то, что и предполагал Дэвин.

При первых высоких, печальных нотах «Плача по Адаону», слетевших в плотно набитые залы, поднялся удивленный ропот, который быстро сменился тишиной. И в эту тишину Дэвин последовал за свирелью Алессана и высоким голосом запел «Плач». Но на этот раз он оплакивал не бога, хотя слова остались теми же. Не падение Адаона с его высоты, а падение Катрианы.

Люди после говорили, что никогда еще среди столиков у Солинги не было такой зачарованной тишины. Даже слуги и повара на кухне позади бара бросили свои дела, стояли и слушали. Никто не двигался, никто не издавал ни звука. Лишь играла свирель, и одинокий голос пел самый древний похоронный плач на Ладони.

В комнате наверху Алаис подняла голову от пропитанной слезами подушки и медленно села. Ринальдо, занимавшийся искалеченной рукой Сандре, повернул свое незрячее лицо к двери, и оба они замерли. И Баэрд, который вернулся сюда вместе

с Дукасом и узнал новости, которые разбили его сердце, а ведь он считал, что этого с ним больше никогда не может произойти, слушал пение Дэвина внизу и чувствовал, будто его душа покидает его, как тогда, в ночь Поста, и летит сквозь тьму в поисках покоя, и дома, и придуманного в мечтах мира, в котором молодые женщины не умирают вот так.

На улице, куда доносились звуки свирели и этот чистый, жалобный голос, люди прекращали свою шумную погоню за слухами или за ночными удовольствиями и останавливались у дверей Солинги, слушая мелодию горя, звуки любви, прочно вплетенные в магию музыки, созданную чувством утраты.

И еще долго после этого в Сенцио вспоминали то нереальное, душераздирающее, совершенно неожиданное исполнение «Плача» в теплую, тихую ночь, ознаменовавшую начало войны.

* * *

Они исполнили всего одну песню и замолчали. Оба были совершенно опустошены. Дэвин взял у Солинги в баре две открытых бутылки вина и пошел вслед за Алессаном наверх. Дверь одной из комнат стояла приоткрытой. Это была комната Алаис и Катрианы. В дверях ждал Баэрд; он издал тихий задыхающийся звук и сделал шаг вперед, в коридор, и Алессан обнял его.

Они долго стояли, обнявшись, слегка раскачиваясь. Когда они разжали объятия, их глаза казались затуманенными, незрячими.

Дэвин вошел вслед за ними. Там были Алаис и Ровиго, Сандре, Ринальдо, Дукас и Наддо. Чародей Сертино. Все они набились в одну комнату, словно пребывание в комнате, из которой она ушла, может каким-то образом удержать возле них ее душу.

— Кто-нибудь догадался принести вина? — слабым голосом спросил Ринальдо.

— Догадался, — ответил Дэвин, подходя к Целителю. Ринальдо выглядел бледным и измученным. Дэвин бросил взгляд на левую руку Сандре и увидел, что кровотечение прекратилось. Он положил руку Ринальдо на одну из бутылок с вином, и Целитель стал пить из нее, не вспомнив о стакане. Вторую бутылку Дэвин дал Дукасу, который сделал то же самое.

Сертино смотрел на руку Сандре.

— Вам придется приобрести привычку маскировать эти пальцы. — Он поднял собственную левую руку, и Дэвин увидел уже знакомую иллюзию целых пальцев.

— Знаю, — ответил Сандре. — Но сейчас я чувствую себя очень слабым.

— Неважно, — сказал Сертино. — Если увидят, что у вас не хватает двух пальцев, вы погибли. Как бы мы ни устали, маскировка должна быть постоянной. Сделайте это. Сейчас.

Сандре сердито посмотрел на него, но круглое розовое лицо чародея из Чертандо не выражало ничего, кроме озабоченности. Герцог на мгновение прикрыл глаза, поморщился, потом медленно поднял левую руку. Дэвин увидел на ней все пять пальцев, или их иллюзию. Он никак не мог избавиться от мысли о Томассо, который умер в подземелье Астибара.

Дукас протянул ему бутылку. Дэвин взял ее и сделал несколько глотков, потом передал бутылку Наддо и сел рядом с Алаис на кровать. Она взяла его за руку, чего никогда не делала раньше. Глаза ее покраснели от слез, кожа казалась припухшей. Алессан тяжело опустился на пол возле двери, прислонился спиной к стенке и закрыл глаза. При свечах лицо его выглядело осунувшимся, скулы резко выступили.

Дукас прочистил горло.

— Нам лучше заняться планами, — смущенно произнес он. — Если она убила барбадиора, сегодня ночью в городе будет обыск, а что будет завтра, известно лишь Триаде.

— Сандре воспользовался магией, — сказал Алессан, не открывая глаз. — Если в Сенцио есть Охотник, ему грозит опасность.

— С этим мы можем разобраться, — яростно произнес Наддо, переводя взгляд с Дукаса на Сертино. — Однажды мы уже это сделали, вспомните. А с тем Охотником было более двадцати человек.

— Вы не в горах Чертандо, — мягко напомнил ему Ровиго.

— Не имеет значения, — возразил Дукас. — Наддо прав. Нас окажется достаточно на улице, и с нами будет Сертино, чтобы указать на Охотника, и если мы не сможем устроить потасовку, в которой Охотника убьют, мне будет стыдно за своих людей.

— Это рискованно, — сказал Баэрд.

Дукас внезапно улыбнулся волчьей улыбкой, холодно и жестко, без всякого веселья.

— Сегодня я с удовольствием рискну, — сказал он. Дэвин хорошо понял, что он имел в виду.

Алессан открыл глаза и посмотрел на них.

— Так сделайте это, — сказал он. — Дэвин может передавать

нам от вас сообщения. Мы уведем отсюда Сандре, обратно на корабль, если понадобится. Если вы пришлете сообщение, что...

Он замолчал, потом одним гибким движением вскочил на ноги. Баэрд уже схватил свой меч, который стоял у стены. Дэвин встал, выпустив руку Алаис.

Со стороны наружной лестницы снова донесся шум. Потом чья-то рука открыла раму наружу, и Эрлейн ди Сенцио, осторожно перешагнув через подоконник, вошел в комнату с Катрианой на руках.

В мертвой тишине он несколько мгновений смотрел на них всех, впитывая немую сцену, потом повернулся к Алессану.

— Если вас беспокоит магия, — произнес он тонким, как бумага, голосом, — то вам надо беспокоиться еще сильнее. Я только что израсходовал очень много энергии. Если в Сенцио есть Охотник, то весьма вероятно, что все, кто окажется рядом со мной, будут схвачены и убиты. — Он замолчал, потом очень слабо улыбнулся. — Но я поймал ее вовремя. Она жива.

Мир вокруг Дэвина закружился и покачнулся. Он услышал свой собственный, нечленораздельный, радостный крик. Сандре буквально подпрыгнул и бросился к Эрлейну, чтобы взять у него бесчувственное тело Катрианы. Он поспешно опустил ее на кровать. Он снова плакал. И совершенно неожиданно плакал Ровиго.

Дэвин резко повернулся к Эрлейну. И успел увидеть, как Алессан пересек комнату двумя шагами, схватил измученного чародея в свои медвежьи объятия и приподнял его над землей, не обращая внимания на слабые протесты Эрлейна. Когда Алессан отпустил его и отступил назад, его серые глаза сияли, лицо освещала улыбка, которую он не мог сдержать. Эрлейн безуспешно пытался сохранить свое обычное циничное выражение лица. Тут Баэрд подошел к нему и без предупреждения схватил чародея за плечи и расцеловал в обе щеки.

И снова трубадур пытался выглядеть суровым и недовольным. И снова ему это не удалось. Совершенно неубедительно стараясь нахмуриться, он сказал:

— Эй, поосторожней. Дэвин и так сделал из меня лепешку, когда вы все выскочили из двери. Я весь в синяках. — Он сердито взглянул на Дэвина, который в ответ радостно улыбнулся.

Сертино подал Эрлейну бутылку. Тот жадно припал к ней, вытер рукавом рот.

— Нетрудно было догадаться по тому, как вы мчались, что случилось нечто серьезное. Я бросился следом, но теперь я не

слишком быстро бегаю, поэтому решил прибегнуть к магии. И добрался до дальнего конца стены сада как раз тогда, когда Алессан и Дэвин добежали до ближней стороны.

— Почему? — резко спросил Алессан с удивлением в голосе. — Ты же никогда не прибегаешь к магии. Почему сейчас?

Эрлейн демонстративно пожал плечами.

— Я никогда раньше не видел, чтобы вы все так куда-то мчались. — Он скорчил гримасу. — Полагаю, я поддался общему порыву.

Алессан снова улыбался: казалось, он не может надолго удержаться от улыбки. Каждые несколько секунд он бросал быстрый взгляд на кровать, словно желая убедиться в том, кто там лежит.

— А потом? — спросил он.

— Потом я увидел ее в окне и понял, что происходит. Тогда я воспользовался магией, чтобы перебраться через стену, и ждал в саду под окном. — Он повернулся к Сандре. — Вы послали поразительной силы чары с такого большого расстояния, но у вас не было никаких шансов. Вы не могли знать, потому что никогда не пробовали, что нельзя остановить падение. Нужно находиться прямо под падающим человеком. И, как правило, этот человек должен быть без сознания. Такой вид магии действует почти исключительно на наше собственное тело: если мы хотим направить ее на кого-то другого, его воля должна быть отключена, иначе все путается, человек понимает, что происходит, и его мозг начинает сопротивляться.

Сандре качал головой.

— А я думал, дело в моей собственной слабости. Что я просто недостаточно силен, даже связав себя с Ладонью.

На лице Эрлейна появилось странное выражение. На секунду показалось, что он что-то хочет на это ответить, но вместо этого он продолжил рассказ:

— Я произнес заклинание, чтобы лишить ее сознания на полпути вниз, а потом более сильное, чтобы поймать ее над землей. А потом последнее, чтобы снова перенести нас через стену. К тому моменту я уже полностью выдохся и был в ужасе, что они нас сейчас же обнаружат, если в замке находится Охотник. Но они не обнаружили, там царил слишком большой кавардак. Думаю, там и сейчас что-то происходит. Мы какое-то время прятались за главным храмом Эанны, а потом я принес ее сюда.

— Вы несли ее на руках по улицам? — спросила Алаис. — И никто не заметил?

Эрлейн ласково улыбнулся ей.

— Это не такая уж редкость в Сенцио, дорогая. — Алаис покраснела как рак, но Дэвин видел, что ее это не слишком волнует. Все было в порядке. Внезапно все оказалось в полном порядке.

— Тогда нам лучше выйти на улицу, — обратился Баэрд к Дукасу. — Надо позвать Аркина и еще кое-кого. Есть тут Охотники или нет, но это меняет дело. Когда они не обнаружат тела в саду, город начнут прочесывать. Думаю, придется организовать небольшую драку.

Дукас снова улыбнулся, и улыбка его еще больше напоминала волчью.

— Надеюсь, — вот и все, что он сказал.

— Минутку, — тихо произнес Алессан. — Я хочу, чтобы все были свидетелями. — Он снова повернулся к Эрлейну и заколебался, подбирая слова. — Мы оба знаем, что ты сделал это сегодня без какого-либо принуждения с моей стороны и вопреки собственным интересам, в любом смысле.

Эрлейн бросил взгляд на кровать, и два красных пятна неожиданно проступили на его худых щеках.

— Не надо преувеличивать, — ворчливо предостерег он. — У каждого человека бывают моменты безумия. Мне нравятся рыжеволосые женщины, вот и все. На это ты меня и поймал, помнишь?

Алессан покачал головой.

— Это, возможно, и правда, но не вся, Эрлейн ди Сенцио. Я связал тебя с нашим делом против твоей воли, но, думаю, ты только что присоединился к нему добровольно.

Эрлейн с чувством выругался.

— Не будь глупцом, Алессан! Я тебе только что сказал, что...

— Я слышал, что ты мне сказал. Но я выношу собственные суждения всегда. И правда состоит в том, как я поневоле сегодня понял, благодаря и тебе, и Катриане, что есть пределы тому, что я хочу делать или видеть сделанным, ради любого дела. Даже своего собственного.

Произнеся эти слова, Алессан быстро шагнул вперед и положил руку на лоб Эрлейна. Чародей отшатнулся, но Алессан его удержал.

— Я, Алессан, принц Тиганы, — четко произнес он, — прямой потомок Микаэлы, именем Адаона и его дара своим детям, возвращаю тебе свободу, чародей!

Оба они внезапно отшатнулись друг от друга, словно разрезали туго натянутую между ними струну. Лицо Эрлейна стало смертельно бледным.

— Я еще раз повторяю тебе, — прохрипел он, — ты глупец!

Алессан покачал головой.

— Ты меня называл и похуже, и не без причины. Но теперь я скажу тебе то, что тебе, возможно, очень не понравится, я разоблачу тебя: ты — порядочный человек, так же стремящийся к свободе, как и любой из нас. Эрлейн, ты не можешь больше прятаться за своими настроениями и своей затаенной враждебностью. Не сможешь переносить на меня свою ненависть к тиранам. Если ты предпочтешь нас покинуть, можешь это сделать. Но мне кажется, этого не произойдет. Добро пожаловать в нашу труппу по собственному желанию.

Эрлейн казался охваченным сомнениями, загнанным в угол. У него было настолько сконфуженное лицо, что Дэвин громко рассмеялся; теперь ему стала ясна вся ситуация, комичная и странная, вывернутая наизнанку. Он шагнул вперед и обхватил чародея.

— Я рад. Рад, что ты с нами.

— Вовсе нет! Я этого не говорил! — рявкнул Эрлейн. — Я ничего такого не сказал и не сделал!

— Конечно, ты с нами. — Это произнес Сандре, на его темном, морщинистом лице явно читались усталость и боль. — Сегодня ты это доказал. Алессан прав. Он знает тебя лучше, чем любой из нас. В некотором смысле даже лучше, чем ты сам себя знаешь, трубадур. Как долго ты старался заставить себя поверить, что для тебя ничто не имеет значения, кроме собственной шкуры? Скольких людей ты убедил в этом? Меня. Баэрда и Дэвина. Возможно, Катриану. Но не Алессана, Эрлейн. Он только что дал тебе свободу, чтобы показать, что мы все ошибались.

Воцарилось молчание. Они слышали крики на улицах внизу, топот бегущих ног. Эрлейн повернулся к Алессану, и они посмотрели друг на друга. Дэвина вдруг посетило видение, еще одно вторжение картинки из прошлого: их костер у дороги в Феррате, Алессан играет для Эрлейна песни Сенцио, разъяренный трубадур, сидящий у реки. Столько разных слоев, столько разных значений заложено в этом.

Он увидел, как Эрлейн ди Сенцио поднял руку, левую руку, с имитацией пяти пальцев, и протянул ее Алессану. Тот протянул вперед правую руку, и их ладони встретились.

— Наверное, я все-таки с вами, — сказал Эрлейн.

— Я знаю, — ответил Алессан.

— Пошли! — через секунду произнес Баэрд. — У нас много

дел. — Дэвин последовал за ним вместе с Дукасом, Сертино и Наддо к наружной лестнице за окном.

Перед тем как шагнуть через подоконник, Дэвин оглянулся и посмотрел на кровать. Эрлейн заметил это.

— С ней все в порядке, — мягко сказал чародей. — Она в полном порядке. Делай, что нужно, и возвращайся к нам.

Дэвин посмотрел на него. Они обменялись почти застенчивыми улыбками.

— Спасибо, — сказал Дэвин, имея в виду сразу многое. И последовал за Баэрдом вниз, в суматоху шумных улиц.

* * *

Она проснулась за несколько секунд до того, как открыла глаза. Почувствовала, что лежит на чем-то мягком и неожиданно знакомом, а вокруг звучат голоса, то приближаясь, то отдаляясь, словно морской прибой или медленно кружащиеся светлячки летней ночью дома. Сначала она не узнавала эти голоса. Ей было страшно открыть глаза.

— Думаю, она уже очнулась, — сказал кто-то. — Сделайте мне одолжение и оставьте нас с ней вдвоем на несколько минут.

Этот голос она знала. Она услышала, как люди встают и выходят из комнаты. Закрылась дверь. Тот голос принадлежал Алессану.

А это значит, что она не умерла. И это все-таки не Чертоги Мориан, и ее окружают не тени умерших. Катриана открыла глаза.

Он сидел на стуле, близко придвинутом к ее кровати. Она находилась у себя в комнате в гостинице Солинги. Кто-то снял с нее черное шелковое платье, смыл кровь с ее кожи, укрыл одеялом.

От нахлынувших воспоминаний у нее закружилась голова.

Алессан тихо сказал:

— Ты жива. Эрлейн ждал тебя в саду, под окном. Он отключил твое сознание, а потом поймал на лету с помощью магии и принес сюда.

Катриана снова закрыла глаза, пытаясь справиться со всем этим. С самим фактом жизни, с поднимающейся и опускающейся в такт дыханию грудью, с биением сердца, со странным, головокружительным ощущением, словно она могла унестись от самого легкого дуновения ветерка.

Но она не улетит. Она находится у Солинги, и Алессан си-

дит рядом. Он попросил всех выйти. Катриана повернула голову и снова посмотрела на него. Он был очень бледен.

— Мы думали, ты умерла, — сказал он. — Мы смотрели, как ты падала, из-за стены сада. То, что сделал Эрлейн, он сделал по своей воле. Никто из нас не знал. Мы думали, что ты умерла, — повторил он через секунду.

Катриана обдумала это. Потом сказала:

— Я чего-нибудь добилась? Что-нибудь происходит?

Алессан запустил пальцы в волосы.

— Еще слишком мало времени прошло, чтобы сказать наверняка. Но я думаю, да. На улицах суматоха. Если напряжешься, услышишь.

Сосредоточившись, она действительно различила крики, топот ног, бегущих под окном.

Алессан казался неестественно подавленным, как будто боролся с чем-то. Но в комнате было очень тихо. Кровать теперь казалась мягче, чем раньше. Она ждала, глядя на него.

Алессан осторожно сказал:

— Катриана, я передать тебе не могу, как сегодня испугался. Ты должна меня сейчас выслушать и постараться все обдумать, потому что это имеет очень большое значение. — Выражение его лица было странным, и что-то такое было в его голосе, что она не вполне улавливала.

Он протянул руку и положил на ее ладонь, лежащую на одеяле.

— Катриана, я не сужу о тебе по поступкам твоего отца. Никто из нас этого не делает. Ты не должна больше так с собой поступать. Тебе никогда ничего не нужно было доказывать в оправдание. Ты такая как есть, сама по себе.

Для нее это была трудная тема, самая трудная из всех, и сердце ее забилось быстрее. Она внимательно наблюдала за ним, ее голубые глаза смотрели прямо в его серые. Его длинные, тонкие пальцы держали ее руку. Катриана сказала:

— Мы приходим в этот мир со своим прошлым, с историей. Семья имеет значение. Он был трусом, он убежал.

Алессан покачал головой, выражение его лица оставалось напряженным.

— Нам надо быть осторожными, — пробормотал он. — Очень осторожными, когда беремся их судить за то, что они делали в те дни. Есть много причин, кроме страха за себя, почему мужчина, имеющий жену и новорожденную дочь, мог предпочесть остаться с ними и попытаться сохранить им жизнь. Дорогая моя,

за эти годы я встречал столько мужчин и женщин, которые уехали ради своих детей.

Катриана почувствовала, что вот-вот заплачет, и старалась удержать слезы. Она терпеть не могла говорить об этом. Этот вопрос был твердым ядром боли в сердцевине всех ее поступков.

— Но это было еще до Дейзы, — прошептала она. — Он уехал еще до сражений. Даже до того боя, который мы выиграли.

Он снова покачал головой, содрогнувшись при виде ее отчаяния. Неожиданно поднял ее руку и поднес к своим губам. Она не помнила, чтобы он когда-нибудь раньше так поступал. Во всем этом было что-то очень странное.

— Родители и дети, — произнес он так тихо, что она еле разобрала слова. — Это так тяжело; мы судим с такой поспешностью. — Он поколебался. — Не знаю, рассказал ли тебе Дэвин, но моя мать прокляла меня в тот час, перед смертью. Назвала меня предателем и трусом.

Катриана заморгала и попыталась сесть. Слишком резко. Она ощутила головокружение и страшную слабость. Дэвин ничего подобного ей не рассказывал; он вообще почти ничего не сказал о том дне.

— Как она могла? — спросила Катриана, в ней закипал гнев против этой женщины, которую она никогда не видела. — Тебя? Трусом? Разве она ничего не знала о...

— Она знала почти все, — тихо ответил он. — Она просто не была согласна со мной по поводу того, в чем заключается мой долг. Вот что я пытаюсь сказать, Катриана: можно не совпадать во мнениях по подобным вопросам и дойти до такого ужаса, как мы оба. В последнее время я узнаю так много нового. Я думаю, в мире, где мы оказались, больше всего мы нуждаемся в сочувствии, иначе нам грозит полное одиночество.

На этот раз ей удалось приподняться повыше. Она смотрела на него и представляла себе тот день, те слова его матери. Вспомнила, что она сама сказала отцу в последнюю ночь в родном доме, слова, которые заставили его в ярости убежать из дома во тьму. Он все еще бродил где-то в одиночестве, когда она ушла.

Катриана с трудом спросила:

— Это... это так и закончилось, с твоей матерью? Так она и умерла?

— Она так и не отказалась от своих слов, но позволила мне перед концом взять ее за руку. Наверное, я так и не узнаю, означало ли это...

— Конечно, означало! — быстро сказала она. — Конечно, означало, Алессан. Мы все так поступаем. Мы все говорим своими руками, своими глазами то, что боимся сказать словами. — Катриана удивила сама себя: она и не знала, что ей известны такие вещи.

Тут Алессан улыбнулся и опустил взгляд на свои пальцы, продолжавшие сжимать ее руку. Она почувствовала, что краснеет. Он сказал:

— В этом есть своя правда. Сейчас я так и делаю, Катриана. Возможно, я все-таки трус.

Он отослал из комнаты остальных. Ее сердце продолжало биться очень быстро. Она посмотрела ему в глаза, потом быстро отвела взгляд, испугавшись, что после только что произнесенных им слов это будет похоже на попытку что-то выведать. Она снова чувствовала себя ребенком, в растерянности, убежденная, будто что-то здесь упускает. Она всегда, всегда так не любила не понимать, что происходит. Но в то же время в ней росла эта очень странная теплота и ощущение необычного света, более яркого, чем могли дать свечи, горящие в комнате.

Стараясь овладеть своим дыханием, она спросила, запинаясь, почему-то ей было страшно услышать ответ:

— Пожалуйста, объясни мне, что это значит.

На этот раз она пристально смотрела на него, наблюдала за его улыбкой, видела выражение, затеплившееся в его глазах, даже читала по шевелящимся губам.

— Когда я увидел, как ты падала, — прошептал он, не выпуская ее руки, — то понял, что падаю вместе с тобой, моя дорогая. Я наконец-то понял, слишком поздно, в чем так долго себе отказывал, как отгораживался от чего-то важного, не желал даже признать возможность его, пока Тиганы не существует. Но у сердца свои законы, Катриана, и истина в том, что для моего сердца закон — это ты. Я понял это, когда увидел тебя в том окне. За секунду до твоего прыжка я понял, что люблю тебя. Яркая звезда Эанны, прости меня за манеру выражаться, но ты — гавань странствий моей души.

«Яркая звезда Эанны». Он всегда называл ее так, с самого начала. Легко и просто, еще одно имя наряду с остальными, способ укротить ее, когда она взбрыкивала, похвалить, когда делала что-то хорошо. «Гавань его души».

Кажется, она плакала молча, слезы вскипали и медленно катились по щекам.

— Ох нет, моя дорогая, — сказал Алессан, и голос его смущенно дрогнул. — Прости меня. Я глупец. Это слишком внезапно, сегодня, после того, что ты совершила. Мне не следовало сегодня говорить об этом, вообще не следовало. Я даже не знаю, ты...

Тут он замолчал. Но лишь потому, что она прижала пальцы к его губам, чтобы заставить его замолчать. Она продолжала плакать, но ей казалось, в комнате становится все светлее, гораздо светлее, чем от пламени свечей, чем от света лун: разгорался поразительный свет, подобный свету солнца, встающего над краем тьмы.

Пальцы Катрианы соскользнули с его губ вниз и опустились на руку, которая лежала на ее руке. «Руками мы говорим то, что боимся сказать словами». Она продолжала молчать, не могла говорить. Она дрожала. Она вспомнила, как дрожали ее руки, когда она вышла на улицу сегодня вечером. Так мало времени прошло с тех пор, как она стояла в окне замка и знала, что сейчас умрет. Ее слезы падали на его руку. Катриана опустила голову, но слезы продолжали литься. Ей казалось, что ее душа — это птица, триала, только что рожденная, расправляющая крылья, готовая начать песнь своих дней.

Алессан стоял на коленях у ее постели. Она подняла вторую руку и провела по его волосам в безнадежной попытке пригладить их. Кажется, именно это ей уже давно хотелось сделать. Как давно? Как долго могут существовать подобные желания, о которых человек не знает, в которых не признается себе, которых себе не позволяет?

— Когда я был маленькой, — произнесла она наконец, голос ее ломался, но ей было необходимо сказать, — мне снился этот сон. Алессан, может быть, я умерла и вернулась? Может, мне сейчас тоже снится сон?

Он медленно улыбнулся знакомой ей и всем остальным ободряющей улыбкой, словно ее слова освободили его от собственных страхов и позволили снова стать самим собой. И дарить эту улыбку, которая всегда означала, что он с ними и, значит, все будет хорошо.

Но тут Алессан неожиданно подался вперед и опустил голову на тонкое одеяло, укрывающее ее, словно в поисках собственного укрытия, которое могла ему дать только она. Она поняла, — о, какая богиня могла это предсказать? — что и у нее есть то, что она может ему дать. Нечто большее, чем ее смерть. Она подняла руки и обхватила ими его голову, прижала его к себе, и в это мгновение Катриане почудилось, что новорожденная триа-

ла в ее душе запела. О пережитых испытаниях и о грядущих, о сомнениях и тьме, обо всех неопределенностях, которые очерчивают внешние границы жизни смертных, но теперь в основе всего этого лежала любовь, подобно свету, подобно первому камню строящейся башни.

* * *

Как узнал Дэвин позже в ту ночь, в Сенцио действительно находился барбадиорский Охотник, и он был убит, но не ими. Не пришлось им также драться с высланными на поиск солдатами, чего они опасались. Уже почти наступил рассвет, когда они составили себе полную картину случившегося.

По-видимому, барбадиоры озверели.

Найдя отравленный игратянский кинжал на полу рядом с телом Ангиара, услышав то, что крикнула женщина перед прыжком, они пришли к убийственно ясным выводам.

В Сенцио их было двадцать человек, почетная стража Ангиара. Они вооружились, собрались и пошли в западное крыло Губернаторского замка. Прикончили шестерых игратян, стоящих на карауле, выбили дверь и ворвались к Каллиону Игратскому, представителю Брандина, который поспешно одевался. Они убили его не сразу. Его вопли разносились по всему замку.

Потом они снова спустились вниз, прошли через двор к воротам и зарубили четверых сенцианских стражников, которые пропустили женщину в замок, не обыскав ее как следует. В этот момент во дворе появился капитан стражи замка с ротой сенцианских солдат. Он приказал барбадиорам сложить оружие.

Большинство докладов сходились на том, что барбадиоры готовы были подчиниться, так как уже осуществили свои намерения, но тут двое солдат Сенцио, придя в ярость при виде зарубленных друзей, выстрелили из луков. Два человека упали, один умер мгновенно, второй был смертельно ранен. Мертвым оказался Охотник Альберико. Последовала кровавая, смертельная схватка на залитом светом факелов дворе замка, камни которого вскоре стали скользкими от крови. Барбадиоры были перебиты все, до единого, и унесли с собой жизни тридцати или сорока сенцианских солдат.

Неизвестно, кто именно пустил стрелу, прикончившую губернатора Казалью, когда тот поспешно спускался по лестнице, хриплым голосом требуя прекратить все немедленно.

В воцарившемся после этого убийства хаосе никто и не подумал отправиться в сад на поиски тела женщины, с которой все

началось. В городе нарастала паника, по мере того как ночью распространялись эти новости. Огромная перепуганная толпа собралась у стен замка. Вскоре после полуночи видели, как два всадника помчались от стен города, направляясь на юг, к границе с Ферратом. Вслед за ними уехали и пятеро оставшихся в живых членов представительства Брандина в Сенцио, сбившись в плотную группку при свете восходящих лун. Они, разумеется, отправились на север, к Фарсаро, где стоял на якоре флот.

* * *

Катриана спала на второй кровати, лицо ее было спокойным и безмятежным, почти как у мирно спящего ребенка. На улицах было слишком много шума и суеты, и Алаис знала, что ее отец тоже там, в гуще событий.

Даже после того, как Ровиго вернулся и заглянул к ним, чтобы узнать, как дела, и сообщить, что явной опасности, по-видимому, нет, Алаис все равно не могла уснуть. Слишком многое произошло сегодня ночью, но не с ней самой, поэтому она не была так измучена, как Катриана, но ее то и дело охватывали возбуждение и тревога. Она даже не могла бы сказать, что на нее так действует. В конце концов Алаис надела купленное два дня назад на рынке платье и села на подоконнике у открытого окна.

Было уже очень поздно, обе луны висели на западе, низко над морем. Ей не была видна гавань — гостиница Солинги находилась слишком далеко от моря, — но она знала, что море где-то там и «Морская Дева» подпрыгивает на якоре под напором ночного бриза. На улицах до сих пор сновал народ, она видела, как внизу мелькают смутные фигуры, и изредка слышала крики, доносящиеся из квартала таверн, но теперь это были лишь обычные шумы города, не знающего комендантского часа и имеющего привычку не спать и громко шуметь по ночам.

Интересно, скоро ли рассвет, подумала Алаис, как долго ей еще не спать, если она хочет увидеть восход солнца. Она решила его подождать. Эта ночь — не для сна, по крайней мере, для нее, поправила себя Алаис, бросая взгляд на Катриану. Она вспомнила другой случай, когда они спали в одной комнате. В ее собственной комнате, дома.

Сейчас она далеко от дома. Интересно, что подумала мать, получив письмо от Ровиго с осторожными объяснениями, посланное курьером через Астибар из порта города Ардин, когда они плыли на север в Сенцио. Алаис задавала себе этот вопрос,

но ответ уже знала: доверие между родителями было тем неотъемлемым элементом, который определял ее собственный мир.

Она подняла глаза к небу. Ночь все еще оставалась темной, звезды над головой стали еще ярче теперь, когда луны садились; возможно, до рассвета еще несколько часов. Алаис услышала внизу женский смех и поняла, со странным чувством, что этого единственного звука она не слышала всю ночь среди суматохи на улицах. Удивительно и совершенно неожиданно этот задыхающийся женский смех и вслед за ним бормотание мужчины заставили ее приободриться: среди всех событий, что бы ни ждало впереди, некоторые вещи продолжают существовать, как существовали всегда.

Послышались шаги на деревянной лестнице снаружи. Алаис откинулась назад, слишком поздно осознав, что ее может быть видно снизу.

— Кто там? — крикнула она тихонько, чтобы не разбудить Катриану.

— Всего лишь я, — отозвался Дэвин, подходя и останавливаясь на площадке возле комнаты.

Она посмотрела на него. Одежда его была испачкана, будто он где-то падал или валялся, но голос звучал спокойно. Было слишком темно, чтобы разглядеть его глаза.

— Почему ты не спишь? — спросил он.

Она махнула рукой, не зная, что ответить.

— Слишком много всего сразу, наверное. Я к этому не привыкла.

Она увидела его блеснувшие в улыбке зубы.

— Никто из нас не привык, — сказал он. — Поверь мне. Но я думаю, больше сегодня ничего не случится. Мы идем спать.

— Мой отец пришел чуть раньше. Он сказал, что все утихло.

Дэвин кивнул.

— Пока. Губернатор убит в замке. Катриана действительно зарезала этого барбадиора. Там была заварушка, и кто-то застрелил Охотника. Думаю, это нас и спасло.

Алаис задержала дыхание:

— Отец мне об этом не сказал.

— Вероятно, не хотел тревожить тебя перед сном. Если я тебя встревожил, мне очень жаль. — Он бросил взгляд мимо нее на вторую кровать. — Как она?

— С ней все в порядке, правда. Она спит. — Алаис отметила промелькнувшую в его голосе озабоченность. Но Катрина заслужила эту заботу, эту любовь такими поступками, которые ум Алаис даже не мог охватить.

— А ты как? — спросил Дэвин уже другим тоном, снова поворачиваясь к ней. И что-то в этом изменившемся, ставшем более низким голосе было такое, от чего ей стало трудно дышать.

— Я тоже в порядке, честно.

— Я знаю, — сказал он. — Ты гораздо больше чем в порядке, Алаис. — Он на мгновение заколебался и, казалось, внезапно смутился. Этого она не поняла, пока он не наклонился медленно вперед и не поцеловал ее прямо в губы. Во второй раз, если считать поцелуй в переполненной комнате внизу, но этот был поразительно не похож на первый. Во-первых, Дэвин не спешил, а во-вторых, они были одни, и было очень темно. Она почувствовала, как его руки скользнули по ее груди и остановились на ее волосах.

Он неуверенно отстранился. Алаис открыла глаза. Контуры его фигуры на площадке лестницы расплывались. На улице внизу послышались шаги, на этот раз медленные, а не бегущие, как раньше. Они оба молчали, глядя друг на друга. Дэвин прочистил горло. И сказал:

— До утра еще два или три часа. Тебе надо попытаться уснуть, Алаис. В следующие дни произойдет много событий.

Она улыбнулась. Он еще секунду колебался, потом повернулся и пошел по наружному балкону к комнате, где жил вместе с Алессаном и Эрлейном.

Алаис еще некоторое время сидела на том же месте, глядя вверх на яркие звезды, постепенно успокаивая стремительно бьющееся сердце. Она мысленно повторяла про себя его последние слова и слышала его прерывистый голос, в котором звучали юношеская неуверенность и удивление. Алаис снова улыбнулась в темноте. Человеку, привыкшему наблюдать, этот голос говорил о многом. И таким его сделало простое прикосновение к ней. И это было самым поразительным, если задуматься и снова пережить момент того поцелуя.

Она продолжала улыбаться, когда встала с подоконника и вернулась на свою постель, а потом она действительно уснула в конце концов и проспала последние часы этой долгой ночи, которая все так изменила.

* * *

На следующий день все выжидали. Покров судьбы висел над Сенцио, подобно дыму. Городской казначей попытался взять под свой контроль замок, но капитан стражи не хотел выпол-

нять его приказы. Их громкие споры продолжались весь день. К тому времени, когда вспомнили о необходимости спуститься за телом девушки, его уже кто-то убрал; никто не знал, куда и по чьему приказу.

Дела в городе остановились. Мужчины и женщины бродили по улицам, питались слухами, задыхались от страха. Почти на каждом углу можно было услышать разные истории. Говорили, что Ринальдо, брат последнего герцога, вернулся в город, чтобы принять под свое командование замок; к середине дня все уже слышали версию, но никто не видел этого человека.

Спустилась тревожная, беспокойная ночь. Всю ночь на улицах толпился народ. Казалось, никто в Сенцио не может спать. Ночь выдалась ясная и очень красивая, обе луны катились по небу. Возле гостиницы Солинги собралась толпа — внутри уже не было места, — чтобы послушать троих музыкантов, которые играли и пели о свободе и о славном прошлом Сенцио. Песни, которые не исполняли с тех пор, как Казалья отказался от прав на герцогский престол своего отца и позволил называть себя губернатором, а посланники тиранов стали его советниками. Казалья мертв. Оба посланника мертвы. Музыка плыла из гостиницы Солинги в душистую летнюю ночь, выплескивалась на улицы, поднималась к звездам.

На рассвете пришло известие. Альберико Барбадиорский пересек границу вчера после полудня и продвигается на север с тремя своими армиями, сжигая на своем пути деревни и поля. Еще перед полуднем с севера тоже пришли вести: флот Брандина в бухте Фарсаро поднял якоря и отплыл на юг с попутным ветром.

Война началась.

В городе Сенцио люди покидали свои дома, таверны и улицы и перед храмами Триады выстроились очереди.

В почти опустевшем переднем зале у Солинги в тот день один человек продолжал играть на тригийской свирели. Стремительная, почти забытая мелодия звучала все быстрее и быстрее, взлетала все выше и выше.

Глава 20

Море находилось у них за спиной, в конце длинной пастушьей тропы, вьющейся вниз по склону к пескам южнее того места, где они причалили свои корабли и вышли на берег. Примерно в двух милях к северу от них возвышались стены Сенцио,

и с этой высоты Дианора видела сверкание храмовых куполов и башни замка. Солнце, поднимающееся над сосновыми лесами на востоке, казалось бронзовым в темно-синем небе. Уже потеплело, хотя было еще рано; к середине утра станет очень жарко.

К этому времени сражение уже начнется.

Брандин совещался с д'Эймоном, Раманусом и другими командирами, трое из них были только что назначены из провинций. Из Корте, Азоли и самой Кьяры. Но не из Нижнего Корте, конечно, хотя в армии, стоящей в долине, было немало людей из ее провинции. У нее мелькнула мысль, когда однажды ночью она лежала без сна на флагманском корабле по пути из Фарсаро, нет ли среди них Баэрда. Но понимала, что этого не может быть. Ее брат не мог в этом измениться, как и Брандин. Все продолжалось. Какими бы большими ни были перемены, это единственное, что будет продолжаться до тех пор, пока не умрет последнее поколение, знавшее Тигану.

А она? Со времени Прыжка за Кольцом, с тех пор, как она вынырнула из моря, она изо всех сил старалась вообще не думать. Просто плыла по течению событий, которым сама дала толчок. Принимала сияние любви Брандина и ужасную неопределенность этой войны. Она больше не видела мысленным взором путь, указанный ризелкой. Она догадывалась, что это означает, но заставляла себя не думать об этом днем. Ночью было иначе; сны всегда бывали разными. Она была хозяйкой и пленницей одновременно своего разорванного надвое сердца.

Вместе с двумя стражниками, которые ее охраняли, Дианора поднялась на вершину холма и смотрела на широкую долину, тянущуюся с востока на запад. Ниже стояли густые, зеленые сосновые леса, на более крутых склонах, дальше к югу, росли оливы, а на север, к Сенцио, уходило плато.

Внизу только начинали просыпаться две армии. Люди выходили из палаток и вылезали из спальных мешков, седлали и запрягали коней, чистили мечи, натягивали тетиву луков. По всей долине в лучах раннего солнца блестел металл. Голоса далеко разносились в чистом, ясном воздухе. Ветра как раз хватало на то, чтобы приподнять ткань знамен и развернуть их. Их знамя было новым: золотое изображение самой Ладони на темно-синем фоне, символизирующем море. Значение выбранного Брандином образа было совершенно очевидным: они сражаются от имени Западной Ладони, но претендуют на всю Ладонь. На объединенный полуостров, очищенный от барбадиоров. Это хороший символ, Дианора это понимала. Это правильный, нужный

для полуострова шаг. Но его сделал человек, который прежде был королем Играта.

В армии Брандина были даже жители Сенцио, кроме людей из четырех западных провинций. Несколько сотен жителей города присоединились к ним в течение двух дней после высадки в южной части бухты. После смерти губернатора в замке шла бессмысленная драка за власть, и официальная позиция нейтралитета Сенцио разбилась вдребезги. Чему способствовало, и в этом никто не сомневался, решение Альберико предать огню земли, через которые он прошел, в отместку за убийство барбадиоров в городе. Если бы барбадиоры двигались быстрее, у Раманусa могли бы возникнуть трудности с высадкой на берег на виду у врага, но ветер им помогал, и они достигли города на целый день раньше Альберико. Это позволило Брандину выбрать самую подходящую возвышенность для наблюдения за долиной и разместить своих людей там, где он хотел. Это давало преимущество, как все понимали.

Только оно уже не казалось им таким большим, когда на следующее утро подошли три барбадиорские армии, вынырнув из дыма пожаров на юге. У них было два знамени, а не одно: одно с красной горой и золотой тиарой на белом поле, знамя Империи, и собственное знамя Альберико: красный вепрь на желтом поле. Красный цвет на обоих знаменах, казалось, покрыл равнину пятнами крови, пока всадники и пехотинцы строились четкими рядами вдоль восточного края долины. Солдаты Империи Барбадиор покорили большую часть известного людям мира на востоке.

Дианора стояла на холме и наблюдала за их построением. Казалось, оно длится вечно. Она несколько раз уходила в палатку, потом снова возвращалась. Солнце начало садиться. Оно уже стояло над морем за ее спиной, когда все наемники Альберико вошли или въехали в долину.

— Три к одному, может быть, чуть больше, — сказал Брандин, подходя к ней. Его короткие седеющие волосы оставались непокрытыми и шевелились на вечернем ветерке.

— Их не слишком много? — спросила она тихо, чтобы никто не услышал. Он быстро взглянул на нее и взял за руку. Теперь он часто так делал, словно не мог долго выдержать, не прикасаясь к ней. Их занятия любовью после Прыжка стали такими страстными, что потом они бывали совершенно обессиленными, не способными ни о чем думать. И это было для нее главным, понимала Дианора: она хотела оглушить свой мозг, прогнать го-

лоса и воспоминания. Стереть образ той ясной, прямой дороги, которая исчезала в морской тьме.

Стоя на холме в день прихода барбадиоров, Брандин сплел свои пальцы с ее пальцами и сказал:

— Может, их слишком много. Трудно судить. Но я превосхожу Альберико своим могуществом. Думаю, что, стоя на этом холме, я уравновешу разницу в количестве войск.

Это было сказано тихо: осторожное утверждение относящихся к делу фактов. Не высокомерие, всего лишь постоянная, всегда присутствующая гордость. Она хорошо знала, что эта гордость совершила в той войне, около двадцати лет назад.

Этот разговор происходил вчера. Потом она повернулась и стала смотреть, как солнце садится в море. Ночь выдалась чудесная, светлая, Видомни прибывала, а Иларион была полной, голубой и таинственной, луна фантазии, магии. Дианора подумала, найдется ли у них время побыть сегодня ночью наедине, но Брандин пробыл на равнине среди палаток большую часть темного времени, а потом беседовал с командирами. Она знала, что д'Эймон собирается завтра остаться с ним здесь, наверху, и Раманус — он был больше моряком, чем военным командиром, — тоже будет на холме — командовать обороной королевской стражи, если дело до этого дойдет. Если дойдет до этого, они, вероятно, погибнут.

Обе луны сели к тому времени, когда Брандин вернулся в их палатку на холме над морем. Дианора не спала, лежала на своей кровати и ждала. Она видела, как он устал. Он принес с собой карты, наброски местности, чтобы в последний раз изучить их, но она заставила его отложить дела.

Он подошел к кровати и лег не раздеваясь. Спустя несколько секунд положил голову к ней на колени. Они долго молчали. Затем Брандин слегка шевельнулся и посмотрел на нее снизу вверх.

— Я ненавижу этого человека, там, внизу, — тихо произнес он. — Ненавижу все, за что он борется. В нем нет страсти, нет любви, нет гордости. Только честолюбие. Ничто не имеет значения, кроме этого. Ничто в мире не может вызвать у него жалость или горе, кроме собственной судьбы. Все остальное — лишь орудие, инструмент. Он хочет получить тиару императора, это всем известно, но он желает ее не с какой-то определенной целью. Он просто желает. Сомневаюсь, чтобы хоть что-то в его жизни заставило его испытать какое-то чувство к другому человеку: любовь, утрату, что угодно.

Он замолчал. От усталости он повторялся. Дианора прижала пальцы к его вискам, глядя в его лицо сверху. Он снова повернулся, глаза его закрылись, а лоб постепенно разгладился под ее прикосновениями. В конце концов его дыхание стало ровным, и Дианора поняла, что он спит. Она не спала, руки ее двигались, подобно рукам слепой. По проникающему снаружи свету она знала, что луны сели, что утром начнется сражение и что она любит этого человека больше всего на свете.

* * *

Должно быть, она уснула, потому что, когда снова открыла глаза, небо было серым, наступал рассвет, и Брандин уже ушел. На подушке рядом с ней лежал красный анемон. Она секунду смотрела на него, не двигаясь, потом взяла в руку и прижала к лицу, вдыхая свежий аромат. Интересно, знает ли Брандин местную легенду об этом цветке. Почти наверняка нет, решила она.

Она встала, и через несколько мгновений вошел Шелто с кружкой кава. Он был одет в жесткую кожаную куртку гонца, легкую, надежную броню против стрел. Он добровольно вызвался стать одним из десятка таких людей, бегающих с приказами и сообщениями на холм и обратно. Но сначала он пришел к ней, как приходил каждое утро в сейшане в течение двенадцати лет. Дианора боялась думать об этом, чтобы не расплакаться: это было бы дурным предзнаменованием в такой день. Ей удалось улыбнуться и сказать, чтобы он возвращался к королю, который в это утро нуждается в нем больше.

После его ухода она медленно выпила кав, прислушиваясь к нарастающему шуму снаружи. Потом умылась, оделась и вышла из палатки навстречу восходящему солнцу.

Двое королевских стражей ждали ее. Они шли туда, куда шла она, скромно держась на шаг-другой позади, но не больше. Сегодня ее будут охранять, Дианора знала. Она поискала взглядом Брандина, но первым увидела Руна. Они оба находились перед плоским гребнем холма, оба были без головных уборов, без кольчуг, но с одинаковыми мечами у пояса. Брандин сегодня предпочел одеться в простую коричневую одежду солдата.

Но ему не удалось ее обмануть. И никого не удалось обмануть.

Вскоре они увидели, как он подошел к краю холма и поднял над головой руку, на виду у солдат обеих армий. Без звука, без какого-либо предупреждения слепящая, кроваво-красная вспышка света сорвалась с его вытянутой руки, подобно языку пламени, и вонзилась в синеву неба. Снизу раздался рев, и, выкрикивая имя Брандина, его малочисленная армия двинулась вперед, через долину, навстречу солдатам Альберико, чтобы начать битву, которая назревала почти двадцать лет.

* * *

— Еще рано! — ровным голосом произнес Алессан, по крайней мере, в пятый раз. — Мы ждали годы, и теперь не следует чересчур торопиться.

У Дэвина возникло чувство, что принц предостерегает самого себя больше, чем остальных. Дело в том, что пока Алессан не отдаст приказ, им нечего делать, только наблюдать, как люди из Барбадиора и Играта и провинций Ладони убивают друг друга под жгучим солнцем Сенцио.

Судя по солнцу, был полдень или немного позже. Стояла нестерпимая жара. Дэвин попытался представить себе, как должны чувствовать себя люди внизу, рубящие и сокрушающие друг друга, скользя на крови, топча упавших в кипящем котле битвы. Они находились слишком высоко и далеко, чтобы кого-нибудь узнать, но не так далеко, чтобы не видеть, как умирают люди, и не слышать их воплей.

Этот наблюдательный пункт был выбран Алессаном неделю назад, он уверенно предсказал, где разместятся оба чародея. И оба они стояли именно там, где он предполагал. С этого наклонного гребня, менее чем в полумиле от более высокого и широкого холма, где находился Брандин, Дэвин смотрел вниз на долину и видел, как обе армии сошлись в беспощадной схватке и отправляли души противников к Мориан.

— Игратянин хорошо выбрал свое поле, — сказал Сандре почти с восхищением, когда ранним утром начали раздаваться ржание коней и крики людей. — Долина достаточно широкая и оставляет ему простор для маневра, но не настолько широкая, чтобы позволить барбадиорам зайти с флангов и не встретиться с серьезным сопротивлением на холмах. Им пришлось бы выбираться из долины, а потом идти по открытым склонам и снова спускаться вниз.

— А если посмотрите, то увидите, — прибавил Дукас ди Тригия, — что Брандин разместил большую часть лучников на своем правом фланге, к югу, на тот случай, если они все же попытаются это сделать. Они могут снимать барбадиоров, как оленей,

среди оливковых деревьев на склонах, если те попытаются пойти в обход.

Одна группа барбадиоров действительно попыталась это сделать час назад. Их перебили и прогнали прочь стрелы лучников с Западной Ладони. Дэвин почувствовал прилив возбуждения, но он быстро сменился смущением и беспокойством. Барбадиоры олицетворяли тиранию, это так, и все, что она означала, но как он мог радоваться любому триумфу Брандина Игратского?

Значит, ему следует желать смерти жителям Ладони от рук наемников Альберико? Он не знал, что должен чувствовать или думать. Ему казалось, что его душа обнажена и беззащитна, обречена на сожжение под небом Сенцио.

Катриана стояла прямо перед ним, рядом с принцем. Дэвин не видел их врозь с тех пор, как Эрлейн принес ее на руках из сада. Утром на следующий день он пережил трудный час, полный непонимания, стараясь привыкнуть к тому сиянию, которое явственно окружало их обоих. Алессан выглядел так, как во время исполнения музыки, словно нашел центр мира. Когда Дэвин бросил взгляд на Алаис, то увидел, что она наблюдает за ним со странной, потаенной улыбкой на лице; это еще больше сбило его с толку. У него появилось ощущение, что он даже за самим собой не поспевает, не то что за переменами в окружающем мире. И еще знал, что у него не будет времени разбираться в подобных вещах из-за того, что начнется сейчас в Сенцио.

В следующие два дня явились армии с юга и с севера, принеся с собой глубинное ощущение надвигающегося рока, словно боги подвесили перед ними в летнем воздухе чаши весов.

С высоты своего кряжа Дэвин оглянулся и увидел Алаис, подающую воду Ринальдо, сидящему в редкой тени изогнутой оливы, прилепившейся к склону их холма. Целитель настоял на том, чтобы отправиться с ними, и не захотел прятаться у Солинги в городе. «Если вы рискуете жизнями, значит, мое место тоже там», — вот и все, что он сказал, и вместе со всеми еще до рассвета поднялся сюда, опираясь на свой посох с головой орла.

Дэвин взглянул мимо них, туда, где стояли Ровиго и Баэрд. Вероятно, ему следует быть рядом с этими двумя, понимал он. Его обязанности здесь были такими же, как у них: охранять этот холм, если один из чародеев или они оба пошлют сюда солдат. В их распоряжении шестьдесят человек: банда Дукаса, отважная горстка матросов Ровиго и те тщательно отобранные люди, которые в одиночку добрались на север, в Сенцио, в ответ на вес-

точки, разосланные по провинциям. Шестьдесят человек. Этого должно было хватить.

— Сандре! Дукас! — резко произнес Алессан, выведя Дэвина из задумчивости. — Теперь смотрите в оба и скажите мне.

— Я как раз собирался, — отозвался Сандре, в его голосе зазвучало возбуждение. — Как мы и предполагали, своим присутствием на холме Брандин свел на нет численный перевес. Его мощь гораздо сильнее магии Альберико. Даже сильнее, чем я предполагал. Если ты спрашиваешь мое мнение о том, что происходит сейчас, то я бы сказал, что игратянин вот-вот прорвется в центре, меньше чем через час.

— Даже раньше, — прибавил своим низким голосом Дукас. — Когда такие вещи начинаются, они происходят очень быстро.

Дэвин прошел вперед, чтобы лучше видеть. Бурлящий центр долины был так же забит людьми и лошадьми, как и раньше, многие из них были мертвы и повержены. Но если использовать знамена как ориентир, то даже его неопытному взгляду представлялось, что люди Брандина теперь продвигались вперед, хотя барбадиоров было по-прежнему гораздо больше.

— Как? — пробормотал он, почти про себя.

— Он лишает их сил своими чарами, — произнес голос Эрлейна справа от него. Дэвин оглянулся. — Таким же образом они победили нас много лет назад. Я чувствую, как Альберико пытается их защитить, но, думаю, Сандре прав: Альберико слабеет на глазах.

Баэрд и Ровиго быстро подошли к ним, покинув то место, откуда только что смотрели вниз.

— Алессан? — произнес Баэрд. Только имя, больше ничего.

Принц обернулся и посмотрел на него.

— Я знаю, — сказал он. — Мы только что подумали о том же. Думаю, теперь пора. Настал час. — Он еще мгновение удерживал взгляд Баэрда; оба они молчали. Затем Алессан отвел взгляд от человека, с которым дружил всю жизнь, и посмотрел на троих чародеев.

— Эрлейн, — тихо сказал он. — Ты знаешь, что нужно делать.

— Знаю, — ответил тот. Он колебался. — Молитесь Триаде, чтобы она благословила нас троих. Всех нас.

— Что бы вы ни собирались делать, вам лучше поспешить, — напрямик заявил Дукас. — Центр барбадиоров начинает отступать.

— Мы в ваших руках, — сказал Алессан Эрлейну. Казалось,

он хотел прибавить что-то еще, но промолчал. Эрлейн повернулся к Сандре и Сертино, они подошли к нему поближе. Все остальные немного отступили назад, чтобы оставить этих троих одних.

— Связь! — произнес Эрлейн ди Сенцио.

* * *

Альберико Барбадиорский провел утро на равнине, в тылу своей армии, но очень близко от солдат, потому что расстояние имело большое значение в магии. Он спрашивал себя, не покинули ли его боги Империи. Даже чернорогий бог чародеев и ночная Королева-Всадница. Его мысли, когда он мог их членораздельно сформулировать под непрерывным напором игратянина, молотом обрушивающимся на его мозг, были черными от предчувствия поражения. Ему казалось, что его сердце наполняется пеплом, который поднимается к горлу и душит его.

Когда-то все казалось таким простым. Необходимо было лишь планирование, терпение и дисциплина, а если он и обладал какими-то качествами и достоинствами, то именно этими. Двадцать лет он эксплуатировал здесь эти качества, поставив их на службу своему честолюбию.

Но сейчас, когда безжалостное бронзовое солнце достигло зенита, и перевалило за него, и начало спускаться к морю, Альберико окончательно понял, что был прав в начале и ошибся в конце. Завоевание всей Ладони никогда не имело значения, но потеря ее означала потерю всего. В том числе и собственной жизни. Потому что некуда было бежать, негде спрятаться.

Игратянин обладал жестокой, поразительной мощью. Альберико это знал, он это знал всегда. Он боялся этого человека не так, как боится трус, но как тот, кто трезво оценил возможности противника и точно их себе представляет.

На рассвете, после того как алый луч вырвался из ладони Брандина, стоящего на своем холме, на западе, Альберико позволил себе надеяться, даже ненадолго возликовать. Ему надо было лишь защитить своих людей. Его войско было почти в три раза многочисленнее, и ему противостояло очень небольшое количество обученных солдат Играта. Остальные войска Западной Ладони состояли из случайного сборища ремесленников и торговцев, рыбаков и крестьян, и едва отрастивших бороду мальчишек из провинций.

Ему надо было лишь сдержать напор чар Брандина с холма и

позволить солдатам делать свое дело. У него не было необходимости направлять свои силы вовне, против врага. Только сопротивляться. Только защищаться.

Если бы только он мог. По мере того как утро превращалось в день и жара наваливалась, подобно душному пологу, Альберико стал ощущать, как его воля постепенно, неохотно, мучительно отступает, сгибается под страстным, неослабевающим, оглушающим напором силы Брандина. Посылаемые игратянином с холма волны усталости и слабости накатывались на армию барбадиоров. Волна за волной, неутомимые, как прибой.

И Альберико приходилось их блокировать, поглощать и отражать эти волны, чтобы его солдаты могли сражаться дальше, без страха, сохраняя мужество и силы, изнемогая лишь от палящего солнца, которое заливало жаром и армию врага тоже.

Но задолго до полудня какая-то часть магии игратянина начала проникать сквозь его щит. Альберико не в состоянии был удержать ее всю. Она продолжала заливать долину, монотонная, как дождь, не меняясь по силе и ритму. Просто сила, льющаяся в огромных количествах.

Вскоре — слишком скоро, слишком рано — барбадиоры начали чувствовать, что сражаются так, словно поднимаются в гору, хотя находились на плоской равнине, словно солнце над их головами светит яростнее, чем над головами их противников, словно их уверенность и мужество вытекают с потом, сочатся сквозь одежду и латы.

Только численное превосходство удерживало их в строю, поддерживало равновесие на этой равнине Сенцио все утро. Альберико сидел в большом кресле под навесом, непрерывно вытирая лицо и волосы смоченной тканью, и боролся с Брандином Игратским всей своей мощью и всем мужеством, которые мог собрать.

Но вскоре после полудня, проклиная себя, проклиная душу давно съеденного червями Скалвайи д'Астибара — который чуть не убил его девять месяцев назад и который все-таки отнял у него столько сил, что убивал его сейчас, — проклиная императора за то, что тот живет так долго, превратившись в бесполезную, слабоумную, престарелую оболочку, Альберико Барбадиорский осознал мрачную, безжалостную истину: все его боги действительно покинули его под жгучим солнцем этой дальней земли. Когда начали приходить сообщения о прорыве передней линии обороны его войска, он стал готовиться, по обычаю своего народа, к смерти.

И тут случилось чудо.

Сначала он даже не мог понять, что происходит, настолько его разум был подавлен этой борьбой. Только то, что эта колоссальная тяжесть магии, льющейся вниз с холма, внезапно, необъяснимо уменьшилась. Она стала почти вдвое меньше, чем была всего мгновение назад. Альберико мог ее выдержать. Легко! Этот уровень магии был меньше его собственного, даже при его нынешней слабости. Он мог бы даже наступать, а не только защищаться. Мог атаковать! Если у Брандина больше ничего не осталось, если игратянин внезапно достиг предела своих ресурсов...

Отчаянно обшаривая мысленным лучом долину и холмы вокруг в поисках отгадки, Альберико вдруг наткнулся на третий источник магической силы и понял — и в сердце его из пепла возродился восторг, — что все же рогатый бог его не покинул, и Королева-Всадница Ночи тоже. Где-то неподалеку стояли чародеи Ладони, и они помогали ему! Они ненавидели игратянина так же сильно, как и он! По каким-то непонятным причинам они были на его стороне против человека, который назывался королем Играта.

— Я побеждаю! — крикнул он своим гонцам. — Скажите командирам в первых рядах, поднимите их боевой дух. Скажите им, что я отражаю силы игратянина!

Вокруг него раздались радостные крики. Он открыл глаза и увидел, как гонцы бегут вперед, через долину. Он потянулся мысленно к этим чародеям, четырем или пяти, насколько он мог судить по их силе, возможно, шести, пытаясь мысленно слиться с ними и их мощью.

Но тут же получил отпор. Он точно знал, где они находятся. Он даже видел их — на кряже, к югу от холма Брандина, — но они не позволили ему соединиться с ними и не открыли, кто они. Должно быть, они все еще боялись, из-за того, как он поступал с чародеями, когда их обнаруживал.

А как он поступал с чародеями? Теперь он будет ими гордиться! Он даст им земли, богатство и власть, почет — и здесь, и в Барбадиоре. Богатство, какое они и представить себе не могут в своих голодных, скудных мечтах.

Неважно, что они не открылись перед ним. Это не имело особого значения. До тех пор, пока они здесь и своей магией помогают ему защищаться, сливаться с ними воедино нет нужды. Вместе они равны по силе Брандину. А им больше ничего и не надо,

только держаться на равных: Альберико знал, что у него все еще вдвое больше солдат на поле боя, чем у противника.

Но в то время как надежда снова возрождалась в его душе от этих мыслей, он почувствовал, что тяжесть начинает возвращаться. Невероятно, но мощь игратянина снова росла. Он поспешно проверил: чародеи на кряже все еще оставались с ним. И все же Брандин продолжал наступать. Он был таким сильным! Таким чертовски, невообразимо сильным. Даже один против всех он усиливал мощь, черпая ее из глубин источника своей магии. Как глубоко он может в него погрузиться? Сколько еще сил у него осталось?

Альберико понял, и его окатило холодом среди адского огня битвы, среди жестокой жары этого дня, что он не имеет об этом представления. Никакого представления. И ему оставался только один путь. Единственный путь, доступный ему с того момента, как началось сражение.

Он снова закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и собрал весь остаток сил, чтобы сопротивляться. Сопротивляться, удержаться, сохранить стену в целости.

* * *

— Клянусь семью сестрами бога! — горячо воскликнул Раманус. — Они снова наступают!

— Что-то произошло, — в ту же секунду прохрипел Брандин. Над ним соорудили навес от солнца и поставили кресло, чтобы он мог сесть. Но он стоял, иногда держась одной рукой за спинку в поисках опоры, чтобы лучше видеть ход сражения внизу.

Дианора стояла очень близко, на тот случай, если вдруг ему что-нибудь от нее понадобится, воды или утешения, все, что она может ему дать, и старалась не смотреть вниз. Ей не хотелось больше видеть, как умирают люди. Но она не могла ничего поделать с доносящимися из долины криками, и каждый вопль снизу, казалось, летит вверх и вонзается в нее, как кинжал, выкованный из звука человеческой агонии.

Неужели так же было у Дейзы, где погиб ее отец? Закричал ли он так же, получив смертельную рану, видя, как кровь жизни покидает его, неудержимо окрашивая воду реки в красный цвет? Неужели он погиб так же ужасно, под мстительными клинками солдат Брандина?

В этой наступающей слабости виновата была она сама. Ей

не следовало здесь находиться. Ей следовало знать, какие образы разбудит в ней битва. Она чувствовала себя физически больной: от жары, от шума, от запаха бойни, поднимающегося снизу.

— Что-то произошло, — повторил Брандин, и при звуках его голоса водоворот окружающего мира снова приобрел ясность. Она находилась здесь, потому что здесь бы он. Дианора знала его настолько хорошо, что расслышала в его голосе новую нотку, не заметную для остальных, слабый намек на то напряжение, которое ему приходилось испытывать. Она быстро отошла, потом вернулась с чашей воды в руке и куском ткани, чтобы смочить его лоб.

Он взял воду, казалось, почти не замечая ее присутствия, не чувствуя прикосновения ткани. Закрыл глаза медленно повернул голову из стороны в сторону, словно вслепую что-то искал.

Потом снова открыл глаза и показал рукой направление:

— Вон там, Раманус. — Дианора проследила за его взглядом. На гребне холма к югу от них, по другую сторону неровной, бугристой лощины, можно было разглядеть несколько фигур.

— Там чародеи, — резко произнес Брандин. — Раманус, тебе придется взять солдат и напасть на них. Они работают вместе с Альберико против меня. Не знаю, почему. Один из них похож на воина Карду, но он не оттуда: я бы узнал магию Кардуна. Во всем этом есть что-то очень странное.

Его серые глаза затуманились и потемнели.

— Вы можете с ними справиться, милорд? — Это спросил д'Эймон, его тон был намеренно нейтральным, без намека на озабоченность.

— Собираюсь попробовать, — ответил Брандин. — Но я подошел к тому пределу своей силы, за которым черпать ее уже рискованно. И я не могу повернуть свою магию против них одних, они работают вместе с Альберико. Раманус, тебе придется самому справиться с этими чародеями. Возьми всех, кто здесь остался.

Багровое лицо Раманса было мрачным.

— Я их остановлю или умру, милорд. Клянусь.

Дианора смотрела, как он вышел из-под навеса и позвал солдат королевской стражи. Они попарно зашагали вслед за ним и быстро стали спускаться по козьей тропе, ведущей на запад и на юг. Рун сделал пару шагов за ними, потом остановился с растерянным и неуверенным видом.

Она почувствовала чье-то прикосновение и обернулась. Брандин взял ее за руку.

— Доверься мне, любимая, — прошептал он. — И доверься Раманусу. — И через секунду прибавил, почти с улыбкой: — Он привез тебя ко мне.

Затем он отпустил ее и снова сосредоточил внимание на равнине внизу. Он даже сел в кресло. Наблюдая за ним, Дианора видела, как он собирает силы для возобновления атаки.

Она бросила взгляд на д'Эймона, потом снова вслед за прищуренным, задумчивым взглядом канцлера посмотрела на юг, на склон холма в полумиле от них. Они находились достаточно близко, и она разглядела темнокожего человека, про которого Брандин сказал, что он не из Кардуна. Ей показалось, что она различает рыжеволосую женщину.

Дианора не имела представления, кто они. Но внезапно, впервые, оглядев их собственные поредевшие ряды на холме, она почувствовала страх.

* * *

— Вот они идут, — сказал Баэрд и посмотрел на север, заслоняя глаза ладонью.

Они ждали этого и следили за движением с той стороны с того момента, когда чародеи начали действовать, но ожидание — не реальность, и при виде отборных солдат Брандина, быстро спускающихся с холма и направляющихся к ним, сердце Дэвина сильно забилось. Все утро в долине внизу шло сражение; теперь настала их очередь.

— Сколько? — спросил Ровиго, и Дэвин обрадовался, услышав в голосе купца напряжение: это означало, что не только он так себя чувствует.

— Сорок девять, если он послал всех, а Алессан считает, что он пошлет всех, — ответил Баэрд, не оборачиваясь. — Таково обычное число королевских стражников в Играте. Священное число.

Ровиго ничего не сказал. Дэвин бросил взгляд направо и увидел троих чародеев, стоящих вплотную друг к другу. У Эрлейна и Сертино глаза были закрыты, а Сандре упорно смотрел вниз, туда, где позади своих солдат находился Альберико Барбадиорский. Алессан раньше стоял рядом с чародеями, но теперь он быстро подошел к группе приблизительно из тридцати человек, растянувшихся по кряжу позади Баэрда.

— Дукас? — тихо спросил он.

— Я никого из них не вижу, — ответил Баэрд, быстро взгля-

нув на принца. Последний из игратянских стражников уже спустился с холма. Их авангард быстро шел по неровной местности между холмами. — Я все еще в это не верю.

— Позволь мне с моими людьми встретить их внизу, — принялся убеждать Дукас Алессана в тот момент, когда чародеи объединили свои силы. — Мы же знаем, что они на нас нападут.

— Конечно, знаем, — ответил Алессан, — но мы плохо вооружены и обучены. Нам необходимо преимущество, которое даст эта высота.

— Это вам необходимо, — проворчал Дукас ди Тригия.

— Внизу негде укрыться. Где вы спрячетесь?

— Это вы мне говорите, что там негде укрыться? — притворно возмутился Дукас. Губы его растянулись в волчьей улыбке. — Алессан, яйца курицу не учат! Я вел войну и устраивал засады, когда ты еще считал дубы, или чем ты там занимался в Квилее. Предоставь это мне.

Алессан не засмеялся. Но через секунду он утвердительно кивнул. Не ожидая большего, Дукас и его двадцать пять разбойников немедленно растворились на склонах под кряжем. К тому времени, когда игратянские стражники отправились к ним, разбойники уже были внизу. Они спрятались среди утесника и вереска, высокой травы, редких олив и инжира в лощине между двумя холмами.

Дэвин прищурился, и ему показалось, что он видит одного из них.

— Клянусь Мориан! — внезапно вскричал Эрлейн ди Сенцио на восточном конце кряжа. — Он снова отбрасывает нас назад!

— Так держись! — огрызнулся Сандре. — Борись с ним! Используй запас!

— У меня больше не осталось запаса! — задыхаясь, проговорил Сертино.

— Сандре, Эрлейн! Вы меня слышите?

— Да, конечно. — По темному лицу Сандре струился пот. Он продолжал смотреть на восток, но теперь его взгляд стал рассеянным, направленным внутрь.

— Так сделай это! Сделай то, о чем мы говорили. Если он отбрасывает вас всех назад, мы вынуждены попробовать, или все это не имеет никакого смысла!

— Баэрд, они не могут. — Слова слетали с губ Эрлейна одно за другим, будто он их с трудом проталкивал.

— Нет, он прав! — задыхаясь, вмешался Сертино. — При-

дется попробовать. Этот человек слишком силен. Я последую за вами обоими. Знаю, куда тянуться. Делайте это!

— Тогда оставайтесь со мной, — сказал Эрлейн, голосом, совершенно лишенным сил. — Оставайтесь со мной, вы оба.

Внизу под ними внезапно раздались крики, потом вопли. Не с поля боя. Из лощины к северу от них. Все, кроме чародеев, резко повернулись туда.

Дукас захлопнул свою ловушку. Его разбойники из засады выпустили десяток стрел в игратян, а потом быстро дали еще один залп. Полдюжины, восемь, десять нападающих упало, но стража короля Играта носила доспехи, защищающие от стрел, даже в этот обжигающе жаркий день, и большая часть двинулась дальше с пугающей быстротой, несмотря на тяжесть, которую они на себе несли, направляясь к редкой цепочке людей Дукаса.

Дэвин увидел, что трое из упавших снова поднялись. Один выдернул стрелу из руки и решительно пошел дальше, по направлению к их кряжу.

— У некоторых из них есть луки. Нам надо прикрыть чародеев, — резко скомандовал Алессан. — Все, у кого есть что-нибудь вроде щита, сюда!

Полдюжины людей, оставшихся на холме, подбежали к ним. У пятерых были самодельные щиты из дерева или кожи; шестой, человек лет пятидесяти, хромая на искалеченную ногу, шел следом за ними, но у него в руках был только древний, видавший виды меч.

— Милорд принц, — сказал он, — мое тело будет для них достаточно надежным щитом. Ваш отец не взял меня с собой на север, к Дейзе. Не отказывайте мне сейчас. Не отказывайте снова. Я могу стоять между ними и стрелами, во имя Тиганы.

Дэвин увидел на лицах многих людей, стоящих рядом, неожиданное непонимание и испуг: они не услышали произнесенного имени.

— Риказо, — начал Алессан, оглядываясь по сторонам. — Риказо, тебе нет необходимости... Тебе даже не надо было приходить сюда. Были другие способы... — принц осекся. Несколько мгновений казалось, что он откажет этому человеку, как отказал его отец, но он больше ничего не сказал, только кивнул и зашагал прочь. Хромой человек и остальные пятеро немедленно окружили чародеев кольцом.

— Рассредоточьтесь! — приказал Алессан. — Прикройте северную и западную сторону кряжа. Катриана, Алаис, следите за

южной стороной на тот случай, если кто-нибудь из них зайдет к нам с тыла. Крикните, если заметите какое-то движение!

С мечом в руке Дэвин побежал к северо-западному краю холма. Вокруг него в разные стороны бежали люди. Он взглянул вдаль на бегу, и у него перехватило дыхание от отчаяния. Люди Дукаса яростно схватились на неровной почве с игратянами, и хотя они не отступали и, казалось, каждый убитый забирал с собой противника, это означало, что они проигрывают. Игратяне были ловкими и превосходно обученными, и в них чувствовалась яростная решимость. Дэвин видел, как их предводитель, крупный, немолодой уже человек, бросился на одного из разбойников и ударом щита буквально размазал этого человека по земле.

— Наддо! Берегись!

Это был вопль, а не крик! Голос Баэрда. Резко обернувшись, Дэвин понял его причину. Наддо только что отбил нападение игратянина и продолжал сражаться, отступая по направлению к кустам, где находились Аркин и двое других разбойников. Но он не заметил другого противника, который сделал большой крюк к востоку и теперь устремился к нему сзади.

А бегущий игратянин не заметил стрелы, выпущенной с вершины кряжа Баэрдом ди Тиганой со всей силой, доступной его руке, и со всем мастерством, накопленным за целую жизнь. Игратянин застонал и упал со стрелой в бедре. Наддо круто обернулся на звук, увидел его и прикончил быстрым ударом меча.

Он поднял взгляд к вершине холма, увидел Баэрда и быстро махнул рукой в знак благодарности. Он еще не успел опустить руку, машущую другу, которого покинул мальчиком, когда игратянская стрела вонзилась ему в грудь.

— Нет! — вскрикнул Дэвин, и крик застрял у него в горле от горя. Он посмотрел в сторону Баэрда, глаза которого широко раскрылись от потрясения. Едва Дэвин успел сделать шаг в его сторону, как услышал, что кто-то карабкается наверх, и за его спиной Алаис закричала:

— Берегись!

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть первого из полудюжины игратян, взбегающих на холм. Он не понимал, как они добрались сюда так быстро. Дэвин крикнул, предупреждая остальных, и бросился вперед, чтобы напасть на первого солдата раньше, чем он заберется на вершину кряжа.

Но не успел. Игратянин уже был наверху и твердо стоял на ногах, со щитом в левой руке. Бросившись на него, стараясь

столкнуть его назад с обрыва, Дэвин изо всех сил нанес удар мечом. Меч зазвенел о металлический щит, и удар отозвался по всей его руке. Игратянин, в свою очередь, сделал прямой выпад мечом. Дэвид заметил его приближение и отчаянно рванулся в сторону. Он почувствовал внезапную резкую боль, когда меч распорол ему бок выше талии.

Он бросился на землю, не обращая внимания на рану, и, падая вперед, нанес сильный рубящий удар в незащищенное место под коленом противника. Почувствовал, как меч глубоко вошел в плоть. Игратянин вскрикнул и беспомощно повалился вперед, пытаясь, даже в падении, снова достать Дэвина мечом. Дэвин быстро откатился в сторону, голова его кружилась от боли. Он с трудом поднялся на ноги, держась рукой за раненый бок.

И успел увидеть, как Алаис брен Ровиго убила лежащего игратянина точным ударом меча в затылок.

Тут Дэвину показалось, что посреди бойни все на мгновение замерло, словно это была галлюцинация. Он смотрел на Алаис, в ее чистые, мягкие, синие глаза. Он пытался заговорить. Но у него пересохло в горле. Они смотрели друг другу в глаза. Дэвину было трудно воспринять ее образ с окровавленным мечом в руке.

Он посмотрел мимо нее, и неподвижность исчезла, разлетелась на куски. Пятнадцать, возможно, двадцать игратян уже были на вершине. И за ними приближались еще другие. И у некоторых действительно были луки. Он увидел, как пролетела стрела и вонзилась в один из щитов, окруживших чародеев. Послышался звук быстрых шагов, бегущих вверх по склону слева от него. Времени на разговоры не оставалось. Они находились здесь для того, чтобы погибнуть, если придется, такая возможность всегда существовала. У них была причина прийти сюда. Была мечта, молитва, мелодия, которой его научил отец в детстве. Он крепко прижал рану левой рукой, отвернулся от Алаис и, пошатываясь, бросился вперед, сжимая рукоять меча, навстречу следующему человеку, который взбирался на вершину.

* * *

День был мягким, солнце то скрывалось за облаками, которые гнал быстрый ветер, то выходило из-за них. Утром они гуляли в лугах к северу от замка, собирали цветы целыми охапками. Ирисы, анемоны, колокольчики. Здесь, на крайнем юге, на

деревьях седжойи еще только завязались бутоны — цветы появятся в конце весны.

Они вернулись в замок Борсо и после полудня пили чай из маготи, когда у Элены внезапно вырвался слабый, испуганный крик. Она встала, выпрямилась и застыла, схватившись руками за голову. Ее чай выплеснулся прямо на квилейский ковер.

Альенор быстро поставила свою чашку.

— Пришел? — спросила она. — Пришел вызов? Элена, что я могу сделать?

Элена покачала головой. Она почти не слышала слов Альенор. В ее голове звучал более ясный, более жесткий, более настойчивый голос. Такого никогда не случалось прежде, даже в ночи Поста. Но Баэрд был прав, ее незнакомец, который пришел к ним из темноты и изменил весь ход войны дней Поста.

Он вернулся в деревню в конце следующего дня, после того, как его друзья спустились с перевала и уехали на запад. Поговорил с Донаром, с Маттио, с Каренной и Эленой и сказал, что Ночные Ходоки владеют некой разновидностью магии, пускай и не такой, как чародеи. Их тела меняются в ночи Поста, они ходят под зеленой луной по земле, которой не существует при свете дня, они сражаются мечами из колосьев, которые меняются в их руках. Они по-своему связаны с магией Ладони, сказал он тогда.

И Донар с ним согласился. Тогда Баэрд рассказал им осторожно о своей цели и что они с друзьями просят Элену переехать в замок Борсо до конца лета. На тот случай, сказал он, чтобы подключиться к их магической силе, если понадобится.

Согласятся ли они на это? Это может быть опасным. Он просил об этом смущенно, но Элена не колебалась. Она посмотрела ему в глаза и ответила, что согласна. И другие тоже согласились без колебаний. Он пришел им на помощь, когда они в ней нуждались. И они были обязаны отплатить ему тем же, и даже большим. Они тоже жили на своей земле под гнетом тирании. Его дело при свете дня было и их делом.

— Элена ди Чертандо! Ты здесь? Ты в замке?

Она не знала этого голоса, звучащего в ее голове, но ясно услышала в нем отчаяние: по-видимому, вокруг него царил хаос.

— Да-да, я здесь. Что, что я должна делать?

— Я не могу поверить! — К ним присоединился второй голос, более низкий, с повелительными нотками. — Эрлейн, ты дотянулся до нее!

— Баэрд там? — спросила она с легким отчаянием, в свою

очередь. Внезапно возникшая связь вызывала головокружение и ощущение окружающей их суматохи; Элена зашаталась и чуть было не упала. Она схватилась обеими руками за высокую спинку стула. Комната в замке Борсо начала исчезать.

— Он здесь, — быстро ответил первый мужчина. — Он здесь, с нами, и мы очень нуждаемся в помощи. Мы здесь сражаемся! Ты можешь подключиться к своим друзьям? К другим? Мы тебе поможем. Пожалуйста! Свяжись с ними!

Она никогда не пробовала делать ничего подобного, ни при свете дня, ни даже под зеленой луной ночей Поста. Она никогда не сталкивалась ни с чем, похожим на эту связь с чародеями, но чувствовала, как их сила вливается в нее. Она знала, где находятся Маттио и Донар, и Каренна должна быть дома со своим только что родившимся ребенком. Элена закрыла глаза и потянулась к ним троим, стараясь мысленно сосредоточиться на образе кузницы, мельницы, дома Каренны в деревне. Сосредоточиться, а затем позвать. И призвать их к действию.

— Элена, что? — Маттио. Его она нашла.

— Присоединяйся ко мне, — быстро передала она. — Чародеи здесь. Идет бой.

Он больше ничего не спросил. Она ощущала его уверенное присутствие в своем сознании, а чародеи помогли ей открыться для него. Она отметила, что внезапно испытала шок, потеряла ориентацию, когда установилась связь с другими людьми. С двумя, нет, с тремя, там был еще и третий.

— Элена, это началось? Они послали вызов? — В ее мозгу зазвучал голос Донара, он схватился за эту истину, словно за оружие.

— Я здесь, подруга! — Внутренний голос Каренны, быстрый и веселый, точно такой же, как ее речь. — Элена, что мы должны делать?

— Держитесь друг за друга и откройтесь нам! — произнес в глубине ее сознания голос второго чародея. — Возможно, теперь у нас появился шанс. Опасность есть, не буду лгать, но если мы будем держаться вместе — хоть раз на этом полуострове, — мы можем победить! Давайте, соединяйтесь с нами, мы должны слить наш общий разум в единый щит. Я — Сандре д'Астибар, я не умер. Идите к нам!

Элена открыла для него свое сознание и потянулась к нему. И в этот момент она почувствовала себя так, будто ее тело совсем исчезло, будто она всего лишь проводник, все было так же, и все же совсем не так, как в ночи Поста. Липкий страх перед

этой неизвестностью зародился в ней. Но она с вызовом подавила его. С ней ее друзья и, как это ни невероятно, герцог Астибарский тоже был с ней, живой. И Баэрд тоже с ними в далеком Сенцио, сражается против тиранов.

Он пришел тогда к ним, к ней, и бился в их собственном сражении. Она слышала, как он плакал, и любила его на холме во тьме ночи Поста после того, как села зеленая луна. Она не подведет его сейчас. Она приведет к нему Ходоков по тропам своего сознания и своей души.

Без предупреждения они прорвались туда. Связь была установлена. Она находилась на высоком месте, под яростно сверкающим солнцем, и видела все происходящее глазами герцога Астибарского с холма в Сенцио. Изображение колебалось, вызывая ощущение тошноты. Затем все устоялось, и Элена увидела людей, убивающих друг друга в долине, войска, которые сошлись в смертельной схватке, как звери, вцепившиеся друг в друга. Она слышала крики, настолько громкие, что они ощущались, как боль. Потом она осознала еще кое-что.

Магия. К северу от них, на том холме. Брандин Игратский. И в тот момент Элена и трое других Ночных Ходоков поняли, почему их призвали, почувствовав собственным сознанием обрушившуюся на них невыносимую тяжесть, которой они должны были противостоять.

В замке Борсо Альенор стояла рядом с ней, беспомощная и незрячая в своей растерянности, ничего не понимая, зная только, что это случилось, что их время наконец пришло. Ей хотелось молиться, вспомнить забытые слова, которые она не произносила даже про себя почти двадцать лет. Она увидела, как Элена закрыла лицо руками.

— Ох, нет, — услышала она шепот молодой женщины, хрупкий, как старый пергамент. — Такая сила! Как может один человек обладать такой силой?

Альенор с такой силой сжала руки, что побелели пальцы. Она ждала, отчаянно стремясь понять, что с ними всеми происходит, там, далеко на севере, куда она не могла попасть.

Она не слышала, не могла слышать ответ Сандре д'Астибара Элене:

— Да, он силен, но с вами мы станем сильнее! О, дети мои, теперь мы сможем это сделать! Клянусь Ладонью, вместе у нас хватит сил!

Увидела же Альенор, как Элена опустила руки, как ее белое

лицо стало спокойным, и дикий, первобытный ужас покинул незрячие глаза.

— Да, — услышала она шепот женщины. — Да.

Затем в комнате замка Борсо, под перевалом Брачио, воцарилось молчание. Снаружи дул холодный ветер высокогорья, нагонял высокие белые облака на солнце и гнал дальше, снова и снова, и одинокий ястреб-охотник парил на неподвижных крыльях в этой смене света и тени над склонами гор.

* * *

Следующим человеком, который взобрался вверх по склону холма, был Дукас ди Тригия. Дэвин уже начал опускать занесенный меч, когда узнал его.

Дукас в два мощных скачка взлетел на вершину и остановился рядом с ним. Выглядел он жутко. Лицо было залито кровью, она стекала на бороду. Он весь был в крови, и меч тоже. Но он улыбался, ужасное олицетворение кровожадности и ярости боя.

— Ты ранен! — резко бросил он Дэвину.

— Кто бы говорил, — проворчал Дэвин, прижимая левую руку к боку. — Пошли!

Они быстро вернулись обратно. Более пятнадцати игратян еще находились на вершине их холма и теснили необученных людей, которых Алессан оставил охранять чародеев. Силы были почти равны, но игратяне были отборными, смертельно опасными противниками.

И, несмотря на это, они не могли прорваться. И не прорвутся, понял Дэвин, и в его сердце хлынула волна восторга, заглушая боль и горе.

Они не пройдут, потому что перед ними, бок о бок, орудовали мечами в сражении, о котором мечтали столько проведенных в ожидании долгих лет, Алессан, принц Тиганы, и Баэрд бар Саэвар, единственный брат его души, и они оба стояли насмерть и были прекрасны, если убийство людей может быть прекрасным.

Дэвин и Дукас бросились вперед. Но пока они добежали, осталось лишь пятеро игратян, потом трое. Потом всего двое. Один из них сделал движение, будто хотел положить свой меч. Но не успел, потому что из кольца людей, окружавших чародеев, с обманчивой неуклюжестью к нему стремительно подскочил какой-то человек. Волоча хромую ногу, Риказо приблизился к игратянину, и не успел никто остановить его, как он опустил свой старый, наполовину ржавый меч, который описал смерто-

носную дугу и проник сквозь стык в латах, вонзившись в грудь солдата.

После этого он упал на колени рядом с убитым им солдатом и зарыдал так, словно его душа рвалась наружу вместе со слезами.

Остался только один. И этот последний был предводитель, крупный, широкоплечий человек, которого Дэвин уже видел внизу. Волосы его прилипли к голове, лицо покраснело от жары и усталости, дыхание с хрипом вырвалось из груди, но глаза гневно смотрели на Алессана.

— Вы что, глупцы? — задыхаясь, спросил он. — Вы сражаетесь на стороне Барбадиора? Против человека, который связал себя с Ладонью? Разве вы хотите быть рабами?

Алессан медленно покачал головой.

— Брандин Игратский опоздал на двадцать лет, если он хотел связать себя с Ладонью. Он опоздал уже в тот день, когда привел к нам захватчиков. Вы — отважный человек. Я бы предпочел не убивать вас. Дайте нам клятву от своего имени, положите свой меч и сдайтесь.

Стоящий рядом Дукас сердито оскалился. Но тригиец не успел ничего сказать, так как игратянин ответил:

— Мое имя — Раманус. Я называю его вам с гордостью, потому что оно не запятнано ни одним бесчестным поступком. Но от меня вы не услышите клятвы. Я уже дал клятву королю, которого люблю, перед тем как повел сюда его воинов. Я сказал ему, что остановлю вас или умру. Эту клятву я сдержу.

Он поднял меч и замахнулся на Алессана, но не всерьез, как понял после Дэвин. Алессан даже не шевельнулся, чтобы отразить удар. Это меч Баэрда взлетел и опустился на шею игратянина, нанеся последний удар, сваливший его на землю.

— О мой король, — услышали они глухой голос Рамануса сквозь наполнившую его рот кровь. — О Брандин, прости меня.

Потом он перевернулся на спину и замер, глядя невидящими глазами прямо на пылающее солнце.

Так же жарко пылало оно в то утро, когда он бросил вызов губернатору и увез на корабле в качестве дани молодую служанку из Стиванбурга много лет тому назад.

* * *

Дианора видела, как он поднял свой меч на холме. Она отвернулась, чтобы не видеть гибели Рамануса. В ней росла боль, пустота; ей казалось, что все пропасти ее жизни разверзлись в земле у ее ног.

Он был врагом, человеком, который захватил ее, чтобы сделать рабыней. Посланный на сбор дани Брандином, он сжигал деревни и дома в Корте и Азоли. Он был игратянином. Приплыл на Ладонь с флотом захватчиков и сражался в последнем бою у Дейзы.

Он был ее другом. Одним из немногих друзей. Храбрый, порядочный и верный королю всю жизнь. Добрый и прямой, он неловко себя чувствовал при коварном дворе. Дианора осознала, что плачет по нему, по хорошей жизни, срубленной, словно дерево, опустившимся мечом незнакомца.

— Они потерпели неудачу, милорд. — Это произнес д'Эймон, в его голосе звучал — или ей только показалось? — слабый намек на чувство. Или на печаль. — Все стражники погибли, и Раманус тоже. Чародеи все еще там.

Сидящий на стуле под навесом Брандин открыл глаза. Его взгляд был прикован к долине внизу, и он не обернулся. Дианора видела, что его лицо стало белым как мел от напряжения, даже несмотря на раскаленный докрасна день. Она быстро вытерла слезы: он не должен видеть ее такой, если случайно бросит на нее взгляд. Она может ему понадобиться, ее силы и ее любовь, все, что у нее осталось. Его не должна отвлекать забота о ней. Он один, в полном одиночестве, сражается против такого количества врагов.

Он даже не знал, с каким количеством людей ему приходилось сражаться. Так как чародеи к этому моменту установили связь с Ночными Ходоками Чертандо. Они все вместе отдавали силы своей души на защиту Альберико.

С равнины внизу донесся рев, перекрывший устойчивый шум битвы. Барбадиоры издавали дикие, ликующие вопли. Дианора видела одетых в белое гонцов, бегущих вперед от того места, где сидел Альберико. Она увидела, что воины Западной Ладони прекратили наступление. На стороне барбадиоров все еще оставался огромный численный перевес. Если бы Брандин не мог сейчас помогать своим солдатам, все было бы кончено. Она посмотрела на юг, на холм, где стояли чародеи, где был убит Раманус. Ей хотелось их проклинать, но она не могла.

Они были жителями Ладони. Ее собственным народом. Но ее народ также умирал в долине, под тяжелыми мечами Империи. Солнце стояло прямо над головой. Небо было слепым, безжалостным куполом.

Она посмотрела на д'Эймона. Они молчали. Потом услыша-

ли быстрые приближающиеся шаги. Подбежал Шелто, спотыкаясь и задыхаясь.

— Милорд, — сказал он, падая на колени рядом со стулом Брандина, — нас сильно теснят в центре и на правом фланге. Левый держится, но еле-еле. Мне приказали спросить вас, не хотите ли вы, чтобы мы отступили.

Значит, это началось.

«Я ненавижу этого человека, — сказал он ей в последнюю ночь, перед тем как уснул совершенно измученным. — Ненавижу все, за что он борется».

На холме стояла тишина. Дианоре казалось, что она слышит биение собственного сердца при помощи какого-то любопытного устройства в ухе, позволяющего слышать его даже среди доносящегося снизу шума. Как ни странно, но шум битвы в долине, казалось, стих. И с каждой секундой становился все слабее.

Брандин встал.

— Нет, — тихо ответил он. — Мы не отступим. Нам некуда отступать, да еще перед барбадиорами. Никогда. — Он мрачно смотрел поверх стоящего на коленях Шелто, словно хотел проникнуть взглядом через отделяющее его от Альберико расстояние и поразить того в самое сердце.

Но теперь в нем поднималось что-то еще. Что-то новое, выходящее за рамки мрачной решимости и вечной гордости. Дианора это чувствовала, но не понимала. Затем он повернулся к ней, и она увидела в глубине этих серых глаз такой бездонный колодец боли, которого она никогда еще не видела. Ни у него, ни у других людей за всю свою жизнь. «Жалость, горе и любовь», — сказал он вчера ночью. Что-то происходило; сердце ее бешено билось. Она почувствовала, как у нее задрожали руки.

— Любовь моя, — сказал Брандин. Пробормотал почти нечленораздельно. Она увидела в его глазах смерть, вскрывшийся нарыв утраты, которая почти ослепила его, обнажила его душу. — О, любовь моя, — повторил он. — Что они сделали? Смотри, что они заставят меня сделать. О, смотри, что они заставляют меня делать!

— Брандин! — закричала Дианора в ужасе, ничего не понимая. Она снова отчаянно разрыдалась. Ей было понятно только то, что он сам превратился в боль открытой раны. Она потянулась к нему, но он ничего не видел и уже отвернулся к востоку, к краю холма и долине под ним.

* * *

— Готово, — сказал целитель Ринальдо и убрал руки. Дэвин открыл глаза и посмотрел вниз. Рана закрылась; кровотечение прекратилось. От вида раны его слегка затошнило; и от неестественной быстроты исцеления, будто его чувства все еще ожидали найти там свежую рану.

— У тебя останется легкий шрам, чтобы женщины узнавали тебя в темноте, — сухо прибавил Ринальдо. Дукас коротко хохотнул.

Дэвин морщился и старательно избегал взгляда Алаис. Она была рядом, оборачивала его торс тканью, бинтуя рану. Вместо нее он посмотрел на Дукаса, его рану под глазом только что точно так же затянул Ринальдо. Аркин, также уцелевший в стычке внизу, бинтовал его. Дукас со своей спутанной, липкой от крови бородой был похож на страшное чудовище из детских ночных кошмаров.

— Не слишком туго? — мягко спросила Алаис.

Дэвин на пробу вздохнул и покачал головой. Рана саднила, но с ним все было в порядке.

— Ты спасла мне жизнь, — шепотом сказал он ей. Теперь она была у него за спиной, связывая концы бинтов. Ее руки на секунду замерли, потом снова задвигались.

— Ничего подобного, — ответила она приглушенным голосом. — Он уже упал. Он не мог тебя достать. Я всего лишь убила человека. — Катриана, которая стояла рядом, взглянула на них. — Я... я жалею об этом, — сказала Алаис. И расплакалась.

Дэвин глотнул и попытался повернуться к ней, утешить ее, но Катриана его опередила, она уже обнимала Алаис. Он смотрел на них и с горечью спрашивал себя, как можно ее утешить на этом голом кряже, в разгар сражения.

— Эрлейн! Пора! Брандин встал! — Крик Алессана пробился сквозь все остальные звуки. Сердце Дэвина снова сильно застучало, и он быстро пошел к принцу и чародеям.

— Значит, наше время пришло, — сказал Эрлейн жестким, ровным голосом, обращаясь к двум остальным чародеям. — Мне сейчас придется отключиться, чтобы проследить за ним. Ждите моего сигнала, но когда я его подам, не медлите!

— Не будем, — задыхаясь, ответил Сертино. — Спаси нас всех Триада. — По пухлому лицу чародея тек пот. Руки его тряслись от напряжения.

— Эрлейн, — настойчивым тоном начал Алессан. — Он должен израсходовать все. Ты знаешь, что...

— Тихо! Я хорошо знаю, что должен делать. Алессан, ты все это заварил, ты привел нас всех сюда, в Сенцио, каждого человека, живых и мертвых. Теперь дело за нами. Молчи, если только не хочешь помолиться.

Дэвин посмотрел на север, на холм Брандина. Он увидел, как король шагнул вперед из-под своего навеса.

— О Триада, — услышал он странно звонкий шепот Алессана. — Адаон, вспомни о нас. Вспомни сейчас о своих детях! — принц опустился на колени. — Прошу тебя, — снова прошептал он. — Прошу тебя, сделай так, чтобы я был прав!

К северу от них, на своем холме, Брандин Игратский вытянул вперед одну руку, потом вторую, стоя под палящим солнцем.

* * *

Дианора увидела, как он подошел к самому краю холма, выйдя из-под навеса под раскаленное добела солнце. Шелто побежал прочь. Внизу войска Западной Ладони отступали под ударами противника, и в центре, и справа, и слева. В криках барбадиоров теперь звучало злобное торжество.

Брандин поднял правую руку и вытянул ее вперед. Потом вытянул параллельно ей левую, так что ладони соприкасались и все десять пальцев указывали в одну сторону. Прямо туда, где находился Альберико Барбадиорский, в тылу своих войск.

И тогда Брандин, король Западной Ладони, который назывался королем Играта, когда впервые прибыл на этот полуостров, громко крикнул голосом, рвавшим, казалось, в клочки сам воздух:

— О сын мой! Стиван, прости мне то, что я делаю!

Дианора перестала дышать. Ей показалось, что она сейчас упадет. Она протянула руку в поисках опоры и даже не осознала, что ее поддержал д'Эймон.

Затем Брандин заговорил снова, голосом таким холодным, какого она никогда у него не слышала, и стал произносить слова, которых никто из них не понимал. Только чародей в долине мог бы их узнать, только он мог понять чудовищность происходящего.

Она увидела, как Брандин шире расставил ноги, чтобы обрести большую устойчивость. И тут она увидела то, что последовало за этим.

* * *

— Сейчас! — закричал Эрлейн ди Сенцио. — Вы оба! Выводите остальных! Уходите!

— Они освободились! — крикнул Сертино. — Я ушел! — Он рухнул на землю без сил, словно никогда не сможет больше подняться.

Что-то происходило на соседнем холме. Средь белого дня, под сверкающим солнцем, небо менялось, темнело над тем местом, где стоял Брандин. Не дым, не свет, какая-то перемена в качестве самого воздуха. Что-то распространялось от его рук, клубилось, лилось на восток и вниз, обманывало зрение, расплывалось, неестественное, похожее на приговор судьбы.

Эрлейн внезапно повернул голову, и его глаза широко раскрылись от ужаса.

— Сандре, что ты делаешь? — завопил он, лихорадочно вцепляясь в герцога. — Убирайся, дурак! Во имя Эанны, убирайся!

— Еще рано, — ответил Сандре д'Астибар голосом, в котором тоже звучал приговор судьбы.

* * *

Их стало еще больше. Еще четверо пришли к нему на помощь. На этот раз не чародеи, это была другая магия Ладони, о которой он раньше даже не знал, которую не понимал. Но это не имело значения. Они были здесь, и на его стороне, пусть и спрятанные от его внутреннего взора, и вместе с ними, со всеми, использовали свою силу для его защиты. Он даже смог наступать, направить собственную силу против врага.

А враг отступал! Победа все-таки пришла, и надежда, больше, чем надежда, сверкающая дорога триумфа, тропа, политая кровью его врагов, вела прямо отсюда назад, через море, и домой, к тиаре императора.

Он благословит этих чародеев, осыплет их почестями! Сделает их лордами, обладающими немыслимой властью, здесь, в колонии, или в Барбадиоре. Где они ни пожелают, что ни предпочтут. И при мысли об этом Альберико почувствовал, как его собственная магия полилась, подобно опьяняющему вину, по жилам, и он послал ее вперед, против игратян и людей Западной Ладони, и его солдаты громко, торжествующе рассмеялись и почувствовали, как их мечи вдруг стали легкими, словно летняя трава.

Он услышал, как они запели старую боевую песнь легионов

Империи, завоевавших далекие земли много веков назад. Это происходит опять! Они не просто наемники, они и есть легионы Империи, потому что он — император или станет им. Он уже видел это. Это было здесь, сияло перед ним в ослепительном сверкании дня.

Затем Брандин Игратский встал и подошел к краю холма. Далекая фигура, одиноко стоящая под солнцем на высоком месте. А через мгновение Альберико, который сам был чародеем, почувствовал, так как расслышать не мог, темные, властные слова призыва, произнесенные Брандином, и кровь застыла в его жилах, превратившись в лед зимней ночи.

— Не может быть, — ахнул он громко. — После такого долгого боя! Он не может этого сделать!

Но игратянин смог. Он вызывал все, собирал все силы, каждую последнюю крупицу своей магии, ничего не оставляя про запас. Ничего, даже той силы, которая осуществляла его месть и удерживала его здесь все эти годы. Он опустошал себя, творил такие чары, которых никто раньше не творил.

В отчаянии, все еще до конца не веря в происходящее, Альберико мысленно потянулся к чародеям. Чтобы призвать их собраться, приготовиться. Кричал им, что их восемь, девять, что они смогут выстоять против этого. Что им только нужно пережить этот момент, и Брандин превратится в ничто, в пустую скорлупу. В шелуху, на недели, месяцы, годы! Он опустошит себя, в нем не останется никакой магической силы.

Их сознание было закрыто от него, отгорожено. Но они еще были здесь, защищались, напрягая силы. О, если рогатый бог и королева ночи еще на его стороне! Если они еще с ним, он еще мог бы...

Но они от него отвернулись. Они не были на его стороне.

Потому что в эту секунду Альберико почувствовал, что чародеи Ладони разорвали связь, растаяли без предупреждения, с ужасающей внезапностью, оставили его нагим и одиноким. На своем холме Брандин вытянул вперед руки, и из них вырвалась сине-серая смерть, темная, обволакивающая, вскипающая пеной в воздухе, она неслась по воздуху через долину по направлению к нему.

А чародеи исчезли! Он остался один.

Нет, не совсем один. Один человек продолжал держать связь, один из них остался с ним! И тут этот один человек раскрылся перед Альберико, как распахивается запертая дверь подземелья, впуская поток света.

Светом была истина. И в это мгновение Альберико Барбадиорский громко вскрикнул от ужаса и бессильной ярости, так как на него наконец снизошло озарение, и он понял, слишком поздно, как его погубили и кто его уничтожил.

«Именем моих сыновей я проклинаю тебя навечно, — произнес Сандре, герцог Астибарский, его безжалостный образ заполнил мозг Альберико, подобно ужасному призраку из потустороннего мира. Только герцог был жив. Невероятно, но жив и находился здесь, в Сенцио, на том кряже, и глаза его смотрели непримиримо и совершенно беспощадно. Он оскалил зубы в улыбке, которая призывала ночь. — Именем моих детей и Астибара, умри, и будь проклят навеки».

Потом он исчез, он тоже прервал связь, а эта сине-серая смерть кипела уже в долине, стекая с холма Брандина, с его вытянутых рук, расплывалась от чудовищной скорости. Альберико, все еще не оправившийся от потрясения, лихорадочно цеплялся за кресло, пытаясь встать, когда эта смерть ударила, окутала его и поглотила, как приливная волна яростного, кровожадного моря уничтожает росток на низинных полях.

Она унесла его с собой и вырвала его душу из еще кричащего тела, и он умер. Умер на этом далеком полуострове Ладонь за два дня до того, как его император ушел, наконец, к богам в Бардбадиоре, не проснувшись утром после ночи, лишенной сновидений.

Армия Альберико услышала его последний вопль, и крики восторга сменились ужасом и паникой. Перед лицом этих чар с холма барбадиоры испытали такой ужас, какой ни один человек никогда не испытывал. Они едва могли держать в руках мечи, или бежать, или даже стоять прямо перед своими противниками, которые наступали, не встречая сопротивления, воспрянув духом под этими ужасающими, застилающими солнце чарами, и начали резать и рубить их, преисполнившись жестокой, смертоносной ярости.

* * *

«Все», — подумал Брандин Игратский, король Западной Ладони, и беспомощно заплакал на своем холме, глядя вниз, в долину. Его довели до этого, и он ответил, призвал все, что у него было, ради этой конечной цели, и этого оказалось достаточно. Этого хватило, но меньших сил было бы недостаточно. Слиш-

ком много магии противостояло ему, и смерть ожидала его людей.

Он знал, что его заставили это сделать, знал, что у него ничего не осталось. Он заплатил эту цену, и платил ее сейчас, и будет ее платить до самой смерти, до последнего вздоха. Он выкрикнул имя Стивана вслух и произнес его в гулких залах своей души, перед тем как призвать на помощь эту силу. Он понимал, что все двадцать лет мести за слишком рано оборвавшуюся жизнь сына пропали зря под этим бронзовым солнцем. Ничего не осталось. Все было кончено.

Но внизу погибали люди, сражаясь под его знаменами, ради него, им некуда было отступать с этой равнины. И ему тоже. Он не мог отступить. Его гнали к этому мгновению, как стая волков загоняет медведя на скалистый утес, и теперь он расплачивался за это. Повсюду шла расплата. В долине началась резня, убийство барбадиоров. Сердце его рыдало. Он был сражен горем, душу его надрывали воспоминания о любви, о потере сына, они нахлынули на него, словно волны прилива. Стиван.

Брандин плакал, затерянный в океане утрат, вдали от всех берегов. Он смутно ощущал присутствие рядом Дианоры, она сжимала его ладони в своих руках, но он целиком погрузился в свое горе. Он лишился могущества, основа его существа разлетелась на кусочки, на осколки, он был немолодым уже человеком и пытался, без всякой надежды, решить, как ему жить дальше, если дорога его жизни пойдет дальше от этого холма.

А события продолжали развиваться. Ведь он забыл кое о чем. О чем-то таком, что мог знать только он один.

И таким образом время, которое действительно не останавливается, ни ради горя, ни ради любви, несло их всех вперед к тому моменту, которого не предвидели ни Брандин, ни чародеи, ни музыкант на своем кряже.

* * *

Эта тяжесть была, словно тяжесть гор, придавивших его разум. Тщательно, скрупулезно рассчитанная так, чтобы оставить ему лишь самую слабую искру сознания, ведь именно в этом заключалась пытка. Чтобы он всегда точно знал, кем был прежде и что его заставляют делать, и был абсолютно не способен себя контролировать. Он был раздавлен весом навалившихся на него гор.

Но теперь они исчезли. Он распрямил спину. По собственной воле. Повернулся на восток. По собственной воле. Попы-

тался поднять голову повыше, но не смог. Он понял: слишком много лет провел в этом скособоченном, согбенном положении. Ему несколько раз ломали кости плеча, очень аккуратно. Он знал, как выглядит, во что его превратили в темноте, давным-давно. Он видел себя в зеркалах все эти годы и в глазах других людей. Он точно знал, что сделали с его телом, перед тем как принялись за его рассудок.

Теперь это не имело значения. Горы исчезли. Он смотрел на мир собственными глазами, к нему вернулись собственные воспоминания, он мог говорить, если бы захотел, высказывать собственные мысли собственным голосом, как бы сильно он ни изменился.

Но Рун обнажил свой меч.

Конечно, у него был меч. Он носил такое же оружие, как Брандин, ему каждый день приносили ту одежду, которую выбирал король; он был отдушиной, водостоком, двойником, шутом.

Но он был больше, чем шут. Он точно знал, насколько больше. Брандин оставил ему этот тонко отмеренный клочок сознания на самом дне его рассудка, под этими навалившимися, придавившими его горами. В этом был весь смысл, суть всего; в этом и в тайне, в том факте, что лишь они двое ее знали, и больше никто никогда не узнает.

Люди, которые некогда его изувечили и изуродовали, были слепыми, они трудились над ним в темноте и знали его только через настойчивые прикосновения рук к его плоти, проникающие до самой кости. Они так и не узнали, кто он такой. Только Брандин знал, только Брандин и он сам, смутным проблеском сознания своей личности, так тщательно оставленным ему после того, как все остальное отобрали. Так элегантно задуман был этот ответ на то, что он сделал, эта реакция на горе и ярость. Эта месть.

Никто из живых, кроме Брандина Игратского, не знал его настоящего имени, но под гнетом гор он не мог сам его выговорить, лишь в душе мог оплакивать то, что с ним сделали. Какое изысканное совершенство, эта месть.

Но горы, которые погребли его под собой, исчезли.

И при этой мысли Валентин, принц Тиганы, поднял свой меч на холме Сенцио.

Рассудок снова принадлежал ему, и воспоминания: комната без света, черная, как смола, рыдающий голос игратянского короля, рассказывающего, что делают с Тиганой уже во время это-

го разговора и что будет сделано с ним в последующие месяцы и годы.

Изувеченное тело, которому магия дала его лицо, было предано казни на колесе смерти в Кьяре в конце недели, а потом сожжено, а пепел развеян по ветру.

В черной комнате слепые начали свою работу. Он помнил, что сначала старался не кричать. Помнил, как кричал. Много позже появился Брандин. Он начал и закончил свою часть этой тщательной, терпеливой работы. Пытка другого рода, гораздо худшая. Тяжесть гор на его рассудке.

Ближе к концу того года шут короля из Играта погиб от несчастного случая в только что заселенном новыми обитателями дворце Кьяры. И вскоре после этого Руна, со слабыми, мигающими глазами, изуродованным плечом, полуоткрытым ртом и походкой калеки извлекли из его тьмы и привели в ночь длиной в двадцать лет.

Сейчас здесь было очень светло, солнце ослепительно сверкало. Брандин был прямо перед ним. Девушка держала его за руку.

Девушка. Эта девушка была дочерью Саэвара.

Он узнал ее в ту минуту, когда ее впервые привели, чтобы представить королю. За пять лет она изменилась, сильно изменилась, но у нее были глаза отца, точно такие же, а прежде Дианора росла на глазах у Валентина. Когда он услышал, как ее назвали в тот первый день женщиной из Чертандо, слабая, дозволенная искра в его мозгу вспыхнула и обожгла, так как он знал, он знал, зачем она сюда пришла.

Затем, по мере того как текли месяцы и годы, он беспомощно смотрел своими слезящимися глазами из-под навалившихся гор, как ужасное переплетение нитей судьбы прибавило ко всему остальному любовь. Он был связан с Брандином невозможно тесным образом, и он видел, что произошло. Более того, вынужден был в этом участвовать из-за самой природы отношений между королями и шутами Играта.

Это он впервые отразил — помимо своей воли, у него не было воли, — то, что назревало в сердце у короля. Еще в то время, когда Брандин отказывался допустить саму мысль о любви в свою душу и жизнь, наполненную мщением и утратой, именно Рун — Валентин — начал пристально смотреть на Дианору, на темноволосую дочь Саэвара, глазами души другого мужчины.

Но больше так не будет. Долгая ночь завершилась. Чары, которые его сковывали, исчезли. Все кончилось, он стоял в лучах солнца и мог произнести свое настоящее имя, если бы захотел. Он неуклюже шагнул вперед, потом, более осторожно, еще раз. Они его не замечали. Он был шутом. Руном. Даже это имя выбрал король. Чтобы только они двое знали об этом. Это не для остального мира. Уединение гордости. Он даже понимал это. Возможно, самым ужасным было то, что он понимал.

Он шагнул под навес. Брандин стоял впереди, у края холма. Валентин никогда за всю свою жизнь не убил человека сзади. Он зашел сбоку, слегка спотыкаясь, и подошел к королю справа. Никто на него не смотрел. Он был Рун.

Но он им не был.

— Тебе следовало убить меня у реки, — произнес он очень ясно. Брандин медленно повернул голову, словно только сейчас о чем-то вспомнил. Валентин подождал, пока их взгляды встретились, а потом вонзил меч в сердце игратянина, так, как принц убивает своих врагов, сколько бы лет на это ни потребовалось, сколько бы ему ни пришлось вынести до того, как боги позволят довести историю до такого конца.

* * *

Дианора не могла даже вскрикнуть, настолько была ошеломлена внезапностью. Она увидела, как Брандин отшатнулся назад с клинком в груди. Затем Рун — Рун! — неуклюже выдернул меч, и из раны хлынула кровь. Глаза Брандина были широко раскрыты от изумления и боли, но они были ясными, такими сияюще ясными. И таким же был его голос, когда он произнес:

— Нас обоих? — Он покачнулся, но устоял на ногах. — Отца и сына, обоих? Какая жатва, принц Тиганы.

Дианора услышала это имя, и словно оглушительный взрыв раздался у нее в голове. Казалось, время изменилось, невыносимо замедлилось. Она видела, как Брандин опускается на колени; он падал целую вечность. Она попыталась броситься к нему, но тело ей не повиновалось. Она услышала длинный, странно искаженный стон боли и увидела мучительное страдание на лице д'Эймона, когда меч канцлера вонзился в бок Руна.

Не Руна. Не Руна! Принца Валентина.

Шут Брандина. Все эти годы. Что с ним сделали! И она была рядом с ним, рядом с его страданием. Все эти годы! Ей хотелось закричать. Но она не могла издать ни звука, почти не могла дышать.

Дианора увидела, как он тоже упал, изуродованная, сломан-

ная фигура, осевшая на землю рядом с Брандином. Тот еще стоял на коленях, с кровавой раной в груди. И теперь смотрел на нее, только на нее. Крик наконец сорвался с ее губ, когда она опустилась рядом с ним. Он потянулся к ней, так медленно, с таким колоссальным усилием воли, со всем своим самообладанием, и взял ее за руку.

— О любимая, — услышала она его слова. — Я же тебе говорил. Нам следовало встретиться в Финавире.

Она снова попыталась заговорить, ответить ему, но по ее лицу текли слезы, они стиснули ей горло. Она изо всех сил сжимала его руку, пытаясь перелить в него свою жизнь. Он повалился на бок, прислонился к ее плечу, и она положила его к себе на колени и обхватила его руками, как вчера ночью, всего лишь вчера ночью, когда он спал. Увидела, как его чудные, ясные, серые глаза медленно затуманились, а потом потемнели. Она так и держала его голову на коленях, когда он умер.

Дианора подняла лицо. Принц Тиганы, лежащий на земле рядом с ними, смотрел на нее с таким состраданием в своих снова ставших ясными глазах. Этого она вынести не могла. Только не от него, зная, что он выстрадал и что она, она сама сделала. Если бы он только знал, какие слова тогда нашел бы для нее, какое выражение появилось бы тогда в этих глазах? Она не могла этого вынести. Она видела, как он открыл рот, словно хотел заговорить, затем его глаза быстро метнулись в сторону.

Тень закрыла солнце. Дианора подняла глаза и увидела высоко занесенный меч д'Эймона. Валентин поднял руку умоляющим жестом, чтобы остановить его.

— Стой! — ахнула она, вытолкнув из себя лишь одно это слово.

И д'Эймон, почти обезумевший от собственного горя, все-таки подчинился. Задержал свой меч. Валентин опустил руку. Она увидела, как он набрал в грудь воздуха, борясь с собственной смертельной раной, а затем, закрыв глаза от боли и от беспощадного света, произнес одно слово. Дианора услышала его, не крик, а всего одно слово, произнесенное ясным голосом. И этим одним словом было — а чем еще оно могло быть? — имя его родного дома, сверкающий дар, снова возвращенный в этот мир.

И Дианора увидела тогда, что д'Эймон Игратский услышал его. Что он услышал это имя. А это означало, что теперь все люди могли его слышать, что чары развеялись. Валентин открыл глаза и посмотрел вверх, на канцлера, читая правду на лице д'Эймона, и Дианора видела, что принц Тиганы улыбался, когда меч канцлера обрушился вниз и пронзил его сердце.

Даже после смерти улыбка осталась на его страшно изуродованном лице. И эхо его последнего слова, этого единственного имени, как казалось Дианоре, повисло в окружающем холм воздухе, и от него расходилась рябь над долиной, где продолжали гибнуть барбадиоры.

Она смотрела на мертвого человека в своих объятиях, прижимая к себе его голову с седеющими волосами, и не могла остановить льющиеся слезы. «В Финавире», — сказал он. Последние слова. Еще одно название места, более далекого, чем мечта. Он был прав, как уже много раз был прав. Им следовало встретиться, если бы у богов была хоть капля доброты и жалости к ним, в другом мире, не в этом. Не здесь. Потому что любовь была любовью, но ее было недостаточно. Здесь — недостаточно.

Дианора услышала под навесом какой-то звук и, обернувшись, увидела, как д'Эймон валится вперед на кресло Брандина. Рукоять его меча упиралась в спинку кресла, а лезвие вонзилось в грудь. Она увидела это и посочувствовала его боли, но настоящего горя не испытала. В ней не осталось чувств, чтобы горевать. Д'Эймон Игратский сейчас не имел значения. Теперь, когда эти два человека лежали около нее, рядом друг с другом. Она могла пожалеть, о, она могла пожалеть любого рожденного на свет мужчину или женщину, но горевать она могла только об этих двоих. Горевать сейчас.

И больше никогда, поняла Дианора.

Тогда она огляделась и увидела Шелто, все еще стоящего на коленях, единственного живого человека на этом холме, не считая нее самой. Он тоже плакал. Но оплакивал ее, поняла Дианора, даже больше, чем мертвых. Его первые слезы всегда были вызваны жалостью к ней. Но и Шелто показался ей очень далеким. Все казалось странно отдаленным. Кроме Брандина. Кроме Валентина.

Она в последний раз взглянула на мужчину, ради любви к которому предала свой дом, и всех своих мертвых, и собственную клятву отомстить, данную у камина в доме отца столько лет тому назад. Она посмотрела на то, что осталось от Брандина Игратского, когда душа покинула тело, медленно, нежно наклонила голову и поцеловала его в губы прощальным поцелуем.

— В Финавире, — произнесла она. — Любовь моя.

Потом положила его на землю рядом с Валентином и встала.

Взглянув на юг, Дианора увидела, что трое мужчин и женщина с рыжими волосами спустились со склона того холма, где стояли чародеи, и быстро пошли по неровной лощине между двумя холмами. Она повернулась к Шелто, в глазах которого те-

перь читалось ужасное предчувствие. Он знал ее, вспомнила она, и любил, и знал ее слишком хорошо. Он знал все, кроме одного, и эту единственную тайну она унесет с собой. Эта тайна — ее собственная.

— Возможно, — сказала она ему, указывая на принца, — было бы лучше, если бы никто никогда не узнал, кто он такой. Но мне кажется, мы не имеем права так поступить. Расскажи им, Шелто. Останься и расскажи, когда они придут сюда. Кто бы они ни были, они должны знать.

— О госпожа, — прошептал он, рыдая. — Неужели так должно это кончиться?

Дианора знала, что он имеет в виду. Конечно, знала. Ей не хотелось сейчас притворяться перед ним. Она взглянула на этих людей — кем бы они ни были, — которые быстро приближались к холму с юга. Женщина. Мужчина с мечом, с каштановыми волосами, другой, потемнее, и третий, поменьше ростом, чем двое других.

— Да, — ответила она Шелто, глядя на их приближение. — Да, так надо.

Она повернулась и оставила его на холме вместе с мертвыми ждать тех, кто сейчас приближался. Оставила позади долину, холм, оставила звуки сражения и крики боли и пошла по самой северной из пастушеских троп, вьющейся на запад вдоль склона холма, вдали от всех глаз. Вдоль тропинки росли цветы: ягоды сонрай, дикие лилии, ирисы, анемоны, желтые и белые, и один алый. В Тригии говорили, что этот цветок покраснел от крови Адаона там, где он упал.

На этом склоне не было никого, кто бы мог ее увидеть или остановить, и до ровного места было близко, а потом начался песок и, наконец, море, где кружились и кричали над головой чайки.

На одежде Дианоры была кровь. Она сбросила ее маленькой грудой на широком пляже из белого песка. Шагнула в воду, она оказалась прохладной, но совсем не такой холодной, как море у Кьяры в день Прыжка за Кольцом. Медленно брела вперед, пока вода не дошла ей до бедер, а потом поплыла. Прямо в открытое море, на запад, туда, куда опустится солнце в конце дня. Дианора хорошо плавала; очень давно их с братом научил плавать отец, после того, как ей приснился сон. Однажды даже принц Валентин пришел вместе с ними в их бухточку. Очень давно.

Когда она начала, в конце концов, уставать, то уже была далеко от берега, там, где сине-зеленый цвет океана у суши сменяется более темной синевой глубин. И здесь она нырнула, на-

правляя свое тело в глубину, прочь от голубого неба и бронзового солнца, и ей казалось, пока она опускалась, что в воде появилось странное свечение, нечто вроде дорожки в морских глубинах.

Этого Дианора не ожидала. Она не думала, что здесь ее будет ждать нечто подобное. После всего, что случилось, что она сделала. Но дорожка действительно была, нарисованная свечением. Она уже устала, и опустилась глубоко, и ее зрение начало слабеть. Ей показалось, что на краю мерцающего свечения мелькнула какая-то тень. Но она видела не очень четко, казалось, на нее опустился туман. На мгновение ей почудилось, что это ризелка, хотя она не заслужила этого, или даже Адаон, хотя на бога она совсем не имела права рассчитывать. Но затем Дианоре показалось, что в ее мозгу в последний раз вспыхнул свет, в самом конце, и туман слегка отступил, и она увидела, что ей все же не суждена встреча ни с ризелкой, ни с богом.

Это была Мориан, которая по милости и доброте своей явилась, чтобы отвести ее домой.

* * *

Оставшись один на холме вместе с мертвыми, Шелто встал и взял себя в руки, насколько мог, в ожидании тех, кто уже поднимался по склону.

Когда трое мужчин и высокая женщина достигли вершины, он опустился на колени в знак покорности, пока они молча смотрели на то, что здесь произошло. Какую жатву собрала смерть с этого холма. Он понимал, что они могут его убить, даже стоящего на коленях. Он не был уверен, что его это трогает.

Король лежал на расстоянии вытянутой руки от Руна, который его убил. Рун, который некогда был принцем. Принцем Тиганы. Нижнего Корте. Если у него потом будет на это время, думал Шелто, он смог бы составить для себя картину из кусочков этой истории. Даже в таком оцепенении, как сейчас, он ощущал пронзительную боль в душе, когда думал об этой истории. Так много сделано во имя мертвых.

К этому времени она, наверное, подошла к воде. На этот раз она уже не вернется. Он не ожидал, что она вернется в утро Прыжка; она пыталась это скрыть, но он заметил в ней что-то такое, когда она проснулась утром в тот день. Он не понял, почему, но знал, что она готовится к смерти.

Она и была к ней готова, в этом он был уверен; что-то изменилось для нее в тот день у кромки воды. Но сейчас не изменится.

— Кто ты?

Он поднял глаза. Худой черноволосый человек с серебряными висками смотрел на него сверху чистыми серыми глазами. Как странно, такие же глаза были у Брандина.

— Я — Шелто. Я был слугой в сейшане, а сегодня гонцом.

— Ты был здесь, когда они умерли?

Шелто кивнул. Голос этого человека звучал спокойно, хотя в нем явственно ощущалось приложенное для этого усилие, словно он пытался своим тоном восстановить некоторый порядок в хаосе этого дня.

— Ты мне можешь сказать, кто убил короля Играта?

— Его шут, — тихо ответил Шелто, стараясь говорить так же спокойно. Внизу, вдалеке, шум сражения наконец начал стихать.

— Как? По просьбе Брандина? — Это спросил другой, крепкого вида бородатый мужчина с темными глазами и мечом в руке.

Шелто покачал головой. Он внезапно ощутил страшную усталость. Она сейчас плывет. Она уже очень далеко заплыла.

— Нет. Это было нападение. Я думаю... — Он опустил голову, боясь показаться нескромным.

— Продолжай, — мягко произнес первый. — Тебе не следует нас опасаться. С меня хватит крови на сегодня. Ее и так слишком много.

При этих словах Шелто поднял голову, удивляясь. Потом сказал:

— Думаю, что когда король использовал последнюю магию, он слишком сосредоточился на происходящем в долине и забыл о Руне. Он использовал столько сил на последнее заклинание, что выпустил из-под своей власти шута.

— И не только его, — мягко сказал сероглазый. Высокая женщина подошла и встала рядом с ним. У нее были рыжие волосы и глубокие синие глаза; она была молода и очень красива.

Она теперь далеко в море, среди волн. Скоро все будет кончено. Он не попрощался с ней. После стольких лет. Шелто невольно подавил рыдание.

— Могу я спросить, — обратился он к ним, не вполне понимая, зачем ему это нужно знать, — могу я спросить, кто вы?

И темноволосый человек ответил тихо, без вызова, и даже без настоящей твердости в голосе:

— Мое имя — Алессан бар Валентин, я последний в нашем роду. Мой отец и братья были убиты Брандином почти двадцать лет назад. Я — принц Тиганы.

Шелто закрыл глаза.

В его ушах снова звучал голос Брандина, ясный и холодный, полный иронии, несмотря на смертельную рану:

— Какая жатва, принц Тиганы.

И Рун перед самой смертью произнес то же имя под куполом неба.

Значит, его собственная месть совершилась здесь.

— Где эта женщина? — внезапно спросил третий, молодой, пониже ростом. — Где Дианора ди Чертандо, которая совершила Прыжок за Кольцом? Разве ее здесь не было?

Сейчас уже все кончено. Ей теперь темно, глубоко и спокойно. Зеленые щупальца моря ласкают ее волосы и обвиваются вокруг рук и ног. Она наконец отдыхает, она обрела покой.

Шелто поднял глаза. Он плакал и даже не пытался остановиться или скрыть слезы.

— Она была здесь, — ответил он. — И снова ушла к морю, к своему концу в море.

Он не думал, что их это огорчит. Что их это может трогать, любого из них, но тут он увидел, что ошибался. Все четверо, даже суровый, воинственный человек с каштановыми волосами, внезапно застыли, а потом повернулись, почти одновременно, и посмотрели на запад, через холмы и песок, туда, где солнце садилось в море.

— Мне очень жаль это слышать, — сказал человек по имени Алессан. — Я видел, как она ныряла за кольцом. В Кьяре. Она была прекрасна и поразительно отважна.

Человек с каштановыми волосами шагнул вперед, в его глазах неожиданно появилась неуверенность. Он не такой суровый, каким кажется с первого взгляда, понял Шелто, и он моложе, чем выглядит.

— Скажи мне, — начал он. — Она была... она когда-нибудь... — Он замолчал, смешавшись. Принц смотрел на него с состраданием во взгляде.

— Она была из Чертандо, Баэрд. Всем известна эта история.

Тот медленно кивнул. Но повернулся и опять посмотрел в море. Они не похожи на победителей, подумал Шелто. Они не выглядят, как мужчины в момент триумфа. Они просто выглядят усталыми, будто в конце долгого, очень долгого путешествия.

— Значит, это все-таки был не я, — произнес сероглазый почти про себя. — После всех этих лет мечтаний. Его убил собственный шут. Я не имел к этому никакого отношения. — Он посмотрел на двоих мертвых людей, лежащих вместе, потом

снова перевел взгляд на Шелто. — Кто был этот шут? Кто-нибудь знает?

Она ушла, ее призвали темные морские глубины. Она отдыхает. А Шелто так устал. Устал от горя, от крови, от боли, от этих горьких кругов мести. Он знал, что произойдет с этим человеком в тот момент, когда он заговорит.

«Они должны знать», — сказала она перед тем, как уйти к морю, и это было правдой, конечно, это было правдой. Шелто поднял взгляд на сероглазого мужчину.

— Рун? — спросил он. — Один игратянин, связанный с королем много лет. Не слишком важная персона, милорд.

Принц Тиганы кивнул, его выразительный рот дрогнул в насмешке, направленной против самого себя.

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Не слишком важная персона. Почему я думал, что будет иначе?

— Алессан, — позвал молодой человек, стоящий у края холма. — Мне кажется, все кончено. Я хочу сказать, внизу. Думаю все барбадиоры мертвы.

Принц поднял голову, и Шелто тоже. Люди Ладони и Игрmaта стояли рядом друг с другом в долине.

— Вы собираетесь убить нас всех? — спросил у него Шелто.

Принц Тиганы покачал головой.

— Я уже сказал тебе, с меня хватит крови. Надо еще так много сделать, но я теперь попытаюсь обойтись без новых убийств.

Он подошел к южному краю холма и поднял руку, подавая сигнал людям на своем кряже. Женщина подошла к нему и встала рядом, и он обнял ее рукой за плечи. Через секунду они услышали звонкий сигнал горна над долиной и над холмами, чистый, высокий, прекрасный звук, возвещающий конец битвы.

Шелто, все еще стоя на коленях, вытер глаза грязной рукой. Он увидел, что третий мужчина, тот, который пытался о чем-то спросить, все еще смотрит на море. Тут скрывалась какая-то боль, которой Шелто не понимал. Но сегодня боль была повсюду. Даже сейчас еще в его власти сказать правду, и ее стало бы намного больше.

Его взгляд снова опустился вниз, от темно-синего неба и сине-зеленого моря, мимо людей на западном краю холма, мимо д'Эймона Игратского, лежащего на кресле короля с собственным мечом в груди, и остановился на двух мертвецах, лежащих рядом на земле, так близко, что они могли бы прикоснуться друг к другу, если бы были живы.

Он сумеет сохранить их тайну. И сможет с ней жить.

Эпилог

Три всадника в южных горах смотрят на долину, лежащую к востоку. Над ними поднимаются сосновые и кедровые леса, со всех сторон возвышаются холмы. Река Сперион сверкает вдалеке, стекая с гор вниз, неподалеку от того места, где она начнет плавный поворот на запад, в поисках моря. Воздух ясный и прохладный, в ветерке уже чувствуется осень. Листья скоро начнут менять цвет, а вечные снеговые шапки на горных пиках начнут спускаться ниже, закрывая перевалы.

В безмятежной зелени долины под ними Дэвин различает купол храма Эанны, сверкающий на утреннем солнце. За святилищем он едва различает извилистую тропу, по которой они спускались этой весной, приехав с востока, из-за границы. Он поворачивается в седле и смотрит на север, поверх уходящих вдаль, постепенно исчезающих холмов.

— Мы сможем увидеть их отсюда, потом?

Баэрд смотрит на него, потом следует за его взглядом.

— Что, Авалле и башни? Легко, в любой ясный день. Давай встретимся здесь через год, и ты увидишь мою бело-зеленую башню принца, я тебе обещаю.

— Откуда вы берете мрамор? — спрашивает Сандре.

— Из того же места, что и Орсария для первой башни. Карьер все еще существует, хотите верьте хотите нет, примерно в двух днях езды верхом на запад от нас, возле побережья.

— И доставляете его сюда?

— Морем до Тиганы, потом по реке на баржах вверх по течению Сперионa. Так же, как это делали прежде. — Баэрд снова сбрил бороду. Дэвин ловит себя на мысли, что так он выглядит намного моложе.

— Откуда тебе столько об этом известно? — спрашивает Сандре с ленивой насмешкой. — Я думал, что ты только и умеешь стрелять из лука и не падать, когда пробираешься один в темноте.

Баэрд улыбается.

— Я всегда собирался быть строителем. Отец передал мне свою любовь к камню, пусть и не свой дар. Но я все же искусный мастер, и уже тогда научился видеть. Мне кажется, я знаю не меньше любого другого о том, как Орсария строил свои башни и дворцы. В том числе и дворец в Астибаре, Сандре. Хочешь, я расскажу тебе, где находятся тайные ходы?

Сандре громко смеется.

— Не трудись, самонадеянный каменщик. С другой сторо-

ны, прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как я был в этом дворце, возможно, тебе и придется мне напомнить, где они расположены.

Дэвин с усмешкой смотрит на герцога. Он долго не мог привыкнуть к внешности Сандре без его смуглой маскировки карду.

— Значит, ты собираешься вернуться назад после свадьбы? — спрашивает он, чувствуя грусть при мысли об еще одной предстоящей разлуке.

— Мне кажется, я должен, — говорит герцог. — Хотя признаюсь, меня раздирают противоречия. Я чувствую себя уже слишком старым для того, чтобы кем-то править. И похоже, мне некого растить себе в наследники.

После короткого молчания Сандре плавно уводит их от мрачных воспоминаний.

— Если честно, сейчас меня больше всего интересует то, чем я занимался здесь, в Тигане. Мысленная связь с Эрлейном и Сертино и с теми чародеями, которых нам удалось найти.

— А Ночные Ходоки? — спрашивает Дэвин.

— Действительно, и с ними тоже. Должен сказать, я доволен, что четверо из них приедут вместе с Альенор на свадьбу.

— Но не так доволен, как Баэрд, я уверен, — лукаво говорит Дэвин. Баэрд бросает на него выразительный взгляд и делает вид, будто поглощен осмотром далекой ленточки дороги к югу от них.

— Ну, едва ли так же, — соглашается Сандре. — Хотя все же надеюсь, он позволит мне ненадолго отнять у него Элену, пока она здесь. Если мы собираемся изменить отношение этого полуострова к магии, нет лучшего времени начать это делать, чем сейчас, тебе не кажется?

— О, разумеется, — отвечает Дэвин, широко улыбаясь.

— Она не моя Элена, — бормочет Баэрд, упорно не отрывая глаз от дороги.

— Разве? — насмешливо удивляется Сандре. — Тогда кто же тот Баэрд, которому она все время передает через меня послания? Ты знаешь этого парня?

— Никогда о нем не слыхал, — лаконично отвечает Баэрд. Он еще несколько секунд сохраняет серьезное выражение лица, потом сдается и хохочет. — Начинаю припоминать, почему я предпочитал ходить в одиночку. А как насчет Дэвина, если уж ты об этом заговорил? Ты не думаешь, что Алаис тоже посылала бы ему сообщения, если бы могла?

— Дэвин, — беззаботно отвечает герцог, — просто ребенок, слишком юный и невинный, чтобы связываться с женщинами,

особенно с такими, как эта развратная, опытная девица из Астибара.

Дэвин старается казаться суровым, но ему это не удается; оба его собеседника знают его истинное отношение к дочери Ровиго.

— В Астибаре нет неопытных женщин, — возражает Баэрд. — И, кроме того, он достаточно взрослый. У него на ребрах даже есть боевой шрам, который можно ей показать.

— Она его уже видела, — замечает Дэвин, получающий от этого разговора огромное удовольствие. — Она его бинтовала после того, как Ринальдо меня исцелил, — поспешно прибавляет он, так как оба собеседника вопросительно поднимают брови. — Ничего интересного. — Он пытается представить себе Алаис развратной и лицемерной, но ему это не удается. Но в последнее время она ему все чаще вспоминается такой, какой он видел ее на подоконнике в Сенцио; эта особенная улыбка на ее лице, когда он нетвердой походкой двинулся по наружному балкону к своей комнате.

— Они ведь приедут, правда? — спрашивает герцог. — Мне пришло в голову, что я мог бы потом вернуться домой на корабле вместе с Ровиго.

— Они будут здесь, — подтверждает Дэвин. — На прошлой неделе у них в доме играли свадьбу, а не то они бы уже приехали.

— Вижу, ты хорошо осведомлен об их планах, — серьезно замечает Баэрд. — И что ты собираешься делать после свадьбы?

— Я и сам хотел бы знать, — отвечает Дэвин. — У меня в голове десять разных вариантов. — Он явно говорит серьезнее, чем намеревался, так как оба его друга внимательно прислушиваются к его словам.

— Например? — спрашивает Сандре.

Дэвин глубоко вдыхает и выдыхает воздух. Поднимает обе руки и начинает считать на пальцах.

— Найти отца и помочь ему снова устроиться здесь. Найти Менико ди Феррата и собрать труппу, которая должна была у нас быть перед тем, как вы меня увели. Остаться с Алессаном и Катрианой в Тигане и помочь им в том, что им надо сделать. Научиться управляться с кораблем в море, не спрашивайте, зачем. Остаться в Авалле и построить башню вместе с Баэрдом. — Он колеблется; остальные улыбаются. Тогда он бросается вперед: — Провести еще одну ночь с Альенор в Борсо. Провести всю жизнь с Алаис брен Ровиго. Начать собирать заново слова и музыку всех песен, которые мы потеряли. Поехать через горы в Квилею и найти те двадцать семь деревьев в священной роще.

Начать тренироваться в беге для участия в Играх Триады следующим летом. Научиться стрелять из лука — и, кстати, ты мне это обещал, Баэрд!

Он замолкает, потому что они уже хохочут, и он тоже, слегка запыхавшись.

— Кажется, в твоем списке больше десяти пунктов, — смеется Баэрд.

— Их еще больше, — отвечает Дэвин. — Хочешь послушать?

— Мне кажется, я этого не вынесу, — говорит Сандре. — Ты слишком болезненно напоминаешь мне о том, как я стар и как ты молод.

При этих словах Дэвин становится серьезным. Он качает головой.

— Ты не должен так думать. В прошлом году не было такого момента, когда мне бы не пришлось стараться изо всех сил, чтобы от тебя не отстать, куда бы мы ни шли. — При этом он улыбается. — Ты не старый, Сандре, ты самый молодой чародей на Ладони.

Сандре хитро улыбается. Поднимает левую руку: они ясно видят два недостающих пальца.

— В этом есть правда. И я могу стать первым, кто сломает привычку прятать то, чем мы являемся, потому что я так ее и не приобрел.

— Ты серьезно хочешь отказаться от маскировки? — спрашивает Баэрд.

— Совершенно серьезно. Если мы хотим выжить на этом полуострове, как единый народ, нам понадобится магия, чтобы сравняться с Барбадиором и Игратом. И с Кардуном, если подумать хорошенько. И я даже не знаю, какие силы теперь есть в Квилее; прошло столько лет с тех пор, как мы имели с ними дело. Мы больше не можем прятать наших чародеев, или Ходоков, не можем позволить себе не знать, как раньше, ничего о том, каким образом здесь создается магия. Даже Целители, мы ведь ничего в них не понимаем. Нам надо изучить нашу магию, оценить ее, разыскать чародеев и обучать их, найти способы их контролировать. Ладонь должна открыть магию, а не то магия снова погубит нас когда-нибудь, как это произошло двадцать лет назад.

— Ты считаешь, что мы можем этого добиться? — спрашивает Дэвин. — Создать здесь единый народ, из девяти разных.

— Я знаю, что можем. И думаю, что добьемся. Держу пари против вас обоих, что Алессан ди Тигана будет провозглашен королем Ладони на Играх Триады в следующем году.

Дэвин быстро поворачивается к Баэрду, щеки которого внезапно заливает румянец.

— Он согласится? — спрашивает он. — Он это сделает, Баэрд?

Баэрд смотрит на Сандре, потом быстро переводит взгляд обратно на Дэвина.

— А кто еще может им стать? — наконец отвечает он. — Я даже думаю, что у него нет выбора. Задача связать воедино этот полуостров была делом его жизни с пятнадцати лет. Он уже стоял на этом пути, когда я разыскал его в Квилее. Думаю, что ему на самом деле хотелось бы найти вместе с тобой Менико, Дэвин, и несколько лет заниматься музыкой вместе с тобой, Эрлейном, и Катрианой, и с танцовщицами, и с человеком, умеющим играть на сиринье.

— Но? — спрашивает Сандре.

— Но он тот, кто всех нас спас, это каждый знает, и каждый знает, кто он сейчас. После двенадцати лет скитаний он знает больше значительных людей в каждой провинции, чем кто-либо другой. Это он заставил всех нас увидеть будущее. И он, кроме того, принц Тиганы, и в самом расцвете сил. Боюсь, — при этом слове он морщится, — что не вижу, как он сможет этого избежать, даже если бы захотел. Думаю, для Алессана все только начинается.

Они несколько мгновений молчат.

— А как ты? — спрашивает Дэвин. — Ты пойдешь с ним? Чего тебе хочется?

Баэрд улыбается.

— Чего мне хочется? Ничего настолько возвышенного. Мне бы очень хотелось найти сестру, но я начинаю понимать, что она исчезла, и я, возможно, никогда не узнаю, куда или как. Я буду рядом, как только понадоблюсь Алессану, но больше всего мне хочется строить. Дома, храмы, мосты, дворец, полдюжины башен здесь, в Авалле. Мне необходимо видеть, как они растут, и я... Наверное, это часть того же самого желания, но я хочу завести семью. Нам нужно, чтобы здесь снова появились дети. Слишком много людей погибло. — Он на мгновение переводит взгляд на горы, потом обратно. — Мы с тобой, возможно, счастливчики, Дэвин. Мы не принцы, не герцоги, не чародеи. Мы всего лишь обыкновенные люди и можем начать жизнь сначала.

— Я же говорил тебе, что он ждет Элену, — мягко произносит Сандре. Это не насмешка, это голос друга, в нем звучит глубокая привязанность. Баэрд улыбается и снова смотрит вдаль.

И в это мгновение выражение его лица меняется, оно ярко вспыхивает от удовольствия.

— Смотрите! — кричит он. — Вот он едет!

С юга, по извилистой горной дороге среди холмов, которой не пользовались сотни лет, движется многоцветный караван, растянувшись на большое расстояние. Рядом с ним и впереди играет музыка, едут верхом и идут мужчины и женщины, двигаются мулы и лошади, груженные товарами, по крайней мере пятьдесят знамен полощутся на ветру. И теперь музыка доносится до них троих, радостная и веселая, и все цвета радуги вспыхивают на утреннем солнце: Мариус, король Квилеи, едет вниз с горного перевала на свадьбу своего друга.

Он должен провести ночь в святилище, где его официально будет приветствовать Верховный жрец Эанны — которого он помнит как человека, много лет назад доставившего к нему через горы четырнадцатилетнего мальчика. В Авалле ждут баржи, чтобы утром отвезти его по реке до Тиганы.

Но право первого приветствия принадлежит Баэрду, от имени Алессана, и он попросил их обоих поехать сюда вместе с ним.

— Вперед! — кричит он теперь с радостным лицом и посылает своего коня вниз по крутой тропе. Дэвин и Сандре переглядываются и спешат за ним.

— Никогда не пойму, — кричит Дэвин, когда они нагоняют Баэрда, — как можно так радоваться при виде человека, который называет тебя Вторым Голубком.

Сандре восторженно смеется. Баэрд громко хохочет и грозит Дэвину кулаком. Они трое все еще смеются, придерживая коней перед зарослями кустов сонрай у широкой дуги поворота дороги, ведущей вниз.

И именно здесь они видят ризелку, трое мужчин видят ризелку, сидящую на камне у залитой солнцем дороги, и ее длинные волосы цвета морской зелени развеваются на крепнущем ветру.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЬВЫ АЛЬ-РАССАНА. Роман

Пролог . . . 9

ЧАСТЬ I

Глава 1 . . . 12
Глава 2 . . . 31
Глава 3 . . . 47
Глава 4 . . . 73

ЧАСТЬ II

Глава 5 . . . 102
Глава 6 . . . 115

ЧАСТЬ III

Глава 7 . . . 141
Глава 8 . . . 164
Глава 9 . . . 210

ЧАСТЬ IV

Глава 10 . . . 232
Глава 11 . . . 261
Глава 12 . . . 292
Глава 13 . . . 326
Глава 14 . . . 352

ЧАСТЬ V

Глава 15 . . . 389
Глава 16 . . . 418
Глава 17 . . . 445
Глава 18 . . . 472
Эпилог . . . 497

ТИГАНА. Роман

Пролог 511

ЧАСТЬ I. *КЛИНОК В СЕРДЦЕ*

Глава 1 516
Глава 2 523
Глава 3 546
Глава 4 558
Глава 5 591
Глава 6 616

ЧАСТЬ II. *ДИАНОРА*

Глава 7 648
Глава 8 691

ЧАСТЬ III. *УГОЛЕК К УГОЛЬКУ*

Глава 9 732
Глава 10 781
Глава 11 805
Глава 12 840

ЧАСТЬ IV. *ЦЕНА КРОВИ*

Глава 13 864
Глава 14 889
Глава 15 916
Глава 16 952

ЧАСТЬ V. *ВОСПОМИНАНИЕ ПЛАМЕНИ*

Глава 17 987
Глава 18 1022
Глава 19 1049
Глава 20 1068
Эпилог 1109

Литературно-художественное издание

Гай Гэвриел Кей

ЛЬВЫ АЛЬ-РАССАНА
ТИГАНА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редакторы *В. Татаринов, Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректоры *М. Фирстова, М. Пыкина*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Пола Юлла*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 20.10.2005.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага офс. Усл. печ. л. 58,8. Уч.-изд. л. 65,0.
Тираж 5000 экз. Заказ 8577.

ISBN 5-699-14151-0

9 785699 141517 >

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф

Гай Гэвриел

КЕЙ

Guy Gavriel Kay

ISBN 978-5-699-20744-2

9 785699 207442 >

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ Ф